

1-2
1897

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ЯНВАРЬ.

МОСКВА.

Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пименовская ул., собств. домъ.

1897.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ОСВОБОЖДЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ. Лирическая драма въ четы- рехъ актахъ. Перскъ Виши Шелли. Переводъ съ англійскаго Н. Д. Бальмонта	1
II. АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ОСТРОВСКІЙ. (По моимъ вос- поминаніямъ).—С. В. Максимова	36
III. АРМАТУРА. Романъ Поля Эрвэ. Переводъ съ французскаго. <i>Продолженіе</i>	65
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Мих. Гербановскаго	103
V. МІРСКОЕ ДНТЯ. Разсказъ Маріи Эберъ фонъ-Эшенбахъ. Пе- реводъ съ нѣмецкаго Н. К.	104
VI. РЕСПУБЛИКА КАМЕНОЛОМОВЪ. (Недѣля въ Санъ-Марино).— Вас. И. Немировича-Данченка	148
VII. МАЛЕНЬКІЕ РАБОТНИКИ. (Замѣтки и впечатлѣнія).—Виктора Липягина	168
VIII. УГОЛОКЪ КОЛХИДЫ.—В. Я. Свѣтлова	177
IX. НА ЯСНОМЪ БЕРЕГУ. Повѣсть Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л.	214
X. ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕРЕПИСКИ К. Д. КАВЕЛИНА	221
XI. ЗВѢРЬ ВЪ ЧЕЛОВѢКЪ. (Дюре Рейнъ), (Изъ семейной хро- ники). Романъ Юнаса Лх. Перев. съ датск. А. и П. Ганзенъ.	224
XII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—В. Полтавцева	262
XIII. ВСЕОБЩЕЕ ОБУЧЕНІЕ ВЪ МАЛОНАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТНО- СТЯХЪ И ШКОЛЬНАЯ СЪБЪ.—В. П. Вахтерова	1
XIV. ЛИЧНЫЯ И ИМУЩЕСТВЕННЫЯ ОТНОШЕНІЯ МЕЖДУ СУ- ПРУГАМИ.—А. И. Загоровскаго.	29
XV. БАБЪ ЗАНИМАТЬСЯ СТАТИСТИКОЙ.—А. Ѳ. Фортунатова	48
XVI. НАЧАЛО СКЕПТИЧЕСКАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ ИТАЛІИ. (The skeptics of the Italian Renaissance).—Евг. Тарле.	60
XVII. ГЕНРИКЪ ВЕРГЕЛАНДЪ. Очеркъ.—П. Ганзенъ	82
XVIII. ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ИЗЪ ИСТОРИИ ЗАПОРОЖСКАГО КОЗАЧЕСТВА.—Д. И. Зварническаго	99

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

КНИГА I.

МОСКВА.

1897.

70 XND
AIRBORNE

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered 3/29/84

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о.

AP 50
R 875
v. 181-2
MAIN

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. ОСВОБОЖДЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ. Лирическая драма въ четырёхъ актахъ. Пероъ Вяше Шелли. Переводъ съ англійскаго Н. Д. Бальмонта.	1
II. АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ОСТРОВСКІЙ. (По моимъ воспоминаніямъ).—С. В. Максимова	36
III. АРМАТУРА. Романъ Поля Эрвѣ. Переводъ съ французскаго. <i>Продолженіе</i>	65
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Мих. Гербановскаго	103
V. МІРСКОЕ ДИТЯ. Разсказъ Маріа Эбнеръ фонъ-Эшенбахъ. Переводъ съ нѣмецкаго Н. К.	104
VI. РЕСПУБЛИКА КАМЕНОЛОМОВЪ. (Недѣля въ Санъ-Марино).—Вас. И. Немировича-Данченна	148
VII. МАЛЕНЬКІЕ РАБОТНИКИ. (Замѣтки и впечатлѣнія).—Виктора Липягина	168
VIII. УГОЛОВЪ КОЛХИДЫ.—В. Я. Свѣтлова	177
IX. НА ЯСНОМЪ БЕРЕГУ. Повѣсть Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л.	214
X. ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕРЕПИСКИ К. Д. КАВЕЛИНА	221
XI. ЗВѢРЬ ВЪ ЧЕЛОВѢКЪ. (Дюре Рейнгъ). (Изъ семейной хроники). Романъ Йозаса Лх. Перев. съ датск. А. и П. Ганзенъ	224
XII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—В. Полтавцева	262
XIII. ВСЕОБЩЕЕ ОБУЧЕНІЕ ВЪ МАЛОНАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТНОСТЯХЪ И ШКОЛЬНАЯ СѢТЬ.—В. П. Вахтерова	1
XIV. ЛИЧНЫЯ И ИМУЩЕСТВЕННЫЯ ОТНОШЕНІЯ МЕЖДУ СУПРУГАМИ.—А. И. Загоровскаго	29
XV. БАБЪ ЗАНИМАТЬСЯ СТАТИСТИКОЙ.—А. Ф. Фортунатова.	48

	Стр.
XVI. НАЧАЛО СКЕПТИЧЕСКАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ ИТАЛІИ. (The skeptics of the italian Renaissance).—Евр. Тарле.	60
XVII. ГЕНРИГЪ ВЕРГЕЛАНДЪ. Очеркъ.—П. Ганзенъ	82
XVIII. ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ИЗЪ ИСТОРІИ ЗАПОРОЖСКАГО БОЗАЧЕСТВА.—Д. М. Зварниціаго	99
XIX. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—И. И. Иванюкова	116
XX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Отчетъ государственнаго контроля объ исполненіи росписи на 1895 годъ.—Вторая сессія сельско-хозяйственнаго совѣта.—Ея бесплодность.—По поводу студенческихъ безпорядковъ	136
XXI. ОПОВЕРЖЕНІЕ. (Печатается по распоряженію Главнаго Управленія по дѣламъ печати)	148
XXII. 1896 ГОДЪ ВЪ ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ. — В. А. Гольцева	151
XXIII. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: «Малый театръ»: <i>Црна жизни</i> , драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, соч. Вл. И. Немировича-Данченка.— <i>Въ новой семьѣ</i> , драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, соч. Владиміра Александрова. Ан.—Музыкальная хроника.—А. Б.	159
XXIV. ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ НАБЛЮДЕНІЙ.—О. Т. В.	171
XXV. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книжки: Беллетристика.—Философія, психологія, педагогика.—Исторія, исторія литературы, автобіографіи и біографіи.—Политическая экономія.—Юридическія книги.—Естествознаніе.—Техническія книги.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Учебники, книги для дѣтскаго чтенія.—Изданія для народа. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», декабрь.—«Русское Богатство», ноябрь.—«Сѣверный Вѣстникъ», декабрь.—«Образованіе», 1896 г.—«Дѣтскій Отдыхъ», май—декабрь.—«Дѣтское Чтеніе», февраль 1896 г.—январь 1897 г. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 декабря 1896 г. по 1 января 1897 г.	1
XXVI. ОБЪЯВЛЕНІЯ	1

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ.

Лирическая драма въ четырехъ актахъ.

Перси Биши Шелли.

Переводъ съ англійскаго.

1820—1896.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Греческіе трагики, заимствуя свои сюжеты изъ національной исторіи или мѣлологіи, при разработкѣ ихъ соблюдали извѣстный сознательный произволъ. Они отнюдь не считали себя обязанными держаться общепринятаго толкованія или подражать, въ повѣствованіи и въ заглавіи, своимъ соперникамъ и предшественникамъ. Подобная система привела бы ихъ къ отреченію отъ тѣхъ самыхъ цѣлей, которыя служили побудительнымъ мотивомъ для творчества, отъ желанія достигъ превосходства надъ своими соперниками. Исторія Агамемнона была воспроизведена на афинской сценѣ съ такимъ количествомъ вариаций, сколько было самыхъ драмъ.

Я позволилъ себѣ подобную же вольность. «Освобожденный Прометей» Эсхила предполагалъ примиреніе Юпитера съ его жертвой, какъ отплату за разоблаченіе опасности, угрожавшей его власти отъ вступленія въ бракъ съ Гетидой. Согласно съ такимъ разсмотрѣніемъ сюжета, Гетида была дана въ супруги Пелею, а Прометей, съ соизволенія Юпитера, былъ освобожденъ отъ плѣнничества Геркулесомъ. Еслибъ я построилъ мой разсказъ по этому плану, я не сдѣлалъ бы ничего иного, кромѣ попытки возстановить утраченную драму Эсхила, и еслибы даже мое предпочтеніе къ этой формѣ мѣлотки сюжета побудило меня дѣлать такой честолюбивый замыселъ, мысль о дерзкомъ сравненіи, которую вызвала бы подобная попытка, пресѣчь ее. Но, говоря правду, я испытывалъ отвращеніе къ такой мѣ развязкѣ, какъ примиреніе Поборника человѣчества съ его Утѣснителемъ. Моральный интересъ вымысла, столь мощнымъ образомъ поддержанный страданіемъ и непреклонностью Прометея, исчезъ бы, еслибъ мы себя представили, что онъ отказался отъ своего гордаго языка и преклонился передъ торжествующимъ и коварнымъ противникомъ.

Единственное созданіе воображенія сколько-нибудь похожее на Прометея, это Сатана, и на мой взгляд Прометей представляет изъ себя болѣе поэтической характеръ, чѣмъ Сатана, такъ какъ, — не говоря уже о храбрости, величіи и твердомъ сопротивленіи всемогущей силѣ, — его можно представить себѣ лишеннымъ тѣхъ недостатковъ, честолюбія, зависти, мстительности и жажды возвеличенія, которые въ героѣ «Потеряннаго Рая» вступаютъ въ конфликтъ съ интересомъ. Характеръ Сатаны порождаетъ въ умѣ вредную казуистику, заставляющую насъ сравнивать его ошибки съ его несчастіями и извинять первыя потому, что вторыя превышаютъ всякую мѣру. Въ умахъ тѣхъ, кто разсматриваетъ этотъ грандіозный замыселъ съ религіознымъ чувствомъ, онъ порождаетъ нѣчто еще худшее. Между тѣмъ Прометей является типомъ высшаго моральнаго и интеллектуальнаго совершенства, повинующимся самымъ чистымъ безкорыстнымъ мотивамъ, которые ведутъ къ самымъ прекраснымъ, къ самымъ благороднымъ цѣлямъ.

Данная поэма почти цѣликомъ была написана на горныхъ развалинахъ терръ Каракаллы, среди цвѣтущихъ прогалинь и густыхъ кустарниковъ, покрытыхъ пахучими цвѣтами, распространяющихся въ видѣ все болѣе и болѣе запутанныхъ лабиринтовъ по огромнымъ терасамъ и головокружительнымъ аркамъ, висящимъ въ воздухѣ. Яркое голубое небо Рима, вліяніе пробуждающейся весны, такой могучей въ этомъ божественномъ климатѣ, и новая жизнь, которой она опьяняетъ душу, были вдохновеніемъ этой драмы.

Образы, разработанные мною здѣсь, во многихъ случаяхъ извлечены изъ сферы движеній человѣческаго ума или изъ сферы тѣхъ внѣшнихъ дѣйствій, которыми они выражаются. Въ современной поэзіи это пріемъ необычный, хотя Данте и Шекспиръ полны аналогичныхъ примѣровъ, — и Данте болѣе, чѣмъ кто-либо другой и съ наибольшимъ успѣхомъ прибѣгалъ къ данному пріему. Но греческіе поэты, какъ писатели знавшіе рѣшительно о всѣхъ средствахъ пробужденія симпатіи въ сердцахъ современниковъ, пользовались этимъ сильнымъ рычагомъ часто. Пусть же мои читатели приищутъ эту особенность изученію античныхъ произведеній, потому что въ какой-нибудь другой, болѣе высокой, заслугѣ мнѣ, вѣроятно, будетъ отказано.

Я долженъ сказать нѣсколько чистосердечныхъ словъ относительно той степени, въ которой изученіе современныхъ произведеній могло повліять на мою работу, ибо именно такой упрекъ дѣлался относительно поэмы гораздо болѣе популярной, чѣмъ моя, и несомнѣнно заслуживающихъ гораздо большей популярности. Невозможно, чтобы человѣкъ, живущій въ одну эпоху съ такими писателями, какъ тѣ, что стоятъ въ первыхъ рядахъ нашей литературы, могъ добросовѣстно утверждать, будто его азыкъ и направление его мыслей могли не претерпѣть измѣненій отъ изученія созданъ этихъ исключительныхъ умовъ. Достоверно, что, если не характеръ ихъ генія, то формы, въ которыхъ онъ сказался, обязаны не столько ихъ индивидуальнымъ особенностямъ, сколько особенностямъ моральнаго и интеллектуальнаго состоянія тѣхъ умовъ, среди которыхъ онѣ создались. Извѣстно

число писателей такимъ образомъ обладаетъ формой, но имъ недостаетъ духа тѣхъ, кому будто бы они подражаютъ; дѣйствительно, форма есть какъ бы аксессуаръ эпохи, въ которую они живутъ, а духъ долженъ являться самопроизвольною вспышкой ихъ собственнаго ума.

Особенный стиль, отличающій современную англійскую литературу, — напряженная и выразительная фантастичность, — если его разсматривать какъ силу общую, не былъ результатомъ подражанія какому-нибудь отдѣльному писателю. Масса способностей во всякій періодъ остается въ сущности одной и той же; обстоятельства, побуждающія ее къ дѣятельности, непрерывно мѣняются. Еслибъ Англія была раздѣлена на сорокъ республикъ, причемъ каждая по размѣрамъ и населенію равнялась бы Аѳинамъ, нѣтъ никакого основанія сомнѣваться, что, при учрежденіяхъ не болѣе совершенныхъ, тѣмъ учрежденія аѳинскія, каждая изъ этихъ республикъ создала бы философовъ и поэтовъ равныхъ тѣмъ, которые никогда не были превзойдены, если только мы исключимъ Шекспира. Великимъ писателямъ золотого вѣка нашей литературы мы обязаны пламеннымъ пробужденіемъ общественнаго мнѣнія, низвергнувшимъ наиболѣе древнія и наиболѣе притѣснительныя формы ортодоксальныхъ предрасудковъ. Мильтону мы обязаны прогрессомъ и развитіемъ того же самаго духа: пусть вѣчно помнятъ, что священный Мильтонъ былъ республиканцемъ и смѣлымъ изслѣдователемъ въ области морали и религіи. Великіе писатели нашей собственной эпохи, какъ мы имѣемъ нѣкоторое основаніе предполагать, являются создателями и предшественниками какой-то неожиданной перемѣны въ условіяхъ нашей социальной жизни или въ мнѣніяхъ, являющихся для нихъ цементомъ. Умы слагаются въ тучу, она разряжается своей коллективной молніей, и равновѣсіе между учрежденіями и мнѣніями теперь восстанавливается или близко къ восстановленію.

Что касается подражанія, поэзія есть искусство мимическое. Она создаетъ, но она создаетъ посредствомъ комбинированія и изображенія. Поэтическія отвлеченія прекрасны и новы — не потому, что тѣ элементы, изъ которыхъ они составлены, не имѣли предварительнаго существованія въ умѣ челоуѣба или въ природѣ, а потому, что все въ цѣломъ, будучи создано ихъ комбинированіемъ, даетъ нѣкоторую мыслимую и прекрасную аналогію съ этими источниками мысли и чувства и съ современными условіями ихъ развитія; великій поэтъ представляетъ изъ себя шедевръ природы, и другой поэтъ не только долженъ его изучать, но и непремѣнно изучаетъ. Еслибъ онъ рѣшился исключить изъ сферы своего созерцанія все пресное, что существуетъ въ произведеніяхъ какого-нибудь великаго сочинителя, это было бы такъ же неразумно и такъ же трудно, какъ прильнуть своему уму не быть болѣе зеркаломъ всего прекраснаго, что есть природѣ. Такая задача была бы претензіей для каждаго, хотя бы сао великаго, и даже у него въ результатѣ получились бы напряженность, стесненность и отсутствіе силы. Поэтъ представляетъ изъ себя сочеліе извѣстныхъ внутреннихъ способностей, измѣняемыхъ другими, и из-

вѣстныхъ вѣшнихъ вліяній, возбуждающихъ и поддерживающихъ эти способности; онъ является такимъ образомъ олицетвореніемъ не одного элемента, а двухъ. Въ этомъ отношеніи каждый человѣческій умъ измѣняется подъ воздѣйствіемъ всѣхъ предметовъ природы и искусства, подъ воздѣйствіемъ всякаго слова, всякаго внушенія, которому онъ позволилъ вліять на свое сознаніе; онъ—какъ зеркало, гдѣ отражаются всѣ формы, сочетаясь въ одну. Поэты, также какъ философы, живописцы, скульпторы и музыканты, являются въ одномъ отношеніи товарищами своей эпохи, въ другомъ—ея созданіями. Отъ такой подчиненности не могутъ уклониться даже высшіе умы. Есть извѣстное сходство между Гомеромъ и Гезіодомъ, Эсхиломъ и Еврипидомъ, Виргилиемъ и Горациемъ, Данте и Петраркой, Шекспиромъ и Флетчеромъ, Драйденомъ и Попомъ; въ каждомъ изъ нихъ есть общая родовая черта, подъ господствомъ которой формируются ихъ индивидуальныя отличія. Если такое сходство, есть результатъ подражанія, охотно признаюсь, что я подражалъ.

Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы засвидѣтельствовать, что мною руководило чувство, которое шотландскій философъ весьма мѣтко охарактеризовалъ, какъ «страстное желаніе реформировать міръ». Какая страсть побуждала его написать и опубликовать свою книгу, этого онъ не объясняетъ. Что касается меня, я предпочелъ бы скорѣе быть осужденнымъ вмѣстѣ съ Платономъ и лордомъ Бэкономъ, чѣмъ быть въ небесахъ вмѣстѣ съ Палемъ и Мальтусомъ. Однако, было бы ошибкой предполагать, что я посвящаю мои поэтическія произведенія единственной задачѣ—усиливать непосредственно духъ реформы, или что я смотрю на нихъ какъ на произведенія въ той или иной степени содержащія какую-нибудь, созданную разсудкомъ, систему человѣческой жизни. Дидактическая поэзія мнѣ отвратительна; то, что можетъ быть одинаково хорошо выражено въ прозѣ, въ стихахъ является претенціознымъ и противнымъ. Моею задачей до сихъ поръ было—дать возможность наиболѣе избранному классу читателей съ поэтическимъ вкусомъ обогатить утонченное воображеніе идеальными красотами нравственного превосходства; я знаю, что до тѣхъ поръ, пока умъ не научится любить, преклоняться, вѣрить, надѣяться, добиваться,—разсудочные принципы моральнаго поведенія будутъ сѣменами, брошенными на торную дорогу жизни, и беззаботный путникъ будетъ топтать ихъ, между тѣмъ какъ они должны были принести для него жатву счастья. Еслибъ мнѣ суждено было жить для совершенія моей задачи, т.-е. для составленія систематическаго повѣствованія о томъ, что представляется мнѣ неподдѣльными элементами человѣческаго общежитія, защитника несправедливости и суевѣрія не могли бы льстить себя той мыслью, будто Эсхила я беру охотнѣе своимъ образцомъ, нежели Платона.

Говоря о себѣ съ свободой, чуждой аффектаціи, я не нуждаюсь въ самозащитѣ передъ лицомъ людей чистосердечныхъ; что касается иныхъ, пусть они примутъ во вниманіе, что, искажая вещи, они оскорбятъ не столько меня, сколько свой собственный умъ и свое собственное сердце.

Какимъ бы талантомъ ни обладалъ человѣкъ, хотя бы самымъ ничтожнымъ, онъ обязанъ имъ пользоваться, разь этотъ талантъ можетъ сколько-нибудь служить для развлечения и поученія другихъ: если его попытка окажется неудавшейся, несовершенная задача будетъ для него достаточнымъ наказаніемъ; пусть же никто не утруждаетъ себя, громоздя надъ его усиліями прахъ забвенія; гуча пыли въ этомъ случаѣ укажетъ на могилу, которая иначе осталась бы неизвѣстной.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

<i>Прометей.</i>	<i>Азія</i>	} Океаниды.
<i>Демогоргонъ.</i>	<i>Пантея</i>	
<i>Юпитеръ.</i>	<i>Іона</i>	} Призракъ Юпитера.
<i>Земля.</i>	<i>Духъ Земли.</i>	
<i>Океанъ.</i>	<i>Духъ Часовъ.</i>	} Духи, Эхо, Фавны.
<i>Аполлонъ.</i>	<i>Духи, Эхо, Фавны.</i>	
<i>Меркурій.</i>	<i>Фуріи.</i>	
<i>Геркулесъ.</i>		

А Б Т Ъ П Е Р В Ы Й.

Сцена.—Индійскій Кавказъ, ущелье среди скалъ, покрытыхъ льдомъ. Надъ пропастью прикованъ Прометей. Пантея и Іона сидятъ у его ногъ.—Ночь.—

По мѣрѣ развитія сцены медленно занимается разсвѣтъ.

Прометей. Монархъ боговъ и демоновъ могучихъ,
 Монархъ всѣхъ духовъ, кромѣ одного!
 Передъ тобой—блестящія свѣтила,
 Несчетные летучіе міры;
 Изъ всѣхъ, кто живъ, кто дышетъ,—только двое
 На нихъ глядятъ безсонными очами:
 Лишь ты и я! Взгляни съ высотъ на землю,
 Смотри, тамъ нѣтъ числа твоимъ рабамъ;
 Но что-жь ты имъ даешь за ихъ молитвы,
 За всѣ хвалы, колѣнопреклоненья,
 За гекатомбы гибнущихъ сердець?—
 Презрѣнье, страхъ, бесплодную надежду.
 И въ ярости слѣпой ты мнѣ, врагу,
 Далъ царствовать въ триумфъ безконечномъ
 Надъ собственнымъ моимъ несчастьемъ горькимъ,
 Надъ местию неудавшейся твоей—
 Три тысячи какъ будто вѣчныхъ лѣтъ,
 Исполненныхъ безсонными часами,
 Мгновеньями такихъ жестокихъ пытокъ,

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Что каждый мигъ казался дольше года,—
Сознаніе, что я одинъ въ борьбѣ,
Сознаніе, что нѣтъ нигдѣ пріюта,
И боль тоски, отчаянье, презрѣнье—
Вотъ царство, гдѣ царить досталось мнѣ.
Въ немъ больше славы, вѣчной и лучистой,
Чѣмъ тамъ, гдѣ ты царишь на пышномъ тронѣ,
Котораго я не взялъ бы себѣ.
Могучій богъ, ты былъ бы всемогущимъ,
Когда бы я съ тобою сталъ дѣлать
Позоръ твоей жестокой тиранніи,
Когда бы здѣсь теперь я не висѣлъ,
Прикованный къ стѣнѣ горы гигантской,
Смѣющейся надъ дерзостью орла,
Безмѣрной, мрачной, мертвенно-холодной,
Лишенной травъ, животныхъ, насѣкомыхъ,
И формъ и звуковъ жизни. Горе мнѣ!
Тоска! Тоска всегда! Тоска навѣки!

Ни отдыха, ни проблеска надежды,
Ни ласки сна! И все же я терплю.
Скажи, Зѣмля, граниту горъ не больно?
Ты, Небо, ты, всевидящее Солнце,
Скажите, эти пытки вамъ не видны?
Ты, Море, область бурь и тихихъ сновъ,
Небесъ далекихъ зеркало земное,
Скажи, ты было глухо до сихъ поръ,
Не слышало стenanій агоніи?
О, горе мнѣ! Тоска! Тоска навѣки!

Меня тѣснятъ враждебно ледники,
Пронзаютъ остріемъ своихъ кристалловъ,
Морозно-лунныхъ; цѣпи, точно змѣи,
Вѣдаются, сжимаютъ до костей
Объятіемъ—и жгучимъ, и холоднымъ.
Юпитера крылатая собака
Нечистымъ клявомъ, дышащимъ отравой,
Въ груди моей на части сердце рветъ;
И полчища видѣній безобразныхъ,
Исчадія угрюмой сферы сновъ,
Вокругъ меня собираются съ насмѣшкой;

Землетрясеня демонамъ свирѣпымъ
 Довѣрена жестокая забава —
 Изъ ранъ моихъ дрожащихъ дергать гвозди,
 Когда за мной стѣна бездушныхъ скалъ
 Раздвинется, чтобъ тотчасъ вновь сомннуться:
 Межъ тѣмъ какъ духи бурь изъ бездъ гудящихъ
 Торопятъ дикимъ воемъ ярость вихря,
 Бѣгутъ, спѣшатъ нестройною толпой,
 И бьютъ меня, и хлещутъ острымъ градомъ.

И все же мнѣ желанны день и ночь,
 Блѣднѣетъ ли туманъ сѣдого утра,
 Покорный свѣту солнечныхъ лучей,
 Восходитъ ли по тусклому Востоку,
 Межъ тучъ свинцовыхъ, Ночь въ одеждѣ звѣздной,
 Медлительна и грустно-холодна, —
 Они влекутъ семью часовъ безкрылыхъ,
 Ползучую лѣнивую толпу,
 И между ними будетъ часъ урочный,
 Тебя онъ свергнетъ, яростный Тиранъ,
 И вынудить — стереть лобзаньемъ жаднымъ
 Потоки крови съ этихъ блѣдныхъ ногъ,
 Хотя они тебя топтать не будутъ,
 Такимъ рабомъ потеряннымъ гнушаясь.
 Гнушаясь? Нѣтъ, — о, нѣтъ! Мнѣ жаль тебя.
 Какъ будешь ты ничтожно-беззащитенъ,
 Какая гибель будетъ властно гнать
 Отверженца въ бездонныхъ сферахъ Неба!
 Твоя душа, растерзанная страхомъ,
 Откроется, зіяя точно адъ!
 Въ моихъ словахъ нѣтъ гнѣва, много скорби,
 Ужъ больше я не въ силахъ ненавидѣть:
 Связозъ тьму скорбей я къ мудрости пришелъ.
 Когда-то я дышалъ проклятьемъ страшнымъ,
 Теперь его хотѣлъ бы я услышать,
 Чтобъ взять его назадъ. Внемлите, Горы,
 Чье эхо чары горькаго проклятья
 Разсыпало, развѣяло кругомъ,
 Гремя стозвучно въ хорѣ водопадовъ!
 О, льдистые холодные Ключи,
 Покрытые морщинами Мороза,

Вы дрогнули, услышавши меня,
 Вы съ трепетомъ тогда сползли съ утесовъ
 И въ Индію поспѣшно потекли!
 Ты, ясный Воздухъ, гдѣ блуждаетъ Солнце,
 Пылая безъ лучей! И вы, о, Вихри,
 Безгласно вы повисли между скаль,
 Съ безжизненно-застывшими крылами
 Вы замерли надъ пропастью притихшей,
 Межъ тѣмъ какъ Громъ, что былъ сильнѣй, чѣмъ вашъ,
 Заставилъ міръ земной дрожать со стономъ!
 О, если тѣ слова имѣли власть, —
 Хоть зло во мнѣ теперь навѣкъ погасло,
 Хоть ненависти собственной моей
 Я болѣе не помню, — все-жъ прошу васъ,
 Молю, не дайте имъ теперь погибнуть!
 Въ чемъ было то проклятье? Въ чемъ? Скажите!
 Вы слушали, вы слышали тогда!

Первый Голосъ: Изъ Горъ.

Много дней и ночей, много сотенъ вѣковъ,
 Наполнялись мы лавой кипучей,
 И, какъ люди, подъ бременемъ тяжкихъ оковъ,
 Содрогались толпою могучей.

Второй Голосъ: Отъ Источниковъ.

Насъ пронзали стремительныхъ молній огни,
 Осквернялись мы горькою кровью,
 И внимали стенаньямъ свирѣпой рѣзни,
 И дивились людскому злословью.

Третій Голосъ: Изъ Воздуха.

Съ первыхъ дней бытія надъ землей молодой
 Я блисталъ по высотамъ и склонамъ,
 И не разъ и не два мой покой золотой
 Былъ смущенъ укориженнымъ стономъ.

Четвертый Голосъ: Отъ Вихрей.

У подножія горъ мы крутились вѣка,
 Мы внимали громовымъ ударамъ,
 И смотрѣли, какъ лавы несется рѣка

Изъ вулкановъ, объятыхъ пожаромъ,
 Не умѣли молчать и, чтобъ вѣчно звучать,
 Мы желаньемъ ломали Безмолвья печать,
 Отдаваясь ликующимъ чарамъ.

Первый Голосъ.

Но лишь однажды ледники
 До основанья пошатнулись,
 Когда мы съ ужасомъ согнулись
 Въ отвѣтъ на крикъ твоей тоски.

Второй Голосъ.

Всегда стремясь къ пустынь моря,
 Одинъ лишь разъ во тьмѣ время
 Промчали мы протяжный стонъ
 Нечеловѣческаго горя.
 И вотъ морякъ, на днѣ ладьи
 Лежавшій въ сонномъ забытѣ,
 Услышалъ ревъ пучины шумной,
 Вскочилъ,—и, вскрикнувъ: «Горе мнѣ!»—
 Онъ въ море бросился, безумный,
 И скрылся въ черной глубинѣ.

Третій Голосъ.

Внимая страшнымъ заклинаньямъ,
 Былъ такъ истерзанъ сводъ небесъ,
 Что между порванныхъ завѣсъ
 Рыданья вторили рыданьямъ;
 Когда-жъ лазурь сомкнулась вновь,
 По небу выступила кровь.

Четвертый Голосъ.

А мы ушли къ высотамъ спящимъ
 И тамъ дыханьемъ леденящимъ
 Сковали шумный водопадъ;
 Въ пещеры льдистыя бѣжали
 И тамъ испуганно дрожали,
 Глядя впередъ, глядя назадъ;
 Отъ изумленья и печали,
 Мы все молчали, *мы* молчали,
 Хотя для насъ молчанье — адъ.

Земля. Неровныхъ скалъ безгласныя пещеры
Тогда вскричали: «Горе!» Сводъ небесъ
Отвѣтилъ имъ протяжнымъ воплемъ: «Горе!»
И волны моря, пурпуромъ покрывшись,
Барабкались на землю съ громкимъ воемъ,
Толпа вѣтровъ хлестала ихъ бичомъ,
И блѣдые, дрожащіе народы
Внимали долгій возгласъ: «Горе! Горе!»

Прометей. Я слышу смутный говоръ голосовъ,
Но собственный мой голосъ дней далекихъ
Не слышенъ мнѣ. О, мать моя, зачѣмъ
Глумишься ты съ толпой своихъ созданий
Надъ тѣмъ, безъ чьей упорной твердой воли
Исчезла-бъ ты съ семьей своихъ дѣтей
Подъ бѣшенствомъ свирѣпаго Тирана,
Какъ легкій дымъ незримо исчезаетъ,
Развѣянный дыханіемъ вѣтровъ.
Скажи мнѣ, вы не знаете — Титана,
Кто въ горечи своихъ терзаній жгучихъ
Нашелъ преграду вашему врагу?
Вы, горныя зеленыя долины,
Источники, питаемые снѣгомъ,
Чуть видныя глубоко подо мной,
Лѣсовъ тѣнистыхъ смутныя громады,
Гдѣ съ Азіей когда-то я бродилъ,
Встрѣчая жизнь въ ея глазахъ любимыхъ, —
Зачѣмъ теперь тотъ духъ, что васъ живить,
Гнушается бесѣдовать со мною?
Со мною, кто одинъ вступилъ въ борьбу
И всталъ лицомъ къ лицу съ коварной силой
Властителя заоблачныхъ высотъ,
Насмѣшливо глядящаго на землю,
Гдѣ стопами измученныхъ рабовъ
Наполнены безбрежныя пустыни.
Зачѣмъ же вы безмолствуете? Братья!
Дадите ли отвѣтъ?

Земля. Они не смѣютъ.

Прометей. Но кто-жъ тогда посмѣетъ? Я хочу
Опять услышать звуки заклинанья.
А! Что за страшный шепотъ пробѣжалъ, —
Встаетъ, растетъ! Какъ будто бы не звуки

Трепещутъ вкругъ меня, — а стрѣлы молній
 Дрожать, готовясь бурно разразиться.
 Стихійный голосъ Духа смутно шепчетъ,
 Онъ близится, все близится ко мнѣ,
 И я къ нему любовью проникаюсь.
 Скажи мнѣ, Духъ, какъ проглялъ я его?

Земля. Какъ можешь ты услышать голосъ мертвыхъ?

Прометей. Ты — Духъ живой. Скажи, какъ жизнь сама
 Сказала бы, ведя со мной бесѣду.

Земля. Я знаю рѣчь живыхъ, но я боюсь, —
 Жестокій царь небесъ меня услышитъ
 И въ ярости привяжетъ къ колесу
 Какой-нибудь свирѣпой новой пытки,
 Большой, чѣмъ та, которую терплю.
 Въ тебѣ добро, ты можешь все постигнуть,
 Твоя любовь свѣтла, — и если боги
 Не слышать этотъ голосъ, — ты услышишь,
 Ты болѣе, чѣмъ богъ, — ты мудрый, добрый:
 Такъ слушай же внимательно теперь.

Прометей. Какъ сумрачныя тѣни, быстрымъ роємъ,
 Въ моемъ умѣ встаютъ и таютъ мысли,
 И вновь трепещутъ страшную толпой.
 Я чувствую, что все во мнѣ смѣшалось,
 Какъ въ томъ, кто слился съ кѣмъ-нибудь въ объятьи;
 Но въ этомъ нѣтъ восторга.

Земля. Нѣтъ, о, нѣтъ, —
 Услышать ты не можешь, ты безсмертенъ,
 А эта рѣчь понятна только тѣмъ,
 Кто долженъ умереть.

Прометей. Печальный голосъ!
 Но кто же ты?

Земля. Я мать твоя, Земля.
 Та, въ чьей груди, въ чьихъ жилахъ каменистыхъ,
 Во всѣхъ мельчайшихъ фибрахъ, — до листовъ,
 Трепещущихъ на призрачныхъ вершинахъ
 Деревьевъ высочайшихъ, — билась радость,
 Какъ будто кровь въ живомъ и тепломъ тѣлѣ,
 Когда отъ этой груди ты воспрянулъ,
 Какъ духъ вилучій радости живой,
 Какъ облако, пронизанное солнцемъ!
 И виявъ твой голосъ, всѣ мои сыны

Приподняли измученныя лица,
 Покрытыя обычной грязной пылью,
 И нашъ Тиранъ, жестокий и всевластный,
 Въ испугѣ жгучемъ сталъ дрожать, блѣднѣть,
 Пока не грянулъ громъ ему въ защиту, —
 И ты, Титанъ, пригованъ былъ къ скалѣ.
 И вотъ, взгляни на эти миллионы
 Мировъ, что мчатся въ пляскѣ круговой,
 Со всѣхъ сторонъ пылая вѣчнымъ блескомъ:
 Ихъ жители, взирая на меня,
 Увидѣли, что свѣтъ мой гаснетъ въ небѣ;
 И встало море съ ропотомъ протяжнымъ,
 Приподнятое властью странной бури;
 И столбъ огня, невиданнаго прежде,
 Подъ гнѣвомъ неба всталъ изъ снѣжныхъ горъ,
 Тряса своей мохнатой головою;
 Въ равнинахъ былъ потопъ — и стрѣлы молній,
 Цвѣли волчцы средь мертвыхъ городовъ;
 И тамъ, гдѣ прежде нѣжились хлѣба,
 И тамъ, гдѣ были травы луговые,
 Мелькнули ядовитые цвѣты,
 И сорною толпой зашевелились,
 И высосали грудь мою корнями,
 И грудь моя изсохла отъ тоски;
 Мое дыханье, — воздухъ утонченный, —
 Мгновенно потемнѣло, запятналось
 Той ненавистью жгучей, что возникла
 У матери къ врагу ея дѣтей,
 Къ врагу ея возлюбленнаго чада;
 Я слышала проклятіе твое,
 И если ты теперь его не помнишь, —
 Мои моря, пещеры, сонмы горъ,
 Мои ручьи, и тотъ далекій воздухъ,
 И вѣтры, и несчетныя громады
 Невнятно говорящихъ мертвецовъ
 Хранять его, какъ талисманъ завѣтный.
 Мы въ радованьи тайномъ размышляемъ,
 Надѣмся на страшныя слова,
 Но вымолвить не смѣемъ.

Прометей. Мать моя!

Все, что живетъ, что бьется и страдаетъ,

Находить утѣшенье у тебя;
 Цвѣты, плоды и радостные звуки,
 И сладкую, хоть бѣглую любовь;
 Не мой удѣлъ — извѣдать это счастье,
 Но я свои слова прошу назадъ,
 Отдай ихъ мнѣ, молю, не будь жестокой.

Земля. Ты долженъ ихъ услышать. Такъ внимай же!
 Въ тѣ дни, какъ не былъ прахомъ Вавилонъ,
 Мой мудрый сынъ, кудесникъ Зороастръ,
 Въ саду блуждая, встрѣтилъ образъ свой.
 Изъ всѣхъ людей одинъ лишь онъ увидѣлъ
 Видѣнїе такое. Знай, что есть
 Два міра жизни, два — пустынной смерти:
 Одинъ изъ нихъ ты видишь, созерцаешь,
 Другой сокрытъ въ глубинахъ преисподнихъ,
 Въ туманномъ обиталищѣ тѣней
 Всѣхъ формъ, что дышуть, чувствуютъ и мыслятъ,
 Покуда смерть ихъ вмѣстѣ не сведетъ
 Навѣкъ туда, откуда нѣтъ возврата.
 Тамъ сны людей, ихъ свѣтлыя мечтанья,
 И все, чему упорно сердце вѣритъ,
 Чего надежда ждетъ, любовь жемлетъ;
 Толпы видѣній, образовъ ужасныхъ,
 Возвышенныхъ, и странныхъ, и таящихъ
 Гармонію спокойной красоты;
 Въ тѣхъ областяхъ и ты висишь, какъ призракъ,
 Страданьемъ искаженный, между горъ,
 Гдѣ бурные гнѣздятся ураганы;
 Всѣ боги тамъ, всѣ царственные силы
 Міровъ неизреченныхъ, сонмы духовъ,
 Тѣней огромныхъ, властью облеченныхъ,
 Герои, люди, звѣри; Демогоргонъ,
 Чудовищнаго мрака воплощенье;
 И онъ, Тирапъ верховный, на престолѣ
 Огнисто-золотомъ. Узнай, мой сынъ,
 Одинъ изъ этихъ призраковъ промолвитъ
 Слова проклятья, памятнаго всѣмъ, —
 Какъ только воззовешь протяжнымъ зовомъ,
 Свою ли тѣнь, Юпитера, Гадеса,
 Тирана, или тѣхъ боговъ сильнѣйшихъ,
 Властителей дробящагося Зла,

Что въ мирѣ распложаются обильно
 Съ тѣхъ поръ какъ ты погибъ, со дня, какъ стонуть
 Мои сыны, поруганныя чада.
 Спроси, они должны тебѣ отвѣтить,
 Спроси, и въ этихъ призракахъ безплотныхъ
 Отмщеніе Всевышняго забьется, —
 Какъ бурный дождь, гонимый быстрымъ вѣтромъ,
 Врывается въ покинутый чертогъ.

Прометей. О, мать моя, хочу, чтобъ злое слово
 Не высказано было мной опять
 Иль кѣмъ-нибудь, въ комъ сходство есть со мною.
 Подобіе Юпитера, явись!

Юна. Брылами скрыла я глаза.
 Брылами мой окутанъ слухъ, —
 Но чу! мнѣ слышится гроза,
 Но вотъ! встаетъ какой-то духъ.
 Сквозь мягкихъ перьевъ бѣлизну
 Я вижу темную волну, —
 И свѣтъ потухъ!
 О только-бъ не было вреда
 Тебѣ, чьи боли намъ больны,
 Чьи пытки видимъ мы всегда,
 Съ кѣмъ мы страдать должны.

Пантея. Подземный смерчъ гудитъ вокругъ,
 Звучитъ гряда разбитыхъ горъ
 Ужасенъ духъ, какъ этотъ звукъ,
 На немъ изъ пурпура уборъ.
 Своею жилистой рукой
 Онъ держитъ посохъ золотой.
 О, страшный взоръ!
 Свирѣпъ огонь глубокихъ глазъ,
 Тотъ свѣточъ ненависть зажгла,
 Онъ точно хочетъ мучить насъ,
 Но самъ не терпитъ зла.

Призракъ Юпитера. Зачѣмъ сюда велѣнье тайныхъ силъ,
 Что властвуютъ надъ этимъ міромъ страннымъ,
 Въ раскатахъ бурь закинуло меня,
 Непрочное пустое привидѣнье?
 Вдругъ устъ моихъ какіе звуки рѣютъ?
 Не такъ во мракѣ, блѣдными устами,

Толпа видѣній шепчетъ межъ собой.

И ты скажи, страдалецъ гордый,— кто ты?

Прометей. Ужасный образъ! Вотъ таковъ, какъ ты
И онъ, Тиранъ свирѣпый, тотъ, чьей тѣнью
Ты долженъ быть. Я врагъ его, Титанъ.
Скажи слова, которыя услышать
Желалъ бы я, хотя глухой твой голосъ
Не будетъ отраженьемъ думъ твоихъ.

Земля. Внимайте всѣ, сдержавши голосъ эхо,
Сѣдя горы, древнѣе лѣса,
Семьи ручьевъ, цвѣтами окруженныхъ,
Пророческихъ пещеръ, ключей, бѣгущихъ
Верху пышныхъ островковъ,—ликуйте всѣ,
Внимая звукамъ страшнаго заклатья,
Ботораго не можете сказать.

Призранъ Юпитера. Какой-то духъ, меня своею силой
Окутавши, бесѣдуетъ во мнѣ.

Онъ рветъ меня, какъ тучу— стрѣлы молній

Пантея. Смотрите! онъ глядитъ могучимъ взглядомъ,
Надъ нимъ темнѣетъ небо.

Иона. Еслибъ скрыться!

Буда бы скрыться мнѣ! Онъ говоритъ.

Прометей. Въ его движеняхъ, гордыхъ и холодныхъ,
Проклятѣ сквозить. Я вижу взоры,
Въ нихъ свѣтится безстрашный вызовъ, твердость,
Отчаянье и ненависть,—и все
Какъ будто бы записано на свиткѣ.

О, говори, скорѣе говори!

Призранъ Юпитера. Заклятый врагъ! Свирѣпствуй! Будь готовъ
Исчерпать все, безумство, злобу, страсти;
Тиранъ людского рода и боговъ,—
Есть духъ одинъ, что выше дикой власти.

Я здѣсь! Смотри! Бичуй меня

Морозомъ, извою огня,

Громи вѣтрами, градомъ, бурей,

Какъ вѣстникъ ужаса приди,

За болью боль нагромози,

Гони ко мнѣ скорѣй толпу голодныхъ фурій!

А! Сдѣлай все! Тебѣ запрета нѣтъ.

Ты всемогущъ,—собой лишь не владѣешь,

Да тѣмъ, что я хочу. Источникъ бѣды!

Ты бременемъ надъ миромъ тяготѣешь.
 Пытай на медленномъ огнѣ
 Меня и всѣхъ, кто дорогъ мнѣ;
 Гонимый злобой въроломной,
 Достигни грани роковой,
 А я, съ поднятой головой,
 Взгляну, какъ будешь ты гремѣть изъ тучи темной.
 Но помни, богъ и царь среди боговъ,
 Ты, чьей душой исполненъ миръ мученій,
 Ты, правящій подъ громкій звонъ оковъ
 И жаждущій колѣнопреклоненій,
 Тебя, мучитель, проклялъ я,
 Съ тобою ненависть моя,
 Она тебя отравитъ ядомъ,
 Вънецъ, въ которомъ будетъ зло,
 Тебѣ надѣнетъ на чело,
 На тронѣ золотомъ съ тобою сядетъ рядомъ.
 Будь проклятъ! Знай: тебѣ придетъ пора,
 Одинъ, ты встрѣтишь вражескую Вѣчность,
 И, зло любя, познаешь власть добра,
 Извѣдаешь мученій безконечность.
 Да будетъ! Дѣлай зло—и жди!
 Потомъ къ возмездію приди,—
 Лишенный царскаго убранства,
 Исчерпавъ бѣшенство и ложь,
 Позорнымъ плѣнникомъ падешь,
 Въ безбрежности временъ, въ безбрежности пространства!
 Прометей. Скажи, о, Мать, мои слова то были?
 Земля. Твои слова.
 Прометей. Мнѣ жаль. Они безплодны.
 Я не хочу, чтобъ кто-нибудь страдалъ.
 Земля. О, гдѣ для горя взять мнѣ силы!
 Теперь Юпитеръ побѣдилъ.
 Ревн, гремучій Океанъ,
 Поля, покройтесь кровью ранъ,
 О, духи мертвыхъ и живыхъ,
 Рыдайте въ мукахъ огневыхъ,
 Земля отвѣтитъ вамъ на стонъ,—
 Кто былъ защитой вамъ, разбитъ и побѣжденъ!
 Первое Эхо. Разбитъ и побѣжденъ!
 Второе Эхо. И побѣжденъ!

Юна. Не бойтесь: это лишь порывъ,
Титанъ еще не побѣжденъ;
Но тамъ, взгляните за обрывъ,
    За снѣжный горный склонъ:
Воздушный призракъ тамъ спѣшить,
Подъ нимъ лазурь небесъ дрожить,
Брутится тучекъ длинный рядъ;
Блестя отдѣлкой дорѣгой,
Его сандалии горять;
Подъятой правою рукою
Какъ будто онъ грозитъ, — и въ ней
Сверкаетъ жезлъ, и вокругъ жезла
То меркнетъ свѣтъ, то вспыхнетъ мгла, —
    Играютъ кольца змѣй.

Пантея. Юпитера герольдъ, спѣшитъ Меркурій.

Юна. А тамъ за нимъ? Несчетная толпа, —
Видѣнія съ желѣзными крылами,
Съ кудрями гидры, — вотъ они плывутъ,
Ихъ воплями смущенъ далекий воздухъ,
И гнѣвный богъ, нахмурившись, грозитъ имъ.

Пантея. Юпитера прожорливые псы,
Въ раскатахъ бурь бѣгущія собаки,
Которыхъ онъ накармливаетъ кровью,
Когда несется въ сѣрныхъ облакахъ,
Предѣлы неба громомъ разрывая.

Юна. Куда-жъ они теперь спѣшать
Неисчислимыми толпами?
Покинувъ пытокъ темный адъ,
Питаться новыми скорбями!

Пантея. Титанъ глядитъ не гордо, но спокойно.

1-я фуриѣ. А! Запахъ жизни здѣсь я слышу!

2-я фуриѣ. Дай мнѣ

Лишь заглянуть въ лицо ему!

3-я фуриѣ. Надежда

Его терзать мнѣ сладостна, какъ мясо
Гниющихъ тѣлъ на стихшемъ полѣ битвы
Для хищныхъ птицъ.

1-я фуриѣ. Еще ты будешь медлить,

Герольдъ! Впередъ, смѣлѣй, собаки Ада!
Когда же Майи сынъ намъ пищу дастъ?

Бто можетъ Всемогущему надолго
Угоднымъ быть?

Меркурій. Назадъ! Бъ желѣзнымъ башнямъ,
Голодными зубами скрежешите
Вблизи потока воплей и огня.
Ты, Геріонъ, возстань! Приди, Горгона!
Химера, Сфинксъ, изъ демоновъ хитрѣйшій,
Что Фивамъ далъ небесное вино,
Отравленное ядомъ, — далъ уродство
Чудовищной любви, страшнѣйшей злобы:
Они за васъ свершать задачу вашу.

1-я фурія. О, сжался, сжался! Мы умремъ сейчасъ
Отъ нашего желанья. Не гони насъ.

Меркурій. Тогда лежите смирно и молчите. —
Страдалецъ грозный, я къ тебѣ пришлъ
Безъ всякаго желанья, противъ воли,
Иду, гонимый тягостнымъ велѣньемъ
Всевышняго отца, дабы свершить
Замышленную пытку новой мести.
Мнѣ жаль тебя, себя я ненавижу
За то, что сдѣлать большаго не въ силахъ;
Увы, едва вернусь я отъ тебя,
Какъ небо представляется мнѣ адомъ, —
И день и ночь преслѣдуетъ меня
Измученный, истерзанный твой образъ
Съ улыбкой укоризненной. Ты — мудрый,
Ты — кроткій, добрый, твердый, — но зачѣмъ же
Напрасно ты упорствуешь одинъ
Въ борьбѣ со Всемогущимъ? Иль не видишь,
Что яркіе свѣтильники небесъ,
Медлительное время измѣряя,
Тебѣ гласятъ о тщетности борьбы,
И будутъ вновь и вновь гласить все то же.
И вотъ опять Мучитель твой, задумавъ
Тебя подвергнуть мукамъ, страшной властью
Облекъ тѣ силы злыя, что въ Аду
Неслышанныя пытки измышляютъ.
Мой долгъ — вести сюда твоихъ враговъ,
Нечистыхъ, ненасытныхъ, изощренныхъ
Въ свирѣпости, — и здѣсь оставить ихъ.
Зачѣмъ, зачѣмъ? Вѣдь ты же знаешь тайну,

Сокрытую отъ всѣхъ живыхъ существъ,
 Способную исторгнуть власть надъ небожъ
 Изъ рукъ того, кто ея облеченъ,
 И дать ее другому: этой тайны
 Страшится нашъ верховный Повелитель.
 Одѣнь ее въ слова, и пусть она
 Придетъ къ его стопамъ, какъ твой заступникъ;
 Склони свой духъ къ молебъ, и будь, какъ тотъ,
 Кто молится въ великолѣпномъ храмѣ,
 Согнувъ колѣна, гордость позабывъ:
 Ты знаешь, что даянье и покорность
 Смиряютъ самыхъ дѣвкихъ, самыхъ сильныхъ.

Прометей. Злой умъ мѣняетъ доброе согласно
 Своей природѣ. Кто его облекъ
 Могучей властью? Я! А онъ въ отплату
 Меня сковалъ на мѣсяцы, на годы,
 На долгіе вѣка,—и Солнце жжетъ
 Исохшую, израненную кожу,—
 И холодъ Ночи снѣжные кристаллы,
 Смѣясь, бросаетъ въ волосы мои,
 Въ то время, какъ мои любимцы, люди,
 Для слугъ его потѣхой стали. Такъ-то
 Тиранъ платитъ умѣть за добро!
 Что-жь, это справедливо: злая души
 Принять добра не могутъ: дай имъ миръ,—
 Въ отвѣтъ увидишь страхъ, и стыдъ, и злобу,
 Но только не признательность. Онъ мститъ мнѣ
 За рядъ своихъ же низкихъ злодѣяній.
 Для душъ такихъ добро—больнѣй упрека,
 Оно терзаетъ, ранитъ ихъ, и жалитъ,
 И спать имъ не даетъ, твердя о мести.
 Покорности онъ хочетъ? Нѣтъ ея!
 И что сокрыто въ томъ фатальномъ словѣ?
 Глухая смерть и рабство для людей.
 Покорность—сицилійскій мечъ, дрожащій
 На волоскѣ надъ царскою короной,—
 Онъ могъ бы взять ее, но я не дамъ.
 Другіе пусть потворствуютъ злодѣйству,
 Пока оно, безчинствуя, царитъ.
 Имъ нечего бояться: Справедливость,
 Достигнувъ торжества, карать не будетъ,

А только съ состраданіемъ оплачетъ
Мученія свои... И вотъ я жду.

А часъ возмездья близится, и даже
Пока мы рѣчь ведемъ, онъ ближе сталъ.
Но слышишь—то ревуть собаки Ада,
Скорѣй, не медли, небо омрачилось,
Нахмурился во гнѣвъ твой отецъ.

Меркурій. О, еслибъ можно было намъ избѣгнуть:
Тебѣ—страданій, мнѣ—постылой кары
Быть вѣстникомъ твоихъ скорбей. Отвѣтъ мнѣ,
Ты знаешь, сколько времени продлится
Владычество Юпитера?

Прометей. Одно лишь
Открыто мнѣ: оно должно пройти.

Меркурій. Увы, не можешь ты исчислить, сколько
Еще придетъ къ тебѣ жестокихъ мукъ!

Прометей. Пока царить Юпитеръ, будутъ пытки—
Не менѣе, не болѣе.

Меркурій. Помедли,
Мечтой въ нѣмую Вѣчность погрузись,
Туда, гдѣ все, что Время записало,
Все то, что можемъ въ мысляхъ мы увидѣть
Вѣка, загроможденные вѣками,
Лишь точкой представляются,—куда
Смущенный умъ идти не можетъ больше,—
Въ предѣлы, гдѣ, уставши отъ полета,
Онъ падаетъ и кружится во тьмѣ,
Потерянный, ослѣпшій, неприютный,—
Быть можетъ даже тамъ ты счесть не сможешь
Всей бездны лѣтъ, которыя придуть
Съ безсмѣннымъ рядомъ новыхъ-новыхъ пытокъ!

Прометей. Быть можетъ умъ безсиленъ счесть мученья,—
И все-жъ они проходятъ.

Меркурій. Еслибъ ты
Могъ жить среди боговъ, обвиняя нѣгой!

Прометей. Мнѣ лучше здѣсь,—висѣть въ ущельи мертвомъ,
Не вѣдая раскаянья.

Меркурій. Увы!
Дивлюсь тебѣ, и все-жъ тебя жалѣю.

Прометей. Жалѣи рабовъ Юпитера покорныхъ,
Снядаемыхъ презрѣніемъ къ себѣ,

Меня жалѣть нельзя, мой духъ спокоенъ,
 Въ немъ ясный миръ царить, какъ въ солнцѣ—пламя.
 Но что слова! Зови скорѣй враговъ.

Иона. Сестра, взгляни, огонь бездымно-бѣлымъ
 Разбило стволъ того густого ведра,
 Окутаннаго снѣгомъ. Что за гнѣвъ
 Звучитъ въ раскатахъ яростнаго грома!

Меркурій. Его словашь, а также и твоимъ,
 Я долженъ быть послушенъ. Какъ мнѣ трудно!

Пантея. Смотри, ты видишь, тамъ дитя небесъ
 Бѣжитъ, скользитъ крылатыми ногами
 По косвенной покатости Востока.

Иона. Сестра моя, сверни скорѣе крылья,
 Закрой глаза: увидишь ихъ—умрешь:
 Они идутъ, идутъ, рожденье дня
 Несчетными крылами затемняя,
 Какъ смерть, пустыми снизу.

1-я фурія. Прометей!

2-я фурія. Титанъ безсмертный!

3-я фурія. Другъ людскаго рода!

Прометей. Тотъ, кто здѣсь слышитъ этотъ страшный голосъ, —
 Титанъ плѣненный, Прометей. А вы,
 Чудовищныя формы,—что вы, кто вы?
 Еще ни разу Адъ, всегда кишачій
 Уродствами, сюда не высылалъ
 Такихъ кошмаровъ гнусныхъ, порожденныхъ
 Умомъ Тирана, жаднымъ къ безобразью;
 Смотри на эти мерзостныя тѣни,
 Какъ будто бы я дѣлаюсь подобенъ
 Тому, что созерцаю,—и смѣюсь,
 И глазъ не отрываю, проникаясь
 Чудовищнымъ сочувствіемъ.

1-я фурія. Мы—слуги

Обмановъ, пытокъ, страха, преступленья
 Богтистаго и дѣикаго; всегда,
 Подобныя собакамъ исхудалымъ,
 Что жадно гонять раненую лань,
 Мы гонимся за всѣмъ, что плачетъ, бьется,
 Живеть и намъ дается на забаву,
 Когда того захочетъ высшій царь.

Прометей. О, множество ужаснѣйшихъ созданий

Подъ именемъ однимъ! Я знаю васъ.
И гладь озеръ, и стонущее эхо
Знакомы съ шумомъ вашихъ темныхъ крылъ.
Но все-жь зачѣмъ другой, кто васъ ужаснѣй,
Изъ бездны вызвалъ ваши легіоны?

2-я фурія. Не знаемъ. Сестры, сестры, наслаждайтесь!

Прометей. Что можете въ безобразии ликовать?

2-я фурія. Влюбленные, взирая другъ на друга,
Отъ прелести восторга веселяются:
Равно и мы. И какъ отъ яркихъ розъ
Воздушный свѣтъ струится, нѣжно-алый,
На блѣдное лицо склоненной жрицы,
Для праздника сілетающей вѣнокъ,
Тагъ съ нашихъ жертвъ, съ ихъ мрачной агоніи,
Струится тѣнь и падаетъ на насъ,
Давая вмѣстѣ съ формой одѣянье,
А то бы мы безъ образа дышали,
Какъ наша мать, безформенная Ночь.

Прометей. Смѣюсь надъ вашей властію, надъ тѣмъ,
Кто васъ послалъ сюда для низкой цѣли.
Презрѣнные! Исчерпайте всѣ пытки!

1-я фурія. Не думаешь ли ты, что мы начнемъ
Срывать отъ кости кость и нервъ отъ нерва?

Прометей. Моя стихія—боль, твоя—свирѣпость.
Терзайте. Что мнѣ въ томъ!

2-я фурія. Да ты какъ будто
Узналъ, что мы всего лишь посмѣемся
Въ твои глаза, лишённые рѣсницъ!

Прометей. Что дѣлаете вы, о томъ не мыслю,
А думаю, что вы должны страдать,
Живя дыханьемъ зла. О, какъ жестоко
То властное велѣніе, которымъ
Вы созданы, и все, что тагъ же низко.

3-я фурія. Подумалъ ли о томъ, что мы способны
Тобою жить, въ тебѣ, черезъ тебя,
Одна, другая, третья, всей толпою,
И если омрачить не можемъ душу,
Горящую внутри,—мы сядемъ рядомъ,
Какъ праздная крикливая толпа,
Что портитъ ясность духа самыхъ мудрыхъ.
Въ твоемъ умѣ мы будемъ страшной думой,

Желаньемъ грязнымъ—въ сердцѣ изумленномъ,
И кровью въ лабиринтѣ жилъ твоихъ,
Ползущей жгучимъ ядомъ агоніи.

Прометей. Иначе быть не можете. А я

По-прежнему—владыка надъ собою
И роюмъ пытокъ такъ же управляю,
Какъ вами—вашъ Юпитеръ.

Хоръ фуриі. Отъ предѣловъ земли, отъ предѣловъ земли,

Гдѣ и Утро и Ночь полусумракъ сплели,—

Бъ намъ сюда, къ намъ сюда!

Вы, отъ возгласовъ чьихъ стонъ стоять на холмахъ,

Въ часъ, когда города разсыпаются въ прахъ,

Вы, что мчитесь межъ тучъ, разрушенье творя

И безкрылой стопой возмущая моря,

Вы, что гоните смерчъ, промелькнувшій вдали,

Чтобъ со смѣхомъ губить и топить корабли,—

Бъ намъ сюда, къ намъ сюда!

Бросьте сонныхъ мертвецовъ,

Тѣхъ, что дремлютъ сномъ въковъ;

Дайте отдыхъ лютой злобѣ,

Пусть до времени она

Спитъ, какъ въ тихомъ, черномъ гробѣ,—

Встанетъ свѣжей послѣ сна,—

Радость вашего возврата.

Бросьте юные умы,—

Въ нихъ дыханіе возврата

Вскормить бѣшенство чумы.

Пусть безумецъ тайну Ада

Не измѣритъ силой взгляда;

Новымъ ужасомъ смущенъ,

Пусть надъ нимъ помедлить сонъ.

Бъ намъ сюда, къ намъ сюда!

Мы бѣжимъ изъ мрачныхъ вратъ,

Сзади воевъ шумный Адъ,

Мы плывемъ,

Громъ усилилъ свой раскатъ,

Васъ на помощь мы зовемъ!

а. Сестра, я слышу грохотъ новыхъ крыльевъ.

и тея. Оплоты скалъ дрожать отъ этихъ звуковъ,

Какъ чуткій воздухъ. Сонны ихъ тѣней

Рождаютъ мракъ темнѣе черной ночи.

- 1-я фурія. Бѣ намъ домчался быстрый зовъ,
Насъ умчалъ среди вѣтровъ,
Съ красныхъ пажитей войны;
- 2-я фурія. Прочь отъ людныхъ городовъ;
- 3-я фурія. Гдѣ всѣ улицы полны
Стономъ тѣхъ, кто хочетъ ѣсть;
- 4-я фурія. Гдѣ всечастно льется кровь,
Гдѣ страдающихъ не счесть;
- 5-я фурія. Гдѣ пылаютъ вновь и вновь,
Въ яркомъ пламени печей,
Бѣлыхъ, жаркихъ—

Одна изъ фурій. Стой, молчи,
Вмигъ прервемъ потокъ рѣчей,
Не шепчи:
Если въ тайнѣ сохранимъ,
Въ чемъ—страшнѣйшая бѣда,
Непокорнаго тогда
Мы скорѣ побѣдимъ,
Мы его поработимъ,

А теперь, поборникъ мысли, онъ еще неуворотимъ.

Фурія. Порви покровъ!

Другая фурія. Онъ порванъ, онъ разорванъ!

Хоръ. Встала, выросла бѣда!
Съ неба свѣтитъ на нее
Утра блѣдная звѣзда.
Что, спокойствіе свое
Позабылъ, Титанъ?
Ты падешь,
Не снесешь
Новыхъ ранъ!

Что-жь, ты похвалишь то знанье, что въ душахъ людей пробудилъ?
Дать имъ сумѣлъ только жажду,—а чѣмъ же ты ихъ напоилъ?
Далъ имъ надежду, желанья, любви лихорадочный бредъ,
Воды ключей мелководныхъ,—безплодный вопросъ,—не отвѣтъ.

Видишь мертвыя поля,
Видишь, видишь, вся земля
Бровью залита.
Вотъ пришелъ одинъ, съ душой
Нѣжной, кроткой и святой;
Молвили уста
Тѣ слова, что будутъ жить

Послѣ смерти этихъ усть,
 Будутъ истину душишь,
 Будетъ миръ угрюмъ и пусть.
 Видишь, дальній небосклонъ
 Дымомъ яростнымъ смущенъ:
 Въ многолюдныхъ городахъ
 Крикъ отчаянья и страхъ.
 Плачетъ нѣжный духъ того,
 Кто страдалъ отъ слезъ людскихъ:
 Броткимъ именемъ его
 Губять тысячи другихъ.
 Вотъ, взгляни еще, взгляни:
 Гдѣ-жъ блестящіе огни?
 Точно искрится свѣтлякъ,
 Чуть смущая лѣтній мракъ.
 Тлѣютъ угли,—вкругъ углей
 Сонмъ испуганныхъ тѣней,
 Всѣ глядятъ по сторонамъ.
 Радость, радость, радость намъ!

Всѣ вѣна время прошедшихъ громоздятся вкругъ тебя,
 Мракъ въ грядущемъ, всѣ столѣтья помнятъ только про себя,
 Настоящее простерлось, какъ подушка изъ шиповъ,
 Для тебя, Титанъ безсонный, для твоихъ надменныхъ сновъ
 1-й полухоръ. Агонія верхъ взяла:

Онъ трепещетъ, онъ дрожить,
 Съ поблѣднѣвшаго чела
 Бровь мученія бѣжить.
 Пусть немного отдохнетъ:
 Вотъ, обманутый народъ
 Отъ отчаянья возсталъ,
 Полднемъ яркимъ заблесталъ,
 Правды хочеть, правды ждетъ,
 Воли духъ его ведетъ,—
 Всѣ какъ братья стали вновь,
 Ихъ зоветъ дѣтьми Любовь—

2-й полухоръ. Стой, гляди, еще народъ,
 Братъ на брата, всѣ на всѣхъ,
 Жатву пышную сберетъ
 вмѣстѣ съ смертью черный грѣхъ:
 Бровь, какъ новое вино,
 Шумно бродить, заодно

Съ горькимъ страхомъ,—гибнетъ мѣръ,
Тѣлетъ, гаснетъ,—и тирановъ, и рабовъ зоветъ на пиръ.

(Всѣ Фуріи исчезаютъ, кромѣ одной).

Иона. Сестра, ты слышишь, какъ благой Титанъ
Свободно стонетъ,—тихо, но ужасно,—
Какъ будто грудь его должна порваться:
Такъ бурный смерчъ взрываетъ глубь морей,
И стонуть вдоль по берегу пещеры.
Быть можетъ, ты осмѣлишься взглянуть,
Какъ люто враги его терзаютъ.

Пантея. Смотрѣла дважды,—больше не могу.

Иона. Что-жъ видѣла?

Пантея. Ужасное: прибитый
Бъ кресту, печальный юноша, со взоромъ,
Исполненнымъ терпѣнья.

Иона. Что еще?

Пантея. Бругомъ—все небо, снизу—вся земля
Усыяны толпой тѣней ужасныхъ,
Нѣмыхъ видѣній смерти человѣка,
Сплетенныхъ человѣческой рукой;
Иныя представляются созданьемъ
Людскихъ сердець: толпы людскія гибнутъ
Отъ одного движенья усть и глазъ;
Еще другія бродятъ привидѣнья,
На нихъ взглянуть—и послѣ жить нельзя.
Не станемъ искушать сильнѣйшей ужась,
Бъ чему смотрѣть, когда мы слышимъ стоны?

Фурія. Замѣть эмблему: кто выносить зло
За человѣка, кто гремитъ цѣпами,
Идетъ въ изгнанье,—тотъ лишь громоздитъ
И на себя и на него страданья
Все новыя и новыя.

Прометей. Смягчи

Мучительную боль очей горящихъ;
Пусть губы искаженные сомнутъ;
Пускай съ чела, увитаго шипами,
Не льется кровь,—мѣшается она
Съ росой глазъ твоихъ! О, дай орбитамъ,
Боторыя вращаются въ испугѣ,
Узнать недвижность смерти и покоя;

И пусть твоей угрюмой агоніей
 Не будет сотрясаться этот крестъ,
 И пальцы блѣдныхъ рукъ играть не будутъ
 Запекшеюся кровью! Не хочу
 Назвать тебя по имени. Ужасно!
 Оно проеяльемъ стало. Вижу, вижу
 Возвышенныхъ, и мудрыхъ, и правдивыхъ;
 Твои рабы ихъ съ ненавистью гонять;
 Иныхъ нечистой ложью отпугнули
 Отъ очага ихъ собственныхъ сердець,
 Оплаканнаго послѣ—слишкомъ поздно;
 Иные цѣпью скованы съ тѣлами,
 Гниющими въ темницахъ нездоровыхъ;
 Иные—чу! Толпа хохочетъ дико!—
 Прикованы надъ медленнымъ огнемъ.
 И множество могучихъ царствъ проходить,—
 Плывутъ у ногъ моихъ, какъ острова,
 Изъ глубины исторгнутые съ корнемъ;
 Ихъ жители—всѣ вмѣстѣ въ лужахъ крови,
 Въ грязи, облитой заревомъ пожаровъ.

Фурія. Ты видишь кровь, огонь; ты слышишь стоны;
 Но худшее, неслышимо, незримо,
 Сокрыто позади.

Прометей. Скажи!

Фурія. Въ душѣ
 У каждаго, кто пережилъ погибель,
 Рождается боязнь; высокій духомъ
 Боятся увидать, что вѣрно то,
 О чемъ онъ даже мыслить не хотѣлъ бы;
 Встаетъ обычай вмѣстѣ съ лицемѣрьемъ,
 Какъ капища, гдѣ молятся тому,
 Что совѣстью изношено. Не смѣя
 О томъ, что людямъ нужно, размышлять
 Они не сознають, чего не смѣютъ.
 У добраго нѣтъ власти, кромѣ той,
 Что позволяетъ плакать безнадежно.
 У сильныхъ нѣтъ того, что имъ нужнѣе,
 Чѣмъ что-нибудь другое, — доброты.
 Мудрецъ лишень любви, а тотъ, кто любить,
 Не знаетъ свѣта мудрости,—и въ мирѣ
 Все лучшее живетъ въ объятыхъ зла.

Для многихъ, кто богатъ и власть имѣть,
 Является мечтою справедливость,
 А между тѣмъ среди скорбящихъ братьевъ
 Они живутъ, какъ будто бы никто
 Не чувствовалъ: не знаютъ, что творять.

Прометей. Твои слова—какъ туча змѣй крылатыхъ,
 И все же я жалѣю тѣхъ, кого
 Не мучаютъ они.

Фурія. Ты ихъ жалѣешь?
 Нѣтъ больше словъ!

(Исчезаетъ).

Прометей. О, горе мнѣ! О, горе!
 Всегда тоска! Навѣки ужасъ пытки!
 Глаза мои, безъ слезъ, закрыты,—тщетно:
 Въ душѣ, терзаньемъ жгучимъ озаренной,
 Яснѣй лишь вижу всѣ твои дѣянья,
 Утонченный Тирани! Въ могилѣ—миръ.
 Въ могилѣ все скрывается благое,
 Прекрасное, но я, какъ богъ, безсмертенъ,
 И смерти не хочу искать. О, пусть,
 Свирѣпый царь, ты страшно мстить умѣешь,—
 Въ отмщеніи нѣтъ побѣды. Тѣ видѣнья,
 Боторыми ты мучаешь меня,
 Моей душѣ терпѣнья прибавляютъ,
 И часъ придетъ, и призраковъ не будетъ.

Пантея. Увы! Что видѣлъ ты?

Прометей. Есть два мученья:

Одно—смотрѣть, другое—говорить;
 Избавь меня отъ одного. И слушай:
 Въ святилищахъ Природы внесены
 Завѣтные слова,—то влечь безмолвный,
 Бъ высокому и свѣтлому зовущій.
 На тотъ призывъ, какъ человѣкъ одинъ,
 Сошлись народы, громко восклицая:
 «Любовь, свобода, правда!» Вдругъ съ небесъ
 Неистовство, какъ молнія, упало.
 Въ толпу людей,—борьба, обманъ и страхъ,—
 И вторгнулись тираны, раздѣляя
 Добычу межъ собою. Такъ я видѣлъ
 Тѣнь истины.

Земля. Возлюбленный мой сынъ,

Я чувствовала всё твои мученья
 Съ той смѣшанною радостью, что въ сердцѣ
 Встаётъ отъ чувства доблести и скорби.
 Чтобъ дать тебѣ вздохнуть, я позвала
 Прекрасныхъ легкихъ духовъ, чье жилище —
 Въ пещерахъ человѣческихъ умовъ;
 Какъ птицы рѣютъ крыльями по вѣтру,
 Такъ эти духи носятся въ эфирѣ;
 За нашимъ царствомъ сумерекъ они,
 Какъ въ зеркалѣ, грядущее провидать;
 Они придутъ, чтобъ усладить тебя.

Пантея. О, сестра, посмотри, тамъ собираются духи толпой,
 Точно хлопья играющихъ тучекъ на утрѣ весны,
 Наполняютъ просторъ голубой.

Юна. Посмотри, вонъ еще, какъ туманы среди тишины,
 Что встаютъ съ родника, если вѣтры усталые спать,
 И встаютъ, и спѣшать по оврагу скорѣй и скорѣй.
 Слышишь? Что это? Музыка сосень? Вершины шумять?
 Или озеро плещетъ? Иль шепчетъ ручей?

Пантея. Это что-то гораздо печальнѣй, гораздо нѣжнѣй.

Хоръ духовъ. Съ незапамятныхъ временъ
 Мы не дремлемъ надъ толпой
 Человѣческихъ племенъ,
 Угнетаемыхъ судьбой.
 Мы услада всѣхъ скорбей,
 Мы защитники людей,
 Мы печалимся о нихъ,
 Дышемъ въ помыслахъ людскихъ, —
 Въ нашемъ воздухѣ родномъ; —
 Если тамъ сгустится тьма,
 Если тамъ за лѣтнимъ днемъ
 Встанетъ бурная зима; —
 Или все опять свѣтло,
 Словно въ часъ, когда рѣка —
 Какъ недвижимое стекло,
 Гдѣ не таятъ облака; —
 Легче вольныхъ рыбъ морскихъ,
 Легче птицъ въ дыханьи бурь,
 Легче помысловъ людскихъ,
 Вѣчно мчащихся въ лазурь, —
 Въ нашемъ воздухѣ родномъ

Мы какъ тучки вешнимъ днемъ,
Ищемъ молній и зарницъ,
Медлимъ тамъ, гдѣ нѣтъ границъ.
Мы для всѣхъ, кто твердь въ борьбѣ,
Тотъ завѣтъ несемъ, любя,
Что кончается въ тебѣ,
Начинаясь отъ тебя.

Иона. Еще, еще приходятъ другъ за другомъ,
И воздухъ, окружающій видѣнья,
Блестателемъ, какъ воздухъ вокругъ звѣзды.

Первый духъ. Прочь отъ яростной борьбы,
Гдѣ сошлись на зовъ трубы
Возмущенные рабы,
Я летѣлъ среди зыбей,
Все скорѣй, скорѣй, скорѣй.
Все смѣшалось тамъ, какъ сонъ,
Тѣнь разорванныхъ знаменъ,
Тамъ глухой протяжный стонъ
Мчится въ меркнувшую твердь:
«Смерть! На бой! Свобода! Смерть!»
Но одинъ побѣдный звукъ,
Выше мрака и могилъ,
Выше судорожныхъ рукъ,
Всюду двигался и жилъ, —
Нѣжно въ яростной борьбѣ
Тотъ завѣтъ звучалъ, любя,
Что кончается въ тебѣ,
Начинаясь отъ тебя.

Второй духъ. Замокъ радуги стоялъ,
Въ морѣ снизу бился валъ;
Побѣдительно могучъ,
Призракъ бури прочь бѣжалъ,
Между плѣнныхъ, между тучъ;
Жгучихъ молній яркій лучъ
Пополамъ ихъ раздѣлялъ.
Посмотрѣлъ я внизъ — и вотъ
Вижу, гибнетъ мощный флотъ,
Точно щепки — корабли,
Бьются, носятся вдали,
Вотъ ихъ волны погребли, —
Точно адъ кругомъ возсталъ,

Бѣлой пѣной заблесталъ.
 Точно въ хрупкомъ челнокѣ,
 Плылъ спасенный, на доскѣ,
 Врагъ его не вдалекѣ,
 Обезсилавъ, шелъ во тьму, —
 Доску отдалъ онъ ему,
 Самъ, смиряясь, утонулъ,
 Но предъ смертію вздохнулъ,
 Былъ тотъ вздохъ воздушный грезъ,
 Онъ меня сюда принесъ.

Третій духъ. У постели мудреца

Я, незримый, молча ждалъ.
 Красный свѣтъ огня блисталъ
 Возлѣ блѣднаго лица:
 Книгу тотъ мудрецъ читалъ.
 Вдругъ на пламенныхъ крылахъ
 Началъ рѣять легкой Сонъ,
 Я узналъ, что это онъ,
 Тотъ же самый, что въ сердцахъ
 Много лѣтъ назадъ зажегъ
 Вдохновенъ и печаль,
 Ослѣпительный намекъ,
 Тѣнь огня, что манить вдалъ.
 Онъ меня сюда увлекъ —
 Быстро, быстро, точно взгляды.
 Прежде чѣмъ настанетъ день,
 Долженъ онъ летѣть назадъ,
 А не то сгустится тѣнь
 Въ сонныхъ думахъ мудреца,
 И, проснувшись, онъ весь день
 Не прогонитъ эту тѣнь
 Съ омраченнаго лица.

Четвертый духъ. У поэта на устахъ,

Какъ влюбленный, я дремалъ
 Въ упительныхъ мечтахъ.
 Онъ едва-едва дышалъ.
 Онъ не ищетъ нѣгъ земныхъ,
 Знаетъ ласки устъ иныхъ,
 Поцѣлуй красоты,
 Что живетъ въ глуши мечты.
 Любитъ онъ лелѣять взоръ, —

Не волнуясь, не ища,—
 Блескомъ дремлющихъ озеръ,
 Видомъ пчель въ цвѣтахъ плюща;
 Онъ не знаетъ, что предъ нимъ,
 Занять помысломъ однимъ:
 Изъ всего онъ создаетъ
 Стройность дышащихъ тѣней,
 Имъ дѣйствительность даетъ,
 Что прекраснѣй и полнѣй,
 Чѣмъ живущій человекъ,
 Долговѣчнѣй блѣдныхъ дней,
 И живетъ изъ вѣка въ вѣкъ.
 Изъ видѣній тѣхъ одно
 Сна разрушило звено,—
 Я скорѣй умчался прочь,
 Я хочу тебѣ помочь.

Иона. Ты видишь, два видѣнія сюда
 Отъ запада летятъ и отъ востока,
 Созданія воздушныхъ высшихъ сферъ,
 Какъ близнецы, какъ голуби, что мчатся
 Бъ родимому гнѣзду,—плывутъ, скользятъ,—
 Ты слышишь звуки нѣжныхъ пѣснопѣній,
 Плѣнительно-печальныхъ голосовъ,
 Съ любовью въ нихъ отчаянье смѣшалось.

Пантея. Ты говоришь! Во мнѣ слова погасли.

Иона. Ихъ красота даетъ мнѣ голосъ. Видишь,
 Какъ свѣтятся измѣнчивыя крылья,
 То облачно-пурпурныя, то вновь
 Лазурныя и нѣжно-золотыя;
 Улыбкой ихъ окрестный воздухъ дышетъ
 И свѣтится, какъ въ пламени звѣзды.

Хоръ духовъ. Ты видѣлъ нѣжный ликъ Любви?

Пятый духъ. Летѣлъ я надъ пустыней,

Какъ облачко, спѣшилъ, скользилъ въ пространствѣ
 тверди синей;

И этотъ призракъ ускользалъ на крыльяхъ искрометныхъ
 Звѣзда—въ челѣ, восторгъ живой—въ движеньяхъ бе
 заботныхъ;

Буда ни ступить, вмигъ цвѣты воздушныя блистаютъ,
 Но я иду,—они за мной, блѣднѣя, увядаютъ.

Зіяла Гибель позади: безглавые герои,

Толпы безумныхъ мудрецовъ, страдальцевъ юныхъ рон
Сверкали въ сумракѣ ночномъ. Блуждалъ я въ безднѣ
зыбкой,

Пока твой взоръ, о, царь скорбей, не скрасилъ все улыбкой.
Шестой духъ. О, духъ родной! Отчаянье живетъ въ нездѣшной
мглѣ,

Не носится по воздуху, не ходить по землѣ,
Придетъ оно безъ пороха, и вѣянемъ крыла
Навѣетъ упованія въ сердца, что выше зла,
И живое спокойствіе отъ тѣхъ безшумныхъ крылъ
Въ сердцахъ, что дышутъ нѣжностью, смиряетъ страст-
ный пылъ,

И музыка воздушная лелѣетъ ихъ тогда,
Баюкаетъ и шепчетъ имъ о счастья навсегда,
Зовутъ они Любовь къ себѣ, — чудовище земли, —
Пробудятся и скорбь найдутъ въ лохмотьяхъ и въ пыли
Хоръ. Пусть съ любовью Скорбь — какъ тѣнь,

Пусть за ней и ночь, и день,
Гибель мчится по пятамъ,
Бѣловрылый скачетъ конь,
Вѣстникъ Смерти, весь — огонь,
Смерть всему, цвѣтамъ, плодамъ,
Воплощенью красоты,
И уродливымъ чертамъ.
Пусть! Но часъ пробьетъ — и ты
Укротишь безумный бѣгъ.

Прометей. Вамъ открыто, что придетъ?

Хоръ. Если таетъ вешній снѣгъ,
Если стаялъ вешній ледъ, —
Опадаетъ старый листъ,
Мягкій вѣтеръ нѣжитъ слухъ,
Воздухъ ласковъ и душистъ,
И блуждающій пастухъ,
Торжествуя смерть зимы,
Ужъ предчувствуетъ и ждетъ,
Что шиповникъ зацвѣтетъ; —
Такъ и тамъ, гдѣ дышемъ мы,
Правда, мудрость и любовь,
Пробуждаясь къ жизни вновь,
Намъ, недремлющимъ въ борьбѣ,
Тотъ завѣтъ несутъ любя,

Что кончается въ тебѣ,
Начинаясь отъ тебя.

Юна. Буда же скрылись духи?

Пантея. Только чувство

Отъ нихъ осталось въ сердцѣ, — словно чары
Отъ музыки, въ тѣ свѣтлыя мгновенья,
Когда утихнетъ лютня, смолкнетъ голосъ,
Но отзвуки мелодіи нѣмой
Въ душѣ глубокой, чуткой, лабиринтной
Еще живутъ и будять долгій гулъ.

Прометей. Плънительны воздушныя видѣнья,
Но, чувствую, напрасны всѣ надежды,
Одна любовь вѣрна; и какъ далеко,
Ты, Азія, чье сердце предо мной,
Въ былые дни, открытое горѣло,
Какъ искристая чаша, принимая
Душистое и свѣтлое вино.
Все тихо, все мертво. Тяжелымъ гнетомъ
Висить надъ сердцемъ сумрачное утро;
И, еслибъ было мнѣ дано уснуть,
Мой смутный сонъ исполнился бъ тревогой.
О, какъ хотѣлъ бы я скорѣй свершить
Свое предназначенье — быть опорой,
Спасителемъ страдальца-человѣка;
А то — уснуть, безмолвно потонуть
Въ первичной безднѣ всѣхъ вещей, — въ пучинѣ,
Гдѣ нѣтъ ни сладкихъ нѣгъ, ни агоніи,
Гдѣ нѣтъ утѣхъ Земли и пытокъ Неба.

Пантея. А ты забылъ, что около тебя

Всю ночь, въ холодной мглѣ, тревожно дышетъ
Одна, чьи очи только и сомкнутся,
Когда надъ ней тѣнь духа твоего
Наклонится съ заботливостью нѣжной.

Прометей. Я говорилъ, что всѣ надежды тщетны,
Одна любовь вѣрна: ты любишь.

Пантея. Правда!

Люблю глубоко. Но звѣзда разсвѣта
Блѣднѣетъ на востогѣ. Я иду.
Ждетъ Азія тамъ, въ Индіи далекой,
Среди долинъ изгнанья своего, —
Гдѣ раньше были дикіе утесы,

Подобные морозному ущелью,
Свидѣтели твоихъ безсмѣнныхъ пытокъ,
Теперь же дышутъ нѣжные цвѣты,
Вдыхаютъ травы, отлиги лѣсные,
И звуки вѣтра, воздуха и водъ,
Присутствіемъ ея преображенныхъ,—
Всѣ чудныя созданія эѳира,
Которыя живутъ сляньемъ тѣснымъ
Съ твоимъ дыханьемъ творческимъ. Прости!

Н. Бальмонтъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Александръ Николаевичъ Островскій.

(По моимъ воспоминаніямъ).

Если съ Большой Лубянской площади пойти по Солянкѣ, мимо Опекунскаго Совѣта, въ которомъ нѣкогда находилась въ закладѣ и перезалогѣ почти вся помѣщичья Россія, повернуть налево, то ударишься (какъ говорятъ въ Москвѣ) въ узкій переулокъ. Огибая церковь Иоанна Предтечи и дѣлая длинное и кривое колѣно, Серебряническій переулокъ приводитъ на поперечную улицу. Прямо противъ устья переулка стоялъ неказистый деревянный домъ, обычнаго московскаго пошиба. Обшить онъ былъ тесомъ и покрашенъ темной коричневою краской; размѣрами небольшой, въ пять оконъ. Смотри на него съ улицы, казался онъ одноэтажнымъ, такъ какъ второй этажъ глядѣлъ окнами на свой и сосѣдній дворъ. Домъ стоялъ на самомъ низу, у подошвы горки, и начиналъ собою рядъ другихъ домовъ такого же узенькаго, но на этотъ разъ прямого переулка, примыкающаго на верхушкѣ къ церкви Никола въ Воробинѣ.

Московскому городскому обществу на этомъ некрасивомъ домѣ, слѣдуя добрымъ обычаямъ петербургскаго, уже не доведется прибить доску съ надписью, напоминающею о томъ, что, въ честь родного слова и во славу отечественнаго искусства, здѣсь жилъ и работалъ Александръ Николаевичъ Островскій. «И ста запустѣніе на мѣстѣ святѣ»: домовое мѣсто прорѣзано теперь новымъ переулкомъ, носящимъ иностранное имя, вѣроятно, того фабриканта, который взгромоздилъ тутъ же на углу безобразное зданіе своего заведенія, а противъ него выстроились два дома, покрашенные голубою краской.

Какъ все въ Москвѣ дышетъ почтенной и внушительной старинной и еще многое до сихъ поръ живетъ ея остаточнымъ наслѣдіемъ, такъ и это мѣсто, куда привели насъ личныя благодарныя воспо-

инанія, не лишено историческаго значенія, хотя и въ малыхъ раз-
мѣрахъ.

Прямо передъ окнами дома А. Н. Островскаго разстился об-
ширный пустырь, принадлежащій народнымъ банямъ, изстари на-
зывавшимся «серебряными», — и, вѣроятно, онѣ были первыми въ
Москвѣ общими и торговыми, по крайней мѣрѣ упоминаніе о нихъ
во владѣнныхъ старыхъ актахъ относится ко временамъ царя Але-
ксѣя. Черезъ сто лѣтъ послѣ него и ровно за столько же до нашихъ
дней какой-то заѣзжій иностранный художникъ остановился на нихъ,
зарисовалъ, отгравировалъ и раскрасилъ, посвятивъ свою картину
императору Павлу. Съ его соизволенія она дозволена была во все-
народное обращеніе (о чемъ и напечатано внизу) и, какъ библио-
графическая рѣдкость, попадаетъ въ двухъ вариантахъ. На обѣихъ
изображенъ этотъ самый передбаннй дворъ, въ томъ видѣ и обста-
новкѣ, когда общія бани, по самой сущности своего названія, дѣй-
ствительно были общими, т.-е. мытье производилось въ нихъ
японскимъ или вообще азіатскимъ обычаемъ, въ одномъ помещеніи
и лицами обоого пола совмѣстно и одновременно. На одной (рас-
крашенной) гравюрѣ по направленію къ голымъ фигурамъ моющихъ-
ся, степенно шествуетъ, съ пузатымъ главою впереди, купеческое
семейство полного состава отъ мала до велика. На другой гравюрѣ
(не иллюминированномъ экземплярѣ) группу красныхъ дѣвицъ, въ
тѣлогрѣяхъ и косыночкахъ, сопровождаетъ такая же группа доб-
рыхъ молодцевъ въ кучерскихъ шляпахъ. Надъ той и другой, на
заднемъ планѣ, двое рабочихъ взгромоздились на вышку и накачи-
ваютъ сюда, въ чанъ, ручнымъ рычагомъ воду изъ Яузы, зани-
мающей добрую половину рисунка, — ту воду, которая и въ то
время несомнѣнно не была пригодною. На самомъ заднемъ планѣ
уже дымитъ фабричная труба и виднѣется самое зданіе фабрики, из-
готовляющей для мелкой рѣвки густые, тяжелые и липкіе отбросы *).

Изъ оконъ второго этажа, который занималъ Александръ Нико-
лаевичъ въ 50 годахъ, и мы видали виды, которые также ушли въ
преданіе: выскакивали изъ банной двери такія же откровенныя фи-
гуры, какія изображены на павловскихъ гравюрахъ. Срывались онѣ,
очъ видно, прямо съ баннаго полка, потому что въ зимнее время
въ мѣ съ нихъ паръ. Оторопѣло выскочивъ, онѣ начинали валять-

Лѣтъ 5—6 тому назадъ и самыя бани, за ветхостью, скрыты съ лица земли и
на мѣны каменными постройками и дровянымъ складомъ, сдѣлавъ такимъ образомъ
рѣкую гравюру еще болѣе цѣнною въ глазахъ антикваріевъ. Только одинъ извоз-
чикъ, старикъ, отъ цѣлой биржи, вызвался довести насъ къ «серебрянымъ» банямъ,
и въ уже этого мѣста не знали: такъ коротка стала память современной молодежи.

ся съ боку на бокъ въ глубокихъ сугробахъ снѣга, который, конечно, не сгребался. Затѣмъ опрометью же эти очумѣлые люди бросались назадъ въ баню и стремительно на полокъ доколачивать, ласково и ругательно въ перемежку обращаясь къ парильщику, горячими намыленными вѣниками бѣлое тѣло, въ прокъ и стальной закалъ «на предбудущее время». «Стомаха же ради и частыхъ недуговъ», для закрѣпы свѣжей стали въ надлежащую оправу, послѣ горячей и дешевой бани, имѣлся тутъ же и передъ окнами кабака: въ банные дни, не переставая, взвизгивала входная его дверь на блокъ съ кирпичикомъ.

Предбанный пустырекъ и неказистый домъ нашего драматурга обезпеченъ былъ полицейской будкой, ушедшей также въ преданіе. Не столько охранялся онъ ею, сколько доучливо торчала она сама передъ глазами, единственно съ тою цѣлью, что такъ угодно было начальству. Будку эту съ подчаскомъ занималъ беззубый полицейскій стражъ Николай, сдѣлавшійся теперь (по крайней мѣрѣ лично для насъ) также въ своемъ родѣ лицомъ историческимъ, при всемъ ничтожествѣ его значенія для обывателей. Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ послѣднимъ человѣкомъ въ этомъ тихомъ и удаленномъ уголкѣ широко раскинувшагося на семи холмахъ города. Подъ седьмымъ и послѣднимъ холмомъ и стояла эта послѣдняя будка съ остаточнымъ будочникомъ въ тяжелой сермяжной бронѣ и съ неублюжей алебардой, не задолго до преобразования московской полиціи.

Хотя и ходила еще по Москвѣ въ ней сложившаяся, но владѣющая всероссійскимъ глубокимъ значеніемъ, поговорка: «Мнѣ все ни почемъ, былъ бы будочникъ знакомъ», но Николай вовсе подъ нее не подходилъ. Этого мнѣнія слѣпо придерживался только дворникъ Александра Николаевича, Иванъ Михайловъ, и то лишь изъ личныхъ видовъ. Прямые свои обязанности Николай исполнялъ болѣе, чѣмъ всѣ прочіе его сослуживцы, неисправно. Окольная сплетня говорила, что лишь только особому счастью обязанъ онъ сохраненіемъ если не жизни, то житья въ городской будкѣ въ ту страшную ночь, о которой рѣчь впереди. Не страшень онъ былъ обывателямъ, хотя также не могъ и не смѣлъ похвалиться передъ ними неподкупною совѣстью. На обычный ночной его окликъ: «Что идетъ?» привычный обыватель либо ничего не отвѣчалъ, либо же самого дерзко останавливалъ:

— Ну, что ты, братецъ, орешь на всю улицу, — всѣхъ ты только пугаешь понапрасну. Спалъ бы себѣ во всю носовую завертку.

Иной, впрочемъ, позволялъ себѣ дружелюбно вступать съ нимъ въ ласково-шутливый разговоръ:

— Что ты, въ самомъ дѣлѣ, пѣтухомъ-то кричишь: ая ужъ проснулся на счастье? Вотъ погоди ужъ, — пройдетъ Лужинъ (оберъ-полицеймейстеръ тѣхъ временъ), отберетъ у тебя топориче-то твое, — другое запоешь. Зададутъ тебѣ завтра «раздѣлюцію»... Давай-ка, однако, свѣженькаго-то твоего понюхать.

Угрожающій намекъ напоминаетъ недавнее событіе, долгое время занимавшее Москву и служившее предметомъ толковъ и пересудовъ всего первопрестольнаго города. Предмѣстникъ Лужина Цинскій, объѣзжая ночью полицейскіе посты, набралъ въ свои сани 12 алебардъ, стоявшихъ прислоненными къ будкамъ (живыхъ охранителей на лицо не оказалось). Набралъ бы онъ и больше, если бы позволяло мѣсто въ его саняхъ. Такая попечительность новаго главнѣйшаго оберегателя городского спокойствія и блюстителя благочинія явилась, дѣйствительно, историческимъ событіемъ такой особой важности и значенія, что его поспѣшили обезсмертить въ стихахъ. Аркадій Марковъ, извѣстный составитель дѣловыхъ писемъ и писемниковъ и поставщикъ многочисленныхъ переводовъ французскихъ романовъ Евг. Сю и Дюма-отца, для книжнаго издательскаго рынка на Никольской, написалъ, въ подражаніе извѣстной балладѣ Жуковскаго, довольно остроумную пародію «Двѣнадцать спящихъ будочниковъ», — поэму, вызвавшую неудовольствіе и сдѣлавшуюся запрещенною. Самъ авторъ искусно и ловко умѣлъ скрыться отъ преслѣдованій, оставивъ для историческихъ изслѣдователей имя свое полутемнымъ и спорнымъ. Безспорнымъ, однако, остается то, что въ расчетѣ личной корысти, въ видахъ охраны собственной персоны, на всякій недобрый часъ и неудачный случай, Марковъ былъ на дружеской ногѣ со всѣми будочниками, зналъ всѣхъ по именамъ (но безъ отчества). Проходя мимо каждой будки въ ночное время, всегда интересовался, кто стоитъ на часахъ, и куда подѣвался товарищъ-подчасокъ и былъ очень доволенъ, когда получалъ въ отвѣтъ:

— Отпустилъ я его на всю ночь, до утра. Къ своей сударкѣ пошелъ.

Опросы этого рода иногда имѣли существенное значеніе для таковаго, но потеряннаго Маркова, въ тѣхъ частыхъ случаяхъ жизни, когда, налаживая въ переплетъ нетвердыя ноги, онъ не идилъ на нихъ до квартирки у вдовой дьячихи-просвирни на мосту церкви Трехъ Святителей, и ему неодолимо хотѣлось своего мѣста: въ казенныхъ будкахъ Марковъ зачастую ночевалъ добровольцемъ. И во всякомъ случаѣ мимо рѣдкой будки проходилъ онъ безъ того, чтобы, ради скрѣпленія дружбы и пріятнаго

компанства, не попросить понюхать даромъ или присыпать въ табакерку на мѣдный пятакъ свѣженькаго табачку-зеленчага. Всѣ будочники Москвы занимались въ тѣ времена изготовленіемъ въ ступкахъ и безакцизною продажей этого продукта, получая его большею частію въ подарокъ изъ сосѣдней лавки со шлеями и хомутами или прикупая на мѣдную гривну знаменитые нѣжинскіе корешки. Такъ поступалъ, вслѣдъ за другими, и этотъ Николай съ цѣлью розничной продажи въ подспорье къ жалованью, о размѣрѣ котораго въ настоящее время и сказать даже стыдно.

Невозможно затѣмъ понять и объяснить, чѣмъ обезпечивалась охрана жилища Алек. Ник. и для чего поставлена была противъ самыхъ оконъ его безобразная будка. Въ то время, впрочемъ, вопросъ этотъ рѣшенъ былъ тѣмъ, что Николай существовалъ для одного лишь Ивана Михайлова. Всегда на-веселѣ и нерѣдко въ невѣняемомъ состояніи, Михайлычъ явно показывалъ, съ кѣмъ дѣлилъ добрую долю своихъ удовольствій, праздничныхъ и будничныхъ утѣхъ. Все досужее время, котораго у него было въ избыткѣ (такъ какъ въ услугахъ его мало нуждались) дѣлилъ или у него въ конурѣ, или на-голо и открыто въ подручномъ питейномъ съ нимъ же. Оправляя себя, оправдывалъ онъ и своего друга.

— Иного жулика онъ и спугнетъ! Слышь, какъ стучитъ топоричемъ-то своимъ!

Несмотря однако же на это, Иванъ Михайловъ все-таки прикормилъ и приспособилъ ко двору сердитую собаку, по тогдашнему всеобщему московскому обычаю. Онъ въ то же время безмѣрно любилъ и ласкалъ комнатную породистую и чуткую «Гольбу» (особой англійской породы собачку), которая до глубокой собачьей старости прожила въ этомъ не оберегаемомъ, но богохранимомъ домѣ.

Гостепріимный хозяинъ жилъ здѣсь въ простотѣ уединеннаго и неказоваго быта, подчиняясь всеобщимъ московскимъ обычаямъ, намѣренно не желая отъ нихъ отставать, какъ заповѣдныхъ и священныхъ для него, въ особенности какъ для кореннаго истинно-русскаго человѣка въ самомъ высшемъ значеніи этого великаго слова. Такъ, между прочимъ, когда онъ жилъ въ верхнемъ этажѣ, у него туда не было проведено звонка. И въ этомъ онъ не отстаивалъ отъ сосѣдей.

Когда медленнымъ шагомъ и съ опасливой оглядкой «не паша» цивилизація, вмѣстѣ съ комфортомъ, пробиралась по стогнамъ богоспасаемаго града Москвы (вскорѣ послѣ крестьянской свободы), зацѣпляя, однако, и захолустныя Зацѣпы, — звонки начали проводить во дворы. Надо было повѣситься на ручкѣ у калитки любого

дома на Таганкѣ и въ Замоскворѣчѣ, чтобы вызвать заспаннаго сторожа и, подѣ защитою его, входить со двора мимо лохматой собаки. Она испуганно надрывалась отъ лая до перехватовъ въ горлѣ, а привязана была такимъ удобнымъ способомъ, чтобы всѣхъ входящихъ чужихъ возможно ей было хватать прямо за игры.

Удостоенные чести свободного входа въ открытыя двери, войдемъ сюда подѣ радушный вровъ этого свѣтила нашей литературы въ то время, когда еще вокругъ него и въ немъ самомъ весело играла молодая жизнь, — войдемъ, и —

Съ благоговѣнною слезою
Благословимъ мы чтѣ прошло,
И передѣ урной гробовою
Преклонимъ скорбное чело.

Дѣйствительно, особенная умилительная сердечная простота во взаимныхъ отношеніяхъ господствовала въ полной силѣ здѣсь, въ бескускусвенной обстановкѣ жизни нашего великаго писателя. Онъ въ коротенькой поддѣвочкѣ нараспаху, съ открытою грудью, въ туфляхъ, покуривая жуковскій табакъ изъ черешневаго чубука, съ ласковой и неизмѣнно-привѣтливой улыбкой встрѣчалъ всякаго, кто получилъ къ нему право входа. Требованія для того были скромны, но обусловлены твердо и рѣшительно, не по писанной инструкціи, а на основахъ обычнаго права: обязательно быть прежде всего русскимъ человѣкомъ и доказать свои услуги какой-либо изъ отраслей роднаго искусства, той или другой безразлично. Если давалось преимущество литературнымъ и театральнымъ дѣятелямъ, то это зависѣло отъ того, что самъ хозяинъ исключительно въ эту сторону обратилъ всю свою любовь и здѣсь же укрѣпилъ свои вѣрованія безраздѣльно и безповоротнo.

Отрытое исповѣданіе этой твердой и непоколебимой вѣры въ силу и мощь народнаго духа онъ успѣлъ уже предъявить громогласно ко всенародному извѣстію, — и сталъ онъ посвященнымъ избранникомъ. Неразлучная съ вѣрой любовь къ отечественному искусству и родному слову, обаяніемъ своимъ, послужила притягательной силой, — и избранникъ сталъ во главѣ первенствующихъ. тлжно объявились у него пособники и не замедлили вскорѣ закъ явиться поклонники. Всякій принесъ свою посильную лепту, три жертвахъ и на эти добротные вклады усилились и средѣ къ укрѣпленію самой вѣры и облегчилось поступательное движеніе по тернистому пути, къ открытой и ясно обозначившейся, тозь полумракъ, желанной цѣли. Соединенныя усилія уже одни

обнадеживали успѣхомъ, несмотря на то, что дорога тянулась по рывтинамъ, черезъ груды наваленныхъ препонъ, и мосты черезъ рѣки были поломаны или совсѣмъ разрушены, и подъемы на горы либо запущены и заброшенными стали заростать, либо намѣренно были попорчены такъ, что не только ослабѣвала надежда на какую-либо побѣду, но не доставало и многихъ орудій, необходимыхъ и пригодныхъ для борьбы. У старорусскихъ богатырей на эти роковые случаи недобрыхъ встрѣчь съ препонами припасено было вѣщее слово зарока—идти дорогою прямоѣзжею и твердо вѣрвать, что все то не Божиимъ изволеніемъ, а по злему врѣжнему поущенію. Шли увѣренно впередъ, и эти новые, по завѣтамъ старыхъ, и вели борьбу неустанно, испытывая временами тяжелыя пораженія, но временами же освѣжаясь и укрѣпляясь сладкими плодами счастливыхъ побѣдъ. Когда же совсѣмъ разсвѣло, исчезъ ночной сумракъ и загорѣлось на небѣ яркое красное солнце, оказалось, что въ честной борьбѣ у этихъ путниковъ прибавилось силы. За великую любовь ихъ не только досталась побѣда съ одолѣніемъ, но и въ силу того, на законныхъ основаніяхъ, многое имъ было выдѣлено въ приобрѣтеніе и приращеніе добровольно уступленнымъ, какъ бы и въ самомъ дѣлѣ въ прямую награду за старые труды и дознанные подвиги. Какъ до этой поры закаляла въ мужество эта любовь къ родинѣ и страдающему меньшему брату, такъ теперь, когда и для этого наступили счастливые дни, старая любовь еще болѣе окрѣпла и, сдѣлавшись сознательною, повела къ новымъ побѣдамъ и приобрѣтеніямъ.

Въ самомъ дѣлѣ, разбираясь въ воспоминаніяхъ о прожитомъ и провѣряя свои давнія наблюденія надъ видѣннымъ, слышаннымъ и испытаннымъ, увѣренно приходишь къ заключенію, что единственно любовь къ народу руководила всѣми мыслями и дѣяніями того московскаго литературнаго кружка, которому посвящены эти строки. Живыми, какъ бы сейчасъ и наглядно дѣйствующими, являются усиленныя заботы и работы, дружныя и совѣстныя, всего кружка, уже успѣвшаго оставить *Москвитанинъ* и возрости численностію отъ вновь примкнувшихъ добровольцевъ. На первомъ планѣ и на видномъ мѣстѣ стояла русская народная пѣсня. Она прежде всего и запрашивается на воспоминанія наши

Русскія народныя пѣсни въ компаніи молодыхъ московскихъ писателей очень долгое время пользовались особымъ почетомъ. Хорошихъ, безыскусныхъ исполнителей, умѣвшихъ передавать ихъ голосомъ, безъ выкрутовъ и завитковъ, разыскивали всюду, и

гнушаясь грязныхъ, но шумливыхъ и веселыхъ, трактировъ и нисходя до погребковъ, гдѣ пристраивались добровольцы изъ мастеровъ пѣнія и виртуозовъ игры на инструментахъ. Здѣсь услаждали они издавна праздныхъ любителей изъ купечества.

— Дѣлай, дѣлай!—раздавались поощрительные возгласы загулявшихъ и разгулявшихся, отъ которыхъ, въ награду и поощреніе пѣвцовъ и музыкантовъ, слѣдовало угощеніе сладкими водками, денежныя награды, наконецъ, объятія и поцѣлуи.

— Выпьемъ еще плоскодонную рюмочку. Вѣдь, пьешь?

— Пью все, окромя купороснаго масла.

— Повторимъ по рюмочкѣ—для вѣрности глаза.

— Давай ему еще этого самаго, монплезиру.

— Наливай намъ разгонную и т. д.

Т. И. Филипповъ, въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ писемъ къ Горбунову, вспоминаетъ о подобномъ веселомъ заведеніи у Каменнаго моста: «Николка рыжій—гитаристъ, Алексій съ торбаномъ: водку запивалъ квасомъ, потому что никакой закуски желудокъ уже не принималъ. А былъ артистъ и «венгерку» на торбанѣ игралъ такъ, что и до сихъ поръ помню». Будучи самъ превосходнымъ исполнителемъ народныхъ пѣсенъ и въ то же время ученымъ изслѣдователемъ и знатокомъ отечественной поэзіи, онъ придавалъ своимъ выразительнымъ художественнымъ исполненіемъ высокую цѣнность всѣмъ этимъ перламъ роднаго творчества, отыскивалъ и пѣлъ наиболѣе типичныя или самыя рѣдкія, полузабытыя или со всѣмъ исчезающія изъ народнаго обращенія.

Вспоминая товарищескія сходки у Аполлона Григорьева, съ неподдѣльнымъ искреннимъ увлеченіемъ, Горбуновъ записалъ про себя на память: «за душу захватывала русская пѣсня въ натуральномъ исполненіи Т. И. Филиппова; ходнемъ ходила гитара въ рукахъ М. А. Стаховича, сплошной смѣхъ раздавался въ залѣ отъ рассказовъ Садовскаго; Римомъ вѣяло отъ итальянскихъ пѣсенокъ Рамазанова».

Дѣйствительно, надо всѣми пѣвцами изяществомъ и точностью исполненія главенствовалъ Тертій Ивановичъ и былъ непобѣдимъ. злодно силились соперничать съ нимъ два земляка—друга: А. Стаховичъ и П. И. Ягушкинъ, пристававшіе съ своими орскими пѣснями, вѣрно передаваемыми по говору и мотивамъ. рый, впрочемъ, восполнялъ недостатки въ пѣніи искусною игрою на гитарѣ и былъ неподрожимъ въ пляскѣ, а Ягушкинъ, зная огромное количество пѣсенъ, напѣвы ихъ, своимъ крикливымъ расистымъ голосомъ, не умѣлъ передавать вѣрно, и очень многіе

путаль. Самого А. Н. Островскаго г-жа Воронова засчитала въ пѣвца, свидѣтельствуя, что онъ недурно пѣлъ; она умѣла акомпанировать. У нея нашлись знакомые ему романсы, и онъ никогда не отказывался пѣть, когда его просили. «Мнѣ,—пишетъ г-жа Воронова,—никогда впоследствии не приходило въ голову спросить у кого-нибудь изъ людей, близкихъ къ Островскому, что сдѣлалось съ его голосомъ и его пѣніемъ, но тогда мы имъ очень любовались». На этотъ вопросъ отвѣтъ простой: онъ пересталъ пѣть; по крайней мѣрѣ я, да и никто изъ ближайшихъ къ нему лицъ, ни разу не слышалъ его пѣнія, потому ли, что спалъ съ голоса и огорчился до молчанія, или потому, что счелъ болѣе полезнымъ и безопаснымъ для себя уступить мѣсто лучшимъ и настоящимъ пѣвцамъ.

Въ числѣ послѣднихъ выдѣлялся, разысканный въ погребкѣ на Тверской (уголъ Университетскаго переулка), пригазчикъ, торговавшій на отчетъ,—М. Е. Соболевъ, ярославецъ родомъ, владѣвшій, что называется, серебрянымъ голосомъ: высокимъ, звучнымъ и чистымъ теноромъ, ловко и умѣло приноровленнымъ къ заунывнымъ деревенскимъ пѣснямъ. Стремился онъ, впрочемъ, доморощеннымъ вкусомъ, къ чувствительнѣйшимъ романсамъ и аріямъ изъ оперъ по увлеченію знаменитымъ и несравненнымъ театральнымъ пѣвцомъ Бантышевымъ. Впрочемъ, Соболевъ умѣлъ уловить только быстрый и разудалый переходъ отъ аріи въ Аскольдовой могилѣ къ пѣсенкѣ: «Чарочки по століку похаживаютъ». Въ пѣснѣ Торопки «Близко города Славянска» Соболевъ немного походилъ на Бантышева, въ исполненіи «Размолочиковъ», «Не бѣлыхъ снѣговъ во чистомъ полѣ» и «Вспомни, любезная, мою прежнюю любовь»—имѣлъ соперника только въ одномъ Т. И. Филипповѣ. Слушать его сходились и такіе мастера пѣнія, какъ старикъ цыганъ, родной братъ Матрены, восхищавшей Пушкина,—старикъ купеческой осанки, знавшій много старинныхъ былинъ (я со словъ его записалъ нигдѣ не напечатанную про Алешу Поповича прекрасную). А заходилъ онъ сюда, между прочимъ, выпить самодѣльной мадерцы бутылочку и закусить ее, на условной московскій вкусъ, либо мятнымъ пряничкомъ, либо виной ягодой. Видывали здѣсь и Ивана Васильева, извѣстнаго и въ Петербургѣ содержателя самаго лучшаго хора (въ страхѣ, смиреніи и цѣломудріи), почтеннаго и всѣми уважаемаго человѣка, который и въ компаніи Островскаго пользовался должнымъ вниманіемъ и любовью. Здѣсь же, въ погребкѣ, нерѣдко засѣдалъ театральнѣйшій пѣвецъ Климовскій, пѣніемъ котораго одинъ любитель восхищался до того, что назначилъ ему ежегодную пенсію, и проч.

Во всякомъ случаѣ этотъ погребокъ Зайцева (по вывѣсочной надписи Zeizow) былъ своего рода клубомъ. Для посѣтителей изъ любителей пѣнія предоставлено было особое помѣщеніе наверху, надъ погребкомъ, въ видѣ довольно просторной залы. На сколько же не признавали его отдѣленіемъ кабака доказалъ одинъ изъ посѣтителей, извѣстный художникъ, не задумавшійся нарисовать на стѣнѣ мастерски углемъ свой портретъ, который бережно потомъ охранялся, конечно, служа въ то же время и нѣкоторой рекламой.

Вскорѣ клубнымъ мѣстомъ пріятельскихъ свиданій сдѣлался, по завѣтному обычаю, общему всей Москвѣ, московскій трактиръ Гурина или лучше то его отдѣленіе, которое очень издавна называлось «Печкинской кофейной» и имѣло отдѣльные кабинеты. Покинутый Соболевъ впоследствии, при случайной встрѣчѣ съ Горбуновымъ на одномъ изъ волжскихъ пароходовъ, вспоминая со вздохами милое прошлое, своей теноровой фистулой, говорилъ:

— Меня, Ваничка, не поняли тогда: я все это свое дѣло и бросилъ.

Осталось неизвѣстнымъ, чего въ немъ не поняли и что заставило его покинуть выгодную торговлю: то ли, что онъ большой талантъ, заслуживавшій лучшей участи и, вѣроятно, императорской сцены, или то, что онъ хотѣлъ вплотную торговать, а къ нему ходили пѣть или всласть его самого слушать и приглашать его на домъ. Впрочемъ, эта претензія заднимъ числомъ—неосновательна: заслуги его указаны однимъ изъ посѣтителей въ нижеслѣдующемъ шутливомъ стихотвореніи, написанномъ для пріятелей и занесенномъ въ особый сборникъ, называвшійся «Суботникомъ».

У Щученко въ домѣ,
Въ часъ заката звѣздъ,
Въ память по Садамъ
Былъ великій съездъ.
Трезвый и степенный
Собрался людъ:
Былъ тутъ Калъ почтенный,
Максикъ и Шервудъ.

Петя Безобразовъ,
И толстякъ Борисъ,
И Борисъ Алмазовъ:—
Всѣ перепились.

Лонгиновъ Михайло
Капли не бралъ въ ротъ,
Видно онъ...
По-тихоньку пьетъ.

А Алмазовъ Борька
И Садовскій Провъ
Водки самой горькой
Выпили полштофъ.

Кости ключъ отъ шкафа
Часто вынималъ,
И издѣлья Яффа
Пилъ и одобрялъ.

Максикъ *) отъ коньяку
Вовсе не былъ пьянъ,—
Спиртового лагу
Требовалъ стаканъ.

Миханлъ Ефремычъ,
Русскій соловей,
Врачевалъ ихъ немочь
Пѣсней своей.

И подъ звуки арій,
Отягченъ виномъ,
Между тѣмъ Мардарій
Спалъ глубокимъ сномъ.

Увлеченіе кружка Островскаго или молодой редакціи *Москвитянина* русскою пѣсней, можетъ быть, имѣло прямымъ или косвеннымъ источникомъ движеніе въ эту сторону славянофиловъ, во главѣ съ П. В. Бирѣвскимъ, примыкавшихъ также своими симпатіями къ погодинскому журналу. Съ другой стороны, тѣмъ не менѣе, перлы народнаго творчества здѣсь получали живое художественное толкованіе. Пѣсня оживала не въ мертвыхъ записяхъ, а въ своихъ цѣльныхъ образахъ. Тутъ уже вовсе не требовалось сухихъ комментарій, которыми вскорѣ, по выходѣ въ свѣтъ сборника Бирѣвскаго, совершенно затемнили ея истинный, глубокий смыслъ, а ненужными и неумѣстными мудрствованіями умалили и ея высокую цѣнность. То же увлеченіе кружка производило и другія благотворныя вліянія и, между прочимъ, на творчество современныхъ поэтовъ. Наиболѣе талантливый изъ нихъ, примкнувшій

*) Актеръ—комикъ въ трагическихъ роляхъ, извѣстный болѣе тѣмъ, что игралъ тѣнь отца Гамлета и былъ неудачливъ въ роляхъ съ провалами. Извѣстно было всѣмъ, что, лохась въ постель на ночь, онъ ставилъ подъ кроватью полштофъ водки, чтобъ имъ начинать свой вѣчно праздный день. Разъ, вмѣсто животворной влаги, по ошибкѣ, выпилъ лагу—и остался живъ. Костя Булгаковъ—знаменитый своими остроумными шалостями во время службы въ гвардіи, подъ покровительствомъ Великаго Князя Михаила Павловича,—друга его отца, московскаго почтъ-директора, къ которому присланъ былъ изъ Петербурга для исправленія въ поведеніи, но не исправился. Яффа—извѣстный въ то время виноторговецъ въ Москвѣ и фабрикантъ винностряннаго происхожденія. Мардарій—слуга.

нѣсколько позднѣе (бывшій въ то время инспекторомъ 2-й московской гимназiи на Разгуляѣ), Левъ Александровичъ Мей, успѣвшій создать прелестныя лирическiя произведенiя на восточныя мотивы, и преимущественно еврейскiя, на библейскiя темы, евангельскiя событiя и событiя изъ римской жизни, рѣшительно пережънилъ строй своей лиры, перейдя на родную отечественную почву. Здѣсь онъ сразу нашелъ себѣ новыя вдохновляющiе мотивы, которые до той поры были ему мало или вовсе неизвѣстны. Съ несомнѣнною искренностью, судя по силѣ выраженiя и образовъ, въ своей превосходной *Затѣя*: «Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская, благовѣстная, побѣдная, раздольная, непогодою-невзгодою повитая, во крови, въ слезахъ крещеная-омытая», — онъ показалъ, насколько была сильна его рѣшимость разорвать связи со старымъ и налаженнымъ и насколько было беззавѣтно и безповоротно отреченiе. Доказательства тому послѣдовательно являлись на лицо въ пѣсняхъ: о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ (озаглавленной имъ *Снаститель*), про боярина Евпатiя Коловрата, про княгиню Ульяну Андреевну Вяземскую, про Александра Невского и проч. и въ драмахъ *Царская невеста* и *Псковитянка*, заставившихъ забыть его скучную и неудавшуюся *Сервилiю* — драму изъ древней римской жизни. Переводы съ иностранныхъ языковъ (греческаго, англiйскаго, нѣмецкаго и французскаго) онъ началъ усиленно пополнять тою же, мастерскою по стику и удачною по выбору, передачею стихотворенiй славянскихъ поѣтовъ: польскихъ — Мицкевича, Сырокомли, Одынца, Загѣскаго, Ходзьки, Реута и украинскаго — Шевченки. Увлеченiе же пѣснями въ строгомъ народномъ смыслѣ, кромѣ пробы своей поэтической силы въ великорусскихъ народныхъ мотивахъ и на темы, взятыя изъ преданiй и суевѣрiй, Л. А. Мей, очевидно и съ большимъ успѣхомъ, обнаружилъ въ переводахъ народныхъ пѣсенъ прочихъ славянскихъ племенъ. Душѣ поэта стало теперь дорого и выраженiе богатырской самоувѣренности русскаго народа, столь образно выражавшейся въ *Словъ о полку Игоревѣ* (одинъ изъ наиболѣе удачныхъ переводовъ изъ существующихъ въ русской литературѣ), въ равной степени милы цѣнны ему и меланхолическiе мотивы, подслушанные имъ въ родныхъ пѣсняхъ. Насколько прочувствовано Мею жите-бытье русской женщины, высказано имъ въ трехъ прелестныхъ пѣсенкахъ и въ той четвертой («Какъ у всѣхъ-то людей свѣтлый праздникъ»), которая наиболѣе другихъ осталась у всѣхъ въ памяти вѣстъ съ *Русалкой* и *Вихремъ*. Въ послѣднемъ поэтъ показалъ умительную виртуозность стиха, составляющую, впрочемъ, одну

изъ блестящихъ характерныхъ чертъ его поэтическаго таланта. Въ товарищескія бесѣды кружка Островскаго Мей, конечно, имѣлъ полную возможность внести извѣстную дозу эстетическихъ наслажденій, но несравненно меньшую тѣхъ, которыя доставлялись исполненіемъ несочиненныхъ и оглаженныхъ, а коренныхъ народныхъ пѣсенъ, принятыхъ непосредственно изъ устъ самого народа.

Во всякомъ случаѣ, на этомъ наглядномъ примѣрѣ поэта для насъ незабвеннымъ и знаменательнымъ представляется то явленіе, что если въ кружкѣ московскихъ друзей привольно было лишь кореннымъ русскимъ людямъ, то побывавшій здѣсь уходилъ и съ болѣе приподнятымъ челою, увѣренною и твердою поступью, какъ будто онъ на свое прирожденное званіе получилъ оформленный и засвидѣтельствованный патентъ.

Извѣстное право, какъ бы своего рода патентъ, требовалось, конечно, для того, чтобъ обратить на себя вниманіе кого-либо изъ членовъ кружка и быть сюда представленнымъ и затѣмъ допущеннымъ. Вспоминаю про эту молодежь, которая окружала А. Н. Островскаго, удачно была имъ подобрана, а между собою успѣла снѣться такъ, что умѣла подцвѣтить досужные часы работниковъ мысли и слова, когда они, для обмѣна мнѣніями и для развлеченій, собирались у Островскаго, у Григорьева, у Ев. Эдельсона. Братъ послѣдняго, Аркадій, представилъ своего товарища по рязанской гимназіи, Колюбакина. Этотъ прихватилъ съ собою Мальцева, и т. д. Образовалась, такимъ образомъ, небольшая компанія живой и веселой молодежи, въ составѣ 4—5 человекъ, прозванная шутливымъ именемъ «оглашенныхъ». Бродяжною или праздною она не была: либо училась, либо служила и, привлеченная притягательною силой литературнаго свѣтила, составила изъ самыхъ усердныхъ и горячихъ его поклонниковъ. Благодарная за допускъ и счастливая исключительностью своего положенія, она, въ свою очередь и въ мѣру наличныхъ силъ и способностей, желала и умѣла послужить кружку избранныхъ хотя бы веселостью, вообще неразлучною съ молодостью, но этимъ отпущенною въ избыткъ. Самъ хозяинъ добродушно и искренно увлекался шаловливыми, остроумными и находчивыми шутками Мальцева; заливался дѣтскимъ визгливымъ хохотомъ своимъ смѣшливый Писемскій; приходилъ въ обычный восторгъ, проявлявшійся громкимъ откровеннымъ смѣхомъ, легко увлекавшійся Ап. Григорьевъ. Подхваченные здѣсь пѣсенки и романсы выносились въ нашу студенческую семью, гдѣ и распѣвались тѣ изъ нихъ, какъ наприм. «Спи, моя Яцента», которые наиболѣе отвѣчали молодому настроенію и рѣзвому задору

Живой и всегда неизмѣнно веселый, съ явнымъ оттѣнкомъ беззаботнаго характера и открытой души, «Костя» Мальцевъ необычайною подвижностью нервной природы успѣлъ выдѣлиться впереди всѣхъ прочихъ. Онъ съ неподражаемымъ мастерствомъ умѣлъ представить сцену молящейся старухи. Стоило ему лишь нагнуть на свою курчавую голову носовой платокъ, подвывая его подъ подбородкомъ, вытянуть этотъ подбородокъ, измять морщинами свое красивое лицо съ правильными чертами, — и подобіе 70-ти лѣтней шепелявой и беззубой старухи было изумительно и по сходству, и по быстротѣ превращенія. Она расположилась молиться усердно, наглядывая широкіе кресты на лобъ и плечи, но вдругъ и неожиданно привязалась чужая и злая собака. Старуха молится, собака теревитъ ее за подолъ и намѣревается укусить за ногу. Одна лаетъ, другая ворчитъ на нее и отмахивается, не забывая, въ то же время, шепелявить молитвенныя слова. Собака, наконецъ, добилась своего — укусила, старуха своего — больно ударила ногой въ морду. Въ одно время и собака визжитъ отъ боли, и старуха отъ той же причины вскрикиваетъ. И вой, и крикъ, перемешаясь, сливаются, пока не оставитъ изумительный артистъ жѣста представленія и не удалится, прихрамывая. Еще забавнѣе была эта же сцена, когда она разыгрывалась вдвоемъ съ Колюбашинымъ, но вызвала гомерическій смѣхъ ихъ же обоихъ сцена, представляющая стадо, которое гонитъ пастухъ съ поля и животныя, большія и малыя, съ изумительнымъ сходствомъ, подавали свои голоса. Въ москворѣдской банѣ у Каменнаго моста, шустрый Костя, вбѣгая въ раздѣвальную, разъ заржалъ жеребенкомъ. Банщикъ Иванъ Миropyчъ Антоновъ, маленькій ростомъ, говорившій фальцетомъ и отборными книжными словами, на шалость Мальцева замѣтилъ тѣмъ выраженіемъ, которымъ воспользовался Ал. Ник. въ одной изъ своихъ комедій: «малодушествомъ занимается».

На помощь Мальцеву являлись либо И. Е. Турчаниновъ, либо «Межевой», либо иные досужіе и умѣлые рассказчики. Первый — Иванъ Егорычъ — числился въ драматической труппѣ Малаго театра, неизмѣнный и постоянный спутникъ Островскаго, сблизившійся съ нимъ и пріятный ему на одной общей страсти. Оба были и страстные и замѣчательные рыболовы, особенно въ мудреные способъ лова на удочку, для чего уѣзжали они на знаменитыя карасями пруды подмосковныхъ селъ Коломенскаго и Царина. Ив. Ег. придумалъ изображать на своемъ лицѣ и всей фигурой старую истасканную енотовую шубу. Нѣкто весельчакъ и шутникъ, служившій землемѣромъ, а въ компаніи извѣстный подъ

названіемъ «межевого» и «Николая послѣдняго», охотно во всякое время уморительно представлялъ утку и т. д. *). Мелкіе рассказы и забавныя сцены не переставали чередоваться одна за другою, въ перегонку и соревнованіе, пока не занялъ въ ней мѣсто Ив. Фед. Горбуновъ, заставившій всѣхъ прочихъ или ступешаться, или совсѣмъ замолкнуть. Осталось имъ перенимать его сцены, съ большею или меньшею удачею ему подражать и, во всякомъ случаѣ, распространять о немъ молву и помогать укрѣпленію его славы. Какъ компетентные (отчасти) судьи, эти его предмѣстники были первыми его пріятелями и восторженными поклонниками. Мальцевъ, наприм., вскорѣ покинулъ старуху, какъ только Горбуновъ воспользовался тою же природною подвижностью своихъ лицевыхъ мускуловъ и успѣлъ создать классическаго и неумирающаго генерала Дитяткина **). Колюбакина, богато одареннаго отъ природы разнороднымъ дарованіемъ и обѣщавшаго сдѣлаться серьезнымъ артистомъ комикомъ, въ компаніи веселой молодежи Горбуновъ уже не нашелъ. Живы были о немъ рассказы и памятной осталась мимоходная легкая замѣтка Алекс. Ник., въ шутовой формѣ вызванная случайнымъ совпаденіемъ: университетскіе студенты Колюбакинъ и Мальцевъ были рязанцами. Это дало поводъ Островскому, задумавшему тогда своего *Минина* и занимавшемуся разборомъ старыхъ историческихъ актовъ, сдѣлать бытовую справку:

— Эти рязанцы по природѣ уже таковы, что, какъ нѣмцы, безъ штуки и съ лавки не сваятся. Вѣдь, вотъ нашъ костромичъ Сусанинъ не шумѣлъ: выбралъ время къ ночи, завелъ враговъ въ самую гѣсную глушь. Тамъ и погибъ съ ними безъ вѣсти, да такъ, что до сихъ поръ историки не кончили еще спора о томъ, суще-

*) Это былъ Николай Ягужинскій, доброхотно пристроившій себя въ безсмысленные ординарцы Ал. Ник. Будучи человѣкомъ весьма неглупымъ, очень любилъ выпить и служилъ предметомъ постоянныхъ шутокъ всего кружка. Особенно забавенъ онъ былъ, когда приступалъ къ выпивкѣ, какъ бы какому священному дѣйствию: любовался хмѣльной влагой, приглядывал на свѣтъ, гладилъ съ ласковыми приговорами стеклянную посуду и проч. Онъ залился горькими исцаренными слезами, когда, ради шутки, одинъ изъ свидѣтелей этой забавной игры, притворившійся спящимъ, подбѣднилъ воде водой.

**) Сохранился портретъ его въ этомъ видѣ. Подъ форменной каской измятой морщинами (безъ всякой гримировки и иныхъ искусственныхъ средствъ) сурово смотритъ лицо этого добродушнаго, болтливаго и находчиваго въ отвѣтахъ на самыя неожиданныя, странныя, иногда и глупые верѣдки, вопросы. Этого сподвижника 12-го года, къ слову сказать, Горбуновъ, замѣчательный каллиграфъ и рисовальщикъ, умѣлъ прекрасно зарисовывать своимъ бойкимъ карандашомъ. Портретъ снятъ въ Саратовѣ нѣвѣстнымъ въ свое время по Волгѣ фотографомъ Муренко. Садовскій, наприм., въ своихъ письмахъ къ Горбунову обращался всегда съ титуломъ превосходительства, и проч.

ствоваъ ли еще онъ въ самомъ-то дѣлѣ на бѣломъ свѣтѣ. А Прополью Ляпунову понадобилась веревка на шею, чтобы растрогать: и вовсе въ этой штукѣ не было нужды. Актерская жилка у всѣхъ рязанцевъ прирожденная (и онъ перечислилъ достаточное число извѣстныхъ лицъ). Надо же, вѣдь, случиться тому, что и Садовскій родился рязанцемъ.

«Ванечку» Колюбакина природа наградила щедрою рукой, заботливо снабдивъ разнообразными способностями и задатками. При высокомъ, 9-ти вершковъ, ростѣ онъ сложенъ былъ въ богатыря и владѣлъ замѣчательною силой: онъ легко поднималъ 18 пудовъ, носилъ на себѣ 26 пудовъ, и на рукахъ его не было никакой возможности ущипнуть натянутую на стальныхъ мускулахъ кожу. Вообще сложенъ онъ былъ какъ античная фигура Геркулеса. Когда ему нужно было отправиться на знакомство съ Островскимъ, во всей Ножовой линіи Гостинаго двора мы не могли найти готовыхъ сапоговъ, и тѣ, которые предложили намъ торговецъ съ увѣреніемъ, что войдутъ даже на ноги «Минину-Пожарскому», нашему богатырю оказались узкими. Благодаря этимъ внѣшнимъ качествамъ, онъ тотчасъ выдѣлился изъ толпы сверстниковъ и университетскихъ товарищей далеко до конца перваго полугодія по поступленіи на первый курсъ медицинскаго факультета. Хотя слава ему предшествовала, но наглядныя доказательства не замедлили ее подкрѣпить, когда въ той залѣ знаменитой студенческой Британіи, гдѣ тогдашняя новость машина-оркестріонъ напывала «Вотъ на пути село большое», а студенты, собравшіеся пить чай, подпѣвали, — Колюбакинъ побѣдилъ полового Семена, прозваннаго «крѣпкорукимъ». Сидя на полу и ухватившись за желѣзную кочергу съ цѣлью испытанія кто кого перетянетъ, Ванечка, въ виду толпы собравшихся на зрѣлище, свободно приподнял солерника съ полу и, какъ легкій кулъ, перекинулъ его черезъ себя, сдержалъ на рукахъ и объ полъ не шлепнулъ. Опытъ повторенъ былъ съ равнымъ успѣхомъ три раза, въ виду возникшихъ споровъ и по требованію эксперта. Этотъ случайный и посторонній посѣтитель, подойдя къ побѣдителю, крѣпко пожалъ его руку, назвавъ его своимъ старшимъ братомъ. Оказалось, что это былъ тоже извѣстный силачъ изъ окончившихъ курсъ студентовъ, на имя о которомъ еще очень свѣжа была въ университетѣ, и, оказывается, была непрерывною и преемственною, нисходя отъ Дахредена до И. В. Павлова.

Намъ, дружившимъ съ Колюбакинымъ, ближе всѣхъ другихъ извѣстна была его голубиная кротость и та обычная силачамъ сдер-

жанность и увѣренность въ себя, которыя останавливали его отъ всякаго порыва къ проявленію мускульной мощи. Доброта его доходила до евангельской заповѣди, и онъ буквально и не одинъ разъ исполнялъ ту, которая повелѣваетъ отдать ближнему своему рубаху. И самъ онъ въ настоящемъ народномъ смыслѣ былъ дѣйствительно «рубахой»: и весель, и беззаботенъ, и расточителенъ даже въ скудныхъ своихъ средствахъ, и простъ, и легокъ на товарищескія сближенія. Когда мы, по пыльнымъ шоссеинымъ дорогамъ, изъ всѣхъ 9-ти губернскихъ гимназій Московскаго учебнаго округа, подъ шлагбаумами всѣхъ четырнадцати городскихъ заставъ, съѣхались въ Москву ради университета, въ Сандуновскихъ баняхъ произошла наша встрѣча. Когда, послѣ одѣванья, сосѣди по диванамъ оказались въ вицмундирахъ съ голубыми воротниками, тотчасъ же и наладился разговоръ.

— Давайте, господа, познакоимся: мы вотъ рязанцы, — сказалъ Колюбакинъ.

— А мы костромичи.

— Зайдемте къ намъ чайку попить, табачку покурить. Впрочемъ, къ кому ближе?

Квартира рязанцевъ оказалась ближе.

Базинъ притащилъ отъ хозяйки нечищенный самоваръ, снялъ съ лѣвой ноги сапогъ и началъ имъ раздувать непрогорѣлые уголья. Мы обѣгали за калачами и сайкой, прихвативъ попутно четвертку жуковскаго табаку, потому что папиросы только что начинали входить въ употребленіе и были пока доступны состоятельнымъ людямъ, продавались съ деревянными мундштучками. Мы стояли на рубежѣ перелома стараго приѣма куренья на новый и наканунѣ перехода Москвы съ ассигнаціоннаго или мѣднаго рубля на серебряный. Стали пить чай: Нестеровъ заигралъ на гитарѣ, Колюбакинъ подпѣвалъ ему свѣтлымъ, чистымъ, замѣчательно-приятнымъ басомъ. Въ хозяйствѣ рязанцевъ оказалась одна трубка съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ и стамбулкой, прокуренной, однако, до видимыхъ слезъ и слышнаго вопля. Курили всѣ, и трубка была пущена въ круговую: одинъ докурить и выколотить, другой набить. Захаровъ наблюдаетъ очередь, чтобъ увлекшійся не задерживалъ трубки свыше опредѣленнаго времени и она успѣла бы всѣхъ обойти прежде, чѣмъ тоскливо не скажетъ, что она уже вся, — надо набивать новымъ табакомъ. Была тогда въ студенческомъ кругу мода на дроздовку (она же и рябиновка): достали въ складчину и ее, — 10 гривеннику съ брата. Она требовала откровенности и еще больше упростила товарищескія отношенія. Колюбакинъ сразу отбился

тѣмъ, что его гимназическіе товарищи обращались къ нему съ самою нѣжною заботливостью, любовно стараясь передъ новыми знакомыми выставить его впередъ и показать намъ его выдающіяся способности. Оказалось вообще, что рязанцы гораздо развитѣе насъ, constructivней: и открыли намъ свободно и услужливо множество такихъ убѣжденій и вѣрованій, о которыхъ мы не имѣли понятія или запуганно не смѣли думать. Сдѣлалъ это для нихъ одинъ человекъ (Брастелевъ, учитель русскаго языка), помимо воли начальства, которое оказалось такимъ же строгимъ, какъ и наше.

Расщедрившаяся на дары свои природа, капризно избравшая нашего друга въ любимцы, дала ему способность превосходно рисовать, изумительно схватывая портретное сходство лицъ съ карикатурнымъ оттѣнкомъ всегда остроумнаго свойства. Такого рода изображеніе бывшаго въ наше время инспектора студентовъ Ивана Абрамовича Шпейера, изъ моряковъ, толстаго, неуклюжаго, гладко, подъ гребенку, выстриженнаго, причеъ короткіе волосы торчали щетиной, а изъ-подъ очковъ на обрюзгломъ лицѣ глядѣли сердитые, недобрые глаза, — Колюбакинъ изобразилъ во всей прелести изумительнаго сходства до смѣшнаго. Б. Н. Алмазовъ не удержался отъ того, чтобы не скрѣпить точность изображенія собственноручнымъ свидѣтельствомъ. Онъ написалъ подъ портретомъ (а мы его наклеили надъ входною дверью квартиры нелюбимаго нами инспектора) слѣдующее двустишіе:

Се Шпейерь, се Омаръ, се бегемотовъ внукъ,
Оберегающій Россію отъ науекъ.

Не задолго передъ тѣмъ И. С. Тургеневъ, во время посѣщенія мѣстъ съ А. Н. Островскимъ университетскаго диспута, при видѣ Шпейера, пожелалъ узнать, кто это такой, и замѣтилъ:

— Увѣряю васъ, что кто-то изъ предковъ, даже, вѣроятно, не дальше, какъ его дѣдъ, принадлежалъ къ породѣ бегемотовъ.

Мнѣ до сихъ поръ не удалось забыть того неистоваго бегемотскаго рева, которымъ разразился Шпейерь утромъ, въ столовой рязанскихъ студентовъ, послѣ того, какъ познакомился онъ съ нами подъ портретомъ, вернувшись изъ клуба.

Не малое наслажденіе доставляли намъ неслыханные комическіе рывазы собственного сочиненія Колюбакина, которые потомъ высло о оцѣнены были компаніей Островскаго. Особенное же удовольствіе испытывали мы отъ его прелестнаго голоса. А насколько мы въ не увлекались, вотъ и ясное доказательство. Проходимъ однажды мимо церкви Сергія въ Пушкиряхъ, куда собирался народъ

поглазѣть на купеческую свадьбу. Протолкался и мы въ церковь, въ самый передъ. Переговоривъ съ дьячкомъ и принявъ благословеніе священника, Колюбакинъ уже стоялъ слѣва впереди аналая и держалъ передъ собою поднятую по общимъ пріемамъ книгу «Апостоль», придерживая пальцемъ то мѣсто, гдѣ ему надо было читать. Когда кончилось вѣнчаніе и мы двинулись къ выходу, сѣдѣній старичокъ придержалъ нашего «Ванечку» за капюшонъ шинели и говорилъ:

— Ивану Антоновичу и въ молодыхъ его лѣтахъ ни въ жисть такъ бы не сдѣлать, какъ вышло у васъ, милостивый государь! Очень вамъ за все это благодарны: прочитали и чувствительно, и великотно, безъ крику. Позвольте вамъ поклониться «лобанчикомъ».

И совалъ Колюбакину въ руку французскій золотой съ изображеніемъ головы. Монета, конечно, заготовлена имъ была для игры среди прочихъ свадебныхъ забавъ и утѣхъ,—для игры въ тринку (въ «три листка», она же и «подкаретная»). Уподобленіе же чтенія Апостола относилось къ тогдашнему протодьякону митрополита Филарета, докрикивавшему уже послѣднія свои могучія басовыя ноты.

Еще лучше и, можно смѣло сказать, съ художественнымъ мастерствомъ читалъ Колюбакинъ гоголевскія комедіи, въ особенности *Тяжбу*: самъ Садовскій отдавалъ ему преимущество передъ своимъ чтеніемъ, и съ этимъ согласны были все прочіе. Такое-то мастерство, на несказанную радость и гордость нашу, заявленное нашимъ другомъ, между прочимъ, по дошедшимъ слухамъ, заинтересовало Островскаго. Привелъ къ нему милого и любимаго товарища Арк. Эдельсонъ, а чрезъ него уже устроилась и первая наша встрѣча съ знаменитымъ писателемъ. Не для отвѣтнаго визита, а уже прямо съ цѣлью готоваго отозваться на зовъ человѣка, который пришелся по душѣ, и еще лишній разъ полюбоваться имъ въ его товарищеской семьѣ, Александръ Николаевичъ Островскій пришелъ втроемъ къ намъ на чердачокъ, на Спиридоновку.

Посмотрѣть на его ясныя очи мы настроились торжественно и радостно, не вполне довѣряясь сбывчивости событія, и нервно, хлопотливо и суетливо готовились къ его возможной встрѣчѣ. Вымели комнату, прибрали постели, побрились, вычистили самоваръ, собрали цѣлый капиталъ суммою свыше пяти рублей на угощеніе, въ которомъ къ бутылкѣ дроздовки прибавлена была еще бутылка мадеры. Думали было на оставшуюся сдачу купить монашенокъ и покурить ими, но Колюбакинъ отклонилъ: дорогой гость самъ курилъ жубовскій табакъ и, помнится, носилъ его при себѣ въ кисетѣ.

Давно уже мы бѣгали по трактирамъ съ исключительною цѣлью добиться книжки *Москвитянина*, гдѣ была напечатана комедія *Свои люди сочтемся*. Ни протекція половыхъ Семена и Кузьмы, ни переходъ въ Московскій желѣзный трактиръ, гдѣ также выписывались всѣ журналы, не помогли нашей неутомимой жаждѣ. Понапрасну мы съѣли много пироговъ въ 25 б. ас. и выпили нѣсколько паръ чаю, пока добились книжки для прочтенія второпяхъ, такъ какъ настороженные половые стояли, что называется, надъ душой, выжидая, когда отложена будетъ книжка въ сторону, схватить и унести ее къ болѣе почетному и уважаемому посетителю. Насладившись торопливымъ чтеніемъ, мы какъ будто совсѣмъ не читали, узнали ее совершенно вновь, когда Колубанинъ принесъ отъ Евг. Ник. Эдельсона эту комедію и своимъ мастерскимъ чтеніемъ протолковалъ ее намъ во всю художественную силу въ рельефно выраженныхъ красотахъ ея. Мы уже давно знали, что Гоголь умеръ для творчества, и не разъ бѣгали взглянуть на него еще живого, ожидая, когда онъ изъ воротъ дома Талызина выходилъ на Никитскій бульваръ для прогулки. Здѣсь онъ жилъ подъ дружескимъ попеченіемъ, окруженный ласкою и любовью извѣстныхъ своею христіанскою жизнью супруговъ: графа Александра Петровича Толстого и графини, жены его, Анны Федоровны *). До насъ уже дошелъ слухъ о томъ, что Островскій у Погодина читалъ ему свою комедію, что Гоголь опоздалъ противъ назначеннаго имъ срока, пришелъ, когда уже началось чтеніе; пробылъ до конца чтенія и, на вопросъ хозяина, отозвался о пьесѣ одобрительно, но къ Алек. Ник. не подходилъ и не изъявлялъ желанія съ нимъ познакомиться. Похвальный отзывъ Гоголя, написанный на клочкѣ бумаги карандашомъ, переданъ былъ Погодинымъ А. Н. Островскому и сохранялся имъ, какъ драгоценность, конечно, въ томъ же убѣжденіи, какое высказалъ тому же Гоголю въ письмѣ своемъ В. Г. Бѣлинскій: «Я чувствую, что это не мелкое самолюбіе съ моей стороны, а то, что я понимаю, что такое человѣкъ, какъ Пушкинъ, и что такое одобреніе со стороны такого человѣка, какъ Пушкинъ. Послѣ этого вы поймете, почему для я такъ дорогъ вашъ человѣческій, привѣтливый отзывъ».

На покинутое Гоголемъ добровольно и вакантное мѣсто выступилъ достойный послѣдователь и прямой наслѣдникъ его, съ вырванымъ новымъ взглядомъ на русскую жизнь и русскаго че-
 лѣка съ особеннымъ преимуществомъ знатока великорусскаго

*) Извѣстно, что Ал. Петр. былъ тверскимъ губернаторомъ, а потомъ оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода.

народнаго быта и его несомнѣнно вѣрныхъ и до тонкости изученныхъ національныхъ свойствъ, а въ особенности отечественнаго языка въ изумительномъ совершенствѣ.

Передъ нами вѣявѣ уже объявилось новое, вспыхнувшее яркимъ блескомъ свѣтило, и съ трепетнымъ чувствомъ благоговѣнія смотрѣли мы на него, всматривались во всѣ черты его умнаго лица, прислушивались къ звукамъ его голоса, который казался намъ музыкально-мелодичнымъ, и ловили каждое слово. Изумлены были въ то же время его простымъ товарищескимъ отношеніемъ къ Бюлюбакину и ласковымъ, прислушливымъ и внимательнымъ обращеніемъ съ нами. И, помнится, всѣмъ этимъ были даже нѣсколько недовольны: не того мы ждали, не то рисовало намъ прислужливое воображеніе, забѣжавшее впередъ. Словно надо было бы какъ-нибудь новеличественнѣе и повнушительнѣе: вѣдь, уже избранникъ, вѣдь, уже лежитъ на широкомъ и открытомъ челѣ его печать безсмертія. И какіе мы счастливые передъ прочими товарищами, тоже своего рода избранные, малые избранные, которымъ однако же многіе позавидуютъ изъ бѣгавшихъ вмѣстѣ съ нами смотрѣть на Гоголя. Позавидуютъ намъ въ особенности Николаевъ, знавшій наизусть письма Герцена объ изученіи природы, и Глазковъ, также неподобно читавшій *Мертвыя души* съ артистическимъ оттѣнкомъ, признаннымъ всѣми, и Сапчаковъ, который вель постоянные, доходившіе иногда до дерзкихъ выходокъ, споры съ профессоромъ Шевыревымъ, Гоголевскимъ другомъ и душеприказчикомъ.

Вотъ передъ нами вживѣ воскресшія надежды на возрожденіе примолгавшей художественной литературы, надъ которой неумными руками хозяйничали Елагинъ, Ахматовъ, Мусинъ-Пушкинъ и прочая братія. На первый взглядъ А. Н. показался намъ, судя по внѣшнему виду заменутымъ, какъ будто даже суровымъ, но взглядѣвшись, мы замѣтили, что каждая черта лица рѣзко обозначена, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и дышала жизнію. Верхняя часть лица въ особенности показалась намъ привлекательною и изящною. Но лишь только развернулся Бюлюбакинъ, куда эта вся черствость взгляда скрылась. Глаза сдѣлались ласковыми, исчезло величавое выраженіе всего лица и замѣтная на немъ легкая складка лукаваго юмора—уступили теперь добродушному и открытому смѣху. Эта быстрая смѣна впечатлѣній въ подвижныхъ и живыхъ чертахъ лица, выражавшаяся неожиданнымъ переходомъ отъ задумчиваго къ открытому и веселому выраженію, всегда была поразительною. Мы приняли это въ свидѣтельство, что подъ обманчивой и призра-

ной невозмутимостью и при видимой солидности въ движеніяхъ скрывалась тонкая чувствительность и хранились источники безпредѣльной нѣжности, иначе бы онъ такъ мягко и ласково не улыбался и не былъ бы такъ очаровательно простъ. Бѣлокурый, стройный, и даже какъ и мы всѣ, малые и приниженные, застѣнчивый онъ и общимъ обворожительнымъ видомъ, и всею фигурой, совершенно побѣдилъ насъ, расположивъ въ свою пользу до послѣдней степени.

Сопоставляя свои первыя наблюденія съ впечатлѣніями Горбунова при первой встрѣчѣ съ Островскимъ, невольно останавливаемся на тождествѣ чувствъ. Мы благоговѣли передъ нимъ, не потому только, что этому обязывала насъ молодость, впечатлительная и гибкая, а также главнымъ образомъ потому, что мы еще не были заражены современною модною и ходовою болѣзью «ничему не удивляться» (*nihil admirari*), но воспламенялись энтузіазмомъ въ равной степени, какъ къ красотамъ природы, такъ и къ людямъ. Мы видѣли въ нихъ героевъ. Намъ и въ голову не приходило смѣяться надъ товарищами и стыдить самихъ себя за то, что ходили на Никитскій бульваръ любоваться, какъ гулялъ Гоголь.

Впослѣдствіи и вскорѣ Островскій успѣшилъ доказать и многоразличными фактами убѣдить всѣхъ насъ въ томъ, что онъ былъ по-истинѣ нравственно-сильный человѣкъ, и эта сила соединялась въ немъ со скромностью, нѣжностью, привлекательностью. Брѣткая натура его обладала способностью огромнаго вліянія на окружающихъ. Никогда ни одинъ мыслящій человѣкъ не сближался съ нимъ, не почувствовавъ всей силы этого передового человѣка. Онъ дѣйствовалъ, вдохновлялъ, оживлялъ, поощрялъ тѣхъ, кто подлежалъ его вліянію и избранію. Дружба его умножала нравственные средства, подрѣпляла насъ въ нашихъ намѣреніяхъ, возвышала и облагораживала наши цѣли и давала возможность дѣйствовать съ большою способностью въ собственныхъ дѣлахъ и съ большою пользою для другихъ.

При такихъ высокихъ свойствахъ Островскаго приблизившіеся къ нему уже не отставали отъ него, пребывая вѣрными ему до конца. Вглядываясь во всѣхъ окружавшихъ его и близко стоявшихъ къ нему и вспоминая каждаго въ лицо и по имени, вижу не только десятокъ такихъ, которые, какъ звенья въ цѣпи, какъ племя въ хороводѣ, цѣпляясь одинъ за другого, тянулись сюда держимо. Всѣ твердо знали, что здѣсь почувствуютъ они себя въ наивысшемъ нравственномъ довольствѣ, утѣшенными и спокойными. Никогда и никому ни разу въ жизни Ал. Никол.

не далъ почувствовать своего превосходства. Онъ былъ уступчивъ и терпѣливъ даже и на тѣ случаи, когда отысканная имъ или только облаканная личность въ самобытности своей переходила границу и вступала въ области оригинальности, вызывавшей улыбку или наирашивавшейся на насмѣшку,—словомъ, когда этотъ оригинальный человѣкъ начиналъ казаться чужакомъ. Конечно, это было на руку драматическому писателю, одаренному тонкимъ чутьемъ наблюдателя, и заявляемые странныя уклоненія въ характерахъ принимались про запасъ въ будущихъ работахъ, какъ материалъ для комедій, но самый наблюдаемый субъектъ не испытывалъ неловкости положенія. Не оскорблялось его самолюбіе, и онъ самъ не только не спѣшилъ отходить прочь, но еще прочтѣе и душевнѣе привязывался къ наблюдателю.

Колюбакинъ былъ неудачливъ и даже несчастливъ именно тѣмъ, что слишкомъ короткое время находился подъ вліяніемъ этой высокой личности и представлялъ противоположный образчикъ тому, чѣмъ сталъ впоследствии Горбуновъ, какъ художникъ, выработавшійся подъ ближайшимъ и долговременнымъ вліяніемъ Островскаго. Послѣдній успѣлъ помочь Колюбакину тѣмъ, что исключилъ ему мѣсто помощника капитана на меркурьевскомъ пароходѣ «Гермогенъ», когда не задался университетъ.

Поступили мы въ университетъ въ 1850 году, когда всѣ факультеты, кромѣ медицинскаго, были закрыты. Колюбакину, страстному словеснику, волей-неволей привелось съ верхнихъ свамеекъ амфитеатра слушать крикливую трескотню латинскихъ словъ и фразъ на лекціи лысаго Севрука по описательной анатоміи. Крутая государственная мѣра, вызванная революціонными движеніями въ Европѣ конца сороковыхъ годовъ, примѣненная въ пятидесятомъ, едва не помѣшала, наприм., гимназическому товарищу Колюбакина Д. И. Иловайскому сдѣлаться профессоромъ и историкомъ, хотя въ то же время палка, дѣйствуя неожиданно оборотнымъ концомъ, убила въ знаменитомъ Сергѣѣ Петровичѣ Боткинѣ юриста: воспитался знаменитый клиницистъ, выдающійся діагностъ, получившій европейскую извѣстность среди ученаго міра и болящаго люда. За то половина курса разбрелась въ разныя стороны, и однимъ изъ первыхъ сбѣжалъ Колюбакинъ сначала на Волгу, а потомъ въ бродячую труппу перелетныхъ птицъ—провинціальныхъ актеровъ, среди которыхъ онъ погрязъ и погибъ. А. Н. Островскій, во время поѣздки по Южной Россіи съ геніальнымъ артистомъ, умирающимъ Мартыновымъ, видѣлъ гдѣ-то на ярмарочномъ театрѣ нашего неудавшагося медика, и остался игрою его недовольнымъ. Природная

комическая жилка еще оставалась дѣйствующею, но лишь мѣстами и неровными порывами; балаганная сцена сдѣлала уже свое: въ *Женитьбѣ Гюля*, которую нѣкогда онъ зналъ всю наизусть, онъ поразилъ не только незнаніемъ своей роли, но и вставками собственнаго вымысла въ угоду райка, возмутившими компетентнаго судью до глубины любящаго сердца. Народившееся въ немъ самолюбіе довело его до нервной раздражительности при выслушиваніи неодобрительныхъ отзыовъ даже такихъ лицъ, сужденія которыхъ явно не стоили вниманія, не имѣя никакой цѣны. Въ Балашовѣ, городкѣ Саратовской губерніи, Колюбакинъ набѣжалъ на одного изъ такихъ, прожившаго отцовское имѣніе на поискахъ всякаго рода забавъ и увеселеній и прожигавшаго скудные остатки его около той труппы, въ которой первое амплуа занималъ нашъ неудавшійся артистъ, милый и дорогой товарищъ. Рѣзкій отзывъ гуляки Докукина объ игрѣ его вызвалъ, за трактирнымъ столомъ послѣ выпивки, крупную ссору, доведшую до оскорбленія дѣйствіемъ со стороны угощавшаго. Броткій нравомъ и незлобивый сердцемъ Колюбакинъ не вынесъ оскорбленія и отвѣчая тѣмъ же, при своей необыкновенной силѣ, больно отомстилъ за обиду. Свидѣтели успѣли примирить ихъ, заставили поцѣловаться, выпили бутылку шампанскаго и разошлись. Колюбакинъ еще не успѣлъ заснуть въ своемъ номерѣ гостиницы, какъ въ его дверь раздался стукъ и послышался, въ нѣжныхъ и ласковыхъ тонахъ, голосъ его оскорбителя. Радушно открылъ дверь Колюбакинъ и, какъ снакъ, повалился тутъ же навзничъ, пораженный предательской пулей прямо въ сердце. Убійцу судили и сослали въ Сибирь въ каторжныя работы, именемъ убитаго дополнивъ безконечно длинный списокъ безвременно погибающихъ несомнѣнно талантливыхъ русскихъ натуръ.

Среди счастливецевъ, окружавшихъ Островскаго въ первые годы его литературной дѣятельности, былъ и тотъ Несчастливцевъ, который далъ ему нѣсколько чертъ для обрисовки симпатичнаго лица этого имени въ извѣстной, любимой публикою, комедіи *Лисъ*, роль котораго съ такимъ блестящимъ и неослабѣвающимъ успѣхомъ полняетъ въ настоящее время на петербургской сценѣ Модестъ Яновичъ Писаревъ.

Самъ авторъ, давно знавшій этого уважаемаго артиста, какъ азованнаго человѣка и прекраснаго исполнителя многихъ ролей его разныхъ пьесахъ, пожелалъ видѣть Писарева въ этой раскованной роли. По окончаніи пьесы въ Солодовниковскомъ театрѣ

въ Москвѣ, весной 1880 года, Ал. Ник. пришелъ на сцену взволнованный, въ слезахъ.

— Что вы со мной сдѣлали? Вы мнѣ сердце разорвали. Это—необыкновенно!

— А я боялся сегодня только одного васъ, Александръ Николаевичъ. Кромѣ васъ для меня никого не существовало.

— Вамъ некого бояться, Модестъ Ивановичъ!... Это высокохудожественно!... Это, повторяю: «необыкновенно»!

Передавая незабвенныя слова, благородный артистъ можетъ съ полнымъ правомъ сказать словами Бѣлинскаго: «Я не заношусь слишкомъ высоко, но, признаюсь, и не думаю о себѣ слишкомъ мало. Я слышалъ похвалы себѣ отъ умныхъ людей и — что еще лестнѣе—имѣлъ счастье пріобрѣсти себѣ ожесточенныхъ враговъ: и все-таки больше всего этого меня радуютъ доселѣ и всегда будутъ радовать, какъ лучшее мое достояніе, нѣсколько привѣтливыхъ словъ, сказанныхъ обо мнѣ Пушкинымъ и, къ счастью, дошедшихъ до меня изъ вѣрныхъ источниковъ».

Такая же жертва личнаго темперамента, столько же талантливый, но болѣе опытный сценическій дѣятель въ драматическихъ роляхъ, былъ въ то же время послѣднимъ изъ могиканъ, послѣднимъ трагикомъ, пользовавшимся огромною извѣстностью въ провинціяхъ и горячею привязанностью товарищеской семьи—несчастныхъ пролетаріевъ, бездомныхъ и бездольныхъ скитальцевъ, на судьбу которыхъ лишь въ послѣдніе дни обратила вниманіе благотворительность. Это—Корнилій Полтавцевъ, несомнѣнный благодѣтель меньшей актерской братіи, единоличный, скорый и умѣлый заступникъ и охранитель ея при хищническихъ и безнаказанныхъ поползновеніяхъ театральныхъ антрепренеровъ. Во всякомъ случаѣ, память о немъ благодарно сбереглась столь долгое время, и имя его въ своей сферѣ заслуженно переходитъ въ потомство. Обладая горячимъ сердцемъ, привлекательнымъ, уживчивымъ и ласковымъ нравомъ, онъ дѣлился съ товарищами послѣднимъ кускомъ черстваго хлѣба и, какъ Колюбакинъ, въ буквальный смыслъ, послѣднею, оставшеюся въ дорожной сумкѣ, рубашкою. Изъ всѣхъ знакомыхъ артистовъ «Корнилій», какъ хорошо мнѣ помнится, у Александра Николаевича Островскаго пользовался особенною, предпочтительною любовью, а потому не имѣю права умолчать и объ этой прекрасной личности, также еще и по поводу нижеслѣдующаго знаменательнаго явленія, ярко выразившагося въ тѣ дни, когда Корнилій Полтавцевъ сводилъ свои послѣдніе расчеты съ жизнью и подвелъ уже итоги.

Вотъ что, между прочимъ, писалъ мнѣ Е. Э. Дрианскій тотчасъ послѣ похоронъ этого артиста-человѣка, Борнилія Николаевича Полтавцева, въ письмѣ отъ 1 января 1866 г.: «Вчера въ 2 часа опустили мы въ могилу нашего Борнилія. Скончался онъ 30-го въ часъ и 10 минутъ пополудни такъ: велѣлъ натереть себѣ бока; въ это время вошелъ къ нему И. В. Самаринъ, больной сдѣлалъ рукой поцѣлуй, улыбнулся. Рука уже безнадежно упала, глаза закрылись, и присутствующіе минутъ пять не догадывались, что онъ уже скончался. Меня извѣстили объ этомъ уже въ 4 часа. Слѣдовало успѣть похоронить его на другой же день, потому что новый годъ — табельный. Не успѣли ни хорошенько опубликовать, ни успѣшно устроиться, однако же все сдѣлалось какъ нельзя лучше. Откуда набралось народу, Богъ вѣсть! Театральные всѣ, а прочаго люда столько, что половина его осталась на паперти. Гробъ усыпали весь цѣвтами, я во время самой обѣдни получалъ ихъ нивѣсть отъ кого корзину за корзиной. Всѣ солисты наши: Владиславлевъ, Буровъ, Лавровъ, Бижановскій, Константиновъ и проч., и проч., шѣли обѣдню на два хора. Каретъ и прочихъ экипажей набралось и провожало гробъ вплоть до Пятницкаго владбища не меньше, какъ на версту. Положили его по сосѣдству съ Щепкинымъ, Грановскимъ и Павловымъ. Только въ этотъ день объяснилось, какимъ искреннимъ сочувствіемъ пользовался у всѣхъ этотъ человѣкъ, у котораго была постоянно, какъ говорятъ, «душа нараспашку»...

Егоръ Эдуардовичъ Дрианскій изъ всѣхъ московскихъ литераторовъ, былъ наиболѣе частымъ посѣтителемъ и собесѣдникомъ Островскаго, и не одно лишь это обстоятельство обязываетъ насъ остановиться на немъ воспоминаніями. За отзывчивое, мягкое сердце онъ въ равной степени оцѣненъ былъ и литературными, и театральными кружками: у постели помиравшаго Борнилія Полтавцева онъ проводилъ цѣлые дни и темныя ночи; въ литературныхъ кружкахъ возбуждалъ сочувствіе постоянными неудачами въ дѣлахъ. Базалось, не было человѣка несчастнѣе его. А онъ и не скорбѣлъ, и не унывалъ, и тотчасъ забывалъ о себѣ, какъ только требовалась на сторонѣ его помощь или простое участіе, и затѣмъ топталъ безъ устали. «Сейчасъ тороплюсь на похороны (пишетъ въ одномъ письмѣ). На нашихъ театральныхъ моръ пошелъ. Отъ въ одинъ мѣсяцъ хоронимъ другую актрису: у Суворова жену прятали на-дняхъ, а теперь будемъ ховать Рензгаузена: этого врно выдали въ *Фаустъ*, товарищъ Кузнецова, а Борнилія впереди. Объ этомъ не могу вспомнить равнодушно: того и жду, что избѣгутъ сказать...» Въ то же время вспоминаются его хлопоты

о новоявленномъ рассказчикѣ, прибывшемъ изъ Рязани (Ф. Ф. Смердовѣ), котораго онъ также представлялъ Островскому, дѣйстви-тельно, съ забавными рассказами, изъ которыхъ особенно выдавался *Рекрутскій наборъ*, болѣе крупный и лучше отдѣланный. Въ печать ихъ не удалось пристроить въ то время, бѣдное литера-турными органами, — обстоятельство въ самомъ дѣлѣ существеннаго значенія. Теперь имъ отвели бы мѣсто въ любомъ изданіи, не при-нимая даже въ расчетъ строгую разборчивость. Самъ Дріанскій не мало помыкался и пострадалъ отъ этихъ затрудненій, несмотря на то, что *Записки Мелкотравчатого* (въ особенности) въ *Библио-теку для чтенія*, 1857 г. и тамъ же *Панычъ*, *Одарка* комедія въ *Русскомъ Словѣ* изд. гр. Бушелева-Безбородко, *Квартетъ* (всего до 15 вещей) обратили на это дарованіе вниманіе читателей *). На писанія онъ былъ скоръ и плодovitъ. Покойный Горбуновъ до самой смерти не могъ забыть той формы извѣщенія, съ которою явился разъ Дріанскій къ А. Н. Островскому, какъ бы съ какимъ рапортомъ:

— Ту повѣстуху, что читалъ, на - дняхъ исправилъ, какъ указывали. Теперь романъ «заквасилъ».

Романъ этотъ, взятый Катковымъ для *Русскаго Вѣстника*, вызвалъ цѣлую бурю недоразумѣній и споровъ, доведенныхъ до жа-лобы Дріанскаго въ газетахъ. «Положеніе мое хуже въ десять разъ, чѣмъ сказать бы северное (пишетъ онъ ко мнѣ). Брожу, какъ очу-тившійся, и не придумаю, что начать и съ каждымъ новымъ днемъ прихожу къ болѣе и болѣе грустному убѣжденію, что у насъ на Руси добыть кусокъ насущнаго рѣшительно нѣтъ возможности честнымъ литературнымъ трудомъ. Романъ, по милости Каткова, теперь долженъ, кажется, прогиснуть, лежа на столѣ: у насъ, въ Москвѣ, издателя не найдешь со свѣчой. Одинъ Салаевъ — и тотъ, при всей охотѣ, отиѣкивается, ссылаясь на трудность ладить съ цензорами, которые, вслѣдствіе новаго благодѣтельнаго постанов-ленія, отказываются читать рукописи, превышающія 10 печат-ныхъ листовъ, а по отпечатаніи могутъ красать вещь, какъ ихъ душенькѣ угодно. Одинъ изъ самыхъ честныхъ и надежныхъ у насъ — это Ив. Григ. Соловьевъ, но этотъ просто не имѣетъ сво-бодной минуты, прочіе, безденежная мелкота, съ которою сходиться опасно, и т. д.» Романъ этотъ такъ и не вышелъ въ свѣтъ въ до-казательство того, какъ нужно было 30 лѣтъ тому назадъ при-

*) Его рассказы, *Записки Мелкотравчатого*, настолько не утратили своей свѣ-жести, что были одѣяны специалистами и, въ видѣ приложений, перепечатаны въ 1888 году при журналѣ *Природа и Охота*.

строить литературно-отдѣланное произведеніе. Въ настоящее время оно бы не залежалось и не обезсилило бы въ конецъ достойнаго человѣка, страдавшаго всѣми жизненными невзгодами.

Впрочемъ, не одинъ неудачливый Дріанскій сѣтовалъ на подобныя затрудненія въ обнародованіи заготовленныхъ для печати произведеній. Тотъ же досадливо нахмуренный тонъ слышится и отъ не менѣе извѣстнаго писателя и болѣе близкаго пріятели А. Н. Островскаго, каковъ автора *Ночного* и проч. Въ письмѣ М. А. Стаховича къ П. И. Якушкину, въ которомъ онъ, между прочимъ, извѣщалъ о томъ, что началъ писать воспоминанія свои о Петрѣ Васильевичѣ Бирѣвскомъ, — извѣстномъ собирателѣ народныхъ пѣсенъ, — находимъ такія строки: «Плохая участь провинціальныхъ литераторовъ! Два раза посылаю *Мельницу*, и все невпопадъ. Если она не помѣщена въ *Библ. для Чтенія*, то сходи къ Писемскому или Дружинину и моимъ именемъ возьми ее. А какъ я не хочу имѣть *Библиотеки* даромъ, то пришлю имъ 6 переводовъ изъ Гейне и своихъ четыре стихотворенія. Тогда *Мельницу* перешлешь ко мнѣ или къ Павлову, вмѣстѣ обдѣлаемъ съ общаго совѣта, и она намъ годится впередъ», и проч. М. А. Стаховичъ, однако, не подходитъ подъ уровень съ Дріанскимъ, какъ очень богатый человѣкъ, вовсе не нуждавшійся въ литературномъ заработкѣ, и притомъ настолько денежный, что это самое богатство послужило одною изъ причинъ его преждевременной насильственной смерти.

Странствуя по черноземнымъ губерніямъ Россіи и направляясь изъ Ельца на Пензу, отгостилъ я у него съ Павломъ Якушкинымъ въ усадьбѣ Пальнѣ, случайно попавши на сельскій храмовой праздникъ; осенью 1858 года Мих. Алек. проводилъ Якушкина въ усадьбу его матери—Сабурово, Малоархангельскаго уѣзда. Это было въ началѣ октября, а въ концѣ этого мѣсяца въ гостепрѣимной и радужной семьѣ Якушкиныхъ услышали, что недавній гость ихъ (27 октября) удавился. Стали припоминать, что онъ былъ грустенъ, — и повѣрили, плакали объ немъ, какъ по родномъ, зная его за хорошаго и умнаго человѣка; служили панихиды и заупокойную обѣдню, чтобы узнать подробности несчастья, писали бурмистру ихъ Алек. съ пожеланіемъ, чтобы простилъ ему Богъ это страшное преступленіе. Вся губернія вѣрила въ то, что несчастный, дѣйствительно—самоубійца, такъ какъ нашли его голову въ петлѣ. Однако, по слѣдамъ истязаній, найденныхъ на тѣлѣ, предположено было убійство, заподозрили бурмистра, приближеннаго къ барину ловѣка, съ которымъ на нашихъ глазахъ Мих. Алек. обращался речуръ за панибрата, и письмоводителя Биндягова (Стаховичъ

былъ елецимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства). Биндяковъ незадолго передъ тѣмъ ѣздилъ съ довѣренностью въ Орелъ за полученіемъ очень крупной суммы денегъ, неизвѣстно куда исчезнувшей и, повидимому, Стаховичу недоставленной. Слѣдователи: Мироненко съ жандармскимъ полковникомъ Артишевскимъ—довели обоихъ убійцъ до полнаго сознанія. Ихъ наказали и сослали въ Сибирь, а московскій кружокъ литераторовъ вынужденъ былъ занести въ свой синодикъ новую жертву неуравновѣшеннаго характера и новую потерю несомнѣнно даровитаго писателя, умѣвшаго оживлять кружокъ и вносить въ него и заразительную веселость, и умныя, живыя бесѣды. Стаховичъ не только былъ незауряднымъ пѣсенникомъ, но и большимъ знатокомъ народнаго быта, былъ общительнымъ и популярнымъ въ народѣ человекомъ, какъ прямой и искренній радѣтель крестьянскихъ интересовъ въ достопамятную эпоху реформъ, и въ первые годы проведенія ихъ въ жизнь среди множества опасныхъ подводныхъ скалъ.

С. Максимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АРМАТУРА).

Романъ Поля Эрвьё.

У.

Катерина Сафръ.

Герцогъ и герцогиня де-Латерранку не пожелали устраивать на свадьбѣ дочери большое свѣтское сборище. Не по душѣ оно имъ было, сближались они только съ равными себѣ, а таковыми не признавали почти никого. Вотъ почему для брачной церемоніи они выбрали одинъ изъ послѣднихъ дней августа и маленькую капеллу своего замка Эвекфлёръ въ департаментѣ Сены-и-Марны, служившаго имъ одною изъ лѣтнихъ резиденцій. Этимъ способомъ они избавлялись отъ толпы гостей. Порѣшивши выдать дочь замужъ за очень богатаго человѣка и принимая во вниманіе ничтожность ея приданого и ея некрасивость, они заранѣе отказались отъ прискиванія зятя, достойнаго ихъ своею родовитостью. Рожеръ д'Анси потому оказался для нихъ подходящимъ, что его состояніе и огромныя надежды въ будущемъ соединялись въ лицѣ представителя четвертаго поколѣнія далеко не важнаго рода. За давностью, не легко уже становилось припомнить, какими способами создалъ великолѣпные обширныхъ помѣстій старикъ Шабульо, умершій много лѣтъ назадъ, нажившійся на поставкахъ для арміи, на прокладкѣ трубъ для городскихъ нечистотъ, что не обошлось безъ нѣкоторыхъ нечестивыхъ изумлѣній съ юстиціей. Герцогу и герцогинѣ хотѣлось, елико возможно, меньше фигурировать на ряду со вдовою баронессой Анси, матерью Рожера, хотя она и была урожденная Дю-Трюфіе и Мушели. Но за то вокругъ нея и за нею тянулся цѣлый выводокъ дѣтей, снохъ и зятьевъ отставнаго майора де-Мушели. Благо-

) Русская Мысль 1896 г., кн. XII.

разумнѣе было ограничить до крайней степени число постороннихъ зрителей, не вызывать ихъ молчаливаго изумленія передъ манерами и внѣшностью будущихъ свойственниковъ семейства герцоговъ де-Латерранку. Гостить въ замкѣ приглашены были только ближайшіе родные: баронъ и баронесса де-Божоле, графъ де-Водемонъ, супруги де-Понтіе, де-Буси и маркизь де-Реневъ. На самое торжество бракосочетанія въ церкви положено было пригласить не болѣе тридцати человѣкъ старинныхъ друзей герцога.

Такимъ образомъ никто, кромѣ членовъ двухъ семействъ, вступающихъ въ родство, не могъ претендовать на то, что его имя не занесено въ списокъ столь тщательно отобранныхъ и очень немногочисленныхъ приглашенныхъ. Тѣмъ не менѣе Мари-Бланшъ де-Громмеленъ впала въ настоящее сокрушеніе отъ невозможности попасть на свадьбу Рожера. Короткимъ письмомъ онъ сообщилъ графинѣ, что никакихъ празднествъ по этому случаю не будетъ и что религіозная церемонія совершится въ присутствіи людей самаго близкаго кружка.

Несмотря на это, недѣли за двѣ до назначеннаго дня Мари-Бланшъ порѣшила отправиться гостить къ своему брату Артуру въ замокъ Мелеть потому именно, что помѣстье это было всего въ пяти километрахъ отъ Эвекфлёра.

Катерина Сафръ любезно хозяйничала тамъ съ разумнымъ и скромнымъ радушіемъ. Имѣніе было обширное, холмистое, съ солнечными и тѣнистыми мѣстами, домъ былъ расположенъ на возвышенности, отличающейся сухостью воздуха. Каждое лѣто дочка Катерины пріѣзжала туда истомленною пребываніемъ въ Парижѣ и очень быстро поправлялась, оживала на чистомъ воздухѣ, на свободѣ деревенской жизни. Артуръ Сафръ устроилъ себѣ въ этомъ убѣжищѣ бібліотеку, необходимую для его ученыхъ изысканій, и, свѣдаемый академическимъ честолюбіемъ, упрямо сочинялъ брошюры, высиживалъ «сообщенія», передѣлывалъ и отдѣлывалъ свои «замѣтки».

Баронесса Сафръ жила въ это время у невѣстки до своей вторичной въ году поѣздки на воды. Поскольку можно было судить о ея привязанностяхъ, ей нравилось это комфортабельное и уединенное мѣсто жительства, гдѣ она спокойно каждый день прогуливалась по липовымъ и каштановымъ аллеямъ въ вѣчной погонѣ за выздоровленіемъ.

Мари-Бланшъ извѣстила Рожера о своемъ пребываніи въ сосѣдствѣ Эвекфлёра. Молодой человѣкъ въ уклончивыхъ выраженіяхъ подавалъ надежду на свое скорое посѣщеніе, но нисколько не то-

ршился явиться лично. Чтобы какъ-нибудь заглушить свое нетерпѣніе, графиня удвоила дозы морфина, но отнюдь не хотѣла разстаться съ непоколебимымъ убѣжденіемъ въ томъ, что нельзя относиться къ ней, какъ къ посторонней, на этой герцогской свадьбѣ. Въ теченіе нѣкотораго времени она употребляла всѣ усилія на то, чтобы Катерина Сафръ повезла ее къ Латерранку. Но хозяйка дома отказалась исполнить ея желаніе, ссылаясь на несвоевременность визита, который она имѣла обыкновеніе ежегодно дѣлать своимъ сосѣдямъ.

Нѣсколько разъ Мари-Бланшъ уѣзжала совершенно одна въ маленькомъ экипажѣ, запряженномъ пони, не говоря, куда она отправляется. Быстрою рысью она доѣзжала до того мѣста, гдѣ ее останавливали ворота парка Эвекфлёра. Но какъ замокъ, такъ и его обитатели оставались для нея невидимыми...

Не задолго до дня, назначеннаго для свадьбы, Катерина Сафръ была крайне удивлена тѣмъ, что Рожеръ д'анси пріѣхалъ верхомъ въ замокъ Мэлетъ. Видъ молодого человѣка былъ очень озабоченный, и мало правдоподобными оказывались поводы, которыми онъ пытался объяснить свой пріѣздъ. Катерина сообразила тотчасъ, что ничего лучшаго не остается ей сдѣлать, какъ предоставить гостю возможность поговорить конфиденціально съ графиней де-Громмеленъ.

Молодой человѣкъ успѣшилъ сообщить Мари-Бланшъ объ одномъ обстоятельстве, крайне неприятномъ для нихъ обоихъ и упорно повторяющемся изо дня въ день. Съ нѣкоторыхъ поръ кто-то не даетъ ему покоя анонимными нисъмами точно такъ же, какъ и другимъ обитателямъ замка Эвекфлёръ. Темой таинственной корреспонденціи служили отношенія Рожера къ графинѣ де-Громмеленъ, интимность которыхъ авторъ раскрывалъ въ самыхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ и съ большими подробностями. Распознать по черкѣ не было никакихъ средствъ, такъ какъ все это было написано печатными буквами. Письма были отправлены черезъ разныя почтовые конторы ближайшихъ мѣстностей, а нѣкоторыя положены прямо въ почтовый ящикъ замка. Рожеръ терялся въ догадкахъ. Онъ поочередно заподозривалъ всѣхъ: родныхъ, друзей, слугъ. Онъ доложилъ было, что только горничная графини, пріѣхавшая съ нею вмѣстѣ, могла такъ ловко шпионить. Но очень скоро онъ выдѣнь былъ отказаться отъ этого предположенія, такъ какъ немой авторъ писемъ пускался въ такія подробности, которыя въ такому лицу могли стать извѣстными развѣ лишь какимъ-нибудь другомъ. Самъ Рожеръ, да и Мари-Бланшъ тоже едва ли могли бы

поразсказать столько! Герцогъ, герцогиня, женихъ ихъ дочери по очереди получали такого рода посланія, которыя немного ранѣе могли бы послужить поводомъ къ отказу жениху, да и теперь производили впечатлѣнія въ высшей степени непріятныя.

Рожеру не удалось добиться отъ графини де-Громмеленъ никакого сколько-нибудь путнаго указанія.

Она ограничивалась выраженіемъ своего полного презрѣнія и отказывалась входить въ обсужденіе такихъ гадостей, не пожелала даже взять въ руки одинъ изъ листовъ, привезенныхъ Рожеромъ съ тѣмъ, чтобы показать ей.

— Нѣтъ! — говорила она съ смѣлымъ и привѣтливымъ видомъ. — Оставьте это, другъ мой... Ничего я не хочу читать. Не вижу въ томъ надобности... ни малѣйшей надобности...

— Помогите же мнѣ хоть немного... — настаивалъ онъ. — Наведите на какую-нибудь мысль, на подозрѣніе...

Она сдѣлала отрицательный жестъ, печальный и великодушный, желая дать понять, что она прощаетъ потому, что презираетъ. Она тѣшила себя такими отвѣтами, будто всѣмъ этимъ Рожеръ встревоженъ за нее, будто онъ волнуется совсѣмъ не изъ-за того, насколько это можетъ компрометировать его самого и надѣлать ему непріятностей.

— Я выше всѣхъ подобныхъ гадостей! — говорила она. — Обо мнѣ не беспокойтесь. Я никого не боюсь и не опасуюсь никакихъ нападокъ... Въ тому же эта исторія имѣетъ и свою хорошую сторону, такъ какъ отнимаетъ у меня поводъ сожалѣть о томъ, что ваша свадьба будетъ происходить въ очень тѣсномъ кругу... На самомъ дѣлѣ, еслибы вы захотѣли теперь, чтобы я была на ней, это оказалось бы невозможнымъ. Вамъ не дозволилъ бы этого скандалъ, надѣланный письмами. Мнѣ же они доставили удовольствіе васъ видѣть и высказать вамъ мои добрыя пожеланія... Этимъ я вполне утѣшена!

Рожеръ видѣлъ выраженіе нѣги, которое она придавала своему вызывающему лицу, слегка подкрашенному, видѣлъ ея позы и тѣлодвиженія не только стройной женщины, а прямо-таки кокетки. Подогрѣтый воспоминаніями, которыя съ такою отчетливостью оживлены были письмами, онъ подался впередъ съ явнымъ желаніемъ обнять Мари-Бланшъ.

Она отъ этого уклонилась очень мило. Въ данную минуту она была удовлетворена результатами своей игры, такъ какъ выполнила всѣ обязанности относительно самой себя. Она имѣла такъ видъ, будто избавилась отъ долго удручавшей ее заботы. Она с

знавала, наконецъ, что, какъ бы тамъ ни было, она займетъ выдающееся мѣсто на брачномъ торжествѣ въ капеллѣ Эвекфлѣра. Лично она тамъ не будетъ, за то постоянно раздражающее воспоминаніе о ней не дастъ покоя нахмуреннымъ лбамъ герцога и герцогини де-Латеррангу.

Батерина Сафръ не могла не замѣтить съ нѣкоторою жалостью, чего, собственно, не достаётъ ей золовкѣ-интриганткѣ въ ихъ монотонномъ житіи. Въ замкѣ Мѣлетъ не было про запасъ ни одного мужчины, чье ухаживаніе могло бы хоть сколько - нибудь развлекать досужее кокетство Мари-Бланшъ. Положеніе стало еще болѣе удручающимъ, когда пріѣхалъ Громмеленъ съ двумя сыновьями, возвращаясь изъ Анжера, куда онъ счелъ нужнымъ свозить ихъ къ доживающему свои послѣдніе дни богатому и бездѣтному родственнику. Тутъ ужъ Батерина отъ всей души начала сочувствовать печальному одиночеству Мари-Бланшъ, въ которомъ та несомнѣнно очутилась между своею матерью и своими дѣтьми, лицомъ къ лицу съ своимъ мужемъ, въ домѣ родного брата и его жены. По обязанности доброй хозяйки, Батерина задумала устроить одинокой гостьѣ какой-нибудь флиртъ, хотя бы маленькій, хотя бы съ самимъ Громмеленомъ. Къ тому же она считала себя болѣе чѣмъ вправѣ сдѣлать такую попытку, такъ какъ Мари-Бланшъ настоятельно просила ее объ этомъ во время ихъ страствованія по моднымъ магазинамъ.

Батерина тотчасъ же приступила къ исполненію припомнившася ей деликатнаго порученія золовки. Случай къ тому представился самъ собою во время одной изъ частныхъ бесѣдъ, которыя Громмеленъ охотно заводилъ съ нею, при чемъ воздерживался отъ своихъ обычныхъ желчныхъ выходовъ. Въ обществѣ Батерины, равной ему въ качествѣ прирожденной аристократки, онъ оставлялъ свои чопорныя и сухія манеры, служившія ему какъ бы своего рода броней въ кругу «отродья» Сафровъ. Между графомъ и Батериной, несмотря на то, что они рѣдко видѣлись, существовала связь болѣе надежная, болѣе сближающая, чѣмъ даже бракъ: это съ нѣкимъ обоимъ сознаніе, что они люди одинаково «высокорождаемые».

Во время ихъ прогулки вдвоемъ по парку, разговоръ коснулся и сына Мари-Бланшъ, безпокоившаго Батерину, которая не подумала, что разстраиваетъ его ежедневное отравленіе морфіемъ. Сидящая замѣчала, какъ иногда бываетъ порывистъ смѣхъ ея золовки, и какъ тѣмъ трудомъ и какъ неясно выговариваетъ она порою нѣкоторые слова, звучація до нѣкоторой степени дико. Ея рѣсницы

покрываются свинцовыми тонами, расходящимися въ настоящіе круги подъ глазами, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, утрачиваютъ свой чудный блескъ.

— О!—возразилъ Громмеленъ.—Если моя жена чувствуетъ себя теперь не совсѣмъ хорошо, такъ это потому, что попала она здѣсь на лоно природы, а лоно это ей не по вкусу. Ей требуется жизнь широкая, веселая, безъ отдыха. Она поправится въ Парижѣ зимой и будущею весной. Тогда я замѣчаю нѣкоторые тревожные симптомы лишь въ тотъ день, когда ей приходится отстать отъ компаніи, отправляющейся ужинать, или когда она слышитъ разсказъ о неприличномъ увеселеніи и не имѣетъ возможности захоплатъ въ ладоши и тотчасъ же заявить, что и ей надо туда ѣхать!... Нѣтъ, добрый другъ мой, тревожиться намъ нѣтъ пока основанія. Для этого подождемъ, чтобы моя жена натащила менѣе полдюжины гостей къ обѣду, если случайно ей самой доведется обѣдать дома. Что меня касается, то я останусь спокойнымъ до тѣхъ поръ, пока не увижу въ сезонъ увеселеній, что моя жена ложится иногда спать раньше трехъ часовъ утра!...

— Надо полагать, что вы ее не очень торопите...— рискнула сказать Катерина съ улыбкой, подчеркивавшей значеніе этого нѣсколько вольнаго замѣчанія.

Громмеленъ посмотрѣлъ на свою собесѣдницу и, убѣдившись въ томъ, что она сказала именно то, что хотѣла сказать, только пожалъ плечами.

Но это простое средство оказалось недостаточнымъ для того, чтобы отдѣлаться отъ продолженія разговора. Громмеленъ натолкнулся на женское упрямство по такому вопросу, въ которомъ оно особенно стойко, въ силу естественнаго закона и солидарности всѣхъ женщинъ. Катерина говорила:

— Это стремленіе къ свѣтскимъ удовольствіямъ Мари-Бланшъ не обуславливается ли отчасти чѣмъ-нибудь такимъ, въ чемъ она не виновата?... Эта немного лихорадочная потребность выѣзжать, чтобы быть окруженною ухаживаніями и комплиментами, не указываетъ ли скорѣе на тревожное состояніе женщины, доведенной до нѣкотораго сомнѣнія въ своей привлекательности? Быть можетъ, ваша жена ищетъ въ глазахъ праздно толпы удостовѣренія въ томъ, что она все еще молода и хороша, что она не утратила еще очаровательности, къ которой... дома, въ силу привычки... остаются болѣе или менѣе... равнодушными?

На лицѣ Громмелена отразилось недовольство.

— Ужъ не сама ли она, — спросилъ графъ, — сообщила вамъ

интимныя подробности о нашей жизни, что я могъ бы назвать, пожалуй, доносомъ?

Очевидно, онъ не хотѣлъ даже ничего отрицать. Но, чтобы не обострять отношеній между супругами, Катерина поспѣшила выгородить золовку, отклонить отъ нея отвѣтственность за нескромность.

— Не имѣю я развѣ удовольствія, — возразила она, — принимать васъ здѣсь въ своемъ домѣ? Если я имѣю нѣкоторыя достоинства хозяйки, то — уже не взыщите, когда окажутся и кое-какіе недостатки, свойственные этой должности. Такъ, на примѣръ, не могло ли побудить меня любопытство замѣтить, какую комнату вы выберете изъ числа тѣхъ, что я предложила въ ваше распоряженіе?... Вы предпочли наиболѣе отдаленную отъ занятой вашей женой, наиболѣе уединенную. Изъ этого я вывела мои маленькія заключенія.

Громмеленъ молчалъ недовѣрчиво. Въ неторопливой прогулкѣ безъ цѣли они спустились съ пригорка къ самой рѣкѣ и сѣли на каменную поросшую мохомъ скамью въ концѣ подстриженной въ видѣ стѣни тиссовой аллеи. Тутъ нависшія вѣтви деревьевъ образовали уютную бесѣдку, располагающую къ откровенности.

— Во всемъ этомъ, — упрямо продолжала Катерина, — съ обѣихъ сторонъ у васъ, я полагаю, ничего иного быть не можетъ, кромѣ простаго недоразумѣнія. И я нахожу очень естественнымъ, что затронуто самолюбіе вашей жены. Ничуть не оскорбительно для васъ признать это и не можетъ быть неприятно разсѣять такое недоразумѣніе.

Онъ нѣсколько разъ покачивалъ головой съ такимъ выраженіемъ губъ, которое ясно говорило нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Но Катерина, все-таки, не унималась. Теперь она уже не надѣялась добиться чего-нибудь для Мари-Бланшъ, но заинтересованная сама она продолжала приставать къ Громмелену, дразнить его, чтобы допытаться, наконецъ, до настоящихъ поводовъ.

— Дѣло въ томъ, — продолжала она, — что тутъ затронуто не только самолюбіе женщины! Вѣдь, это же даетъ ей достаточное основаніе для подозрѣній, пожалуй, даже для увѣренности.

— Въ чемъ? — прервалъ ее Громмеленъ.

— Въ томъ, что она имѣетъ право ревновать!

ри этихъ словахъ онъ прыснулъ злымъ смѣхомъ. И вдругъ меленъ уступилъ потребности приподнять немного томитель-маску, которую онъ носилъ ради общества, и хоть минуту чуть свободно полною грудью. Для него большимъ облегчені-

емъ было выказать передъ кѣмъ-нибудь, равнымъ ему по-роду, ясное пониманіе своего положенія и сдѣлать это прямо съ открытымъ лицомъ. Говоря тихимъ голосомъ, въ которомъ звучала, однако, долго сдерживаемая ненависть, онъ объявилъ:

— Никогда!... Никогда не дамъ я ей возможности совсѣмъ уже не стѣсняться. Отсутствіе какого бы ни было сближенія съ нею моя единственная гарантія въ томъ, что, по ея милости, я не сдѣлаюсь снова отцомъ. Такимъ образомъ я, по крайней мѣрѣ, огражденъ отъ самаго наглаго оскорбленія!... Въ противномъ случаѣ... о, тогда!...

И жестами онъ дополнялъ свою мысль, что тогда исчезнуть послѣднія сдержки для его жены, послѣдніе атомы свѣтскихъ приличій, наступить конецъ всему, произойдетъ крушеніе всѣхъ консервативныхъ принциповъ,—коммуна и анархія водворятся въ самой его супружѣ.

Катерина сидѣла, широко раскрывши глаза отъ изумленія, пораженная отчетливымъ пониманіемъ того положенія, въ которомъ находился мужъ ея золовки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по инстинкту той же «голубой» крови, что текла въ ея жилахъ и въ жилахъ Громмелена, Катерина тотчасъ прониклась одинаковыми съ нимъ чувствами. Для нея вполне ясно было, въ силу какихъ традицій этотъ мужъ, столь терпѣливо сносящій все, что производитъ взрывы и разрушаетъ семьи обыкновенныхъ людей, относится съ такою заботливою нетерпимостью и щепетильностью къ подлинной кровности своего потомства.

Снова надѣвая личину притворства, Громмеленъ проговорилъ, какъ бы въ оправданіе своего долготерпѣнія по отношенію къ поведенію жены:

— Какъ бы ни было, она мать моихъ дѣтей!

И въ этомъ случаѣ онъ оставался послѣдовательнымъ и вѣрнымъ своей доктринѣ.

Было у него, впрочемъ, и другое для того основаніе, болѣе побудительное, которое онъ про себя придерживалъ до поры, до времени.

Затѣмъ оба продолжали разговаривать о предметахъ безразличныхъ. Было бы совершенно излишнимъ Громмелену предупреждать Катерину о томъ, чтобъ она не выдала Мари-Бланшъ того, что имъ сказано было въ увлеченіи оживленною бесѣдой. Скромность сама собою подразумѣвалась, по обычаю людей касты, между которыми откровенныя изліянія имѣли характеръ государственныхъ тайнъ и не могли быть никому передаваемы, ни въ канцелярій, удо

стоенныхъ обоюднаго ихъ довѣрія и, равно съ ними, высоко поставленныхъ.

На слѣдующій день пріѣхалъ баронъ Сафръ, почти совсѣмъ больной отъ слишкомъ мучительныхъ спекуляцій и разсчитывавшій, хотъ на двадцать четыре часа, найти желанный отдыхъ въ замкѣ Мелеть.

Разъ за разомъ важныя новости были сообщены ему телеграммами изъ Лондона и изъ Амстердама. То были извѣстія о прекращеніи платежей двумя первоклассными банкирскими домами, которые опирались на него такъ же точно, какъ онъ на нихъ опирался, въ колоссальной ассоціаціи для скупки серебра въ слиткахъ.

Послѣ столькихъ побѣдъ, одержанныхъ въ биржевыхъ бояхъ, баронъ Сафръ видѣлъ теперь, что противъ него вооружилась часть людей, которые разбогатѣли по его милости и подъ его предводительствомъ, которые еще недавно были ловкими подручными, исполнявшими его финансовыя планы.

Катерина тотчасъ же замѣтила необычное выраженіе, омрачавшее лицо ея свекора. Онъ, впрочемъ, и самъ лишь наполовину скрывалъ тяжесть, удручавшую его умъ въ настоящее время, дивясь про себя какой-то странной слабости, доводившей его въ первый разъ въ жизни до того, что въ немъ немного пошатнулась вѣра въ свою счастливую звѣзду.

День былъ томительно жаркій, духота предвѣщала грозу. Сидя на площадкѣ передъ домою, въ обществѣ Катерины и ея дочки, баронъ Сафръ смотрѣлъ на тучи, скоплявшіяся на горизонтѣ въ тяжелыя массы съ металлическими отблесками, казавшимися отраженіемъ гнетущихъ его думъ. Онъ привлекъ внучку на свои колѣни и спросилъ, глядя на дѣвочку жесткими глазами, въ которыхъ все-таки свѣтилось что-то похожее на нѣжность дѣда:

— Знаешь ли ты, для чего людямъ нужно учить исторію?

И когда растерявшаяся дѣвочка сдѣлала отрицательный знакъ головой, выскальзывая изъ его рукъ, баронъ продолжалъ, обращаясь къ снохѣ:

— Знаніе исторіи никогда не въ состояніи вдохновлять людей, можетъ только нагонять на нихъ робость среди превратностей, которыя переживаетъ вдохновеніе. Примѣры никогда и никого не ановили. Но, когда дѣло дѣлается, воспоминанія о дурныхъ прикахъ подрываютъ энергію, парализуютъ силы... Есть ли что-нибудь болѣе глупое, чѣмъ вотъ такая фраза: «Тарпейская скала рязъ съ Капитоліемъ?» Сколько разъ должна она была становиться

удручающею для умовъ, которымъ особенно необходимо было сохранять ничѣмъ ненарушимую вѣру въ себя?... Видите ли, милая дочь моя, нѣтъ такого положенія, въ которомъ люди становились бы болѣе суевѣрными, чѣмъ въ минуты перерывовъ въ теченіе большой борьбы, въ тѣ часы отдыха, когда сознаешь свое утомленіе, чѣмъ и задерживается развязка, которой хотѣлось бы добить-ся скорѣй!

Нѣсколькими ласковыми перерывами Катерина пыталась дать другое направленіе мыслямъ своего свекора. Но, точно подъ вліяніемъ маніи, онъ продолжалъ:

— Восемьдесятъ лѣтъ назадъ исторія увѣковѣчила, а мы заучили новый терминъ, заставляющій терять бодрость. Я разумѣю Ватерлоо. Его не могутъ выбросить изъ своей памяти всѣ тѣ, кто, послѣ непрерывныхъ усилій, по достиженіи громаднхъ результатовъ, видятъ себя принужденными снова биться противъ массы злосчастья. Да! такъ вошло въ употребленіе еще одно выраженіе, распространяющее еще одну лишнюю мысль, которая предназначена удручать людей, поставленныхъ въ необходимость бороться съ коалиціей враждебныхъ имъ интересовъ... Слово Ватерлоо обозначаетъ извѣстный родъ разгрома человѣка, на что въ прежнія времена не существовало опредѣленнаго выраженія. Разумѣется, и прежде, кто пускался въ приключенія, тотъ зналъ, что дѣло можетъ кончиться плохо. Но, за отсутствіемъ научнаго термина, люди не предвидѣли, забывали, не знали, какая случайность приведетъ ихъ къ гибели. Угроза, выраженная словомъ Ватерлоо, формулирована теперь ясно и оказываетъ роковое давленіе на опасенія нѣкоторыхъ нашихъ современниковъ. Правда, бѣдствія, пораженія давно извѣстны, они стары, какъ міръ. Но извѣстны они были, какъ нѣчто неопредѣленное, неясное, не существовало точнаго выраженія для напоминанія о нихъ... И вотъ — Ватерлоо!... Четырмя слогами резюмируется то, что въ судьбѣ человѣка имѣетъ значеніе непоправимаго, и ихъ ничѣмъ уже не отгонишь отъ своего сознанія... Ватерлоо!... — повторилъ онъ, какъ бы прислушиваясь къ мрачному тону собственнаго голоса.

— Но, — возразила Катерина шутливо, — не упускайте и вида и того, что Ватерлоо грозитъ опасностью лишь тому, проти кого ополчается вся Европа!...

— Да развѣ же нельзя себѣ представить такого положенія? проговорилъ Сафръ, уклончиво. — Допустите дьявольское соглашеніе между всѣми банками, между всѣми биржами континента, противъ финансовой политики одного человѣка, противъ могущества

огромнаго капиталиста, донгрывающаго свою послѣднюю партію... Нечего сказать, удобное положеніе для нанесенія хорошихъ ударовъ противникамъ!

Батерина воспользовалась тѣмъ, что баронъ самъ перешелъ въ легкой тонъ, весело погрозила ему пальцемъ и сказала:

— Берегитесь!... Такихъ словъ не слѣдуетъ говорить при недоброжелателяхъ. Они поспѣшатъ разнести вѣсть, что вы впадаете въ манію... не въ манію величія, такъ какъ имѣете достаточное право сравнивать себя съ великими, — васъ заподозрять въ маніи преслѣдованія.

Баронъ Сафръ разсмѣялся беззвучнымъ смѣхомъ, дившимся нѣсколько секундъ, видимо стараясь привести въ равновѣсіе весь аппаратъ своихъ могучихъ нервовъ, несокрушимо самоувѣреннымъ движеніемъ руки провелъ по своему необычайно широкому лбу и, чтобы переменить разговоръ, обратился къ другому, занимавшему его предмету.

— Говорилъ я вамъ, что устроилъ при себѣ нашего милѣйшаго д'Эксирейля?

Хотя Батерина слышала уже про это отъ Мари-Бланшъ, она притворилась ничего не знающею и сочла за лучшее отвѣтить просто:

— Нѣтъ, вы мнѣ ничего не говорили объ этомъ. Вы сдѣлали это, вѣроятно, очень недавно?

— Въ прошедшемъ мѣсяцѣ. Я уже давно находилъ нѣжными взять въ помощники человѣка очень представительнаго. Мнѣ необходимо было имѣть кого-нибудь, кто, въ извѣстной степени, могъ бы изображать собой главу моего кабинета или даже посланника... Замѣчаете, отъ величія я не отступаюсь?

Желая поддержать шуточный тонъ, Сафръ вторично разсмѣялся и продолжалъ:

— До сихъ поръ я въ полномъ удовольствіи отъ сдѣланнаго мною выбора. Д'Эксирейль съ отличнымъ искусствомъ исполнилъ уже одно мое порученіе во Франкфуртѣ. У него совершенно неоцѣнимый даръ быстро схватывать самую сущность дѣла, и въ наше время мнѣ не легко было бы обходиться безъ него.

— Онъ совершенно разорился, кажется?

— За него опасаюсь, что это такъ... Во всякомъ случаѣ онъ мнѣ хорошо оплачиваемаго занятія...

— И, на его счастье, вы помогли ему.

Говоря это, Батерина даже бровью не повела. Сафръ, при своемъ вниманіи, не разобралъ въ ея словахъ ничего иного,

кромѣ хвалы его великодушію и готовности помочь хорошему человѣку.

— Мое доброе мнѣніе о немъ,—пояснялъ баронъ,—было составлено раньше на томъ основаніи, что его семья была всегда въ хорошихъ отношеніяхъ съ вашими родными...

Сафръ внимательно слѣдилъ за выраженіемъ лица молодой женщины и не торопливо выговаривалъ слово за словомъ, совершенно такъ, какъ человѣкъ ступаетъ шагъ за шагомъ, проходя по ненадежной дорогѣ.

— Я убѣжденъ былъ, кромѣ того,—говорилъ онъ,—въ томъ, что и вы были расположены къ нему.

— Расположена и теперь.

Сказано это было нѣсколько сухо. Послѣ короткаго молчанія, Катерина добавила:

— А вслѣдствіе того, что жить ему стало тяжелѣе, онъ внушаетъ мнѣ еще бѣльшую симпатію.

— Прекрасно! — подчеркнул Сафръ. — Мнѣ пріятно слышать это отъ васъ... Что зависѣло отъ меня, я сдѣлалъ съ большимъ удовольствіемъ для человѣка, въ высшей степени порядочнаго, доведеннаго до послѣдней крайности. А вы, моя милая дочь, съ вашею очаровательною добротою, одни можете помочь мнѣ довершить начатое мною доброе дѣло...

— Неужели?... Какимъ образомъ?

Великій баронъ приостановился въ затрудненіи, сбиваемый все болѣе и болѣе двусмысленнымъ значеніемъ, которое начинало чувствоваться въ его фразахъ.

— Когда я предложилъ Эксирейлю то положеніе, которое онъ занимаетъ теперь, я видѣлъ ясно его колебанія... Онъ боялся оканзаться, до нѣкоторой степени, униженнымъ въ глазахъ общества...

Катерина одобрительно покачивала головой съ самымъ серьезнымъ видомъ человѣка, понимающаго только хорошее, естественное и приличное въ томъ, что тутъ говорится.

Сафръ рискнулъ идти дальше:

— Мнѣ пріятно было бы, еслибъ окружающіе меня, для довершенія моего маленькаго добраго дѣла, облегчили этому бѣдному мѣлому его усилія удержать за собой прежнее положеніе въ обществѣ. Я предложилъ бы моимъ дочерямъ быть въ отношеніи е болѣе, чѣмъ когда-либо, привѣтливыми... И лично васъ я проп отвести ему очень дружески мѣсто въ кругу вашихъ знакомствъ вашихъ удовольствій, пріемовъ...

Молодая женщина продолжала покачивать головой съ тѣмъ ж

вдомъ согласія и готовности все исполнить. Подбодренный тѣмъ, что дѣль уже почти достигнута, Сафръ сдѣлалъ послѣднее усиліе:

— Такъ, напримѣръ, когда я пріѣду сюда на нѣсколько дней, вы, быть-можетъ, нашли бы удобнымъ пригласить его со мною вѣсть... Они премилая парочка! — поспѣшилъ онъ закончить.

— Да, — отвѣтила Катерина, — затрудненіе въ одномъ: вѣроятно въ это время будетъ у насъ еще моя свекровь...

Какъ разъ въ эту минуту показалась баронесса, возвращавшаяся съ своей обычной прогулки къ винограднику, гдѣ единственнымъ развлеченіемъ для нея было смотрѣть, какъ зрѣетъ виноградъ. Вокругъ баронессы скакали и бѣгали въ запуски маленькіе Грошмелены, на которыхъ она обращала, повидимому, не больше вниманія, чѣмъ на пару разыгравшихся щенятъ.

Возраженіе снохи вызвало у Сафра движеніе недовольства.

— Какое отношеніе можетъ имѣть присутствіе моей жены къ тому, о чемъ я говорилъ?

Катерина объяснила невозмутимо:

— Тутъ все дѣло въ недостатокѣ помѣщенія. Вы хорошо знаете, что до тѣхъ поръ, пока моя свекровь дѣлаетъ намъ удовольствіе своимъ пребываніемъ здѣсь, ей требуются три комнаты: одна на день, одна для ночи и одна, рядомъ съ ними, для ея горничной.

И Катерина встала, очень любезно улыбаясь свекру, котораго она покидала, и свекрови, которой шла навстрѣчу, чтобы спросить ее, какъ она чувствуетъ себя этимъ удушливо-жаркимъ днемъ.

Баронъ Сафръ, оставшись одинъ, долго сидѣлъ въ задумчивости. Мысли его заняты были тѣмъ, что произошло, — почти давно уже, — между нимъ и Жизелью д'Эксирейль.

Въ первые дни послѣ этой сцены, оставленные ею впечатлѣнія были внезапно отгнаны, заглушены въ немъ опасными неудачами финансовыхъ операцій, встревожившими его голову громадною массою думъ. Но Сафръ хорошо понималъ, что воспоминаніе объ этой женщинѣ исчезнуть не можетъ. Онъ зналъ, что въ данное время оно только затерялось за множествомъ нагромоздившихся извѣстій, угрожающихъ сразу скопившимися опасностями.

Одинъ разъ всего баронъ видѣлъ мадамъ д'Эксирейль, ухитривъ такъ устроить, что мужъ самъ привелъ его къ Жизели, пригласивъ обѣдать. Для этого Сафру достаточно было дать понять Жизелью, что въ отсутствіе баронессы и всей семьи, уѣхавшихъ зрѣвню, онъ вынужденъ въ этотъ день обѣдать дома одинъ холостякомъ.

азать по правдѣ, баронъ былъ положительно озадаченъ обра-

женіемъ съ нимъ молодой женщины. По отношенію къ нему она выказала только ледяную вѣжливость. А всего поразительнѣе былъ такой видъ у нея, будто она понятія не имѣетъ о томъ, что своимъ появленіемъ могъ заставить ее почувствовать баронъ Сафръ. Единственно, что въ продолженіе цѣлаго вечера онъ успѣлъ уловить на ея лицѣ, это мимолетное выраженіе ненависти, не къ нему даже, а къ Жаку д'Эксиррѣлю, чего тотъ не замѣтилъ. Нѣсколько разъ она какъ бы хотѣла уничтожить его своими взглядами, когда Жакъ чуть-чуть свыше мѣры ухаживалъ за гостемъ или слегка намекала на то, чѣмъ онъ обязанъ барону. Изъ этого Сафръ вывелъ заключеніе, что ему придется все начинать съизнова, чтобъ овладѣть Жизелью. Предположеніе это не показалось ему непріятнымъ. Ясно было, что окончательная побѣда надъ такою женщиной—далеко не легкое дѣло. А съ тѣмъ вмѣстѣ Сафръ счелъ себя вправѣ быть увѣреннымъ въ томъ, что съ нею нечего опасаться нескромности, ни жалобъ мужу, ни скандала...

Нѣсколько дней спустя, баронъ снова погрузился весь въ свои дѣла. Графъ и графиня де-Громмеленъ тоже уѣхали гостить къ своимъ друзьямъ въ Туренъ.

Въ домѣ Артура Сафра оставались только баронесса, да приглашенные Катериной одинъ бѣдный кузенъ и одна старая дѣвица изъ семьи Вальдреновъ.

Вскорѣ затѣмъ маркизь де-Реневъ воспользовался торжественнымъ случаемъ, заставившимъ его гостить въ Эвекфлёрѣ, и черезъ день послѣ пріѣзда явился въ замокъ Мѣлетъ, гдѣ его не пустили безъ обѣда.

Катерина употребила всѣ усилія, зависящія отъ хозяйки, чтобъ оживить свое тихое лѣтнее жилище и сдѣлать пріятнымъ пребываніе въ немъ молодого человѣка.

Реневъ въ глубинѣ души сознавался въ томъ, что абсолютно ничего не можетъ разобрать въ характерѣ своей обворожительной пріятельницы, которую онъ въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ преслѣдовалъ необыкновенно пылкими, очень мило принимаемыми и совершенно безплодными ухаживаніями... О чемъ мечтаетъ она такъ задумчиво? Чего ждетъ она еще неизвѣданнаго отъ жизни?... Или, быть-можетъ, въ ея томномъ взглядѣ отражается полное отреченіе отъ всего?... Несмотря на ея очень упорное сопротивленіе, молодому человѣку удалось вырвать у нея сознаніе въ томъ, что она не любитъ своего мужа. И весьма возможно, что, послѣ своей дочери, ничего въ мірѣ она не любитъ, кромѣ прелести ума и изящества красиваго маркиза. Онъ чувствовалъ, что въ этомъ она

почти призналась ему, или, во всякомъ случаѣ, дала ему поводъ угадывать это. Онъ помнилъ минуты, когда ему казалось, будто она готова отдаться всей своей нѣжности къ нему, и тогда-то она принимала самый насмѣшливый тонъ, сразу охлаждавшій ихъ обонхъ.

Батерина, принимая его въ этотъ день, расточала передъ нимъ всю живость своей веселости, служившей, какъ онъ уже зналъ это, выраженіемъ чувства радости по случаю его пріѣзда. Это, конечно, до нѣкоторой степени утѣшало его, но ввести въ заблужденіе отнюдь не могло. Реневъ ни на что уже не надѣялся. Тѣмъ не менѣе, часы, проведенные съ нею, летѣли быстро и почти счастливо въ этой безукоризненно-чистой короткости. Наслажденіе, которое неодолимо привлекало его къ Батеринѣ, заключалось въ мечтѣ, что онъ, несомнѣнно, одинъ во всемъ мірѣ могъ увлечь ее, хотя вслѣдъ затѣмъ являлось сознаніе, полная увѣренность въ томъ, что никогда этого не будетъ.

Послѣ обѣда, на предложеніе Батерины пройтись по саду никто не отозвался, кромѣ Ренева. И скоро они вышли вдвоемъ, любуясь красотою яснаго, теплаго вечера.

— Какъ вы молчаливы сегодня! — воскликнула она, по истеченіи нѣсколькихъ секундъ.

Онъ смотрѣлъ на освѣщенный луною чудный силуэтъ молодой женщины. Обутая въ лаковые сапожки, она держала въ рукѣ высокую камышевую трость. Корсажъ ея бѣлаго платья былъ отдѣланъ красными муаровыми отворотами, придававшими ей видъ воинственной смѣлости. А широкополая шляпа на ея черныхъ блестящихъ волосахъ дѣлала ее похожею на одну изъ знатныхъ дамъ, героинь Вандей.

— Я думалъ, — заговорилъ Реневъ со вздохомъ, — о томъ, что, быть-можетъ, иной судьбы вы удостоили бы меня, еслибы мы съ вами жили въ другія времена... Мы, вѣроятно, принимали бы участіе въ событіяхъ, болѣе пламенныхъ, которыя могли бы вызвать въ васъ ко мнѣ такія чувства... за которыя я съ восторгомъ отдалъ бы всю мою кровь!

— Стоитъ ли пускаться фантастически въ глубь времени? — сказала она грустнымъ голосомъ. — Далеко это!... И что для насъ было бы хорошаго, еслибы мы тогда встрѣтились?... Сами судите: мы современники, однихъ лѣтъ, живемъ въ одномъ городѣ, и, все-таки, не встрѣтились даже для того, чтобы стать мужемъ и женой!...

— А еслибы во время встрѣтились, то сдѣлать это все же не могли бы!

Она взглянула на него, желая удостовѣриться въ томъ, что препятствіемъ къ ихъ браку, на которое онъ намекнулъ, былъ тотъ мотивъ, который она съ своей стороны угадала: самый первый изъ всѣхъ—недостатокъ средствъ у обоихъ.

Унылый жестъ спутника былъ утвердительнымъ отвѣтомъ на ея невысказанный вопросъ.

— Увы!—вздохнулъ молодой человекъ изъ глубины души
И, не оборачивая головы къ ней, онъ говорилъ тихо:

— А! Еслибы вы любили меня такъ, какъ я васъ люблю, вамъ и въ голову никогда бы не пришло, что мы не женаты!

— Какъ же это не пришло бы мнѣ въ голову, когда я то замужемъ за другимъ?

Реневъ не выдержалъ и пустился опять въ борьбу, изъ которой уже столько разъ выходилъ съ измученнымъ сердцемъ.

— Возможно ли,—началъ онъ оживляясь,—чтобы вы ставили предрасудки выше естественныхъ правъ человѣка любить и быть любимымъ,—тѣхъ правъ, неотъемлемость которыхъ мы чувствуемъ душой своей?

— Не вздумайте проповѣдывать мораль животныхъ. Мы должны отличаться отъ нихъ именно тѣмъ, что вы называете предрасудками.

— А вотъ я нахожу, что люди уподобляются животнымъ, такъ какъ допускаютъ приручать себя къ условнымъ обычаямъ, дрессировать, какъ стадо, въ направленіи ходячихъ идей, водить, какъ барановъ, при чемъ они бессмысленно новтворяютъ лишь то, что дѣлаютъ другіе!... Конечно, удобно сообразоваться съ обиходомъ, давно готовымъ и установленнымъ разъ навсегда. Не много требуется даровитости для того, чтобы пройти такой курсъ добродѣтели и поступать всегда такъ, какъ тамъ прописано...

— Что же, по вашему, достойно уваженія въ человѣкѣ?

— Я считаю, что нѣтъ ничего болѣе истиннаго, прекраснаго, высокаго, чѣмъ самостоятельность избранныхъ натуръ. Я восхищаюсь лишь тѣмъ, въ чемъ проявляется независимая личность, умѣющая сама создать себѣ особое существованіе. И, наконецъ, я преклоняюсь передъ дивными проявленіями страсти, которая одна способна вызвать въ человѣкѣ полное развитіе его души и можетъ въ совершенной свободѣ разума вести его къ апогею личности.

— Сожалѣю о томъ,—возразила Катерина немного сухо,— что мои взгляды столь ограничены, по вашему мнѣнію... Но, съ другой стороны, позвольте мнѣ все-таки порадоваться тому, что не всѣ считаютъ себя вправѣ устраивать свою жизнь какъ имъ взду-

нается... или, вѣрнѣе, какъ вамъ нравится... То, что вы хотѣли мнѣ доказать, было,—не правда ли,—урокомъ, какъ мнѣ слѣдуетъ вести себя по отношенію къ вамъ?...

Бесѣда утратила всю свою мягкость. Затаенныя чувства Батерины, какъ всегда, лишь только проглядывала ихъ нѣжность, быстро сдавливались и оставляли послѣ себя одну горечь. Реневъ, раздосадованный, недовольный собою за то, что вызвалъ ея недовольство, продолжалъ, сдерживаясь:

— Скажите, однако, что вы находите столь похвального и священнаго въ ходѣ вещей, по обычаю?

— Во всякомъ случаѣ, организаціей семьи мы имъ обязаны... И этого уже достаточно для того, чтобъ уважать ихъ!

Насмѣшливо-злое выраженіе появилось на губахъ молодого человѣка.

— Да, къ слову о семьѣ,—сказалъ онъ,—я имѣю къ вамъ порученіе отъ главы вашей семьи. Наканунѣ моего отъѣзда я встрѣтился въ ресторанѣ съ барономъ Сафромъ, недавно вернувшимся отсюда...

Батерина видѣла ясно, что готовится какая-то ехидная иронія.

— И что же онъ просилъ передать мнѣ?

Реневъ сдѣлалъ видъ, будто колеблется.

— Глава вашей семьи,—повторилъ онъ,—довѣрилъ мнѣ постараться выспросить у васъ половчѣе, имѣете вы или нѣтъ какіе-нибудь поводы быть не особенно расположенною къ Эксирей-лянтъ... Данныя мнѣ инструкціи, вполнѣ дружескія, состоятъ въ томъ, чтобъ я разузналъ осторожно, чѣмъ обусловлено ваше предубѣжденіе... быть можетъ... совершенно случайное... конечно, незаслуженное... противъ молодой женщины?...

Губы Батерины рѣзко сжались.

— Мнѣ любопытно было бы знать,—сказала она,—зачѣмъ понадобилось ваше посредничество въ такомъ вопросѣ?

— Мнѣ это тоже любопытно... Я раздумывалъ о томъ, въ силу какихъ сложныхъ умозаключеній баронъ Сафръ нашелъ нужнымъ обратиться ко мнѣ, ничтожному, для улаживанія съ женою сына того дѣла, которое его интересуетъ. И какъ я ни ломалъ голову, этому нашлось только одно объясненіе...

— Какое?

Маркизь смѣло устремилъ на нее глаза. И съ изящною дерзостью человѣка, котораго знаніе свѣта научило, насколько избытокъ наглости можетъ остаться безнаказаннымъ, онъ отвѣтилъ:

— Вашъ свекоръ думаетъ, навѣрное, что я вашъ любовникъ... О! не сердитесь! Разберите сами... Если не это, то какое основаніе имѣлъ онъ обращаться къ моему вліянію на жену его родного сына? И уже не моя вина, если самъ онъ такимъ образомъ призналъ меня болѣе достойнымъ васъ!...

И, на самомъ дѣлѣ, рѣзкость нападенія не особенно оскорбила Катерину. Она молчала, въ то время, какъ ея думы принимали то направленіе, которое онъ имъ далъ. Она видѣла, какъ обычное теченіе жизни выбиваетъ непрерывно изъ колеи всѣ убѣжденія, на которыя она слѣпо полагалась, рѣшивши идти неуклонно прямымъ путемъ.

Они прогуливались по высокой площадкѣ, тянувшейся вдоль фасада дома. Поровнявшись съ однимъ изъ послѣднихъ оконъ нижняго этажа, они машинально остановились, не доходя до полосы свѣта, падавшего изъ окна. Передъ столомъ, заваленнымъ толстыми книгами, освѣщеннымъ сильною лампой, они увидали Артура Сафра, запрокинувшего въ раздумьѣ свою маленькую, упрямую и болѣзненную головку будущаго кандидата на академическія почести. Подъ руками у него лежали въ порядкѣ кипы бумагъ, отъ времени до времени онъ вписывалъ что-то гусинымъ перомъ въ тетрадь, перемарывалъ и опять писалъ. Выйдя изъ обѣда, онъ тотчасъ же направился въ свою комнату пролагать себѣ путь къ Институту.

Реневъ, не говоря ни слова, подмѣтилъ взглядъ Катерины, устремленный на мужа и почти въ ту же минуту затерявшійся въ пустомъ пространствѣ. Красавчикъ-маркизъ прочелъ на лицѣ своей спутницы мимолетное выраженіе, отъ котораго безумно забилось его сердце. Вся фигура чудно-красивой женщины выражала безконечное презрѣніе къ мелкому глупышу, имѣвшему на нее всѣ неограниченныя права мужа.

— Такъ неужели вы могли бы дѣлать меня... вонъ съ нимъ?— проговорила она отрывистымъ голосомъ, въ тонѣ котораго Реневъ съ гордостью разслышалъ, что онъ стоитъ внѣ всякаго сравненія.

До этой минуты ничего похожаго на подобный вопросъ не приходило ему въ голову. Молодой человѣкъ прошепталъ растерянно:

— Да развѣ же эта фигура осмѣливается?...

Выраженіе горькой злобы скользнуло по лицу Катерины.

— Будьте моею!—воскликнулъ Реневъ, въ припадкѣ страшной ревности.—И только моею!...

Онъ быстро двинулся къ Катеринѣ. Она отступила назадъ, тихо и печально качая головой. И, чтобы покончить разъ навсегда,

она въ нѣсколькихъ фразахъ раскрыла ему все, казавшееся необъяснимымъ, указала самую сущность закона, которому она повиновалась.

— Нѣтъ, я не могу отнять себя у того человѣка, которому я принадлежу! Меня ему продали... я на это согласилась. Тутъ уже нѣтъ возврата!... Видите ли, милый мой, я происхожу изъ такой семьи, гдѣ всегда честно исполняли принятыя на себя обязательства, жертвовали собою до послѣдней крайности... Для насъ, женщинъ, — добавила она съ гордою рѣшимостью отчаянія, — подчиняться самому отвратительному порядку вещей, изнывать отъ ужаса на своемъ посту, не покидая его, — есть намъ данный въ удѣлъ способъ исполнять наши обязательства!

Катерина медленно удалялась отъ него. Въ эту минуту ей неприятно, горько было, что она раскрыла передъ нимъ свои задушевные убѣжденія, и она не хотѣла ничего далѣе слушать и говорить ему.

— Пойдите! — шепталъ онъ, не помня себя. — Умоляю васъ, Катерина!... Все, что хотите... что потребуется... Я на все согласенъ!...

Но она была уже далеко. Повертывая ручку стеклянной двери гостиной, молодая женщина приостановилась на мигъ и отвѣтила:

— А я нѣтъ!... Никогда!

Хозяйка вошла въ домъ и скрылась въ глубинѣ комнаты, гдѣ небольшимъ кружкомъ сидѣли остальные гости. Рѣшившись послѣдовать за нею тѣмъ же путемъ, маркизь де-Реневъ, самъ не зная какъ и почему, вспомнилъ о теоріи «арматуры», которую излагалъ ему когда-то Тарсюль. Не убѣдился ли онъ самъ теперь въ томъ, что на нее опирается сопротивленіе любимой женщины?... Только, разсуждая о матеріальной связи, властно устанавливаемой деньгами, Тарсюль, увлеченный пессимизмомъ, ограничился лишь указаніемъ на корысть и выгоды. Онъ упустилъ изъ вида тѣ случаи, когда такая связь держится лишь по милости честности людей.

VI.

Графъ де-Громмеленъ.

Послѣ умершаго стараго дяди въ Туренѣ на долю Громмелена до талось около сорока тысячъ франковъ годового дохода. Какъ то было приведена была въ извѣстность сумма наслѣдства, графъ и рѣшилъ, что впредь онъ имѣетъ достаточную возможность распорядиться своими чувствами, какъ угодно, и устроить свою жизнь,

какъ онъ найдетъ для себя болѣе удобнымъ. Покончивши всѣ формальности по полученію наслѣдства, онъ прямо отъ нотаріуса прошелъ къ стряпчему, контора котораго была этажомъ ниже.

Сказавши свое имя и титулъ, Громмеленъ заявилъ о своемъ желаніи начать противъ жены процессъ о разводѣ. Стряпчій справился, прежде всего, о томъ, не занимался ли кто-нибудь изъ его коллегъ дѣлами представляющагося кліента. Единственнымъ щекотливымъ пунктомъ было опасеніе перебить практику у товарища. Но, разъ успокоенный на этотъ счетъ, почтенный чиновникъ охотно взялся мстить за графа де-Громмелена, котораго онъ видѣлъ въ первый разъ въ жизни. Съ этой минуты онъ готовъ былъ любезно и неуклонно исполнять его желанія, стать ярымъ противникомъ графини де-Громмеленъ, которую онъ никогда не видалъ, преслѣдовать ее, травить, загнать и заставить заплатить всѣ судебныя издержки.

— Угодно вамъ сказать, какіе имѣете поводы для развода?

— Супружеская невѣрность, — отвѣтилъ мужъ просто.

— О, графъ, обвиненіе очень серьезное! Не погнѣвайтесь на мою осторожность въ данномъ случаѣ! Я поставилъ себя за правило дѣйствовать съ большою осмотрительностью въ подобныхъ дѣлахъ, когда въ нихъ замѣшаны лица, принадлежащія къ высшему парижскому обществу... Предположенія должны быть подтверждены вѣскими доказательствами... По вашему мнѣнію, какъ давно началось то, въ чемъ вы обвиняете вашу супругу?

— Думаю, что лѣтъ пять-шесть назадъ...

— И вы теперь только узнали объ этомъ?

— Я только что рѣшилъ покончить съ этимъ.

— А... извините за выраженіе... сообщникъ графини принадлежитъ, конечно, къ вашему кругу... изъ числа вашихъ знакомыхъ, быть можетъ?... Это весьма важно для опредѣленія правъ на дѣтей... Бороче сказать, имѣемъ ли мы дѣло, какъ это обыкновенно бываетъ и какъ я того отъ души желаю, съ вашимъ близкимъ знакомымъ, съ пріятелемъ, бывающимъ у васъ чуть не каждый день?

— Этого я не знаю.

— Стало быть, вы еще только подозреваете? Но кого же, однако?

— Ни на кого я не могу указать въ данную минуту...

— Въ такомъ случаѣ, на чемъ же вы основываете ваши предположенія?... Какъ вы хотите начинать дѣло?

— Государь мой, мнѣ не нужно знать, кто любовникъ моей жены, для того, чтобы быть увѣреннымъ въ томъ, что у нея есть

любовникъ. Съ меня довольно того, что я ее знаю!... Я поручаю вамъ выслѣдить и уличить ее. Устройте дѣятельный надзоръ за нею. На это у васъ есть спеціальные люди, услугами которыхъ, я полагаю, вы пользуетесь въ подобныхъ случаяхъ?

— Совершенно вѣрно!—подтвердилъ стражничій.

— Слѣдовательно, къ тому времени, когда фактъ можно будетъ формально удостовѣрить, мы получимъ такимъ образомъ достаточныя свѣдѣнія объ интересующей насъ личности... Миѣ это—не къ спѣху. Поручая вамъ сдѣлать все необходимое, я предупреждаю, что покончить дѣло хотѣлъ бы скорѣе, но особенно торопить васъ не намѣренъ.

Затѣмъ Громмеленъ далъ нѣкоторыя указанія на привычки графини, на дни и часы, въ которые она уходитъ всего чаще изъ дому, долго не возвращается, пребываетъ—неизвѣстно гдѣ.

Покончивши съ этимъ, онъ вернулся домой какъ разъ къ завтраку и спокойно усѣлся за столъ на свое мѣсто отца семейства и супруга. По правую его руку помѣстился его старшій сынъ, по лѣвую—младшій, противъ него сидѣла мать этихъ дѣтей,—каковыя титуломъ онъ самъ такъ недавно прикрывалъ поведеніе графини, великодушно вздыхая, въ разговорѣ съ Катериной Сафръ.

Мари-Бланшъ сообщила мужу о двухъ приглашеніяхъ на обѣды въ одинъ и тотъ же день, только что полученныхъ отъ генеральши Кляси-Боркъ и отъ Мейлей.

— Я очень затрудняюсь, кому отдать предпочтеніе, —говорила она.—У Жанны всегда веселѣе, но у нея бываютъ иногда какіе-то господа изъ кружковъ артистовъ, тогда какъ у генеральши, хотя и чаше отъ тоски девять разъ изъ десяти, за то можешь попасть въ число самыхъ отборнѣйшихъ и очутиться за столомъ съ однимъ изъ членовъ фамиліи де-Гюйенъ!... Терпѣть я не могу этихъ приглашеній на картонѣ. Нѣтъ возможности угадать по нимъ, съ кѣмъ васъ посадятъ... Хозяева точно не понимаютъ, что люди обѣдаютъ, по большей части, не у нихъ, а скорѣе съ тѣми, кого они приглашаютъ... Какъ вы полагаете, къ кому намъ лучше ѣхать?

— Въ какой день зовутъ?

— О, черезъ три недѣли!... Я хочу отвѣтить черезъ нѣсколько и, пособравши предварительно кое-какія данныя.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Громмеленъ твердо,—прежде всего, надо быть корректными. Рѣшать вопросъ вы можете, какъ вамъ угодно, тѣмъ же сейчасъ же. Для меня, въ виду такого долгаго срока, безразлично... И я имѣю основаніе предполагать, что останется совершенно безразличнымъ!

И на самомъ дѣлѣ, не прошло двѣнадцати дней, какъ онъ получилъ приглашеніе пожаловать въ контору стряпчаго, взяшагося вести его дѣло.

— Графъ,—заявилъ ему стряпчій,—я думаю, что вы останетесь довольны. Я собралъ свѣдѣнія, и ихъ вполне достаточно. Мы можемъ приступить къ формальностямъ, которыя послужатъ основаніемъ для нашихъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Только... вы знаете пословицу: не слѣдуетъ гнаться за двумя зайцами... Вамъ предстоитъ сдѣлать выборъ.

— Выборъ?—спросилъ Громмеленъ, пощипывая усы и гордо выпрямляясь.

— Непремѣнно!... Собранными свѣдѣніями дознано, что графиня отправляется попеременно въ два различныя мѣста свиданій и встрѣчается тамъ съ двумя разными лицами...

Стряпчій досталъ изъ своихъ бумагъ рядъ заминокъ, подтверждавшихъ сказанное имъ.

Какъ ни былъ Громмеленъ подготовленъ ко всякимъ случайностямъ, сообщеніе это все же покорило его внутренно. Впечатлѣніе, испытанное имъ, могло бы быть передано такими словами: «Очень мило! По-истинѣ, восхитительно!» Онъ не затруднился бы сказать это громко, еслибъ велъ настоящей разговоръ съ родственникомъ, съ близкимъ человекомъ или съ равнымъ себѣ. Но съ собесѣдникомъ, на котораго графъ смотрѣлъ съ высоты своего величія, онъ счелъ неумѣстнымъ высказываться. На его лицѣ лежало дерзкое выраженіе, дававшее понять, что графиня знаетъ сама, какъ надлежитъ ей поступать.

— Можете назвать мнѣ имена этихъ господъ?—спросилъ мужъ.

Стряпчій справился въ своихъ бумагахъ.

— Да, во-первыхъ, имѣется наниматель маленькой квартирки съ вами по сосѣдству, графъ, въ очень чистомъ домѣ... Да, въ нѣсколькихъ минутахъ ходьбы отъ васъ... Тамъ графиня встрѣчается съ однимъ господиномъ, какъ будто военнымъ... Позвольте, какъ его фамилія? Я помню, что по второму разу его тоже выслѣдили. Вотъ: его зовутъ мосье д'анси.

— Какъ, опять онъ?—воскликнулъ Громмеленъ.—Да, вѣдь, онъ женился всего три мѣсяца назадъ!

Стряпчій сдѣлалъ жестъ, выражающій, что онъ скорбитъ объ этомъ, но горю помочь не въ силахъ.

— А кто другой?—продолжалъ Громмеленъ.

— Другой—мосье де-Форлеанъ, живущій со своею матушкой.

Она принимает графиню въ номерѣ меблированныхъ комнатъ, очень зауряднаго вида, въ улицѣ Звѣзды...

Въ выборѣ графъ де-Громмеленъ ни минуты не колебался. У него множество резонновъ было ничего не предпринимать противъ д'Анси. Въ ихъ числѣ не первенствующее значеніе имѣло то обстоятельство, что замышляемое враждебное столкновеніе съ блестящимъ офицеромъ могло бы повести къ дуэли. Для Громмелена болѣе существенное значеніе имѣла свѣтская корректность его довольно уже старыхъ отношеній къ Рожеру. А за тѣмъ тутъ дѣло касалось не только женатаго человѣка, но очень близкаго къ семейству, аристократическое спокойствіе котораго было бы непорочно тревожить скандаломъ. Это могло бы произвести очень неблагоприятное впечатлѣніе на весь кружокъ Жизоровъ, Латерранку и друг. И наоборотъ, Ліонель де-Форлеанъ былъ ничтожнымъ новичкомъ въ парижскомъ обществѣ. Салонъ его матери не имѣлъ никакого значенія. Ближайшіе его родственники были неважными провинціальными дворянчиками...

Стряпчему оставалось только уговориться съ кліентомъ относительно нѣкоторыхъ подробностей, условиться о томъ, какъ вѣрнѣе изловить того изъ виновныхъ, котораго Громмеленъ сочтетъ болѣе удобнымъ притянуть къ дѣлу. Стряпчій направилъ оскорбленнаго мужа къ мѣстному полицейскому комиссару, изъявившему готовность оказать содѣйствіе, какъ только потребуется виѣшательство административной власти.

Все устроилось такъ удачно, что на третій день передъ вечеромъ виновные были застигнуты врасплохъ полиціей, вошедшей безъ шума въ ихъ номеръ, при помощи двойнаго ключа, выданнаго слугою меблированныхъ комнатъ...

Приглашенный чиновникомъ графъ де-Громмеленъ удостовѣрился, что ошибки не произошло, что присутствующіе видятъ передъ собою дѣйствительно мамашу его дѣтей. Тотчасъ же былъ составленъ протоколъ, по формѣ, установленной для такихъ случаевъ...

Когда, по уходѣ нежданныхъ гостей, комната осталась въ полномъ распоряженіи постояльцевъ, Мари - Бланшь поспѣшила, еше всего, отдѣлаться отъ Ліонеля, жалкаго, растеряннаго, неособнаго ни разсуждать, ни что-либо обдумать. Она выпроводила быстро и грубо, разговаривая громко сама съ собой... Юнецъ какъ, ошеломленный всѣмъ случившимся и того болѣе, быть мотъ, словами своей дамы, которыми она раздѣлывала своего мужа которыхъ, по мнѣнію Ліонеля, не могла не только произносить, даже и знать порядочная женщина.

Отсутствіе какихъ-либо предшествующихъ симптомовъ, непредвидѣнность скандала усиливали потрясающій эффектъ, произведенный имъ на Мари-Бланшъ. Но въ женщинѣ, съ такимъ разстроеннымъ мозгомъ, привыкшей слѣдовать безъ малѣйшаго удержанія всѣмъ своимъ влеченіямъ, первымъ пробудилось чувство безумной ненависти. Не задумываясь надъ тѣмъ, что поступокъ съ нею Громмелена представлялъ лишь начало осуществленія обдуманнаго плана, она мечтала только о самой злой мести. Одна мысль, заслоняющая собою всѣ остальные, вертѣлась неотступно въ ея хилой головѣ: мысль о томъ, что непременно должно существовать какое-нибудь легальное средство, которое можно съ подавляющимъ успѣхомъ пустить въ ходъ противъ мужа, осмѣливавшагося уличить въ невѣрности свою супругу.

Только выйдя на улицу, Мари-Бланшъ, отрезвленная немного холодомъ, начала понимать отчасти свое положеніе. Она сообразила, насколько позорно и невозможно было ея возвращеніе къ себѣ, гдѣ Громмелень, — какъ ей представлялось, — водворился совершенно спокойно и отдалъ уже приказаніе вышвырнуть ее вонъ изъ дома, который онъ получилъ за нею въ приданое!... Кто ихъ тамъ знаетъ, — возможно, что и полицейскій комиссаръ поджидаетъ ее въ этомъ домѣ? Почему бы и не такъ? Не сдѣлался ли онъ самымъ близкимъ человѣкомъ ея мужу, который не постыдился показать ему свою жену въ такомъ неприличномъ видѣ?

Вдругъ ей пришла въ голову мысль, восхитившая ее своею геніальностью: — надо, какъ можно скорѣй, мчаться къ отцу, требовать его помощи, его могучаго заступничества, пользуясь его извѣстнымъ ей огромнымъ нерасположеніемъ къ Громмелену. Да, такъ и слѣдовало поступить, необходимо было противопоставить мужчине такой силы, какъ баронъ Сафръ, этому гадкому мужу, не посовѣстившемуся вступить въ союзъ съ полицейскимъ противъ слабой женщины и почти мальчика!...

Къ отцу она явилась совсѣмъ не во-время. Баронъ Сафръ несколько не расположенъ былъ отвлекаться отъ дѣла для кого бы ни было. Онъ долженъ былъ на слѣдующій день раннимъ утромъ ѣхать въ Лондонъ, а до тѣхъ поръ у него даже для сна минуты не было свободной. Въ часы такихъ думъ и напряженныхъ расчетовъ всѣ чувства барона принадлежали массамъ цифръ, складывавшихся въ его головѣ.

А потому, при входѣ дочери, взгляды ихъ обоихъ имѣли такое выраженіе, будто они оба сами не знаютъ, откуда они явились и какъ очутились вмѣстѣ.

— Папаша, — заговорила Мари-Бланшъ въ сильномъ волненіи, — я пріѣхала просить васъ... Умоляю, защитите меня, избавьте меня отъ моего мужа! Вы знаете, что это за человѣкъ! Я не могу далѣе жить съ нимъ!

— Что такое случилось? — спросилъ баронъ разсѣянно.

— О, глупости!... Но это окончательно невыносимо!... До сихъ поръ, — продолжала она съ притворною дрожью въ голосъ, — я не хотѣла беспокоить васъ моими жалобами на его обращеніе со мной. Но всякому терпѣнію есть граница. Мое истощилось, я хочу выйти изъ этого рабства. Теперь я всѣ надежды мои возлагаю на вашу поддержку и на вашу доброту.

Сафръ, слишкомъ занятый собственными дѣлами, едва слушалъ и смутно понималъ жалобы дочери.

— На что онъ тебѣ понадобился? — спросилъ онъ.

— Чтобы потребовать развода.

— Ну, этому не бывать! Никогда я не стану тебя поддерживать ради такой бессмысленной неловкости.

Мари-Бланшъ закусилла губы отъ злости. Она знала, что почти нѣтъ средствъ убѣдить отца отступить отъ разъ принятаго рѣшенія, и уже ненавидѣла его за то, что онъ порѣшилъ дѣло такъ скоро.

— Что же будетъ со мной, — проговорила она тономъ горькой укоризны, — если вы первый выдаете меня?

Сафръ пожалъ плечами и сказалъ:

— Изъ-за какого повода можешь ты начать процессъ съ мужемъ?

— Все равно изъ-за какого!... Изъ-за характера!... Моя горничная можетъ засвидѣтельствовать, каковъ онъ... Это худшій изъ самыхъ грязныхъ людей! И если онъ осмѣлится возражать что-нибудь, тогда всѣ поднимутся противъ него!

Сафръ отрицательно покачалъ головой и возразилъ:

— Наше общество знать не хочетъ того, насколько супруги могутъ быть неправы одинъ относительно другого. Но есть одинъ ступокъ, единственнй, котораго оно никому не прощаетъ: разводъ! Мы силошь и рядомъ видимъ, что мужъ — шутъ на днй, а жена — шутовка негодная, и общество ничуть этимъ не обижается, потому что шутъ съ шутовкой въ качествѣ супруговъ живутъ, какъ всѣ, какъ установлено свѣтскими обычаями. Дѣло тожь, что женщина безъ мужа — не въ обычай. Въ нашемъ high-сociety женщина существуетъ и признается только въ парѣ съ му-

земь... Посмотри сама, въ какое отвратительное положеніе поставили мадамъ Бризъ со времени ея развода, несмотря на ея абсолютную безупречность!... Или еще баронессу Амбре-Гелли, которая почти безупречна...

— Но рядомъ съ ними мы видимъ другихъ, которыя пречудесно живутъ безъ мужей, а у нихъ все-таки бываютъ и Буси, и Жизоры, и Божоле, и всякіе Эперноны!...

— Ну, вотъ еще! Не достасть, чтобы ты указала на женщину, которая была вице-королевой и разошлась съ своимъ лордомъ, носить теперь свою прежнюю, старинную аристократическую фамилію! Изъ всякихъ самыхъ священныхъ правилъ есть, разумѣется, исключенія... Да кромѣ того, еслибы не было у нея двухъ милліоновъ годового дохода, еслибы она принуждена была жить скромненько, мы бы посмотрѣли, насколько стали бы съ нею церемониться! Повторяю тебѣ: для женщины только и есть одна роль — оставаться женой своего мужа. При этомъ условіи она можетъ дѣлать все, что угодно, хотя бы самое худшее, даже не скрывая этого, а дѣлая только видъ, будто скрываетъ. Всѣмъ извѣстно, что отъ человѣческихъ слабостей никто не свободенъ, только всѣ притворяются, будто не замѣчаютъ того, что продѣлываетъ ближній, лишь бы самъ онъ не выставлялъ на-показъ своихъ поступковъ... Общество принимаетъ на себя поручительство за всѣхъ женщинъ, которыхъ оно принимаетъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы мужъ былъ первымъ поручителемъ. А отъ него требуется только, чтобы онъ терпѣливо сносилъ все, очевидно съ нимъ происходящее, какъ и то, что никому не извѣстно, и чтобы онъ не нарушалъ ребячьими криками общей гармоніи и спокойствія избраннаго кружка порядочныхъ людей...

Мари - Бланшъ вздрагивала отъ нетерпѣнія, едва слушая страннныя разглагольствованія барона, уснащавшаго ими свой отъказъ въ помощи, отъ которой зависѣла теперь участь его дочери. Онъ принадлежалъ къ тому разряду говоруновъ, которые не терпятъ, чтобы ихъ прерывали, и въ данную минуту разошелся.

— Всего лучше, осмотрись кругомъ, перебери нашихъ знакомыхъ! Все это люди высшаго общества, пользующіеся наилучшею репутациею за свою порядочность и изящество, всѣ заискиваютъ въ нихъ ради пріемовъ, которые у нихъ бываютъ, и тѣхъ пріемовъ, гдѣ желательно, чтобы они бывали... Присмотришь, оцѣни, сочти и скажи, не добрая ли половина этихъ женщинъ терпима въ нашемъ кругу лишь потому, что онѣ замужемъ и что за нихъ отвѣчаетъ мужъ. И ты пойми, что вся сила тутъ въ замужествѣ, а не въ му-

жѣ! Мужъ можетъ быть самымъ послѣднимъ изъ шелопаевъ. Сомнительныхъ женщинъ принимаютъ вовсе не изъ уваженія къ мужьямъ, которыхъ обвиняютъ въ глупости, въ снисходительности и въ гадости... Все держится не личностями, а самимъ бракомъ какъ установленіемъ... Посуди сама, еслибъ мужа не были поручителями, развѣ сталъ бы кто-нибудь принимать баронессу Рифенилье или мадамъ де-Люзиуръ, которыхъ всѣ приглашаютъ, однако? Или мадамъ де-Бираксъ, про которую всѣмъ извѣстно, что ея портной получаетъ уплату по счетамъ отъ Ишельдорфа? А мадамъ де-Июльвиль?... А такая шлюха, какъ маркиза де-Ринжемонъ, съ которою мы третьяго дня обѣдали у тебя!...

— А мадамъ д'Эксирейль?—воскликнула Мари-Бланшъ, позелѣвшая отъ нетерпѣнія и злости.

— Ну,—возразилъ баронъ высококомѣрно,—про эту, сколько мнѣ извѣстно, нельзя сказать ничего дурного.

Мари-Бланшъ промолчала, опустивши голову съ упорно-вызывающимъ видомъ. Сафръ, задѣтый за живое, заговорилъ отрывистымъ и рѣзкимъ тономъ:

— Ты поняла меня, надѣюсь. Я весьма рекомендую тебѣ отказаться отъ нелѣпой затѣи. И съ моей стороны не жди ты ни малѣйшей поддержки... а наоборотъ!...

— О!—воскликнула Мари-Бланшъ внѣ себя.— Я вѣрить не могу, что вы такъ меня покинете!

Похолодѣвшими пальцами она хотѣла схватить руки отца. Но онъ былъ оскорбленъ ею... Сафръ поднялся съ мѣста, отстранилъ дочь и заявилъ:

— Прошу кончить... Оставь меня въ покоѣ. У меня есть дѣло посерьезнѣе твоихъ несносныхъ причудъ... Если изъ головы ихъ не выкинешь, то можешь являться въ другой разъ, послѣ... черезъ полгода. Предупреждаю, впрочемъ, что мнѣнія своего я не измѣню.

Тонъ голоса и поза барона выражали опредѣленно, что его дочери остается одно — убраться вонъ. Но весьма не легко внушить мысль уходить тому, кому дальше идти некуда.

Въ эту минуту баронесса Сафръ вошла въ кабинетъ мужа. Точтѣ была доведена ею до мелочности, и баронесса обезпокоилась тѣмъ, что мужъ запоздалъ на этотъ разъ приходомъ къ обѣду. Она здоровалась съ дочерью, не соблаговоливши удивиться ея притѣвлю. Съ обычною своею осторожностью она поспѣшила тотъ же сдѣлать почти незамѣтнымъ для разговаривавшихъ, что въ комнатѣ появилось третье лицо.

Мари-Бланшъ, при всей путаницѣ мыслей, ни на минуту не

обманывала себя предположеніемъ, что мать способна оказать ей матеріальную поддержку или нравственную помощь. Но она тотчас же подбодрилась сознаниемъ, что она уже не одна съ отцомъ, а есть у нея нѣкоторая опора, если не въ присутствіи матери, то въ присутствіи женщины... Въ то же время она начала съ нѣкоторою ясностью понимать мотивы, побудившіе графа де-Громмеленъ объявить ей войну столь открыто. Мари-Бланшь сообразила, наконецъ, что если мужъ обратился къ содѣйствію полиціи, то, разумѣется, онъ рѣшился идти дальше и довести дѣло до послѣдней крайности, указанной закономъ.

Тогда, прижатая необходимостью раскрыть немного свою игру, она смѣло пустилась навстрѣчу упрекамъ отца и заговорила:

— А еслибъ, желая начать процессъ съ мужемъ, я не имѣла другой цѣли, кромѣ желанія лишить его преимущества, которое онъ получить, начавши процессъ противъ меня?... Да, да... Неужели и въ такомъ случаѣ вы оставите меня одну выгарабкиваться изъ подобной исторіи?

Сафръ сдвинулъ брови. Онъ увидалъ правду и отвѣтилъ грубо:

— Мари-Бланшь, перестань лгать! Признайся, что ты сдѣлала что-то такое, чѣмъ вооружила противъ себя мужа.

Молодая женщина отвернулась, не опуская головы.

— Пусть такъ!—продолжалъ баронъ.—Сказаннаго мною я не измѣню. Тебѣ остается одно—выпросить у мужа прощеніе, хотя бы во имя вашихъ дѣтей, хотя бы пришлось для этого ползать на колѣняхъ!

— Никогда!—крикнула она.

— Стало быть... Дура ты неловкая!... Попалась съ поличнымъ! Это мерзко и постыдно смѣшно! А, кажется, не можешь ты пожаловаться на привередливость мужа... Только сама-то ты не унималась до тѣхъ поръ, пока твое поведеніе не бросилось ему въ глаза. Сама ты выдавала себя каждый день болтовней, туалетами, манерами.... Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ я угадываю. чую...

— Что?—прервала она нахально.

— А вотъ то, что отецъ не такъ глупъ, какъ мужъ! Я очень хорошо видѣлъ, что ты готова завертѣться и ждешь только случая... чтобы запустить свой чепчикъ черезъ мельницы!

Глаза Мари-Бланшь свергнули презрительнымъ лукавствомъ. Она готова была почти смѣяться, слыша доказательство того, какъ она въ теченіе шести лѣтъ дурачила такого большого знатока людей и ихъ слабостей, какимъ былъ баронъ Сафръ!

— Ты вообразила, — гнѣвно говорилъ онъ, — что тебѣ достаточно явиться сюда для того, чтобы я взялся улаживать всѣ твои нелѣпныя дѣла!... И не подумаю... Я убѣжденъ теперь, что ты кругомъ виновата, и вѣдайся ты съ своимъ мужемъ. Я ничего не возражу, если онъ захочетъ воспользоваться своими правами. И, вѣрнѣе всего, я отнюдь не желаю унижаться передъ этимъ господиномъ, выпрашивая его снисхожденія къ виновной!

— Я не ожидала, — возразила Мари-Бланшъ язвительно, — видѣть васъ такимъ ригористомъ!

И она взглянула на мать, рассчитывая подмѣтить на ея лицѣ выраженіе, хотя бы нѣмого, сочувствія, которое она думала заслужить ехиднымъ тономъ своего отвѣта. Но баронесса Сафръ оставалась совершенно безучастною съ неподвижно-блѣднымъ лицомъ.

Мари-Бланшъ, въ переживаемомъ ею душевномъ состояніи, представлялось, будто совершающіяся вокругъ нея событія являются уже предвѣстниками того, какъ ее отовсюду прогонять. И она испытывала только инстинктивную потребность причинять вредъ и зло, подобно тому, какъ преслѣдуемая оса, изъ чувства самосохраненія, выдвигается на угрожающаго ей и жалитъ на-удачу.

— Если васъ не трогаетъ участь родной дочери, — ѣдко говорила Мари-Бланшъ, — и притомъ несчастной дочери, то, во всякомъ случаѣ, вамъ-то слѣдовало бы быть, въ особенности, снисходительнымъ къ чьимъ бы ни было слабостямъ!...

— Это еще что?

— Я хочу сказать, что никто не совершенство... что кто за другими примѣчаетъ, тотъ долженъ помнить, что примѣчаютъ и за нимъ... и что вы поступали бы справедливѣе, еслибы проявляли поменьше строгости!

Сафръ двинулся къ Мари-Бланшъ, грозно сдвигая брови.

— Нельзя ли безъ апологій!... Говори прямо, если способна къ правдивости.

Мари-Бланшъ не дрогнула, не попятилась назадъ.

— Вамъ угодно, чтобы я поименно перечислила тѣхъ женщинъ, которыхъ съ того дня, какъ я стала понимать ихъ роль, вы судили мнѣ въ назиданіе въ этотъ самый домъ, оказывая имъ по-тъ и... выплачивая имъ подобающую дань! — закончила она, смѣясь не хохоча.

— О, Мари-Бланшъ! — прошептала баронесса Сафръ. — Дитя мое, ты забываешь, что я здѣсь!

Графиня де-Громмеленъ обратила къ матери полубезумное лицо. Баронесса дѣлала ей знаки болѣзненной робости, давая понять, что

давно пора прекратить эту унижительную сцену. Вся фигура баронессы какъ будто говорила дочери:—«Развѣ ты не видишь, какъ я понимала обязанности жены? Я, наиболѣе заинтересованная, не закрывала ли постоянно глаза на все, что дѣлалъ твой отецъ? И какъ ничтожны подобныя мелочи въ сравненіи съ тѣмъ, здоровъ или боленъ человѣкъ?...»

Баронъ Сафръ, доведенный оскорбленіемъ до неистовства, дрожа отъ гнѣва, подошелъ къ дочери и взялъ ее за плечи. Встрѣтились ихъ взгляды, опьяненные бѣшенствомъ, обусловленнымъ не столько враждебнымъ столкновеніемъ отца съ дочерью, сколько всѣми терзаніями, пережитыми ими обоими, всѣмъ тѣмъ, что накопилось въ нихъ противъ людей, вообще. Въ глазахъ отца и въ глазахъ дочери свѣтилось странное выраженіе скрытаго помыслительства, которымъ дочь расплачивалась за постоянное употребленіе яда, обманывавшаго ее развращенныя чувства, а отецъ—за свои расчеты и кабалистическія подписи, губившія въ настоящую минуту накопленное имъ богатство и разрушавшія его огромное состояніе...

— Уходи вонъ!—кричалъ Сафръ.—Ты негодная дочь и потерянная женщина!... Съ этой минуты я не знаю тебя, убирайся, куда хочешь, я выгоняю тебя!

И обратившись къ женѣ, сдѣлавшей было нѣсколько шаговъ впередъ съ поднятыми руками, онъ сказалъ:

— А васъ прошу не вступаться, не мѣшать мнѣ охранять ваше и мое собственное достояніе... Ничего я слушать не буду!

Баронесса безпрекословно подчинилась требованіямъ мужа изъ благоговѣнія передъ гениемъ миллионера и успѣла только шепнуть дочери:

— Если тяжело тебѣ вернуться сейчасъ домой, то проживи нѣсколько дней у брата или у сестры...

...Очувтившись снова на улицѣ, куда она буквально была выброшена, Мари-Бланшъ пошла безъ опредѣленной цѣли... Вся будущность, казалось, вдругъ померкла передъ ея глазами... Въ особенности страшно было то, что Мари-Бланшъ чувствовала себя исключенною изъ предстоящихъ веселыхъ собраній, на которыя она уже приглашена, къ которымъ такъ восхитительно готовилась. Да, это уже не перерывъ, это—конецъ! Мари-Бланшъ не будетъ уже изодня въ день разыгрывать каждый вечеръ маленькую королеву, окруженную поклонниками! Конецъ изящнымъ праздникамъ, шумному веселью, всѣмъ радостямъ тщеславія!... И въ тотъ же мигъ ей живо представились картонки, загромождавшія ея уборную...

Что же будет теперь? Сразу отказаться от всего этого? Никуда не показываться?... И обильныя, жгучія слезы полились по ея щекамъ, при воспоминаніи о миломъ, чудномъ, атласномъ платьѣ абрикосоваго цвѣта, которое она примѣривала всего нѣсколько часовъ назадъ... Стоило хлопотать изъ-за того, чтобы оно поспѣло во-время, къ обѣду къ генеральши Блеси - Боргъ, который дается, какъ извѣстно теперь, въ честь одной инфанты!...

Но, минутою спустя, слезы Мари-Бланшъ моментально высохли отъ жгучести новаго охватившаго ее чувства. Большинство тѣхъ женщинъ, на беспорядочность которыхъ только что указывалъ баронъ Сафръ, будетъ тамъ, на этомъ приемѣ, будетъ расточать передъ принцессой королевской крови свои радостныя привѣтствія, свое торжествующее кокетство, — въ полной, отвратительной безопасности!... Такимъ образомъ все останется попрежнему неизмѣннымъ для всѣхъ, которыя, разумѣется, хуже ея, во сто разъ хуже, въ тысячу разъ, быть можетъ, но которыхъ никто не подкарауливалъ, которыя не испытали еще, что значитъ быть захваченной врасплохъ на мѣстѣ преступленія!

Нѣтъ, нѣтъ! Невозможно, немислимо допустить, чтобы эти женщины продолжали наслаждаться спокойно, съ гордымъ видомъ, тогда какъ она, Мари-Бланшъ, одна на свѣтѣ будетъ обречена бродить по пустынному бульвару, — одна бѣдная, несчастная Мари-Бланшъ будетъ терзаться и страдать, зная, что ее, доведенную до отчаянья, опозоренную, нигуда не пригласять!...

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея фонарь почтоваго отдѣленія свѣтилъ манящимъ и предательскимъ блескомъ. Мари-Бланшъ автоматически вошла въ контору и потребовала закрытыхъ писемъ на ту монету, которая выпала изъ ея кошелька. Ей дали пять штукъ.

Привычнымъ печатнымъ шрифтомъ, усвоеннымъ ею для анонимныхъ писемъ, она писала одному господину, что на его женѣ не видать брилліантовъ потому, что отобралъ ихъ отъ нея, какъ говорятъ, теноръ Акилини. Другому было написано, что его женѣ слѣдовало бы воспользоваться остаткомъ молодости и замѣнить кѣмъ-нибудь кретина виконта, котораго она разорила въ конецъ. Третьимъ посланіемъ сообщался мужу номеръ холостой квартиры и названіе улицы, гдѣ его жена бываетъ ежедневно. Это Мари-Бланшъ знала доподлинно, такъ какъ сама заинтересованная дама рассказывала ей объ этомъ въ минуту пріятельской откровенности. Въ слѣдующемъ письмѣ она передавала имя того, кого всѣ называютъ отцомъ послѣдней дочки, порадовавшей адресата своимъ появл еніемъ въ свѣтъ.

Все это она писала и заклеивала, повинувшись какому-то дикому вдохновенію...

Оставался одинъ бланкъ.

Кому писать еще?... Затрудненіе не въ томъ, конечно, что не хватаетъ матеріала для подобныхъ посланій... Но кого же выбрать, кому отдать предпочтеніе, когда остается только одинъ листокъ? На кого излить злобу теперь же, не откладывая?...

И не рѣшивши этихъ вопросовъ, Мари-Бланшъ начала такъ:

«Весь Парижъ потѣшается надъ вами, какъ надъ обманутымъ мужемъ»...

Подобное утвержденіе имѣло настолько общій характеръ, что могло относиться къ достойнѣйшему изъ людей такъ же точно, какъ и къ самому негодному.

«Любовника вашей жены,—продолжала она писать,—вы сдѣлали своимъ лучшимъ другомъ»...

И это имѣло опять-таки значеніе общаго мѣста. Мари-Бланшъ не знала сама, какую гадостью изобразить дальше свое сочиненіе. Слѣдующая фраза, написанная также наудачу, оказалась нѣскольکو болѣе категорическою:

«Хотя вы и смотрите протачкомъ, но всѣмъ ясно, что вы на содержаніи»...

Это послѣднее слово являлось какъ бы лучемъ свѣта. Имя неизвѣстнаго до этой минуты адресата навернулось само собой: Мари-Бланшъ написала адресъ Жака д'Эксирейля, собрала свою корреспонденцію и опустила въ ящикъ весь пакетъ яда.

Покончивши съ этимъ, Мари-Бланшъ вышла опять на улицу. Какое-то странное ощущеніе овладѣло всѣмъ существомъ молодой женщины, направляло ее, распоряжалось ею, заставляло ее двигаться, какъ нитка приводитъ въ движеніе руки и ноги картоннаго паяца. Дѣло въ томъ, что становилось уже поздно и давно прошелъ обычный часъ, когда несчастная манія заставляла ее дѣлать вечернія впрыскиванія морфина. Порочная склонность давала знать о себѣ съ недолимою силой, влекла ее, какъ настоятельная необходимость.

Разстроенному воображенію представлялся съ поразительно отчетливою золотой блескъ маленькаго инструмента, дававшаго наслажденіе, мучительной игрушки, которая одна возстановляла до нѣкоторой степени равновѣсіе всего организма Мари-Бланшъ. Подъ такимъ вліяніемъ она, почти безсознательно, добралась до своего дома. Точно миражъ мелькалъ передъ ея глазами и влекъ къ себѣ волшебными чарами... Она позвонила, вошла бз-

препятственно въ домъ и направилась въ свои комнаты, подчиняясь инстинкту, который велъ ее къ искусственному блаженству.

Отравленіе морфиномъ замѣнило собою все для нея: семейныя привязанности, любовь къ отцу, сознание обязанностей... Дрожа и задыхаясь, рылась она въ своихъ беспорядочныхъ ящикахъ, разыскивая шприцъ и выбирая мѣсто для укола на своемъ нетерпѣливо трепещущемъ тѣлѣ. И, наконецъ-то, сладкій мигъ насталъ, нервы улеглись, румянецъ счастья проступилъ на ея щекахъ, а на губахъ заиграла улыбка беззаботнаго ребенка...

Немного времени спустя по возвращеніи Мари-Бланшъ, пріѣхала ея мать и приказала доложить о себѣ графу де-Громмеленъ. Баронъ Сафръ, спокойно обсудивши дѣло, рѣшилъ черезъ жену сдѣлать попытку помирить супруговъ.

Графъ сидѣлъ съ газетой въ рукахъ въ курильной комнатѣ и наслаждался чтеніемъ новостей, сообщаемыхъ въ этотъ исключительно пріятный для него день, употребленный имъ съ необыкновенною пользой. Добрый хозяинъ встрѣтилъ тещу съ вѣжливой предупредительностью.

Баронесса начала бесѣду самыми безнадежно-слабымъ голосомъ, сопровождая свои фразы легкими вздрагиваніями, которыми она напоминала всѣмъ, насколько слабо ея здоровье и насколько всѣ обязаны относиться къ нему осторожно.

— Тотъ фактъ, что я рискнула выѣхать изъ дому въ такой часъ говорить вамъ, мой добрый другъ, лучше всякихъ словъ о томъ, какъ сильно я взволнована.

Громмеленъ наклонилъ голову и отвѣтилъ:

— Слѣдовательно, вамъ извѣстно, что произошло сегодня?

— О,—остановила его баронесса Сафръ, протягивая впередъ руки, какъ бы для того, чтобы предупредить всякое объясненіе, могущее вредно повліять на нее.—Я не хочу знать ничего опредѣленнаго... Не рассказывайте, не разстраивайте меня больше лишними подробностями! Я допускаю, что во всемъ виновата Мари-Бланшъ!... Въ тому же она, бѣдняжка, слишкомъ искренна и даже сейчасъ въ разговорѣ съ отцомъ вела себя такъ, что и его не сумѣла расположить къ себѣ. Я пріѣхала сюда лишь за тѣмъ, чтобъ обратиться къ вашему великодушію...

— Если ваша дочь благоразумно согласится не защищаться, то я обещаю вамъ щадить ее, насколько это возможно. Я буду выставить противъ нее лишь то, что безусловно необходимо, и никогда не упустию изъ вида того, что она мать моихъ двухъ сыновей. Если же она будетъ сопротивляться, если позволить себѣ малѣй-

шее обвиненіе меня въ чемъ-либо, я закидаю ее грязью... Я не остановлюсь ни передъ чѣмъ, что можетъ обезпечить мнѣ выигрышъ процесса...

— Процесса! — простонала баронесса. — О, другъ мой, неужели вы захотите доводить дѣло до такой крайности?

— Сударыня, вотъ уже шесть лѣтъ, какъ моя жена измѣняетъ мнѣ, можно сказать, непрерывно. Пять лѣтъ я убѣжденъ въ этомъ, знаю это достовѣрно, вижу это, не говоря ни слова...

Баронесса Сафръ воспользовалась такимъ утверженіемъ, открывшимъ ей возможность добиваться возстановленія мира между супругами.

— Другъ мой, разъ у васъ хватило мужества переносить столько лѣтъ подобную невзгоду, стало-быть вы пережили самое тяжелое... Въ этомъ, какъ и во всемъ другомъ, не наиболѣе ли горько начало?

Громмеленъ не нашелъ нужнымъ пускаться въ обсужденіе такого вопроса. Онъ хорошо помнилъ, что относился всегда съ неизмѣннымъ чувствомъ омерзѣнія къ продѣлкамъ жены. Чтобы выносить подобное положеніе, ему приходилось постоянно говорить и повторять себѣ, что лишь недостаточность средствъ не дозволяетъ ему сердиться явно. Теперь, когда онъ имѣетъ приличный достатокъ, никакія соображенія не представлялись ему убѣдительными для продолженія совмѣстной жизни съ обманывавшею его женой. Онъ понималъ, что извѣстная порядочность вынуждаетъ его отдать полученное имъ приданое и тѣмъ доказать, что нельзя благороднаго человѣка закабалить деньгами, когда онъ въ нихъ больше не нуждается.

Баронесса приходила въ отчаяніе отъ видимаго упорства зятя. Да и у ней самой не хватало ни сердечности, ни воодушевленія, необходимыхъ въ подобныхъ дѣлахъ для того, чтобъ убѣждать, настаивать и даже умолять человѣка, крѣпко отстаивающаго свое рѣшеніе.

— Вѣдь, это произведетъ ужасающій скандалъ! — прошептала она.

Громмеленъ отвѣтилъ невозмутимо:

— Это ужъ не моя вина.

Любящая мать умолкла на нѣсколько минутъ, совсѣмъ липившись дыханія, что она продѣлывала безъ особеннаго труда и усилій, когда находила это нужнымъ. Громмеленъ очень участливо отнесся къ такому болѣзненному припадку, виновникомъ котораго онъ могъ себя считать въ извѣстной мѣрѣ, причастствующей обстоя-

тельствамъ. Его взглядъ, слѣдившій за возвращающимся понемногу дыханіемъ баронессы, выражалъ любезное сочувствіе, съ какимъ графъ отнесся бы къ сигарѣ, предложенной имъ гостю и вдругъ переставшей куриться.

Нѣсколько оправившись, баронесса попробовала сдѣлать послѣднее усиліе.

— Я знаю, — заговорила она опять, — что нѣкоторыя, очень серьезныя, соображенія отходятъ на второй планъ въ такія минуты, когда роковые вопросы сердца побуждаютъ супруговъ расколоться!... Но достаточно ли подумали вы, другъ мой, о послѣдствіяхъ вашей разлуки съ Мари-Бланшъ? Приняли ли вы во вниманіе, что это поведетъ къ разрыву со всѣмъ, что представляетъ для васъ имя барона Сафра въ настоящее время... и, особливо, въ будущемъ?

И баронесса закашляла съ видомъ умирающей, чтобы показать возможную близость перспективы, указанной ею въ будущемъ.

— Я васъ не понимаю, — благородно заявилъ Громмеленъ, — и представить себѣ не могу, что угодно вамъ дать мнѣ понять этими словами.

— Видите ли, вопросъ, котораго я касаюсь, заслуживаетъ того, чтобы въ ряду другихъ ему было отведено первое мѣсто, принимая во вниманіе ваши года и года Мари-Бланшъ... Въмѣсто того, чтобы поддаваться пустому раздраженію, не лучше ли обратиться къ утѣшительному будущему; — считаю себя вправѣ даже сказать безъ хвастовства, — къ блестящему будущему, ожидающему васъ?... Не имѣете вы развѣ основанія рассчитывать, что отъ моего мужа и отъ меня вы получите рѣдкое въ мірѣ вознагражденіе? Потерпите, мой другъ, потерпите еще нѣсколько лѣтъ, и вы, конечно, забудете о негодованіи, созданномъ иллюзіями, изъ-за которыхъ было бы непрослительнымъ легкомысліемъ отказываться отъ самыхъ существенныхъ реальностей! И какъ сами вы будете жалѣть о томъ, чѣмъ вы пожертвовали, уступивши негодованію... быть можетъ, представляющемуся вамъ и не совсѣмъ лишеннымъ основанія... Но, вѣдь, всѣ подобныя основанія, каковы бы они ни были, отходятъ все дальше въ прошлое и никогда не переживаютъ молодости женщины!

Она вложила всю трогательную слабость своего организма въ намеки и въ недомолвки, и въ то же время порѣшила, про себя, что не поведетъ дальше своей послѣдней попытки. Да, черезъ пять минутъ она покончитъ это, перестанетъ задыхаться, вздрагивать, утомляться, разстраивая и безъ того уже хилое свое здоровье.

Громмеленъ, сохраняя видимое спокойствіе, былъ, все-таки, раздраженъ хитрыми уловками тещи, къ которымъ она прибѣгала, маня его, съ дразнящею и наивно рассчитанною медленностью, «надеждами» на наслѣдство Мари-Бланшъ.

— О!—воскликнулъ онъ.—Если я стану утѣшать себя въ семейныхъ неудачахъ тѣмъ вознагражденіемъ, которое мнѣ дастъ наслѣдство барона Сафра, то не особенно это будетъ жирно!

Баронесса сдѣлала гримасу, ясно выражавшую: — «Ну-ну! Не обкушайте!»

До сихъ поръ Громмеленъ не хотѣлъ касаться одного обстоятельства, о которомъ онъ былъ освѣдомленъ. Рѣшившись не имѣть ничего общаго съ интересами тестя, онъ старался избѣгать неловкости какимъ бы ни было образомъ виѣшиваться въ его дѣла, хотя бы на словахъ. Бромъ того, зная, что для барона началось уже крушеніе, онъ не желалъ давать повода къ некрасивому, но возможному сравненію своего образа дѣйствій съ бѣгствомъ крысъ, покидающихъ корабль... Новая гримаса тещи вывела его изъ себя, и онъ порѣшилъ плохимъ извѣстіемъ ошеломить высокое мнѣніе, которое она имѣла объ административной непогрѣшимости своего супруга.

— Сударыня, — объявилъ онъ, — въ настоящей время состояніе барона Сафра непоправимо разстроено.

Точно оживленная гальваническимъ токомъ, баронесса возразила на этотъ разъ съ нарождающею силой:

— Это что за шутка?

— Нѣтъ, я передаю вамъ вещь очень серьезную. Финансовыя операціи вашего мужа идутъ такъ, что въ скоромъ времени онъ окончательно разорится. Теперь это уже дѣло нѣсколькихъ мѣсяцевъ... или даже нѣсколькихъ недѣль.

Баронесса Сафръ сдѣлалась неузнаваемою. Слыша, что зять, — человекъ положительный, очень церемонный и осторожный, — высказывается такъ опредѣленно, она ни на минуту не усомнилась въ основательности передаваемыхъ имъ свѣдѣній.

— Позвольте! — заговорила она живо. — Объясните, въ чемъ дѣло.

Инстинктивнымъ движеніемъ она сбросила на плечи свою кружевную мантилью. Этотъ простой уборъ, который, собираясь выѣхать изъ дому, она накинула на голову, до сихъ поръ ни на одну линію не измѣнилъ своего положенія. Только теперь баронесса насторожила слухъ и зрѣніе, съ этого мгновенія она по-настоящему, сердцемъ и умомъ, отдалась разговору.

Громшелень, съ своей стороны, нашелъ возможнымъ выдти изъ обычной сдержанности, насколько то позволяла его прирожденная чопорность.

— Я не хочу, — заговорилъ онъ, — и не могу входить въ техническія подробности дѣла. Относительно обстоятельствъ, вызвавшихъ гибель вашего мужа, я могу сказать только, что его замыслы, грандіозные вначалѣ, превратились очень скоро въ безумную спекуляцію. Несомнѣнно, для того, чтобы вырвать изъ рукъ такого сильнаго бойца, какъ баронъ, тѣ средства, какими онъ располагалъ, нужно было необычайное сдѣленіе обстоятельствъ!... Но въ наше время вы не разъ слышали, разумѣется, про такія же гигантскія катастрофы. Въ настоящую минуту вашему мужу приходится бороться съ биржевыми маневрами на рынкахъ всего міра, отъ Нью-Йорка до Берлина. Изъ всѣхъ, послѣдовавшихъ его примѣру, не уцѣлѣло теперь ни одного. Баронъ Сафръ держится еще, благодаря колоссальности своего состоянія, но и онъ погибнетъ, теперь его чередъ!...

Настоящее чудо поразительнаго испѣльнія совершилось надъ баронессой. Откуда только взялись блескъ въ глазахъ, оживленіе всего лица, приливъ румянца къ щекамъ?

— Вы вполне увѣрены, — спросила она энергично, — въ достоверности полученныхъ вами свѣдѣній?

— Безусловно!

Но для того, чтобъ обстоятельно разобраться въ дѣлѣ, у нея оказалось силъ нѣсколько больше, чѣмъ требовалось. Она суетилась, не могла усидѣть на мѣстѣ, соображала меньше секунды и предлагала вопросы еще быстрее.

— Можете сказать, какъ вы узнали объ этомъ?

— Узналъ отъ очень вѣрнаго человѣка.

— Полагаете, что объ этомъ уже знаютъ въ публикѣ?

— Не думаю... Человѣкъ, предупредившій меня и занимающій такое положеніе, что долженъ все это знать достоверно, говорить объ этомъ не станетъ. Мнѣ онъ счелъ своимъ долгомъ сообщить объ этомъ по дружбѣ.

— Предупредилъ онъ также Артура и моего другого зятя?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Громшелень презрительно.

— А, это вашъ личный другъ... вамъ однимъ сказалъ?

Громшелень пояснилъ свысока:

— Просто, добрый знакомый, съ которымъ у насъ давнишнія брня отношенія...

Баронесса быстро перешла къ другому предмету. Не остава-

лось слѣда спокойнаго равнодушія и томной лѣни, которыя всѣ привыкли видѣть издавна... Теща Громмелена опиралась на столѣикъ смѣлымъ и фамильярнымъ движеніемъ. Два ея пальца, точно крѣпкія, надежныя вила, солидно подпирали ея подбородокъ.

— Слушайте,— говорила она рѣзко дѣловымъ тономъ,— не могу же я спокойно выждать, пока совершится катастрофа?... Другъ мой, я обращаюсь къ вамъ всею моею душой, какъ къ отцу моихъ внуговъ, какъ къ моему сыну... къ настоящему, какимъ я васъ всегда считала, передъ Богомъ и передъ людьми!... Помогите мнѣ! Скажите, что мнѣ дѣлать?...

— Это вопросъ очень щекотливый... По моему мнѣнію, самый корректный способъ улаживать семейныя дѣла состоятъ въ томъ, чтобы передать ихъ въ руки юристовъ... Обратитесь къ вашему нотаріусу, — ему, навѣрное, многое извѣстно... Баронъ Сафръ, вѣроятно, много разъ требовалъ вашей подписи?

— О, нѣтъ! очень рѣдко... иначе я бы насторожилась! — отвѣтила она мягко.

— Въ такомъ случаѣ поторопитесь! Быть можетъ, не ушло еще время спасти кое-что... пожалуй, даже весьма изрядный кусокъ.

— Завтра утромъ мой мужъ уѣзжаетъ на двое сутокъ... Къ его возвращенію я все устрою, ничего не упущу, все обдѣлаю!...

Она встала, бодрая, проворная, готовая на все. Пожимая обѣ руки Громмелена самымъ задушевнымъ образомъ, она распростилась съ зятемъ, не вспомнивши даже имени Мари-Бланшъ. Баронесса Сафръ уходила наэлектризованная волненіемъ, съ сознаниемъ важной обязанности, которую она должна исполнить передъ самой собой, что придавало ей почти торжественный видъ. Ее совершенно преобразила одна мысль: необходимость сохранить ту роскошь, широту и прелесть которой она безсознательно любила изъ-за того, чтобы самой, безъ видимой въ томъ нужды, пользоваться среди нея маленькимъ пріютомъ... очень маленькимъ... только въ самомъ центрѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

(Изъ Виктора Гомулицкаго).

Проснись: уснула даль въ серебряномъ сіяньи,
Нѣжнѣе запахъ розъ, нѣжнѣе взоръ свѣтилъ,
Плыветъ къ лазури дымъ съ невѣдомыхъ кадилъ,
А съ устъ—слова любви, беззвучны, какъ молчанье.

Нѣжнѣе запахъ розъ, нѣжнѣе взоръ свѣтилъ,
Волна слилась съ волной, въ томительномъ лобзаньи,
Плывутъ слова любви, беззвучны, какъ молчанье,
Лишь юность внемлетъ имъ,—слухъ старцамъ измѣнилъ.

Волна слилась съ волной въ томительномъ лобзаньи,
Доносить вѣтерокъ напѣвы райскихъ силъ,
Лишь юность внемлетъ имъ,—слухъ старцамъ измѣнилъ.
Какъ много странныхъ тайнъ въ полночномъ ожиданьи!

Доносить вѣтерокъ напѣвы райскихъ силъ,
Совы ночную тишь тревожить завыванье:
Какъ много странныхъ тайнъ въ полночномъ ожиданьи,—
Такъ сладокъ бредъ любви, такъ стонъ нужды уныль.

Мих. Гербановскій.

МІРСКОЕ ДИТЯ.

Разсказъ Маріи Эбнеръ фонъ-Эшенбахъ.

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

„Tout est l'histoire“.

George Sand.

Histoire de ma vie, I, p. 268.

Имѣя въ виду систематически знакомить переводами русскаго читателя съ главнѣйшимъ направленіемъ европейской литературы, мы не случайно остановились на произведеніяхъ Маріи Эбнеръ фонъ-Эшенбахъ, одной изъ самыхъ видныхъ представительницъ реальнаго романа въ Германіи. Реальное изображеніе человѣческой души и общественной жизни во всѣхъ ея сферахъ, въ противоположность романтической фантастикѣ съ одной стороны и декадентскаго символизма съ другой, является въ настоящее время господствующимъ направленіемъ нѣмецкой художественной литературы. Писатели различаются между собою сферами изображаемой жизни, оттѣнками въ пониманіи реализма; но всё они стараются твердо держаться реальной почвы. Это направленіе замѣтно обнаруживается еще въ первой половинѣ XIX столѣтія. Б. Ауэрбахъ въ своихъ *Schwarzwälder Dorfgeschichten* сдѣлалъ первый значительный опытъ художественнаго воспроизведенія крестьянской жизни; послѣ него Клаусъ Гротъ и Фрицъ Рейтеръ для большаго реализма писали свои деревенскіе разсказы на мѣстномъ діалектѣ. Новѣйшіе писатели этого направленія вернулись къ литературной рѣчи, и въ ихъ произведеніяхъ, съ которыми мы въ свое время познакоимъ нашихъ читателей, замѣтно отражаются современныя соціальныя и моральныя злобы дня крестьянской среды. Въ пятидесятыхъ годахъ выступаетъ цѣлый рядъ романистовъ, изображавшихъ общественную жизнь большихъ городовъ; но историческія событія сороковыхъ годовъ наложили особый отпечатокъ на ихъ произведенія, лишивъ ихъ въ большей или меньшей степени эпическаго спокойствія и объективности. Рѣзче всего этотъ духъ времени отразился на романахъ Гупцова и Шпильгагена, нѣсколько слабѣе на произведеніяхъ Фрейтага и Гейзе и менѣе всего на такихъ писателяхъ, которые, какъ швейцарецъ Готфридъ Беллеръ, далеко стояли отъ крупныхъ событій,

ютя мѣстная швейцарская политика затрогивается и въ его романахъ. Новѣйшіе писатели отчасти вернулись къ прежней объективности, хотя между ними есть очень много послѣдователей Шпильгагена, такъ какъ современное политическое и социальное положеніе Германіи возбуждаетъ и тревожные вопросы и страстную борьбу. Событія сороковыхъ годовъ, какъ это всегда бываетъ, дали новый толчокъ развитію историческаго романа, причемъ главный интересъ писателей сосредоточивался на нѣмецкой старинѣ, хотя нѣкоторые, какъ Эберсъ, пытались дать художественную реставрацію даже египетскихъ древностей. Реалистическое направленіе сослужило и здѣсь хорошую службу: романисты добросовѣстно стремятся къ исторической правдѣ, но, къ сожалѣнію, чаще всего эта правда ограничивается археологическою точностью описаній. Прусскія побѣды надъ Австріей и Франціей создали историческій романъ изъ современной жизни; но и эти произведенія не менѣе грѣшатъ противъ исторической правды, чѣмъ египетскіе романы Эберса, хотя и по другой причинѣ: quasi-патріотическій шовинизмъ при всей склонности авторовъ къ реализму превращаетъ ихъ произведенія въ хвалебные панегирики побѣдителю. Главнымъ представителемъ этого направленія является очень плодовитый и весьма талантливый романистъ Теодоръ Фонтанъ изъ Бранденбурга, потомокъ поселившихся нѣкогда здѣсь французскихъ гугенотовъ.

Что касается до отношенія романистовъ къ дѣйствительности, то въ современной нѣмецкой литературѣ слѣдуетъ отмѣтить особенно одну черту: несравненно большій интересъ къ бытовому роману, чѣмъ къ индивидуально-психологическому. Писатели чаще всего и охотнѣе всего изображаютъ общественную жизнь, причемъ внутренняя исторія героя разсматривается въ тѣсной связи съ окружающей его средой, а иногда служитъ только для ея иллюстраціи. При этомъ въ самыхъ пріемахъ изображенія дѣйствительности можно различить три главныхъ направленія. Во-первыхъ, значительная часть молодыхъ нѣмецкихъ писателей находится подъ сильнымъ влияніемъ французскаго натурализма. Апостоломъ этого направленія является М. Конрадъ, произведенія котораго грубостью и грязью превосходятъ романы Зола и безконечно уступаютъ имъ по таланту; его послѣдователи обыкновенно помѣщали свои произведенія въ фельетонахъ социалистическихъ газетъ, что вызвало даже формальный протестъ со стороны читателей. Впрочемъ, болѣе талантливые изъ нѣмецкихъ послѣдователей Зола, какъ К. Блейбтрей, оставаясь вѣрны его теоріи «экспериментальнаго романа», довольно удачно стараются избѣжать его односторонности. Второе направленіе составляютъ юмористы; его представителемъ можетъ служить авторъ исторіи фамиліи Бухгольцевъ, хорошо извѣстный и русской читающей публикѣ. Но большинство крупныхъ нѣмецкихъ писателей-романистовъ свободны и отъ односторонности французскаго натурализма, который видитъ въ дѣйствительности только ея темныя стороны, и отъ узости юмористовъ. Эти романисты изображаютъ жизнь, какъ она есть; но они не фотографируютъ дѣйствительности, какъ она представляется поверхностному наблюдателю

съ случайной точки зрѣнія,—наоборотъ, они стараются вполнѣ возсоздать ее въ ея настоящемъ видѣ: найти и показать ея хорошія стороны тамъ, гдѣ онѣ прикрыты наноснымъ и случайнымъ, открыть и выставить на видъ зло тамъ, гдѣ оно скрыто подъ лицемѣрною маской. Къ этой категоріи гуманныхъ и идеально настроенныхъ писателей-романистовъ принадлежатъ и Марія Эбнеръ фонъ-Эшенбахъ.

Эбнеръ, урожденная графиня Дубская, славянка по происхожденію, родилась въ Моравіи въ 1830 году, до замужства не знала нѣмецкаго языка, выступила на литературное поприще, какъ драматургъ, только въ 1860 и лишь въ 80-хъ годахъ получила громкую извѣстность, какъ романистка. Принадлежа по рожденію къ чешской аристократіи, Эбнеръ вышла замужъ за инженеръ - полковника, профессора инженерной академіи въ Вѣнѣ и, благодаря семейнымъ связямъ, хорошо знала жизнь и нравы какъ славянской, такъ и нѣмецкой знати, но въ то же время она имѣла полную возможность близко ознакомиться и съ другими классами австрійскаго населенія, такъ какъ ея молодость прошла въ деревенскомъ замкѣ ея отца, гдѣ она и позже всегда проводила лѣтніе мѣсяцы, а вмѣстѣ съ мужемъ она жила и въ столицѣ, и въ захолустномъ городкѣ Клостербрукъ около Звайма, куда была переведена инженерная академія. Эта широкая возможность непосредственно наблюдать жизнь различныхъ общественныхъ сферъ до извѣстной степени пополняла недостатокъ систематическаго образованія, такъ какъ Эбнеръ получила, такъ называемое, домашнее воспитаніе и всю жизнь оставалась самоучкой. Бромъ того, аристократическое происхожденіе доставило ей и еще одно удобство: революціонныя движенія сороковыхъ годовъ, къ которымъ Эбнеръ могла относиться сознательно, кореннымъ образомъ затрогивали дворянство, и будущая писательница воспитывалась подъ влияніемъ живыхъ и горячихъ политическихъ интересовъ. Впечатлительная и наблюдательная, Эбнеръ превосходно пользовалась выгодами своего положенія и позже, когда художественный талантъ заставилъ ее выступить на литературное поприще, хорошее знакомство съ жизнью и масса старыхъ и новыхъ наблюденій и впечатлѣній доставили ей обильный матеріалъ для художественной обработки.

Эбнеръ не сразу попала на настоящій путь. Ея первыя произведенія: историческія драмы *Марія Стюартъ* и *Марія Роланъ*—не обладаютъ значительными достоинствами; то же самое можно сказать и объ ея позднѣйшихъ драматическихъ опытахъ. Даже повѣсть и романъ, позже поставившіе ее въ первые ряды современныхъ нѣмецкихъ писателей, сначала не имѣли успѣха: фирма Котта, издавшая ея первые рассказы, потерпѣла отъ нихъ убытокъ, и Эбнеръ съ трудомъ нашла издателей для своихъ дальнѣйшихъ работъ. Но мало-по-малу успѣхъ былъ завоеванъ: сначала П. Гейзе, а затѣмъ и нѣмецкая критика по достоинству оцѣнили крупный талантъ новой, хотя уже и весьма пожилой писательницы. По основному направленію своей дѣятельности Эбнеръ—реалистка. Она заботливо изучаетъ и подражаетъ дѣйствительности, стремится вѣрно изобразить нравы, точно

писать обстановку но она не фотографируетъ, а творить, ищетъ въ жизни проявленій своихъ нравственныхъ идеаловъ, создаетъ художественные образы соответственно своему пониманію души человѣческой. Болѣе того, Эбнеръ не обладаетъ безстрастной объективностью; у нея есть совершенно ясныя для читателя симпатіи и антипатіи, опредѣленные нравственные и политическія воззрѣнія. Это не значитъ, что ея романы представляютъ собою какую-либо проповѣдь; наоборотъ, лирики въ нихъ очень мало, а риторика съ дидактикой совершенно отсутствуетъ; но она умѣетъ при-дать своимъ художественнымъ образамъ опредѣленный смыслъ, стремится художественными средствами вызвать у читателя опредѣленное отношеніе къ изображаемому явленію. Въ основѣ моральныхъ и политическихъ воззрѣній Эбнеръ лежитъ глубокое убѣжденіе, что въ человѣческую природу заложено естественное стремленіе къ добру, и это убѣжденіе прямо или косвенно отражается на всѣхъ ея произведеніяхъ. Такъ, при всемъ разнообразіи сюжетовъ и при полной оригинальности въ обработкѣ cadaго изъ нихъ (Эбнеръ никогда не повторяется) герои ея многихъ и лучшихъ романовъ выходятъ «изъ мрака къ свѣту». Таковы Божена, д-ръ Розенцвейгъ, Марія Дорнбахъ и нѣкоторые другіе. Таковъ и Павелъ Голубъ въ рассказѣ *Мирское дитя*. Этотъ взглядъ обуславливается нравственными воззрѣніями Эбнеръ, которыя она лучше всего формулируетъ устами учителя Хабрехта въ томъ же рассказѣ: ея художественные образы имѣютъ тенденцію убѣдить читателя, что мораль, которая исчерпывается дѣятельною любовью, вытекаетъ только изъ человѣческой природы и не нуждается ни въ какихъ другихъ спорахъ и санкціяхъ. Такой взглядъ на чело-вѣка Эбнеръ вывела не изъ какихъ-либо философскихъ теорій, а изъ неподдѣльной любви къ людямъ, изъ искренней гуманности, которая незамѣтно для нея самой поставила ее въ оппозицію съ роднымъ ей по семейнымъ связямъ дворянствомъ. Въ многочисленныхъ рассказахъ изъ дворянскаго и крестьянскаго быта ея симпатіи всегда на сторонѣ слабыхъ и бѣдныхъ, крѣпостное право она ненавидитъ и относится съ открытымъ отрицаніемъ ко всѣмъ аристократическимъ привилегіямъ. Такъ же ненави-стна ей и національный фанатизмъ, составляющій столь характерное явленіе для Австріи. «Мы смертельно боимся,—говоритъ Эбнеръ въ своихъ афоризмахъ,—какъ бы ни распространилась слишкомъ широко любовь къ ближнему и мы ставимъ для нея границы въ національностяхъ».

Основной взглядъ Эбнеръ на человѣческую природу опредѣляетъ и ея отношеніе къ отдѣльнымъ ея сторонамъ и къ жизни вообще. Въ противо-поставленность французскимъ натуралистамъ и ихъ нѣмецкимъ подражателямъ Эбнеръ не считаетъ зло существеннымъ явленіемъ жизни и главнымъ сю-жетомъ для художественной обработки. «Въ упадкѣ находится то иску-ство,—говоритъ она въ *Афоризмахъ*,—которое отъ изображенія страсти переходитъ къ изображенію порока», и въ своихъ произведеніяхъ или ста-витъ открытъ затертую жизнью основную черту человѣческой природы или многоходомъ касается людской испорченности и ея преступныхъ про-

явленій. Въ разсказѣ *Мирское дитя* старый Голубь не удостоивается большаго вниманія автора, а его преступленіе и совѣзмъ не изображается. Этой же глубокой вѣрой въ человѣка опредѣляется и отношеніе Эбнеръ къ ея положительнымъ образамъ: она не считаетъ нужнымъ скрывать ихъ слабости, иногда относится къ нимъ даже съ юморомъ, какъ, напримѣръ, къ учителю Хабрехту, который исповѣдуетъ ея моральныя воззрѣнія. Вслѣдствіе этого герои Эбнеръ совершенно свободны отъ сентиментальной идеализаціи и производятъ впечатлѣніе живой дѣйствительности. Вообще увѣренность нѣмецкой писательницы въ торжество добра въ силу самихъ свойствъ человѣческой природы придаетъ ей какую-то спокойную ясность въ изображеніи жизни. Она ненавидитъ равнодушіе, но не любитъ потрясать читателя описаніемъ сильныхъ страстей и глубокихъ пороковъ. Характерно, что даже любовь занимаетъ весьма второстепенное мѣсто въ произведеніяхъ женщины-писательницы. Эбнеръ думаетъ, что герои любви такая же рѣдкость, какъ и другіе герои, и что истинная любовь, по словамъ учителя Хабрехта, «самое жестокое изъ всѣхъ средствъ, какія изобрѣло разгнѣванное божество, чтобы наказывать свое твореніе».

Наконецъ, въ силу своихъ основныхъ воззрѣній, Эбнеръ, болѣе чѣмъ кто-либо изъ современныхъ нѣмецкихъ реалистовъ, интересуется индивидуальной жизнью, внутренней исторіей отдѣльнаго человѣка. Тѣмъ не менѣе только одинъ ея большой романъ *Unsühnbar* и очень немногіе разсказы сосредоточиваютъ весь интересъ на индивидуальной психологій съ весьма слабымъ вліяніемъ на героевъ окружающей среды. Несравненно чаще изображаетъ Эбнеръ внутреннее развитіе личности или подъ вліяніемъ историческихъ событій, или подъ дѣйствіемъ окружающей среды, такъ что большая часть ея произведеній носятъ характеръ или историческаго, или бытоваго романа. Къ первой категоріи принадлежатъ ея повѣсти изъ исторіи крестьянскихъ движеній въ Галиціи въ 1846 г. и революціи 1848 года. Эбнеръ сама пережила эти событія и ея изображеніе представляетъ собою ихъ художественную исторію, поскольку она отражалась на отдѣльныхъ личностяхъ. Еще многочисленнѣе разсказы изъ быта австрійской знати и славянской деревни въ Австріи, которые тоже можно назвать своего рода исторіей. Взятые въ своей совокупности, эти разсказы изображаютъ всѣ перемѣны, которыя пережило австрійское дворянство и крестьянство за послѣдніе полвѣка, — отъ гордаго влерикальнаго консерватора до либеральнаго союзника и единомышленника буржуазіи съ одной стороны и отъ крѣпостнаго мужика до современнаго пролетарія съ другой. Къ этой категоріи бытовыхъ романовъ принадлежитъ и деревенскій разсказъ *Мирское дитя*.

I.

Въ октябрѣ 1860 г. въ главномъ городѣ провинціи Б. закончился судебный процессъ рабочаго съ каменоломенъ Мартина Голуба и жены его Варвары Голубъ.

Въ концѣ іюня супруги прибыли съ двумя дѣтьми, тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ и дѣвочкой десяти лѣтъ, изъ мѣстечка Золашау, расположеннаго у подножія Града, въ село Буновикъ. Съ перваго дня мужъ заключилъ условіе съ администраціей имѣнія, распредѣлилъ работу между женой, сыномъ и нѣсколькими поденщиками, а самъ отправился въ трактиръ пить водку. Такое положеніе дѣлъ длилось три мѣсяца, пока семья жила въ Буновикѣ. Жена и мальчикъ Павелъ работали; мужъ былъ пьянъ или собирался напиться. Иногда онъ приходилъ, пошатываясь, на ночлегъ, послѣ чего семья являлась на работу въ синякахъ и прихрамывая. Поденщики, не признававшіе авторитета пьяницы, постоянно мѣнялись. Наконецъ, въ каменоломнѣ остались только мать съ дѣтьми. Высокая, сильная женщина, съ признаками бывшей красоты на загорѣломъ лицѣ и рядомъ съ нею неуклюжій, короткошей мальчуганъ, напоминавшій медвѣжонка. Дѣвочку звали Милада; гибкое, нѣжное существо, въ свѣтло-голубыхъ глазахъ котораго свѣтилось больше ума и жизни, чѣмъ у сына съ матерью вмѣстѣ. Малютка тщательно слѣдила за обоими и обазывала имъ посильную помощь. Безъ дѣвочки на каменоломнѣ врядъ ли нарушалось бы когда-нибудь молчаніе. Мать съ сыномъ въ мрачномъ безмолвіи убивались надъ работой съ ранняго утра до глубокой ночи. Такъ шло непрерывно въ будни и праздники, къ величайшему негодованію благочестивыхъ обитателей деревни. Слухи о нечестивой семьѣ дошли до священника и побудили его сдѣлать виновнымъ внушеніе; но оно не подѣйствовало. Тогда въ праздникъ Успенья Богородицы пастырь духовный отправился послѣ обѣда на мѣсто преступленія и велѣлъ Варварѣ Голубъ немедленно прекратить работу, которая оскверняетъ праздникъ. На бѣду Мартинъ, спавшій послѣ легкаго похмѣлья, совсѣмъ несвоевременно проснулся и вышелъ. Увидавъ Павла, который стоялъ открывши ротъ и разставивъ руки и съ явнымъ одобреніемъ слушалъ увѣщанія священника, отецъ съ кулаками налетѣлъ на него сзади. Священникъ, не задумываясь, бросился мальчику на помощь, отнялъ его у разсвѣтѣвшаго отца, но тѣмъ самымъ обратилъ гнѣвъ на себя. На глазахъ у свидѣтелей, сбѣжавшихся на крикъ Голуба, обезумѣвшій пьяница осыпалъ защитника ругательствами и, наконецъ, бросился на него съ кулаками. Священникъ, не потерявъ присутствія духа, отстранилъ голову и, поднявъ палку, нанесъ буйвавшему легкій ударъ по головѣ. Мартинъ заревѣлъ, бросился на землю, корчился, какъ червякъ, кричалъ, что его убили. Сна-

чала стоны Мартина вызывали всеобщій смѣхъ, но мало по-малу у него нашлись защитники.

Въ толпѣ зѣвакъ, собравшихся около распростертаго пьяницы, слышались голоса въ его пользу; защитникамъ возражали; завязалась перебранка, готовая перейти въ рукопашный. Авторитета священника хватило ровно настолько, чтобы разогнать крикуновъ. Они направились въ трактиръ, пили тамъ за здоровье избитаго священникомъ, и шумѣли до тѣхъ поръ, пока вучка деревенскихъ парней не рѣшилась положить конецъ неистовому безобразію деревенскихъ буяновъ. Дѣло не обошлось безъ грандіозной драки, какой не запомнятъ со дня послѣдней большой свадьбы въ Буновикѣ.

Мѣстная полиція предоставила свободно разыгрываться бурѣ и въ награду за благоразуміе и осторожность на слѣдующее утро вся деревня была на ея сторонѣ. По общему приговору, виноватъ былъ одинъ Голубъ, и съ нимъ не стоило церемониться. Администрація имѣнія охотно уничтожила контрактъ, заключенный съ Мартиномъ. Голуба разсчитали и отпустили на всѣ четыре стороны. Изъ денегъ, которыя ему приходились за вычетомъ неустойки, онъ не получилъ ни крейцера: все пошло трактирщику за долгъ.

Послѣ тщетной попытки отстоять свое мнимое право, рабочему оставалось одно—идти искать счастья въ другомъ мѣстѣ. Началось переселеніе: впереди шелъ верховный глава семьи въ узкихъ, обтрепанныхъ, холщевыхъ штанахъ и рваной синей курткѣ. Дырявая шляпенка была надѣта набекрень; красное лицо пропоицы отекло; губы бормотали грязныя ругательства противъ священника и его прихвостней, отнявшихъ у труженика честный кусокъ хлѣба.

За Мартиномъ шла жена. Лобъ ея былъ перевязанъ, и, казалось, несчастная едва передвигала ноги; несмотря на это, она тащила телѣжку съ кое-какою домашнею рухлядью и рабочими инструментами; тамъ же лежала Милада, завернутая въ одѣяло. Больная или исколоченная? О послѣднемъ легко было догадаться, такъ какъ передъ отъѣздомъ Мартинъ страшно бушевалъ въ своей семьѣ. Павелъ заключалъ шестіе. Упершись руками въ задокъ телѣжки, онъ сильно толкалъ ее впередъ и низко склонялъ голову, когда на встрѣчу попадались люди, съ сожалѣніемъ смотрѣвшіе на выселявшихся или отвѣчавшіе насмѣшками на дикую ругань Голуба.

Нѣсколько дней спустя, въ пасмурное сентябрьское утр.,

югда церковный сторожъ шелъ въ домъ священника за ключами, ему бросилось въ глаза, что дверь ризницы только притворена. Въ изумленіи онъ не зналъ, что подумать, а войдя внутрь, нашелъ всѣ шкафы раскрытыми; на полу валялось церковное облаченіе, съ котораго были содраны золотые позументы. Въ ужасѣ схватясь за голову, сторожъ прошелъ въ церковь: разбитая дарохранительница лежала пустая на полу. Старикъ обезумѣлъ отъ страха. «Воры!—кричалъ онъ,—воры!»—самъ ждалъ, что вотъ-вотъ его схватятъ сзади, и, ничего не помня, добѣжалъ до дому священника...

Священникъ не имѣлъ обыкновенія запираеть двери. «Что у меня взять?!» — говорилъ онъ. Сторожу достаточно было толкнуть дверь. Такъ онъ и сдѣлалъ. Отчаяніе и ужасъ! Въ сѣняхъ на полу лежала въ безсознательномъ состояніи старая служанка, обливаясь кровью. Когда изъ открытой двери на нее пахнула рѣзкая струя свѣжаго воздуха, она зашевелилась и устремила неподвижный взоръ на вошедшаго; затѣмъ слабымъ, но страшно выразительнымъ жестомъ указала на комнату священника.

Сторожъ, близкій къ помѣшательству, дѣлаетъ еще нѣсколько шаговъ, смотритъ и, отчаянно вскрикнувъ, падаетъ на колѣни, въ ужасѣ передъ тѣмъ, что представилось его взору.

Четверть часа спустя вся деревня узнала, что этою ночью убитъ священникъ, очевидно, въ борьбѣ за церковные ключи; по всѣмъ признакамъ, борьба была отчаянная.

Всѣ прекрасно знали, чьихъ это рукъ дѣло. Еслибъ даже не было свидѣтельница, для каждаго было несомнѣнно, что убійца—Мартинъ Голубъ. Прежде всего навели справки въ Золешау. Оказалось, что онъ былъ тамъ недавно; отдалъ дѣтей на хлѣбы къ мірскому пастуху, а самъ съ женой снова ушелъ.

Недѣлю спустя, чета была накрыта въ воровскомъ притонѣ близъ границы, въ то самое время, когда Голубъ намѣревался спустить торгашу часть изломанной въ куски дароносицы, украденной въ церкви Буновига. Преступникъ сдался послѣ упорнаго сопротивленія. Жена съ молчаливымъ равнодушіемъ отнеслась къ своей судьбѣ.

Вскорѣ оба предстали передъ судомъ города Б.

Судебное слѣдствіе, не встрѣчая препятствій, закончилось быстро. Съ самаго начала Мартинъ Голубъ утверждалъ, что преступленіе задумано и приведено въ исполненіе не имъ, а женою. Хотя ему не разъ доказывали всю нелѣпость подобнаго заявленія, онъ стоялъ на своемъ. Онъ путался въ собственной грубо-сплетен-

ной лжи, давалъ противорѣчивыя показанія и, оправдываясь, подтверждалъ обвиненіе.

Удивительно было поведеніе жены.

Однообразіе ея отвѣтовъ напоминало извѣстное: *Non mi recordo*, она неизмѣнно повторяла:

«Бакъ мужъ, такъ и я. Что мужъ, то и я!»

Въ его присутствіи несчастная женщина стояла неподвижно, едва дыша, съ каплями холоднаго пота на лбу, устремивъ на мужа полный смертельнаго страха взоръ. Если его не было въ залѣ, ей все-таки чудилось, что онъ близко; растерянный взоръ ея блуждалъ вокругъ, точно чего-то отыскивая, и, наконецъ, неподвижно устремлялся въ пустое пространство. Скрипъ двери, незначительный шумъ заставляли ее вздрагивать и бормотать стереотипныя слова: «Бакъ мужъ, такъ и я! Что мужъ, то и я!» Напрасно ей говорили. «Ты подписываешь свой смертный приговоръ», на нее это не производило ни малѣйшаго впечатлѣнія и совсѣмъ не пугало. Она боялась не судей, не смерти, а только «мужа».

Въ виду страха, близко граничащаго съ безуміемъ, защитникъ находилъ свою кліентку невмѣняемой и въ блестящей рѣчи требовалъ оправданія. Оправдать ее было невозможно; но наказаніе, назначенное соучастникѣ въ тяжеломъ преступленіи, было мягкое.

Вердиктъ гласилъ: Мужъ приговаривается къ смертной казни черезъ повѣшеніе, жена—къ десятилѣтнему заключенію въ смиренный домъ.

Барвара Голубъ немедленно начала отбывать свое наказаніе. Надъ Мартиномъ въ опредѣленный закономъ срокъ былъ приведенъ въ исполненіе судебный приговоръ.

II.

У общины мѣстечка Золешау возникъ вопросъ: что дѣлать съ дѣтьми осужденныхъ? Родныхъ у нихъ не было. Изъ милосердія никто не согласится взять на себя такую обузу. Староста, находясь въ безпомощномъ положеніи, рѣшился направиться къ владѣльнику замка и попросить у нея аудіенціи.

Узнавъ въ чемъ дѣло, дама поспѣшила во дворъ, торопясь насколько позволяли ей ноги, изъ которыхъ одна была короче другой. Вытянувъ впередъ лицо съ очками на орлиномъ носу и далеко отставивъ назадъ локти, она захромала къ группѣ людей, ожидавшихъ ее у воротъ. Староста, видный мужчина, въ цвѣтъ лѣтъ, снялъ шляпу и отвѣсилъ низкій поклонъ.

— Что ему нужно?—спросила баронесса, бросая на него мрачный взгляд. — Я знаю, что ему нужно; но изъ этого ничего не выйдетъ. Мнѣ нѣтъ дѣла до дѣтей висѣльниковъ, которые убили добраго пастора... Это мальчишка? На что онъ похожъ! Я его давно знаю; онъ крадь у меня вишни. — Не онъ?—обернулась она къ Павлу, который покраснѣлъ какъ ракъ и скосилъ глаза.

— Почему онъ не отвѣчаетъ? Отчего не снимаетъ шапки?

— Потому что у него ея нѣтъ,—замѣтилъ староста въ оправданіе.

— Вотъ какъ! А что же у него на головѣ?

— Лохматые волосы, ваше сіятельство.

Раздался веселый смѣхъ, но немедленно затихъ, когда старуха, ткнувъ пальцемъ въ пространство, откуда послышался отвѣтъ, сказала:

— Это дѣвочка? Поди сюда.

Милада довърчиво приблизилась, и суровый взоръ, который госпожа устремила на личико ребенка, постепенно смягчался. Она разсматривала маленькое существо въ лохмотьяхъ и худенькія ножки, покрытыя грязью. Въ головѣ ея сложилось твердое рѣшеніе.

— Дѣвочку я во всякомъ случаѣ беру къ себѣ. Хотя мнѣ совсѣмъ нѣтъ охоты помогать общинѣ. Но я знаю одно, что у васъ ребенокъ не выживетъ. А почему это случится?

Староста хотѣлъ позволить себѣ вѣжлиное возраженіе.

— Ему бы лучше помолчать,—прервала старая дама,—я все знаю! Дѣти, за которыхъ община должна платить въ школу, въ двѣнадцать лѣтъ не умѣютъ отличить А отъ Б.

Она неодобрительно покачала головой, взглянула еще разъ на ноги малытки и прибавила:

— А дѣти, которыхъ община должна снабжать обувью, бѣгаютъ босикомъ. Знаю я васъ,—остановила она новую попытку старосты возразить:—у меня давно пропала охота вмѣшиваться въ ваши дѣла и желаніе измѣнять ваши порядки. Возьмите мальчишку и заботьтесь о немъ по-своему; онъ этого заслужилъ! Дѣвочка можетъ теперь же остаться у меня.

Староста не замедлилъ воспользоваться разрѣшеніемъ уйти, в восторгѣ, что освободился отъ части обузы, свалившейся на него и на деревнѣ. Павелъ слѣдовалъ за нимъ до конца двора. Тамъ онъ остановился и оглянулся на сестру. Къ ней подошла служанка, которой старая дама отдавала приказанія.

— Выкупать, лохмотья сжечь, выбрать платья изъ запаса, приключеннаго къ Рождеству,—говорила она.

Дадутъ ли ей поѣсть?—пришло Павлу въ голову. Она навѣрно голодна. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ научился размышлять, его главною заботой было охранять ребенка отъ голода. Хорошо имѣть одежду, недурно и выкупаться, особенно въ большой компаніи, когда купаютъ лошадей. Какъ часто Павелъ таскалъ малютку къ рѣчкѣ и позволялъ ей плескаться ручонками и ножонками! Но все-таки самое важное—не голодать.

— Скажи, что ты голодна!—закричалъ мальчикъ внушительно сестрѣ.

— Какъ, молодецъ еще все здѣсь? Уйдешь ты, наконецъ, отсюда?!—раздалось изъ замка эхо, пробужденное его словами.

Староста, уже огибавшій уголокъ сада, вернулся назадъ, схватилъ Павла за шиворотъ и потащилъ за собою.

Три дня совѣщались деревенскія власти о судьбѣ Павла. Наконецъ, ихъ осѣнила счастливая мысль, которую они поспѣшили привести въ исполненіе. Въ замокъ отправилась депутація и повергла къ стопамъ баронессы всеподданнѣйшую просьбу: такъ какъ она была безконечно добра и приняла къ себѣ дочь несчастнаго Голуба, то не возьметъ ли также и сына.

Рѣшеніе, полученное столпами деревни, звучало безнадежно, и снова начались безконечныя совѣщанія.

— Что дѣлать?

— То, что всегда дѣлается въ подобныхъ случаяхъ,—совѣтовалъ староста,—мальчикъ будетъ переходить изъ дома въ домъ, находя ежедневно кровъ и пропитаніе у разныхъ крестьянъ.

Всѣ крестьяне воспротивились. Никто не желалъ принимать въ свою семью разбойничье отродье, даже на одинъ день въ мѣсяцъ.

Наконецъ, пришли къ слѣдующему рѣшенію: мальчикъ останется тамъ, гдѣ жилъ, куда отдалъ его родной отецъ: у бездѣльника, мірскаго пастуха.

Правду сказать, еслибъ община допустила у себя въ видѣ роскоши присутствіе совѣсти, то возмутилась бы такимъ рѣшеніемъ.

Пастухъ (онъ носилъ классическое имя *Виргиліа*) и его жена, вмѣстѣ съ хозяевами, у которыхъ они жили, считались самыми безшабашными людьми въ деревнѣ. Онъ былъ горькій пьяница, она—фальшивая, злобная женщина, не разъ судившаяся за знахарство и, тѣмъ не менѣе, не прекращавшая своего темнаго ремесла.

Никому не пришло бы въ голову довѣрить другого ребенка такимъ людямъ. Но Павелъ? Что же можетъ онъ увидать тамъ дурного, чего тысячу разъ не видалъ дома.

Такъ былъ разрубленъ Гордіевъ узелъ. Постановили отпустить

ежегодно четыре осьмины ржи на содержаніе ребенка. Пастухъ получилъ право заставлятъ мальчика выгонять и пасти стадо и въ свою очередь обязался наблюдать, чтобы молодецъ посѣщалъ по воскресеньямъ церковь, а зимой ходилъ въ школу.

Виргилій съ семьей жилъ въ предпоследней избѣ, на краю деревни. Онъ занималъ комнатку величиною въ квадратную сажень, съ маленькимъ оконцемъ въ четыре стекла, изъ которыхъ каждое равнялось половинѣ кирпича; оно никогда не отворялось, такъ какъ при первой попыткѣ гнилая рама разлетѣлась бы въ кусочки. Подъ окномъ стояла скамья, на которой спалъ пастухъ, противъ нея ящикъ, набитый соломой, гдѣ спали жена и дочь пастуха.

Входъ въ комнату составляли узкія сѣни, въ глубинѣ которыхъ находилась печь. Впрочемъ, послѣдняя рѣдко исполняла свое назначеніе, потому что красть дрова изъ году въ годъ становилось труднѣе. Она служила хранилищемъ необильныхъ запасовъ провизіи и хлѣба, грязныхъ сапогъ Виргилія, его кнута, старыхъ бутылокъ, корзины безъ ручекъ, горшковъ и корчагъ—предметовъ достойныхъ висти художника-реалиста.

Среди хлама Павелъ очистилъ мѣстечко для Милады, гдѣ она спала, свернувшись какъ котенокъ. Самъ онъ растягивался на полу около печки; если малютка просыпалась среди ночи, то опускала къ нему руки, хватала его за волосы и спрашивала: «Ты здѣсь, Павличекъ?» Онъ ворчалъ: «Здѣсь, здѣсь, спи себѣ!» Шутя кусалъ ей пальчикъ, она также шутя вскрикивала. Тогда Виргилій рычалъ на нихъ: «Тише вы, воровское отродье, висѣльники!»

Милада умолкала отъ страха, а Павелъ становился на колѣни, гладилъ малютку по головѣ и тихо шепталъ ей на ухо, пока она засыпала.

Когда мальчикъ въ первый разъ пошелъ спать безъ сестры, то подумалъ: «славно сегодня посплю, баловница меня не разбудитъ!» Но уже раннимъ утромъ онъ былъ на ногахъ и бѣжалъ прямо къ замку. Домъ стоялъ среди сада, который обнесенъ былъ проволоочной изгородью; густыя, вѣчно-зеленыя пихты не пропускали внутрь любопытныхъ взоровъ. Мальчикъ всталъ у воротъ противъ дома, прижался лицомъ къ металлическимъ прутьямъ и ждалъ. Долгое время все было тихо; наконецъ, послышалось хлопанье дверей, стукъ открывающихся оконъ, и Павлу показалось, что онъ слышитъ вдали голосъ Милады. Сильный порывъ вѣтра пронесся надъ замкомъ, съ деревьевъ посыпались сухіе сучья, и желтые листья закружились въ воздухѣ. Двѣ дѣвушки пробѣжали изъ людской къ дому; одна впопыхахъ налетѣла на стараго павлина, который

бродить изъ угла въ уголь по двору. Онъ такъ смѣшно отскочилъ въ сторону, что Павелъ громко расхохотался. Замокъ и его окрестности оживились; подходили люди и къ воротамъ, но каждый входящій и выходящій запиралъ за собой калитку. Это нововведеніе удивляло прохожихъ. Съ какой стати запираеть ворота среди бѣлаго дня, что это значить? Такое неудобное распоряженіе долго не продержится. Но, къ удивленію деревенскихъ жителей, оно продолжало держаться, и вскорѣ объяснилась его причина.

Павелъ узналъ о ней отъ Винки, хорошенькой дочки безобразнаго пастуха.

— Эй, ты, негодяй, — сказала она, — твоя сестра оказывается такая же дрянь, какъ ты! Петрушка съ господской кухни рассказывалъ, что барыня держитъ ее какъ свою дочку, а она все въ лѣсъ глядитъ! Поэтому замокъ держитъ на запорѣ, какъ копилку съ деньгами. Еслибъ я была барыней, не стала бы такъ нѣжничать, ужъ я знаю, что-бы сдѣлала... Твоего отца повѣсили за шею, а сестру твою я бы связала за ноги и за руки и такъ повѣсила на стѣнку.

Эта картина носилась цѣлый день передъ глазами Павла, а ночью она слилась съ другой, сохранившейся съ дѣтства въ его памяти. Онъ видѣлъ однажды, какъ охотникъ несъ изъ лѣсу подстрѣленную молодую козулю. Связанная по ногамъ веревкой она висѣла на палкѣ за спиной охотника. Павелъ помнилъ, какъ бѣдное животное выгибало тонкую шею, подымало уши и старалось приподнять голову; онъ вспоминалъ, сколько отчаянія было во взорѣ несчастнаго животного.

Во снѣ онъ видѣлъ это выраженіе глазъ у Миллады.

Разъ мальчикъ даже громко вскрикнулъ: «Ты здѣсь?» — поднялся въ полуснѣ и повторилъ: «Ты здѣсь?» — сталъ ощупью искать вокругъ себя и, наконецъ, совершенно проснулся. Съ быстротою молніи, какъ порывъ бури налетѣло на него сиротливое чувство разлуки. Суровый мальчикъ разразился слезами, перешедшими въ отчаянное рыданіе, разбудилъ семью пастуха, хозяевъ дома, спавшихъ за стѣнкой. Всѣ напустились на него, и когда, несмотря на угрозы, онъ остался глухъ, общими усиліями вышвырнули его за дверь.

Такое охлажденіе способно было заглушить самое отчаянное страданіе. Съ минуту Павелъ неподвижно лежалъ на мерзлой землѣ. Совершенно новое для него, тяжелое ощущеніе гнетущей тоски мало-по-малу ослабѣвало и его мѣсто заняло прежнее, хорошо знакомое чувство: упорная, холодная, сверлящая злоба.

«Погодите, — думалъ онъ, — погодите, вотъ я васъ!»...

Рѣшеніе положить всему конецъ не заставило себя ждать; планъ дѣйствій медленно зрѣлъ въ неповоротливыхъ мозгахъ Павла. Когда же мальчикъ преодолѣлъ, наконецъ, трудности размышленія, все остальное показалось ему пустягами. Онъ проникнетъ въ замокъ, уведетъ сестру, пойдетъ съ ней черезъ горы въ чужія страны, найметъ работникомъ и никогда, во всю жизнь, не услышитъ упрека въ томъ, что онъ сынъ своихъ родителей.

Съ чувствомъ побѣдителя поднялся Павелъ съ земли и пошелъ окольными путями, черезъ задворки къ саду, окружавшему замокъ. Свистокъ ночного сторожа предупредительно указывалъ, гдѣ опасность. Въ поляхъ лежалъ твердый, глубокой снѣгъ; земля блестяла ярче неба, на которомъ блѣдный серпъ луны постоянно скрывался за легкую дымку облаковъ. Павлу удалось перелѣзть черезъ садовую ограду, а затѣмъ, перебираясь съ вѣтки на вѣтку, спрыгнуть въ садъ. Онъ зналъ, что находится въ наиболѣе отдаленной части сада, самой удобной, какъ для настоящаго времени, такъ и для будущаго бѣгства. Съ возрастающей увѣренностью шелъ онъ впередъ... все прямо, прямо, впереди долженъ быть замокъ. Что будетъ потомъ, Павелъ не представлялъ себѣ ясно; онъ шелъ выручать Миладу, это было несомнѣнно, а дальше будь неизвѣстность и препятствія, эта мысль освѣщала ему путь и ободряла его. Мальчикъ не замѣчалъ, что страшно мерзнетъ въ худой одеждѣ, что члены его ооченѣли отъ стужи; къ несчастью, мракъ все сгущался; Павелъ поминутно натыкался на деревья и падалъ. Въ первый разъ онъ быстро вскочилъ на ноги, но во второй явилось искушеніе: «Полежи немного, отдохни, усни!» Однако, собравъ всю силу воли, побрелъ онъ дальше и достигъ, наконецъ, желанной цѣли. Сердце мальчика сильно билось, когда онъ коснулся старой, вывѣтريвшейся стѣны замка. Можетъ быть, онъ въ двухъ шагахъ отъ сестры. Можетъ быть, она спитъ въ той самой комнатѣ, гдѣ онъ стоитъ подъ окномъ, которое можетъ достать руками. Почему бы и не такъ?

Онъ принялся тихо, тихо стучать въ окно. Тогда ему послышалось съ земли сердитое ворчанье, и что-то низенькое, на короткихъ ножкахъ поползло къ нему; не успѣлъ онъ оглянуться, какъ животное прыгнуло ему на шею, стараясь схватить за горло. Павелъ сдержалъ крикъ; онъ сдавилъ изъ всѣхъ силъ дворняжку, но она была сильнѣе и обладала большимъ навыкомъ въ борьбѣ съ врагами

Лай собаки сдѣлалъ свое дѣло: сбѣжались люди, заспанные, въ

смертельномъ испугѣ; но когда увидали, что придется имѣть дѣло съ ребенкомъ, ко всѣмъ вернулось мужество. Павла окружили и схватили, несмотря на то, что онъ бился и рвался, какъ дивій звѣрь.

III.

Никому не удалось узнать, что было нужно Павлу въ замкѣ. Упрямство, съ какимъ онъ отвергалъ всѣ предположенія, ясно доказывало, что у него были самыя дурныя намѣренія. Взломать двери или поджечь домъ: отъ него все можетъ статься! Таково было общественное мнѣніе. Община, взявшая на себя материнскія обязанности, постановила подвергнуть Павла примѣрному наказанію чрезъ посредство учителя Хабрехта въ присутствіи всей школьной молодежи.

Учитель, болѣзненный, нервный человѣкъ, съ видимымъ неудовольствіемъ согласился исполнить возложенную на него обязанность. Онъ держался взгляда, что такая экзекуція на глазахъ молодой публики рѣдко приноситъ пользу виновному и всегда, безусловно, вредить зрителямъ.

— Эти маленькіе звѣрки отъ такого зрѣлища дѣлаются большими скотами, — выражался онъ слишкомъ грубо для педагога. Возраженія учителя нерѣдко принимались общиной къ свѣдѣнію; но на этотъ разъ они остались безплодными.

Въ день, назначенный для наказанія ночного злоумышленника, учитель со вздохомъ принялъ его изъ рубъ деревенской полиціи и повелъ за вихоръ къ дверямъ классной комнаты. Остановившись тамъ, онъ поднялъ наклоненную голову мальчика вверхъ и сказалъ:

— Взгляни на меня, что ты уставился въ полъ, дрянной мальчишка!

Мало ласки звучало въ этихъ словахъ, но почему-то они благоприятно подѣйствовали на Павла и даже то, какъ учитель трясъ его въ это время за волосы, имѣло нѣчто внушающее довѣріе и ободрительно подѣйствовало на мальчика.

— Трепещи, негодный упрямецъ, трепещи! — продолжалъ учитель, дѣлая страшные глаза и производя костлявою рукой угрожающій жестъ въ воздухъ. Павелъ, изъ котораго въ теченіе трехъ дней не могли вытянуть ни одного слова, бросилъ искоса пугливый взглядъ на учителя и сказалъ съ усмѣшкой:

— А я, все-таки, не боюсь!

Въ классѣ сперва жужжали, какъ въ ульѣ; потомъ жужжанье перешло въ неистовый шумъ, наконецъ, поднялась драка изъ-за лучшихъ мѣстъ на время предстоящаго зрѣлища.

Учитель неодобрительно проворчалъ себѣ что-то подъ носъ и снова затрясъ Павла:

— Если ты ничего не боишься, то ори во все горло, я тебѣ совѣтую! — сказалъ онъ, открывая дверь и вошелъ въ классъ. Въ комнатѣ все стихло; раздались только единичные взрывы удовольственного ожиданія. На скамейкахъ тѣснились другъ къ другу; царил трогательное согласіе.

Учитель поставилъ Павла возлѣ каведры и оглянулся, ища розгу. Такъ какъ онъ не находилъ ея или дѣлалъ видъ, что не находитъ, послышался голосъ: «Вотъ она, въ углу, на окнѣ!» Голосъ шелъ изъ послѣднихъ рядовъ и принадлежалъ Арносту, сыну крестьянина, у котораго жилъ пастухъ. Павелъ показалъ ему кулакъ, чѣмъ возбудилъ враждебный ропотъ. Болѣе сотни глазъ съ злорадствомъ и ненавистью обратились на грязнаго оборванца. Въ немъ хлопотала злоба.

«Что я вамъ сдѣлалъ? — думалъ онъ. — Почему всѣ вы до единого мои враги?»

Хабрехтъ велѣлъ всѣмъ замолчать и обратился съ рѣчью, въ которой приготовлялъ школьниковъ къ полному разочарованію.

— Вамъ весело. Почему? Съ какой стати? Вы рады, что другого будутъ сѣчь? Берегитесь! Вамъ самимъ будетъ отъ этого больно! Каждый изъ васъ, — онъ понизилъ голосъ до таинственного шепота и медленно вытянулъ указательный палецъ по направленію къ аудиторіи — каждый изъ присутствующихъ, готовый выльзти изъ кожи отъ злорадства, скоро полѣзетъ вонъ изъ кожи отъ ужасной боли. Каждый, кто будетъ таращить глаза и смотрѣть, какъ я сѣку, самъ почувствуетъ слѣды ударовъ... почувствуетъ! — повторилъ онъ пророчество. — А теперь смотрите, что можетъ сдѣлать учитель!

Ребятишки струились передъ чудомъ, которое должно было надъ ними совершиться. Только кое-кто искоса бросалъ робкіе взгляды на страннаго человѣка, длинная, худая фигура котораго походила на привидѣніе. Мальчишки устались въ землю, дѣвочки закрылись фартуками.

Учитель поспѣшно приступилъ къ дѣлу. Съ неимоверной быстротой закружился пучокъ розогъ надъ головой преступника, нанося по временамъ слабые удары, которые Павелъ счелъ только предлудіей къ настоящему наказанію. Но вдругъ учитель воскликнулъ:

— Господи, вотъ очки свалились!...—Подыми ихъ... За наказаніе поблагодаришь послѣ урока.

Павелъ въ оцѣненіи, съ бессмысленно удивленнымъ лицомъ смотрѣлъ на учителя; онъ ждалъ еще настоящей порки, а ему говорить, что она уже кончена и велеть идти на мѣсто: «на послѣднее мѣсто, на задней скамейкѣ!» Учитель вынулъ платокъ, вытеръ со лба потъ, взялъ медленно щепотку табаку и началъ за нятія.

Арность, красный, какъ ракъ, шепталъ сосѣду:

— Видѣлъ?

— Чуюточку, — отвѣтилъ тотъ.

— Чувствуешь что-нибудь?

— Чувствую, въ спинѣ!

— А у меня горитъ ухо!

Маленькая любопытная дѣвочка, у которой нечаянно глазъ пришелся противъ дырочки на фартукѣ, воспользовалась случайностью, чтобы подсмотреть, что будетъ; она сознавалась потомъ подругамъ, что сидѣла точно на горохѣ.

Послѣ урока Павелъ хотѣлъ выйти со всѣми вмѣстѣ; но учитель остановилъ его и долго внимательно смотрѣлъ въ глаза, наконецъ, спросилъ, стыдно ли ему?

Мальчикъ тихо отвѣтилъ:

— Нѣтъ!

— Нѣтъ? Какъ нѣтъ? Или ты совсѣмъ потерялъ стыдъ?

Мальчикъ упрямо замолчалъ. Учитель прекрасно зналъ это молчаніе своего рѣдкаго гостя. До сихъ поръ онъ обращалъ мало вниманія на тупого мальчика. Сегодня же, вынужденный наказывать его за неизвѣстное преступленіе, онъ почувствовалъ къ нему состраданіе. Въ немъ шевельнулась жалость, и онъ съ горечью сказалъ:

— Ты выросъ въ стыдѣ; да, выросъ, потому что тебѣ четырнадцать лѣтъ, привыкъ къ стыду и не знаешь, что такое стыдъ!

Тогда Павелъ промолвилъ:

— Ну, ладно, знаю ужъ!

Дѣтскій ротъ искривило старческое выраженіе подавленной горечи. Онъ не понималъ раньше, чего хотѣлъ учитель со своей розгой, которая не причиняла боли; но теперь онъ отлично понялъ, что его попрекаютъ злосчастной жизнью.

— Знаю ужъ, — повторилъ онъ такимъ тономъ, въ которомъ сквозь напускную дерзость невольно слышалась боль мучительнаго сознанія.

Учитель внимательно наблюдалъ его: мальчикъ былъ воплощенное несчастіе! Не природа была тому виною. Она хорошо выполнила свою задачу: дала ему силу и здоровье; это доказывала широкая грудь, красныя губы, крѣпкіе, желтоватыя зубы. Но блага намѣренія природы были испорчены непосильнымъ трудомъ, плохой пищей и всевозможными лишеніями. Худой, коренастый мальчикъ съ копной всклокоченныхъ волосъ, которые дѣлали голову несоразмѣрно большой, со впалыми щеками и выдавшимися скулами, едва прикрытый лохмотьями изъ лѣтней матеріи, съ онучами вмѣсто обуви, представлялъ въ одно и то же время отталкивающее и крайне грустное впечатлѣніе, такъ какъ въ немъ не утасло еще сознаніе его жалкаго положенія. Долго молчалъ учитель; молчалъ также и Павелъ; онъ безнадежно отвѣсилъ нижнюю губу и украдкой бросалъ взоры на дверь, какъ человекъ, ищущій предлога улизнуть.

Наконецъ, учитель заговорилъ:

— Не будь дуракомъ. Богда ты не въ школъ, то долженъ думать, какъ бы попасть туда, а не въ ней думать, какъ бы уйти!

Павелъ изумился; странно, но вполне согласно съ общепринятымъ мнѣніемъ, что учитель можетъ угадывать чужія мысли.

— Теперь иди, — продолжалъ онъ, — но завтра приходи опять, и послѣ завтра тоже; если ты цѣлую недѣлю будешь аккуратно ходить въ классъ, то получишь отъ меня хорошіе сапоги.

— Сапоги? Какъ у крестьянскихъ дѣтей? Настоящіе сапоги съ высокими голенищами?

Всю обратную дорогу Павелъ безъ передышки повторялъ: «настоящіе сапоги», — и волшебная прелесть звучала въ этихъ словахъ. Онъ забылъ даже, что намѣревался вздуть Арноста и на слѣдующее утро стоялъ у школьныхъ дверей раньше, чѣмъ ихъ отперли. За урокомъ онъ трудился съ величайшимъ рвеніемъ и прилагалъ старанія побороть трудности ученія. Онъ пренебрегъ увѣщаніями Виргилія и его жены, которые хотѣли принудить его идти на фабрику, вмѣсто того, чтобы забавляться въ школъ. Правда, такія увѣщанія происходили втайнѣ; открыто мѣшать мальчику ходить зимой въ школу они бы не рѣшились, — это было противно ихъ соглашенію съ общиной.

Прошло семь дней; въ послѣдній день, по окончаніи уроковъ, Павелъ несся домой, держа въ каждой рукѣ по новому сапогу.

Дома была одна Винска, когда вернулся мальчикъ. Она наблюдала, какъ онъ поставилъ блестящую пару въ углу, около печки, самъ отошелъ немного и погрузился въ тихое созерцаніе. Его утри-

мыя черты не могли выразить радости, но онѣ были оживленнѣе, чѣмъ всегда, и выражали грубое удовольствіе.

Разъ онѣ подошелъ поближе, поднялъ одинъ сапогъ, обтеръ его рукавомъ, поцѣловалъ и снова поставилъ на мѣсто. Въ комнатѣ раздался смѣхъ: Винска подошла къ порогу, прислонилась плечомъ къ дверному косяку (между комнатою и сѣнями не было двери) и спросила:

— Гдѣ ты укралъ сапоги, негодяй?

Онѣ даже не оглянулся и не соблаговолилъ отвѣтить. Винска до тѣхъ поръ повторяла свой вопросъ, пока Павелъ на нее не огрызнулся:

— Укралъ! Какъ тебѣ не укралъ!

— Осель,— пробурчала она,— видишь ли? Самъ сознаешься!

Взглядъ ея жадныхъ сѣрыхъ глазъ блуждалъ попеременно отъ сапогъ къ собственнымъ босымъ, красивымъ ногамъ. Павелъ усѣлся на корточкахъ около своей новой, драгоценной собственности; ему казалось, что онѣ долженъ защищать ее отъ грозящей опасности. Винска склонила голову набокъ, улыбнулась мальчику, который грозно смотрѣлъ на нее, и сказала заискивающимъ голосомъ:

— Ну, скажи мнѣ, гдѣ ты досталъ ихъ?

Павелъ не понималъ, что съ нимъ случилось. Онѣ недавно случайно слышалъ, что такимъ тономъ Винска говорила съ Петромъ, своимъ любовникомъ. Въ груди мальчика поднялась горячая волна; онѣ пожиралъ глазами красивую дѣвушку и думалъ, какъ хорошо было бы теперь броситься на нее и—исколотить.

Онѣ, однако, не шевельнулся, только бессознательно открылъ ротъ и сказалъ:

— Мнѣ далъ ихъ учитель.

Винска принялась тихонько хихикать.

— Вотъ кто! Если онѣ далъ тебѣ сапоги, то это все равно, что у тебя ихъ нѣтъ!

— Какъ, нѣтъ?

— Такъ и нѣтъ! Ты завтра проснешься, а они исчезли.

— Исчезли?... Какъ бы не такъ!...

— Да, да! Подарки учителя не переживаютъ ночи. Ты, вѣдь, знаешь, что онѣ колдунъ!

Павелъ пришелъ въ ярость.

— Я знаю, что онѣ не колдунъ!

Дѣвушка презрительно выпятила губы.

— Дурачина! Онѣ три дня былъ мертвымъ и лежалъ въ гробу.

Развѣ это не правда? Каждый ребенокъ знаетъ, что человекъ, три дня пробывшій мертвымъ, заглянулъ въ адъ и кое-чему понаучился у чорта.

Павелъ молча уставился на дѣвушку; ему стало жутко. Она зѣвнула, прижалась щекой къ приподнятому плечу и нѣсколько минутъ спустя сказала небрежно, точно повторяла старую, тысячу разъ рассказанную исторію:

— Старой слѣпой Марскѣ, которая умерла у насъ въ прошломъ году, учитель тоже подарилъ пару башмаковъ. Она поставила ихъ возлѣ кровати, а утромъ, когда хотѣла надѣть, наступила ногой на огромную жабу, въ тарелку величины.

— Неправда! — вскричалъ Павелъ. Его бросало то въ жаръ, то въ холодъ отъ страха и гнѣва, и вдругъ къ глазамъ подступили слезы.

Винска презрительно посмотрѣла на него и ушла въ комнату.

Вечеромъ Павелъ долго боролся со сномъ; онъ хотѣлъ сторожить свое сокровище; читалъ нѣсколько разъ подъ рядъ «Отче нашъ», чтобъ отогнать злыхъ духовъ. Но, наконецъ, задремалъ.

Когда на слѣдующее утро онъ проснулся, пророчество Вински сбылось: сапоги исчезли.

IV.

Павелъ не проронилъ ни слова о своемъ несчастіи. Когда Винска, плутовски смѣясь, спросила его, гдѣ сапоги, онъ такъ грубо ударилъ ее, что она съ крикомъ бросилась прочь. На разпросы школьныхъ товарищей онъ отвѣчалъ кулаками; больше всѣхъ досталось Арносту, который пошелъ даже жаловаться учителю. Но изъ жалобы ничего не вышло; у учителя была одна особенность: онъ дѣлался совершенно глухимъ, когда одинъ изъ учениковъ жаловался на другого. Прошла недѣля: Павелъ не появлялся въ школѣ; онъ добровольно пошелъ на фабрику и работалъ тамъ съ утра до ночи. Нѣсколько разъ посылалъ за нимъ учитель, но такъ какъ желаннаго результата не послѣдовало, онъ отправился, наконецъ, собственной персоной въ жилище Виргиля, чтобы привести мальчика въ школу.

Учителя встрѣтила жена пастуха и, прежде, чѣмъ онъ успѣлъ стереть ротъ, извергла цѣлый потокъ жалобъ на свою судьбу. Черезъ пять минутъ учителю казалось, что онъ стоитъ подъ жолобомъ, изъ котораго вмѣсто дождевой воды сыплются ржанья зерна. Въ его больной, усталой головѣ все спуталось.

Женщина призывала Бога и всѣхъ святыхъ въ свидѣтели своихъ страданій. Нѣтъ, она не подозрѣвала, какую обузу навѣжетъ себѣ на шею, когда соглашалась взять въ домъ сына повѣшеннаго и каторжника. Много горя видѣла она на своемъ вѣку, но хуже этого мальчика ничего не встрѣчала. Каждое его слово — ложь и обманъ. Развѣ онъ не рассказываетъ, что названные родители не пускаютъ его въ школу и берутъ себѣ его недѣльный заработокъ?

Широко раскрывъ глаза и выразительно взглядывая на старика, она прибавила въ порывѣ раздраженія: «Не во гнѣвъ будь сказано, онъ срамитъ не однихъ насъ, бѣдныхъ стариковъ, и про другихъ рассказываетъ ужасныя вещи».

Учитель вынулъ платокъ и приложилъ къ влажной головѣ. Онъ зналъ, какого рода слухи ходили о немъ по деревнѣ; они возбуждали въ немъ противорѣчивыя чувства: порой огорчали, порой равлекали своей нелѣпостью и побуждали ради шутки поддерживать ихъ. На этотъ разъ было первое; онъ замахалъ рукою.

— Довольно, довольно, придержи язычокъ!

— Пресвятая Богородица! Я молчу; я соглашусь лучше проглотить языкъ... Я говорю только, что дрянной мальчишка не стоитъ заботъ г. учителя... Чудесные сапоги, напимѣръ! Онъ дня ими не пользовался!

— Вотъ какъ! Гдѣ же они?

Виргилиха (такъ звали ее въ деревнѣ) опять затараторила:

— Гдѣ сапоги? Пусть спроситъ г. учитель у еврея, которому мальчишка спустилъ ихъ. Конечно, еврей отопрется! — взвизгнула она.

Хабрехтъ, совершенно оглушенный, заткнулъ уши и пошелъ прочь. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ вернулся, однако, назадъ и велѣлъ непремѣнно прислать на слѣдующій день Павла въ школу. Женщина обѣщала исполнить порученіе и сдержала обѣщаніе: вечеромъ она передала Павлу, что учитель не велѣлъ ему показывать себѣ на глаза.

Лишній трудъ. Мальчикъ и безъ того на версту обходилъ учителя. За то Винску не покидалъ ни на минуту: бѣгалъ за ней, какъ сердитая собаченка, готовая во всякое время огрызнуться на хозяина, но вмѣстѣ съ тѣмъ покорная его волѣ. Онъ дѣлалъ все, что она хотѣла: былъ у нея на посылкахъ; крадъ для нея изъ лѣсу дрова, яйца изъ деревенскихъ кладовыхъ и всецѣло подчинился ей.

Между тѣмъ у Павла было и другое занятіе, котораго онъ никогда не забывалъ. Изъ дня въ день приходилъ онъ къ садовой калиткѣ замка, смотрѣлъ во дворъ и пожиралъ глазами окна дома.

Сначала съ пламенной надеждой въ сердцѣ, а когда она угасла, — по привычкѣ.

Въ одинъ прекрасный майскій полдень, придя на свой наблюдательный постъ, мальчикъ къ величайшему удивленію нашелъ ворота отпертыми. Подъ колоннадой подъѣзда стоялъ экипажъ баронессы, закрытая карета, запряженная парю сытыхъ бѣлыхъ лошадей. Слуги съ поклонами тѣснились около экипажа, къ которому былъ привязанъ дорожный сундукъ. Накорецъ, дверка съ шумомъ затворилась, лакей вскочилъ на козлы, тяжелый сундукъ подпрыгнулъ на рессорахъ, и экипажъ тронулся въ путь. Шагомъ обогнулъ онъ дворъ, медленно приблизился къ воротамъ и повалилъ по улицѣ. Павелъ бросилъ разсѣянный взглядъ внутрь кареты и отскочилъ ошеломленный. Онъ прижался лицомъ къ стѣнѣ, закрылъ глаза; но и съ закрытыми глазами ясно и отчетливо видѣлъ то, что мелькнуло передъ нимъ: баронесса была не одна въ роскошной каретѣ; рядомъ съ ней сидѣла маленькая барышня, красиво одѣтая, въ хорошенькой шляпочкѣ; черты лица напоминали Миладу; но у сестры Павла никогда не было такихъ пухлыхъ, розовыхъ щечекъ.

Мальчикъ бросился впередъ и со всѣхъ ногъ помчался за каретой. Экипажъ дѣлалъ объѣздъ и, тормозя колеса, медленно спускался съ горы. Павелъ побѣжалъ наискось черезъ зеленый лугъ, обогналъ карету и съ бьющимся сердцемъ ждалъ ее на краю дороги. Она приближалась гремя и раскачиваясь; Мальчикъ вытянулся, взглянулъ внутрь и снова увидѣлъ прежній милый образъ. На этотъ разъ и его увидѣли; онъ услышалъ крикъ радости и голосокъ Милады весело звалъ: «Павелъ, Павелъ!» Дѣвочка такъ стремительно бросилась къ огню, что стекло задребезжало и разлетѣлось въ кусочки. Карета остановилась, и лакей хотѣлъ спрыгнуть съ козелъ. Но баронесса успѣшила приказать: «Оставаться по мѣстамъ. Впередъ! Отогнать мальчишку прочь!» Надъ головой Павла просвисталъ кнутъ, а въ каретѣ раздался отчаянный крикъ. Затѣмъ послышалось ласковое уговариваніе. Павелъ увидалъ, что старая дама притянула къ себѣ дѣвочку, и ребенокъ плакалъ у нея въ рукахъ. Этотъ плачъ потрясъ мальчика до глубины души. Тогда Павелъ испустилъ веселый крикъ и, на приличномъ разстояніи отъ иерскаго кнута, принялся кувыркаться, ходить колесомъ, предсвѣтля медвѣдя. Когда ему захватило духъ, онъ остановился, пострѣлъ на малютку, сдѣлалъ ей гримасу и до тѣхъ поръ строилъ рожи, пока она размѣялась. Какъ радостно забилося его сердце, когда онъ снова услышалъ ее веселый смѣхъ!

А разстояніе между нимъ и каретой росло и росло. Павелъ не

бѣгалъ и не скакалъ болѣе; онъ шелъ впередъ и когда добрелъ до подошвы большой горы, лошади взобрались уже на ея крутую вершину. Съ трудомъ карабкался онъ кверху и, достигнувъ верхушки, повалился на землю. Въ вискахъ у него стучало, передъ глазами стояли красные круги. У ногъ разстилалась, залитая солнечнымъ свѣтомъ, равнина, на границѣ которой начинался городъ; его крайніе домики чуть чуть бѣлѣлись; золоченныя башни церкви сіяли точно звѣзды на голубомъ небѣ! По направленію къ городу, среди зеленыхъ полей вилась дорога; по дорогѣ ползла черная точка. За этой точкой неотступно слѣдилъ внимательный взоръ Павла, какъ будто въ ней была вся его жизнь, все его счастье. Когда точка совершенно скрылась изъ глазъ, Павелъ въ изнеможеніи бросился на землю и лежалъ неподвижно, какъ мертвый.

Его сестра стала барышней и уѣхала въ городъ. Теперь незачѣмъ ходить къ садовой калиткѣ; отнято удовольствіе подварауливать малютку. Тяжело отозвалось въ сердцѣ мальчика сознание, что потеряна послѣдняя радость. Онъ бы охотно заплакалъ, но не могъ; онъ бы согласился сейчасъ умереть здѣсь, не сходя съ мѣста. Онъ часто слышалъ, какъ гляди его существованіе собственный отецъ и чужіе люди; и всегда испытывалъ при этомъ неприятное чувство: теперь же онъ самъ желалъ смерти. И развѣ каждый не воленъ въ своей жизни?—думалось ему. На то есть много средствъ. Можно, напримѣръ, задержать дыханіе; это не штука! Неудобно только, что придется долго ждать смерти. Твердо рѣшившись, Павелъ дѣлаетъ попытку. Онъ уткнулся липомъ въ землю, но какъ-разъ въ это время около него что-то зашелестѣло; прислушавшись, онъ различилъ слабый шумъ, точно отъ хлопанья птичьихъ крыльевъ. Павелъ приподнял голову и взглянулъ... Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него сидѣлъ на гнѣздѣ рябчикъ и съ невыразимымъ страхомъ смотрѣлъ на врага, который крался черезъ молодой кустарникъ прямо къ гнѣзду. Не слышно, грозно, ползло что-то сѣрое. Кошка! Павелъ видитъ ее у самаго гнѣзда. Она облизывается, вытягивается, собираясь прыгнуть на добычу. Одинъ взмахъ крыльевъ и птица спасена, но она не трогается съ мѣста. Въ заботѣ о жизни маленькаго существа, Павелъ забылъ о самоубійствѣ. «Лети же, глупое созданіе!»—думалъ онъ. Но вмѣсто того, чтобы летѣть, птичка припала къ гнѣзду, стараясь плотнѣе закрыть его и безпокойно слѣдила темными глазками за каждымъ движеніемъ хищницы. Павелъ поднялъ комокъ земли, вскочилъ на ноги и такъ стремительно бросилъ имъ кошкѣ въ голову, что та перевернулась на собственной оси и, ослѣпленная, чихая, побѣжала прочь.

Мальчикъ смотрѣлъ ей во слѣдъ; ему было грустно и хорошо. Онъ перенесъ тяжелое страданіе и сдѣлалъ доброе дѣло. Непосредственно за тѣмъ, какъ онъ чувствовалъ себя несчастнымъ, покинутымъ и готовъ былъ умереть, въ немъ затеплилось что-то новое, точно сознаніе собственной силы... иной, болѣе высокой, чѣмъ та, которую доставляли ему мощныя руки. Что это за сила? Неясно вставалъ этотъ вопросъ изъ темнаго міра его представленій, и онъ впалъ въ чуждое ему до сихъ поръ, трудное, но пріятное раздумье.

Его разбудилъ громкій крикъ:

— Павелъ, Павелъ! Поди сюда, Павелъ!

На дорогѣ стоялъ учитель, котораго завела сюда послѣобѣденная прогулка; онъ уже нѣсколько времени наблюдалъ за мальчикомъ. Въ рукахъ у него была суковатая палка, которую онъ быстро спряталъ за спину при приближеніи Павла.

— Что ты тутъ творишь, дрянной мальчишка? — спросилъ онъ. — Ты, вѣжета, разоряешь птичьи гнѣзда?

Павелъ молчалъ, какъ всегда, когда на него взводили напраслину; учитель пригрозилъ ему:

— Не серди меня, отвѣчай!... Отвѣчай, говорятъ тебѣ!

И такъ какъ мальчикъ продолжалъ упорно молчать, учитель подвинулъ вдругъ палку и ударилъ его. Тотъ принялъ ударъ не сморгнувъ.

Въ сердцѣ Хабрехта заговорило раскаяніе и жалость:

— Павелъ, — сказалъ онъ мягко и печально, — я слышу о тебѣ одно дурное, ты идешь по плохому пути; что изъ тебя выйдетъ?

Это обращеніе не тронуло мальчика; напротивъ: значительная доза презрѣнія прибавилась къ ненависти противъ стараго кодуна, который обманулъ его.

— Что изъ тебя выйдетъ? — повторилъ учитель

Павелъ выпрямился, подбоченился и сказалъ:

— Воръ!

V.

Вечеромъ того же дня баронесса вернулась домой, но одна. Поѣздки въ городъ продолжались каждую недѣлю, въ теченіе его лѣта. Въ деревнѣ стало скоро извѣстно, что она посѣщаетъ настырь благочестивыхъ сестеръ; баронесса была въ дружесъ настоятельницей обители и довѣрила ей воспитаніе Миды. Учрежденіе пользовалось большимъ уваженіемъ, и когда Па-

вель услышалъ, куда отдали сестру, его наполнило чувство радости и гордости и также благодарности къ баронессѣ. Онъ сопротивлялся даже нѣкоторое время требованіямъ Вински и собственному желанію сдѣлать разбойничій набѣгъ на господскій лѣсъ. Въ сожалѣнію, это сопротивленіе длилось недолго.

Съ тѣхъ поръ, какъ старый лѣсничій жилъ на пенсіи, а его мѣсто занялъ сынъ, доступъ въ лѣсъ былъ запрещенъ всѣмъ, кто не имѣлъ на то права. Новый законъ возбудилъ недовольство и вызвалъ нарушеніе его.

Образовалась кучка мальчиковъ и дѣвочекъ, по большей части изъ дѣтей собственниковъ, во главѣ которой, какъ и слѣдовало ожидать, сталъ Павелъ.

Маленькими группами, потихоньку крадучись, весело пробирались дѣти въ лѣсъ. Укромные уголки и глухія тропинки были имъ лучше извѣстны, чѣмъ самимъ охотникамъ. Съ дѣтскою безпечностью шли они навстрѣчу приключеніямъ, которыя могли окончиться двояко. Или благополучно: тогда предстояло возвращеніе домой съ вязанкой дровъ за плечами, похвалы родителей и горячій ужинъ; или неудачно: тогда ихъ ждала трепка на мѣстѣ преступленія и то же самое дома. Последнее случалось рѣдко съ кѣмъ-либо кромѣ Павла, который въ экспедиціяхъ составлялъ всегда арріергардъ; въ минуту опасности товарищи покидали его, надѣясь на его молчаливость. И онъ ни разу не выдалъ ихъ; да и кто бы сталъ вѣрить словамъ дрянного мальчишки!

Репутація Павла ухудшалась со дня на день. Замѣчали ли въ лѣсу порчу деревьевъ, ее приписывали питомцу пастуха. Если исчезали куры, картофель, груши—все это кралъ Павелъ. Богда его ловили на мѣстѣ преступленія и грозили наказаніемъ, онъ молча уставлялся говорящему въ лицо. Старые люди побаивались мальчика и не рѣшались бранить: пожалуй, еще пустить камнемъ пзъ-за угла. Мало-по-малу на Павла наложили такъ много черныхъ красокъ, что въ сравненіи съ нимъ семья Виргилія казалась добродѣтельной.

Одного не сообразили его односельчане: чтобы выполнить всѣ безчисленныя продѣлки, которыя ему приписывались, надо бы имѣть тысячу рукъ и силу великана. Павелъ, послѣ продолжительнаго размышленія постигъ всю глупость тѣхъ, которые готовы были приписать ему невозможное, лишь бы это была какая-нибудь гадость; онъ почувствовалъ глубокое презрѣніе къ этимъ людямъ. Ему нравилось при всякомъ удобномъ случаѣ вредить тупоумному

и злобному народу; и какъ другіе наслаждаются уваженіемъ, которое имъ оказываютъ, онъ наслаждался непріязнью окружающихъ.

Время шло, лѣто близилось къ концу; наступило 1 сентября, день большого церковнаго праздника. Въ прошломъ году еще Павелъ протолкался черезъ толпу и во время торжественной обѣдни босой и въ лохмотьяхъ стоялъ на колѣняхъ среди крестьянскихъ ребятишекъ, плотно прижавшись къ ступенямъ алтаря. Въ этомъ году мальчикъ не вошелъ въ церковь; онъ остался наружи съ нищими и бродягами, къ которымъ вполнѣ подходилъ по наряду. Его нѣкогда длинная, зеленая куртка теперь едва доходила до пояса; потертая на всѣхъ швахъ, она представляла изъ себя собраніе образчиковъ всѣхъ старыхъ платьевъ Виргилихи, въ видѣ большихъ и маленькихъ заплатъ. Толстая рубаха не прикрывала грудь; холщевые штаны, бурные отъ старости и обтрепанные по краямъ, были подтянуты выше колѣнъ, точно обладатель ихъ собрался переходить черезъ ручей. Павелъ стоялъ, прислонясь къ церковной оградѣ и закинувъ руки за голову. Онъ равнодушно смотрѣлъ на идущихъ въ церковь; толпою шли парни и дѣвушки; послѣднія прямо проходили въ церковь, первые останавливались у палатокъ, выстроенныхъ по сторонамъ дороги, и разсматривали ихъ содержимое въ ожиданіи благовѣста къ проповѣди. Одинъ изъ нихъ, низенькій молодой человекъ съ некрасивымъ плоскимъ лицомъ, бросался въ глаза необычайно угрюмымъ видомъ. Онъ одѣтъ былъ въ тонкое полугородское платье. Чтобы не было сомнѣнія въ зажиточности юноши на его черную куртку извели столько матеріи, что напередѣ она топырилась, какъ бочка, а сзади образовала изгибъ, вродѣ кошачьей спинки. Молодежь встрѣтила деревенскаго щеголя съ предупредительнымъ вниманіемъ, въ которомъ сквозило немного ироніи; замѣтно было, однако, что каждый желалъ стать съ нимъ на короткую ногу. И понятно: щеголь былъ единственный сынъ старосты, наследникъ большого, хорошо устроеннаго крестьянскаго двора.

Съ колокольной раздался первый ударъ; притокъ народа къ кви прекратился; только запоздавшіе крестьяне торопливо шли на улицу.

Юсѣвъ всѣхъ, совершенно одна, появилась Винска и тотчасъ же удлила вниманіе свиты, окружавшей Петра, сына старосты.

— Чортъ возьми! Винска! Да, какъ она хороша сегодня.

— Какъ ей къ лицу головной платочекъ. Онъ шелковый, гляди, честью!—посыпались замѣчанія.

— На ней по меньшей мѣрѣ шесть юбокъ!

— А какъ скромна-то! Ахъ, ты, святая!

У каждаго нашлось для нея грубое словечко или галантное, которое безстыдствомъ превосходило грубое. Только Петръ молчалъ и внимательно слѣдилъ за птичкой, которая сидѣла на углу церковной ограды и вспорхнула при приближеніи Вински. Дѣвушка скоро скрылась въ толпѣ, стоявшей близъ церковныхъ дверей. Парни послѣдовали за нею, и Павелъ разслышалъ, какъ одинъ сказалъ другому: «Интересно было бы знать, откуда досталась Виргилю, старому кривоногому чорту, такая хорошенькая дочка?!»

— А я бы хотѣлъ знать, откуда дочери стараго чорта достались красивые наряды?—спросилъ другой вмѣсто отвѣта.

Павелъ не замѣтилъ, что на Винскѣ было нарядное платье; онъ видѣлъ только ея ноги или вѣрнѣе сапоги. При взглядѣ на нихъ въ душѣ мальчика поднялось полузабытое воспоминаніе о большой радости и о тяжеломъ страданіи. Онъ упорно и настойчиво принялся размышлять. Когда Винска ругала его, то всегда заканчивала брань словами: «И глупъ же ты, такъ глупъ, что глупѣ тебя нѣтъ никого въ деревнѣ!» Еще недавно эти слова не трогали Павла; но съ нѣкоторыхъ поръ они стали огорчать его; онъ догадывался, что въ нихъ есть доля правды. «Глупъ!—пробормоталъ онъ и схватился за лобъ,—но не такъ глупъ, какъ она думаетъ; негодная тварь!» Не такъ глупъ, чтобы забыть все, что случилось годъ тому назадъ, и изгнать изъ памяти смутное подозрѣніе, возникшее тогда же и окрѣпшее теперь.

Служба длилась долго; солнце стояло почти въ зенитѣ, когда музыка и пѣніе умолкли, и молящіеся стали быстро покидать церковь. Глаза Павла искали Винску, но ея не было. Толпа схлынула: часть крестьянъ окружила палатки, а другая, довольно рѣдкая, пошла по улицѣ къ деревнѣ. Дочь пастуха пропала, а съ ней вмѣстѣ и Петръ.

Послѣ обѣдни Павелъ долженъ былъ идти домой, чтобы гнать съ Виргилемъ стадо въ поле; но сегодня онъ не намѣренъ былъ исполнять приказаніе пастуха. Мальчикъ бродилъ по сосѣднимъ полямъ, отыскивая Винску. Нетерпѣніе, обостренное мучительнымъ голодомъ, доходило до ярости и влокало у него въ груди.

Вечеромъ Павелъ подошелъ къ трактиру, гдѣ шло веселье. Пьяные пѣли, мальчишки боролись, дѣвочки прыгали и скакали подъ звуки цимбалъ и гудковъ, доносившіеся черезъ открытую дверь. Любопытные осаждали окна танцевальной комнаты, наблюдали, что тамъ происходитъ, и дѣлали замѣчанія. Послѣ продолжительной борьбы Павлу удалось завоевать себѣ мѣсто; онъ увидалъ, какъ

среди скудно освѣщенной компанты кружились танцюющіе. Невдалекѣ отъ огня Петръ вертѣлъ на одномъ мѣстѣ Винску. Онъ уже порядкомъ выпилъ, снялъ съ себя куртку, а съ нею и деликатное обхожденіе. Въ рубашкѣ и жилетѣ Петръ былъ самымъ обыкновеннымъ парнемъ, не лучше любого работника.

Винска потупляла глаза и поминутно краснѣла отъ его словъ и пощелуевъ, которые онъ похищаль у нея.

Павель забылъ голодъ, а нетерпѣніе выросло до неистовой, непонятной ему боли. Онъ сталъ биться, какъ въ когтяхъ хищнаго животнаго, и испустилъ отчаянный стонъ.

Окружающіе испугались; его столбнули внизъ, — онъ не сопротивлялся и пошелъ въ темнотѣ къ своему непривѣтливому жилищу. Въ избушкѣ мерцалъ огонекъ. На оконномъ карнизѣ стояла свѣча; въ освѣщенной комнатѣ сидѣли на скамьѣ Виргилій съ женой, между ними стояла тарелка съ жаренымъ и бутылка водки. Старики ѣли, пили и благодумствовали. Павель посмотрѣлъ на нихъ съ улицы, потомъ обошелъ къ двери и вытянулся на каменныхъ ступеняхъ, прислонясь головой къ косяку. Если онъ заснетъ, Винска, возвратясь домой, должна будетъ разбудить его, чтобы проникнуть въ домъ. Часы шли; блѣдный свѣтъ, который бросала на дорогу свѣча, погасъ. Облачка, окутывавшія луну, перенесли Павла въ ту зимнюю ночь, когда онъ рѣшился освободить изъ неволи Миладу.

Что за дуракъ былъ онъ тогда! Дуракомъ остался и до настоящаго времени...

Отъ единственнаго человѣка, который никогда не оскорблялъ его, — единственнаго, который сдѣлалъ ему добро, онъ отвернулся изъ-за тупого недовѣрія и подчинился обманщицѣ, которая обкрадывала его и надъ нимъ же издѣвалась... Конечно, издѣвалась и вышучивала! Она такъ охотно насмѣхалась надъ нимъ по болѣе ничтожному поводу, чѣмъ его безграничная глупость...

«Что я съ ней сдѣлаю?» — спросилъ онъ себя. — Убью до смерти!» — послѣдовалъ отвѣтъ.

Ни малѣйшаго раздумья: что будетъ потомъ? Ни малѣйшаго сесія, ни малѣйшаго сомнѣнія въ исполнимости быстро составнаго плана.

Онъ всталъ, тихонько открылъ дверь, принесъ палку Виргилія оложилъ ее около себя, затѣмъ снова улегся на прежнее мѣсто... споконился. Вѣки смежились; мальчикъ заснулъ, — не крѣпко, вѣдь, какъ имѣлъ привычку спать въ ночномъ, когда карауль лошадей.

Едва свѣтало, когда его разбудили легкіе шаги. Она пришла. Съ невиннымъ выраженіемъ на безпечно-веселомъ лицѣ подошла Винска къ двери; увидя Павла, она въ раздумьѣ остановилась, затѣмъ увѣренно вошла по ступенькамъ и нагнулась, чтобъ отодвинуть преграду. Тогда онъ схватилъ ее за ногу и повалилъ на землю. Она упала, не вскрикнувъ, и тотчасъ же, пока онъ искалъ палку, поднялась на колѣни. Одинъ взглядъ на лицо юноши, и она поблѣднѣла, какъ полотно.

— Павелъ, — бормотала она, — что съ тобой, или ты хочешь прибить меня?

Она прижала руки къ груди и со страхомъ смотрѣла на него.

— Не прибить—убить хочу я тебя! — отвѣтилъ онъ глухо и отвернулся, чтобъ избѣжать ея умоляющаго взгляда. — Только прежде сними мои сапоги!

— Пресвятая Богородица! ты хочешь убить меня изъ-за сапогъ?

— Да, хочу!

— Не кричи такъ... разбудишь стариковъ.

— Пускай!

Она прижалась къ нему. Боязливая улыбка скользнула на ея губахъ.

— Они придутъ ко мнѣ на помощь. Какъ же ты тогда убьешь меня? Ну, успокойся, перестань сердиться!

Онъ старался освободиться изъ ея объятій, которыя были ему пріятны и возмутительны; онъ чувствовалъ, въ негодованіи на себя, что гнѣвъ противъ нея исчезаетъ подъ вліяніемъ ласки.

— Подлая тварь! — вскричалъ онъ.

— Не шуми, — просила она. — Если сбѣгутся люди, что ты выиграешь? Не кричи! Убей меня, но не кричи; убей, глупый, глупый Павелъ!

Она захихикала, совершенно успокоенная и увѣренная въ побѣдѣ.

Сквозь лохматые волосы, закрывавшіе Павлу глаза, сверкнулъ такой страстный взоръ, отъ котораго Винска затрепетала. Передъ нею былъ не глуповатый малый, а слишкомъ рано созрѣвшій мужчина; она инстинктивно искала себѣ защиты у него на груди.

— Не убивай меня, самъ пожалѣешь!

Дѣвушка стояла рядомъ съ нимъ и держала его за руку, изъ которой выпала палка. Она просила, ластилась, старалась тронуть его сердце и приговаривала:

— Ты самъ пожалѣешь меня! Ты больше всѣхъ будешь жатѣль бѣдную Винску!

— Ты не бѣдная!—оборвалъ онъ,—нѣтъ!... ты—подлая... я войду въ окружное управленіе и подамъ на тебя жалобу.

— Изъ-за сапогъ?—она отъ всей души беззаботно разсмѣялась.

— Да!

Быстро опустилаь Винска на ступени, сняла сапоги и поставила ихъ передъ Павломъ.

— На, бери ихъ, висѣльнигъ! на кой они мнѣ! Скажу только словечко Петру, и онъ купитъ мнѣ другіе, гораздо лучше.

Павель зарычалъ, какъ дикій звѣрь:

— Не надо, не надо! Возьми мои, я дарю тебѣ ихъ! Только не ходи больше къ Петру... Обѣщай!

Онъ схватилъ ее за плечи и трясъ до того, что она перестала слышать и видѣть: «Обѣщай! обѣщай!»

— Успокойся! Даю тебѣ слово,—отвѣтила Винска; но тонъ, которымъ она говорила, былъ такъ неубѣдителенъ, и лицо приняло такое странное выраженіе, что Павель сжалъ кулаки и грозно произнесъ:

— Берегись!

VI.

На слѣдующей недѣлѣ выдалось много дождливыхъ дней. Когда наступало пасмурное утро, Павель собиралъ учебныя пособія и шелъ, на потѣху всѣмъ прохожимъ, въ школу. Тамъ сидѣлъ онъ, единственный взрослый среди дѣтей, всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, на задней скамьѣ. Сначала учитель дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ его; только много спустя, сталъ онъ опять съ нимъ заниматься. Однажды, когда классы уже кончились, и комната опустѣла, Павель не уходилъ. Учитель, видя его замѣшательство, спросилъ:

— Что тебѣ нужно? У меня ты не научишься ничему, годному для твоей будущей карьеры.

Павель удивленно открылъ глаза, а учитель продолжалъ:

— Вѣдь, ты объявилъ мнѣ, что хочешь сдѣлаться воромъ? Но, частный, я не учу воровству.

У Павла чуть не сорвался отвѣтъ:

— Значить, мнѣ здѣсь нечего дѣлать! — но онъ удержался и аль:—я бы желалъ научиться читать и писать!

— При случаѣ ты и теперь прочтешь, что нужно!

— Анъ вотъ, при случаѣ-то я этого и не могу сдѣлать!

— Постарайся!

— Стараюсь, а все-таки не могу!

— Дай твою книгу.

Павелъ покачалъ головой.

— По книжкѣ-то я прочту, а вотъ,— онъ полѣзъ дрожащей рукой за пазуху и вытащилъ измятое письмо,— вотъ, что я получилъ съ почты.

— Писанное? Вотъ въ чемъ штука! Ну, этого, пожалуй, и я не осилю!

Учитель раскаялся въ своей шуткѣ, когда Павелъ, принявшій ее въ серьезъ, въ первый разъ въ жизни заговорилъ смиренно:

— Я бы все-таки попросилъ г. учителя попробовать.

Павелъ пожиралъ листокъ глазами и боязливо, съ осторожностью, передалъ его старику, какъ хрупкій предметъ, который легко изломать. Учитель развернулъ листокъ и пробѣжалъ нѣсколько строчекъ.

— Это письмо, Павелъ, и знаешь ли отъ кого?

— Отъ сестры Милады, изъ монастыря.

— Нѣтъ, не отъ сестры изъ монастыря.

— Нѣтъ?

— Письмо отъ твоей матери изъ...— онъ запнулся, а мальчикъ съ искаженнымъ лицомъ грубо докончилъ:

— Изъ смирительнаго дома.

— Прочешь?

Павелъ опустилъ голову и отвѣтилъ молчаливымъ кивкомъ.

Учитель прочелъ:

«Сынъ мой Павелъ! Три мѣсяца тому назадъ я взялась за перо и написала нѣсколько строкъ моей дорогой Миладѣ въ монастырь; она ихъ не получила, монахини не отдали ей письма; онѣ велѣли сказать мнѣ, что всего лучше будетъ, если она ничего не услышитъ о матери; я не знаю, права ли я, что пишу тебѣ, Павелъ, мой милый сынъ, чтобы ты отвѣтилъ мнѣ, здоровы ли вы, ты и твоя милая сестра. Что касается меня, я здорова и совершенно довольна своимъ положеніемъ.

Твоя мать.

«Дѣти мои, день и ночь молюсь о васъ Господу и надѣюсь, что когда придетъ время, Милада сдѣлается монахиней. Я работаю прилежно и заработокъ откладываю для своихъ дѣтокъ... Черезъ шесть лѣтъ, мой милый сынокъ, я возвращусь домой и прошу еще васъ вспоминать иногда о матери, самой несчастной женщинѣ на свѣтѣ

Буквы письма были выведены твердо, въ припискѣ замѣт

было дрожаніе руки; большія блѣдныя пятна выдавали, что письмо писалось въ слезахъ. Съ трудомъ разбиралъ чтець, наполовину слытыя слова, и онъ проникся чувствомъ страданія и любви, которыми дышали строки несчастнаго посланія.

— Павелъ,— сказалъ онъ,— ты долженъ сейчасъ же отвѣтить матери.

Юноша отвернулся и уставился въ полъ.

— Что мнѣ ей отвѣчать?— пробормоталъ онъ.

— Что тебѣ подскажетъ сердце.

Павелъ скосилъ ротъ.

— Ей тамъ хорошо!

— Хорошо?! Глупый мальчишка! Хорошо въ тюрьмѣ?

Старикъ воодушевился; онъ говорилъ тепло и краснорѣчиво, прекрасныя слова, которыя онъ произносилъ, трогали его самого, но не расшевелили Павла. На всѣ доводы учителя у него было два отвѣта, которые онъ повторялъ къ мѣсту и не къ мѣсту: «Она же сама говоритъ, что ей хорошо!» или: «Сестра ей не пишетъ, зачѣмъ же я буду писать?»

— Развѣ у тебя нѣтъ никакого чувства къ матери?

— Никакого,— отвѣтилъ Павелъ.

Старикъ нетерпѣливо пожалъ плечами.

— Я говорю о томъ времени, когда ты былъ ребенкомъ и честно работалъ подъ руководствомъ честной матери... Нечего тарашить глаза! Честной и правдивой, говорю я. Такова была твоя мать; къ сожалѣнію, слишкомъ запуганная и терявшая разсудокъ изъ страха передъ подлымъ... Ну, да что тамъ!— оборвалъ онъ,— всѣ ее жалѣли; даже въ судьяхъ возбудила она жалость; только ты, ея сынъ, относишься къ ней безсердечно. Почему, почему это? Я спрашиваю тебя. Отвѣчай! Говори что-нибудь!

Онъ сдвинулъ очки на лобъ и приблизилъ близорукіе глаза къ лицу Павла. Черты послѣдняго выражали желѣзное упрямство; потемнѣвшіе глаза его свѣтились такой рѣшимостью, которая въ серьезномъ дѣлѣ создаетъ мучениковъ.

Старикъ вздохнулъ, отодвинулся и сказалъ:

— Иди домой, съ тобой ничего не сдѣлаешь! — когда Павелъ одошелъ уже къ двери, учитель остановилъ его: — одно хочу я тебѣ еще сказать. Я замѣтилъ, что ты не совсѣмъ равнодушенъ, когда тебя бранятъ; настанетъ время, когда ты пожелаешь быть въ хорошихъ отношеніяхъ со всѣми людьми и тебѣ будетъ пріятно выслушать, когда скажутъ: «Въ юности Павелъ Голубъ былъ непоколебимъ, а теперь ведетъ себя хорошо». На этотъ случай замѣть себѣ,

замѣть себѣ, Павелъ, — повторилъ онъ съ удареніемъ, и легкій румянецъ покрылъ его желтыя щеки: — Не клевети на себя самъ. Все дурное, что скажутъ о тебѣ люди, можетъ возбудить сомнѣніе, можетъ быть забыто. Но самое нелѣпое и бессмысленное, что ты самъ на себя наклеветашь, не смывается; оно прирастаетъ къ тебѣ, какъ собственная кожа — и переживаетъ тебя!

Онъ положилъ руки на голову и неуклюже, безъ опредѣленнаго плана, шагаль по комнатѣ, точно спугнутая ночная бабочка, и жалобно причиталъ:

— Забудь, пожалуй, все, что я тебѣ говорилъ; но этого совѣта не забывай; я даю тебѣ его вслѣдствіе личнаго опыта!

Павелъ задумчиво наблюдалъ за учителемъ; ему жаль было старика и въ то же время казалось глупымъ: чего ради онъ убивается? Развѣ изъ-за того, что люди считаютъ его колдуномъ?... Вотъ, очень нужно! Ему хотѣлось узнать причину, но онъ не рѣшался задать вопросъ прямо. Онъ стоялъ до тѣхъ поръ, пока учитель спросилъ, наконецъ:

— Что тебѣ еще нужно?

Павелъ отвѣтилъ:

— Мнѣ бы хотѣлось знать, что огорчаетъ г. учителя?

Хабрехтъ выпрямился, глубоко вздохнулъ и закрылъ глаза:

— Позже, Павелъ, позже; теперь еще ты не поймешь меня.

Тогда Павелъ выпалилъ:

— Дѣло касается колдовства?

Учитель непроизвольно вскрикнулъ:

— Да, да! — взялъ его за плечи и высунулъ за дверь.

Значить вѣрно! Старика огорчало подозрѣніе въ колдовствѣ. Такое отношеніе показалось Павлу невѣроятнымъ ребячествомъ. Съ этого момента онъ считалъ учителя слабымъ человѣкомъ и выбросилъ изъ головы его настоятельное предостереженіе. Ему даже точно нравилось поступать наоборотъ. Люди должны считать его хуже, чѣмъ онъ есть: онъ этого желаетъ. За лаской и любовью гоняются одни малодушные; имѣть право сказать себѣ: я лучше, чѣмъ обо мнѣ думаютъ, вотъ истинная награда сильному духомъ.

Павелъ постарался еще разъ прочесть письмо матери и теперь когда онъ зналъ содержаніе, — это удалось ему довольно легко. Винска застала его за письмомъ и пожелала узнать, что онъ читаетъ; а когда Павелъ отказалъ ей въ объясненіи, постаралась вырвать изъ рукъ листокъ бумаги.

— Какъ? — негодовала она, видя его упорство, — ты хочешь, чтобъ я не ходила къ Петру, а самъ имѣешь отъ меня тайны? По-

лучаешь письма и скрываешь их?—Хорошенькія брови сдвинулись, на губахъ появилась неумовная усмішка:—ты думаешь, что я не ревнива?

Она шутила, издѣвалась надъ нимъ; онъ зналъ это прекрасно и былъ доволенъ такой шуткой.

— Ревнива? Похоже на то! Это ты-то ревнива?—бормоталъ онъ, и передъ нимъ разверзались небеса при одной мысли, что игра можетъ когда-нибудь перейти въ серьезное дѣло. Когда-нибудь, въ далекомъ, туманномъ будущемъ, которое все впереди и гдѣ всѣ надежды онъ возлагалъ только на собственные силы.

Винска подперлась одной рукой, другую протянула къ нему.

— Отъ кого письмо, Павличекъ?—спросила она, лукаво ласкаясь,—письмо, которое ты хранишь у себя на сердцѣ?

— Отъ матери,—быстро отвѣтилъ онъ и отвернулся.

Винска вскрикнула отъ изумленія:

— Не можетъ быть! Я не думала, что изъ смирительнаго дома позволяютъ писать письма. И что ей писать? Можетъ быть, наставленія, какъ лучше воровать, чтобы попасть на даровую квартиру?

Павель въ смущеніи кусалъ губы.

— Выбрось письмо,—продолжала Винска,—и не рассказывай о немъ ни единой душѣ; никто не долженъ подозрѣвать, что къ намъ приходятъ письма изъ тюрьмы. О насъ и такъ болтаютъ много лишняго.

— Все-таки меньше, чѣмъ вы заслуживаете!—вскричалъ рѣзко Павель.

Винска покраснѣла и въ смущеніи кротко сказала:

— Я всегда о тебѣ забочусь, вчера цѣлый день работала на тебя; я сшила тебѣ новую рубашку.

— Рубашку?—вотъ какъ!

— Но повѣрь мнѣ, не связывайся съ матерью; повѣрь мнѣ, что она больше отца достойна висѣлицы; онъ, конечно, былъ правъ, повторяя на судѣ: «жена совратила меня!» Что могъ онъ самъ выиграть?—онъ былъ вѣчно пьянъ; а она... о, она оборудовала все це!... Та же исторія, что у Адама съ Евой въ раю!

Она украдкой взглянула на Павла и замѣтила на лицѣ его невольное удивленіе.

— Развѣ Адамъ былъ пьянъ?—спросилъ онъ съ любопытствомъ.

Винска схватила его за уши, потрясла и расхохоталась.

— Вотъ, дуракъ-то, рѣчь идетъ не объ Адамѣ, а о твоёмъ отцѣ и о томъ, что твоя мать научила его убить священника.

— Молчи!—закричалъ Павелъ:—ты лжешь!

— Я не лгу, а говорю то, что думаю и что всѣмъ извѣстно.

— Кому? Кому это извѣстно?

Она отвѣтила уклончиво. Онъ схватилъ ее за руки своими сильными руками, притянулъ къ себѣ и повторялъ:—Кто это говоритъ? Кому это извѣстно?—пока она со страху не промолвила:

— Ариость говорить!

— Пусть онъ скажетъ это мнѣ, мнѣ!—я выбью ему всѣ зубы и брошу его въ ручей!

— Онъ тебѣ этого не скажетъ, онъ боится тебя. Пусти меня, я тоже боюсь тебя, пусти меня, Павелъ!

— А, боишься! Бойся, бойся,—произнесъ онъ съ торжествомъ и отпустилъ на свободу. Дорогую награду получилъ онъ за великодушіе: Винска нѣжно посмотрѣла на него и на минуту склонила головку къ нему на плечо. Радостный трепеть охватилъ юношу, но онъ не шевельнулся и употребилъ всѣ усилія, чтобы казаться равнодушнымъ.

— Павелъ,—начала Винска минуту спустя,—у меня есть къ тебѣ маленькая просьба; желаешь ее исполнить? это очень легко.

Его лицо омрачилось.

— Ты всегда такъ говоришь, знаю я тебя! Ну, что тебѣ надо?

— У стараго павлина въ замкѣ еще осталось нѣсколько красивыхъ перьевъ,—сказала она,—выдерни ихъ и подари мнѣ.

Она просила такимъ дѣтскимъ голосомъ, съ такимъ наивнымъ выраженіемъ лица, что Павелъ стоялъ какъ очарованный. Онъ не далъ замѣтить своего настроенія, пробормоталъ что-то непонятное и грубо оттолкнулъ ее локтемъ. Затѣмъ взявъ вкнутъ, пошелъ къ водопою собирать лошадей, чтобы гнать въ ночное.

Пастбище лежало въ ложбинкѣ близъ деревни, недалеко отъ кладбища, образующаго удлиненный четырехугольникъ, окруженный бѣлой стѣной и выходящій въ поле. Ночь стояла теплая, точно лѣтомъ; ярко сіялъ мѣсяцъ и, залитая его свѣтомъ, поляна казалась тихой, зеркальной поверхностью воды. Мирно паслись лошади. Павелъ залѣзъ въ шалашъ, растянулся на землѣ, вытянулъ руки, положилъ на нихъ голову и наблюдалъ за лошадьми.

Рыжая кобыла старосты была прежде его любимицей, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ возненавидѣлъ сына старосты, лошадь также стала ему ненавистна.

Расчитывая на прежнюю дружбу, она довѣрчиво подошла къ

нему, обнюхала и обдала своимъ горячимъ дыханіемъ. Толчокъ и ударъ кулакомъ по мордѣ были отвѣтомъ на ласку. Она пошла прочь, скорѣе удивленная, чѣмъ испуганная, а Павелъ погрозилъ ей въ догонку кулакомъ. Ему хотѣлось уничтожить все на свѣтѣ, что имѣло какое-либо отношеніе къ сопернику. Общаніе Вински не внушало ему довѣрія; оно дано было слишкомъ поспѣшно и въ такомъ тонѣ, какимы успокоиваютъ капризныхъ дѣтей.

Винска не желаетъ шуму и огласки; съ нѣкоторыхъ поръ она прикидывается честной дѣвушкой и перестала равнодушно относиться къ мнѣнію людей. Испугъ, съ какимы она вскричала: «Никто не долженъ знать, что къ намъ приходятъ письма изъ тюрьмы», еще звучалъ въ ушахъ Павла. Ему казалось, что листокъ жжетъ ему грудь; онъ вытащилъ его и смялъ въ кулакѣ.

Зачѣмъ было матери писать къ нему? И безъ того довольно стыда вынесъ онъ изъ-за нея. Она стояла между нимъ и другими людьми; онъ не дастъ ей стать между собой и Винской, которая ему такъ дорога. Въ глубинѣ души онъ зналъ, что мать невинна, но какой-то смутный инстинктъ побуждалъ его противорѣчить себѣ: «А можетъ быть?» Изъ туманнаго сомнѣнія выросло твердое рѣшеніе: «Я не хочу ея знать!» Онъ разорвалъ въ клочки письмо матери. На послѣднемъ, который остался у него въ рукахъ, можно было разобрать: «о матери, самой несчастной женщинѣ на свѣтѣ»...

«Ты всегда была несчастной, — подумалъ онъ съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ, — всегда несчастной!» Передъ его глазами всталъ ея серьезный, молчаливый образъ: изможденная непосильнымъ трудомъ, горькой нуждой, жестокостью мужа, вѣчно согнутая надъ работой. Рядомъ съ ней видѣлъ онъ себя, воодушевленнаго ея приѣромъ и почти также безропотно отдающагося труду. Ему вспомнились суровыя наставленія матери и ни одной ласки... Только молчаливая заботливость, особенно выражавшаяся при дѣлежѣ хлѣба: по большому куску на долю каждаго ребенка и крошечный для себя.

Павелъ принялся перечитывать клочки письма; потомъ положилъ ихъ одинъ на другой, въ нерѣшимости посмотрѣлъ на кучку наконецъ, снесъ ихъ на кладбище и закопалъ около стѣны, подъ вѣтвями плакучей ивы.

Возвратясь домой, онъ легъ и крѣпко заснулъ. Ему снилась сивая рубашка, сшитая Винской; высокая женщина съ закрытымъ лицомъ, въ темной арестантской одеждѣ старалась отнять ее. Этихъ поръ образъ таинственной женщины преслѣдовалъ его. И въ лунную ночь онъ невзначай взглядывалъ въ сторону клад-

бища, изъ тумана выходила мрачная фигура и скользя двигалась около стѣны. Павелъ со страхомъ смотрѣлъ на привидѣніе и думалъ: «Должно быть мать умерла и теперь является ко мнѣ».

Онъ не рассказывалъ Винскѣ объ этомъ приключеніи; да и не представлялось случая. Она была съ нимъ нелюбезна. Когда онъ возвращался домой, смотрѣла ему въ руки и ѣдко говорила: «Спасибо за перышки!» а затѣмъ старательно избѣгала встрѣчи. Павелъ отлично зналъ, что такъ пойдетъ до тѣхъ поръ, пока онъ не исполнитъ ея ребяческаго желанія, и обдумывалъ, какъ выполнить эту довольно легкую для него задачу.

Съ отъѣзда Милады садовая калитка въ замкѣ стояла открытой съ утра до ночи; старый павлинъ постоянно бродилъ мимо нея. Онъ сохранилъ только часть своего наряднаго лѣтняго оперенія: на комично длинныхъ, голыхъ стержняхъ красовалось три роскошныхъ пера. Однажды Павелъ караулилъ птицу и, увидавъ, что она приближается, проскользнулъ въ садъ. Павлинъ величаво шелъ по узкой дорожкѣ, скрытой отъ дома деревьями и кустарникомъ, и ради развлечения то тутъ, то тамъ хваталъ клювомъ насѣкомыхъ. Вѣроятно, несмотря на осторожность Павла, птица услышала его шаги; она остановилась, быстро повернула голову, точно спрашивая: «Что тебѣ надо?» — «Сейчасъ увидишь!» — подумалъ Павелъ, и, когда она ускорила шагъ, мальчигъ прыгнулъ, поскользнулся и упалъ; онъ не потерялъ, однако, присутствія духа, вытянулъ руку и, сильно рванувъ, выдернулъ у павлина послѣднее украшеніе. Тотъ рѣзко закричалъ, обернулся назадъ, летя и подпрыгивая добрался до врага и, прежде, чѣмъ тотъ успѣлъ подняться съ земли, разъяренная птица сѣла ему на шею и стала долбить голову своимъ крѣпкимъ, острымъ клювомъ. Павлу было больно, но въ то же время смѣшно, что птица вступила съ нимъ въ бой. Онъ судорожно смѣялся и дѣлалъ усиліе стряхнуть съ себя павлина. Но тотъ съ неимоверной силой вцѣпился въ него, распростеръ крылья, стараясь не потерять равновѣсія и громко крича, вытягивалъ голову, отыскивая глаза непріятеля... Тогда Павлу стало страшно... Обѣими руками схватилъ онъ длинную, голубоватую шею и загнулъ ее, точно желая завязать узелъ. Животное отчаянно вскрикнуло и соскользнуло по плечу Павла на землю, гдѣ осталось лежать на спинѣ, со сжученными ногами. Побѣдителю некогда было убѣждаться, живъ ли врагъ, потому что изъ замка показались люди. Онъ схватилъ съ травы перья и съ быстротою молніи выбѣжалъ изъ сада. На улицѣ онъ умирилъ шаги, чтобы не обратить на себя вниманія прохожихъ. Сердце его усиленно билось; онъ воображалъ себѣ, какой

нужь поднимется въ замѣкъ, когда найдутъ издыхающую птицу. Ему показалось, что во главѣ толпы, спѣшившей на крикъ къ мѣсту борьбы, онъ видѣлъ баронессу. Нѣкоторое время Павелъ шель спокойно, и у него явилась надежда, что опасность миновала. Какъ вдругъ до его слуха донеслись крики:

— Висѣльнигъ, негодяй!

Быстро оглянувшись, онъ увидѣлъ за собой худого, сгорбленнаго садовника и двухъ старыхъ рабочихъ.

— Ну-ка, суньтесь, несчастные калѣки! — закричалъ Павелъ и стремглавъ помчался къ деревнѣ.

Онъ быстро подвигался впередъ, не опасаясь погони. Весь вопросъ былъ въ томъ, какъ бы лучше укрыть покражу. Красный, съ блестящими глазами, вбѣжалъ онъ домой. Винска стояла въ сѣняхъ и покраснѣла отъ удовольствія, получивъ перья. Но когда Павелъ быстро пробормоталъ: — Спрячь ихъ и спрячься сама! — она испугалась и спросила:

— Что это значить? Мнѣ ихъ не надо!

Онъ сунулъ ей покражу, толкнулъ ее въ комнату, а самъ вернулся къ выходу, гдѣ, побѣдоносно скрестивъ руки, прислонился къ косягу и съ отважною миной ожидалъ погоню.

Передовой былъ такъ возбужденъ, что могъ давать свои приказанія только отрывочными фразами:

— Схватить его!... Схватить собаку! Въ замокъ! — кричалъ онъ спутникамъ.

Два скромныхъ, миролюбивыхъ работника поглядывали то другъ на друга, то на садовника и опять другъ на друга. «Хватать! развѣ это ихъ дѣло?» Они считали себя усердными помощниками садовника потому, что брались за грабли и бродили съ ними по дорожкамъ, когда въ саду показывалась баронесса. Остальное время они лежали въ травѣ, пили водку и курили, по большей же части спали. Павелъ шутилъ и съ истиннымъ удовольствіемъ расшвырялъ бы такую гвардію, но, жалѣя Винску и опасаясь скандала, онъ лишь себя развлечения и спокойно далъ взять за шиворотъ, что старика исполнили робко и не безъ внутренняго волненія. Одни при видѣ покорности, съ какой Павелъ отдался имъ въ руки, подняли носъ и съ гордостью повели черезъ деревню озорника, второму раньше не смѣли подступиться. Садовникъ, поднявъ тревогу, прикрывалъ шествию; около бѣжала деревенская ме-

Что очъ сѣлалъ?—спрашивали прохожіе.

— Бого-то задушил...

Кого? Въ точности никому не было извѣстно; но всѣ навѣрное знали, что онъ попадетъ подобно матери въ смиренный домъ и подобно отцу умереть на висѣлицѣ. Ему грозили кулаками, бросали въ него камнями; но слова больнѣе камней попадали въ цѣль. Павелъ злобно смотрѣлъ по сторонамъ; сознание непримиримой ненависти къ окружающимъ укрѣпляло и закаляло его сердце.

Спокойно вошелъ онъ на дворъ замка; его немедленно проводили въ комнату нижняго этажа, гдѣ окна были за желѣзными рѣшетками; позади него заперли дверь на ключъ.

Павелъ попалъ въ одну изъ многочисленныхъ гостиныхъ. Никогда, съ тѣхъ поръ, какъ глаза его смотрѣли на мiръ Божiй, не видалъ онъ такой роскоши. Шелковая матерiя съ зеленымъ отливомъ, точно кошачьи глаза, висѣла на дверяхъ и окнахъ, образуя богатыя складки, какъ на праздничномъ платьѣ Вински; этою же матерiей были обиты скамьи и скамеечки, съ мягкими подушками. На стѣнахъ висѣли картины, вѣрнѣе вставленные въ рамы—темныя пятна, изъ которыхъ мѣстами выглядывали блѣдныя физиономiи и точно манили мертвыя руки.

Тамъ стоялъ большой шкафъ, похожiй на церковный алтарь; въ простѣнгѣ—зеркало, гдѣ Павелъ могъ видѣть себя, во всемъ своемъ нищенскомъ великолѣпiи. Взглянувъ въ зеркало, онъ подумалъ: «вотъ каковъ я!» и въ это время замѣтилъ надъ своею головою престранный предметъ: плоскiй, желѣзный сосудъ, отъ котораго во всѣ стороны простирались золотыя руки; необычайно тоненькою веревочкой прикрѣплялся онъ къ потолку. Кажется, его единственною цѣлью было свалиться и раздавить всякаго, кто неосмотрительно встанетъ подъ нимъ.

Немного спустя, послышались шаги, дверь отворилась, и вошла баронесса. Она шла, съ трудомъ опираясь на палку, сгорбленная, и непрерывно моргала.

Непосредственно за ней слѣдовалъ глубоко удрученный учитель; его жидкіе волосы растрепались, и даже такому плохому наблюдателю, какъ Павелъ, бросилось въ глаза его странное поведеніе.

— Гдѣ угодно сѣсть вашему сіятельству?—спросилъ стари ; онъ обошелъ вокругъ комнаты и выдвинулъ всѣ стулья, точно и лая облегчить баронессѣ выборъ.

— Не безпокойтесь, г-нъ учитель,—сказала она сердит и сѣла прямо подъ люстрой, спиной къ огню; положивъ палку на лѣни, она велѣла Павлу подойти.

Онъ послушно исполнилъ приказаніе. Учитель сталъ за стуломъ баронессы и черезъ ея голову то угрожалъ обвиняемому сердитыми взорами, то старался его тронуть глубоко печальнымъ выраженіемъ лица.

Баронесса держала руку на подобіе зонтика около лба и заговорила, поднимавъ на Павла красные глаза.

— Ты выросъ и сталъ большимъ негодяемъ. Когда я видѣла тебя въ послѣдній разъ, ты былъ еще маленькій. Сколько тебѣ лѣтъ?

— Шестнадцать, — отвѣтилъ онъ разсѣянно. Его вниманіе было цѣликомъ поглощено желѣзнымъ предметомъ на тонкой веревочкѣ. Онъ живо представлялъ себѣ, какъ эта странная вещь упадетъ, и баронесса на судейскомъ креслѣ превратится въ лепешку.

Дама заговорила снова:

— Не зѣвай по сторонамъ, смотри на меня, когда съ тобой говорятъ!... Шестнадцать лѣтъ!... Три года тому назадъ ты вралъ у меня вишни, теперь ты задушилъ моего милого павлина, котораго, да проститъ мнѣ Богъ, я любила больше многихъ людей.

Учитель поднялъ вверхъ молитвенно сложенные руки и сдѣлалъ мальчику знакъ повторить этотъ жестъ. Павелъ не послушался.

— Зачѣмъ ты это сдѣлалъ?—продолжала баронесса. — Отвѣчай!

Павелъ молчалъ. Старая дама покраснѣла. Раздраженнымъ тономъ повторила она вопросъ.

Юноша покачалъ головой; онъ взглянулъ исподлобья на разгнѣванную баронессу, и улыбка искривила его губы.

Старуха пришла въ ярость. «Дерзкій мальчишка!»—закричала она, взяла палку и ударила его по плечу.

«Ну-да, — подумалъ Павелъ, опять удары, всегда и вездѣ удары!...» Онъ со вздохомъ взглянулъ на желѣзный предметъ: «Падай, — подумалъ онъ, — падай ей на голову!» Хабрехтъ отвѣсилъ за спиной баронессы поклонъ, выразившій одобреніе.

— Ваше сіятельство милостиво поучили Павла Голуба, — заговорила онъ. — Это хорошо; это прекрасная подготовка къ допросу, который я, съ разрѣшенія вашего сіятельства, хочу предпринять. — Старой женщинѣ было не по себѣ послѣ невольной вспышки. Гнѣвъ прошелъ, осталось горькое чувство сожалѣнія.

— Къ чему допросъ? Дрянной мальчишка задушилъ моего павла и не хочетъ сознаться, ради чего? Потому что ему пришлось сказать: изъ злости!

— Вѣрно! Это такъ! — подтвердилъ учитель. — У бѣднаго пав-

лина, когда его нашли мертвымъ, не хватало въ хвостѣ перьевъ; дрянной мальчишка навѣрно вырвалъ ихъ изъ злости!

— Вотъ это вздоръ, г-нъ учитель!—сердито проворчала баронесса.—Еслибъ онъ, подобно многимъ другимъ глупымъ парнямъ, только вырывалъ у моего павлина перья, это не было бы признакомъ злости,—я бы назвала это: глупость и воровство.

— Святая истина!—вставилъ Хабрехтъ.—Глупость и воровство! Такъ оно и есть, ваше сіятельство.

— Еще не извѣстно, такъ ли?

— Совершенно вѣрно. Ваше сіятельство правильно освѣтили дѣло. Вырывать перья! Ай, ай, ай! Мальчишкѣ понадобились перья; онъ раздражилъ павлина, вовлекъ его въ борьбу, въ которой бѣдная птица погибла.

Какъ воронъ Одина, припалъ Хабрехтъ къ уху баронессы и шепталъ: «У противника остались слѣды геройской борьбы. Взгляните на лобъ мальчика, онъ пробитъ клювомъ и весь въ крови.

— Да? Мнѣ кажется, это такъ.

— Говори, Павелъ Голубъ!—вскричалъ учитель,—говори въ свое оправданіе. Тебѣ нужны были перья, глупый малый; ты не имѣлъ злого умысла?

— Говори!—приказала баронесса.—Тебя кто-нибудь подбилъ украсть перья? Потому что,—замѣтила она послѣ нѣкотораго размышленія,—на что они тебѣ?

— И правда, на что они тебѣ? Нищій, въ павлиньихъ перьяхъ.

Каждый разъ, когда произносили слово перья, мальчика корбило; когда же, наконецъ, учитель поставилъ вопросъ ребромъ: «Кто подучилъ тебя? можетъ быть, хорошенькая Винска?» тогда на Павла напалъ смертельный страхъ, чтобы такое подозрѣніе не повлекло за собой дурныхъ послѣдствій для дочери пастуха и, твердо рѣшившись отвратить отъ нея бѣду, онъ заговорилъ глухимъ голосомъ: «Никто меня не подучалъ, я задушилъ павлина изъ злости!»

Баронесса порывисто ударила палкой о полъ и встала.

— Вотъ вамъ! Слышали? Бросьте его! Онъ пропащій малый!

— Помилосердуйте, ваше сіятельство!—умолялъ старикъ.— Не вѣрьте ему. Безмозглый дуракъ жметъ на себя! Онъ самъ не знаетъ, что дѣлаетъ, ваше сіятельство!

Она сдѣлала учителю знакъ замолчать и близко подошла къ Павлу. Ея усталые глаза грустно смотрѣли на дикаго мальчика.—И это братъ моей милой дѣвочки!—сказала она, глубоко вздыхая.—Каждый разъ, когда малютка ко мнѣ пишетъ, или когда я ее навѣщаю, она спрашиваетъ меня, какъ поживаетъ мой Павликъ?

Богда онъ придетъ ко мнѣ?... Ей извѣстно, что я знать его не хочу, а она все-таки спрашиваетъ, милое дитя.

Павель насторожился, широко открылъ глаза, ноздри его раздувались.

— Какое дитя? Милада?

— Богда придетъ ко мнѣ Павель?—повторяла баронесса, разстроенная и возбужденная, едва удерживая слезы.—Развѣ я могу послать тебя къ ней, вора, дрянного мальчишку, перваго негодяя въ деревнѣ?... развѣ я могу?

— Пошлите меня къ ней,—тихо сказалъ Павель.

Учитель пожалъ плечами, выдвинулъ нижнюю челюсть впередъ и дѣлалъ выразительные знаки.

— Будьте милосерды, ваше сіятельство; я униженно прошу ваше сіятельство!—вотъ какъ надо говорить.

Павель ломалъ свои растопыренные пальцы, грудь его высоко подымалась; всхлипывая безъ слезъ, онъ еще разъ проговорилъ:

— Пошлите меня!

Баронесса обратилась къ учителю:

— Кажется, это на него подѣйствовало?

— Необычайно подѣйствовало! Ваше сіятельство вѣрно попали съ такимъ мудрымъ рѣшеніемъ...

— Рѣшеніемъ? О рѣшеніи не можетъ быть и рѣчи.

Не обращая вниманія на протестъ, учитель продолжалъ:

— Невинное дитя лучше всякаго другого сумѣетъ повліять на его совѣсть; дитя...

— Дитя,—перебила баронесса,—гордость и общая любимица всего монастыря.

— Вотъ видите, ваше сіятельство! Что можетъ быть благотворнѣе и дѣйствительнѣе общенія съ благоразумной сестрой, ея примѣра и вліянія для необузданнаго юноши.

— Можетъ быть,—сказала задумчиво старая дама.—И такъ, съ Божьей помощью, мы испытаемъ это средство... Последнее средство. Если оно не удастся, тогда—даю честное слово—при первомъ его проступкѣ, онъ пойдетъ на судъ не ко мнѣ, а въ оканное управление.

— Ты слышишь?—вскричалъ учитель; Павель невнятно промоталъ:

— Да.

Въ дѣйствительности онъ не зналъ, о чемъ говорили, и говорили ли вообще. Съ той минуты, какъ ему подали надежду на сви

даніе съ Миладой, онъ ничего не слышалъ. Недостижимая цѣль его долгихъ мечтаній была такъ близка; его пламенное желаніе, причинившее столько страданій, неожиданно осуществлялось.

Сердце усиленно билось въ груди; радостный крикъ, котораго онъ не могъ подавить, вырвался изъ горла. Павелъ повернулся на пяткахъ и заявилъ:

— А теперь я иду къ Миладѣ.

— Пстой,—закричала баронесса,—какъ ты глупъ!—Не такъ просто попасть къ Миладѣ! Теперь ты пойдешь домой, въ субботу придешь въ замокъ и получишь письмо къ настоятелю монастыря. Его ты снесешь въ монастырь и, при удачѣ, можетъ быть, увидишь сестру.

— Навѣрно! Я навѣрно увижу ее! Только бы попасть туда!—сказалъ Павелъ и произвольнымъ движеніемъ засучилъ рукава.

— Поменьше самоувѣренности,—возразила баронесса.—Она устала и направилась къ прежнему мѣсту.

Тогда Павелъ стремительно бросился къ ней, быстро оттолкнулъ ее въ сторону, выдвинулъ изъ подъ люстры кресло.

— Вотъ такъ,—вскричалъ онъ,—теперь садитесь!

Старуха была близка къ обмороку и съ отчаяннымъ крикомъ уцѣпилась за руку учителя, протянутую имъ съ глубокимъ почтеніемъ; онъ довелъ баронессу до кресла; самъ, весь дрожа отъ негодованія, съ сжатыми кулаками обратился къ Павлу:

— Что ты дѣлаешь? Что съ тобой, негодяй?

Павелъ спокойно указалъ на люстру.

— Если веревочка оборвется, барыню убьетъ,—сказалъ онъ.

— Оселъ, оселъ! вонъ отсюда!—вскричалъ Хабрехтъ. Юноша безпрекословно исполнилъ приказаніе, не теряя времени на поклонны.

Баронесса понемногу успокоилась и сказала:

— Онъ непроходимо глупъ; но у него было доброе намѣреніе.

— Богъ свидѣтель, что это такъ!—вскричалъ учитель.—Жаль только, что онъ напугалъ ваше сіятельство!

— Не въ этомъ дѣло!—она вынула платокъ и приложила къ лбу.—Гораздо хуже, несравненно хуже, что я еще разъ поступила непослѣдовательно... Сколько разъ я повторяла себѣ: рѣшено, что Милада не увидитъ брата—а теперь сама посылаю его къ ней... Нѣтъ больше силы воли, нѣтъ энергіи, ничтожный поводъ—и твердаго рѣшенія какъ не бывало.

— Это отъ старости, ваше сіятельство, успокоительно-любезнымъ тономъ сказалъ Хабрехтъ, — съ этимъ ничего не сдѣлаешь... Человѣкъ мѣняется. Подумайте, ваше сіятельство, даже зубы, которые въ молодости грызутъ твердые орѣхи, подъ старость едва справляются съ корочкой хлѣба.

— Не аппетитное сравненіе, — возразила баронесса. — Увольте меня, г-нъ учитель, отъ такихъ неаппетитныхъ сравненій.

Н. К.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

РЕСПУБЛИКА КАМЕНОЛОМОВЪ.

(Недѣля въ Санъ-Марино.)

I.

Какъ мнѣ надоѣлъ Римини! Мрачный, скучный, грязный. Только всего и есть, что поэтическое имя да легенды, отъ которыхъ до сихъ поръ пахнетъ желѣзомъ и кровью. За углами его темныхъ улицъ, за массивными балконами, подъ громадными, похожими на крѣпостныя, воротами, въ мертвой тишинѣ безлюдныхъ храмовъ чудятся закованные въ сталь безжалостные кондотьеры, наемные рыцари, убійцы-ноденщики, монахи-тюремщики. На этомъ однообразномъ фонѣ выдѣляются только Малатесты, но и тѣ, какъ въ сѣромъ маревѣ собравшагося на казнь народа издали кидается въ глаза красная рубаха палача, останавливаютъ на себѣ ваше вниманіе невѣроятными ужасами, преступленіями, беспощаднымъ преслѣдованіемъ всѣхъ, кто здѣсь осмѣливался поднять голову. Даже голубая улыбка Адриатическаго моря не бросаетъ на этотъ средне-вѣковъ уголокъ кроткаго отсвѣта. Впрочемъ, Римини и тутъ остался вѣренъ себѣ. Онъ заслонился отъ полувоздушной дали лазурныхъ водъ паркомъ и виллами для купающихся, только отъ неба не могъ прикрыться, хотя, я думаю, почтенной компаніи Малатестъ не разъ хотѣлось опрокинуть на свое каменное гнѣздо плотную крышку. Бродя по этимъ узкимъ улицамъ, такъ странно видѣть надъ ними благоговѣйную и нѣжную синеву. Она не къ лицу старому Римини, его потемочнымъ воспоминаніямъ, его нынѣшней долгой и мучительной агоніи. Кондотьеры, долго правившіе имъ, недурно начали. Въ 1285 году Джіованни Малатеста, по прозванію «Хромой», убилъ жену Франческу Полента изъ Равенны и своего брата Паоло-Красиваго. За нихъ отомстилъ ему Данте въ V-й пѣснѣ *Ада*. Это преступленіе не помѣшало какъ самому Джіо-

ванни, такъ и его потомкамъ прихватить къ Римини значительную часть Романьи. Обезпечивъ себя съ этой стороны богатыми владѣніями, даже подчинивъ своей власти торговую Анвону, они сочли, что «дьяволъ для нихъ сдѣлалъ достаточно», и посему «вознамѣрились надуть и Бога». Начиная съ Сигизмунда, сына Пандольфа (1417 — 1468 гг.), они собираютъ у себя во дворцѣ проповѣдниковъ, поэтовъ, художниковъ, музыкантовъ, причемъ служившее имъ искусство вовсе не смягчало ихъ нравовъ. Застѣнки риминійскихъ тюремъ были все такъ же полны, и мѣстному палачу доставалось столько работы, что въ любопытномъ, сохранившемся въ назиданіе потомкамъ, документѣ одинъ таковой, какъ Цильельмо, требуетъ, чтобы по содержанію его сравнивали, по крайней мѣрѣ, съ дворцовымъ пѣвцомъ Бонифачіо изъ Форли. Подъ наружными сводами стараго собора Малатесты похоронены въ великолѣпныхъ саркофагахъ «поэты» и «философы», составлявшіе дворню этихъ кондотьеры. На нѣкоторыхъ начертаны имена служившихъ пѣснопѣвцевъ и мыслителей; другіе безмолвствуютъ о томъ, что заключено въ ихъ мраморѣ. Можетъ быть, въ одномъ изъ такихъ покоится и много потрудившійся палачъ Цильельмо, считавшій себя равнымъ пѣвцу и стихослагателю Бонифачіо. Какая скромность!

Передъ судомъ потомства простой подневольный убійца куда выше поэта, торговавшего своимъ священнымъ даромъ... Понятно, что, освѣщенный такимъ кровавымъ заревомъ, Римини отнюдь не являлся очень привлекательнымъ. Я искалъ отдыха отъ работы, природы, тепла и свѣта, а тутъ однѣ каменные темницы и воспоминанія, сжимающія сердце. Прибавьте къ этому, что нынѣшнее населеніе средневѣковаго города страдаетъ водобоязнью. Грязь, грязь и грязь вездѣ. Дѣти ободраны и не мыты со дня своего торжественнаго появленія на свѣтъ; по улицамъ ходить нельзя, — столы отъ изукрашены своеобразною производительностью сихъ ангеловъ, и хотя городъ и хвастается площадью Юлія Цезаря и воротами Октавія Августа, но, я думаю, и въ этомъ ему завидовать нечего. Я скучалъ въ отелѣ «Золотого Орла», который, если вѣрить гербамъ и пышнымъ объявленіямъ, исключительно посѣщается знатными обоюбого пола особами. Ѣздивъ по окрестностямъ, и это здѣсь не утѣшеніе. Современная Италия съ ея гоньбой за вѣщимъ тоже не мать, а мачиха мужику и мелкому ремесленнику. Нищета кругомъ. Цѣлыя деревни обезлюдѣли, — народъ бѣжитъ куда всюду, куда только ни направляютъ его переселенческія власти: въ Бразилію, въ Аргентину, въ Африку. Подумываютъ и о Кавказѣ и нашихъ средне-азиатскихъ владѣніяхъ. Mania

grandiosa воинственного короля Гумберта окончательно разорила объединенную страну. Подъ льстивый шепотъ своихъ союзниковъ онъ не слышитъ жалобъ, не хочетъ ихъ слышать, упорно закрывая уши и только все усиливая непомерныя для Италіи вооруженія. А разореніе и бѣдность разливаются все шире и шире по благословенному небумъ краю, гдѣ только бы расти, плодиться и множиться населенію, въ трое большому настоящаго... Въ одну изъ такихъ поѣздокъ я познакомился со священникомъ изъ С.-Марино.

— А у насъ вы будете?

— Гдѣ?

— Въ малѣйшей, но едва ли не въ счастливѣйшей изъ республикъ—въ С.-Марино!

— Непремѣнно. Я давно собираюсь туда.

— Будете удивлены,—въ концѣ девятнадцатаго вѣка встрѣтите настоящую идиллію. И главное—рядомъ съ такими нищими городами, какъ Римини, Пезаро... Насъ всѣхъ немного,—десяти тысячъ не насчитаете, и у насъ не знаютъ нищеты. Всѣ работаютъ, и какъ! Вѣдь мы — республика каменщиковъ. Буквально ѣдимъ хлѣбъ въ потѣ лица. И нашъ святой основатель Марино былъ каменщикъ, да и я тоже. Ребенкомъ ломалъ гранитъ и мраморъ и теперь случается иной разъ, несмотря на черную рясу. У насъ никто не презираетъ труда. Часто сосѣдъ бросаетъ кирку. «Зачѣмъ?» — «Надо идти заниматься государственными дѣлами». Оказывается, что онъ заѣдаетъ въ совѣтѣ республики. Еще недавно однимъ изъ регентовъ нашихъ былъ лучшій каменщикъ изъ Кіезануова. И посмотрите, какъ твердо держалъ онъ бразды правленія... Не даромъ насъ, каменщиковъ, французскій поэтъ Пьеръ Дюпонъ называлъ «могучимъ родомъ». Вы помните его стихи «Каменоломы». Перечтите ихъ прежде, чѣмъ поѣхать къ намъ, они—хорошее вступленіе въ нашу республику.

Я не только ихъ помнилъ, но и перевелъ когда-то. Привожу ихъ здѣсь потому, что дѣйствительно трудно прибрать лучшій эпитаграфъ къ этому горному гнѣзду вольныхъ и по-своему счастливыхъ людей.

У львовъ пріютъ оспаривая съ бою,
 Когда-то жилъ въ пещерахъ человекъ,
 Довольствуясь водою дождевою
 Изъ выбоинъ... Насталъ великій вѣкъ—
 Умъ управлять рукой. Среди пустыни
 Володцы рылъ и подымались тутъ

Рядъ пирамидъ, и храмы, и твердыни,—
Прославимъ же каменоломовъ трудъ!...

Могучій родъ! твоей рукою
Владѣеть духъ любви святой,
Сумѣлъ ты гордо добывать
Гранитъ изъ нѣдръ земли скупой,
Чтобъ человѣка укрывать.

Вездѣ ихъ слѣдъ: во время фараона
Моисею путь чрезъ море осушилъ
Ихъ тяжкій трудъ. Для храма Соломона
Громады скалъ на скалы громоздилъ.
Дворцы Аѳенъ и монументы Рима,
Созданія обширнѣйшихъ умовъ,
Соборъ, гдѣ Богъ присутствуетъ незримо,—
Когда-бъ безъ ихъ явились трудовъ?

Могучій родъ, и т. д.

О, мраморы Пароса и Каррары,
Вы дали намъ героевъ и боговъ!
Земля мертва,—труда всеильны чары:
Онъ вырвалъ васъ изъ каменныхъ оковъ.
Пусть Фидіасъ, пускай Микель-Анжело
Юпитеровъ и Моисеевъ создаютъ,
Вѣдь глыбы имъ каменоломы смѣло
Изъ сердца горъ великихъ достаютъ.

Могучій родъ, и т. д.

Мнѣ помнится, въ дни дѣтства золотые
Я вдаль глядѣлъ, но гордою стѣной
Передо мной шли горы голубыя,
Гдѣ человѣкъ ломалъ гранитъ нѣмой.
Зайдя туда, стукъ кирокъ я услышалъ
И гордо мнѣ каменоломъ сказалъ:
«Дитя! Діонъ изъ этихъ камней вышелъ».
И этотъ стукъ мнѣ душу взволновалъ.

Могучій родъ, и т. д.

Работникъ тотъ, мнѣ помнится доселѣ,—
Весь рыжій онъ,—типъ галла представлялъ.
Его глаза отвагою блестяи,
И голось золотомъ въ груди его звучалъ.
Скалу бы могъ пробить своей рукою,
И ея же слабѣйшаго спасти.
Какъ счастливо всю жизнь свою съ тобою
Твоя жена должна бы провести!

Могучій родъ, и т. д.

Онъ каждый день, урочный трудъ кончая,

Въ своимъ веселымъ дѣтямъ приходилъ.
 Я старшихъ зналъ: ихъ жизнь была иная,
 Въ глазахъ ихъ мракъ отцовскій блескъ смѣнилъ.
 Въ Монружѣ тѣ копались подъ землею,
 Бончая трудъ, какъ солнышко зашло...
 Ахъ! Мужества имъ нужно было вдвое,
 Чтобъ одолѣть такое ремесло!

Могучій родъ, и т. д.

Пусть видятъ васъ лишь птицы надъ скалами,
 Нетопыри во мракѣ подъ землей,—
 Мы будемъ знать, что тяжкими трудами
 Вашъ срудный хлѣбъ дается вамъ судьбой.
 Тѣ арки, что такъ гордо, величаво
 Взвились въ лазурь надъ безднами въ скалахъ,
 Прославивъ трудъ, ему даруютъ право
 На вѣчный миръ и царство... въ небесахъ.

Такимъ-то именно «царствомъ въ небесахъ» является республика С.-Марино. И вѣчный миръ ея не нарушается вотъ уже нѣсколько сотъ лѣтъ! Какая страна можетъ похвалиться этимъ, и, въ самомъ дѣлѣ, какъ счастливы народы, не имѣющіе исторіи,—особенно таковой, какъ риминійская, съ ея преступленіями, насиліями, убійствами, кровью вписанная въ лѣтописи человѣческаго мученичества! Да и гдѣ, впрочемъ, была она лучше? Всюду и вездѣ являлись свои Малатесты съ палачами и придворными поѣтами, со сбирами и служилыми философами.

II.

Не успѣлъ я отѣхать и одной версты отъ Римини, какъ все вокругъ меня круто измѣнилось, точно по щучьему велѣнью. Отъ мрачнаго средневѣковаго призрака забытаго исторіей города не осталось и слѣда. По сторонамъ—сады и виноградники. Тяжелые, черносиніе гроздья лежатъ чуть не на землѣ, огибая тонкія лозы. Фиговыя деревья засыпаны крупными, грузно налитыми плодами. Рдѣющіе шары гранатъ дразнятъ въ эту жару сквозь черную зелень своихъ деревьевъ. Громадныя тыквы точно кѣмъ-то разбросаны по черной, рыхлой почвѣ и горятъ какъ золото. Заслонившись отъ всего свѣта ревнивою листвою, чуть-чуть сквозятся каменные крестьянскіе дома. Кое-какіе выбѣгаютъ на дорогу, и тутъ вы видите ихъ стѣны, точно коралловыми ожерельями обвѣшанныя гирляндами краснаго перцу. Подъ самыми окнами, въ большихъ сѣткахъ, покоятся дыни,—все это сорвано рано и дозрѣваетъ

на солнцѣ. Сбьютъ кукурузу, кипятъ трудъ и суета не знающаго и дня отдыха работника, кое-гдѣ вѣтромъ принесетъ обрывокъ вѣсни, и—будьте увѣрены—гдѣ только жилье, оттуда непременно выскочутъ дѣти, грязныя, со струщьями на головѣ, въ однихъ рубашонкахъ, да и тѣ у нихъ, какъ у Прекрасной Елены, непременно разодраны по сторонамъ. Елена Прекрасная еще хоть что-нибудь оставляетъ для догадокъ, а тутъ все на-чистоту. Самая вопиющая невинность если чѣмъ и прикрыта, такъ развѣ дорожною пылью. Отбиться отъ нихъ нѣтъ возможности. Они перегоняютъ вашихъ лошадей, чуть не подъ колеса выдаются, вскакиваютъ на подножки; кинешь съ одной стороны, вопиющая невинность перебирается на другую, въ полной увѣренности, что вы ее съ этого фаса не узнаете. На спускахъ они, какъ синицы за телеграфную проволоку, ухитряются уцѣпиться за задокъ вашего экипажа, вмѣстѣ съ нимъ скатятся внизъ—и только что онъ начнетъ вползать на крутизну, опять крики: «умираемъ съ голоду», «ни отца, ни матери», «помогите ради Мадонны и св. Франческо». Совершенныя нужи! За то дороги, какъ вездѣ въ Италиі, великолѣпны. Вообще въ этомъ отношеніи надо отдать ей справедливость, — отъ Альпъ до Тирренскаго моря весь полуостровъ не только вдоль и поперекъ изрѣзанъ рельсовыми путями, трамваями, конками, — рядомъ съ ними повсюду извиваются чудесныя и превосходно содержимыя шоссе. Вы можете вездѣ проѣхать въ экипажѣ за самую малость и такимъ образомъ не изъ огня вагона, а какъ слѣдуетъ познакомиться со страной. Въ самыхъ крошечныхъ городкахъ—скромные, но безукоризненно-чистые отели. Въ тосканскихъ деревняхъ, а также въ Англии, остановитесь въ любомъ крестьянскомъ домѣ и васъ поразитъ его чистота. Не совѣтую только дѣлать это въ Романьи: тутъ существуетъ повѣрье, что мыться очень вредно. Есть даже пословица: «земля грязна, потому хорошо и расти». Еслибы не дѣти—нищіе и сироты отцовъ и матерей, работающихъ тутъ же въ сторонѣ, — то поѣздка эта была бы очаровательна. Такъ уже привыкъ народъ. Цѣлые вѣка жилъ нищенствомъ, и савойская мишура пока ничего въ этомъ отношеніи не тгла. Я зналъ въ Италиі семью, разумѣется деревенскія, обладающія хорошимъ достаткомъ,—полями, садами, скотомъ, воспитующія шелковичныхъ червей, торгующія,—и онѣ все-таки вылаютъ ребятъ на дорогу. «Все-де не даромъ болтаются дома,—нибудь да и принесутъ. Путешественнику-де ничего не стѣдить, семьѣ каждая копейка дорога». Нищенство здѣсь считается вѣленнымъ промысломъ, нисколько не унижающимъ человѣка.

Въ Римини официально записано въ эту почтенную профессію до трехъ тысячъ человѣкъ горожанъ; что касается поселянъ, то ихъ поголовно можно зачесть въ нее, потому что при случаѣ каждый изъ нихъ, протянувъ руку, будетъ васъ увѣрять, что онъ «умираетъ отъ голоду», хотя природа наградила его рожей, подходящей какъ разъ на выставку обжорной лавки. Засмотритесь на работающую дѣвушку, и та сейчасъ: «*moio di fame!*...» И она умираетъ, и ей надо помочь!...

За то что здѣсь прелестно—такъ это дали.

Въ самомъ дѣлѣ, какія изумительныя красоты передъ вами. Апеннины близко подходятъ сюда, и на чистомъ небѣ ихъ синія вершины рисуются такъ мягко и нѣжно, такъ прозрачно, воздушно изъ-за нихъ намѣчиваются другія и позади этихъ то проступать или исчезнуть третьи, что нѣтъ силъ оторвать глазъ отъ горнаго края. Какимъ-то поэтическимъ сномъ мерещится онъ вамъ въ послѣдствіи—очаровательный, свободный, волшебный по своей легкости... вотъ-вотъ дунетъ вѣтеръ и унесетъ отъ васъ весь этотъ миражъ, съ его бѣлыми городками, таинственными замками, полузабытыми башнями, одиноко умирающими на своихъ вершинахъ. При этомъ освѣщеніи—всѣ тѣни ложатся синью или лиловыми тонами, захватываютъ сизую дымку мирныхъ долинъ, скалы, точно прозрачныя, пронизаны солнцемъ, бархатные скаты горъ ласкаютъ глазъ, а что поближе, то расцвѣчено такой эмалью, что, кажется, бросилъ бы все и ушелъ въ это захоластье. Остановите экипажъ, пойдите пѣшкомъ. Васъ сразу овѣетъ отовсюду свѣжестью и прохладою, тихимъ шелестомъ изумрудной листвы, говоромъ водъ, бѣгущихъ по отдаленному морю, пѣніемъ птицъ, которыя, кажется, однѣ понимаютъ, что значить счастье жизни, ея долгій праздникъ среди этой нерукотворной и кроткой красоты. Дорога идетъ все вверхъ и вверхъ. Опоясываетъ одну гору за другой, изъ тѣни сизаго ущелья выбѣгаетъ въ сонную, заласканную солнцемъ долину и снова лѣпится на крутизну и вдругъ вдали, едва различимая, точно старое золото, потускнѣвшее, но сохранившее свой благородный колоритъ,—чудится вамъ цѣлая гряда утесовъ, осѣвшихъ на большую гору, точно на пьедесталъ поднявшуюся на всѣхъ этихъ холмахъ и вершинахъ. На утесѣ—трудно сообразить сначала, что это—мечта, или дѣйствительно выросли три замка? Но время идетъ, и они не пропадаютъ. Напротивъ, опредѣляются, сбрасываютъ внизъ стѣны, поднимаютъ свои башни, а направо крайній раздвигается въ цѣлую цитадель.

— Что это?—спрашиваете вы.

— Санъ-Марино!... Она какъ левъ легла на этой вершинѣ.

Изъ зоологіи неизвѣстно, чтобы львы забирались на такія вершины, но сравненіе такъ картинно и вѣрно, что вы принимаете его на слово, стараясь разобрать разсыпавшіеся вокругъ этого льва городки. Такъ вотъ эта республика каменоломовъ, пережившая сотни другихъ итальянскихъ республикъ, нѣкогда цѣлый міръ наполнявшихъ блескомъ и славой, чтобъ умереть, наконецъ, въ цѣпкихъ когтяхъ савойскаго орла... Въ самомъ дѣлѣ, кругомъ кипѣли войны, весь міръ задыхался въ крови, росли тюрьмы и въ нихъ точно ячейки въ соту множились беспросвѣтные застѣжки, работали палачи, лгали презрѣнные поэты, служа торжествующей силѣ, оправдывали и обоготворяли ее теологи и философы, и только Санъ-Марино со своей вершины смотрѣлъ спокойно на эту трагикомедію исторіи, спокойный за свое «завтра» и гордый своимъ «вчера». Любуясь этимъ государственнымъ «мальчикомъ съ пальчикъ», я невольно задавался вопросомъ: что же этому географическому лиллипуту дало такую силу? Смиреніе передъ сильными сосѣдями?—Нѣтъ. Я вспомнилъ, какъ Санъ-Марино въ 48 году не побоялся прикрыть и пріютить Гарибальди съ остаткомъ его разбитаго отряда. Значить, тутъ было что-то другое—выше всякой силы, поборающее ее и даже болѣе—заставляющее служить себя, признавать себя, считаться съ собою.

III.

У Далматинскихъ береговъ есть островъ Арбе, глыба камней, едва подернутый вверху зеленью и только у морского берега представляющій нѣкоторыя удобства для жизни. И до сихъ поръ это рай для каменщиковъ. Двѣ тысячи лѣтъ они работаютъ надъ его уничтоженіемъ,— и точно это не люди, а муравьи,— слѣдовъ отъ ихъ разрушительнаго труда на очертаніяхъ острова не замѣтно. Тѣ же скалы висятъ на голубомъ фонѣ неба, тою же причудливою каймой рисуется онъ издали рѣдкому путешественнику. Въ половинѣ четвертаго вѣка жилъ да былъ здѣсь нѣкто Марино каменоломъ, котораго солнце заставало за работой и только ночь возвращала домой. Помимо этого онъ славился большимъ умомъ и глубокимъ вѣрой (дѣлавшей его особенно ненавистнымъ «еретикомъ» и язычникамъ, коимъ, какъ извѣстно, весьма помогаетъ сатана), если вѣрить свидѣтельству добраго монаха Себастіана, пившаго о нашемъ скромномъ каменщикѣ). Сатана этотъ такъ вооружилъ еретиковъ и язычниковъ, что, дабы избѣжать «не только

поношеній, но и самыя жестокиа смерти», Марино разъ собралъ все, что у него было,—а это составило всего одинъ узелъ,—добылъ себѣ лодку и на ней, ведомый «чудодѣйственною силою Божьей», ухитрился переплыть Адриатику въ самую бурную погоду. Лодка была даже безъ мачты, но на ея носу все время стоялъ ангелъ, распростирая крылья, а самъ Марино—въ нѣдрахъ самой отчаянной непогоды читалъ молитвы. Такимъ образомъ средневѣковая легенда украсила бѣгство каменолома съ родного острова всѣмъ, что полагалось по католическому ритуалу. Не были забыты ни утихавшія передъ челнокомъ волны, ни тучи разбѣгавшіяся по сторонамъ въ направленіи протянутой руки ангела, такъ что Марино все время среди общей темноты видѣлъ отлично путь передъ собой. И самое время, употребленное имъ на это мореплаваніе оказалось поистинѣ чудесно. Самому быстроходному пароходу нынѣ понадобилось бы на это двѣнадцать часовъ, а лодка пересѣкла Адриатику въ десять, причемъ когда Марино разъ заснулъ, то у руля оказался другой ангелъ, исполнившій за него это трудное дѣло. Само Провидѣніе, такимъ образомъ, давало знать своему избраннику, что оно предназначило ему не совсѣмъ обыкновенный жребій. Въ сущности, если обнажить настоящей историческій фактъ отъ легендарной шелухи,—то въ основаніи его окажется дѣйствительное событіе бѣгства скромнаго каменщика изъ своей суровой и негостепримной родины въ Римини, гдѣ онъ тотчасъ же нашелъ подходящія ему занятія. Тамъ строился въ это время портъ, и далматійскіе каменщики очень цѣнились подрядчиками работъ. Марино началъ здѣсь зарабатывать много, но... «прелестный міръ» былъ ему противенъ. Ему хотѣлось труда среди тишины и уединенія пустыни, лицомъ къ лицу съ природой, только анахорету открывающей свои великія тайны. Онъ вспомнилъ годы, проведенные на горѣ родного острова, гдѣ около не было никого, но за то и скалы, и деревья, и облака говорили тамъ понятнымъ ему языкомъ. И сверхъ того, портовые рабочіе нисколько не походили въ то время на современныхъ намъ золоторотцевъ Одессы, Ростова-на-Дону, Таганрога и тому подобныхъ приморскихъ городовъ. Ихъ занимали религіозные вопросы, схоластическія толкованія противныя Марино, который вѣровалъ, какъ вѣруютъ дѣти. Убѣдясь, такимъ образомъ, что въ Римини ему не спастись, онъ взялъ съ собою пару голубей и ушелъ на близлежащую гору Титанъ, гдѣ были цѣлыя залежи великолѣпнаго камня,—слѣдовательно, недостатка въ работѣ не оказывалось. Тутъ онъ велъ святую жизнь, ѣлъ мало и плохо, спалъ на ложѣ, выдолбленномъ имъ изъ камня,

и все время молился и работалъ, работалъ и молился. Легенда и тутъ скромнаго человѣка не хотѣла оставить въ покоѣ. Когда онъ уставалъ, то ангелы дѣлали для него камень мягче воска, а засыпая на краткое время, онъ зналъ впередъ, что тѣ же небесные покровители окончатъ за него взятое имъ на срокъ дѣло. Въ сущности, Марино работалъ, не поглядывая рукъ и надѣясь на самого себя больше всего. Онъ очень рѣдко ходилъ въ Римини, развѣ въ большіе праздники въ церковь. Человѣкъ онъ сосредоточенный, созерцательный и какъ всѣ любящіе уединеніе и природу—поэтъ въ душѣ. Ложе онъ устроилъ себѣ на скалѣ, откуда открывается дивный видъ на восемьдесятъ верстъ по радіусу. Цѣлое море Апеннинъ, гряда за грядою волнующихся на западѣ и на югѣ. На сѣверѣ идиллическія долины Тосканы, на востокѣ лазурь Адриатики, такъ нѣжно и мягко сливающаяся съ синевой небесъ. Ему гремѣли грозы, часто внизу подъ нимъ свергали молніи, и онъ, какъ одинокій морякъ на оставленномъ кораблѣ, одинъ плылъ съ своею вершиною въ цѣломъ океанѣ зловѣще клубившихся и невѣдомо куда бѣжавшихъ тучъ...

Ересь, изгнавшая его изъ Далмаціи, не оставила бѣднаго Марино въ покоѣ и здѣсь. Въ Римини забралась ея послѣдователи, или какъ ихъ называютъ хроники «*capri guasti*», т.-е. порченныя головы. Какъ всякому доброму монаху хорошо извѣстно, въ такихъ случаяхъ дьяволу даруется особенная власть надъ людьми, и бѣдному риминійскому епископу Гауденціо—схизматики надѣлали столько хлопотъ, что онъ вездѣ сталъ искать себѣ союзниковъ и помощниковъ. О Марино онъ зналъ столько хорошаго, что этотъ каменщикъ показался ему въ данныхъ обстоятельствахъ настоящимъ «*pomo della situazione*». Онъ послалъ его просить сойти съ своего своеобразнаго Патмоса для борьбы съ врагами вѣры. Тотъ не заставилъ повторять приглашенія и, спустившись въ Римини, повелъ такую отчаянную войну съ ересью, что въ благодарность Гауденціо назначилъ его... діакономъ. Такимъ образомъ онъ думалъ оставить Марино внизу навсегда, но, очевидно, рассчитывалъ безъ своего гостя. Городской шумъ былъ этому не по душѣ, да и кромѣ того, руки просили работы. Не удобно было въ Римини діакону бить камень, что въ горной пустынѣ ждало его и неотразимо манило къ себѣ. Каждое утро, выходя на площадь и не слушая громкой и суетливой болтовни, онъ любовался вершиною Титана, такъ могуче подышгаюся вдали. Его тянуло туда, въ поднебесье, на чистый воздухъ и къ скаламъ, гдѣ были имъ оставлены его кирка, его каменное ложе, откуда звѣзды казались такъ близки, а земля такъ да-

лека... Наконецъ, онъ не выдержалъ. Отклонялся Гауденцио и на его убѣжденія отвѣчалъ только одно: «я простой работникъ, оставьте меня моимъ утесамъ и забудьте обо мнѣ». Взявъ посохъ и весело пошелъ къ горамъ, еще заранѣе ощущая бодрящій вѣтерокъ ихъ ущелій, освѣжающее дыханіе цвѣтовъ, поднявшихся изъ каменныхъ трещинъ, и все обаяніе открывающагося ему простора...

Строгость жизни каменолома Марино казалась въ эту эпоху религіознаго фанатизма и нравственной распущенности—поразительной. Его въ живѣ уже почитали святымъ и изъ Равенны, Римини, Пезаро и Фано съ одной стороны, Имолы, Фаонцы и Форли съ другой—сотни пилигримовъ подымались на вершины Титана поклониться отшельнику и услышать его поученіе. На простые умы онъ дѣйствовалъ неотразимо. Въ церквахъ гремѣли схоластическія проповѣди по-латыни уже непонятной народу. Присяжные ораторы съ храмовыхъ кафедръ разсуждали о вопросахъ для него мало занимательныхъ, ему далекихъ и непостижимыхъ. Марино говорилъ языкомъ рабочихъ, бралъ сравненія и примѣры изъ жизни, которую вели его слушатели, и, что всегда привлекаетъ къ себѣ неотразимо толпу, вмѣстѣ съ нею разбиралъ, какъ быть, чему вѣрить, чего добиваться, какъ устроить свое существованіе такъ, чтобы оно и себѣ и другимъ было не въ обиду. Разумѣется, все сводилось къ общему знаменателю, одинаковому въ самыя разнообразныя эпохи, отъ Цинцинато до Марино, отъ Марино до Руссо, отъ Руссо до Толстого,—опроститься, отбросить всѣ искусственныя потребности, трудиться самому во что бы то ни стало и избѣгать всего сложнаго, не необходимаго, стоящаго внѣ природы. Многіе изъ его поклонниковъ оставались на вершинахъ Титана, сначала временно, а потомъ выдолбили себѣ въ скалѣ пещеры и основались навсегда въ этомъ поднебесьи, откуда люди кажутся такими маленькими, по созданію ничтожными, а вселенная необъятною, божественною въ величій своей царственной красоты. Риминійская патриціанка, которой принадлежала гора Титанъ, тоже явилась послушать премудраго каменщика и такъ имъ увлеклась, что не сходя съ мѣста подарила ему все, что вокругъ могло окинуть его око. Насколько подарокъ былъ значителенъ, видно изъ того, что привыкшій къ обширнымъ горизонтамъ Марино былъ очень дальнорокъ.

Марино какъ жилъ, такъ и умеръ простымъ рабочимъ. Смерть застала его за киркою. Онъ только что было принялся за растеску новаго утеса, какъ почувствовалъ, что его конецъ близокъ. Мигомъ онъ собралъ вокругъ всѣхъ своихъ, передалъ имъ во владѣніе Титанъ съ округомъ, завѣщалъ жить въ полномъ равенствѣ, брат

ствѣ и общеніи имущества. Разъ навсегда приказалъ, чтобы здѣсь, гдѣ будетъ лежать его тѣло, не было ни высшихъ, ни низшихъ. Всѣ одинаковы и одинъ Богъ надъ всѣми! Посовѣтовалъ не отступать отъ артельного труда, потому что только при немъ всѣ будутъ сыты и довольны. Затѣмъ онъ пожелалъ, чтобы его перенесли на каменное ложе, къ которому онъ такъ привыкъ. И оттуда, любуясь дивными далями горъ, лѣсовъ, долинъ, ущелій, синевою моря и лазурью неба—онъ передавалъ своимъ поглонникамъ послѣдніе завѣты любви, общенія и милости. «Не отказывайте никому, кто прибѣгнетъ къ вамъ за помощью и пожелаетъ поселиться между вами, не уподобляйтесь тѣмъ риминійцамъ, которыхъ нужда научила скупости, жестокости, стяжанія. Оставьте камень быть твердымъ, сердца ваши должны умягчаться отъ зрѣлища людского горя. Помните, нѣтъ въ Евангеліи правила, которое бы исполнялось чаще, какъ: рука дающаго не оскудѣваетъ».

Умирая, Марино простиралъ руки, какъ будто желалъ весь міръ заключить въ свои объятія. Заходящее солнце обливало своимъ золотомъ утесъ Титана, въ сизую дымку уходили долины, море все горѣло на горизонтѣ, и красными яркими точками мелькали на немъ паруса рыболововъ.

Похоронивъ своего наставника, горные каменоломы не знали, чѣмъ бы имъ лучше почтить его память. Наконецъ, остановились на мысли воздвигнуть церковь. Кстати ея здѣсь не было, и только въ одной изъ пещеръ стоялъ простой алтарь. Храмъ выросъ быстро,—и руки, и матеріалъ были даровые. Работали не за плату, значить—дѣло спорилось вдвое скорѣе. Вмѣстѣ съ церковью сюда явился и рагоссо—священникъ. До сихъ поръ у алтаря, въ потемкахъ грота, служилъ самъ Марино; теперь титанцы отыскали въ Фаю простенькаго, немудрящаго попа, который бы не очень уже давилъ ихъ своими схоластическими тонкостями. «Ты молись и управляй нами, а мы будемъ тебя содержать, только денегъ не дадимъ, потому что ихъ и у насъ самихъ нѣтъ!» Рагоссо достался въ самомъ дѣлѣ безъ лукавства и безъ претензій. Ему наследовалъ другой такой же, но уже населеніе Титана при этомъ нѣсколько изменилось. Внизу, у моря и въ долинахъ множились и усиливались ригіозныя гоненія; варвары наступали отовсюду, и подъ этимъ дѣйствительнымъ напоромъ враждебныхъ теченій многія семейства спасались на Титанъ. Каменоломы принимали всѣхъ, никому не отказывали, помня великій завѣтъ своего учителя. Они ставили новымъ гражданамъ одно условіе—трудиться и вести жизнь такую же простую, какую вела община до нихъ. Когда такимъ образомъ

число жителей на Титанѣ значительно умножилось, «неумудрящій» попики вдругъ почувствовалъ несвойственные ему доселѣ аппетиты и нѣсколько разъ превысилъ свою власть. Но каменщики не даромъ привыкли имѣть дѣло съ жесткими и твердыми скалами. Они живо утихомирили своего «рагоссо». Не отняли отъ него державы, но ограничили ее совѣтомъ «отцовъ», безъ которыхъ попику нельзя уже было предпринять ничего. Такъ продолжалось до десятаго вѣка. Существовала на горной вершинѣ дѣйствительная республика, безъ имени только.

Республика каменоломовъ, рабочихъ, отлично управлявшихся имѣстными попомъ и отцами семей, разъ въ годъ, на общихъ собраніяхъ всего наличнаго населенія, повѣрявшихъ всѣми вмѣстѣ и каждымъ по желанію. Не было при этомъ никакихъ различій, — даже женщины имѣли право голоса въ этомъ оригинальномъ вѣчевомъ соборѣ. Отъ участвовавшихъ требовалось соблюденіе только одного условія: они должны были имѣть цензъ работы.

Въ десятомъ вѣкѣ общее движеніе итальянскихъ муниципій не обошло и горы Титана. Всѣ города кругомъ мало-по-малу сбрасывали гегемонію духовенства и отдѣляли церковь отъ государства. Соединеніе того и другого являлось, какъ они говорили «пé сагне, пé рессе», по-нашему — ни рыба, ни мясо. Парокко на Титанѣ зартачился было, но съ каменщиками шутки плохи. Ихъ не пересилишь, и они устранили его спокойно, безъ всякихъ потрясеній. У священника такимъ образомъ была отнята и законодательная и исполнительная власть. Создали государственный совѣтъ «consiglio generale», куда избирались каждые три года правители большинствомъ трехъ пятыхъ голосовъ всѣхъ республиканцевъ. Въ это же самое время является уже и имя республики Санъ-Марино. Безыменное существованіе великой державы такимъ образомъ прекратилось, она была, соотвѣтственно желанію всѣхъ ея гражданъ, окрещена въ честь ея основателя. Дѣла подъ руководствомъ государственнаго совѣта пошли такъ хорошо, что касса республики была переполнена деньгами. Кругомъ все въ нихъ нуждалось, а тутъ не знали куда дѣвать золота. Потребности оставались просты, какъ и прежде. Каждый гражданинъ долженъ былъ работать и — работать; доходовъ некуда было расходовать, и они копились. Поэтому въ двѣнадцатомъ вѣкѣ Санъ-Марино уже прикупалъ землю за землицей у вѣчно нуждавшихся «великодѣльныхъ» графовъ Монтефельтро, синьоровъ ди-Урбино. По мѣрѣ того, какъ казначейство Санъ-Марино пухло, кое-кто уже начиналъ на него облизываться. Особенно епископы и папскіе легаты. Они постоянно нуждались въ

деньгахъ, и у нихъ подѣ ложечкой сосало при мысли о доходахъ Санъ-Марино. «Какая-нибудь сволочь каменьщики, — рассуждалъ отецъ Людовико изъ Урбино, — не знаютъ, какъ имъ распорядиться съ своими деньгами, тогда какъ мы, князья церкви, постичь не можемъ, гдѣ бы ихъ раздобыть!» Они подбирались къ республикѣ; но санъ-маринцы, принимая этихъ eminentissimi со всѣмъ наружнымъ почетомъ, требуемымъ ихъ саномъ, отпускали ихъ съ пустыми карманами. При семъ для «свѣдѣнія и руководства» граждане республики посвящали ихъ эминенци въ то, что хотя у нихъ въ С.-Марино войска и нѣтъ, но каждый каменьщикъ въ то же время и солдатъ — отлично владѣеть оружіемъ и умереть за свое свободное и счастливое государство почитаетъ для себя и своей семьи величайшею честью. Эминенци, воздѣвъ очи горѣ и благословляя жестоковѣрныхъ каменоломовъ, возвращались домой «colle rive nel sasso» — несолоно хлебавши. Республика, благодаря духу самихъ гражданъ, одушевлявшему ихъ братству, ея свободѣ и общему, остававшемуся неумолимымъ закономъ, труду, казалась такъ сильна, что загребистыя лапы всякихъ кондотьеры, герцоговъ, папскихъ легатовъ и подобныхъ политическихъ кулаковъ сначала не простирались къ ея границамъ. «Ею какъ гвоздемъ подавишься», говорить о С.-Марино завоеватель Пандольфо Малатеста. Напротивъ, горная община внушала къ себѣ такое уваженіе, что всѣ окрестные властители вмѣняли себѣ въ великую честь ея дружбу и всѣми мѣрами старались оказывать ей всякое вниманіе. Это, впрочемъ, продолжалось недолго. Сынъ Пандольфо, Сигизмундъ, уже нападалъ на С.-Марино; да и другіе, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшихъ моихъ очерковъ, подбирались къ нему. Такъ маленькая республика просуществовала пятнадцать вѣковъ, защищаясь и полагая когти однимъ и дружа съ другими. Она и до сихъ поръ является столь же жизнеспособною, дѣятельною и нравственно сильною, какою ее оставилъ въ свое время ея основатель, святой каменоломъ Марино. Это служитъ лучшимъ опроверженіемъ того, что установилось по отношенію къ ней, будто республика обязана существованіемъ своимъ слабости. Теперь, можетъ быть, она и слаба и нѣтъ съ соединенною Италіею, но прежде тосканскіе, урбинскіе, перусинскіе и всѣ эта жадная, щучья порода столь нравственными сужденіями не руководилась, а просто глотала мимоходомъ всякую попадавшуюся имъ слабую плотичку... Въ одной изъ слѣдующихъ главъ мы увидимъ, что и теперь С.-Марино вовсе не ищетъ защиты въ своей слабости; въ этомъ отношеніи каменьщики

остались каменщиками и думаютъ, что при охотѣ и сообща всякій утесъ они осилить могутъ.

IV.

Чѣмъ выше я подымался, тѣмъ окрестности дѣлались лучше и лучше. Какимъ ни обладай мастерствомъ въ живописи природы, — слово будетъ мертво въ изображеніи этого неистощимаго разнообразія красокъ, тоновъ, переходовъ, этой дивной свѣтотѣни, которою щеголяли С.-Марино и его округи. Какъ будто нарочно съ сѣвера набѣжали тучи, торопливыя, изодравшіяся въ слѣпомъ, полномъ ужаса стремленіи на югъ, лохматыя, то и дѣло обнажавшія чудную синеву бездонной бездны за ними... То одна, то другая проливались гдѣ-то въ сторонѣ дождемъ... Все сдѣлалось такъ отчетливо, такъ близко. Рѣзче обрисовались капризные вершины, ярче заблестѣли эмали горныхъ луговъ подъ косыми лучами солнца... Вонъ грозный замокъ Леоне, онъ какъ часовой всталъ на крутизну и зорко глядитъ оттуда на цѣлое море кражей—ѣтихъ каменныхъ волнъ, точно замороженныхъ въ моментъ самаго отчаяннаго хаоса. Башни С.-Леоне кажутся отсюда мрачными. Такъ и чудится, что тамъ по какому-то колдовству еще живутъ средніе вѣка съ ихъ пытками и гранитными мѣшками, съ подземельями и западными оцетинившимися ножами колодцевъ, съ неожиданными провалами въ пропасть и дыбами, на которыхъ еще не заеклась кровь вчерашняго мученика. Тамъ въ одной изъ темныхъ башенъ умеръ послѣ долгаго заточенія магъ и чародѣй Баліостро, не сумѣвшій заморозить себя отъ этой каменной гробницы. И все выше и выше ползетъ путь, все гуще зелень садовъ, тяжелѣе гроздыя виноградниковъ, выше трава луговъ и пахуче цвѣты, прислонившіеся къ нагрѣтымъ лѣтнимъ зноемъ утесамъ. Чу... Что это... двѣ тучи—протянулись одна къ другой, раскинули длинныя, лохматыя лапы, сдѣпились, и вдругъ оттуда брызнуло огнемъ и надъ горами торжественно и гулко загремѣло, повторяясь въ ущельяхъ, отражаясь отъ каменныхъ скрижалей скалъ, точно поднятыхъ къ самому небу исполненскими руками «великой матери», какъ называли землю древніе. Грянуло въ другой сторонѣ... Молніи скрестились... точно мечи ангеловъ, начавшихъ битву съ духами тьмы... Базалосъ, вершины затрепетали на своихъ вѣчныхъ основаніяхъ отъ новаго удара, а въ промежуткахъ между сѣрыми злобѣщими массами, сливавшимися, то разрывавшимися голубила ласковая, нѣжная, святая лазурь, та именно, которую такъ любили старые итальянскіе художники, въ которой именно рождались переданные ими г

лютю божественныя видѣнія и дивныя призраки. Она все та же, эта чистота недостигаемой бездны, въ нее такъ же, какъ и тогда, уходитъ благоговѣйный взоръ, но, увы, ангелы и мадонны уже не являются людямъ. «Сегодня» съ его заботой заслонило поэтическій мѣръ фантазій. Она уже не можетъ осилить тяжелыхъ непомогъ человѣческаго горя.

Чѣмъ выше, тѣмъ дали раздвигаются все шире... Изъ-за прежнихъ кражей выступаютъ новые, за ними мерещутся тѣ, которыхъ снизу и не видать, а за этими еще однимъ только намекомъ чудятся мягкія очертанія высотъ, ставшихъ на-сторожѣ мраморной Пизы, суетливаго и шумнаго Ливорно, умирающей въ тѣни царственныхъ дворцовъ Генуи... Вся Тоскана своими рельефами раскидывается передъ вами... Кажется, неровности ея, всякая складка точно на картѣ намѣчены синью. На зло непогодѣ, мѣръ остался голубымъ. Много другихъ красокъ и оттѣнковъ. Вы не различаете, любуетесь ими, ищите на человѣческомъ языкѣ выраженія для нихъ, но закройте глаза, или вспомните все это, потомъ и у васъ все-таки остается впечатлѣніе какой-то сплошной лазури. Что за странность! Встрѣчаете деревушки—и точно въ другой мѣръ попалъ. Каменные дома чисты, дворы убраны, дѣти вымыты и нарядны, и рожицы ихъ смотреть весело. Сытыя, пухлыя, какъ раскормленные мопсы, и главное—никто не бѣжитъ за вашимъ экипажемъ и не «умираетъ отъ голоду». Рука, опустившаяся было въ барманъ за soldo, оставляетъ его въ покоѣ.

— Что это значитъ?—спрашиваю у кучера.

— Э!... Развѣ есселенза не знаетъ? Мы уже въ С.-Марино.

— И тутъ нѣтъ нищихъ?

— Кому же... Развѣ они тратятся на войско, на подати... Имъ съ полгоря, санъ-маринцамъ. И вонь у нихъ какъ земля обработана, небось не чета нашей. У насъ еще виноградъ зеленъ,—а тутъ уже сняли его. Слышите, виномъ пахнетъ: кругомъ сотни давилокъ въ работѣ. С.-маринецъ самъ ѣстъ свой хлѣбъ и пьетъ свое вино. У него нѣтъ, какъ у насъ, въ Итали, цѣлой арміи чиновниковъ, которые толстѣютъ на счетъ голодающихъ contadini (крестьянъ)... Была бы моя воля, я бы и самъ ушелъ въ С.-Марино. Вы знаете, изъ республики до сихъ поръ никто не уѣхалъ въ Америку, а у насъ изъ одного Риминійскаго округа туда переехало за десять лѣтъ болѣе восемнадцати тысячъ человѣкъ.

На нужду, на лютую борьбу съ жизнью, на вѣчное горе!

Должно быть, дѣйствительно, не сладко въ этой благословенной землѣ Итали, если изъ-подъ ея солнца сотнями тысячъ каж-

дый годъ бѣгутъ эмигранты за океанъ, за тридевять земель въ тридесятый царства, къ чорту на кулички, лишь бы развязаться съ вѣчными поборами потерявшей послѣдній свой разумъ родины.

Вонъ, вдали, подъ самыми скалами, на которыхъ камнемъ изъ камня выросла маленькая столица республики, въ зеленомъ поясѣ садовъ какой-то изящный городокъ, весь прислонившійся къ стройнымъ колокольнямъ церкви. Это Борго Маджіоре (Borgo Maggiore); вотъ еще дальше, бѣлымъ гнѣздомъ, прицѣпилось къ утесу Айвайоло—третій городокъ республики... ихъ у нея около шести, и всѣ они поражаютъ васъ чистотой, довольствомъ простой жизни. «У насъ нѣтъ никого, кто бы обладалъ даже сто тысячью лиръ (35,000 р.) но, за то если встрѣтите нищаго, такъ и знайте, онъ пришелъ къ намъ «изъ-за границы». Это «изъ-за границы» только на первый взглядъ смѣшно. С. - Марино не зачѣмъ отдѣлять отъ Италіи часовыми, кордонами, столбами съ надписями и безъ оныхъ. Сравнительное счастье народа, трудящагося здѣсь на самого себя, опредѣляетъ границы республики отъ королевства ощутительнѣе всякихъ установленныхъ на сей предметъ вещественныхъ знаговъ.

Мы вѣхали въ улицу небольшого городка.

Чистенькіе домики, замокъ на верху со щитомъ, на которомъ изображены три башни—гербъ республики, двѣ, три лавки, веселая, сытая толпа и опять тѣ же раскормленные и вымытые дѣти. И, вѣдь, значить можно же обойтись безъ отрепьевъ на головѣ, грязи на лицѣ и впалыхъ щекъ, безъ этого вѣчнаго крика: «умираемъ отъ голоду»... Вонъ карабинеръ—здѣшняя жандармерія. Другой—такой же. Щеголи первой руки. Какъ я узналъ потомъ, это единственные представители постоянной военной силы С. - Марино. Бромѣ нихъ есть еще военная *banda musicale*, но всѣ ея обязанности заключаются въ томъ, чтобъ по праздникамъ давать концерты, по очереди въ городкахъ республики. Есть еще милиція, но она на своемъ мѣстѣ. Она собирается только въ день избранія регентовъ, торжественно сопровождая ихъ въ *palazzo del consiglio*, и спокойно расходится по домамъ.

Какъ ни легка здѣсь служба карабинеровъ, или по нашему жандармеріи, какъ ни пестръ и красивъ ихъ мундиръ, но санъ-маринцы между собой никакъ не могутъ найти охотниковъ идти въ «попугай». Народъ простой и рабочій считаетъ позоромъ службу, гдѣ «нечего дѣлать», и вотъ посему генеральный совѣтъ на шель исходъ: онъ нанимаетъ ихъ въ Италію.

— Тамъ все равно людямъ вѣсть нечего,—пусть у насъ откормятся!

— Да, что же у васъ дѣлають жандармы?

— Какъ видите, — ничего. При встрѣчѣ съ нашими дѣвушками крутятъ себѣ усы и всюю своей особой изъясняютъ готовность. Вотъ и все ихъ дѣло.

Дѣйствительно, даже въ этомъ городкѣ Castello di Sieravalle, при первой встрѣчѣ, я былъ пораженъ ихъ щеголеватостью и равнодушіемъ хотя бы къ моей особѣ. Вѣдь, кажется, чего проще: ѣдетъ человѣкъ изъ-за границы; ну, заподозри въ немъ хоть слегка анархиста, или вообще персону не безъ злонамѣренныхъ наклонностей. Брось хоть взглядъ: что-де онъ везетъ съ собою — въ чемоданѣ или головѣ! Хоть заставь его инвизиторскимъ осмотромъ издали потупиться, дескать ты не очень-то того! Мы, вѣдь, тоже бодро отыщемъ въ случаѣ чего. Нѣтъ! Дѣйствительно, мѣстные дѣвицы, великолѣпно расчесанныя, проходятъ по улицѣ, — жандармъ немедленно закручиваетъ усъ и всѣмъ корпусомъ изъясняетъ немедленную и непреоборимую готовность, а на чужестранца, — какъ говорятъ въ Москвѣ, — нуль вниманія! Даже обидно, — такъ и хотѣлось крикнуть: а можетъ быть я, чортъ васъ побери, динамитъ везу! Но тутъ и этимъ не удивишь, ибо въ республикѣ каменоломовъ динамитные патроны продаются кому угодно, — они нужны постоянно по здѣшней работѣ. Вышелъ я изъ экипажа. Хотѣлъ познакомиться съ этимъ первымъ С.-Маринскимъ городкомъ. Дѣйствительно, какая простая жизнь! Ни одного дома побогаче, но за то и жалкихъ хлѣбовъ, гдѣ въ грязи и всякой сквернѣ гниетъ нищета, — нѣтъ. Вонъ франтъ въ модномъ, лѣтнемъ костюмѣ за однимъ столомъ съ потнымъ рабочимъ. Распиваютъ общую бутылку вина. Подошелъ я спросить что-то, — невѣдомо откуда является третій стаканъ, и меня радушно приглашаютъ: — Попробуйте-ка новаго Сіеравалле. Внизу вы ничего не получите. Это кровь нашихъ скалъ. — Внизу, — значитъ въ Италиі; какъ-то сама природа приучила с.-маринцевъ смотрѣть на королевство сверху... Попробовалъ, — дѣйствительно, «вино справедливое», какъ выражался въ Ростовѣ-на-Дону одинъ мой пріятель. Истинная кровь земли.

каждую ваплей — новое здоровье прибываетъ...

— Что это за замокъ у васъ? — спрашиваю у рабочего.

— Въ верху?

— Да.

— Въ свое время онъ сыгралъ большую историческую роль.

Однако, думаю, какъ выражаются санъ-маринскіе каменьши.

— Какую же?

— Онъ принадлежалъ Малатестѣ. Тотъ вздумалъ было повздорить съ нами; мы отняли Castello и сдѣлали изъ него нашъ передовой оплотъ. Этотъ здѣсь, тѣ три на Титанѣ,—указалъ онъ на утесы, тонувшіе въ небесахъ: республика ими отгородилась такимъ образомъ отъ всѣхъ кондотьеры. Нашъ Серавалльскій замокъ, впрочемъ, прославился и другимъ: здѣсь родился Fra Giovanni di Siegavalle въ 1425 году.

— Никогда не слышалъ о существованіи этого великаго человека.

— Великимъ онъ не былъ, за то полезнымъ—да. Онъ написалъ великолѣпный комментарий къ «Божественной Комедіи»... его цѣнить до сихъ поръ, потому что его святѣйшество Леонъ XIII еще недавно приказалъ вновь издать его. Фра Джіакомо изъ Болоньи пробовалъ было оспаривать нашего Джіованни, но его попытка осталась только попыткой...

Впослѣдствіи я познакомился со многими рабочими въ С.-Марино, и моя первая встрѣча уже перестала меня удивлять... Между прочимъ, тотъ же каменьщикъ мнѣ рассказалъ предѣстную легенду. Малатеста, въ одну изъ немногихъ попытокъ спанать республику, приказалъ своей опричинѣ добыть «языка». Ему хотѣлось узнать, какъ подступиться къ главной высотѣ республики Тапта Росса, такъ какъ онъ слышалъ, что къ ней существуетъ довольно безопасная тропинка. Риминійскій Малыта Скуратовъ—Валента Гардано, любимецъ Пандольфо Малатесты, съ первой попавшейся каменоломни сорвалъ чернорабочаго и привелъ сюда, въ этотъ замокъ. Какъ ни «уещалъ» его Пандольфо, рабочій оставался нѣмъ. Заперли его въ каменный мѣшокъ и начали морить голодомъ,—тотъ же результатъ. Ни слова—да и только. Наконецъ, Малатеста во дворѣ замка велѣлъ разложить костеръ, а каменьщика ввести къ себѣ на башню.

— Посмотри кругомъ. Все, что ты видишь,—я дамъ тебѣ въ управленіе. Ты будешь моимъ намѣстникомъ. Теперь взгляни внизъ,—какъ пылаетъ костеръ! Знай, я сожгу тебя въ немъ, если ты откажешься отвѣчать. Выбериай.

Каменьщикъ, опершись на зубцы башни, любовался чуднымъ зрѣлищемъ горнаго края, въ этотъ часъ заката, горѣвшаго передъ нимъ всѣми своими красками. Вонъ вверху Санъ - Марино, дальше—вершины Тосканы и Романьи. Вонъ въ голубомъ воздухѣ сливающеся съ нимъ лазурное море.

— Ну, выбериай.

— Дал... Я бы могъ броситься съ этой башни и такимъ обра-

зомъ найти смерть менѣе мучительную. Но это было бы трусостью. Я хочу показать тебѣ, какъ способенъ умереть каждый с.-маринецъ за свою свободную родину.

Онъ повернулся къ костру. Черный дымъ его уже высоко подымался въ розовѣвшемъ воздухѣ. Красные языки пламени шипѣли, пожирая сухое дерево.

Не ожидая, чтобъ его повели туда стража, каменщикъ однимъ прыжкомъ перескочилъ черезъ парапетъ башни и, упавъ въ огонь, сгорѣлъ въ немъ очистительною жертвой за независимость своего маленькаго, но героическаго отечества.

Малатеста немедленно вернулся въ Римини.

Лучше всего, что даже имя этого рабочаго осталось неизвѣстнымъ. Такимъ образомъ вышло гораздо сильнѣе. Оно слилось съ цѣлымъ народомъ.

Герой говорить вамъ съ пожелтѣвшихъ страницъ старой исторіи не отъ себя, а въ немъ весь С. - Марино свидѣтельствуетъ свою готовность скорѣе умереть, чѣмъ подчиниться силѣ.

Вас. Немировичъ-Данченко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

МАЛЕНЬКІЕ РАБОТНИКИ.

(Замѣтки и впечатлѣнія).

...Пузатый, давно не чищенный самоваръ только-что пересталъ кипѣть и тянулъ теперь однообразную, высокую ноту. Я пріютился съ нимъ на самомъ краю большого стола, заваленнаго бумагами, и испытывалъ скуку пустого и одинокаго, безконечно-длиннаго зимняго вечера. Не болѣе часа тому назадъ ямщикъ водворилъ меня на ночлегъ въ это волостное правленіе, а я уже успѣлъ продѣлать все то, что полагается дѣлать застрявшимъ на станціи путешественникамъ: и чаю напился, и объявленія на стѣнахъ прочиталъ. Объявленія, впрочемъ, были не интересны: «срокъ рапортовъ г. земскому начальнику», «срокъ донесеній земской управѣ», «срокъ рапортовъ г. исправнику» и т. д. И вотъ теперь я сижу, аккуратно просматривая *Губернскія Вѣдомости*. Я узнаю изъ этого источника о торгахъ, о розыскѣ какихъ-то пропавшихъ лицъ и о томъ, что совѣтникъ правленія получилъ орденъ св. Анны. На противоположномъ концѣ стола помощникъ волостного писаря пишетъ тихо и медленно, выводя заглавныя буквы. Тотъ очень усердный молодой человекъ, въ суконномъ пиджакѣ поверхъ ситцевой рубашки, не обращаетъ на меня никакого вниманія. Повидимому, онъ совсѣмъ ушелъ въ свою работу и занятъ теперь исключительно своими придаточными предложеніями. «Усматривая изъ донесенія...» «Вслѣдствіе предписанія вашего высокородія...» «Принимая во вниманіе...» — такъ и рябитъ въ глазахъ отъ этихъ неизбежныхъ вступленій. Какая, однако, это громадная литература! Каждую минуту по всѣмъ направленіямъ и всѣми способами ходятъ эти бумаги. И по желѣзной дорогѣ ѣздятъ онѣ, и на земскихъ лошадяхъ катаются, и даже пѣшкомъ ходятъ въ невылазную осеннюю грязь при помощи сотника. Я долженъ сознаться, что чувствую себя среди этихъ бумагъ совершеннымъ профаномъ. Я про-

смаатриваю ихъ одну за другой, но за мое профанство онѣ мало говорятъ мнѣ своимъ однообразнымъ, казеннымъ языкомъ. Но вотъ молодой человекъ кончаетъ свою работу, онъ собираетъ свои бумаги и раскланивается со мной: покойной ночи! Я стараюсь какъ-нибудь примоститься на жесткомъ, засаленномъ диванѣ. Волостной писарь приходитъ на помощь.

— Вы бы, ваше благородіе, на полу. Потому — клопа будетъ меньше. Дозвольте—я помогу!

Я достаю подушку, и мы наскоро устраиваемъ постель на моей шубѣ. Я тушу, наконецъ, огарокъ свѣчи, торчащій рядомъ со мной въ пустой чернильницѣ, и водворяется тишина. Но не скоро еще придется заснуть. Вспоминаются далекіе друзья, которые теперь, вѣроятно, сошлись въ свѣтлой и теплой комнатѣ; слышно, какъ стучитъ маятникъ большихъ, старыхъ часовъ, и кажется, что онъ не дастъ вамъ заснуть, что онъ стучитъ надъ самой подушкой; предсказанные писаремъ клопы переселились, должно быть, съ дивана... Боторый, однако, можетъ быть теперь часъ? Я зажигаю свѣчу, и почти въ ту же минуту нелѣпаго вида кукушка высывается изъ старыхъ часовъ и хрипло и рѣзко кричить... одиннадцать разъ. Ея голосъ такъ неприятенъ, что хочется погрозить ей кулакомъ и сказать:

— Замолчи!

На другой день я просыпаюсь рано отъ холода. Морозъ, усилившійся за ночь, заковалъ узорами оконныя стекла. Я сижу за кипящимъ самоваромъ и съ наслажденіемъ глотаю горячую жидкость. У крыльца позвякиваютъ колокольчики моего ямщика, и черезъ минуту я слышу его молодой и веселый голосъ въ сѣняхъ.

— Вотъ такъ морозецъ! Ну, что, онъ, поди, дрыхнетъ еще?

— Они теперь чай кушаютъ, — отвѣчаетъ ему сдержанный шепотъ писаря.

Не торопясь, начинаю я собираться. Я не тороплюсь потому, что до училища, куда долженъ доставить меня ямщикъ, — недалеко, какихъ-нибудь три версты, и надо застать его въ сборѣ, въ полномъ разгарѣ его учебной жизни.

Съ ранняго утра, когда еще такъ скупо освѣщены занесенныя вѣтромъ избенки и надъ всѣмъ селомъ тянутся дымки топящихся въ печей, — начинаютъ собираться ребята въ училищу. Съ каждой минутой увеличивается эта толпа жаждущихъ «свѣта и знанія» и постепенно исчезаетъ за гостепріимными дверями училища. большей части прямо въ полушубкахъ рассаживаются ребята на парты. Въ набитой биткомъ и вмѣщающей три отдѣленія

классной комнатѣ стоитъ сплошной шумъ, похожій на гулъ пчелинаго роя. Сторожъ, успѣвшій уже къ этому времени принести въ классную комнату ведро съ водой и жестяной вращающейся для утоленія жажды аудиторіи, съ покорной грустью смотритъ на комки снѣга, оставленные на полу лаптями учениковъ. Новотъ изъ посконныхъ сумокъ достаются буквари, аспидная доска, съ ними же вмѣстѣ вынимаются и тотчасъ же прячутся куски хлѣба, печеный картофель и проч. Изъ своего помѣщенія (обыкновенно очень тѣсная комнатка, а иногда и по-просту родъ чулана) появляется учитель. Молитва. Школа начинаетъ жить своей учебной жизнью.

Если вамъ случалось бывать въ городскихъ училищахъ, то здѣсь, въ этой убогой школѣ захолустной и убогой деревни, — вамъ непременно бросится въ глаза, васъ поразитъ даже серьезная вдумчивость дѣтей. Присмотритесь только къ выраженію ихъ лицъ во время какого-нибудь объясненія, прислушайтесь къ ихъ отвѣтамъ, — и вы подумаете, быть можетъ, что это недѣти. Не дѣти — по крайней мѣрѣ съ нашей, установившейся точки зрѣнія. Сдѣлайте справку о возрастѣ въ классномъ журналѣ. Кто же, однако, они? — Маленькіе работники. Въ самомъ дѣлѣ, громадное большинство старшаго отдѣленія — это уже хотя и малосильные, но все же настоящіе пахари. И они, и ихъ младшіе братья, убирающіе дома скотину и помогающіе во всеи обиходѣ крестьянскаго хозяйства, могутъ вамъ — серьезно и обстоятельно — рассказать многое. Они расскажутъ вамъ и о раскладкѣ мірскихъ сборовъ, и о передѣлѣ душевыхъ надѣловъ, — о дѣломъ строѣ своей жизни, какъ разъ именно о томъ, о чемъ, пожалуй, не сумѣетъ рассказать путно учитель. И кажется, что только поэтому можно пройти съ ними въ трехлѣтній періодъ (отъ котораго останется не болѣе полутора года за вычетомъ каникулъ и праздниковъ) довольно обширную программу. Положимъ, что какъ слѣдуетъ ее все-таки не пройдешь, а потомъ придется отказываться добровольцамъ, желающимъ поучиться еще годокъ послѣ окончанія курса, но вѣдь это ужъ неизбѣжно...

Лихіе колокольчики моего ямщика положительно смутили мирную жизнь школы. Учитель, человекъ уже пожилой, выходитъ мнѣ на встрѣчу въ галошахъ и полушубкѣ. Можно было бы подумать, что онъ уходитъ изъ школы; мнѣ, впрочемъ, не приходитъ этого въ голову: изъ донесенія, лежащаго въ моемъ портфель въ саняхъ ямщика, я знаю, что передо мной одна изъ тѣхъ школъ, гдѣ зимой работаютъ не иначе, какъ въ шубахъ. Поэтому мы оба, и я, и учитель, такъ и принимаемся за работу — въ полушубкахъ. Помѣщеніе тѣсно, а главное — очень уже холодно. Щели, образовавшіяся

въ стѣнахъ, учитель старательно законопатилъ разными тряпками, но, видно, этимъ теперь не поможешь. За то бойкое, прямо таки радостное настроеніе ребятъ дѣлаетъ нашу работу веселой. Весело смотрѣть на этого русаго, нѣсколько лохматаго мальчугана, который у доски сообразилъ трудную, чуть ли не до степени ребуса, задачу, и вотъ теперь звонкимъ голосомъ на весь классъ объясняетъ ея минувшія трудности. Вотъ только со стихами намъ ужъ очень трудно приходится: непривычная рима мѣшаетъ. Я слушаю одно стихотвореніе за другимъ и никакъ не могу отдѣлаться отъ картины, написанной рукой гениальнаго художника. Помните, когда заплутавшійся купецъ сидитъ въ избѣ сосѣдней деревни, а молодой парень запрягаетъ на дворѣ лошадь, чтобъ его проводить. Бургомъ гудитъ снѣжная буря, и парень, учившійся такъ же, какъ теперь учатся его младшіе братья, высказываетъ книжнымъ языкомъ свои впечатлѣнія такъ, какъ это въ *Пульсонъ* напечатывано.

Буря съ мглою небо скроить,
Вихры снѣжные крутятъ,
Ажъ какъ звѣрь она завонть...

Я не могу отдѣлаться отъ этой картины, но меня интересуеетъ не вопросъ: отчего это такъ, а другой тоже, если хотите, интересный вопросъ: скоро ли вотъ эта самая, законопаченная тряпками, шпела заполнить пропасть, лежащую между простою пѣсенкой и отрывкомъ былины и пѣсней художника. А вѣдь заполнить, да и теперь на нашихъ глазахъ заполняетъ. И вотъ мы работаемъ весело, а потому и хорошею работой. Время идетъ, часовая стрѣлка съ неумолимою точностью подвигается впередъ, и мнѣ надо спѣшить, чтобъ успѣть въ этотъ короткій зимній день добраться до слѣдующей школы. Меня не удивляетъ выраженіе усталости на лицѣ учителя. Багъ бы ни была хороша работа, но говорить цѣлый день въ страшно-холодной и все-таки душной комнатѣ—тяжело. Но я вижу смущеніе на его усталомъ лицѣ и потому спѣшу его успокоить:

— Что же дѣлать,—говорю я,—если въ старшемъ отдѣленіи двѣнадцать человѣкъ всего четыре хрестоматіи! Вамъ, вѣроят-но, скоро пришлютъ. Невозможно же безъ учебниковъ.

— Ахъ, пожалуйста, пожалуйста не забудьте!—говоритъ онъ. На этотъ разъ меня удивляетъ собственное малодушіе: вѣдь я юшо знаю, что теперь въ нашемъ земствѣ нѣтъ на покупку игъ ни копейки, но у меня просто духу не достаетъ, хоть и условно, не обнадѣжить его. Удивляетъ меня и то, что, несмотря на мое сколько опрочетчивое утѣшеніе, учитель продолжаетъ смущаться.

— Вы ужъ, пожалуйста, — говоритъ онъ совѣмъ подавленнымъ голосомъ, — скажите *тамъ* всю правду. Я вамъ все расскажу; и если батюшка на меня обидѣлся и передалъ попечительницѣ...

Я слушаю длинную и необыкновенно темную исторію обиды. Меня удивляетъ ничтожность причинъ, вызвавшихъ эту размолвку. Тутъ есть и какіе-то пропущенные уроки, и несвоевременный приходъ въ гости учителя. Есть цѣлый рядъ какихъ-то неуловимо-враждебныхъ настроеній, отъ которыхъ съ досадой приходится отмахиваться въ жизни, но которыя здѣсь, перепутавшись съ дѣломъ, становятся совѣмъ непонятными. Я внимательно слушаю, стараясь проникнуть въ самую суть ничтожной и темной исторіи.

— Вы вѣдь ее знаете, нашу попечительницу. Призываютъ онѣ меня и говорятъ мнѣ: «одного моего слова достаточно, и тебя завтра же здѣсь не будетъ!» Вы ужъ, пожалуйста, примите участіе... Шестнадцать лѣтъ на одномъ мѣстѣ, и притомъ же семья...

Да, конечно, я долженъ принять въ этомъ участіе. Сидя въ саняхъ, я плотнѣе закутываюсь въ шубу и пытаюсь формулировать свой будущій отчетъ объ этомъ училищѣ. «Четыре книги на двѣнадцать человѣкъ... завтра тебя здѣсь не будетъ... законопатили тряпками», — мелькаетъ у меня въ мысляхъ. Эти отрывочныя мысли словно гонятся за мной, провожая меня изъ села. Вотъ исчезаютъ послѣднія избы на выѣздѣ, и передъ нами ровная и бѣлая степь. Морозъ сдѣлался теперь мягче и идетъ снѣгъ. Густою, очень красивою сѣткой закрываетъ онъ даль, переходя въ однообразный сѣрый туманъ. За то вѣтеръ съ каждою минутой дѣлается сильнѣе; черезъ полчаса перестаетъ снѣгъ и видно, какъ по степи змѣйками перебѣгаетъ поземка. Дорогу быстро заноситъ, и усталыя лошади идутъ шагомъ, низко наклонивъ свои заиндевѣвшія морды. Ямщикъ оборачивается ко мнѣ.

— Теперь все равно: напрямикъ мы поѣдемъ, — говоритъ онъ. — Все-таки ближе и до села, можетъ, засвѣтло доберемся. Тутъ не далеко. Не дай Богъ, коли встанетъ буранъ!

И вотъ мы плетемся шагомъ прямо по цѣлигу. Дѣлается совершенно очевиднымъ, что въ этотъ день мнѣ не удастся застать занятій ни въ какой школѣ. Душу охватываетъ какое-то тупое равнодушіе, очень похожее на уныніе, — чувство, вѣроятно, хорошо знакомое всякому, кому случалось плутать зимою въ нашихъ степяхъ. Вѣтеръ дѣлается съ каждою минутой все сильнѣй и сильнѣй, и лихіе колокольчики моего ямщика не звенятъ больше; они изрѣдка только позвякиваютъ, и этотъ звукъ тотчасъ же поглощается разгнѣванной степью. Долго ѣдемъ мы такъ въ глубокомъ молча-

ни. Наконецъ, когда начинаетъ уже смеркаться и вся степь кругомъ покрывается словно темнымъ туманомъ, ямщикъ оборачивается ко мнѣ и радостно говоритъ:

— Слава Богу! Теперь доберемся: село не далеко.

Напрасно, открывъ воротникъ шубы, стараюсь я взглянуть въ совершенно темную даль: я не вижу ни мерцающаго огонька и никакого другого признака жилища людей. Ямщикъ, должно быть, знаетъ мѣсто по памяти и догадался про близость села по одному ему извѣстнымъ примѣтамъ. Еще съ часъ плетемся мы въ темнотѣ змѣиныхъ сумерекъ и, наконецъ, натываемся на солому.

— Вотъ и прѣехали, — говоритъ мой ямщикъ, — на гумна попали!

Снова передо мной волостное правленіе, очень похожее на то, въ которомъ я ночевалъ. Я вижу опять длинный, обтянутый чернымъ сукномъ столъ, заваленный бумагами; по стѣнамъ висятъ объявленія со всевозможными сроками донесеній начальству. Радостное настроеніе человѣка, только что избавившагося отъ опасности, быстро меня покидаетъ. Вечеръ только что еще начался, и меня пугаетъ перспектива скуки въ холодной и угрюмой комнатѣ, среди малопонятныхъ и тоже словно холодныхъ бумагъ. Волостной писарь, долгимъ опытомъ приученный къ посѣщеніямъ всякаго рода начальства, начинаетъ заботиться о моей дальнѣйшей судьбѣ.

— Самоварчикъ мы вамъ мигомъ согрѣемъ, — говоритъ онъ. — А насчетъ ночлега, такъ даже это очень просто: уберемъ наши бумажки и вотъ здѣсь на столѣ приспособимъ. Господинъ судебный слѣдователь завсегда у насъ на столѣ помѣщаются и весьма одобряютъ касательно насѣдомаго.

Я согласился, конечно, на устройство постели, но отъ чая куда отказываюсь, — передо мной такъ еще много времени, что я успѣю навѣстить училище и собрать тамъ, по крайней мѣрѣ, порученныя мнѣ справки. Поэтому въ сопровожденіи волостного сторожа я выхожу на совершенно темную улицу и, увязая въ сугробахъ, направляюсь къ училищу.

Крошечныя сѣни отдѣльнаго учительскаго помѣщенія, состоящаго изъ одной комнаты, отворяла мнѣ сама учительница. Это — женщина, даже бѣдно одѣтая, но очень еще красивая дѣвушка; красивая именно той красотой, о которой не думаютъ и которую не хвалятъ, что не мѣшаетъ ей все-таки останавливать на себѣ вниманіе. Два стола и два стула, чистенькая, совсѣмъ по-дѣвичьи убранная постель, крохотное, дешевенькое зеркальце надъ вышитымъ полотенцемъ, — вотъ и вся немудреная обстановка ея от-

дѣльнаго помѣщенія. Любители размышлять, гуляя по комнатамъ, почувствовали бы себя здѣсь совсѣмъ плохо: шагнешь четыре шага впередъ и въ стѣну уткнешься; повернешься—и опять она тутъ, эта стѣна. Но вотъ уже девятый годъ, какъ прямо со школьной скамьи, по окончаніи курса въ гимназіи, живетъ здѣсь учительница. Какъ хотите, несмотря на нѣкоторыя неудобства такой обстановки, все-таки очень пріятно заниматься интереснымъ дѣломъ, получая за это цѣлыхъ 25 руб. Развѣ это шутка какая-нибудь—двадцать пять рублей! Я хорошо знаю, что у моей хозяйки не остается отъ нихъ ни гроша, что ей не на что бываетъ ни книги купить, ни даже починить платья, но за то тамъ, въ губернскомъ захолустномъ городѣ, держится кое-какъ изъ этого же жалованья ея семья. И всѣ болѣе или менѣе сыты; и старый, рѣшительно ни на что неспособный чиновникъ-отецъ изъ канцелярскихъ «писателей», спокойнѣе крихтитъ въ своей сырой, подвальной каморкѣ, и двѣ сестренки въ заштопанныхъ коричневыхъ платьяхъ могутъ бѣгать въ гимназію. Жаль, правда, бываетъ смотрѣть на такую нищету, которую приходится поддерживать въ жизни тяжелымъ, отвѣтственнымъ и неустаннымъ трудомъ; вспоминаются оклады и полочки любого акцизнаго дѣятеля или хотя бы казеннаго цѣловальника... но воспоминаній здѣсь, очевидно, не нужно, и я попросту возвращаюсь къ своимъ впечатлѣніямъ... Маленькій самоваръ кипитъ на столѣ и наполняетъ паромъ маленькую комнату. Я только что наполнилъ въ своихъ «свѣдѣніяхъ» спеціальныя графы всевозможныхъ недочетовъ, и теперь, сидя за самоваромъ, мы благодушествуемъ. Но разговоръ упорно вертится все около одной и той же темы—училищной. Видно, правду говорить пословица: что у кого болить, тотъ про то и говорить.

— Вотъ вы удивляетесь, — говоритъ мнѣ учительница, — что въ нашемъ участкѣ одну школу овцы съѣли. А между тѣмъ что же тутъ удивительнаго, что онѣ гложутъ съ голоду полусгнившее, мохомъ поросшее зданіе? Дѣло не въ этомъ. Какъ мужики ни вѣрятся, а все-таки они либо новую школу построить, либо эту какъ-нибудь за-ново ухитрятся отдѣлать. Безъ школы обойтись ужъ не могутъ; не даромъ же у насъ въ каждой глухой деревушкѣ непремѣнно сидитъ вольнонаемный учитель. Сидитъ себѣ солдастикъ и за полтинникъ съ персоны или за полтора пуда мундѣйствуетъ понемногу. Значить—необходимо. А меня гораздо болѣе удивляетъ, что и въ нашей-то школѣ иной разъ можетъ порваться совсѣмъ нестерпимый курьезъ. Да вотъ вамъ: изъ сосѣдняго уѣзда недавно мою подругу училищный сторожъ прогна въ

— Но позвольте,—интересуюсь я,—какимъ же это образомъ? Что же это за начальство такое—сторожъ?

— То-то вотъ и есть,—продолжаетъ моя собесѣдница.—Начальство. Вы вотъ, разумѣется, наши обязанности доподлинно знаете, а позвольте васъ спросить о нашихъ правахъ. Что же мы, въ самомъ дѣлѣ, такое? Маленькіе работники, ничего больше, но вѣдь и маленькимъ работникамъ надо же имѣть настоящія, маленькія права, коли есть... большія обязанности! Вотъ и шла дѣла у моей подруги, пока не попался пьяница сторожъ. А тутъ ужъ и пошло, и пошло. Билась она съ нимъ, билась, наконецъ, волостному правленію пожаловалась. Зовутъ поэтому сторожа на сельскій сходъ и говорятъ ему: тебя, пьяницу, надо либо отъ училища уволить, либо съ тебя, «для страху», спить ведро водки. Вотъ вы и представьте себѣ, какъ онъ послѣ этого ведра водки началъ съ моею пріятельницей обращаться. Прежде всего лишилъ онъ ее чаю: не стану, говоритъ, тебѣ воды на самовары таскать, ябедница! А вскорѣ послѣ этого пересталъ отоплять ея помѣщеніе. Ну, стала было она сгоряча сама себѣ тепло промышлять, но, однако, не выдержала,—опять пошла жалоба, на этотъ разъ уже «земскому». Пошло, разумѣется, производство: «вслѣдствіе донесенія предписываю», «вслѣдствіе предписанія имѣю честь» и прочее, все по порядку. А тутъ, какъ на грѣхъ, холода завернули. Производство идетъ, а учительница кутается, по знакомымъ бабамъ платки достаетъ и на себя ихъ наворачиваетъ. Дошло до того, что, наконецъ, и разобрать невозможно—не то человѣкъ, не то гуча тряпокъ. Такъ она и ко мнѣ прибатила. Заперла свою школу, ключъ старшинѣ отдала и ко мнѣ, прямо сюда вотъ, на печку.

— Но, вѣдь согласитесь,—говорю я,—что это простое и очень ужъ явное злоупотребленіе.

— Разумѣется, злоупотребленіе,—соглашается моя собесѣдница.—Только мнѣ думается, что не такъ уже оно просто, какъ кажется. Надо, чтобы не только сторожъ, но и чтобы все то, что даетъ тонъ окружающей жизни, относилось для этого къ человѣку почти что съ пренебреженіемъ. Развѣ въ какомъ угодно учрежденіи, кромѣ училища, можетъ кого-нибудь... выгнать сторожъ?

— Да, все-таки это довольно трудно предположить,—говорю я.

— Ну, вотъ видите! Не правда ли, трудно?—радуется моя собесѣдница.—И знаете, дѣло все-таки не въ курьезахъ, которые стрѣчаются не каждый же день. Дѣло въ нашемъ ужасномъ оди-

ночествѣ. А вѣдь у большинства изъ насъ еще на школьной скамьѣ были дорогіе намъ идеалы. Безъ нихъ невозможно было бы работать. И не оттого ли у многихъ изъ насъ, затерянныхъ въ захолустьяхъ, такъ скоро иногда опускаются руки, что, какъ бы это сказать, — словно никому мы изъ нашихъ интеллигентныхъ собратій не нужны?

Столько искренняго горя звучитъ въ словахъ моей собесѣдницы, что я положительно боюсь за свои нервы. И даже черезъ часъ, уходя на ночлегъ въ сопровожденіи бабы, нанятой для себя учительницей, я все еще чувствую себя нѣсколько нервнымъ. Поэтому, вѣроятно, я ускоряю шаги, думая все время о маленькихъ работникахъ, — и тѣхъ, которые неисчислимыми тысячами осаждаютъ эти убогія училища, стремясь къ свѣту и знанію, и о тѣхъ, на чью долю выпадаетъ служить имъ *).

— Держись, родимый, за мой полушубокъ, — говоритъ мнѣ сопровождающая меня баба, — а то неровенъ часъ — въ колодезь кабой угодишь!

И, увязая въ сугробахъ, я двигаюсь къ волостному правленію.

Викторъ Липягинъ.

---

*) Вспоминались слова Д. И. Тихомирова изъ одного отчета о педагогическихъ курсахъ: „При всей скудности школьной обстановки, при всѣхъ препятствіяхъ къ выполненію обязанности, учитель, все-таки, всегда найдетъ возможность посвятить добрымъ сѣмена для будущаго. А еслибы не это, такъ и жить учителю было бы нельзя“.

УГОЛОКЪ КОЛХИДЫ.

I.

— Послушайте... Титовъ!... Онъ ничего не слышитъ... Алексѣй Алексѣвичъ!

— Что вамъ угодно, Наталья Сергѣевна?

— A la bonne heure! Наконецъ, вы услышали... Идите же скорѣй; ахъ, Боже мой, вотъ тюлень!... Сюда, сюда, къ огню!... Смотрите... Станьте ближе. Видите?

— Рѣшительно ничего не вижу.

— Да что же это такое?! Какъ вы не видите?... Вонъ этотъ молодой человѣкъ... у подъѣзда?

— Ну да, вижу, что же дальше?

— Какой вы скучный! Ничего. Я просто хотѣла знать, кто это. Вы не знаете?

— Не знаю.

— «Не знаю!» — передразнила его Наталья Сергѣевна. — Вы никогда ничего не знаете. Мой Николай Ивановичъ всегда говорить: «этотъ Титовъ вѣчно ничего не знаетъ».

— А, онъ говорить это?

Наталья Сергѣевна засмѣялась.

— Ну да. А вы ужъ испугались?

— Ничуть, — смущенно отвѣтилъ Титовъ.

— Конечно, испугались. Да какъ же вамъ не испугаться? Губнаторъ дастъ вдругъ такую аттестацію своему старшему чиновнику особыхъ порученій... Но вы, милый, не бойтесь: губернаторъ за васъ. И хотя вы очень неповоротливый и гордый человѣкъ...

— Гордый? — переспросилъ онъ. — Но почему?

— Какъ будто я не вижу? Вы всегда съ недовольною миной смотрите мои petites commissions de rien du tout... Ça vous cho-

це... Вы боитесь, чтобы васъ не заподозрили въ угодничество... въ заискиваньи передъ женой вашего начальника... Потому, вы никогда не отъликаетесь, когда я васъ зову по фамили...

Титовъ чуть-чуть покраснѣлъ.

— Вотъ видите, вы вспыхнули,—я была права! Но увѣрю васъ, это совсѣмъ не изъ невѣжливости. Это удобнѣе: «Титовъ» — tout court. А то это такъ длинно: Алексѣй Алексѣевичъ.

— Александровичъ.

— Ah, pardon! Пари держу, вы обидѣлись.

— Нисколько.

— Vrai?

— Право, нѣтъ; я только...

— Что «только»? Ne vous gêpez-pas. Договаривайте.

— Я только удивляюсь, какъ, зная меня больше года, вы не можете запомнить моего имени.

— Это—mon faible... Я вѣчно перепутываю имена и фамили.

— Однако я твердо знаю ваше имя.

Она опять засмѣялась.

— Немудрено. Во-первыхъ, это входитъ въ кругъ вашихъ обязанностей. Хорошо было бы, еслибъ вы не знали имени вашей «губернаторши» — le vilain mot!

— А во-вторыхъ?

— Во-вторыхъ... что во-вторыхъ? Да! — вспомнила она, — во-вторыхъ, я у васъ одна, а мнѣ приходится запоминать имена многихъ. И въ особенности дамъ! Ахъ, эти дамы, — ихъ не назовешь по фамили. Обидятся.

— Конечно, обидятся.

— «Конечно». Но почему же такъ необходимо обижаться, когда человѣка называютъ по его фамили? Это у насъ все такъ длинно и такъ скучно.

— Держу пари, что вы сейчасъ заговорите о «заграницѣ». «У насъ за границей»...

— Смѣйтесь, смѣйтесь... Ахъ, — вдругъ горячо заговорила она, — вы не повѣрите, какъ я стосковалась въ этой вашей хваленной провинци! Здѣсь можно умереть отъ скуки! А я принуждена здѣсь сидѣть... вотъ второй уже годъ. И еще, можетъ быть, до года придется. Мой Николай Ивановичъ и слышать не хочетъ ни о отставкѣ, ни о хлопотахъ о переводѣ или перемѣщеніи. У этихъ чиновниковъ своя амбици.

Она зѣвнула и замолчала.

Вошедшій лакей доложилъ:

— Аполлонъ Викторовичъ Маржецкій.

— Маржецкій?—удивилась она.

— Ахъ, Маржецкій!—вскрикнулъ Титовъ.

— Кто это? Вы его знаете?—спросила Наталья Сергѣевна.

— Ну да,—быстро отвѣтилъ Титовъ,—это новый чиновникъ особыхъ порученій.

— Ахъ, вотъ кто! Просите,—сказала она лакею.

Въ гостиную вошелъ молодой человекъ въ форменномъ фракѣ со свѣтлыми пуговицами. Наталья Сергѣевна встала ему навстрѣчу, сдѣлала два шага и протянула руку, которую тотъ почтительно пожалъ.

— Мы васъ давно ждали,—начала она,—Николай Ивановичъ начиналъ даже сердиться и, по своему обыкновенію, ворчалъ: «ужъ эти мнѣ петербургскіе! Не могутъ разстаться съ своимъ гнилымъ болотомъ». Вы знаете, онъ питаетъ органическую ненависть къ Петербургу... Pardou, я васъ забыла познакомить.

Она представила другъ другу своихъ гостей. Называя по имени и отчеству Титова, она запнулась, но, благополучно выйдя изъ затрудненія, продолжала:

— Это въ нѣкоторомъ родѣ—ваше начальство. Онъ—старшій чиновникъ, вы—младшій. Онъ—alter ego Николая Ивановича. Вы же, вѣрно, будете разъѣзжать по нашимъ дебрямъ...

Маржецкій неопредѣленно улыбнулся, не зная еще, какъ держать себя съ этими новыми для него людьми.

— Это—тотъ молодой человекъ,—шепнула Наталья Сергѣевна Титову.

Тотъ не понялъ.

— Какой молодой человекъ?—такъ же спросилъ онъ.

— Ахъ, Боже мой! Le jeune homme du dehor... у подвѣзда, о которомъ я у васъ спрашивала.

— А-а!—наконецъ, догадался тотъ.

— Мы только что о васъ говорили,—обратилась она къ Маржецкому,—я васъ видѣла изъ окна и спрашивала у Тит... у Алексѣя Алексѣевича.

— Александровича.

— Pardou, Александровича... Ну, что, какъ вамъ понравился этотъ городишко? Вы, конечно, первый разъ въ провинціи? Отчего ничего не говорите?

Маржецкій чуть замѣтно двинулъ плечомъ и опять неопредѣленно улыбнулся. Ему не нравился тонъ губернаторши. Титовъ ушелся.

— Но вы ему не даёте слова сказать,—засмѣялся онъ.—Ему некогда было отвѣчать вамъ.

— Я только что собирался сказать, что мнѣ вашъ или, вѣрнѣе, теперь уже *намиз* городъ очень понравился. Одна уже цѣпь этихъ величавыхъ горъ, у подножья которыхъ раскинулся городъ. Эти серебряныя ризы вѣчнаго снѣга, блистающія подъ этимъ весеннимъ небомъ... да это прелесть... И я пріѣхалъ сюда въ счастливую пору—расцвѣтъ весны, да еще какой весны!..

Титовъ внимательно прислушался къ словамъ Маржецкаго. Что-то скользнуло по его лицу въ короткой, быстро подавленной улыбкѣ. Онъ всталъ, взявъ шляпу и, поклонившись хозяйкѣ дома, сказалъ:

— Позвольте мнѣ васъ погнунуть. Мнѣ надо домой. Вы побываете у меня?—обратился онъ къ вновь пріѣзжему.

— Если позволите, сегодня же вечеромъ.

— Пожалуйста. Визитовъ никакихъ не надо. Будемъ просто товарищами, хотите?

Маржецкій преувеличенно засіялъ и съ необыкновенной горячностью пожалъ ему руку.

— Вы развѣ сегодня же обѣдаете у насъ?—спросила Наталья Сергѣевна, дѣлая съ Титовымъ нѣсколько шаговъ по направленію къ двери.

— Нѣтъ, благодарю васъ, не могу... У насъ сегодня пикникъ.

— Ахъ, вотъ какъ! Это то, что здѣсь называется «маёвкой»?

— Именно.

— Счастливчикъ,—вздохнула она,—отчего меня никогда не пригласятъ на такую пирушку? Гдѣ вы кутите?

— «Кутите»—не подходящее слово. Мы просто съѣдимъ шашлыкъ и запьемъ его кахетинскимъ. Мы ѣдемъ въ «Урочище».

Титовъ нагнулся къ пей ближе и, понизивъ голосъ, проговорилъ:

— Ну, какъ *ониз* вамъ нравится?

— Mais...—оторопѣла она,—с'est un roûtel! Какъ хорошо говорить...

— И какъ гладко... говорить, какъ писать, — иронически добавилъ Титовъ.

— Злой, злой... я всегда это говорила.

Онъ опять поклонился и исчезъ за массивной шелковой портьерой ярко-желтаго цвѣта.

Пока они разговаривали вполголоса у дверей, Маржецкій, положивъ шляпу на низенькій пуфъ, всталъ съ кресла и подошелъ

къ стѣнѣ, на которой висѣла большая картина, почернѣвшая отъ времени. Живопись его, повидимому, не очень интересовала, потому что онъ искоса оглядывалъ стройную фигуру Натальи Сергѣевны.

«Elle est très bien, — подумалъ онъ по-французски, тщетно стараясь вслушаться въ то, что они, очевидно, про него говорили. — Нельзя сказать, чтобы здѣсь очень стѣснялись» — опять промелькнуло у него въ умѣ; но онъ, надѣвъ на носъ золотое *pince-nez*, тотчасъ же такъ увлекся картиной, что не замѣтилъ, какъ хозяйка вернулась на свое мѣсто.

— Вы любите живонись?—спросила она его.

— Ah, pardon!—вдругъ, отрываясь отъ созерцанія, проговорилъ онъ.—Очень. Я, вообще, люблю искусства.

— Какъ и природу, которую вы, повидимому, тоже любите.

— О да, конечно,—проговорилъ онъ и замолчалъ.

Чтобы прервать неловко наступившую паузу, Наталья Сергѣевна сказала:

— Итакъ, наша «пламенная Болхида» вамъ нравится?

— А,—засмѣялся онъ, — вы называете Кавказъ пламенной Болхидой... Да, судя по первому впечатлѣнiю, —продолжалъ онъ,—ваша Болхида мнѣ нравится. «Столпообразныя руины», «звонко-бѣгущіе ручьи» и взоръ «грузинки молодой».

— Déjà?—засмѣялась она,—вы уже успѣли замѣтить взоръ грузинки молодой?

Онъ тоже засмѣялся и продолжалъ:

— Passez moi le mot; это просто—*façon de parler*. Вы знаете, Кавказъ такъ воспѣтъ, что мы, сѣверные жители, рисуемъ его себѣ немножко иначе, чѣмъ онъ существуетъ въ дѣйствительности... Онъ представляется намъ волшебнымъ краемъ съ ярко-синимъ небомъ, съ великанами горъ, съ дикими людьми, словомъ, страной величественной и потрясающей... Когда поѣздъ уходилъ изъ Ростова, я, несмотря на знаніе географіи, представлялъ себѣ, что вотъ-вотъ буду ѣхать среди горъ, ждалъ туннелей... Я все высовывался въ окна. Мнѣ говорили, что хребетъ виденъ далеко, а его все не чло. Я спрашивалъ: гдѣ же горы? Одинъ армянинъ даже разсердился. «Какой тебѣ горы нужны? Прыдѣшь—увидѣшь,—ва!»

Наталья Сергѣевна засмѣялась.

— Вы, конечно, ожидали увидѣть городъ съ савлями, покрыши плоскими крышами...

— Да, да,—весело продолжалъ онъ,—и я думалъ, что меня

подвезутъ на арбѣ, запряженной буйволами, къ савлѣ, которая будетъ называться духаномъ, и что духанъ значитъ—гостиница.

— И вмѣсто всего этого—о, ужась!—вы въ губернаторскомъ домѣ и, вмѣсто грузинки молодой, съ вами говоритъ une femme de Вакзас.

— О!...—протестовалъ онъ.

— Пожалуйста, не говорите «о!» Я вѣдь никогда не рисуюсь—прошу это замѣтить на будущее время. Я человѣкъ простой. Я хороший товарищъ, и менѣе всего женщина, требующая комплиментовъ и услугъ. Обо мнѣ никто никогда не заботится и не говоритъ мнѣ комплиментовъ. Это уже такъ принято. Но, revenons à nos moutons. Вы когда пріѣхали? Вчера?

— Вчера.

— Не правда ли, вчерашняя погода вамъ напомнила петербургскую?

— Да, да,—оживленно воскликнулъ Маржецкій,—погода была печальная: мелкій, пронизывающій дождь, настоящій петербургскій дождь. Тучи сѣрыя и низкія бродили по небу—и я чуть не расплакался, право! Говорятъ, хорошо, когда на новомъ мѣстѣ идетъ дождь.

Наталья Сергѣевна улыбнулась.

— Для кого хорошо? Для новаго мѣста или для того, кто пріѣхалъ?

— Для того, кто пріѣхалъ.

— Не знаю. Я въ примѣты не вѣрю.—Она помолчала, какъ будто припоминая что-то, потомъ спросила его:—вы уже являлись Николаю Ивановичу?

Маржецкій спросилъ самъ себя: «кто это Николай Ивановичъ?» и потомъ, вспомнивъ, быстро отвѣтилъ:

— Какъ же! У него былъ правитель канцеляріи съ докладомъ, и онъ почти со мной не разговаривалъ. Выслушавъ мое представленіе, онъ сказалъ: «пройдите къ женѣ, я скоро освобожусь», и, вотъ, я направился къ вамъ.

На нѣкоторое время водворилось молчаніе. Наталья Сергѣевна незамѣтно наблюдала гостя. Общій выводъ, который получился отъ этого наблюденія, выразился въ промелькнувшей въ ея сознаниі фразѣ: «Какой онъ красивый и изящный». Она опять заговорила:

— Я чувствую, что вамъ хочется о чемъ-то меня спросить. Пожалуйста, не стѣсняйтесь. Меня можно спрашивать о чемъ угодно и говорить со мной о чемъ вздумается.

Онъ вздохнулъ.

— Ахъ, мнѣ о многомъ хотѣлось бы спросить васъ!

— Напримѣръ?

— Напримѣръ: каковъ вашъ мужъ, какъ начальникъ?

— Николай Ивановичъ?— она замялась, но, вскорѣ оправившись отъ смущенія, отвѣтила:— Какъ бы вамъ сказать правдивѣе? Очень естественно, что васъ этотъ вопросъ интересуеть. Онъ очень хорошій начальникъ... Вы улыбаетесь? Нѣтъ, право, я говорю не какъ жена, а искренно. Онъ немножко педантъ, весь поглощенъ службой до такой степени, что частной, семейной жизни почти не признаетъ и меня, свою жену... почти не замѣчаетъ.

Она весело засмѣялась, но Маржецкому послышалась въ этомъ преувеличенно-веселомъ смѣхѣ нѣкоторая горечь и неискренность. «Ну, да,—подумалъ онъ,—старая исторія. Пушкинская Татьяна—«Я здѣсь одна, меня никто не понимаетъ и молча гибнуть я должна».

— Но, въ душѣ, au fond, это очень добрый и простой человекъ. Его никто никогда не называетъ ни «ваше превосходительство», ни «господинъ начальникъ губерніи», ни «губернаторъ», а просто—«Николай Ивановичъ». Я и сама къ этому привыкла и никогда не называю его мужемъ, а тоже Николаемъ Ивановичемъ.

Маржецкій сочувственно улыбнулся.

— А этотъ... Титовъ... что у васъ только-что былъ, онъ что за человекъ?

— О, это прекрасный человекъ, душа-человекъ. Un peu trop provincial peut-être... но чудный, хорошій, славный. Я его очень люблю,—это другъ и преданный другъ...

«Ужъ нѣтъ ли у нихъ чего?» — подумалъ Маржецкій, и Наталья Сергѣевна чуть догадалась объ этой промелькнувшей у него мысли.

— Я вижу, вы сейчасъ подумали des vilaineries... Ахъ, ужъ эти мнѣ столичные испорченные jusqu'au bout des ongles люди... Нѣтъ, нѣтъ, не оправдывайтесь. Серьезно, Титовъ—превосходный человекъ. Онъ родился на Кавказѣ, и даже въ этомъ самомъ городѣ. воспитывался здѣсь, на службу поступилъ здѣсь же, никогда, ни уда ни на одну недѣлю не выѣзжалъ изъ города, если не считалъ командировокъ по дѣламъ службы въ окрестныя селенія и т. п. Вотъ почему онъ немного отсталъ и многое ему кажется дикимъ... Однако, что же не идетъ Николай Ивановичъ? Я боюсь, вы соскучитесь сонной...

Она не дала ему времени отвѣтить, встала, подошла къ большому зеркальному окну и посмотрѣла на широкую, хорошо ус-

панную желтымъ пескомъ садовую аллею, которая полукругомъ заворачивала къ подъѣзду губернаторскаго дома.

— Я васъ поздравляю! — весело сказала она Маржецкому, — Николай Ивановичъ о васъ забылъ. Подойдите сюда; смотрите, ему подали коляску, и онъ уѣзжаетъ... что сегодня? Ахъ, да, это актъ въ женской гимназіи. Это не будетъ долго. Ну, что дѣлать, придется вамъ его ждать.

— Я очень радъ... — началъ было Маржецкій, но при всей своей привычкѣ ни передъ кѣмъ не смущаться, не нашелъ подходящихъ словъ для продолженія и замолчалъ.

— Чему? — засмѣялась она, — что его приходится ждать?

— Тому, что мнѣ удастся провести лишній часъ въ пріятномъ обществѣ...

— Мерсі, — поспѣшила она прервать его довольно сухо. — Вы никакъ не можете отдѣлаться отъ привычки *débiter des banalités*, то-есть вы петербуржцы — изломанные люди...

— Въ свою очередь я говорю вамъ — мерсі.

— Что дѣлать — *gêsez se petit rien*.

— Но развѣ вы — провинціалка? — рискнулъ онъ. — Вы развѣ не изъ Петербурга?

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Я — москвичка. И въ этомъ все дѣло.

— То-есть въ чемъ же дѣло?

— Мы, московскіе, проще, лучше, прямѣе, не изломанные. Мы иногда рѣзки, — вы это называете грубостью, — но за то мы никогда не держимъ камня за пазухой или готоваго комплимента на случай. Или, лучше, на всѣ случаи жизни. Это — скучно. Если у насъ есть что сказать — мы говоримъ, если нѣтъ — молчимъ. Если мнѣ что не нравится, я говорю прямо, а не стану тянуть кислую канитель вокругъ да около. Вотъ васъ отъ этихъ даже словъ подергиваетъ. Вы привыкли выражаться «корректно» — глупое слово! А я, если люблю — такъ люблю, коли не люблю, такъ и не скрываю этого.

— «Боль любить такъ безъ разсудку... коль грозить такъ не на шутку!...» — продекламировала Маржецкій.

— Именно, именно, — обрадовалась она. — Это по-московски.

— А по-петербургски? — спросилъ онъ.

Наталья Сергѣевна призадумалась, и потомъ вдругъ, растягивая слова, очевидно подражая «петербургской манерѣ», проговорила:

— А по-петербургски: «люблю отчизну я, но *странною* любовью... не побѣдитъ ея разсудокъ мой». Любовь — и сейчасъ раз-

судобъ. А тамъ—наоборотъ: коль любовь, такъ ужъ безъ разсудку. У васъ—рефлексія, у насъ—широкая русская душа... Я вижу, вы морщитесь. Вамъ не нравятся слова «широкая русская душа». Правда?

— Какъ вамъ сказать? «Не нравятся»—с'est trop dit. Но все, что широко, то расплывчато и очень неопредѣленно. Нѣтъ гарантій, что ли; а тамъ, гдѣ нѣтъ разсудка, тамъ, вѣдь, близко и къ помѣшательству.

— О, узкая петербургская душа!—воскликнула она.—Душа, воспитанная въ привилегированномъ учебномъ заведеніи, взлелѣянная петербургскими туманами и проникшаяся эгоизмомъ и сучостью петербургскаго общества...

— Мегсі, мегсі... мегсі,—повторялъ онъ за каждою ея фразой, слегка влкаясь.

— На здоровье, на здоровье... И однако,—продолжала она,—вы покинули ваши туманныя финскія скалы и поплыли къ берегамъ нашей пламенной Болхиды... зачѣмъ? Искать свѣта и тепла? Солнца и вѣчной весны?

— Совсѣмъ нѣтъ,—разсмѣялся онъ,—только службы...

— И связанныхъ съ нею крестовъ, чиновъ и оуладовъ?—довольно рѣзко прибавила она.

— Гм... пожалуй! Отчего нѣтъ?—отвѣтилъ онъ и тотчасъ подумалъ: «Ужъ не выпытываетъ ли она, чтобы передать мужу?»

Однако она и на этотъ разъ проникла въ его думы.

— Съ вами, петербургскими чиновниками, трудно... и непріятно говорить. Вы все настораживаетесь и вездѣ боитесь предательства. Вы уже думаете, не съ коварными ли цѣлями я хочу узнать отъ васъ то или другое. Это—сучно.

Онъ вдругъ ей замѣтилъ:

— Вы, кажется, очень любите слово «сучно» и произносите его чисто по-московски—«скушно».

— Вамъ это не нравится?

«Что за странный вопросъ»,—подумалъ онъ и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, отчего же...

— Итакъ, вы бросили Петербургъ; на это не многіе способны. Но ни говори, а жизнь въ провинціи—не сладкая жизнь. Рѣдко кто идетъ сюда добровольно.

— Ужъ не думаете ли вы, что меня выслали?...—засмѣялся онъ.

Она улыбулась его шуткѣ.

— Нѣтъ, не думаю. Вы оставили тамъ кого-нибудь близкихъ?

Нѣтъ? Ну, тогда другое дѣло. Значить, вы человѣкъ одинокій, а одинокому вездѣ хорошо. Вы, стало-быть, не женаты?

— Нѣтъ. Ручаюсь, что слѣдующимъ вашимъ вопросомъ будетъ: «и никого не любите?»

— Да, я хотѣла спросить и объ этомъ.

Онъ ничего не сказалъ.

— Итакъ?...—спросила она его опять.—Вы любите?

— Считайте, что да.

— Какая она? Блондинка? Брюнетка? Молода, красива, изящна?...

— Напрасные вопросы,— отвѣтилъ Маржецкій,— всякій гуликъ свое болото хвалить.

Наталья Сергѣевна поморщилась.

— Какое непоэтическое сравненіе!—сказала она.—Любимую женщину сравнивать съ болотомъ.

— Непоэтичное—согласенъ, но за то вѣрное.

— Какъ это?

— Конечно, любимая женщина—болото. Она засасываетъ насъ какъ болото. Сначала идешь къ этому манящему своей таинственностью и новизною болоту по твердой землѣ; чувствуешь подъ ногами почву, ничего не боишься, потому что знаешь, что въ каждую желанную минуту можешь вернуться назадъ. Потомъ увлекаешься отрывающимися перспективами, заманчивою и туманною далью; не замѣчаешь, какъ почва становится все мягче и зыбче, все ненадежнѣе, все болѣе и болѣе колеблющеюся. Въ концѣ-концовъ утопаешь, хочется отдохнуть, вернуться назадъ... Крахъ! Поздно! Одну ногу вытащишь, другая завязла,—болото тебя засосало. Борьба напрасна, ни къ чему она не приведетъ; чѣмъ больше борешься, тѣмъ болѣе теряешь подъ ногами почву, и вотъ, ужъ не ты владеешь болотомъ, а оно тобою... Что вы на меня смотрите?

Наталья Сергѣевна смутилась.

— Нѣтъ, ничего...—начала она,—а впрочемъ... Я смотрѣла на ваши глаза. Какіе они сдѣлались холодные, стальные какіе-то. И какъ жестки ваши слова. Мнѣ жалъ женщину, которая полюбила васъ.

Онъ промолчалъ, слегка поклонившись ей иронически. Она не замѣтила ни этого поклона, ни этой ироніи.

— Теперь я понимаю. Ваша связь укрѣпилась; положеніе, вѣроятно, стало неловкимъ, и вы должны были скрыться изъ Петербурга... И напрасно; въ Петербургѣ легче смотреть на эти вещи; въ провинціи—куда строже. Да тамъ есть гдѣ найти развлеченіе

поими общества—театры, вечера въ собраніяхъ, концерты, выставки... Здѣсь ничего иного нѣтъ. Здѣсь скучно жить,—ахъ, какъ скучно,—видите, я стараюсь выговаривать по-вашему, по-петербургски... на букву «ч». Тамъ на улицу выйдешь—все-таки размечешься, а здѣсь... Но если вы человѣкъ свободный, ничѣмъ не связанный, почему вы не женитесь?

— Я ждалъ и этого вопроса,—сказалъ Маржецкій немного покраснѣвъ.—И... и еслибы вы знали, сколько уже разъ мнѣ предлагали этотъ вопросъ.

— И вы на него отвѣчали?...

— Что все еще никакъ не могу рѣшиться на этотъ шагъ. Это значило бы съ головой погрузиться въ болото и... и никогда уже не выйти оттуда на свѣтъ Божій. Брр... Страшно.

Наталья Сергѣевна покачала головой.

— Вы человѣкъ безъ сердца... и вы не уважаете эту женщину.

— Въ первый разъ вижу такую губернаторшу,—мягко произнесъ онъ, очевидно желая замѣть разговоръ.

Она при этихъ словахъ насупилась. Сдвинутыя брови удивительно не шли къ ней,—она сразу дѣлалась старше лѣтъ на пять.

— Я терпѣть не могу этого слова,—серьезно замѣтила она.— Я прежде всего человѣкъ, потомъ женщина, потомъ жена губернатора. Но «губернаторша»... такого слова нѣтъ, какъ нѣтъ слова «генеральша» или «чиновница особыхъ порученій».

— Простите, я не хотѣлъ васъ обидѣть...

— Да я и не обижаюсь вовсе,—уже весело сказала она, вдругъ помолодѣвъ и засмѣявшись. Когда она смѣялась, глаза ея принимали форму щелокъ, и у наружныхъ угловъ вѣкъ собиралось много мелкихъ морщинокъ, что очень шло къ ней. Быть-можетъ, оттого она такъ часто смѣялась.

За окномъ послышался шорохъ колесъ о песокъ аллей.

— А, это возвращается Николай Ивановичъ,—сказала Наталья Сергѣевна, выглянувъ въ окно.— Я вамъ говорила, онъ скоро вернется.

Черезъ нѣсколько минутъ въ гостиную вошелъ губернаторъ, онъ не старый, очень красивый мужчина.

— Здравствуй, Ната,—сказалъ онъ женѣ,—мы еще съ тобой и тдались сегодня,—и тотчасъ же, не обращая на жену ни малюга вниманія, обратился къ Маржецкому: — Ну, что? Поску-ч немножко... что?

— Ничего, ваше превосходительство, напротивъ, я...

— Зовите меня, пожалуйста, Николаемъ Ивановичемъ.

— Слушаю, Николай Ивановичъ... Я провелъ очень пріятно время.

— Ну, не думаю, — разсмѣялся онъ, — жена моя не изъ разговорчивыхъ, что?

— Я ничего не говорю, ваше превосходительство...

— Николай Ивановичъ...

— Николай Ивановичъ... Мы все время разговаривали съ Натальей Сергѣевной...

Но губернаторъ уже не слушалъ его. Вообще онъ производилъ на свѣжаго человѣка впечатлѣніе, какъ будто онъ непрерывно былъ занятъ соображеніями высшаго порядка, а разговариваетъ только по необходимости.

Онъ вскорѣ увелъ Маржецкаго къ себѣ въ кабинетъ, и Наталья Сергѣевна осталась одна. Она взглянула на часы, стоявшіе на каминѣ, и «ахнула».

— Около часа я болтала съ нимъ!... И даже не замѣтила, какъ прошло время. И... и скучно не было!...

Она улыбулась, и невольно та же мысль, которая мелькнула ей, когда она изъ окна въ первый разъ увидѣла Маржецкаго, явилась снова: «какой онъ красивый и изящный»... только къ этимъ двумъ опредѣленіямъ прибавилось новое: «и какой безсердечный человѣкъ».

II.

Маржецкій, узнавъ у губернаторскаго курьера адресъ Титова, направился, около пяти часовъ вечера, къ нему. Губернаторъ съ новымъ чиновникомъ разговаривалъ долго, удержалъ завтракать и еле согласился отпустить безъ обѣда. Кажется, оба другъ другу понравились.

Титова онъ не засталъ дома, но Маржецкому передали его записку.

«Простите, Аполлонъ Викторовичъ, — писалъ Титовъ, — что просилъ васъ пріѣхать ко мнѣ сегодня, я совершенно забылъ, что у насъ пикникъ. Будьте добры, не откажите намъ въ любезности — присоединиться къ нашему маленькому празднику и пріѣхать въ «Урочище». Бстати, вы разомъ познакомитесь съ нашимъ обществомъ. Заранѣе понадѣявшись, что вы не откажете въ этой просьбѣ, я велѣлъ кучеру Гурьяну ждать васъ и отвезти къ мѣсту назначенія. Вашъ Титовъ.»

«Пишетъ какъ канцелярскій чиновникъ, — подумалъ Марж

кій,—и на какой бумагѣ! Должно быть, оторвалъ чистую страницу отъ какого-нибудь отношенія или предписанія. «Отвезти къ мѣсту назначенія!» Воображаю ихъ «пигнигъ»...

Тѣмъ не менѣе, отыскавъ во дворѣ кучера Гурьяна, исполнявшаго въ городѣ роль петербургскаго лихача, Маржецкій покорно сѣлъ въ фаятонъ и велѣлъ себя везти предварительно въ гостиницу, чтобы снять форменный фракъ и переодѣться въ болѣе легкій костюмъ.

Прежде чѣмъ войти къ себѣ, онъ постучалъ въ дверь сосѣдняго номера и прислушался,—отвѣта не получилось.

«Вѣрно, ушла или спить»,—подумалъ онъ и облегченно вздохнулъ.

Наскоро переодѣвшись и умывшись, онъ быстро сбѣжалъ внизъ и, сѣвъ въ фаятонъ, повалилъ по отличному шоссе за городъ.

Маржецкій залюбовался окружавшею его природой. Онъ никогда не видѣлъ неба такого густого синята цвѣта, никогда еще не видѣлъ такихъ громадныхъ горъ, высившихся прямо передъ нимъ нескончаемою цѣпью, какъ будто ширмой, отдѣлявшею небольшой городокъ отъ остальнаго міра. Горы были близки, но казались далекими отъ туманной дымки, опустившейся передъ ними, какъ газовый занавѣсъ въ театрѣ, за которымъ готовится новая декорация. За этой прозрачной дымкой вырисовывались такъ называемыя «черныя горы»,—невысокіе холмы, покрытые чернолѣсьемъ темно-зеленаго цвѣта, а за ними главный хребетъ—внизу свѣтло-голубоватаго цвѣта, выше—розовато-фіолетоваго, вверху—почти темно-краснаго. Самыя верхушки горъ были покрыты ризою серебра нetaющихъ снѣговъ.

— Бакая красота!—невольно прошепталъ очарованный Маржецкій.

Около него, гдѣ-то очень близко, послышался глухой шумъ; Маржецкій оторвался отъ созерцанія и оглядѣлся. Фаятонъ ѣхалъ теперь по мосту. Подъ нимъ бурлила мутная, желтовато-бурая рѣка, вырывавшаяся изъ горнаго ущелья, усыпаннаго огромными, да-то оторвавшимися отъ горъ, камнями-осколками; кое-гдѣ эта чина была какъ будто искусственно усажена тѣми столпообразными руинами, о которыхъ Маржецкій, еще ни разу не видя ихъ, ламировалъ передъ губернаторшей.

Онъ оглянулся назадъ. Городъ съ его невысокими домами, съ свыми черепичными крышами, утопавшій въ ярко-зеленыхъ садахъ, остался далеко позади. Теперь нельзя уже было различить

отдѣльныхъ зданій, и только губернаторскій домъ, выстроенный въ стилѣ стараго замка, одиноко высился на невысокомъ холмѣ.

При взглядѣ на этотъ домъ Маржецкому вспомнилась Наталья Сергѣевна, и онъ улыбнулся.

— Я никогда не представлялъ себѣ губернаторшу въ такомъ видѣ — *bonne enfant et simple*, — проговорилъ онъ.

— Чего изволите? — спросилъ Гурьянъ, которому показалось что Маржецкій обратился къ нему.

— Ничего...

И онъ сталъ думать «про себя».

«Положимъ, она не молода, — продолжалъ онъ разбирать губернаторшу, — но она еще очень хороша собой. *Une femme de trente ans...* Что-жь? Иногда въ такихъ-то и заключается вся прелесть — прелесть женщины, отъ которой не ждешь неожиданностей и нелѣпыхъ фантазій. Только эта манера растягивать слова, говорить «скушно» и вставлять французскія фразы — это отдаетъ и Москвой, и провинціей. У нея нѣтъ настоящаго *sachet*. Во всякомъ случаѣ, это не *femme chic*. Но все-таки она очень, очень ничего себѣ».

На этомъ онъ успокоился, отвернулся отъ вида города и сталъ опять смотрѣть на горную цѣпь, изумительно быстро передъ нимъ выраставшую.

Фэнтонъ въѣхалъ уже въ самое ущелье, по дну котораго бурлила бѣшеная горная рѣка. Дорога, отлично утрамбованная, шла по самому краю откоса, защищенная отъ бездны невысокою оградой, сложенной изъ камней разной величины, не связанныхъ цементомъ. Тамъ и сямъ въ этой оградѣ продѣланы были отдушины-щели, черезъ которыя спускались внизъ перебѣгавшіе дорогу ручейки горныхъ ключей, весело журчавшихъ и вырывавшихся, въ видѣ каскадовъ, изъ горныхъ же щелей.

Скалы становились все выше и выше и все тѣснѣе сдвигались; онѣ становились все отвѣснѣе, и теперь Маржецкій видѣлъ уже по сторонамъ цѣлыя стѣны какъ бы вытесаннаго камня; иногда на нихъ попадались какія-то надписи или помѣтки, но чаще онѣ были заслонены дымомъ и копотью отъ костровъ, разводившихся у ихъ подножья отарщиками, укрывавшимися подъ ихъ сѣнью отъ непогоды со своими отарами козъ и барановъ. Бое - гдѣ видѣлись въ этихъ отвѣсныхъ стѣнахъ-гигантахъ пещеры и полупещеры, шедшія въ видѣ коридоровъ вдоль дороги, съ закопченными стѣнами и потолками. Попадались духаны, прилѣпившіеся къ скалѣ, къ которой была придѣлана плоская крыша и стойка съ лежащими на ней чуреконъ, овечьимъ сыромъ и еще какимъ-нибудь яствомъ. Въ

черномъ отверстіи духана видѣлся огонекъ, тускло освѣщавшій это убѣжище, напоминавшее собою обиталище циклопа Полиеема Бавказскіе Улиссы толпились около зіяющей дыры духана, чтобы поживиться огненною влагой раки.

Иногда черезъ дорогу пробѣгали зеленныя ящерицы и быстро-быстро исчезали въ отдушникахъ-щеляхъ ограда; нѣсколько мгновений послѣ того Маржецкій еще видѣлъ, какъ онѣ змѣйками извивались между камнями ската и потомъ безслѣдно исчезали въ какихъ-нибудь кустивахъ. Вверху, на голубомъ фонѣ неба, рѣяли горныя орлы, часто неподвижно стоящіе съ распростертыми крыльями въ воздухѣ и потомъ вдругъ стремительно спускавшіеся къ землѣ. На вершинахъ горъ красовались развалины старинныхъ башенъ, почернѣвшихъ отъ времени, а въ верхнихъ долинахъ, прилѣпленные къ высокимъ скаламъ, ютились аулы съ ихъ темными саблями и плоскими крышами; по горнымъ тропамъ спускалась иногда внизъ осетинка въ шароварахъ и длинномъ бешметѣ, обшитомъ золотымъ позументомъ, съ металлическимъ кувганомъ на плечѣ.

Въ воздухѣ стояло благоуханіе, и Маржецкій съ восторгомъ вдыхалъ этотъ цѣлительный воздухъ полною грудью. Попадались по дорогѣ кусты съ какими-то блѣдно-розовыми цвѣтами; пахло розой и миндалемъ; тамъ и сямъ, въ глубинѣ ущелья, видѣлись кроваво-красныя цвѣты, и ему казалось, что изъ этой бездны подымается густой запахъ къ дорогѣ, что вся эта бездна, на днѣ которой теперь уже узенькою лентой клубилась рѣка, напитана этимъ запахомъ ущельныхъ цвѣтовъ.

Этотъ запахъ, казалось, пьянилъ Маржецкаго, и чѣмъ болѣе онъ любовался окружавшей его природой, тѣмъ ему дышалось легче, тѣмъ отраднѣе становилось на душѣ. Какъ хорошо, что онъ вырвался изъ Петербурга! Конечно, ему трудно было разстаться съ веселой столицей, гдѣ у него не было близкихъ, но за то были друзья; но ужъ если непременно надъ было разстаться, то хорошо, что онъ выбралъ мѣстомъ службы Кавказъ, а не Тамбовъ или Пензу. И, все-таки, несмотря на обстановку, окружающую его теперь, онъ съ нѣкоторою горечью вспомнилъ о покинутой столицѣ... Мысль его вдругъ перескочила къ запертой двери номера провинціальной гостиницы, жалкой и грязной, у котораго онъ, часъ тому назадъ, жучался и не дождался отвѣта, и онъ досадливо пожалъ плечами. Депрiятное чувство прошло у него по душѣ.

«Вся карьера разбита изъ-за глупаго шага,—подумалъ онъ,—ришлое зарыться въ провинцію».

— Что это?—громко спросилъ онъ, услышавъ какіе-то странные звуки.

— Чего это?—не понявъ его Гурьянъ, нѣсколько недовольнымъ голосомъ.

Популярный кучеръ городка дулся на своего сѣдока; онъ привыкъ къ другому къ себѣ отношенію, съ нимъ всегда шутили и балагурили, нѣкоторые его даже побаивались и у него заискивали: онъ зналъ много тайнъ городскихъ обывателей и длинная хроника свиданій, таинственныхъ поѣздокъ въ «Урочище», уединенныхъ катаній была запечатлѣна въ его памяти щедрыми «на-чаями» за хорошую ѣзду и еще болѣе щедрыми—за хорошее молчаніе. И онъ молчалъ, пока ему не платили втрое щедрѣе за то, чтобъ онъ разсказалъ; и тогда онъ разсказывалъ тайны этого мирно дремлющаго патріархальнаго провинціального городка и приводилъ слушателя въ изумленіе, потому что слушателю начинало казаться, что городъ сплошь населенъ пылкими сердцами, страстными натурами, романтическими созданіями. Всякій хорошо заплатившій могъ тогда услышать прелюбопытныя вещи и про жандармскаго полковника, казавшагося таимъ цѣломудреннымъ, и про совѣтника правленія, у котораго было семь душъ дѣтей, и про бухгалтера банка, имя котораго упоминалось рядомъ съ именемъ опереточной актрисы, на взглядъ неизощреннаго ока, не имѣвшей никакого отношенія ни къ банку, ни къ бухгалтеру. Да, что! Много исторій разсказывалъ предатель Гурьянъ, и въ числѣ дѣйствующихъ лицъ его разсказовъ фигурировалъ даже самъ губернаторъ.

Въ особенности Гурьянъ любилъ разсказывать свои исторіи вновь прибывшимъ свѣжимъ людямъ, которые этимъ способомъ скорѣе всего получали возможность ознакомиться съ новымъ для нихъ обществомъ. Но Маржецкій молчалъ, не сказалъ съ Гурьяномъ ни слова, и тѣмъ лишилъ его возможности распространиться на любимую тему.

— Что это за звуки?—переспросилъ Маржецкій, вслушиваясь въ странные хриплые и гнусавые звуки, теперь все усиливавшіеся.

— Ахъ, это-то? Это—зурна. Боторая, значитъ, покриливѣе—зурна, а которая погнусавѣе—джіанури. А это, что бьетъ-то, стало быть, барабанъ.

Эти веселые и удалые звуки, смѣнявшіеся унылыми и мечтательными стопами на ритмическомъ фонѣ барабанной дробы, дѣйствовали чрезвычайно странно на Маржецкаго. Ему становилось не по себѣ, какое-то тревожное чувство овладѣло имъ, смутная тоска

заползла въ его душу. Ему захотѣлось кричать, чтобы перебить эти дикіе звуки.

— Какая гадость! — презрительно сказалъ онъ.

— Чего это? — скосивъ голову, спросилъ Гурьянъ.

— Да музыка-то ваша! — озлобленно крикнулъ Маржецкій.

— Не привыкли, — спокойно замѣтилъ кучеръ и погналъ приутомившихся лошадей.

— Это и есть то, что вы называете «Урочищемъ»? — спросилъ Маржецкій.

— Это самое, — коротко отвѣтилъ Гурьянъ, который всей своей фигурой, тономъ своего голоса, пренебреженіемъ, проглядывавшимъ въ его медлительныхъ жестахъ, какъ бы хотѣлъ сказать: «онъ желалъ разговаривать когда время было, теперь самъ ничего не скажу».

На дорогѣ стояло нѣсколько арбъ; прислонившись къ скалѣ, сидѣло нѣсколько осетинъ, неподалеку кипѣлъ огромный самоваръ, еще подальше трещалъ костеръ, надъ ярко горѣвшими углями котораго, нѣсколько туземцевъ, присѣвшихъ на корточки и загнутыхъ ноги своихъ черкесовъ за пояса, жарили на длинныхъ шампурахъ шашлыкъ.

Дорога дѣлала крутой поворотъ.

Маржецкій увидалъ какое-то немудреное зданіе — не то станцію не то ресторанъ, впрочемъ, нисколько не похожій на петербургскій, и немного лучше видѣннаго имъ духана. На воротахъ, ведущихъ въ садъ, расположенный надъ самымъ обрывомъ ущелья, красовалась надпись: «Не уѣзжай, голубчикъ мой!»

— Господа, стало быть, въ саду, надъ рѣкой, — замѣтилъ Гурьянъ и остановилъ лошадей.

Изъ сада неслись тѣ же крикливые и унылые звуки, прерываемые криками человѣческихъ голосовъ, взрывами хохота, смѣшаннымъ гамомъ.

Маржецкаго взяла оторопь.

— Сильно выпили, должно быть, — проговорилъ онъ, — ужь ли?

И вдругъ онъ услышалъ звуки лезгинки и хлопанье въ ладоши. Это его очень заинтересовало, и онъ рѣшительно двинулся впередъ.

Становилось уже темно, и онъ съ трудомъ различалъ предметы; нота наступала какъ-то необыкновенно быстро, сразу, неожиданно. Онъ не привыкъ къ этому и вспомнилъ бѣлыя петербургскія ночи.

Вдали блистали огоньки, и онъ направился къ нимъ.

Его встрѣтили шумно.

— Mesdames et messieurs, — торжественно произнесъ Титовъ, вставъ съ своего мѣста, — позвольте вамъ представить — мой новый сослуживецъ...

Онъ нѣсколько затруднился, припоминая имя гостя, и тотъ помогъ ему:

— Аполлонъ Викторовичъ Маржецкій.

— Аполлонъ Викторовичъ, — продолжалъ свою рѣчь Титовъ, — съ этого дня становится членомъ нашего общества. Онъ, какъ видите, человекъ молодой, интеллигентный, столичный житель...

— О... — протестовалъ Маржецкій.

— Столичный житель, — проворчалъ кто-то около него, — просто — петербургскій фазанъ.

— Ему, конечно, покажется въ первое время невесело въ нашей глухой провинціи, — продолжалъ словоохотливый ораторъ, причемъ Маржецкому показалось, что Титовъ не очень твердъ на ногахъ и въ рѣчахъ. На его послѣднія слова послышался недовольный ропоть.

Тѣмъ не менѣе Титовъ продолжалъ:

— Но, познакомившись съ нашимъ милымъ обществомъ и, въ особенности, съ нашими обольстительными дамами... да, съ нашими дамами, онъ убѣдится, что и здѣсь живутъ люди... интеле... интеллигентные... Единеніе столицы съ провинціей...

— Ну, Титовъ сѣлъ на своего конька, — проворчалъ тотъ же недовольный голосъ.

Бто-то крикнулъ, перебивая Титова:

— А потому — ура! Тушь! Тушь!

Сазандары на своихъ странныхъ инструментахъ проиграли какой-то дикій мотивъ, и многіе запѣли нестройнымъ хоромъ на какомъ-то непонятномъ языкѣ привѣтствіе. Маржецкій разслышалъ только одно слово: «мравалжаміе», но что оно означало, онъ не понималъ.

Онъ хотѣлъ отвѣчать, но нѣкоторые крикнули:

— Рѣчей не надо!

Тотъ же недовольный голосъ прошепталъ ему:

— Просто садитесь, ѣшьте и пейте.

Онъ покорно сѣлъ, поклонившись и пробормотавъ что-то, и всѣ, повидимому, точно забыли о немъ.

Общество было навеселѣ. Лица у всѣхъ были разгорячены, голоса хриплые, глаза масляные.

Слуги въ черкесахъ носили бутылки за бутылками, кахетинское вино лилось рѣкой. Онъ чувствовалъ себя неловко.

Тулумбашъ—распорядитель пирушки, облеченный съ общаго согласія властью произносить тосты—приставалъ къ Титову, требуя съ него удовлетворенія за нарушеніе его права. Это онъ долженъ былъ встрѣтить новопривышлаго и привѣтствовать его рѣчью.

— Штрафъ, штрафъ! — кричали нѣкоторые.

Тулумбашъ, высокій полковникъ съ длиннѣйшею бородою съ просьбою, поднесъ Титову турій рогъ, наполненный кахетинскимъ виномъ, которое тотъ долженъ былъ выпить въ наказаніе залпомъ. Титовъ выпилъ и послѣ того окончательно смолкъ.

Полковникъ присталъ къ Маржецкому, съ требованіемъ «догнать» компанію. По его счету оказалось, что выпито было шесть тостовъ, соотвѣтственно которымъ онъ долженъ будетъ выпить шесть стаканчиковъ вина.

Маржецкій испуганно улыбался, не зная, можно ли отказаться, и спросилъ сколько тостовъ еще не выпито? Оказалось еще около десятка. Тогда онъ на-отрѣзъ отказался. Въ нему приставали, Титовъ его защищалъ, но скоро какъ-то свисъ, махнулъ рукой и задремалъ. Наконецъ, Маржецкому пришлось уступить: передъ нимъ поставили шесть стаканчиковъ на подносѣ. Вино показалось ему съ непривычки отвратительнымъ, кислымъ и пахло бурдюкомъ. Морщась, онъ выпилъ три стаканчика, послѣ чего его оставили въ покоѣ; остальные три онъ незамѣтно вылилъ прямо на землю.

— Еслибъ увидѣли, что вы дѣлаете, — услыхалъ онъ около себя пріятный женскій голосъ, — васъ бы заставили выпить «штрафъ».

— Турій рогъ? — спросилъ онъ и почувствовалъ, какъ у него зашумѣло въ головѣ и передъ глазами пошли круги.

Дама засмѣялась, ничего не отвѣтивъ. Тулумбашъ говорилъ какую-то рѣчь. Содержатель кабачка обходилъ всѣхъ съ виномъ и наполнялъ пустые стаканы. Въ его сторону посмотрѣлъ полковникъ.

— Ого! — воскликнулъ онъ радостно, — столичный гость пьетъ лихо! Всѣ шесть опустѣли! Ну, это будетъ нашъ! По-кавказски... (Лица знаетъ, какихъ намъ людей нужно. Выпьемъ за процвѣтаніе Петербурга!

Маржецкому налили седьмой стаканчикъ. Отъ этого тоста онъ могъ отказаться и выпилъ вино съ удовольствіемъ, вспоминая о Петербургѣ.

Потомъ началась опять лезгинка. Всѣ хлопали въ ладоши подъ звуки туземной музыки, и онъ тоже хлопалъ съ увлеченіемъ. Лез-

гинка ему очень понравилась. Это былъ очень красивый танецъ, исполненный восточной нѣги и сдержанной страсти. Танцевалъ его полковникъ въ черкескѣ и какая-то дама съ восточнымъ типомъ лица, но одѣтая въ обыкновенное городское платье.

Теперь онъ могъ присмотрѣться къ обществу, въ которое попалъ. И онъ оглядывалъ его, старался разгадать общественное положеніе лицъ, составлявшихъ его, старался разгадать отношенія этихъ лицъ другъ къ другу; но такъ какъ онъ никого не зналъ кромѣ Титова, а Титовъ былъ невидимъ, то это ему не удавалось.

— Вы на меня не обращаете никакого вниманія, — сказала ему дама, сидѣвшая съ нимъ рядомъ, — и совершенно напрасно. Я могу разсердиться и донести на васъ. Васъ тогда заставятъ вынуть «штрафъ», и вы станете похожи на Титова.

— Простите ради Бога, — оправдывался онъ. — Я заглядѣлся на лезгинку, все это для меня такъ странно и такъ ново. Я никогда не бывалъ раньше въ провинціи.

— Пожалуйста, не произносите этого слова. Я его не переношу. Кавказъ — не провинція. Это не Полтава и не Воронежъ. Это не провинція, а своеобразная страна, съ своими обычаями, законами, людьми и нравами. И потомъ петербуржцы какъ-то особенно гадко произносятъ это слово, — въ немъ слышится всегда презрѣніе, пополамъ съ снисхожденіемъ. Какъ будто здѣсь не тѣ же люди, не тѣ же женщины? Взгляните на меня? Развѣ я ужъ такъ похожа на провинціальную барышню?

Она засмѣялась, а онъ принялся ее осматривать. Она ему понравилась. Матовое лицо, огромные, темные, безъ блеска глаза, черные, безъ блеску волосы, расположившіеся ореоломъ вокругъ красиваго лба, бѣлые ровные зубки, мелкіе какъ у бѣлки, нервная, сухая рука, изящное легкое, мѣтнее платье свѣтло-желтаго цвѣта, сшитое по модѣ.

«Она хоть куда!» — подумалъ онъ, кончивъ осмотръ.

— Ну что?... ничего, вѣдь? — спросила она, ласково ему улыбаясь.

— И очень, — засмѣялся онъ. — *Tout à fait chic.*

— Ну вотъ видите. Ну, теперь нѣсколько біографическихъ данныхъ. Зовутъ меня — Лизой. Лизавета Степановна Хомякова. Во въ тамъ, видите... вонъ полная дама — это моя мама — Екатерина Алексѣевна, вдова генераль-маіора. У насъ принято давать всѣмъ прозвища и, съ легкой руки губернаторши, меня называютъ «*Lise de siècle*».

Маржецкій засмѣялся.

— Очень милое прозвище... *Lise fin de siècle*,—повторилъ онъ про себя, и ему понравился звукъ этихъ словъ.—Но почему васъ такъ прозвали?

— Ахъ, это очень просто... У насъ туго прививаются новшества, а я катаюсь на велосипедѣ, верхомъ... Не люблю ничего, что *zierlich-maenierlich* и вообще признаю полную свободу дѣйствій. Это шокируетъ нѣкоторые столпы нашего общества, *mais je m'en fiche pas mal!*

Она какъ-то смѣшно гримасничала, и это очень нравилось Маржецкому, потому что придавало ей видъ, котораго онъ не могъ иначе опредѣлить, какъ словами «*petite polissone*».

— Смотрите, мама уже подслушиваетъ. Она всегда за меня боится. А чего за меня бояться, когда я сама за себя не боюсь. Это лучшая гарантія, не правда ли? Видите, она пересѣла на два стула ближе.—И вдругъ, прервавъ себя, она его спросила:—вы пріѣхали съ Гурьяномъ?

— Да.

— Это мой другъ...

Полная дама не выдержала и, взглянувъ на нее строго, сказала:

— Лиза, ты ужъ начинаешь говорить глупости.

— А ты подслушала?

Лиза представила Маржецкаго.

— Не слушайте ее, пожалуйста,—сказала, улыбаясь ему, Хомякова,—это такая болтушка и потому у нея нѣтъ критерія.

Лиза расхохоталась.

— Вы слышали—у меня нѣтъ критерія?—обратилась она къ Маржецкому.—Вы подняли брови, когда я заговорила о Гурьянѣ,—продолжала она,—поднятіе бровей—знакъ удивленія. Когда говорю, что это мой другъ—это просто манера выражаться. Я ѣздила съ нимъ кататься въ горы, и онъ забавлялъ меня разсказами изъ отдѣла хроники городской свѣтской жизни. *C'était très amusant*. Я хотала до слезъ. Но онъ много вретъ, Гурьянъ.

— *Lise!*—съ упрекомъ остановила ее Хомякова.

— *Ragdon, machin!* Онъ увлекается, хотѣла я сказать.

— Вы познакомились, конечно, съ нашей губернаторшей,—говорила съ Маржецкимъ Хомякова,—съ *m-me Арлениной*, какое а произвела на васъ впечатлѣніе?

— Она мнѣ очень понравилась.

— *La belle au bois dormant*,—вставила Лиза.—Она производитъ меня впечатлѣніе спящей красавицы, заснувшей гдѣ 38 то-назадъ...

— Какая ты злая... Лиза.

— ...И съ тѣхъ поръ ожидающей поцѣлуя принца, чтобы проснуться. Ужь не вы ли будете этимъ принцемъ?—засмѣялась она.

— Это невозможно, Лиза, что ты говоришь!—недовольно пожала плечами ея мать и, вставъ со стула, демонстративно удалилась отъ стола.

— Смѣшныя эти маменьки, онѣ все боятся, чтобъ ихъ дочки не пугали жениховъ излишней развязностью,—проговорила Лиза.

— Ну, нынѣшняго жениха ничѣмъ не испугаешь,—отвѣтилъ ей Маржецкій.

— Отчего?

— Да потому, что они уже достаточно напуганы.

Лиза оглядѣла его искоса съ ногъ до головы и неопредѣленно усмѣхнулась.

Лезгинка продолжалась; новыя пары выступали одна за другой.

— Пойдемте къ обрыву, хотите?—сказала Лиза и взяла Маржецкаго подъ руку.

Они подошли къ самому краю небольшого плато, на которомъ былъ выстроенъ ресторанъ. Снизу подымался шумъ отъ бурно стремившейся на днѣ ущелья рѣки. Небо совершенно потемнѣло и походило теперь на бархатъ густого синяго цвѣта и было усыяно мириадами звѣздъ. За зубчатымъ краемъ противоположной горы, прикрытой сверху серебристымъ покровомъ вѣчнаго снѣга, небо свѣтлѣло,—тамъ, за горой, вставала луна. Внизу свѣтились огоньки и казалось, что они недосыгаемо далеки.

— Это ауль,—сказала Лиза.

Маржецкій ничего не отвѣтилъ. Ему здѣсь стало легче; вѣтерокъ, насыщенный ароматами цвѣтовъ, освѣжилъ его пылавшую голову; въ ухахъ не стоялъ больше невыносимо рѣзкій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гнусавый крикъ зурны и монотонное сочетание двухъ шумовъ—и ударовъ въ барабанъ и хлопанья въ ладоши: разстояніе и шумъ рѣки заглушили музыку сазандаровъ.

— Какъ хорошо здѣсь, Боже, какъ хорошо!—вздохнулъ онъ полною грудью и прислонился къ стволу высокаго и тѣнистаго чинара.

— А! Вы находите?—спросила Лиза.—Этого, пожалуй, не хватаетъ вамъ въ Петербургѣ?

— Чего, «этого»?

— Природы.

— Какъ вамъ сказать? Мы, какъ-то, объ этомъ не думаемъ. Человѣкъ быстро привыкаетъ къ лишениямъ, какъ и къ изобилію.

Вы, вотъ, навѣрное, уже такъ привыкли къ чудной природѣ Кавказа, что не обращаете на нее вниманія и перестали восхищаться ею? Ну, а намъ, среди нашихъ тумановъ и безконечныхъ зимъ, среди сутолоки столичной жизни, некогда думать о ней... Но, конечно, это лишеніе. Мы о природѣ вспоминаемъ рѣдко, весной, когда проглянетъ солнце, но оно проглядываетъ рѣдко. Конечно, забыть вовсе, что существуютъ страны съ солнцемъ и зеленью, мы не можемъ, но приходится, вѣдь, мириться...

Лиза молчала.

Брая противоположной громады вдругъ засверкали, показалась луна и залила своимъ свѣтомъ ущелье. Кое-гдѣ, внизу, она коснулась своими таинственными фосфорическими лучами рѣки, и теперь Маржецкому казалось, что тамъ ползетъ гигантская змѣя съ блестящею серебряною чешуей.

— Право, — заговорилъ Маржецкій, невольно понижая голосъ подъ влияніемъ этой торжественной ночи, — это походить на волшебный міръ... Мнѣ представляются чудеса. Вотъ на такой скалѣ, вѣроятно, прикованъ былъ когда-то Прометей, похитившій съ неба огонь для людей, и огонь этотъ, какъ искры, рассыпался по всей вселенной... Смотрите, — теперь прометеевъ огонь въ каждой саглѣ горнаго аула... На немъ готовить пищу, онъ весело горитъ въ каминѣ, и вокругъ него сидятъ горцы рассказывая другъ другу преданья старины глубокой или живыя еще воспоминанія о завоеваніи Кавказа русскими... Это, вѣдь, тоже была борьба титановъ...

— Вы, повидимому, сильны въ мифологіи? — спросила она его съ чуть замѣтной ноткой насмѣшки въ голосѣ. — Почему-то всѣ «русскіе», — васъ, вѣдь, не здѣшнихъ уроженцевъ, называютъ «русскими», въ отличіе отъ кавказцевъ, — всегда вспоминаютъ Прометея, при видѣ нашихъ скалъ. Это что-то роковое. Обязательно — Прометея, никого больше... Отчего это? Мнѣ кажется, оттого, что ни одинъ изъ нихъ дальше этого мѣста не ушелъ, — онъ, вѣдь, помѣщенъ первымъ во всѣхъ книжкахъ и учебникахъ. Держу пари, вы даже не знаете продолженія и этого мѣста.

Маржецкій сдѣлалъ усиліе припомнить, но тщетно.

— Не знаю, — сознался онъ.

Она быстрымъ движеніемъ опустилась на камень, выдававшійся надъ обрывомъ, и ему показалось, что она летитъ въ бездну. Онъ громко вскрикнулъ, она разсмѣялась.

— Не бойтесь, я хорошо знаю мѣсто.

— Сумасшедшая, — проворчалъ онъ, съ трудомъ успокоиваясь.

Она оправила платье, подняла руку къ свѣсившейся надъ ней

вѣткѣ бѣлой акаціи, сорвала ее и, взглянувъ на Маржецкаго, опять звонко засмѣялась.

— Чему вы?—недовольно спросилъ онъ ее.

— Вы съ такимъ вниманіемъ меня разглядываете... Вы нашли во мнѣ что-нибудь необыкновенное?

— Конечно, вы необыкновенны... Вы похожи теперь на горную фею соблазнительной красоты, сидящую на краю обрыва и заманивающую одинокихъ путниковъ въ свои сѣти. И вы такъ эффектно освѣщены луной! Ахъ, еслибы вы распустили ваши волосы,—вы были бы совсѣмъ феей... Вотъ онѣ кавказскія ночи... Какая волшебная красота!... А я-то думалъ еще вчера, что все это сказки, что все это преувеличено, что ничего этого нѣтъ. И вдругъ этотъ душистый вечеръ, эти высокія стѣны горъ, эта бархатная ночь и эти туманные ризы серебра!...

— Знаете что?—прервала она его.—Я похожа на фею горъ. А знаете, на кого вы похожи?

— На кого?

— На соловья, заслушивающагося собственнаго пѣнья. У васъ выработанный стиль. Вы краснорѣчивы и вы увлекаетесь собственнымъ краснорѣчіемъ. Вы не знаете, куда оно васъ приведетъ и вы отдаетесь его потоку. Чтобы не выходить изъ области миеологін, вы—Нарциссъ. Это краснорѣчіе, вѣроятно, погубило не мало наивныхъ женщинъ. Вѣдь, насъ заговорить не трудно. Но когда вы говорите, я не могу васъ себѣ представить иначе, какъ съ закрытыми глазами!...

— Почему же?

— Я вамъ сказала,—вы заслушиваетесь сами себя. Соловьи всегда такъ дѣлаютъ. И я васъ рисую себѣ маленькой сѣренькой птичкой, качающейся на вѣткѣ дерева. Смѣшной образъ для такого элегантнаго мужчины, какъ вы, не правда ли?

«Зачѣмъ она издѣвается?»—думалъ онъ, и, чтобы перебить теченіе ея мыслей, онъ сказалъ:

— Ну, что-жъ, и соловьемъ быть не дурно, въ особенности когда ему приходится пѣть свои пѣсни передъ такой красавицей востока.

— Почему же востока?—улыбнулась она.

— Потому что у васъ восточный типъ красоты. Вы похожи на одалиску.

— Вотъ сюрпризъ! То—фея, то—одалиска!...

— Когда вы сидѣли за столомъ, вы были похожи на одалиску;

теперь, на краю этого обрыва, въ этомъ блескѣ луны—вы похожи на фею... Однако, что же о Прометей?

— Ахъ, да. Ну, такъ вотъ, слушайте. Зевесъ, пригвоздивъ Прометея къ скалѣ, не отнялъ у людей огня.

— Это я знаю.

— Прошу не перебивать. Но, все-таки, захотѣлъ отмстить и послать имъ горе: велѣлъ Гефесту создать изъ земли и воды чудную дѣву; Афина съ Харитами одѣла ее въ одежду, сотканную изъ серебра...

Онъ взглянулъ на нее и не могъ не воскликнуть:

— Да вы описываете самоё себя!...

Она, повидимому, не обратила вниманія на эти слова, потому что спокойно продолжала:

— Вьющиеся волосы ея украсили вѣнкомъ изъ дивныхъ розъ и на голову ея еще возложили золотой вѣнецъ. Афродита окружила ея чело прелестью и одарила ее соблазнительными чарами и желаніемъ нравиться; Гермесъ одарилъ ее вкрадчивою коварною рѣчью и скрытностью... Словомъ, общими усиліями была создана женщина на пагубу людямъ. Какъ видите, очаровательный Прометей... то-есть соловей, хотѣла я сказать, это осталось вѣрнымъ и для нынѣшняго времени. Ну-съ, и вотъ эту-то Пандору... вы знаете, что такое «Пандора» значитъ?

— Забылъ,—отвѣтилъ Маржецкій.

— «Пандора», значитъ, «всѣмъ одаренная»... Такъ вотъ, Пандору Гермесъ ввелъ въ домъ Прометеева брата. Ну, конечно, Прометеевъ братъ влюбился немедленно, женился... Чудная дѣва стала, само собой, праматерью всѣхъ женъ и чудныхъ дѣвъ на землѣ. Вскорѣ Прометеевъ братъ,—забыла его имя,—увидѣлъ, какое горе онъ принялъ въ свой домъ. Любопытная женщина не замедлила снять съ сосуда, стоявшаго въ домѣ, крышку и выпустила на свѣтъ всѣ горести и бѣдствія. И хотя она быстро захлопнула крышку, но въ сосудѣ осталась лишь одна Надежда... Съ тѣхъ поръ безконечный рой бѣдствій носится надъ смертными; горе и скорбь окружаютъ человѣка; прежде смерть подходила къ нему тихо, какъ съ, съ тѣхъ поръ она сопровождается болѣзнями и муками. Вотъ сдѣлала чудная дѣва съ человѣчествомъ.

— Это все?—спросилъ Маржецкій.

— Все, чего же вамъ больше?—отвѣтила она.—Или вамъ трясется еще поученіе, какъ въ басняхъ?

— Пожалуй, это было бы не дурно, потому что, откровенно говоря, я не совсѣмъ понялъ, къ чему...

— ...Я вамъ рассказала конецъ мѣа? Да просто потому, что вы мнѣ рассказали начало. А, впрочемъ, есть и поученіе. Вы всё столичные Прометейявляетесь сюда, въ нашу «глухую провинцію», на наши «дикія окраины» и воображаете произвести переворотъ въ тихомъ муравейникѣ, именуемомъ губернскимъ городомъ. Это написано на вашихъ каменныхъ, какъ бы изваянныхъ лицахъ; на нихъ можно прочесть сознание своего величія или отличія отъ жалкихъ провинціаловъ и высшее къ нимъ презрѣніе... И вы думаете, что оказываете величайшую честь провинціи, когда являетесь въ провинціальный городъ изъ столицы... Правда, это переселеніе въ наши дебри происходитъ часто по «не зависящимъ отъ васъ причинамъ», то-есть вслѣдствіе накопленія долговъ или вообще чего-нибудь въ этомъ родѣ...

— Благодарю васъ,—прервалъ онъ ее.

— На здоровье. Но ваша культурная миссія въ большинствѣ случаевъ заключается въ томъ, что вы покажете новый покрой сюртука или новый способъ жать руку, подавая ее дугою. И вы воображаете, что открыли намъ Америку, что приобщили насъ къ столичной культурѣ, что принесли намъ огонь съ неба. И держитесь вы какъ Прометей... Будируете на столицу, тайно вожделья къ ней, и снисходите къ намъ, мелкимъ людишкамъ. Ну, а кончаете вы всё какъ Прометеевы братья...

— То-есть?

— Женитесь на нашихъ мѣстныхъ Пандорахъ и на вѣки сами себя приковываете къ скаламъ нашей пламенной Колхиды.

— Какая вы умница!—вырвалось у Маржецкаго —и злая, ухъ, какая злая... И вы въ тысячу разъ лучше Пандоры...

— Вотъ, вотъ, г. Прометеевъ братья! Это именно то, про что я говорила. Берегитесь, не разыграйте въ лицахъ мѣа. Смотрите, вы на мнѣ женитесь еще! Или, можетъ быть, вы женаты?—вдругъ рѣзко прибавила она.

Маржецкій замаялся.

— Н-нѣтъ,—нерѣшительно отвѣтилъ онъ.

Она взглянула на него сбоку, замѣтила его смущенный видъ и улыбнулась.

— И потомъ, несмотря на все ваше прометейство, вы ужасно наивные люди,—продолжала она.—Всѣ петербуржцы умѣютъ красно говорить и восторгаться природой, которую они никогда не видали. «Ахъ, луна! Ахъ, звѣзда! Ахъ, Терекъ «дигъ и злобець!» Ахъ, башня Тамары!» И воображаютъ, что за поэтическія слова ихъ признаютъ поэтами—существами высшими и отличными... А

внутри васъ бродитъ одно лишь желаніе хорошо пристроиться къ жизни.

— Однако, изъ всего этого я вижу, что вамъ петербуржцы сильно-таки насолили.

Лиза нервно двинулась на своемъ камнѣ и быстро отвѣтила раздраженнымъ тономъ:

— Вы очень проницательны, г. Прометеевъ братъ...

— Почему вы меня такъ называете, прелестная Пандора? Вѣдь я еще ни на комъ изъ мѣстныхъ «чудныхъ дѣвъ» не женился?

— Такъ женитесь.

— Прелестная Пандора, вы превращаетесь въ Псиюю.

Лиза ничего не отвѣтила. Она вскочила на свой камень, подняла къ вѣтвямъ дерева руку и сорвала вѣтку бѣлой акаціи. Онъ залюбовался ея изящной фигуркой.

— Какая вы неосторожная, — не удержался онъ отъ замѣчанія. — Дайте мнѣ эту вѣтку...

— Зачѣмъ?

— На память о нашей встрѣчѣ и о нашемъ разговорѣ.

Она отрицательно покачала головой; потомъ, раздумавъ, протянула ему вѣтку.

— Пожалуй, возьмите. А вы знаете «разговоръ цвѣтовъ»? Символическое значеніе акаціи?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ, — не знаю.

— «Платоническая любовь!» — крикнула она ему, звонко расхохоталась и, легко спрыгнувъ съ камня, убѣжала.

Лезгинка давно уже кончилась; тушили огни, подавали экипажи. Старуха Хомякова суетилась и беспокоилась, разыскивая свою дочь. Отыскавъ ее, она начала дѣлать ей выговоръ.

— *C'est imprudent ce que tu fais là...* Мы всѣ беспокоились. И Петръ Петровичъ, и княжны Старостины... Это скандалъ, нигдѣ тебя нельзя было найти.

— Бѣдный Петръ Петровичъ, онъ безнадежно влюбленъ въ меня, и я понимаю, что онъ меня отыскивалъ. Но Старостины? Онѣ беспокоились не обо мнѣ, а о моемъ кавалерѣ... Онѣ любятъ ргішеиг'ы...

Старуха Хомякова досадливо пожала плечами,

— Ты невозможна, — пробормотала она, садясь въ экипажъ. — Несмотря на всю твою бойкость и экстравагантность, ты никогда найдешь себѣ жениха.

Лиза засмѣялась.

— Мой символъ, *патап*, — бѣлая акація...

Гурьянъ подбавилъ послѣднимъ.

Въ то время, когда Маржецкій хотѣлъ садиться, его кто-то ухватилъ повыше локтя.

— И я съ вами... подвезете?

— Съ удовольствіемъ.

Это былъ высокій полковникъ съ длинной бородой, исполнявшій роль тулумбаша на пирушкѣ.

Они усѣлись. Полковникъ протянулъ ноги, облегченно вздохнулъ и заговорилъ:

— Ну, батенька, я думалъ вы въ самомъ дѣлѣ нашъ—лихо жить начали, а кончили какъ всѣ петербуржцы—бабой. Бабникъ вы, вотъ что!

Маржецкій ничего не отвѣтилъ. По тону и по нѣкоторымъ словамъ онъ понялъ, что полковникъ сильно на-веселѣ.

— Провозились весь вечеръ съ Лизой *fin de siécle*... Что разговору-то будетъ! Ужъ вамъ попадетъ!...

— Да отъ кого же, помилуйте?

— Отъ Насти Зуевой, отъ княженъ Старостинныхъ, отъ Зориной, отъ Рувимской, ото всѣхъ...

— Да я никого изъ нихъ не знаю.

— Я хотѣлъ васъ представить, да гдѣ же васъ взять было? У насъ такъ не дѣлается. Это не Петербургъ, гдѣ полная свобода во всемъ. У насъ надо считаться...

— Съ чѣмъ?

— Съ общественнымъ мнѣніемъ и его традиціями...

— Ну, Богъ съ ними!—рѣшительно отвѣтилъ Маржецкій, которому надоѣло это нравоученіе.—А что вы скажете о Хомяковой?—захотѣлъ онъ услышать чье-нибудь постороннее мнѣніе о Лизѣ.

— О которой—о старухѣ или о молодой?

— Ахъ, Боже мой, конечно о молодой.

— Дѣвочка ничего себѣ,—отвѣтилъ полковникъ.

— Хорошая барышня!—вдругъ авторитетно заявилъ съ козель Гурьянъ.

III.

Когда фэатонъ, выбравшись изъ ущелья, покатилъ по широкой дорогѣ, Маржецкій оглянулся; назадъ, уже дальнія, высились горы, начинавшія розовѣть въ лучахъ восходившаго солнца. Настало утро, прекрасное, румяное утро кавказской весны.

Маржецкій вздохнулъ полною грудью. Угаръ этого странна

вечера начиналъ проходить, и ему казалось теперь, что все это было сномъ, кошмаромъ, которымъ его, въ первый день прїѣзда, встрѣтилъ Кавказъ.

По дорогѣ онъ высадилъ гдѣ-то полковника и продолжалъ путь одинъ.

— Откуда ты знаешь барышню Хомякову?—вдругъ спросилъ онъ дремавшаго Гурьяна, качавшагося на козлахъ.

Тотъ не сразу ему отвѣтилъ.

— Вздиль, стало быть, съ ею,—наконецъ, проговорилъ онъ.

— Съ нею... съ одною?—продолжалъ онъ.

Гурьянъ сдѣлалъ полуоборотъ на своемъ сидѣннѣ, косо взглянулъ на сѣдока и, ухмыльнувшись въ бороду, отвѣтилъ:

— Съ нею, съ одною. Говорю—хорошая барышня.

Маржецкому вдругъ стало легче на душѣ.

«Богъ ее знаетъ, что это за тищъ,—подумалъ онъ,—а только прехорошенькая и препивантная».

И вдругъ эта мысль смѣнилась другою:

«А что-то теперь дѣлаетъ Маруся?»

Сердце его сжалось при этой мысли, и какой-то тайный упрекъ тронулъ его душу.

Онъ со вчерашняго утра оставилъ ее одну, — одну, въ совершенно незнакомомъ городѣ, среди незнакомыхъ людей, въ какой-то гостиницѣ... Онъ даже уѣхалъ, не повидавшись съ нею и, въ суетѣ, не оставивъ записки; положимъ, онъ предупредилъ ее, что его могутъ задержать на весь день у губернатора; положимъ, она привыкла къ его частымъ уходамъ изъ дому и позднимъ возвращеніямъ. И, по его понятіямъ, не это было скверно, что онъ оставилъ ее одну, а то, что за цѣлыя почти сутки онъ ни разу не вспомнилъ о ней. Прежде этого не бывало. Прежде всегда, находясь въ самомъ веселомъ обществѣ, ему вспоминалось ея грустное личико съ большими голубыми задумчивыми глазами, въ которыхъ было столько грусти, столько нѣжнаго чувства. Онъ любилъ эти глаза на яву, любилъ и вспоминать о нихъ, когда былъ далеко отъ нихъ, и эти воспоминанія будили въ немъ временно засыпавшія чувства къ ихъ бладетельницѣ. Сколько борьбы вынесъ онъ за эти мечтательные часы, сколько имъ пожертвовалъ онъ ради нихъ...

Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ покинулъ Петербургъ, глаза эти гали еще задумчивѣе и грусти въ нихъ стало еще больше; но онъ гблался къ нимъ холоднѣе, безучастнѣе, равнодушнѣе; и по мѣрѣ го, какъ поѣздъ уносилъ его и Марусю все дальше и дальше къ ту, къ той странѣ, гдѣ «вершины цѣпи снѣговой свѣтло-лиловою

стѣнной на чистомъ небѣ рисовались, а въ часъ заката одѣвались онѣ румяной пеленой», это недоброе чувство все росло и росло.

Откуда оно взялось? Неужели ему жаль было покинуть холодный и туманный Петербургъ? Неужели его не удовлетворяла болѣе любовь Маруси, и ему захотѣлось новыхъ увлеченій, новыхъ «развлеченій»? Онъ самъ не могъ бы отвѣтить на эти вопросы. Его скучающая петербургская душа дѣйствительно томила какъ-то смутнымъ, неопредѣленнымъ томленіемъ, — въ ней образовалась трещинка, которая, конечно, должна будетъ разрастаться и разрастаться и, кто знаетъ, можетъ быть, скоро превратится въ цѣлую брешь...

Маруся больна, онъ зналъ это. Это было одною изъ причинъ ихъ бѣгства на югъ; врачи настоятельно этого требовали, и это было еще одною, чуть ли не важнѣйшею изъ всѣхъ уже принесенныхъ имъ жертвъ. И ему было жалко ее, и ему было больно за эту угасавшую молодую жизнь. Врачи возлагали большія надежды на благотворный климатъ юга, но онъ извѣрился во врачахъ и молча, не желая тревожить больную, сомнѣвался.

Но отчего же, отчего онъ ни разу не вспомнилъ ее за цѣлыя сутки, и теперь, когда ему хочется увидѣть передъ собой ея милое, печальное лицо, передъ его закрытыми глазами встаетъ образъ этой кавказской Пандоры—Лизы *fin de siècle*?

— Къ «Лондону» приважете?—слышитъ онъ голосъ Гурьяна и просыпается.

— Да, въ гостиницу «Лондонъ».

Онъ прошелъ прямо къ себѣ въ комнату, раздѣлся, надѣлъ туфли и черезъ дверь, соединявшую оба номера, вошелъ въ комнату Маруси. Ея кровать была заставлена ширмой, и въ комнатѣ была тишина.

Маржецкому стало жутко.

Онъ сталъ прислушиваться къ этой удручающей тишинѣ, стараясь уловить въ ней хоть тѣнь звука, хотя намекъ на дыханіе. Но голова его кружилась, въ ушахъ шумѣло, и это мѣшало ему что-либо слышать.

Тогда онъ заглянулъ за ширму.

Тамъ, на узенькой кровати, разметавшись во снѣ, лежала Маруся. Какъ она походила на покойницу! Высокій бѣлый лобъ ея былъ особенно блѣденъ, да и во всемъ лицѣ не было ни кровинки. Исхудавшія руки беспомощно какъ-то лежали, вытянутыя по бѣлому одѣялу, черезъ которое обрисовывались ея почти острые колѣни. Она лежала неподвижно, и можно было подумать, что она умерла.

Сердце его мучительно сжалось.

Онъ подошелъ ближе, наклонился ниже надъ нею. Въ вискахъ его стучало. Маруся спала чутко, и вѣки ея чуть вздрагивали. Тогда онъ успокоился. Радостное чувство охватило его. Ему захотѣлось поцѣловать ея, но онъ не хотѣлъ ея будить и тихо вышелъ изъ комнаты.

Черезъ полчаса онъ улышалъ слабый голосъ Маруси:

— Аполлонъ, ты уже пріѣхалъ?

Онъ поспѣшилъ на зовъ.

Она его стала разспрашивать о проведенномъ имъ днѣ. Онъ началъ рассказъ весело, въ игривомъ тонѣ, стараясь въ шуточной импровизаціи представить губернаторшу, пирушку въ «Урочищѣ», полковника-тулумбаша, но когда рассказъ его подошелъ къ знакомству съ Лизой Хомяковой, онъ почему-то запнулся и умолкъ.

Маруся слушала его, не прерывая, но потому, очевидно, не выдержавъ, стала ревниво разспрашивать о томъ, хороша ли губернаторша, много ли было интересныхъ дамъ и барышень и покорилъ ли онъ сердце хотя одной изъ нихъ.

Онъ терпѣть не могъ этихъ разспросовъ и этого ея тона. Настроеніе его стало портиться. Ему послышались въ ея голосѣ знакомыя тревожныя нотки, которыя онъ почти ненавидѣлъ; недавняя жалость къ ней, овладѣвшая имъ, медленно начинала таять, какъ воскъ подъ огнемъ. Его голосъ становился нервнѣе и нервнѣе, и незанѣтно они подошли къ сценѣ.

Въ послѣдній годъ эти сцены дѣлались все чаще и чаще. Сначала оба боялись ихъ и всячески старались ихъ избѣгать, обходя жгучіе вопросы; потомъ жгучіе вопросы обходить становилось все труднѣе и труднѣе, да и сами эти вопросы вырастали неожиданно, сами собою, и въ концѣ концовъ сцены сдѣлались обычнымъ явленіемъ ихъ жизни и свили себѣ въ ней прочное гнѣздо. Маржецкій самъ никакъ не могъ опредѣлить своихъ отношеній къ Марусѣ. Когда она, по утрамъ, лежала одинокая, почти уже покинутая, на своей узенькой кровати, блѣдная, худая и хвораая, ему казалось, что онъ любитъ ея, и преисполнялся къ ней жалостью. Когда она начинала ревновать его и у нихъ возгоралась сцена, онъ къ ней не чувствовалъ ни любви, ни жалости, ни состраданія. Злобное чувство закипало въ немъ, и онъ начиналъ ея почти ненавидѣть. Имъ тогда овладѣвало' неудержимое желаніе свободы, воли, одиночества, и въ умъ его впалзывала, крадучись, преступная мысль— «хоть бы скорѣе ужъ умерла». Онъ не выговаривалъ этой мысли, душилъ ее въ ея основаніи, но она, тѣмъ не менѣе, услѣвала до-

вольно отчетливо проявляться, какъ новая картина волшебнаго фонаря, идущая на смѣну старой и не нашедшая еще своего настоящаго фокуса и надлежащаго освѣщенія.

— Ну, ты опять за свое...—кисло произнесъ онъ,—право, Маруся, это скучно.

— А ты думаешь мнѣ не скучно было сидѣть въ этомъ номерѣ цѣлый день одной, въ чужомъ городѣ?...—съ загорѣвшимся взоромъ проговорила она, одѣваясь.

— Вѣрю что скучно, но что же дѣлать? Ты сама знаешь, здѣсь не Петербургъ. Тамъ, уйдя со службы, ты вольный человекъ и забылъ даже, что существуетъ служба. Здѣсь—другое дѣло. Здѣсь ты всегда на службѣ. Всѣ тебя знаютъ, и ты всѣхъ знаешь; за тобой слѣдятъ. О тебѣ говорятъ. Меня уже сегодня двое спрашивали, женатъ ли я. Наконецъ, ты знаешь, я не по своей волѣ уѣхалъ. Ты же жаловалась, что тебѣ не по душѣ Петербургъ, что ты рада бросить свою театральную службу и закулисныя дрязги, наконецъ, доктора велѣли тебѣ ѣхать на югъ. Я все сдѣлалъ, что нужно, что отъ меня требовалось, что я могъ...

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, раздраженіе его нарастало.

— Я перемѣнилъ службу, рассорился съ родными, уѣхалъ сюда... Такъ дай же мнѣ, наконецъ, дышать и жить...

— О,—прервала она его,—я знаю, что ты для меня принесъ много жертвъ, слишкомъ много жертвъ... И я тебѣ очень благодарна. Но ты такъ часто говоришь объ этихъ жертвахъ... какъ будто боишься, что я о нихъ забуду. Но я не забуду о нихъ, не забуду. У меня хорошая память. И я знаю, что связала тебя по рукамъ и ногамъ... И я молю Бога, чтобъ Онъ освободилъ тебя скорѣе отъ меня. И, кажется, молитва эта услышана и настанетъ скоро часъ... когда... когда... я перестану мучить тебя.

Голосъ ея задрожалъ, на грустныхъ голубыхъ глазахъ ея выступили слезы. Тщедушная узенькая грудь ея усиленно подымалась, тщету стараясь вобрать въ себя возможно больше воздуха; наконецъ, она зарыдала.

— Маруся, Маруся... ну, вотъ...—растерянно говорилъ онъ, вытирая ей глаза платкомъ, какъ ребенку.—Ну изъ-за чего? Право, я даже не пойму ничего. Ну, какъ тебѣ не стыдно?...

Онъ сталъ утѣшать ее, ласкать, приголубливать. Но у него ничего не выходило. Онъ не находилъ въ себѣ нѣжныхъ чувствъ къ ней, и слова его шли съ языка, а не изъ сердца. Поэтому они выходили сухими, холодными.

— Ты же знаешь, наше положеніе нелегально... то-есть не

совѣтъ легально. Намъ не передѣлать общества. Необходимо подчиняться его требованіямъ. Когда мы все это оформимъ...

— Ты говоришь это уже три года... Да я и не требую. Я свыклась съ своимъ положеніемъ. Я ничего не хочу отъ тебя, кромѣ вниманія...

— Три года! Ты отлично знаешь, что я не могъ поступить иначе. Здѣсь это будетъ сдѣлать легче. Удастся же мнѣ, наконецъ, сложить отца; ты знакома съ его взглядами; идти же изъ-за этого подъ судъ...

— Ахъ, ради Бога, не пугай меня этимъ. Когда ты начинаешь говорить о судѣ, мнѣ дѣлается страшно, и я тогда сознаю всю величину твоей жертвы... Ничего, ничего мнѣ не надо...

Она задумалась, а онъ замолчалъ. Всегда ихъ сцены кончались такимъ образомъ. Онъ зналъ, чѣмъ можно было покорить ее, и нерѣдко, въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ, пользовался этимъ средствомъ.

Въ сосѣднемъ номерѣ постучались въ дверь.

Онъ поспѣшилъ войти къ себѣ.

Раннимъ посѣтителемъ обазался Титовъ, пришедшій отдать ему визитъ.

Сначала разговоръ не клеился. Титовъ какъ будто конфузился вчерашняго кутежа и того состоянія, въ которомъ онъ находился; Маржецкій, взволнованный еще сценою съ Марусей, вяло подавалъ реплики. Но мало-по-малу разговоръ оживился. Титова послѣ такихъ кутежей всегда мучили угрызенія совѣсти.

— Съ вашей петербургской точки зрѣнія,—говорилъ онъ, воодушевляясь,—вы презираете насъ, коренныхъ провинціаловъ; у васъ составилось такое мнѣніе, что мы коснемъ въ нашихъ глухихъ углахъ въ невѣжествѣ, что мы развлекаемся кутежами и пьянствомъ, что у насъ процвѣтаетъ единственный спортъ—сплетня. Но вы не правы; вы не можете, не должны презирать насъ; конечно, есть и у насъ неблагонадежные элементы... Но есть и вполне порядочные люди.

— Кто же въ этомъ сомнѣвается?

— Но жить у насъ трудно... это вѣрно. И, въ особенности, молодому человѣку съ какими-нибудь опредѣленными задачами и цѣлями. Вотъ и я, въ молодости... о чемъ, о чемъ я не мечталъ только? Мнѣ хотѣлось служить государству и обществу, хотѣлось служить въ духѣ и разумѣ, какъ говорится. А вмѣсто того... — онъ махнулъ рукой и голосъ его чуть дрогнулъ. — Что вышло вмѣсто

того? Я вѣдь кончилъ университетъ, жажда дѣятельности жгла во мнѣ. Но я былъ одинокъ среди этого жалкаго, первобытнаго общества, далекаго отъ всякой культуры. И я долженъ былъ душиить въ себѣ эту мучившую меня жажду дѣятельности, мнѣ не къ чему было примѣнить ее. Ну, что я сдѣлалъ въ своей жизни? Я засѣдалъ въ комиссіяхъ, производилъ дознанія, вводилъ новыя положенія, исполнялъ особыя порученія, но... все это мелочи, мелочи, канитель тягучая, никому не нужная, ни на что не годная. Но большаго отъ меня и не требовалось; еслибъ я вздумалъ навязать обществу большее, — то, что я могъ бы дать при другихъ условіяхъ соціальной жизни, — само общество извергло бы меня изъ своей среды и сочло бы опаснымъ элементомъ; достаточно было бы взяты полутономъ выше нашего камертона — и тотчасъ же я бы былъ выбитъ изъ колеи жизни...

Онъ махнулъ рукой и улынулся.

— Я надоѣлъ вамъ своими жалобами, — виновато прибавилъ онъ.

— Помилуйте, нисколько... Я слушаю васъ съ живымъ интересомъ. Вѣдь и мнѣ придется жить въ этомъ обществѣ и имѣть съ нимъ дѣло.

— Ахъ, вы могли бы имѣть отрезвляющее вліяніе на нашу провинцію! Наше общество живо интересуется столичною жизнью и то, что творится тамъ, всегда составляетъ животрепещущій вопросъ въ нашихъ глухихъ углахъ. Провинція живетъ отраженнымъ свѣтомъ отъ столицы. Но бѣда вся въ томъ, что столица не присылаетъ намъ свѣжихъ силъ, здоровыхъ элементовъ... О, простите, голубчикъ, я говорю не о васъ! Я говорю вообще. Сколько у насъ перебывало столичныхъ! И всѣ кончали тѣмъ же, чѣмъ мы: кутежами, пьянствомъ, ничего недѣланьемъ, лѣнью, картами. А почему? Потому что къ намъ прибывали люди уже тронутые жизнью, уже утомившіеся, уже провинившіеся и явившіеся къ намъ съ безукоризненнымъ прошлымъ, на исправленіе или для отдыха отъ бурь и тревоженій житейскихъ. Нѣтъ, намъ такихъ не надо! Мы сами достаточно безсильны, чтобъ увеличивать еще наше безсиліе отжившими элементами. И всѣ эти «петербургскіе фазаны», какъ у насъ называютъ вашего брата, сначала смотрѣли на насъ, жалкихъ провинціаловъ, сверху внизъ, воображали, что несутъ съ собой изъ столицы новый свѣтъ...

«Неудачные Прометей!» — вспомнились Маржецкому слова Лизы.

— А кончалось тѣмъ, что эти носители свѣта быстро сравни-

вались съ нами; не они управляли обществомъ, а общество дѣлало ихъ своими жалкими орудіями. Ну, и что же? вмѣсто того, чтобы прокладывать новые тропы и пути, эти столичные свѣточы находили болѣе удобнымъ и болѣе спокойнымъ вступить въ старую колею, давно уже проторенную, потому что эта колея вела къ желанной цѣли — къ бездѣйствію и сну. Бездѣйствіе и сонъ въ натурѣ славянскаго человѣка. Вѣдь это мы выдумали гнусныя поговорки: «по одежкѣ протягивай ножки», «тише ѣдешь — дальше будешь», — исповѣданіе застоя и регресса. Эти афоризмы исключають всякую инициативу, всякую попытку двинуться впередъ, всякую возможность усовершенствованія. Гнусныя поговорки, которыя, однако, возводятъ въ перлъ народной мудрости и которыя мы внушаемъ нашимъ дѣтямъ въ видѣ моральныхъ правилъ... Ну, а потомъ известно: «среда заѣла», «жизнь погубила» и прочія жалкія, гаденыя псевдо-оправданія своего же тупоумія. Ахъ, надоѣло это, вотъ какъ надоѣло! А дѣваться-то некуда...

Маржецкаго какъ будто тронула эта искренняя и неожиданно вырвавшаяся исповѣдь незнакомаго человѣка. И ему сдѣлалось немножко страшно за свое будущее.

Между тѣмъ Титовъ продолжалъ:

— И вѣдь все отъ скуки. Мы бездѣльничаемъ отъ скуки и скучаемъ отъ бездѣлья. Мы пьемъ, мы винтимъ — все отъ скуки. Скука, повидимому, одинъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ славянской душевной организаціи. Ну, чего, спрашиваю я васъ, скучаетъ Наталья Сергѣевна? Она — жена губернатора, предсѣдательница всякихъ благотворительныхъ обществъ, женщина красивая и не старая... У нея положеніе, и заботы, и общественная дѣятельность, но у нея, видите ли, «личной жизни» нѣтъ. Что это такое — «личная жизнь»? Это, по нашимъ понятіямъ, просто сердечная витрижка. Тамъ, гдѣ-то далеко отъ насъ, въ цивилизованныхъ странахъ, — дѣло, надъ которымъ работаетъ человѣкъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и составляетъ его личную жизнь; у насъ — личная жизнь отдѣляется отъ всякой иной. Ну, конечно, потому и «скушно». А вотъ влюбится и не будетъ «скушно». А я представляю изъ себя друга губернаторши, которому она повѣряетъ свою скуку. Не весело, мой милый, — ахъ, какъ не весело!

— Ну, вотъ видите, и вы, стало быть, жалуетесь на скуку?

— Что-жъ я? Я человѣкъ притерпѣвшійся, попавшій въ свою колею. Я и качусь по ней, по этой самой проклятой колее. Вамъ вотъ только въ нее попасть не желаю.

Онъ вдругъ перемѣнилъ серьезный тонъ на шуточный и, смѣясь, сказалъ:

— Ужь не покорила ли ваше нетербургское сердце наша провинціальная барышня вчера?

Маржецкій испугался, чтобы не услышала этихъ словъ Маруся, и смѣшался. Титовъ замѣтилъ это, и, въ свою очередь, тоже смутился.

— Вы кажется не одни пріѣхали сюда?—спросилъ онъ, чтобы какъ-нибудь поправиться.—Васъ уже видѣли съ дамой?

— Да...—торопливо проговорилъ Маржецкій понижая голосъ,— это одна моя родственница.

Они помолчали, и Маржецкій, чтобы перемѣнить тему разговора, проговорилъ:

— А что вы скажете вообще объ этомъ обществѣ?

— Да что?—ничего особеннаго. Общество, какъ всякое другое. Есть конечно и хорошіе, и дѣльные, и умные люди. Но наши дамы! О, эти заняты по горло. Онѣ вѣчно слѣдятъ за кѣмъ-нибудь. И завтра, и послѣзавтра, и еще полгода онѣ будутъ слѣдить за вами и разсуждать о васъ; и все это съ точки зрѣнія благоприличія, благовоспитанности, свѣтскости и прочее. Потому имъ все это надобѣтъ, и онѣ примутся за другого. Васъ непременно будутъ разспрашивать о томъ, что дѣлается въ столицѣ и правда ли то или другое. Если вы имъ отвѣтите, что все это вздоръ, онѣ разочаруются и потеряютъ къ вамъ интересъ,—дескать онѣ въ надлежащихъ сферахъ не вращался и ничего не знаетъ... Ну, да что дамы, Богъ съ ними! Но вамъ служить будетъ у насъ не трудно. Губернаторъ не дурной и добрый человекъ; но у него нѣтъ инициативы и, что главное, нѣтъ никакого опредѣленнаго плана дѣйствій. Если вы станете ему близкимъ человекомъ, вы можете вліять на него, и онъ легко подчинится этому вліянію, какъ теперь подчиняется и правителю канцеляріи и вообще каждому довлѣдчику.

— Но отчего же вы на него не вліяете?

— Ахъ, я—другое дѣло! Меня заполонила губернаторша; я такъ сказать, служу при ней и исполняю ея порученія; она меня отстѣиваетъ отъ губернатора,—я секретарствую въ ея комиссіяхъ веду журналы засѣданій по благотворительности и составляю отчеты. Очень понятно, я отсталъ отъ дѣлъ губерніи, и Николай Ивановичъ, говоря обо мнѣ, морщится и прибавляетъ: «Этотъ Титовъ вѣчно ничего не знаетъ». Наталья Сергѣевна помыкаетъ мною какъ своимъ громомъ. Мнѣ надобно это. Право, я охотно уступилъ

бы вамъ мое мѣсто при этой барынѣ, а самъ сдѣлался бы дѣловымъ, а не благотворительнымъ чиновникомъ. Только, пожалуйста, все, о чемъ мы здѣсь говорили, между нами! — вдругъ испугался Титовъ.

— Господи! Да само собой, — успокоилъ его Маржецкій.

Титовъ быстро всталъ, взглянулъ на часы, схватился за голову и, попрощавшись, умчался.

Маржецкій, простившись съ Марусей, отправился отыскивать квартиру.

В. Свѣтловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НА ЯСНОМЪ БЕРЕГУ.

Повѣсть Генрика Сенкевича.

Переводъ съ польскаго.

I.

Художникъ сидѣлъ въ открытомъ экипажѣ рядомъ съ пани Эльзень, противъ нея близнецевъ, Ромула и Рема, отчасти разговаривалъ, отчасти думалъ о положеніи, которое требовало немедленной развязки, отчасти смотрѣлъ на море. А смотрѣть было на что. Они ѣхали по направленію изъ Ниццы къ Монте Карло, по такъ называемому «старому Борнишу», то-есть, по дорогѣ, тянущейся вдоль скалъ, высоко надъ моремъ. Съ лѣвой стороны видъ закрывали бока горъ, совершенно обнаженные, сѣрые, съ розовато-жемчужнымъ отливомъ, за то справа синѣла ширь Средиземнаго моря, которое, казалось, лежитъ гдѣ-то страшно глубоко и вслѣдствіе этого производитъ впечатлѣніе и пропасти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безконечности. Съ возвышенія, на которое взобрался экипажъ, маленькія рыбацкія лодки представлялись бѣлыми пятнами, такъ что порою трудно было отличить далекій парусъ отъ чайки, кружащейся надъ заливомъ.

Пани Эльзень прислонилась плечомъ къ плечу Свирскаго. Лицо у нея было такое, какое бываетъ у совершенно упоенной женщины, которая не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, что она дѣлаетъ, глаза мечтательно бродили по зеркалу моря.

Свирскій почувствовалъ ея прикосновеніе, по всему тѣлу пробѣжала сладостная дрожь, и онъ подумалъ, что еслибъ въ эту минуту передъ нимъ не было Ромула и Рема, то онъ, можетъ быть, обнялъ бы молодую женщину и прижалъ бы ее къ груди.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ его охватилъ страхъ при мысли, что тогда колебанія окончились бы и положеніе было бы распутано.

Тѣмъ временемъ пани Эльзень сказала:

— Остановите экипажъ.

Свирскій остановилъ экипажъ и съ минуту всё оставалась въ молчаніи.

— Бакъ здѣсь тихо, послѣ шума въ Монте Карло! — снова отозвалась молодая вдова.

— Я слышу только музыку, — отвѣтилъ художникъ, — то, можетъ быть, играютъ на броненосцахъ въ Виллафрангѣ.

Дѣйствительно, снизу отъ времени до времени вѣтеръ доносилъ сюда запахъ померанцовыхъ цвѣтовъ и гелиотропа вмѣстѣ съ отдаленными звуками музыки. Внизу были видны кровли виллъ, разбросанныхъ по побережью, а рядомъ съ ними бѣлыя и розовыя пятна: то были группы цвѣтущихъ миндальныхъ и персиковыхъ деревьевъ. Еще ниже видѣлся голубой, залитый солнцемъ Виллафранкскій заливъ, съ линіей большихъ кораблей.

Жизнь, кипиющая внизу, представляла странное противорѣчіе съ глухою мертвенностью пустыхъ и бесплодныхъ горъ, надъ которыми разстилалось безоблачное, прозрачное, почти стеклянное, равнодушное небо. Среди этихъ спокойныхъ громадъ все какъ-то прижималось и мельчало, и экипажъ съ кучкою людей представлялся жукомъ, который дерзко осмѣлился вползти на эти высоты.

— Здѣсь совсѣмъ кончается жизнь, — сказалъ Свирскій, смотря на наготу сосѣднихъ скалъ.

Пани Эльзенъ еще сильнѣй прижалась къ его плечу и отвѣтила тягучимъ, соннымъ голосомъ:

— А мнѣ кажется, что здѣсь она начинается.

Свирскій промолчалъ съ минуту и проговорилъ съ оттѣнкомъ волненія:

— Можетъ быть, вы правы.

И онъ посмотрѣлъ на нее пытливымъ взглядомъ. Пани Эльзенъ также подняла на него глаза, но тотчасъ же опустила вѣки. Она казалась сконфуженною и, несмотря на то, что на передней лавочкѣ экипажа сидѣли ея мальчики, въ настоящую минуту представлялась молодой дѣвушкой, глаза которой не могутъ вынести перваго блеска любви. Они оба замолкли, только снизу доносились стривистые звуки музыки.

Тѣмъ временемъ на морѣ, вдали, у самаго входа въ заливъ показался темный султанъ дыма, и торжественное, полное тишины, настроеніе было нарушено Ремомъ, который вскочилъ съ сидѣнья и закричалъ:

— Tiens! le Fohmidable!

Пани Эльзенъ бросила неодобрительный взглядъ на младшаго

изъ своихъ близнецовъ. Ей было жаль той минуты, гдѣ каждое слово могло рѣшить ея судьбу.

— Remus, — сказала она, — veux tu te taire?

— Mais, maman, c'est le Fohmidable!

— Какой несносный мальчигъ!

— Pourquoi?

— Онъ дуракъ, но на этотъ разъ онъ правъ, — неожиданно отозвался Ромуль. — Вчера мы были въ Виллафранкѣ (онъ обратился къ Свирскому). Вы видѣли, какъ мы собирались ѣхать на велосипедахъ, — и намъ сказали, что вся эскадра уже въ сборѣ, за исключеніемъ Формидабля, и что онъ долженъ придти завтра.

На это Ремъ отвѣчалъ съ сильнымъ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ:

— Ты самъ дугакъ!...

Дѣти начали толкать другъ друга локтями. Пани Эльзень, зная по опыту, какъ неприятна Свирскому манера, съ которою говорить ей мальчишки, приказала имъ вести себя смирно и прибавила:

— Я уже говорила и вамъ, и пану Кресовичу, чтобы вы не говорили между собой иначе какъ по-польски.

Кресовичъ былъ чахоточный студентъ изъ Цюриха. Пани Эльзень отыскала его на Ривьерѣ и пригласила въ качествѣ гувернера къ дѣтямъ послѣ знакомства со Свирскимъ, а въ особенности послѣ громогласнаго заявленія злоязычнаго и богатаго барина, пана Вядровскаго, что въ хорошихъ домахъ теперь дѣтей уже не воспитываютъ какъ комми-вожеровъ.

Какъ бы то ни было, ни въ чемъ неповинный Формидабль испортилъ настроеніе впечатлительнаго живописца. Спустя минуту экипажъ, скрипя по камнямъ, двинулся дальше.

— Это вы хотѣли ихъ взять съ нами, — заговорила мягкимъ голосомъ пани Эльзень, — вы чересчуръ добры къ нимъ. Сюда нужно когда-нибудь пріѣхать въ лунную ночь. Хотите сегодня?

— Я всегда хочу, — отвѣтилъ Свирскій, — но сегодня луны не будетъ, да и обѣдъ вашъ кончится, должно быть, поздно.

— Должно быть, — сказала пани Эльзень, — пожалуйста, помните мнѣ, когда будетъ полнолуніе. Жаль, что я не одного васъ пригласила на этотъ обѣдъ... Въ полнолуніе здѣсь должно быть очень хорошо, хотя на такихъ высотахъ я всегда испытываю біеніе сердца. Еслибъ вы могли знать, какъ въ эту минуту у меня бьется сердце... посмотрите мой пульсъ, — это видно даже съвозъ перчатку.

Она протянула ему ладонью руку, чуть не въ трубку стянутую шведскою перчаткой. Свирскій взялъ ее въ свои руки и посмотрѣлъ.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—ничего не видно, но, можетъ быть, можно услышать...

И, наклонивъ голову, онъ приложилъ ухо къ пуговицамъ перчатки, крѣпко прижалъ ее къ лицу, потомъ незамѣтно провелъ по своимъ губамъ и сказалъ:

— Когда во время моего дѣтства мнѣ удавалось поймать птицу, то сердце у нея билось точно такъ же... да, какъ у пойманной птицы.

Пани Эльзенъ почти грустно улыбулась и повторила:

— Какъ у пойманной птицы.

Однако, черезъ минуту, она спросила:

— А что вы дѣлали съ пойманными птицами?

— Я страшно привязывался къ нимъ. Но онѣ всегда улетали.

— Какія злыя птицы!

Художникъ продолжалъ съ оттѣнкомъ волненія:

— Такъ и сложилась моя жизнь. Напрасно я искалъ того, кто захотѣлъ бы остаться со мною, и въ концѣ концовъ потерялъ надежду.

— Нѣтъ, надѣйтесь!—отвѣтила пани Эльзенъ.

Свирскій подумалъ, что если дѣло началось такъ давно, то нужно его покончить, а тамъ что Богъ дастъ. Въ настоящую минуту онъ испытывалъ впечатлѣнїе челоуѣка, который закрываетъ себѣ пальцами глаза и уши, прежде, чѣмъ прыгнуть въ воду, съ сознаниемъ, что такъ нужно, и времени для размышленія не остается.

— Можетъ быть, вамъ лучше будетъ пройтись,—сказалъ онъ.—Экипажъ поѣдетъ за нами, и, кромѣ того, намъ можно будетъ говорить болѣе свободно.

— Хорошо,—покорнымъ голосомъ отвѣтила пани Эльзенъ.

Свирскій дотронулся тростью до спины возницы. Экипажъ остановился, и сѣдоки вышли изъ него. Ромулъ и Ремъ побѣжали впередъ, но остановились въ нѣсколькихъ шагахъ посмотрѣть на виднѣвшіеся внизу домики Эзе и столкнуть нѣсколько камнейвъ. Свирскій и пани Эльзенъ остались одни, но, видно, въ этотъ день надъ ними тяготѣла какая-то судьба. Не успѣли они воспользоваться минутой, какъ передъ Ромуломъ и Ремомъ остановился какой-то всадникъ, ѣдущій со стороны Монаго, съ грумомъ, одѣтымъ по-англійски, позади.

— Это де Синтенъ, — съ неудовольствіемъ сказала пани Эльзенъ.

— Да, я узнаю его.

Черезъ минуту предъ ними предстала лошадиная голова, а надъ нею лошадиное лицо молодого де Синтена. Всадникъ поколебался, не ограничиться ли ему поклономъ и не поѣхать ли дальше. Но еслибъ они хотѣли оставаться одни, то не брали бы съ собой мальчиковъ. Де Синтенъ соскочилъ съ лошади, сдѣлалъ груму знакъ рукой и снялъ шляпу.

— Добрый день! — немного сухо сказала пани Эльзенъ. — Это часть вашей прогулки?

— Да. Утромъ я стрѣляю съ Уильксбеемъ по голубямъ и не могу ѣздить верхомъ, чтобъ не утомить руки. У меня уже на семь голубей больше, чѣмъ у него. Вы знаете, что Формидабль сегодня приходитъ въ Виллафранку и что послѣ завтра адмиралъ даетъ на немъ балъ?

— Мы видѣли, какъ онъ подходилъ.

— Я собственно ѣхалъ въ Виллафранку, чтобъ повидаться съ однимъ знакомымъ офицеромъ, но теперь уже поздно. Если позволите, я возвращусь съ вами въ Монте-Барло.

Пани Эльзенъ кивнула головой, и всѣ пошли вмѣстѣ. Синтенъ — большой охотникъ до лошадей — сразу заговорилъ о лошади, на которой пріѣхалъ.

— Я купилъ ее у Уоксдорфа. Уоксдорфъ проигрался въ trente et quarante, — ему были нужны деньги. Онъ держалъ на inverse и попалъ на серію, а потомъ карта измѣнилась. (Тутъ онъ обратился къ лошади). Чистая ирландская кровь и голову даю на отсѣченіе, что лучшаго не найдешь на всемъ Борнишѣ. Только садиться на нее трудно.

— Норовистый? — поинтересовался Свирскій.

— Сядешь на него, — совсѣмъ ребенокъ. Ко мнѣ онъ уже прыгнулъ, но, напримѣръ, вы едва ли сѣли бы на него.

Свирскій, который въ дѣлахъ спорта былъ наивнѣе всякаго ребенка, тотчасъ же спросилъ:

— Почему такъ?

— Не пробуйте, по крайней мѣрѣ здѣсь, надъ обрывомъ! — воскликнула пани Эльзенъ.

Но Свирскій уже держалъ руку на лошадиномъ хребтѣ и, спустя секунду, сидѣлъ на сѣдлѣ, безъ малѣйшаго сопротивленія со стороны лошади. Можетъ быть, она совсѣмъ не была норови-

стою, а можетъ быть понимала, что на скалистомъ хребтѣ, надъ пропастью, лучше не позволять себѣ какихъ-нибудь выходовъ.

Всадникъ и конь вскорѣ исчезли за поворотомъ дороги.

— Онъ недурно сидитъ, — сказалъ де Синтенъ, — но испортитъ лошадь. Собственно говоря, здѣсь нѣтъ дорогъ для верховой ѣзды.

— Ваша лошадь оказалась совершенно спокойною, — замѣтила пани Эльзенъ.

— Это меня очень радуетъ. Здѣсь легко подвергнуться всякой случайности, и я немного боялся.

Но на лицѣ де Синтена отразилось неудовольствіе, — во-первыхъ, его рассказы объ упрямствѣ лошади могли показаться ложью; во-вторыхъ, къ Свирскому онъ питалъ скрытое нерасположеніе. Правда, де Синтенъ не имѣлъ никакихъ серьезныхъ намѣреній по отношенію пани Эльзенъ, но желалъ, чтобъ ему не мѣшали и въ тѣхъ, какія у него были. Кромѣ того, нѣсколько недѣль назадъ они поговорили довольно крупно. Синтенъ, непримиримый аристократъ, однажды, на обѣдѣ у пани Эльзенъ, заявилъ, что *по его мнѣнію* человѣкъ начинается съ барона. Свирскій, — въ ту минуту онъ былъ въ плохомъ расположеніи духа, — спросилъ, «въ какую сторону»? Молодой человѣкъ принялъ этотъ отвѣтъ къ сердцу такъ, что началъ совѣтоваться съ паномъ Вядровскимъ и судьей Бладскимъ, какъ ему поступить, — и только тогда съ истиннымъ изумленіемъ узналъ, что въ гербѣ Свирскаго есть митра. Слухи о необычайной силѣ Свирскаго и его умѣннн стрѣлять, можетъ быть, также успокоительно повліяли на нервы барона. Какъ бы то ни было, но этотъ разговоръ оставилъ извѣстную неприязнь въ сердцахъ у обоихъ. Наконецъ, когда пани Эльзенъ видимо начала склоняться на сторону Свирскаго, недоброжелательство приняло совершенно платоническій характеръ.

Однако, художникъ чувствовалъ его сильнѣй. Правда, никто не предполагалъ, чтобъ дѣло могло кончиться бракомъ, но въ обществѣ уже начинали говорить о его чувствахъ къ пани Эльзенъ, а онъ подозрѣвалъ, что де Синтенъ и его компанія подсмѣиваются надъ нимъ, какъ надъ наивнымъ человѣкомъ. Ни де Синтенъ, ни о компанія не проговорились ни однимъ словомъ, но въ Свирскомъ коренилось убѣжденіе, что это такъ и есть, — и это огорчало о, главное по поводу пани Эльзенъ.

Довольный тѣмъ, что де Синтенъ хоть теперь, при рассказѣ о оей лошади, оказался человѣкомъ, которому нельзя особенно до- рять, онъ возвратился назадъ и сказалъ:

— Хорошая лошадь, и потому собственно хорошая, что смирна, какъ овца.

Онъ слѣзъ съ сѣдла, и всѣ пошли втроемъ, — вѣрнѣе, впятеромъ, потому что Ромуль и Ремъ теперь держались ближе къ матери. Пани Эльзень, на зло де Синтену, а можетъ быть изъ желанія избавиться отъ него, завела разговоръ о картинахъ и вообще объ искусствѣ, о которомъ молодой спортсменъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Но тотъ съ своей стороны началъ перетряхивать сплетни изъ игорнаго дома и поздравлять молодую женщину со вчерашнею побѣдой.

Пани Эльзень слушала его слова съ неудовольствіемъ, — ей было стыдно передъ Свирскимъ за то, что она принимала участіе въ игрѣ. Замѣшательство ея еще болѣе увеличилось, когда Ромуль сказалъ:

— Маман, а ты говорила намъ, что никогда не играешь. Дай намъ за это по луидору... хорошо?

Она отвѣтила, какъ будто не обращаясь ни къ кому:

— Я искала Бладскаго, чтобъ попросить его сегодня обѣдать, потому мы немного поиграли.

— Дай намъ по луидору! — повторилъ Ромуль.

— Или купи намъ маленькую рулетку, — добавилъ Ремъ.

— Не надоѣдайте мнѣ и садитесь въ экипажъ. До свиданія, monsieur де Синтенъ.

— Въ семь?

— Въ семь.

Минуту спустя Свирскій снова очутился около красивой вдовы, но теперь они сидѣли уже на передней скамьѣ, чтобъ любоваться заходящимъ солнцемъ.

В. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ литературной переписки К. Д. Кавелина.

ХУ.

Князь А. И. Васильчиковъ.

(рожд. 27 октября 1818 г., † 2 октября 1881 г.).

Авторъ извѣстныхъ изслѣдованій по экономическому положенію Россіи, преимущественно же крестьянскаго быта, и убѣжденный сторонникъ общиннаго владѣнія земель, — познакомился съ Кавелинымъ, какъ кажется, только по выходѣ въ свѣтъ своей монографіи *О самоуправленіи* (1-е изд. Спб., 1869—1871 гг., 3 тома; 2-е изд., тамъ же, 2 тома). Въ 1876 г. въ Петербургѣ появился сборникъ *Братская помощь пострадавшимъ семействамъ Босніи и Герцеговины*, изданный петербургскимъ отдѣленіемъ Славянскаго благотворительнаго комитета, коего князь Васильчиковъ былъ тогда председателемъ. Въ этомъ сборникѣ, между прочимъ, была помѣщена его статья *О настоящемъ положеніи землевладѣнія въ Россіи*, составленная отрывкомъ изъ второго большаго сочиненія его *Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствѣхъ*, вышедшаго въ Петербургѣ въ концѣ 1876 г. въ двухъ томахъ. По поводу статьи въ *Братской помощи* Кавелинъ написалъ вн. Васильчикову слѣдующее письмо:

Спб., 8 апрѣля, 1876 г.

Милостивый государь
князь Александръ Илларионовичъ!

Приготовляя къ печати статью объ общинномъ владѣніи¹⁾, я ознакомился съ матеріалами о земледѣліи въ Россіи, собранными мнѣ въ качествѣ секретаремъ Вадуевымъ и напечатанными въ видѣ приложенія къ трудамъ особой комиссіи, состоявшей подъ его предѣ-

¹⁾ Статья Кавелина *Общинное владѣніе* (по поводу книжки Е. И. Якушкина *Новое право*) появилась въ газетѣ *Неделя* 1876 г., №№ 3—7, и въ томъ же году вышла отдѣльною брошюрой. Переведена на нѣмецкій языкъ подъ заглавіемъ: *bürgerliche Gemeinde Besitz in Russland*. Leipzig, 1887 г.

дательствомъ. Эти матеріалы, въ связи съ тѣмъ, что я знаю изъ собственнаго опыта и изъ печатныхъ и словесныхъ отзыовъ лицъ, заслуживающихъ довѣрія, показались мнѣ до того интересными и многозначительными, что было задумалъ заняться, съ нынѣшняго лѣта, разработкой собранныхъ комиссіею свѣдѣній и на основаніи ихъ представить рядъ статей, картину теперешняго состоянія у насъ важнѣйшихъ сельскихъ промысловъ, указать неблагопріятныя условія, въ которыя они поставлены, и критически разобрать мѣры, которыми предполагается ихъ устранить. При этомъ я думалъ обратить особенное вниманіе на сельско-хозяйственный бытъ крестьянъ.

Узнавъ недавно изъ статьи вашей, напечатанной въ *Братской Помочи*, что вы задумали (а можетъ быть уже и написали) большое сочиненіе о землевладѣніи, я пришелъ въ раздумье, не будетъ ли совпадать предполагаемый мой трудъ съ тѣмъ, что должно войти или уже вошло въ кругъ вашихъ изслѣдованій. Если да, то я отказываюсь вовсе отъ своего намѣренія. Я не могу конкурировать съ вами въ области, которая вамъ знакома несравненно больше и лучше, чѣмъ мнѣ, а направленіе моей работы во всякомъ случаѣ не представитъ, въ сравненіи съ вашимъ, ничего существенно полезнаго и новаго. Дѣла у насъ слишкомъ много, а работающихъ слишкомъ мало, чтобы сосредоточивать силы на однихъ и тѣхъ предметахъ. Я только потому думалъ было заняться нашимъ сельско-хозяйственнымъ положеніемъ, что оно имѣетъ величайшую важность, а между тѣмъ какъ-то заброшено, и если трактуется, то или съ задними мыслями, или рутинно. Вы, если за него приметесь, выясните его вполне и къ тому, что вы скажете, мало что можно будетъ прибавить.

Вотъ поводъ, по которому я рѣшаюсь обратиться къ вамъ за разъясненіемъ моихъ сомнѣній. Цѣль моего вопроса, можетъ быть, послужитъ извиненіемъ моей нескромности. По крайней мѣрѣ я отъ души этого желаю.

Прошу васъ, глубокоуважаемый князь, принять выраженіе моего уваженія и совершенной преданности

К. Кавелинъ.

Князь Васильчиковъ отвѣчалъ на это письмо Кавелину весьма любезно, выражая желаніе быть у него и переговорить о предметѣ его письма. Въ началѣ декабря 1876 г., посылая Кавелину экземпляръ своего *Землевладѣнія и земледѣлія*, князь Васильчиковъ писалъ:

Милостивый государь
Константинъ Дмитріевичъ!

Позвольте вамъ поднести приложенный экземпляръ моего сочиненія и просить васъ принять его съ снисхожденіемъ. Исполненіе моего труда не соотвѣтствуетъ его важному значенію, и я работалъ съ такими перерывами, что не успѣлъ дать многимъ изслѣдованіямъ надлежащей связи; кромѣ того первый томъ былъ изрѣзанъ цензурой и нѣкоторые существенные выводы должны были быть выпущены.

Я бы самъ привезъ вамъ мое дѣтище, но сижу безвыѣздно дома по нездоровью. Еслибъ вамъ было свободно въ субботу вечеромъ, то вы бы меня много обрадовали вашимъ посѣщеніемъ.

Вамъ преданный

Князь А. Васильчиковъ.

Кромѣ этого письма въ бумагахъ Кавелина сохранились еще двѣ небольшія записки кн. Васильчикова отъ 1881 г., изъ которыхъ видно, что отношенія ихъ стали близки и что они нерѣдко посѣщали другъ друга, обмѣниваясь мыслями по крестьянскому вопросу, въ воззрѣніяхъ на который сходились.

ЗВѢРЬ ВЪ ЧЕЛОВѢКѢ.

(Дюре Рейнъ)

(Изъ семейной хроники).

Романъ Юнаса Лв. Переводъ съ датскаго.

I.

Мирный уголокъ.

Большая рѣка, съ бурливымъ шумомъ бѣгущая въ другое время года по лѣсному пространству, сверкая между толстыми стволами, какъ новенькій клинокъ, — теперь, послѣ долгой лѣтней засухи, терялась между высокими песчаными холмами. Сосны и ели обдавали жаромъ и роняли капли пота-смолы; ни одинъ листокъ не шевелился на лиственныхъ деревьяхъ. Пыльная королевская дорога съ верстовыми камнями, помѣченными инициалами Христиана V, убѣгала золотистой полоской вдаль, мимо частоколовъ.

Въ лѣтнемъ туманѣ вырисовывался старинный барскій домъ съ красною кровлею щипцомъ, выдававшаяся изъ листвы высокихъ горныхъ кленовъ и тополей; домъ принадлежалъ къ усадьбѣ окружного судьи, расположенной на скатѣ.

Въ эту полуденную пору домъ казался вымершимъ: тишь... ни звука.

Внизу передъ мостиномъ, ведущимъ къ гумну, стояло нѣсколько ко телѣгъ; выпряженные лошади паслись на привязи въ сторонкѣ. Лежавшій въ тѣни конуры дворовый песъ Аяксъ пыхтѣлъ и отдувался въ своей богатой шубѣ. Время отъ времени онъ порывался заинтересоваться курами, которые что-то ужъ больно смѣло приближались къ крапивѣ, росшей у запретной садовой калитки, и дремота одолевала его, и онъ съ искреннею зѣвотой ронялъ голову на лапы.

Изъ окна верхняго этажа краснаго зданія, гдѣ помѣщалась контора, высовывался одинъ изъ конторщиковъ, въ рубашкѣ, безъ жилета, и созерцательно покуривалъ трубку. Съ минуту онъ какъ будто искалъ глазами, на чемъ бы остановить свое праздное вниманіе.

— Бѣги, бѣги, Малена! Твои дѣтки ждутъ не дождутся! — крикнулъ онъ босой и кривобокой кухаркѣ, которая, прихрамывая, несла поросятамъ объѣдки.

— Иль въ отцы къ нимъ напрашиваешься? — бросила она ему на ходу, скрываясь за пристройками.

Солнце такъ и пекло широкое крыльцо съ витыми перилами.

Въ самомъ домѣ, среди послѣобѣденной тишины, раздавался только тихій скрипъ какой-нибудь двери, да со стороны кухни слышалось монотонное жужжаніе прыжки.

Изъ открытаго оконца мезонина неслись сдержанно веселые дѣвчьи голоса.

Меретѣ, младшая изъ дочерей, держала въ рукахъ постельное бѣлье; Алида, сестра ея, постарше, стелила постель.

— Давай теперь натянемъ наволочки, Меретѣ! Пожалуй, придетъ сегодня, а я ни за что на свѣтѣ не хочу, чтобы онъ зналъ, что это мы тутъ стараемся для его высокоблагородія.

— Слушай, Алида! — таинственно сообщила Меретѣ: — Фемія попросила Маріанну помѣняться съ ней недѣлями. Какъ ты думаешь — зачѣмъ? — И глаза дѣвушки такъ и искрились отъ смѣха, пока она натягивала на подушку свой конецъ наволочки. — Фемія, навѣрно, напуститъ на себя важность, чтобы поразить его съ перваго же раза. Вотъ потѣха будетъ! Она уже и теперь разыгрываетъ важную даму и то и дѣло поглядываетъ въ зеркало. — Онъ стариннаго рода и со связями, — говоритъ она высоконыи слогомъ и ужасно сердится, когда я чуть задѣну ее... Какъ по твоему, онъ — высокій и брюнетъ, вообще интересный?... А, можетъ быть, какой-нибудь карапузикъ? То-то Фемія будетъ озадачена! — И Меретѣ, завязавъ наволочку, шаловливо швырнула подушку на изголовье постели.

Алида выпрямила свой стройный тонкій станъ. Лицо у нея было характерное, дѣлавшее ее старше ея двадцати пяти лѣтъ. Оно отличалось крупными рѣзкими чертами ея стариннаго рода.

— Все дѣло въ имени, — сказала она: — Дюре Рейнъ. Отъ него ты старинной барской усадьбой. Гласъ писалъ, что онъ, вѣрно, ислѣдуетъ Молдевицкія имѣнья тамъ, на сѣверѣ, и что онъ именъ въ виду будущихъ своихъ лѣсныхъ владѣній, и пожелалъ занять

мѣсто помощника папы послѣ Аренца. И Фемія находитъ въ этомъ нѣчто особенно аристократическое.

— Онъ, вѣдь, много путешествовалъ!—вспомнила Меретэ:— бывалъ во Франціи и въ Давіи!

— Что-жъ, и папа бывалъ! Такъ намъ нечего скромничать передъ нимъ изъ-за этого. Если на то пойдетъ, мы сумѣемъ встрѣтить его и по-французски. Вотъ ужъ по-испански,—пусть извинить,—мы не знаемъ!

— Слушай, Алида,—тайношвенно прошептала Меретэ:— какъ ты думаешь, Аренць потому уѣхалъ такъ внезапно, что предвидѣлъ отказъ Маріанны? А мнѣ теперь кажется, что она согласилась бы. Они все время были такими друзьями. Но съ Маріанной вѣчно выходитъ что-то такое непостижимое.

Алида только насмѣшливо вздернула верхнюю губу.

— Что-жъ ты опять молчишь, Алида? Не ея же вина, что въ нее влюбляются!—вспылила Меретэ.

— Гмъ!...—последовало со стороны Алиды.

— Имѣетъ же она право отказать!

— Да, если...

— Что *если*, что *если*? Не угодно ли сказать? Ты всегда противъ Маріанны!

— О, никто и не подумаетъ свататься, если не постараешься объ этомъ сака... или другіе добрые люди! — прибавила Алида, почти шепотомъ.

— Стыдно тебѣ, стыдно!

— Развѣ сватается кто-нибудь ко мнѣ?

— Нѣтъ, потому что ты уже просватана.

— Да, но прежде-то, прежде... чѣмъ вышло это... съ Гротомъ?

Меретэ поглядѣла на сестру нѣсколько растерянно.

— Или я, можетъ быть, хуже Маріанны лицомъ? Этого, вѣдь, ты не скажешь, конечно... нѣтъ, не въ этомъ дѣло, а въ томъ что видно было, какъ я къ нимъ ко всѣмъ отношусь.

— Бомодъ стоитъ криво подъ зеркаломъ!—прервала ее Меретэ.—Я буду подталкивать, а ты тяни къ себѣ.

Онѣ взялись за массивныя боковыя ручки стариннаго комода съ пузатыми ящиками.

— Н-но. Слишкомъ много. Н-но. Тагъ!

Алида взобралась на комодъ, тщательно обтерла немного потускнѣвшее толстое шлифованное стекло стариннаго зеркала и поправила самое зеркало, висѣвшее на свѣтло-голубой панели стѣны..

— Молотокъ, Меретѣ!... Съ одной стороны повѣсимъ ему маршала Нея, а съ другой—Мюрата.

— Что ты?... Нѣтъ... Развѣ мама уступить?

— О, для такого-то господина, какъ Дюре Рейнь!—протянула Алида.—Мама сказала, что ему дадутъ и одинъ изъ большихъ гардеробовъ. Ему, можетъ быть, понадобится куда прятать ружья и разныя охотничьи принадлежности.

— Какъ вижу, вы чудесно устроили все! — вдругъ раздался въ комнатѣ голосъ третьей сестры.

— Ахъ, ты здѣсь!—воскликнула Меретѣ.—Ты просто испугала меня, Марианна! Всегда такъ подградываешься.

— А что, не будетъ ли здѣсь кстати столикъ съ приборомъ для куренья, который стоитъ тамъ въ чуланчикѣ у катка, между старыми прядками?—замѣтила Марианна, оглядѣвшись кругомъ.

— Да онъ не курить вовсе!—отрѣзала Меретѣ.

— А ты откуда знаешь?

— Изъ его письма къ папѣ. Я по запаху узнаю письма курильщиковъ.

— А, ты таки полюбопытствовала! — сказала Марианна, испытующе вперея въ сестру свой взглядъ, причеиъ глаза ея рябого, бездѣтнаго лица превратились почти въ щелки.—Когда этотъ, сующійся всюду носикъ еще наберется ума, пожалуй, и сладу не будетъ съ дѣвчонкой, Алида!—шутила Марианна.

— А я такъ вотъ нашла, что еще годится сюда!—торжествующе изрекла вдругъ Меретѣ и въ ту же минуту исчезла за дверью.

Она быстро шмыгнула черезъ коридоръ въ обширное удушливое темное чердачное помѣщеніе, освѣщаемое лишь полосками ослѣпительнаго солнечнаго свѣта, пробиравашагося сквозь слуховыя окна въ крышѣ щипцомъ. У толстыхъ солидныхъ стропиль, балокъ и дымовыхъ трубъ группировалась кое-какая поломанная мебель, старыя ширмы и полки съ книгами въ покоробившихся и истрескавшихся кожаныхъ переплетахъ и съ кипами исписанныхъ бумагъ.

Въ общей кучѣ хлама были и старинныя дамскія сѣдла и рамы картинъ и длинноносые коньки; всевозможныя ковры и дорожля вещи, развѣшанныя на веревкахъ, дѣлили чердакъ на нѣтълько угловъ.

Сломанная виолончель и нѣсколько круглыхъ палокъ отъ занавсей какъ бы вѣзжали въ таинственныя нѣдра чердака въ кузоы выкрашенныхъ красной краской, роззолоченныхъ и украшен-

ныхъ любопытной рѣзбой, огромныхъ семейныхъ саней — памятника добраго стараго времени.

Меретѣ подобрала платье и перелѣзла черезъ нѣсколько бабокъ, возлѣ цѣлаго ряда дѣтскихъ кроватокъ, къ длинному вытертому чемодану изъ тюленьей кожи, стоявшему подъ самыми стропилами; въ крышкѣ чемодана зіяла дыра.

Какъ заскрипѣла старая кожа, застонали заржавѣвшія упрямия петли, когда дѣвушка открывала чемоданъ, предварительно немного выдвинувъ его впередъ. Въ ея усиліяхъ сказывалась слабость и хрупкость ея тонкой воздушной фигурки. Густые пепельные волосы сбились на одно плечо.

Она принялась усердно рыться въ разнообразномъ содержимомъ чемодана. Тутъ были и старыя остроконечныя бальныя ботинки и эполеты съ позеленѣвшею мишурой, обдѣланная въ серебро ручка пистолета и принадлежащее къ нему кремневое ложе и свернутое, сданное теперь въ архивъ, старое знамя Данеброга *).

Вотъ она нашла, что искала, — снова засунула все въ чемоданъ и закрыла его.

— Поглядите, что я нашла! — раздался, немного погодя, въ комнатѣ ея голосъ. И она показала сестрамъ сапожную подножку изъ краснаго дерева съ мѣдью. — Подножка дѣдушки Рейхвейна. Ее можно раздвигать, глядя по сапогамъ. А собственно она предназначена для сапогъ со шпорами — глядите, какъ широко раздвигается въ пяткѣ.

— Ну годится ли это сюда? Такая старина? — усомнилась Алида.

— Поставь, поставь у кровати. Ему навѣрно польститъ, что его принимаютъ за настоящаго кавалера! — лукаво встала Марианна

Меретѣ растянулась во всю длину на старомъ потертомъ кожаномъ диванѣ. Въ ея фигурѣ замѣчалось вообще легкая наклонность къ кривизнѣ, и ей пріятно было немножко расправить спину. Она разглядывала свои ноги въ голубыхъ бумажныхъ чулкахъ и легкихъ лѣтнихъ башмакахъ, повертывая ихъ во всѣ стороны. Подножка, видимо, не выходила у нея изъ головы.

Вдругъ она засмѣялась. — Я думаю, чѣмъ будетъ угощать ея Фемія въ свою недѣлю, — солониной и колбасой или ограничитс просто сыромъ?

*) Общее для Норвегій съ Даніей знамя до 1814 г., когда была расторгнута унія, связывавшая эти государства въ теченіе 400 лѣтъ. — *Примѣч. переводч.*

— А ты чѣмъ будешь кормить его, Меретъ?—спросила Марианна.

— Дай сначала посмотрѣть, каковъ онъ, а потомъ увидимъ.

Она опять засмѣялась и поглядѣла въ потолокъ.

— Слушай, Алида, знаешь сколько разъ я была влюблена?—заговорила вдругъ Меретъ.—Два раза! Въ первый разъ въ пастора Бунге; это когда я конфирмовалась. Онъ говорилъ такъ хорошо; глаза у него были такіе кроткіе, а голосъ - то! Такъ и гудѣло по всей церкви, когда онъ служилъ!... Потомъ разъ мнѣ приснилось, что онъ въ бѣлой блестящей одеждѣ стоитъ въ саду у яблони съ яблокомъ въ рукахъ и говорить, что женщина не смѣетъ отвѣдать этого яблока! А яблоко-то было такое спѣлое, наливное. И потомъ, мнѣ вдругъ почудилось, что онъ самъ принялся ѣсть яблоко, когда скрылся за изгородью.

— Это значить, что ты таскала изъ сада яблони, и тебя мучила совѣсть!—пошутила Алида.

— Нѣтъ! Тогда я еще этого не дѣлала!... Но потомъ, послѣ этого сна, мнѣ пришло въ голову посмотрѣть, нѣтъ ли въ саду опавшихъ съ яблони яблокъ. И правда, я нашла на землѣ два. Но ужъ съ такими-то разбитыми яблоками нечего было прятаться... Такъ вотъ, я была влюблена въ Бунге. Ахъ, еслибъ ты только знала, какъ я носилась тогда съ мечтой стать Христовой невѣстой. Но разъ въ папины именины, когда было много гостей, онъ вздумалъ показать мнѣ, какъ танцуютъ менуэтъ—вотъ было разочарованіе-то! Всю любовь какъ рукой сняло.

— А въ другой разъ?—спросила Алида.

— Въ другой—въ майора Витте. Я его видѣла на лугу, гдѣ солдаты маршируютъ. У него были такіе большіе сѣдые усы, и онъ былъ такой видный, мужественный!... Кромѣ того, у него сидѣла пуля въ плечѣ! Онъ былъ раненъ въ сраженіи. Разъ онъ особенно поразилъ меня... на парадѣ. Передъ нимъ ѣхали четыре барабанщика! Мнѣ казалось, что онъ былъ величайшимъ героемъ въ мірѣ, и я заставила его у насъ на офицерскомъ обѣдѣ пообѣщать мнѣ спасти Польшу. Санковичъ, ты знаешь, только объ этомъ и говорить. Майоръ вообще всегда былъ такой смѣлый, такой ласковый къ животнымъ, что, по моему, онъ, во, должно быть, умѣлъ болтать со своими лошадьми! Когда перевели отъ насъ, я подарила ему на память клѣтку съ птичкой, которой я не довѣрила бы никому въ свѣтѣ, кромѣ него! И онъ обѣщалъ мнѣ писать о ней; но забылъ свое обѣщаніе. Да и я-то теперь помню собственно только Петью воробья.

— О, ты, я думаю, во многихъ была влюблена! — сказала Маріанна.

— Нѣтъ, не скажу... Если мнѣ, бывало, немножко и понравится кто-нибудь изъ новыхъ, то всегда выходило, что кто-нибудь изъ васъ, сестерь, начиналъ вздыхать по немъ, а тогда — спасибо! У меня охота проходила!... «Любовь — страсть, превосходящая всѣ страсти!» — процитировала она изъ Гольберга *), любимаго писателя ея отца, и засмѣялась. — «Моя дочь вышла замужъ, а меня и на свадьбу не позвали!» — продолжала шалить Меретѣ. — Ахъ, взгляните, взгляните только на Фемію! — вскричала она вдругъ, очутившись у окошка. — Идетъ изъ бесѣдки въ новыхъ нанковыхъ перчаткахъ. Она сидѣла тамъ и шила ихъ. Теперь будетъ разгуливать въ перчаткахъ, когда пріѣдетъ сюда этотъ Дюрел!

— Фемію слѣдовало бы ѣхать на зиму въ Христіанію къ полковнику Гедде, людей посмотрѣть и себя показать, — сказала Маріанна своимъ обычно-снисходительнымъ тономъ.

— Теперь? Именно теперь, когда... — воскликнула Меретѣ. — Какую гримасу она бы скорчила, еслибъ ей сказали, что она должна ѣхать!

— Маренъ начинаетъ чистить лѣстницу, — перебила Маріанна, — значить, папа съ мамой проснулись.

И она отправилась внизъ кончать свой дневной урокъ — тканье полуаршина сукна, а Меретѣ — къ своей французской грамматикѣ.

Точило, на которомъ люди отгачивали косы для послѣобѣденной косьбы, вдругъ издало пронзительный, рѣзкій визгъ, пронесшійся по всему дому. Все оживало внизу.

Вотъ обычно-сановитой и легкою поступью направился въ контору, помахивая своей пѣнковой трубкой, самъ судья въ длинно-поломъ сюртукѣ, со стоячимъ воротникомъ и въ высокихъ сапогахъ. Нѣсколько крестьянъ, дремавшихъ, въ ожиданіи начала занятій въ конторѣ, на травѣ, пригравшись отъ солнца козырьками своихъ фуражекъ, вскочили и въ почтительномъ разстояніи послѣдовали за судьей, держа фуражки въ рукахъ.

Немного погода на крыльцѣ показала сама хозяйка, въ высокой, широкополой соломенной шляпѣ и въ нанковыхъ перчаткахъ, и спустилась въ садъ, въ сопровожденіи Алиды.

— Кажется, вы вполне прилично устроили все наверху, такъ что нашъ будущій жилецъ, — это бы онъ тамъ ни былъ, — може:

*) Знаменитый датскій писатель, называемый „отцомъ датской литературы“ „датскимъ Мольеромъ“. — *Примеч. перев.*

остаться довольнымъ! — небрежно замѣтила хозяйка. — Образованъ онъ, впрочемъ, навѣрное... бывалъ за границей; можетъ быть, даже сумѣетъ говорить съ вами по-французски. Вотъ было бы хорошо.

— Ахъ, мама! А что же скажетъ капитанъ Бухвальдъ, если его оставить за флагомъ? Онъ считаетъ себя такимъ безукоризненнымъ французомъ!

— Пусть себѣ. Нельзя же намъ закрѣпостить себя господину капитану! — заявила мать, подвизывая кустъ. — Какъ хороша нынѣшній годъ гвоздика... въ такую жару! А, вьюнокъ... сегодня утромъ распустился... Только бы онъ не былъ черезчуръ прихотливъ! — продолжала она затѣмъ, отвѣчая себѣ на другую мысль. — Эти его охотничьи замашки!... Вотъ съ Аренцомъ — жаль его! — можно было держать себя совсѣмъ запросто. Никакихъ хлопотъ за всѣ эти два года, что онъ провелъ здѣсь. Но уходъ его — какая-то загадка... Такъ внезапно... каждый день новыя объясненія, которыя, въ сущности, ничего не объясняли... Конечно, онъ не былъ особенно интереснымъ молодымъ человѣкомъ, но работникъ былъ хорошій. Найдеть ли отецъ настоящаго помощника въ новомъ!...

Онѣ дошли до поросшаго мхомъ, полуразрушившагося фонтана съ деревянной трубкой посрединѣ бассейна, изъ которой чуть сочилась вода. Борты бассейна были покрыты зеленою слизью. Хозяйка остановилась, остерегаясь сырости.

— Да тутъ бы можно было кое-что сдѣлать, если не бояться маленькихъ расходовъ! — задумчиво произнесла она и затѣмъ продолжала размышлять вслухъ, откинувъ назадъ величественную сѣдую голову и обозрѣвая скатъ, причемъ указывала рукою. — Тутъ раскинется зеленая лужайка съ цвѣточными клумбами и маленькими кустиками, тамъ на скатѣ куртинка въ видѣ рога изобилія... Дальше шпалеры изъ красныхъ и бѣлыхъ розъ вдоль всей аллеи вплоть до воротъ. Питомникъ мой переполненъ, разросся до самаго угла. Есть изъ чего выбрать... И крыжовникъ, и красная смородина, и черная, и бѣлая малина... И фруктовыя деревья. Было бы только куда сажать все это... Я все живу мыслью о томъ времени, когда все это разрастется, и я буду ходить да прививать деревья и любоваться ихъ плодами...

— О, ты все носишься съ этою мыслью, мама! А папа, вѣдь, казалъ, что это слишкомъ дорого.

— Ну, когда все будетъ уже устроено и улажено, онъ первый удетъ доволенъ. Мужчины ужасно не любятъ думать о томъ, что отъ надо что-нибудь устраивать или тратить деньги на это!... Садьба получить тогда совсѣмъ другой видъ. Тутъ надо разбить

пѣлый паркъ до самой рощи и лѣса, а съ другой стороны до рѣки. Планъ давно готовъ! — прибавила она съ рѣшительнымъ кивкомъ головы.

Алида слегка разсмѣялась.

— Онъ все разрастается и разрастается!

Мать стояла и задумчиво соображала:

— Черезъ двѣ недѣли начнется осенняя сессія... Только бы люди покочили съ уборкой ржи къ тому времени! Миѣ нужны будутъ всѣ рабочія руки въ эти три-четыре недѣли, пока мужчины будутъ на сѣздахъ... Сходи-ка въ бесѣдку за веревкой, Алида! — продолжала она, все болѣе и болѣе увлекаясь. — Посмотримъ, сколько мѣста можно отвести подъ парники для спаржи, если считать вотъ отъ этой березы. Если уже затѣять выращивать въ парникѣ спаржу, такъ надо, чтобы было мѣсто... По крайней мѣрѣ, пять двурядныхъ грядокъ... И все это «ученое» удобреніе, что предназначено для ржаного поля, не попадетъ туда на этотъ разъ! — засмѣялась она подъ конецъ.

— А помнишь, мы прошлый годъ... и позапрошлый... и теперь всякій разъ начинали мѣрять отъ столба тамъ! — напомнила Алида съ лукавой улыбкой.

— Такъ что же? — послѣдовалъ невозмутимый отвѣтъ. — Теперь посмотримъ, соответствуетъ ли эта сторона той. Пять сажень, ты сказала?

— А, вы планируете будущій маминъ садъ! — шутливо-ласково произнесла подошедшая Маріанна. — Тебѣ письмо, Алида, отъ тетуски Ра.

И она подала сестрѣ маленькій треугольный конвертъ, запечатанный облаткой.

Меретѣ была уже тутъ какъ тутъ, горя нетерпѣніемъ:

— Что за письмо принесъ Іенсъ?

Фемія явилась тоже, — хотя не такъ поспѣшно, — чтобы узнать, въ чемъ дѣло.

— Тетуска Ра приглашаетъ насъ — сестеръ — въ воскресенье на чашку чая послѣ обѣда, мама! — объяснила Алида. — «Свѣжее сливочное печенье...» — читала она вслухъ письмо.

Мать взяла письмо и, далеко держа его отъ глазъ, прочла:

— «Постскриптумъ...» Ага! Тутъ, значить, главное! «Новый помощникъ тоже будетъ желаннымъ гостемъ, если захочетъ поѣхать старуху и посмотреть нашъ знаменитый водопадъ».

— Ахъ, ей не терпится дольше воскресенья! — вырвалось у Меретѣ. — Она такъ и горитъ отъ нетерпѣнія увидѣть его и рѣ-

шить, которую изъ васъ дать ему въ жены! «Вторая будетъ самой подходящей партіей!» — передразнивала она датскій выговоръ тетки. — «Арендъ не годился ни для кого изъ васъ! — продолжала она, косясь въ сторону Маріанны, — развѣ для Барбары», но ее онъ не пожелалъ взять!

— У тетушки Ра особая страсть устраивать счастье родственникововъ, — пробормотала Алида.

— Да, да! — прервала мать. — Тетушка Ра со всѣми своими прихотями и странностями умѣетъ быть великодушной. Она, вѣдь, не пожалѣла тысячи спецій *)), чтобы дать Маріаннѣ возможность провести три года въ Христіансфельдѣ послѣ этой тяжелой оспы... Но поторопись же дать отвѣтъ Іенсу, Алида! Вы, конечно, отправитесь всѣ. И напиши, что и господинъ Дюре, безъ сомнѣнія, съ радостью воспользуется ея любезнымъ приглашеніемъ, чтобы поѣхать добрѣйшую тетушку Ра. Сообщи, что вы приготовили ему комнату нашего Іесса... Да еще, — ты знаешь, она всѣмъ интересуется, — что Краснушка отелилась.

— Не послать ли ей кружокъ сыра съ корицей и сахаромъ? — предложила Маріанна. — У насъ еще хватитъ къ завтрашнему обѣду.

— Хорошо. Такъ напиши, что это посылаетъ ей Маріанна, — теперь ея недѣля! — скрѣпила мать предложеніе старшей дочери. — Меретѣ! Меретѣ! — закричала она затѣмъ. — Буры забрались въ садъ! Выгони ихъ!

И она направилась къ рошѣ, возобновивъ свои прерванные размышленія по поводу распланировки сада.

Болоколъ на крышѣ амбара, приведенный въ движеніе усердною рукой кухарки, зашѣлъ, загудѣлъ, сзывая къ вечернему чаю и будя гулкое эхо въ окрестной дали...

Съ сѣнокоса потянулись домой люди, чтобы разлѣститься во-кругъ длиннаго стола на кухнѣ. Хозяйка тоже двинулась изъ сада, останавливаясь то тамъ, то сямъ и опираясь на легонькія лиловые грабли, которыя держала въ рукахъ.

Самъ судья былъ уже дома и рассказывалъ взадъ и впередъ по комнатамъ; на щекахъ у него выступили отъ гнѣва красныя пятна.

— Пусть Бвигстаду снесутъ чай и закуску въ контору! — кричалъ онъ, наконецъ, тяготѣвшее надъ всѣми молчаніе, когда Маріанна появилась съ чаемъ. — Я не желаю видѣть его здѣсь.

Жена внимательно посмотрѣла на него, прежде чѣмъ усясться обитый кожей стулъ.

*) Приблизительно двѣ тысячи рублей. — Примеч. перев.

— Что случилось, Орнингъ?

— Пустяки... пустяки... Просто скандалъ!

— Опять Бвигстадъ? — продолжала спрашивать жена, кивая головой.

— Безсовѣстный шелопай!... Безсовѣстный шелопай... Сидитъ теперь блѣдный съ похмѣлья и только еще развязываетъ вотъ этакую толстенную папку съ дѣлами! — судья показаль, раздвинувъ указательный и большой пальцы и безнадежно покрхтывая, толщину папки и продолжалъ: — Протоколъ чистехонекъ, а я полагаль, что у него все давно составлено, готово!...

— Бвигстадъ въ одну ночь наверстаеть упущенное, если постарается! — попробовала успокоить его жена.

— Онъ и то старался двѣ noci кряду! — сердито перебилъ мужъ. — Плясалъ и кутилъ на свадьбѣ въ Норсетѣ!

— Дурной вкусъ! — пробормотала Евфемія, вздернувъ губки и прихлебывая чай.

— Тутъ такая гуча хлопоть съ наслѣдствомъ Мартина Хауга, и все должно быть закончено къ завтрашнему дню, къ тремъ часамъ пополудни... Уже сдѣлано объявленіе, и наслѣдники съѣдутся съ разныхъ концовъ...

И судья съ сердцемъ отодвинулъ отъ себя чашку:

— Горячо, ротъ обожжешь!

Маріанна ловко перелила чай въ другую чашку и затѣмъ опять въ большую покрытую позолотой конторскую чашку отца.

— Ну, вѣдь, не въ первый разъ ему выказывать чудеса, Орнингъ! — продолжала жена, спокойно кушанъ бутербродъ.

Но судья только мрачно покрхтывалъ, пока семья молчаливо, осторожно управлялась съ чашками.

— И вдобавокъ, въ такое время, когда я безъ помощника!

— Увидишь, Бвигстадъ еще наверстаеть до завтра все упущенное! — сказала опять жена, отодвигая отъ себя пустую чашку.

— Но, папа, ты и не ѣлъ ничего? Хотѣ бы бутербродовъ съ колбасой? — рискнула предложить Маріанна, хлопотавшая у стола.

Судья отрицательно махнулъ рукой.

— Боюсь, что на этотъ разъ струна лопнетъ, милѣйшій Бвигстадъ! — глухо пробормоталь онъ и всталъ, чтобъ идти въ контору. — Что это, Алида? Что за чортъ?... — вдругъ обернулся онъ къ дочери. — Я не слыхаль этой мелодіи лѣтъ двадцать... Это чудный менуэтъ Гайдна...

— Да, вотъ я и хотѣла спросить тебя, лапа, — подхватила

Алида, наигрывавшая на фортепьяно, глядя въ листокъ старыхъ нотъ, — что дальше? Тутъ оторванъ цѣлый уголь.

— Вотъ что! — судья подѣлъ къ инструменту и заигралъ. — Чудесно! Божественно хорошо!

Онъ увлекался игрою все больше и больше. Алида и Меретѣ стояли рядомъ и слушали.

— Да, вотъ какъ! — сказала Алида. — Мелодія такъ мнѣ знакома... Я навѣрно слышала ее въ дѣтствѣ.

— Да, да. Это было еще во времена моего помощника Фальбе, когда у насъ составлялись квартеты. Мы сыграемъ это сегодня съ тобой на клавесинѣ со скрипкой.

Онъ еще разъ пробрячалъ недостающее въ нотахъ мѣсто.

— Вотъ какъ! Вотъ! Замѣчаешь этотъ прелестнѣйшій пассажъ?...

И онъ повернулъ свое просвѣтлѣвшее лицо къ Маріаннѣ:

— Ну, ты еще не убрала моихъ бутербродовъ?... Конечно, онъ справится съ дѣломъ до завтра, — продолжалъ судья, вставая изъ-за стола. — Пойду-ка въ контору, подбодрю его немножко. Много ли сдѣлаешь безъ охоты да въ дурномъ настроеніи!... Само собой, онъ уже ознакомился теперь съ дѣломъ... Такой дѣльный парень! И, конечно, было бы черезчуръ ужъ строго требовать отъ молодого человѣка съ такой горячей натурой, чтобы онъ пришилъ себя къ конторкѣ, не позволяя себѣ иногда провѣтриться!...

Жена стояла у окна и, глядя, какъ онъ легкой, подпрыгивающей поступью спѣшилъ въ контору, покачала головой въ чепчикѣ.

— Ахъ, ты, Орнингъ, Орнингъ! — прошептала она.

— Какъ это ты нашла этотъ старый лоскутокъ? — пытливо обратилась она вдругъ къ дочери.

— Да, вѣдь, это менуэтъ Гайдна, мама! — отозвалась Алида.

— Гдѣ же мнѣ знать, что это такое, дитя?... Ну, хорошо. Теперь пойдемъ, посмотримъ, какъ выходитъ у тебя узоръ, Евфемія...

Послѣдніе отблески зари погасли въ верхнихъ окнахъ барскаго ма. Отъ строеній и бопенъ сѣна внизу подъ валомъ протянулись инныя черныя тѣни; косари выходили изъ людской и направлялись каждый въ свою сторону, къ себѣ домой.

Двѣ дѣвушки черпали воду изъ колодца и ведро за ведромъ выжали въ ушатъ, который потомъ, продѣвъ въ его ушки палку, цили къ кадкѣ въ кухню и въ хлѣвъ; подъ навѣсомъ закипѣла

рубка топлива къ завтрашнему дню. Бонторскіе служащіе, покуривая трубки, бродили въ сумеркахъ по отлогой дорогѣ передъ домошъ.

Съ крыльца торопливо сбѣжали одна за другою Алида и Меретѣ. Онѣ, каждая съ своего мѣстечка у огня, замѣтили на холмѣ у перевоза свою сводную сестру Барбару. Ее посылали по дѣлу въ со-сѣднее имѣнье Опсѣтъ.

Алида, рѣшившаяся пойти кратчайшею дорогою черезъ сѣно-кось, первая присоединилась къ сестрѣ, но, минуто спустя, и Меретѣ висѣла на другой рукѣ Барбары.

— Ну, что, какъ Ранди?—торопливо спросила Алида.

— Что-жъ, будетъ у насъ смородина, Барбара?—тормошила послѣднюю Меретѣ.

Барбара поворачивалась то къ той, то къ другой, сбитаея съ толку перекрестными вопросами. Она была полная, круглая, со-всѣмъ другого типа дѣвушка, съ добродушнымъ простымъ выраже-ніемъ лица и маленькими живыми голубыми глазами, въ которыхъ свѣтился практическій умъ.

— Да, да... да, да! Цѣлую мѣрку и даже больше, если мама хочетъ! Старуха Опсѣтъ вполнѣ понимаетъ, что гости на канику-лахъ могли опустошить весь садъ... Но денегъ она брать не хо-четъ. Разумѣется, мама можетъ отплатить ей нѣсколькими бутыл-ками ягоднаго вина или чѣмъ-нибудь еще. Меня угощали тамъ кофе съ печеньемъ,—осталось еще со свадьбы.

— Ну, а Ранди? Какъ она? Довольна?—приставала Алида.

— Я спросила ее, когда старуха Опсѣтъ ушла варить кашу къ ужину, каковъ ея Торстенъ, хорошъ ли. Она отвѣтила: «такой же, какъ и всѣ! Мужчины, вѣрно, иными и не бываютъ!»—шутливо до-глядывала Барбара.

— Такъ она и сказала?—допытывалась сильно заинтересован-ная Алида.—Послѣ того, какъ она такъ убивалась, что ей навязали этого франта!... Я знаю, что она заглядывалась на Бнута Рольена съ самой нашей конфирмаціи... Ахъ, эти деньги!—закон-чила она съ глухимъ раздраженіемъ.

— Ну, и, конечно, они очень любопытствовали насчетъ нова-го помощника... На комъ его женить—на Маріаннѣ или на Феміи?

— Евфеміи!—раздалось съ крыльца, куда онѣ успѣли по-дойти и гдѣ сидѣла, завернувшись въ шаль, Евфемія.—Ты знаешь, я не люблю, чтобы меня звали Фемія!

— Если онъ похожъ на майора Говарда изъ «Могиканъ», съ ружьемъ за плечами и грознымъ взглядомъ, то быть ему женатымъ на Евфеміи!—дурачила Меретѣ.—А если онъ изъ тѣхъ, что

тихо бродятъ при лунномъ свѣтѣ, разыскивая «дѣву въ роцѣ», то, конечно, на Маріаннѣ!... А если онъ веселый, толстый малый, любящій поѣсть, то на тебѣ, Барбара!... Стойте! — прервала она вдругъ самой себя. — Я слышу папа настраиываетъ скрипку. Бѣги, Алида!...

Немного погодя, въ домѣ раздались звуки Гайдновскаго менуэта, причѣмъ нѣкоторые пассажи повторялись по пѣскольку разъ.

Евфемія, закутавшись въ шаль, осталась на крыльцѣ мечтать въ сумракѣ лѣтняго вечера. Маріанна мелькала на дворѣ, весело бесѣдуя съ конторскими служащими Шмидтомъ и Августинусеномъ, которые вернулись съ прогулки.

На амбарномъ крылечкѣ сидѣлъ старикъ Геншинъ, много лѣтъ полновластно завѣдывавшій всѣми дѣлами по опекѣ, и, накинувъ на сутуловатыя плечи пальто, покуривалъ трубку.

Въ большой полутемной семейной комнатѣ, хозяйка, сонно развалившись на диванѣ, что-то вязала; Меретѣ примостилась съ своимъ шитьемъ поближе къ двумъ сальнымъ свѣчамъ, стоявшимъ въ мѣдныхъ подсвѣчникахъ на фортепіано, а Барбара сматывала у окна шерсть.

Судья расхаживалъ взадъ и впередъ со скрипкой въ рукахъ, задумчиво пощипывая время отъ времени струны, пока Алида еще разъ проигрывала менуэтъ на фортепіано.

— Теперь идетъ! Начнемъ вмѣстѣ — въ послѣдній разъ.

Онъ прижалъ скрипку къ широкому тугому галстугу, а подбородкомъ уперся въ отвороты высокаго стоячаго воротничка и съ одушевленіемъ началъ водить смычкомъ по струнамъ, слегка покачиваясь и весь отдаваясь музыкальному настроенію.

— Отлично, отлично!... Теперь возьмемъ другую вещь... Сегодня весь вечеръ посвятимъ Гайдну... Несравненно!...

Пока отецъ съ дочерью играли, сидя рядомъ у фортепіано, мать начала мало-по-малу дремать, кивая головой. Наконецъ, покачнувшись особенно сильно, она рѣшительно взяла свое вязанье, соскользнувшее съ колѣнъ, и сложила его, затѣмъ, только кивнувъ орой Барбарѣ, чтобы не мѣшать другимъ, выплыла изъ комнаты.

Меретѣ отложила шитье и забралась въ уголокъ дивана, гдѣ сидѣла мать. Евфемія и Маріанна одна за другой скользнули въ полукъ комнаты.

Стрѣлка большихъ старинныхъ часовъ приближалась къ положенію одиннадцатаго — времени, когда вся семья регулярно отходила ко сну.

Играли какъ разъ финалъ симфоніи, гдѣ мелодія то и дѣло какъ

бы всплываетъ со дна безконечнаго моря звуковъ—съ каждымъ разомъ все изъ большей и большей глубины.

Меретѣ вздумалось наклониться къ Маріаннѣ и шепнуть:

— Подумай, завтра вечеромъ онъ, пожалуй, будетъ уже сидѣть здѣсь и слушать!—Вдругъ она остановилась и такъ и замерла въ наклонномъ положеніи...

На стулѣ, между часами и печкой, сидѣлъ человѣкъ, сложивъ руки на колѣняхъ, и смотрѣлъ на нее. У него былъ красивый лобъ и густые, откиннутые назадъ, волосы. Онъ какъ будто уже прочелъ ея мысли и лукаво-дружески улыбнулся ей.

Затѣмъ видѣніе медленно покачало головой, на лицѣ его отразилось выраженіе глубокаго страданія, и—все исчезло.

Меретѣ сидѣла, онѣмѣвъ, неподвижная, испуганная; заключительные аккорды наполняли пространство и медленно замирали въ воздухѣ. Часы пробили половину одиннадцатаго.

Фортепіано закрыли, и каждый молча прибиралъ за собою.

Судья спряталъ скрипку въ футляръ, зажегъ свѣчку, приготовленную для него на столѣ, и, напѣвая мотивъ, вышелъ изъ комнаты, пожелавъ дочерямъ спокойной ночи.

Августовскій мѣсяцъ выплылъ надъ вершинами лѣса, отбрасывая длинныя, рѣзкія тѣни между постройками. Маріанна и Меретѣ, вышедшія на крыльцо, чтобы запереть дверь, увидали у крыльца старика Геншина.

— Тсс!...—тихо сказалъ онъ, предостерегающе протягивая впередъ руку.—Какъ будто звукъ волторны тамъ за скалой? Похоже—не къ добру!—пробормоталъ онъ.

Онѣ прислушались.

Въ тишинѣ внезапно раздался какъ будто шумъ отдаленнаго водопада.

— Не спроста!... Не спроста это!—задумчиво протянулъ старикъ про себя, отходя отъ крыльца.

— Спокойной ночи, юмфру *) Маріанна! Спокойной ночи, юмфру Меретѣ!...

Меретѣ стояла на мѣстѣ, какъ вкопанная, пока Маріанна не обликнула ее нетерпѣливо. Тогда она послѣдовала за сестрой, точно застигнутая страннымъ дурнымъ сномъ, какъ будто переживъ что-то, о чемъ не смѣла рассказать.

*) Датское слово „юмфру“—значитъ „дѣвица“, какъ „фрѣкенъ“—„барышня“ а „фру“—„барыня“. Встарину было въ ходу только первое названіе—„юмфру“; теперь же оно употребляется лишь въ примѣненіи къ дѣвушкамъ простаго сословія, тогда какъ „фрѣкенъ“ стало общеупотребительнымъ наименованіемъ.—Прим. пер.

II.

Дюре Окисенъ Рейнъ.

Мать и дочери стояли въ гладильной и разсматривали и мѣряли скатанный кусокъ шерстяной матеріи, только что полученной изъ красильни.

Но какъ Алида ни мѣрила, изъ двадцати пяти съ четвертью, сданныхъ въ краску, вышло только двадцать четыре съ половиной. Шерсть ужасно какъ садится.

— Начинается съѣздъ наслѣдниковъ! — объявила Маріанна, стоявшая у окна.

— Это Оле Нордсѣтагенъ, совсѣмъ молодой паренекъ... Съ серебряными пуговицами на курткѣ... Ведетъ лошадь къ конюшнѣ! — доносился изъ кухни голосъ старой коровницы Ранди, болтавшей съ кухаркой. — Денегъ у него куры не клюютъ. И себѣ, говорить, не знаетъ, сколько у него. День-деньской можетъ идти, и все не выйдетъ изъ собственнаго лѣса. А теперь еще женится на дочкѣ Хауга.

— Подумай, Алида! — продолжала Маріанна. — Вѣдь, это сынъ стараго славнаго Ларса Осеруда, который, бывало, всегда говорить такъ громко и скоро, что ничего нельзя понять!

— А, того!... Помнишь, онъ еще, бывало, вынетъ изъ-за голеняща бумажникъ, развернетъ и дастъ намъ всѣмъ по серебряному далеру.

— А этотъ, въ телѣжкѣ, высокій такой... это — Андерсъ Орлидъ, который собирается снять у вдовы Хауга дворъ, — продолжала стрекотать Ранди.

— Мама, а эти, что выходятъ сейчасъ изъ телѣжки, — теперь всѣ дѣвушки толпились у окна, — должно быть, изъ Ордаля... Видно по платьямъ... старинныя такія... И сбруя... и дуга съ рѣзбой... Взгляни только, какъ они важно шествуютъ по лѣстницѣ въ контору!

— И этотъ господинъ, Тронъ Херсѣтъ тоже! — сказала мать. — Клузникъ и буянъ. Вишь, какъ оттаптываетъ каблуки по двору... А панка надвинута на брови, точно ужъ онъ собирается вломиться въ претензію! А потомъ подастъ жалобу королю!... А вотъ, и сама вдова Хауга, Гудбѣрь... Одна въ телѣжкѣ... сама править... Скажи ей скорѣе матерію, Алида. Отецъ, вѣрно, пошлетъ Гудбѣрь въ лагерь! — Нѣсколько времени спустя, мать пришла въ кухню и велѣла Маріаннѣ подать кофе съ крендельками и пышками. — Да пошлите сестеръ-то помогать мнѣ занимать тетушку Гудбѣрь. Ей непременно надо поговорить съ каждой изъ васъ...

Гостѣ показали садъ. Осмотрѣли цвѣточныя клумбы, ягодныя кусты, фруктовыя деревья и остановились внизу у рѣпы и капусты; общее мнѣніе было, что нынѣшнее лѣто выдавалось засухою... И червь палъ на листья!

Совершенно вѣрно. Юмфру Алида права,—и у вдовы Хаугъ вся смородина и крыжовникъ изѣдены до стебельковъ, а на капустѣ почти не видно и зелени. У нея въ Хаугѣ, конечно, некому такъ ухаживать, да поливать, да очищать зелень, какъ въ Вангенѣ у судьи.

Потомъ вдову повели въ домъ смотрѣть тканье Маріанны и восхищаться узоромъ, снятымъ съ рисунка, изображавшаго корзину съ плодами.

Само собой нельзя было не показать встати и другихъ, хранившихся въ бѣльевомъ шкафу, рукодѣлій Вангенскихъ барышень. Въ нижнемъ ящикѣ лежалъ еще не бѣленный холстъ, на полкахъ, благоухавшихъ полынью и лавандой, ослѣпительно бѣлый холстъ и простынное полотно,—ленъ сѣялся, снимался съ поля, мялся и проч. въ усадьбѣ судьи, а чесался, прядся и ткался весь до послѣдней ниточки дочерью его.

Обходъ не окончился этимъ, явилась Барбара, ведя за собой прѣвзжую изъ Таугбѣля, которую тоже прислали изъ конторы. Тутъ были вынуты и ключи отъ полутемнаго чуланчика за кладовой, гдѣ взорамъ представились результаты усерднаго жужжанія прялокъ въ домѣ судьи. Здѣсь по стѣнамъ были развѣшаны мотки шерстяной и бумажной пряжи и нитокъ для шитья, тонкихъ и толще, бѣлыхъ и черныхъ, еще не размотанныхъ. На полу же громоздились разныя прялки, мотовила, корзины съ еще нечесанной шерстью и проч.

Потомъ тетушка Гудбѣрь, тетушка Лангсэтъ и тетушка Таугбѣль, въ своихъ парадныхъ шелковыхъ головныхъ уборахъ, усѣлись за кофе; усерднымъ потчиваньямъ хозяекъ гости поддавались не сразу, а понемножку, съ разными церемоніями, учтивыми отговорками и похвалами. Лица у нихъ раскраснѣлись и вспотѣли еще въ конторѣ, и теперь время отъ времени у тетушки Гудбѣрь вызывался намекъ на жадность ея зятя Нордсѣта. Намеки эти встрѣчались съ равнодушными минами и скрытымъ жаднымъ любопытствомъ. Тетушка Гудбѣрь только что испустила глубокой, полный таинственнаго значенія вздохъ, по поводу этой «наслѣдственной жадности», какъ на дворѣ послышался стукъ колесъ вновь прибывшаго экипажа.

— Это не на раздѣлѣ! — замѣтила Маріана, внимательно глядя по

направленію къ воротамъ, своими сузившимися, какъ отъ боязни свѣта, щелками глазъ.

— Соломенная шляпа... въ одноколѣ... въ дорожномъ плащѣ... Сзади привязанъ большой чемоданъ!—докладывала дальше Барбара.

Евфемія сразу выпрямилась изъ своего снисходительно-наклоннаго положенія, въ которомъ она соблаговолила любоваться стариннымъ плотнымъ шелковымъ передникомъ тетушки Лангсэтъ. Затѣмъ она быстро оправила рукой платье и, слегка приподнявшись на стулѣ, оглядѣла въ зеркало верхнюю половину своей персоны, послѣ чего съ важною, холодною миной откинулась на спинку стула.

— Направилъ лошадь къ крыльцу. Увидите—это новый помощникъ Рейнъ!—воскликнула Барбара.

Съ минуту мать и дочери тревожно переглядывались: тутъ эти деревенскія кумушки, являвшіяся на раздѣлѣ, и самъ судья въ конторѣ.

Въ ту же минуту Аякъсъ поднялъ дикій лай и сталъ рваться съ цѣпи. Лай перешелъ въ непріятный, протяжный вой, прерываемый злобнымъ рычаньемъ.

— У! какъ непріятно... Просто жутко!—сказала Барбара.— Вотъ тебѣ разъ!... Вышелъ изъ одноколки... прямо къ Аяксу! Говорить съ нимъ... гладить и треплетъ его по головѣ... даетъ обнюхать руку!... И не угодно ли... Аякъсъ уползъ въ конуру, точно сконфузился своего дурнаго поведенія!... Нѣтъ, кто бы подумалъ!...

Хозяйка встала съ дивана.

— Ступай, позови Инге!—сказала она Барбарѣ.— Пусть она проводитъ его на верхъ въ его комнату. А я выйду встрѣчать его на крыльцо. Приготовь еще кофейныя чашки, Маріанна!... Но что съ тобой, Меретѣ?—вдругъ остановилась она, пораженная видомъ младшей дочери, которая стояла вся блѣдная, держась за стулъ и едва переводя дыханіе.—Ты выпила слишкомъ крѣпкаго кофе, дитя!—нашлась мать и погладила Меретѣ по головѣ.—Ступай и выйди холодной воды.

И она слегка толкнула ее къ двери въ кухню, сама же направилась въ коридоръ.

Гость уже стоялъ на крыльцѣ, отирая потъ со лба.

Любезное, краткое привѣтствіе хозяйки, объяснившей ему, что съ судья сейчасъ занять, пріѣзжій выслушалъ съ какимъ-то събитанно-вялымъ видомъ, точно всю дорогу спалъ и не вполнѣ

еще пришелъ въ себя со сна. На послѣдовавшій же затѣмъ вопросъ хозяйки относительно самой поѣздки онъ крайне безцеремонно буркнулъ:

— Шестъ часовъ ѣзды по берегу рѣки... По такому пеклу, — ужасъ, что такое!...

Онъ стоялъ передъ нею со шляпой въ рукѣ... Густые волосы, черные брови, рѣзкія черты лица напоминали выраженіемъ хищную птицу; вообще видъ у него былъ хмурый и непривѣтливый до грубости. Для этого господина, повидимому, ничего не значило дать волю своему дурному расположенію духа!... Онъ, пожалуй, «воображалъ, что заѣхалъ въ такую глушь, гдѣ нечего было и стѣсняться!»

Собираясь послѣдовать за служанкой и малымъ, несшими его чемоданъ, саекъ-войжъ и два ружья, онъ попросилъ у хозяйки — на этотъ разъ вполне учтивымъ тономъ — не позволить ли она ему спуститься внизъ къ нимъ и представиться попозже.

А въ ней между тѣмъ такъ и кипѣло! Не мѣшаетъ дать ему отпоръ сразу, если онъ проявитъ какую-нибудь особую претенциозность, — что-то такое въ немъ раздражало самолюбіе госпожи Орнингъ. Молодой человекъ могъ бы, кажется, немножко владѣть собой, представляясь въ первый разъ хозяйкѣ дома!

— На ужинъ кашу и еще что-нибудь, какъ всегда! — сказала она потомъ Маріаннѣ. — Ничего лишняго!

Въ комнатѣ начинало ощущаться какое-то томленіе въ ожиданіи конца раздѣла и часа освобожденія. Время старались скоротать въ болтовнѣ о томъ, о семъ — о легкомысленныхъ бракахъ, о печальныхъ и дурныхъ обычаяхъ; подспорьемъ бесѣдъ служили усердныя подчиванья кофе и печеньемъ.

Нѣкоторые изъ пріѣзжихъ наслѣдниковъ соскучились уже и бродили по двору; другіе запрягали лошадей.

Но вотъ, видимо, и раздѣлу подошелъ конецъ, какъ всему на свѣтѣ!

Въ дверяхъ появился Шмидтъ и попросилъ, отъ имени судьи, пожаловать въ контору всѣхъ трехъ женщинъ, чтобы присутствовать при чтеніи протокола.

Хлопотливое послѣобѣденное время кончилось; послѣдняя тележка съѣхала со двора.

Судья такъ быстро двинулся изъ конторы къ себѣ, что полы его сюртука разлетались и хлопали его по ногамъ. Онъ съ довольнымъ видомъ потиралъ руки, точно сбросилъ съ плечъ гору.

— Вотъ человекъ!... Просто чортъ, а не человекъ этотъ Квиг-

стадь!... Вѣдь, все это огромное дѣло по раздѣлу было-таки готово къ сроку! Онъ и третью ночь проплясалъ безъ сна!... Закусилъ удила, какъ говорятъ о лошадяхъ — пояснилъ онъ женѣ — и я поймалъ его раза два, какъ онъ поглядывалъ на меня, точно хотѣлъ убѣдиться, постигаю ли я его искусство... Да, да! Признаюсь, для меня загадка, какъ можетъ человѣкъ удерживать такъ ясно въ памяти всѣ эти скучныя подробности и формальности, касающіяся имущества ближняго...

— Ну, теперь дѣло не въ этомъ, Орнингъ, — перебила жена. — Новый помощникъ прибылъ.

— Что? Что ты говоришь, Болетта?

— Онъ прямо поднялся къ себѣ со всѣмъ своимъ багажомъ и охотничьими штукаами... Сдѣлай теперь милость, Орнингъ, не слишкомъ спрашивай его, когда онъ сойдетъ внизъ, о его музыкальныхъ талантахъ, а также не увлекись сразу высокими матеріями. На него надо посмотрѣть, да посмотрѣть сначала!... Очень важно, какъ поставишь себя съ перваго раза.

Судья слегка кашлянулъ и сталъ ходить взадъ и впередъ, заложивъ руки назадъ, на спинѣ своего острофалдаго сюртука.

— Что за помощникъ попадетъ тебѣ—дѣло случая, какъ и погода!—вырвалось у него.

— Лучшимъ помощникомъ, навѣрно, будетъ наименѣе музыкальный!—замѣтила вскользь жена, выходя изъ комнаты.

Судья, продолжавшій, насвистывая, ходить взадъ и впередъ, усмѣхнулся ей вслѣдъ. «Почти остроумно!... Только... какъ будто не совсѣмъ деликатно!... Хррр!»

Его вдругъ озадачила Фемія, которая, раскрывъ дверь и бѣгло оглядѣвъ комнату, опять скрылась. Она была въ соломенной шляпѣ, въ длинныхъ нанковыхъ перчаткахъ и съ корзиной въ рукахъ.

Немного погодя, новый помощникъ, Дюре Рейнъ, сидѣлъ за ужиномъ между Алидой и Геншиномъ, который только что былъ ему представленъ. Старый служащій сидѣлъ сторбившись и, съ видомъ человѣка себѣ на умѣ, посматривалъ на новичка, словно готовясь защищаться противъ возможнаго вторженія въ сферу своей власти.

За нимъ сидѣлъ Квигстадъ; его острые, сѣрые глаза внимательно измѣряли глубину ума молодого помощника, насколько она проявлялась въ его рѣчахъ и манерѣ обращенія. Выраженіе лица у Квигстада послѣ всего происшедшаго было сосредоточенное, дѣловое, и онъ разсѣянно вертѣлъ вышитое бисеромъ кольцо для салфетки, которое перекаатилось къ нему по скатерти отъ Алиды.

Дальше сидѣлъ «маленькій Шмидтъ», опустивъ глаза въ та-

релку съ кашей; вниманіе его искусно дѣлилось между двумя его идеалами въ жизни—самимъ судьей и Бвигстадомъ; онъ изучалъ, какое впечатлѣніе производитъ вновь прїѣзжій на перваго и какъ относится къ нему второй. Въ самой же глубинѣ души молодой человѣкъ былъ занятъ своею любовью къ двадцативосьмилѣтней Маріаннѣ—его визави за столомъ, которую онъ страшно ревновалъ къ ея сосѣду Августинусену. Она два вечера подрядъ удостоивала послѣдняго совмѣстной прогулкой! Она, правда, не то, чтобы была очень красива... Но какая у нея фигура... накая чудная походка... И какъ она мила, прївѣтлива въ обращеніи!

Барбара молча занималась новымъ помощникомъ. Она любопытно разглядывала его своими узенькими, свѣтящимися практическимъ умомъ глазками и дѣлала свои наблюденія... У него были большія, красивыя роговыя пуговицы на застегнутомъ наглухо сюртугѣ... Плотный, шелковый галстукъ свободно облегалъ шею подъ воротничками рубашки... Черныя брови сходились надъ переносьемъ... на пальцѣ не было кольца,—навѣрно не помолвленъ еще. Да тѣ, что такъ дружатъ съ животными, рѣдко и женятся—какъ говоритъ тетушка Ра. Вотъ онъ положилъ себѣ въ кашу масла, не дожидаясь, чтобы его попотчивали!...

— А вотъ и самая младшая наша дочь!—сказала хозяйка, когда вошла Меретэ и, конфузливо поклонившись, заняла мѣсто рядомъ съ матерью на концѣ стола. — Поздно ты приходишь, дитя!

— Мнѣ надо было вычистить ягоды!—извинилась Меретэ, едва слышно.

— Ну, такъ постарайся догнать насъ!... Вотъ тебѣ!—и мать подала ей тарелку съ очень маленькой порціей каши. Она замѣтила блѣдность и волненіе дочери и, чтобы отвлечь отъ нея вниманіе, заговорила съ Рейномъ.—Вы никогда не бывали въ нашихъ краяхъ?

— Нѣтъ; моя родина у залива... почти у самаго моря!... Но, позвольте мнѣ, пожалуйста, еще порцію каши!—перебилъ онъ самъ себя. Онъ удивительно скоро очистилъ свою тарелку.

— Очень рада, что у васъ такой хорошій, простой вкусъ. Вы отдаете предпочтеніе кашѣ?—улыбнулась хозяйка.

— Да, сударыня... послѣ всѣхъ другихъ блюдъ!—спокойно подтвердилъ онъ.—Когда не ѣлъ съ самаго утра, отдашь должное всякому кушанью!

Меретэ вдругъ подняла на него глаза и едва слышно, съ облегченіемъ, вздохнула. Затѣмъ удивленіе ея разрѣшилось внезапнымъ

невольнымъ смѣхомъ. «Нѣтъ! Такіе не бродятъ привидѣніями!» пронеслось въ ея мозгу.

Мать съ изумленіемъ посмотрѣла на нее. «Что это сегодня съ дѣвочкой, обыкновенно такой спокойной, естественной?»

— Да, да, Меретэ, — виѣшался отецъ, — мать уже начала радоваться настоящему охотнику до каши!

Меретэ опять не могла удержаться отъ громкаго взрыва смѣха; голова у нея еще слегка кружилась. «Острый, горбатый носъ! Насмѣшливый звукъ голоса... Съ какимъ аппетитомъ онъ принялся за вторую порцію каши!... О, и онъ-то казался ей какимъ-то страшнымъ духомъ!»

И все-таки ей время отъ времени надо было украдкой поглядывать, какъ онъ хлебалъ молоко ложкой, двигая волосатую, до самой кисти рукою... Онъ какъ-то быстро скидывалъ круглую, черную голову, обращаясь къ кому-нибудь за столомъ. Затѣмъ Меретэ поймала быстрый, мимолетный взглядъ, брошенный имъ на Евфемію, которая, небрежно откинувшись на спинку стула, то и дѣло вставляла въ разговоръ свое слово.

Два-три раза, по крайней мѣрѣ, его глаза, какъ-то весело свергая изъ-подъ бровей, останавливались и на Маріаннѣ, послѣ того, какъ она, подойдя къ отцу, шутливо-ласково сообщила ему, что дадутъ кое-что и кромѣ каши. Вновь прибывшаго какъ будто поражала ея внѣшность.

Появились тарелочки съ нарѣзанною кусками солониной, колбасою и копченою форелью, и маленькій Шмидтъ уже зналъ, что хозяйка зорко слѣдитъ за нимъ, — не позабудетъ ли онъ прибѣгнуть къ особымъ, лежавшимъ возлѣ, ножамъ для масла и для сыра.

Для всѣхъ молодыхъ конторскихъ служащихъ прохожденіе ими, подѣ деликатнымъ руководствомъ хозяйки, воспитательнаго курса было-таки своего рода прохожденіемъ черезъ чистилище, и Шмидтъ съ нѣкоторымъ замираніемъ сердца смотрѣлъ, какъ новый помощникъ, точно и не было на свѣтѣ никакой хозяйки, такъ угощался солониной, что тарелка наполовину опустѣла, а затѣмъ набросился на козій сыръ, до котораго еще никто не дотронулся.

Вошла служанка и за нею Аяксъ, привыкшій пробираться въ комнаты, послѣ того, какъ его спускали съ цѣпи. Собака прямо подошла къ Рейну и понюхала и полизала ему рубу, которую тотъ оставилъ ей, продолжая разговаривать и не обращая на нее особеннаго вниманія.

Мало-по-малу онъ началъ слегка улыбаться на упорный, испы-

тующій взглядъ Барбары. Ее съ самаго начала ужасно занимало приключеніе съ Аяксомъ.

Евфемія уронила съ высоты величія какое-то замѣчаніе, относительно невѣжливаго приѣма, оказаннаго Аяксомъ.

— И вы рѣшились прямо подойти къ нему! — не вытерпѣла Барбара. — Онъ разъ въ самомъ дѣлѣ угусилъ. Мы всегда держимъ его на цѣпи въ жару.

— Аякъ — благородный песь; я сразу увидѣлъ. Я снялъ съ него цѣпь, — онъ и сконфузился! — объяснилъ Рейнъ. — Вашъ сынъ Бласъ, морякъ, показывалъ мнѣ чудесную охотничью собаку, привезенную отсюда, — обратился онъ затѣмъ къ судѣ: — финской породы, должно быть?

— Такъ вы знаете Бласа? — вмѣшалась хозяйка.

— Мы были вмѣстѣ съ нимъ на съемкѣ сѣверныхъ береговъ Фюрдовъ, тамъ въ нашихъ краяхъ.

— У него была съ собой скрипка? — спросилъ судья.

— Конечно, конечно; онъ и игралъ въ свѣтлыя ночи чуть не до утра! Для меня музыка пріятный языкъ, въ которомъ я нѣтъ-нѣтъ да и пойму слово. Но то, что онъ говорилъ на своей скрипкѣ, я все понималъ!

— Вотъ? Вотъ какъ?... — И судья, живо заинтересованный, далеко вытянулъ шею изъ стоячаго воротничка.

— Его скрипка стонала и жаловалась на то, что онъ долженъ тутъ, по обязанности службы, мѣрять, снимать да заносить на карты вмѣсто того, чтобы сыпать трели, какъ жаворонокъ, играть и играть безъ конца.

Судья задумчиво откинулся на стулѣ.

— Да-а... но надо же быть чѣмъ-нибудь на этомъ свѣтѣ! — вздохнулъ онъ. — Печальная необходимость.

— Нельзя же въ самомъ дѣлѣ сдѣлаться странствующимъ музыкантомъ! — наставительно произнесла хозяйка. — Взгляните-ка на этого бѣднягу Санковича. Бродитъ изъ дома въ домъ, — гдѣ покорить, гдѣ дадутъ сколько-нибудь.

— Ну, ну, Болетта! О немъ не говори! — рѣзко перебилъ ее мужъ. — Его бы не заставили мѣрять да снимать... Это одинъ эмигрантъ, артистъ... Онъ далеко бы ушелъ на своей родинѣ, не случись съ нимъ...

И онъ съ нѣкоторою горячностью отодвинулъ свой стулъ и громкимъ голосомъ: «на здоровье» — положилъ конецъ трапезѣ. При этомъ Меретѣ замѣтила, какъ помощникъ скользнулъ взглядомъ съ

хозяйки на хозяина и обратно, точно почуявъ, что въ домѣ два теченія.

Дочери втихомолку принялись убирать со стола послѣ того, какъ лать медленно и важно поднялась со своего мѣста, сказавъ что-то Маріаннѣ. Затѣмъ она двинулась своею обычною важной поступью, слегка откинувъ назадъ сѣдую голову въ чепцѣ и говоря на-ходу мужу, который слушалъ ее нѣсколько разсѣяннo со слѣдами неулегшагося раздраженія на лицѣ:

— Я думаю, не встаети будетъ, если ты въ первый же вечеръ затѣнешь съ новымъ помощникомъ музыку, Орнингъ! Не лучше ли будетъ, если ты сейчасъ же, пока еще свѣтло, сведешь его въ контору и покажешь ему все—какъ и что... По крайней мѣрѣ онъ будетъ знать, за что взяться завтра.

Судья выхватилъ изъ кармана табакерку и раза два порывисто щелкнулъ по крышкѣ. Ему, повидимому, вовсе не улыбалась мысль опять тащиться въ контору послѣ такого тяжелаго дня и тѣмъ испортить себѣ «пріятный вечеръ», сладость котораго онъ уже предвкушалъ.

Недовольство его нашло себѣ исходъ въ сердитомъ: «Гмм-ррр...» которымъ онъ вдругъ прервалъ жену; затѣмъ онъ съ легкимъ поклономъ пригласилъ Рейна слѣдовать за нимъ въ контору.

Августинусенъ и Шмидтъ были уже на дворѣ. Первый дѣлалъ короткіе концы взадъ и впередъ по двору до воротъ; второй—болѣе скромно расхаживалъ между амбаромъ и телѣгой съ сѣномъ, въ которомъ удобно зарылся Бвигстадъ, чтобы дать послѣ трехъ ночей бдѣнія предварительный отдыхъ своему усталому тѣлу.

Августинусенъ и Шмидтъ—оба не находили мѣста отъ тоски и скуки. Юмфру Маріанна была эту недѣлю занята по хозяйству и нечего было рассчитывать, что она выйдетъ вечеромъ прогуляться. Повинуясь какому-то странному взаимному тяготѣнію душъ, можетъ быть, вызванному родственностью главной занимавшей ихъ обоихъ мысли, соперники, шагая по двору, мало-по-малу все приближались другъ къ другу по мѣрѣ того, какъ надежда въ ихъ сердцахъ окончательно погасала.

Евфемія, завернувшись въ шаль, сидѣла на крыльцѣ, играя въ юланъ; она подбрасывала шарикъ кверху и подхватывала его то ракетой, то рукой.

Барбара болтала у крыльца со старикомъ Геншиномъ, который усѣлся на ступенькѣ пожарной лѣстницы. Меретѣ торопливо бѣгала взадъ и впередъ, нося въ лейкѣ воду матери, поливавшей двѣты въ саду.

Въ огнѣ коридора во второмъ этажѣ видѣлась Алида, задумавшаяся надъ письмомъ отъ своего жениха Грота.

Съ конторскаго крыльца послышался оживленный говоръ и затѣмъ на дворѣ показался, въ сопровожденіи Рейна, судья, который, видимо, вздохнулъ теперь свободнѣе, сваливъ съ плечъ новую гору.

Онъ остановился, потянулся, точно желая расправить члены, оглядѣлся и, казалось, вливалъ въ себя аромать сѣна со всевозрастающимъ благодушіемъ.

— Ларсъ! — закричалъ онъ, повернувшись къ конюшнѣ, гдѣ одинъ изъ дворовыхъ парней развѣшивалъ сбрую. — Фигаро получилъ сегодня свою порцію овса?... Выведи-ка его сюда, дай намъ посмотрѣть!... Горячій... скакунъ! — слышался голосъ судьи въ то время, какъ парень выводилъ, держа подъ уздцы, горячее животное, которое слегка заржало, выбравшись на свѣтъ изъ темной конюшни.

Судья обошелъ вокругъ каряго жеребца, оглядѣлъ его, потрепалъ и погладилъ по спинѣ, такъ, что Фигаро опять заржало.

— Ты не давай ему много этого жирнаго сѣна! Оно хорошо для коровъ, а не для верховой лошади! — говорилъ судья парню. — А мы съ тобой и пропустили сегодня нашу утреннюю прогулку. — ласково обратился онъ къ лошади.

— Ну-ка, расшевели его, Ларсъ! Пусть поразомнется немножко! — приказалъ онъ, внимательно глядя, какъ карій шелъ въ развалку къ колодцу пить.

— Славная лошадь!... Ну, дай же ей теперь хорошенько промяться! — сказалъ онъ затѣмъ съ увлеченіемъ.

И вотъ, судья, покуривая трубку и поворачиваясь вслѣдъ за лошадью, сталъ наблюдать, какъ Ларсъ гонялъ Фигаро на кордѣ вокругъ двора.

Рейнъ между тѣмъ направился къ крыльцу, гдѣ сидѣла, подбрасывая воланъ, Евфемія.

Онъ внимательно слѣдилъ за тѣмъ, какъ воланъ взлеталъ на воздухъ, но ничѣмъ не подавалъ вида, что обращаетъ вниманіе на играющую.

Воланъ упалъ на нижнюю ступеньку; Рейнъ подхватилъ его и передалъ Евфеміи.

— Въ воланъ мнѣ еще не приходилось играть! — замѣтилъ онъ при этомъ и взялъ другую ракетку, которая лежала на скамейкѣ.

Слегка подброшенный Евфеміей воланъ былъ отбитъ ракетой Рейна.

Дѣвушка небрежно приняла воланъ и равнодушно отбросила обратно.

Послѣ двухъ-трехъ попытокъ Рейнъ сталъ такъ ловко дѣйствовать ракетой, что Евфемія могла ловить воланъ съ своего мѣста и съ легкою улыбкой превосходства перебрасывать его Рейну все на большее и большее разстояніе.

Игра продолжалась съ переменнымъ счастьемъ, въ полномъ молчаніи и съ горячимъ увлеченіемъ со стороны Рейна, стремившагося овладѣть новымъ искусствомъ. Воланъ, пущенный имъ, взлеталъ все смѣлѣе и выше и спускался все вѣрнѣе передъ самымъ лицомъ Евфеміи.

Одинъ ловкій ударъ ея ракеты послалъ воланъ прямо къ колодцу, куда какъ разъ прибѣжала съ лейкой Меретѣ.

— Эй, вы!... «Младшая...» Хохотушка!... Перебросьте сюда воланъ! — закричалъ ей Рейнъ впопыхахъ.

Меретѣ машинально быстро подняла воланъ и бросила его Рейну, но вслѣдъ затѣмъ внезапно вся вспыхнула и, обернувшись къ наливавшей воду кухаркѣ, сказала:

— Когда нальешь, снеси сама мамѣ лейку въ садъ.

Потомъ она страхнула съ передника брызги воды, съ важнымъ видомъ направилась черезъ дворъ къ крыльцу, гдѣ стоялъ Рейнъ, отирая платкомъ лобъ, вспотѣвшій отъ напряженія, и сказала какъ-то свысока:

— Меня зовутъ Меретѣ... Меретѣ Орнингъ... юмфру Меретѣ!

— Скажите, пожалуйста!... Меретѣ!... Такъ звали одну королеву! — сказалъ онъ съ поклономъ. Рѣдкое имя... котораго не забудешь. Его надо носить съ гордостью.

— Полили всѣ клумбы, Евфемія! — обратилась Меретѣ къ сестрѣ, указывая на свой мокрый передникъ.

— А, вы тутъ усѣлись? — вышла изъ сѣней Маріанна съ связкою ключей въ рукахъ. И она присѣла на скамейку.

— Это моя недѣля, господинъ Рейнъ, такъ надо мнѣ немножко посвятить васъ въ наши домашніе порядки, — сказала она просто. — Я пошлю вамъ наверхъ завтракъ въ семь часовъ утра завтра... ни, пожалуй, это будетъ слишкомъ рано для васъ послѣ такой вѣздки?... Кофе и бутерброды... Въ домѣ все идетъ заведеннымъ порядкомъ, но немножко-то всегда можно приноровиться ко вкусу привычкамъ каждаго... — лукаво улыбнулась она.

— Благодарю юмфру... Юмфру Маріанна васъ зовутъ? Только мнѣ не ошибиться, — я уже испуганъ!

— А если желаете молока, то... Да, надо сказать, что теперь мы немножко бѣдны молокомъ. Вы, вѣрно, замѣтили, что въ хлѣвахъ пусто и на дворѣ какъ-то мертво? Почти всѣ коровы и коровницы вмѣстѣ съ однимъ изъ парней въ горахъ теперь.

— У насъ девятнадцать дойныхъ коровъ!—оживленно мѣшлась Барбара съ своего мѣста у парадной лѣстницы.

— Отчего же не двадцать?—шутливо спросилъ Рейнь.

— Чернушка сломала ногу наканунѣ Иванова дня, завязла въ болотѣ.

— Такъ это родовая усадьба судьи?—освѣдомился Рейнь.

Барбара, заинтересовавшись разговоромъ, тоже присоединилась къ кружку, пересѣвъ на ступеньку крыльца. Меретѣ прислушивалась, полуповиснувъ на перилахъ.

— А, Августинусенъ!—вскрикнула Маріанна черезъ перила:—Идите со мной запирать амбаръ! Вы—мастеръ по этой части. Ключа почти не отвернуть; скоро придется звать слесаря.

Августинусенъ послѣдовалъ за нею, счастливый и въ высшей степени польщенный выборомъ, выпавшимъ ему на долю, несмотря на присутствіе новаго помощника и вопреки мрачнымъ перспективамъ, какія сулило было ему вечеръ.

Судья покрикивалъ и хлопалъ въ ладоши вслѣдъ Фигаро, котораго опять загоняли въ конюшню.

Затѣмъ онъ, довольный, оживленный, направился къ крыльцу, куда съ другой стороны шествовала его жена, сопровождаемая по пятамъ Маленой, которая несла за барыней двѣ пустыя лейки.

— Ну, кажется, пора и спать, дѣти!—сказала мать, проходя мимо; сняла съ себя капоть и повѣсила его въ сѣняхъ.—Спокойной ночи всѣмъ!... Не забудьте сосчитать всѣ стекла въ вашемъ окнѣ, Рейнь, и замѣйте, что увидите во снѣ въ первую ночь... Вы знаете, это сбудется,—пошутила она.

Всѣ простились, и каждый направился къ себѣ. Шмидтъ расталкивалъ Квигстада, который успѣлъ уже всхрапнуть въ нѣдрахъ телѣги съ сѣномъ. Маріанна съ Августинусеномъ возвращались, мирно бесѣдуя, отъ амбара съ мудренымъ замкомъ, съ которымъ они таки ухитрились сладить.

Наверху, въ двухъ смежныхъ спальняхъ дѣвушекъ, судили и рядили о пріѣзжѣмъ.

Меретѣ и Барбара опустили каждая на край своей постели; другія расхаживали, расчесывая на ночь волосы и раздѣваясь.

— Ну?—спросила выжидательнымъ тономъ Барбара.

— Ну?—отозвалась и Евфемія.

— Ты что скажешь, Марианна? И ты хоть разъ выскажись пер-
вая!—предложила Меретѣ.

— Ну, что-жь... «Порядочно...» скорѣе, впрочемъ, можно по-
ставить «хорошо!»—рѣшила Марианна. Дѣвушки по старой при-
вычкѣ руководствовались, при оцѣнкѣ, системою классныхъ отмѣ-
токъ своего учителя капитана Бухвальда.

— Почему не двадцать коровъ, а девятнадцать!—передразни-
ла Рейна Евфемія, держа во рту шпильки и улаживая волосы на
ночь.—Вообще отзывается чѣмъ-то будничнымъ!

— Геншинъ полагаетъ, что «служаккой» онъ не будетъ,—под-
хватила Барбара.—Онъ даже не спросилъ о дѣлахъ, а все гово-
рилъ о породахъ собакъ и тому подобномъ.

— Онъ не похожъ на человѣка съ высшимъ образованіемъ,—
замѣтила Алида.—Но манеры очень самоувѣренныя... Сыногъ по-
ищника... Даже въ голосѣ слышно. Такое побѣдоносное раска-
тистое *p*.

— Да, въ изысканности обращенія его обвинить нельзя! —
истительно отрѣзала Евфемія;—онъ, вѣдь, не обратилъ на нее
должнаго вниманія, играя съ нею въ воланъ.

— Да, ты врядъ ли найдешь въ немъ для себя мечтательнаго
идеальнаго рыцаря!—пошутила Меретѣ.—Объѣдается кашей... и
такой черный, точно его обмакнули въ чернила, какъ мальчика въ
сказкѣ!

— Съ виду онъ какъ будто не привыкъ вообще вращаться въ
дамскомъ обществѣ!—разсудила Марианна.

Это замѣчаніе, повидимому, сразу поразило всѣхъ; наступило
молчаніе,—всѣ смаковали эту новую точку зрѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, ни одна изъ нихъ не уловила съ его стороны
даже намекъ на какое-нибудь вниманіе, не то что на особенную
вѣжливость или комплиментъ. Ни одного взгляда, ни улыбки въ
ихъ сторону, сколько нибудь различныхъ отъ тѣхъ, съ которыми
онъ обращался къ самому судѣ или къ товарищамъ по службѣ!

— Конечно, былъ воспитанъ въ глуши, въ одиночествѣ тамъ,
у ихъ на Сѣверѣ, какимъ-нибудь домашнимъ учителемъ!—рѣзко
заявила Евфемія.—А когда выросъ, былъ посланъ сдавать эк-
замены. Гдѣ-жь ему знать свѣтъ и людей!...

— Итакъ, въ нѣкоторомъ отношеніи онъ какъ бы новорож-
денный!

Чѣмъ эту точку зрѣнія надо было обдумать. Всѣ и углубились
въ нее.

— Тихе ты, Меретэ!

Меретэ, напѣвая мотивъ менуэта, кружилась по комнатѣ въ своей длинной ночной блузѣ, то становясь на ципочки, то вертясь на каблучкахъ.

— А какъ онъ, однако, красиво поворачиваетъ голову и шею, когда обращается къ кому-нибудь! — вдругъ прервала она ходъ своихъ мыслей.

— А, и ты замѣтила! — вырвалось у Маріанны.

Компанія изъ пяти Вангенскихъ барышень, Квигстада и Рейна шла уже съ добрый часъ, направляясь въ гости къ тетужкѣ Ра...

На какую-нибудь особенную разговорчивость со стороны новаго помощника сестры уже перестали рассчитывать.

По окончаніи занятій въ конторѣ, до и послѣ обѣда, онъ обыкновенно рыскалъ повсюду, знакомясь съ окрестностями. Однодворецъ Андерсъ встрѣчалъ его даже далеко за запрудою. За ужиномъ онъ сидѣлъ усталый, молчаливый, и спѣшилъ наскоро поѣсть, послѣ чего сейчасъ же уходилъ къ себѣ на верхъ спать.

Однажды вечеромъ онъ посидѣлъ не долго со всѣми, слушая музыку. Но, должно быть, или задремалъ, или вдругъ впалъ въ меланхолію, потому что внезапно всталъ, взялся руками за голову и вышелъ, не сказавъ даже прощайте. Музыка въ этотъ вечеръ, вѣрно, не показалась ему «пріятнымъ языкомъ», — какъ онъ разъ выразился.

Теперь, во время пути, онъ шелъ то рядомъ съ одной, то съ другой изъ сестеръ, слушая ихъ болтовню и глядя на указываемыя ими мѣстности и виды.

Всѣ были поражены, что и не замедлили передать другъ другу лукаво-веселыми взглядами, когда нѣмой черный рыцарь вдругъ галантно предложилъ Маріаннѣ понести ея корзину, полную первыхъ плодовъ изъ сада судьи, которые несли на пробу тетужкѣ Ра....

Маріанна въ самомъ дѣлѣ имѣла такой представительный видъ въ своей бѣлой соломенной шляпѣ съ огромными полями, подвѣзанной подъ подбородкомъ лентами, въ платьѣ съ коротенькою тліей, подпоясанномъ почти подъ самою грудью и спадавшемъ внизъ мягкими складками, оставляя на виду ея ножки съ высокимъ подъемомъ и ея изящную походку.

Фигурою Маріанна не уступала Алидѣ, но при этомъ обладала еще какою-то гибкостью и мягкостью движеній, что больше подходило къ ея доброму, хотя и не красивому лицу.

Компанія приблизилась къ опушкѣ Рафосскаго лѣса, черезъ который лежалъ прямой путь, какъ вдругъ Рейнъ выпрямился, оглядѣлся и потянулъ въ себя воздухъ, точно почувалъ что-то...

— Что за величественное уединеніе!—вырвалось у него:—солнце, смола да шумъ...

Въ долину притаилась Рафосская усадьба съ своимъ густымъ сосновымъ лѣсомъ и дико ревущимъ водопадомъ.

Рейнъ продолжалъ глубоко втягивать въ себя воздухъ.

— Чудная прогулка!

— Только теперѣ открыли?—весело спросила Алида.

— И тутъ-то живетъ тетушка Ра?... Какъ странно звучить это имя... Что-то египетское или индійское... Точно крикъ одинокой хищной птицы.

Замѣчаніе это не могло не поразить, такъ что дѣвушки невольно улыбнулись.

— Не хватаетъ только, чтобъ онъ преподнесъ такое замѣчаніе тамъ, въ Рафоссѣ; угостилъ тетушку, назвавъ ее ястребомъ или коршуномъ!—вырвалось вполголоса у Бвигстада.

— Тсс!... Тсс!...—зашикалъ вдругъ Рейнъ, подымая руку и все больше и больше подвигаясь къ краю поросшаго лѣсомъ оврага и любопытно заглядывая внизъ.

Затѣмъ онъ испустилъ пронзительно-тонкій свистъ и нѣсколько отрывистыхъ рѣзкихъ криковъ.

— Смотрите!—прошепталъ онъ, схватилъ, не глядя, первую попавшуюся изъ дѣвушекъ за руку и потянулъ къ краю оврага:— Видите пару сѣрыхъ ушей за камнемъ тамъ, внизу, у дерева?... Это заяцъ... любопытствуетъ!... Ишь, какъ стрѣльнулъ въ сторону!...—и онъ засмѣялся.—Да, много глазъ стерегутъ насъ тутъ въ лѣсу, да мы ихъ не видимъ. Го-го-го-о!—закричалъ онъ такъ, что эхо пошло кругомъ, и захопалъ въ ладоши, точно желая спугнуть всѣхъ лѣсныхъ обитателей.—Тутъ кругомъ, въ кустахъ и на деревьяхъ, навѣрно, много всякой всячины—и глухарей, и тетеревовъ... Галло, галло, о! Вотъ тутъ переполохъ бы начался, еслибъ спустить свору! Эхъ, еслибъ ружье!...

Онъ вдругъ оборвалъ.

— Не удивительно ли, что человѣка обуреваютъ жажда убивать, проливать кровь, среди такой благодатной тишины?... Всюду тѣшитъ съ собою свою северную человѣческую натуру!... Вы знаете, когда мясо зайца всего вкуснѣе?—обратился онъ къ Алидѣ.— Когда онъ загнанъ до полусмерти, такъ что кровь отъ страха готова прыснуть у него изъ поръ!

— Фу!—недовольно посторонилась Алида.

— Еще бы! Намъ подаютъ его изъ кухни, гдѣ его вычистятъ, сдерутъ съ него всё семь шкуръ, а съ ними вмѣстѣ и всю его прежнюю исторію—и мы ѣдимъ да похваливаемъ!...

Это звучало такъ отталкивающе-грубо, что всё подѣ какимъ-то неприятнымъ впечатлѣніемъ заторопились дальше по лѣсной тропинкѣ.

Она вела вдоль отвѣсныхъ обрывовъ и овраговъ, надъ рѣкою, вплоть до того мѣста, гдѣ лѣсъ вдругъ кончился, и взорамъ открылась Рафосская усадьба съ оградой, садикомъ и краснымъ барскимъ домомъ.

Огибая поле съ наполовину вызрѣвшею рожью, они увидели юмфру Би, многолѣтнюю компаньону тетушки Ра, спѣшившую съ крыльца въ домъ доложить о приходѣ гостей, которыхъ уже привѣтствовала со двора горластый гусакъ, поддерживаемый хоромъ гоготающихъ гусынь.

Тетушка Ра въ шелковомъ платьѣ цвѣтами, съ корсажемъ изъ китоваго уса, въ кружевныхъ манжетахъ, возсѣдала на креслѣ въ просторной комнатѣ, уставленной солидной старинной мебелью. Старушка играла въ пикетъ съ давнишнимъ другомъ дома и сосѣдомъ по усадьбѣ, старикомъ Оппенъ, кандидатомъ «*поп соптемпендус*» Копенгагенскаго университета и совладѣльцемъ лѣсопильного завода въ долинѣ.

— Вы взяли, Оппенъ!—напомнила она ему, откладывая карты.

— Здравствуйте, дѣтки!—заговорила она затѣмъ, бросая зоркій и быстрый, какъ молнія, взглядъ на Рейна, показавшагося въ дверяхъ.—Все благополучно у васъ?

— Да, да. Все хорошо.

Радужная широкая улыбка на ея морщинистомъ лицѣ вдругъ какъ-то съежилась, и она слегка побарабанила по столу тонкими желтоватыми пальцами, унизанными кольцами со сверкающими камнями.

— Очень мило со стороны вашихъ родителей, что они-таки позволили вамъ навѣстить старуху-тетку,—промолвила она затѣмъ.—Такъ давно не бывали, что я могла бы успѣть умереть и быть схороненной за это время!

— Всего три воскресенья прошло, тетя!—возразила Меретѣ.

— А отецъ? Не собирался сюда?... Вѣрно, все дѣла?—иронизировала старуха.

— Онъ что-то такое говорилъ насчетъ прогулки сюда верхомъ послѣ обѣда,—сказала Алида,—но я не знаю навѣрное.

— Ну, такъ... Не знаешь навѣрное, конечно!—опять послѣдовало колкое замѣчаніе. — А Гротъ? Что о немъ слышно?... Вѣрно, все хлопочетъ насчетъ приѣма завода? И свадьба все еще не назначена?... Такъ!... Старикъ затягиваетъ передачу завода, не хочется власть выпустить изъ рукъ!—кинула она головой. — А это новый помощникъ, господинъ Рейнъ?—прервала она сама себя, слегка поднявшись съ кресла, и протянула руку. — Ну, садитесь же... ты сюда на диванъ, Марианна!—командовала старуха. — А ты, Алида, на другой конецъ... Евфемія сюда на кресло. Квигстадъ, подвиньте себѣ стулъ къ столу... А вотъ, и вамъ мѣсто, господинъ Рейнъ, такъ я буду знать, гдѣ вы всѣ у меня!—засмѣялась она. — Мереточку не прикрѣпишь къ мѣсту—напрасный трудъ! Ей бы все бѣгать да высматривать! Пусть будетъ теткинумъ пажомъ!

— Благодарю васъ, сударыня!—сказалъ Рейнъ,—но нельзя ли мнѣ сѣсть тутъ о окна?

— Конечно! Не думайте, что вы попали къ какой-то властолюбивой лѣсной вѣдьмѣ,—заявила она добродушно.

— Вы предпочитаете уединеніе, сударыня, и поселились на лонѣ природы?—сказалъ Рейнъ. — Куда ни погляди — все лѣсъ кругомъ...

— Нѣтъ, я не знаю толку въ природѣ; мнѣ были бы люди. Не деревья же мы... и не на то родились, чтобы схорониться среди лѣсовъ и другихъ чудищъ!—рѣзко возразила она съ нѣкрымъ датскимъ акцентомъ. — Но отъ своихъ не отстанешь, будешь жить вездѣ,—нравится иль не нравится.

— Какой красивый, массивный, старинный стулъ!—замѣтилъ Рейнъ, передвигая стулъ къ окну. И онъ съ любопытствомъ оглядѣлся вокругъ. — Удивительно затѣйливые стѣнные часы!... А бюро!... Отъ него вѣетъ чѣмъ-то мрачнымъ... семейными тайнами!... Такъ и кажется, что въ немъ есть какой-то потаенный не открытый ящикъ... Все фамильныя древности, сударыня?—спросилъ онъ.

— Да, онѣ не здѣшней работы!—засмѣялась хозяйка. — Я, помню, была еще маленькой дѣвочкой, когда, наконецъ, прибыло изъ Ольборга *) судно съ отцовской мебелью... Отецъ мой переселился тогда въ Христиансандъ. Судно немножко пострадало въ нуту, и мебель пришлось сдать въ складъ для просушки.

— Да!—прервалъ Оппенъ, обуреваемый наплывомъ старыхъ воспоминаній:—Чего не натерпишься на такомъ грузовомъ суд-

*) Городъ въ Югландіи.—Примѣч. перес.

нѣ!... Мы тащились шесть недѣль... сидѣли въ разныхъ портахъ по случаю погоды... Пока-то пока добрались до Копенгагена! Я чуть не сталъ настоящимъ морякомъ за это время! — смѣясь, добавилъ онъ.

— Ну, и сохла она цѣлую весну! — продолжала разсказъ хозяйка: — А пока-то мы еще добились изъ Одензе *) мастера-столяра для поправки, прошла и добрая половина лѣта... А съ тѣхъ поръ мебель еще сколько вынесла трудныхъ путешествій, когда мы переѣзжали съ мѣста на мѣсто при покойномъ отцѣ, а потомъ при мужѣ моемъ, президентѣ. То ее везли по водѣ вдоль берега, то она тряслась и колотилась въ телѣгахъ по дурнымъ проселочнымъ дорогамъ!... Лучшее средство противъ хрупкости — крѣпкое здоровье! Не такъ ли, Опенъ?

— Вѣрно, вѣрно! — прокрихтѣлъ кандидатъ съ трубкой въ зубахъ: — Съ этимъ надо родиться, унаслѣдовать отъ предковъ!

— О, да! И стараться сохранить, Опенъ! — многозначительно добавила старуха. — Ну, принимайтесь закусывать! — скомандовала она, когда на столѣ появился красивый золоченый приборъ стариннаго фарфора, и юмфру Би стала кипятить на шумящей машинкѣ чай съ корицей.

— Свѣжій хлѣбъ, дѣвочки! — и тетушка повернула въ корзинкѣ хлѣбъ свѣже-отрѣзанною стороною. — На этотъ разъ хорошо поднялся, Би! И не сѣлъ; ничуть, не сыроватъ... Яйца совсѣмъ свѣжія, сегодняшнія! Могу рекомендовать, если не сочтете грѣхомъ ѣсть ихъ потому, что они снесены въ воскресенье? Что-жъ, курица тутъ не вольна, скажу я вамъ! — нескромно пошутила она, такъ что дѣвушки сочли нужнымъ потупить глаза.

— А ты, Марианна — мастерица; изготвь-ка пуншъ кандидату. Ромъ въ буфетѣ... И вамъ надо отвѣдать ея пунша, Рейнъ! — кивнула старуха послѣдному. — Мастерица она, повѣрьте!

— Все дѣло, вѣдь, въ томъ, чтобы налить какъ можно меньше чаю и какъ можно больше рому, Опенъ? — добродушно спросила Марианна.

— И поднести собственноручно, юмфру Марианна! — весело добавилъ кандидатъ.

— А вы, Рейнъ, пожалуй, предпочтете чистый чай? — спросила она, останавливаясь передъ нимъ съ графинчикомъ. — Я замѣтила, что вы любитель молока, а это обыкновенно указываетъ на простой, чистый вкусъ.

*) Городъ въ Зеландіи. — *Примѣч. перев.*

— Вы вѣрно замѣтили, юмфру: я неохотно употребляю крѣпкіе напитки!—подтвердилъ Рейнъ.

— Да, ужъ эта дѣвушка! — вѣшпалась тетушка Ра. — Чего только она не видитъ и не замѣтитъ!... Тебѣ надо попробовать сливочное печенье, Марианна! Юмфру Би пекла. И на этотъ разъ вышло такое воздушное, точно ты сама пекла.

— Ого, такъ онъ «годится» для Марианны!—многозначительно подтолкнула Меретѣ Алиду.

Евфемія, позировавшая въ креслѣ, показывая свой профиль, досадливо стала натягивать на локти свои длинные нанговыя перчатки.

— Разумѣется, ты и Бвигстада угости изъ своего графинчика, Марианна!—продолжала хозяйка.—Тогда у него языкъ развяжется, и онъ выложитъ намъ весь запасъ мѣстныхъ новостей.

— Нѣтъ больше никакихъ! — пробурчалъ Бвигстадъ. — Все жевано, пережевано... Сами посудите... Никто больше не лишился себя жизни съ тѣхъ поръ, какъ нашли пастуха Андреа висѣвшимъ въ амбарѣ на веревкѣ рядомъ со своими старыми окороками... А впрочемъ... постойте... у богатаго старикашки-торговца Симонсена опять бѣлая горячка. И докторъ, и священникъ ужъ навѣщали. Сидитъ въ одномъ,—съ позволенія сказать,—бѣльѣ на своемъ сундукѣ съ деньгами и защищаетъ его отъ чорта,—какъ говорить. Добро-то, вѣдь, нажито неправильно... А еще у майора сегодня вечеромъ въ карты играютъ. Я уже видѣлъ по дорогѣ туда двѣ одноколки—доктора и адвоката Поппе...

— Ага!—догадалась юмфру Би.—Вчерашній молочный поросенокъ!... Христіанъ Далѣ сначала принесъ его намъ, предлагалъ купить, но тетушка не захотѣла; тогда Христіанъ отправился съ нимъ къ майору.

— Да, нѣ онъ былъ не по карману, — подтвердила тетушка Ра.—А тамъ у майора всегда покупать, что повкуснѣе.

— А вотъ и папа въѣзжаетъ во дворъ! — радостно сказала Меретѣ и бросилась встрѣчать его.

Тетушка поджала губы, и маленькіе, живые глазки ея такъ и впились въ дверь.

— Тетушка цвѣтеть!—раскланялся съ ней судья, сбрасывая перчатки.—И въ веселой компаніи, какъ вижу!

— Ни-че-го, еще держусь, Томасъ... одинокая и забытая въ своемъ углу... Тебѣ при всѣхъ твоихъ дѣлахъ гдѣ же помнить еще старую тетку, въ которой къ тому же мало интереснаго!

— Ну, однако, ты довольно-таки забавна! — отпарировалъ

онъ. — Грѣхъ пожаловаться!... А теперь я съ удовольствіемъ выпью чашку чая! — сказалъ онъ, бросаясь на стулъ. — Чудесный день... немного жарко. И Фигаро несетъ такъ легко, какъ перышко...

— Прозябать, музицировать и махнуть рукой на все остальное! — сердито проворчала хозяйка.

— Ну, ну, тетушка! — сказалъ онъ добродушно успокоивающимъ тономъ. — Не у всѣхъ одна натура... Благодарю, юмфру Би! Чай можно покрѣпче. И немножко этого чудеснаго языка...

— Натура, натура! — раздражительнымъ тономъ повторяла тетушка Ра. — Еслибъ всѣ слѣдовали своей натурѣ, хорошія бы дѣла творились на свѣтѣ!

— Конечно... мы должны прійтись по сапогамъ, а не сапоги по насъ, и утѣшаться затѣмъ мозолями и спокойною совѣстью, — замѣтилъ судья, изготовлявшій себѣ лакомый буттербродъ. — Тетушкѣ легко говорить о натурѣ, — подмигнувъ онъ ей: — она всегда умѣла обуздать свою!

Тетушка запаслась большою понюшкой табаку.

— Сыну своему Іессу ты тоже предоставляешь слѣдовать его натурѣ, — разразилась она. — Дирижируетъ въ драматическомъ кружкѣ и эту зиму вмѣсто того, чтобы, наконецъ, сдать свои экзамены!

Въ комнатѣ стало какъ-то душно, и Марианна встала съ дивана.

— Деревья совсѣмъ еще чернымъ-черны отъ вишенъ! — сказала она, подойдя къ окну. — Можно пощипать ихъ немножко, теть? Пойдемъ, Евфемія, пойдемъ, Алида!... А, можетъ быть, кто-нибудь изъ господъ мужчинъ желаетъ полакомиться? — пригласила она съ своей обычной привлекательной улыбкой. — Я нарву для васъ, Оппень.

Передъ тетушкой остался одинъ судья съ чашкой чаю въ рукахъ. Онъ ожидалъ бури по поводу послѣдняго письма Іесса и потому по возможности и оттягивалъ свое посѣщеніе.

Юмфру Би убирала со стола и, по обыкновенію, не видѣла, не слышала ничего.

Бугушка на часахъ прокуковала шесть разъ.

— При каждомъ боѣ этихъ часовъ я вспоминаю, что они стояли когда-то въ комнатѣ окружнаго начальника, статскаго совѣтника Орнинга! — спѣсиво промолвила старуха. — А тутъ вотъ сидятъ на старости лѣтъ, завязнувъ въ болотѣ, и чѣмъ больше сидятъ, тѣмъ больше вязнуть.

— Счастье не всегда на высотахъ, теть!... Далеко нѣтъ! — сл

нѣкоторою грустью произнесъ судья.—Я давно свылся съ своимъ положеніемъ. Оно и самостоятелно, и независимо... Конечно, относительно, чѣмъ людямъ вообще и приходится довольствоваться.

— Счастье... счастье!—и старуха гнѣвно стукнула объ полъ палкой.—Вѣдь, есть же кровь въ жилахъ... Хочется идти впередъ и ради себя, и ради семьи! Съ твоими связями и знакомствами ты могъ бы занимать теперь одно изъ первыхъ мѣстъ въ странѣ. Твоимъ дочерямъ стоило бы только протянуть руку въ любой партіи. А теперь и Иессу предстоитъ только идти по стопамъ родителя!

— Свѣтъ странень... странень, — задумчиво углубился въ свои мысли судья, — полонъ головоломныхъ лѣстницъ, по которымъ люди, словно обезьяны, и карабкаются взапуски вверху.

— Что, что?—взвизгнула тетушка Ра.

— Гм... гм...—спохватился онъ.—Я говорю только, что тетушка воплощаетъ въ себѣ всю нашу семейную спѣсь.

— Да, что за дѣло до семьи, лишь бы удалось попиливать на скрипкѣ!... Скрипка, музыка, натура!—возмущалась старуха.—Завязъ тутъ въ глуши съ пятью непристроенными дочерьми, у которыхъ нѣтъ въ виду ничего другого, какъ броситься въ объятія кого-нибудь изъ здѣшнихъ дѣльцовъ.

Судья оставилъ наполовину готовый бутербродъ и печально отодвинулъ отъ себя ножъ.

— Да, да... ты, пожалуй, права, тетя... Что-то съ ними со всѣми будетъ?—замѣтилъ онъ въ уныніи.

— Тебѣ нужно задать Иессу въ письмѣ хорошую головоломку, вотъ чего я хочу!... Ну, ну, ну, онъ и ѣсть пересталъ!... Би, Би! Дайте еще чаю и печенья... Ну, ну, придумаемъ еще, какъ пристроить дочекъ. Полно, полно!

— Нѣтъ, нѣтъ... жизнь не такъ-то легка! — сказалъ судья, глядя въ потолокъ, словно изучая бѣлыя балки.—Бѣдныя мои дѣвочки!... Онѣ, пожалуй, поджидаютъ принцевъ!—вырвалось у него со вздохомъ.

— Что ты, Томасъ! Онѣ, слава Богу, слишкомъ благоразумны для этого. Вотъ развѣ Мереточка... Ну, покушай же, покушай!

Судья разсѣяннo выпилъ свою чашку и съѣлъ печенье.

— Пора и въ путь теперь! — вышелъ онъ изъ разсѣянности и в галъ.

— Ты всегда былъ такой... недотрогой!—проворчала тетушка Ра.—Ну, непременно кланяйся Болеттѣ!... Да поосторожнѣе съ таро. Ты знаешь, онъ, вѣдь, горячъ... Такъ кланяйся!

Судья кивнулъ головой. Онъ по опыту зналъ, съ какою изыс-

ганною вѣжливостью, прикрываясь всевозможными знаками вниманія, умѣли его супруга и тетка держаться другъ отъ друга подалше. Обѣ чувствовали, что задѣваютъ другъ друга, какъ только сойдутся виѣсть. И тетушкѣ Ра вотъ уже много лѣтъ ея возрастъ не позволялъ предпринять поѣздки въ Вангенъ, а Болетта всегда откладывала свой ежегодный непремѣнный визитъ къ тетушкѣ до дня ея именинъ весною, когда онѣ встали обсуждали всѣ семейные вопросы.

Дворовый паренъ подвелъ Фигаро къ крыльцу, и судья, удостоившись, что подруга не ослабла, вскочилъ въ сѣдло.

— Уфъ! — вздохнулъ онъ, усѣвшись, какъ слѣдуетъ, — теперь сижу отлично... Но, но, но, Фигаро! Все еще горячку порешы! — сказала онъ, слегка притрогиваясь къ лошади хлыстомъ, выбрался за ворота и кивнулъ черезъ изгородь компаніи, собравшейся въ саду.

Меретѣ знала, что въ оврагѣ за изгородью было много спѣлой костяники, и сочла за лучшее бродить тамъ одна-одинешенька.

Во всѣхъ расщелинахъ и ложбинахъ заманчиво алѣли ягоды, и по мѣрѣ того, какъ дѣвушка пробиралась по оврагу дальше, ихъ становилось все больше и больше.

Она выбралась уже на другую сторону оврага, гдѣ ее сразу оглушилъ ревъ водопада, и вдругъ увидала Рейна.

— Не туда, не туда! — закричала она ему, тряся головой и прикладывая руку ко рту, чтобы перекричать этотъ ревъ и грохотъ. — Эта тропинка не идетъ дальше... упирается въ скалу! Слышите? — не идетъ дальше! — прокричала она еще разъ, дѣлая знаки рукой. Она спустилась внизъ на тропинку и остановилась въ ожиданіи Рейна.

— Надо обойти вѣступъ! — объяснила она ему и поспѣшила впередъ, чтобы указать путь.

Немного погодя передъ ними открылось мощное дикое зрѣлище.

Питаемая внутренними водами, болотами и притоками изъ далекихъ горныхъ равнинъ и пустошей, прозрачная рѣка здѣсь вдругъ низвергалась, пѣнясь между мокрыми сѣрыми гранитными стѣнами. Прерванный въ своемъ паденіи поперечнымъ уступомъ, грозный потокъ развертывался во всю свою мощь и представлялъ величественную картину; надъ ущельемъ стояло точно густое облаго водяной пыли.

Вечернее солнце бросало на уступы сѣвось листьву березъ рядъ красныхъ бликовъ.

— Не правда ли, похоже на кровь живого существа, которое

сорвалось сверху и падало съ уступа на уступъ?—сказалъ Рейнъ рѣзко. — Да... тутъ и конецъ!... Конецъ всему!—продолжалъ онъ, глядя, не отрываясь, въ зіяющую бездну. — Потомъ будешь лежать... безъ боли, безъ страданій на подушкахъ...

— Вы бы лучше остереглись, отошли бы!—содрогаясь, предостерегала Меретэ; онъ стоялъ чуть не у самого края.

— Такія вотъ молоденькія, только что распустившіяся дѣвушки,—вдругъ повернулся онъ къ ней,—глядятъ на пѣну и воздушные пузыри, и имъ рисуется въ бѣлой пыли водопада подвѣчное платье, фата, да?... И вотъ довѣрчиво бросаются на брачное ложе!—пробормоталъ онъ.

— Надо скорѣе назадъ!—прервала Меретэ:—начинаетъ смеркаться... «У! какой онъ страшный!»

— Или жалости въ васъ нѣтъ? Оставить меня одного тутъ въ сумеркахъ, юнфру Меретэ!... Оставить одного пробираться по этой извилистой тропинкѣ!—сказалъ онъ такъ просто и естественно, что она невольно оглянулась.

Увидавъ выраженіе его лица, она чуть не вскрикнула. Тотъ же самый удрученный, полный смертельной скорби взглядъ, какою она видѣла передъ собою дома въ тотъ вечеръ!...

Она едва справилась съ собою и поспѣшила впередъ. Какъ отыскала она дорогу, она и сама не знала.

Когда она, наконецъ, добралась до крыльца тетюшки Ра, другіе уже готовы были пуститься въ обратный путь.

А. и П. Ганзенъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Усталые гребцы, мы весла положили,
Въ сяннїи луны мы отдались струямъ...
Пусть берега бѣгутъ въ туманъ далекой были
Вѣдь, счастье гдѣ-то тамъ.

Усталые гребцы, давно мы знаемъ сами,
Что къ пристани былой для насъ возврата нѣтъ,
И что струи несутъ къ забвенью вмѣстѣ съ нами
Нашъ мимолетный слѣдъ.

В. Полтавецъ.

Всеобщее обученіе въ малонаселенныхъ мѣстностяхъ и школьная сѣть.

I.

Въ переживаемое нами время стало неоспоримымъ фактомъ, который теперь нѣтъ надобности доказывать, что въ народной средѣ ощущается настоящая, неотложная потребность школы и книжки, чувствуется непреодолимое стремленіе къ начальному образованію. Изъ непосредственной глубины самой жизни всплываетъ теперь на поверхность широкое движеніе въ пользу всеобщаго обученія. Эта идея съ небывалою силой охватила все русское общество. Газеты сообщаютъ о сотняхъ открывающихся школъ, о приговорахъ крестьянъ по введенію обязательнаго обученія. Земства, во все время своего существованія со славою и честію работавшія по распространенію просвѣщенія, употребляютъ теперь особыя усилія къ насажденію школъ и болѣе нежели въ 30 земскихъ губерніяхъ подняли и поставили на очередь вопросъ о всеобщемъ обученіи. Такъ какъ быстрота осуществленія этой задачи находится, между прочимъ, въ зависимости отъ матеріальныхъ средствъ, то впервые осуществить завѣтное стремленіе всѣхъ земствъ выпало на долю сравнительно богатаго московскаго земства. Глубокая умственная неразвитость рабочаго класса, вредно отражающаяся на продуктивности и успѣшности труда, заставила и второй сѣздъ дѣятелей по техническому и профессиональному обученію, и торгово-промышленный сѣздъ въ Нижнемъ-Новгородѣ выступить за неотложность осуществленія въ Россіи всеобщаго обученія. Къ этому движенію примкнуло теперь и министерство народнаго просвѣщенія, внесшее въ государственный совѣтъ представленіе о назначеніи 250 тысячъ на содержаніе начальныхъ училищъ; а св. синодъ еще раньше исходатайствовалъ три милліона рублей на содержаніе церковно-приходскихъ школъ. Частныя лица жертвуютъ значительныя средства на устройство школъ. Такъ, наприм., В. А. Морозова шла на помощь московскому губернскому земству въ дѣлѣ осуществленія всеобщаго обученія и приняла на себя устройство и содержаніе 10 сельскихъ училищъ. Наша печать все шире и шире распространяетъ эту высокоплодотворную идею, разнося ее въ самыя захолустныя мѣста нашего

отечества. Кто еще недостаточно убѣжденъ въ неотложности даннаго вопроса, того убѣждаютъ краснорѣчивые факты русской дѣйствительности. Никто уже не споритъ теперь, что школъ у насъ до отчаянія мало, что число грамотныхъ поразительно низко, что за порогомъ училищъ ежегодно остается огромная масса дѣтей, требующихъ образованія и не получающихъ его за недостаткомъ мѣста (по самому оптимистическому вычисленію у насъ изъ каждаго школьнаго возраста болѣе половины дѣтей остаются за порогомъ школы), что въ школьномъ дѣлѣ мы отстаемъ отъ цивилизованныхъ странъ всего свѣта.

Холерные и чумные бунты, еврейскіе погромы, распространеніе такихъ изуверскихъ сектъ, какъ скопчество, неурожай 1891 и 1892 годовъ, тяжелое положеніе земледѣлія, дѣльный рядъ преступленій, возможныхъ только на почвѣ невѣжества и суевѣрія,—всѣ эти ужасающія неурядицы мѣстной жизни неотразимо доказываютъ необходимость самыхъ широкихъ мѣропріятій по введенію всеобщаго начальнаго образованія, воочію убѣждаютъ, что дѣло просвѣщенія темнаго населенія—неотложное дѣло.

Въ теоріи мы стоимъ за всеобщее даровое и общедоступное образованіе на первой ступени и за обязательное на второй. Но въ данное время на практикѣ весь вопросъ сводится пока къ тому, чтобы было устроено достаточно школъ для всѣхъ дѣтей, ищущихъ начальнаго образованія. И въ этомъ пунктѣ сходятся съ нами и наши оппоненты по вопросу о личной обязательности обученія. Только въ одномъ отношеніи мы расходимся съ ними: это—въ вопросѣ о стоимости нужныхъ намъ школъ. Нѣкоторые изъ нихъ говорятъ о непоимѣрныхъ, непосильныхъ расходахъ, нужныхъ для осуществленія идеи всеобщаго обученія, приводятъ поражающія цифры затратъ, а это запугиваетъ самыхъ искреннихъ друзей просвѣщенія. Раньше они преувеличенно вычисляли нашъ школьный возрастъ. Намъ такъ часто приходилось говорить объ ихъ ошибкахъ въ этомъ расчисленіи, что теперь, повидимому, уже нѣтъ надобности повторять наши расчеты, и это тѣмъ болѣе, что въ последнее время мы уже не слышимъ возраженій на этотъ счетъ. Но есть другое возраженіе, которое теперь выдвигается все чаще и все настойчивѣе: это—территоріальныя затрудненія, условія расселенія русскаго народа, требующія будто бы совершенно неизвѣстнаго нашимъ сосѣдямъ напряженія податныхъ силъ населенія при осуществленіи всеобщаго обученія. Указываютъ на такія мѣстности, гдѣ при малонаселенности и разбросанности населенія надо будетъ устроить массу школъ, потому что на каждый школьный районъ придется незначительное число дѣтей школьнаго возраста. Говорятъ, что при этихъ условіяхъ обученіе одного ученика обойдется чрезвычайно дорого. Мы знаемъ, что такія мѣстности существуютъ. И отвѣтить на это возраженіе, предложить недорогую, посильную для нашихъ финансовъ организацію начальнаго обученія въ такихъ мѣстностяхъ *)—вотъ первая задача настоящей статьи.

*) Организацію школьнаго дѣла въ мѣстностяхъ съ нормальными условіями расселенія читатель найдетъ въ только что вышедшей нашей книгѣ *Всеобщее обученіе*.

Но въ самое послѣднее время возникаетъ еще другое, чисто-практическое затрудненіе при осуществленіи всеобщаго обученія. Цѣлый рядъ земствъ приступаетъ къ работамъ по всеобщему обученію, составляются коммисіи для рѣшенія этого вопроса. Надо составлять школьныя сѣти и здѣсь нерѣдко встрѣчаешься съ недоразумѣніями, неправильными расчетами, наконецъ, просто съ ошибками, обусловливаемыми новостью дѣла. Оказать посильную помощь въ этомъ дѣлѣ, изложить способы, которые мы считаемъ болѣе простыми и практичными при составленіи такой сѣти— это другая задача нашей работы.

II.

Какъ бы искусно ни была составлена сѣть училищъ, несомнѣнно, въ разныхъ губерніяхъ и особенно въ сѣверныхъ, малонаселенныхъ, найдутся такіе трехверстные школьные районы, гдѣ число учащихся будетъ такъ невелико, что признано будетъ непосильнымъ для населенія содержать начальную школу нормальнаго типа.

Представьте себѣ, что во всѣхъ селеніяхъ даннаго школьнаго района находится только 40 дворовъ, что дастъ всего только 15 учащихся обоюго пола даже въ томъ случаѣ, если будутъ обучаться всѣ дѣти школьнаго возраста. Очевидно, что по крайней мѣрѣ въ настоящее время едва ли какое сельское общество и уѣздное земство найдутъ необходимымъ тратить ежегодно по 600 руб. на содержаніе школъ для такого небольшого числа дѣтей. А между тѣмъ, по справедливому выраженію Посопшкова, «не худо бы такъ учинить, чтобы не было и въ малой деревнѣ безграмотнаго человека».

Извѣстно, что сѣверную и отчасти среднюю часть Европейской Россіи занимаетъ огромная полоса въ 1½ милліона квадратныхъ верстъ съ рѣдкимъ населеніемъ, разбросанныхъ въ мелкихъ поселкахъ отъ 7 до 28 дворовъ, съ числомъ ревизскихъ душъ отъ 21 до 76, гдѣ при такихъ условіяхъ расселенія, при недостаткѣ хорошихъ путей сообщенія, при суровости климата и, наконецъ, бѣдности сельскихъ школъ не вездѣ можно на первыхъ порахъ устраивать нормальныя училища. Эта полоса заключаетъ въ себѣ 12 губерній: Смоленскую, Псковскую, С.-Петербургскую, Олонецкую, Новгородскую, Тверскую, Ярославскую, Вологодскую, Владимирскую, Костромскую, Вятскую и Архангельскую, въ которыхъ находится около 15 милліоновъ 650 тыс. жителей и около 140 тысячъ селеній, изъ коихъ въ каждое въ среднемъ приходится 112 жителей. Особая своеобразная форма расселенія требуютъ здѣсь, въ наиболѣе рѣдко населенныхъ уголкахъ этого пространства, особой организациіи и школьнаго дѣла. Вотъ почему и народъ, и педагоги, и земства, и литература давно уже изыскивали способы, такъ сказать, «къ удешевленію» школъ для малолюдныхъ районовъ, чаще встрѣчающихся въ этихъ мѣстностяхъ, гдѣ среднимъ числомъ на одну школу приходится строить на 8 селеній. Естественно, что опыты этого

рода дѣлались по преимуществу, если не исключительно, въ уѣздахъ, лежащихъ въ районѣ помянутыхъ нами 12 губерній.

Попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи, сводятся къ слѣдующему.

Во многихъ деревняхъ устраиваются самимъ населеніемъ «школы грамотности». Объ этихъ школахъ писано много. Хорошо извѣстны и достоинства ихъ, и недостатки. Онѣ созданы самимъ народомъ; онѣ не навязаны ему извнѣ, онѣ дешевы, плата учителямъ производится не только деньгами, но и даже большею частью—продуктами; районъ такой школы не великъ, и ученикамъ не приходится бѣгать за нѣскольکو верстъ въ училище въ морозъ и вьюгу. Это ихъ хорошія стороны. Въ этомъ заключается ихъ право на существованіе и на сочувствіе къ нимъ общества, земства и правительства. Но не слѣдуетъ возлагать чрезмѣрныя надежды на такія школы, не слѣдуетъ успокоиваться на мысли, что эти школы удовлетворяютъ потребности населенія въ начальномъ образованіи. Это была бы такая же ошибка, какъ еслибы кто, видя, что крестьяне въ голодный годъ питаются лебедою и древесною корой, успокоивалъ себя мыслию, что такой способъ питанія придуманъ самимъ народомъ, обходится дешево и всякому доступенъ. Порядочные учителя въ такихъ школахъ въ настоящее время встрѣчаются рѣдко, приемы преподаванія въ большинствѣ ихъ допотопные, учебниками служатъ изданія Никольскаго рынка; а по свидѣтельству земскихъ статистиковъ, педагоговъ и инспекторовъ, учителя такихъ школъ не рѣдко неисправимыя пьяницы *). Характерное описаніе подобнаго типа встрѣчаемъ мы въ журналахъ шадринскаго земства за 1886 г. Крестьяне дер. Бороушки отдавали дѣтей на выучку мѣстному грамотею Михѣичу, отчаянному пьяницѣ и довольно сомнительной нравственности. Какъ отцы, такъ и доморощенный учитель вѣлъ обученіе по азамъ и букамъ, сопровождая его приличными случаямъ внушеніями въ формѣ тумановъ, подзатыльниковъ и тому подобнаго; отцы, по крайней мѣрѣ, зашали съ любовью, за то учитель производилъ расправу съ безсердечною грубостью полупьянаго педагога. Чаще всего послѣдній забирался на печь и оттуда начиналъ команду въ такомъ родѣ: «ну, ребята, байте за мной: буки-азъ-ба!» и т. д.; когда же онъ замѣчалъ, что какой-нибудь недогадливый мальчикъ молчитъ, то кричалъ ему: «Эй, ты! Чего ротъ-то замазалъ? Бай: буки!» Случалось при этомъ, что опѣшившій мальчикъ буквально повторялъ: «бай—буки»; тогда учитель начиналъ сердиться на безтолковость ученика, вразумлялъ его подвернувшимся подъ руку учебнымъ или неучебнымъ пособіемъ, а черезъ часъ или два подобныхъ занятій засыпалъ подъ неумолкаемую долбню, предоставивъ учениковъ на волю Божію и вотъ для дѣтей начиналась въ самомъ дѣлѣ воля. Черезъ нѣсколькимъ Михѣичева ученья два-три мальчика умѣли «разбирать» гра

*) Крестьяне д. Воронокъ, Курской губ., на вопросъ о продолжительности ученаго сезона прямо отвѣчали, что они держатъ находящихся учителей до тѣхъ поръ, пока они не окажутся горькими пьяницами" (*Све. Вѣстн.* 1888 г., № 2, стр. 52).

данскую и церковную печать да изображать на бумагѣ что-то, имѣющее отдаленное сходство съ писанными словами, причѣмъ о правописаніи, конечно, не могло быть и рѣчи; никакихъ знаній Михѣичъ не сообщалъ, счету не училъ. Мальчики возбуждали жалость: они прочитали во время своей учебы Ветхій и Новый Заветъ, но на вопросы о событіяхъ Священной исторіи не могли ничего отвѣтить, понятіе же о Богѣ было у нихъ самое первобытное; когда давали имъ прочитывать небольшіе и удобопонятные рассказы и выспрашивали содержаніе прочитаннаго, то они въ отвѣтъ на вопросы, какъ-то удивленно глядѣли на спрашивающаго, какъ бы не понимая, чего еще учителю отъ нихъ нужно. Въ счастію для родителей и дѣтей, доморощенный учитель что-то такое, по выраженію крестьянъ, «нагрязилъ» и скрылся. А между тѣмъ ученье его обходилось отцамъ не очень уже дешево: они выплачивали ему по нѣскольку рублей въ зиму за каждого мальчика!

Намъ лично удалось осмотрѣть нѣсколько десятковъ такихъ училищъ. И намъ случилось при этомъ на вопросъ о томъ, гдѣ учитель, услышать отъ учениковъ, остающихся безъ руководителя, отвѣтъ, что онъ въ кабакѣ. Въ этихъ школахъ мы, за двумя исключеніями, не встрѣчали сколько-нибудь правильной организациі занятій. О такой школѣ можно было всегда издали узнать по гулу десятка голосовъ, изъ коихъ каждый выкрикивалъ одновременно со всѣми другими свой особый урокъ, стараясь перекричать своего сосѣда; учитель обыкновенно занимается съ каждымъ отдѣльно, посвящая каждому ученику по нѣсколько минутъ въ день. Тамъ нѣтъ группъ и совмѣстныхъ занятій, а существуетъ столько же отдѣленій, сколько учениковъ. Когда ученикъ выучиваетъ свой урокъ, онъ проситъ учителя задать ему новый. Тамъ нѣтъ мѣста сознательности чтенія, а преобладаетъ чтеніе гоголевскаго Петрушки или гончаровскаго Валентина; самая простенькая фраза, прочитанная такимъ ученикомъ, ничего не говоритъ его уму, онъ не скажетъ, о чемъ и что онъ прочелъ. Тамъ рѣдко обучаютъ даже письму; единственное учебное пособие, какое намъ приходилось встрѣчать въ такихъ школахъ, — это ремень, лежащій на столѣ во время учебныхъ занятій, а иногда розга. Изъ такой школы ученикъ выноситъ массу словъ, наизусть заученныхъ имъ, и почти ни одного выражаемаго этими словами понятія. Въ числѣ книгъ, по какимъ дѣти учатся чтенію, намъ случилось на-ряду съ изданіями Шарапова, псалтирями и часословами встрѣчать и романъ *Дочь сатаны*.

Намъ кажется, ошибаются тѣ, которые думаютъ, что ужъ если у насъ да нужно учиться, какъ держать соху, то у него же, неграмотнаго, можно научиться и способамъ преподаванія. «Въ школахъ грамотности, — словамъ г. Бунакова, — обучаютъ дурно, медленно, безтолково и жестоко, такъ что ребятишки вдоволь натерпятся скуки, пьяной ругани и пощипыванья, а въ концѣ-концовъ едва-едва выучатся бессмысленно и безобразно читать по складамъ» *). Подобные недостатки такихъ школъ застав-

*) Русская подмышная школа, стр. 6.

ляютъ подумать о мѣрахъ къ улучшенію въ этихъ школахъ учебниковъ, педагогическаго персонала, организациі занятій и приемовъ обученія.

Но между ними въ началѣ 80-хъ годовъ стали встрѣчаться школы съ лучшею постановкой учебнаго дѣла, съ болѣе мягкими мѣрами взыскапія, съ болѣе обширнымъ объемомъ преподаванія. Мнѣ пришлось встрѣтить двѣ такія школы, которыя приближались по своему курсу къ первымъ двумъ отдѣленіямъ начальной школы. О такомъ же отрадномъ фактѣ свидѣтельствуетъ и г. Добротворскій въ ст. *Южновскіе землекопы*, помѣщенной въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* за 1887 годъ, хотя я послѣ личнаго знакомства со школами, о которыхъ идетъ въ этой статьѣ рѣчь, долженъ сказать, что г. Добротворскій преувеличилъ значеніе ихъ и приписалъ имъ много такихъ качествъ, которыхъ онѣ не имѣютъ. Существованіе подобныхъ школъ доказываетъ, во что современемъ могутъ обратиться наши обыкновенныя деревенскія школы грамотности.

Однажды мнѣ случайно пришлось познакомиться даже съ отличною школою грамотности въ д. Присельѣ, Д—аго уѣзда *). Узналъ я объ ея существованіи отъ мѣстнаго священника, который расхваливалъ и школу, и учительницу. Оказалось, что учительница, получившая высшее образованіе, г-жа В—ва, давая по вечерамъ уроки въ одномъ помѣщичьемъ домѣ, отстоящемъ отъ д. Приселья въ 4 верстахъ, наняла на свои трудовыя деньги въ деревнѣ хату, снабдила ее учебными принадлежностями, пособиями и книгами, и обучаетъ до 40 ребятъ, ничего не взимая съ нихъ за обученіе. Отношенія учительницы къ дѣтямъ простыя, семейныя, добрыя, основанныя на взаимномъ довѣрїи и любви, безъ тѣни чего либо давящаго, устрашающаго учениковъ; настроеніе учениковъ въ школѣ веселое, бодрое, свѣтлое. Достаточно было прочесть письма дѣтей къ учительницѣ (въ этой школѣ почти всѣ письменныя работы, носящія характеръ изложенія своихъ мыслей, велись въ формѣ писемъ, которыя такъ любятъ дѣти, что пишутъ ихъ, лишь только имъ попадется лоскутъ бумаги), чтобы понять эти единственно желательныя отношенія между учащими и учащимися. «Видимся послѣдній день,—пишетъ довольно безграмотно одинъ ученикъ учительницѣ,—не хочется расставаться съ тобой; ты для насъ лучше матери родной». Другой ученикъ пишетъ: «мы съ тобой живемъ какъ рыба съ водой,—такъ и мы съ тобой,—и еще лучше, чѣмъ рыба». Легко представить себѣ, какое впечатлѣніе производитъ на крестьянъ такой подвигъ дѣвушки, отдающей и свои силы, и свое время, и свои трудовыя деньги на пользу подрастающаго поколѣнія деревни. Остановившись въ одномъ крестьянскомъ домѣ, я слышалъ отъ бабъ и мужиковъ восторженные похвалы учительницѣ. Они изумлены и объясняютъ этотъ подвигъ учительницы, говоря, что она дѣлаетъ это для спасенія своей души. Именно такое изумленіе и недоумѣніе должно

---

*) Теперь школа эта закрылась вслѣдствіе недоразумѣній съ ближайшими наблюдателями за нею изъ среды сельскаго духовенства, и учительница перешла въ земскую школу.

было произойти, когда въ средѣ, гдѣ, вслѣдствіе бѣдности, недосуга и невѣжества, отсутствуютъ альтруистическія чувства, гдѣ каждому въ пору думать только о себѣ и о своей семьѣ, появляется лицо, всецѣло отдавшее себя на служеніе ближнему. Что касается до успѣховъ въ обученіи закону Божію, чтенію, письму и ариметикѣ, то хотя они удовлетворительны, но школа въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличается отъ сельскаго училища средняго уровня. А правописаніе и ариметика въ очень многихъ сельскихъ школахъ поставлены гораздо лучше, чѣмъ здѣсь. За то въ отношеніи развитія учениковъ здѣсь достигнуты, дѣйствительно, замѣчательные результаты. Дѣти, обучавшіяся всего полторы зимы, сознательно усвоили массу свѣдѣній для своего возраста и изъ космографіи, и изъ естественной исторіи, перечитали и прослушали въ классѣ десятки книгъ для народнаго чтенія, привыкли свободно выражать свои мысли на языкѣ, представляющемъ любопытную смѣсь деревенскаго говора съ литературною рѣчью.

Что школьники грамотности способны къ совершенствованію, доказываетъ тотъ, подтверждаемый многими свидѣтельствами, фактъ, что старики - грамотеи, солдаты николаевскихъ временъ съ ихъ строгими мѣрами водворенія классной дисциплины, съ ихъ допотопными приемами преподаванія мало-помалу сходятъ со сцены и уступаютъ свое мѣсто молодымъ учителямъ и большою частію изъ окончившихъ курсъ новой народнои школы съ болѣе мягкими отношеніями къ ученикамъ, съ болѣе современными формами преподаванія, а вмѣстѣ съ перемѣною учителей происходятъ перемѣны и въ учебныхъ книгахъ, которыя въ школахъ новаго типа болѣе приурочены къ пониманію дѣтей, чѣмъ въ школахъ старой формации.

Земство, которое съ 1882 года, послѣ извѣстнаго циркуляра бар. Николая, легализовавшаго эти школы, начало оказывать помощь этому типу школъ, могло бы очень скоро раздачею книгъ и учебниковъ, рекомендаціей учителей, выдачею премій лучшимъ изъ нихъ—поднять школы эти на надлежащую высоту, еслибъ оно и училищные совѣты снова были допущены до завѣдыванія этими школами. Вотъ почему нельзя не привѣтствовать возбужденное нѣкоторыми земствами *) ходатайство о томъ, чтобы земству и училищнымъ совѣтамъ наравнѣ съ духовенствомъ предоставлено было бы завѣдывать школами грамотности. Если земство и училищный совѣтъ признаются правоспособными завѣдывать школами высшаго типа, каковы народныя училища по положенію 1874 года, то тѣмъ болѣе они правоспособны завѣдывать школами низшаго типа, каковы школы грамотности. Привлеченіе земства и училищныхъ совѣтовъ къ участію въ устройствѣ и пространеніи школъ грамотности дастъ возможность земству, при самыхъ и значительныхъ затратахъ, устроить школы грамотности во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ начальныхъ училищъ. Въ школахъ грамотности, къ завѣдыванію которыми будутъ привлечены земство и училищный совѣтъ, не будетъ мѣста для касты, замѣнутости, исключительности, потому что тогда къ участію

*) Наприм., корѣвскимъ, Смоленской губ.

въ этомъ важномъ дѣлѣ будетъ допущено не одно, а всё сословія въ лицѣ своихъ представителей. Тогда и правительство въ лицѣ своихъ членовъ училищнаго совѣта получить доступъ въ школы грамотности. Уже одно только снабженіе такихъ школъ хорошими учебниками и книгами могло бы произвести значительное улучшеніе въ результатахъ преподаванія, которое плохо стоитъ въ такихъ школахъ, между прочимъ, потому, что на рукахъ учениковъ находятся недоступныя имъ пониманію книги. При этомъ условіи, ученики и безъ помощи учителя, пользуясь понятно написанною книгою, уразумѣли бы смыслъ читаемаго и начали бы сознательно относиться къ содержанію. Но кромѣ того училищный совѣтъ, пользуясь отлично окончившими курсъ въ подвѣдомственныхъ ему училищахъ, имѣлъ бы полную возможность вліять на подборъ преподавателей въ такихъ школахъ. Мы, однако, не будемъ рекомендовать этого типа школъ для малонаселенныхъ мѣстностей, потому что, какъ увидимъ ниже, вполне возможна для такихъ мѣстъ другая организація, гораздо лучше отвѣчающая тѣмъ минимальнымъ требованіямъ, какія въ наше время предъявляются къ начальной школѣ.

III.

Церковно-приходскія школы, безспорно, могутъ оказать большую услугу дѣлу народнаго образованія тамъ, гдѣ нѣтъ начальныхъ училищъ по положенію 1874 года. Въ этомъ смыслѣ онѣ заслуживаютъ поощренія и поддержки. Но, однако, не слѣдуетъ особенно преувеличивать значеніе этого типа училищъ. Исторія развитія школьнаго дѣла доказываетъ, что церковно-приходская школа появляется только тамъ, гдѣ есть мѣсто борьбѣ между двумя религиозными партіями, и существуетъ только до тѣхъ поръ, пока идетъ эта религиозная борьба, причѣмъ школа дѣлается орудіемъ той или другой партіи. Какъ только религиозная борьба оканчивается,—школа, не переставая преслѣдовать религиозныя цѣли, начинаетъ служить и земнымъ, житейскимъ интересамъ, къ школѣ примѣняютъ заповѣдь Спасителя «Божіе Богу, а кесарево кесарю»: происходитъ раздѣленіе труда, духовенство сосредоточиваетъ всё свои силы на религиозномъ воспитаніи учащихся, а свѣтскія общественныя учрежденія, помогая духовенству въ его дѣятельности, заботятся объ остальныхъ житейскихъ сторонахъ школьнаго дѣла, преслѣдуя съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ нравственныя, экономическія, гражданскія и прежде всего общеобразовательныя цѣли. Хорошо извѣстно, что германскую церковно-приходскую школу распространяла реформація, какъ средство для борьбы съ католичествомъ. Окончилась эта борьба, и духовенство германское, по словамъ Диттеса, стало скорѣе мѣшать школьному дѣлу, чѣмъ содѣйствовать ему, хотя германская школа и не переставала заботиться о религиозномъ образованіи дѣтей. Папы тоже смотрѣли на школу — сначала на высшую и среднюю, а потомъ и на низшую — какъ на средство борьбы съ реформаціей. Просматривая

всподданнѣйшій отчетъ г. оберъ-прокурора Св. Синода за 1884 годъ, мы видимъ, что епархіи, въ которыхъ есть мѣсто религіозной борьбѣ, полагаютъ в болѣебольшомъ числѣ церковно-приходскихъ школъ. Таковы: Подольская (822), Волынская (531), Рижская (421), Томская (239), Казанская (184), Калужская (172) и проч. *). На эти шесть епархіи, занимающихъ первыя шесть мѣстъ по числу церковно-приходскихъ училищъ, приходится болѣе половины всѣхъ церковно-приходскихъ школъ, бывшихъ въ 1884 г. въ Россіи. Но въ такихъ епархіяхъ, гдѣ православію ничто не угрожаетъ, духовенство наше не имѣетъ достаточныхъ побужденій особенно ревностно относиться къ распространенію приходскихъ школъ и обремененное требаніи, хозяйственными и семейными обязанностями, полагаетъ, что оно исполнитъ свое назначеніе гораздо лучше, если, не разбрасываясь въ своей дѣятельности, не принимая на себя массы мелочныхъ хлопотъ по завѣдыванію школами, ихъ отчетностью, перепискою, хозяйственною и административною частью, сосредоточитъ всѣ свои свободныя силы и время на преподаваніи закона Божія и на религіозномъ воспитаніи дѣтей въ существующихъ земскихъ и министерскихъ училищахъ. Устраняя себя отъ завѣдыванія тѣми сторонами школьнаго дѣла, которыя не имѣютъ никакой связи съ главнымъ призваніемъ духовенства, послѣднее руководится въ этомъ случаѣ здравымъ смысломъ русскаго человѣка, утверждающаго, что «кто погонится за двумя зайцами, тотъ ни одного не поймаетъ». Совершенно естественно повторяющееся нашимъ сельскимъ духовенствомъ заключеніе, что если теперь преподаваніе закона Божія, лежащее, какъ извѣстно, на духовенствѣ, не вездѣ ему по силамъ и иногда оставляетъ желать лучшаго, то преподаваніе это пойдетъ хуже, когда тѣ же самыя лица должны будутъ кромѣ преподаванія закона Божія взять на себя еще множество другихъ обязанностей по приходской школѣ.

Статьи нѣкоторыхъ сторонниковъ церковно-приходскихъ школъ носятъ и до сихъ поръ, такъ сказать, «боевой» характеръ. Говорятъ, что школы эти устроены по проекту и указаніямъ извѣстнаго школьнаго дѣятеля въ одномъ изъ уголковъ Смоленской губерніи, г. Рачинскаго. Послѣдній, пропагандируя идею церковно-приходской школы, началъ съ того, что въ очень сильныхъ выраженіяхъ порицалъ все созданное до сихъ поръ въ дѣлѣ народнаго образованія, укорялъ школьныхъ дѣятелей и представителей земства и педагогической литературы въ лицемѣрніи, въ равнодушіи къ дѣлу, въ бездарности, въ безвкусіи, называлъ ихъ наемниками. Но когда школы

*) Слѣдующее мѣсто принадлежитъ Смоленской епархіи (163 школы съ 5,970 учащимися), гдѣ почти нѣтъ иновѣрцевъ; но здѣсь вѣрталось какое-то недоразумѣніе. Въ 1886 году находилось въ Смоленской губерніи, по свѣдѣніямъ смоленскаго губернскаго статистическаго комитета, только 69 церковно-приходскихъ школъ съ 2,337 учащимися. Не могло же въ два года (послѣ 1884 года) закрыться почти 100 школъ изъ 160-ти и число учащихся въ нихъ уменьшиться на 60%? (Смотри табл. № 19. прил. къ отчету г. оберъ-прокурора за 1884 г. и над. смол. губ. ст. ком. «Справ. книжку за 1887 г.).

г. Рачинскаго были преобразованы въ церковно-приходскія, онъ потребовалъ, какъ сообщалъ въ свое время *Смоленскій Вѣстникъ*, чтобъ ихъ снова возвратили въ вѣдѣніе училищнаго совѣта свѣтскаго и, при содѣйствіи земскаго собранія, гдѣ обсуждался этотъ вопросъ, добился этого. Сотрудникъ и единомышленникъ г. Рачинскаго, г. Горбовъ въ *Современныхъ Извѣстіяхъ* писалъ: «случалось и мнѣ, даже печатно и даже очень неумѣренно порицать ихъ (учителей земскихъ и министерскихъ училищъ). Но время шло. Я больше видѣлъ школъ, учителей, мой взглядъ значительно измѣнился. Публично совершивъ несправедливость, я публично готовъ и покаяться въ ней». Въ сожалѣнію, ни г. Рачинскій, ни г. Горбовъ, теперь уже не въ состояніи остановить вызваннаго ихъ несправедливостью движенія въ смыслѣ неумѣренныхъ обвиненій, взводимыхъ на дѣятелей нашей школы. Самъ г. Горбовъ, прочитавъ нѣсколько статей, написанныхъ въ *Церковномъ Вѣстникѣ* сторонниками замѣщенія существующихъ школъ приходскими, спрашиваетъ: «Неужели же народная школа явится какимъ-то яблокомъ раздора, чуть не поводомъ къ возбужденію клерикальной какой-то борьбы?»

Для сравнительной оцѣнки обоихъ типовъ школъ воспользуемся критеріемъ, указаннымъ г. оберъ-прокуроромъ Св. Синода въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1884 годъ (стр. 107) «...когда крестьяне видятъ,—говоритъ онъ,—что дѣти ихъ приносятъ изъ школы однѣ лишь формы свѣтскаго обученія и понятія искусственныя, взятая изъ области реальныхъ знаній, они чуждаются школы (курсивъ нашъ) и не видятъ въ ней духовной пользы». Мы такъ понимаемъ это выраженіе: если школа плоха, то крестьяне чуждаются ея и не посылаютъ въ нее дѣтей своихъ и чѣмъ школа лучше, тѣмъ больше въ ней учащихся изъ крестьянъ.

Что сельское населеніе отдаетъ охотнѣе своихъ дѣтей только въ удовлетворительно поставленную школу, въ доказательство этого можно привести массу фактовъ, изъ коихъ я выбираю здѣсь наиболѣе типичные. Въ селѣ Вержинѣ, Дорогобужскаго уѣзда, до 1887—1888 учебнаго года, никогда со времени открытія училища, при усердномъ, но недостаточно способномъ учителѣ, не было болѣе 19 учениковъ, а черезъ годъ, съ назначеніемъ туда способнаго и опытнаго учителя, число учащихся сразу возросло до 61, и возросло бы еще больше, еслибы помѣщеніе училища позволило принять всѣхъ желающихъ учиться. Въ селѣ Серезани, Вяземскаго уѣзда, до 1885 года число учащихся при недостаточно ревностномъ учителѣ не превышало 22, съ перемѣною же учителя оно въ 1885 году возросло до 85. Въ селѣ Климовѣ, Юхновскаго уѣзда, съ замѣною учительницы посредственныхъ способностей опытнымъ учителемъ, число учащихся возросло съ 79 до 129. Въ 1884—1885 учебномъ году при замѣнѣ усердной, но мало знающей учительницы Городищенскаго, Юхновскаго уѣзда, училища хорошимъ учителемъ, число учащихся сразу возросло съ 27 до 71.

Прилагая этотъ критерій къ существующимъ школамъ, мы видимъ, что

общественныя по положенію 1874 года и министерскія школы посѣщаются гораздо большимъ числомъ учениковъ, чѣмъ церковно-приходскія. Въ 1884 г. на одну первоначальную школу, состоящую въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, по словамъ всеподданнѣйшаго отчета г. министра за этотъ годъ, приходился 61 учащійся, а на одну приходскую, какъ можно вывести изъ таблицы № 19, приложенной къ отчету г. оберъ-прокурора св. синода за тотъ же годъ, приходилось 24 учащихся. Черезъ десять лѣтъ, въ 1894 году, на одну сельскую школу перваго типа въ земскихъ губерніяхъ приходилось уже 78 учениковъ, а вторыя почти по прежнему малолюдны: въ земскихъ губерніяхъ, по даннымъ 2 сѣзда дѣятелей технического и профессиональнаго образованія, число учениковъ въ церковно-приходскихъ школахъ колебалось въ 1894 году между 27 и 46. Отсюда видно, что земская школа лучше церковно-приходской, что она не заслуживаетъ взводимыхъ на нее обвиненій и ей, безспорно, должно быть отдано предпочтеніе. Совершенно понятно, почему школы по положенію 1874 г. имѣютъ преимущество передъ приходскими. Какъ ни мало простора даетъ законъ 1874 г. общественной и частной инициативѣ, но все же къ участію въ распространеніи и устройствѣ первыхъ привлечены многія вѣдомства и учрежденія и всѣ сословія. Высшее наблюденіе за преподаваніемъ закона Божія и религиозно-нравственнымъ направленіемъ школы принадлежитъ епархіальному архіерею, членамъ совѣтовъ отъ духовенства, благочиннымъ и отцамъ наблюдателямъ за школами по назначенію архіерея; преподаваніе закона Божія лежитъ на духовенствѣ. Министерство народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, земство, дворянство въ лицѣ своихъ представителей, городскія и сельскія общества, даже частныя лица, принимающія участіе въ содержаніи училищъ, всѣ имѣютъ извѣстныя права и несутъ извѣстныя обязанности по отношенію къ начальной школѣ. Приходскія школы этого преимущества не имѣютъ. О. Серапіонъ Брояковскій справедливо пишетъ въ *Церковномъ Вѣстникѣ* (№ 23 за 1887 годъ): «Въ настоящее время весь трудъ открытія и организаціи школъ возложенъ на духовенство... Возлагать бремена трудныя и неудобноносимыя на одно духовенство едва ли можетъ быть сему послѣднему по силамъ». Мы припоминаемъ слова другого священника В. — уѣзда, который, открывъ, по настоянію своего начальства, приходскую школу, писалъ въ своей официальной бумагѣ, что «дѣло народнаго образованія» онъ считаетъ «для себя игрою, почти равнымъ тому игу, какое евреи несли въ Египтѣ». Едва ли мы можемъ укорить почтеннаго іерея за то, что у него не хватаетъ ни времени, ни силъ правиться со вновь возложенной на него задачей. Чрезвычайно цѣнный матеріалъ по вопросу о сравнительныхъ достоинствахъ той и другой школы статель найдеть въ трудахъ IX секціи сѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію. Послѣ подробной характеристики церковно-приходскихъ школъ, мы читаемъ тамъ, между прочимъ, слѣдующій отзывъ о земской школѣ: «Земская школа лишена всѣхъ выше-азанныхъ недостатковъ церковно-приходскихъ школъ: контингентъ ея

учителей въ большинствѣ случаевъ состоятъ или изъ лицъ, получившихъ специальную къ тому подготовку, или изъ воспитанниковъ, прошедшихъ полный курсъ одного изъ среднихъ учебныхъ заведеній. Программа ея не страдаетъ той односторонностью, какую мы находимъ въ церковно-приходской школѣ. Такимъ образомъ земскую школу возможно признать общеобразовательнымъ учебнымъ заведеніемъ, болѣе другихъ приближающимся къ желательному типу. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ заключать объ абсолютномъ отсутствіи у земской школы недостатковъ. Недостатки есть и у земской школы, но для насъ должно быть особенно важно то, что для устраненія этихъ недостатковъ, въ интересахъ подготовки населенія къ послѣдующему приобрѣтенію профессиональнаго образованія, вовсе не требуется созданія новаго типа общеобразовательнаго учебнаго заведенія или коренныхъ реформъ въ общемъ направленіи дѣятельности земской школы, но лишь нѣкоторыхъ детальнаго исправленій и измѣненій въ распредѣленіи учебнаго матеріала нынѣ существующей земской школы».

Очевидно, приходскія школы не могутъ замѣнить училищъ учебнаго вѣдомства; но за то онѣ могутъ оказать помощь въ распространеніи грамотности тамъ, гдѣ недостаточно существующихъ школъ. Лишь бы только никто изъ сторонниковъ ихъ не вносилъ вражды въ дѣло народнаго образованія и лишь бы онѣ приняли тотъ мирный характеръ, какой указанъ имъ Высочайше утвержденными въ 1884 г. правилами о нихъ.

IV.

Исходя изъ той мысли, что климатическія данныя нашего отечества и условія населенія совпадаютъ съ таковыми же въ Швеціи и Норвегіи, нѣкоторые, съ цѣлью удешевить стоимость народнаго образованія, предлагали устраивать подвижныя школы.

У насъ дѣлалось много различныхъ попытокъ пересадить къ намъ подвижную школу. Педагоги наши составляли для такихъ школъ планы, программы, учебники, а земства отпускали деньги.

Наибольшую извѣстность получили проекты такихъ школъ, составленные г. Бунаковымъ и г. Александровымъ. Но да простятъ намъ почтенные педагоги, проектъ перваго искренно уважаемаго нами дѣятеля по народному образованію мы находимъ неосуществимымъ и оба проекта недостигающими своей главной цѣли — удешевленія организаціи дѣла народнаго образованія. Начать съ того, что г. Бунаковъ въ основу своего плана кладетъ продолжительность учебнаго года въ сельской подвижной школѣ въ 216 учебныхъ дней или 36 недѣль. Изъ сдѣланныхъ же нами наблюденій надъ школами нѣкоторыхъ уѣздовъ Смоленской губерніи мы нашли, что средняя продолжительность учебнаго года равна только 11^с учебнымъ днямъ. Г. Бунаковъ дѣлитъ годъ на три части: учитель занимаетъ въ каждомъ пунктѣ по 12 недѣль, предоставляя учащимся самимъ себѣ на все остальное время и предполагая, что они станутъ работат

самостоятельно. Внеся сдѣланную нами выше поправку въ расчетъ г. Бунакова, мы найдемъ, что учитель будетъ заниматься въ каждомъ пунктѣ не 12 недѣль, а только $6\frac{1}{2}$; но въ это время нѣтъ никакой возможности довести учениковъ до полной грамотности. Что же касается до предположенія, будто все остальное время ученики, предоставленные самимъ себѣ, станутъ заниматься самостоятельно, то я сильно въ этомъ сомнѣваюсь. Въ нашихъ школахъ самостоятельныя работы продолжаются не долѣе часа, да и на такое короткое время учителя не считаютъ возможнымъ оставить учениковъ, особенно начинающихъ, безъ всякой помощи. Планъ этотъ, очевидно, заимствованъ изъ Швеціи и Норвегіи. Тамъ, по свидѣтельству г. Павловича, общины, не имѣющія постоянной школы, группируются въ школьные округа, и каждый изъ такихъ округовъ имѣетъ своего учителя. Съ наступленіемъ учебнаго времени, учитель является сначала въ одну общину, потомъ въ другую и заканчиваетъ къ концу года объѣздъ своего округа. Но тамъ зима гораздо продолжительнѣе, нежели въ большей части Россіи — это во-первыхъ, а во-вторыхъ, тамъ въ каждой семьѣ взрослые грамотны и могутъ продолжать сами прерванное учителемъ обученіе дѣтей, на что у насъ пока еще нельзя рассчитывать.

Гораздо болѣе примѣнимъ къ нашимъ условіямъ планъ подвижной школы, предложенный г. Александровымъ въ его брошюрѣ: *Задача и организація школьнаго дѣла въ уездѣ*. По его плану, подвижная школа остается въ одномъ мѣстѣ цѣлый учебный годъ, а на слѣдующую зиму переходитъ въ другой пунктъ. Райономъ такой школы служить кругъ съ радиусомъ — самое большее — въ три версты; ея задачей служить обученіе грамотѣ дѣтей школьнаго возраста отъ 9 до 14 лѣтъ и повторительное обученіе съ бывшими школьниками. Въ виду того, что въ подвижной школѣ въ возможно короткій срокъ необходимо выполнить возможно большую программу и потому отъ учителя требуются особенныя способности, опытность и усердіе, — оба названные автора требуютъ, чтобы преподавателемъ въ подвижную школу назначался лучший изъ учителей и чтобы жалованье ему было положено, по мнѣнію г. Бунакова, 400 руб., а по мнѣнію г. Александра отъ 309 до 400 руб. при готовомъ содержаніи. Посмотримъ, насколько дешева будетъ подобная организація. Но прежде всего необходимо установить критерій, чтó слѣдуетъ считать дешевою организаціею школьнаго дѣла, такъ какъ и на этотъ счетъ у насъ существуютъ различныя мнѣнія. Возьмемъ двѣ школы: одна изъ нихъ обходится въ годъ въ 300 руб., но въ ней 30 учениковъ; другая въ 600 р., но въ ней 90 учениковъ. Очевидно, не стоимость школы рѣшаетъ поставленный нами вопросъ, а сумма, въ какую обходится обученіе одного ученика. А при такой оцѣнкѣ подвижная школа г. Александра обойдется гораздо дороже, нежели въ 1880 г. обходилось обыкновенное постоянное сельское училище. Въ подвижной школѣ будетъ, по очень понятнымъ причинамъ, среднимъ числомъ меньше учащихся, нежели въ постоянной школѣ. Въ постоянной же школѣ въ 1880 г., по статистическому «Временнику Россійской имперіи», было сред-

нимъ числомъ 50 учащихся, и обученіе каждаго учащагося обходилось въ 5 руб. 61 коп. Между тѣмъ, предположивъ, что въ подвижной школѣ г. Александрова среднимъ числомъ будетъ 30—40 учащихся, мы найдемъ, что одинъ учащійся въ нихъ обойдется, считая только одно жалованье учителя, не менѣе нежели въ 10 руб. въ годъ. Между тѣмъ дѣти занимаются съ учителемъ только одну зиму въ три-четыре года, а это если и можно допустить для проучившихся уже двѣ зимы и окрѣпшихъ въ грамотѣ, то для учениковъ младшаго отдѣленія не можетъ быть оправдано съ педагогической точки зрѣнія. Организациа подвижныхъ школъ, предлагаемая г. Герасимовымъ въ изданной имъ брошюрѣ, имѣетъ еще больше недостатковъ. Она рассчитана на такую продолжительность учебнаго года (9 мѣсяцевъ), какая если и можетъ встрѣтиться гдѣ-нибудь въ Россіи, такъ развѣ только какъ рѣдкое исключеніе. Кромѣ того учитель подвижной школы, по проекту Герасимова, возвращается въ прежній пунктъ только черезъ пять лѣтъ, пробывъ въ каждой только по три мѣсяца.

Но, можетъ быть, на практикѣ подвижныя школы лучше достигаютъ своей цѣли, нежели въ планахъ, составленныхъ педагогами. Изъ *сборника статистическихъ свѣдѣній по Курской губерніи* (выпускъ II) узнаемъ, что земство Новооскольскаго уѣзда въ 1882 г. постановило открывать подвижныя школы въ самыхъ глухихъ селахъ, гдѣ населеніе и не знаетъ, что такое школа. Въ эти школы набирается полный комплектъ учениковъ и ученье продолжается три года, т.-е. полный курсъ. Въ *Сборникѣ* описано двѣ такихъ школы: Поповкинская и Прильповская. Обѣ помѣщаются въ наемныхъ крестьянскихъ избахъ; первую посѣщаютъ дѣти изъ двухъ деревень, вторую изъ одной; квартира съ отопленіемъ обходится сельскимъ обществамъ: въ первой школѣ 36 руб., а въ Прильповской въ 50 руб. въ годъ; все же содержаніе земству и обществу обходится въ годъ—первой въ 438, при 44 учащихся, а второй въ 410 при 43 учащихся, хотя въ первой изъ нихъ не только отсутствуетъ библіотека, но нѣтъ даже необходимыхъ учебныхъ пособій и руководствъ. Но при такомъ числѣ учащихся едва ли какое земство затруднится устроить постоянное нормальное училище. Можетъ быть, подобныя школы успѣваютъ расположить крестьянъ къ грамотности и, вызвавъ ихъ на пожертвованія, превращаются затѣмъ въ постоянныя училища. Такая заслуга вполнѣ оправдала бы ихъ существованіе.

Въ Смоленской губерніи въ 1883 — 1884 учебномъ году также былъ сдѣланъ земствомъ опытъ устройства подвижной школы. При этомъ устроители воспользовались планомъ Бунакова, но въ первую же зиму убѣдились въ его неосуществимости. Предположено было нанять одного учителя для двухъ школъ: Верещаненской и Купринской. Сначала опытный учитель, получавшій 300 руб. жалованья, занимался въ Верещаненской школѣ съ 13 учениками, изъ коихъ нѣкоторые поступили *грамотными*, а въ февралѣ долженъ былъ по первоначальному плану перейти въ Купринскую школу. Но крестьяне дер. Верещанена потребовали, чтобы учитель оста

вался у нихъ всю зиму. Устроители должны были согласиться съ мнѣніемъ крестьянъ и назначить въ Верещаненскую школу для продолженія учебныхъ занятій окончившаго курсъ ученія въ двухклассномъ сельскомъ училищѣ, который сначала, въ теченіи 10 дней, присматривался къ веденію учебнаго дѣла своимъ предшественникомъ, а потомъ приступилъ къ самостоятельнымъ занятіямъ. Хотя инспекторъ г. Б—ій, посѣтившій эту школу въ мартѣ, и нашелъ успѣхи по всѣмъ предметамъ удовлетворительными, но опытъ этотъ привелъ смоленское земство къ мысли о несостоятельности проекта г. Бунакова, такъ какъ пришлось, по необходимости, вмѣсто подвижной школы устроить постоянную. Опытъ этотъ обошелся не дешево и обученіе одного ученика въ теченіе зимы обошлось болѣе 14 руб. Но было признано, что школы эти все-таки принесли свою долю пользы, что онѣ навели крестьянъ на мысль устроить у себя школы постоянныя. Намъ кажется, что организація подвижныхъ школъ у насъ должна быть нѣсколько иная, и о ней мы скажемъ въ концѣ настоящей статьи.

У.

Новая попытка въ томъ же родѣ заключается въ устройствѣ такъ называемыхъ параллельныхъ отдѣленій при народныхъ училищахъ или филиальныхъ школахъ. Въ общихъ чертахъ организація ихъ заключается въ слѣдующемъ. Среди крестьянскихъ юношей очень часто встрѣчаются богато одаренные способностями учить другихъ. Они отлично умѣютъ объяснить своему товарищу, что знаютъ сами, умѣютъ привоить его вниманіе, страстно увлекаются своею ролью учителя, репетитора. Можетъ быть, этотъ фактъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что крестьянскія дѣти чуть не съ пяти лѣтъ въ страдную пору, когда все взрослое населеніе деревни находится въ полѣ, остаются дома нянчить своихъ меньшихъ братьевъ и сестеръ, занимать, кормить и беречь ихъ, устраивать для нихъ игры, пѣть имъ пѣсни, разговаривать съ ними. Но, какъ бы то ни было, фактъ этотъ признается всѣми, имѣвшими возможность наблюдать деревенскую школу, и неоднократно былъ заявленъ и въ педагогической литературѣ. Изъ среды учащихся избираются по окончаніи курса ученики, отличающіеся такою педагогическою жилкою; они остаются при школѣ, смотря по возрасту и развитію, на одинъ или на два года, гдѣ подъ руководствомъ учителя приготавливаются къ своей будущей преподавательской дѣятельности, послѣ чего имъ, на правахъ учительскихъ помощниковъ, подъ контролемъ и руководствомъ со стороны учителя, поручается филиальная школа всего лучше въ ихъ родной деревнѣ, отстоящей отъ центральной школы за нѣсколько верстъ.

Они уже знакомы съ современными приемами преподаванія, такъ какъ къ самимъ обучали по новымъ методамъ и о другихъ методахъ они знаютъ только по наслышкѣ. Они молоды и потому хорошо помнятъ, какія въ объясненій учителя они усваивали легко и какія съ трудомъ. Имъ

легче представить себя на мѣстѣ ученика и такимъ образомъ сдѣлать оцѣнку того или другого приѣма преподаванія. Вѣроятно, благодаря этимъ качествамъ, они нерѣдко достигаютъ изумительныхъ для ихъ подготовки и развитія успѣховъ въ преподаваніи. Я видѣлъ такихъ учителей изъ бывшихъ учениковъ, которые ведутъ обученіе по всѣмъ правиламъ искусства, и въ ихъ школахъ дѣти часто не хуже выучивались читать и писать, чѣмъ у самого учителя. Правда, что помощники недостаточно развиты умственно, а потому, во-первыхъ, они нуждаются въ постоянномъ руководствѣ болѣе развитого человѣка, каковымъ и долженъ быть учитель центральной школы, а во-вторыхъ, такимъ помощникамъ болѣею частію не поручается старшаго возраста учениковъ.

Учительскій помощникъ долженъ быть хорошей нравственности, каковому требованію, впрочемъ, удовлетворяетъ большинство крестьянскихъ юношей, не испорченныхъ фабрикою или городомъ. Онъ долженъ быть хорошо ознакомленъ на практикѣ въ центральной школѣ съ современными приѣмами преподаванія, поддержанія дисциплины въ классѣ, организаціею занятій съ двумя отдѣленіями учениковъ и пр. Одно изъ лучшихъ средствъ приготовить помощника заключается въ томъ, что поручаютъ избраннымъ для этого мальчикамъ, подъ ихъ отвѣтственностію, но подъ руководствомъ опытнаго наставника, извѣстныя занятія въ центральной школѣ, сначала не требующія большого умѣнья и находчивости, потомъ все болѣе и болѣе сложныя. Эту подготовку можно начинать съ учениковъ старшаго отдѣленія, поручая имъ отъ времени до времени руководство самостоятельными работами младшихъ учениковъ, рѣшеніе съ ними ариметическихъ примѣровъ на пройденныя правила, просмотръ тетрадей и проч. По окончаніи же курса имъ можно поручать и болѣе сложное дѣло. Опытъ показываетъ, что такимъ образомъ скорѣе всего вырабатываются хорошіе помощники. Чтеніе книгъ и бесѣды съ преподавателями, конечно, также необходимы въ интересахъ умственного развитія такихъ юношей.

Преподаватель такой школы—учительскій помощникъ, самый даровитый изъ бывшихъ учениковъ, житель, можетъ быть, той же деревни, живетъ «на крестьянскомъ положеніи», исправляетъ всѣ свои земледѣльческія работы и только на зиму вмѣсто того, чтобы искать отхожихъ промысловъ, отрывать отъ семьи, подвергаться соблазнамъ городской или фабричной жизни, легко деморализующей не окрѣпшихъ еще въ нравственномъ отношеніи юношей, онъ становится учителемъ ребятъ въ своей же или, въ крайнемъ случаѣ, въ сосѣдней деревнѣ, не разрывая своихъ отношеній съ односельчанами, оставаясь мірскимъ человѣкомъ. Уже по этому одному онъ долженъ быть близокъ ребятамъ; они будутъ понимать другъ друга съ перваго слова. Но онъ въ то же время, благодаря особенностямъ своихъ зимнихъ занятій, чтенію книгъ и частымъ бесѣдамъ съ преподавателями центрального училища, будетъ наиболѣе интеллигентнымъ въ средѣ своихъ односельчанъ и, оставаясь своимъ между ними, будетъ годъ отъ году дѣлаться развитѣе, кругъ его знаній и наблюденій будетъ расширяться.

Вотъ какъ описываетъ учителей подобныхъ школокъ въ Арзамасскомъ уѣздѣ г-жа Штевенъ:

«Первые учителя были всѣ ученики моей Яблонской школы; теперь ихъ уже не хватаетъ, и комплектъ пополняется учениками другихъ земскихъ школъ, причѣмъ желающіе стать учителями мальчики обязаны нѣкоторое время пробывать въ Яблонской школѣ, отчасти для пополненія ихъ познаній, а главное—для того, чтобы я могла составить себѣ мнѣніе объ ихъ характерѣ и способностяхъ. Хорошая подготовка учителей или, проще сказать, хорошая учительская школа есть предметъ самой настоятельной необходимости, но достигнуть этого пока еще не было возможности. Можно бы тѣмъ не менѣе достигнуть порядочныхъ результатовъ, если бы будущіе учителя оставались въ школѣ подольше, но жить имъ приходится, такъ сказать, на бивуакѣ: учатся и ночуютъ они въ той же комнатѣ, гдѣ днемъ учатся всѣ 50 или 60 учениковъ Яблонской школы, а кормятся нѣкоторые у яблонскихъ крестьянъ, другіе тутъ же въ школѣ, чѣмъ Богъ пошлетъ, т.-е. взятыми изъ дому пирогами и лепешками. Пребываніе въ моей школѣ поэтому сопряжено для нихъ или съ расходомъ на столъ и ночлегъ, или же съ лишеніями, даже для крестьянскихъ мальчиковъ довольно чувствительными, а потому надолго задерживать ихъ въ школѣ нельзя. Кромѣ того, требуются все новые и новые учителя, и потому, какъ только мальчикъ достигнетъ 14—15 лѣтъ, и я увѣряюсь, что онъ вообще пригоденъ къ этому дѣлу, я, послѣ одной зимы, а иногда и всего только двухъ-трехъ мѣсяцевъ подготовки, помѣщаю его на должность. Во вновь открытой школѣ ему первое время приходится учить только азбукѣ и молитвамъ, а потому молодость и неподготовленность его большихъ неудобствъ еще не представляютъ. А чтобы молодые учителя сколько-нибудь лучше годились для дальнѣйшаго исполненія своихъ обязанностей, я вновь собираю ихъ въ свою школу недѣль на 6 весной, послѣ окончанія занятій въ школахъ, и осенью, до начала ихъ, во время, относительно свободное отъ полевыхъ работъ, въ которыхъ ребята, разумѣется, несмотря на свое учительское званіе, по-прежнему принимаютъ дѣятельное участіе. Въ это время у меня учатся и совсѣмъ еще не учившіе, и учившіе годъ, и учившіе уже 2—3 года, 14 и 15, 18 и 20-лѣтніе молодые парни, которыхъ прошлою, напримѣръ, осенью набралось 25 человекъ. Шесть недѣль проходятъ быстро, трудно заниматься заразъ со многими учениками различныхъ возрастовъ и познаній, мало у насъ учебныхъ пособій, и сама я мало знакома съ лучшими методами преподаванія; а потому, въ концѣ-концовъ, учителя всѣ все же остаются довольно плохо подготовленными. И если большинство изъ нихъ, тѣмъ не менѣе, удовлетворительно исполняетъ свою миссію, объяснить это можно только ихъ личными свойствами. Учителя изъ крестьянскихъ сословій часто поступаютъ на учительскую должность только потому, что не имѣютъ другого исхода. Крестьянскій же мальчикъ въ домѣ отношеніи вполнѣ свободенъ. У него есть свой домъ и работа; если онъ не хочетъ матеріальныхъ выгодъ учительская должность ему не дастъ,

и, если онъ принадлежитъ къ числу дюжинныхъ натуръ съ низменными вкусами, онъ самъ не захочетъ браться за это дѣло. Но за то учительство какъ нельзя болѣе привлекательно для тѣхъ даровитыхъ мальчиковъ, которые болѣе развиты умственно и душевно, которымъ нравится значительность дѣла, которымъ хочется показать себя,—и еще для тѣхъ особаго типа милыхъ русскихъ юношей, которые не всегда обладают блестящими способностями, но за то отличаются глубокимъ идеализмомъ и рѣдкой душевною чистотой, и въ старыя времена изъ грѣшнаго міра уходили въ тишину монастырской кельи или въ прекрасную мать-пустыню, а теперь отчасти нашли себѣ мѣсто въ деревенской школѣ. И безкорыстное, религиозное ихъ отношеніе къ дѣлу почти всегда приноситъ прекрасные плоды. Не мало и кромѣ нихъ на святой Руси такихъ же точно юношей и дѣвчушекъ, способныхъ и добрыхъ, еще не зачерствѣвшихъ и не погразившихъ въ житейскомъ болотѣ, и еслибъ дать имъ нужное развитіе и открыть доступное поприще, много бы они принесли добра и свѣта своей многомилліонной крестьянской братим. А между тѣмъ, они проживаютъ свой вѣкъ, почти ничего не сдѣлавъ и нерѣдко неся тяжелый крестъ никѣмъ не понятыхъ и ничѣмъ неудовлетворяемыхъ стремленій... Конечно, не всѣ наши 26 учителей и 5 учительницъ одинаково хороши и способны. Есть школы, гдѣ учитель славный малый и любимъ учениками, но не достаточно прилеженъ и не многому выучиваетъ; есть другія, гдѣ учитель очень старается и учитъ недурно, но гдѣ къ его молодости и неопытности довольно долго относятся съ недоверіемъ, затрудняющимъ его дѣло. Есть и такія школы, гдѣ само ученье идетъ хорошо, гдѣ хорошо читаютъ и пишутъ и даже заслуживаютъ похвалы посѣтителей, но между учителемъ и учениками отношенія холодныя, ребята стѣсняются, книжечку на домъ брать не стремятся. Но и такое ученье, если только оно не заключаетъ въ себѣ ничего положительно вреднаго, можетъ какъ въ обществѣ, такъ и въ отдѣльныхъ лицахъ положить начало большому и лучшему, и оно несравненно полезнѣе гонянія собакъ и игры въ дубинки, чѣмъ, по словамъ мужиковъ, исключительно занимаютъ не учащіяся крестьянскіе ребята. А есть и такія школы, которыми, несмотря на тѣсноту помѣщенія, на недостатокъ пособій, на неподготовленность учителя и недолгое время ученья, какъ будто даже теперь же и непосредственно вносится жизнь въ мертвенность и свѣтъ во тьму. Ученики ловятъ всякое сказанное имъ слово, просятъ имъ еще и еще что-нибудь рассказать, просятъ спросить ихъ, почитать съ ними, задать имъ задачу. Дѣльно и бодро, съ значительнымъ видомъ, командуетъ ими молоденькій учитель, и глаза его радостно блестятъ, когда ученики отвѣчаютъ удачно; а ребята дружелюбно вертятся вокругъ него, и, хотя для нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ по годамъ скобе товарищъ, нежели старшій, охотно и часто величаютъ его Григоріемъ Федоровичемъ или Иваномъ Ипполитычемъ. И мужики, толпясь у дверей, что бы слышать, что я рассказываю и какъ отвѣчаютъ ребята, добродушно смотрятъ на все происходящее, улыбаясь, хвалятъ учителя и ученье и т. д.

сказываютъ, какъ ревностно занимаются, «читаютъ дома ихъ Миши и Пети, и какъ имъ самимъ «лестно» слышать ихъ чтеніе, и что въ училище ребята собираются чуть ли не до свѣта, а расходятся только когда стемнѣетъ, и что даже на улицѣ они стали вести себя замѣтно лучше, чѣмъ прежде».

По словамъ кн. Шаховскаго, завѣдывавшаго хозяйственною частію училищъ Весеюгонскаго уѣзда, «въ нѣкоторыхъ изъ нихъ (учителей грамотности изъ бывшихъ учениковъ сѣхматовскаго сельскаго училища) нельзя не видѣть *столь* образованныхъ мужиковъ, оставшихся при землѣ». Мы сами могли бы указать не на одного образованнаго крестьянина-земледѣльца и учителя школы грамотности. Нѣкоторые не безъ основанія думаютъ, что современемъ изъ среды такихъ помощниковъ можетъ выработаться педагогъ, который, благодаря такому исключительно счастливому положенію своему, обновитъ нашу народно-школьную дидактику какимъ-нибудь цѣннымъ открытіемъ. Вѣдь, изъ современныхъ народныхъ учителей и педагогическихъ писателей очень не многіе стоятъ въ такихъ близкихъ отношеніяхъ къ народу. Даже у учителей, изъ народа вышедшихъ, уже перерѣзана та нить, которая органически связывала ихъ съ жизнью народа. Даже они не могутъ теперь жить одною съ нимъ жизнью, радоваться всѣми его радостями и печалиться всѣми его печалями. А вотъ такой помощникъ, о которомъ идетъ рѣчь, оставаясь землепашцемъ, не можетъ жить иначе, какъ только жизнью общою съ народомъ во всѣхъ ея деталяхъ. И — кто знаетъ? — онъ, можетъ быть, будетъ имѣть большое преимущество передъ другими въ рѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ о *народной* школѣ, если ему удастся получить достаточное развитіе, что, въ виду уже теперь извѣстныхъ фактовъ, весьма возможно допустить относительно хотя немногихъ особенно даровитыхъ учителей грамотности. Въ виду этихъ соображеній возможно допустить, что на ихъ долю выпадетъ схватить и формулировать нѣкоторыя требованія и приемы преподаванія, лучше всего отвѣчающіе условіямъ нашей деревенской жизни.

А то, право, дѣлается больно, когда слышишь, какъ со смѣлостью, достойной лучшей доли, говорятъ о народности преподаванія въ начальной школѣ люди, не знающіе и не понимающіе народа, никогда не бывавшіе въ народной школѣ и выдающіе за выраженіе народныхъ требованій свои досужія, составленныя въ столичныхъ канцеляріяхъ, на основаніи официальныхъ донесеній, измышленія, выполненіемъ которыхъ будто бы достигается народность въ воспитаніи. Еще больнѣе становится, когда видишь, что есть люди, которые пользуются словомъ «народность», какъ средствомъ къ достиженію эгонистическихъ личныхъ или партійныхъ цѣлей.

Впрочемъ, и не въ этихъ мечтаніяхъ дѣло. Хорошо уже то одно, что, не отрывая крестьянина отъ земли, мы будемъ имѣть въ немъ порядочаго, но дешеваго учителя маленькой школы. Кому извѣстно, какъ мало аютъ крестьянамъ наши зимніе отхожіе промыслы, какъ неохотно они

идутъ на нихъ, тотъ согласится, что тѣ 40—50 рублей, которые земству придется заплатить учительскому помощнику параллельнаго отдѣленія, будутъ для него достаточнымъ вознагражденіемъ. Опытъ показываетъ, что за это вознагражденіе идутъ охотно даже изъ состоятельныхъ семей.

VI.

Учителями параллельныхъ отдѣленій въ Смоленской губерніи были отлично окончившіе курсъ въ центральныхъ училищахъ 36 юношей и 1 дѣвушка (въ д. Боровскомъ, Дорогобужскаго уѣзда). Изъ нихъ 18 учителей окончили курсъ въ двухклассныхъ училищахъ мин. народн. проsv. съ пятилѣтнимъ курсомъ и 19 въ обыкновенныхъ одноклассныхъ земскихъ и министерскихъ школахъ съ трехлѣтнимъ курсомъ. Всѣ они нѣкоторое время, до поступленія въ отдѣленія, упражнялись въ преподаваніи подъ руководствомъ учителя въ центральной школѣ, гдѣ практически ознакомились съ звуковымъ способомъ обученія письму-чтенію, съ приемами объяснительнаго чтенія и преподаванія ариметики, съ организаціею занятій одного учителя съ двумя или тремя группами учениковъ и съ приемами къ поддержанію вниманія учащихся на урокахъ. Последняя сторона дѣла особенно важна. Мы тщательно допытывались, нѣтъ ли въ этихъ школахъ ненормальныхъ отношеній между учащими и учениками, но почти всѣ свидѣтельства сводятся къ тому, что эти отношенія здѣсь не хуже, чѣмъ въ обыкновенныхъ сельскихъ школахъ съ учителями среднихъ способностей. Всѣ учительскіе помощники относятся съ замѣчательнымъ усердіемъ къ своему дѣлу. Такъ одинъ изъ нихъ (Волковскаго отдѣленія) во время рождественскихъ каникулъ отпустилъ учениковъ только на 4 дня, чтобы наверстать время, потерянное вслѣдствіе поздняго начала ученья. По распisanію уроковъ, составленному для такихъ школокъ учителями центральной школы, одни должны заниматься около 5 часовъ въ день, но большинство изъ нихъ занимается больше. Они много думаютъ о способахъ, облегчающихъ преподаваніе. Одинъ изъ нихъ (Васильевскаго отдѣленія) придумалъ своеобразное пособіе для обученія каллиграфіи, чѣмъ воспользовался и учитель центральной школы. Онъ пропитывалъ растопленнымъ воскомъ бумагу такъ, чтобъ она стала прозрачною, клалъ листъ такой бумаги на прописи и мѣловыми чернилами, которыя легко стираются, заставлялъ ученика копировать съ образца. Нѣкоторые изъ учительскихъ помощниковъ (напримѣръ Дьяковскаго отдѣленія) ежедневно по вечерамъ читаютъ книги взрослымъ крестьянамъ, собирающимся для этого въ одну хату. Другіе ведутъ вечернія занятія съ учениками, остающимися ночевать въ школахъ. Третьи съ успѣхомъ обучаютъ дѣтей пѣнію. Любопытны отзывы, какіе даютъ объ учительскихъ помощникахъ лица, посѣщавшія параллельныя отдѣленія: члены училищнаго совѣта, попечителя, благочинные, учителя и законоучителя. Попечитель Омищевского сельскаго училища, г. Мионовъ пишетъ:

«Прокофій Евменовъ, которому поручено было преподаваніе въ Волковскомъ отдѣленіи Омичевскаго училища, велъ преподаваніе съ полнымъ стараніемъ и охотой, что и отразилось на успѣхахъ учениковъ и за что онъ вполне достоинъ похвалы и одобренія». О томъ же Евменовъ учитель центрального училища г. Васильевъ писалъ, что помощникъ, по своему усердію и способностямъ, превзошелъ его ожиданія. Учитель-руководитель г. Макаровъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ своего помощника Захаренкова: «въ немъ замѣтно усердіе къ дѣлу, выразившееся между прочимъ въ томъ, что онъ часто и послѣ уроковъ занимается съ болѣе слабыми учениками; онъ развитъ, способности у него отличныя, отношенія его къ ученикамъ и нравственныя качества безукоризненныя». По отзыву благочиннаго о. Пляшкевича, Захаренковъ, какъ заявляли о. Пляшкевичу родители учащихся, занимается съ учениками съ утра до вечера. Благочинный о. Бароновъ пишетъ объ учительскомъ помощникѣ Ильинѣ: «онъ оказалъ особенное усердіе въ обученіи дѣтей грамотѣ, такъ что всѣ крестьяне-домохозяева остались Ильинимъ очень довольны». Другой о. благочинный пишетъ объ одномъ учительскомъ помощникѣ: «въ дѣлѣ преподаванія онъ держится приемовъ самыхъ простыхъ, наглядныхъ, удобопонятныхъ неразвитымъ дѣтямъ и примѣняетъ хорошо усвоенныя имъ въ нормальной школѣ приемы обученія». Священникъ о. Мурашкинъ пишетъ о помощникѣ Иванченковѣ, что «онъ въ обращеніи съ учениками ласковъ, не грубъ, что съ его стороны было все дѣлано, гдѣ нуженъ былъ трудъ и энергія, а въ остальномъ на помощь ему приходилъ учитель-руководитель г. Яковлевъ». Благочинный о. Черскій пишетъ, что учительскій помощникъ Халмовскаго отдѣленія «съ полнымъ усердіемъ занимался съ мальчиками; а въ приѣмахъ преподаванія и въ мѣрахъ поддержанія дисциплины руководствовался наставленіемъ учителя центральной школы». Членъ Ельнинскаго училищнаго совѣта г. Любутовъ пишетъ: «Учительскій помощникъ Молчановъ, сынъ крестьянина, окончившій курсъ въ Сычевскомъ училищѣ, трудолюбивый молодой человекъ, подъ руководствомъ своего бывшаго учителя г. Соболевскаго, ведетъ учебное дѣло умѣло и очень хорошо». Большинство остальныхъ отзывовъ объ учительскихъ помощникахъ носятъ тотъ же характеръ. Самые худшіе отзывы даны учителемъ-руководителемъ г. Иващенко, который пишетъ о своихъ помощникахъ Медвѣдковѣ и Сопинѣ, что они «къ дѣлу относились очень усердно, но способности ихъ въ дѣлѣ преподаванія оказались на первый разъ не очень хорошими въ силу того, что они специально не готовились къ этой дѣятельности, а практикой въ столь короткое время не могли выработать правильныхъ приемовъ преподаванія; взаимныя отношенія между ними и учениками были очень хорошія, нравственныя качества обоихъ отличныя». На первыхъ порахъ встрѣчались трудненія въ дѣлѣ преподаванія во многихъ отдѣленіяхъ. Такъ въ Волковскомъ отдѣленіи съ новичками не удавалось сліяніе звуковъ. Тогда учитель центральной школы, воспользовавшись воскреснымъ днемъ и попро-

силь законучителя заняться въ школѣ въ субботу, отправился въ отдѣленіе на два дня. Этому времени оказалось довольно, чтобъ исправить названный недостатокъ. Для устраненія другихъ опущеній, происходящихъ вслѣдствіе неопытности помощниковъ, оказывались достаточными разъясненія и совѣты руководителей и ихъ примѣрные уроки.

Въ 64 такихъ школахъ Шадринскаго уѣзда обучаетъ 30 учителей и 35 учительницъ, причѣмъ число послѣднихъ ежегодно увеличивается. Такъ

въ 1884—5 году онѣ составляли	40,5%	общаго числа.
» 1885—6 » » »	51%	» »
» 1886—7 » » »	54%	» »

Преимущества учительницъ предъ учителями выражаются въ томъ, между прочимъ, что въ школахъ съ учительницами больше обучается дѣвочекъ (20,1% числа мальчиковъ), нежели въ школахъ съ учителями (14,6% числа мальчиковъ); причѣмъ общее число учащихся въ первыхъ не только не меньше, но даже нѣсколько больше, нежели въ послѣднихъ.

По образованію обучавшіе въ школахъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: домашняго образованія—9, изъ нормальной или воскресной школы—39, изъ духовнаго или городского училища или изъ женской прогимназій—9, изъ духовной семинаріи и епархіальнаго училища—8. Окончившіе курсъ народной школы составляли большинство въ учащемъ персоналѣ. Впрочемъ, процентное отношеніе ихъ числа къ общему числу преподавателей ежегодно уменьшается. Такъ въ 1884—5 году они составляли 76%, въ 1885—6 г. — 65%, а въ 1886—7 г. — 60%. Намъ кажется, что это явленіе стоитъ въ связи съ ежегодно возрастающимъ, судя по отчетамъ учителей-руководителей, вознагражденіемъ за преподаваніе, привлекающимъ къ занятію учительскихъ должностей въ школахъ и лицъ, получившихъ образованіе въ городскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Первоначально окладъ жалованья преподавателямъ школокъ не превышалъ 7 рублей въ учебный мѣсяць; теперь же на cadaго учителя среднимъ числомъ приходится болѣе 100 руб. вознагражденія, причѣмъ нѣкоторые получаютъ до 180 руб. въ годъ. Но данныя, какія мы находимъ въ отчетахъ шадринскаго земства, не даютъ намъ права заключать, что происходящая замѣна учителей, вышедшихъ изъ сельскихъ нормальныхъ училищъ, почти также мало подготовленными учителями, хотя и получившими свое образованіе въ городахъ, влечетъ за собою улучшеніе результатовъ преподаванія. Изъ 9-ти школокъ Шадринскаго уѣзда, осмотрѣнныхъ инспекторомъ народныхъ училищъ, въ шести обучали лица, получившія свое образованіе только въ начальномъ сельскомъ училищѣ, и однако школки эти не только не были признаны худшими, но результаты преподаванія одной изъ нихъ возбудили удивленіе инспектора. Изъ четырехъ школокъ въ уѣздѣ, приготовившихъ въ 1886—7 году учениковъ къ экзамену на льготу по отбыванію воинской повинности, въ трехъ шест-

кахъ обучали лица съ тѣмъ же образованіемъ. Изъ 7 школокъ уѣзда, ученики которыхъ поступили въ старшее отдѣленіе нормальныхъ училищъ, въ шести школкахъ занимались тоже ученики сельскихъ училищъ. Отзывы учителей - руководителей особенно благопріятны по отношенію къ тѣмъ изъ преподавателей школокъ, кои окончили курсъ въ центральныхъ училищахъ.

Въ 30 школкахъ съ преподавателями изъ крестьянъ, получившими образованіе только въ нормальныхъ сельскихъ школахъ, было 704 учащихся, по 23,5 на каждую среднимъ числомъ, а въ 4 школкахъ съ преподавателями изъ того же сословія, получившими образованіе въ духовномъ или городскомъ училищахъ, были 85 учащихся, по 21,2 на каждую школу. У первыхъ учащихся дѣвочки составляли 15% общаго числа, а у вторыхъ— 4,9%.

Между тѣмъ въ Шадринскомъ уѣздѣ еще очень мало сдѣлано для приготовленія учителей школокъ изъ учениковъ начальныхъ сельскихъ училищъ. Дѣло приготовленія такихъ учителей носитъ случайный характеръ и нѣбѣтъ мѣсто далеко не во всѣхъ училищахъ, завѣдующихъ школками. Но этотъ недостатокъ отчасти выполняется усиленнымъ надзоромъ учителей-руководителей за школками. Нѣкоторые изъ нихъ посѣщали въ первую половину года филиальныя школки почти каждую недѣлю, другіе требовали къ себѣ на домъ учителей школокъ съ работами учениковъ для бесѣдъ и вставленій, снабжали ихъ книгами и проч. Вообще и здѣсь, также какъ въ Смоленской губерніи, инициатива по открытію школокъ и нелегкіе труды по руководству ими взяли на себя сельскіе учителя и учительницы съ самоотверженіемъ, нерѣдко отличающими лучшихъ тружениковъ нашей новой земской школы.

Мы смотримъ на параллельныя отдѣленія, какъ на одинъ изъ фазисовъ развитія дѣла образованія въ народѣ, и увѣрены, что черезъ нѣсколько лѣтъ они естественно преобразуются въ начальные училища. На эту мысль наводитъ насъ исторія возникновенія народныхъ училищъ, изъ коихъ большинство явилось на мѣстѣ прежде бывшихъ школъ грамотности, которыя, съ развитіемъ потребности въ образованіи, перестали удовлетворять населенію. Но что учителя изъ учениковъ не такъ уже совершенно плохи, чтобы не годились для этого переходнаго времени, объ этомъ можно встрѣтить косвенное свидѣтельство и у барона Корфа.

Покойный педагогъ еще въ 1881 году предлагалъ воспользоваться въ качествѣ учительскихъ помощниковъ крестьянскими мальчиками, оканчивающими курсъ народнаго училища. Въ статьѣ своей *Объ учителяхъ и уч. сельскихъ помощникахъ* (*Народная Школа* 1881 г., № 5, стр. 7) онъ говоритъ: «Въ настоящее время, какъ извѣстно, не мало крестьянскихъ мальчиковъ оканчиваютъ курсъ въ народныхъ училищахъ и выдерживаютъ экзаменъ, предоставляющій имъ льготу при отбываніи воинской обязанности; они-то и могутъ быть лучшими учительскими помощниками уже тогда, что сами обучены въ «новой школѣ». Такія дѣти оканчиваютъ

курсъ лѣтъ 12 или 13; многіе изъ нихъ стремятся поступить на счетъ земства въ учительскія семинаріи, до поступления въ которыя имъ нужно прождать еще года два, да и подготовиться; вотъ эти-то два или три года промежуточныхъ мальчики и могли бы провести въ народной школѣ съ величайшею пользою для школы, для самихъ себя и для семинаріи, при соблюденіи огромной экономіи со стороны хозяевъ школы». Но если баронъ Корфъ считаетъ лучшими помощниками окончившихъ курсъ въ начальной школѣ 12-ти лѣтнихъ мальчиковъ, то, конечно, еще лучшими надо будетъ признать тѣхъ, кто поступить на должность помощника по достиженіи 16 лѣтъ, послѣ подготовки къ этой должности подъ руководствомъ опытнаго учителя. Успѣхъ подобной мѣры въ Англии превзошелъ ожиданія. Въ лучшихъ школахъ тамъ оставляютъ изъ учениковъ окончившихъ курсъ учительскими помощниками лицъ не моложе 13 лѣтъ, по экзамену въ присутствіи инспектора. Учителя готовятъ своихъ помощниковъ къ экзамену на учительское званіе, за что получаютъ извѣстное вознагражденіе. Большинство такихъ помощниковъ (76%) выдерживаютъ чрезъ нѣсколько лѣтъ экзаменъ на учителя и занимаютъ мѣсто штатныхъ преподавателей.

Было бы полезно, по нашему мнѣнію, въ видѣ опыта, открыть и въ другихъ мѣстахъ, кромѣ Шадринскаго и Дорогобужскаго уѣздовъ, нѣсколько филиальныхъ школокъ подъ руководствомъ учительскихъ помощницъ изъ числа дѣвушекъ, окончившихъ курсъ въ народной школѣ. Еслибы опытъ оказался удаченъ, это имѣло бы ту выгоду, что служило бы средствомъ къ привлеченію дѣвочекъ въ школу. Если здѣсь и возможны какія сомнѣнія, то только въ отношеніи взглядовъ крестьянъ на учительницу. Какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне иногда относятся къ учительницамъ съ недověріемъ, говоря, что «ученье—не бабье дѣло». Относительно же успѣшности обученія, какъ показываетъ примѣръ шадринскаго земства, филиальныя школки съ учительницами ничѣмъ не хуже школокъ съ учителями во главѣ.

Чтобы познакомиться съ успѣхами преподаванія въ школахъ Смоленской губерніи, я первую же зиму посѣтилъ 4 такія отдѣленія. Изъ нихъ Вититневское, Будовское и Денисовское были осмотрѣны мною 5, 8 и 9 февраля, спустя 7—8 учебныхъ недѣль послѣ начала ученія, и одно 6 декабря, чрезъ недѣлю послѣ открытія учебныхъ занятій. Въ Вититневскомъ, гдѣ я нашелъ на-лицо 70 учащихся, ученики, поступившіе неграмотными, окончивъ изученіе звуковъ въ концѣ декабря, во время осмотра училища читали 38-ю страницу букваря Тихомирова, могли рассказать, при помощи наводящихъ вопросовъ, содержаніе прежде прочитанной ими статьи; когда я далъ имъ незнакомую книгу, они очень медленно, но по краткости ихъ пребыванія въ школѣ вполнѣ удовлетворительно, прочитали данную имъ незнакомую статейку, подъ диктовку написали три двухсложныхъ слова, предварительно разложивъ ихъ на звуки, причемъ изъ 46 учениковъ-згу-

КЪЗВКОВЪ ТОЛЬКО ЧЕТВЕРО СДѢЛАЛИ ВЪ ДИКТАНТѢ ОШИБКИ, СОСТОЯЩІЯ ВЪ ТОМЪ, ЧТО ДВОЕ ВЪ СЛОВѢ «ИЗБА» ВМѢСТО З НАПИСАЛИ С, А ДВОЕ ВЪ СЛОВѢ «ПАЛКА» НАПИСАЛИ Б ВМѢСТО Ж, ПРОЧИТАЛИ ТРИ МОЛИТВЫ, ДѢЛАЛИ, ХОТЯ И МЕДЛЕННО, НА ТОРГОВЫХЪ СЧЕТАХЪ СЛОЖЕНІЕ И ВЫЧИТАНІЕ ДВУХЗНАЧНЫХЪ ЧИСЕЛЪ И РѢШИЛИ ЗАДАЧУ СЪ ЧИСЛАМИ ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ 1—20. УЧЕНИКИ, ПОСТУПИВШІЕ ГРАМОТНЫМИ, НО БОЛЬШЕЮ ЧАСТЬЮ НЕ УМѢЮЩИМИ ПИСАТЬ, ЧИТАЛИ ДОВОЛЬНО БѢГЛО, РАЗСКАЗАЛИ О ДВУХЪ СОБЫТІЯХЪ СВЯЩЕННОЙ ИСТОРИИ, ПЕРЕВОДИЛИ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ УПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ МОЛИТВЫ, БЫСТРО РѢШИЛИ СЪ ОБЪЯСНЕНІЕМЪ ДѢЙСТВІЙ ЗАДАЧУ, ЗНАЧАЩУЮСЯ ПОДЪ № 232 ВЪ СБОРНИКѢ ЕВТУШЕВСКАГО, ВѢРНО НАПИСАЛИ ПРОДИКТОВАННУЮ ИМЪ ФРАЗУ, ДѢЛАЛИ СЛОЖЕНІЕ И ВЫЧИТАНІЕ НА СЧЕТАХЪ, НО ЗА НЕИМѢНІЕМЪ ЕВАНГЕЛІЯ, КОТОРОЕ ЕЩЕ НЕ БЫЛО ВЫСЛАНО КЪ ТОМУ ВРЕМЕНИ, НЕ ЧИТАЛИ ПО-ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКИ. НЕМНОГО ХУДШІЕ УСПѢХИ НАЙДЕНЫ МНОЮ ВЪ МЛАДШЕЙ ГРУППѢ СТАРО-БУДОВСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ. ВЪ ДЕНИСОВСКОМЪ ОТДѢЛЕНІИ УЧЕНИКИ-ЗВУКОВИКИ 9 ФЕВРАЛЯ ЧИТАЛИ УЖЕ 60-Ю СТРАНИЦУ БУКВАРЯ ТИХОМИРОВА. ПО МОЕМУ ЗАКЛЮЧЕНІЮ, ЗДѢСЬ ТАКЖЕ НЕ БЫЛО НЕДОСТАТКА ВЪ УСЕРДІИ УЧИТЕЛЬСКИХЪ ПОМОЩНИКОВЪ, НО ЗДѢСЬ ОДИНЪ ПОМОЩНИКЪ ЗАНИМАЕТСЯ СЪ ТРЕМЯ ГРУППАМИ УЧАЩИХСЯ. ТѢМЪ НЕ МЕНѢ И ЗДѢСЬ, ПО ОТЗЫВУ УЧИТЕЛЯ-РУКОВОДИТЕЛЯ ЯКОВЛЕВА, УЧЕНИКИ, ПРОУЧИВШІЕСЯ ОДНУ ЗИМУ, МОГЛИ БЫТЬ ПРИНЯТЫ ВО ВТОРУЮ ГРУППУ ЦЕНТРАЛЬНОГО УЧИЛИЩА, СООТВѢТСТВУЮЩУЮ ВТОРОМУ ГОДУ ОБУЧЕНІЯ, Т.-Е. ЗНАЮТЪ МОЛИТВЫ, ЧИТАЮТЪ, РАЗКАЗЫВАЮТЪ ПРОЧИТАННОЕ, ПИШУТЪ И СЧИТАЮТЪ УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНО ДЛЯ ИХЪ ВОЗРАСТА И ВРЕМЕНИ ПРЕБЫВАНІЯ ВЪ ШКОЛѢ. ВЪ СТАРО-БУДОВСКОМЪ УЧИЛИЩѢ НАЙДЕНА ОСОБЕННОСТЬ, СОСТОЯЩАЯ ВЪ ТОМЪ, ЧТО ЗДѢСЬ ЧЕТЫРЕ УЧЕНИКА, ПОСТУПИВШІЕ СЮДА ИЗЪ СРЕДНЯГО ОТДѢЛЕНІЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО УЧИЛИЩА, ВЫДЕРЖАЛИ ЭКЗАМЕНЪ НА ЛЬГОТУ 4-ГО РАЗРЯДА ПО ОТБЫВАНІЮ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ, ИЗУЧАЛИ СВ. ИСТОРИЮ, БѢГЛО И СОЗНАТЕЛЬНО ЧИТАЛИ ПО-РУССКИ И ПО-ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКИ, УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНО ПИСАЛИ ПОДЪ ДИКТОВКУ, ОЗНАКОМИВШІЕСЯ СЪ ВАЖНѢЙШИМИ ПРАВИЛАМИ ПРАВОПИСАНІЯ, УСТНО И ПИСЬМЕННО РѢШАЛИ ЗАДАЧИ НА ВСѢ 4 ДѢЙСТВІЯ СЪ ПРОСТЫМИ ЧИСЛАМИ И ПРИСТУПИЛИ КЪ ИЗУЧЕНІЮ ИМЕНОВАНЫХЪ, НО ПРЕДЪ ЭКЗАМЕНОМЪ НѢКОТОРОЕ ВРЕМЯ ПОСѢЩАЛИ ЦЕНТРАЛЬНУЮ ШКОЛУ. ВЪ ЭТОМЪ ОТДѢЛЕНІИ УЧЕНИКИ СТАРШИХЪ ГРУППЪ СНАБЖЕНЫ БЫЛИ ЕВАНГЕЛІЯМИ, ЧИТАЛИ ПО-СЛАВЯНСКИ ДОВОЛЬНО БѢГЛО И ХОТЯ НЕ ДѢЛАЛИ ДОСЛОВНАГО ПЕРЕВОДА, НО УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНО РАЗКАЗЫВАЛИ ПРОЧИТАННОЕ СВОИМИ СЛОВАМИ. ОЧЕВИДНО, ЧТО ЛУЧШИМЪ ПОКАЗАТЕЛЕМЪ УСПѢХОВЪ ВЪ ДАННОМЪ СЛУЧАѢ СЛУЖАТЪ ОТВѢТЫ УЧЕНИКОВЪ, ПОСТУПИВШИХЪ ВЪ ШКОЛУ СОВЕРШЕННО НЕГРАМОТНЫМИ, ТАКЪ КАКЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА ОСТАЛЬНЫХЪ УЧЕНИКОВЪ МѢЪ БЫЛА МАЛО ИЗВѢСТНА. ЧТО КАСАЕТСЯ ДО УЧАЩИХСЯ ВЪ МЛАДШИХЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ (ЗВУКОВИКОВЪ), ТО МОЖНО СКАЗАТЬ, ЧТО ИХЪ УСПѢХИ НЕ ХУЖЕ СООТВѢТСТВУЮЩИХЪ ГРУППЪ НИЗШАГО УРОВНЯ ОБЫКНОВЕННЫХЪ СЕЛЬСКИХЪ УЧИЛИЩЪ. ВЪ ВСѢХЪ ОСМОТРѢННЫХЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ Я НАШЕЛЪ ПРАВИЛЬНУЮ ОРГАНИЗАЦІЮ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ОДНОГО УЧИТЕЛЯ СЪ НѢКОЛЬКИМИ ГРУППАМИ УЧЕНИКОВЪ, СВѢТЛОЕ И ДРОЕ НАСТРОЕНІЕ УЧАЩИХСЯ БЕЗЪ ПРИЗНАКОВЪ СТРАХА И ЗАБИТОСТИ, СОВРЕМЕННЫЯ ПРИЕМЫ ПРЕПОДАВАНІЯ, ЧТО СВАДѢТЕЛЬСТВОВАЛО О ХОРОШИХЪ ОТНОШЕ-

ніяхъ между преподавателемъ и дѣтьми. Только въ Денисовской школѣ ученики показали мнѣ нѣсколько робкими.

Можетъ быть, болѣе вѣрное представленіе объ успѣхахъ преподаванія дадутъ баллы, полученные въ названныхъ отдѣленіяхъ. На этихъ экзаменахъ оцѣнка отвѣтовъ производилась комиссіями, въ составъ которыхъ входили: одинъ членъ училищнаго совѣта, одинъ попечитель училища, получившій университетское образованіе, одна почетная блюстительница, слушавшая с.-петербургскіе педагогическіе курсы, законоучители и учителя центральныхъ училищъ и помощники учителей. Не имѣя цифровыхъ свѣдѣній о результатахъ испытаній въ двухъ отдѣленіяхъ, мы ограничиваемся данными только о 80 ученикахъ, явившихся на экзаменъ въ остальныхъ четырехъ отдѣленіяхъ школъ. Требования на экзаменахъ предъявлялись приблизительно одинаковыя съ тѣми, какія существуютъ для соответствующихъ группъ начальныхъ училищъ. Въ младшей группѣ требовалось по Закону Божію знаніе употребительныхъ молитвъ, понятіе о Богѣ, о крестномъ знаменіи; по письму дано было написать подъ диктантъ краткія предложенія; по чтенію требовалось умѣнье прочитать по незнакомой книгѣ отрывокъ, доступный дѣтямъ этого возраста по содержанию и изложенію, съ пересказомъ прочитаннаго своими словами; по ариметикѣ—устное рѣшеніе задачъ на числа въ предѣлахъ 1—20 (въ Холмской школѣ) и отъ 1 до 30 (въ Будовской), и отъ 1 до 50 (въ Денисовской), а также письменно съ указаніемъ способа рѣшенія формулъ въ тѣхъ же предѣлахъ на знаки $+$, $-$, $\times$ и $:$, и знакомство въ тѣхъ же предѣлахъ съ торговыми счетами. Изъ 62 учениковъ младшаго возраста, экзаменовавшихся по этой программѣ, 56 учениковъ раньше поступленія въ школу нигдѣ не обучались; а 6 хотя и учились прежде по старинному методу, но читать не умѣли. Всѣхъ учениковъ въ этихъ 4 отдѣленіяхъ было 141; но вслѣдствіе того, что экзамены были назначены не въ удобное для учащихся время, на экзаменъ не явились остальные 61 ученикъ: однимъ помѣшалъ разливъ рѣкъ, другимъ весеннія сельско-хозяйственныя работы.

По Закону Божію 7 учениковъ получили по 5, 17—по 4, 32—по 3, 5—по 2 и 1—1; по чтенію 5 уч.—по 5, 25—по 4, 25—по 3, 6—по 2, 1—1; по письму 8 уч.—по 5, 12—по 4, 29—по 3, 13—по 2; по ариметикѣ 9 уч.—по 5, 17—по 4, 23—по 3, 9—по 2, 4—по 1.

Сверхъ вышеизложенной программы, въ одной изъ школъ (Вититневской) ученикамъ перваго года обученія преподавалось церковно-славянское чтеніе, причеиъ на экзаменѣ отъ нихъ требовалось умѣнье—хотя и медленно—читать по незнакомой славянской книгѣ. Изъ 27 такихъ учениковъ получили за отвѣты по славянскому чтенію отмѣтки: 6 учениковъ—по 4, 18 уч.—по 3, а 3 уч.—по 2. Отъ учениковъ, поступившихъ въ школу уже нѣсколько грамотными, хотя совершенно незнакомыми съ ариметикою, и образовавшихъ вторую группу, требовалось сверхъ вышеизложеннаго еще знаніе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ событій изъ священной исто-

ри, болѣе бѣглое чтеніе съ пересказомъ прочитаннаго, знаніе нѣсколькихъ правилъ правописанія. По этой программѣ экзаменовалось 14 уч. Изъ нихъ по Закону Божию 5 получили 1 уч., по 4—3 уч., по 3—7 уч., по 2—3 уч., по русск. и слав. чт. 1 уч.—5, 8 уч.—по 4, 5 уч.—по 3; по письму 2 уч. получили по 5, 4 уч.—по 4, 6 уч.—по 3, 2 уч.—по 2; по ариметикѣ 1 уч.—5, 1 уч.—4, 9 уч.—по 3, 3 уч.—по 2.

Наконецъ 4 ученика, поступившіе въ школу изъ средняго отдѣленія центральнаго училища, экзаменовались по программѣ на льготу 3-го (бывшаго 4-го) разряда по отбыванію воинской повинности и получили слѣдующія отмѣтки: по Закону Божию 3 уч.—по 4, 1 уч.—3; по русск. и слав. чтенію 1 уч.—5, 3 уч. по 4; по письму 1 уч.—5, 3 уч.—по 4; по ариметикѣ 1 уч.—5, 3 уч.—по 4. Мы видимъ, что болѣе слабые успѣхи сдѣланы по письму и ариметикѣ, но и здѣсь число неуспѣшныхъ учениковъ не превышаетъ $\frac{1}{5}$ общаго числа экзаменовавшихся, что, во всякомъ случаѣ, надо считать удачнымъ результатомъ по сравненію съ другими училищами. По отзыву учителя министерскаго училища г. Иващенко, «ученики, поступившіе неграмотными, и проучившіеся одну зиму въ Витятневскомъ отдѣленіи, могутъ быть приняты въ министерскую или сельскую школу во 2-е отдѣленіе I класса, еслибы того пожелали, хотя они, по его словамъ, и слабѣе учениковъ министерской сельской школы».

Довольно подробно рассказываетъ объ успѣхахъ въ такихъ школахъ г-жа Штевень. «Въ новую школу,—пишетъ она,—набилось 38 мальчиковъ, жаждавшихъ учиться. Деньгами я въ то время почти никакими не располагала и книгъ у насъ не было, но на первые дни заготовлены были листки почтовой бумаги съ нарисованными на нихъ печатными буквами. По этимъ-то листкамъ и начали въ школѣ учиться, а потомъ взяты были взаимны буквари изъ сосѣдней земской школы, гдѣ они тогда (т.-е. въ февралѣ) уже пройдены были младшимъ отдѣленіемъ. Черезъ нѣсколько дней я пріѣхала въ новую школу и чуть не съ замираніемъ сердца спросила выбѣжавшаго мнѣ на встрѣчу учителя, какъ идетъ у него дѣло. И какой камень свалился у меня съ совѣсти, когда онъ, радостно улыбнувшись, мнѣ отвѣтилъ: «слава Богу!» Дѣйствительно, вся школа была полна ребятъ, всѣ, и въ томъ числѣ даже ровесники его по годамъ, охотно слушались «Николая Иваныча»; они уже выучились нѣсколькимъ молитвамъ и знали почти всѣ буквы. А черезъ два мѣсяца они стали медленно читать, и я, не смѣя еще ожидать ничего лучшаго, сочла это блестящимъ успѣхомъ... Прошли первый и второй учебные годы, ученики стали бѣгло читать и понимать читаемое, стали писать довольно красиво и правильно, но въ стыду нашему, должна признаться, что рассказывать они вначалѣ умѣли только выученное наизусть, и что, зная четыре дѣйствія ариметики, они совсѣмъ не умѣли ихъ примѣнять. Къ концу второго года, однако, они понемногу привыкли говорить связно «своими словами», и, послѣ усилій со стороны своихъ молоденькихъ учителей, уразумѣли, когда

слѣдуетъ вычитатъ и когда дѣлать. Особенно много труда положено было учащими и учащимися на Законъ Божій. Въ школъ грамотности священники учить не обязаны, а потому учитель самъ долженъ былъ достигнуть того, чтобъ ученики твердо знали священную исторію, молитвы и краткій катехизисъ, а также порядокъ и значеніе церковныхъ службъ. Но горячее рвеніе молодыхъ силъ и крестьянская привычка къ упорному труду сдѣлали свое дѣло. Въ маѣ 1892 г. ученики двухъ старѣйшихъ школъ настолько уже подвинулись впередъ и развились, что можно было представить ихъ къ экзамену, и 17 мальчиковъ получили свидѣтельства съ правомъ на льготу по воинской повинности. Второй такой экзамень состоялся 19 апрѣля 1893 г. и на немъ получили свидѣтельства 27 мальчиковъ и 1 дѣвочка изъ четырехъ школъ грамотности. Этотъ послѣдній экзамень, сравнительно съ экзаменами въ земскихъ школахъ, былъ очень строгъ по отношенію къ Закону Божию, средней строгости по отношенію къ чтенію и письму и очень снисходителенъ по отношенію къ арифметикѣ».

В. Вахтеровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Личныя и имущественныя отношенія между супругами.

Бракъ, объединяя супруговъ физически, нравственно, экономически и юридически, естественно оказываетъ вліяніе и на ихъ личныя и имущественныя отношенія. Разсмотримъ тѣ и другія. Начнемъ съ личныхъ.

I. Личныя отношенія между супругами.

Характеръ личныхъ отношеній между супругами находится въ зависимости какъ отъ общаго развитія даннаго народа, такъ и отъ его историческихъ и національных особенностей.

Навысокій уровень культуры древняго Востока, взглядъ на женщину какъ на существо низшее сравнительно съ мужчиной, а на бракъ—какъ на союзъ, главнымъ образомъ, половой, создалъ, въ результатѣ своемъ, приниженное положеніе восточной женщины въ бракѣ.

Роль замужней гречанки едва ли была лучше: она находилась вѣчно подъ опекой и въ строгомъ подчиненіи мужу, который могъ ее даже завѣщать другому какъ вещь (*Mayer*: «Die Rechte der Israeliten, Athener und Römer». II, стр. 360).

Римляне, любившіе точно юридически опредѣлять жизненныя отношенія, придали особенно строгій характеръ мужнему полномасштабному. Жена, какъ они характерно выражались, находилась «въ рукахъ мужа», была у него на «правахъ дочери» и какъ таковую онъ могъ учить, наказывать и даже убить. Только внимательство родственниковъ, созвать которыхъ и выслушать обязанъ былъ мужъ въ случаяхъ особенно важныхъ, смягчало строгость мужьяго суда (*judicium domesticum*). Разумѣется, съ ослабленіемъ патриархальныхъ нравовъ, съ учащеніемъ свободныхъ браковъ, а также и съ развитіемъ свободы разводовъ, облегчилось мало-по-малу и положеніе женщины какъ жены.

Вѣднѣе германцы, не отличавшіеся мягкостью характера и нравовъ, не были мягки и въ отношеніяхъ семейныхъ. Жена находится и у нихъ «въ рукахъ мужа», хотя они называютъ эту власть опекой (*mundium*).

Вѣднѣе были мягче эти отношенія и у древнихъ славянъ, въ частности у вѣднѣе предковъ.

Но вдаваясь въ подробное изслѣдованіе этого вопроса, замѣтимъ, что власть эта была такъ велика, что въ проявленіи своемъ она могла выражаться въ разныхъ и существенныхъ функціяхъ. Довольно сказать, что даже отвѣтственность мужа за лишеніе жизни жены ставилась въ нашемъ правѣ въ связи съ этою властью; при этомъ, что касается древнѣйшаго періода, то даже такой осторожный изслѣдователь, какъ Невольинъ, допускаетъ возможность полной безнаказанности за женоубійство.

Конечно, воздѣйствіе религіи и вообще культуры не могло впоследствии не повліять на измѣненіе взгляда тогдашняго общества на женоубійство. Но какими привилегіями въ этомъ отношеніи пользовался мужъ, видно изъ того, что даже въ 17 стол. назначались мужьямъ за убійство жёнъ сравнительно слабыя наказанія. И эта слабость каръ вполне соотвѣтствовала народному правосознанію. До насъ дошла поручная записка отъ 1677 г., въ которой поручители ручаются предъ кредиторами, что должникъ явится въ срокъ для выполненія своего обязательства вмѣстѣ со своею женою, а также и въ томъ, что ему, должнику, той своей жены «не убить, не замучить, не постричь безо властелина вѣдома».

Кромѣ этихъ общихъ соображеній, есть еще положительныя свидѣтельства, показывающія, что по народному правосознанію мужу предоставлялось право наказывать жену и распоряжаться свободой и цѣломудріемъ ея по своему усмотрѣнію. Замѣтимъ при семъ, что мѣры наказанія далеко не отличались мягкостью. Это видно изъ совѣтовъ Домостроя «не бить по уху или по лицу, ни подъ сердце кулакомъ, ни пинкомъ, ни полѣномъ, ни коломъ; вообще не бить ничѣмъ желѣзнымъ или деревяннымъ, такъ какъ многи притчи отъ того бывають — слѣпота, глухота, вывихъ ногъ, рукъ, пальцевъ, боль головы и зубовъ, а у беременныхъ жёнъ и дѣтямъ поврежденіе бываетъ въ утробѣ». Другія историческія свидѣтельства показываютъ, что мужья употребляли еще болѣе энергическія средства «учительства»: били смертнымъ боемъ до крови, натирая раны солью, сажали жёнъ въ крапиву, впрягали въ соху, и уже не съ цѣлю ученія, а съ болѣе прямою цѣлю — «избыть жену». Каковъ былъ авторитетъ мужа, съ точки зрѣнія закона, наглядно показываетъ та страшная казнь, которая полагалась жёнѣ за убійство мужа — закапываніе живой въ землю *).

Приступая къ догматическому изложенію личныхъ отношеній между супругами, мы рассмотримъ ихъ въ такомъ порядкѣ: взаимныя права и обязанности обоихъ супруговъ; права, принадлежащія только мужу, и права, принадлежащія только жёнѣ.

а) *Взаимныя права и обязанности супруговъ.*

Въ такимъ правамъ и обязанностямъ, прежде всего, безспорно, принадлежатъ:

1. Взаимное право и обязанность исполненія каждымъ супругомъ

*) А. Загоровскій: „О разводѣ по русскому праву“, стр. 121, 122, 123, 127. 30.

супружескаго дома (debitum conjugale). Это требуется самымъ существомъ брака, какъ союза прежде всего полового.

У народовъ, ставившихъ на первый планъ физическій элементъ брака, эта обязанность не только была прямо выражена въ ихъ правѣ, но даже точно опредѣлена (наприм., у евреевъ, грековъ и у мусульманъ. *Mayer*, вышеуказан. соч., стр. 363).

Въ современныхъ намъ законодательствахъ—въ однихъ (Прусское Уложение, II ч., 1 тит. § 178; Австр. Улож., § 90; Саксонское — § 1630; Итальянск. art. 130) о ней говорится прямо; въ другихъ (франц.) она, по мнѣнію юристовъ, можетъ быть логически выведена изъ текста закона (*Oudot*: «Du droit de famille», стр. 58).

Прусскій законъ, съ присущей ему склонностью къ подробной регламентаціи, опредѣленно указываетъ на болѣзнь и на кормленіе женой ребенка грудью, какъ на уважительныя причины: первую—для обоихъ супруговъ, второе—для жены), освобождающія ихъ отъ выполнения супружеской обязанности (§§ 179, 180). Каноническое право тоже считается съ этой обязанностью (*Mayer*, стр. 363, 364).

Въ некоторыхъ законодательствахъ санкція этого постановленія заключается въ правилѣ, создающемъ поводъ къ разводу въ случаѣ упорнаго отказа жены или мужа въ теченіе опредѣленнаго времени отъ выполнения супружескаго долга (Прусск. — II, 1, § 694; Сакс. — § 1731).

Нашъ законъ обходитъ этотъ вопросъ молчаніемъ. Практика относительно его намъ неизвѣстна. Такіе вопросы не входятъ въ область свѣтскихъ судовъ, а какъ рѣшаютъ ихъ духовные суды, когда къ нимъ обращаются супруги, мы не знаемъ.

Однако же Восточная Церковь, какъ и Западная, признаетъ эту обязанность для супруговъ существовавшей (*Zhishman*: «Das Eherecht d. Orientalischen Kirche», стр. 719 *).

Дѣйствующій законъ нашъ говоритъ о самомъ крайнемъ случаѣ—о неспособности къ браку, считая ее, если она добрачная, поводомъ къ разводу (X т., ч. 1, ст. 45, 48, 49). Такимъ образомъ, хотя наличности такой обязанности нельзя отрицать и съ точки зрѣнія нашего закона, но санкціи этому праву нашъ законъ не указываетъ.

2. Вторая обязанность общая обоимъ супругамъ—это *обязанность взаимной супружеской стѣпности*, вызываемая не физическимъ только, но и нравственнымъ единеніемъ ихъ. (Прусск. Улож. II, § 181, Австр. § 90, Сакс. § 1630, Франц. ст. 212, Итал. ст. 130, Остз. ст. 7, т. X, ч. 1, ст. 45, пункт. 1 и ст. Дух. Конс. ст. 238; ср. ст. X т. 106 и 107).

Обязанность эта однако же не всѣми законодательствами понимается одинаково, что касается мужа и жены. Такъ, согласно источному римскому

*) Какое значеніе въ древне-русскомъ быту придавалось исполненію супружескихъ обязанностей, видно изъ слѣдующихъ словъ Поученія духовника исповѣдывавшаго: „... не жмайся ея, (т.-е. жены), токмо отъ с(в)ѣта, или въ правдынкы чодьсым, или въ постъ, но по волѣ обою“. См. соч. „О разводѣ“, стр. 141, 142.

возрѣнію, мужъ, имѣвшій связь съ незамужней (дѣвицей или вдовой), не совершалъ прелюбодѣянiя, а лишь безнравственный поступокъ (stuprum). Только связь съ замужней считалась нарушеніемъ супружеской вѣрности (adulterium). Напротивъ, жена, вступая въ связь со всякимъ мужчиной—женатымъ или холостымъ, совершала прелюбодѣянiе (l. 6, 34 D. 48, 5.—l. 8, C. 5, 17, Nov. 117, c. 9, § 5).

Впрочемъ, едва ли это возрѣніе можно считать особенностью лишь древняго Рима. Односторонній взглядъ на прелюбодѣянiе, т.-е. какъ на проступокъ, главнымъ образомъ вмѣняемый въ вину женѣ, въ извѣстной мѣрѣ присущъ былъ и другимъ народамъ перваго періода ихъ исторiи; по крайней мѣрѣ въ этомъ смыслѣ есть данныя, что касается нашихъ предковъ, а равно и другихъ славянъ (поляковъ, чеховъ, балтійскихъ славянъ), а также древнихъ германцевъ и нашихъ горскихъ племенъ Кавказа. (См. соч. «О разводѣ», стр. 99 и 100).

Извѣстное правило Кодекса Наполеона о томъ, что прелюбодѣянiемъ для мужа считается лишь содержаніе конкубины въ общей супружеской квартирѣ (Art. 229, 230), сохраняется доселѣ въ Бельгiи и въ другихъ странахъ, гдѣ этотъ кодексъ остался безъ измѣненiя. Лишь закономъ 27 июля 1884 г. во Франціи эти статьи измѣнены въ смыслѣ уравненiя правъ мужа и жены, т.-е. опредѣленiя одинаково прелюбодѣянiя для нихъ обонхъ.

Тожественно съ бельгійскимъ кодексомъ опредѣляетъ прелюбодѣянiе и кодексъ итальянскій (ст. 150), воспроизводя, такимъ образомъ, опредѣленiе прелюбодѣянiя, данное еще въ Nov. 117 (с. 9, § 5).

Санкція закона, предписывающаго взаимную вѣрность супруговъ, заключается въ томъ, что нарушившій вѣрность даетъ право другому требовать развода, а гдѣ онъ не допускается, разлученiя (Прусск. II, § 670, Австр. § 115, Сакс. § 1713, Франц. ст. 229, 230, Итал. 150; Уст. иностр. исповѣд. ст. 252, т. X, ст. 45, п. 1, Уст. Дух. Конс. ст. 238).

3. *Обязанность взаимной помощи*, взаимной поддержки матеріальной и моральной. Обязанность содержанiя жены и семьи лежитъ на мужѣ, какъ главномъ работникѣ (Прусск. II), § 185, Австр. § 91, Сакс. § 1634, Франц. art. 214, Итал. 132, Остз. ст. 9, т. X, ч. 1, ст. 106), однако же законодательства признаютъ справедливымъ привлечь къ выполнению этой обязанности и жену, когда мужъ по уважительнымъ причинамъ, напримѣръ, по бѣдности или по болѣзни, не можетъ содержать жены; въ этомъ случаѣ жена должна давать мужу средства для существованiя (Пр. Ул. II, I, §§ 174, 262, Сакс. Ул. § 1637, Франц. ст. 212 подъ словомъ—secours этою статьей понимается именно денежная помощь. См. Laurent. Cours élémentaire de droit civil. T. 1 ст. 201, Итал. ст. 132).

Но не только денежно супруги обязаны помогать другъ другу, но также и нравственно поддерживать другъ друга въ болѣзняхъ и другихъ тягостяхъ жизни, такъ какъ бракъ есть союзъ, влекущій за собой не только хозяйственное, но и моральное единенiе «вступившихъ въ законъ». (Пр.

§ 174, 176, Австр. § 90, Сакс. 1630, Франц. § 212, Итал. ст. 130, 132, Остз. § 9, п. 2).

Нашъ законъ говорить только объ обязанности мужа содержать жену (ст. 106); но умалчиваетъ объ обязанности жены приходить на помощь мужу въ нуждѣ, что плохо вяжется съ безспорно устанавливаемой закономъ обязанностью взаимной нравственной поддержки другъ друга—для мужа «облегчать немощи» жены (ст. 106), для жены «пребывать въ любви», «оказывать угожденіе» и привязанность (ст. 107). Эти постановленія нашего закона не лишены санкціи. Именно сила ихъ можетъ обнаружиться въ томъ случаѣ, когда зайдетъ рѣчь объ юридическомъ признаніи раздѣльной жизни супруговъ: когда, наприм., жена, живущая отдѣльно отъ мужа, потребуетъ себѣ содержанія; въ этомъ случаѣ она можетъ сослаться на то, что совмѣстная жизнь съ мужемъ, вслѣдствіе грубаго нарушенія имъ нравственной связи, невозможна. Равно и мужъ можетъ воспользоваться этою статьею, отказываясь принять, дурно ведущую себя жену.

4. *Обязанность совмѣстной жизни* супруговъ. Она принадлежитъ къ существу брака и потому естественно требуется всеми законодательствами (Пр. § 175, Австр. § 92, Сакс. § 1636, Франц. ст. 214, Итал. ст. 131, Остз. 7 и 8, п. 2, т. X, ч. 1, ст. 103).

Наше древнѣйшее право понимало эту обязанность весьма строго. Даже отбытіе наказанія не разъединяло супруговъ: жена выдавалась «на потокъ и разграбленіе» вмѣстѣ съ мужемъ (*Русская Правда*, Карамзина. сп. ст. 5) и продавалась въ рабство за долги и преступленія мужа. Только въ послѣ-петровскій періодъ мы встрѣчаемъ правило о раздѣльной жизни или о развожитіи супруговъ. Разлученіе супруговъ практиковалось въ двухъ видахъ: во-1-хъ, какъ мѣра процессуальная, какъ средство разъединить до исхода процесса какъ тѣхъ супруговъ, о законности брака которыхъ шло судебное разбирательство, такъ и тѣхъ, которые возбудили дѣло о разводѣ или о жестокомъ обращеніи одного изъ нихъ съ другимъ. Во-2-хъ, разлученіе назначалось по рѣшенію духовно-судебной власти вслѣдствіе несогласной жизни супруговъ и въ особенности грубаго и жестокаго обращенія мужа съ женой. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ разлученіе было, такъ сказать, суррогатомъ развода.

Разлученіе перваго рода назначалось или ex officio, самимъ судомъ, или же по просьбѣ одной изъ спорящихъ сторонъ. Что касается разлученія другого вида, т.-е. назначавшихся вслѣдствіе несогласной жизни супруговъ или жестокаго обращенія одного съ другимъ (обыкновенно мужа съ женой), нерѣдко угрожавшаго жизни послѣдней, то и эти разлученія назначались иногда (въ большинствѣ случаевъ) по просьбѣ супруговъ, иногда же ex officio самимъ судомъ, взаимно просимаго тѣмъ или другимъ супругомъ развода. Судъ уступалъ просьбѣ супруговъ разлучить ихъ не прежде, какъ испробовавши все средства къ ихъ примиренію, подвергая ихъ увѣщанію чрезъ ихъ духовныхъ отцовъ, консисторію и даже епархіальнаго архіерея;

супруговъ особенно дурного поведенія епархіальное начальство отсылало въ монастыри, «для вразумленія къ согласной жизни». Достоинно вниманія, что такія разлученія супруговъ (по просьбѣ о разлученіи) обыкновенно давались судомъ вслѣдствіе обоюднаго ихъ соглашенія, состоявшейся между ними мировой, иногда увольнительнаго письма отъ мужа—слѣды автономной роли супруговъ въ дѣлѣ развода, случайно обнаружившіеся предъ другимъ рѣшителемъ судьбы брака—церковнымъ судомъ.

Духовный судъ разрѣшалъ не только разлученія временныя, но иногда и постоянныя. Но, параллельно съ такой практикой духовнаго суда этотъ судъ ревниво отстранялъ отъ утвержденія разножитій супруговъ суды и правительства свѣтскіе. Этотъ запретъ былъ санкціонированъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта 16 мая 1819 г. съ распространеніемъ этого запрета и на лицъ тѣхъ вѣромсповѣданій, которыя признають бракъ за гражданскій актъ. Святѣйшій синодъ, рассматривая дѣло, по просьбѣ отставнаго поручика Шелковникова, о разводѣ съ женою его, по причинѣ распутнаго ея поведенія, встрѣтилъ, что между нимъ, Шелковниковымъ, и женою его совершена была въ с.-петербургской гражданской палатѣ и оставлена въ своей силѣ правительствующимъ сенатомъ запись, заключающая въ себѣ условіе, что мужъ пріемлетъ на себя обязанность давать женѣ ежегодно на содержаніе въ продолженіе жизни своей 2,500 р., но съ тѣмъ, чтобы она, по полученіи означенной суммы, въ первый же годъ выѣхала изъ его дома и жила, гдѣ пожелаетъ. Святѣйшій синодъ, не находя достаточныхъ причинъ къ разводу Шелковникова съ женою его и признавая сдѣланную между ними запись распутною книгою, подающею поводъ къ вѣщшему ихъ разрыву, и притомъ противною святости супружескихъ обязанностей, полагаетъ оную уничтожить, а для отвращенія на будущее время подобныхъ поступковъ и для охраненія твердости брачныхъ союзовъ постановить правиломъ, чтобы никакія въ гражданскомъ управленіи мѣста и лица не допускали и не утверждали между супругами обязательствъ и другихъ актовъ, въ коихъ будетъ заключаться условіе жить имъ въ разлученіи, или какое-либо другое произвольное ихъ желаніе, клонящееся къ разрыву супружескаго союза. Съ каковымъ положеніемъ святѣйшаго синода и министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія согласенъ.

Коммиссія составленія законовъ, въ истребованномъ отъ нея государственнымъ совѣтомъ по сему предмету мнѣніи, представила подобное же мнѣніе. Государственный совѣтъ, въ общемъ собраніи, находя заключеніе департамента законовъ основательнымъ, полагаетъ оное утвердить съ таковымъ дополненіемъ, чтобы постановленія объ означенныхъ записяхъ и другихъ актахъ распространено было на всѣ христіанскія исповѣданія, т. е. какъ на тѣ, въ коихъ брачный союзъ почитается таинствомъ, такъ и на тѣ, въ коихъ оный принимается за гражданскій актъ *).

*) См. вышеуказанное сочиненіе: *О разводѣ по русскому праву*, стр. 347, 348, 349, 851, 852, 353.

Въ первый разъ въ 1859 г. въ законѣ свѣтскомъ дается постановленіе, по которому раздѣльная жизнь дозволяется помимо судебного приговора о лишеніи всѣхъ правъ состоянія, а именно государственнымъ крестьянкамъ, въ случаѣ ссылки ихъ мужей по приговорамъ обществъ, разрѣшено не слѣдовать за мужьями. Въ 1862 г. это постановленіе было распространено вообще на женъ тѣхъ мужей, которые ссылаются по приговорамъ обществъ.

Нашъ дѣйствующій законъ говоритъ: «Супруги обязаны жить вмѣстѣ» (Гражд. зак. ст. 103). Эта обязанность должна быть понимаема не въ смыслѣ безусловномъ, а лишь въ томъ, что, разъ нѣтъ законныхъ основаній для раздѣльной жизни, каждый супругъ имѣетъ право требовать отъ другого прекращенія такой жизни: мужъ имѣетъ право требовать, чтобы отдѣльно живущая жена возвратилась къ нему, а равно слѣдовала бы за нимъ при всякой перемѣнѣ жительства (переселеніи, поступленіи на службу, ст. 103), а жена, — чтобы отдѣльно живущій мужъ взялъ ее къ себѣ. Послѣдовательное проведеніе этого начала представляетъ собою законъ, по которому вступившіе въ бракъ ссыльно-каторжные обязаны, въ случаѣ окончанія однимъ изъ нихъ срока работъ прежде другого, проживать мужъ съ женою, а жена съ мужемъ до окончанія того срока работъ, до котораго долженъ пробыть другой супругъ (ст. о ссыл., ст. 763, п. 2, по прод. 1876 г.).

И такъ, слѣдовательно, супруги могутъ жить и розно, и никакая власть не можетъ съ этой стороны провѣрять (контролировать) ихъ жизнь, разъ на это есть ихъ добрая, обоюдная воля. Они не имѣютъ только права облекать ихъ волю въ формальный актъ, который устанавливалъ бы «распоряженіе законнаго супружества» и «самовольное разлученіе ихъ» (т.-е. безъ законныхъ поводовъ и участія соответственной власти; ст. 103 и 1529, п. 1), потому что такіе акты направлены были въ обходъ закона, воспрепятствующаго разводу по обоюдному согласію и разлученію супруговъ.

Что законъ именно имѣетъ въ виду въ приведенныхъ статьяхъ самовольное разлученіе, показываетъ тотъ указъ, изъ котораго, главнымъ образомъ, позаимствовано рассматриваемое постановленіе. Указъ этотъ состоялся по вышеприведенному дѣлу Шелковникова.

Такимъ образомъ, законъ нашъ отрицаетъ всякую юридическую силу за актами, которыми устанавливается раздѣльная жизнь супруговъ. Но выше было сказано, что такая раздѣльная жизнь однако же возможна. Нѣтъ ли здѣсь противорѣчія: если не преступно для супруговъ жить раздѣльно, то чего нельзя имъ оформить этого разножитія, — не все ли равно розная жизнь безъ акта, или съ актомъ. Нѣтъ, не все равно: жизнь врозь по волѣ супруговъ, безъ всякаго укрѣпленія этой воли актомъ — простой фактъ, повѣрять который не дѣло власти, какъ не повѣрять она — бѣгаетъ ли свое поле собственникъ, или отдаетъ въ наемъ домъ доладелецъ. Но то же самое разножитіе, оформленное актомъ, установленное съ вѣдома властей, есть юридическое дѣйствіе, устанавливающее

опредѣленное юридическое состояніе—къ чему право безразлично относиться не можетъ и по поводу котораго ему необходимо сказать—да или нѣтъ: да, это допустимо; или—нѣтъ, это не допустимо.

Другія законодательства, признающія, какъ и наше, совмѣстную жизнь супруговъ существенной обязанностью ихъ, нѣсколько мягче относятся къ ней. Такъ, Прусское Земское Уложение, во-первыхъ, позволяетъ мужу предбрачнымъ договоромъ освободить жену отъ обязанности слѣдовать за нимъ при перемѣнѣ мѣста жительства (§ 681); во-вторыхъ, одинъ супругъ не можетъ поставить въ вину другому раздѣльную жизнь, если она вынуждена была выполненіемъ публичныхъ обязанностей, настоятельными личными дѣлами или состояніемъ здоровья (§ 177).

Пруская судебная практика не признаетъ недѣйствительными договоры о раздѣльной жизни супруговъ, но съ тѣмъ, чтобы каждый супругъ свободенъ былъ во всякое время измѣнить свою волю (Прусск. Улож. съ комментар. Коха, 6 изд., прим. 17 и § 175).

Въ австрійскомъ кодексѣ существуетъ цѣлый рядъ причинъ, освобождающихъ жену отъ обязанности слѣдовать за мужемъ; а именно—если онъ незаконно оставляетъ отечество, если онъ выселяется изъ предѣловъ государства, если онъ присужденъ къ заключенію, если онъ поступитъ въ военную службу и если онъ, наконецъ, безъ основательныхъ причинъ оставляетъ то мѣсто, которое было условлено какъ общее мѣстожительство въ предбрачномъ договорѣ (§ 92 и комментарий къ нему по изд. Штубенрауха, 3 изд. 1876 г.).

Но особенно обстоятельныя правила по этому поводу даетъ Саксонское Уложение, согласно которому жена освобождается отъ обязанности слѣдовать за мужемъ, если угрожаетъ серьезная опасность для ея блага, въ особенности для ея жизни и здоровья, или если ея отказъ отъ слѣдованія оправдывается основательною заботой о содержаніи въ будущемъ (§ 1636).

По строгости и рѣшительности, если можно такъ выразиться, предписанія ближе всего подходитъ къ нашему закону французскій, согласно которому жена обязана слѣдовать за мужемъ вездѣ, гдѣ онъ вздумаетъ поселиться (ст. 214).

Это рѣшительное предписаніе закона заставляетъ думать нѣкоторыхъ ученыхъ и юристовъ-практиковъ, что мужъ имѣетъ право прибѣгнуть къ содѣйствію общественной власти для водворенія жены. Другіе находятъ, и съ основаніемъ, что физическое принужденіе для возстановленія совмѣстной жизни рѣшительно не совмѣстимо съ существомъ брака и не достигается цѣли, ибо, водворивши жену въ домъ мужа, власть исполнить свое дѣло, жена же имѣетъ полную возможность оставить послѣ этого квартиру мужа, такъ какъ держать жену взаперти мужъ не имѣетъ права и ни какая власть ему въ этомъ содѣйствія не окажетъ, потому что это значило бы содѣйствовать въ противозаконномъ лишеніи свободы (Laurent, выше указан. соч., стр. 268).

И нашему законодательству извѣстны нѣкоторыя отклоненія отъ при

званной имъ строгой обязанности для жены слѣдовать неуклонно за своимъ мужемъ. Отклоненія эти установлены, главнымъ образомъ, по соображеніямъ интереса публичнаго, а именно:

1. При ссылкѣ супруга по суду, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, другой супругъ можетъ, если онъ не желаетъ развода, остаться на мѣстѣ и такимъ образомъ вести отдѣльную жизнь (Улож. о нак., ст. 27, т. X, ч. I, стр. 52).

2. За осужденными къ ссылкѣ съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, на житье въ сибирскія или другія отдаленныя губернія, или съ назначеніемъ въ водворяемые рабочіе, супруги, не участвовавшіе въ преступленіи, могутъ слѣдовать или не слѣдовать въ ссылку, по собственному на то ихъ желанію (Уст. ссыльн., ст. 40, прилож. п. 1).

3. Жены лицъ, переселяемыхъ по приговорамъ общества, не обязаны слѣдовать за своими мужьями: а) когда переселяемый мужъ изъявить согласіе, чтобы жена его оставалась на прежнемъ мѣстѣ жительства; б) въ случаѣ тяжкой неизлѣчимои болѣзни жены и в) по жестокому съ нею обращенію мужа, или по явно-развратному его поведенію. Въ первомъ случаѣ согласіе мужа удостоверяется отобранною отъ него передъ подлежащимъ полицейскимъ начальствомъ подпискою; во второмъ—просьбы объ оставленіи на мѣстѣ жительства, по болѣзни, окончательно разсматриваютъ въ губернскихъ правленіяхъ; наконецъ, въ третьемъ, просьбы, приносимыя по причинѣ жестокаго обращенія или развратнаго поведенія, передаются въ суды первой инстанціи, или когда онѣ принесены лицами сельскаго состоянія—въ суды волостныя. Тѣ и другіе руководствуются въ ихъ разсмотрѣніи правилами суда совѣстнаго, назначая съ тѣмъ вмѣстѣ размѣръ содержанія женъ изъ мужа ина ина и распорядясь объ учрежденіи опеки надъ дѣтьми ихъ свыше четырнадцатилѣтняго возраста. Постановленныя на семъ основаніи судебныя опредѣленія представляются на окончательное утвержденіе губернаторовъ. Въ губерніяхъ, въ коихъ введены въ дѣйствіе судебныя уставы въ полномъ ихъ объемѣ, или же одни только мировыя Судебныя Установленія, просьбы женъ лицъ, переселяемыхъ по приговорамъ обществъ, объ оставленіи ихъ въ мѣстѣ жительства по жестокому съ ними обращенію мужа или развратному его поведенію (за исключеніемъ просьбъ лицъ сельскаго состоянія) подлежатъ разсмотрѣнію сѣздовъ мировыхъ судей, которымъ вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляется также назначать размѣръ содержанія женъ изъ мужа ина ина и принимать мѣры къ учрежденію опеки надъ дѣтьми ихъ свыше четырнадцатилѣтняго возраста (ст. ссыльн., ст. 40, прил. п. 2).

Правила относительно слѣдованія женъ за мужьями распространяются кже и на случаи удаленія изъ мѣстѣ жительства административнымъ поводомъ.

Не участвовавшіе въ преступленіи мужа, при всѣхъ родахъ ссылки пересылки ихъ женъ, слѣдуютъ за ними единственно по собственному

на это желанію, если сами они не состоятъ подъ слѣдствіемъ или судомъ и вообще неприкосновенны къ дѣламъ, по которымъ не могутъ немедленно оставить мѣсто жительства (Уст. ссыл., ст. 40, прил. п. 3).

4. На время заключенія одного изъ супруговъ въ тюрьму другой ео ipso разлучается съ заключеннымъ; арестантамъ женатымъ запрещается жить вмѣстѣ съ женами (Уст. содерж. подъ страж., ст. 1030, т. X, ч. 1, ст. 19).

5. Женатымъ нижнимъ чинамъ морскаго вѣдомства, возвращающимся на службу изъ временнаго безсрочнаго отпуска, а равно вновь поступающимъ на службу женатымъ рекрутамъ не дозволяется брать съ собою семейства. Высочайшее повелѣніе 18 іюля 1866 г., п. 3, П. С. З. 1866 г., № 43492.

6. Въ военное время, при передвиженіи войскъ, запрещается слѣдовать за ними женамъ военныхъ нижнихъ чиновъ (т. IV, Уст. земск. пов., ст. 259, прим. 5).

7. Съ заграничными азіатцами, женившимися на російскихъ подданныхъ, евангелическаго или магометанскаго исповѣданія, при выѣздѣ ихъ изъ Россіи въ свое отечество, жены и дѣти ихъ не должны быть отпускаемы (т. X, ч. 1, ст. 88 и 96).

8. При ссылкѣ евреекъ въ Сибирь на поселеніе за преступленіе, мужа ихъ за ними слѣдовать не могутъ (Уст. ссылк., ст. 140, прим. по изд. 1857 г.).

По остзейскимъ законамъ жена освобождается отъ обязанности слѣдовать за мужемъ не только тогда, когда онъ за преступленіе приговоренъ судомъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы или на поселеніе, но и тогда, когда самъ онъ по другой какой-либо предосудительной причинѣ куда удаленъ (ст. 8, п. 2).

До сихъ поръ мы видимъ, что законъ опредѣляетъ мѣстожителство жены по мѣсту жительства мужа, но есть и случай обратный: мѣстожителство мужа опредѣляется по мѣсту жительства жены; это бываетъ тогда, когда женщина, осужденная за преступленіе къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и причисленная по истеченіи опредѣленныхъ сроковъ къ сословію государственныхъ поселенцевъ или крестьянъ, выйдетъ замужъ; тогда мужъ ея обязывается подпиской не выводить ее и не переселяться на постоянное жителство изъ мѣста поселенія его жены (Уст. ссылк., ст. 765. См. соч. *О разводѣ*, стр. 443—445).

б) *Особья права мужа.*

Особья права мужа заключаются въ слѣдующемъ:

1) Мужъ считается главой семьи. Многія законодательства такъ и опредѣляютъ его положеніе («глава семейства» нашъ Сводъ ст. 107, das Haupt der Familie, Австрійское Улож., § 92, das Haupt der ehelichen Gesellschaft, — Прусское Улож., II, 1 §, 184, и capo della famiglia, Итальянское Улож., ст. 131). Какъ понимать это главенство? Это значить, что въ брачномъ союзѣ голосу его дается рѣшительное и рѣшающее значеніе (прусскій законъ такъ

буквально и опредѣляетъ главенство мужа—§ 184). Отсюда законъ требуетъ «неограниченную послушанія» отъ жены по отношенію къ своему мужу (ст. 107, ср. ст. 108). Другія законодательства требуютъ отъ жены просто «послушанія» (Сакс. — Gehorsam § 1631. Нашъ остзейскій сводъ—«послушанія и подчиненія его (мужа) волѣ» ст. 8, п. 1. Франц. Улож.—«obeissance», ст. 213).

Однако же это правило о подчиненіи воли жены волѣ мужа для надлежащаго его уразумѣнія, должно быть сопоставляемо и съ другими предписаніями закона—«о жизни съ женой въ согласіи», объ «уваженіи» къ ней (ст. 106); тогда обязанность неограниченнаго послушанія жены мужу получить надлежащее освѣщеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ станетъ ясно, что полномостіе имѣть свои предѣлы и что этимъ полномостіемъ никоимъ образомъ не можетъ быть оправдываемо жестокое обращеніе мужа съ женой (какіе взгляды высказывались). Такіе взгляды тѣмъ болѣе не основательны, что въ другомъ случаѣ (о чемъ была рѣчь выше) самъ законъ даетъ право женѣ не слѣдовать за своимъ мужемъ, въ случаѣ жестокаго съ нею обращенія, т. е. считаетъ проступокъ мужа столь важнымъ, что освобождаетъ жену отъ исполненія важнѣйшей обязанности—не покидать мужа. Заслуживаетъ вниманія, что и другія законодательства, предписывая женѣ быть послушной своему мужу, не только вмѣстѣ съ тѣмъ вмѣняютъ въ обязанность послѣднему хорошо обходиться съ женой, но дурное обхожденіе и повторяющіяся оскорбленія считаютъ для жены основаніемъ для развода съ мужемъ (Сакс. § 1736, австр.—§ 109, 115, прус.—§§ 700—703, франц.—ст. 231 и по итальян. Улож.—для разлученія—ст. 150).

2. Мужъ имѣетъ право требовать, чтобы жена слѣдовала за нимъ, при перемѣнѣ имъ постояннаго мѣста жительства (гражд. зак., ст. 103. Сакс. § 1636, австр.—§ 92, прус.—§ 175, франц.—ст. 214, итальян.—ст. 131, оста. сводъ ст. 8, п. 2).

Выше была объ этомъ рѣчь подробно, какъ объ обязанности обоихъ супруговъ жить вмѣстѣ. Здѣсь отмѣчается какъ особое право мужа опредѣлять и избирать мѣсто для совокупной жизни супруговъ.

3. Мужъ имѣетъ право требовать, чтобы жена не нанималась безъ его согласія (гр. зак. ст. 2202, по прус. праву жена не имѣетъ права заключать безъ согласія мужа какого бы то ни было обязательства, которымъ стѣснялись бы права ея личности § 196). Разумѣется ли здѣсь только наемъ для домашнихъ услугъ или вообще для услугъ внѣ дома, или же какой бы то ни былъ договоръ личнаго найма, законъ не высказывается.

буквальному смыслу («наниматься») и по предполагаемой цѣли закона—дозволить женѣ оставлять мужа безъ его разрѣшенія, надо думать, что чь въ статьѣ лишь о такомъ договорѣ личнаго найма, который сопряженъ съ раздѣльной жизнью жены.

4. Мужъ имѣетъ право требовать отъ жены дѣятельности, какъ хозяйки на («жена обязана оказывать ему (мужу) всякое угожденіе и привязанность какъ хозяйка дома», ст. 107). Аналогичное постановленіе мы нахо-

димъ въ нашемъ остзейскомъ сводѣ (мужъ въ правѣ требовать отъ жены участія въ состоящемъ въ его завѣдываніи домашнемъ хозяйствѣ ст. 8, п. 3) и въ западно-европейскихъ германскихъ законодательствахъ: саксонскомъ (мужъ имѣетъ право требовать отъ жены услугъ по веденію своего хозяйства или своего промысла, § 1631), прусскомъ (жена обязана имѣть надзоръ надъ хозяйствомъ мужа, § 194) и австрійскомъ (жена обязана помогать мужу по веденію хозяйства и посылать къ приобретенію средствъ § 92).

5. Нѣкоторые законодательства сверхъ того даютъ право мужу на полученіе содержанія отъ жены, если онъ окажется въ нуждѣ. Такъ въ нашемъ остзейскомъ сводѣ постановлено: мужъ въправѣ требовать отъ жены въ случаѣ нужды содержанія (ст. 8, п. 3). Въ саксонскомъ законодательствѣ читаемъ: если мужъ обѣднѣетъ и къ приобретенію содержанія для себя станетъ неспособнымъ, то жена обязана его кормить, а если умретъ—похоронить на свой счетъ § 1637. По Итал. Улож. жена должна участвовать въ содержаніи мужа, если у него нѣтъ своихъ достаточныхъ средствъ (ст. 132). Французскіе ученые признаютъ, что постановленіе и ихъ закона (*les époux se doivent mutuellement secours*, ст. 212) должно быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что, при отсутствіи средствъ у мужа и при наличности ихъ у жены, всѣ расходы совместной жизни должны идти на ея счетъ (Laurent, 194. Colmet de Santerre, Manuel élémentaire de droit civil. T. 1, p. 85).

в) *Особыя права жены.*

1. Жена имѣетъ право на имя мужа (фамилію). Это одно изъ слѣдствій общенія жизни, создаваемого бракомъ (гражд. зак. ст. 100, Прусск. § 192, сакс. § 1632, остз. сводъ ст. 5 и 6).

2. Она, жена, имѣетъ право на всѣ права и преимущества мужа, сопряженныя съ его состояніемъ, чиномъ или званіемъ, не теряя ихъ и въ томъ случаѣ, если мужъ за преступленіе будетъ лишентъ правъ своего состоянія (зак. гражд. ст. 100—102, австр. § 92, сакс. § 1748, итал. ст. 131, по Прусскому Уложенію условно: жена слѣдуетъ правамъ состоянія своего мужа, если они не связаны только съ его лицомъ § 193). Это право она сохраняетъ и во вдовствѣ. Но сохраняется ли оно при разводѣ? Законъ отвѣта не даетъ, изъ его умолчанія отрицательнаго отвѣта вывести нельзя.

Въ древнее время разведенная теряла по общему правилу право на фамильное имя и званіе супруга. Но практика не соблюдала этого правила и разведеннымъ женамъ дозволялось именоваться X, бывшая жена Y (см. соч. *О разводѣ*, стр. 202).

Въ древнее время рѣшался у насъ иначе вопросъ и о сообщеніи женѣ правъ состоянія мужа. Среди высшихъ и свободныхъ классовъ (князей, бояръ, бѣлаго духовенства, городскихъ и свободныхъ сельскихъ обывателей), какъ и теперь, состояніе мужа сообщалось женѣ. Но среди несвободныхъ классовъ дѣйствовало другое правило: рабство одного изъ супруговъ

заражало другого—свободный, вступая въ бракъ съ крѣпостною, самъ дѣлался крѣпостнымъ, если не выговаривалъ себѣ свободы у господина жены; равно свободная, выходя за крѣпостного, теряла свободу — «по рабѣ холопъ, по холопу раба». Эти *caritis deminutiones* были въполнѣ отмѣнены сравнительно недавно: для свободнаго мужа Екатериной II, и для свободной жены—Александромъ I.

Дольше всего (до 1831 г.) сохранилось правило о несообщеніи правъ состоянія иностранца—мужа русской подданной—женѣ; если военно-плѣнный иностранецъ, находясь въ Россіи, женился на русской подданной и потомъ былъ отпускаемъ въ свое отечество, то жена не была съ нимъ отпускаема, хотя бы въ такомъ случаѣ надлежало расторгнуть самый бракъ (*Неволинъ*: «Полное собр. соч., т. III, стр. 60—72).

Изъ общаго правила о сообщеніи мужемъ правъ своего состоянія женѣ нашъ законъ знаетъ нѣсколько исключеній.

а) Если жена до замужества принадлежала къ состоянію высшему, то она сохраняетъ его преимущества и по выходѣ замужъ, не сообщая его однако же мужу (закон. гр. ст. 100, т. IX, ст. 5, 11, 44 — 46, 53, 539, 542).

б) Если жена, бывъ лишена всѣхъ правъ состоянія и по истеченіи опредѣленныхъ закономъ сроковъ перечислялась въ сословіе государственныхъ крестьянъ, вступить въ новый бракъ съ лицомъ, принадлежащимъ къ состоянію высшему, а равно если она была лишена всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и сослана въ сибирскія или въ другія отдаленныя губерніи, вступить въ бракъ въ новомъ своемъ мѣстѣ жительства съ лицомъ, располагающимъ всѣми правами состоянія, то въ этихъ обѣихъ случаяхъ она не приобретаетъ правъ состоянія своего мужа, потому что приобретаемая такія права она обходила бы законъ, карающій ее за содѣянное преступленіе (кроме другихъ наказаній) лишеніемъ правъ.

в) Лицо Императорской фамиліи, вступившее въ бракъ съ лицомъ не принадлежащимъ къ царствующему или владѣтельному дому, не можетъ сообщить ему правъ, принадлежащихъ членамъ Императорской фамиліи (т. I, зак. осн., ст. 147) т.-е. права на престолонаслѣдіе и права на полученіе содержанія изъ удѣльнаго имущества.

3. Всѣ законодательства признають, что жена имѣетъ право на полученіе содержанія отъ мужа. Мужъ содержитъ жену и семью какъ главная рабочая сила (Прусск. §§ 185, 186, австр. 91, сакс. § 1634, франц. т. 214, итал. ст. 132, сводъ остз. ст. 9). Нашъ законъ опредѣляетъ эту обязанность такъ: «мужъ обязанъ доставлять женѣ пропитаніе и содержаніе по состоянію и по возможности своей» (ст. 106). Смыслъ статьи тотъ, что мужъ обязанъ не только давать средства на прокормленіе жены, но и вообще содержать ее, т.-е. давать всѣ необходимыя средства къ жизни, подобно съ своимъ общественнымъ положеніемъ («по состоянію», т.-е. по сословному положенію; четыре *состоянія* природныхъ обывателей: дво-

рянство, духовенство, городскіе и сельскіе обыватели) и сообразно съ своимъ средствами («по возможности»).

И иностранные кодексы обыкновенно опредѣляютъ мѣру содержанія, приравливаясь къ общественному положенію мужа. Такъ Пруск. Улож. назначаетъ содержаніе женѣ, сообразно съ общественнымъ положеніемъ. (Standesmäßiger Unterhalt § 185); то же повторяется и во Французскомъ и Саксонскомъ Уложенияхъ (Selon ses facultés et son état, ст. 214. Auf eine seinem Stande und seinen Vermögensverhältnissen entsprechende Weise zu unterhalten § 1634). Нашъ остз. сводъ говоритъ, что жена вправе требовать отъ мужа содержанія соответственнаго его званію и достоинству (ст. 9). Австрійскій законъ говоритъ прямо о доставленіи приличнаго содержанія женѣ (den anständigen Unterhalt zu verschaffen § 92).

Нѣкоторые законодательства подробнѣе опредѣляютъ эту обязанность, налагаемую на мужа. Такъ Пруск. Улож., называя ее сообразно съ состояніемъ (§ 185), прибавляетъ, но если мужъ не можетъ женѣ доставить такого содержанія, то она должна довольствоваться и скуднымъ (§ 186). Саксонскій законъ говоритъ объ обязанностяхъ мужа доставить уходъ и врачебную помощь женѣ во время болѣзни; а въ случаѣ смерти, если она умретъ не оставивши средствъ, на свой счетъ похоронить ее (§ 1634).

И съ точки зрѣнія нашего закона, конечно, можно вывести правило, что разъ у мужа нѣтъ средствъ содержать жену сообразно состоянію, то, конечно, онъ обязанъ содержать ее какъ можетъ («по возможности»). Нельзя требовать, чтобы мужъ содержалъ жену, какъ прилично дворянину, если этотъ дворянинъ самъ чернорабочій.

Что касается обязанности доставленія врачебной помощи, то она можетъ быть выведена не только изъ постановленія о содержаніи (ст. 106), но также и изъ постановленія, въ которомъ говорится о любви къ женѣ и облегченіи ея немощей (та же ст.).

Но для того, чтобы жена могла требовать содержанія отъ мужа, она должна жить вмѣстѣ съ мужемъ: живя внѣ дома, отдѣльно, она по общему правилу не вправе требовать себѣ содержанія; не выполняя своихъ обязанностей, она не вправе требовать выполненія ихъ со стороны мужа.

Однако же это правило, какъ мы видѣли, имѣетъ и должно имѣть исключенія.

Если жена ведетъ раздѣльную жизнь не по своей винѣ, если она по закону имѣетъ право жить раздѣльно или если она *вынуждена* оставить мужнюю квартиру, то въ такомъ случаѣ нѣтъ основанія отказывать ей въ содержаніи. Мы касались уже этого вопроса, говоря о раздѣльной жизни супруговъ.

Мы видѣли тамъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ законъ позволяетъ женѣ не слѣдовать за мужемъ. Очевидно, что въ этихъ случаяхъ жена имѣетъ право на отдѣльное содержаніе. Затѣмъ закону нашему извѣстенъ рядъ другихъ случаевъ, когда онъ предоставляетъ право женѣ на отдѣльное отъ мужа содержаніе. А именно: а) изъ доходовъ съ имущества лица, безвѣстно

отсутствующаго, извѣстная часть, по усмотрѣнiю закона, назначается на содержанiе его женѣ и дѣтямъ (прил. къ ст. 1091, прим. т. X, ч. 2, изд. 1876 г., ст. 1); б) въ случаѣ лишенiя мужа по суду правъ дворянства, недвижимое населенное имѣнiе его отдается въ опекуновское управленiе, и половина доходовъ съ онаго выдается женѣ на содержанiе (ст. 332 т. IX Зак. сост., изд. 1876 г.); в) женамъ лицъ, переселяемыхъ по приговорамъ обществъ, назначается въ опредѣленномъ размѣрѣ, по усмотрѣнiю суда, содержанiе изъ мужнина имѣнiя (прил. къ ст. 40, прим. 2, т. XIV, Уст. ссыльн. по прод. 1886 г., ст. 2); г) при отпускѣ за границу заграничныхъ азіатцевъ, женившихся на росiйскихъ подданныхъ евангелическаго исповѣданiя, отъ нихъ требуется обезпеченiе содержанiя женамъ во время ихъ отсутствiя (ст. 89 т. X, ч. 1, изд. 1887 г.).

Безспорно, что жена имѣетъ право на отдѣльное содержанiе и тогда, когда она не живетъ съ мужемъ по причинамъ, которыя не могли быть ей вѣннены въ вину, какъ, напримѣръ, вслѣдствiе нахожденiя въ больницѣ на излѣченiи или когда она лишилась разсудка (кассац. рѣшен. 1873 г., № 1666).

Равно такое право ей должно быть предоставлено и тогда, когда по винѣ мужа совмѣстная жизнь невозможна, понимая эту вину не только такъ, что мужъ отказывается принять жену, но также и такъ, что, желая жену держать у себя, мужъ дѣлаетъ эту жизнь невозможной, напримѣръ, вслѣдствiе жестокаго обращенiя съ женой.

Но, съ другой стороны, и жена не должна смотрѣть на себя только какъ на нахлѣбника или кредитора мужа. Если она, въ свою очередь, попираетъ права мужа, вступаетъ въ непозволительную связь съ другимъ мужчиной, вообще ведетъ безнравственный образъ жизни, не участвуетъ въ заботахъ по хозяйству («какъ хозяйка дома», по ст. 107) или если она живетъ съ мужемъ только для того, чтобы поведенiемъ своимъ заставить его отказаться отъ совмѣстной жизни и тѣмъ дать ей право на отдѣльное содержанiе (см. случаи, прив. въ соч. *О разводѣ*, стр. 452), въ такомъ случаѣ, не нарушая статей о повинности мужу и почтенiи въ нему (ст. 107), нельзя признать за ней права на отдѣльное содержанiе.

Что касается размѣра содержанiя, которое должно быть назначено женѣ судомъ, при раздѣльной жизни супруговъ, то размѣръ этотъ долженъ быть установленъ по той же мѣрѣ, которая указывается закономъ и при совмѣстной жизни супруговъ: «по состоянiю и возможности» мужа, опредѣляя эту возможность по моменту постановленiя рѣшенiя и дозволяя измѣнять установленную судомъ норму, съ измѣненiемъ имущественнаго положенiя мужа, т.-е. или увеличивая, или уменьшая назначенный судомъ размѣръ и даже совершенно превращая выдачу содержанiя, при возстановленiи супругами совмѣстной жизни.

4. Наконецъ жена имѣетъ право на охрану и защиту со стороны мужа (Прусск. § 188, Австр. § 91, Сакс. § 1633, Франц. ст. 213, Итал. ст. 132, тз. ст. 9, п. 2). Прусск. Ул. говоритъ: мужъ обязанъ и имѣетъ право

защищать предъ судомъ и внѣ суда лицо, честь и имущество жены (§ 188) даже и въ случаѣ возбужденія противъ нея исковъ объ обидѣ (§ 190). По нашему Остзейскому Своду жена вправе требовать отъ мужа во всѣхъ случаяхъ жизни, въ особенности въ дѣлахъ юридическихъ, защиты и содѣйствія (ст. 9, п. 2). По нашему общему Своду мужъ обязанъ защищать жену (ст. 106), а по нашимъ процессуальнымъ законамъ мужъ имѣетъ право быть повѣреннымъ жены, хотя бы онъ и не принадлежалъ къ составу присяжныхъ или частныхъ повѣренныхъ (Учр. Суд. Уст. ст. 389 и Прав. о проиств. суд. д., ст. 5). Согласно законамъ уголовнымъ, и мужъ имѣетъ право возбуждать преслѣдованіе объ оскорбленіи чести жены (Улож. о наказ. ст. 1534, прим.).

Но общаго постановленія о правозаступничествѣ жены мужемъ нашъ законъ не даетъ. Это, конечно, находится въ связи съ устанавливаемою нашимъ закономъ системой раздѣльности имущества супруговъ.

г) *Необходимость согласія мужа на совершеніе женой нѣкоторыхъ юридическихъ актовъ (авторизація мужа).*

Говоря о вліяніи брака на личныя права жены, слѣдуетъ еще остановиться на той юридической зависимости ея отъ мужа, которую порождаетъ бракъ по нѣкоторымъ законодательствамъ.

По французскому закону замужняя женщина причисляется къ числу неспособныхъ къ юридической дѣятельности (incapables .Code Civ. 1124) Эту неспособность сообщаетъ ей бракъ, потому что до замужества, разъ она совершеннолѣтняя, она пользуется одинаковыми правами съ мужчиной. Слѣдовательно въ этомъ ограниченіи въ дѣеспособности замужнихъ женщинъ нельзя усматривать остатковъ римской половой опеки.

Интересъ брака — желаніе поддержать мужній авторитетъ и сохранить единство власти—вызываетъ потребность въ подчиненіи жены мужу и въ области имущественныхъ отношеній.

Такое объясненіе своего закона даютъ французскіе цивилисты, но они же прибавляютъ къ этому еще слѣдующія соображенія. Вышеуказанный мотивъ не единственный и даже не главный. Бракъ создаетъ новые интересы, жена не можетъ совершить ни одного юридическаго акта, который бы не оказывалъ вліянія на дѣтей и на мужа; акты, совершенные ею, интересуютъ всю семью, и естественно, что глава семьи вмѣшивается въ нихъ, чтобъ охранить общіе интересы. Есть еще соображеніе. Бракъ есть товарищество. Каждый изъ товарищей имѣетъ свою сферу дѣйствій. Жена завѣдуетъ хозяйствомъ и воспитаніемъ дѣтей, мужъ заправляетъ дѣлами, которыя ему лучше извѣстны, чѣмъ женѣ (*Laurent: «Cours élémentaire de droit civil», I, 203*).

Неспособность замужней женщины общая: она распространяется на в. юридическіе акты какъ распорядительные, такъ и пріобрѣтательные, не и включая и даровыхъ (ст. 217), ибо для мужа не безразлично, отъ кого же получить подарокъ.

Эти ограниченія имѣютъ полную силу, не взирая на избранную супругами ту или другую систему имущественныхъ отношеній.

Не составляютъ исключенія изъ вышеуказаннаго правила: 1) право жены дѣлать текущіе расходы по хозяйству, потому что въ этомъ случаѣ она обязывается не себя, а мужа; 2) право самостоятельно обязываться по торговлѣ, если она ведетъ ее совершенно отдѣльно отъ мужа (ст. 220), потому что на право веденія торговли она должна тоже получить согласіе мужа; 3) право совершать завѣщаніе (ст. 226), потому что этотъ актъ получаетъ силу лишь послѣ ея смерти.

Равно жена не имѣетъ права выступать на судѣ (*ester en jugement, stare in iudicio*), потому что и здѣсь дѣло можетъ дойти легко до убытковъ. Только по дѣламъ уголовнымъ и исправительнымъ она не нуждается въ содѣйствіи мужа.

Разрѣшеніе мужа должно быть специальное для каждаго акта (согласіе общее, впередъ, было бы отказомъ отъ мужней власти), хотя бы и молчаливое (217): когда мужъ принимаетъ участіе въ совершеніи акта.

Если мужъ не хочетъ дать согласія или не можетъ (вслѣдствіе безвѣстнаго отсутствія, нахождения подъ запрещеніемъ, малолѣтства, присужденія къ безчестящему наказанію (*reine affective ou infamante*), то за него разрѣшеніе даетъ судъ (218—222).

Сила актовъ, заключенныхъ безъ согласія мужа или суда, можетъ быть оспорена мужемъ, женою или ихъ наследниками (225).

Въ общемъ и *итальянскій* законъ держится тѣхъ же воззрѣній, что и французскій, однако же есть и существенныя отличія. *Итальянскій кодексъ*, говоритъ бывший профессоръ Неаполитанскаго университета, а нынѣ министръ народнаго просвѣщенія, Джантурео, ищетъ средняго пути между претензіями доктринеровъ эмансипаторовъ женщины и упорными охранителями мужняго авторитета, требуя разрѣшенія специального или *общаго* только для нѣкоторыхъ опредѣленныхъ актовъ (*Istituzioni di diritto civile italiano*, IV ed., p. 57).

Итакъ, вотъ первое существенное отличіе итальянскаго кодекса отъ французскаго; тогда какъ послѣдній требуетъ неизмѣнно специального разрѣшенія мужа на юридическія дѣйствія жены, первый довольствуется общимъ, впрочемъ, съ правомъ отмены послѣдняго по усмотрѣнію мужа (итал. ст. 134, франц. ст. 223).

Далѣе для совершенія только нѣкоторыхъ актовъ, нарочито перечисленныхъ закономъ, замужня итальянка нуждается въ разрѣшеніи мужа, а именно: для совершенія даренія, отчужденія (хотя бы и возмезднаго) и ипотеки недвижности, займа и отдачи или полученія капитала, для пріятія поручительства, порученія (мандата) или обязанности душеприказчицы по завѣщанію, равно и для дѣйствій на судѣ по всѣмъ вышензложеннымъ юридическимъ актамъ (134, 1743 и 904).

Слѣдовательно, не только всѣ акты, относящіеся къ управленію, она

можетъ свободно совершать, но и прочіе юридическіе акты, кромѣ сейчасъ перечисленныхъ.

Сдѣлавъ это отступленіе отъ французскаго кодекса, итальянскіе юристы повидимому не вполне увѣрены въ цѣлесообразности его. Такъ у того же Джантурко мы читаемъ: «конечно, такимъ образомъ не вполне достигается цѣль удержать согласіе между женой и главой семьи и оберегать семейное имущество» (тамъ же стр. 57; см. еще Pacifici-Mazzoni, Istituzioni di diritto civile italiano I, p. 247 etc.).

По *прусскому* законодательству мужъ, вслѣдствіе своихъ опекунскихъ правъ по отношенію къ женѣ, обязанъ и вправѣ защищать ея лицо, честь и имущество на судѣ и внѣ суда (Рг. L. R. II, 1, § 188). Поэтому, по общему правилу жена не можетъ безъ согласія и привлеченія мужа вести процессъ (189). Впрочемъ, это послѣднее постановленіе надо считать отмѣненнымъ Общегерманскимъ Уставомъ гражданскаго судопроизводства, по которому замужняя женщина считается вполне способной въ процессу (§ 51).

Жена не можетъ безъ согласія мужа принимать на себя никакого обязательства, которымъ бы ограничивалась свобода ея личности (§ 196).

Подобнаго же характера правила мы находимъ и въ *Саксонскомъ Уложении*, которое постановляетъ: замужняя женщина нуждается въ согласіи мужа на заключеніе всѣхъ сдѣлокъ, не влекущихъ за собою пріобрѣтенія (выгоды) (§ 1638). Но если мужъ въ такомъ согласіи отказывается безъ достаточной причины, то разрѣшеніе на заключеніе сдѣлки можетъ дать судъ (§ 1644).

Астрійское Уложение совсѣмъ не знаетъ постановленій, ограничивающихъ замужнихъ женщинъ въ этомъ отношеніи (см. § 91 и ср. Krainz: System des oesterreich. allgem. Privatrechts II, § 434).

Западноевропейскіе *торговые кодексы* требуютъ также непремѣнно наличности согласія мужа (прямо выраженного или только подразумеваемаго) на веденіе женою торговли, на то, чтобъ она стала купчихой (marchande publique, commerciante, Handelsfrau, Фр. Торг. Код. ст. 4, Итал. 15, Общ. Герм. Ул. 7). Причемъ авторитетъ мужа признается столь нерушимымъ, что данное имъ согласіе можетъ быть взято обратно во всякую пору. Впрочемъ, не одними только соображеніями мужняго главенства вызывается потребность въ такомъ согласіи, а также и тѣмъ, что, при существующей во многихъ западно-европейскихъ законодательствахъ общности имущественныхъ отношеній между супругами, мужъ заинтересованъ не только нравственно, но и имущественно открытіемъ торговли его женой ибо жена отвѣчаетъ не только своимъ имуществомъ за сдѣланные ею долги, но отвѣтственность ея можетъ распространяться и на общее имущество (Франц. ст. 7, Итал. ст. 14, Общ. герм. ст. 8).

Что касается *русскихъ* права, то мы видѣли и увидимъ, что и у насъ въ законодательствѣ были примѣры признанія юридической несамостоятельности жены въ вопросахъ распоряженія своимъ имуществомъ, сознани

необходимости дополнять волю жены волей мужа. Но все это дѣло прошлое. Дѣйствующее законодательство вполне освободилось отъ этого возрѣнія. «Супругамъ дозволяется... распоряжаться собственнымъ своимъ имѣніемъ прямо отъ своего имени, независимо другъ отъ друга и не испрашивая на то взаимно ни дозвоительныхъ, ни вѣрующихъ писемъ» (т. X ч. 1. ст. 114). Вотъ основное правило дѣйствующаго закона въ разсматриваемомъ вопросѣ. Конечно, это обобщеніе рѣчи «о супругахъ» и о «взаимныхъ дозвоительныхъ письмахъ» есть, такъ сказать, лишь façon de parler нашего закона, потому что ни исторія, ни обычай, ни даже примѣръ западно-европейскихъ законодательствъ (если допустить возможность ихъ вліянія въ данномъ случаѣ) вовсе не указываютъ на взаимодействие супруговъ въ такихъ случаяхъ. Напротивъ, и исторія, и обычай, и иноземныя законодательства знаютъ лишь вліяніе мужа на волю жены и необходимость разрѣшенія перваго на юридическіе акты второй; такъ что и смыслъ вышеуказанной статьи собственно тотъ, что жена имѣетъ право распоряжаться своимъ имуществомъ, не испрашивая на это разрѣшенія мужа.

Исключеній изъ этихъ правилъ немного:

1. Не могутъ заниматься жены безъ позволенія мужей (т. X ч. 1 ст. 2202), причемъ это ограниченіе нашего закона, не знающаго мужней авторизаціи вообще по юридическимъ актамъ, совершаемымъ женой, должно быть примѣняемо лишь настолько, насколько договоръ личнаго найма, заключенный женой, приходитъ въ столкновеніе съ личною властью мужа надъ ней, съ обязанностью ея раздѣлять мѣстожителство мужа. Слѣдовательно, тамъ, гдѣ договоръ найма услугъ такого столкновенія не предполагаетъ, тамъ этотъ договоръ долженъ имѣть силу, независимо отъ согласія или несогласія на него мужа.

2. «Замужнія женщины... не могутъ давать на себя векселей и передавать ихъ съ возвратомъ на себя... безъ позволенія ихъ мужей» (Уст. о векс. ст. 6). Это ограниченіе касается простыхъ векселей. Оно стало извѣстно нашему законодательству лишь съ 1862 г. До этого времени нашъ Вексельный Уставъ не ограничивалъ вексельной дѣеспособности замужней женщины. Постановленіе это, очевидно, наносное, навѣянное примѣромъ Запада, стремившагося освобождать замужнихъ женщинъ отъ послѣдствій вексельной строгости взысканій. Въ западно-европейскомъ правѣ оно находится въ гармоніи съ существующей тамъ общей зависимостью жены отъ мужа, при совершеніи юридическихъ актовъ—зависимостью, какъ выше было указано, у насъ не существующей.

А. Загоровскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Какъ заниматься статистикой *).

Какъ заниматься статистикой?—вотъ вопросъ, котораго преподаватель статистики естественно ждетъ со стороны лицъ, готовыхъ удѣлить нѣкоторое время для изученія статистики въ школьной обстановкѣ или путемъ свободнаго самообразованія. Ясный отвѣтъ на этотъ вопросъ возможенъ только въ связи съ индивидуальными силами занимающагося, съ его наклонностями. Но нѣкоторыя общія замѣчанія, кажется, поддаются изложенію и не въ личной формѣ, и ими начнемъ мы въ настоящемъ учебномъ году наши собесѣдованія по статистикѣ. Оговоримся съ самаго начала, что будемъ имѣть въ виду занятія статистикой какъ однимъ изъ предметовъ научнаго образованія. Мы не коснемся здѣсь практической подготовки лицъ, берущихъ на себя службу въ статистическихъ учрежденіяхъ.

Исслѣдованія человѣческой общественной жизни съ помощью количественныхъ массовыхъ наблюдений, сокращенно именуемая «статистикою» (какъ отдѣльною дисциплиной) имѣютъ притязанія быть научными изслѣдованіями; иначе имъ не было бы мѣста въ курсѣ высшаго образованія, гдѣ каждый участникъ отъ новичка студента до заслуженнаго профессора включительно обязанъ обнаруживать свою прикосновенность къ научному мышленію. Діалектикъ Гегель называлъ науку «самотворчествомъ разума», астрономъ Гершель проще именовалъ ее «знаніемъ истины», но такое знаніе, въ сущности говоря, обозначаетъ собою только предѣлъ науки; конечному человѣку достается въ удѣлъ только отыскиваніе истины, а не обладаніе ею.

Статистика относится обыкновенно къ группѣ наукъ наблюдательныхъ и нѣкоторыми отождествляется съ наблюдательнымъ обществовѣдѣніемъ. Наблюдательныя науки совмѣстно съ науками экспериментальными противопоставляются, подъ общимъ названіемъ «опытныхъ», умозрительнымъ наукамъ. Но строгаго разграниченія между умозрительными и опытными науками сдѣлать нельзя. По справедливому замѣчанію Гёксли **), методы

*) Вегушительная рѣчь въ курсѣ общей статистики, прочитанная въ Ново-Александрійскомъ институтѣ 12 сентября 1896 г.

***) *Вопросы Философій и Психологій*, 1892 г., мартъ.

всѣхъ наукъ въ существѣ одинаковы. Во всѣхъ наукахъ извѣстная стадія мышленія требуетъ наблюденія (естественнаго или искусственнаго, т.-е. эксперимента), а другая стадія—умозрѣнія. Объясненіе движенія планетъ и атмосферныхъ теченій немислимо безъ астрономическихъ и метеорологическихъ наблюденій; точно также и объясненіе жизни человѣческаго общества нуждается въ статистическихъ данныхъ *). Обществовѣдѣніе, конечно, имѣетъ дѣло съ психическими явленіями, а при изученіи такихъ явленій наблюдательный индуктивный методъ является для человѣка совершенно необходимымъ руководствомъ **). Здѣсь научная дедукція можетъ явиться только какъ результатъ высшаго развитія тѣхъ индуктивныхъ знаній, которыя добыты наблюденіемъ. Нѣкоторыя отрасли обществовѣдѣнія пробуютъ специализироваться на умозрительномъ методѣ. Такая попытка является вполне законной въ примѣненіи къ воображаемому строю общественной жизни, даже въ такомъ, въ которомъ—выражаясь языкомъ латинскаго синтаксиса—условія даны къ формѣ *imperfectum conjunctivi* ***). Тотъ же методъ оправдывается и въ тѣхъ случаяхъ, когда результаты его примѣненія совпадаютъ съ результатами наблюденій надъ дѣйствительностью. И все-таки при изученіи дѣйствительной общественной жизни на первомъ планѣ долженъ стоять наблюдательный методъ.

Первый шагъ наблюдательнаго изслѣдованія есть описаніе явленій; нѣтъ изслѣдованія безъ описаній, хотя описанія сплошь и рядомъ не сопровождаются изслѣдованіями. По словамъ Мейтцена: «Форма нашего знанія есть описаніе, форма нашего интереса къ описываемому есть исканіе причинности» ****). Описаніе есть общее требованіе наблюденій какъ массовыхъ, такъ и однопредметныхъ; въ статистикѣ качественно описаннымъ предметамъ дается еще количественное описаніе въ видѣ результатовъ подсчитыванія предметовъ, обладающихъ опредѣленными, качественно описанными признаками. Описательная работа въ наукѣ имѣетъ большое значеніе, но, конечно, опирающееся на эту работу отыскываніе причинности имѣетъ еще большее значеніе, и вотъ къ этому-то отыскыванію мы усерднѣйше приглашаемъ всѣхъ, интересующихся изученіемъ общественной жизни.

Для того, чтобы занятія учащихся были плодотворны въ какой бы то ни было отрасли знанія, въ томъ числѣ и въ статистикѣ, необходимо, чтобы эти занятія обладали элементомъ *самостоятельности*. Обязанность человѣка, претендующаго на научное образованіе—работать самому, каковъ бы ни былъ матеріалъ его умственной работы: умозрительный, экспериментальный или наблюдательный. Главное назначеніе преподавателя—помогать этимъ самостоятельнымъ работамъ учащихся.

«Учить другихъ чему-нибудь,—говорилъ еще Жакото *****),—значить

*) Ср. А. А. Герцель: „Общая психофизиологія“, Спб., 1890 г., стр. 137.

**) Тамъ же, стр. 25.

***) Т.-е. данными условія несогласны съ современною дѣйствительностью.

****) Meitzen: „Geschichte, Theorie und Technik der Statistik“. 1886, p. 108.

*****) 1770—1840. Русская Школа, 1894 г., № 1. Статя С. Шохоръ-Троцкого.

учить ихъ тому, что они должны дѣлать *сами*, чтобы научиться тому, чему ихъ учать». Конечно, связь преподавателя съ этими самостоятельными работами студентовъ должна устанавливаться и укрѣпляться гдѣ-то помимо лекцій, представляющихъ собою главное официальное русло преподаванія въ нашихъ высшихъ школахъ; лекціи должны представлять собою лишь небольшую долю связи между преподавателемъ и учащимся въ дѣлѣ изученія предмета. Къ самостоятельности работы тѣсно примыкаетъ ея индивидуальность. Хотя еще Платонъ увязывалъ необходимость для преподавателей знакомиться со специальными интересами учащихся, преобладаніе шаблоновъ въ нашемъ учебномъ дѣлѣ до сихъ поръ сильно тормозитъ осуществленіе этого совѣта. Въ классной и курсовой системѣ занятій, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Н. А. Любимовъ *), все устроено для фантастическаго *среднѣмъ* учащагося. Необходимо выставить на первый планъ живого учащагося и съ его силами и склонностями сообразовать родъ работы, предлагаемой вниманію учащихся. Прежде, чѣмъ перейти къ содержанію статистическихъ занятій, желательныхъ со стороны студента, отмѣтимъ еще два общихъ условія, которымъ должны были бы удовлетворять студенческія работы. Работы эти должны имѣть объективный результатъ, который навсегда останется для самого учащагося памятникомъ его учебныхъ упражненій; этотъ результатъ, если онъ добывается въ учебномъ заведеніи, долженъ подвергаться критикѣ со стороны товарищей и преподавателя, чтобы осуществить настоящую совмѣстную работу по изученію даннаго предмета; и ложные шаги начинающаго изслѣдователя могутъ принести ему самому и его товарищамъ не меньше пользы, чѣмъ шаги правильные. Итакъ, центръ тяжести статистическихъ занятій учащагося заключается, по нашему мнѣнію, въ самостоятельной обработкѣ темъ по статистикѣ.

Многихъ затрудняетъ выборъ этихъ темъ. Учащіеся вправѣ ждать отъ преподавателя, чтобы онъ съ своей стороны предлагалъ какія-нибудь темы. Но при прочихъ равныхъ условіяхъ тема, намѣченная самимъ учащимся, разрабатывается живѣе и успѣшнѣе, чѣмъ тема, назначенная извнѣ; наилучшій результатъ, кажется, получается, когда постановка темы обсуждается совмѣстно преподавателемъ и исполнителемъ работы. Въ статистикѣ есть одна группа темъ, которая легко можетъ заинтересовать большинство учащихся: это—темы географическія, относящіяся къ изображенію общественной жизни (въ частности, напримѣръ, хозяйственной дѣятельности) въ той мѣстности, которая непосредственно знакома занимающемуся. Тотъ, кто заранѣе знаетъ форму приложенія своего научнаго образованія, можетъ подходить къ статистическимъ занятіямъ съ опредѣленными заранѣе намѣченными цѣлями. Это примѣнимо, напримѣръ, къ дѣсо-хозяйственному образованію, гдѣ большинству учащихся суждена въ будущемъ одна опредѣленная профессія. Значительно рѣже случается это въ общемъ агрономическомъ образованіи, гдѣ лица, предугадывающія свою будущую профессію, состав-

*) *Научн. Обзор.* 1896 г., № 14.

являютъ и должны составлять меньшинство. Но и здѣсь прошедшая жизнь можетъ связывать учащагося съ географическими темами. Какъ въ школьной географіи занятія могутъ начинаться съ классной комнаты, такъ и въ статистикѣ учащійся можетъ заняться, прежде всего, характеристикою населенія и промышленности своей народной мѣстности. Наиболее легкій для начинающаго объемъ характеристики по русскимъ матеріаламъ—размѣры одной губерніи: многія массовыя свѣдѣнія у насъ не дробятся въ публикаціи дальше погубернскихъ единицъ. Какова бы ни была статистическая тема, которую выберетъ себѣ занимающійся, будетъ ли она относиться къ населенію и хозяйству отдѣльной мѣстности или явится приложеніемъ статистическаго метода къ рѣшенію какого-нибудь общаго вопроса, занимающійся не долженъ смотрѣть на свою работу какъ на что-то совершенно новое для него. Тема непременно должна такъ или иначе связываться съ прежде проявившимися интересами и съ самостоятельными работами студента по другимъ дисциплинамъ.

Первая часть статистической работы есть во всякомъ случаѣ изученіе матеріала. Только тотъ, кто болѣе или менѣе основательно ознакомится со статистическимъ матеріаломъ, можетъ потомъ правильно примѣнять его къ изслѣдованію общества. Матеріалъ массовыхъ наблюденій надъ человѣческимъ обществомъ представляется намъ въ формѣ книгъ. Но книги въ изученіи статистики имѣютъ особое значеніе. Въ дисциплинахъ умозрительныхъ, экспериментальныхъ и даже позволяющихъ на однопредметномъ наблюденіи типическихъ явленій книги могутъ явиться матеріаломъ только для компилятивныхъ и въ лучшемъ случаѣ для критическихъ работъ; въ занятіяхъ массовыми наблюденіями книги, вѣрнѣе напечатанныя въ книжной формѣ количественныя данныя, являются настоящимъ матеріаломъ для самостоятельныхъ творческихъ изслѣдованій. Такую же роль въ историческомъ наблюденіи играютъ памятники. Не безъ основанія Фриманъ совѣтуетъ профессору исторіи помнить, что въ «настоящее время самая остроумная и самая краснорѣчивая лекція должна представлять собою только комментарий къ источникамъ, къ текстамъ» *). «Сущность всякаго здраваго историческаго преподаванія,—по словамъ того же Фримана,—въ томъ положеніи, что историческое изслѣдованіе, не основанное на оригинальныхъ источникахъ, не имѣетъ никакой цѣнности» **). Это, можетъ быть, уже слишкомъ рѣзкій приговоръ: иногда и по источникамъ, заимствованнымъ изъ вторыхъ рукъ, приобрѣтшій нѣкоторую опытность изслѣдователь можетъ получить цѣнные выводы. Но въ педагогическомъ отношеніи, особенно для начинающаго, такъ называемые первоисточники всегда заслуживаютъ предпочтенія. Ознакомленіе учащагося съ матеріаломъ входитъ, конечно, въ прямыя обязанности преподавателя, и здѣсь-то занятія съ руководителемъ стоятъ несомнѣнно въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ самообразование.

*) *Методы изученія исторіи* 1893 г., стр. 14.

**) Тамъ же, стр. 99.

Откуда брать наиболее подходящий материал, какой материал является наиболее оригинальным—это такие вопросы, въ которыхъ на первыхъ шагахъ изслѣдователю трудно обойтись безъ посторонней помощи. Какъ только явится небольшой навыкъ, занимающійся можетъ въ предѣлахъ своей специальной темы быстро догнать и перегнать руководителя. Кроме преподавателя немаловажнымъ подспорьемъ при подборѣ материала являются библиографическіе указатели по статистической литературѣ *). На-ряду съ матеріаломъ изъ тѣхъ же указателей занимающійся почерпнетъ свѣдѣнія о появившихъ въ печать прежнихъ изслѣдованіяхъ по интересующему его вопросу. Уже при самомъ подборѣ материала изслѣдователь вырабатываетъ чрезвычайно важные навыки,—навыки критическаго отношенія къ материалу. Но во всякомъ случаѣ полезно, прежде, чѣмъ приступить къ работѣ материала, остановиться особо на общей критикѣ собраннаго материала, взятаго въ совокупности. Здѣсь не уместно входить въ подробное изложеніе того, изъ чего должна состоять критика статистическаго материала **). Напомнимъ только, что изслѣдователю нельзя не задать себѣ вопросовъ о томъ, кто собиралъ материалъ, по какимъ программамъ и какими способами, какъ давались показанія, какъ сводился и группировался материалъ. При существованіи различныхъ источниковъ по статистикѣ тѣхъ же предметовъ и явленій, слѣдуетъ сопоставлять данныя разныхъ источниковъ. Менѣе достовѣрные источники не всегда, однако, могутъ быть отброшены при наличности болѣе достовѣрныхъ: такъ называемая «административная» статистика, обыкновенно, обнимаетъ такое большое число случаевъ, которое недоступно частному изслѣдователю. Обращеніе съ матеріаломъ почти всегда суживаетъ первоначально намѣченную изслѣдователемъ тему: статистическое изслѣдованіе не только ограничено дѣйствительностью, которая уже подвергалась массовой количественной регистраціи,—важнѣйшимъ послѣдствіемъ обращенія съ матеріаломъ мы считаемъ убѣж-

*) Для русской ховяйственной статистики изъ такихъ указателей мы назовемъ слѣдующіе: *В. И. Межова*: „Литература русской географіи, этнографіи и статистики съ 1859 по 1880 гт.“ (въ приложеніи къ *Извѣстіямъ геогр. общества*).—*С. Каратаевъ*: Библиографія финансовъ, промышленности и торговли“. Спб., 1880 г.—*И. И. Якуловъ*: „Книга о книгачикѣ“. М., 1892 г.—*Н. А. Бунинъ* и *В. К. Сабинскій*: „Указатели литературы по математикѣ, чистымъ и прикладнымъ естеств. наукамъ“. Кіевъ.—*И. Педеръ* и *Н. Н.—ъ*: „Роспись отдѣльныхъ книгъ и брошюръ по сельскому ховяйству (1730—1884 гт.)“. Вып. I—II. М., 1888—89 г.—*Г. Е. Замыцкий*, *Столыпинъ*, *В. И. Филипповъ*, *А. Д. Педатенко*: „Указатели книгъ, журн. и газетн. статей по сельск. ховяйству“ (въ приложеніи къ *Годамъ въ сельск. хоз. отношеніи*“ съ 1884 по 1894 г.).—*Вереща* и *Рудзкій*: „Литература русскаго лѣсоводства“. Спб., 1878 года.—*Вереща*: „Указатель лѣснаго журнала за 20 лѣтъ“ (1871—90).—*Мельниковъ*: „Указатель лѣснаго журнала за 5 лѣтъ (1891—95)“. 1896 г.—*В. В. Степановъ*: „Библиографическій обзоръ издавій центр. стат. комитета. Спб., 1895 г.

Для иностранной статистики богатые списки свѣжихъ матеріаловъ имѣются въ ежегодномъ изданіи *Keltie* „The Natesman's Year book“.

**) Очеркъ приемовъ этой критики данъ нами во введеніи къ *Сельско-ховяйственной статистикѣ Европейской Россіи*. М., 1898 г.

деніе чловѣка въ неизбежной погрѣшимости чловѣческихъ наблюденій; такое убѣжденіе является только при самостоятельномъ знакомствѣ съ оригинальнымъ матеріаломъ. Заимствование наблюдательнаго матеріала на вѣру, изъ вторыхъ рукъ, часто уживается съ искреннимъ убѣжденіемъ въ совершенной непреложности зарегистрированныхъ количественныхъ отношеній.

Отъ матеріала обратимся къ его разработкѣ. Всякому понятно, что статистическій матеріалъ подбирается занимающимся не для того, чтобы сдѣлаться объектомъ запоминанія. Милліоны фактовъ могутъ быть быстро усвоены хорошею памятью и столь же быстро испариться черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Но методъ научнаго изслѣдованія, разъ онъ усвоенъ путемъ собственныхъ упражненій, не забывается или если повидимому и забывается, то возстановляется въ очень короткое время. Кто изъ насъ можетъ забыть извлеченіе квадратнаго корня или логарифмированіе, если въ этихъ умственныхъ операціяхъ была надлежащая практика? Приступая къ самостоятельному примѣненію статистическаго метода, изслѣдователь съ пользою можетъ употребить нѣкоторое время на ознакомленіе съ методологіею и исторіей статистики и съ общою постановкою статистической техники. Здѣсь помимо преподавателя поможетъ, конечно, и настоящее книжное чтеніе *). Но при современной постановкѣ занятій въ учебныхъ заведеніяхъ мы настоятельно рекомендуемъ не откладывать попытки собственной работы до основательнаго ознакомленія съ методикою предмета по литературнымъ источникамъ. Для первыхъ шаговъ нужны лишь самыя общія понятія, и самостоятельная работа можетъ идти совмѣстно съ продолженіемъ статистическаго чтенія. Планъ работы непременно уже былъ начать тогда, когда изслѣдователь ознакомился съ матеріаломъ; окончаніе этого плана возможно лишь теперь, когда сырая работа приостановилась. Намъ представляется, что всякій статистическій матеріалъ, каково бы ни было его содержаніе, долженъ быть рассмотрѣнъ по отношенію къ его географическимъ измѣненіямъ; весьма желательно, хотя не всегда возможно, прослѣдить измѣненія во времени. Далѣе опредѣляется вліяніе, которому изучаемое явленіе подвергается со стороны разнообразныхъ причинъ (климата и почвы, населенія, хозяйственныхъ фактовъ и др.). Кажущееся разнообразіе приемовъ научной разработки матеріала не должно страшить начинающаго; вѣдь и въ химической лабораторіи работы Петрова имѣютъ неизбѣжныя субъективные отличія отъ работъ Иванова, и, тѣмъ не менѣе, тѣ и другія могутъ приводить къ одинаково цѣннымъ выводамъ. Общая схема статистическаго анализа довольно близко подходитъ къ той схемѣ историческаго анализа, которая дана Тэнномъ **). По Тэну, элементы науч-

*) На русскомъ языкѣ рекомендуемъ начинать съ книги *А. И. Чупрова: „Статистика“* (1895 г.), а затѣмъ штудировать *Ю. Э. Якона („Теорія и исторія статистики“*. Изд. 2. Сиб., 1891 г.). На нѣмецкомъ языкѣ недавно появилась *„Theoretische Statistik“* в. *Georg Mayr*. 1895 г. Владѣющіе итальянскимъ языкомъ извлекутъ многого изъ книги *Gabaglio „Teoria generale della statistica“*. Milano, 1888.

**) *Вспомниъ Европы: 1894 г., № 9.* Статья В. И. Герье.

наго анализа суть: 1) анализъ установившихся, принятыхъ въ общемъ оборотѣ понятій, сведеніе ихъ на факты и взаимныя отношенія фактовъ; 2) анализъ самихъ фактовъ ради ихъ размноженія и 3) подведеніе каждой группы фактовъ подъ ихъ причину (господствующій фактъ), выясненіе законовъ явленія. Анализомъ понятій не слѣдуетъ пренебрегать при встрѣчѣ съ такими повидному совершенно ясными предметами, какъ число душъ населенія, площадь пашни, количество лошадей и т. п. Размноженіе фактовъ и отыскиваніе причинности сопряжены съ нѣкоторыми механическими приемами статистической техники, которые слѣдуетъ по возможности облегчать. Не слѣдуетъ, напримѣръ, игнорировать той формы, въ которой дѣлаются выборки матеріала, назначаемаго для разработки. Экономія времени заставляетъ дѣлать выборки въ возможно болѣе дробной формѣ, которая позволитъ использовать матеріалъ въ разнообразныхъ направленіяхъ: выборки на карточкахъ (отдѣльныхъ листочкахъ бумаги) заслуживаютъ предпочтенія передъ выборками въ тетрадкахъ или на большихъ листахъ. При подсчетахъ новички часто теряютъ много времени въ погонѣ за излишнею точностью вычисленій; въ значительномъ большинствѣ случаевъ десятая доля процента—совершенно достаточный предѣлъ точности определяемыхъ статистическою отношеній. Располагая разрабатываемыя данныя въ видѣ основныхъ и вспомогательныхъ таблицъ, учащіеся не должны пренебрегать и графиками, которые помогаютъ уловить общіе контуры географическихъ и хронологическихъ измѣненій изучаемаго явленія. Изъ числа единообразій прежде всего подмѣчаются географическія единообразія, такъ называемыя единообразія существованія и хронологическія единообразія или повторяемость во времени. Послѣднія оставляютъ обыкновенно большее впечатлѣніе, и учащіеся обыкновенно съ большою охотою останавливаются на историческихъ темахъ, дающихъ болѣе убѣдительные выводы. Мы болѣе склонны объяснять случайностью географическія сосуществованія, чѣмъ повторяемость явленій во времени. Географическое изученіе предмета въ статистикѣ сопоставляетъ количественныя данныя съ картою, хронологическое изученіе съ естественнымъ теченіемъ времени. Далѣе представляется возможность многочисленныхъ взаимныхъ сопоставленій, для чего изучаемыя данныя должны быть расположены въ видѣ рядовъ, но крайней мѣрѣ двухъ: одинъ рядъ, имѣющій ближайшее отношеніе къ темѣ работъ—есть рядъ функций или предполагаемыхъ слѣдствій; другой рядъ—рядъ независимыхъ переменныхъ или предполагаемыхъ причинъ. Такъ какъ, въ виду сложности общественныхъ явленій, мы не вправѣ ожидать полной правильности въ измѣненія отдѣльныхъ количественныхъ отношеній въ связи съ измѣненіемъ ихъ предполагаемыхъ причинъ, мы употребляемъ различныя приемы группировки; группы устанавливаются по восходящему или по нисходящему ряду независимыхъ переменныхъ; сообразно опредѣленному измѣненію этихъ сгруппированныхъ уже предполагаемыхъ причинъ ожидается правильное измѣненіе соответственныхъ функций. Сопоставленіе рядовъ ведетъ къ болѣе или менѣе правдоподоб-

нымъ предположеніямъ о происхожденіи явленій; умѣнье дѣлать предположенія должно быть предметомъ стремленій каждаго студента. При изслѣдованіи причинности статистически установленныя данныя могутъ сопоставляться между собою; но къ сопоставленію могутъ привлекаться и постороннія данныя, не принадлежащія, строго говоря, къ области статистики, но основанныя на наблюденіи природы и общества; таковы разныя данныя географіи, метеорологіи, исторіи, правовѣдѣнія и государствовеѣдѣнія. Статистику должна быть предоставлена свобода въ выборѣ «реактивовъ», т.-е. предполагаемыхъ причинъ, съ которыми онъ хочетъ сопоставить изучаемое явленіе. При всемъ томъ нельзя отрицать доли пользы и за такъ называемыми схемами причинъ; главныхъ классовъ въ этихъ схемахъ обыкновенно два: природа и человѣческая общественная жизнь. Результатомъ статистическаго изслѣдованія должна явиться установка какихъ-нибудь законовъ или, скромнѣе выражаясь, законсообразностей. «Статистическіе законы,—говоритъ Майръ *),— суть только низшій родъ социальныхъ законовъ, а именно—законы социальныхъ массъ. Они принадлежатъ къ группѣ эмпирическихъ законовъ и носятъ характеръ относительности, т.-е. историческаго и географическаго распредѣленія (Abstufung)». Майръ подраздѣляетъ статистическіе законы на законы состоянія, частоты, развитія и причинности. Всѣ эти законы не суть законы того, что должно быть (des Sollens), но того, что есть и дѣлается (des Seins und Gewordenseins). Въ самостоятельной работѣ учащагося намъ остается еще только одна ступень—провѣрка полученныхъ выводовъ. Провѣрка дѣлается двумя путями: съ помощью умозрѣнія и съ помощью сличенія результатовъ собственной работы съ результатами чужихъ работъ. Надежные индуктивные выводы должны подкрѣпляться соответствующими умозрѣніями; студентъ стремится быть мыслителемъ, а истинный мыслитель долженъ соединять въ себѣ наблюдателя и экспериментатора съ силлогистомъ. Литературное знакомство съ чужими выводами по изслѣдуемому вопросу, какъ намъ кажется, можетъ съ большою пользою заключать работу, чѣмъ начинать ее. При ограниченности учебнаго времени углубляться въ литературу едва ли возможно; слѣдуетъ ограничиться ознакомленіемъ лишь съ нѣкоторыми изъ предшественниковъ, и въ этомъ отношеніи опять приходится вспомнить о помощи преподавателя и библиографическихъ указателей.

Все, что мы говорили, относилось къ активной работѣ лица, начавшаго заниматься статистикою. Но на-ряду съ этою активной работой существуетъ и всѣмъ извѣстная пассивная работа, значеніе которой вовсе не маловажно, хотя, по нашему крайнему убѣжденію, уступаетъ значенію активной работы въ студенческой жизни. Подъ пассивными занятіями мы разумѣемъ ознакомленіе съ предметомъ изъ лекцій преподавателя, изъ литографированныхъ и печатныхъ курсовъ, учебниковъ, руководствъ. Все это полезныя подспорья къ самостоятельной работѣ, но ни въ какомъ случаѣ

*) *Theoretische Statistik*, 1895, p. 122.

не замѣна ея. Преподаватель или учебникъ стремится провести передъ вниманіемъ занимающагося цѣлый рядъ фактовъ и основанныхъ на изученіи этихъ фактовъ правильностей и законосообразностей; конечно, лишь очень немногіе факты могутъ сдѣлаться объектомъ научнаго статистическаго изслѣдованія со стороны студента, но каждый фактъ можетъ напоминать студенту о значеніи статистики, и многіе факты могутъ быть удачно сопоставлены съ результатами собственныхъ работъ занимающагося. Для учащагося въ высшемъ учебномъ заведеніи среди этихъ фактовъ встрѣтится много знакомаго. Помню тѣхъ статистическихъ знаній, которые доставляются намъ ежедневнымъ чтеніемъ, каждый изъ насъ выносить статистическія свѣдѣнія и изъ средняго образованія, гдѣ эти свѣдѣнія присоединяются преимущественно къ курсу географіи. Высшее образованіе требуетъ провѣрки этихъ знаній, но не должно игнорировать работы, уже затраченной на ихъ приобрѣтеніе. Кромѣ того, преподаватель долженъ такъ или иначе систематизировать научный матеріалъ и показывать учащимся примѣры собственной работы; одновременно исполнять самостоятельныя работы по всѣмъ и даже по многимъ отдѣламъ науки преподаватель не можетъ, и при ограниченности времени наши курсы состоятъ преимущественно изъ группировки и первоначальнаго анализа матеріаловъ.

Какъ это ни странно можетъ показаться съ перваго раза, но глубина отдѣльной студенческой работы должна быть больше, чѣмъ средняя глубина курса, предлагаемаго общему вниманію всѣхъ студентовъ. Лекціонное изложеніе, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Н. А. Любимовъ *), «въ огромномъ бѣльшинствѣ случаевъ, а въ области наукъ нравственныхъ почти всегда, есть изложеніе сценическое, расположенное такъ, чтобы произвести желаемый эффектъ, не допуская зрителя за кулисы. Но переходъ отъ иллюзіи къ правдѣ требуетъ повсюду именно проникновенія за кулисы».

Преподаватель, приглашающій зрителей поскорѣе пройти за кулисы, конечно, жертвуетъ яркостью сценическаго впечатлѣнія, но, кажется, поступаетъ основательно, если только онъ не обладаетъ выдающимися сценическими дарованіями, способными удерживать вниманіе ежедневныхъ посѣтителей «театра». Выборъ знаній, назначаемыхъ для общаго курса или ученика, представляетъ не мало затрудненій даже для опытныхъ преподавателей. Однимъ изъ враговъ истиннаго знанія является эрудиція или знаніе черзчуръ многочисленныхъ деталей, въ которыхъ «умъ,—какъ говорить Гюйо **),—теряется и истощается». Конечно, преподаватель, излагая факты, не можетъ не желать, чтобы существеннѣйшіе изъ этихъ фактовъ закрѣпились въ памяти слушателей. Но онъ, конечно, стремится къ достиженію прочнаго запоминанія, а эта прочность можетъ явиться лишь при небольшомъ объемѣ запоминаемаго, да и достойными запоминанія могутъ быть, конечно, лишь немногіе факты. Тѣ экзамены, о которыхъ упомина-

*) *Научное Обозрѣніе* 1895 г., № 50.

**) *Педагогич. Сборникъ* 1891 г., № 2.

еть Ригъ *) и которые для большинства означаютъ только дозволеніе за-быть выученное, тѣ дипломы, которые тотъ же Ригъ отождествляетъ съ привилегіей опять сдѣлаться невѣждой, конечно, слишкомъ мало помогаютъ движенію научной мысли. Нагруженная память мѣшаетъ работѣ критической мысли и научнаго творчества. Съ людьми, загромождающими свою память обильнымъ матеріаломъ, приходится мысленно повторять замѣчаніе Өемистокла, который, когда Симонидъ предложилъ Өемистоклу научить его искусству помнить, сказалъ: «научи меня лучше искусству забывать» **). Не даромъ Пивагоръ преподавалъ краткими афоризмами и говорилъ, что мы знаемъ лишь настолько, насколько что - либо прочно запомнили ***). Крайне трудно для преподавателя безъ бесѣды съ учащимися убѣдиться въ томъ, насколько прочно воспринимается тотъ матеріалъ, который преподаватель считаетъ достойнымъ запоминанія. Для разныхъ лицъ требуются различныя вѣхи, съ которыми могутъ связываться новыя познанія. Сама память имѣетъ весьма разнообразныя формы: у одного преобладаетъ такъ называемая типографическая форма, у другого—слуховая, у третьяго—двигательная ****). Опытный преподаватель можетъ помочь легчайшему усвоенію матеріала при разныхъ формахъ памяти, но для этого, конечно, ему нужно знакомство съ индивидуальными свойствами занимающагося.

Какъ бы то ни было, мы въ концѣ концовъ не отрицаемъ и въ высшемъ образованіи, и въ самообразованіи полезности изученія нѣкоторой системы фактовъ, составляющей въ нашемъ предметѣ такъ называемую специальную статистику. По Майру *****), систему практической статистики составляютъ демологія, нравственная статистика, статистика образованія, хозяйственная статистика и политическая статистика (т.-е. статистика государственнаго устройства); систему практической статистики Майръ отождествляетъ съ точнымъ обществовѣдѣніемъ (exakte Gesellschaftslehre). Для нашихъ цѣлей здѣсь, конечно, всего важнѣе хозяйственная статистика. Но начинать изученіе специальной статистики все-таки удобнѣе съ демологіи или демографіи. Помимо того, что въ хозяйственной дѣятельности все дѣлается человекомъ и для человека, въ демографіи статистическія правильности достигли наибольшаго обобщенія; всеобщая сельско-хозяйственная статистика еще не написана, между тѣмъ какъ для всеобщей демографіи мы имѣемъ кое-какіе опыты.

Итакъ, двинемся въ путь и послѣ краткаго очерка исторіи и современнаго положенія статистическихъ матеріаловъ, а также важнѣйшихъ пунктовъ методологій рассмотримъ нѣкоторые результаты примѣненія статистическаго метода въ изученію населенія и хозяйственнаго быта. И все-таки на-ряду съ этою общею торною дорогой приглашаю каждаго изъ слуша-

*) *Педагогич. Сборникъ* 1891 г., № 2.

***) *Сіламъ*: „Основныя начала психологіи“. 1887 г., стр. 152.

****) *Б. Шмидтъ*: „Исторія педагогіи“. Т. I. М., 1890 г., стр. 442.

*****) *Каннерегъ*: „Русская Школа“ 1894 г., № 1.

*****) *Theoretische Statistik* 1895, p. 123.

телей прокладывать собственную самостоятельную тропинку и возможно скорѣе приступить къ разработкѣ отдельной темы въ видѣ ли характеристики мѣстности, или въ видѣ статистическаго отвѣта на какіе-нибудь вопросы. Для примѣра предлагаю лѣсколько вопросовъ такого рода:

- 1) Сильно ли тяготѣетъ современный человѣкъ къ городской жизни?
- 2) Часто ли жители Россіи заболѣваютъ болотною лихорадкой и каково значеніе этихъ заболѣваній?
- 3) Какъ и въ зависимости отъ чего видоизмѣняется въ Россіи процентъ взрослога лѣса къ общей лѣсной площади?
- 4) Каковы размѣры площади подъ гречихой, измѣненіе этой площади во времени, приемы обработки, посѣва и урожай гречихи?
- 5) Равномѣрно ли распредѣлено въ русскомъ крестьянскомъ хозяйствѣ пользованіе лошадьми и каковы примѣненія этой равномѣрности съ теченіемъ времени?

Въ заключеніе мы можемъ спросить себя, нужно ли заниматься статистикою въ стѣнахъ агрономической школы. Если бы агрономическое учебное заведеніе было заведеніемъ техническимъ, мы не рѣшились бы дать категорическаго отвѣта на послѣдній вопросъ, и еслибъ допустили статистику въ программу заведенія, то не въ такомъ видѣ. Но мы находимся въ стѣнахъ научной школы (хотя бы и специальной) и потому не колеблясь отвѣчаемъ: да нужно, научное образованіе не достижимо безъ упражненія въ методахъ научнаго изслѣдованія. Двадцать лѣтъ тому назадъ во Франціи, послѣ 25-лѣтняго перерыва, возрождалось агрономическое образованіе. Шли горячіе споры о томъ, какой строй придать вновь учреждавшемуся національному агрономическому институту. Тисгеранъ, признавая соблазнительною на первый взглядъ мысль о соединеніи научнаго и ремесленнаго образованія, называлъ ее въ то же время наименѣе осуществимою въ примѣненіи къ высшему образованію. Онъ называлъ химерою «стремленіе создать посредствомъ школы какихъ-то универсальныхъ техниковъ-агрономовъ, способныхъ немедленно по выходѣ изъ школы справляться съ безчисленною массою комбинацій, изъ которыхъ слагается успешное веденіе единичнаго хозяйства» *). Къ счастью, большинствомъ совѣщавшихся было принято мнѣніе Барраля, высказавшагося противъ обращенія агрономической школы въ мѣсто подготовки хозяевъ-практиковъ. Национальный институтъ сдѣлался научною школою, присоединился къ тому типу, который уже существовалъ въ Петровскомъ-Разумовскомъ и въ Вѣнѣ и немногимъ позднѣе возникъ въ Берлинѣ. Когда-нибудь люди признаютъ основательными взгляды Кондорсе, который, отдѣляя научныя школы отъ элементарныхъ и профессиональныхъ, ставилъ для научныхъ школъ задачею создавать людей, могущихъ новыми открытіями и изобрѣтеніями содѣйствовать прогрессу человѣчества **). Работа студенческой мысли представляетъ собою сущность научной школы. Все остальное—лабораторіи, кабинеты, музеи, бібліотеки, скрывающія въ себѣ, между прочимъ, горы

*) *Русская Школа* 1894 г., № 11.

***) *Вѣсти. Европы* 1894 г., № 4, ст. М. М. Ковалевскаго.

статистическихъ таблицъ—это только лѣса, а не самая постройка; постройка возводится въ видѣ работы студенческой мысли.

Едва ли особую заманчивость могла бы для преподавателя представить обязанность начинать ежегодно головы полусотни людей фактами, хотя бы выборъ фактовъ и былъ предоставленъ самому преподавателю. Но помочь хотя бы 10 человѣкамъ въ годъ овладѣть главными приемами изслѣдованія по любимому предмету, помочь развѣртываться пылкой мысли, которая можетъ потомъ охватить необозримые горизонты, поддерживать съ людьми живыя сношенія на почвѣ любимаго предмета—это такое наслажденіе, благодаря которому преподаваніе становится дѣйствительно пріятнѣйшимъ занятіемъ.

А. Fortunatovъ.

Начало скептического движенія въ Италиі.

The skeptics of the italian Renaissance.

I.

Есть цѣлая категорія умственныхъ движеній, которыя трудно причислить какъ къ историко-философскимъ, такъ и къ историко-литературнымъ явленіямъ. Гдѣ-нибудь въ отдаленномъ, заброшенномъ углу Европы или Азіи рождается мысль, вѣрнѣе—настроеніе, стремящееся прейти въ мысль. Съ изумительною быстротой это настроеніе охватываетъ все большія и большія массы людей, мѣняетъ ихъ жизнь, вызываетъ борьбу и вліяетъ въ концѣ концовъ на судьбы цѣлыхъ государствъ. Хронографы, монастырскіе лѣтописцы, просвѣщенные латинскою грамотностью епископы, словомъ, всѣ тѣ люди, которымъ мы обязаны знакомствомъ съ событіями тысячелѣтняго періода исторіи,—всѣ эти современники умственныхъ броженій, конечно, обращаютъ на нихъ вниманіе и стараются добросовѣстно дать потомкамъ отчетъ о нихъ. Что же они дѣлаютъ? Они излагаютъ тѣ ученія, которыя, повидимому, служатъ непосредственной причиной борьбы и важныхъ происшествій, вліяющихъ на судьбы народовъ. Но, вѣдь, главною силой была не доктрина, а настроеніе, можетъ быть еще и не успѣвшее, какъ слѣдуетъ, кристаллизироваться въ видѣ мысли,—слѣдовательно, толкомъ мы, все-таки, мало что будемъ знать о движеніи. Да и помимо того, излагать рядъ мыслей, еще не выработанныхъ, не установившихся, противорѣчащихъ другъ другу, въ высшей степени трудно даже при совершенно спокойномъ, критическомъ отношеніи къ нимъ со стороны излагающаго; а если принять во вниманіе почти всегда озлобленный, обличительный тонъ, который отличаетъ средневѣковыя лѣтописи въ мѣстахъ, посвященныхъ ересямъ и другимъ умственнымъ революціямъ,—то станетъ совершенно ясно, какъ мало и какъ неумѣло передано намъ о многочисленныхъ движеніяхъ перво-степенной исторической важности. Никто не станетъ спорить также, что то хаотическое смѣшеніе чужихъ и своихъ мыслей, которое лѣтописцы будутъ намъ выдавать за ученіе секты, никоимъ образомъ не можетъ стать предметомъ серьезнаго разсмотрѣнія со стороны историка философіи или исто-

рика литературы. Что касается новой исторіи, то она отличается выгодно отъ средневѣковой лишь въ томъ отношеніи, что здѣсь мы имѣемъ гораздо больше фактическихъ данныхъ и о движеніяхъ, и о доктринахъ. Но и здѣсь историкъ философіи дѣлать нечего. Главная сила доктринъ, вызывающихъ народныя броженія, заключается вовсе не въ ихъ внутренней убѣдительности и не въ ихъ логической красотѣ и не въ ихъ новизнѣ, а только въ томъ, насколько удачно онѣ служатъ внѣшнимъ выраженіямъ, вывѣской того настроенія, которое движетъ массами и волнуется ихъ. Изученіе всѣхъ идейныхъ народныхъ движеній—дѣло историка жизни этого народа, а не историка его философіи или литературы. Богомилская ересь вліяла на судьбы не только всего славянскаго міра, но и Европы, а попробуйте изложить философу богомилствъ, и вы увидите, насколько легче толковать объ убѣжденіяхъ самаго непослѣдовательнаго схоластика, чѣмъ знакомиться самому и знакомить другихъ съ этимъ собраніемъ поразительныхъ негѣпостей и самыхъ фантастическихъ выдумокъ. Преслѣдованіе вѣдьмъ играло огромную роль во всей германской Европѣ и на Британскихъ островахъ, оно оставило отпечатокъ на всемъ строѣ мысли миллионновъ людей, а уловить хотя бы главныя черты теоретическаго обоснованія демонологіи такъ затруднительно, что, насколько мнѣ извѣстно, ни одинъ историкъ вѣдовства и вѣры въ нечистую силу не сдѣлалъ этого достаточно удовлетворительно *).

Вотъ примѣры, число которыхъ можно было бы легко умножить и которые показываютъ съ достаточной убѣдительностью, что весьма часто общенародныя широкія движенія имѣютъ такую ничтожную и неясную теоретическую подкладку, что не могутъ представить для исторіи философіи или исторіи литературы никакого интереса. Скептическая мысль въ Европѣ за свою многолѣтнюю жизнь прошла нѣсколько фазисовъ. Она зародилась чуть ли не въ одно время въ арабской Испаніи, въ Италіи и Южной Франціи—и, увлекая массы народа, много вѣковъ существовала въ видѣ смутнаго, не выяснивашагося съ достаточной опредѣленностью нозыва. Она сразу стала *idée-force*; ее преслѣдовали, она боролась, но во всей своей полнотѣ со всѣми возможными логическими выводами, она долго не была охвачена людскимъ сознаніемъ. Наступило Возрожденіе, пришла реформація—и скептицизмъ въ гениальной головѣ Помпонацци впервые получилъ теоретическое оправданіе и сталъ философскою системою. Со времени Помпонацци, Джордано Бруно и Ваніни скептицизмъ—уже не только стихійное умственное движеніе, но и опредѣленное философское и литературное направленіе. Такимъ образомъ, будучи сначала объектомъ изученія для историка Европы, скептическая мысль съ XVI вѣка становится уже интереснымъ явленіемъ и для историка европейской философіи (для историка литературы она важна

*) Ближе всѣхъ подходитъ къ рѣшенію этой задачи *Locky* въ своей „History of the rise and influence of the spirit of Rationalism in Europe“ и *Mauvy* въ „Histoire de Magie“.

уже со времени Боккаччио). Исторія скептической мысли очень сложна и требует большой способности, со стороны занимающагося ею, обращаться съ тѣмъ хаотическимъ матеріаломъ, который находится въ его распоряженіи. Нужно всматриваться во всѣ событія скептическаго движенія къ концѣ средних вѣковъ, нужно разбирать всѣ метафизическія ухищренія философскихъ трактатовъ XVI и XVII столѣтій—и все время не терять изъ виду одной, чисто-исторической точки зрѣнія, не забывать о той огромной социальной роли, которую сыгралъ скептицизмъ въ исторіи человѣчества и въ эволюціи культуры. Знакомство со всѣми безъ исключенія открытыми первоисточниками и съ важнѣйшими явленіями въ области литературы предмета, умѣнье выставить въ яркомъ освѣщеніи всѣ, повидимому, ничтожныя, а на самомъ дѣлѣ весьма важныя проявленія зарождающагося невѣрія въ римскій догматъ, правильная, строго-логическая классификація причинъ, подготовившихъ почву для процвѣтанія и усиленія европейскаго скептицизма, вотъ достоинства, которыя такъ рѣдко бывають совмѣщены въ историкѣ идейной жизни и которыя такъ необходимы для созданія истинно-научнаго труда въ этой области историческаго знанія.

Ученый, работѣ котораго посвящена эта статья, съ избыткомъ обладаетъ всѣми перечисленными качествами. Джонъ Оуэнъ всю свою жизнь посвятилъ изученію исторіи скептической мысли, и, пожалуй, больше чѣмъ кто-либо содѣйствовалъ уясненію многихъ темныхъ вопросовъ и мало извѣстныхъ сторонъ движенія, которое привело къ освобожденію и торжеству свободной мысли. Изъ-подъ его пера вышла исторія скептицизма въ началѣ и въ срединѣ средних вѣковъ (*Evenings with the skeptics*, 2 тома), исторія скептицизма во Франціи, многочисленные очерки и характеристики свободныхъ мыслителей всѣхъ вѣковъ и народовъ. Последнее изслѣдованіе Оуэна посвящено исторіи скептической мысли въ Италіи и называется *Скептики итальянскаго возрожденія*. Этотъ весьма обширный трудъ раздѣляется на двѣ главныя части: въ первой авторъ говоритъ о тѣхъ общихъ причинахъ, которыя подготовили въ Италіи такую благодарную почву для воспріятія свободныхъ идей, а во второй касается дѣятельности отдѣльных писателей, такъ или иначе помогавшихъ пропагандѣ скептицизма въ началѣ новаго времени. Капитальныя достоинства и мелкіе недостатки разсматриваемой книги лучше всего выяснятся, когда мы обратимся къ последовательному разбору этихъ двухъ главныхъ ея частей.

II.

Когда мы говоримъ о зарожденіи скептической мысли, то поневолѣ должны часто смѣшивать понятіе о скептицизмѣ съ понятіемъ о свободомысліи, хотя бы и вполне понимали, что эти термины не тождественны. Но первоначальное робкое стремленіе по своему рассуждать объ ученіяхъ церкви до такой степени хронологически неразрывно связано съ коначнымъ недовѣріемъ къ римскому догмату, что отдѣлять одно отъ другого нѣтъ

никакой возможности. Оуэнъ, повидимому, держится того же мнѣнія и въ его книгѣ слово skepticism употребляется на-ряду съ выраженіемъ free-thought совершенно въ одномъ и томъ же смыслѣ; однако, еслибъ онъ оговорился въ началѣ своего труда о той существенной разницѣ, которая существуетъ между названными понятіями, то, можетъ быть, ему удалось бы избѣжать многихъ неясностей и недомолвокъ, выступающихъ, какъ увидимъ, особенно рѣзко, когда авторъ говоритъ о Данте и Петраркѣ.

Но если для четырнадцатаго вѣка эти понятія должны быть совершенно отдѣлены другъ отъ друга, то, повторяю, о XII и XIII столѣтіяхъ можно говорить какъ о времени зарожденія свободной мысли, которая по своему характеру была враждебно настроена противъ церковной доктрины и въ этомъ смыслѣ ничѣмъ не отличается отъ любого проявленія позднѣйшаго скептицизма. Какъ же создалась почва для этой свободной мысли? Первая часть труда Оуэна, отвѣчающая на этотъ вопросъ, составляетъ бесспорно лучшую половину книги. По мнѣнію автора, цѣлая сѣть самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ играла здѣсь огромную роль. Если мы начнемъ классифицировать причины зарожденія скептицизма по степени ихъ «важности», то мы рискуемъ произвести не малую путаницу и все-таки не представить удовлетворительнаго отчета о безконечно-сложныхъ элементахъ средневѣковой жизни, сдѣлавшихъ возможными жизнь и развитіе скептической идеи въ Европѣ. Лучшее, что можетъ сдѣлать историкъ, любящій къ тому же крайне скудные матеріалы, это—не мудрствуя лукаво, перечислить всѣ обстоятельства, которыя по его мнѣнію обусловили начало борьбы человѣческой мысли съ Римомъ. Единственная правильная классификація причинъ можетъ быть основана на ихъ происхожденіи: скептическія вѣянія шли извнѣ, передавались итальянцамъ и французамъ другими народами и, рядомъ съ этимъ, мысль порывалась къ своему освобожденію сама, безъ постороннихъ вліяній, а эти порывы отражались въ народной литературѣ и народной философіи и дѣйствовали на умъ и чувство окружающихъ.

Когда матеріальная сила властвуетъ надъ людьми безраздѣльно и когда большинство предано ей не только тѣломъ, но и душой, то оппозицію этой силѣ можетъ составить только другая, тоже матеріальная сила. Известно, что первый протестъ противъ папства раздался съ высоты трона. Ожесточенный споръ папы съ императоромъ, униженіе Генриха и гибель Гильдебранда—вотъ первыя проявленія этой оппозиціи въ концѣ среднихъ вѣковъ. Итальянское общество, со вниманіемъ слѣдившее за перипетіями этой борьбы, въ слѣдующую эпоху, во времена гвельфовъ и гибеллиновъ, уже ясно сознало и обобщило мотивы вражды свѣтской власти къ духовной и раскололось на партіи. Политическіе враги папы нечувствительно становились вольнодумцами, потому что святой отецъ безъ устали проклиналъ ихъ и клеймилъ безбожниками,—а ихъ союзникъ императоръ въ свою очередь ругалъ папу и издѣвался надъ нимъ. Вся справедливость давно высказаннаго мнѣнія, что авторитетъ папы получилъ смертельный ударъ

во время борьбы съ имперіей,—особенно явственно выступаетъ, когда мы разсматриваемъ событія первой половины XIII вѣка. Фридрихъ II уже имѣетъ подъ собою вполне твердую и надежную почву какъ въ Германіи, такъ и въ Италіи. Въ безчисленныхъ памфлетахъ, которыми приверженцы императора осыпаютъ папу, много разъ съ ироніей вопрошается: «Неужели намѣстникъ Христа долженъ обрызгивать своихъ противниковъ бѣшеной пѣной?» «Отчего папа такъ сердится, когда ему говорятъ, что у него незаконны дѣти? Неужели онъ самъ признаетъ въ душѣ, что это правда?» и пр. Враждующія стороны обдавали другъ друга такой грязью, взводили другъ на друга такіа нечестивыя и ужасныя обвиненія, что даже при тогдашней нравственной небрежливости обществу стѣновидилось неловко и друзья папы поневолѣ призадумывались. Правда, здѣсь мы имѣемъ пока дѣло съ сомнѣніемъ въ личныхъ доблестяхъ папы, а не съ сомнѣніемъ въ истинности католическихъ ученій, но разъ вспугнутая и встревоженная мысль уже не успокаивалась, отъ одного порядка убѣжденій переходила къ другому и всюду производила свои опустошенія. А одновременно и въ томъ же направленіи подъ зданіе римской теологіи подкапывались другія силы, которыя были неуловимы и неосязаемы, но тѣмъ опаснѣе для Рима и его ученій. Въ Испаніи жили магометане-арабы и частыя сношенія съ ними, какъ обстоятельно доказываетъ Оуэнъ, имѣли большое вліяніе на понятія итальянцевъ и жителей южной Франціи. Это вліяніе было двухъ родовъ: магометане учили христіанъ вѣротерпимости и спокойному любознательному отношенію къ чужой вѣрѣ, а также заносили уже прямо скептическія воззрѣнія, выросшія на почвѣ оппозиціи Корану и всецѣло примѣнявшіяся въ качествѣ боевого оружія противъ римскаго догматизма итальянскими свободными мыслителями. Сношенія съ магометанскимъ міромъ завязывались не только на западѣ отъ Италіи, но и на востокѣ. Отдаленныя страны Леванта, сначала бывшія объектомъ фантастическихъ легендъ и разсказовъ средневѣковыхъ паломниковъ, затѣмъ послужившія ареной многолѣтней борьбы крестовосцевъ съ сарацинами,—стали, наконецъ, начиная главнымъ образомъ съ XIII вѣка, почвой для оживленныхъ сношеній и торговаго обмѣна между аборигенами и католическимъ населеніемъ Средиземнаго побережья. Христіане знакомились съ чуждымъ міромъ, замѣчали всѣ его хорошія стороны, съ любопытствомъ присматривались къ религіи этихъ храбрыхъ воиновъ и честныхъ купцовъ и съ удивленіемъ сознавались себѣ, что если гнѣвъ Божій и тяготѣетъ надъ невѣрными, какъ утверждаетъ духовенство, то, во всякомъ случаѣ, это не очень замѣтно. Особенно сильное воспитательное значеніе имѣла въ данномъ случаѣ вѣротерпимость мусульманъ, которая не только царяла въ дѣйствительности, но даже была возведена въ теорію. Равенство передъ Богомъ христіанъ, магометанъ и евреевъ впервые было выражено въ мусульманской легендѣ о трехъ кольцахъ, оставленныхъ однимъ отцомъ своимъ дѣтямъ, и до того похожихъ одно на другое, что никто не можетъ ихъ отличить и узнать гдѣ главное, истинное кольцо. Эта легенда перешла въ Европу, распѣвалась трубаду-

рами и дождалась трагическаго пересказа сначала со стороны Джіованни Боккаччо, а потомъ Лессинга. Тысячи и тысячи крестоносцевъ, вернувшихся изъ Палестины, могли подтвердить, что магометане вѣротерпимы не только въ теоріи, но и на практикѣ. Разказы о Саладинѣ, о гостеприимныхъ шейхахъ, излѣчивающихъ раны плѣнныхъ христіанъ и отпускающихъ затѣмъ своихъ плѣнниковъ домой,—всѣ эти наскоро составленные поэмы и повѣсти о восточныхъ народахъ перемѣшивали, конечно, небыллицу съ быльемъ,—но всѣ онѣ оставляли одинъ осадокъ въ сознаниі слушателей: «Можно молиться разнымъ Богамъ и не рѣзать другъ друга». Мало того, столкнувшись съ Востокомъ, европейцы были выбиты изъ умственной колеи: до сихъ поръ они знали, что всѣ—католики, а не-католиковъ, еретиковъ есть на свѣтѣ ничтожное количество. Теперь они во-очію убѣдились, что есть еще одна вѣра, которую надо сравнивать не съ ересью, а съ католицизмомъ, потому что она имѣетъ такую же огромную массу послѣдователей. Во время крестовыхъ походовъ эта другая вѣра торжествовала надъ религіей крестоносцевъ, а торжество матеріальной силы дѣйствуетъ импонирующимъ образомъ на людей и покультурнѣе средневѣковыхъ европейцевъ. Все убѣждало ихъ въ томъ, что этотъ особенный міръ имѣетъ свой фундаментъ, свою интересную и богатую содержаніемъ жизнь, что слишкомъ умны и сильны эти новые люди, и слишкомъ важна и сложна доктрина Пророка, и что назвать эту доктрину ересью—значить ничего не сказать и отдѣлываться словами. Хаосъ новыхъ мыслей и понятій ворвался въ умственный обиходъ европейцевъ съ возвращеніемъ крестоносцевъ и произвелъ тамъ полное замѣшательство. Конечно, это новое умственное теченіе, сочувственное магометанскому міру, было замѣчено не только родными и знакомыми крестоносцевъ, но и духовнымъ ихъ начальствомъ и всеми хранителями и ревнителями чистоты церковныхъ преданій. Правовѣріе крестоносцевъ подвергается большимъ сомнѣніямъ и нареканіямъ, и даже въ болѣе позднюю эпоху обвиненіе въ тайной принадлежности къ мусульманству предъявляется къ ордену Тамплиеровъ со стороны Филиппа Красиваго, которому нужно было погубить рыцарей, чтобы овладѣть ихъ имуществомъ. Какъ бы ни было вздорно это обвиненіе само по себѣ, но ясно, что общественное сознаніе уже успѣло констатировать симпатію и влеченіе къ магометанскому міру тѣхъ лицъ, которыя особенно часто съ нимъ сталкивались. Какъ я уже упомянулъ, знакомство съ магометанами имѣло еще одно послѣдствіе—распространеніе скептическихъ ученій арабскихъ мыслителей. Къ сожалѣнію, Оуэнъ счелъ почему-то возможнымъ не посвятить очерку арабской литературы въ десять разъ больше мѣста, чѣмъ это сдѣлано въ его книгѣ, то читатели только выиграли бы въ пониманіи дѣйствительныхъ причинъ итальянскаго скептицизма.

Изъ арабской Испаніи пышнымъ цвѣтомъ цвѣла философія; не только интеллигенность общества и правительства, не только матеріальная обезпеченность многочисленнаго класса населенія, не только развитіе естественныхъ

наукъ и обиліе занесенныхъ съ Востока греческихъ манускриптовъ давали возможность и охоту предаваться умозрѣніямъ, но и чисто-случайное обстоятельство—появленіе цѣлой фаланги даровитыхъ, вдумчивыхъ людей, всецѣло отдавшихъ себя на разгадку тайны жизни,—содѣйствовало процвѣтанію арабской метафизики въ концѣ среднихъ вѣковъ. Аверроэсъ и Авиценна стоятъ во главѣ этой фаланги. Въ литературѣ высказывались мнѣнія *), сводившіяся къ тому, что въ сущности Аверроэсъ вовсе не такая звѣзда первой величины, какъ то думали схоластики XIV и XV столѣтій. Въ мою задачу не входитъ изложеніе содержанія философіи «великаго комментатора, потому что для меня тутъ главное—указать на огромное вліяніе, которымъ обязана европейская скептическая мысль арабскому философу, но съ мнѣніемъ хулителей Аверроэса согласиться трудно. Конечно, самостоятельнымъ творческимъ умомъ Аверроэсъ не обладалъ уже потому, что говорилъ о центральныхъ метафизическихъ проблемахъ только по поводу взглядовъ Аристотеля и, если не ошибаюсь, ни разу не рискнулъ пуститься въ философскія изысканія самъ, безъ провожатаго. Но, во-первыхъ, рамки аристотелевской философіи были такъ необъятно широки, что ограничить себя ими значило, въ сущности, не ограничивать себя вовсе, а во-вторыхъ—и постановка вопросовъ, и, въ большинствѣ случаевъ, рѣшенія ихъ были у Аверроэса далеко не тѣ, что у Аристотеля. Ученіе о единой мировой душѣ, съ которой сливаются души умершихъ, о смертности всякаго человѣческаго индивидуума,—это ученіе, которое, при всей своей метафизичности, непосредственно вело къ самымъ матеріалистическимъ построеніямъ, всецѣло принадлежитъ Аверроэсу и прямо враждебно какъ ученію Корана, такъ и римскому богословію. Аверроэсъ первый установилъ также то понятіе, за которымъ прятались чуть ли не всѣ свободные мыслители Италіи и которое, несмотря на заключающуюся въ немъ наивную хитрость, не мало способствовало выработкѣ идеи объ отличіи и отдѣленіи философіи отъ религіи: я говорю о такъ называемомъ понятіи «двойкой истины». Согласно доктринѣ Аверроэса, каждый вопросъ можно рѣшать двояко: или стоя на точкѣ зрѣнія философіи, или рассуждая на основаніи Корана. Первый отвѣтъ можетъ быть истиненъ, но будетъ отличаться отъ второго, даннаго Кораномъ. Однако, вѣдь Пророкъ лгать не можетъ, значить—и второй отвѣтъ тоже истиненъ. Такимъ образомъ и получилось двойное рѣшеніе одного и того же вопроса, получилась «двойкая истина». Аверроэсъ не признавалъ личнаго безсмертія, отвергалъ сотвореніе міра изъ ничего, однимъ актомъ воли Аллаха, и хотя говоритъ часто, что въ сущности онъ не расходится съ исламомъ, но ни этимъ голословнымъ оправданіемъ, ни своей «двойкой истиной» онъ никого не обманулъ, и въ концѣ жизни на него уже всѣ смотрѣли какъ на крайняго и опаснаго вольнодумца. Въ XIII и XIV столѣтіи возникли и усилились

*) См., наприм., *Lange*: „Histoire du matérialisme“. Т. I, p. 166 (Paris, 1877). Впрочемъ, послѣ монографіи Ренана „Averroès et l'averroïsme“ очеркъ Ланге ровно никакого значенія имѣть не можетъ.

торговныя связи Италиі съ христіанской и арабской Испаніей. Главную роль въ торговомъ отношеніи играла Барселона, подчиненная христіанскому королю Хайме Арагонскому (Jaime el Conquistador), но рѣдкое итальянское судно не посѣщало послѣ Барселоны и остальныхъ городовъ средиземнаго побережья, находившихся еще во власти арабовъ. Еслибъ Оуэнъ вообще больше остановился на арабскомъ вліяніи, онъ нашелъ бы не мало любопытныхъ указаній на оживленность итальянской торговли съ Испаніей въ классическомъ трудѣ Кампани *). Помимо торговли, которая связывала Аппенинскій полуостровъ съ Пиринейскимъ крѣпкой и частой сѣтью самыхъ разнообразныхъ отношеній, были еще пути, по которымъ арабская мысль проникала въ Италию. Не надо забывать, что былъ въ XIII вѣкѣ цѣлый періодъ, когда свобода слова и вѣры царствовали въ обширной части Европы. На германскомъ престолѣ сидѣлъ Фридрихъ II. Никогда ни прежде, ни послѣ папству не приходилось имѣть дѣла съ болѣе опаснымъ для него носителемъ свѣтской власти. Императоръ былъ такъ безконечно хитеръ и ловокъ, такъ умѣлъ замстать за собою слѣды, былъ способенъ наносить когда исподтишка, а когда и открыто такіе страшные удары, что въ сравненіи съ нимъ Филиппъ Красивый, напримѣръ, можетъ назваться невиннымъ младенцемъ. Но императоръ Фридрихъ боролся не только съ папою; его война съ Римомъ была не только поединкомъ духовной и свѣтской властей, но и споромъ двухъ противоположныхъ міросозерцаній. Фридрихъ II былъ полнѣйшимъ индифферентистомъ въ дѣлѣ религіи, и на самую религію смотрѣлъ только какъ на точку опоры и сильное оружіе для своего врага; поэтому, въ увлеченіи борьбы съ папой, Фридрихъ пускалъ въ ходъ такія средства, которыя поражали не только римскаго первосвященника, но и весь строй католическихъ ученій. Императоръ смолоду любилъ Востокъ и восточные народы; при его дворѣ было много и восточныхъ баблерокъ, и магометанскихъ ученыхъ, и еврейскихъ каббалистовъ,—и Фридрихъ съ одинаковымъ удовольствіемъ проводилъ часы досуга и съ первыми, и со вторыми, и съ третьими. Въ королевствѣ обѣихъ Сицилій, принадлежавшемъ императору, медицинскія и философскія каѳедры были заняты почти исключительно арабами и евреями,—и тысячи молодыхъ людей имѣли возможность вблизи отъ Рима поучаться аверроэсовской премудрости и выслушивать сравненія между христіанствомъ и іудействомъ не какъ между двумя религіями, а какъ между двумя философскими міровоззрѣніями. II не только арабскіе профессора шли въ христіанскимъ студентамъ, бывало и наоборотъ,—въ Кордову и Севилью отправлялись массами молодые люди, злавшіе дополнить свое образованіе въ самыхъ лабораторіяхъ тогдашней редовой мысли. Если мы прибавимъ еще, что трубадуры и здѣсь остались вѣрны своему призванію и со многими другими умственнымъ бажомъ разносили также арабскія легенды и скептическія сужденія объ

*) *Antonio de Capmany*: „Memorias historicas sobre la marina, el commercio y artes de la antigua ciudad de Barcelona“ (Barcelona, 1779). Т. I и III passim.

Аллахъ, то для насъ станетъ ясно, какое тѣсное умственное общеніе между Италіей и Испаніей могло развиться, если эти страны были соединены и торговлей, и академическими связями, и огромною массой странствующихъ пѣвцовъ, одинаково хорошо принимаемыхъ въ замкахъ и хижинахъ.

III.

Я выдѣляю всѣ причины зарожденія и развитія скептицизма, которыя можно назвать внѣшними. Борьба папъ съ императорами и восточное вліяніе, шедшее какъ изъ Леванта, такъ и изъ Испаніи,—вотъ какія обстоятельства могущественно содѣйствовали подготовленію той духовной почвы, на которой развилась свободная скептическая мысль въ Италиі и Европѣ. О борьбѣ свѣтской власти съ духовной Оуэнъ не говоритъ ничего, а о восточномъ вліяніи очень мало и, кромѣ того, слишкомъ разбрасывается въ изложеніи: начавъ говорить объ арабской культурѣ, онъ вдругъ прерываетъ свой рассказъ и возобновляетъ его уже впоследствии, коснувшись секуляризаціи литературы. На заголовки, посвященные зарожденію свободомыслія въ литературѣ, у него вполне безукоризненны и составляютъ бесспорно главное украшеніе книги.

Всю ту эволюцію, которую переживаетъ южная романская литература въ концѣ среднихъ вѣковъ, всѣ измѣненія въ характерѣ ея содержанія и въ самой формѣ произведеній нашъ авторъ склоненъ обозначать однимъ выраженіемъ, подводитъ къ одному итогу: по его мнѣнію, въ это время совершилась *секуляризація литературы*. Что нужно понимать подъ этимъ непереводимымъ выраженіемъ? Литература стала свѣтской, перестала заниматься исключительно религіозными сюжетами, объявила свое право на самостоятельную жизнь, сдѣлалась служительницей міра сего и выразительницей назрѣвающихъ людскихъ думъ о свободѣ и о протестѣ. Какая это должна быть свобода и противъ чего долженъ быть направленъ протестъ, объ этомъ не спрашивайте у поетовъ и писателей XII и XIII вѣковъ; они еще не вполне отдали себѣ въ этомъ отчетъ и только полны безотчетной жизнерадостности, какъ будто кто-то уже сказалъ имъ, что, не смотря ни на что, будущее за ними.

Въ какой же формѣ проявилась прежде всего секуляризація литературы? Оуэнъ съ замѣчательнымъ остроуміемъ и проникательностью указываетъ прежде всего на средневѣковыя энциклопедіи, которыя до него не упоминались *никогда* изъ историковъ свободной мысли. Эти энциклопедіи составлялись обыкновенно учеными монахами (а иногда и мірянами) и включали въ себѣ «omne scibile», т.-е. все познаваемое, всю совокупность знаній. Легко себѣ представить, каковы были эти знанія и сколько учительнаго давали энциклопедіи своимъ читателямъ. Разумѣется, первое мѣсто въ этихъ огромныхъ рукописныхъ фолиантахъ принадлежитъ подобнымъ разъясненіямъ природы дьявола и вообще нечистой силы, разска-

защѣ о продѣлкахъ служителей сатаны, описаніямъ наружности центавровъ, драконовъ, огнедышащихъ гриффовъ и пр.

Далѣе идутъ свѣдѣнія о заговорахъ лихорадки, зубной боли, чахотки—и другія данныя изъ области теоретической и практической медицины. Не мало мѣста посвящено также географическимъ повѣствованіямъ о жизни антиподовъ, о подводныхъ государствахъ и проч. Тутъ же, въ перемежку, и неизвѣстно для чего приводятся рядомъ выписки изъ Св. Писанія, изъ Цицерона, изъ Овидія, изъ твореній извѣстныхъ церковныхъ проповѣдниковъ, изъ пѣсеней трубадуровъ. Весь этотъ беспорядочный хламъ и носилъ названіе энциклопедіи. И вотъ энциклопедіи начинаютъ нѣсколько измѣнять свой характеръ, начинаютъ секуляризоваться. Появляется извѣстная классификація о духовныхъ предметахъ, о церковныхъ апокрифахъ говорится особо, а о свѣтскихъ особо. Дѣлаются попытки разъясненія многихъ загадочныхъ матерій «отъ чистаго разума», безъ ссылокъ на св. отцовъ. Словомъ, наступленіе новой эпохи сказывается даже здѣсь, въ этихъ рудиментарныхъ сосудахъ средневѣковой премудрости. Но въ тѣ вѣка люди и не любили, и, въ большинствѣ случаевъ, не умѣли читать. Для удовлетворенія ихъ непритязательной любознательности существовали живыя энциклопедіи, которыя могли сообщить желающимъ поучаться все, что угодно, да еще къ тому же и въ стихахъ, съ пѣснями и струннымъ аккомпаниментомъ. Историческая роль голиардовъ и трубадуровъ теперь уже никакъ не оспаривается, но слишкомъ часто изъ-за провансальскихъ пѣвцовъ проходятъ мимо ихъ менѣе замѣтныхъ предшественниковъ.

Голиардамъ въ трудѣ Оуэна отведено довольно много мѣста, а та сводка всего относящагося къ нимъ матеріала, которую дѣлаетъ нашъ авторъ, даетъ очень любопытные результаты. Кто такіе по своему социальному положенію были голиарды, мы не знаемъ. Тѣ писатели, которые утверждали, что голиарды—не что иное, какъ низшіе клирики,—основывались только на содержаніи оставшихся отъ нихъ пѣсенъ и на церковной латыни, которую легко можно распознать въ ихъ идиомѣ. Какъ бы ни были вѣски эти аргументы, все же, мнѣ кажется, осторожнѣе было бы оставить этотъ вопросъ открытымъ, по примѣру Оуэна и Бартоли. Голиарды появляются въ 11-мъ вѣкѣ, они извѣстны и тремъ слѣдующимъ столѣтіямъ, а въ концѣ 14-го вѣка о нихъ уже ничего не слышно. По образу своей жизни и по характеру занятій голиарды тѣсно примыкаютъ къ трубадурамъ. Они бродятъ по южной Франціи, по сѣверной и средней Италиі, —попадаютъ ихъ слѣды и на сѣверѣ Европы. Питаются они добродельною платой слушателей, ночуютъ гдѣ придется и не прекращаютъ ихъ кочевокъ ни зимою, ни лѣтомъ. Найдя слушателей, они поютъ песни и рассказываютъ сказки—и всегда содержаніе этихъ пѣсенъ и сказокъ одно и то же. Голиарды повѣствуютъ о страсти къ пьянству духовныхъ лицъ, объ ихъ немовѣрномъ обжорствѣ, о монастырскихъ винныхъ гребяхъ, куда будто бы жирные патеры удаляются спасать свою душу. И говорятъ и о далекомъ Римѣ, причемъ называютъ его нечистымъ го-

родомъ, полнымъ всякихъ безобразій и распутствъ. Впервые мы встречаемъ въ поэзіи голиардовъ эпитетъ «Вавилонъ», примѣненный къ столицѣ папъ,—тотъ эпитетъ, который потомъ былъ такъ популяренъ въ пуританской Шотландіи. Фантастически перепутаны у голиардовъ обозначенія языческихъ боговъ съ названіями и именами, встрѣчающимися въ Евангеліи. По справедливому замѣчанію Оуэна, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ зарождающимся паганизмомъ, влеченіемъ къ классическому древнему язычеству, съ грѣховною симпатіей къ идолопоклонникамъ, въ которой такъ упрекали впоследствии дѣятелей эпохи Возрожденія и которую не можетъ простить Ренессансу даже въ концѣ 19-го столѣтія австрійскій профессоръ Лудвигъ Пасторъ *). Папа, кардиналы, соборы—все это подвергается въ стихотвореніяхъ голиардовъ осмѣянію и даетъ поводъ къ незлѣпѣйшимъ пародіямъ, которыя, несмотря на всю свою вздорность, вѣроятно совершенно удовлетворяли вкусамъ зрителей и веселили простодушную публику. Голиарды относятся также развязно и къ ученію о чистилищѣ, объ адѣ и раѣ,—пародируютъ важнѣйшія католическія молитвы и вообще не признаютъ для себя, повидимому, ничего заповѣднаго, чего нельзя было бы касаться. Они исключительно заняты церковью и церковными дѣятелями, ни о чемъ другомъ не говорятъ и не выражаются иначе, какъ самою напыщенною, умыленно-неумѣстною проповѣдническою латынью. О вполне сознательномъ скептицизмѣ тутъ рѣчи еще быть не можетъ, но что голиарды имѣли большое вліяніе на массу общества своимъ отношеніемъ ко многимъ неприкосновеннымъ до нихъ предметамъ, что они пріучали своихъ слушателей не бояться собственныхъ мыслей, это фактъ. Они не были протестантами въ широкомъ смыслѣ слова, носителями новыхъ человѣческихъ идеаловъ, какъ трубадуры,—они дѣлали гораздо меньшее дѣло и шли по болѣе узкимъ путямъ,—но ихъ долгое существованіе не прошло даромъ, и если не проложило, то расчистило дорогу другимъ родственнымъ теченіямъ мысли и другимъ пропагаторамъ.

IV.

Новый эволюціонный фазисъ литературы обыкновенно знаменуется измѣненіемъ въ основномъ характерѣ уже существующихъ литературныхъ формъ и возникновеніемъ новыхъ, и едва ли будетъ рискованно сказать, что именно эти новыя формы бываютъ наиболѣе характеристичны для переживаемой эволюціи. Поэзія трубадуровъ съ момента своего возникновенія не теряла свѣтскаго характера и по ней одной мы можемъ судить о главныхъ мотивахъ совершавшагося переворота. О провансальской поэзіи было писано очень много и объ ея происхожденіи не разъ спорили съ жаромъ и ожесточеніемъ. Многіе французскіе историки склонны видѣть въ ней цвѣтокъ, выросшій на чисто-національной французской почвѣ;

*) См. *Ludw. Pastor: „Geschichte der Päpste“* (Innsbr 1887). T. I. Einleitung (...fa.sche, heidnische Renaissance).

Оуэнъ держится того мнѣнiя (высказаннаго въ первый разъ, впрочемъ, не имъ, а Симонди), что поэзія трубадуровъ всецѣло обязана своимъ зарожде-ніемъ и характеромъ—арабскому вліанію и представляетъ собой сколокъ съ поэзіи испанскихъ и сицилійскихъ арабовъ. Въ лицѣ трубадуровъ мы видимъ уже въ полномъ смыслѣ слова свободныхъ мыслителей. Нашъ авторъ въ немногихъ словахъ превосходно опредѣляетъ истинную причину вражды церкви съ трубадурами: «церковь скоро стала подозрительно отно-ситься къ духовной культурѣ, которая не имѣла ее своимъ источникомъ, не говорила церковнымъ языкомъ, не выражала церковныхъ мыслей, не принимала церковныхъ ученій и съ чувствомъ дружбы и симпатіи встрѣчалась евреями, турками, невѣрными и еретиками». Трубадуры не состояли въ прямой открытой враждѣ къ католической доктринѣ, но они игнориро-вали ее, а это было замѣтно и подозрительно, возбуждало злобу и по-буждало къ гоненіямъ. Право жить и мыслить по своему, не справляясь съ господствующими воззрѣніями—вотъ что сознательно проповѣдывали трубадуры; отвращеніе къ аскетизму и ученію о жизненномъ покаяніи—вотъ что безотчетно, можетъ быть, проводилось ими въ ихъ пѣсняхъ, поэ-махъ и аллегоріяхъ. Ихъ веселая, молодая жизнерадостная поэзія звучала диссонансомъ среди мрачной, уже отживающей, но все еще сильной дѣй-ствительности. А что дѣйствительность была сильна,—это несчастный Провансъ испыталъ на собственномъ опытѣ. Тотъ крестовый походъ, ко-торый разорилъ южную Францію и погубилъ массу ея невинныхъ обита-телей,—былъ направленъ столько же противъ катаристовъ и манихейнъ, сколько противъ общаго духа, проникавшаго умственную жизнь этой страны.

Послѣ этого страшнаго дѣла папы, трубадуры стали уже въ иное по-ложеніе по отношенію къ Риму; они сдѣлались прямыми обличителями всехъ пороковъ и злодѣйствъ папской курии. Большинство странствующихъ пѣвцовъ должно было удалиться изъ своего отечества; они разбрелись по всей Европѣ, распространяя всюду новыя идеи и сѣя злобу противъ при-тѣснителей. Ихъ любили и принимали всѣ, какъ бѣдные, такъ и богатые—и въ тѣ времена отсутствія прессы они замѣняли собой періодическую пе-чатъ. Какъ популяризаторы новаго, нарождающагося строя мысли, труба-дуры не имѣютъ соперниковъ. Голиарды были только обличителями грѣш-ковъ католическаго духовенства и фривольными сатириками, упражняв-шими свое перѣдко весьма дешевое остроуміе надъ религіозными предме-тами; а въ лицѣ трубадуровъ мы видимъ если не творцовъ, то проводни-ковъ и провозвѣстниковъ новаго умственнаго и общественнаго уклада, отверженцевъ положительнаго идеала, которому суждено было недалекое будущее. Оуэнъ склоненъ придавать трубадурамъ еще и значеніе реформаторовъ итальянскаго языка и стиля, говорить, что безъ нихъ появленіе Данте, Петрарки и Боккаччіо было бы невозможною.

Иностранцу трудно имѣть свое самостоятельное мнѣніе въ этомъ слож-номъ вопросѣ исторической филологіи; но такъ какъ Оуэнъ рѣшительно

ничѣмъ не подтверждаетъ своего положенія, то давнишнее мнѣніе авторитетнаго знатока итальянской литературы Паоло Джудичи остается непоколебимымъ, а согласно съ этимъ мнѣніемъ провансальскіе трубадуры не имѣли ни малѣйшаго вліянія на выработку итальянскаго языка *).

Какъ бы то ни было, трубадуры сдѣлали дѣло первостепенной исторической важности, и ихъ пѣсни заслуживаютъ того, чтобы съ нихъ начинали изученіе Ренессанса. Далѣе къ популяризаторамъ свободной мысли въ XII и XIII столѣтіяхъ Оуэнъ причисляетъ дѣятелей народнаго театра, на подмосткахъ котораго разыгрывались такъ называемыя мистеріи. Мистеріями въ средніе вѣка назывались, какъ извѣстно, драматическія представленія, сюжеты для которыхъ авторы брали изъ Священнаго Писанія, изъ апокрифовъ и церковныхъ преданій. Эти мистеріи держались очень долго, и ихъ слѣды остались въ Западной Европѣ чуть ли не до XVIII столѣтія. Въ то переходное время, которое непосредственно предшествовало эпохѣ Возрожденія, мистеріи, подчиняясь вторгшимся въ духовный обиходъ романскихъ народовъ новымъ элементамъ, измѣняютъ свой характеръ: во-первыхъ, къ религиознымъ сюжетамъ начинаютъ примѣшиваться картины и образы древняго классическаго міра, причемъ Богъ называется безразлично то Саваоомъ, то Юпитеромъ; адъ является подъ именемъ Тартара и проч. Во-вторыхъ, въ отношеніи авторовъ къ произведеніямъ своей фантазій замѣчается новая и очень любопытная черта: прежде человекъ, который составлялъ мистеріи, считалъ себя чѣмъ-то вродѣ священнослужителя и свою роль полагалъ только въ томъ, чтобы сообщать диалогическую форму сказаніямъ Вѣтхаго и Новаго Заветовъ. Теперь авторы мистерій выступаютъ на путь болѣе самостоятельнаго творчества: Сатана, бесѣдуя съ ангелами, уже не терпитъ постыдныхъ пораженій къ полному удовольствію публики, а иногда и озадачиваетъ своихъ оппонентовъ неожиданными оборотами мысли и курьезнѣйшими вопросами; святой Петръ, сидя у дверей рая, вступаетъ въ препирательства съ подходящими къ нему грѣшниками, и во время этихъ споровъ грѣшники доказываютъ ему, что они гораздо чище и праведнѣе его; монахъ ловитъ чорта у себя въ бородѣ, и чортъ заводитъ съ нимъ диспутъ о добрѣ и злѣ, о происхожденіи зла, о томъ, почему Богъ терпитъ зло на землѣ. Монахъ отвѣчаетъ чорту изъ катехизиса, а чортъ послѣдовательно старается опровергнуть всѣ возраженія. Мистеріи принимаютъ болѣе свѣтскій характеръ и все чаще и чаще наполняются фривольнѣйшими выходками противъ высшаго клира и, что еще важнѣе, противъ нѣкоторыхъ пунктовъ римскихъ ученій. Впрочемъ, роль ихъ заключалась не въ выработкѣ новыхъ воззрѣній, а въ популяризаціи болѣе свободнаго отношенія къ Риму, и эту роль мистеріи переходнаго времени исполнили съ несомнѣннымъ успѣхомъ.

Наконецъ, по мнѣнію Оуэна, въ распространеніи свободомыслія повин-

*) См. *Opere di Paolo Emiliani-Giudici, volume primo, Storia della letteratura italiana, lezione seconda* p. 56 и слѣд. (Firenze, 1865).

но отчасти также оживленіе интереса въ классической древности, замѣтное уже въ XII и XIII вѣкахъ. Аргументы, которыми поддѣрживаетъ Оуэнъ свое мнѣніе, въ сожалѣнію, не такъ ясны и понятны, какъ того можно было бы пожелать. Авторъ говоритъ очень много о томъ, что воспоминаніе объ отошедшемъ въ вѣчность античномъ мірѣ продолжало существовать въ теченіе среднихъ вѣковъ. Это такъ, но вѣдь противъ этого никто и не спорить. Далѣе Оуэнъ утверждаетъ, что классицизмъ сильно развился въ XII и XIII вѣкахъ, и приводитъ многочисленныя доказательства справедливости своего мнѣнія. И это такъ. Но вѣдь дѣло не въ томъ, что классицизмъ былъ, а въ томъ, содѣйствовалъ или не содѣйствовалъ онъ скептическому движенію мысли. И Оуэнъ не находитъ другихъ доказательствъ въ пользу своего тезиса, какъ то, что фривольныя мистеріа исполнялись на латинскомъ языкѣ и что епископамъ и вообще клирикамъ было нѣкоторое время запрещено читать римскихъ авторовъ! Первый аргументъ падаетъ самъ собою, если только мы вспомнимъ, что рѣчь идетъ не о роли латинскаго языка, а о значеніи классической древности въ разсматриваемый періодъ; что же касается до второго аргумента о запрещеніи епископамъ читать классиковъ, то и онъ ничего не доказываетъ, потому что вѣдь папская курія не позволяла читать даже Ветхій Заветъ, а между тѣмъ Оуэнъ не станеть, конечно, упрекать Библию въ скептицизмъ. Впрочемъ, нашъ авторъ самъ, повидимому, помѣстивъ главу объ оживленіи классическихъ занятій (*Revival of classical studies*) только для желаемой имъ «полноты», такъ какъ на протяжении всей книги ни разу уже не возвращается къ высказаннымъ въ этой главѣ сужденіямъ.

Итакъ, борьба императоровъ съ Римомъ, магометанское вліяніе, поэзія голлардовъ и трубадуровъ, мистеріа и сценическія полусвѣтскія, полурелигиозныя представленія—вотъ тѣ разнообразныя вліянія, среди которыхъ зародилось, выросло и окрѣпло оппозиціонное движеніе передового европейскаго общества противъ католическихъ формъ.

Теперь намъ нужно разсмотрѣть въ частности, противъ какихъ же именно принциповъ и идей римскаго католицизма направилась эта новая сила, съ чѣмъ она прежде всего вступила въ борьбу.

У.

По всемірно-историческому закону реакціи, общество стало во враждебныя отношенія прежде всего къ тому, что играло у него первую роль непосредственно до этого времени, чему всѣ поклонялись безпрекословно и благоговѣнно. Нѣкоторыя части католическаго строя идей особенно культивировались въ средніе вѣка, и эти - то части раньше всего были покинуты и подверглись нападкамъ общественнаго мнѣнія. Оуэнъ превосходно классифицируетъ эту скептическую реакцію. По его словамъ, мы имѣемъ утъ дѣло съ реакціей: а) противъ церковной догмы, 2) противъ аскетизма, 3) противъ излишняго развитія и значенія духовенства (*reaction against*

sacerdotalism), 4) противъ тѣхъ извращеній евангельскихъ ученій, которыя допустилъ Римъ, именно противъ слишкомъ матеріальнаго, земнаго пониманія этихъ ученій и противъ преобладанія у духовенства часто-матеріальныхъ вождельннй надъ болѣе высокими помыслами. Такъ ясно и строго-логично еще никто не расчленилъ результатовъ освободительнаго движенія въ концѣ среднихъ вѣковъ. Тутъ нельзя ничего ни убавить, ни прибавить, и эта часть труда Оуэна особенно оригинальна и цѣнна, тѣмъ болѣе, что при ближайшемъ разсмотрѣннй мы убѣждаемся, до какой степени естественно, безъ натяжекъ, распредѣляются между указанными категоріями всѣ факты тогдашней жизни и литературы, какіе вообще такъ или иначе можно причислить къ знаменіямъ своего времени.

Католическая церковь успѣла за тысячу лѣтъ своего духовнаго главенства въ Европѣ создать цѣлую теологическую метафизику и окружить каждое положеніе, каждое слово Евангелія цѣлою сѣтью схоластическихъ интерпретацій. Эти-то безчисленныя надстройки надъ христіанскою доктриной Оуэнъ и называетъ церковною догмой. Средневѣковые клирики считали себя вправѣ и въ силахъ разрѣшать самыя трудныя и необычайныя вопросы и дѣлали это, конечно, совершенно произвольно даже съ своей точки зрѣннй, такъ какъ весьма часто ихъ сужденія не имѣли подъ собою никакой опоры ни въ Евангеліи, ни въ постановленіяхъ соборовъ. Они доктринально толковали объ атрибутахъ власти и наружности Божества, о функціяхъ всѣхъ ангеловъ вообще и каждого въ частности, о степеняхъ адскихъ наказаній.

Оппозиція противъ этихъ произвольныхъ открытій духовенства началась съ вопроса: «откуда вы все это знаете?» Этотъ вопросъ былъ косвенно предлагаемъ зарождавшимся освободительнымъ теченіемъ литературы и, конечно, остался безъ отвѣта. Тогда пошли въ ходъ язвительныя пародіи и насмѣшки въ духѣ Лунджи Пульчи. Запутанныя схоластическія проблемы церковнаго характера начали обсуждаться въ діалогахъ между балаганнымъ Пьерро и его сподвижниками; воззрѣннй ученыхъ монаховъ стали подвергаться и въ стихахъ, и въ прозѣ самымъ невозможнымъ, умысленно-взорнымъ толкованіямъ. Здѣсь прежде всего сказалось отвращеніе къ метафизикѣ и схоластикѣ, и желаніе поскорѣе выйти на чистый воздухъ и вернуться къ жизни и природѣ. Еще сильнѣе это желаніе выразилось въ другой реакціи,— въ реакціи противъ аскетизма. Что аскетизмъ не былъ созданіемъ церкви, что онъ всецѣло вытекъ изъ нравственныхъ потребностей средневѣковаго человѣка, это — фактъ безусловно достоверный, и Оуэнъ напрасно приписываетъ аскетическую мораль теологн. Достаточно вѣдь вспомнить, съ какимъ недоумѣніемъ и недовѣріемъ встрѣтила церковь появленіе монастырей и монашества, достаточно знать, насколько самостоятельно отъ всякихъ церковныхъ вліаній развивались удаленія въ пустыню, самоистязанія и проч., чтобы безусловно признать полную самобытность и оригинальность аскетизма. Правда, уже впоследствии римское духовенство поняло, какая огромная нравственная сила заклю-

чается въ обаяніи, производимомъ аскетами на толпу, и оно постаралось воспользоваться этою силой въ своихъ интересахъ, но *создать* аскетизмъ церковь не могла, потому что аскетизмъ прежде всего — чувство. Теологи потомъ уже постарались дать теоретическое обоснованіе аскетическимъ подвигамъ, и реакція направилась именно противъ этихъ метафизическихъ построеній, но аскетическое чувство продолжало жить и въ XII, и въ XIII, и въ XIV вѣкахъ, и дальше, и врядъ ли совершенно исчезло и теперь. Возрождающееся духомъ европейское общество было болѣе всего враждебно настроено противъ аскетизма и его богословскихъ оправданій. Одни протестовали противъ него во имя формулы: «вѣра безъ дѣла мертва», — другіе, и такихъ было большинство, — просто отвергали аскетизмъ, потому что имъ хотѣлось наслаждаться природою, любовью, — всѣми удовольствіями жизни съ спокойнымъ сердцемъ, а аскетическая мораль говорила, что *наслажденіе грѣховно уже потому, что оно — наслажденіе*. Обществу такъ страшно надоѣла эта формула, она такъ его измучила и такъ долго отравляла ему существованіе, что теперь оно прежде всего отвернулось отъ аскетизма и, съ обычнымъ гнѣвомъ ренегата на свои собственные заблужденія, принялось бранить и обличать всѣхъ оставшихся вѣрными доктринамъ самоистязанія во славу Бога. Аскетизмъ былъ тѣсно связанъ съ глухимъ обскурантизмомъ и суевѣріемъ, которые такъ ревностно были поддерживаемы и высшимъ, и низшимъ клиромъ и въ разсматриваемую эпоху нападенія на аскетическое міровоззрѣніе перемѣшивались съ нападеніями на темноту и невѣжественность церковныхъ руководителей народа. Эти обличенія священнослужителей прямо приводятъ насъ къ вопросу о реакціи противъ духовенства или, какъ выражается Оуэнъ, противъ жреческаго класса.

VI.

Когда въ обществѣ еще не вполне выработались положительные идеалы, а отрицательные успѣли ясно обозначиться, то всегда борьба со старыми понятіями затягивается и обостряется. Такъ было и въ переходное время, предшествовавшее Ренессансу. Но малая культурность тогдашняго общества сама указывала ту форму, въ которую должна была отлиться умственная оппозиція: чтобъ удары выходили дѣйствительнѣе, чтобъ идейная война была интересна для всѣхъ, требовались не диспуты, а поединки и турниры, — не споръ съ ученіями, а шельмованіе людей, олицетворявшихъ въ себѣ эти ученія. Такими людьми были клирики, и на нихъ-то обрушились тяжеловѣсное остроуміе и филиппики дѣятелей литературы. Мы уже вѣдали, что голіарды избрали осмѣиваніе духовенства своею спеціальностью, что въ мистеріяхъ клиру также часто приходилось плохо. Но чѣмъ ближе къ эпохѣ Возрожденія, тѣмъ чаще духовенство фигурируетъ въ качествѣ искомимаго, тѣмъ развязнѣе и оскорбительнѣе о немъ отзываются и тѣмъ решительнѣе отвергается всякій его авторитетъ даже въ чисто-церковныхъ

дѣлахъ. Въ средніе вѣка духовенство заправляло буквально всё и вмешивалось во все. Оно брало на себя такую массу практическаго дѣла и такъ часто приходило въ соприкосновеніе съ свѣтскими людьми по чистомірскимъ поводамъ, что его этика подвергалась большимъ искушеніямъ и всё его дѣйствія были на виду. Изъ подобныхъ обстоятельствъ выходило лишь то, что этика не выдерживала испытаній, а бывшія у всѣхъ на виду дѣйствія лучше всякихъ словъ учили духовенство въ грѣхопаденіяхъ. И разительный контрастъ между словомъ и дѣломъ здѣсь особенно бросался въ глаза. Постоянно проповѣдуя мораль и воздержаніе, клирики чревоугодничали, пьянствовали и заводили любовныя интриги; служитель ученія Христа о милосердіи, всепрощеніи и общемъ братствѣ людей, папа, устраивалъ крестовыя походы противъ альбигойцевъ, благословлялъ массовыя избіенія еретиковъ, магометанъ и евреевъ; монастыри, основанныя нѣкогда съ цѣлью дать людямъ, желающимъ уйти отъ грѣховъ, возможность сдѣлать это,—тѣ самые монастыри сдѣлались мѣстомъ безпечальной жизни для нѣсколькихъ сотенъ тысячъ монаховъ, которые посвящали флирту и кутежамъ свои безконечныя досуги. Наконецъ, римскіе первосвященники часто переступали границы не только правилъ морали, обязательныхъ для порядочнаго человѣка, но и правилъ общежитія, обозначенныхъ въ уголовномъ кодексѣ. Они ругали германскихъ императоровъ непотребными словами, а когда это не помогло, устраивали подлоги, безстыдные до наивности, поддѣлывали императорскіе манифесты и рескрипты, взводили на своихъ вѣчныхъ враговъ недѣльные и явно недобросовѣстные обвиненія. Отъ имени Фридриха II, напримѣръ, папа распространялъ глупѣйшій пасквиль, наполненный отвратительными богохульствами; этотъ пасквиль папа выдавалъ за произведеніе императора, съ цѣлью вооружить противъ него подданныхъ. Кромѣ продѣлокъ, вызывавшихся полемическою необходимостью, римскіе первосвященники попадались и въ очень подозрительныхъ финансовыхъ операціяхъ, и въ дипломатическихъ дѣйствіяхъ такого сорта, что они озадачивали бы даже столь мало конфузливаго человѣка, какъ Талейранъ. И папы, и кардиналы, и патеры, и монахи—всѣ дѣйствовали притомъ слишкомъ открыто и развязно, такъ что когда началась реакція противъ преобладанія духовенства, то ея дѣятелямъ ничего не стоило обличать клиръ даже въ томъ, въ чемъ онъ не былъ повиненъ; общество охотно вѣрило всему и съ сочувствіемъ относилось къ людямъ, поставившимъ своею цѣлью осмѣивать того собирательнаго патера Пекеви *), который въ эту эпоху является настоящимъ возломъ отпущенія. Лучшимъ по ѣдкости и остроумію выходокъ, и по талантливости изложенія образчикомъ обличительной поэзіи этого рода служить знаменитое «Morgante Maggiore» Пульчи, но оно относится уже къ болѣе поздней эпохѣ.

Что касается до реакціи противъ извращенія католичествомъ доктринъ Христа, то Оуэнъ подраздѣляетъ еще эту реакцію, такъ какъ самое и:

*) Пессави—согрѣшилъ.

вращеніе христіанства въ средніе вѣка сводитъ къ четыремъ категоріямъ. По его мнѣнію, это извращеніе шло 1) въ сторону крайняго супранатурализма, 2) въ сторону того, что онъ называетъ *excessive Christology*, 3) въ сторону грубо-матеріальнаго пониманія христіанскаго ученія, 4) въ сторону извлеченія изъ религіи денежныхъ выгодъ для духовенства. Оуэнъ говоритъ, что духовенство расплодило массу суевѣрій и оккультическихкихъ выдумокъ и сдѣлало столь простую для пониманія доктрину сложной и таинственной. Это произошло отъ слишкомъ буквальныхъ толкованій нѣкоторыхъ мѣстъ Евангелія, отъ того «матеріализма», который былъ внесенъ въ интерпретацію Св. Писанія. Наконецъ, догматъ о безсмертіи души, о страшномъ судѣ, ученіе о власти вязать и рѣшить,—все это дало поводъ духовенству своекорыстно торговать спасеніемъ душъ и извлекать выгоды чисто-земного свойства какъ разъ изъ такихъ далекихъ отъ всего земного частей христіанскаго ученія. Таковы были уклоненія отъ евангельскихъ истинъ, имѣвшія мѣсто въ средніе вѣка, и, по мнѣнію Оуэна, эти уклоненія и вызвали противъ себя особенно сильный протестъ. Что касается до «*excessive Christology*», то нашъ авторъ, кажется, впалъ въ хронологическую ошибку. Реакція противъ церковной тенденціи о преобладаніи Христа надъ другими членами Св. Троицы наступила позднѣе, уже въ реформаціонную эпоху, и эта реакція противъ христологіи была доведена до максимума въ ученіи пуританъ, а въ XII, XIII и XIV вѣкѣ христологія никакихъ протестовъ не вызывала, и весьма понятно, почему Оуэнъ не приводитъ ни одного факта въ защиту своего мнѣнія: такихъ фактовъ въ Италиі онъ не могъ бы собрать не только въ разсматриваемую переходную эпоху, но и во времена полнаго расцвѣта гуманизма и Ренессанса.

Итакъ, вотъ на что направилась вся сила зародившейся скептической мысли. Она еще не касалась главныхъ основъ католицизма; борьба шла преимущественно съ тѣми сторонами римской теологіи, которыя казались антисоціальными, несогласными съ правильнымъ народнымъ развитіемъ и дававшими ненормально-большое значеніе въ національной жизни католическому духовенству. До самаго конца XV столѣтія сомнѣніе не принимало широкаго философскаго характера и только въ лицѣ Помпонаци рационализмъ получилъ въ Италиі теоретическаго поборника. Вся разсмотрѣнная часть работы Оуэна превосходно выясняетъ и духовную атмосферу, и основной характеръ итальянскаго скептицизма въ первоначальную, раннюю эпоху его существованія, и тѣ мелкія погрѣшности, которыя я имѣлъ случай указать, такъ ничтожны, что ничуть не вредятъ общему впечатлѣнію замѣчательной ясности изложенія и полноты содержанія, впечатлѣнію глубокой продуманности основныхъ тезисовъ и строгой научности труда англійскаго историка. Бѣ сожалѣнію, вторая часть значительно уступаетъ первой по своимъ внутреннимъ достоинствамъ. Эта часть заключаетъ въ себѣ рядъ очерковъ, посвященныхъ отдѣльнымъ личностямъ, которые, по мнѣнію нашего автора, являются прямыми предшественниками Помпонаци

въ исторіи итальянскаго скептицизма. Такихъ лицъ онъ насчитываетъ полдюжины, half-dozen, и во главѣ списка помѣщаетъ Данте и Петрарку. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ нѣскольکو странной сбивчивостью въ понятіяхъ, свойственной многимъ историкамъ Возрожденія. Что означаютъ слова: скептическое направленіе мысли въ примѣненіи къ эпохѣ Возрожденія? Базалось бы, въ данномъ случаѣ эти слова должны означать то же, что и въ приложеніи ко всякой другой исторической эпохѣ. Скептикомъ въ дѣлѣ вѣры называется человекъ, подвергающій сомнѣнію тѣ религиозные догматы и вѣрованія, которые царятъ или въ той странѣ, гдѣ ему приходится жить и дѣйствовать, или даже во всемъ современномъ ему мірѣ. Никто никогда не называлъ скептикомъ Савонаролу только потому, что ему не нравились мошенничества тогдашняго духовенства; не примѣнялось это названіе и къ кальвинистамъ, громившихъ «римскую блудницу», не примѣнялось и къ членамъ безчисленныхъ религиозныхъ сектъ, дѣлившихъ между собою нѣкогда всю Европу. И у Савонаролы, и у кальвинистовъ, и у сектаторовъ было отрицаніе, и отрицаніе сильное и гнѣвное. Савонарола отрицалъ ворующихъ и безпутныхъ прелатовъ, но никогда не сомнѣвался въ истинности католической религіи; кальвинисты отрицали католическую религію, но не сомнѣвались въ непорочности и правотѣ своей доктрины; секты могли отрицать и католицизмъ, и кальвинизмъ, но слѣпо вѣрили каждая въ святость своего ученія. Отрицаніе Савонаролы было уже, отрицаніе Джона Нокса можетъ быть шире, отрицаніе соцініанъ еще шире,—но одно качество характеризуетъ всѣхъ этихъ людей: беззавѣтная вѣра въ то религиозное построеніе, которое каждый изъ нихъ исповѣдывалъ. Скептиками они не были и никто и не думаетъ ихъ такъ называть. Если теперь мы обратимся къ литературѣ, касающейся исторіи Ренессанса, то нерѣдко у самыхъ выдающихся авторовъ замѣтимъ какую-то непостижимую готовность иногда при помощи явныхъ натяжекъ причислять къ скептикамъ такихъ людей, которые не имѣютъ на это названіе никакого права.

Возвратимся къ Оуэну. Говоря о Данте и Петраркѣ, онъ силится доказать, что авторы Божественной комедіи и *Cansoniere* вправѣ занять мѣсто между скептиками ранняго возрожденія. Оуэнъ разбираетъ поэтовъ съ придирчивостью, достойной самаго ревностнаго инвизитора, выписываетъ отдѣльные стихи, иногда даже части стиховъ, которые кажутся ему пригодными для его цѣли,—и въ концѣ концовъ его аргументація оказывается положительно неубѣдительною, его сужденія голословными и—все начало второй части совершенно неудшимъ къ дѣлу и портящимъ эту превосходную книгу. Если Данте причастенъ скептическому движенію,—то кто же тогда можетъ назваться ортодоксально вѣрующимъ? Данте говорилъ, что съ людьми, идущими противъ общепринятыхъ воззрѣній нужно бороться не доводами, а мечемъ; Данте говорилъ, что если кто не приходитъ къ истинѣ (совпадающей для него съ религиозной догмою),—то исключительно потому, что у него не хватаетъ на это умѣнья; Данте отводилъ всѣмъ безъ разбора еретикамъ самое отвратительное помѣщеніе въ своемъ «Аду»; на-

конецъ, зачѣмъ выбирать и отмѣчать отдѣльныя черты, хотя бы и характерныя? Всею своею *Divina Commoedia* Данте пропѣлъ благоговѣйный гимнь цѣлуду господствовавшихъ взглядовъ и понятій, и противъ этой очевидно-сти не идетъ даже Оуэнъ. Онъ видитъ всю шаткость и слабость избранной имъ позиціи и обращается къ той сторонѣ дѣла, которая болѣе туманна и расплывчива и поэтому болѣе поддается произвольнымъ толкованіямъ; если самъ Данте и не можетъ быть названъ вполне положительнымъ скептикомъ, то косвенно его произведенія могли оказать воздѣйствіе на поступательный ходъ скептического движенія въ Италиі. Доказательства, которыя Оуэнъ приводитъ въ подтвержденіе своихъ словъ, кажутся мнѣ неубѣдительными. Если Данте не былъ скептикомъ, если въ его произведеніяхъ нѣтъ и тѣни религіознаго сомнѣнія, то я отказываюсь понимать, какимъ образомъ онъ могъ даже косвенно содѣйствовать побѣдѣ скепсиса надъ умами современниковъ или потомковъ. Оуэнъ приводитъ девять выдержекъ изъ Данте, каждая въ 3—4 строки (всего три нѣсколько больше). Эти выдержки заключаютъ въ себѣ мысли, которыя не могутъ ни на кого вліять ни въ какомъ направленіи, особенно въ скептическомъ. Говорится здѣсь объ умѣ и глупости (въ обыденномъ житейскомъ значеніи), о вѣрѣ въ противоположности съ «*eretica pequizia*» о свойствахъ нашего интеллекта. И кромѣ этихъ безцвѣтныхъ стиховъ у Данте, даже по мнѣнію Оуэна, нѣтъ основаній для того, чтобы считаться предшественникомъ Помпонаци! Прибавимъ, что эти стихи разбросаны по всему огромному произведенію итальянскаго поэта, что имъ предшествуютъ и за ними слѣдуютъ цѣлыя десятки страницъ, которыя дышатъ самымъ неподдѣльнымъ піетизмомъ и вѣроу. Трудно себѣ представить челоуѣка 14 или 15 столѣтія, которому пришло бы въ голову выписать изъ Божественной комедіи всѣ девять мѣстъ, указанныхъ внослѣдствіи Оуэномъ, и затѣмъ отравиться содержащимся въ нихъ скептическимъ ядомъ. Если ужъ говорить о *косвенномъ* вліяніи литературнаго произведенія на измѣненіе вѣрованій читателя, то нужно имѣть въ виду тотъ общій духъ, который проникаетъ все произведеніе, а вовсе не отдѣльныя стихи и строчки, особенно столь невинныя, какъ тѣ, что приводятъ намъ авторъ. *Божественная комедія* дѣйствительно оказала на умы воздѣйствіе, но совсѣмъ въ другомъ отношеніи: благодаря своей прелестной формѣ, еще и теперь чарующей даже иностраннаго читателя и дѣйствующей на фантазію,—эта поэма только укрѣпляла и культивировала въ умахъ общества вѣру въ то міросозерцаніе, противъ котораго боролся Помпонаци и люди, которые дѣйствительно могутъ быть названы его предшественниками.

Слѣдующимъ въ спискѣ «главныхъ вождей» (*general leaders*) скептического движенія поименованъ Петрарка. У Петрарки есть почти такъ же мало права называться скептикомъ, какъ и у Данте. Петрарка въ одномъ изъ своихъ трактатовъ (*De otio religioso*) прямо говоритъ, что монастырская жизнь пригодна для борьбы съ побужденіями грѣховной плоти и для обѣды *надъ религіозными сомнѣніями*. Въ этомъ же трактатѣ содержатся вѣты обличительнаго краснорѣчія Петрарки: поэтъ доказываетъ, употребляя

при этомъ весьма энергичныя выраженія, что язычники, магометане и вообще еретики грубо и гнусно заблуждаются. Не довольствуясь этими обличеніями Петрарка обращается къ тѣнямъ античныхъ писателей и приглашаетъ ихъ поучиться истинѣ у папскаго Рима *). Подобныхъ цитатъ, доказывающихъ неоспоримо ортодоксальность убѣжденій Петрарки, можно было бы привести весьма много. Упомяну только еще объ его отношеніи къ Аверроэсу и аверронстамъ. Извѣстна та слѣпая ненависть, которую Петрарка всегда, а въ особенности въ концѣ жизни, проявлялъ къ арабскому комментатору и его единомышленникамъ. Проклятія, ругательства, насмѣшки такъ и сыплются изъ его устъ каждый разъ, когда эти безбожники обратятъ на себя вниманіе сердитаго гуманиста. Ренанъ утверждаетъ **), что Петрарка былъ по натурѣ человѣкомъ древняго классическаго міра, что онъ ненавидѣлъ средніе вѣка и все, что съ ними было связано, а потому не терпѣлъ и аверронизма. Но, вѣдь, монашество, римская догма и нетерпимость были гораздо тѣснѣе связаны съ средними вѣками, однако, Петрарка на нихъ не нападалъ и всегда являлся ихъ апологетомъ. Наконецъ, на какія стороны аверронизма наиболѣе яростно набрасывается изящный пѣвецъ Лауры? Не на черствое педанство, не на схоластическую запутанность построенія, не на варварское изложеніе ученій Аверроэса, какъ они проявлялись въ Италіи XIV вѣка, а именно на тѣ черты арабской доктрины, которыя однѣ въ ней имѣютъ историческое значеніе и связываютъ ее съ эпохою Помпонати и съ европейскимъ скептицизмомъ XV и XVI столѣтій ***). Оуэнъ благоразумно оставляетъ въ сторонѣ всѣ тѣ произведенія Петрарки, въ которыхъ его католическія убѣжденія сказываются съ особенною силой, и, придерживаясь своего глубоко ошибочнаго метода, выдергиваетъ изъ *Canzoniere* стихи, кажушіяся ему свептическими. Не останавливаясь на этихъ цитатахъ, мнѣ кажется можно съ увѣренностью сказать: нѣтъ, Петрарка не былъ скептикомъ и къ предшественникамъ Помпонати причисленъ быть не можетъ.

Очерковъ, посвященныхъ Пульчи, Боккаччіо, Гвиччардини и Маккіавелли, я касаться не буду, такъ какъ о нихъ въ книгѣ Оуэна сказано всего по нѣсколько словъ. Изъ этихъ очерковъ лучшій посвященъ Пульчи; поэма *Morgante Maggiore* подвергнута дѣйствительно разбору и критикѣ, а не по-

*) Все это мѣсто приведено въ прекрасномъ переводѣ г. Корелинымъ въ его трудѣ *Ранній гуманизмъ и его историография*. Этотъ переводъ несравненно изящнѣе высокопарнаго латинскаго подлинника. Мнѣ только кажется, что слово „*forensis*“ лучше было бы перевести „свойственный форуму“, а не „рыночный“, какъ это сдѣлалъ г. Корелинъ... („здесь рассматривается дѣло не рыночное, но небесное“ и пр.).

**) *E. Renan: „Averroès et l'averroïsme“ (Paris, 1866), p. 329.*

***) Для болѣе наглядной характеристики религіозной нетерпимости Петрарки дасть много матеріала разскажъ о томъ, какъ однажды послѣ спора Петрарка вышвырнулъ вонъ изъ комнаты одного аверронста (см. *Tiraboschi: „Storia della letteratura italiana“*. T. V, p. 190; *Ernest Renan: „Averroès“*, p. 338, 334; *И. Л.: „Очерки скептической мысли во Франціи“*).

просту пересказана своими словами, какъ, напримѣръ, у Жюнгено *)). Напрасно только Оуэнъ называетъ Гвиччардини и Маккиавелли предшественниками Помпонаци: они были его современниками, потому что Маккиавелли выступилъ на общественную и литературную арену, когда Помпонаци уже много лѣтъ профессорствовалъ въ Падуѣ, а Гвиччардини писалъ свою «исторію», когда философъ былъ уже старикомъ. Жизнь и дѣятельность Помпонаци рассказаны такъ живо и хорошо, что главу, посвященную великому скептику, нужно признать одною изъ лучшихъ во всемъ произведеніи. Что касается до біографій Джіордано Бруно и Ваннини, то онѣ производятъ гораздо менѣе выгодное впечатлѣніе, можетъ быть, потому, что авторъ считаетъ здѣсь нужнымъ не излагать событія жизни и идеи этихъ двухъ мыслителей, а защищать ихъ отъ разныхъ обвиненій и подозрѣній. Я не останавливаюсь на этой второй части труда Оуэна, потому что, во-первыхъ, она носитъ гораздо болѣе компилятивный характеръ, чѣмъ первая (за исключеніемъ статей о Пульчи и Помпонаци) и, во-вторыхъ, сжатое изложеніе содержанія этой части дало бы только общезвѣстные и часто малохарактерные факты изъ жизни поименованныхъ итальянскихъ писателей.

Въ заключеніе можно повторить, что работа Оуэна по содержательности, оригинальности взглядовъ на скептическія вѣянія 13 и 14 вв., по массѣ просто артистически расположенныхъ фактическихъ свѣдѣній, можетъ быть признана, безспорно, однимъ изъ выдающихся явленій современной исторіографіи. Можно отъ души пожелать, чтобы авторъ далъ продолженіе своего труда и коснулся бы дальнѣйшей, столь интересной для исторіи скептицизма—эпохи.

Евг. Тарле.

*) *Ginguené*: „Histoire de la littérature d'Italie“. Т. IV, р. 222 и слѣд.

Генрикъ Вергеландъ.

Очеркъ *).

Генрикъ Вергеландъ, одинъ изъ самыхъ выдающихся и симпатичныхъ поэтовъ и общественныхъ дѣятелей Норвегіи, почти неизвѣстенъ русской читающей публикѣ; между тѣмъ эта крупная, яркая и въ высшей степени симпатичная личность, и по своему поэтическому дарованію и по тому огромному вліянію, которое онъ имѣлъ на норвежскую литературу въ частности и на весь ходъ норвежской культуры вообще, заслуживаетъ особаго вниманія. Вся дѣятельность Вергеланда, хотя и не особенно продолжительная — онъ умеръ всего 37 лѣтъ отъ роду — навсегда обезпечила за нимъ выдающееся мѣсто въ исторіи норвежской литературы.

Личная жизнь Вергеланда была настолько тѣсно сплетена съ его литературною и общественною дѣятельностью, что для полнаго выясненія послѣдней необходимо нѣсколько подробнѣе обрисовать первую.

Родился Вергеландъ 17 іюня 1808 г. въ г. Христіансандѣ. Отецъ его, столь извѣстный впослѣдствіи священникъ Николай Вергеландъ, происходилъ изъ простыхъ крестьянъ, но еще мальчикомъ обратилъ на себя вниманіе своими выдающимися способностями, такъ что нашлись добрые люди, которые дали ему возможность получить высшее образованіе. Въ 1814 г. Николай Вергеландъ состоялъ членомъ собравшагося въ Эйдсвольдѣ норвежскаго законодательнаго собранія и проявилъ пылкую и энергичную дѣятельность. Къ сожалѣнію, его горячія патріотическія рѣчи страдали нѣкоторою высокопарностью и излишнею рѣзкостью. Свои отличительныя черты — горячность до необузданности и чрезмѣрную рѣзкость онъ передалъ и сыну своему Генрику, что не мало повредило послѣднему, особенно въ первый періодъ его литературной дѣятельности. Въ качествѣ страстнаго сторонника «національной норвежской партіи», отецъ Вергеланда былъ ярымъ врагомъ Даніи; съ особеннымъ озлобленіемъ напалъ онъ на нее, послѣ расторженія связывавшей Норвегію съ Даніей уніи, въ своей извѣстн

*) Переводъ помѣщенныхъ въ данномъ очеркѣ стихотвореній Вергеланда принадлежитъ Аннѣ Ганзекъ.

книгѣ *Политическія преступленія Дании противъ Норвегии*. Впослѣдствіи, когда у Генрика Вергеланда возгорѣлась ожесточенная литературная война съ представителями противоположнаго направленія, въ этой борьбѣ принялъ участіе и его отецъ и, проявляя при этомъ, какъ сторонникъ сына, свойственную ему горячность, часто являлся и одностороннимъ и несправедливымъ. Въ 1817 г. Вергеландъ-отецъ былъ назначенъ священникомъ въ Эйдсвольдѣ и здѣсь, въ этой колыбели свободы молодой Норвегии, и выросъ Генрикъ Вергеландъ. Когда Генрику исполнилось 11 лѣтъ, его помѣстили въ гимназію (въ Христианіи), гдѣ онъ сразу началъ писать стишки, больше юмористическаго содержанія. Писалъ онъ также и комедіи, которыя затѣмъ разыгрывалъ дома съ товарищами на святкахъ. Дѣтскія и юношескія упражненія Генрика часто приводили въ отчаяніе его учителя словесности, не видѣвшаго въ нихъ признаковъ дарованія. Отецъ Генрика былъ прозорливѣе, какъ это видно изъ его помѣтокъ въ дневникѣ; напри- мѣръ: «Я замѣчаю въ глазахъ Генрика какой-то особенный блескъ, кото- раго нѣтъ у другихъ моихъ дѣтей».

Блестяще окончивъ гимназію 17 лѣтъ, Генрикъ поступилъ въ универ- ситетъ. Передъ нимъ открылась новая жизнь, которая рисовалась ему въ самыхъ радужныхъ краскахъ, и онъ безъ оглядки бросился въ бурный вихрь студенческой жизни. Силы въ немъ такъ и кипѣли, и онъ не успѣвалъ давать имъ надлежащаго выхода и примѣненія; ему хотѣлось «обнять весь міръ», охватить въ жизни все; все казалось ему ничемъ, онъ не страшился ничего, не зная мѣры размаху своей юной души. Если случалось ему полюбить кого, такъ ужъ до самозабвенія, возненавидѣть—тоже; середины онъ не зналъ. Въ общемъ у Вергеланда была душа ребенка. Слыша отъ кого-нибудь доброе, ласковое слово, которое затрогивало род- ственныя струны въ его душѣ, онъ горячо пожималъ руку собесѣдника и начиналъ считать его образцомъ человѣка и другомъ на всю жизнь, пока не открывалъ въ новомъ другѣ какой-нибудь стороны характера, не гар- монизирующей съ его чувствами; тогда всему былъ конецъ. Легко предста- вить себѣ, что такой человѣкъ, какъ Вергеландъ, съ его пылкой, страст- ной натурой, потребностью видѣть вокругъ себя однихъ хорошихъ людей и вѣрой въ ихъ доброту, долженъ былъ перенести въ жизни жестокаго разо- чарованія и много выстрадать, прежде чѣмъ обрѣлъ большую душевную устойчивость и равновѣсіе. Въ первыя минуты подобныхъ разочарованій, онъ бывалъ какъ бы придавленъ ударомъ, впадалъ въ отчаяніе, но скоро с ѣхивалъ съ себя тяжелое ощущеніе, вновь поднималъ голову и доврѣ- ч о глядѣлъ впередъ. Большимъ облегченіемъ была для него его способ- ность изливать свое горе въ стихотвореніяхъ и тѣмъ освобождаться отъ него. Вообще, натура пылкая, неуравновѣшенная, быстро переходящая изъ одного настроенія въ другое, Вергеландъ часто вызывалъ жалобы близкихъ друзей на то, что съ нимъ невозможно вести связную бесѣду. Онъ переска- кивалъ съ предмета на предметъ, точно молнія, прорѣзывающая зигзагами облака. Иногда, бесѣда какъ будто и клеилась, но вдругъ онъ вскакивалъ,

требовалъ перо и чернила и тутъ же набрасывалъ стихотвореніе. Оказывалось такимъ образомъ, что онъ, занятый своими думами, ни слова не слышалъ изъ разумныхъ прозаическихъ рѣчей собесѣдниковъ.

Вѣрнѣйшимъ путемъ къ его сердцу былъ путь несчастья. Стоило ему увидѣть хотя бы злѣйшаго врага своего въ бѣдѣ, и онъ готовъ былъ отдать несчастному и одежду свою, и послѣдній свой грошъ. Поэтому-то онъ и былъ до послѣдней минуты своей жизни другомъ бѣдняковъ. Съ него было довольно одного слова, просьбы, жалкой мины просителя; онъ никогда не разбиралъ—достоинъ ли этотъ просящій помощи, или нѣтъ. Вслѣдствіе этого матери Генрика приходилось припрятывать подалеже его одѣяла и постельное бѣлье, чтобы онъ не роздалъ всего.

На Вергеланда часто возводили обвиненія въ бурной, беспорядочной юности; но если въ этихъ обвиненіяхъ и была доля правды, то развѣ очень минимальная; главнымъ же образомъ всѣ обвиненія основывались на его собственныхъ разсказахъ. Молодой боецъ національной партіи, съ его любовью къ независимости, испытывалъ какое-то гордое удовлетвореніе въ томъ, чтобы рисовать себя гораздо чернѣе, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. И когда вокругъ него шипѣли: «Вотъ онъ каковъ! Вотъ что натворилъ!»—онъ еще поддакивалъ: «Да, да! И еще не то-то!» Олицетвореніе кротости, когда съ нимъ обходились мягко и любовно, онъ проявлялъ непреодолимое упорство, когда пробовали взять его строгостью. Но можно ли было мѣрять общею мѣрой такого человѣка, который по его собственному опредѣленію «пробирался къ небесамъ на несущейся по вѣтру паутинкѣ», который «имѣлъ способность хохотать, когда другіе едва улыбнулись бы, плакать, когда другіе зѣвнули бы!»

Сестра Вергеланда, также извѣстная впослѣдствіи и талантливая писательница, Камилла Боллетъ, авторъ *Долгихъ ночей*, нарисовала прекрасную картину первыхъ юныхъ и, пожалуй, наиболѣе счастливыхъ лѣтъ жизни брата. И въ этой картинѣ нѣтъ и слѣда грубыхъ, необузданныхъ чертъ, приписываемыхъ Вергеланду. Напротивъ, въ ней удивительно рельефно выступаетъ свѣжая, оригинальная, нѣжная и дѣтская душа Вергеланда.

Весьма естественно, что, обладая такою пылкою натурой, Вергеландъ съ ранней юности сталъ страстно влюбляться то въ ту, то въ другую красавицу, и что чувство любви—нерѣдко глубокой, беззавѣтной—вообще играло въ его жизни и творчествѣ огромную роль. Нельзя поэтому не остановиться на его любовныхъ увлеченіяхъ нѣсколько дольше, тѣмъ болѣе, что они чрезвычайно характерно обрисовываютъ его личность.

Впервые онъ полюбилъ 15-ти лѣтъ отъ роду; предметомъ его страсти была, разумѣется, «дивно красивая молодая дѣвушка». Онъ чувствовалъ себя на седьмомъ небѣ, вырѣзывалъ ея и свои инициалы на корѣ двухъ сросшихся рябинъ, и всякій разъ, какъ возвращался домой на каникулы, радовался хорошему росту и развитію деревьевъ, принимая это за счастливое предзнаменованіе. Нѣсколько лѣтъ спустя, дѣвушка стала невѣстой друга, и деревья начали хирѣть. Но что-жъ изъ этого? «Любовь моя,—писалъ

самъ Вергеландъ,—была свободна отъ всякаго элемента чувственности; и далеко былъ отъ мысли обладать любимымъ существомъ». И вотъ, онъ продолжалъ обрѣтаться въ томъ же любовномъ чаду и чувствовалъ себя наверху блаженства, если ему удавалось украдкою поцѣловать въ передней «ея» шляпу, когда дѣвушка бывала въ гостяхъ у его родителей. Въ то же самое время у него были кое-какія увлеченія и въ Христіаніи, гдѣ онъ учился, но они быстро исчезали, какъ дымъ, и въ глубинѣ души онъ оставался вѣрнымъ своему первому идеалу. Затѣмъ, уже студентомъ, онъ встрѣтилъ на балу другую молодую дѣвушку—«всю въ бѣломъ съ голубымъ», и съ нимъ случилось чудо,—онъ почувствовалъ себя влюбленнымъ одновременно въ двухъ дѣвушекъ «и въ миленькую блондинку, и въ блестящую брюнетку». Мало-по-малу оба эти существа слились въ его душѣ въ одинъ образъ, тотъ истинно-женственный, прелестный образъ, о которомъ самъ Вергеландъ говоритъ: «это былъ тотъ идеалъ женщины, который овладѣваетъ моею душой тогда, когда я далеко отъ женщинъ». Вотъ этотъ идеалъ и есть та «Стелла», къ которой обращены всѣ его восторженные пѣсни и которая является душой всей его поэзіи съ первыхъ студенческихъ лѣтъ. Вергеландъ самъ рассказываетъ въ своей прекрасной автобіографіи: «Каленые орѣхи съ ядрышками и пустые»—дальнѣйшія подробности какъ этого, такъ и другихъ своихъ любовныхъ увлеченій. Такъ между прочимъ онъ пишетъ: «Я былъ тогда студентомъ и первые полгода усерднѣйшимъ образомъ обдумывалъ вопросъ: влюбиться ли мнѣ въ № 2 и все-таки продолжать любить № 1? Каждый день я писалъ любовныя письма, разрывалъ ихъ въ клочки и выбрасывалъ изъ окна въ садъ, а старуха-хозяйка моя воображала, что яблонный цвѣтъ осыпался въ этомъ году необычайно рано». Наконецъ, онъ собрался съ духомъ и дѣйствительно написалъ своей возлюбленной и ея мамчкѣ, послѣ чего его пригласили бывать въ домѣ, чтобы познакомиться поближе. «Каждое воскресенье я собирался къ нимъ. Я прихорашивался, смѣло спускался съ лѣстницы и проходилъ первыя улицы, но затѣмъ—да, ужъ признаюсь въ своемъ позорѣ!—со мной происходило тоже, что бываетъ, когда идешь къ зубному врачу: мужество мое падало по мѣрѣ того, какъ я приближался къ цѣли своего пути. Однимъ словомъ, я такъ и не попалъ въ домъ своей возлюбленной». И вотъ онъ узналъ къ величайшему своему удовольствію, что семейство ея переехало на лѣто на одинъ изъ островковъ въ Христіанійскомъ заливѣ; молодой влюбленный тотчасъ досталъ огромную подзорную трубу и, вооруженный ею, каждое утро отправлялся на берегъ для выслѣженія. Въ теченіе двухъ недѣль онъ былъ наверху блаженства, видя какъ каждое утро, какъ «она» выходитъ въ садъ ухаживать за цвѣтами. И вдругъ, онъ неожиданно узнаетъ, что ошибся дачей и увлекался все время созерцаніемъ не особенно привлекательной жены какого-то купца. Тогда онъ выучился вѣрнѣе направлять трубу и опять недѣли двѣ блаженствовалъ, открывъ нѣчто, что «могло бы, казалось, изображать любимыя предметы». Затѣмъ ему сообщили, что дѣвушка просватана, и Ген-

рикѣ въ полномъ отчаяніи, выпивъ двѣ большія рюмки водки, бросился сломя голову домой. «Утопиться, повѣситься, отравиться, перейти въ католическую вѣру?... Или пристраститься къ игрѣ на биллиардѣ? Тогда можно будетъ жить безъ помощи родителей...» Въ концѣ-концовъ онъ бросился писать стихи.

Несмотря на юморъ, съ которымъ Вергеландъ подъ конецъ жизни самъ описывалъ эти увлеченія, видно, что въ основѣ ихъ всегда лежало серьезное чувство, стремленіе обрѣсти желанный идеалъ женщины (Стеллы) во плоти. образу Стеллы онъ остался вѣренъ до конца. Такъ онъ говоритъ, между прочимъ, о томъ ужасѣ, который онъ всегда испытывалъ при мысли о привидѣніи, «но духъ этой дѣвушки (она вскорѣ умерла) никогда не внушалъ мнѣ страха. Напротивъ, въ теченіе многихъ лѣтъ мнѣ казалось, будто она продолжаетъ принимать участіе въ моей жизни и будто образъ ея витаетъ вокругъ меня, невидимый мною, хотя я и часто умолялъ ее въ ночной тишинѣ показаться мнѣ, если только возможно. «Она всегда представлялась мнѣ въ «бѣломъ съ голубымъ», какъ я видѣлъ ее впервые; иначе я и не могъ представить ее себѣ». До какой степени онъ полонъ былъ мыслями о своей идеальной любви, видно изъ того, что «Стелла» продолжала быть его музой даже и послѣ того, какъ онъ сталъ счастливымъ мужемъ. Такъ, наприм., въ стихотвореніи «Возвращеніе моей жены» онъ описываетъ, что при звукѣ ея шаговъ ему слышится изъ окна голосъ Стеллы:

Это я, а не „она“ *)
 — Зазвучало изъ окна,
 Слово звонъ хрустальныхъ ледѣй,
 Слово шелестъ мягкихъ крылій...
 Это я, узнай меня!
 Твой хранитель-ангелъ я.
 Отъ земли я отлетѣла,
 Прежде, нежели успѣла
 О любви узнать твоей.
 Но теперь воскреснетъ въ „ней“
 Все, что я въ душѣ хранила:
 Нѣга, умъ, любовь и сила!
 Я сольюсь съ „ея“ душой,
 Черезъ „нее“ же и съ тобой.

Неустанныя попытки Вергеланда найти себѣ невѣсту свидѣтельствуютъ также о томъ, какъ онъ вообще стремился къ семейной жизни, къ домашнему очагу. Увы! всѣ его попытки долгое время кончались полною неудачей. Изъ этихъ попытокъ особенно интересна одна, когда онъ проявилъ необычайное мужество, три раза иди на приступъ—всякій разъ съ одинаково плачевнымъ результатомъ. Въ первый разъ Вергеландъ послалъ молодой дѣвушкѣ предестную серебряную корзиночку съ земляникою и полуспѣлымъ колосомъ ржи при запискѣ съ слѣдующими строками изъ «Фритцофа» Тегнера:

*) „Она“, т. е. жена.

Ей съ поля первый цвѣтъ душистый,
 Ей земляника первый пукъ,
 Ей первый колосъ золотистый
 Приносить Фрятьофъ вѣрный другъ *).

Новый Фрятьофъ, однако, получилъ свой даръ обратно. Тогда онъ написалъ возлюбленной письмо на цѣлыхъ трехъ листахъ, въ которомъ просилъ ея руки. Не имѣя терпѣнія дожидаться отвѣта по почтѣ, онъ самъ отправился вслѣдъ за письмомъ, прибылъ раньше его и имѣлъ затѣмъ удовольствіе лично передать его возлюбленной. И вотъ, пришлось ему, сидя въ сосѣдней комнатѣ, какъ на горячихъ угольяхъ, прислушиваться къ шуршанью въ рукахъ молодой дѣвушки листовъ своего полновѣснаго письма. Какъ онъ проклиналъ эти безконечныя листы, заставлявшіе его томиться такъ долго въ ожиданіи рѣшенія, и съ отчаянія уписывалъ предложенныя ему печенья, варенье и чай въ невѣроятномъ количествѣ. Наконецъ, былъ вынесенъ приговоръ — мягкій отказъ. Отвергнутый женихъ постарался какъ можно скорѣе убраться во свояси, хотя радушный хозяинъ и предлагалъ ему остаться, выпить пунша и махнуть на все рукою. Затѣмъ, Вергеландъ отважился на одномъ балу на третій отчаянный словесный приступъ къ той же дѣвушкѣ и, «выбѣжавъ изъ дому безъ оглядки, съ глухимъ ревомъ и третьимъ отказомъ, бросился съ высокаго моста внизъ головой, но такъ удачно, что попалъ въ мягчайшій коверъ клевера». Въ воспоминаніяхъ своихъ Вергеландъ описываетъ всѣ подобныя приключенія въ веселомъ, легкомъ тонѣ, но въ свое время онъ относился къ нимъ далеко не такъ легко; объ этомъ говорятъ его письма, относящіяся къ тому времени. Такъ, наприм., онъ писалъ, получивъ отказъ въ третій разъ: «Я теперь спокоенъ, какъ арфа, на которой порвались всѣ струны». «Одна осталась у меня надежда, что Господь скоро приберетъ меня». «Отчаяніе — ужасное чувство». Вообще отношенія Вергеланда къ этой возлюбленной и ея матери были удивительно трогательными. Онъ съ довѣрчивостью ребенка признавался имъ во всѣхъ своихъ сумасбродствахъ, просилъ прощенія, обѣщалъ исправиться и воспѣвалъ свою возлюбленную въ стихахъ, полныхъ яркихъ красокъ и глубокаго чувства.

И вотъ, въ такую-то эпоху своей жизни (1830 г.), когда онъ переходилъ отъ надежды и счастья то къ бурному, то къ глухому отчаянію, когда его душу безпрестанно волновали самыя разнохарактерныя чувства и ощущенія, и въ самый разгаръ своихъ университетскихъ занятій Вергеландъ смогъ сосредоточиться на созданіи грандіозной поэмы, которую въ концѣ жизни признавалъ крупнѣйшимъ и лучшимъ своимъ трудомъ. Она эта называлась *Человѣкъ, сотвореніе міра и Мессія*; въ ней Вергеландъ попытался выолнить трудную задачу — изобразить возникновеніе, вѣтіе и конечную цѣль вселенной. Уже на одрѣ болѣзни, сведшей его

*) Переводъ Я. Грота.

въ могилу, Вергеландъ взялся за капитальную переработку поэмы, такъ какъ успѣлъ убѣдиться въ томъ, что она «страдала всѣми слабостями юношескаго произведенія, изображала чугунную массу прямо изъ печи, причѣмъ съ нея не былъ даже сметенъ песокъ отъ формы». Но онъ видѣлъ въ ней также «самую выдающуюся поэму родной литературы» и понималъ, что «никто, кромѣ него самого, не въ состоянн такъ понять ее и смахнуть съ нея пылинки могучими взмахами крыльевъ».

Основная идея этой замѣчательной по поэтическимъ красотамъ поэмы не нова. Въ поэмѣ проводится въ сущности только старое ученіе Руссо о невинности и блаженствѣ первобытнаго человѣка.

Въ общемъ поэма какъ нельзя лучше служитъ отраженіемъ юношескаго творчества Вергеланда. Рядомъ съ блестящими мыслями и удивительными поэтическими красотами встрѣчаются крайнія нелѣпости и безвкусіе. Рядомъ со строками, въ которыхъ онъ, смиренно отказываясь отъ всякаго сравненія съ великими людьми своей родины, говорить:

„Могу-ль я себя и съ фіалкой сравнить,
Таящей въ сердечкѣ лишь каплю росы,
Что можетъ въ себя небеса отразить?..“—

встрѣчаются самыя нелѣпыя сравненія. Необузданная фантазія Вергеланда дѣлаетъ порою такіе чудовищные прыжки, что у читателя голова начинаетъ кружиться. Онъ мечется отъ ледяныхъ пустынь Гренландіи къ палящему солнцу юга, отъ сѣвернаго полюса къ южному, отъ преданій древней Греціи къ мнѣологіи сѣвера, потомъ къ дебрямъ американскихъ лѣсовъ и т. п. Онъ хочетъ охватить сразу всѣ времена, страны и поколѣнія. Вообще онъ часто совершенно закрываетъ глаза и даетъ полную волю своей фантазіи нести его куда угодно. Не мудрено поэтому, что поэма Вергеланда нашла мало цѣнителей. Но при всѣхъ ея недостаткахъ она все-таки является однимъ изъ величайшихъ произведеній сѣверной поэзіи, настоящимъ золотымъ дномъ для того, кто жаждетъ истинной поэзіи и у кого хватить терпѣнія одолѣть утомительныя длинноты, отъ которыхъ поэма не освободилась и въ переработанномъ видѣ.

II.

Вполнѣ естественно, что, отличаясь такою горячею натурой, Вергеландъ не могъ оставаться спокойнымъ свидѣтелемъ совершавшихся вокругъ него общественныхъ и политическихъ событій, тѣмъ болѣе, что Норвегія въ то время какъ разъ переживала кризисъ.

До 1830 г. Норвегія въ теченіе нѣкотораго времени находилась въ состоянн какой-то разслабленности и даже спячки, смѣнившихъ возбужденное состояніе страны—сильный подъемъ народнаго духа и патріотизма, вызванный взрывомъ негодованія противъ Даніи, которая въ 1814 г. уступила безъ удара меча Норвегію Швеціи. Негодованіе объединило весь норвежскій народъ и заставило вспыхнуть въ немъ съ небывалою силой лю-

бовъ къ родинѣ. Къ сожалѣнію, любовь эта выражалась главнымъ образомъ восторженными рѣчами, горделиво-сладкими мечтами о «свободной» Норвегіи (новая конституція даровала странѣ новыя права) и прославленіемъ «величія древней Норвегіи», «норвежскаго льва» и т. д. Для того же, чтобъ укрѣпить существовавшую пока только на бумагѣ «свободную» Норвегію и поднять народъ, стоявшій на самомъ низкомъ уровнѣ и по образованію, и по нравственности — не дѣлалось ничего. Вообще, когда первый пылъ улегся, все пошло по-старому, и, несмотря на громкія рѣчи о преимуществахъ Норвегіи передъ Даніей, и о томъ, что теперь-де можно обойтись собственными силами, литература и вообще умственная жизнь въ Норвегіи влчили самое жалкое существованіе, пробираясь все по тѣмъ же старымъ колеямъ. Но вотъ, въ 1830 г., Норвегія какъ бы проснулась. Пробужденіе ея можно было сравнить съ пробужденіемъ заспавшагося ребенка, который потягивается, протираетъ глаза, удивленно озирается и видитъ, что, во-первыхъ, онъ подростъ и обрѣпъ, а во-вторыхъ, что ему нужно чѣмъ-нибудь показать себя. И чѣмъ же подростокъ показываетъ себя? Первымъ долгомъ пріобрѣтаетъ монокль, тросточку, пьетъ пиво въ огромномъ количествѣ и, показываясь на главной улицѣ столицы, бьетъ тросточкой по ногамъ прохожихъ, не успѣвшихъ посторониться. Такъ приблизительно повела себя въ 30-хъ годахъ и молодая Норвегія. Вергеландъ былъ истиннымъ дѣтвцемъ своего времени и своего народа-подростка, находившагося именно въ томъ возрастѣ, который такъ привлекателенъ своею юностью, свѣжестью, отвагой и силою, но, въ то же время, и смѣшонъ своею крайнею незрѣlostью и ребяческою самоувѣренностью, неумѣющею разсчитывать своихъ силъ.

Патріотическое увлеченіе энтузіастовъ, стоявшихъ за духовное и политическое обновленіе и полную самобытность страны, впервые стало на твердую почву, найдя столь даровитаго сторонника и страстнаго бойца-предводителя, какъ Вергеландъ, бывшій еще студентомъ. Большинство членовъ «національной партіи» (такъ называли себя приверженцы упомянутаго движенія) и принадлежало къ студентамъ, вообще игравшимъ въ то время большую роль въ общественной и духовной жизни молодой страны. Въ своихъ патріотическихъ стремленіяхъ національная партія доходила до крайностей, выказывая свою самобытность и національный чисто-норвежскій духъ во всемъ, даже въ одеждѣ и образѣ жизни, настаивая на томъ, что слѣдуетъ одѣваться только въ домотканные холсты и сукно крестьянскаго издѣлія и питаться медвѣжьимъ мясомъ. Особенно же сильно проявлялась нетерпимость національной партіи ко всему «чужому» въ ея отпеніяхъ къ литературѣ и театру. Съ питавшею Норвегію такъ долго гскою культурою рѣшено было порвать всякую связь. Стремленія въ этомъ направленіи привели, между прочимъ, и къ попыткамъ создать ои собственный чисто-норвежскій литературный языкъ *), не увѣнчавшяся, впрочемъ, особеннымъ успѣхомъ.

*) Вадѣотвіе общности культуры и духовнаго единства Норвегіи съ Даніей въ

Нечего и говорить, что Вергеландъ, въ качествѣ приверженца національной партіи, проявилъ свойственныя ему страстность и увлеченіе до крайнихъ предѣловъ. Онъ съ ногъ до головы одѣлся въ родныя, кустарныя издѣлія, питался лишь лошадинымъ и медвѣжьимъ мясомъ и кашей и повелъ ожесточенную борьбу съ представителями противныхъ взглядовъ. Крайніе взгляды національной партіи встрѣтили противовѣсь въ той части норвежскаго общества, которая считала необходимымъ сохранять связь съ датскою культурою, а чрезъ нее и съ общеевропейскою, такъ какъ плохо еще вѣрила въ «духовное совершеннѣіе» Норвегіи. Предводителемъ этой партіи, присвоившей себѣ наименованіе «интеллигентной» и состоявшей также главнымъ образомъ изъ студентовъ, явился не менѣе даровитый Іоганъ Себастіанъ Вельгавенъ (род. 1807 г. † 1873 г.).

Чѣмъ дальше, тѣмъ борьба обострялась все больше, изъ чисто-литературной стала общественно-политическою, противники ожесточались все сильнѣе и не щадили другъ друга въ печатныхъ органахъ своихъ партій, въ разныхъ брошюрахъ, летучихъ листовъ и проч. Борьба не легко досталась Вергеланду, который, по своей не знающей границъ натурѣ, былъ всегда «въ самомъ пылу битвы» и являлся для противниковъ самою главною и крупною мишенью. Жизнь Вергеланда была въ эту эпоху поэтому крайне незавидной: вѣчно раздражаемый, преслѣдуемый, поносимый, непонимаемый, унижаемый, онъ тщетно искалъ утѣшенія и во взаимной любви, въ которой ему все отказывали. Правда, онъ вызывающе писалъ, что «проводить жизнь въ борьбѣ—наслажденіе, только бы былъ у тебя кулакъ, табакъ и кофе!» Но вѣчно поддерживать въ себѣ такое настроеніе никому не подь силу, и Вергеландъ не избѣгалъ минутъ унынія, душевной усталости и мучительныхъ думъ, которыя и выливалъ въ стихахъ, но затѣмъ опять чувствовалъ новый приливъ силъ и пѣлъ:

Сердце крѣпнеть отъ страданья,
Сила мышцъ въ борьбѣ растетъ.
Средь палбы и грохотанья
Головъ силу обрѣтетъ!
Слабость мужу непристойна
И поэта недостойна.
Помни: мужъ ты и поэтъ!

Мраченъ ты, и—на мгновенье
Брызнетъ лучъ изъ облаковъ,—
Вновь ты полонъ вдохновенья,
Гамнъ природѣ пѣть готовъ!
Хмѣль вливаешь ты съ росой...
Чьей же мощною рукою
Можетъ сломенъ быть поэтъ?...

И вотъ, способный забыть всѣ горести, созерцая красоты природъ, способный «опьянѣть отъ капли росы», Вергеландъ и находилъ отрад

теченіе 400-лѣтней уніи образовался и общій государственный и литературный языкъ—датскій.

утѣшенъ и обновленъ въ природѣ и въ творчествѣ. Вергеландъ былъ поэтомъ въ полномъ значеніи этого слова, притомъ поэтомъ вполне самобытнымъ и сознававшимъ всю высоту и значеніе своего призванія. На презрѣнныя и браны онъ отвѣчалъ смѣлымъ пророчествомъ, что «у его могилы ненависть смолкнетъ, а люди сознаютъ, что они потеряли въ немъ». Широкая натура Вергеланда, стремившійся все объять, все извѣдать духъ его и не знавшая преградъ фантазія, конечно, должны были иногда заставлять его тяготиться скромными рамками своей дѣятельности, своей судьбой, заставившей его писать на малораспространенномъ языкѣ, только для маленькой страны, гдѣ вдобавокъ его еще не понимало большинство. И вотъ у него вырывались такіе стихи:

Горный орелъ, съ перебитымъ крыломъ,
 Съ цѣпью тяжелой вокругъ ногъ обвитомъ,
 Долгіе годы—не вольнымъ орломъ—
 Бывшій хозяйской собакой цѣпномъ,
 Все же страдаетъ не такъ, какъ поэтъ,
 Въ маломъ, безвѣстномъ народѣ рожденный,
 Пѣть для него одного принужденный,
 Пѣть языкомъ, для котораго нѣтъ
 Выхода въ свѣтъ изъ родного угла!...

Въ другія минуты онъ, напротивъ, радовался, что рожденъ въ «странѣ свободы», гдѣ есть много надъ чѣмъ потрудиться, и пѣлъ:

Пусть мнѣ край родной слетаетъ
 Изъ терновника вѣнецъ,
 Все-жъ не мыслить, не вздыхаетъ
 О краяхъ чужихъ пѣвецъ!

И онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что лира его, все-таки, можетъ собрать вокругъ него небольшой кружокъ друзей, а

Пѣвцу дороже горсть друзей,
 Чѣмъ сонмъ чужихъ ему людей!

Къ несчастью, для него наступило и такое время, когда отъ него отшатнулись даже друзья. Горячій нравъ Вергеланда, страстность, съ какою онъ велъ литературную и политическую борьбу съ противомыслящими кругами, помѣшали ему получить мѣсто священника, котораго онъ искалъ; между тѣмъ жить ему чѣмъ-нибудь было надо, тѣмъ болѣе, что онъ, наконецъ, нашелъ невѣсту и собирался жениться, на литературный заработокъ (отъ печатанія стиховъ и проч.) въ тѣ времена нечего было надѣяться, и вотъ Вергеландъ рѣшился принять отъ лично расположеннаго къ нему короля Швеціи и Норвегіи Карла Юганна субсидію въ 200 далеровъ, чтобъ основать на эти средства газету для рабочаго сословія. Противники Вергеланда подняли цѣлую бурю, обзывая его, сторонника свободы, «придворнымъ пенсіонеромъ», «измѣнникомъ отечеству» и т. п. Мало того, отъ чего отшатнулись самые друзья, окрестивъ его Іудой. Вергеландъ выш-

зался изъ силъ, доказывая и устно, и печатно, всѣми своими трудами, всею своею жизнью, что и не думалъ измѣнять своимъ убѣжденіямъ и идеаламъ, но никто не хотѣлъ ни слушать его, ни читать; всѣ отрекались отъ него, плевали на него. Такимъ образомъ поэтъ, отдававшій всю душу свою за свой народъ, очутился одинъ противъ этого народа. Объ отчаяніи Вергеланда въ это время лучше всего свидѣтельствуется то обстоятельство, что онъ, противникъ Даніи, всю жизнь ратовавшій противъ датскаго вліянія на культуру Норвегіи, бросился искать справедливости и пониманія у представителей этой датской культуры и несказанно обрадовался прівѣту датскаго писателя Гейберга.

Въ счастью, сильная, здоровая душа Вергеланда не дала ему пасть подъ бременемъ общаго недовѣрія и непониманія; онъ выдержалъ испытаніе, напрягъ всѣ свои душевныя и умственныя силы, и никогда еще онѣ не достигали такого развитія и просвѣтленія, какъ именно въ это время. Большою поддержкой было для него семейное счастье. Королевская субсидія и неожиданно-крупный литературный заработокъ (гонораръ за пьесу) позволили ему отдаться любимому труду—изданію еженедѣльной газеты для народа, а также устроить себѣ домашній очагъ. Купивъ въ уединенной мѣстности, за городомъ, небольшой домикъ съ садомъ, Вергеландъ зажилъ тамъ, весь уйдя въ собственный міръ, работалъ для народа и изучалъ исторію Норвегіи, роясь въ хранилищахъ государственнаго архива, при которомъ вскорѣ получалъ мѣсто бібліотекаря. Плодомъ этихъ занятій явился цѣлый рядъ популярныхъ историческихъ очерковъ и большой, къ сожалѣнію, не оконченный имъ трудъ *Исторія норвежской конституціи*. Въ семейной жизни Вергеландъ обнаружилъ всю мягкость, нѣжность, сердечность и преданность своей чисто-дѣтской натуры, былъ тихъ, уступчивъ и незлобивъ. Уголокъ свой—домикъ и садикъ—онъ любилъ страстно, самъ устраивалъ и украшалъ свое жилище, ухаживалъ за садикомъ и радовался, какъ дитя, каждой новой распускавшейся розѣ.

Ведя крайне простой, скромный образъ жизни, питаясь самою грубою пищею, нося самую незатѣйливую одежду, Вергеландъ былъ щедръ только на помощь нуждающимся. Состраданіе его и желаніе помочь доходили до того, что онъ, когда его собственные ресурсы истощались, ходилъ по всему городу, выпрашивая для бѣдняковъ старое платье, обувь и проч. и зачастую возвращался домой съ огромнымъ, туго набитымъ мѣшкомъ за спиною. Чтобъ испытать сострадательность своихъ земляковъ и на себѣ испытать участь бѣдняковъ, онъ ходилъ также иногда, переодѣтый нищимъ, по всей странѣ, отъ дверей къ дверямъ, прося подаенія, которое затѣмъ отдавалъ другимъ бѣднякамъ. Зато и не было въ Норвегіи другого человѣка, который бы пользовался такою популярностью и любовью въ простомъ народѣ. Вергеландъ зналъ это, и это сознаніе доставляло ему большое утѣшеніе въ тяжелыя времена отверженія его образованными классами общества. Онъ съ справедливою гордостью говаривалъ, что «положи онъ свои часы на перила городского моста съ запискою, что часы

принадлежать Вергеланду,—никто ихъ не тронетъ». За совѣтами къ нему шли не только всѣ окрестные жители, но даже изъ самыхъ дальнихъ уѣздовъ прїѣзжала масса народа «къ своему Генрику». Стихотворенія Вергеланда народъ понималъ плохо, но по всему чуялъ въ немъ своего вѣрнаго друга и ходатая, трудившагося по мѣрѣ силъ своихъ для народнаго блага. Плодами неутомимой дѣятельности Вергеланда въ этомъ направленіи были воскресныя народныя школы, уѣздные союзы регнителей народнаго просвѣщенія, народныя бібліотеки и читальни, а также множество популярно-изложенныхъ брошюръ и книгъ (напримѣръ, *Книга для чтенія юношеству*, *Житейская мудрость и благосостояніе*, *Исторія Норвегии для народа* и проч.), въ которыхъ трактовались различныя назрѣвшіе вопросы, давались общепользныя свѣдѣнія и совѣты и т. п. Для издаваемой имъ еженедѣльной газеты для рабочаго сословія онъ писалъ статьи и рассказы, которые должны были вызывать и развивать въ простолудинѣ любовь къ родинѣ, къ просвѣщенію, къ труду, къ умѣренности и къ кустарнымъ промысламъ. Словомъ, Вергеландъ всячески старался способствовать поднятію и облагороженію простого человѣка.

Поборникъ свободы, противникъ всякой несправедливости, защитникъ всего слабаго и притѣсняемаго, любившій всѣхъ людей какъ братьевъ, Вергеландъ не могъ также не возстать на защиту гонимаго тогда еврейскаго племени, которому воспрещено было даже ступить на почву Норвегии. Плодами симпатій Вергеланда къ обездоленнымъ евреямъ явились прекраснѣйшія поэмы: *Еврей* и *Еврейка*.

Помимо литературной и политической борьбы не мало отравили жизнь Вергеланда и судебныя процессы, въ которые вовлекали его вспыльчивость, невоздержность въ выраженіяхъ и неуступчивость. Одинъ изъ такихъ процессовъ длился нѣсколько лѣтъ и привелъ, наконецъ, къ продажѣ съ аукціона (для покрытія судебныхъ издержекъ и штрафа) столь дорогого ему уголка—домика съ садикомъ. Вергеландъ перенесъ потерю съ рѣдкимъ спокойствіемъ духа и затѣмъ отдался новымъ планамъ и мечтамъ о постройкѣ новаго домика и устройствѣ новаго жилища, въ которомъ большую роль должна была играть кухня съ «длиннымъ, солиднымъ столомъ и скамьями вокругъ, на которыхъ размѣщались бы для общей трапезы въ кануны праздниковъ и торжественныхъ дней онъ съ женою и вся прислуга». Планамъ этимъ, однако, не суждено было сбыться. Бурной, богатой душевными волненіями и потрясеніями жизни Вергеланда близился конецъ. Чахотка, первые признаки которой обнаружилась весной 1844 г., въ слѣдующемъ 1845 г. уже свела его въ могилу. Къ великому утѣшенію по наболѣвшему сердцу, Вергеланду еще при жизни пришлось увидѣть то, что онъ надѣялся лишь по смерти,—ненависть смолкла еще передъ дромъ его болѣзни, и люди поняли, кого теряютъ въ поэтѣ. Едва распространились слухи о неизлѣчимомъ недугѣ Вергеланда, у всѣхъ съ глазъ такъ бы спала завѣса, и всѣхъ—и друзей, и враговъ его—охватило одночудушное желаніе, возможно явственнѣе воздать должное его сердцу и

заслугамъ передъ родиной, въ чемъ ему такъ долго отказывали. О радости, какую доставилъ такой поворотъ въ общественномъ мнѣннн самому Вергеланду, говорятъ его письма. Такъ, наприм., онъ писалъ въ январѣ 1845 г. слѣдующее: «Я осыпанъ доказательствами любви и преданности со сторсны моихъ земляковъ; меня посѣщаютъ члены стортинга; одинъ вдругъ безо всякой аффектаціи и со слезами на глазахъ поцѣловалъ у меня руку». Когда узнали, что Вергеланду нуженъ свѣжій воздухъ и побольше солнца, къ нему явились сторожа съ маяка съ предложеніемъ дарового помѣщенія и ухода у нихъ на маякѣ. Простые люди присылали ему трогательныя письма; вдова короля Карла-Юганна также осыпала его знаками вниманія и соболѣзнованія.

Вергеландъ не былъ огорченъ близостью смерти, — напротивъ, шелъ ей на встрѣчу съ какою-то дѣтскою радостью, точно птичка, рвущаяся къ небусамъ. Физическія страданія не вліяли на его духъ, и онъ проявилъ на одрѣ болѣзни изумительную дѣятельность, — продолжалъ трудиться по-прежнему на поприщѣ благотворительности, народнаго просвѣщенія и поэзіи, издавалъ газету, переработалъ свою большую юношескую поему *Человекъ*, написалъ замѣчательную по чистосердечію и юмору автобіографію, комедію и много прекрасныхъ крупныхъ и мелкихъ стихотвореній. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ, написанныя непосредственно предъ смертью, стоятъ на ряду съ лучшими его стихотвореніями; наприм. *Золотой левкой*.

Левкой, прекрасный, золотистый,
Ты не успѣешь отцѣсти,
Какъ стану пылью я землистой
Въ землѣ снѣгой. Прости, прости!

Твоя головка золотая
Пусть встрѣтитъ взоръ послѣдній мой;
Душа, изъ тѣла улетаю,
Облобызаетъ вѣничикъ твой.

Ты два получишь поцѣлуа:
Одинъ дарю тебѣ, другой—
Въ мой милый садъ, когда умру я,
Снеси ты розъ вусту, левкой!

Скажи ему: не ждате расцвѣта
Мнѣ этихъ милыхъ сердцу розъ.
Такъ надъ могилою поэта
Хочу, чтобъ вустъ цвѣтущій розъ.

Чтобъ мнѣ на грудь свое благоухавье
Лила изъ розъ избранница твоя,
Которой ты отдашь мое лобзанье,
Когда усну сномъ вѣчнымъ я!...

Въ письмѣ къ отцу отъ 17 мая 1845 г. Вергеландъ пишетъ: «Милый дорогой отецъ! Я чувствую себя нѣкоторое время, и особенно сегодня такъ плохо, что думаю — мнѣ не долго жить. Но что бы ни случилось

помни, милый, любимый отецъ, что то же случалось и со многими другими людьми, куда крѣпче меня. Вспомни хоть Аубертоновъ; и имъ пришлось покинуть жизнь во цвѣтъ лѣтъ. Мысли о величїи Божїемъ и о моемъ собственномъ ничтожествѣ много утѣшаютъ меня».

Еще за два дня до смерти онъ продолжалъ писать, а потомъ, когда рука уже не подымалась болѣе, хотѣлъ диктовать. Весь послѣдній день своей жизни (11 іюля 1845 г.) онъ провелъ въ спокойной бесѣдѣ съ докторами, описывая имъ, какъ смертный холодъ подымается у него по рукамъ все выше и выше, и спрашивая, какъ долго это можетъ продлиться.

Въ часъ дня онъ очнулся отъ легкаго забытья и сказалъ: «Мнѣ такъ сладко дремалось... Мнѣ гревилось, что я лежу на рукахъ у матери!» Это и были его послѣднія слова. Нѣсколько минутъ спустя, онъ тихо, безболѣзненно уснулъ на вѣки.

У воротъ, на дворѣ, въ саду дома Вергеланда еще съ вечера предыдущаго дня дежурили толпы народа, съ напряженїемъ ожидая вѣстей о ходѣ болѣзни. Потому эти толпы, пополнявшіяся все новыми и новыми почитателями Вергеланда, потянулись непрерывною вереницей прощаться съ усопшимъ, лежавшимъ, какъ король на парадномъ ложѣ, съ ясною улыбкой на устахъ. Прощанїе продолжалось нѣсколько дней: вся страна хотѣла отдать покойному послѣдній долгъ; и старъ, и младъ, и богачъ, и бѣднякъ шли поклониться «Генрику»; матери подымали дѣтей, чтобъ они могли запечатлѣть въ памяти черты усопшаго. Хоронили Вергеланда 17 іюля. Никогда еще не видали въ Христїанїи такого стеченїя народа за гробомъ простаго смертнаго. Люди просто дрались за право нѣсколько минутъ нести гробъ и силой пробивались сквозь толпу, чтобы хоть прикоснуться къ гробу. Словомъ, къ похоронамъ Вергеланда можно было бы приписать его собственное стихотворенїе, написанное имъ по поводу похоронъ друга его Бьеррегора:

Теперь онъ—трупъ похолодѣлый,
Такъ время честь ему воздать,
За трудъ и муки жизни цѣло
По смерти лаврами вѣнчать!
Ему камнями угрожали,
Но дней его пресѣклась нить,
И люди тотчасъ пожелали
Цвѣтами камни замѣнить.

III.

Прослѣдивъ за жизнью Вергеланда отъ юности его и до смерти на 38 у отъ рожденїя, мы видѣли, какія силы бродили въ его мятежной душѣ, къ онъ бросался съ головою во всѣ жгучіе вопросы времени и зачастую ходилъ изъ нихъ съ серьезными обжогами. Онъ былъ поэтомъ во всемъ, дѣлалъ и что говорилъ; часто онъ говорилъ черезчуръ страстно, рѣзко часто слѣпо подчинялся минутному настроенїю, но въ то же время

отличался и особымъ даромъ поэта—собирать молодыя силы вокругъ знамени будущаго. Истинною двигательною силой и въ его творчествѣ, и во всей его жизни,—они шли рука объ руку,—была любовь, любовь ко всему мірозданію, и къ человѣку, и къ животнымъ, и къ растеніямъ. Все въ мірѣ, начиная съ полевой былинки и кончая голубымъ сводомъ небеснымъ, участвовало, на его взглядъ, въ созданіи грандіозной міровой поэмы, въ міровой ораторіи, въ которой онъ различалъ отдѣльные тоны и звуки и воспроизводилъ ихъ въ своихъ пѣсняхъ. Вселенная постоянно развѣтывала передъ нимъ свои образы и картины, и онъ радовался, какъ дитя, созерцая ея красоту и богатство. «Не забывай ни звѣздъ, ни цвѣтовъ, ни червяка въ пыли!» говорилъ Вергеландъ, видя во всемъ частицу прекраснаго цѣлаго—вселенной, являющейся «гимномъ вселюби». Свѣтла небесныя онъ называетъ «шумящими облаками пыли, вздымающейся подъ стопами Господа»; буря у него «проносится надъ вершинами сосенъ, воспѣвая «Те Деумъ», рѣчка, протекая по землѣ, «журчитъ благословеніе», и даже цвѣточекъ мха является «небесною часовней», человѣкъ же это—вѣнецъ творенія, «смысль и душа вселенной, слово Бога къ Самому Себѣ».

Вергеландъ вообще былъ пѣвцомъ сердца. И, какъ онъ, не пѣлъ никто. Переносилъ ли онъ слушателя въ хижину крестьянина, или въ дѣтскую, пѣлъ ли веселую пѣснь матросовъ, просилъ ли состраданія для тѣхъ, «кто мовнеть подъ дождемъ, сушится на сквозномъ вѣтру и солить хлѣбъ своими слезами въ открытомъ полѣ», переносилъ ли слушателя въ каморку лопмана или въ обширную храмину природы—всегда онъ проявлялъ то же богатство идей и образовъ, ту же свѣжесть и прелесть творчества, которыя увлекали даже людей предубѣжденныхъ. Въ юности въ душѣ Вергеланда бушевалъ цѣлый океанъ, и свѣтлыя мысли, ясные образы какъ-то исчезали въ общемъ пестромъ, сверкающемъ хаосѣ картинъ, которыя его необузданная, ненасытная фантазія, пренебрегая всеми правилами формы, хватала и съ сѣвера, и съ юга, и съ востока, и съ запада. Но затѣмъ, подъ ударами бичей тонкихъ критиковъ—эстетиковъ, фантазія его мало-по-малу приручилась, цивилизовалась, не теряя, однако, своей смѣлости и высоты, подчинилась формѣ, и послѣднія произведенія Вергеланда уже гораздо совершеннѣе по формѣ, проявляя прежнюю поэтичность и богатство идей, образовъ и чувства. Заразительный, свѣжій, здоровый юморъ Вергеланда проявлялся и въ его комедіяхъ, и въ фарсахъ, но съ наибольшою силой и яркостью вылился въ его замѣчательной автобіографіи.

Главное же значеніе дѣятельности Вергеланда заключается въ томъ, что онъ былъ истинно-національнымъ поэтомъ и дѣятелемъ. «Его мысли,—говоритъ Бьёрнстjerne-Бьёрнсонъ,—были плоть отъ плоти, кровь отъ крови мыслей народа, и мы, по крайней мѣрѣ, цѣлое столѣтіе еще будемъ жечь и питаться этими мыслями, и не только въ отвлеченныхъ вопросахъ, но и въ матеріальныхъ—отъ вопроса о разведеніи лѣсовъ и до вопроса о осушеніи болотъ. Онъ видѣлъ наши общественные недуги и недостатокъ, любилъ все, что мы имѣли хорошаго, высказывалъ наши стремленія, и

ботать для нашихъ потребностей—даже для такихъ, въ которыхъ далеко не былъ компетентенъ. Она кипѣла дѣятельностью, и она часто переливалась черезъ край—и въ его частной жизни, и въ общественной, когда дѣло шло о борьбѣ, лежавшей внѣ его силъ и компетентности. Причина того, что Вергеландъ часто бывалъ тяжелъ и неясенъ, лежала въ томъ, что онъ чересчуръ разбрасывался, стремясь охватить заразъ слишкомъ широкія области, и что его идеи и стремленія слишкомъ опередили свое время, которое не могло еще дать имъ надлежащихъ ясныхъ формъ. Только теперь, окинувъ взоромъ всѣ разнообразныя и многочисленные пути, по которымъ идетъ наша страна къ общему прогрессу, и увидѣвъ, что почти всѣ эти пути впервые открыты и намѣчены Вергеландомъ, можно понять, чѣмъ онъ былъ для родины».

По политическимъ своимъ убѣжденіямъ Вергеландъ былъ республиканцемъ и конституціонныя формы правленія считалъ лишь переходною ступенью къ республикѣ. Страстный ревнитель свободы, Вергеландъ съ восторгомъ привѣтствовалъ июльскую революцію во Франціи, написавъ тогда одно изъ лучшихъ своихъ стихотвореній: *Освобожденная Европа*. Всѣ его политическія статьи въ газетахъ были проникнуты тою же безграничною жаждою свободы и живѣйшимъ участіемъ ко всему въ Европѣ, что содѣйствовало развитію и упроченію свободы. У себя на родинѣ Вергеландъ являлся неусыпнымъ стражомъ и хранителемъ новообрѣтенной свободы родной страны, и чуть шведское правительство предпринимало малѣйшее посягательство на права Норвегіи, тотчасъ билъ тревогу и давалъ отпоръ.

Безпредѣльная любовь къ шведско-норвежскому королю Карлу-Юганну не мѣшала Вергеланду бурно возставать и противъ короля, когда послѣдній чѣмъ-либо измѣнялъ своей главной (по мнѣнію Вергеланда) задачѣ—охранять свободу народа. Поэтому отношенія между поэтомъ-поборникомъ свободы и королемъ, являвшимся въ его глазахъ героемъ, рыцаремъ безъ страха и упрека,—несмотря на ихъ взаимныя горячія симпатіи и уваженіе,—нерѣдко сильно обострялись и доходили даже до полного разрыва.

Въ 1881 г. благодарная родина поставила своему поэту-радѣтелю памятникъ, на открытіи котораго Бьёрнсонъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Всѣ присутствующіе, я думаю, знаютъ о трогательномъ обычаѣ, усвоенномъ Генрикомъ Вергеландомъ въ послѣдніе годы его жизни—гулять съ карманами, полными древесныхъ сѣмянъ, которыя онъ время отъ времени и разбрасывалъ горстями по дорогѣ; мало того, онъ и друзей своихъ приглашалъ слѣдовать его примѣру, говоря: «кто знаетъ, сколько обрадо изъ этого можетъ выйти»? Въ этихъ простыхъ словахъ, дышащихъ такой трогательно-наивной любовью къ родинѣ—цѣлая поэма, не уступающая, пожалуй, лучшимъ произведеніямъ нашего славнаго поэта».

И тѣ духовныя сѣмена, которыя Вергеландъ сѣялъ на почву родины надъ ея преусыпніями и блага, поднятія и распространенія культуры въ надѣ дали богатые всходы.

Вліяніе Вергеланда на политическую жизнь своей родины было огромно, и значеніе его становится особенно очевиднымъ при болѣе близкомъ ознакомленіи съ дѣятельностью двухъ его главныхъ преемниковъ—*Свердрупта* и впоследствии *Бьёрнсона*. Какъ въ свое время Вергеландъ, такъ за нимъ Свердрупъ и затѣмъ Бьёрнсонъ стояли, а послѣдній и продолжаетъ стоять, на стражѣ противъ всякихъ посягательствъ на право Норвегіи со стороны Швеціи. Другое движеніе, такъ называемое «крестьянское движеніе *Сёрена Лобека*, также обязано своимъ возникновеніемъ Вергеланду. Въ этомъ движеніи сказались увлеченіе Вергеланда крестьянскою сермягою, его горячіе протесты противъ роскоши, противъ иноземнаго вліянія, противъ господства бюрократіи и урѣзыванія бюджета на улучшеніе быта народа. Наконецъ, третье движеніе, обязанное своимъ возникновеніемъ и развитіемъ Вергеланду, движеніе въ пользу распространенія просвѣщенія въ народѣ, нашло достойнаго продолжателя и преемника Вергеланда въ лицѣ *Эйлерта Сунда*, а также въ лицѣ *Антоня Бона*, издававшего *Вечернюю субботнюю газету для рабочихъ*, и *Оле Вигъ*, автора цѣлаго ряда популярно изложенныхъ историческо-культурныхъ очерковъ для народа.

Вергеланду и затѣмъ его прямымъ продолжателямъ, изъ которыхъ особенно выдѣлились Свердрупъ, Лбекъ, Эйлертъ Сундъ, Оле Вигъ и Бьёрнстjerne Бьёрнсонъ, обязанъ норвежскій народъ своимъ необыкновенно быстрымъ культурнымъ ростомъ, своимъ превращеніемъ изъ жалкаго, невѣжественнаго, погибающаго въ пьянствѣ (такимъ онъ былъ еще въ первой половинѣ нашего столѣтія) народа въ народъ крѣпкій, сильный, культурный, полный самосознанія и выдвигающій такихъ крупныхъ дѣятелей въ области литературы и науки (напримѣръ, Ибсенъ, Бьёрнсонъ, Ли, Кьелландъ, Бугге, Ганстенъ, Сарсъ, Хансенъ и др.), какимъ позавидуетъ любой, болѣе многочисленный и играющій болѣе важную роль въ Европѣ народъ.

П. Ганзенъ.

Главнѣйшіе моменты изъ исторіи запорожскаго козачества.

(Пробная лекція, читанная въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ 5 октября
1896 года).

Милостивые государи!

Предметомъ моихъ занятій была и есть исторія запорожскихъ козаковъ. Я говорю—запорожскихъ, но не украинскихъ козаковъ. Запорожскіе или низовые казаки жили выше и ниже пороговъ Днѣпра отъ рѣчки Омельника до Буга по правой сторонѣ Днѣпра и отъ рѣки Орели до Конскихъ-Водъ по лѣвой, т.-е. они занимали всю теперешнюю Екатеринославскую губернію со включеніемъ въ нее Ростовскаго уѣзда, отошедшаго въ недавнее время къ Землѣ Войска Донскаго, и три уѣзда Херсонской губерніи—Херсонскій, Елисаветградскій и Александрійскій. На этой территоріи запорожцы просуществовали съ конца XV вѣка по 1775 годъ, и за это время у нихъ послѣдовательно смѣнилось, одна за другой, пять Сичей. Это были: Микитинская, первая по времени, Чортомлыцкая, Алешковская, Каменская и Подпиленская или Новая. Сичи на Хортицѣ не было: по крайней мѣрѣ ни въ сочиненіи Папроцкаго *Rapozga rycersztwa polskiego* 1584 года, ни въ *Запискахъ* Эриха Ласоты 1594 года, ни въ русскихъ лѣтописяхъ соотвѣтствующаго времени первое запорожское сооруженіе на островѣ Хортицѣ не называется Сичею, а именуется городкомъ, станомъ, фельдлагеремъ (у Ласоты), и потому мы не вправѣ болѣе поздній терминъ «Сичь» переносить къ древнему времени, когда этого термина вовсе не существовало. Запорожскіе казаки имѣли ближайшимъ своимъ начальникомъ и вождемъ кошевого атамана, украинскіе—гетмана; запорожскіе коки жили въ Сичи неженатыми и только въ зимовникахъ, т.-е. въ хутохъ, по окраинамъ, позволяли жить семейнымъ, такъ называемымъ сидмъ, гречкосіямъ, бабюбамъ, тогда какъ гетманскіе казаки были семейные казаки и жили въ городахъ старой Малороссіи.

Начало отдѣленія запорожскаго или низоваго козачества отъ украинско или городового положили польско-литовскій король Стефанъ Баторій

во второй половинѣ XVI вѣка, введеніемъ такъ называемаго реестра или списка козаковъ. Годъ, когда произведена была эта реформа, въ точности неизвѣстенъ: южно-русскіе лѣтописцы называютъ 1576-й, малороссійскіе историки правдоподобно относятъ это къ 1583 году.

Сущность этой реформы состояла въ томъ, что король Стефанъ Баторій ввелъ въ Малороссіи реестровый списокъ и въ этотъ списокъ приказалъ внести 6,000 человекъ козаковъ; за этими 6,000 правительство Польши только и признало право на существованіе козаковъ, какъ свободного сословія; что же было сверхъ этихъ 6,000, то все отчислялось отъ козацкаго сословія и поступало въ сословіе людей посполитыхъ или крестьянъ. Внесенные въ реестръ 6,000 человекъ раздѣлялись на шесть полковъ: Черкасскій, Каневскій, Бѣлоцерковскій, Корсунскій, Чигиринскій и Переяславскій; каждый полкъ подраздѣлялся на сотни, сотни—на околицы, околицы—на роты; при полкахъ полагалась земельная съ поселеніями собственность, которая давалась на рангъ или на чинъ каждому старшинѣ, и оттого носила названіе ранговой земли; всѣмъ реестровымъ козакамъ опредѣлено было жалованье деньгами и сукнами; выданы были войсковые клейноты или знаки; назначенъ былъ центральный городъ съ монастыремъ, шпиталемъ и смежной землей, Терехтемировъ; разрѣшено было имѣть собственный, въ городѣ Батуринѣ, судебный трибуналъ; объявленъ былъ козацкій «старшой», который долженъ былъ подчиняться коронному гетману; потомъ дозволены были выборы генеральной старшины—полковниковъ, асауловъ и писарей.

Для запорожскихъ козаковъ эта реформа короля Баторія имѣла рѣшающее значеніе: съ этихъ поръ большинство малороссійскихъ козаковъ, не попавшихъ въ реестръ, ушло на низовье Днѣпра, и скоро послѣ этого низовые казаки обособились отъ городскихъ или реестровыхъ, завели у себя отдѣльную администрацію и устроили своеобразные порядки. Оставаясь на низу Днѣпра, они мало-по-малу стали складываться въ отдѣльныя, сперва небольшія, группы, общины или курени, представлявшіе на первыхъ порахъ своего рода землячества: курень каневскій, т.-е. общество земляковъ, вышедшихъ изъ Канева; курень корсунскій, т.-е. товарищество земляковъ, вышедшихъ изъ Корсуна; курень крыловскій, т.-е. союзъ земляковъ, вышедшихъ изъ Крылова; то же нужно сказать о куреняхъ переяславскомъ, полтавскомъ, уманскомъ, калниболотскомъ, донскомъ, стeblikвскомъ, батуринскомъ, ирклѣвскомъ. Изъ мелкихъ группъ или куреней составилаь потомъ большая единица общины, такъ называемый вельможный кошъ славныхъ запорожскихъ низовыхъ козаковъ. Этотъ кошъ составляли люди всевозможныхъ народностей, не исключая турокъ и татаръ, принявшихъ крещеніе, съ преобладаніемъ, однако, южноруссовъ изъ ближайшихъ къ запорожскимъ степямъ малороссійскихъ городовъ—Черкасъ, Канева, Крылова, Переяслава, Полтавы. Въ особенности тѣсная связь у запорожцевъ была съ городами Полтавскаго поля.

Находясь въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ татарами, запорожскі

Козаки по необходимости много сдѣлали отъ нихъ всяческихъ заимствованій. Такъ, отъ татаръ запорожцы усвоили себѣ подобныя названія, какъ копзь, атаманъ, асаулъ, толмачъ, чаушъ, бунчукъ, буздыганъ, чубъ, чабанъ и т. п. Вмѣстѣ съ этимъ, запорожцы усвоили себѣ, по примѣру татаръ, бритье головъ, ношеніе восточныхъ шароваръ, широкихъ цвѣтныхъ поясовъ, сафьяновыхъ съ острыми носками сапогъ, высокихъ остроконечныхъ шапогъ, суконныхъ, восточнаго покроя, кафтановъ; научились готовить себѣ брынзу, или овечій сыръ, пастрѣму, или вяленое на солнцѣ мясо, бузу, или напитокъ изъ кислаго молока.

Начавши съ роли промышленниковъ, торговцевъ (чумаковъ), рыболововъ, добычниковъ, запорожскіе низовые козаки постепенно дошли до роли защитниковъ Христовой вѣры противъ мусульманъ и православія противъ католичества и, вмѣстѣ съ тѣмъ, до роли охранителей всей славянской народности противъ турокъ и татаръ. Уже въ 1610 году запорожцы говорили о себѣ, что они «съ давнихъ часовъ» заставляясь противъ поганскаго народа за православную вѣру, часто теряютъ здоровье и жизнь свою черезъ войну съ татарами и турками, освобождаютъ изъ неволи народъ христіанскій, доставляютъ много турецкихъ и татарскихъ языковъ и плѣнниковъ на пользу короля, Рѣчи-Посполитой, сенаторовъ и пановъ коронныхъ, для похвалы Божіей милости, храмовъ Господнихъ и размноженія народа христіанскаго, чѣмъ всегда оказывали и оказываютъ услугу отечеству своему не лютуячи о здоровьѣ и животѣ своемъ*). «Кто хочетъ за вѣру христіанскую быть посаженнымъ на колъ, кто хочетъ быть четвергованъ, колесованъ, кто готовъ претерпѣть всякія муки за святой крестъ, кто не боится смерти — приставай къ намъ. Не надо бояться смерти: отъ нея не уберешься. Такова козацкая жизнь»**).

Такъ говорили запорожцы и нѣсколько позже означеннаго года. И съ тѣхъ поръ, какъ низовые козаки взяли на себя роль защитниковъ вѣры и отечества, они сдѣлались въ глазахъ своихъ современниковъ рыцарями церкви, правды и чести, стали бессмертными въ глазахъ многихъ поколѣній и съ этимъ именемъ вошли на страницы славянской и міровой исторіи.

Отдѣлившись отъ украинскихъ или городовыхъ козаковъ, запорожскіе козаки, тѣмъ не менѣе, въ теченіе всего XVI и большей части XVII вѣка дѣйствовали вмѣстѣ и заодно съ ними. Такъ, они подвизались на островѣ Хортицѣ вмѣстѣ съ знаменитымъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Вишневецкимъ противъ татаръ, начиная съ 1556 года; они ходили вмѣстѣ съ имомломъ Зборовскимъ въ 1583 году на низовья Буга и Днѣпра противъ хъ же татаръ; сражались вмѣстѣ съ Криштофомъ Косинскимъ подъ Пятлю въ 1591 году и вмѣстѣ съ Лободой и Наливайкомъ подъ Бѣлоу-Цервью, Кіевомъ и подъ Лубнами на Оланицѣ, въ 1596 году противъ по-

*) *Атты южной и западной Россіи*, т. II, стр. 59.

) *Куминъ*: „Исторія воссоединенія Руса“. Спб., 1874 г., т. I, стр. 64.

ляковъ; дѣйствовали вмѣстѣ съ Петромъ Сагайдачнымъ, въ смутное время, въ пользу королевича Владислава; сражались вмѣстѣ съ Тарасомъ Трясилою подѣ Переяславомъ противъ короннаго гетмана Станислава Конецпольскаго; ходили на Черное море подѣ начальствомъ Сулимы воевать съ турками; бились подѣ предводительствомъ Павлюка, Гуни, Острицы и Карпа Скидана противъ поляковъ съ 1626 по 1638 г.

Но большею частью во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ означеннаго времени запорожцы играли второстепенную роль и подчинялись гетманамъ или старшимъ украинскихъ козаковъ.

Но вотъ выступилъ на историческую сцену знаменитый гетманъ Богданъ Михайловичъ Хмельницкій, и съ этихъ поръ запорожцы на долгое время пріобрѣтаютъ рѣшающее значеніе во всей исторіи Малой Россіи.

Выступивъ на историческую сцену Малороссіи, Богданъ Хмельницкій прежде всего нашелъ пріютъ и помощь въ Запорожской Сичѣ, у низовыхъ козаковъ. Лишенный состоянія, жены, малолѣтняго сына, засѣченнаго до смерти Чаплинскимъ, осмѣянный на сеймѣ, брошенный въ тюрьму и приговоренный къ казни, Хмельницкій, съ старшимъ сыномъ Тимошеемъ, въ началѣ декабря 1647 года, бѣжалъ изъ тюрьмы въ Запорожье и здѣсь, не дожидая самой Сичи, бывшей въ то время на Микитиномъ-Рогѣ, расположился на островѣ Будиѣ, называемомъ Днѣпровскимъ островомъ, въ 18 верстахъ отъ Микитина-Рога, и потомъ, съ дозволенія Коша, спустился въ самую Сичь. Явившись въ Сичь, Хмельницкій, въ присутствіи кошевого атамана, старшинъ и бывшихъ на ту пору козаковъ, произнесъ горячую рѣчь, въ которой краснорѣчиво описалъ поруганіе, которое дозволяли себѣ іезуиты надѣ православной вѣрою и надѣ православными служителями святого алтаря, выставилъ глумленіе польскаго сейма надѣ козацкими правами, изобразилъ картину насилія со стороны польскихъ войскъ надѣ несчастнымъ населеніемъ украинскихъ мѣстечекъ и городовъ, передалъ о всѣхъ вымогательствахъ и мучительствахъ со стороны «проклятаго жидовскаго» племени и закончилъ свою рѣчь такъ: «Къ вамъ уношу душу и тѣло,—укройте меня, стараго товарища, защищайте самихъ себя, и вамъ тоже угрожаетъ».

Тронутые этою рѣчью, козаки всѣ, какъ одинъ человекъ, закричали Хмельницкому въ отвѣтъ: «Пріймаемъ тебе, пане Хмельницкій, хлѣбомъ-солью и ширимъ сердцемъ».

Послѣ этого былъ кликнуть кличъ о сборѣ всѣхъ козаковъ для очень важнаго дѣла. И тогда по этому клику толпа хлынула въ Сичь. «Изъ лѣсовъ и ущелій прибѣгали въ Сичь такъ-называемые лугари, степовики гайдамаки, которые жили въ землянкахъ по берегамъ Днѣпра, Буга, Самары, Конскихъ-Водъ, одѣтые въ звѣриныя кожи, довольные скудною терею, но за то вольные, по выраженію пѣсни, какъ вѣтеръ*»).

Но что именно затѣвалъ Хмельницкій и каковы были его планы, об

*) *Костомаровъ*: „Богданъ Хмельницкій“. Спб., 1884 г., I, 254.

этомъ извѣстно было только кошевому атаману, войсковою старшинѣ да немногимъ сообщникамъ самого же Богдана; остальнымъ пока разсказывали, что Хмельницкій и войсковая старшина собрали отовсюду въ Сичь козацкую чернь съ тѣмъ, чтобы выбрать изъ всей среды козацкаго сословія депутатовъ и отправить ихъ съ разными просьбами къ королю въ Варшаву. Въ этомъ же духѣ Хмельницкій писалъ письма изъ Сичи къ черкасскому полковнику Барабашу, козацкому комиссару Шембергу, гетману Николаю Потоцкому и коронному хорунжему Конецпольскому. Во всѣхъ этихъ письмахъ Хмельницкій увѣрялъ пановъ въ томъ, что бѣжалъ въ Сичь единственно ради личной безопасности и что намѣреніе его состоитъ въ томъ, чтобы отправить изъ Сичи въ Варшаву депутацію для защиты козаковъ отъ панскихъ насилій.

Успокоивъ правительство Рѣчи-Посполитой, Хмельницкій внезапно оставилъ Запорожье и ушелъ съ сыномъ Тимошеемъ въ Крымъ за помощью противъ поляковъ. Въ то время ханомъ въ Крымѣ былъ Исламъ-Герай. Послѣ долгихъ переговоровъ ханъ позволилъ Хмельницкому пригласить въ помощь перекопскаго мурзу, Тугай-бея, съ ордой. Тугай-бей долго не соглашался на предложеніе Хмельницкаго, и только подъ конецъ, соблазненный обѣщаніемъ большой добычи, изъявилъ согласіе. Тогда союзники въ половинѣ апрѣля переправились съ лѣваго берега Днѣпра на правый, у турецкаго города Кызыкермена, и вступили въ Запорожье.

Проѣхавъ степь отъ праваго берега Днѣпра, Тугай-бей и Хмельницкій раздѣлились: первый остановился на время на рѣчкѣ Базавлука, на Переволочанскомъ шляху, къ западу отъ Сичи, съ цѣлью охраненія западныхъ границъ Запорожья отъ внезапнаго прихода польскихъ войскъ; а второй направился прямо въ Сичь.

Между тѣмъ кошевой атаманъ запорожскихъ козаковъ, сообразно уговору, сдѣланному съ Хмельницкимъ передъ выѣздомъ его въ Крымъ, ожидая съ часу на часъ его поворота назадъ, стянулъ со всѣхъ луговъ, вѣтокъ и рѣчекъ все конное и пѣшее низовое запорожское войско, объявляя всѣмъ о настоятельной необходимости прибытія въ Сичь, но не открывая, однако, истинной причины до возвращенія Хмельницкаго въ Кошъ. «Хмельницкій, — говоритъ лѣтописецъ, — очень хитро и предусмотрительно распорядился съ кошевымъ атаманомъ и сичевою куренною атаманнею, такъ что о его замыслахъ и объ отъѣздѣ въ Крымъ не только не могли дознаться черезъ своихъ шпионовъ поляки, но и все войско низовое ничего не знало до самаго возвращенія Хмельницкаго въ Запорожскій кошъ. А еслибы знало то войско, то знали бы и поляки, и тогда они могли бы иную приготовить встрѣчу Хмельницкому, нежели запорожцы» *).

Хмельницкій прибылъ въ Сичь апрѣля 18 дня, передъ самымъ заходомъ солнца, имѣя при себѣ четырехъ знатныхъ татаръ, данныхъ ему Тугайшеемъ. Кошевой атаманъ, со всѣми куренными атаманами и съ пѣшимъ

*) *Величко*: „Лѣтопись“. Кіевъ, 1848 г., I, 49.

войскомъ, торжественно встрѣтилъ Хмельницкаго и привѣтствовалъ его «радостнымъ сердцемъ»; узнавъ же «о прихильности и ласкѣ» къ нему и ко всему запорожскому войску крымскаго хана Исламъ-Герая и о данной имъ помощи съ муравой Тугай-беємъ, еще больше того возрадовался. Вечеромъ того же дня, по заходѣ солнца, въ Сичи, сообразно древнему запорожскому обычаю, ударили изъ трехъ самыхъ большихъ пушекъ, чтобы собралось къ слѣдующему дню конное войско, находившееся въ поляхъ и въ лугахъ близъ Сичи. На другой день, апрѣля 19 числа, чуть свѣтъ, выстрѣлы изъ тѣхъ же пушекъ повторились. Когда же, говоря словами лѣтописца, насталъ свѣтъ и солнце разлило по всей поднебесной свои огнезрачные и ясно блистательные лучи, тогда собралась до Сичи огромная масса запорожскаго войска, простиравшаяся на ту пору до 30,000 слишкомъ человекъ. А когда ударили въ котлы для сбора на раду, то увидѣли, что сичевой майданъ слишкомъ тѣсенъ для такой великой силы войска; тогда кошевой атаманъ, вмѣстѣ съ Хмельницкимъ, вышелъ за сичевую фортецію и расположился на болѣе пространномъ майданѣ. Тутъ, когда старшины и все войско разиѣстались по своимъ мѣстамъ, козакамъ объявлено было о предпринимаемомъ великомъ дѣлѣ противъ поляковъ за ихъ обиды и притѣсненія, чинимыя козацкому войску и всему украинскому народу; вмѣстѣ съ этимъ объявлено было и то, что предпріятію Хмельницкаго сочувствуетъ крымскій ханъ Исламъ-Герай, приславшій козакамъ знатнаго мурзу Тугай-бея съ ордой и выразившій полную готовность лично помогать козакамъ противъ поляковъ, но за то оставившій у себя, въ качествѣ заложника, старшаго сына Хмельницкаго, Тимоея. Услыхавъ эти слова, войско отвѣчало: «Слава и честь Хмельницкому! Мы какъ стадо безъ пастуха; пусть Хмельницкій будетъ нашимъ головою, а мы всё, сколько насъ тутъ есть, всё готовы идти противъ пановъ и помогать Хмельницкому до послѣдней утраты живота нашего». Эти слова сказаны были «едиными устами и единымъ сердцемъ» всего собравшагося на площади запорожскаго низового войска. Послѣ этой рѣчи тотъ же кошевой атаманъ послалъ въ войсковую скарбницу писаря съ нѣсколькими куренными атаманами и велѣлъ посланнымъ вынести оттуда войсковые клейноты, чтобы вручить ихъ на площади Хмельницкому. Посланные вынесли изъ скарбницы ярко-красную, писанную золотомъ корогву или хоругвь; на высокомъ древкѣ съ позолоченною галкой бунчукъ; позлащенную, особенно мастерски сдѣланную и честнымъ каменіемъ украшенную булаву, серебряную войсковую печать, большіе мѣдные съ довышомъ котлы и ко всему этому три легкихъ полевыхъ пушки съ порохомъ и пулями.

Вручивъ и поставивъ передъ Хмельницкимъ всё войсковые клейноты, низовые козаки объявили его гетманомъ всей Малороссіи, поздравили въ новомъ званіи и выразили ему полную готовность всё, сколько было въ Сичи народа, идти съ нимъ на войну противъ поляковъ. Однако, послѣ продолжительныхъ разговоровъ, рѣшено было, чтобы съ Хмельницкимъ вырядилось на Украину не болѣе 8,000—10,000 человекъ войска, а осталь-

ное шло бы по своимъ мѣстамъ и промысламъ, но находилось бы въ полной готовности для военной кампаніи, если въ томъ окажется надобность. Послѣ такого рѣшенія при Хмельницкомъ остались конные охотники, военные мушкетеры и сагайдакеры, т.-е. стрѣлки изъ мушкетовъ и луковъ, слишкомъ на 8,000 человекъ.

Въ то время, когда все это происходило въ Сичѣ, на западной границѣ Запорожья стоялъ на сторожѣ Тугай-бей съ татарами. Стоя на своемъ посту, Тугай-бей поймалъ на шляху 10 подозрительныхъ человекъ и доставилъ ихъ Хмельницкому. Хмельницкій, допросивъ задержанныхъ людей, обнаружилъ, что то были польскіе шпіоны, посланные въ Сичъ для наблюденія за дѣйствіями запорожскихъ козаковъ. При допросѣ они объявили, что противъ Хмельницкаго высланы два отряда, одинъ сухопутнымъ, другою водою по Днѣпру до Кодака. Тогда Хмельницкій, узнавъ о планахъ поляковъ и не желая видѣть польскую армію возлѣ Сичи, взялъ съ собой сичевыя гарматы и войсковыя клейноты и 8,000 человекъ запорожскаго войска, вышелъ на встрѣчу полякамъ апрѣля 22 дня, въ субботу, 1648 года. Прежде всего онъ подошелъ къ крѣпости Кодаку, гдѣ сидѣлъ польскій гарнизонъ, и взялъ ее въ свои руки; потомъ отъ Кодака онъ поднялся до рѣчки Желтыхъ - Водъ, что ниже Князаго-Байрака, и устроилъ тамъ такъ называемый козацкій таборъ или вагенбургъ.

Желтыя-Воды—это притокъ рѣки Ингульца, находящейся, по-теперешнему, въ Верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи. Въ своихъ верховьяхъ Желтыя-Воды имѣютъ двѣ вѣтви, западную или Желтую и восточную или Очеретную. Между этими двумя вѣтвями образуется родъ полуострова, который въ XVII вѣкѣ покрытъ былъ лѣсомъ и доступенъ только съ сѣверной стороны, за то съ трехъ другихъ сторонъ совершенно былъ закрытъ. Въ эту-то тущобу и посадилъ Хмельницкій запорожцевъ, устроивши ихъ таборомъ. Хмельницкій хорошо зналъ, что полякамъ, если они двинутся къ Сичѣ степью, не миновать Желтыхъ-Водъ, потому что въ открытой и пустынной степи это мѣсто было слишкомъ примѣтно: тутъ можно было найти и лѣсъ, и траву, и воду, и прохладу.

Тугай-бей также пришелъ къ Желтымъ-Водамъ, но сталъ не въ таборѣ, а особо въ засадѣ.

Планъ польскихъ военныхъ дѣйствій состоялъ въ томъ, что польскіе гетманы, коронный Николай Потоцкій и польный Мартынъ Калиновскій, собравши большое войско, раздѣлили его на двѣ части и двинули ихъ въ запорожскія вольности. Одна часть этого войска, числомъ около 5,000 человекъ, состоявшая изъ малороссійскихъ реестровыхъ козаковъ и такъ называемой нѣмецкой пѣхоты, подъ начальствомъ Барабаша, должна была идти воднымъ путемъ до крѣпости Кодака, стоявшей у перваго Кодака порога, гдѣ находился польскій гарнизонъ; другая часть, доходящая, по нѣкоторымъ указаніямъ, до 20,000 человекъ, состоявшая изъ днѣпровъ и драгунъ, подъ начальствомъ 26-лѣтняго Стефана Потоцкаго, на короннаго гетмана, и козацкаго комиссара Шемберга, должна была

двигаться от Черкасъ сухопутьемъ, также дойти до Кодава и тутъ соединиться съ реестровыми козаками, пльвшими по Днѣпру. Стефану Потоцкому приказано было пройти степи и лѣса, разорить и уничтожить до-глас презрѣнное скопище козаковъ и привести зачинщиковъ бунта на праведную казнь: «Иди,—сказалъ старый Потоцкій своему сыну,—и пусть исторія напишетъ тебѣ славу» *).

Хмельницкому извѣстенъ былъ весь планъ военныхъ дѣйствій поляковъ, и потому онъ, устроивши козацкій таборъ и посадивши въ немъ запорожское войско, незамѣтно оставилъ Желтыя-Воды и двинулся къ рѣкѣ Днѣпру, къ тому мѣсту, гдѣ присталъ польскій отрядъ подъ начальствомъ Барабаша. Такъ какъ это были реестровые козаки, т.-е. православнорусскіе люди, обязанные только службой Польшѣ, то Хмельницкій надѣялся по-дѣйствовать на ихъ чувство и склонить на свою сторону. И точно, посредствомъ тайныхъ агентовъ, Хмельницкій сумѣлъ разжечь въ нихъ такую ненависть къ полякамъ, что они, возмущившись, перебили своихъ начальниковъ, Барабаша, Вадовскаго, Ильяша, и трупы ихъ побросали въ Днѣпръ, а сами сѣли на приготовленныхъ имъ коней и поскакали къ Желтымъ-Водамъ, въ запорожскій таборъ.

За время отсутствія Хмельницкаго пришли къ Желтымъ Водамъ и поляки. Не подозрѣвая присутствія козаковъ, Потоцкій подошелъ къ правому берегу Желтыхъ-Водъ и уже хотѣлъ было переправиться на лѣвый берегъ, какъ неожиданно для себя узналъ о присутствіи у рѣки запорожцевъ. Тогда онъ раскинулъ лагерь по правому берегу Желтыхъ-Водъ и шанцевался, т.-е. устроилъ земляное укрѣпленіе, сбилъ возы въ четырехугольникъ, вывелъ впереди себя на версту кругомъ валъ и поставилъ пушки.

Однако положеніе поляковъ сразу оказалось незавиднымъ: слѣва рѣчка Зеленая, другой притокъ Ингульца; справа, въ засадѣ Тугай-бей съ ордой; впереди запорожцы; назадъ, по дорогѣ къ Черкасамъ, глубокая, до 60 сажень по склону глубины, и заросшая непроходимымъ лѣсомъ балка Княжіе-Байраки, и въ добавокъ ко всему этому слишкомъ высокое и потому открытое мѣсто.

Стратегическое положеніе Хмельницкаго и запорожцевъ было гораздо выгоднѣе, во-первыхъ, потому, что скрывало козаковъ отъ взоровъ поляковъ и, во-вторыхъ, потому, что давало возможность имъ свободно отступать къ своимъ.

Пространство между лагерями противниковъ было не болѣе 2½ вер., такъ что они могли смотрѣть другъ на друга.

Хмельницкій прибылъ въ лагерь мая 4 дня, и съ его прибытіемъ начались военныя дѣйствія противъ поляковъ. Но настоящая битва открылась мая 5 дня и продолжалась съ перерывами четыре дня. Подъ конецъ поляки, сбитые со всѣхъ позицій, отдали Хмельницкому, по его требова-

*) Костомаровъ: „Богданъ Хмельницкій“. Слб., 1884 г., т. I.

нію, всё свои пушки съ тѣмъ условіемъ, что онъ дастъ имъ спокойно уйти домой *); послѣ этого они покинули Желтыя-Воды и направились на западъ къ балкѣ Княжимъ-Байракамъ. Но это отступленіе имѣло для нихъ самыя роковыя послѣдствія; поляки не подозрѣвали, что въ тылу ихъ стоялъ Тугай-бей съ татарами и что Хмельницкій, предвидя отступленіе ихъ, послалъ въ Княжіе-Байраки отрядъ пѣшихъ козаковъ и приказалъ имъ покопать тамъ волчьи ямы, рвы и канавы. Это было 8 мая передъ обѣденной порой; поляки, повернувъ отъ Желтыхъ-Водъ, прошли 20 вер. и приблизились къ Княжимъ-Байракамъ. Вдругъ они увидѣли вдали густую пыль и вмѣстѣ съ пылью какую-то толпу людей, оглашавшую воздухъ дикими криками. Толпа, какъ туча, неслась на поляковъ, и только тутъ поляки узнали, что то были татары. Въ мигъ масса стрѣлъ полетѣла на поляковъ и на ихъ лошадей. Видя бѣду, поляки устремились въ балку Княжіе-Байраки, но тутъ, наскочивъ на волчьи ямы, канавы и рвы, подѣланные запорожцами, остановились и стали устраивать четырехугольникъ. Но Тугай-бей и подоспѣвшіе козаки начали палить въ поляковъ изъ ихъ собственныхъ орудій и, обстрѣлявъ четырехугольникъ, бросились на него со всѣхъ сторонъ и опрокинули его. Послѣ этого произошло страшное избіеніе польскаго войска. Главный начальникъ войска, Стефанъ Потоцкій, былъ взятъ въ плѣнъ и на другой день скончался отъ ранъ среди дикой степи. Другіе начальники, Шембергъ, двое Сапѣгъ, Чарнецкій и многіе изъ знатныхъ пановъ, числомъ до 50 человекъ, также были захвачены въ плѣнъ. Нѣкоторые изъ плѣнныхъ тутъ же отданы были Хмельницкимъ въ подарокъ татарамъ **). Все войско польское частью полегло на мѣстѣ, частью было захвачено въ плѣнъ, и только одинъ польскій офицеръ, спасшійся отъ гибели, прибѣжалъ въ Черкасы и принесъ страшную вѣсть старому Потоцкому. Но Потоцкій, увѣренный въ побѣдѣ поляковъ надъ «козацкою сволочью», отказался, какъ говорятъ польскіе же мемуаристы, вѣрить такому извѣстію и велѣлъ бросить офицера въ тюрьму, какъ дезертира. Но скоро оказалось, что то была страшная дѣйствительность.

„Оце-жъ вамъ, лашкы-панки, та рождѣнн квіты,
 Шо не вмили въ козаками попольськѣму жити. —
 Лучче вамъ було жиды-збойци,
 Нижъ запорожцы — молодци“.

Исходомъ желтоводской битвы Хмельницкій обязанъ былъ сколько татарамъ, столько же, если не больше того, и запорожцамъ, ихъ силамъ, ихъ искусству строить укрѣпленія, ихъ арматамъ, вывезеннымъ изъ Сичи, ихъ мужеству и стойкости. Желтоводская битва имѣетъ два чрезвычайно важныхъ значенія въ исторіи Малой Россіи: во-первыхъ, она открыла Хмельницкому и козакамъ путь въ Польшу и дала увѣренность козакамъ въ ихъ превосходствѣ надъ поляками; во-вторыхъ, здѣсь нанесенъ былъ

*) *Grondski*: „Historia belli cosacco-polonici. Pestini. 1789“.

**) *Котомаровъ*: „Богданъ Хмельницкій“. Спб., 1884 г.; *Валишко*: „Лѣтѣписъ“, I, 64.

первый ударъ иту Польши надъ Малороссіей, какъ на Куликовомъ полѣ иту татаръ надъ Великой Россіей, и въ этомъ дѣлѣ главная заслуга принадлежитъ запорожцамъ.

Прошло со времени желтоводской битвы шесть лѣтъ, и Хмельницкій, не переставшій въ это время воевать за свободу своей родины и за вѣру своихъ предковъ съ поляками, подъ конецъ убѣдился, что Малороссіи одной не удержаться среди сосѣднихъ державъ, и потому счелъ за лучшее отдаться въ протекцію могущественнаго государя и свое вниманіе остановилъ на русскомъ царѣ, «восточномъ православномъ монархѣ». Рѣшившись на такое важное дѣло, Богданъ Хмельницкій не хотѣлъ привести его въ исполненіе безъ совѣта съ запорожцами и потому отправилъ въ Сичъ на имя кошевого атамана и всего запорожскаго товариства запросный листъ.

На этомъ листѣ запорожцы дали такой отвѣтъ, писанный января 3 числа 1654 года:

«Ясновельможный мосце пане Зиновій Хмельницкій, гетмане войска запорожскаго и всей Украйны малороссійской, брате и добродѣю нашъ. Отвѣчая на ваше гетманское письмо, объявляемъ, что мы совершенно поняли его и не только познали, но и ясно своими глазами увидѣли, что теперь намъ съ поляками, какъ съ змѣей, имѣющей отсѣченный хвостъ, отнюдь невозможно сойтись и стать въ прежнюю пріязнь. Поляки, будучи виновниками всему злу и достаточно насмотрѣвшись, сколько въ теченіе шестилѣтнихъ военныхъ дѣйствій, какъ въ собственной коронѣ, такъ и въ нашей малороссійской Украйнѣ, развѣяно пепла отъ людскихъ поселеній и сколько побито на войнѣ и лежатъ на поляхъ человѣческихъ костей, поляки, не смягчая гнѣва своего на насъ, до сихъ поръ, при вопросѣ объ утвержденіи нашихъ правъ и свободы, не могутъ придти къ прежней пріязни и згодѣ. Потому не совѣтуемъ и вамъ съ этого времени заботиться о пріязни къ полякамъ, а мысль вашу объ отдачѣ всего малороссійскаго народа, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра живущаго, подъ протекцію великодержавнѣйшаго и пресвѣтлѣйшаго монарха руссійскаго принимаемъ за достойнѣйшую вниманія и даетъ вамъ нашъ войсковой совѣтъ, не оставляя этого дѣла, привести его къ концу, къ наилучшей пользѣ нашей малороссійской отчины и всего запорожскаго войска..., остерегаясь того, чтобы поляки, провѣдавъ о томъ, не устроили бы своими хитростями какой-либо препоны» *).

Итакъ, мысль Богдана Хмельницкаго объ отдачѣ подъ протекцію московскаго монарха всей Малороссіи нашла полное и единодушное сочувствіе въ средѣ запорожскаго низоваго войска, и если современная Россія признаетъ въ этомъ великую заслугу за Хмельницкимъ, то она въ тоже время должна отдать справедливую дань за это же великое дѣло и запорожскому войску, которое оказало нравственную поддержку Хмельницкому и своимъ

*). *Валыко*: „Лѣтопись“. Кіевъ, 1848 г., т. I, стр. 167—170.

словомъ и примѣромъ подѣйствовало на всю Малороссію съ ея козацкимъ и посполитымъ населеніемъ.

Послѣ смерти гетмана Богдана Хмельницкаго въ Малороссіи наступило самое смутное время. У польскихъ писателей это время называется «страшнымъ столпотвореніемъ вавилонскимъ»; самъ малороссійскій народъ мѣтко прозвалъ это время «руиной»; властные лица, управлявшія въ то время судьбами Малороссіи, не иначе именуются, какъ «самопожирающими драконами». Большинство этихъ властныхъ лицъ и за одно съ ними большинство высшаго духовенства малороссійскаго тянуло въ это время къ Польшѣ, и только простая масса попрежнему тяготѣла къ Москвѣ.

Запорожцы, какъ показываетъ ихъ исторія, свято сохраняли завѣщанія имъ отъ гетмана Богдана Хмельницкаго традиціи и также тяготѣли къ Москвѣ; если же временами и были отъ этого отступленія, то они происходили только тогда, когда козацкая масса видѣла нарушеніе своихъ исконныхъ правъ со стороны московскихъ бояръ и воеводъ, не всегда тактично и умѣренно распорядившихся въ городахъ Малороссіи и на окраинахъ Запорожья. Но и тутъ непріязненное настроеніе запорожскаго войска держалось обыкновенно недолго: массѣ всегда дорога была православленная вѣра, и потому козаки отвращались отъ польскихъ королей-католиковъ и невольно тянули къ русскому царю, «природному православному монарху»; кромѣ того простому козаку всегда ненавистно было польское чванное панство, и онъ чувствовалъ себя своимъ человекомъ скорѣе въ мужицкой Россіи, нежели въ шляхетско-аристократической Польшѣ.

Уже вскорѣ послѣ смерти Богдана Хмельницкаго, когда гетманская булава перешла въ руки Ивана Виговскаго, запорожцы ясно и вполне опредѣленно выказали свои склонности: когда Виговскій въ 1657 году задумалъ вновь отдать Малую Россію Польшѣ и отторгнуться отъ Россіи, то запорожцы написали ему листъ, въ которомъ говорили: «Ежели такъ учинити ибѣте непремѣнно, то вѣдайте зачасу, ижъ (что) мы, войско низовое запорожское, въ томъ волѣ вашей послѣдовати не будемъ и титулу измѣническаго на славное имя наше наволѣкати не хоцемъ» *). Съ такою же твердостью стояло Запорожское войско за московскаго царя и въ гетманство влосчастнаго Юрія Хмельницкаго. Такъ, въ 1663 году запорожцы писали «несмачный листъ» Юрію Хмельницкому и отступленіе его отъ православнаго монарха называли неизлѣчимымъ шаленствомъ, т.-е. бѣшенствомъ.

Въ то время въ Запорожьи игралъ первенствующую роль знаменитый певой атаманъ Иванъ Дмитріевичъ Сирко, слава и гордость всего Запоя и всей Малороссіи, гроза турокъ и татаръ, страшный воинъ, нигь непобѣдимый и никѣмъ неодолимый рыцарь, одержавшій за все время своей дѣятельности 55 крупныхъ побѣдъ, не говоря уже о множествѣ мелкихъ. Турки называли его урусъ-шайтаномъ и молились въ мечетяхъ о

*) *Всмычко*: „Лѣтопись“. Кіевъ, 1848 г., I, 311.

погибели его, а историки сравнивали его съ Чингисъ-ханомъ и Тамерланомъ. Это тотъ Сирко, имя котораго и до сихъ поръ свято произносится въ устахъ простаго народа, о которомъ говорятъ, что онъ родился съ зубами, что онъ три раза умиралъ въ семидесяти годахъ, а всего прожилъ 210 лѣтъ и что онъ погребенъ по частямъ въ трехъ различныхъ мѣстахъ.

Имя этого человѣка въ свое время пользовалось огромною популярностью и громаднымъ авторитетомъ не только въ Запорожьѣ, но и во всей Малороссіи, и этотъ кошевой также выступалъ сторонникомъ московскаго царя. Малороссія въ это время, а именно въ 1667 году, по договору въ Андрусовѣ между Польшей и Россіей, раздѣлена была на двѣ части, правобережную или тогочную и лѣвобережную или сегочную, и правобережная отошла къ Польшѣ, а лѣвобережная осталась за Россіей. Съ объявленіемъ андрусовскаго мира въ Малороссіи вмѣсто одного гетмана было избрано два, а спустя нѣсколько времени послѣ этого оказалось сразу и въ одно и тоже время три гетмана—Степанъ Вдовиченко, Петро Суховій и Петро Дорошенко. Самымъ смѣлымъ и рѣшительнымъ изъ нихъ былъ Дорошенко. Онъ составилъ себѣ планъ объ отдачѣ Малороссіи не Польшѣ, а Турціи, на такихъ же вассальныхъ условіяхъ, на какихъ поступили къ ней Молдавія, Валахія и другія княжества. Вслѣдствіе такого плана изъ-за обладанія Малороссіей началась борьба между Турціей и Польшей, и это обстоятельство еще болѣе усилило броженіе во всѣхъ сословіяхъ Малой Россіи.

Но и въ это смутное и хаотическое время масса запорожская стояла за московскаго царя. Запорожцы называли Дорошенка Іудинымъ товарищемъ, постоянно укоряли его за союзъ съ Крымомъ и Турціей и не разъ «пильно» просили прекратить пролитіе крови христіанской и разореніе «матки-отчизны», отстать отъ своихъ «широкихъ» замысловъ и пристать къ христіанскому православному монарху. И гетманъ Дорошенко, въ концѣ концовъ убѣжденный доводами кошевого Сирка, присягнулъ на вѣрность царю и даже выѣхалъ изъ Малороссіи въ сѣверную Россію.

Долго и послѣ этого запорожцы оставались вѣрными русскому царю: они помогали русскимъ въ ихъ борьбѣ съ турками во время второго чигиринскаго похода въ 1678 году; принимали участіе въ обоихъ походахъ, 1687 и 1689 гг., князя Голицына на Крымъ; участвовали въ походахъ царя Петра на Азовъ и выказали мужество при взятіи турецкихъ крѣпостей Тавани и Кызыкермея на Днѣпрѣ. Запорожцы остались вѣрными царю даже въ то время, когда къ нимъ явился извѣстный въ исторіи Малой Россіи Петръ Ивановичъ Петричевскій или Петрикъ, со смѣлымъ планомъ отторженія Малой Россіи отъ Великой и о созданіи изъ нея независимаго княжества, когда самъ ханъ приходилъ съ огромной ордой къ запорожцамъ и предлагалъ имъ свои услуги для совмѣстной борьбы съ Москвою. Бывшій на ту пору кошевой Иванъ Гусакъ крымскому Кангъ-салтану отписалъ, что запорожцы, соблюдая вѣрность царскому пресвѣтлому величеству, до Петриковой душегубной предлести не склоняются, отчизны съ

нимъ своей воевать не стануть, а Калгу-салтана просить, чтобъ онъ Петрика, какъ Іуду и измѣнника, и близко не приводилъ къ нимъ *).

Но вотъ наступилъ 1708 годъ. Въ это время судьбы малой Россіи находились въ рукахъ гетмана Ивана Мазепы; въ Запорожьѣ былъ руководителемъ кошевой Константинъ Гордіенко.

Каждый изъ этихъ вождей отличался страшною силою воли; каждый получилъ по своему времени хорошее образованіе и каждый создалъ себѣ особый политическій идеалъ. Мазепа 8 лѣтъ прожилъ пажомъ при дворѣ польскаго короля Яна Казимира, и это обстоятельство не прошло для него безслѣдно: сдѣлавшись гетманомъ Малороссіи, онъ вывезъ изъ польской столицы шляхетско-польскія тенденціи и хотѣлъ ввести на Украинѣ то же устройство и тѣ же порядки, какіе онъ видѣлъ въ Польшѣ. По возрѣніямъ это былъ настоящій польскій панъ, только исповѣдывавшій православленную вѣру. Онъ стремился ввести въ Малороссіи панщину; онъ хотѣлъ создать на Украинѣ мѣстное дворянское сословіе; онъ поощрялъ переходъ козаковъ въ крестьянское сословіе, но запрещалъ переходъ посполитыхъ въ казаки. Простой народъ скоро разгадалъ истинныя стремленія Мазепы и отвратился отъ него всею душой, такъ что въ концѣ-концовъ имя Мазепы съ омерзѣніемъ стало произноситься каждымъ простолюдиномъ изъ малороссіянъ. Также ненавистно было имя Мазепы и для всѣхъ запорожскихъ козаковъ, бывшихъ всегда охранителями интересовъ простого народа. Запорожцы не иначе стали называть Мазепу, «какъ хитрый лисъ и Махавель». Какъ представитель польско-аристократическаго и бюрократическаго начала въ малороссійскомъ краѣ, Мазепа по необходимости встрѣчалъ страшную оппозицію со стороны всего запорожскаго низоваго войска, но, будучи безсильнымъ, чтобы нанести запорожцамъ какой-либо существенный вредъ, злословилъ ихъ передъ царемъ, постоянно трактовалъ ихъ какъ людей неважныхъ, невѣрныхъ, готовыхъ каждую минуту измѣнить царю и Россіи. Запорожцы, сколько могли, оправдывались передъ царемъ и, хорошо зная, откуда на нихъ дулъ холодный вѣтеръ, все болѣе и болѣе отвращались отъ Мазепы. Но вдругъ совершилось неожиданное явленіе, и запорожцы пошли на призывъ Мазепы противъ царя.

Это обстоятельство объясняется тѣмъ настроеніемъ, въ которомъ находилось запорожское войско въ то время въ отношеніи Москвы: московское правительство, преслѣдуя идею централизаціи въ ущербъ развитію окраинъ, построило на сѣверной границѣ запорожскихъ вольностей двѣ крѣпости, Новобородицкую и Новосергіевскую, на рѣкѣ Самарѣ, а потъ основало городъ Каменный-Затонъ въ виду самой Сичи. Запорожское войско видѣло въ этомъ умаленіе своихъ правъ и не разъ протестовало противъ этого, но всѣ эти протесты не имѣли благоприятныхъ послѣдствій на запорожцевъ. Черезъ это страсти въ войскѣ все болѣе и болѣе разга-

*) Архивъ мин. ин. дѣлъ; мал. подлин. акты 1692, №№ 841—856. Архивъ мин. полиціи, книга Мал. приказа, 1692, № 66, лл. 106—129.

рались и неудовольствія противъ Москвы стали высказываться открыто. И вотъ въ это-то время гетманъ Мазепа прислалъ въ Сичь свой универсалъ о томъ, будто Москва давно уже хотѣла истребить все Запорожье до основанія, самое имя запорожцевъ стереть со страницъ исторіи, а ихъ всѣхъ частію повернуть въ драгуны, а частію сослать въ далекую Сибирь. Старый гетманъ призывалъ всѣхъ козаковъ стать подъ знамена шведскаго короля, шедшаго въ Малую Россію со своими побѣдоносными полками, и спасать матку-отчизну отъ конечнаго разоренія и погубленія.

Долго боролись запорожцы сами съ собой, прежде, чѣмъ рѣшиться на такой шагъ, какъ открытая война съ русскими царемъ. Весь 1708 и половина 1709 года прошли въ такомъ колебаніи: много разъ запорожцы отказывались отъ этой мысли и нѣсколько разъ возвращались къ ней, но возвращались именно тогда, когда ихъ настраивали на то «хитрый лисъ» Мазепа и ненавистникъ всего московскаго Гордіенко. Нѣтъ сомнѣнія, что въ другое время и при другомъ гетманѣ запорожцы не пошли бы противъ царя: они любили часто пошумѣть и покричать на радѣ, нерѣдко въ такія минуты вступали и въ рукопашную битву между собой, но все же въ концѣ-концовъ успокаивались и примирялись съ необходимостью.

Искусшенные Мазепой, увлеченные Гордіенкомъ, обнадѣженные Карломъ XII, запорожцы рѣшились на открытую войну противъ русскаго царя и за то страшно поплатились разгромомъ своей Сичи, бывшей въ ту пору при устьѣ рѣчки Чортотмыка, праваго притока Днѣпра, на 17 верстѣ ниже Микитинской Сичи.

Это было мая 14 числа 1709 года. Противъ запорожцевъ посланы были московскіе полки подъ начальствомъ полковника Петра Яковлева и присоединившагося къ нему компанійскаго полковника, бывшаго запорожца, потомъ ренегата Игната Галагана. Благодаря Галагану, знавшему всѣ «секреты» Запорожья, Сичь и взята была москалями. Запорожцы долго и упорно обороняли свою столицу, защищенную со всѣхъ сторонъ и водой, и разными земляными укрѣпленіями, и каменными башнями, но потомъ, увѣренные клятвой Галагана, что они всѣ получатъ помилованіе, бросили оружіе. Тогда русскіе устремились на безоружныхъ козаковъ, и тутъ началась страшная кровавая расправа, причемъ всѣ курени и всѣ строенія въ Сичи были сожжены, многіе зимовники, стоявшіе вокругъ Сичи, истреблены дотла, все козацкое добро, вся войсковая артиллерія и всѣ дорогія вещи изъ сичевой церкви забраны; большинство козаковъ, взятыхъ въ плѣнъ, тутъ же казнены, на мѣстѣ; нѣкоторые были повѣшены на плоты и въ такомъ видѣ пущены, на страхъ другихъ, внизъ по Днѣпру. Начальники русскихъ войскъ, въ особенности полковникъ Игнатъ Галаганъ, при этомъ дѣйствовали съ особеннымъ ожесточеніемъ. «Учинилось у насъ въ Сичи,—писали впоследствии запорожцы гетману Скоропадскому и царю Петру Алексѣевичу, то, что по Галагановой и московской присягѣ, товариству нашему головы лупили, шею на плахахъ рубили, вѣшали и инья тиранскія смерти задавали, и дѣлали то, чего и въ поганствѣ, за древнихъ

мучителей, не водилось, а именно: мертвыхъ изъ гробовъ многихъ не только изъ товариства, но и чернецовъ отгапывали, головы имъ отсѣкали, шкуры лупили и вѣшали *)).

Жестокости, выказанныя великороссійскимъ войскомъ въ отношеніи запорожцевъ, лишній разъ подтверждаютъ ту общезвѣстную истину, что войны между народами одной вѣры и одного происхожденія—самыя жестокія и самыя кровопролитныя изъ войнъ, подобно тому, какъ ненависть между братьями и близкими родственниками—самая сильная изъ ненавистей.

Послѣ страшной и кровопролитной битвы тѣхъ изъ запорожцевъ, которые не попались въ руки русскихъ, бѣжали изъ Чортотмыцкой Сичи къ предѣламъ Крыма и, съ дозволенія хана, поселились тамъ Сичею въ урочищѣ Олешкахъ, теперь уѣздомъ городѣ Таврической губерніи, на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ города Херсона. Какъ и сколько времени жили запорожцы подъ протекціей Крыма, объ этомъ находимъ точное и подробное указаніе въ современной событію запискѣ кошевого атамана Ивана Малашевича, находящейся въ архивѣ отдѣленія главнаго штаба въ Москвѣ.

Не будемъ говорить объ этихъ подробностяхъ, скажемъ только, что во все время пребыванія запорожцевъ подъ протекціей Крыма они не переставали думать о возвращеніи подъ власть прежняго своего монарха и посылали горячія моленія къ гетману Скоропадскому и къ русскимъ государямъ о дозволеніи имъ возвратиться на родныя мѣста. «Слышали мы, атаманъ кошевой войска запорожскаго низоваго, отъ читающихъ божественное святое евангеліе, что въ немъ Христось - истина поучаетъ не гнушаться приходящихся къ нему грѣшниковъ отриновенныхъ своея благодати и челоуѣколюбія». Уповая на Христа, Сына Божія, и на Пресвятую Дѣву Марію, Божию родительницу, кошевой атаманъ и войско запорожское, поливая стопы реймѣнтарской милости гетмана Скоропадскаго, молили его со слезами не презрѣть гласа запорожцевъ, согрѣшившихъ передъ царскимъ величествомъ и отвергшихся его благодати. «Восприми, яко отецъ небесный, исповѣданіе вины и прозбы нашей и, аще будетъ возможно, сей нашъ смиренный совѣтъ и преподлѣйшее хотѣніе его царскому пресвѣтлому величеству донеси и не иначе, яко и Христось на крестѣ блаженному разбойникови возгласи: днесъ съ нами, сынами восточнаго благочестія Великія и Малыя Россіа, будете въ раи» **).

Но эти просьбы и моленія очень долго были гласомъ вопіющимъ въ пустынѣ, и запорожцы до тѣхъ поръ получали отказы, пока не вступила на престолъ императрица Анна Ивановна. Получивъ милостивое прощеніе отъ императрицы, запорожцы покинули устье рѣчки Каменки, гдѣ они сидѣли въ послѣднее время Сичею, и поселились на вѣтвѣ Днѣпра, Подпильнѣ, въ урочищѣ Красноу-Кутѣ, на 4 версты ниже старой Чортотмыцкой Сичи, гдѣ прожили 41 годъ, съ 1734 по 1775 годъ.

*) Архивъ мин. иностр. дѣлъ; малорос. дѣла, 1710 г., № 3.

**) Архивъ мин. ин. дѣлъ, мал. дѣла, 1716 г., связка 38, № 37.

Въ теченіе послѣдняго времени своего историческаго существованія запорожцы ходили въ походы, подъ предводительствомъ Миниха и Ласси, къ предѣламъ Крыма и во владѣнія Турціи, принимали участіе въ обѣихъ турецкихъ войнахъ временъ императрицы Екатерины II, причѣмъ не мало оказали важныхъ услугъ русскимъ военачальникамъ. Тѣмъ не менѣе это обстоятельство не спасло Запорожья отъ разрушенія. Такъ какъ въ это время шло устройство и усиленная колонизація Новороссійскаго края, то русское правительство, находя недостаточно населенными нѣкоторыя мѣста Запорожья, нашло нужнымъ отдать сѣверо-западную и сѣверо-восточную окраины козацкихъ степей австрійскимъ сербамъ, и вышедшіе изъ Австріи переселенцы, занявъ указанныя имъ мѣста, построили Елисаветградъ на рѣкѣ Ингуль и Бахмутъ на рѣкѣ Бахмутѣ. Эти поселенія, такъ называемыя, Новосербія и Славяносербія, и послужили ближайшею причиною паденія Запорожья. Запорожцы не могли иначе встрѣтить поселенцевъ, какъ враждебно, и тутъ начались постоянныя пререканія, раздоры, грабежи и разбойничества съ той и другой стороны, которые то затихали, то возобновлялись еще съ болѣе жесточенымъ. И такъ какъ славянскіе поселенцы имѣли при русскомъ дворѣ сильныхъ покровителей, которые всегда умѣли представить запорожцевъ какъ людей безпокойныхъ и необузданныхъ, то запорожцы во всѣхъ инстанціяхъ оказывались виновными, и подъ конецъ заплатились самою Сичею на Подпильной. Это и было ближайшею изъ причинъ уничтоженія Запорожья.

Но главнѣйшею причиною уничтоженія Запорожья было то обстоятельство, что весь строй запорожскаго войска съ его широко-демократическими началами не подходилъ къ коренному строю Великой Россіи. Императрица Екатерина II, подобно своимъ предшественникамъ, помимо другихъ задачъ и цѣлей, которыя она взяла на себя, съ особенною настойчивостью проводила идею централизаціи, стараясь подавить всякую областную обособленность. Она видѣла, что въ Россіи существуетъ община, которая хотя и признаетъ себя зависимою отъ русскаго правительства, но самовольно выбираетъ себѣ старшину, самовольно казнитъ и милуетъ преступниковъ, самовольно старается входить въ сношенія съ державными лицами сосѣднихъ государствъ, самовольно принимаетъ къ себѣ всѣхъ недовольныхъ порядками въ центральной Россіи и ко всему этому заводитъ у себя такіе порядки, которые служатъ уже началомъ настоящаго государства. Это — община запорожскихъ козаковъ. Такимъ образомъ выходило, что въ русскомъ монархическомъ государствѣ существовала община съ почти независимымъ народоправленіемъ. Отъ этого въ одной и той же Россіи и въ одно и то же время происходили такія явленія, какъ узаконеніе купечества и въ то же время непризнаніе его: стояло только крестьянство, недовольному какому-нибудь правительственнымъ распоряженіемъ, дождаться до Запорожья, какъ вся его зависимость отъ помѣщика рушится: въ Запорожьи онъ получалъ и земли, и дуга, и рыболовныя мѣста, а зная въ то же время никакого помѣщика и не желая знать никакихъ с -

зательныхъ на этотъ счетъ правительственныхъ узаконеній и положеній. Это и послужило главнѣйшею причиною уничтоженія Запорожья, а не то общераспространенное мнѣніе, будто бы Запорожье не нужно было съ завоеваніемъ Крыма. Что запорожцы нужны были и послѣ взятія Крыма, это видно изъ того, что князь Потемкинъ, увидѣвъ, съ уничтоженіемъ Сичи, открытымъ и свободнымъ, для входа мусульманъ, устье Днѣпра, поспѣшилъ сформировать изъ тѣхъ же запорожцевъ, такъ называемое, черноморское войско и поселить его сперва между Бугомъ и Днѣстромъ.

Такъ или иначе, но 4 іюня 1775 года, запорожская Сичь прекратила свое историческое существованіе. Въ изданномъ по этому поводу манифестѣ императрицы Екатерины II насчитывается шесть причинъ, по которымъ объявлялась политическая смерть Запорожью. Но эти шесть причинъ въ сущности сводятся къ двумъ—къ захвату козаками чужой собственности и къ стремленію создать независимое самоуправленіе.

Съ уничтоженіемъ Сичи главные начальники запорожцевъ—кошевой Петръ Ивановичъ Калнишевскій, судья Павелъ Фроловичъ Головатый и писарь Иванъ Яковлевичъ Глоба сосланы были первый въ Соловецкій монастырь, второй въ городъ Тобольскъ, третій въ городъ Туруханскъ. Калнишевскій пробылъ въ Соловецкомъ монастырѣ 27 лѣтъ, изъ коихъ 25 въ заключеніи и 2 года на свободѣ, принявши монашество. Онъ погребенъ у правой стѣны главнаго собора, рядомъ съ прахомъ Авраамія Палицына. Въ 1887 году я посѣтилъ Соловецкій монастырь и видѣлъ въ немъ, кромѣ документовъ о кошевомъ Калнишевскомъ и вещей, оставленныхъ имъ, надгробную плиту надъ прахомъ его, на коей прочелъ слѣдующія слова:

«Господь нашъ Иисусъ Христосъ положилъ душу свою на крестѣ за всѣхъ насъ не хочетъ смерти праведника. Здѣсь погребено тѣло въ Бозѣ почи-
вшаго кошевого бывшей нѣкогда запорожской грозной Сѣчи козаковъ ата-
мана Петра Калнишевскаго, сосланнаго въ сію обитель по высочайшему
повелѣнію въ 1776 году на смиреніе. Онъ 1801 года по высочайшему по-
велѣнію снова былъ освобожденъ, но уже самъ не пожелалъ оставить
обитель, въ коей обрѣлъ душевное спокойствіе смиреннаго христіанина,
искренне познавшаго свои вины. Скончался 1803 года, октября 31 дня,
въ субботу, 112 лѣтъ отъ роду, смертію благочестивою, доброю. Блаженни
мертвѣи умирающіи о Господѣ... Аминь».

Д. И. Зварницкій.

Очерки провинціальной жизни.

Экспертная коммисія на Нижегородской выставкѣ присудила тамбовской воскресной школѣ, руководимой А. Н. Слетовой, дипломъ первой степени. Такая награда представляла уже не первую оцѣнку услугъ г-жи Слетовой. За энергичное и талантливое веденіе ея школы она получала неоднократно выраженія благодарности среди городского общественного управленія, дирекціи народныхъ училищъ и училищнаго совѣта. И вотъ такая выдающаяся работница въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія въ народѣ вынуждена была недавно покинуть тамбовскую школу. Это одна изъ тѣхъ печальныхъ исторій нашей всендневной провинціальной жизни, которыя не прекратятся до тѣхъ поръ, пока мѣстное общество не станетъ являться энергичнымъ ходатаемъ передъ высшими властями, защищая скромныхъ, но чрезвычайно полезныхъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей отъ произвола и несправедливыхъ преслѣдованій ихъ ближайшаго начальства. Исторія прекращенія г-жей Слетовой своей просвѣтительной дѣятельности въ Тамбовѣ слѣдующая.

За нѣсколько времени до открытія Нижегородской выставки А. Н. Слетовой получено было отъ распорядительницы харьковской воскресной школы, известной дѣятельницы по народному образованію Х. Д. Алчевской, письмо, изъ котораго было видно, что Х. Д. получила отъ министра народного просвѣщенія предложеніе «представить воскресныя школы на Нижегородской выставкѣ». Чтобы имѣть возможность выполнить это порученіе, Х. Д. просила, въ числѣ прочихъ завѣдывающихъ, А. Н. Слетову доставить ей письменный матеріалъ, характеризующій ходъ дѣлъ въ тамбовской воскресной школѣ. По этому поводу завѣдывающая собрала частное школьное собраніе. На основаніи дневниковъ учительницъ была составлена записка о ходѣ дѣлъ, просмотрѣна и утверждена учащими въ школѣ и, наконецъ, послана г-жѣ Алчевской при письмѣ, въ которомъ значилось, что, за недостаткомъ времени, записка составлена далеко не полно, а потому годится только какъ сырой матеріалъ для сводной работы. Послѣ этого завѣдывающей Слетовой, въ отвѣтъ на предложеніе Алчевской отпечатать отчетъ о ея школѣ, былъ данъ отрицательный отвѣтъ, такъ какъ это мо-

жетъ быть сдѣлано лишь съ разрѣшенія непосредственнаго училищнаго начальства.

Г-жа Алчевская находя отчетъ и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ составленъ, вполне годнымъ для выставки, представила записку о ходѣ дѣлъ въ тамбовской мужской воскресной школѣ въ качествѣ экспоната научно-учебнаго отдѣла. Одного мнѣнія о достоинствахъ экспоната оказалась и экспертная коммиссія, присудившая тамбовской школѣ, какъ сказано выше, дипломъ 1-й степени.

Между прочимъ отчетъ этотъ заключалъ въ себѣ слѣдующее мѣсто: «Поступленіе учениковъ въ школу обуславливается самыми разнообразными причинами. Хотя мы неохотно принимали мальчиковъ моложе 12 лѣтъ, ибо они могутъ ходить въ ежедневную школу, но иногда приходилось дѣлать исключеніе. На вопросъ, отчего мальчика не отдають въ ежедневную школу, часто слышимъ отвѣтъ, что не на что покупать учебныя пособія; приходится получать и такіе отвѣты: «онъ былъ въ школѣ, да учитель тамъ больно дерется, я и боюсь его посылать». Что нѣкоторые учителя въ тамбовскихъ школахъ дерутся — это фактъ. Какъ не сжалиться надъ малышомъ, который жмется въ юбки матери или бабки, смотритъ на меня полными слезъ глазами, очевидно, размышляя: «а здѣсь будутъ драться или нѣтъ?»»

Этимъ-то мѣстомъ отчета и былъ обусловленъ невольный выходъ изъ школы г-жи Слетовой. Пока оно не было извѣстно публикѣ, инспекторъ училищъ, г. Бойковъ, лично явился поздравить завѣдующую школой съ дипломомъ, выразить ей свою признательность, и заявить, что читалъ на выставкѣ сказанный отчетъ и остался имъ очень доволенъ. Но вотъ въ *Тамбовскихъ Вѣдомостяхъ* появляется «письмо съ выставки», въ которомъ сообщается, что въ отчетѣ воскресной школы учителя городскихъ школъ въ Тамбовѣ обвиняются въ битвѣ учениковъ. Тогда дирекція народныхъ училищъ Тамбовской губерніи обидѣлась. Инспекторъ училищъ Бойковъ прислалъ завѣдующей школой оскорбительное письмо и поставилъ ее въ извѣстность, что директоромъ училищъ ему поручено предложить ей отстраниться отъ школы.

Чтобы выяснитъ дѣло и доказать полную свою невиновность, г-жа Слетова разъяснила въ особомъ отношеніи инспектору и въ печати, а именно въ *Тамбовскихъ Вѣдомостяхъ*, что ея отчетъ былъ посланъ не на выставку, въ качествѣ экспоната, а Х. Д. Алчевской, какъ сырой матеріалъ, вслѣдствіе просьбы послѣдней доставить ей возможность исполнить порученіе министра народнаго просвѣщенія «представить воскресныя школы на Нижегородской выставкѣ». Далѣе завѣдующая школой указываетъ, что упоминаніе о фактахъ побоевъ учениковъ явилось единственно какъ объясненіе одной изъ причинъ поступленія малолѣтнихъ учениковъ въ школу, предначиненную, главнымъ образомъ, для взрослыхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, для доизвѣстности вѣрности указаннаго факта, завѣдующая школой не ограничилась съ ссылкой на многочисленные отзывы бывшихъ учениковъ началь-

ныхъ школъ въ Тамбовѣ и ихъ родителей, а сообщила нѣсколько свѣжихъ случаевъ побоевъ.

Это разъясненіе ни мало не подѣйствовало на инспектора народныхъ училищъ, и А. Н. Слетовой пришлось оставить школу.

Сотрудники талантливой и усердной руководительницы тамбовской воскресной школы выразили сожалѣніе объ ея уходѣ въ слѣдующемъ постановленіи, напечатанномъ въ мѣстной газетѣ:

«Глубокоуважаемая

Анастасія Николаевна!

«Состоявшееся 20 октября общее собраніе преподающихъ въ тамбовской мужской воскресной школѣ единогласно постановило выразить вамъ сердечную благодарность за шестилѣтніе плодотворные труды на пользу народного образованія.

«Законоучитель школы священникъ Пав. Добротворцевъ, Ѡ. Мягкова, П. Тихобразовъ, П. Смирновъ, Е. Смирнова, Ив. Знаменскій, В. Кохлевская, А. Каржавина, О. Лысогорская».

Выходъ г-жи Слетовой изъ школы возбудилъ въ мѣстномъ обществѣ толки о положеніи начальныхъ школъ въ Тамбовѣ. Вспомнили, что тѣ же факты, которые удостовѣрены въ отчетѣ только что ушедшей руководительницы воскресной школы, были уже отмѣчены однажды въ педагогической литературѣ, именно въ очеркахъ г-жи Е — ой (*Русская Школа* 1894 г. №№ 5—10). Въ обществѣ прямо указывается, что обращеніе учителей съ учениками въ нѣкоторыхъ городскихъ школахъ оставляетъ желать многого; передаются факты, которые нельзя назвать иначе, какъ возмутительными. Отыскиваютъ причины этихъ прискорбныхъ явленій и видятъ ихъ въ чистодореформенныхъ порядкахъ, царящихъ до сихъ поръ въ Екатеринбургскомъ учительскомъ институтѣ, поставляющемъ учителей на всю Тамбовскую губернію. Въ виду всего этого въ обществѣ высказывается мысль о цѣлесообразномъ назначеніи безпристрастнаго разслѣдованія, не имѣющаго цѣлью выгораживать кого бы то ни было, а руководящегося единственно стремленіемъ вывести на Божій свѣтъ истину и оградить «малыхъ сихъ», беззащитныхъ учениковъ отъ произвола и жестокости.

Пока нѣкоторое вмѣшательство въ это дѣло сдѣлано лишь тамбовскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, которое — какъ сообщаютъ *Бирж. Вѣдомости*, — въ первомъ же засѣданіи недавней очередной сессіи, по предложенію гласныхъ А. Н. Чичерина и Д. И. Тимоѣева (онъ же городской голова), постановило просить мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ, г. Бойкова, о строгомъ соблюденіи правительственныхъ узаконеній о распоряженіи въ дѣлѣ назначенія, перемѣщенія и увольненія учителей народныхъ школъ. Непрерывныя перемѣщенія народныхъ учителей г. Бойковъ возвелъ въ систему. За 1895 г. перемѣщено учителей болѣе 30%. Эти ежегодныя перемѣщенія около *трети* учителей дѣлаютъ ихъ какимъ-то классомъ кочевниковъ. Среднимъ числомъ, можно считать въ трехлѣтній срокъ перемѣну учителей во всѣхъ мѣстностяхъ. Не успѣетъ, стало быть, учитель оглядѣться,

не успѣть освоиться съ мѣстностью, какъ уже получается «предписаніе», онъ собираетъ свои пожитки и двигается до новой временной стоянки. Треть учащихся ежегодно мѣняетъ преподавателей, стало быть, надъ ней практикуются новые приемы преподаванія. Такимъ образомъ, эта мѣра является палкой о двухъ концахъ, сразу бьющей и по учителямъ, и по ученикамъ. Для чего, зачѣмъ, кому нужно превращать учителей въ какихъ-то вѣчныхъ жидовъ, постоянно передвигающихся съ мѣста на мѣсто, — неизвѣстно... Въ довершеніе всего оказалось, что всѣ эти измѣненія въ личномъ составѣ учителей, а также опредѣленіе окладовъ ихъ жалованья, производятся единственно личною волею мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ, г. Бойкова. Городскимъ головой Д. И. Тимошеевымъ былъ представленъ цѣлый рядъ официальныхъ бумагъ инспекціи, пестрящихъ выраженіями: «мною уволенъ», «мною перемѣненъ», «мною допущенъ къ исполненію обязанностей учителя». Между тѣмъ, по закону, обязанности и права по всѣмъ этимъ вопросамъ раздѣлены между инспекціей народныхъ училищъ, училищнымъ совѣтомъ и лицомъ, содержащимъ на свои средства школы, въ данномъ случаѣ уѣзднымъ земствомъ, въ лицѣ управы. Повидимому, правъ былъ гласный А. Н. Чичеринъ, который заявилъ на земскомъ собраніи, что въ дѣятельности инспектора народныхъ училищъ можно замѣтить явные признаки *произвола*.

Перемѣщеніе учителей, не оправдываемое ничѣмъ, кромѣ личнаго «*sic volo, sic jubeo*», практикуется инспекторами народныхъ училищъ во многихъ мѣстахъ. Безпокойное лѣто пережили въ этомъ году учителя нашего уѣзда, — нишуть изъ Грайворонскаго уѣзда въ *Недѣлю*. — Ихъ тревожили безпричинные переводы и перемѣщенія, принявшіе какъ бы эпидемическій характеръ, — такъ они сдѣлались часты и неожиданны. Были случаи, что учитель, прослужившій въ одной школѣ 15 — 20 лѣтъ и всѣми условіями своей жизни вросшій въ почву данной мѣстности, вдругъ получалъ предписаніе оставить свою школу и ѣхать въ другую. Особенно тревожились учителя семейные, для которыхъ перемѣщенія являлись истинною мукой и наказаніемъ, а именно они-то и оказывались жертвами перетасовокъ. Ходилъ слухъ, будто училищное начальство вообще держится того взгляда, что учителямъ не слѣдуетъ позволять засиживаться подолгу на одномъ мѣстѣ, такъ какъ спокойная жизнь порождаетъ въ нихъ нѣкоторую самоуверенность. Одинъ изъ учителей прослужилъ въ Борисовскомъ образцовомъ училищѣ 22 года, другой учитель пробылъ въ Борисовской же земской школѣ 15 лѣтъ. Оба они всячески старались избѣгнуть перевода, который, однако, грозилъ имъ неминуемо; тогда на помощь имъ выступило общество. Учителю Борисовской школы былъ врученъ приговоръ отъ сельскаго общества, свидѣтельствующій о благодарной признательности за его долѣтнюю и усердную педагогическую службу; по отношенію же къ ученическому образцоваго училища составлено было на имя директора народныхъ училищъ, за подписью родителей и бывшихъ учениковъ его, особое заявленіе, въ которомъ выражалось самое сердечное расположеніе мѣстнаго на-

селенія къ учителю и приносилась усерднѣйшая просьба объ оставленіи его на старомъ мѣстѣ. Просьба эта была уважена ко всеобщему удовольствію. Насколько учитель этотъ пользуется мѣстнымъ уваженіемъ, показываетъ то, что въ началѣ прошлаго года ему былъ поднесенъ отъ родителей благодарственный адресъ и икона св. Александра Невскаго.

Тотъ же вопросъ о самовластныхъ дѣйствіяхъ инспекторовъ народныхъ училищъ и частныхъ, вполне безпричинныхъ, перемѣщеніяхъ учителей былъ поднятъ на послѣднемъ саратовскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи. Управа представила собранію докладъ, въ которомъ указывала на неоднократныя жалобы, что инспекторъ народныхъ училищъ единолично, игнорируя права учредителей и содержателей школъ, назначаетъ, переводитъ и увольняетъ учащихся. Ссылаясь на разъясненія министерства и сената, управа высказывается, что единолично инспекторъ имѣетъ право лишь временно замѣщать должности учащихся, присканіе же и рекомендація кандидатовъ вообще принадлежатъ учредителямъ и содержателямъ школъ. Если такіе кандидаты не будутъ рекомендованы, инспекторъ можетъ предложить своихъ кандидатовъ, но и они назначаются лишь съ согласія учредителей и содержателей школъ. Перемѣщать и увольнять учащихся имѣетъ право лишь училищный совѣтъ in corpore, а отнюдь не инспекторъ единолично. Управа предлагаетъ строго придерживаться этого порядка, поставить объ этомъ въ извѣстность инспектора и училищный совѣтъ, право рекомендаціи на учительскую должность предоставить земской комиссіи по народному образованію, уполномочить управу, въ случаѣ нарушенія инспекторомъ этого порядка, обжаловать его дѣйствія. Собраніе постановило, чтобъ управа въ своихъ отношеніяхъ съ инспекціей строго придерживалась изложенныхъ въ докладѣ законныхъ правилъ и, въ случаѣ нарушенія инспекціей этихъ правилъ, приносила жалобы на ея дѣйствія.

Въ сферѣ народнаго образованія земству приходится вести это великое дѣло впередъ не только путемъ увеличенія числа школъ, народныхъ бібліотекъ, книжныхъ складовъ, народныхъ чтеній, но также работать и надъ устраненіемъ разнообразныхъ административныхъ препятствій, стоящихъ на пути развитія просвѣщенія въ народѣ. Однимъ изъ такихъ препятствій являются дѣйствующія правила о народныхъ чтеніяхъ. Земскія собранія давно уже ходатайствуютъ объ измѣненіи этихъ правилъ. Насколько они задерживаютъ поступательный ходъ народныхъ чтеній, новое свидѣтельство объ этомъ находимъ въ недавнихъ постановленіяхъ бронницкаго земства. Бронницкое земское собраніе постановило просить губернское земство о возбужденіи ходатайства передъ правительствомъ объ измѣненіи дѣйствующихъ правилъ о чтеніяхъ въ томъ смыслѣ, чтобы чтенія разрѣшались попечителемъ учебнаго округа, а вести ихъ могли бы, кромѣ законоучителей, и учителя, и учительницы. Мотивами для этого постановленія послужили слѣдующіе факты, приведенные въ докладѣ управы. Управа, получивъ нѣсколько приговоровъ сельскихъ обществъ, обратилась къ законоучителямъ съ просьбой принять дѣло веденія чтеній на себя, имѣя въ виду при этомъ

ту легкость полученія разрѣшенія на чтенія духовными лицами, которая создана дѣйствующимъ законодательствомъ. Отвѣта на это предложеніе управы со стороны законоучителей никакого не послѣдовало. Между тѣмъ, ранѣе того (за годъ) управа хлопотала о разрѣшеніи чтеній въ г. Бронницахъ 7-ми лицамъ, въ числѣ которыхъ были: земскій начальникъ и учителя городского училища. Не говоря уже о томъ, что отвѣтъ на это ходатайство былъ задержанъ на нѣсколько мѣсяцевъ, но и по полученіи его все-таки не могло состояться устройство чтеній въ городѣ, такъ какъ чуть не всѣ заявившіе желаніе вести ихъ отказались отъ этого. Причины же такого отказа заключаются въ томъ, что разрѣшеніе чтеній было обусловлено непрѣмнною постановкой ихъ подъ непосредственное руководство и наблюденіе мѣстнаго причта. Эти факты привели управу къ убѣжденію, что будущее устройство чтеній въ уѣздѣ можетъ встрѣтить препятствіе въ своемъ развитіи въ отсутствіи лицъ, которыя могли бы вести ихъ, разъ законоучители будутъ отказываться отъ этого дѣла.

Заслуги земства въ дѣлѣ народнаго образованія настолько общезвѣстны, настолько общепризнаны, что говорить объ этомъ становится уже ненужнымъ. Но таковы именно заслуги земства, взятаго въ цѣломъ. Если же отъ общаго перейти къ частностямъ, то на сценѣ появятся земства, правда, преимущественно уѣздныя, къ которымъ никоимъ образомъ не подходитъ репутація радѣтелей о народномъ просвѣщеніи. Одно изъ такихъ земствъ есть саранское съ достойнымъ такого земства предсѣдателемъ во главѣ. Въ то время,—пишетъ *Самарская Газета*,—какъ учителя саранскаго земства не получаютъ жалованья, въ больницахъ нѣтъ лѣкарствъ, предсѣдатель управы, г. Диліенфельдъ, не постѣснился просить у собранія награды себѣ въ 1,500 рублей. Онъ просилъ также, чтобъ управа отдала въ его распоряженіе остатки прибыли въ 400 руб. отъ купли - продажи управою земледѣльческихъ орудій. Упомянутые факты были обнародованы въ печати и, конечно, произвели впечатлѣніе. Такъ какъ факты эти несомнѣнные, которые могутъ быть доказаны документально журналами собранія, г. Диліенфельдъ ничего возразить на нихъ не могъ. Но ему все - таки хотѣлось оправдаться, какъ-нибудь реабилитировать себя въ глазахъ публики, и вотъ онъ придумалъ слѣдующее средство. Онъ обратился съ циркулярнымъ посланіемъ ко всѣмъ земскимъ служащимъ и преимущественно къ сельскимъ учителямъ и учительницамъ, предлагая имъ послать опроверженія во всѣ большія столичныя и провинціальныя газеты на взведенныя на него, какъ на предсѣдателя управы, обвиненія. Но на этой затѣй г. Диліенфельдъ потерпѣлъ полное фіаско.

Этотъ смѣлый, но необдуманый шагъ предсѣдателя саранской земской управы припомнилъ намъ, по ассоціаціи представленій, два курьезныхъ вержденія, недавно напечатанныя въ *Либавской Газетѣ*. Первое изъ ихъ гласитъ: «Въ опроверженіе распространеннейшей въ городѣ молвы о томъ, что въ ночь съ 21 сего октября на 22 будто бы стрѣляли въ окно артиры одного изъ обывателей, считаю необходимымъ объявить, для

успокоенія общества, что по *тщательному* дознанію подобнаго происшествія не было.—Либава, октября 25 дня 1896 г. Полицеймейстеръ А. Конкевичъ». На это черезъ день данъ слѣдующій отвѣтъ: «Объявленіе г. полицеймейстера отъ 25 октября сего года безусловно невѣрное, такъ какъ во 1) фактъ выстрѣла въ окно моей квартиры въ ночь съ 20 на 21 сего октября имѣлъ мѣсто и 2) тщательнаго дознанія по обстоятельствамъ этого происшествія полицией не производилось. Въ подтвержденіе сказаннаго ссылаюсь, съ одной стороны, на сохраняемое до сихъ поръ въ неизмѣнномъ видѣ пульное въ стеклѣ отверстіе; съ другой—на возбужденное предложеніемъ г. прокурора суда по предмету описаннаго происшествія слѣдствіе; съ третьей, на обнаруженную на мѣстѣ преступленія и приобщенную къ дѣлу въ качествѣ вещественнаго доказательства пулю и, съ четвертой, на тотъ прискорбный фактъ, что тщательнаго осмотра мѣста и слѣдовъ преступленія, а равно опроса меня или моихъ домашнихъ, полиція не производила и, слѣдственно, многаго существеннаго не выяснила.—И. д. судебнаго слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ Я. Котовъ».

Въ счастью, саранскихъ земствъ и гг. Лиленфельдовъ немного. Въ цѣломъ, какъ мы уже не разъ говорили и свидѣтельствовали многочисленными фактами, дѣятельность земства заслуженно пользуется глубокимъ уваженіемъ всѣхъ людей, желающихъ добра своей родинѣ. И если имѣется въ земской работѣ еще не вполне удовлетворительно организованная область, требующая существенныхъ передѣлокъ, такъ это отношеніе земства къ состоящимъ у него на службѣ врачамъ. Эта область земской дѣятельности не рѣдко возбуждаетъ на себя справедливыя нареканія. И источникомъ такихъ нареканій служитъ неправильная организація врачебнаго дѣла, стремленіе земства быть не только хозяиномъ этого дѣла, но и вмѣшиваться также въ такія сферы земской медицины, которыя, какъ требующія специальныхъ свѣдѣній, должны быть всецѣло предоставлены врачамъ. Рядомъ съ этимъ, земскія управы нерѣдко относятся къ врачамъ единственно какъ къ наемникамъ, забывая ихъ трудную и чрезвычайно почтенную службу, забывая, что всѣ они люди съ высшимъ образованіемъ, пошедшіе въ земскіе врачи часто по убѣжденію, чтобы работать непосредственно на благо народа. Немного есть профессій, пользующихся такою симпатичною репутаціей, какъ земскіе врачи. Они вполне заслужили, чтобы имъ оказывалось довѣріе, чтобы имъ предоставлено было возможно болѣе самостоятельности въ области медицинскаго дѣла, чтобы отношеніе къ нимъ было соотвѣствующее ихъ образованію и развитію въ нихъ чувству достоинства. А между тѣмъ вспомните поведеніе тверской земской управы съ д-ромъ Литвиновымъ и саратовской съ д-ромъ Молессономъ. Теперь, въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ *Недѣли*, мы нашли рассказъ производящій тягостное впечатлѣніе о столкновеніи врачей покровскаго земства, Владимірской губерніи, съ мѣстною уѣздною управой. Врачи покровскаго земства получили отъ управы циркуляръ, совершенно измѣняющій предложенную IV сѣздомъ врачей Владимірской губерніи и приняту

покровскимъ земскимъ собраніемъ систему подачи медицинскои помощи населенію. По поводу циркуляра, одинъ изъ врачей, А. Ѳ. Тихоміровъ, письменно заявилъ управѣ, что врачи поступили на службу при иныхъ условіяхъ, руководствовались иною системою, принятою и собраніемъ; чтобы измѣнить эти условія и сдѣлать ихъ обязательными для врачей, онъ просилъ бы управу представить этотъ вопросъ на разсмотрѣніе земскаго собранія, поручивъ (если то управа найдетъ нужнымъ) предварительную подробную разработку его совѣту врачей. Это заявленіе врача Тихомірова управа сочла за *нетерпимое отношеніе къ службѣ* и предложила ему подать въ отставку, что онъ и исполнилъ. Между тѣмъ, черезъ нѣсколько дней послѣ этого управа разослала всѣмъ врачамъ повѣстки, приглашающія ихъ въ управу для обсужденія удобо-примѣнности упомянутаго циркуляра. Результатомъ совѣщанія было признаніе управой неудобопримѣнности циркуляра и постановленіе возвратиться къ прежней системѣ подачи медицинскои помощи. Въ виду состоявшейся отпѣнки циркуляра врачомъ Тихоміровымъ было подано въ управу заявленіе, въ которомъ онъ проситъ ее отпѣнить постановленіе объ его увольненіи. На свое заявленіе проситель получалъ предписаніе немедленно сдать больницу и участокъ врачу Бондыреву. Врачъ Бондыревъ былъ вызванъ въ управу, гдѣ получилъ предписаніе принять больницу и словесное приказаніе предсѣдателя управы Поливанова о немедленномъ исполненіи предписанія. Просьбу врача Бондырева, выраженную въ вѣжливой и деликатной формѣ, дать ему, вслѣдствіе физическаго утомленія, отдохнуть 4—5 часовъ, предсѣдатель (отставной корнетъ) счелъ за умышленное отклоненіе отъ службы и на повторную и убѣдительную просьбу перваго еще съ большимъ повышеніемъ голоса приказалъ: «Хорошо! Три часа—и ни минуты больше!» Такое грубое обращеніе предсѣдателя съ врачомъ Бондыревымъ, ничѣмъ не вызванное со стороны послѣдняго, заставило упомянутаго врача сейчасъ же подать въ отставку. Тѣмъ не менѣе, ровно черезъ 3 часа, врачъ Бондыревъ явился въ больницу и приступилъ къ ея приему отъ врача Тихомірова. Спустя $\frac{1}{4}$ часа какъ онъ началъ занятія, прибылъ въ больницу городской врачъ Орловъ съ предписаніемъ отъ управы освидѣтельствовать врача Бондырева и дать заключеніе: «Можетъ ли онъ въ настоящее время исполнять обязанности врача». Врачъ Орловъ нашелъ врача Бондырева при исполненіи служебныхъ обязанностей въ нормальномъ состояніи. Узнавъ о случившемся и считая обращеніе предсѣдателя крайне грубымъ и оскорбительнымъ, а дѣйствія управы неправильными, остальные земскіе врачи тоже подали въ управу прошенія объ отставкѣ. Поводомъ ко всей исторіи, какъ оказалось, была жалоба члена управы Ануфриева на врача Тихомірова за то, что послѣдній не поѣхалъ во второй разъ навѣстить его въ деревнѣ Дубиѣ, въ 11 вер. отъ города Покрова. Въ первый разъ врачъ Тихоміровъ навѣститъ его и не нашелъ никакой серьезной болѣзни, кромѣ нѣкотораго недомоганія, оставшагося послѣ какой-то непродолжительной и легкой болѣзни, вроде гриппа. Да и самъ больной не считалъ свою бо-

лѣзть серьезной и заявлялъ врачу, что «пригласить его, а и самъ не знаетъ на что и пожаловаться». Изъ вторичнаго письменнаго приглашенія видно, что никакой перемены въ состоянн больного не произошло. Въ виду несерьезности случая и за недосугомъ въ этотъ день врачъ не могъ навѣстить больного. Увѣдомить больного о невозможности прѣхать врачъ былъ не въ состоянн, такъ какъ пригласительное письмо получилъ изъ третьихъ рукъ и посланнаго не видалъ. Послѣ этого больше приглашеній уже не было. Нужно замѣтить, что на обязанности врача Тихомірова лежало: завѣдываніе больницей съ родильнымъ отдѣленіемъ на 52 койки, ежедневный амбулаторный пріемъ больныхъ, среднимъ числомъ, около 30 человекъ въ день, и участокъ діаметромъ 20—15 верстъ, куда онъ, какъ и всѣ остальные врачи въ своихъ участкахъ, обязанъ былъ выѣзжать на эпидеміи, трудные роды и экстренные случаи. Жалоба члена управы Ануфриева, такъ сильно повліявшая на легко возбудимаго предсѣдателя Поливанова и вызвавшая упомянутый циркуляръ, не была провѣрена, и врачъ Тихоміровъ даже не былъ спрошенъ по этому поводу. Безцеремонное отношеніе предсѣдателя управы къ врачамъ сказалось также при объясненн его съ д-ромъ Бондыревымъ. И надо удивляться только терпѣнію врача Бондырева, не позволившаго себѣ при такомъ объясненн ни единого жеста, ни единого вызывающаго слова. Надо было, послѣ этого, имѣть еще столько самообладанія, чтобы ровно черезъ 3 часа, какъ приказалъ предсѣдатель, явиться на службу для пріема больницы и сохранить спокойствіе, когда и тамъ д-ръ Бондыревъ, при исполненн своихъ обязанностей, подвергнулся новому оскорбленію, освидѣтельствованію черезъ городского врача. Конечно, врачи уже больше не вступали въ переговоры и выразили лишь свой протестъ тѣмъ, что вслѣдъ за врачомъ Бондыревымъ всѣ подали въ отставку, хотя имъ и не легко было рѣшиться на это, прослуживъ много времени одному и тому же земству и снискавъ общую любовь и расположеніе.

Врачи охраняютъ жизнь и здоровье общества, которому служатъ; но и на обществѣ лежатъ обязанность цѣнить тяжелую и подвергающуюся ежедневнымъ опасностямъ дѣятельность врачебнаго сословія. Авторъ приведеннаго сообщенія указываетъ, что изъ 32 различныхъ родовъ занятій, расположенныхъ по повышенію смертности, врачи занимаютъ 13-е мѣсто—между рабочими на табачныхъ фабрикахъ (12-е) и портными (14-е). Въ этомъ перечнѣ нѣтъ другихъ интеллигентныхъ занятій. Фактъ, что среди такихъ тяжелыхъ, разрушительно-дѣйствующихъ на здоровье занятій, какъ хлопчато-бумажное, шерстяное, кузнечное, гончарное, стеклянное, свиное производство, обработка ртути и т. д., пришлось помѣстить и врачебный трудъ, говорить уже самъ за себя. Кагур и Golmer, разрабатывая данныя банка для страхованія жизни въ Готѣ, о процентѣ смертности врачей въ сравненн съ другими профессіями, пришли къ заключенію, что въ то время, какъ среди лицъ другихъ занятій въ возрастѣ отъ 26—46 лѣтъ умираетъ 2,87%, врачей въ томъ же возрастѣ умираетъ 4,02%. Наибо-

лѣе частыя причины смерти чахотка и тифъ. Въ Саксоніи этимъ занимались Oldendorf и Westergaard и свою работу заканчиваютъ слѣдующими словами: изъ лицъ съ высшимъ образованіемъ духовныя и высшіе чиновники имѣютъ наивысшую, а врачи, напротивъ, наименьшую продолжительность жизни. У насъ въ Россіи, по изслѣдованію д-ра Гребенщикова, разными болѣзнями (за 1889, 90 и 92 г.) составили 36,7% всего числа причинъ смертности врачей вообще и болѣе 59% земскихъ врачей въ частности.

Весьма желательно, чтобы вопросъ о болѣе правильной организаціи отношеній земскихъ управъ къ врачебному дѣлу былъ поставленъ на очередь въ предстоящемъ въ мартѣ мѣсяцѣ сѣздѣ въ Петербургѣ председателей губернскихъ земскихъ управъ. Ежегодныя сѣзды председателей управъ—это совершенно новое и чрезвычайно важное явленіе въ земской жизни. Потребность въ такихъ сѣздахъ, долженствующихъ объединить дѣятельность земскихъ собраній и управъ, чувствовалась уже давно и, наконецъ, первый шагъ къ ихъ осуществленію былъ сдѣланъ во время Нижегородской выставки. Во всѣ губернскія земскія управы разосланы уже *Журналы совѣщаній председателей губернскихъ управъ*, происходившихъ въ августѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Изъ журнала мы узнаемъ, что на совѣщаніи присутствовало 18 председателей. Здѣсь прежде всего былъ поставленъ вопросъ объ организаціи занятій послѣдующихъ сѣздовъ председателей. Было признано, что основной смыслъ такихъ сѣздовъ долженъ заключаться въ выработкѣ опредѣленной идеи, твердо установленныхъ принциповъ земской дѣятельности. Практическія мѣропріятія каждаго отдѣльнаго земства могутъ быть крайне разнообразны, въ зависимости отъ особенныхъ мѣстныхъ условій, но конечныя цѣли и главныя руководящія основанія, отвѣчающія существу земскаго дѣла, не могутъ быть различны. Совѣщанія председателей управъ могутъ въ значительной мѣрѣ содѣйствовать выясненію и установленію основныхъ положеній земской дѣятельности и въ этомъ должна заключаться главная задача сѣздовъ. Съ другой стороны, на такихъ сѣздахъ могутъ быть обсуждаемы вопросы, касающіеся дѣятельности земскихъ учреждений, но осуществленіе которыхъ нуждается въ санкціи правительства. Въ настоящее время нерѣдко отдѣльныя земства возбуждаютъ передъ правительствомъ ходатайства по различнымъ вопросамъ, имѣющимъ по существу своему общее значеніе; но въ большинствѣ случаевъ такіа ходатайства остаются безъ удовлетворенія на томъ основаніи, что для разрѣшенія ихъ въ положительномъ смыслѣ представлялась бы необходимость измѣненія нѣкоторыхъ существующихъ законоположеній. Возбужденіе же того или другого вопроса въ законодательномъ порядкѣ рѣдко признается возможнымъ по ходатайству отдѣльнаго земства, и мотивомъ къ отказу болѣею частью выставляется, что ходатайство основано не исключительно на мѣстныхъ условіяхъ. Между тѣмъ, такого рода вопросы могутъ возбуждаться на совѣщаніи председателей губернскихъ управъ и по тѣмъ изъ нихъ, которые имѣютъ суще-

ственное значеніе для всѣхъ или большинства земствъ, предсѣдатели могутъ прийти къ соглашенію о внесеніи одновременно въ губернскія собранія предложеній о возбужденіи послѣдними извѣстнаго ходатайства передъ правительствомъ. Можно думать, что при такомъ ходѣ дѣла, удовлетвореніе однообразныхъ и одновременныхъ ходатайствъ всѣхъ или большинства земствъ станетъ болѣе вѣроятнымъ. Съѣздомъ приняты слѣдующія рѣшенія:

1. Организовать при московской губернской земской управѣ бюро совѣщаній предсѣдателей земскихъ управъ.

2. Слѣдующій съѣздъ назначить въ Петербургѣ въ мартѣ 1897 года, на второй недѣлѣ Великаго поста, предоставивъ бюро опредѣлить день начала совѣщанія и извѣстять о томъ заблаговременно всѣхъ предсѣдателей губернскихъ управъ.

По вопросу о желательности привлеченія къ участию въ совѣщаніи губернскихъ гласныхъ съѣздъ высказался противъ такого участія, на томъ основаніи, что въ настоящее время совѣщаніе предсѣдателей носитъ не официальный, а исключительно частный характеръ, почему и г. министръ внутреннихъ дѣлъ, до свѣдѣнія котораго московскій предсѣдатель управы, г. Шиповъ, довелъ о намѣреніи предсѣдателей организовать свои совѣщанія, выразилъ желаніе, чтобы въ нихъ принимали участіе только исключительно предсѣдатели губернскихъ управъ.

Обозрѣвая явленія текущей дѣйствительности, подводя итоги плодотворной земской работы и остановившись съ большою подробностью на выдающейся дѣятельности бѣльскаго земскаго собранія, *Смоленскій Вѣстникъ* вспомнилъ при этомъ, весьма кстати, слѣдующія слова Кидда въ его извѣстномъ сочиненіи *Соціальная эволюція*: «Если мы посмотримъ на происходящія вокругъ насъ общественныя и политическія явленія, то замѣтимъ, что у насъ есть ключъ къ разгадкѣ современности. Смягченіе характера, углубленіе и усиленіе альтруистическихъ чувствъ, рядомъ съ легкою возбудимостью ихъ и отсюда все возрастающее чувство ответственности другъ передъ другомъ—вотъ важнѣйшій смыслъ общественныхъ и политическихъ явленій, характеризующихъ наше время». Мы вполне присоединяемся къ пониманію Киддомъ современности. И скажемъ даже, что нигдѣ, можетъ быть, сознаніе въ долгъ предъ низшими классами и развитіе гуманныхъ чувствъ не сдѣлало за послѣднее время такого быстрого скачка, какъ среди образованнаго русскаго общества. Мы не думаемъ этииъ сказать, что русское образованное общество опередило въ этомъ отношеніи западно-европейскія общества. Нѣтъ, мы говоримъ только о различіи въ силѣ движенія гуманизма за послѣднее время у насъ и на Западѣ. Мы сравниваемъ отношеніе у насъ общества къ народу при крѣпостномъ правѣ и отношеніе его къ народу теперь. Разница громадная. При крѣпостномъ правѣ народъ былъ рабомъ—и только рабомъ. Онъ не былъ даже Ивановъ, Петромъ, Василюмъ, Федоромъ, а былъ Ванькой, Васькой, Федькой. Съ паденіемъ крѣпостнаго права государство признало за народомъ граж-

данскія права; но что, можетъ быть, еще болѣе важно, это—непрерывное возрастаніе общественнаго слоя, составляющаго цвѣтъ интеллигенціи страны, работающаго надъ созиданіемъ условій, благодаря которымъ народъ будетъ въ состояніи воспользоваться *de facto* признанными за нимъ гражданскими правами, станетъ народомъ-гражданиномъ и сдѣлается участникомъ въ накопленныхъ вѣками благахъ культуры. Объ этой работѣ лучшей части нашего общества, объ этой самой свѣтлой, самой радостной сторонѣ русской жизни приходится говорить чуть не въ каждомъ изъ нашихъ обзорѣннѣй. И пусть не думаетъ читатель, что мы имѣемъ возможность сгруппировать все совершающееся въ этой области, даже изъ сообщеннаго въ печати,—нѣтъ, этого не позволяютъ выполнить рамки нашихъ очерковъ. Обыкновенно мы ограничиваемся указаніемъ лишь образцовъ. Такъ мы дѣлаемъ и въ настоящемъ очеркѣ.

Разумѣется, самое важное дѣло нашего времени есть распространеніе въ народѣ просвѣщенія. Пока народъ остается во тьмѣ, никакія начинанія не дадутъ большихъ результатовъ. Это уже сознано и главныя усилія общества направлены именно въ эту сторону. Въ этой области работаютъ и земства, и общественные союзы, и отдѣльныя лица. Число крупныхъ пожертвованій на народныя школы увеличивается. Одно изъ такихъ пожертвованій сдѣлано въ завѣщаніи недавно умершаго помѣщика Калужской губерніи С. А. Гурьева. Все свое имѣніе онъ отказалъ на благотворительныя учрежденія въ мѣстѣ своего жительства, селѣ Бабаевѣ, и въ томъ числѣ—на устройство образцовой сельско-хозяйственной школы. Въ октябрѣ школа эта открыта въ присутствіи г. калужскаго губернатора и значительнаго числа пріѣхавшихъ на торжество посѣтителей. Зданіе школы,—сообщаетъ *Калужскій Вѣстникъ*,—не оставляетъ желать ничего лучшаго. Масса свѣта, воздуха и простора дѣлаютъ его однимъ изъ лучшихъ школьныхъ зданій. Помѣстившееся на возвышенномъ холмѣ, оно уже издали бросается въ глаза своей грандіозностью. Гурьевская сельско-хозяйственная школа является школой смѣшаннаго типа. Въ ней будутъ даваться, путемъ практическихъ и теоретическихъ занятій, основныя познанія по сельскому хозяйству вообще и въ частности по полеводству, скотоводству съ молочнымъ производствомъ, садоводству, огородничеству, пчеловодству и необходимымъ въ сельскомъ быту ремесламъ: кузнечно-слесарному, сапожному и плотнично-столярному, а также по возведенію несгораемыхъ построекъ. Школа съ трехгодичнымъ курсомъ и рассчитана на 50 человекъ. Въ настоящее время дальнѣйшій пріемъ уже прекращенъ въ переполненіемъ вакансій. При школѣ предполагается открыть образцовую ферму съ лучшими породами скота, образцовый питомникъ, образцовую пасѣку и, наконецъ, метеорологическую станцію для наблюденій.

Рядомъ со школой, другая насущная потребность въ дѣлѣ просвѣщенія народа есть народная бібліотека. Плоды школы безъ книгъ для чтенія, безъ дальнѣйшаго подкрѣпленія и развитія знаній, глхнуть. И вотъ, частью стараніемъ земствъ, частью на средства различныхъ обществъ и

частных лиц народных библиотеки распространяются. По той интенсивности, съ какою идетъ это дѣло, можно думать, что мы живемъ наканунѣ повсемѣстнаго ихъ учрежденія. Нѣкоторыя изъ этихъ библиотекъ обставлены уже достаточно богато. Къ такимъ принадлежить, напримѣръ, библиотека, устроенная въ Жиздринскомъ уѣздѣ мѣстнымъ землевладѣльцемъ при Аванасовскомъ сельскомъ училищѣ. Библиотека, — какъ сообщаетъ *Орловскій Вѣстникъ*, — раздѣлена на двѣ части: въ первой изъ нихъ подобраны книги, предназначенныя для взрослыхъ и подростковъ, окончившихъ школу, во второй — книги для учениковъ. Въ той и другой части есть отдѣлы: духовно-нравственный, историческій, географическій, естественно-научный, сельско-хозяйственный и большій изъ всѣхъ литературный. Въ литературномъ преобладаютъ Пушкинъ, Толстой, Тургеневъ, Григоровичъ, Гоголь, Лермонтовъ и др. Кромѣ того очень много хорошихъ разсказовъ изъ современныхъ русскихъ писателей, а изъ иностранныхъ есть по одному тому Вальтеръ-Скотта, Бичеръ-Стоу, Флобера, Эберса, Ж.-Зандъ, по два тома — Диккенса, М. Твена, Гёте (*Фаустъ*), Шекспира и друг.; хороша также отдѣлъ сельско-хозяйственный. Читатели пользуются библиотекою бесплатно. Книги выдаются во всякое время. Библиотекою завѣдуетъ учитель, который и ведетъ запись выдаваемыхъ книгъ. Требования читателей заявлялись преимущественно на книги духовно-нравственнаго и историческаго содержанія, — но особенно великъ былъ спросъ на путешествія, а также описанія явленій въ природѣ (вродѣ разсказовъ Рубакина). При выдачѣ книгъ читателямъ сообщаются нѣкоторыя руководящія замѣтки относительно содержанія выдаваемыхъ книгъ и ведутся краткія бесѣды о прочитанномъ. Въ этомъ случаѣ читатель долженъ сказать, понравилась ли ему книга, и чѣмъ именно, или — наоборотъ и почему не понравилась. По такимъ вопросамъ руководитель объясняетъ непонятное и освѣщаетъ его съ болѣе правильной точки зрѣнія. Во время такихъ бесѣдъ выяснилось, что изъ литературнаго отдѣла болѣе другихъ книгъ понравились разсказы Григоровича, Толстого, Тургенева, Короленка и Мамина-Сибиряка. Изъ сочиненій иностранныхъ авторовъ болѣе всего хвалили *Жизнину дяди Тома*, *Принцъ и Нищий*, *Гамлета* и *Донъ-Кихота*.

Съ какою интенсивностью развивается въ нѣкоторыхъ городахъ дѣятельность общественныхъ союзовъ и частныхъ лицъ въ области народнаго просвѣщенія, примѣромъ можетъ служить Ставрополь-Кавказскій. Здѣсь, по сообщенію г. Абрамова въ *Недѣлѣ*, за послѣднее время возникло семь народныхъ аудиторій, одна изъ которыхъ устроена въ тюрьмѣ для заключенныхъ. Изъ семи аудиторій народныхъ чтеній въ трехъ чтенія ведутъ отъ мѣстнаго общества грамотности, въ одной — учителями четырехкласснаго городского училища и въ трехъ отъ духовнаго вѣдомства. Аудиторіямъ служатъ: казарма, служащая для помѣщенія новобранцевъ и ополченцевъ, лѣтнее помѣщеніе мѣстнаго клуба, залъ городской думы, актовыи залъ городского училища, залъ мѣстнаго Андреевско-Владимирскаго братства, одн начальное училище и, наконецъ, тюрьма. Чтенія ведутся лицами самыми

разнообразными, всего чаще учителями, и, конечно, безвозмездно. Посѣтителей на чтеніяхъ одновременно бываетъ не менѣе тысячи. Сверхъ того въ городѣ имѣются *три* бесплатныя народныя бібліотеки. Одна изъ нихъ устроена Андреевско-Владимірскимъ братствомъ, другая—городскимъ управленіемъ и третья—частнымъ лицомъ. Пользуются бібліотеками уже не менѣе 900 человекъ. Затѣмъ имѣется *четыре* воскресныхъ школы, въ которыхъ работаетъ около сотни человекъ мѣстной молодежи обоого пола и въ которыхъ учится до 700 человекъ, преимущественно взрослыхъ и подростковъ. Помѣщаются воскресныя школы—одна въ зданіи мѣстной женской гиназіи, другая—въ мѣстномъ четырехклассномъ городскомъ училищѣ и двѣ—въ помѣщеніяхъ начальныхъ школъ. Всѣ участники воскресныхъ школъ работаютъ въ нихъ бесплатно. Нельзя не отмѣтить также постоянно увеличивающагося числа начальныхъ школъ въ городѣ. Въ настоящее время въ городѣ имѣются 10 нормальныхъ и 2 послѣобѣденныхъ школы, содержимыхъ городомъ, двѣ школы мѣстнаго общества грамотности, двѣ школы при духовно-учебныхъ заведеніяхъ (семинаріи и женскомъ епархіальномъ училищѣ), три школы Андреевско-Владимірскаго братства, три школы при православныхъ церквяхъ, три иновѣрческія (католическая, лютеранская и еврейская) и четыре частныхъ, а всего *29 начальныхъ школъ*, при населеніи около 35 тысячъ жителей.

Мы не разъ уже отмѣчали тотъ фактъ, что въ просвѣтительномъ движеніи принимаетъ матеріальное участіе и самъ народъ, когда у него находятся на это средства. Въ зажиточномъ, сравнительно, Бердянскомъ уѣздѣ, по даннымъ отчета мѣстной земской управы, 24 сельскихъ общества ассигновали въ прошломъ году на покупку волшебныхъ фонарей и картинъ для народныхъ чтеній 7,115 рублей. Народныя чтенія открыты въ уѣздѣ уже при 22 училищахъ. Нужно видѣть, говорится въ отчетѣ, съ какимъ интересомъ и вниманіемъ слушаетъ народъ эти чтенія. Ихъ посѣщаетъ и нѣмецкое населеніе уѣзда, сформулировавшее свои впечатлѣнія отъ чтеній въ слѣдующемъ выраженіи: «это такъ хорошо и поучительно, что совсѣмъ какъ въ церкви».

Рядомъ съ работой для умноженія числа школъ, народныхъ бібліотекъ и народныхъ чтеній, усиливается также вниманіе къ жизненному положенію народныхъ учителей и къ матеріальному состоянію учащихся. Почти во всѣхъ земствахъ поставлено на очередь улучшеніе быта учителей и въ различныхъ мѣстахъ образуются общества для оказанія помощи бѣднѣйшимъ ученикамъ. На дняхъ *Русскія Вѣдомости* сообщили объ организуемомъ новомъ обществѣ попеченія объ улучшеніи быта учащихся въ ачальныхъ училищахъ Московскаго уѣзда, дѣятельность котораго будетъ входить въ органической связи съ работой въ томъ же направленіи мѣстнаго земства. Сообразно съ этою цѣлью занятія общества составятъ: 1) выдача нуждающимся учителямъ и учительницамъ одновременныхъ и періодическихъ денежныхъ пособій и замѣообразно безпроцентныхъ удъ; 2) приглашеніе врачей для учащихся и ихъ семействъ; 3) предо-

ставленіе средствъ заболѣвшимъ учащимъ на поѣздку въ лѣчебныя мѣста; 4) устройство постоянныхъ лѣтнихъ колоній для учащихся, разстроившихъ свое здоровье занятіями въ школѣ; 5) учрежденіе убѣжища для учащихся, лишенныхъ возможности трудиться вслѣдствіе старости и болѣзни, а также и для ихъ семействъ; 6) заботы объ образованіи дѣтей-сиротъ учащихся; 7) устройство ссудо-сберегательной кассы для учащихся на основаніи особо составленнаго устава; 8) устройство для учащихся библиотеки, педагогическаго музея и пр.; 9) содѣйствіе къ пріисканію нуждающимся занятій и 10) оказаніе имъ вообще помощи всякими иными способами. Общество состоитъ изъ неограниченнаго числа членовъ. Почетными членами считаются лица, вносящія ежегодно въ кассу общества не менѣе 25 руб.; внесшіе же одновременно не менѣе 250 р. признаются пожизненными почетными членами. Лица, вносящія ежегодно въ пользу общества не менѣе 10 руб., считаются членами-соревнователями, а жертвующіе одновременно 100 руб.—пожизненными членами соревнователями. Дѣйствительные члены, которыми могутъ быть учителя и учительницы училищъ Московскаго уѣзда, вносятъ ежегодно въ кассу общества не менѣе 3 руб. Почетные члены, члены-соревнователи и дѣйствительные члены пользуются правомъ рѣшающаго голоса на общихъ собраніяхъ общества. Правленіе общества состоитъ изъ предсѣдателя, товарища предсѣдателя, шести членовъ, казначея и секретаря, избираемыхъ на годичный срокъ общимъ собраніемъ. Если земское собраніе снабдитъ общество своими помѣщеніями или ассигнуетъ на усиленіе его средствъ какія-либо суммы, то ему предоставляется назначить въ правленіе общества, съ правомъ голоса, или особое лицо изъ своихъ членовъ, или же одного изъ членовъ управы.

Изъ новыхъ обществъ для оказанія помощи бѣднѣйшимъ ученикамъ *Калужскій Вѣстникъ* сообщаетъ объ образовавшемся обществѣ въ Козельскѣ. Общество это имѣетъ цѣлью попеченіе о недостаточныхъ учащихся въ козельскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ, причемъ, съ развитіемъ дѣятельности общества, помощь можетъ быть оказываема и тѣмъ изъ оканчивающихъ курсъ въ козельскомъ городскомъ училищѣ, кои для продолженія образованія поступаютъ въ другія учебныя заведенія, не входящія въ кругъ дѣятельности общества. Помощь общества будетъ выражаться: взносомъ платы за ученіе, бесплатною выдачею книгъ и учебныхъ пособій, доставленіемъ одежды, пищи, квартиры, медицинской помощи, назначеніемъ въ исключительныхъ случаяхъ денежныхъ пособій.

О возрастаніи въ нашемъ обществѣ чувства гуманности, объ усиленіи сознанія обязанности принять участіе въ работѣ противъ социальныхъ недуговъ—свидѣтельствуетъ также ростъ учреждений, имѣющихъ цѣлью оказаніе помощи обездоленнымъ. Изъ подобныхъ учреждений совершенно новыми являются «дома трудолюбія», доставляющіе работу лишившимся занятій и пріютъ бѣднымъ и заброшеннымъ дѣтямъ. Такія учрежденія открыты уже во многихъ городахъ Россіи, работа ихъ непрестанно расширяется. Недавно вышедшій отчетъ о ходѣ дѣлъ въ орловскомъ домѣ тру-

долобія за прошедшій годъ можетъ служить образчикомъ размѣровъ дѣятельности подобнаго рода учреждений. Съ содержаніемъ отчета знакомить насъ *Орловскій Вѣстникъ*. Изъ сообщенія газеты видно, что въ отчетномъ году въ вѣдѣніи попечительнаго общества находились, кромѣ дома трудолюбія съ женскими и мужскими мастерскими, еще дѣтское убѣжище, пріютъ «ясли», ночлежный домъ, богадѣльня для престарѣлыхъ и дешевая столовая. Одинъ перечень этихъ учреждений показываетъ, насколько разносторонняя дѣятельность орловскаго дома трудолюбія. Мастерскія находятся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ членовъ общества. Для обученія призрѣваемыхъ ремесламъ въ мастерскихъ имѣются мастера и мастерицы. Такъ какъ главная цѣль общества—дать работу не имѣющимъ заработка, то мастерскія, конечно, не могутъ дать большихъ доходовъ. Дѣтское убѣжище въ отчетномъ году замѣтно расширилось. Къ концу 1895 г. въ немъ насчитывалось 43 мальчика и 26 дѣвочекъ, всего 69 человѣкъ. На это учрежденіе тратятся значительныя суммы. Но существованіе подобнаго убѣжища крайне необходимо, такъ какъ всѣ имѣющіеся въ Орлѣ пріюты переполнены. При убѣжищѣ существуетъ школа, съ правами земской, находящаяся въ вѣдѣніи учителя и его помощника. Въ свободное отъ ученія время дѣти занимаются, сообразно съ способностями, въ разныхъ мастерскихъ; нѣкоторые изъ нихъ, окончивши курсъ ученія, работаютъ въ типографіяхъ, въ магазинахъ, въ городской слесарной мастерской и т. п. Съ мая мѣсяца 1895 года въ вѣдѣніе общества дома трудолюбія перешелъ пріютъ «ясли», находившійся раньше на попеченіи орловскаго благотворительнаго общества. Последнее обязалось оказывать дому трудолюбія ежегодную субсидію въ размѣрѣ 180 руб. Характеръ этого учрежденія не соответствуетъ общепринятому понятію о пріютахъ съ названіемъ «ясли»; правильнѣе было бы назвать его малолѣтнимъ отдѣленіемъ дѣтскаго убѣжища. Круглыя сироты или тѣ дѣти, родители которыхъ не имѣютъ возможности ихъ воспитывать, попадая въ «ясли», остаются въ нихъ постоянно. Сверхъ того при домѣ трудолюбія существуютъ богадѣльня и дешевая столовая.

Живое участіе русской интеллигенціи къ рабочему классу особенно ярко выразилось на засѣданіяхъ промышленнаго съѣзда на Нижегородской выставкѣ. Въ числѣ многихъ обсуждавшихся на съѣздѣ предложеній въ интересахъ рабочаго класса большое вниманіе было посвящено предложенію объ обезпеченіи рабочихъ при несчастныхъ случаяхъ. Съѣздъ высказался за организацию государствомъ страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, какъ за наилучшую форму обезпеченія рабочихъ въ этомъ дѣлѣ. Существованіе этой мѣры для государства въ настоящее время тѣмъ легче, чѣмъ растетъ сознаніе о нужности обезпеченія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Это уже проникаетъ въ сферы фабрикантовъ и заводчиковъ. *Русск. Вѣд.* сообщаютъ о состоявшемся 21 ноября первомъ собраніи фабрикантовъ и заводчиковъ города Одессы и Херсонской губерніи для обсужденія устава общества взаимнаго кредита рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Проектъ

устава составленъ по предложенію старшаго фабричнаго инспектора Херсонской губерніи А. Микулина, комиссією, избранною самими заводчиками и фабрикантами изъ ихъ среды. Комиссія работала подъ предѣдательствомъ того же фабричнаго инспектора. Учреждаемое общество взаимнаго страхованія владѣльцевъ фабрикъ и заводовъ отъ несчастныхъ случаевъ съ ихъ рабочими имѣть цѣлью оказывать единовременное пособіе рабочимъ фабрикъ и заводовъ въ случаѣ полной или временной потери способности къ труду, а также семействамъ рабочихъ, если смерть или потеря способности къ труду произошла отъ какого-либо несчастнаго случая при работахъ, безразлично—по винѣ ли хозяина предпріятія, или же вслѣдствіе неосторожности рабочаго, или отъ какихъ-нибудь другихъ причинъ, за исключеніемъ несчастій, происшедшихъ отъ землетрясенія, войны или народныхъ смуть. Точно также если будетъ доказано, что рабочій умышленно нанесъ себѣ поврежденіе, онъ лишается права на вознагражденіе. Члены общества, состоящаго изъ фабрикантовъ и заводчиковъ Одессы и Херсонской губерніи, вносятъ ежегодно въ кассу отъ $\frac{1}{2}\%$ до $1\frac{1}{2}\%$ съ годичной заработной платы. Размѣръ взноса зависитъ отъ степени опасности даннаго производства, причѣмъ производства раздѣлены по степени опасности на 3 класса: 1-й классъ—ручныя производства, въ которыхъ не участвуютъ машины или опасные механизмы; 2-й классъ—ручныя производства съ болѣе тяжелыми условіями работы (кузницы, литейныя, химическія производства), а также производства, прибѣгающія къ услугамъ парового, газоваго или керосиноваго двигателя, причѣмъ не имѣется особенно опасныхъ механизмовъ или быстро движущихся машинъ; 3-й классъ—всѣ остальные производства. Владѣльцы предпріятія 1-го класса вносятъ въ кассу общества $\frac{1}{2}\%$ съ годичной суммы заработка рабочихъ на ихъ фабрикахъ; владѣльцы предпріятій 2-го класса— 1% , а 3-го класса— $1\frac{1}{2}\%$. Общее собраніе можетъ увеличить размѣры взносовъ членовъ, если установленная норма является недостаточною для выполненія обязательствъ общества. Взносы дѣлаются по расчету на полгода впередъ. Въ случаѣ, если общество должно будетъ выплатить вознагражденіе пострадавшимъ рабочимъ въ размѣрѣ, превышающемъ наличность средствъ общества, то недостающую часть обязуются внести члены общества за круговой отвѣтственностью, по раскладкѣ пропорціонально годичнымъ взносамъ, немедленно по полученіи извѣщенія отъ правленія общества. Правленіе общества будетъ находиться въ Одессѣ. Общество можетъ открывать отдѣленія въ тѣхъ городахъ, гдѣ находится фабричный инспекторъ, если число членовъ отдѣленія достигнетъ 15 человекъ при общемъ числѣ рабочихъ и 500 человекъ и годичномъ ихъ заработкѣ, превышающемъ 100,000 руб. Несчастные случаи съ рабочими, дающіе право на вознагражденіе, раздѣляются на четыре категоріи: 1) смертныя, 2) полной инвалидности, 3) плуинвалидности, 4) временной неспособности. Въ первомъ случаѣ имѣютъ право на вознагражденіе отецъ, мать, жена и дѣти потерпѣвшаго. Родители имѣютъ право на вознагражденіе лишь въ томъ случаѣ, если у п

терпѣвшаго не было своей семьи. Жена и дѣти покойнаго имѣютъ право на полное вознагражденіе, если въ семьѣ осталось не менѣе 2 дѣтей, не достигшихъ 17-лѣтняго возраста. Сироты послѣ покойнаго получаютъ вознагражденіе по числу оставшихся лицъ, причѣмъ одинъ ребенокъ получаетъ половину вознагражденія, двое или болѣе—полное. Вознагражденіе выдается лишь сиротамъ, не достигшимъ 17 лѣтъ. При временной неспособности къ труду вознагражденіе выдается потерпѣвшему на руки, но въ томъ лишь случаѣ, если временная неспособность продолжалась болѣе 3 дней.

На совершенно новомъ пути къ улучшенію быта земледѣльцевъ работаетъ въ Херсонской губерніи г. Левитскій. Созданныя по его инициативѣ кооперативныя товарищества обратили на себя большое вниманіе. Профессоръ Харьковскаго университета, однофамилецъ учредителя земледѣльческихъ артелей, В. Ѳ. Левитскій, лично изслѣдовалъ состояніе дѣлъ въ артеляхъ и далъ о нихъ весьма интересный и благопріятный отзывъ въ сентябрьской книжкѣ нашего журнала. Такой же отзывъ,—какъ сообщаютъ *Русскія Вѣдомости*,—является теперь результатомъ работы цѣлой комиссіи, организованной херсонскимъ губернскимъ земствомъ подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя губернской земской управы В. П. Андреевскаго. Комиссія эта, въ составъ которой вошли предсѣдатели и члены елисаветградской и александрійской уѣздныхъ управъ (въ районѣ которыхъ находятся земледѣльческія артели), губернскіе гласные, земскіе агрономы и статистики,—чрезвычайно тщательно отнеслась къ своей задачѣ и, составивъ предварительно программу вопросовъ для изслѣдованія земледѣльческихъ артелей, обследовала всѣ (78) артели, организованныя Н. В. Левитскимъ. Трудъ этой комиссіи изданъ былъ въ видѣ доклада херсонской губернской земской управы губернскому земскому собранію очередной сессіи 1896 года. «Сравненіе,—говорится въ докладѣ,—имущественнаго положенія артельщиковъ до поступленія въ артель съ тѣмъ, что они имѣютъ теперь, поражаетъ громадною разницею экономическаго благосостоянія. Правда, что все это куплено на занятые деньги и взято въ кредитъ, но деньги реализованы на всѣ предметы, необходимые для правильнаго веденія хозяйства». Общее впечатлѣніе о затратахъ артельщиковъ изъ взятыхъ ими ссудъ получается такое, что всѣ онѣ употреблены весьма рационально и производительно. Въ своихъ заключительныхъ сужденіяхъ о положеніи артелей Херсонской губерніи комиссія съ понятною осторожностью не рѣшается, въ виду новизны этого явленія, дѣлать какіе бы то ни было категорическіе выводы о жизненности ихъ и дальнѣйшемъ прогрессированіи въ формахъ артельнаго единенія хозяйствъ; но вполне признаетъ, на основаніи имѣющихся данныхъ, что при благопріятныхъ условіяхъ единеніе нѣсколькихъ хозяйствъ, до 8 и даже 10, для веденія общаго хозяйства возможно и среди малорусскаго населенія Херсонской губерніи. При этомъ комиссія единогласно признаетъ, «что неимовѣрными силами Н. В. Левитскаго, положившаго въ дѣло всю свою душу, данъ

сильный толчокъ объединѣвшему крестьянству въ направленіи изысканія средствъ къ выходу изъ тяжелаго положенія». Дѣло Левитскаго находитъ уже матеріальную поддержку среди частныхъ лицъ и ученыхъ обществъ. Одно лицо передало въ полное распоряженіе учредителя артелей 10,000 руб., другимъ частнымъ лицомъ пожертвовано 200,000 руб. на образованіе земледѣльческихъ артелей по всей Россіи. Императорское вольное экономическое общество на опытъ организаціи артелей также ассигновало 1,250 рублей. Во всякомъ случаѣ, какова бы ни была дальнѣйшая судьба земледѣльческихъ артелей Херсонской губ., но даже кратковременный опытъ ихъ существованія безспорно доказалъ преимущества выдачи ссудъ на приобрѣтеніе хозяйственнаго инвентаря товариществамъ, сравнительно со снабженіемъ меліоративнымъ кредитомъ отдѣльныхъ мелкихъ земледѣльцевъ, какъ въ отношеніи утилизованія ссудъ, такъ и исправности ихъ погашенія и возврата.

По примѣру артели въ Херсонской губ. возникла земледѣльская артель въ с. Судосоевѣ, Симбирской губерніи. *Новости* сообщаютъ исторію возникновенія этого земледѣльческаго товарищества. Извѣстная г-жа Сѣрова, ознакомившись съ уставомъ Херсонскихъ артелей, подѣлилась своими свѣдѣніями съ сосѣдями-крестьянами. Крестьяне, — особенно та часть ихъ, которая ослабла послѣ неурожайныхъ годовъ, — заинтересовались сообщеннымъ имъ г-жей Сѣровой. Потолксивавъ между собою, они отправили ходока въ херсонскія артели. Ходокомъ былъ выбранъ мужикъ умный и хозяйственный. Онъ долго прожилъ въ средѣ херсонскихъ артельщиковъ, познакомился съ г. Левитскимъ и вернулся въ село съ самыми радужными надеждами, которыя, наконецъ, и осуществились. Дѣло наладилось, и артель, существующая всего съ прошлой весны, представляетъ уже тѣсно сплоченную группу людей, матеріальное благосостояніе которыхъ замѣтно растетъ и крѣпнеть. Они обзавелись маслобойкой и сѣялкой, сняли въ аренду участокъ лѣса и обезпечили себя топливомъ и льномъ; скотъ ихъ, откармливаемый собственными жмыхами, раздобрѣлъ и выгодно выдѣляется въ стадѣ деревенскихъ «тасканокъ»... Г-жа Сѣрова, съ участіемъ слѣдившая за жизнью молодой артели, особенно опасалась за дѣлежку, долженствовавшую произойти осенью; но и дѣлежка прошла благополучно, даже бабы, и тѣ мирно раздѣлили общую артельную коноплю.

Мы получили отъ предсѣдателя старобѣльскаго земской управы письмо, въ которомъ онъ проситъ возстановить истину, которая не могла быть возстановлена при посредствѣ мѣстнаго органа, *Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*. Суть дѣла въ слѣдующемъ. Харьковская губернская оцѣночная коммиссія издала брошюру, въ которой, между прочимъ, говорится что въ виду важнаго пособія, какое могутъ имѣть при учетѣ земель въ отдѣльныхъ уѣздахъ уѣздные планы съ дачами генеральнаго и спеціальнаго межеванія, губернская земская управа обратилась въ уѣздныя управы съ предложеніемъ поручить ей составленіе поуѣздныхъ плановъ. И вот

на это предложеніе «одна лишь старобѣльская управа высказалась противъ необходимости плановъ».

По поводу сказаннаго въ брошюрѣ предсѣдатель старобѣльской управы обратился къ редактору *Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей* съ письмомъ, въ которомъ заявилъ, что старобѣльская управа никогда не высказывалась противъ важности имѣть планы дачъ генеральнаго и спеціальнаго межеванія, а напротивъ, признавая полную ихъ необходимость для оцѣночныхъ работъ, отношеніемъ, отъ 16 мая 1895 года за № 3424, убѣдительно просила харьковскую губернскую земскую управу сообщить ей свѣдѣнія о стоимости снятія копій съ плановъ дачъ генеральнаго и спеціальнаго межеваній по Старобѣльскому уѣзду, чтобъ имѣть основательныя данныя испросить на этотъ предметъ у земскаго собранія необходимый кредитъ. Такое свое заявленіе г. предсѣдатель просилъ редактора газеты напечатать въ ближайшемъ номерѣ.

Въ отвѣтъ на просьбу предсѣдатель управы получилъ отъ редактора названной газеты увѣдомленіе, что заявленіе его «не можетъ быть напечатано за неразрѣшеніемъ къ печатанію цензоромъ».

Не правда ли, этотъ фактъ краснорѣчиво увеличиваетъ собою матеріалъ, характеризующій положеніе провинціальной печати.

И. Иванюковъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Отчетъ государственнаго контроля объ исполненіи росписи на 1895 годъ. — Вторая сессія сельско-хозяйственнаго совѣта. — Ея бесплодность. — По поводу студенческихъ безпорядковъ.

Недавно отпечатанъ отчетъ государственнаго контроля за 1895 годъ.

Обыкновенные государственные доходы увеличились въ 1895 году, по сравненію съ 1894 г., слишкомъ на $36\frac{3}{4}$ милл. руб. Сопоставляя обыкновенные доходы двухъ послѣднихъ годовъ по статьямъ, мы получаемъ такую картину. Налоги поземельные съ недвижимыхъ имуществъ и подати дали въ 1895 г. около 49.300,000 р., почти на 1.800,000 р. больше, чѣмъ въ 1894 г. Государственный контроль объясняетъ это успѣшными поступлениями недоимокъ государственнаго поземельнаго налога, вслѣдствіе благопріятныхъ урожаевъ послѣднихъ лѣтъ. Заработки, открывшіеся въ Сибири, въ связи съ проведеніемъ сибирской дороги, дали небольшіе недоборы подушной и оброчной податей въ Сибири. Взиманіе государственнаго квартирнаго налога было также болѣе успѣшно. Небольшое увеличеніе дали и сборъ съ торговли и промысловъ (въ 1894 году 42.760,691 руб., противъ 42.431,662 руб. предыдущаго года). Превышеніе относится, главнымъ образомъ, къ пятипроцентному сбору съ чистой прибыли торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. При составленіи смѣты, чистыя прибыли предполагались въ 105 милліоновъ рублей, а окладъ налога съ нихъ въ $5\frac{1}{4}$ милліоновъ; въ дѣйствительности же поступило 7,22 милліона, что соотвѣтствуетъ 144 милліонамъ рублей чистыхъ прибылей, вырученныхъ предпріятіями, которыя подлежатъ налогу. Сборъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ увеличился за 1895 годъ на значительную сумму, — слишкомъ на $1\frac{3}{4}$ милліона рублей. Причиной этого увеличенія является выпускъ частными обществами новыхъ процентныхъ бумагъ, а также развитіемъ въ прошломъ году операціи специальныхъ текущихъ счетовъ (они подлежатъ налогу въ размѣрѣ 0,216% годовыхъ съ суммъ, которыя позаимствованы по нимъ).

Питейный доходъ далъ очень мало прироста — не полныхъ 829,000 рублей; онъ объясняется небольшимъ увеличеніемъ въ размѣрѣ потребленія спирта (въ 1895 году 24,4 милл. ведеръ безводнаго спирта въ Европейской Россіи, вмѣсто 24,3 милл. за предыдущій годъ). Но противъ смѣты

которая была составлена съ чрезвычайно излишнею осторожностью, дѣйствительно поступило слишкомъ на 20¹/₄ милліоновъ болѣе. Доходъ отъ сборовъ съ табаку далъ увеличеніе почти на 2 милліона рублей; это объясняется возросшею производительностью табачныхъ фабрикъ по изготовленію какъ высшихъ сортовъ табаку, такъ и махорки. Доходъ отъ сахара былъ въ 1895 году на 6.458,253 рубля больше, чѣмъ въ 1894 г. Общее производство сахару въ кампанію 1894—5 года достигло 32¹/₂ милліон. пудовъ, изъ которыхъ 5¹/₂ милліоновъ были вывезены за границу съ возвратомъ акциза. Для внутренняго потребленія осталось около 27 милліон. пудовъ, и приростъ дохода объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что акцизъ съ сахару былъ возвышенъ до 1 р. 75 коп. Небольшое увеличеніе далъ также нефтяной доходъ (около 860 тыс. р.). Таможенный доходъ уменьшился въ 1895 году, противъ 1894 г., слишкомъ на 5 милл. р. За послѣдніе три года (1893—1895) пошлины по главнымъ статьямъ привоза держались почти на одномъ и томъ же уровнѣ, съ небольшими колебаніями вверхъ и внизъ. Рѣзкое исключеніе составила хлопчатая бумага: пошлина съ нея, превышая 15 милліоновъ рублей въ 1893 и 1894 годахъ, была только около 10¹/₂ милліона въ 1895 г. Сборъ съ пассажировъ и грузовъ большой скорости, перевозимыхъ по желѣзнымъ дорогамъ, далъ уменьшеніе слишкомъ на 800 тыс. р. Въ основѣ уменьшенія сбора лежитъ пониженіе его для пассажирскихъ билетовъ I и II классовъ съ 25 на 15%. Пошлины съ застрахованныхъ отъ огня имуществъ, горный доходъ, спичечный дали нѣкоторый недоборъ по сравненію съ 1894 г.

По отдѣлу доходовъ отъ государственныхъ имуществъ мы находимъ крупное увеличеніе. Первое мѣсто среди этихъ статей принадлежитъ казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ. Въ 1894 году онѣ дали около 116 милліоновъ, а въ 1895 г. больше 194¹/₂ милліоновъ. Причиной этого служатъ переходъ въ казну дорогъ бывшаго главнаго общества, риги-орловской линіи и лозово-севастопольской, а также увеличенный сборъ съ передвиженія грузовъ и пассажировъ. Но вышеозначенная сумма еще не выражаетъ полной выручки казны отъ желѣзныхъ дорогъ. Если прибавить доходъ отъ юго-западныхъ дорогъ и боровичской, то получится общій сборъ около 251 милліона рублей, и чистый доходъ около 108³/₄ милліоновъ. Доходы отъ казенныхъ заводовъ, техническихъ заведеній и складовъ дали до 21³/₄ милліоновъ, почти на 12 милліоновъ больше, чѣмъ въ предшествующемъ году. Въ эту статью включены поступления отъ казенной продажи вина въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ (Пермской, Уфимской, Оренбургской и Тамарской). Общая выручка отъ продажи вина составила почти 11¹/₂ милліоновъ рублей, а чистый остатокъ—4.186,265 рублей. Если же считать часть этого дохода на погашеніе капиталовъ, которые были заложены при устройствѣ казенныхъ винныхъ складовъ, то получится чистая прибыль около 3¹/₄ милліона. Лѣсной доходъ далъ также замѣтное увеличеніе: въ 1895 году онъ былъ почти на 3 милліона больше, чѣмъ въ 1894 г. Были двѣ главныя причины этого прироста: частныя лѣса ис-

топились и были подчинены дѣйствию лѣсоохранительнаго закона, а изъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ съ каждымъ годомъ извлекается все больше лѣсного матеріала: 4,6 милл. куб. сажень въ 1895 году, тогда какъ только 3,6 милл. въ 1894 г. и 2,8 милл. въ 1892 г. Отмѣтимъ также усиленное поступленіе выкупныхъ платежей: въ 1895 году ихъ поступило 101.297,346 рублей, почти на 8½ миллионѣвъ больше, чѣмъ въ 1894 г. Объяснительная записка по *Отчету* государственнаго контроля приписываетъ это «обильнымъ урожаямъ послѣднихъ трехъ лѣтъ, изъ которыхъ наименѣе обильный урожай 1895 года, несмотря на значительное сокращеніе площади посѣва въ 60 губерніяхъ Европейской Россіи (63,3 миллионъ десятинъ, противъ 64,66 милл. десятинъ въ 1894 г.), превысилъ, судя по даннымъ центральнаго статистическаго комитета, урожай 1888 года, который въ свое время признавался блестящимъ. Немаловажную долю вліянія на успѣшное поступленіе выкупныхъ платежей слѣдуетъ, кромѣ того, приписать развитію въ послѣдніе годы желѣзнодорожныхъ и другихъ строительныхъ работъ, а также общему оживленію промышленности, доставившему новые заработки рабочему населенію» (стр. 30). Поступленіе выкупныхъ платежей, бывшее довольно успѣшнымъ, уменьшило сумму недоимокъ. Итогъ недоимокъ по выкупнымъ платежамъ, составлявшій въ началѣ 1895 года 94½ миллионъ рублей, уменьшился въ концѣ его до 91½ миллионъ. Изъ общей суммы недоимокъ по выкупнымъ платежамъ около 9/10 числится за населеніемъ 19 губерній, наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая въ 1891—92 годовъ. Въ этихъ губерніяхъ годовой окладъ выкупныхъ платежей составляетъ въ 1895 году 55.319,060 рублей, а сумма недоимокъ, достигавшая 1 января 1895 года 84.299,004 рублей, опустилась на 1 января 1896 года до 80.834,123 рублей. Однако, суммы недоимокъ такъ велики, что нельзя усвоить оптимистическое воззрѣніе государственнаго контроля. Въ Бессарабской и Подольской губерніяхъ недоимки составляютъ только 4% и 2%, годового оклада. Во всѣхъ же остальныхъ онѣ превышаютъ 10%, причѣмъ только въ трехъ (Вятской, Херсонской и Курской) не достигаютъ 100% годового оклада, а въ 15 онѣ превышаютъ 100%. Изъ 15 нужно отмѣтить 2 губерніи, гдѣ недоимки превышаютъ 200% годового оклада, 4, гдѣ онѣ превышаютъ 300%, и 1, гдѣ онѣ составляютъ 493%. Наибольшія абсолютныя цифры недоимокъ падаютъ на губерніи: Казанскую 12.454,687 рублей (355% годового оклада) и Самарскую—10.948,589 р. (342%). Относительно же всего больше обременена недоимками по выкупнымъ платежамъ Оренбургская губернія—492%. По нѣкоторымъ губерніямъ къ концу 1895 года замѣчается увеличеніе недоимокъ сравнительно съ его началомъ: въ Пермской губерніи съ 104% годового оклада до 110% „ въ Саратовской—съ 121% до 124%, въ Воронежской—съ 163% до 164% „ въ Нижегородской—съ 288% до 306%, въ Псковской—съ 45% до 103% и въ Орловской—съ 472% до 492%.

Если же оглянемся на пройденное десятилѣтіе, то увидимъ, что государственные доходы, не считая желѣзнодорожнаго, увеличились на огромную

сумму—почти 307¼ милліона рублей или 42%: въ 1886 году обыкновенные доходы составляли почти 719 милліоновъ, а въ 1895—они превысили 1,026½ милл. рублей. Относительно погоднаго увеличенія государственныхъ доходовъ 1895 годъ занимаетъ въ истекшемъ десятилѣтіи среднее мѣсто: въ 1892, 93 и 94 годахъ доходы, сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, возрастали слишкомъ на 50 милліоновъ (minimum въ 1893 г.—около 58¼ милліоновъ, максимумъ въ 1894 г.—меньше 78 милліоновъ). 1895 годъ со своимъ увеличеніемъ доходовъ слишкомъ на 36¾ милліона рублей всего болѣе подходитъ къ 1888 и 89 годамъ: въ каждомъ изъ этихъ годовъ, сравнительно съ предыдущимъ, доходы увеличились болѣе, чѣмъ на 33 милліона.

Государственные расходы за 1895 годъ достигли 1,138 милл., почти на 10 милл. ниже смѣты. Сравнительно съ 1894 годомъ общая сумма расходовъ увеличилась почти на 139 милл. Такое крупное увеличеніе было вызвано, главнымъ образомъ, слѣдующими затратами: до 25¼ милл. на перевооруженіе арміи и флота, 12½ милл. на улучшеніе казенныхъ и частныхъ желѣзныхъ дорогъ, 39 милл., составляющихъ обороты желѣзныхъ дорогъ, которыя перешли въ казну (бывшаго главнаго общества, риги-орловской и лозово-севастопольской), а также расходы на подготовительныя мѣры ко введенію винной монополіи въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Если же мы возьмемъ одни текущіе расходы, то увеличеніе въ 1895 году противъ предыдущаго составитъ до 29¾ милл. Такой результатъ получился вслѣдствіе того, что по нѣкоторымъ вѣдомствамъ расходы увеличились на сумму до 35¾ милл., а по другимъ уменьшились почти на 6 милл. Во главѣ вѣдомствъ, вызвавшихъ увеличеніе расходовъ, стоитъ военное (слишкомъ на 14¼ милл.), министерство путей сообщенія (до 10¼ милл.), система государственнаго кредита (до 7½ милл.), морское министерство (до 2¼ милл.). Еще по нѣкоторымъ вѣдомствамъ превышеніе расходовъ 1895 года, сравнительно съ расходами за 1894 г., составляетъ для каждаго до 1 милл. По нѣкоторымъ же вѣдомствамъ послѣдовало уменьшеніе расходовъ; наибольшее относится къ министерству финансовъ (больше 3¾ милл.). Второе мѣсто принадлежитъ министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ съ уменьшеніемъ расходовъ почти на 1½ милл. Последнее мѣсто занимаетъ министерство народнаго просвѣщенія, которое израсходовало въ 1895 г. на 26,804 р. меньше, чѣмъ въ 1894 г.

Мы не удивляемся, что наибольшее увеличеніе расходовъ падаетъ на военное вѣдомство и систему государственныхъ долговъ; общественная жизнь всѣхъ такъ называемыхъ великихъ державъ развивалась до сихъ поръ въ томъ направленіи, что войско поглощаетъ наибольшую сумму государственныхъ расходовъ. Но сбереженія въ вѣдомствѣ министерства земледѣлія и народнаго просвѣщенія положительно ставятъ читателя въ тѣнь. Можно подумать, что бюджетъ нашего министерства земледѣлія и просвѣщенія падень, что всѣ потребности этой сферы управленія удовлетворены. А между тѣмъ на всѣ его расходы отпускаются изъ государственнаго казначей-

ства не полных 30 милл. въ годъ. Министерство земледѣлія уменьшаетъ свои расходы почти на $1\frac{1}{2}$ милл. руб., а его вѣдѣнію подлежитъ цѣлый рядъ работъ, которыя должны бы быть ведены въ гораздо большихъ размѣрахъ, нежели то дѣлается. Работы по осушенію, орошенію, оводненію, облѣсенію ведутся въ очень скромныхъ рамкахъ, кустарная промышленность имѣетъ ничтожную поддержку въ какихъ-нибудь 80,000 руб., а въ министерствѣ обнаруживается экономія. Лучше бы не было вовсе экономіи и заботы о разныхъ сторонахъ земледѣльческаго промысла осуществлялись бы по болѣе крупному масштабу. Сбереженіе по министерству народнаго просвѣщенія незначительно, но оно характерно въ виду общей постановки этого дѣла въ Россіи. Народное образованіе развивается крайне медленно, и большая часть дѣятелей на этомъ поприщѣ поставлена въ самое стѣсненное положеніе. Отчего бы министерству народнаго просвѣщенія, вмѣсто экономірованія 27,000 руб., не ассигновать ихъ на снабженіе учебными пособиями народныхъ школъ, которыя особенно нуждаются (а имя имъ—легионъ) или на выдачу наградныхъ учителямъ и учительницамъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они получаютъ особенно скудное содержаніе. Уменьшеніе расхода выражается абсолютно въ небольшихъ цифрахъ, но и принципиально, вслѣдствіе печальнаго положенія всего школьнаго дѣла, для него нѣтъ основанія.

Отчетъ государственнаго контроля содержитъ данныя и о нашемъ государственномъ долгѣ. Срочные долги металлическіе составляютъ около $2,934\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей золотомъ и около $1,275\frac{1}{2}$ милліоновъ кредитныхъ. А безсрочные долги составляютъ около 64 милліоновъ золотомъ и $1,540\frac{1}{2}$ милліоновъ руб. кредитныхъ. Въ этому присоединяется безпроцентный долгъ слишкомъ въ $769\frac{1}{2}$ милл. кредитныхъ рублей. Въ переложеніи на процентную валюту долгъ составлялъ 6.592,624,086 р. Въ теченіе 1895 года произошли перемены въ разныхъ отдѣлахъ государственныхъ долговъ, вслѣдствіе чего общая сумма долга возросла къ концу года почти на $22\frac{1}{2}$ милліона рублей кредитныхъ. Если сопоставить два крайнихъ года истекшаго десятилѣтія—1886—1895 то окажется, что государственный долгъ увеличился почти на 278 милліоновъ рублей. Мы не включаемъ сюда желѣзно-дорожнаго долга, такъ какъ его возрастаніе соответствуетъ увеличенію матеріальнаго актива казны, вслѣдствіе перехода въ ея собственность выкупленныхъ желѣзныхъ дорогъ; послѣднія увеличились на 1,106,4 милліона рублей.

Въ 1895 году свободная наличность государственнаго казначейства почти достигла $751\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей кредитныхъ, въ которыхъ бы о около 266 милліоновъ рублей золотомъ. Но больше половины этой наличности должно было пойти на покрытіе разныхъ расходовъ, и чистый убытокъ опредѣлялся суммою около $333\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей кредитныхъ. Къ 1 января 1896 года она составила всего около 274 милліоновъ рублей; такимъ образомъ въ теченіе года она уменьшилась на $59\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей.

Въ печати очень часто ссылаются на свободную наличность государственнаго казначейства, какъ на доказательство цвѣтущаго состоянія русскихъ финансовъ. Однако, внимательное изученіе цифръ, относящихся до послѣдняго десятилѣтія, вовсе не оправдываетъ такого мнѣнія. Къ 1 января 1896 года свободная наличность государственнаго казначейства составляла почти 96 милліоновъ кредитныхъ рублей; то увеличиваясь, то уменьшаясь, она дошла къ 1 января 1896 года почти до 274 милліоновъ, т.-е. возросла на 178 милліоновъ. А за тотъ же десятилѣтній періодъ государственный долгъ возросъ на 278 милліоновъ, т.-е. увеличился на 100 милліоновъ больше, чѣмъ свободная наличность.

Отчетъ содержитъ свѣдѣнія, касающіяся русскаго желѣзно-дорожнаго дѣла. Казна сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ все большую часть желѣзно-дорожной сѣти: къ 1 января 1896 года ей принадлежали 22,466 верстъ, 70% всей русской сѣти. Большая часть желѣзныхъ дорогъ или дала убытокъ, или же очень малую прибыль. Крупные доходы дали дороги: николаевская, московско-курская, закавказская, полѣсская; значительную прибыль дали дороги харьково-николаевская и екатерининская. А самые крупные недоборы обнаружались на дорогахъ петербургско-варшавской и самаро-златоустовской. За 1895 годъ доходность желѣзныхъ дорогъ была выше, чѣмъ въ предыдущемъ году и чистый доходъ, который, по смѣтѣ, долженъ былъ составить 70 милліоновъ рублей, достигъ въ дѣйствительности 89½ милліоновъ. На нѣкоторыхъ дорогахъ количество грузовъ малой скорости значительно превысило смѣтныя исчисленія: на екатерининской ихъ было перевезено 315 милліоновъ пудовъ, вмѣсто предполагаемыхъ 280 милліоновъ, на харьково-николаевской—199½ милліоновъ, вмѣсто 166 милл. и т. д.

Мы находимъ въ отчетѣ также нѣкоторыя свѣдѣнія относительно спеціальныхъ средствъ и капиталовъ въ распоряженіи правительственныхъ учреждений. Первое мѣсто среди спеціальныхъ капиталовъ занимаетъ обще-имперскій продовольственный смирноухъ въ 178 милліоновъ рублей; но изъ нихъ находится на-лицо только около 4 милліоновъ; остальное же числится въ долгахъ. Второе мѣсто принадлежитъ суммамъ эмеритальныхъ и пенсіонныхъ кассъ — до 163¼ милліоновъ. Капиталы учебныхъ заведеній и стипендіальные доходять до 47 милліоновъ. Инвалидный и разные благотворительные капиталы превышаютъ 42¼ милліона. Обращаетъ на себя вниманіе весьма скромная сумма капиталовъ учебныхъ учреждений, правительственныхъ изданій, музеевъ, библіотекъ и т. д.: она составляетъ всего около 2.176,000 рублей.

Изученіе цифръ, которыя содержитъ отчетъ государственнаго контроля, представляетъ прійти къ выводу, что въ отношеніи финансовъ 1895 годъ вышелъ удовлетворительно. Въ одномъ изъ ближайшихъ обзорѣній, при составленіи государственной росписи на 1897 годъ, мы покажемъ, слѣдуетъ заключить на основаніи фактовъ изъ хроники нашихъ финансовъ, что народное хозяйство находится въ удовлетворительномъ состояніи.

Въ ноябрѣ происходила вторая сессія сельско-хозяйственнаго совѣта. Сессія открылась рѣчью А. С. Ермолова, что тяжелый кризисъ, отъ котораго такъ страдаетъ наше земледѣліе, еще не миновалъ и нужно принять рядъ мѣръ, которыя бы смягчили его. Однимъ изъ главныхъ вопросовъ, надъ которыми работалъ совѣтъ, былъ вопросъ о мѣстныхъ органахъ министерства земледѣлія. По проекту департамента земледѣлія, мѣстные органы должны быть губернскими. Теперь еще преждевременно создавать особое самостоятельное представительство для каждаго уѣзда, но неудобно и соединеніе для этой цѣли нѣсколькихъ губерній въ одинъ районъ. Уполномоченными должны быть лица, заявившія о себѣ дѣятельностью на поприщѣ сельскаго хозяйства или близкихъ къ нему отрасляхъ. Органами будутъ особыя, обязательно образуемые при каждомъ земствѣ коллегіальныя сельско-хозяйственно-экономическія органы. При этомъ земства сохранять полную самостоятельность въ опредѣленіи и состава этихъ органовъ, и порядки ихъ дѣятельности. Участвующіе въ этихъ совѣтахъ губернскіе представители министерства земледѣлія будутъ направлять мѣстныя начинанія по сельскому хозяйству. Именно такія начала и были положены въ основаніе сужденій совѣта о мѣстныхъ органахъ по земледѣлію. Независимо отъ частныхъ дѣла, которыя вызвали различную оцѣнку со стороны членовъ совѣта, явилось разногласіе и относительно самаго существеннаго пункта,—того, кто именно долженъ организовать новыя коллегіальныя учрежденія. Одни члены высказывались за то, что устройство намѣченныхъ мѣстныхъ органовъ должно быть предоставлено земскимъ собраніямъ, а другіе настойчиво проводили мысль, что сельско-хозяйственный совѣтъ, въ текущей сессіи, долженъ разработать планъ во всѣхъ подробностяхъ. Серьезныя разногласія обнаружались по тому пункту, слѣдуетъ ли обязательно создавать такія коллегіальныя учрежденія, помимо земскихъ управъ. И хотя большинство членовъ сельско-хозяйственнаго совѣта высказалось за обязательность устройства такихъ органовъ, однако было поставлено на видъ, что рѣшеніе въ пользу обязательности можетъ быть потому не удобно, что не всѣ земства располагаютъ личными силами и матеріальными средствами, необходимыми для успѣха дѣла. Сторонники мысли объ обязательномъ введеніи подобныхъ органовъ мотивировали свое положеніе тѣмъ, что дѣятельность земства на пользу сельскаго хозяйства была наиболѣе плодотворна именно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ были учреждены особыя экономическія совѣты, что это дѣло приобрѣло довольно большую популярность, и стоить только признать такіе органы обязательными, и всѣ земства позаботятся объ ихъ учрежденіи. Въ концѣ-концовъ, совѣтъ пришелъ къ заключенію, что не слѣдуетъ дѣлать обязательнымъ устройство подобныхъ учреждений: нужно только рекомендовать земствамъ ихъ организваніе. Дабы была закрѣплена связь между министерствомъ земледѣлія и земствами, совѣтъ постановилъ и созданіе особой должности *уполномоченныхъ по сельскому хозяйству*. На обязанность уполномоченнаго возлагается: участвовать съ правомъ голоса въ коллегіальныхъ сельско-хозяй-

ственныхъ учрежденіяхъ губернскаго и уѣздныхъ земствъ, отдѣленіяхъ крестьянскаго и дворянскаго банковъ, въ организovanіи и веденіи сельскохозяйственныхъ начинаній, предпринимаемыхъ соединенными силами правительства и мѣстныхъ установленій, участвовать съ совѣщательнымъ голосомъ (по приглашенію предсѣдателя) въ губернскомъ и уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ для разсмотрѣнія сельско-хозяйственныхъ вопросовъ. Къ этому можно было бы приобщить и нѣкоторыя другія функціи, возлагаемыя на уполномоченныхъ.

Совѣтъ удѣлилъ значительную часть своего времени обсужденію лѣсоохранительнаго закона. За послѣдніе годы въ министерство земледѣлія поступило много ходатайствъ отъ лѣсовладѣльцевъ относительно тѣхъ или другихъ льготъ въ пользованіи лѣсами. Работа совѣта надъ этимъ вопросомъ выяснила его такимъ образомъ, что нѣтъ надобности дѣлать въ лѣсоохранительномъ законѣ какія-либо крупныя измѣненія: нужно только внести нѣкоторыя частичныя добавленія и улучшенія. Таковымъ является болѣе точное опредѣленіе въ законѣ признаковъ опустошительной рубки, облегченіе порядка составленія плановъ хозяйствъ, увеличеніе числа казенныхъ лѣсныхъ и межевыхъ техникумовъ. Однако, совѣтъ высказался и за то, чтобы въ отдѣльныхъ случаяхъ для лѣсовладѣльцевъ допускались изыятія изъ того образа дѣйствій, который предписывается закономъ, и измѣненіе того плана хозяйства, который былъ утвержденъ лѣсоохранительнымъ комитетомъ. Когда лѣсовладѣльцы хлопчутъ объ изыятіяхъ, то между ними и лѣсоохранительными комитетами, въ качествѣ посредниковъ, должны становиться земскія управы. Полная форма, въ которую будутъ облекаться изыятія, состоитъ въ томъ, что, согласно съ мнѣніемъ большинства совѣта, въ нѣкоторыхъ случаяхъ управляющіе государственными имуществами будутъ имѣть право собственною властью утверждать планы лѣсного хозяйства.

Третій крупный вопросъ, который былъ предложенъ совѣту, касался плана сельско-хозяйственнаго образованія. Планъ сельско-хозяйственнаго образованія, предложенный совѣту, былъ резюмированъ въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) Широкая постановка сельско-хозяйственнаго образованія необходима для успѣховъ сельскаго хозяйства. 2) Для насажденія необходимыхъ знаній, нужно устроить сельско-хозяйственныя учебныя заведенія существующихъ типовъ, а также создать новыя установленія учебнаго характера. Сельско-хозяйственныя учебныя заведенія, количественно и качественно, должны быть согласованы съ различными потребностями отдѣльныхъ сельско-хозяйственныхъ районовъ. Такимъ образомъ необходимо открыть на высшій сельско-хозяйственный институтъ, среднія и низшія сельско-хозяйственныя училища въ разныхъ районахъ, а также школы для различныхъ специальныхъ отраслей сельскаго хозяйства—огородничества, молочно-го дѣла, пчеловодства и проч. 3) Всѣ эти учебныя заведенія могутъ быть открываемы по мѣрѣ отысканія средствъ изъ мѣстныхъ источниковъ и по мѣрѣ ассигнованія на эти цѣли средствъ изъ государственнаго казна-

тейства. 4) Завѣдываніе сельско-хозяйственнымъ образованіемъ должно быть сосредоточено въ министерствѣ земледѣлія, при содѣйствіи его мѣстныхъ органовъ, при сотрудничествѣ земствъ, сельско-хозяйственныхъ обществъ, а также при помощи особыхъ должностныхъ лицъ—инспекторовъ сельско-хозяйственныхъ школъ, которыхъ было бы полезно учредить.

Вотъ главные вопросы; разсмотрѣнные сельско-хозяйственнымъ совѣтомъ. Если оцѣнить и самые эти вопросы, и отношеніе къ нимъ сельско-хозяйственнаго совѣта, то придетъ къ заключенію о полной бесплодности и этой, второй, сессіи.

Какъ только было учреждено министерство земледѣлія, въ его канцеляріяхъ стали выработываться одинъ за другимъ проекты мѣстныхъ органовъ этого министерства. Бюрократическая складка, проникающая въ Россіи работы всѣхъ административныхъ мѣстъ и лицъ, сказалась въ отношеніи министерства и по этому вопросу. Различаясь въ частностяхъ, проекты имѣютъ ту общую черту, что намѣчаютъ особые органы—то единоличныя, то коллегіальныя, которые, совмѣстно съ земствами и сельско-хозяйственными обществами, служили бы посредниками между министерствомъ и нуждами сельскаго хозяйства въ данной мѣстности. Въ воображеніи составителей всѣхъ этихъ проектовъ живо воскресаютъ заманчивыя стороны такого порядка: если большая часть членовъ этихъ совѣтовъ или комитетовъ и не будутъ получать жалованья (но никто же серьезно не думаетъ, что они будутъ работать), то нѣкоторые—дадимъ имъ наименованіе уполномоченныхъ министерства земледѣлія, инспекторовъ сельскаго хозяйства или какое-либо иное—будутъ получать приличный окладъ. При всѣхъ этихъ проектахъ, по невѣдѣнію или намѣренно, упускается изъ вида, что на мѣстахъ уже есть готовая организація, которая можетъ быть отлично и безъ дальнѣйшихъ трудностей приноровлена къ тому, чтобы быть мѣстнымъ органомъ министерства земледѣлія. Такой организаціей являются земства и притомъ не только по духу и буквѣ закона, но и по тѣмъ слѣдамъ, которые уже оставлены земствомъ въ этой области. Съ конца 70 годовъ нѣкоторые земства учредили экономическіе совѣты, ввели агрономическихъ смотрителей и развили дѣятельность въ направленіи разныхъ сторонъ сельскаго хозяйства. Губерніи Вятская, Пермская, Московская, Нижегородская наиболѣе потрудились въ этой области. Отметимъ также, что дѣятельность земствъ въ этомъ направленіи представляетъ большое разнообразіе. Захотимъ мы отыскать въ исторіи земства данныя объ образцовыхъ фермахъ и о той многосторонней дѣятельности, которую обыкновенно ведетъ образцовая ферма,—и мы находимъ ее во всѣхъ уѣздахъ губерній Вятской, Пермской, во многихъ уѣздахъ губерній Московской, Новгородской, Уфимской, Херсонской и другихъ. Роды удобрений почвы, способы пользованія удобрениями принадлежатъ къ числу наиболѣе важныхъ заботъ сельскаго хозяйства,—и вотъ мы видимъ, что въ отдаленныхъ углахъ Россіи много работаютъ надъ рѣшеніемъ этой задачи. Пермской губерніи, особенно въ уѣздахъ Камышловскомъ, Красноуфим-

скомъ, Осинскомъ, Чердынскомъ были испытаны разныя удобрения: известь, почное золото, жжевая кость, сосновая хвоя, голубинный пометъ, торфъ, перепрѣвшія болотистыя кочки, зола, зеленое удобрение. Крестьяне научились многому изъ этихъ опытовъ и усвоили относительно удобрений болѣе совершенныя приемы. Такъ, во многихъ селеніяхъ Охинскаго и Пермскаго уѣздовъ, зеленое удобрение получило большую популярность; въ Чердынскомъ—въ качествѣ удобрения стали все чаще примѣняться торфъ и известь. Крестьяне нѣкоторыхъ селеній Глазовскаго, Елабужскаго и Мамыжскаго уѣздовъ Вятской губерніи также начали пользоваться разными удобрениями, кромѣ навознаго. И во всѣхъ случаяхъ земскія опытные станціи и образцовыя фермы служили проводниками новыхъ приемовъ. Распространеніе земствами, фермами и агрономическими смотрителями улучшенныхъ сѣмянъ и орудій представлено такимъ большимъ числомъ примѣровъ, что было бы затруднительно даже перечислить ихъ. Развитіе производствъ, связанныхъ съ сельскимъ хозяйствомъ—болѣе сложное дѣло, но и эта область даетъ интересныя факты. Производства маслосѣльное, сыроваренное, крахмальное, затѣмъ смолокурное, вѣрныхъ маселъ, скипидарное—вотъ отрасли, надъ развитіемъ которыхъ трудились земства многихъ уѣздовъ Вятской, Пермской, Казанской, Тверской, Новгородской и другихъ губерній. Мы находимъ въ дѣятельности земскихъ агрономическихъ смотрителей даже то, что относится къ наиболѣе неблагоприятнымъ отраслямъ хозяйства: содѣйствіе разведенію лѣсовъ. Посѣвы лѣса были выполнены подъ руководствомъ агрономическихъ смотрителей съ крестьянами нѣкоторыхъ селеній въ уѣздахъ Оханскомъ, Осинскомъ, Красноуфимскомъ и другихъ.

Такимъ образомъ, на мѣстахъ есть готовыя организаціи, способныя служить мѣстнымъ учрежденіямъ для заботъ о сельскомъ хозяйствѣ. Для развитія этихъ организацій и введенія ихъ тамъ, гдѣ они еще неизвѣстны, необходимо слѣдующее: 1) Увеличеніе средствъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ ассигнованіями министерства земледѣлія именно на повсемѣстное введеніе экономическихъ совѣтовъ и расширеніе ихъ дѣятельности тамъ, гдѣ они уже существуютъ. Ассигнуя на этотъ предметъ ежегодно нѣкоторыя средства и предоставляя сельскимъ земствамъ развитъ дѣятельность въ этомъ направленіи, министерство имѣло бы въ недалекомъ будущемъ на мѣстахъ такіе пункты, къ которымъ сходились бы всѣ интересы сельскаго хозяйства даннаго района. Увеличеніе средствъ и расширеніе дѣятельности земскихъ опытныхъ станцій и агрономическихъ смотрителей было бы выгодно какъ для мелкаго хозяйства крестьянскаго, такъ и для руннаго, ибо каждое хозяйство, независимо отъ своихъ размѣровъ, можетъ извлечь пользу изъ опытовъ, которые производятся надъ породами ѣса, новыми растеніями, мало извѣстными видами удобрений. 2) Но недостаточнаго увеличенія матеріальныхъ средствъ, которыя земства могли бы затрачивать на это дѣло. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1890 г. несло въ земскую жизнь нежелательныя элементы. Полное подчиненіе зем-

ства администраціи, лишеніе его и той скромной доли самоопредѣленія, которю оно пользовалось согласно съ положеніемъ 1864 года, отдалили отъ земской дѣятельности многихъ почтенныхъ дѣятелей. Въ провинціи, вдали отъ шума, грохота, отъ рекламы, порядочные люди, посвящающіе себя общественной дѣятельности, придаютъ особенное значеніе тому, чтобы эта дѣятельность, скромная, мало замѣтная, оставляла слѣды и связывала имя дѣятелей съ преуспѣяніемъ извѣстной стороны народной жизни. Но объ этомъ нельзя и мечтать при зависимости, въ которую поставлено земство отъ губернской администраціи. Вотъ почему въ земской дѣятельности замѣчается много пробѣловъ, почему часто не видишь желанной энергіи, преданности дѣлу и нужной подготовки. Никакія пожеланія министерства земледѣлія и никакіе циркуляры не смогутъ побѣдить отчужденность лучшихъ людей отъ земской жизни. Ихъ сможетъ устранить только измѣненіе нынѣ дѣйствующаго положенія, возвратъ къ началамъ положенія 1864 года и дальнѣйшее развитіе земской жизни въ духѣ этихъ началъ. Смутное чувство этого можетъ быть подмѣчено и въ занятіяхъ сельско-хозяйственнаго совѣта, несмотря на всю безпѣдность только-что окончившейся сессіи. Было указано на необходимость измѣненія закона о земскихъ учрежденіяхъ, дабы расширить заботы земства о сельскомъ хозяйствѣ. И было съ удареніемъ говорено о томъ, что измѣненіе закона 1890 года преждевременно, такъ какъ законъ дѣйствуетъ еще недавно. Мы вамъ развили первую часть этого положенія и рѣшительно отказываемся принять вторую. Уклоненіе отъ того, чтобы измѣнить законъ въ виду непродолжительности его дѣйствія, не можетъ быть оправдано: разъ законъ мѣшаетъ такому развитію самоуправленія, какое необходимо для преуспѣянія общественной жизни, то и нечего медлить съ его измѣненіемъ.

Подобное же безпѣтное отношеніе находимъ мы въ сельско-хозяйственномъ совѣтѣ и къ лѣсоохранительному закону. Въмѣсто того, чтобы отмѣтить частыя нарушенія этого закона и не прекращающееся истребленіе лѣсовъ, совѣтъ одобряетъ изытаніе отъ подчиненія закону лѣсовладѣльцевъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, хотя лѣсоохранительные комитеты допускаютъ изытаніе чуть ли не во всѣхъ случаяхъ и сводятъ законъ къ мертвой буквѣ.

И по вопросу о сельско-хозяйственномъ образованіи не было сказано ничего, что не было бы давнымъ-давно извѣстно. Кто же не знаетъ, что необходимы и разные типы сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній и согласованіе ихъ съ потребностями отдѣльныхъ районовъ. Безцѣльность этихъ разсужденій выступаетъ особенно ярко послѣ высказаннаго положенія, что разныя сельско-хозяйственныя училища будутъ учреждаемы «по мѣрѣ отысканія средствъ изъ мѣстныхъ источниковъ и ассигнованій изъ государственнаго казначейства». Мы видимъ, что со стороны министерства земледѣлія нѣтъ недостатка въ добрыхъ пожеланіяхъ, но эти пожеланія не давали до сихъ поръ никакихъ результатовъ.

Вторая сессія сельско-хозяйственнаго совѣта была совершенно без-

плодна. Навѣрное, получились бы болѣе замѣтные результаты, еслибы въ совѣтъ участвовали не одни представители крупнаго землевладѣнія, но и члены разныхъ сельскохозяйственныхъ группъ, способные представлять всѣ интересы сельскаго хозяйства.

Какъ читатели знаютъ изъ правительственнаго сообщенія, напечатаннаго въ декабрьской книжкѣ нашего журнала, въ Московскомъ университетѣ происходили студенческіе беспорядки, отразившіеся и въ другихъ университетахъ. Печать привѣтствовала правительственное сообщеніе, открывавшее возможность обсужденія печальныхъ событій и мѣръ къ ихъ устраненію на будущее время. Изъ статей, помѣщенныхъ по этому поводу въ разныхъ изданіяхъ особенно выдѣляется статья князя С. Н. Трубецкаго, приватъ-доцента Московскаго университета, напечатанная въ № 354 *Петербургскихъ Вѣдомостей*. Она написана горячо, ставитъ вопросъ ясно и опредѣленно. Авторъ справедливо указываетъ, что уставомъ 1884 года былъ нанесенъ ударъ идеѣ университета. «Теперь,—говоритъ князь Трубецкой,—профессорская корпорація фактически уничтожена и остались отдѣльные профессора, назначаемые непосредственно министерствомъ, не имѣющіе сами по себѣ никакого участія въ управленіи университетомъ и никакого опредѣленнаго отношенія къ студентамъ помимо лекцій и занятій, вѣдущихся по программѣ, утвержденной министерствомъ».

Мы согласны съ княземъ С. Н. Трубецкимъ и въ томъ, что студенчество должно имѣть упорядоченное академическое устройство. Въ основу такого устройства могли бы быть поставлены студенческія землячества. Они фактически существуютъ много лѣтъ. Мы думаемъ, что нѣтъ основаній не признать ихъ закону. Товарищеская взаимопомощь и научный трудъ должны быть содержаніемъ ихъ дѣятельности. Конечно, и при такихъ условіяхъ отдѣльные студенты могутъ производить беспорядки или увлекаться какою-либо политическою пропагандою, уклоняясь отъ основной задачи университетской жизни; но эти беспорядки и увлеченія будутъ беспорядками и увлеченіями опредѣленныхъ студентовъ, а не студенческими. Мы убѣждены, кромѣ того, что они станутъ крайне рѣдкими: атмосфера независимаго академическаго труда и чувство нравственной и экономической товарищеской солидарности придадутъ университетской жизни спокойное и благотворное теченіе, и многочисленнымъ семьямъ и всему обществу не придется оплакивать загубленныхъ юношескихъ силъ.

О п р о в е р ж е н і е .

(Печатается по распоряженію Главнаго Управленія по дѣламъ печати).

Въ сентябрьской книгѣ *Русской Мысли* (стр. 156—157) за настоящій годъ г. Иванюковъ, въ своихъ *Очеркахъ провинціальной жизни*, говоритъ, между прочимъ, о закрытіи Коротоякскимъ училищнымъ совѣтомъ училища въ с. Олень-Колодезѣ, причеиъ, основываясь на «достоверномъ источникѣ», оканчиваетъ свою замѣтку слѣдующими словами: «Ждемъ съ живымъ интересомъ окончанія этой прискорбной исторіи, полной беззаконія и несправедливостей, гдѣ школа, учитель и учительница были принесены беззащитно въ жертву разнымъ постороннимъ соображеніямъ, возникшимъ изъ мелочныхъ дразгъ захолустной жизни». Въ виду односторонняго освѣщенія этой, дѣйствительно прискорбной, каковою признаетъ ее и Коротоякскій училищный совѣтъ, исторіи, она возмутила г. Иванюкова, не постѣснявшагося закончить свою замѣтку не совсѣмъ приличною выходною по адресу Коротоякскаго училищнаго совѣта, обвиняя его въ беззаконіи.

Хотя авторъ *Очерковъ провинціальной жизни* и получилъ свѣдѣнія изъ «достовернаго источника» (приведены даже подлинныя выраженія постановленія училищнаго совѣта), но онъ слишкомъ довѣрился ему и, не зная настоящихъ условій этого закрытія, не замѣтилъ той не совсѣмъ вѣрной окраски, которую придалъ факту не безпристрастный корреспондентъ г. Иванюкова.

Вопросъ о закрытіи училища распадается на два вопроса (такъ его дѣлитъ и г. инспекторъ народныхъ училищъ въ своемъ протестѣ): 1) имѣли ли Коротоякскій училищный совѣтъ основанія для закрытія олень-колодезскаго училища и 2) имѣлъ ли совѣтъ законное право на подобное закрытіе.

На первый вопросъ отвѣтить обстоятельно довольно трудно; для того, чтобы понять печальное рѣшеніе училищнаго совѣта, надо быть мѣстнымъ жителемъ и знать то положеніе, въ какое поставлено училище въ с. Олень-Колодезѣ, и положеніе самого села, гдѣ мѣстная администрація была вы-

нуждена упразднить волость, не имѣя средствъ бороться съ мѣстными темными силами; въ такомъ точно положеніи оказался и Коротояескій училищный совѣтъ, убѣдившійся, что школа не только не можетъ служить въ борьбѣ съ возрастающимъ вліяніемъ сектантства, но, напротивъ, благодаря отсутствію постояннаго надзора, скорѣй готовитъ будущихъ враговъ церкви и государства. Вотъ убѣдившись въ подобномъ вредномъ направленіи училища, причѣмъ основаніемъ для этого послужило далеко не одно сообщеніе мѣстнаго исправника, какъ это предполагаетъ «достоверный источникъ», училищный совѣтъ предпочелъ признать себя бессильнымъ бороться со зломъ, но не способствовать тому, чтобы это зло исходило изъ школы, слѣдствіемъ чего и было признаніе необходимымъ закрыть училище, что и было сдѣлано въ засѣданіи 21 февраля этого года, а съ окончаніемъ учебнаго года это постановленіе и было приведено въ исполненіе.

Точно такъ же взглянуло на это дѣло и Коротояеское земское собраніе, которому подробно были доложены причины закрытія училища. Земское собраніе, признавъ необходимость закрытія училища, вмѣстѣ съ тѣмъ не желая лишать дѣтей возможности учиться, но только бы это ученіе приносило пользу, а не способствовало бы развитію въ нихъ атеизма, что возможно лишь при постоянномъ надзорѣ лица, могущаго развить въ нихъ любовь къ церкви и государю, каковымъ лицомъ можетъ служить мѣстный священникъ, живущій между ними, постановило, по моему предложенію, всю сумму, ассигнуемую на Олень-Болодезскую школу, передать въ распоряженіе епархіальнаго училищнаго совѣта съ тѣмъ, чтобы въ с. Олень-Болодезь было открыто церковно-приходское училище, чтобы учителемъ было назначено лицо, окончившее полный курсъ духовной семинаріи и извѣстное своими стойкими убѣжденіями и, кромѣ того, просить его превосходительство обратить особенное вниманіе на это училище, въ виду его исключительнаго положенія среди населенія, зараженнаго хлыстовскою ересью.

Вотъ причины закрытія, причины, которыхъ не пожелало узнать лицо, сообщившее г. Иванюкову объ этой «прискорбной исторіи», лицо близко стоящее къ Коротояескому училищному совѣту (сужу по приведеннымъ выпискамъ изъ постановленія училищнаго совѣта) и бросившее намъ обвиненіе въ беззаконіи нашего рѣшенія.

Но неужели насъ можно упрекнуть за то, что мы, сознавши невозможность въ данномъ случаѣ бороться со зломъ, передали дѣло въ другія руки, которыя, по нашему мнѣнію, болѣе могутъ быть полезными, чѣмъ мы?

Въ чемъ же тутъ беззаконіе? Не поступили ли мы согласно нашего долга и совѣсти? Или намъ слѣдовало закрыть на все это глаза, какъ этого хотѣлось нѣкоторымъ и объявить, что у насъ все обстоитъ благополучно, не думая о послѣдствіяхъ, какія можетъ принести такое преступное отношеніе къ своему долгу и обязанностямъ?

Отвѣтить на второй вопросъ о правѣ училищнаго совѣта закрыть училище гораздо легче,—стоитъ только заглянуть въ «Положеніе объ училищахъ».

Сошлюсь также на 11 ст., на которую ссылается и г. инспекторъ народныхъ училищъ. Она говоритъ: «Упомянутыя въ предыдущей статьѣ училища, въ случаѣ безпорядка и вреднаго направленія ученія, закрываются временно, по соглашенію предсѣдателя уѣзднаго училищнаго совѣта съ инспекторомъ народныхъ училищъ, окончательное же упраздненіе таковоу училища зависитъ отъ рѣшенія уѣзднаго училищнаго совѣта. Рѣшенія о временномъ закрытіи каковаго-либо училища принимаются не иначе, какъ по личномъ предсѣдателя училищнаго совѣта и инспектора народныхъ училищъ удостовѣреніи на мѣстѣ въ происшедшемъ безпорядкѣ или во вредномъ направленіи принятомъ училищемъ», т.-е. здѣсь говорится лишь о временномъ закрытіи училища властію предсѣдателя и инспектора, для чего и требуется предварительное дознаніе обоихъ этихъ лицъ, въ данномъ же случаѣ было окончательное закрытіе училища училищнымъ совѣтомъ, который при рѣшеніи, кромѣ 11 ст., основывался также и на ст. 29, въ которой указаны обязанности уѣзднаго училищнаго совѣта и гдѣ, между прочимъ, подъ № 6, мы читаемъ: «Упраздненіе училищъ признанныхъ вредными», т.-е. Коротоякскій училищный совѣтъ, признавши Олень-Колодезское училище вреднымъ, имѣлъ законное право, и не только имѣлъ, но былъ обязанъ закрыть его.

Что совѣтъ призналъ за собою это право, видно изъ того, что онъ несколько не хотѣлъ сдѣлать этого втихомолку, а напротивъ, одновременно съ рѣшеніемъ о закрытіи, постановилъ доложить причины закрытія земскому собранію и довести до свѣдѣнія гг. попечителя Харьковскаго учебнаго округа и воронежскаго губернатора.

Изъ сказаннаго, мнѣ кажется, ясно, что заключеніе г. Иванюкова о беззаконности нашего постановленія основано лишь на незнаніи «Положенія объ училищахъ», а заключеніе о *нелпности* и постороннихъ соображеніяхъ, возникшихъ изъ мелочныхъ дразгъ, основано на незнаніи условій училища и на излишней довѣрчивости къ «достовѣрному источнику».

А упрекъ, что мы послѣ экзаменовъ увезли учебники и отдали классную мебель на сохраненіе старшинѣ, я не понимаю, такъ какъ и теперь послѣ того, какъ г. Иванюковъ сказалъ, что мы скверно поступили, я никакъ не могу придумать, что нужно было сдѣлать съ учебниками и мебелью послѣ фактическаго закрытія школы. Неужели слѣдовало все это, принадлежащее училищному совѣту и могущее понадобиться для другого училища, оставить въ пустомъ зданіи, принадлежащемъ крестьянамъ?

Думается, что и въ этомъ училищный совѣтъ поступилъ правильно.

Предсѣдатель Коротоякскаго уѣзднаго училищнаго совѣта

Л. Савеловъ.

1896 годъ въ политическомъ отношеніи.

Тяжелое наслѣдіе оставилъ Европѣ минувшій годъ. Турецкія звѣрства надъ христіанскимъ населеніемъ имперіи, въ особенности надъ армянами, глубоко взволновали и возмутили образованный міръ. Всего сильнѣе негодованіе противъ злодѣйствъ турецкаго правительства и полудикаго магометанскаго населенія Европейской и Азіатской Турціи выразилось въ Англій. Всѣ партіи выступили съ горячими и рѣзкими протестами противъ тиранніи султана. Но старый грѣхъ европейской дипломатіи, — завистливое и подозрительное соперничество между великими державами, — лишило это благородное движеніе непосредственныхъ практическихъ результатовъ. Опасаясь важныхъ усложненій, которыя могло вызвать военное вмѣшательство съ цѣлью положить конецъ позорящимъ Европу избиеніямъ беззащитнаго населенія Турціи, великія державы рѣшили дѣйствовать дипломатическимъ путемъ. Кое-что ими уже достигнуто. Открытыя убійства и явные грабежи прекратились. На островѣ Критѣ приступили къ реформамъ, чтобы доставить грекамъ достаточно широкую автономію и безопасность отъ напастей правительства и фанатизированнаго мусульманскаго населенія. Но основная причина зла остается неустраненною и нѣтъ никакихъ обезпеченій въ томъ, что султанъ и его правительство не подымутъ вновь турокъ, курдовъ и другихъ полудикарей противъ несчастныхъ христіанъ. Одна Англія предлагала вооруженное вмѣшательство въ турецкія дѣла. Лордъ Салisbury публично заявлялъ, что убѣдить султана въ томъ, что надо управлять честно и справедливо, нѣтъ ни малѣйшей возможности. Полагаться на обѣщанія турецкаго правительства было бы непростительною чужбностью. Но великобританскій министръ-президентъ вынужденъ былъ признаться, что одностороннее вмѣшательство Англій было бы невозможно, другія государства не захотѣли прибѣгнуть къ такой рѣшительной мѣрѣ. Будемъ надѣяться, что европейская дипломатія станетъ дѣйствовать дружно и настойчиво, чтобы побѣдить лукавыя увертки турецкой дипломатіи и добиться для христіанскаго (да и магометанскаго) населенія въ царствѣ кадишаха обезпеченія жизни, имущества и гражданской свободы. На долю нашего отечества, при современныхъ дипломатическихъ отношеніяхъ, вы-

падаетъ въ высшей степени важная и благотворная роль. Наша внѣшняя политика съ самаго начала царствованія императора Николая II сумѣла отрѣшиться отъ крупныхъ ошибокъ недавняго времени и отчасти поправить вредныя для Россіи послѣдствія этихъ ошибокъ. Мы имѣемъ въ виду въ особенности примиреніе съ Болгаріей. Признаніе принца Кобургскаго законнымъ княземъ болгарскимъ положило конецъ крайне ненормальнымъ отношеніямъ державы-освободительницы къ освобожденному народу, который все болѣе и болѣе отчуждался отъ насъ. Другія вліянія пустили во время нашего дипломатическаго абсентеизма довольно глубокіе корни въ Болгаріи, и пора было подумать о восстановленіи подобающаго Россіи положенія на Балканскомъ полуостровѣ. Съ національной точки зрѣнія, по нашему мнѣнію, въ одинаковой степени вредно какъ стремленіе, которое проявляли нѣкоторые публицисты и дипломаты превратить Болгарію и Сербію въ русскія губерніи, такъ и уклоненіе отъ законной доли вмѣшательства въ международныя отношенія славянскихъ государствъ Балканскаго полуострова. Нѣтъ никакого основанія завистливо и враждебно относиться къ Австро-Венгріи, но плохая была бы политика, еслибъ мы безучастно относились къ политической жизни Черногоріи, Сербіи, Болгаріи. Мечтать о томъ, что славянскіе ручьи сольются въ русскомъ морѣ,—занятіе праздное; но солидарность многихъ интересовъ славянскихъ племенъ (въ особенности исповѣдующихъ православіе) есть фактъ, съ которымъ нельзя не считаться. Несомнѣнно съ другой стороны и то, что австро-вѣмецкіе, мадьярскіе и итальянскіе интересы нерѣдко сталкиваются съ славянскими, и умѣло защищать послѣдніе является, конечно, требованіемъ и благоразумія, и справедливости.

1896 годъ ознаменовался успѣхами нашей иностранной политики и на дальнемъ Востокѣ. Россія, ограничивъ при содѣйствіи Франціи и Германіи результаты японскихъ побѣдъ надъ Китаемъ, достигла заключенія съ Небесною имперіей договора о проведеніи желѣзной дороги черезъ Манджурію. Весьма вѣроятно, что при этомъ за нами обезпечено, въ той или иной формѣ, пользованіе незамерзающими портами на Великомъ океанѣ.

Сближеніе нашего отечества съ Франціей сдѣлалось еще тѣснѣе послѣ посѣщенія Парижа Ихъ Императорскими Величествами. Международное значеніе этого сближенія, какъ мы много разъ говорили, очень велико, хотя и односторонне. Еслибъ дипломатія достигла соглашенія англійскихъ и французскихъ интересовъ въ Египтѣ и англійскихъ и русскихъ въ Азін, то новая тройственная лига заняла бы въ мірѣ преобладающее положеніе. Англія идетъ на уступки, и ея стойкій національный эгоизмъ отнюдь не исключаетъ требованій справедливости и гуманности. Знаменательнымъ актомъ въ этомъ отношеніи является договоръ, заключенный англійскимъ правительствомъ съ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ: имъ узаконяется третейскій судъ во всѣхъ случаяхъ недоразумѣній и столкновеній между Великобританіей и Америкой. Газеты сообщаютъ, что едва ли въ сенатѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ составитя требуемое боль-

шинство для принятія этого договора. Это было бы весьма прискорбно, и хотѣлось бы вѣрить, что здравый англо-саксонскій политическій смыслъ не допуститъ отсрочки въ осуществленіи великаго принципа, устраняющаго страшное зло войны между просвѣщенными народами.

Брупныхъ событій во внутренней жизни западно-европейскихъ народовъ не произошло въ истекшемъ году. Въ Германіи парламентъ принялъ новое гражданское уложеніе для имперіи. Объ этомъ уложеніи *Русская Мысль* дастъ особую статью. Сильное впечатлѣніе въ Германіи и за предѣлами ея произвелъ процессъ, который выяснилъ, что политическая полиція опутала интригами и клеветами въ печати, разными фальсификаціями и ложными доносами императора и министровъ. Въ этихъ темныхъ предѣлахъ участвовали высокопоставленные лица, пользовавшіяся довѣріемъ Вильгельма II, а жертвою ихъ пало нѣсколько министровъ. Гласный и независимый судъ далъ удовлетвореніе возмущенному общественному мнѣнію и раскрылъ причины зла, т.-е. положилъ основаніе его искорененію. Германская печать отнеслась къ этому дѣлу съ большою чуткостью и достоинствомъ.

Въ Австріи введена избирательная реформа: на-ряду съ четырьмя до сихъ поръ существовавшими куріями избирателей (брупное землевладѣніе, торговныя палаты, городскія и сельскія общины) создана пятая, въ которой основаніемъ является всеобщая подача голосовъ. *Русская Мысль* своевременно говорила объ этой реформѣ. Она является только поправкою къ дѣйствующей и весьма неудовлетворительной системѣ выборовъ въ парламентъ, но во всякомъ случаѣ введетъ въ него свѣжіе народныя элементы. Кромѣ того, правильный политическій принципъ, разъ пробившій себѣ дорогу, будетъ неудержимо развиваться. Съ русской точки зрѣнія нельзя не привѣтствовать этого успѣха въ государственной жизни Австріи, потому что онъ усилитъ значеніе въ габсбургской монархіи славянскихъ племенъ и въ частности подыметъ значеніе русскихъ галичанъ, которые теперь не мало терпятъ отъ шляхетско-клерикальной партіи, господствующей въ Галиціи и въ польскомъ клубѣ парламента. Это послужитъ, разумѣется, на пользу самому польскому народу.

Слѣдуетъ отмѣтить расколъ въ партіи австро-нѣмецкихъ централистовъ, изъ которой выдѣлилась группа съ болѣе яркою либеральною программой. На централистахъ-нѣмцахъ, настойчиво называвшихъ себя либералами, накопилось столько грѣховъ противъ основныхъ требованій либерализма, что нельзя не привѣтствовать ихъ неудачъ. Национальная нетерпимость, упрямое стремленіе властвовать надъ славянами, были руководящими особенностями этой партіи въ теченіе многихъ уже лѣтъ.

Въ Венгріи произошли выборы въ парламентъ, доставившіе рѣшительную побѣду правительственной либеральной партіи. Но и мадьярскіе либералы не хотятъ допустить мысли о равноправности съ ними славянъ и румынъ, всячески стараются омадьярить ихъ, лишитъ родного языка и какихъ бы то ни было автономныхъ учрежденій. Мы много разъ отдавали

должное политической энергіи мадьяръ, ихъ въ свое время геройской борьбѣ за національную независимость; но нельзя не повторять обвиненій имъ въ деспотизмъ по отношенію къ другимъ національностямъ.

Консервативный кабинетъ въ Великобританіи имѣлъ нѣсколько неудачъ въ парламентѣ. Такъ не прошелъ нѣсколько реакціонный школьный законъ, имѣвшій въ виду усилить вліяніе на учебное дѣло англиканской церкви и оказать ей въ этомъ отношеніи и матеріальное содѣйствіе. Законопроектъ вмѣстѣ съ тѣмъ предлагалъ ввести въ управление народною школою децентрализацию, предоставивъ значительную власть выборнымъ совѣтамъ въ графствахъ. Либералы возстали противъ законопроекта, въ средѣ министерской партіи изъ-за него возникнулъ раздоръ, и дѣло кончилось тѣмъ, что правительство взяло свой проектъ назадъ. Потерпѣла Англія нѣсколько неудачъ и въ иностранной политикѣ. Такъ жестокое фіаско увѣнчало попытку Джемсона разбойнически напасть на республику боэровъ Южной Африки. Попытку эту готовилъ англо-африканскій Наполеонъ, Сесиль Родсъ, ей втайнѣ сочувствовало и правительство метрополи. Нравственный ударъ получила Великобританія и въ Египтѣ, такъ какъ всѣ инстанціи суда признали правильнымъ протестъ Россіи и Франціи противъ расходованія изъ кассы египетскаго государственнаго долга полумилліона фунтовъ стерлинговъ на донгольскую экспедицію. Деньги эти англійское правительство должно будетъ ссудить правительству хедива.

Либеральная англійская партія, спаянная еще недавно высокимъ авторитетомъ Гладстона, теперь представляетъ довольно прискорбное зрѣлище. Глубокій старикъ, — ему 87 лѣтъ, — Гладстонъ, вызванный общественнымъ теченіемъ, выступилъ съ громовою рѣчью противъ *великаго убійцы* (такъ знаменитый государственный человѣкъ называетъ турецкаго султана). Это послужило поводомъ къ тому, что лордъ Розберн сложилъ съ себя званіе лидера либеральной партіи, и преемника ему до сихъ поръ не избрано.

Во Франціи кабинетъ Леона Буржуа, вступившій въ борьбу съ сенатомъ на почвѣ довольно серьезныхъ финансовыхъ реформъ (имѣлось въ виду, между прочимъ, введеніе подоходнаго налога), счелъ себя вынужденнымъ, вслѣдствіе систематической враждебности сената, подать въ отставку. Замѣнившее его министерство Мелина (въ него вступилъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Ганото) поставило, кажется, своимъ девизомъ добра не портить, зла не уничтожать.

Италія, потерпѣвшая жестокое пораженіе отъ абиссинцевъ, имѣла, по крайней мѣрѣ, счастье избавиться отъ главнаго виновника несчастной африканской экспедиціи, Криспи. Кабинетъ Рудини заключилъ съ Менеликомъ не унижительный для Италіи миръ и стремится поправить финансовое положеніе страны. На первыхъ порахъ, опасаясь возвращенія къ власти Криспи, вождь крайней лѣвой, Кавалотти, поддерживалъ Рудини. Это повело даже къ ссорѣ его съ Имбриани и другими непримиримыми радикалами и республиканцами. Кавалотти, повидимому, имѣлъ основаніе надѣяться, что Рудини распустилъ нынѣшнюю палату съ криспанскимъ боль-

шинствомъ; но министр-президентъ предпочелъ иной путь и стремится теперь уладить свои отношенія именно къ этому большинству. Такая тактика повела къ разрыву между Кавалотти и Рудини.

Испанія продолжала весь прошлый годъ истощаться въ борьбѣ съ кубанскимъ возстаніемъ, къ которому присоединилось и возстаніе на Филиппинскихъ островахъ. Общественное мнѣніе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ высказывается противъ Испаніи, за необходимость если не отдѣленія Кубы отъ метрополи, то, по крайней мѣрѣ, за широкую автономію острова. Последнія извѣстія говорятъ о томъ, что есть надежда на улаженіе вопроса именно во второмъ направленіи. Во внутренней жизни Испаніи не произошло ничего утѣшительнаго.

На Скандинавскомъ полуостровѣ продолжается борьба между Норвегіей и Швеціей. *Русская Мысль* разъясняла много разъ, почему мы сочувствуемъ при этомъ первой и нѣсколько недовѣрчиво относимся ко второй. Король Оскаръ и его нынѣшнее правительство тяготеютъ въ Германіи. Свободолюбивый и миролюбивый норвежскій народъ дружественно относится къ нашему отечеству.

Въ Даніи кабинетъ Реедтцъ-Тота, смѣнившій министерство Эструпа, обнаруживаетъ болѣе уступчивое отношеніе къ либеральной и радикальной оппозиціи. Эта оппозиція имѣетъ значительное большинство въ фолькетингѣ, тогда какъ въ ландстингѣ большинство принадлежитъ консерваторамъ, среди которыхъ Эструпъ сохраняетъ огромное вліяніе. Но съ каждымъ новыми выборами консерваторы теряютъ одно или нѣсколько мѣстъ.

Напомнимъ, что выборы въ Бельгіи повели къ торжеству клерикаловъ и разгрому партій умѣренныхъ либераловъ, не пожелавшихъ идти рука объ руку съ радикалами и рабочею партіей. Естественно, что такой исходъ выборовъ не даетъ основанія радоваться ни прогрессистамъ, ни социалистамъ. Въ Греціи, Голландіи и Португаліи не произошло важныхъ событій. Въ Сербію опять пожаловалъ для вымогательства денегъ и для интригъ эксъ-король Миланъ. Въ Болгаріи выборы въ собраніе дали правительству подавляющее большинство. Черногорія отпраздновала двухсотлѣтіе своей династіи и замужество дочери князя Николая. Она стала женою наследника итальянскаго престола. Для этого княжнѣ пришлось перейти въ католицизмъ. Любовь ли, политическій ли расчетъ тутъ дѣйствовалъ,—для насъ одинаково не симпатична подчиненная въ такомъ случаѣ роль совѣсти.

Въ другихъ частяхъ свѣта должно отмѣтить избраніе президентомъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ извѣстнаго Макъ-Кинли. О значеніи этого избранія и борьбы съ Макъ-Кинли Брайана читатели знаютъ съ обстоятельной статьи г-жи Макъ-Гаханъ, напечатанной въ *Русской Мысли*. Недавно мы имѣли случай говорить и о положеніи Японіи, прогрессирующей быстро развиваться въ европейскомъ смыслѣ этого слова.

Нельзя не согласиться съ графомъ Бенедетти, авторомъ статьи въ *Revue des Deux Mondes* о восточномъ вопросѣ *), что европейскому спокойствію угрожаютъ вооруженный миръ и предстоящее разрушеніе Турецкой имперіи. Тягота, взваливаемая первымъ на плечи населенія, неминуемо приведетъ, по мнѣнію Бенедетти, или къ войнѣ, или къ анархіи. Распределение же наслѣдства *большого челоутка*, который умретъ безъ завѣщанія, вызоветъ ожесточенное соперничество державъ и народностей. Ждать наступленія этого опаснаго для мира момента, не принявши строго обдуманыхъ и согласованныхъ мѣръ, было бы преступленіемъ со стороны европейской дипломатіи. Когда національныя и религіозныя страсти разгорятся,—тушить этотъ пожаръ дѣло трудное. Въ тревожныхъ признакахъ нѣтъ недостатка. Такъ въ концѣ года возникло сильное волненіе въ Македоніи вслѣдствіе назначенія епископомъ въ Ускюбъ грека. Сербское населеніе не допускаетъ его занять епископскую кафедру и совершать богослуженіе. Заявляютъ національныя требованія и македонскіе румыны. Они стремятся имѣть своего епископа и сдѣлали попытку основать въ Константинополѣ митрополию, независимую отъ греческаго патріархата. Это грозитъ новымъ расколомъ въ православной церкви, такъ какъ константинопольскій патріархъ и Фанарь рѣшительно отвергаютъ требованія сербовъ и румынъ.

Македонскіе румыны отдѣлены отъ Румынскаго королевства сплошною и широкою полосой славянскаго населенія, не могутъ поэтому и мечтать о политическомъ соединеніи съ нимъ. Для Румыніи прошлый годъ кончился министерскимъ кризисомъ. Низложеніе митрополита Геннадія вызвало въ странѣ такое движеніе, и демонстраціи въ Букарештѣ приняли такіе внушительные размѣры, что Стурдза подалъ въ отставку. Во главѣ новаго кабинета сталъ профессоръ Аурелианъ. Газеты указываютъ, что онъ и его товарищи дружественнѣе относятся къ Россіи, чѣмъ министерство Стурдзы, всегда тяготѣвшее къ тройственному союзу.

National-Zeitung справедливо замѣчаетъ, что ожесточенныя религіозныя распри, которыя ведутъ въ Македоніи греки, болгары, сербы и румыны, унижаютъ достоинство христіанства и ведутъ къ крайне печальнымъ послѣдствіямъ, дѣлая эти четыре націи смертельными врагами другъ друга. *National-Zeitung* ставитъ греческой церкви въ великую заслугу то, что она не создавала инквизиціи, не подготовляла Варооломеевской ночи; но, съ другой стороны, упрекаетъ ее за то, что она не идетъ на встрѣчу національнымъ стремленіямъ и почти ничего не сдѣлала для просвѣщенія сербовъ, болгаръ и румынъ. А между тѣмъ именно просвѣщеніе только и способно довести дѣло до соглашенія, обусловить мирное существованіе въ предѣлахъ Македоніи и вообще Балканскаго полуострова всѣхъ четырехъ христіанскихъ національностей. И мы замѣчаемъ, что наиболѣе просвѣщенные народы прилагаютъ и наиболѣе усилій къ дальнѣйшему развитію общаго

*) *Benedetti*: „La question d'Orient“ (*Revue des Deux Mondes*, 1 janvier 1897).

и профессиональнаго образованія. Такова Англія, далеко подвинувшая расширение университетскаго образованія; такова Франція послѣ разгрома наполеоновской имперіи. Германія давно славится заботами о народномъ просвѣщеніи, ея университеты занимаютъ первенствующее мѣсто въ мірѣ. Тѣмъ не менѣе и здѣсь улучшение слѣдуетъ за улучшеніемъ. Въ настоящее время общественное мнѣніе занято вопросомъ о высшихъ народныхъ школахъ, причѣмъ въ образецъ ставятся англійскіе и скандинавскіе народные университеты. Въ этомъ отношеніи много работаетъ Общество Коменскаго (*Comenius-Gesellschaft* *) Въ Іенѣ нынѣшнею зимой докторомъ Бергеманомъ устроены курсы по четыремъ предметамъ, съ свободнымъ и бесплатнымъ доступомъ. Мюнхенскіе профессора также организовали подобные курсы, съ платою въ одну марку за 4—6 лекцій. Движеніе быстро расширяется.

Не менѣе утѣшительны заботы объ улучшеніи матеріальнаго положенія учащихся. Въ концѣ декабря 1896 года коммиссія прусской палаты депутатовъ выработала проектъ, по которому назначается болѣе девяти милліоновъ марокъ на усиленіе содержанія учителей, въ соотвѣтствіи съ выслугою лѣтъ.

Въ прошломъ году мы указывали на проектъ австрійскаго министерства народнаго просвѣщенія, имѣющій цѣлью отмѣну профессорскаго гонорара со студентовъ за слушаніе лекцій. Ясно, что устанавливать такой порядокъ вещей, при которомъ знаменитый ученый, преподающій, напримеръ, санскритскій языкъ, будетъ получать съ семи слушателей семь рублей, а профессоръ медикъ или юристъ по нѣскольку сотъ рублей,—есть вопиющая несправедливость, есть торгъ наукою. Теперь мы можемъ съ удовольствіемъ сказать, что измѣнить дѣйствующую систему профессорскаго гонорара имѣетъ въ виду и прусское правительство.

Берлинскій женскій конгрессъ, происходившій прошлымъ лѣтомъ, ожилилъ и усилилъ симпатіи образованнаго германскаго общества къ движению, которое поставило своею задачей уравненіе образованія и правъ женщины и мужчины **). Какъ знаменательный признакъ времени, отмѣтимъ въ заключеніе пересмотръ конституціи въ Вюртембергѣ. Кабинетъ Миттахта выработалъ проектъ, устраняющій привилегированное представительство и вводящій представительство пропорціональное. Такимъ образомъ, эта идея, однимъ изъ сильнѣйшихъ защитниковъ которой былъ Д. С. Милль, постепенно переходитъ въ осуществленіе.

Мирная и твердая политика Россіи даетъ утѣшительную надежду, что желое наслѣдіе прошлаго года не вызоветъ грозныхъ столкновеній.

*) Ср. брошюру Бергемана: *Ueber Volkshochschulen*.

***) Ср. *Arthur Kirchhoff: Die akademische Frau. Gutachten hervorragender Universitätsprofessoren*, usw.

Успѣхи нашей дипломатіи въ послѣднее время несомнѣнны и значительны. Издающійся въ Вѣнѣ *Славянский Свѣтъ* называетъ прошлый годъ *русскимъ годомъ* *). Пожелаемъ, чтобы каждый успѣхъ иностранной политики нашего правительства и каждый успѣхъ русской общественной жизни сопровождался усиленіемъ уваженія и симпатіи другихъ народовъ къ великому русскому народу.

В. Гольцевъ.

---

*) „Leto 1896 bilo jev evropski in svetovni politiki prav za prav rusko leto“ (Slovanski Svet, 30 decembra 1896).

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

(Малый театр: *Цыпа жизни*, драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, соч. Вл. И. Немировича-Данченка. — *Въ новой семьѣ*, драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, соч. Владиміра Александрова.

Изъ всѣхъ пьесъ, поставленныхъ на нашихъ театрахъ въ послѣднее время, новой драмѣ Вл. И. Немировича-Данченка принадлежитъ, по нашему мнѣнію, выдающееся мѣсто, такъ какъ въ ней ставится, обсуждается и разрѣшается на сценѣ очень серьезный и сложный житейскій вопросъ. Трактуются онъ искренно и смѣло, безъ фальши и натяжекъ въ пользу какой-либо предвзятой мысли, направляющей писателей, въ большинствѣ случаевъ, къ обвиненію однихъ или одного и къ оправданію другихъ, къ раздѣленію дѣйствующихъ лицъ на добродѣтельныхъ и злодѣевъ, — на вротбыхъ «овець» и негодныхъ «козлищъ», за что нерѣдко отправляется на закланіе самая пьеса и «козломъ отпущенія» оказывается ея авторъ. Въ драмѣ *Цыпа жизни*, первымъ дѣломъ, хорошо то, что на сценѣ не появляется ни добродѣтельныхъ, ни злодѣевъ, ни героевъ, ни героинь, а есть только просто добрые, честные, хорошіе люди, и таковы въ ней всѣ дѣйствующія лица, какъ это и есть въ дѣйствительной, повседневной жизни, гдѣ уклоненія въ ту или иную сторону отъ достоинства нормальнаго, пожалуй даже — зауряднаго, человѣка встрѣчаются рѣдко и ничего не доказываютъ, какъ всякія исключенія. Если же иной разъ, при мастерской демонстраціи, подобныя исключенія могутъ быть пригодны въ повѣсти и въ драмѣ, то лишь для того, чтобы показать, какъ зло способно портить жизнь среднихъ людей и какъ добродѣтель вступаетъ съ нимъ въ побѣдоносную борьбу, отъ чего заурядному человѣку на душѣ становится легче. То повседневныя, обычныя, наиболѣе часто повторяющіяся жизненныя сложненія возникаютъ не отъ конфликтовъ между злодѣями и добродѣтельными и разрѣшаются не борьбою между ними. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, въ жизни намъ приходится страдать не отъ злодѣяній и не отъ «злой воли» дурныхъ людей, а отъ ошибокъ и заблужденій близкихъ намъ хорошихъ людей, и разбираться мы вынуждены съ недоразумѣніями, порою очень прискорбными, ведущими, — то случайно, то роковымъ обра-

зомъ, — къ тяжелымъ проступкамъ и даже къ преступленіямъ. И вотъ тутъ-то, при такихъ условіяхъ, происходятъ наиболѣе серьезныя и наиболѣе поучительныя житейскія драмы и комедіи. Съ «героями» и съ «злодѣями» дѣло обходится много проще: «герои» разрубаютъ Гордіевы узлы, «злодѣевъ» караютъ, во-первыхъ, обличеніемъ, а затѣмъ — тѣмъ талантъ автору на душу положить... Намъ тѣмъ и симпатична драма г. Немировича-Данченка, и тѣмъ она интересна, что въ ней всѣ люди какъ люди, самыя что ни-на-есть среднія, такія, какъ девять десятыхъ зрителей, приходящихъ смотрѣть эту пьесу. И то, что составляетъ основу драмы, настолько просто и заурядно, что то же самое можетъ случиться въ каждой семьѣ, измѣняясь лишь въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, могущихъ имѣть небольшое вліяніе на рѣшеніе поставленнаго въ драмѣ вопроса. Сущность вопроса вотъ въ чемъ: жена измѣнила мужу, — измѣнила, не любя того, съ кѣмъ ее «грѣхъ попуталъ», измѣнила отъ тоски, отъ бездѣлья, отъ душевной неудовлетворенности, подъ вліяніемъ порыва молодости въ погонѣ за счастьемъ, за «смысломъ» жизни. вмѣсто искомаго и чаемаго, измѣна принесла ей только несчастье и горе, еще болѣе тяжелыя душевныя страданія. Съ любовникомъ она разсталась навсегда, безвозвратно. Мужъ узналъ о постигшей его бѣдѣ, сомнѣнія быть не можетъ, такъ какъ жена ему во всемъ чистосердечно призналась. Какъ быть супругамъ, когда мужъ жену любить, а она его глубоко уважаетъ, чтд не только граничитъ съ любовью, но можетъ, должно даже, перейти въ самую искреннюю, прочную и настоящую любовь?

За послѣдніе годы обсужденію этого самаго вопроса были посвящены во французской литературѣ три романа выдающихся писателей: Альфонса Додэ—*Маленькій приходъ*, Поля Маргерита—*Семейная бури*, Жана Экара—*Голубой ибисъ* *). Французскіе писатели приходятъ къ тремъ различнымъ рѣшеніямъ, которыя намъ представляются неудовлетворительными по своей казуистичности. Это не положительныя отвѣты на общій вопросъ, а три развязки болѣе или менѣе сложныхъ романовъ. Авторъ драмы *Цѣна жизни* даетъ отвѣтъ болѣе прямой и опредѣленный.

Въ частности г. Немировичъ-Данченко проводитъ на сценѣ передъ зрителемъ такія событія: подъ Москвой въ роскошной дачѣ, при громадной фабрикѣ «Евдокія Демуриной съ сыновьями», проживаетъ семья владѣльцевъ, состоящая изъ главы фирмы Авдотьи Степановны (г-жа Садовская), Давиды Тимошеевича Демурина (г. Ленскій), его жены, Анны Викторовны (г-жа Ермолова), его брата, Германа Тимошеевича (г. Падаринъ), и сестры, Клавдіи Тимошеевны Рыбницыной (г-жа Лешковская). Отъ перваго брака у Давиды Тимошеевича двое дѣтей: Николай, студентъ (г. Яковлевъ), дѣвочка лѣтъ 12, Варя (г-жа Музиль 2). Пьеса начинается тѣмъ, что въ дворѣ фабрики слышенъ шумъ. Находящіяся на закрытой террасѣ домъ Авдотьи Степановны и Клавдія встревожены, посылаютъ горничную Сашу,

*) Эти романы въ переводѣ были напечатаны въ *Русской Мысли*.

(г-жа Турчанинова) узнать, что случилось. Застрѣлился техникъ Морской. Изъ разговоръ дѣйствующихъ лицъ, изъ отрывочныхъ словъ Анны Викторовны и изъ всего поведенія ея ясно, что техникъ былъ влюбленъ въ жену старшаго сына хозяйки и что между нимъ и Анной существовали какія-то отношенія, точный характеръ которыхъ пока не извѣстенъ. Директоръ фабрики, Германъ Демуриный успѣлъ скрыть отъ полиціи запечатанное письмо застрѣлившагося Морского, адресованное на имя Анны Викторовны, и передаетъ этотъ пакетъ только что вернувшемуся изъ Москвы брату Данилѣ. Тотъ, въ свою очередь, отдаетъ не распечатанное письмо Аннѣ съ внушительнымъ словомъ: «Дошутилась!»... Второй актъ занятъ тревожными разсужденіями о самоубійствахъ, вообще, по поводу только что происшедшаго печальнаго событія, а затѣмъ попытками уяснить, въ частности, причину самоубійства Морского. Общія, такъ сказать, теоретическія разсужденія ведутся между старухой Демуриной, молодою вдовой Клавдіей и профессоромъ-психологомъ Солончаковымъ (г. Южинъ), котораго старается изъ всѣхъ силъ очаровать Клавдія, читающая ради него всякія ученые книги. Въ разговорѣ принимаетъ участіе студентъ Николай Демуриный и его отецъ Данило Тимоѣевичъ. Имени Анны никто не произноситъ, но у всѣхъ оно, видимо, на умѣ въ связи съ самоубійствомъ молодого техника. Все общество, кромѣ Данилы Тимоѣевича и Анны, удаляется пить чай. Приходитъ братъ умершаго техника, присяжный повѣренный Морской (г. Горевъ), доискивающийся подлинныхъ и ближайшихъ причинъ самоубійства брата. По нѣкоторымъ даннымъ онъ догадывается о существованіи скрытаго письма, въ которомъ должно быть объясненіе поводовъ, побудившихъ молодого человѣка покончить съ собой. Не сознаваясь въ полученіи письма, Анна доказываетъ, что нѣтъ достаточныхъ основаній доискиваться такихъ подробностей, объяснять которыя не пожелалъ самъ умершій, и что никто права не имѣетъ требовать отчета отъ мертваго, если при жизни его самые близкіе люди не считали нужнымъ и не находили времени поинтересоваться тѣмъ, какова его жизнь, и поддержать его въ тяжелыя минуты. Согласившись ли съ доводами хозяйки, или понявши, что въ письмѣ есть нѣчто, чего нельзя касаться третьему лицу, Морской скромно удаляется. Но объясненіе между супругами становится безусловно необходимымъ, неизбежнымъ. И оно происходитъ въ третьемъ актѣ. Анна признается во всемъ мужу, показываетъ ему письмо... Она Морского не любила. Какъ она сдѣлалась его любовницей, Анна сама понять не можетъ. Бѣдною дѣвушкой, молодою, она, не любя, вышла замужъ за богатаго и хорошаго человѣка, Демурина, сильно любившаго ее, несмотря на то, что онъ на двадцать лѣтъ старше ея. Въ любви Морского она не нашла того счастья, котораго искала, котораго не испытала въ семейной жизни, котораго до безумія жаждала ея душа. Анна знала о намереніи Морского покончить съ собой самоубійствомъ, и она рѣшилась, она ждала ему сдѣлать то же самое, но въ послѣднюю минуту у нея на это силъ не хватало. Теперь ей ничего другого не остается, нѣтъ иного вы-

хода. Въ Демуриѣ, прежде всего, сказывается сынъ «Евдокии Демуриной съ сыновьями»: застрѣлился молодой техникъ, слѣдомъ за нимъ застрѣлится жена, слѣдствіе, раскрытіе всего, скандалъ, срамъ мужу, позоръ «фирмы»... Но кочти тотчасъ изъ-за участника «фирмы» появляется чловѣкъ, добрый, искренній, жестоко страдающій, чувствующій, что рядомъ съ нимъ такъ же изнываетъ и гибнетъ хорошая, такая же искренняя душа... И въ Данилѣ Демуриѣ поднимается жалость, нарастаетъ та великая, чисто-русская жалость, которая ничѣмъ инымъ разрѣшиться не можетъ, какъ всепрощеніемъ, помогающимъ павшему подняться на ноги, возвратиться къ новой жизни. Въ данномъ случаѣ пала не одна Анна, не одна ея жизнь разбита, въ своемъ паденіи она увлекла и мужа, и его жизнь разбила. Нравственно загублены оба, «смысль жизни» потеряны обоими. Разница въ томъ, что не только найти его, но даже искать Анна не можетъ,—въ ея крушеніи утрачена всякая надежда, душа опустошена до полного отчаянья, тогда какъ пробудившаяся въ Данилѣ жалость ведетъ за собою надежду, побуждаетъ и заставляетъ его искать «смысль жизни» для гбнущей любимой женщины. Для Даниила онъ, этотъ «смысль», уже раскрытъ самою жалостью, заключается онъ въ сознаніи обязанности спасти несчастную. Все это очень живо чувствуетъ Данило Демуриѣ, но не можетъ еще разобраться въ ошеломившихъ его впечатлѣніяхъ и не умѣетъ ни опредѣлить, что ему надо дѣлать, ни найти надлежащую точку опоры для возстановленія душевнаго равновѣсія Анны, безъ чего немыслима и уравновѣшенность его собственной души.

Въ четвертомъ дѣйствіи для Анны едва замѣтно проскальзываетъ лучъ свѣта, полный блескъ котораго могла бы внести въ ея жизнь дѣвочка-падчерица, всеми заброшенная Варя. Но въ драмѣ этотъ свѣтъ только промелькнулъ,—къ сожалѣнію,—и куда то исчезъ за разъясненіями профессора-философа, указывающаго на занятіе полезнымъ дѣломъ, на серьезный трудъ, какъ на средство дать душѣ равновѣсіе и бодрость. Демуриѣ сразу хватается за эти спасительныя средства, привлекаетъ жену къ участию въ дѣлахъ фабрики, къ совмѣстной дѣятельной работѣ, тѣмъ болѣе необходимой и полезной, что завѣдующій фабрикой Германъ Демуриѣ только-что предлагалъ ввести такія реформы, которыя улучшатъ положеніе всѣхъ служащихъ и рабочихъ. Средства, рекомендованныя философомъ, признаны цѣлбными и, благодаря имъ, для нравственно разбитой Анны раскроется «смысль жизни» и возстановится душевное равновѣсіе въ трудѣ на пользу... русской промышленности... Такимъ концомъ не довольны ни мы, ни публика, насколько это было намъ замѣтно. Несомнѣнный талантъ автора вель его все время надлежащимъ путемъ къ болѣе подходящему заключенію, и мы рѣшительно понять не можемъ, почему дѣти очутились гдѣ-то въ сторонѣ, около дяди Германа, Анна Викторовна должна найти всю сладость бытія въ правленіи товарищества «Евдокии Демуриной съ сыновьями». Спора нѣтъ, трудъ—дѣло хорошее и спасительное для ума, и душу въ него положить можно—только

не всю, такъ какъ живеть-то человекъ не однимъ мозгомъ, а еще и сердцемъ. Мы понимаемъ, что такіе работники, какъ братья Демурины, могли принять и исполнить совѣтъ Солончакова буквально. И Анна могла согласиться на ихъ предложеніе, такъ какъ податься ей некуда. Но фабрикой, реформами, ни даже любовью въ рабочему люду ничего сердца, — а тѣмъ паче сердца женщины, — не наполнишь и не исцѣлишь. Причина тоски этой женщины не въ одномъ бездѣльи, а въ отсутствіи личной дѣятельной любви, подмѣнить которую нельзя гуманными чувствами, разсѣивающимися на сотни и тысячи людей. Сердце Анны, какъ и всякой женщины, въ особенности же не любящей мужа, требовало материнства, любви къ дѣтямъ, которыя были бы ея дѣтьми. Возможность и, болѣе того, долгъ сдѣлаться матерью представлялись ей сами собой въ ея семьѣ: несчастная сиротка Варя всѣми заброшена потому именно, что у всѣхъ слишкомъ много дѣла, болѣе привлекающаго, чѣмъ нравственное воспитаніе не бойкой дѣвочки. Всѣмъ она кажется глупенькою, тогда какъ Варя — просто не находитъ себѣ «мѣста въ природѣ», нѣтъ груди, къ которой она могла бы преклонить тоскующую головку, у которой она могла бы отогрѣть свое сердечко, жадно просящее любви и ласки, готовое любить до обожанія. Вотъ также одиноко росъ Морской, и оттого съ дѣтства началъ развиваться въ немъ зародышъ того недуга, который довелъ его до самоубійства. Анна должна была видѣть это и понять, что для нея самой, для ея мужа и для дѣвочки нравственное спасеніе въ томъ единственно, чтобы Анна стала настоящею матерью Вари и Николая, не смущаясь его студенческимъ мундиромъ. Подъ этой формой, свидѣтельствующей о полученіи аттестата «зрѣлости», все очень еще незрѣло и нормально можетъ дозрѣть лишь тогда, когда юноша будетъ согрѣтъ чистою любовью женщины, которой онъ повѣритъ, какъ родной матери. Слѣды отсутствія этой святой обоюдной любви мало замѣтны до тѣхъ поръ, пока жизнь идетъ гладко, безъ печали, безъ потрясеній, безъ сомнѣній въ себѣ и въ «цѣнѣ жизни». Мы считаемъ нужнымъ сдѣлать маленькое отступленіе: слова *цѣна жизни*, по нашему мнѣнію, передаютъ не совсѣмъ точно и ясно то, что хотѣлъ выразить ими авторъ, — насколько мы его понимаемъ. *Die Werth des Lebens*, о чемъ говорится въ пьесѣ, равнымъ образомъ не совсѣмъ то опредѣленіе, какое требуется, если слова эти перевести буквально. Тогда выйдетъ: «цѣнность, стоимость жизни», — то, чего стоитъ жизнь, тогда какъ въ пьесѣ трактуется о томъ, ради чего жить стоитъ, о «цѣнномъ въ жизни». Въ драмѣ много говорится причинахъ самоубійствъ, вообще, и причинъ самоубійства молодого техника, въ частности. И этотъ послѣдній вопросъ такъ и остается невыясненнымъ или, по меньшей мѣрѣ, недостаточно выясненнымъ. А поэтому, очень многимъ зрителямъ, большинству ихъ, представляется, будто драмы нѣтъ начала, будто построена она на какой-то случайности, на томъ изъ *faits divers*, сообщенія о которыхъ заканчиваются словами: — «причины самоубійства неизвѣстны». Для драмы этого мало, — зритель не можетъ удовлетвориться этимъ, и онъ правъ. На его вопросъ нельзя от-

впечатать: «вамъ до этого нѣтъ дѣла, ибо вамъ сообщаютъ совершившійся фактъ и его послѣдствія, сложившіяся въ драму, а потому о фактѣ не извольте разсуждать и довольствуйтесь тѣмъ, что вамъ дали»... Быть можетъ, мы и удовольствовались бы, еслибы, во-первыхъ, объ этомъ не разсуждали на сценѣ, и во-вторыхъ, еслибы всѣ драматическія терзанія Анны обусловливались ея измѣной мужу, а не самоубійствомъ Морского. Въ такомъ случаѣ не было необходимости «самоубивать» его, достаточно было отправить въ другую губернію или на той же фабрикѣ раздавить колесомъ. Вышла бы случайность, равносильная тому, что «причины неизвѣстны». Мы думаемъ, что онъ застрѣлился отъ того, что не сумѣлъ почувствовать, понять и найти «цѣнное въ жизни», что-либо такое, ради чего стоило бы жить, терпѣть и страдать. А не нашелъ онъ этого потому, что въ дѣтствѣ и въ юности работа его умъ и бездѣйствовало его сердце, которое къ настоящей порѣ зрѣлости увяло и засохло до того, что не могла оживить его любовь украдкой къ чужой женѣ. На все это есть намеки въ пьесѣ, но они такъ разбросаны, отрывочны и разрознены, что зрителю невозможно ихъ уловить и собрать во едино. Сдѣлать это, т.-е. резюмировать, надлежало автору. И вотъ для того, чтобы отвратить отъ Вари и Николая такое же,—выясненное зрителю,—душевное опустошеніе, Аннѣ предстоитъ неизмѣримо болѣе высокій и ее самою оживляющій трудъ, чѣмъ въ фабричномъ дѣлѣ, которое само по себѣ не можетъ мѣшать ей создать для себя и для всей семьи единственно «цѣнное въ жизни».

Драма г. Немировича-Данченка разыграна такъ, какъ исполнялись у насъ пьесы въ блестящее для нашей сцены время Щепкина, Садовскаго и Шумскаго,—разыграна безукоризненно, почти идеально, и это «почти» мы считаемъ себя обязанными тотчасъ же откинуть, такъ какъ намъ придется начать рѣчь объ игрѣ г-жи Садовской. Высокоцитная артистка создала такой цѣльный и живой типъ «Евдокіи Демуриной съ сыновьями», равнаго которому мы даже въ ея репертуарѣ указать не можемъ. Это подлинная, настоящая купчиха, пережившая времена «Кита Кытыча» и хорошо извѣдавшая ихъ на себѣ въ супружествѣ съ покойникомъ Тимошеемъ (вѣроятно, Кытычемъ) Демуринымъ. Для нея все ясно и никакихъ вопросовъ въ жизни нѣтъ, на которые не было бы готовыхъ отвѣтовъ, разрѣшающихъ все, по изстари установленнымъ формуламъ, которыхъ не уклонно держались всѣ московскіе «Киты» и Кабанихи. Все установлено крѣпко и незыблемо, и всякое недоумѣніе, а тѣмъ паче сомнѣніе есть нечто иное, какъ «блажь», забирающаяся въ головы вслѣдствіе ослабленія вѣры во все то, чему такъ твердо вѣрили отцы и дѣды въ Замоскворѣчьи и въ Рогожской. Въ исполненіи г-жи Садовской отъ Авдотьи Степановны такъ и вѣетъ неугасающимъ духомъ тамошнихъ непогрѣшимыхъ «стоповъ». За г-жею Садовской непосредственно слѣдуетъ г-жа Лешковская замѣчательно живо и тонко олицетворившая продуктъ новой эволюціи столь недавно еще «темномъ царствѣ», въ роли молодой купеческой вдовы Рыбницкой. Изъ-подъ самыхъ модныхъ туалетовъ, изъ-за мудреныхъ

фразъ, наивно заученныхъ для того, чтобы «быть умною», такъ и проглядываетъ баба-озорница и купчиха-кулакъ, которую не проведешь ни любовью, ни философіей. Это истая дочь крупной російской промышленности: Клавдію Тимофеевну не оплетишь,—она сама норовитъ всѣхъ оплести; ее не обидятъ,—«она всякаго сама обидѣть можетъ». Г-жа Лешковская превратила второстепенную въ пьесѣ роль въ мастерски законченный типъ. На долю г-жи Ермоловой выпалъ огромный трудъ оживить свою игрой не особенно ярко написанную фигуру жены Демурина, и, разумѣется, не вина высокоталантливой артистки въ томъ, что личность Анны Викторовны не блещетъ типическими чертами. При всемъ драматизмѣ положенія, нѣсколько суховатъ матеріалъ, изъ котораго г-жѣ Ермоловой пришлось создавать роль психически разбитой женщины, но отнюдь не психически-больной, какъ это показалось кое-кому изъ зрителей. Мы сочли нужнымъ отмѣтить это, ибо полагаемъ, что зрителю ничто не должно «казаться», онъ долженъ только видѣть... Во второмъ и въ третьемъ дѣйствіяхъ, въ сценахъ съ мужемъ, г-жа Ермолова была неподражаема. Про г. Ленскаго не знаемъ, какъ и говорить: его игра настолько художественна, что дальше никакому артисту идти некуда. Въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи, въ каждомъ взглядѣ была сама жизнь, настоящая, поразительно-реальная до малѣйшей черточки во всей сложности того, что долженъ пережить и перечувствовать Данило Демуринъ. Такими же вполне живыми лицами были гг. Южинъ и Горевъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ превосходное исполненіе гг. Падаринымъ и Явовлевымъ второстепенныхъ, но, по милости ихъ игры, очень типическихъ ролей купца, вынесшаго изъ технического училища не одни знанія, но и гуманныя идеи, и молодого купца-студента, ищущаго и знаній, и идей, которыя раскроютъ передъ нимъ «дѣнное въ жизни». Мы поступили бы несправедливо, еслибы не сказали, какъ хорошо и въ тонѣ со всѣми были сыграны маленькія роли г-жами Турчаниновой и Музиль 2-ю. Смотрѣть пьесу, такъ разыгранную и съ такимъ ансамблемъ—истинное наслажденіе... И хорошо выйти изъ театра, унося съ собою высокую мораль драмы: «смыслъ жизни—въ дѣятельной любви!»

Въ добрый часъ сказать, третья пьеса сряду прошла съ успѣхомъ на Маломъ театрѣ,—драма г. Влад. Александрова: *Въ новой семьѣ*, хотя разыграна она далеко не такъ артистически и дружно, какъ *Путь жизни*. Сюжетомъ г. Александрову служить исторія старая и довольно заурядная: купецъ Воскобоевъ (г. Рыбаковъ), завѣдующій дѣлами торговой фирмы Юматовыхъ, давно овдовѣлъ и живетъ съ восемнадцатилѣтнею дочерью Лидіей (г-жа Садовская 2-я) и съ ея бабушкой, а своею тещей, Настасьей Явовной (г-жа Садовская). Бабушка и внучка обожаютъ учительницу зыки Наталью Николаевну Комарову (г-жа Ермолова), а больше ихъ обожаетъ эту прекрасную дѣвушку самъ Воскобоевъ. Всѣ мечтаютъ отъ Лидію замужъ за милліонера-фабриканта Юматова (г. Горевъ). Воскобоевъ не выжидаетъ, однако, этого вождедѣннаго событія и дѣлаетъ предложеніе учительницѣ. Она долго не соглашается и, на усиленные

просьбы Воскобоева объяснить причину отказа, рассказывает, что очень молодою и неопытною попала она въ губернантки, увлеклась однимъ господиномъ, который обѣщавъ на ней жениться, воспользовался минутою самозабвенія молодой дѣвушки... Отъ исполненія обѣщанія онъ не отступился, сдѣлавъ ей предложеніе, но она отказала потому, что сразу возненавидѣла его... Воскобоевъ такъ сильно любитъ Наталью Николаевну, что умоляетъ ее стать его женою, клянется не вспоминать, забыть несчастный случай, не знать о немъ, какъ будто его никогда не было. Когда Воскобоевъ радостно объявляетъ дочери и тещѣ о согласіи учительницы выйти за него замужъ, картина семейнаго благополучія сразу мѣняется. Лидія обожала милую и добрую учительницу и не можетъ помириться съ тѣмъ, что она займетъ въ домѣ и въ сердцѣ отца мѣсто ея матери. Съ еще большимъ недовольствомъ относится къ этому бабушка Настасья Павловна. Между первымъ и вторымъ дѣйствіемъ проходитъ годъ. *Въ новой семьѣ* отношенія между Лидіей и бабушкой, съ одной стороны, и молодою женою Воскобоева, съ другой, успѣли сильно обостриться, при неизбѣжномъ участіи старой горничной Паши (г-жа Правдина), давно живущей въ домѣ, и при любительскомъ вмѣшательствѣ въ чужія дѣла сплетника, стараго жуира Прибылова (г. Правдинъ), родственника первой жены Воскобоева. Лидія ревнуетъ мачиху къ отцу, воображаетъ, что она отняла у нея любовь отца, забрала его въ руки, хочетъ всѣмъ распоряжаться самовластно, даже ею, самою Лидіей. Недобрыя чувства дѣвушки усложняются еще ревностью къ Юматову. Лидіи натолковали про него, какъ про жениха, самаго подходящаго для нея. Въ силу такихъ внушеній онъ нравится ей, а между тѣмъ она чувствуетъ, что между ею и Юматовымъ стоитъ Наталья Николаевна. И на самомъ дѣлѣ Юматовъ влюбленъ въ жену Воскобоева, преслѣдуетъ ее своимъ ухаживаніемъ, а изъ Лидіи дѣлаетъ только «ширмы» для отвода глазъ. Наталья Николаевна не находитъ средствъ избавиться отъ его ухаживаній. Прибѣгнуть для этого къ помощи мужа и прямо выставить изъ дома милліонера-хозяина она не считаетъ возможнымъ изъ опасенія нарушить покой нѣжно любимаго человѣка и лишитъ всю семью средствъ существованія. А тѣмъ временемъ покой всѣхъ давно и страшно нарушенъ разрастающимися сплетнями, зародившимися подозрѣніями Воскобоева и вынужденною скрытностью его жены. Въ третьемъ дѣйствіи семейный разладъ доходитъ до высшей степени напряженія. Лидія и бабушка изводятъ Наталью Николаевну тѣмъ, что совсѣмъ перестали говорить съ нею. Въ такомъ положеніи дѣлѣ жить вмѣстѣ становится невозможнымъ, и Лидія прямо заявляетъ отцу: — «Либо я, либо Наталья Николаевна. Она изъ дома не уйдетъ и пусть остается, ухажу я съ бабушкой...» Послѣдній ударъ наноситъ Воскобоеву анонимныя письма, присылаемыя Прибыловымъ, обозлившимся на молодую женщину за ея холодныя и нѣсколько презрительныя отношенія къ нему. Письма превращаются въ прямые доносы, въ которыхъ доля правды перемѣшана съ множествомъ клеветы. Эту долю правды, какъ выше отмѣчено, Наталья

Николаевна скрывала отъ мужа и теперь, вынужденная оправдываться, поставлена въ необходимость все сказать мужу. Совершенно измученный семейною неурядицей, выведенный изъ себя, Воскобоевъ терлетъ всякое самообладаніе и напоминаетъ женѣ про ея несчастный романъ... Наталья Николаевна въ ужасѣ,—ей ничего не остается другого, какъ уйти изъ этой семьи. Но куда?... Опять ее ждетъ тоска одиночества и душевный мракъ, отъ которыхъ она искала спасенія *въ новой семьѣ*, искренно любимой ею. Въ четвертомъ дѣйствіи на сценѣ страшная тревога, Наталья Николаевна отравилась. Послѣ долгихъ усилій ее удалось спасти, въ общему счастью. Происходитъ полное примиреніе бабушки и Лидіи съ Натальей Николаевной. Прибыловъ и Юматовъ посрамлены Воскобоевымъ и выгнаты изъ дому. Добродѣтель торжествуетъ на всей линіи, порокъ наказанъ... И авторъ торжествуетъ,—успѣхъ полный, публика довольна, вызываетъ автора и исполнителей.

Что же понравилось публикѣ въ этой пьесѣ? Вѣроятно то, что она написана просто и правдиво, безъ вычуръ и выдуманныхъ эффектовъ:—все это не только возможно, но и бываетъ сплошь и рядомъ въ дѣйствительности почти такъ, какъ показалъ г. Александровъ. Конечно, далеко не всѣ дѣвушки, выходящія замужъ за вдовцовъ, имѣютъ въ своемъ прошломъ такой романъ, какой былъ у Натальи Николаевны. Да сущность дѣла тутъ и не въ романѣ, а въ томъ общемъ предубѣжденномъ недоброжелательствѣ, съ которымъ семья вдовца и всѣ ему близкіе встрѣчаютъ входящую въ домъ на правахъ хозяйки «новую» женщину, какъ бы она ни была добра и хороша. Житейскія, семейныя и хозяйственныя мелочи, проходящія едва замѣтными для людей, давно обжившихся, превращаются въ настоящія недоразумѣнія, часто въ casus belli, когда участницей въ нихъ овазывается пришлая, незванная и нежеланная молодая хозяйка, заранѣе уже заподозрѣнная во всякихъ злоумышленіяхъ и козняхъ. Публика, смотрящая драму г. Александрова, видитъ на сценѣ вѣрное отраженіе того, что большинству зрителей хорошо знакомо и что, въ большей или меньшей степени, затрогивало и портило жизнь извѣстныхъ намъ людей. Все это очень хорошо, только изъ драмы *Въ новой семьѣ* нельзя вывести никакого заключенія. Сначала выходитъ какъ будто такъ, что вдовцу, имѣющему дѣтей, не слѣдуетъ жениться вторично, дабы не причинить горе дѣтямъ, любимой женщинѣ и себѣ. Закачивается исторія, а съ нею и поученіе тѣмъ, что, поволновавшись, повоевавши и поплакавши, всѣ могутъ помириться и зажить очень мило и согласно. По-
 ка отравиться, какъ и дѣвическій романъ учительницы музыки не представляютъ чего-либо существеннаго и необходимаго для уясненія и ршенія вопроса. Они нужны автору для развязки его драмы рѣзкими сценами и только. Въ житейскомъ обиходѣ подобныя столкновенія кончаются безъ яда... Какъ бы ни было, пьеса смотрится съ интересомъ, и на благодаримъ поворно,—за послѣдніе годы мы и отъ этого отвыкли, а пьеса начала нынѣшняго сезона совсѣмъ было пришла въ уныніе.

Г-жа Ермолова и г. Рыбаковъ въ совершенствѣ передали страданія супруговъ, опутанныхъ мелочами, которыя губятъ счастье и людямъ жить не даютъ. Роль г-жи Садовой настолько безцвѣтная, что изъ нея нѣтъ никакой возможности сдѣлать что-нибудь выдающееся. Г-жа Садовская 2-я старательно дѣлала все, что она въ силахъ сдѣлать, но у нея, видимо, недостаетъ средствъ справиться съ такими отвѣтственными ролями. Мы полагаемъ, что прежде, чѣмъ поручать ей такія непосильныя роли, слѣдовало бы дать окрѣпить ея дарованію. Гг. Горевъ и Правдинъ воспроизвели достаточно ярко характерныя черты купцовъ новой формаци, перебалованныхъ большими достатками. Г-жа Правдина была типическою старою служанкой-пронирой, подслушивающею, все перевирающею и всегда готовою пролить слезы преданности тамъ, гдѣ, по ея соображеніямъ, ей это выгодно.

1896 годъ закончился для Малаго театра много благополучнѣе, чѣмъ то предвѣщало прискорбное начало текущаго сезона.

Ан.

Первое квартетное собраніе второй серіи. Робертъ Шуманъ, являясь крупнѣйшимъ представителемъ романтизма въ музыкѣ, въ то же время даетъ намъ возможность судить о немъ какъ о композиторѣ программной музыки. Если не всѣ шумановскія композиціи носятъ названія, какъ, напримеръ, нѣкоторыя его ф.-п. произведенія, то тѣмъ не менѣе сюжетъ въ нихъ чувствуется и напрашивается на поэтическое объясненіе. Звуки для Шумана были не только матеріаломъ для музыкальных образовъ, но и матеріаломъ для передачи его поэтическаго настроенія. Вотъ, вслѣдствіе этой-то особенности шумановскихъ произведеній, и темы, и гармонія, и музыкальныя формы ихъ приобрѣтаютъ особый смыслъ и поэтическую своеобразность. Поэтому при исполненіи произведеній Шумана слѣдуетъ обращать вниманіе на поэтическую сторону произведенія и стараться согласовать ее съ музыкальнымъ содержаніемъ. Наши квартетисты мало обращаютъ на это вниманія, отъ этого исполненный ими квартетъ F-dur, соч. 41, прошелъ только безошибочно съ технической стороны, передача же внутренняго содержанія требовала еще весьма многого. Соната для ф.-п. и скрипки C-moll, соч. 45, Грига. Характерною чертой произведеній Грига служитъ непремѣнное присутствіе норвежской народной мелодіи или въ духѣ ея написанной темы и затѣмъ своеобразность гармонизаціи ихъ. Можетъ быть, вслѣдствіе присутствія народнаго элемента въ григовскихъ произведеніяхъ, ихъ формы и положенія не отличаются необходимою развитостью и гибкостью. Названная соната довольно красиво звучитъ, но эта соната только по названію, та какъ разработка ея весьма-таки слабовата; соната же безъ настоящей работы темъ—это колокольня безъ колоколовъ. Партію ф.-п. исполнилъ г. Корещенко,—этотъ молодой пианистъ-композиторъ ведетъ себя довольно странно: композиціи онъ пишетъ плохія, а на ф.-п. играетъ и того ху;

тѣмъ не менѣе участвуетъ по своимъ двумъ специальностямъ въ квартетныхъ и симфоническихъ собраніяхъ.

Грандіозный по размѣрамъ, богатый по внутреннему содержанію и разнообразію формъ, В-диг'ный квартетъ Бетховена, соч. 130, можетъ быть причисленъ къ лучшимъ его произведеніямъ. Главная трудность его исполненія заключается въ перемѣнѣ настроеній отъ медленныхъ къ быстрымъ темпо. Эпизоды, которые развиваетъ великій художникъ, имѣютъ не только частичное значеніе, но и въ общемъ представляютъ неразрывное цѣлое. Сыгранъ квартетъ не дурно, хотя распланировка частей требовала болѣе выпуклаго исполненія ихъ.

Въ пятый симфоническомъ вечерѣ исполнены были: увертюра «Коріоланъ» Бетховена и чудная по геніальности симфонія G-moll Моцарта. Исполненіе было неудачно и по оттѣнкамъ, и по взятымъ темпо. Въ концертѣ участвовали пианистъ Гофманъ, сыгравшій скучный концертъ C-moll, соч. 44,—Сень-Санса и двѣ пьесы на бисъ. Сыгралъ онъ все очень хорошо, но впечатлѣніе произвелъ не большое; можетъ быть виноваты тутъ избранныя произведенія. Г-жа Жеребцова спѣла рядъ романсовъ—Бома, Чайковскаго и Римскаго-Корсакова. Голосъ у нея хорошій, поетъ она недурно, но въ исполненіи недоставало музыкальности. Въ этотъ же вечеръ исполнены были: *Vegetable* А. С. Танъева (не профессора консерваторіи) и восточные танцы изъ оп. «Волна», г. Бларамберга. Первое—очень милое дилетантское произведеніе, убаюкивающимъ образомъ дѣйствующее на слушателя и только изрѣдка нарушающее его покой звономъ колокольчика; второе—тоже дилетантское произведеніе, но очень шумное.

Четвертымъ филармоническимъ концертомъ дирижировалъ г. Шухъ, прекрасный капельмейстеръ. Лучшимъ нумеромъ по исполненію была извѣстная увертюра «Тангейзеръ» Вагнера, которую г. Шухъ провелъ вполне артистически хорошо. Менѣе по исполненію понравилась намъ симфонія D-moll Шумана. Можетъ быть, тутъ отчасти виновато и само произведеніе, мало удовлетворительное какъ оркестровое сочиненіе, но исполненіе въ общемъ отличалось небольшою колоритностью въ оттѣнкахъ, а знаменитый *Romance*—*Andante sostenuto*—въ темпѣ взять слишкомъ скоро, а въ оттѣнкахъ грубо. Большою эффектностью отличался по исполненію антрактъ къ оп. «*Heimchen am Herd*» Гольдмарка, чтѣ и было повторено. Но тутъ играли роль, русская тема и веселый темпъ галопа; по внутреннему же содержанію, произведеніе кромѣ инструментовки ничего не имѣетъ. Въ этомъ вечерѣ участвовали пѣвецъ г. Д'Анраде и пианистъ г. Голлидэй.

Г. д'Анраде имѣетъ хорошій голосъ, сценическую фигуру, держится съ апломбомъ; спѣлъ онъ много различныхъ произведеній, но концертному пѣвцу нужно имѣть больше музыкальности и болѣе тонкую фразировку. Пианистъ г. Голлидэй имѣетъ прекрасную технику и мягкое тушѣ, но онъ скорѣе пианистъ для небольшихъ салонныхъ произведеній, большія же, вроде концертовъ, ему не по силамъ, вслѣдствіе излишней мягкости его игры. Концертъ F-moll, Шопена, съ акомпаниментомъ оркестра, прошелъ ни то,

ни съ, а дирижировавшій акомпаниментомъ г. Безекирскій усиливаль плохую сторону исполненія.

Пятымъ концертномъ филармоническаго общества управляль г. Колоннъ. Программа вечера была почти исключительно посвящена французскимъ композиторамъ. Увертюра «Бенвенуто Челлини»—Бердіоза—очень колоритное оркестровое произведение; но содержаніе его насъ не удовлетворило: мысли и форма ихъ устарѣли. Прекрасный замыселъ дирижора—представить въ исполненіи увертюры яркую и цѣльную картину общаго—не вполнѣ удался, благодаря малой солидарности между нимъ и оркестровыми исполнителями, что можно приписать различнымъ причинамъ. Симфонія (Roma) Бизе, какъ сказано въ программѣ, принадлежитъ къ первымъ работамъ его въ симфоническомъ жанрѣ. Всѣ четыре части изобилуетъ недурными мыслями, но онѣ мало симфоничны; изложеніе ихъ, формы растянуты, не колоритны, вслѣдствіе чего получается однообразіе. Наиболѣе интересными частями мы находимъ: вторую—*Allegro vivace* и послѣднюю—*Carnaval*, по инструментовкѣ. Исполнено въ общемъ все хорошо. Самымъ интереснымъ произведеніемъ, исполненнымъ въ этотъ вечеръ, было «*Fragments de Psyché*», Цезаря Франка. Этотъ французскій композиторъ сравнительно недавно началъ фигурировать въ программахъ симфоническихъ концертовъ, хотя онъ не изъ молодыхъ и написалъ много различныхъ произведеній. Эти «*Fragments de Psyché*» написаны на извѣстный классическій сюжетъ объ Амурѣ и Психеѣ. По музыкѣ, это красиво и тонко написанные эпизоды съ прекрасною инструментовкою, очень изящно рисуютъ намъ состоянія—радостной и угнетенной Психеи. Внутренній смыслъ сюжета настолько гармонируетъ съ самою музыкою, что невольно заставляетъ слушателя перенестись въ міръ грѣзъ... Очень жаль, что это произведеніе мало извѣстно и исполнялось не все, а въ отрывкахъ. Самое исполненіе насъ не удовлетворило, — тутъ слѣдовала бы болѣе тонкая отдѣлка и большая эфирность какъ въ цѣломъ, такъ и въ деталяхъ исполненія. Балетъ изъ оп. «Генрихъ VIII»—Сень-Санса по музыкѣ ничего выдающагося не представляетъ. Эти три пьесы эффектно написаны и отлично инструментованы, но большаго сказать о нихъ нечего. Въ томъ же вечерѣ участвовалъ опять пѣвецъ г. Д'Андрате; мы слышали его на сценѣ, гдѣ онъ вполнѣ у мѣста, а какъ концертный исполнитель на эстрадѣ—онъ насъ не удовлетворяетъ своимъ исполненіемъ ни романсовъ, ни арій.

А. Б.

Изъ литературныхъ наблюдений.

Въ концѣ прошлаго года въ нашей печати велась любопытная и поучительная полемика съ *Московскими Вѣдомостями*; правильнѣе, это была не полемика, а дружный и рѣзкій отпоръ, данный повременными изданіями, безъ различія направлений, новой и чрезвычайно развязной, чтобы не сказать болѣе, редакціи этой газеты. *Моск. Вѣд.* пожелали вторично привести къ присягѣ *Русскія Вѣдомости* и *Вѣстникъ Европы*. *Русскія Вѣдомости* посмѣялись очень зло и презрительно надъ усерднымъ не по разуму охранителемъ, и выходка *Моск. Вѣд.* вызвала общее осужденіе. Характерно въ этомъ отношеніи мнѣніе *Гражданина*. Князь Мещерскій говоритъ про новаго редактора *Моск. Вѣд.* слѣдующее: «будь я на его мѣстѣ, я не обращался бы къ противнику съ такимъ запросомъ: како вѣруете?—ибо: 1) не считалъ бы себя на то вправѣ, а 2) не рѣшался бы подъ вліяніемъ того соображенія, что борьба, такъ поставленная, не равна: ибо если противникъ далъ бы требуемый отъ него отвѣтъ такъ же развязно, какъ его вопрошаетъ г. Грингмутъ, ему пришлось бы пострадать, и сильно пострадать, какъ органу печати, отъ кары за нецензурныя рѣчи».

Петербургскія Вѣдомости въ сильной статьѣ также даютъ суровую отповѣдь *Моск. Вѣд.* Мы приведемъ изъ этой статьи одно мѣсто, которое дастъ читателямъ ясное понятіе, что въ лицѣ *Петербургскихъ Вѣдомостей* мы имѣемъ дѣло съ честными и просвѣщенными публицистами: «Съ того дня,—говоритъ газета,—когда русскіе консерваторы, по-человѣчески относились къ своимъ соперникамъ и противникамъ въ сферѣ публицистики (какъ злокозвенны послѣдніе ни казались), объективнымъ тономъ начнутъ юрить съ ними о конкретныхъ вещахъ, вносящихся во благо или вреду докупной Россіи,—съ того дня, когда клеветническіе приемы, огульныя затныя обвиненія, выстрѣлы изъ-за угла, да еще изъ кривого ружья, возможность административныхъ каръ либеральнымъ газетамъ за полемику и тивъ консервативныхъ собратьевъ по профессіи, всякаго рода безнаказанныя келейныя безчинства по отношенію издателей и редакторовъ. —

однимъ словомъ, все то раздражающее и волнуемое, что туманить теперь лучшіе обще-русскіе идеалы, разсѣется, какъ дымъ,—не подлежитъ сомнѣнію, что о многомъ можно будетъ столкноваться на необъятной Руси представителямъ разнообразнѣйшихъ направленій и убѣжденій».

Петербургскія Вѣдомости справедливо указываютъ далѣе, что Россія можетъ гордиться многими и консервативными, и либеральными именами, что убѣжденный и честный прогрессистъ неизмѣримо предпочтительнѣе эгоистично-неискренняго консерватора. Одно только замѣтимъ мы *Петербургскимъ Вѣдомостямъ*: вотъ именно такіе-то «консерваторы», съ авансомъ и субсидіей, и не послушаютъ добраго совѣта петербургской консервативной газеты. Они органически не могутъ благопрістойно относиться къ противникамъ.

Выходка *Моск. Вѣд.*, впрочемъ, не только не благопрістойна, но и забавна. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онѣ постоянно твердили, что либерализмъ въ Россіи—явленіе наносное и преходящее, много разъ возвѣщали даже, что русское общество освободилось отъ этой болѣзни, что либерализмъ убитъ и похороненъ. На могилѣ бѣднаго русскаго либерализма *Моск. Вѣд.* производили побѣдоносный танецъ дикихъ,— и что же оказывается? Въ декабрѣ 1896 года отечество въ опасности: «либералы» умножились страшно, захватили въ свои руки земства, города, печать, школу. «Консерваторы» очутились въ ничтожномъ меньшинствѣ, и ихъ бодрость можетъ быть поддержана лишь героическимъ рѣшеніемъ *Моск. Вѣд.* безстрашно и безкорыстно стоять за существующій порядокъ вещей. Какъ же все это случилось? Либерализмъ, стало быть, развивается, либералы живы? Неужели нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ *Моск. Вѣд.* говорили неправду? Для меня одно становится яснымъ: если либерализмъ на чистомъ полѣ задавили, какъ крыловскаго медвѣдя, то, конечно, г. Грингмутъ имѣетъ полное право расчитывать на влочокъ медвѣжьего уха.

Кромѣ дружной отповѣди *Моск. Вѣд.*, необходимо отмѣтить и сужденія о положеніи нашей печати, поводомъ для которыхъ послужила замѣтка г. Суворина въ *Новомъ Времени*. Въ ней говорилось о системѣ предостереженій, которая, «конечно, въ журналистикѣ не можетъ имѣть никого, кромѣ противниковъ». Г. Суворинъ вполне основательно прибавляетъ: «Кто дорожитъ искренностью, кто убѣжденъ, что печать только тогда исполняетъ свою обязанность, когда дѣятели ея могутъ говорить въ предѣлахъ закона, для тѣхъ система предостереженій — давно осужденная система». Г. Суворинъ ставитъ и очень любопытный практическій вопросъ: «переходятъ ли предостереженія къ новому редактору-издателю? Другими словами: влязъ Ухтомскій, теперешній редакторъ-издатель *С.-Пет. Вѣд.*, и г. Грингмутъ, на-дняхъ ставшій издателемъ-редакторомъ *Моск. Вѣдом.*, имѣютъ ли по два предостереженія, полученныя ихъ предшественниками или не имѣютъ?» Этими вопросомъ заинтересовались и *Моск. Вѣд.*, сочувственно перепечатавшая замѣтку г. Суворина. А г. Гамма вполне присоединяясь къ мнѣнію г. Суворина о системѣ предостереженій, напоминаетъ, что «за-

конъ 6 апрѣля 1865 года былъ изданъ въ видѣ «временныхъ правилъ», впредь до введенія Судебныхъ Уставовъ. Въ настоящее время и Судебные Уставы подвергаются уже пересмотру, а «временныя правила» о печати продолжаютъ дѣйствовать съ тѣми временными же дополненіями, которыя окончательно устранили всякую «законность» въ отношеніяхъ къ печати». Кончаетъ свою статью г. Гамма такими словами: «Неужели настоятъ какая-либо надобность сохранять это «временное положеніе» въ Россіи, неужели русская печать и русская литература недостойны той законной охраны и того довѣрія, которыя господствуютъ во всей Европѣ, во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ? Мы очень хорошо сознаемъ, откуда исходили у насъ преобразованія и улучшенія. Къ этому источнику добра обращаемъ мы свои упованія и въ настоящемъ случаѣ. Не Государю и не Россіи можетъ повредить свободное русское слово!»

Извѣстно, что надежда—кроткая посланница небесъ, и мы не хотимъ, не можемъ потерять этой надежды. Пусть она согрѣваетъ насъ въ на ступившемъ году, пусть рухнетъ привилегированное положеніе для лицемѣрія и наглости!

Конечно, бросать такія обвиненія противникамъ возможно лишь съ величайшею осторожностью, отнюдь не заглядывая назойливо и неосновательно въ душу противника. Но подобныя обвиненія произносить можно и должно, когда имѣются на лицо факты. Не правъ ли я, напримѣръ, если буду обвинять *Моск. Вѣд.* за слѣдующее. Какъ извѣстно, газета расписывается за нашу самобытность. Г. Грингмутъ, — недавній иностранецъ, — такъ глубоко, по его мнѣнію, постигъ духъ русскаго народа и смыслъ нашего историческаго призванія, что считаетъ долгомъ относиться къ политическому опыту и учрежденіямъ европейскаго Запада довольно презрительно. Но вотъ что происходитъ съ *Моск. Вѣдом.* Нужно имъ укорить Западную Европу, увѣрить читателей, что тамъ все распатано и гибнетъ, подвергается подъ руку такой писатель, какъ Максъ Нордау, и газета указываетъ на него, какъ на признакъ вырожденія, называетъ его «абераціей таланта». Но вотъ *Варшавскій Дневникъ* нашелъ у Нордау пирамиды Русскому государству, и *Моск. Вѣд.* вмѣстѣ съ этою газетою производятъ названнаго западно-европейскаго космополита и нигилиста въ авторитетный голосъ *). Другой примѣръ. Когда чествовали сорокалѣтіе со дня кончины Грановскаго, *Моск. Вѣд.* отнеслись къ памяти знаменитаго профессора холодно и даже пренебрежительно, а теперь выбиваются изъ шкуры, доказывая (и, конечно, безуспѣшно), что «либералы» не имѣютъ права считать Грановскаго вполне своимъ. Какъ мы будемъ вѣрить въ искренность людей, которые поступаютъ такимъ образомъ?

Будемъ надѣяться, что наступившій годъ принесетъ нашей публицикѣ что-либо радостное, внесетъ сдержанность въ полемику, устранистъ ранительныя подвохи. Покуда онъ принесетъ намъ много изданій безъ

*) *Моск. Вѣдомости* 28 декабря.

предварительной цензуры, чего у насъ давно не бывало. Шлемъ всёмъ намъ—и друзьямъ, и противникамъ—наше привѣтствіе и желаніе долго и честно поработать надъ рѣшеніемъ вопросовъ, все чаще и настойчивѣе задаваемыхъ усложняющеюся жизнью нашего общества. Въ Петербургѣ съ новаго года открылась даже собственная *Сибирь*, «политическо-литературная и общественная газета, посвященная интересамъ всей Сибири и сопредѣльныхъ съ нею мѣстностей». Такая газета имѣетъ полное право на существованіе, въ особенности теперь, съ проведеніемъ велико-океанской дороги. Редакція въ передовой статьѣ подробно останавливается на значеніи областной печати вообще и сибирской въ особенности. «Правовыя условія гражданственности сибирскаго населенія,—говоритъ газета,—можно съ увѣренностью думать, находятся въ болѣе безотрадномъ состояніи, чѣмъ у жителей другихъ окраинъ. Существующія отжившія дореформенныя учрежденія не въ состояніи вдохнуть жизнь и дать свободную дорогу къ прогрессу» *).

Вполнѣ соглашаясь съ новымъ собратомъ, мы замѣтимъ, что въ Европейской Россіи провинціальная печать достигла уже значительнаго развитія. Многія изъ губернскихъ газетъ издаются съ большимъ знаніемъ дѣла, редактируются талантливо, выдвигаютъ значительныя мѣстныя литературныя силы. Мы не будемъ называть лучшихъ изъ этихъ изданій,—они пользуются заслуженнымъ успѣхомъ,—и скажемъ только, что явленіе это въ высшей степени утѣшительно. Не зная главнѣйшихъ провинціальныхъ газетъ, теперь нельзя правильно судить о теченіяхъ русской общественной мысли, о духовномъ ростѣ, объ юридическихъ и экономическихъ нуждахъ Россіи. Въ послѣднюю четверть вѣка областная печать выросла въ крупную и благотворную общественную силу. Ея значеніе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превосходитъ значеніе петербургской и московской печати. Она ближе стоитъ къ живымъ, непосредственнымъ нуждамъ населенія, она чаще столичной печати должна затрогивать интересы не юридическихъ, а подлинныхъ лицъ, дѣйствующихъ въ администраціи, въ земствѣ и т. д. Столичная печать начинаетъ считаться съ мнѣніями провинціальной. Не знаю, какъ Петербургу, а Москвѣ,—новой, быстро растущей Москвѣ,—все это въ высшей степени утѣшительно. Москву не безъ пренебреженія называютъ самою большою въ Россіи деревней, и въ этомъ есть значительная доля правды. И вотъ мы, московскіе мужики, радуемся, когда растутъ деревня—Саратовъ, деревня—Казань, деревня—Нижній, всѣ деревни Великой, Малой и Бѣлой Россіи...

Оживленная, плодотворная работа идетъ и въ народныхъ школахъ: глубинѣ нашей провинціи, въ особенности, вонечно, земской. Иногда представляется литературному наблюдателю возможность заглянуть въ эту лабораторію новой Россіи: выходитъ изслѣдованіе или отчетъ по учебному дѣлу въ народной школѣ, и передъ вами встаютъ не разрозненныя усилія отдѣла

*) *Сибирь*, 1 января 1897.

ныхъ учителей и учительницъ, а картина достигнутыхъ уже общихъ результатовъ и назрѣвшихъ потребностей. Въ числу такихъ изданій принадлежатъ *Записки о губернскихъ краткосрочныхъ педагогическихъ курсахъ въ Твери 1896 г.* Д. И. Тихомирова *). О чрезвычайно интересныхъ педагогическихъ вопросахъ, подымавшихся и обсуждавшихся на курсахъ, я говорить не стану: это—дѣло специалиста. Но *Записки* представляютъ и значительный общій интересъ для каждаго, кому дороги судьбы русскаго просвѣщенія.

На курсахъ участвовало до двухсотъ учителей и учительницъ. «Основнымъ вопросомъ, не сходящимъ съ очереди во все время занятій на курсахъ, былъ интересующій всѣхъ въ настоящее время вопросъ о томъ, какое образовательное и воспитательное (въ примѣненіи къ жизни) значеніе имѣетъ каждый изъ предметовъ школьнаго ученія, какія занятія и умѣнья должны быть признаны для будущей жизненной дѣятельности учениковъ плодотворными и какія бесплодными» **).

Составитель *Записокъ* говоритъ, что крестьяне оцѣнили гуманное значеніе школы, что кончившіе въ ней курсъ вносятъ новыя добрыя понятія въ семью и общественную среду. «Всѣ приглашенные на курсы учительницы и учителя отнеслись въ дѣлу курсовъ съ полною серьезностью и глубокимъ интересомъ».

Сдвинулась съ трехъ китовъ матушка-Русь.

О. Т. В.

---

*) Отмѣтимъ кстати, что доходъ съ этой книги назначенъ въ пользу Общества земнаго вспоможенія учащимъ и учившимъ въ Тверской губерніи. Стоитъ эта 1 руб.

**) По этому поводу вспоминаю, что мнѣ недавно показывали копию съ документа, который я считаю апокрифическимъ,—такъ онъ изумителенъ: въ немъ строго писывалось учить въ воскресныхъ школахъ *исключительно механическому чтенію*, т. е. толковое и выразительное общими наказаніями.

Контора журнала „Русская Мысль“ (Москва, уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской ул., д. № 2 — 24) принимаетъ объявленія, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб. Расчетъ производится за полную страницу, хотя бы объявленіе занимало мѣсто менѣе страницы.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу листовъ, прикладываемыхъ къ журналу объявленій, взимается съ каждой 1000 экз. за 1 лотъ вѣсу 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 р. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы къ журналу.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1883, 1886, 1887 и 1888 гг., цѣна которымъ, съ пересылкою, слѣдующая: 1883 и 1886 гг. за 1 экз. по 6 руб., 1887 г. за 1 экз. 7 руб., 1888 г. за 1 экз. 8 р. Цѣна за всѣ означенные годы вмѣстѣ 26 руб. съ пересылкою.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Январь.

1897 года.

Содержаніе. I. Книги: Беллетристика. — Философія, психологія, педагогика. — Исторія, исторія литературы, автобіографіи и біографіи. — Политическая экономія. — Юридическія книги. — Естествознаніе. — Технические книги. — Сельское хозяйство. — Медицина. — Учебники, книги для дѣтскаго чтенія. — Изданія для народа. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», декабрь. — «Русское Богатство», ноябрь. — «Сѣверный Вѣстникъ», декабрь. — «Образованіе», 1896 г. — «Дѣтскій Отдыхъ», май — декабрь. — «Дѣтское Чтеніе», февраль 1896 г. — январь 1897 г. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 декабря 1896 г. по 1 января 1897 года.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Полное собраніе сочиненій Н. С. Лѣскова“. Изд. второе. — „Полное собраніе сочиненій Вяземскаго“. — „Бояре Стародубскіе“. Истор. романъ А. В. Щегловой. — Стихотворенія кн. Кугушева“.

Полное собраніе сочиненій Н. С. Лѣскова. Изданіе второе съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго, съ приложеніемъ пяти портретовъ Лѣскова и снижка съ его рабочаго кабинета. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб., 1896 г. Первымъ изданіемъ *Сочиненія* Н. С. Лѣскова вышли въ свѣтъ въ 1889—90 гг. при жизни автора въ десяти томахъ; дополнившіе это изданіе томы помѣчены: одиннадцатый—1893 годомъ, двѣнадцатый—1896 г. Когда выходило первое изданіе, нами были даны отзывы о произведеніяхъ Лѣскова въ *Библіографическомъ отдѣлѣ*, о первыхъ пяти томахъ въ августовской книгѣ *Русской Мысли* за 1889 г., о послѣдующихъ пяти — въ сентябрьской за 1890 г. Просмотрѣвши новое изданіе г. Маркса, мы очень немного можемъ добавить къ высказанному нами въ двухъ указанныхъ статьяхъ при жизни знаменитаго писателя. Въ *Критико-біографическомъ очеркѣ*, напечатанномъ въ первомъ томѣ второго изданія, г. Сементковскій говоритъ, что „духовный обликъ Лѣскова, своеобразность котораго всѣ чувствуютъ, не отмѣченъ и не разъясненъ еще никѣмъ“. И затѣмъ „пытается“ установить его умственный обликъ, руководствуясь не голосомъ представителей разныхъ партій, а анализомъ его произведеній“. Въ нашей оцѣнкѣ литературныхъ достоинствъ произведеній Лѣскова мы, такъ же точно, держались совершенно въ сторонѣ отъ какой-либо „партійности“, не отступимъ и теперь, по разумѣнію нашему, отъ полнаго и самаго искренняго безпристрастія, во многомъ соглашаемся съ г. Сементковскимъ, но нѣкоторые его выдѣлы, — притомъ основныя, — не можемъ признать правильными, а по му находимъ, что не совсѣмъ ясенъ и вѣренъ представленный въ о очеркѣ „умственный обликъ“ Лѣскова. Очеркъ этотъ не столько критико-біографическій, сколько „критико-апологетическій“, написан-

ный какъ бы въ защиту автора романовъ *Некуда* и *На ножкахъ*, — тѣхъ, именно, произведеній, которыя вызывали наибольшія осужденія съ одной стороны и восхваленія съ другой въ нашихъ такъ называемыхъ партіяхъ. Г. Сементковскій говоритъ: „Лѣсковъ въ этомъ вопросѣ („куда“ идти) является единомышленникомъ Писемскаго, Достоевскаго, Гончарова и Тургенева, которые въ своихъ романахъ: *Взбаломученное море*, *Бѣсы*, *Обрывъ* и *Ночь*, высказались въ томъ же смыслѣ. Лѣсковъ вслѣдствіе своего знакомства съ жизнью одинъ изъ первыхъ въ прекрасномъ художественномъ произведеніи указалъ путь, признанный вѣрнымъ такими писателями, которые составляютъ гордость нашей литературы“. Романъ *Некуда* мы считаемъ такимъ же „непрекраснымъ“ произведеніемъ, какъ *Взбаломученное море*, и думаемъ, что названные г. Сементковскимъ остальные два романа (*Ночь* мы, конечно, исключаемъ) никому не дадутъ повода гордиться и навсегда останутся, вмѣстѣ съ романами *На ножкахъ* и *Некуда*, достойными прискорбія памятниками того, что крупнѣйшіе изъ русскихъ писателей невнимательно или недоброжелательно отнеслись къ людямъ, державшимъ разное отъ нихъ мнѣніе. Г. Сементковскій не разъ ставитъ на томъ, что Лѣсковъ „въ дѣтствѣ и въ молодости убѣдился, что, при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, воодушевленный чувствомъ дѣятельной любви къ ближнему можетъ сдѣлать очень много добра...“ „Настроеніе же русскаго общества, — продолжаетъ авторъ очерка, — было въ значительной степени противоположное: оно исходило изъ убѣжденія, что и хорошій человѣкъ ничего не можетъ сдѣлать добраго при неблагоприятныхъ условіяхъ, что благоприятныя условія родятъ хорошихъ людей. Это было глубокое несоотвѣтствіе взглядовъ: для нашего общества центр тяжести вопроса лежалъ въ надеждахъ на мѣропріятія; для Лѣскова — въ хорошихъ людяхъ или, какъ онъ ихъ называлъ, *праведникахъ*...“ Въ этомъ-то и заключается ошибка Лѣскова и тѣхъ, кто продолжалъ думать, какъ онъ думалъ. Никто и никогда „въ нашемъ обществѣ“ не сомнѣвался въ томъ, что „хорошіе люди“, „праведники“ могутъ дѣлать много добра, и доказывать вѣрность этого положенія не было надобности. И положеніе это, и доказательства такого рода никогда не разубѣдятъ общество въ необходимости мѣропріятій, направленныхъ къ устраненію „неблагоприятныхъ условій“. Общество останется убѣжденнымъ въ томъ, что, при „неблагоприятныхъ условіяхъ“, всему обществу и каждому обывателю въ отдѣльности, даже самому большому „праведнику“, жить не хорошо, а возлагать надежды на добрыя дѣла „праведниковъ“ — не умно. Сами по себѣ указанія на „праведниковъ“ хороши и полезны. Но когда вопросъ ставится такъ, какъ это дѣлаетъ г. Сементковскій, уясняя „умственный обликъ“ Лѣскова, такія указанія могутъ принести только вредъ самимъ „праведникамъ“, не-праведникамъ и всему обществу, такъ какъ подобныя указанія спутываютъ понятія и всѣхъ сбиваютъ съ толку перенесеніемъ центра тяжести съ устойчивыхъ основаній „благоприятныхъ условій“ на ненадежныя и часто безсильныя личныя добродѣтели. Что бы ни говорили очень большіе писатели, — Лѣсковъ и гр. Л. Н. Толстой, на котораго тоже ссылается авторъ очерка, — общество не перестанетъ вѣрить тому, что „благоприятныя условія“ *рождаютъ* хорошихъ людей, воспитываютъ добрыя чувства, сдерживаютъ дурныя инстинкты, помогаютъ самимъ праведникамъ проявлять свою дѣятельность въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ это возможно при условіяхъ неблагоприятныхъ, устранить которыя, слѣдовательно, жела-

тельно, необходимо и никакъ нельзя безъ „мѣропріятій“. Общество или извѣстная часть общества искренно вѣрила въ спасительность того, что г. Сементковскій называетъ „мѣропріятіями“, пламенно желала измѣненія къ лучшему своихъ условій жизни, много усилій, самыхъ честныхъ, было употреблено на это не менѣе безкорыстно и самоотверженно, чѣмъ то дѣлали „праведники“ въ своемъ крошечномъ кружечкѣ. Лѣсковъ, которому біографомъ приписывается очень большое „знаніе жизни“ всѣхъ слоевъ русскаго общества, не замѣтилъ или не понималъ того, что дѣлалось въ тѣхъ кружкахъ, изъ которыхъ онъ такъ охотно выбиралъ отрицательные типы и нелѣпыя дѣянія, не только осмѣивая ихъ, но и предавая поруганію. Своихъ праведниковъ, — говоритъ біографъ, — „онъ беретъ изъ всѣхъ сферъ жизни“... кромѣ одной, — вынуждены мы добавить, — именно той, которую онъ считалъ зараженною многими „общественными недугами, въ томъ числѣ склонностью увлекаться фразами и теоріями, несоразмѣрными съ жизнью“, — какъ говоритъ г. Сементковскій. И пусть „считалъ“, — упрекъ Лѣскову дѣлался и будетъ дѣлаться не за это, а за то, что вездѣ онъ разыскивалъ и находилъ, блестяще изображалъ „праведниковъ“, крестьянъ, солдатъ, купцовъ, священниковъ, помѣщиковъ, инженеровъ, кварталныхъ, скомороховъ и т. д., и лишь изъ одной „сферы“, — увлекающихся, — выбиралъ и противопоставлялъ имъ самыхъ худшихъ или неразумныхъ. Вслѣдствіе этого, общая картина пятидесятилѣтія русской жизни, изображенная въ собраніи его сочиненій, представляется невѣрною, написанною на двѣ половины: на одной — „неблагопріятныя условія“ и „праведники“, спасающіе свои души добрыми дѣлами, облегчающими горькое положеніе случайно попадающихъ имъ на глаза несчастныхъ, гибнущихъ отъ такихъ „условій“; на другой — легкомысленные, глухие или негодные люди, увлекающіеся фразами и теоріями, „несоразмѣрными съ жизнью“. Самая же „несоразмѣрность“ такъ и осталась недоказанною и даже неуказанною Лѣсковымъ. Біографъ-критикъ сводитъ все къ тому, что Лѣсковъ съ начала и до конца жизни „проповѣдывалъ“ одно: „спасаетъ не теорія, не идея, а живое дѣло, направленное къ обезпеченію блага ближняго“. Кого же, однако, спасаетъ такое дѣло? Совершающаго его и того, ради кого оно совершено, но никого не спасаетъ отъ повторенія такихъ приключеній, отъ которыхъ приходится спасать не одного, а очень многихъ, чего не было бы никакой надобности дѣлать, еслибы разумная теорія и благая идея, основательно приложенныя къ жизненной практикѣ соответствующими мѣропріятіями оградили все общество отъ опасности, грозящей каждому обывателю. Сопоставляя міросозерцаніе Лѣскова съ идеями, которыя проповѣдуетъ гр. Толстой, г. Сементковскій указываетъ на существенное различіе ихъ взглядовъ въ томъ, что Лѣсковъ „несколько не отвергаетъ ни науки, ни современныхъ формъ культурной жизни“. Это вѣрно, но отъ этого никому не легче, такъ какъ оба они, рѣзко отрицая пригодность теорій и идей, которыя имъ не нравятся, подставляютъ на ихъ мѣсто идеи и теоріи, которыя они считаютъ спасительными и непогрѣшимыми. Проповѣдь Лѣскова сводится къ одному: „не въ тѣхъ или другихъ теоріяхъ спасеніе, а въ людяхъ, умѣющихъ дѣлать настоящее дѣло...“ — т. е. такое, которое проповѣдникъ считаетъ „настоящимъ“. Чѣмъ же это не теорія и не идея? Почему она лучше, чѣмъ теорія и идеи, которыя Лѣсковъ отвергалъ съ такимъ презрѣніемъ, объявляя ихъ „несоразмѣрными съ жизнью“? Критикъ настаиваетъ на томъ, что цѣлый рядъ

произведеній Лѣскова „посвященъ указанію на то, что въ прежней до-реформенной Россіи можно было многое сдѣлать“... — и что, „исходя изъ этого факта, онъ, при своемъ вступленіи на литературное поприще, задался прежде всего вопросомъ, пригодны ли *новые люди* для такого живого дѣла при измѣнившихся условіяхъ. Добросовѣстно изучая дѣйствительность, онъ пришелъ къ отрицательному выводу и имѣлъ великое мужество сказать это *новымъ людямъ* прямо въ лицо“. Не имѣя ни малѣйшаго желанія отрицать или умалять „мужество“ такого крупнаго писателя, какъ Лѣсковъ, мы остаемся при нашемъ прежнемъ мнѣніи, высказанномъ въ указанныхъ нами выше нашихъ отзывахъ: увлекаясь своими идеями и отдаваясь своему скептицизму, Лѣсковъ очутился въ сторонѣ отъ тогдашнихъ „новыхъ людей“,—вслѣдствіе нѣкоторыхъ прискорбныхъ обстоятельствъ, не сблизился съ ними, а потому не имѣлъ возможности „изучить дѣйствительность“, проходившую мимо него, и лишь случайно сталкивался, отмѣчая ихъ, съ худшими представителями кружковъ, противъ которыхъ успѣло тогда уже сложиться предубѣжденіе людей, считавшихъ всякое новшество измышленіемъ злокозненной фантазіи. Все нами сказанное ни на одну линію не умаляетъ огромнаго таланта Лѣскова, ни значенія его произведеній, и сказано нами лишь затѣмъ, чтобъ отдѣлать въ нихъ дѣйствительно прекрасное отъ ошибочнаго, превознесеннаго г. Сементковскимъ.

Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго. Т. XII, 1863—1877 гг. Спб., 1896 г. Предпринятое уже очень давно гр. С. Д. Шереметевымъ изданіе сочиненій кн. Вяземскаго, повидимому, доведено до конца. Послѣдній томъ вышелъ послѣ такого большого промежутка, что первые томы успѣли сдѣлаться большою библиографическою рѣдкостью, такъ что ихъ очень не мѣшало бы перепечатать (въ особенности первый).

Старческимъ брюзжаніемъ и немочью вѣетъ отъ большинства помѣщенныхъ въ этомъ томѣ стихотвореній. Плохо разбирается одряхлѣвшій поэтъ во впечатлѣніяхъ чуждой ему и мало понятной дѣйствительности.

„Прекрасному либералу“, напимѣръ, онъ читаетъ такое наставленіе:

Ты не впередъ ушелъ: съ глазами на затылѣ,
Ты за семьдесятъ лѣтъ перескочилъ назадъ.
Стара и рѣчь твоя, и старъ твой весь нарядъ,
И съ новаго своей ты только-что залата
Въ кровавомъ рубищѣ Дантова и Марата (18).

Вотъ что сказано „о нашихъ нигилистахъ (avec circonstances attendantes)“:

Грѣхъ ихъ преслѣдовать упрекомъ или свистомъ.
На нѣтъ—нѣтъ и суда: плодъ дастъ ли пустоцвѣтъ?
Ума въ нихъ нѣтъ, души въ нихъ нѣтъ,—
Тутъ по неволѣ будешь нигилистомъ (ibid.).

Браня настоящее, кн. Вяземскій сильно идеализируетъ прошлое:

А чуднымъ пламенемъ кипѣли
Тѣ незабвенные года!
Любили, вѣровали, пѣли
Жрецы прекраснаго труда;
Мечтой возвышенною жили
И, отрѣшась отъ узъ земныхъ,
Предъ чистымъ алтаремъ служили,
И чисти были жертвы ихъ (стр. 51—62).

Попадаются кое-гдѣ искорки прежнего поэтического дара.
О байронизмѣ, напримѣръ, кн. Вяземскій вспоминаетъ такъ (стр. 61):

Нашъ, два поколѣнья наша
Имъ бредили. И старъ, и младъ
Пилъ изъ его волшебной чаши
Струю сладкій медъ и ядъ.
Всѣ, кто растрепанный, кто блѣдный,
Въ корсары лѣзъ; но море гдѣ?
И, за немѣньемъ моря, бѣдный
Барахтался въ своемъ прудѣ.
Съ нимъ каждый былъ суровъ и хладенъ,
Таинственъ и неостижимъ,
Разочарованъ, беспощаденъ,
И другъ людей, и нелюдимъ.
Борьбѣ страстей и взоръ пытливый,
Чтобъ съ таинствъ всѣхъ покровъ совлечь,
И сердца вопль краснорѣчивый,
И саркастическая рѣчь.

И Пушкинъ, въ юности грѣховной
Къ нему поддѣлавшись, хромалъ,
Пока, не сбросивъ гнетъ условный,
Самъ твердымъ шагомъ замагалъ.

Недурны слѣдующіе стихи (стр. 373).

Сфинксъ неразгаданный до гроба,—
О немъ и выгѣ спорать вновь:
Въ любви его роптала злоба,
А въ злобѣ теплилась любовь.
Дитя осямнадцатаго вѣка,
Его страстей онъ жертвой былъ
И презиралъ онъ человѣка,
И человечество любилъ.

Интересно, кого имѣлъ въ виду поэтъ, дѣлая эту сжатую и мѣткую характеристику!

Трудно не согласиться со словами „Эпитафій себѣ заживо“ (439):

Лампадою ночной погасла жизнь моя,
Себя какъ мертвого оплакиваю я.
На мнѣ боги и печали
Глубоко врѣзанъ тяжкій слѣдъ:
Того, кого вы знали,
Того ужъ Вяземскаго нѣтъ.

Къ этому тому приложенъ прекрасный портретъ кн. Вяземскаго въ старости.

Бояре Стародубскіе. Историческій романъ изъ временъ царя Алексѣя Михайловича. А. В. Щепкиной. М., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к. Историческіе романы вездѣ читаются съ большимъ интересомъ. Въ нихъ публика ищетъ того, чего не даетъ ей самая многотомная и подлинная исторія,—ищетъ картинъ быта прошедшихъ временъ, рассказовъ о нравахъ и обычаяхъ предковъ, повѣствованій о жизни ихъ въ связи съ событіями данной эпохи, представленія въ живыхъ образахъ извѣстныхъ историческихъ личностей, выясняемыхъ тѣмъ, что составляетъ анекдотическую сторону исторіи. За полною достовѣрностью тутъ никто не гонится. Анекдоты могутъ быть апокрифическими и даже прямо вымышленными, хотя бы самимъ авторомъ. Но отъ историческаго романа требуется, прежде всего, чтобы былъ, нравы, обычаи и

міросозерцаніе были воспроизведены авторомъ вѣрно и въ возможной подробности. Само собою разумѣется, читателю желательно и полезно имѣть въ такихъ романахъ правдиво и ярко написанные портреты выдающихся дѣятелей, какъ въ общественной, такъ и въ частной домашней жизни. Въ нашей литературѣ блестящими образцами такихъ произведеній служатъ *Капитанская дочка*, *Князь Серебряный*, *Война и миръ*. Для того, чтобы написать историческій романъ, автору недостаточно имѣть талантъ, нужны еще большія знанія, необходимо очень тщательное изученіе того времени, которое онъ задумываетъ изобразить. У сочинительницы романа *Бояре Стародубскіе*, ничего этого нѣтъ, ни таланта, ни знанія, ни пониманія того, что требуется отъ историческаго повѣствованія, написаннаго въ беллетристической формѣ. Произведение г-жи Щепкиной свидѣтельствуеетъ только объ очень большой смѣлости, доводящей людей до наивныхъ „покушеній съ негодными средствами“. Фигуры историческихъ лицъ: царя Ѳедора Алексѣевича, царевны Софьи, бояръ Матвѣева, Рамодановскаго и Симеона Полоцкаго проходятъ въ романѣ совершенно безформенными тѣнями и, притомъ, ни на что не пужными, такъ какъ на ходъ романа они не оказываютъ ни малѣйшаго вліянія. Главныя дѣйствующія лица, отецъ и сынъ Стародубскіе и семья Талочановыхъ, написаны по трафаретамъ однотонными, уныло-блѣдными красками. Казаки и казачки, съ которыми сходитсѣ герой романа Алексѣй Стародубскій во время похода къ Чигирину, — просто, жалости достойны за свою полную безцвѣтность... По части бытовыхъ подробностей дѣло обстоитъ до крайности плохо, мѣстами даже совсѣмъ неблагополучно. Для примѣра укажемъ на такіе курьезы: „Молодой бояринъ, одѣтый въ объяренную ферезь, и въ парчевой шапочкѣ, обшитой мѣховымъ околышемъ, стоялъ передъ Талочановой“, старой боярыней, хозяйкой дома, принимающей гостей въ своихъ „покояхъ“. Боярышни подносятъ ему съ поклонами кубокъ меда, а молодой бояринъ „управляетъ на себѣ ферезь и шапочку на головѣ“... „На головѣ у боярышни была *кика*“... Вблизи Кіева бояринъ Алексѣй Стародубскій „вошелъ въ просторную избу постоялаго двора и спросилъ чего-нибудь на ужинъ. Алексѣю предложили выпить сначала *кофе*, къ которому онъ началъ уже привыкать, проѣзжая по городамъ, бывшимъ недавно подъ властью Польши“... Вотъ такъ Украина, вотъ такъ жидовская корчма! Бояринъ Алексѣй попиваетъ кофе, привыкъ уже къ нему въ 1675 году. Въ Гамбургѣ первая кофейная открыта въ 1679 г., въ Берлинѣ первая кофейная открыта въ 1721 г., въ Парижѣ — въ семидесятыхъ годахъ XVII вѣка... Еврей-шинкари въ малороссійскихъ степяхъ опередили съ кофеемъ всѣ столицы Европы. Романъ г-жи Щепкиной представляетъ собою отличный образецъ того, какъ не слѣдуетъ писать историческіе романы.

Стихотворенія. Князь А. П. Кугушевъ. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к. Стихотворенія князя Кугушева появлялись въ *Вѣстникѣ Европы*, въ *Русскомъ Обзорнѣи* и въ другихъ изданіяхъ. Это уже свидѣтельствуеетъ о томъ, что мы имѣемъ дѣло не съ *гражданскою музою*. И дѣйствительно, въ изящно изданномъ томѣ стихотвореній князя А. П. Кугушева мы видимъ то родные пейзажи въ полутонахъ, то жалобы на несчастную любовь, то меланхолическіе вздохи о потерянномъ или недоступномъ счастьи. Въ книгѣ, кромѣ лирическихъ стихотвореній, напечатано нѣсколько поэмъ. Иногда у автора вырываются бодрые и даже горделивые звуки. Онъ говорить, наприкладъ:

Я пронесу спокойно въ вѣчность
 Любовь всецѣльную мою,
 И вѣру въ свѣтъ и человѣчность
 Невѣрьемъ я не замѣню.
 Такъ нерушимой мощью полный
 Отъ вѣка созданный гранитъ,
 Встрѣчая яростныя волны,
 Ихъ дерзкой злобѣ предстоитъ.

Но преобладающее большинство стихотвореній князя А. П. Кугушева не оправдываетъ его самовольнаго сравненія съ гранитомъ и отъ многихъ изъ нихъ дышетъ тихою грустью и даже уныніемъ, а уныніе — плохая сестра лирической, да и всякой другой музѣ. Мы желали бы автору побольше бодрости, за которою явилось бы и побольше яркости.

ФИЛОСОФІЯ, ПСИХОЛОГІЯ, ПЕДАГОГИКА.

„Вопросы Философій и Психологій“, ноябрь—декабрь. — „Философскій Ежегодникъ“. Я. Колубовскаго. — „Сборникъ, изданный къ двадцатипятилѣтію коллегіи Павла Галагана“. — „Лѣтнія колоніи московскихъ городск. начальныхъ школъ“. Отчетъ 1895 г.

Вопросы Философій и Психологій, ноябрь — декабрь. Последняя книга московскаго философскаго журнала за 1896 годъ открывается рѣчью предсѣдателя психологическаго общества Н. Я. Грота *О жизни и личности Декарта* *). Авторъ признаетъ великаго французскаго мыслителя „отцомъ того новѣйшаго идеалистическаго рационализма, который выразился, между прочимъ, и въ общественной и политической борьбѣ европейскихъ народовъ за идеалы права, человѣчности и свободы“.

Весьма поучительна статья В. К. Рота: *Нейрастенія и лѣность*.

„Однажды, — такъ начинается авторъ, — я пытался замолвить слово директору высшаго учебнаго заведенія за одного воспитанника, которому грозило исключеніе по случаю невыдержанныхъ экзаменовъ. Онъ — нейрастеникъ, утверждалъ я, здоровье его поправится и занятія пойдутъ какъ слѣдуетъ. Онъ — лѣнтяй, увѣрялъ директоръ, и все равно никогда не кончитъ курса“. Къ сожалѣнію, такой отвѣтъ далеко не исключеніе, и большинство нашихъ педагоговъ лишено самыхъ элементарныхъ естественно-научныхъ свѣдѣній и склонно пренебрежительно относиться къ совѣтамъ врача.

Кончаетъ свою статью В. К. Ротъ словами, которыя мы съ особенною радостью привѣтствуемъ: „Пусть нейрастеники знаютъ, — говоритъ почтенный авторъ, — что хорошій умственный багажъ, привычка къ работѣ, чистая совѣсть и любовь къ ближнему представляютъ собою такую динамогенизирующую силу, которая можетъ расшевелить самую неподвижную нервную клѣтку!“ Въ этихъ словахъ звучитъ научный *реалистическій рационализмъ* конца XIX вѣка.

С. Н. Булгаковъ въ статьѣ *О закономерности социальныхъ явленій* пытается дать философское обоснованіе теоріи экономическаго материализма, но это ему не удается. Авторъ „отказывается мыслить соотношеніе между хозяйствомъ и правомъ по принципу цѣли, — оно вполнѣ“

*) На русскомъ языкѣ о Декартѣ есть книга Фулье *Декартъ*, въ переводѣ г-жи Ариновой, очеркъ г. Палермы (въ библиографической бібліотекѣ Ф. Ф. Павленкова) и сочиненіе г. Любимова: *Философія Декарта*.

нѣ укладывается въ категорію причинности“. Но этотъ отказъ имѣеть только субъективную обязательность, и весь историческій ходъ развитія челоуѣчества преимущественно тѣмъ и характеризуется, что цѣлесообразныя соотношенія и учрежденія все болѣе и болѣе замѣняютъ собою отношенія стихійныя, давая возможность сознательной координаціи общественныхъ силъ. Редакція *Вопросовъ Философіи и Психологии* даетъ мѣсто статьямъ всѣхъ направленій мысли, иногда оговариваясь о своемъ несогласіи съ авторомъ. Такую оговорку сдѣлала она и относительно статьи г. Булгакова.

Въ журналѣ напечатаны, кромѣ того, статьи В. С. Соловьева, князя С. Н. Трубецкого, В. П. Сербскаго, А. А. Токарскаго. Богатое и разнообразное содержаніе книжки пополняется превосходнымъ критико-библіографическимъ отдѣломъ. Въ приложеніи печатаются протоколы психологическаго общества и *Записки психологической лабораторіи* (психіатрической клиники Московскаго университета). Заглавіе не совсѣмъ соответствуетъ содержанію. Такъ, напримѣръ, въ *Запискахъ лабораторіи* напечатано *Введеніе въ изученіе психологии* г. Токарскаго. Надо принять въ расчетъ, что напечатано это введеніе даже не въ началѣ записокъ, которыя давно ведутся, а въ послѣдней книжкѣ *Вопросовъ Философіи и Психологии*. Для большинства читателей это мало доступный и полусырой матеріалъ. Мы не понимаемъ утвержденія г. Токарскаго, будто философія должна вѣчно довольствоваться *чистыми умозрѣніемъ*. Странно это слышать послѣ трудовъ Конта, Милля, Спенсера...

Философскій ежегодникъ Я. Колубовскій. Годъ второй 1894 г. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. М., 1896 г. Г. Колубовскій въ своемъ „Обзорѣ книгъ, статей и замѣтокъ, преимущественно на русскомъ языкѣ, имѣющихъ отношеніе къ философскимъ знаніямъ“, обнаруживаетъ изумительную энергію. Онъ роется не только въ крупныхъ столичныхъ изданіяхъ, но и во множествѣ провинціальныхъ, слѣдитъ за журнальною полемикою и т. д. Его *Ежегодникъ*—драгоцѣнная справочная книга. Составитель, однако, не ограничивается справками, а высказываетъ и свои мнѣнія, иронизируетъ и полемизируетъ. Такъ очень больно доносится отъ него нѣзрелому г. Евгенію Боброву, новоявленному философу въ Юрьевѣ. Можно только пожалѣть, что, имѣя въ виду полноту свѣдѣній, Я. Н. Колубовскій вводитъ иногда въ *Философскій Ежегодникъ* ужъ очень большіе пустяки (въ книгѣ 1136 отзывовъ). Систематическій перечень облегчаетъ справки.

Сборникъ, изданный къ двадцатипятилѣтію коллегіи Павла Галагана, подъ ред. А. І. Степовича. Кіевъ, 1896 г. Мы считаемъ необходимымъ указать на этотъ *Сборникъ* не только въ виду его нѣкоторой литературной цѣнности (въ изданіе входятъ, напримѣръ, статьи г. Чубинскаго *Объ обратномъ дѣйствіи уголовного закона*, г. Степовича *О Шафарикѣ* и др.), но преимущественно потому, что получаемъ возможность, воспользовавшись нѣкоторыми указаніями юбилейной книги, напомнить читателямъ объ успѣшномъ существованіи единаго въ своемъ родѣ средняго учебнаго заведенія, во многомъ не похожаго на другія казенныя гимназіи и училища въ Россіи.

Коллегія Павла Галагана основана въ 1871 г. и открыта 1 октября того же года послѣднимъ представителемъ стараго малорусскаго рода Григоріемъ Павловичемъ Галаганомъ, впоследствии (съ 1882 г.) членомъ государственнаго совѣта. Г. Галаганъ, воспитанный не безъ извѣстнаго Москвѣ, да и всей Россіи, Ѳ. В. Чицова, окончилъ юр-

дическій факультетъ С.-Петербургскаго университета въ 1840 г., по чиновничьей службѣ не несъ. Самъ онъ, по своему характеру, убѣжденіямъ и дѣятельности представлялъ оригинальнѣйшее и симпатичное явленіе среди не только южно-русской, но и обще-русской аристократіи. Славянофилъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, украинофилъ, какъ мѣстный человѣкъ, любившій свой народъ за его многострадальную исторію, величіе историческаго духа, чудную, безыскусственную поэзію и высоко-человѣчные идеалы, Г. П. былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей освободительнаго періода конца 50-хъ и начала 60-хъ гг. Никогда и впослѣдствіи онъ не отступалъ отъ своихъ опредѣленныхъ убѣжденій и не прекращалъ своей общественной работы, значительно тяготясь, особенно въ послѣднее пятилѣтіе своей жизни, перерывами въ томъ трудѣ для своей родной земли, который, за частымъ пребываніемъ Г. П. далеко отъ близкихъ ему интересовъ, терялъ свою интенсивность и значеніе. Въ освобожденіи крестьянъ, въ дальнѣйшемъ устройствѣ ихъ быта, въ широкомъ распространеніи образованія, въ судебной реформѣ, въ научно-литературномъ движеніи она онъ принималъ дѣятельное и разнообразное участіе до самой своей смерти (1888 г.).

Въ 1869 г. у Г. П. умеръ единственный сынъ, Павелъ, юноша 16 лѣтъ. Родъ Галагановъ прекращался, а важнѣе всего, прекращались тѣ тенденціи и падали тѣ надежды на продолженіе дѣла Г. П., какія питалъ отецъ и какія поддерживали его въ нелегкой у насъ общественной честной дѣятельности. Въ память этого сына, желая создать что-либо прочное и новое въ сферѣ общественнаго образованія, заботясь о томъ, чтобы не прекратилось то общественное движеніе, которое должно было, по мнѣнію Григорія Галагана, жить для лучшаго будущаго нашего отечества, Галаганомъ основана коллегія на пожертвованныя имъ суммы для всего обзаведенія школы и поддержки ея доходами съ капиталовъ и имѣній, подаренныхъ коллегіи. Всего на коллегію пожертвовано Г. Г. и его супругой гораздо больше милліона рублей, а доходъ съ имѣній (около 7,000 дес.) и другого имущества въ теченіе 25 лѣтъ превзошелъ 570,000 руб. (въ одномъ прошломъ учебномъ году свыше 30 т. р.). На эти средства содержатся, воспитываются и обучаются въ коллегіи 30 стипендіатовъ; кромѣ того, доходы съ имѣній идутъ на общіе расходы по школѣ. Кромѣ стипендіатовъ имени Павла Галагана, въ этомъ закрытомъ учебномъ заведеніи живетъ и учится ежегодно отъ 30 до 40 своекоштныхъ воспитанниковъ. Курсъ коллегіи приурочленъ къ 4-мъ старшимъ классамъ гимназій мин. нар. проsv., такъ что въ коллегію поступаютъ по окончаніи первыхъ 4-хъ классовъ гимназій юноши 14—16 лѣтъ и проучившись въ ней четыре года, послѣ экзаменовъ на аттестатъ зрѣлости, 18—20 лѣтъ имѣютъ право поступить въ университетъ и другія учебныя заведенія. Всѣхъ получившихъ аттестатъ, за 22 состоявшихся выпуска, было 303 человѣка, изъ нихъ гораздо больше половины окончили уже университетъ и отдали себя государственной, общественной и литературной дѣятельности.

Уставъ коллегіи, о чемъ мы уже говорили вначалѣ, представляетъ много оригинальнаго. По уставу своему коллегія состоитъ въ вѣдѣніи мин. нар. проsv., но состоитъ подъ ближайшимъ руководствомомъ университета Св. Владимира. Избѣгая нивеллировокъ, господствующей въ нашей учебной практикѣ, учредитель колл. боялся, чтобы не произошло, какъ онъ выразился, „стрижки подъ гребенку“ и его

излюбленнаго заведенія. Поэтому онъ принялъ только „общія мѣры для всѣхъ“ при устройствѣ своей школы и въ то же время озаботился подчеркнуть въ уставѣ и дать коллегіи большую самостоятельность въ ея дѣятельности, чѣмъ сколько ее имѣютъ казенныя гимназіи. Поэтому правленію и совѣту колл. предоставлено значительное вліяніе во всемъ, что касается внутренняго порядка заведенія, устройства учебной части, примѣненія воспитательныхъ началъ и т. д. Общій курсъ всѣхъ 4-хъ классовъ колл. не только по желанію министерства, но и по мысли учредителя долженъ давать въ цѣломъ не менѣе учебнаго курса классическихъ гимназій, такія требованія представляются и на экзаменахъ зрѣлости, но этотъ курсъ даетъ, въ образовательномъ особенно смыслѣ, больше нежели требуютъ, да и могутъ требовать, казенныя учебныя заведенія. Это зависитъ и отъ склада жизни учениковъ, и отъ чрезвычайно изобильнаго, разнообразнаго и систематическаго состава пособій, въ особенности библиотекъ, но преимущественно — отъ свободы коллегіальнаго устава, дающаго возможность распределять учебный матеріалъ, учебные методы, программы не по омертвѣлымъ схемамъ, а сообразно индивидуальности учениковъ и классовъ и практическому опыту, вырабатываемому и видоизмѣняющемуся въ школѣ.

Читатели, полагаемъ, не посѣтуютъ на насъ за то, что мы указали на *Сборникъ* къ 25-лѣтію коллегіи и кратко познакомили съ особенностями не вполне обычнаго средняго учебнаго заведенія, основаннаго далеко не ординарнымъ человекомъ и приготавлиющагося существовать еще не одно 25-лѣтіе, прежде всего способствуя „развитію самостоятельнаго педагогическаго дѣла въ Россіи путемъ учебно-воспитательнаго опыта“. Если читатели обратятся къ *Сборнику*, то найдутъ тамъ не мало интереснаго матеріала, котораго мы не имѣли возможности коснуться въ этой небольшой замѣткѣ.

Лѣтнія колоніи московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ. Отчетъ 1895 года. М., 1896 г. Если педагогическая обстановка столичныхъ городскихъ начальныхъ училищъ можетъ быть названа роскошной сравнительно со скромными, скудными, а иногда и прямо нищенскими средствами деревенскихъ школъ, помѣщающихся зачастую въ тѣсныхъ, темныхъ, полуразвалившихся избенкахъ, съ провалившимися полами и провисшими потолками, съ грифельными досками, вмѣсто тетрадей, съ книгами для чтенія по одной на двоихъ или троихъ учениковъ и т. д., то того же нельзя сказать о гигиенической обстановкѣ жизни учениковъ тѣхъ же школъ. Дѣти деревни, несмотря на всѣ неблагоприятныя условія питания и общей суровости условій ихъ существованія, отличающія завиднымъ здоровьемъ и выносливостью. Такое явленіе объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что они большую часть жизни дышатъ чистымъ, ничѣмъ не отравленнымъ воздухомъ, проводя время среди зелени полей и лѣсовъ, въ постоянномъ движеніи и вольныхъ играхъ. Наоборотъ, дѣти столицы и особенно низшихъ ея классовъ, при общихъ неблагоприятныхъ гигиеническихъ условіяхъ городской жизни, не дающей свободнаго приволья для игръ и движеній, окружены сверхъ того еще цѣлымъ рядомъ специально вредныхъ вліяній заднихъ дворовъ, подвальныхъ жилищъ и другихъ особенностей жизненной обстановки городской бѣдности. Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, что наблюденія за состояніемъ здоровья дѣтей, учащихся въ городскихъ начальныхъ училищахъ, привели, наконецъ, людей, близко къ намъ стоящихъ, къ мысли объ устройствѣ временныхъ лѣтнихъ

колоній хотя бы для тѣхъ изъ этихъ дѣтей, на здоровьѣ которыхъ условія столичной жизни отразились наиболѣе неблагоприятнымъ образомъ. Первая попытка этого рода была сдѣлана въ 1888 году. Колонія устроена была для 19 дѣвочекъ во Владимірской губерніи, причѣмъ общая стоимость содержанія ихъ обошлась всего въ 221 рубль, при 70 рубляхъ расхода по обзаведенію. Устройство такой же колоніи для 14 дѣвочекъ въ слѣдующемъ году въ Московской губерніи обошлось 335 рублей, при 65 рубляхъ на обзаведеніе. Опыта двухъ лѣтъ было достаточно, чтобъ убѣдиться въ полезномъ вліяніи лѣтнихъ колоній на здоровье дѣтей, и мы видимъ, что въ 1890 году ихъ было устроено въ той же губерніи уже три, для 68 дѣвочекъ и 23 мальчиковъ. Начиная съ этого года, дальнѣйшее развитіе дѣла колоній представляется въ такомъ видѣ: въ 1891 г.—107 дѣвочекъ и 55 мальчиковъ пользуются деревенскимъ воздухомъ въ 5 колоніяхъ, въ 1892 г.—121 дѣвочка и 67 мальчиковъ размѣщаются въ 6 колоніяхъ, въ слѣдующемъ году—98 дѣвочекъ и 71 мальчикъ—въ 8 колоніяхъ, въ 1894 г.—102 дѣвочки и 81 мальчикъ—въ 10 колоніяхъ и, наконецъ, въ отчетномъ году 13 колоній были устроены для 116 дѣвочекъ и 94 мальчиковъ. За всѣ 8 лѣтъ въ 47 колоніяхъ нашли себѣ, такимъ образомъ, лѣтній отдыхъ 645 дѣвочекъ и 391 мальчикъ. Почти половина всѣхъ колоній была устроена въ Московской губерніи (24), остальные—въ ближайшихъ къ ней губерніяхъ: Владимірской, Смоленской, Орловской, Рязанской, Ярославской. Расходы по обзаведенію всѣхъ колоній равнялись 2,542 р., а общая стоимость содержанія дѣтей—22,204 р., въ среднемъ по 21 р. на одного ребенка. Судя по отчету за 1895 годъ, матеріальная сторона этого добраго дѣла зиждется на разнообразныхъ источникахъ. Такъ, въ этомъ году собраны были 4,691 р. 31 к. (всего израсходовано было на всѣ 13 колоній 4,161 р. 46 к. на содержаніе и 405 р. 86 к.—на инвентарь) главнымъ образомъ отъ училищъ, посылавшихъ своихъ дѣтей на воздухъ (2,741 р. 50 к.), затѣмъ отъ родителей (484 р. 50 к.), отъ попечителей школы (270 р.), отъ частныхъ лицъ (514 р.), отъ 4-хъ городскихъ попечительствъ (90 р.), отъ гигиеническаго Общества (100 р.) и отъ московской конторы удѣльнаго вѣдомства (20 р.); кромѣ того пожертвовано на инвентарь 405 р. 86 к. и выручено отъ спектакля—65 р. 45 к. Въ то же время городской голова выхлопоталъ бесплатный проѣздъ по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ, къ которымъ присоединилось и Общество Ярославской ж. д. Въ этомъ движеніи принимаетъ участіе также московская земская уѣздная управа, отводящая въ нѣкоторыхъ изъ своихъ школъ даровое помѣщеніе, и многіе помѣщики, дающіе колоніямъ бесплатный же пріютъ въ своихъ усадьбахъ. Выборъ дѣтей производится при помощи врачей, а надзоръ за дѣтьми на мѣстѣ поручается надежнымъ лицамъ изъ педагоговъ, причѣмъ опытъ показалъ, что число дѣтей въ каждой колоніи не должно, въ видахъ пользы дѣла, превышать 15-ти чел. Пожелаемъ дальнѣйшаго и быстрого развитія дѣлу лѣтнихъ колоній, которыя имѣютъ всѣ права на болѣе солидное обезпеченіе со стороны денежныхъ средствъ. Насколько это можно, видно уже изъ того, что изъ числа дѣтей, принятыхъ въ колоніи въ 1895 году, по словамъ отчета, никогда не покидавшихъ города, даже на 1 день, было 93 человѣка, или 44,1%!

ИСТОРИЯ, ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, АВТОБИОГРАФИИ И БИОГРАФИИ.

„Исследования по истории русского права“. Проф. Д. Я. Самоквасова. Вып. I и II.—
„История духовной жизни женщин“. Эрнста Лелуэ—„Автобиография“ Д. С. Милля.—
„Жизнь замечательных людей. Шекспир, его жизнь и литературная деятельность“.

Исследования по истории русского права. Проф. Д. Я. Самоквасова. М., 1896 г. Выпускъ первый. Предисловіе. Введение. Критическій обзоръ теорій догосударственнаго быта русскихъ славянъ. Ц. 1 р. Выпускъ второй. Средства познания системы русскаго права языческой эпохи. Цѣна 1 руб. 50 коп. История русскаго права принадлежитъ у насъ къ числу предметовъ, къ которымъ *русскій* университетъ силою вещей не можетъ относиться съ особеннымъ почтеніемъ; у насъ существуютъ кафедры истории русскаго права, но нѣтъ ученыхъ степеней по истории права; обыкновенно история русскаго права у насъ читается лицами, получившими степени магистра или доктора государственнаго права и порой къ русскому праву имѣющими очень отдаленное, если не случайное, отношеніе. Къ числу такихъ невольныхъ и случайныхъ специалистовъ по истории русскаго права, которые большею частью молчатъ въ литературѣ сами и о которыхъ послѣдняя тоже предпочитаетъ молчать, принадлежитъ г. Самоквасовъ. Если мы не ошибаемся, имя этого автора впервые появилось въ литературѣ наканунѣ 1870 г., въ 1873 г. онъ выпустилъ диссертацию *Древніе города Россіи*, въ 1878 и 1884 гг. два выпуска *Истории русскаго права*, въ 1888 г. переиздалъ послѣднюю работу, о которой мы имѣли случай дать отзывъ въ ноябрьской книжкѣ нашего журнала за тотъ же годъ (стр. 538—541). Къ двумъ названнымъ сочиненіямъ примыкаютъ немногія отдѣльныя статьи г. Самоквасова, которыми заняты въ сущности тѣми же вопросами и дали въ нихъ свой обильный вкладъ точно также, какъ *Древніе города* вложили свою лепту въ его *Историю русскаго права*. Ученый багажъ, какъ видите, не обильный, самоповторяющійся и съ очень печальной извѣстностью, если принять во вниманіе разрушительную критику на него гг. профф. М. М. Ковалевскаго, Д. Н. Анучина, В. И. Сергѣевича, А. Д. Градовскаго, И. И. Дяткина, Ф. Мищенко, Ф. И. Леонтовича и др. Ударовъ этой критики г. Самоквасовъ не отвелъ до сихъ поръ; а она утверждаетъ, что нашъ авторъ вводитъ лишь заблужденія въ науку, что его курсъ „представляетъ собою нѣчто рѣшительно невозможное и невѣроятное“, производя въ общемъ „впечатлѣніе чего-то очень фантастическаго“, что „ни одно изъ основныхъ его положеній и ни одинъ изъ выводовъ, дѣлаемыхъ имъ на основаніи этихъ положеній, не является не только вполнѣ, но даже и отчасти доказаннымъ“, что онъ „наглядно показавъ, какъ не слѣдуетъ пользоваться источниками“, что его „приемами нельзя доказать что-либо, хотя доказывать можно все“, что у него „слогъ, терминологія, понятія, — однимъ словомъ, все, за что и возьмись, путанно, сбивчиво, неясно“, что... no sapienti sat. Ограничимся общей характеристикой всѣхъ цитатъ, которая можно было бы привести по адресу печальной научной репутаціи г. Самоквасова. Нашъ авторъ, — говорятъ критики, — не обладаетъ ни общимъ, ни специальнымъ образованіемъ, онъ не начитавъ толково въ специальной литературѣ и еще менѣе въ вопросахъ теоретическаго и философскаго свойствъ: отсюда полное незнакомство съ содержаніемъ, методомъ

конечной цѣлью науки, которой представителемъ онъ пытался было сдѣлаться; г. Самоквасовъ не знаетъ ея терминовъ, часто не понимаетъ значенія тѣхъ научныхъ дисциплинъ, названія которыхъ приводить, не умѣетъ различать представителей различныхъ научныхъ направлений, не различаетъ иногда самыхъ наукъ, не отличаетъ источника отъ пособия, ему чужда идея научнаго прогресса, пониманіе существеннаго и случайнаго въ данномъ вопросѣ; въ конечномъ результатѣ онъ приходитъ къ принципиальному отрицанію науки. Исторія русскаго права, какъ наука и предметъ университетскаго преподаванія, для него представляется въ формѣ безпорядочной груды фактовъ, выборъ которыхъ обусловленъ для ученаго профессора съ одной стороны „патриотизмомъ“, а съ другой „экзаменными требованіями, коимъ должны удовлетворить испытуемые въ комиссіи юридической“. Нужно „построить, — говоритъ г. Самоквасовъ, — фактическую систему исторіи русскаго національнаго права“, а для этого онъ предпринимаетъ два похода: одинъ противъ всякой научной теоріи, другой—противъ нѣмецкихъ ученыхъ, оказавшихъ услуги русской учености, походъ только потому, что гг. Шлецеръ и Эверсъ по происхожденію нѣмцы, а не русскіе. И такъ, не эрудиція, не научный гений, не теорія, а націонализмъ и канцелярская программа—истинныя основы науки съ точки зрѣнія г. Самоквасова. Но г. Самоквасовъ едва ли не смѣется больше надъ самимъ собой, чѣмъ надъ своими читателями. Въ самомъ дѣлѣ, онъ говоритъ,—что главное содержаніе его науки—факты, а половину книги посвящаетъ изложенію, и очень плохому изложенію, теорій; онъ хочетъ увѣрить читателя, что его цѣль—щегольнуть націонализмомъ, а самъ вертится вокругъ „языческой системы исторіи права“ неизвѣстнаго народа, неизвѣстнаго времени. Да простятъ намъ читатели, если мы признаемся, что въ сущности считаемъ недостойнымъ научной критики серьезно говорить о новомъ трудѣ г. Самоквасова, разъ о немъ шла рѣчь въ нашемъ журналѣ почти десятокъ лѣтъ тому назадъ. Пусть не удивляются читатели, что десятокъ лѣтъ тому назадъ мы уже говорили о новомъ, недавно вышедшемъ въ свѣтъ сочиненіи г. Самоквасова. Дѣло объясняется очень просто: г. Самоквасовъ, не мудрствуя лукаво, подъ новымъ и шумнымъ заголовкомъ *Исследования по исторіи русскаго права* издалъ свой „старый“ курсъ *Исторіи русскаго права*. Отчего же и не переиздать старую вещь? Но г. Самоквасовъ все время изображаетъ перепечатку, какъ новое произведеніе, и на *Исторію русскаго права* ссылается какъ на нѣчто отъ нея отличное. Дальше этого идти некуда! Не даромъ же авторитетный рецензентъ *Исторіи русскаго права* въ *Кіевской Старинѣ* 1884 г. писалъ, что г. Самоквасовъ не прочь пользоваться чужой книжкой и тщательно замолчать именно ея существованіе. Разъ новая книга г. Самоквасова простая перепечатка старой при некрасивой обстановкѣ, разъ мы о ней говорили почти десятокъ лѣтъ назадъ, а недавніе критики (*Архъ Божій* 1896 г., № 12, *Журналъ Юридическаго Общества при Петербургскомъ университетѣ*, № 12, также *Русскія Вѣдомости*, № 305) только подкрѣпили прежній взглядъ на изданія г. Самоквасова, какъ на нѣчто невозможное, то неужели стоитъ продолжать разговоръ о ней и вылавливать изъ нея курьезы для потѣхи любителей смѣхотворныхъ вещей? Всего печальнѣе, что подобныя продѣлки еще имѣютъ мѣсто въ нашей литературѣ и способны вносить путаницу въ умы неопытныхъ и начинающихъ читателей. Чѣмъ вызвана подобная перепечатка съ новымъ соусомъ? За послѣднее время въ извѣстной части рус-

скаго общества силёнъ запросъ на *самообразование*, научно-популярныя работы читаются на расхватъ, книжка подь новымъ заголовкомъ по вопросамъ, начинающимъ интересовать читающую публику, можетъ ходко пойти; къ тому же ее предлагаютъ приобрѣтать и гг. студентамъ, какъ пособіе къ лекціямъ. Вотъ почему за 9 съ небольшимъ печатныхъ листовъ перваго выпуска на сѣрвовой бумагѣ, разгонистаго шрифта и съ приличнымъ запасомъ опечатокъ почтенный авторъ назначилъ цѣлый рубль. Это при нынѣшнихъ стремленіяхъ издавать дешево, нѣсколько дорого. Если г. Самоквасовъ хоть сколько-нибудь дорожить интересами научной литературы, то мы бы посовѣтовали ему немедленно изъять свою книгу изъ продажи и тѣмъ избавиться отъ всѣхъ и единодушныхъ упрековъ за скрытую перепечатку,—упрековъ, противъ которыхъ ему нельзя сказать ни одного слова.

Исторія духовной жизни женщинъ. Семь избранныхъ главъ. Эрнеста Легува, французскаго академика. Пер. Н. Ф. Д. Москва, 1896 г. Ц. 75 к. Въ эту книжку вошли семь главъ, выбранныхъ переводчикомъ изъ двухъ послѣднихъ отдѣловъ книги Э. Легува *Исторія духовной жизни женщинъ*. Легува—горячій и краснорѣчивый защитникъ женщины вообще и женскаго достоинства и правъ въ частности; онъ дѣлаетъ это нѣсколько на французскій манеръ,—его рѣчь слишкомъ отдаетъ декламацией, его доказательства часто состоятъ просто изъ воззваній; его глубокое уваженіе къ предмету горячей защитительной, часто панегирической рѣчи, чистота его убѣжденій и помысловъ не могутъ не снискать ему уваженій. „Благоговѣніе къ семьѣ, глубокое ощущеніе создаваемыхъ ею радостей и добросовѣстное изслѣдованіе налагаемыхъ ею обязанностей—вотъ что внушило мнѣ настоящій трудъ“,—такъ говоритъ о своей работѣ самъ авторъ въ предисловіи, и кто хочетъ остановить свое вниманіе на честномъ и чистомъ отношеніи къ тѣмъ жизненнымъ явленіямъ, которыя такъ часто фигурируютъ передъ нашими глазами въ массѣ искаженныхъ и извращенныхъ формъ и суррогатовъ, и кто не очень избалованъ строгимъ, научнымъ анализомъ, можетъ не безъ пользы прочесть эту книжку.

Автобіографія (Исторія моей жизни и убѣжденій) Джона-Стюарта Милля. Москва, 1896 г. Ц. 75 к. *Автобіографія* Д. С. Милля была уже разъ переведена по-русски въ тѣ годы, когда у насъ на Руси взгляды этого писателя пользовались особенно значительнымъ распространеніемъ и сочувствіемъ въ образованной части общества. Теперь, конечно, той книжки нигдѣ и достать нельзя, и фирма „Книжное дѣло“ очень кстати перевздала это сочиненіе въ новомъ переводѣ. По простотѣ и благородству тона, по чистотѣ и искренности возрѣвій, по глубокой симпатичности, мягкости и незлобивости натуры автора, *Автобіографія* Д. С. Милля представляетъ нѣчто дѣйствительно выходящее изъ ряду вонъ среди другихъ произведеній того же рода. Передъ читателемъ послѣдовательно проходитъ рядъ интересныхъ личностей и картинъ изъ жизни передовой англійской интеллигенціи первой половины нашего вѣка, тѣхъ „философскихъ радикаловъ“, смѣлые взгляды и сильная инициатива которыхъ подготовили въ Англии глубокія реформы, еще разъ неотразимо доказавшія, что свободныя учрежденія и возможность честной общественной борьбы не позволяютъ надолго замалчивать насущныхъ потребностей жизни. Вотъ отецъ Д. С. Милля, Джемсъ Милль, публицистъ, политико-экономъ, теоретическій политикъ, психологъ, историкъ Индіи и чиновникъ на службѣ Остѣ-

Индской Компаніи,—человѣкъ, вытесанный изъ одного куска камня, сильный, непреклонный, даже жесткій характеръ, человѣкъ, считавшій всякую чувствительность постыдной,—весь умъ, весь характеръ. А вотъ и то воспитаніе, которое получилъ его старшій сынъ—авторъ *Автобіографіи*,—воспитаніе въ своей основѣ классическое, но не бездушное, готовившее воспитанника къ познанію, черезъ посредство древнихъ авторовъ, вполне реальныхъ интересовъ и наукъ—къ логикѣ, политикѣ, политической экономіи, а не къ безошибочному употребленію неправильныхъ глагольных формъ, наклоненій, временъ, удареній и энклитикъ. Посмотрите, какъ учился Д. С. Милль. Онъ не сидѣлъ беззаконно надъ грамматикою, добываясь *удовлетворительнаго* знанія *на зубокъ* отъ первой до послѣдней страницы невозможныхъ руководствъ, „сочиненныхъ“ представителями чрезвычайнаго почтенной, но столь же педантичной націи; онъ не дожидался въ этомъ процессѣ того неизбежнаго момента, когда наступитъ рѣшительное и ничѣмъ не поборимое отвращеніе къ этому руководству, отчасти потому, что однообразіе изучаемаго до послѣдней степени притупило уже всякую восприимчивость къ его содержанію, отчасти потому, что растущій умъ требуетъ подходящей для себя пищи и рѣшительно отказывается видѣть въ средствѣ цѣль, ставить границу работъ ума, которую все равно остановить невозможно. Милль много читалъ,—читалъ не для знанія формы, а для усвоенія содержанія,—занимался массою предметовъ, вопросовъ самыхъ трудныхъ, но и самыхъ существенныхъ, и могъ сказать о себѣ, что къ шестнадцати годамъ онъ, по серьезности своей подготовки, по объему своихъ знаній стоялъ настолько впереди своихъ сверстниковъ, что тѣ едва ли могли бы его догнать годамъ къ сорока своей жизни. Далеко нельзя сказать, чтобы воспитаніе Д. С. Милля было во всѣхъ отношеніяхъ образцовымъ, чтобы его можно было прямо взять примѣромъ для подражанія; но въ немъ важна существенная его идея: воспитаніе отвѣчало здѣсь дѣйствительно жизненнымъ задачамъ, оно не чуждалось, не боялось ея, не видѣло въ ней своего врага, и Милль изучалъ дѣйствительно жизненные вопросы, конечно, такъ, какъ они отражались въ современной наукѣ и литературѣ. Воспитаніе Милля прошло внѣ учебнаго заведенія, оно прямо и незамѣтно перешло потому въ самостоятельную дѣятельность. Несомнѣнно, даже и въ Англии такое воспитаніе, какое получилъ Д. С. Милль, могли пріобрѣсти лишь очень немногіе молодые люди, такъ какъ и тамъ крайне рѣдки личности, подобныя Джемсу Миллю и его философско-радикальному кружку; поэтому возможность такого воспитанія на частный счетъ и частными средствами нельзя не признать совершенно исключительной; но, какъ опытъ, оно должно имѣть громадное значеніе. Выйдя въ жизнь, Милль попалъ въ кружки просвѣщенной молодежи, и описаніе жизни этихъ кружковъ, ихъ занятій, интересовъ, ихъ „обществъ для преній“, ихъ литературной и общественной дѣятельности будетъ чрезвычайно интересно для читателя. Не менѣе интересенъ и тотъ переломъ во внутренней жизни, въ жизни чувства, который совершился въ Миллѣ въ періодъ возмужанія. У каждаго человѣка бываетъ въ жизни моментъ, когда просыпается личная жизнь, когда приходится такъ или иначе опредѣлять свое отношеніе къ тому, чѣмъ жилъ до этого времени, когда приходится самому ставить цѣли своей жизни и дѣятельности, выбирать тѣ или другія средства для осуществленія своихъ задачъ. Въ этотъ моментъ человѣку нужно чувство, только оно можетъ подвинуть его къ чему-нибудь опредѣленному, только оно можетъ заставить

пойти въ одну сторону скорѣе, чѣмъ въ другую. Предыдущее воспитаніе Д. С. Милля не заботилось о культурѣ-чувства, и Миллю пришлось тяжелымъ и мучительнымъ процессомъ *искать* чувства, въ которомъ онъ всегда ощущалъ настоятельную потребность, но котораго онъ въ этотъ моментъ не носилъ въ своей душѣ. И онъ нашелъ чувство, нашелъ его сначала въ музыкѣ, потомъ въ поэзіи Вордсворта, и еще черезъ нѣсколько лѣтъ въ глубокой и долготѣней любви къ г-жѣ Тайлоръ. Въ *Автобіографіи* онъ является самымъ горячимъ ея панегиристомъ, ей онъ приписываетъ многія изъ своихъ самыхъ лучшихъ и наиболѣе практическихъ идей и плановъ. Милль всегда нуждался въ привязанности, и это составляетъ одну изъ характерныхъ чертъ его мягкой, женственной натуры. Въ *Автобіографіи* Милль говоритъ довольно много и о своихъ сочиненіяхъ, о способѣ, поводахъ ихъ написанія, о литературныхъ и общественныхъ своихъ отношеніяхъ. Для насъ это интересно и поучительно; мы видимъ здѣсь, какъ дѣлается *настоящая* культура, то, что по праву носить такое названіе; мы видимъ, какъ лучшіе люди умѣютъ служить наукѣ и общему благу. Наконецъ это поучительно и полезно, пусть судитъ самъ читатель.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Изд. Ф. Павленкова. Шекспиръ, его жизнь и литературная дѣятельность. Очеркъ И. И. Иванова. Спб., 1896 г. Ц. 25 к. Среди біографій „замѣчательныхъ людей“, изданныхъ въ послѣднее время Ф. Павленковымъ, обращаетъ на себя вниманіе очеркъ жизни и литературной дѣятельности Шекспира, составленный названнымъ извѣстнымъ критикомъ. Отсутствие біографіи великаго англійскаго драматурга составляло существенный пробѣлъ въ біографической бібліотекѣ г. Павленкова. Извѣстно, какую популярность пользуются произведенія Шекспира среди читающей публики всѣхъ странъ и народовъ. Комментаріи къ этимъ произведеніямъ составляютъ такую обширную литературу, какой не удостоивался ни одинъ писатель въ мірѣ. Достаточно вспомнить, что сравнительно краткій обзоръ литературы, созданной однимъ *Гамлетомъ* въ Германіи, представляетъ собою объемистый томъ. Само собою разумѣется, что задача всякаго труда, посвященнаго Шекспиру, осложняется благодаря такому обилію матеріала: шекспировская литература особенно нуждается въ тщательной критикѣ; по справедливому замѣчанію г. Иванова, о Шекспирѣ достоверно извѣстно только то, что онъ жилъ и написалъ болѣе трехъ десятковъ пьесъ; все остальное—болѣе или менѣе остроумная и правдоподобная сѣтъ предположеній и домысловъ, *литературная и психологическая комбинація*. Эти соображенія отразились на трудѣ автора: обыкновенно смѣлый въ своихъ выводахъ и широкихъ обобщеніяхъ, г. Ивановъ въ книгѣ о Шекспирѣ проявляетъ осторожность, стараясь держаться только достоверныхъ и точныхъ данныхъ о жизни и личности Шекспира. Отразились на книгѣ г. Иванова и общепринятыя размыслы Павленковыхъ изданій: во многихъ случаяхъ авторъ не имѣлъ возможности остановиться на отдѣльныхъ драматическихъ сценахъ, часто единственныхъ во всей европейской литературѣ „по глубинѣ и тонкости психологіи, по красотѣ и силѣ поэзіи“.

Тѣмъ не менѣе, книга Иванова въ общемъ даетъ цѣльное представленіе о Шекспирѣ, какъ о художникѣ и человѣкѣ. Авторъ достигъ своей цѣли: ему удалось показать читателю основные мотивы чуднаго міра, заключеннаго въ душѣ поэта.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

„Wages and capital“. T. W. Taussig.

Wages and capital. An examination of the wages fund doctrine. F. W. Taussig. London and New York, 1896. Macmillan and Co. Исслѣдованіе профессора Гарвардскаго университета Тауссига является очень цѣннымъ вкладомъ въ литературу о заработномъ фондѣ. Написанная простымъ и яснымъ языкомъ, что составляетъ, впрочемъ, обычное достоинство англійскаго изложенія, книга проф. Тауссига является полезною реакціей противъ увлеченій критиковъ теории заработнаго фонда, благодаря которымъ были затемнены нѣкоторыя положенія, существенно важныя для пониманія капиталистическаго воспроизводства и обмѣна. Такимъ увлеченіемъ является утвержденіе, будто натуральная заработная плата, средства существованія рабочихъ, берется не изъ предшествовавшаго, а изъ текущаго производства. Такое положеніе было выставлено еще Родбертусомъ, а въ новѣйшее время поддерживалось американскими экономистами Уокеромъ и Джорджамъ, а въ русской литературѣ М. Я. Герпенштейномъ. Соотечественникъ Уокера и Джорджа, Тауссигъ въ первой части своего труда подвергаетъ весьма искусной и остроумной критикѣ это положеніе и доказываетъ, что заработная плата берется изъ *предшествоющаго* производства. При существованіи *последовательнаго* раздѣленія труда въ данномъ обществѣ, изготовленіе даннаго предмета потребленія растягивается на много лѣтъ, начинаясь съ добыванія сырого матеріала и изготовленія орудій для производства этого продукта. Въ текущемъ производствѣ совершаются только послѣднія прикосновенія (*last touches*) труда къ продукту, придающія ему окончательную потребительную форму. Но большая часть операций, необходимыхъ для изготовленія этого продукта, приходится на предшествующіе годы, поэтому нельзя говорить, что заработная плата создается текущимъ производствомъ. Къ такому утвержденію подаютъ поводъ те обстоятельства, что въ каждый данный моментъ въ данномъ обществѣ изготовленіе продукта совершается одновременно на всѣхъ ступеняхъ его производства, и это создаетъ иллюзію, что продуктъ, переходя изъ одной сферы производства въ другую, цѣлкомъ изготовляется въ данный производственный періодъ. Но, очевидно, эти отдѣльные производительные процессы будутъ закончены въ различныя времена, и одинъ и тотъ же продуктъ одновременно не можетъ быть объектомъ и матеріаломъ производства. Выясненіе этихъ положеній составляетъ главную заслугу Тауссига. Менѣе оригиналенъ онъ во второй части своего труда, гдѣ онъ опровергаетъ второе предположеніе сторонниковъ теории заработнаго фонда, будто эта часть капитала, предназначенная для уплаты вознагражденія рабочимъ, представляетъ твердо-установленную, неизмѣнную величину. Это положеніе блестяще было уже опровергнуто Марксомъ, котораго, къ слову сказать, также какъ и Родбертуса, Тауссигъ совсѣмъ не знаетъ,—*privilegium odiosum* большинства американскихъ экономистовъ. Послѣдняя часть книги посвящена недурно составленному очерку истории вопроса (если не считать существенныхъ пробѣловъ въ ней, нами только-что отмѣченныхъ).

Теорія заработнаго фонда эксплуатировалась въ началѣ нынѣшняго вѣка съ апологетическими цѣлями. Ею доказывалось, что улучшеніе положенія рабочихъ невозможно, ибо заработный фондъ не можетъ быть

увеличенъ, что борьба рабочихъ изъ-за улучшенія своего положенія путемъ стачекъ, коалицій и т. д. бесполезна и даже, въ концѣ-концовъ, вредна для рабочихъ. Проф. Тауссигъ справедливо указываетъ, что всѣ эти выводы совершенно не оправдываются содержаніемъ ученія о заработномъ фондѣ. Вопросъ этотъ гораздо сложнѣе, чѣмъ думали раньше. Ученіе о заработномъ фондѣ есть лишь *одна изъ многихъ* посылкъ, которыя нужно принять во вниманіе при обсужденіи этого вопроса. Но „it does not tell the whole story“.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Новая теорія владѣнія“. Ф. П. Будкевича.

Новая теорія владѣнія. Ф. П. Будкевича. Варшава, 1895 г. Г. Будкевичъ, находя, что существующія теоріи владѣнія, а въ особенности теоріи Савиньи и Иеринга не послѣдовательны и не выдерживаютъ критики, излагаетъ въ разсматриваемой брошюрѣ свою собственную, новую теорію владѣнія. Построенная на смѣшеніи самыхъ элементарныхъ понятій гражданскаго права и процесса, теорія эта является въ корнѣ несостоятельной. Исходнымъ пунктомъ для автора служитъ различіе петиторныхъ и посессорныхъ исковъ (стр. 6—9); вопреки общепринятому мнѣнію, г. Будкевичъ находитъ, что при петиторномъ искѣ собственникомъ является не истецъ, а отвѣтчикъ, такъ какъ если истецъ имѣетъ право собственности, то никто другой этого права на то же имущество имѣть не можетъ, а потому „истцу—единственному собственнику — не зачѣмъ отыскивать право собственности съ лица, не имѣющаго этого права“; истецъ въ петиторномъ искѣ, по мнѣнію автора, есть лишь лицо, желающее быть собственникомъ и становящееся таковымъ лишь съ момента судебнаго рѣшенія. Но это неправильно. Судебное рѣшеніе не можетъ сдѣлать лицо собственникомъ, такъ какъ оно не творитъ права, а лишь подтверждаетъ, санкционируетъ его; при петиторномъ искѣ истецъ и до судебнаго рѣшенія есть собственникъ, а отвѣтчикъ—владѣющій несобственникъ.

Найдя такимъ образомъ, что различіе петиторнаго и посессорнаго исковъ состоитъ въ томъ, что въ первомъ является собственникомъ отвѣтчикъ, а во второмъ—истецъ, авторъ выводитъ отсюда и всѣ свои основныя положенія: что владѣніе есть право собственника, заключающееся въ правѣ полнаго распоряженія имуществомъ, что право это есть неизбѣжное слѣдствіе права собственности и не можетъ быть отъ него отдѣлено, что несобственникъ не можетъ владѣть чужимъ имуществомъ, но можетъ лишь обладать имъ или пользоваться. Всѣ эти положенія, выведенныя, какъ мы указали, изъ невѣрнаго основанія, надаютъ сами собой.

Не имѣя возможности подробно разбирать теорію г. Будкевича, сдѣлаемъ лишь одно замѣчаніе: авторъ, доказывая, что владѣніе отдѣльно отъ собственности существовать не можетъ, говоритъ, что относительно движимостей уже самый фактъ обладанія вещью даетъ лицу на нее право собственности; но ни теорія, ни римское право подобнаго

общаго положенія относительно движимостей не знаютъ; если же авторъ основываетъ свои выводы на постановленіяхъ русскаго законодательства, то и тогда онъ не правъ: по ст. 534 т. X, гласящей, что „движимыя вещи почитаются собственностью того, кто ими владѣть, доколь противное не будетъ доказано“, обладатель вещи имѣетъ не самое право собственности, а лишь презумпцію, предположеніе собственности, что не одно и то же; къ тому же, если авторъ основывался на русскомъ правѣ, то онъ не могъ не знать, что въ X т. есть цѣлый отдѣлъ (ст. 513 и слѣд.), говорящій о „правѣ владѣнія и пользованія, отдѣльно отъ права собственности“.

При разборѣ дѣйствующаго у насъ законодательства автора постоянно вводила въ заблужденіе терминологія нашего X т., обнимающая подъ словомъ „владѣніе“ и юридическое владѣніе, и право собственности, и держаніе; послѣдствіемъ этого были многіе ошибочные выводы автора.

Въ заключеніе не можемъ не привести слѣдующаго любопытнаго опредѣленія, дѣлаемаго авторомъ: „владѣніе, какъ фактъ, какъ объектъ, находящійся въ быту, есть имущество (?) движимое или недвижимое, принадлежащее субъекту онаго (?) на правѣ собственности“ (стр. 63).

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Новая химія“. Д. Кука. — „Краткія свѣдѣнія изъ химіи для низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ“. Сост. А. Плогинскій. — „Лягушка. Введеніе въ анатомію, гистологію и эмбриологію“. Сост. А. Мильнеръ Маршалль.

Новая химія. Д. Кука. VI. Переводъ А. В. Алекина, подъ редакціей М. И. Коновалова. Библіотека для самообразованія. XXXII+465+VIII. Ц. 1 р. 75 к. Книга Кука представляетъ собраніе лекцій, читанныхъ авторомъ въ Бостонѣ въ 1872 году. Авторъ задался цѣлью дать интеллигентному, но не специально-образованному читателю понятіе о теоріяхъ химіи, причѣмъ изложить эти теоріи не въ видѣ догмата, а показать, что привело къ установленію этихъ теорій, какіе факты служатъ ихъ основаніемъ. Выполнилъ свою задачу авторъ образцово. Прошло 23 года со времени выхода перваго англійскаго изданія, многое въ *Новой химіи* перестало быть новымъ, кое-что устарѣло, а книга Кука является незамѣнимымъ пособіемъ для человека, желающаго познакомиться съ теоріями химіи. *Новая химія* является не въ первый разъ на русскомъ языкѣ, первое изданіе вышло подъ редакціей проф. А. М. Бутлерова въ 1876 году. Новое изданіе, представляющее переводъ съ 10 англійскаго изданія, значительно разнится отъ изданія 1876 года; прибавлена цѣлая глава, содержащая прекрасное изложеніе основаній термехиміи и теоріи диссоціаціи. Редакторъ снабдилъ книгу большимъ количествомъ примѣчаній и разъясненій; жаль, что въ главѣ о термехиміи онъ не предостерегъ читателя, что увлекательно-изложенный авторомъ принципъ максимальной работы является предметомъ горячаго спора, въ которомъ перевѣсъ склоняется на сторону противниковъ принципа; желательно было бы также первую главу, по своей трудности составляющую исключеніе изъ всей книги, снабдить нѣкоторыми примѣчаніями. Переводъ сдѣланъ очень хорошо.

Издана книга, какъ и другіе выпуски „Библіотеки для самообразованія“, прекрасно.

Краткія свѣдѣнія изъ химіи для низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ. Составилъ преподаватель естествознанія въ Михайловской сельско-хозяйственной школѣ А. Плохинскій. Задача, за которую взялся авторъ, написать учебникъ химіи для низшей сельско-хозяйственной школы, является задачей далеко не легкой. Приступая къ выполненію ея, слѣдуетъ задать вопросъ, что надо дать ученику: слѣдуетъ ли его знакомить съ химическими теоріями, или достаточно познакомить его съ важнѣйшими фактами. Всякій, знающий съ преподаваніемъ химіи, знаетъ, насколько трудно мало подготовленнымъ ученикамъ дается усвоеніе химическихъ теорій, всякій знаетъ, что излагать эти теоріи, не познакомивъ учениковъ предварительно съ цѣлымъ рядомъ фактовъ, совершенно бесполезно. Авторъ глядитъ на дѣло иначе: выяснивъ на первыхъ четырехъ страницахъ понятіе о химическомъ явленіи, онъ затѣмъ излагаетъ: понятіе объ элементахъ, понятіе объ атомахъ, о молекулахъ (или какъ авторъ пишетъ малекулахъ), законъ постоянства состава, законъ сохранения вещества, понятіе о химическомъ средствѣ, и все это на пяти страницахъ; понятію, что изъ такого лаконическаго изложенія ученикъ не можетъ вынести никакого понятія не только о теоріяхъ химіи, а даже о томъ, что выражаетъ собой химическая формула; а между тѣмъ на слѣдующихъ 37 страницахъ, гдѣ описаны соединения 19 элементовъ, приведено около сотни формулъ, которыя ученику надо заучить. Описаніе отдѣльных элементовъ и ихъ соединеній носитъ скорѣе характеръ конспекта, чѣмъ учебника, причѣмъ въ изложеніи попадаются странности: такъ авторъ, опредѣливъ органическія вещества, какъ „вещества, въ составъ которыхъ входитъ углеродъ и которыя вырабатываются организмами животныхъ и растений“ приводитъ въ списокъ органическихъ веществъ керосинъ; откуда ученикъ вправѣ заключить, что керосинъ тоже продуктъ какого-нибудь животнаго или растенія. Автору надо было бы знать, что химическія формулы служатъ для выраженія фактовъ, а не фантазій, а между тѣмъ онъ пишетъ: $\text{SiO}_2 + \text{H}_2\text{O} = \text{H}_2\text{SiO}_3$, $\text{Te}_2\text{O}_3 + 3\text{H}_2\text{O} = \text{Te}_2(\text{OH})_6$. Въ цѣломъ книжка производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто авторъ взялъ подробный учебникъ и сократилъ его, не приспособляясь къ пониманію учениковъ; получилось что-то вродѣ повторительнаго курса, усвоить который человѣку, не прошедшему курса по другому учебнику, невозможно.

Лягушка. Введеніе въ анатомію, гистологію и эмбриологію. Составилъ А. Мильнсъ Маршалль. Перевелъ съ пятаго посмертнаго изданія 1894 года Николай Зографъ. М., 1896 г. in 16°. Стр. XIX+160. Съ 36 рис. Цѣна 1 р. 25 к. Книга Мильнсъ Маршалля выдержала съ оригинальнѣе пять изданій, и такой успѣхъ можно назвать вполнѣ заслуженнымъ, такъ какъ написана она съ замѣчательнымъ знаніемъ дѣла и рѣдкою практичностью. Книгу можно смѣло дать какъ руководство новичку, и онъ все время будетъ чувствовать, что книга руководитъ имъ дѣйствительно, какъ опытный наставникъ. Цѣлый рядъ на первый взглядъ мелочныхъ, но глубоко-практичныхъ и продуманныхъ указаній показываютъ, что авторъ ни на минуту не забывалъ, что онъ пишетъ не учебникъ, а руководство для практическихъ занятій, и такъ какъ издавна и вполнѣ справедливо лягушка считается классическимъ объектомъ для практическаго изученія анатоміи, то книгу Маршалля можно рекомендовать всякому естествоиспытателю и медику, желающему приступить къ практическимъ работамъ по зоотоміи. Книга украшена рядомъ прекрасныхъ, по большей части ориги-

нальныхъ рисунковъ. Переводъ сдѣланъ безукоризненно, и издана книга изящно, и форматомъ, и даже шрифтомъ вполне подходя къ английскому оригиналу, причемъ рисунки, рѣзанные на деревѣ, не уступаютъ оригиналамъ, съ которыхъ сдѣланы.

ТЕХНИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Техническій прогрессъ въ современной промышленности“. М. Шпигель. — „Карманная книжка для установщиковъ электрическаго освѣщенія“. С. Ф. Гайсберга.

Техническій прогрессъ въ современной промышленности. М. Шпигель. Пер. съ нѣм. Л. М. Зака. Библиотека общественныхъ знаний. Одесса. Ц. 20 к. Авторъ признаетъ за періодомъ времени съ 1860 г. до нашихъ дней выдающееся культурное значеніе. За этотъ краткій сравнительно промежутокъ времени нашли примѣненіе и получили надлежащее развитіе всѣ важнѣйшія изобрѣтенія и открытія текущаго столѣтія—другими словами человѣчество за послѣднія 35 лѣтъ безпримѣрно расширило свое господство надъ природой. „Стоитъ вспомнить только,—говоритъ авторъ,—какъ мало знали полвѣка назадъ—и то время, въ сравненіи съ теперешнею культурой, покажется какой-то отдаленною эпохой варварства. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ едва знали о желѣзныхъ дорогахъ и локомотивѣ. Пароходы по океану начали ходить только въ 1838 г. Электричество служило только для нѣкоторыхъ игрушекъ. Телеграфы находятся въ употребленіи собственно только съ 1844 г.“.

Отмѣчая сдѣланные съ 60-хъ годовъ успѣхи въ различныхъ отрасляхъ человѣческаго труда, авторъ, между прочимъ, указываетъ, что во времена Адама Смита считалось чудомъ, какъ 10 человѣкъ могли изготовить въ день 48,000 булавокъ, а теперь, при современныхъ машинахъ, въ то же время съ тремя рабочими (которые только наблюдаютъ за машиной) получается 7½ мил. булавокъ. На эту тему можно, конечно, написать не только брошюру, но даже обширный трактатъ. Только здѣсь требуется всесторонняя оцѣнка технического прогресса въ промышленности, а не одностороннее восхваленіе чудодѣйственныхъ машинъ, вполне замѣняющихъ человѣка. Нужно взглянуть и на оборотную сторону медали.

Карманная книжка для установщиковъ электрическаго освѣщенія. Инжен. С. Ф. Гайсберга. Перев. съ нѣм. (Taschenbuch für monteur elektrischer Beleuchtungsanlagen) Н. С. Дрентельна. Съ измѣнен. и дополи. по 10-му изданію. В. К. Лебединскаго. 3-е русское изданіе. Съ 131 рис. въ текстѣ. Изд. Риккера. Ц. 1 р. 20 к. Прекрасная книжка Гейсберга содержитъ въ себѣ всѣ необходимыя для электротехники свѣдѣнія въ сжатой и удобопонятной формѣ. Всѣ отдѣлы изложены весьма основательно и сопровождаются многими цѣнными практическими указаніями и тщательно проверенными цифровыми данными. 10-е нѣмецкое изданіе дополнено и переработано на основаніи новѣйшихъ указаній практики. Русскій переводъ сдѣланъ весьма тщательно, хотя мѣстами встрѣчаются неудачныя выраженія и шероховатости. Въ прибавленіи помѣщены: табличка для перевода метрическихъ мѣръ на русскія, краткія опредѣленія практическихъ электрическихъ единицъ и временныя правила относительно мѣръ предосторожности при устройствѣ и пользованіи электрическимъ освѣщеніемъ. Книжка прекрасно издана, снабжена отчетливыми рисунками и въ очень

хорошемъ переплетѣ стоитъ всего 1 р. 20 к. Можно только пожелать, чтобы подобныя изданія почаще появлялись у насъ. Успѣхъ ихъ, какъ показываетъ опытъ, даже въ Россіи вполне обезпеченъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Сборникъ свѣдѣній по виноградарству и винодѣлію на Кавказѣ“. Вып. III, IV, V и VI.—„Къ вопросу о русскомъ молочномъ скотѣ“. Матер. сгруппир. и обработ. А. А. Поповымъ.—„Богатство отъ земли“. Чарльза Барнарда.

Сборникъ свѣдѣній по виноградарству и винодѣлію на Кавказѣ. Выпуски III, IV, V и VI. Тифлисъ, 1896 г. Означенные выпуски *Сборника*, издаваемого кавказскимъ филлоксернымъ комитетомъ, относятся къ 6 уѣздамъ Кутаисской губерніи, 2 уѣздамъ Бакинской и къ Эриванской губерніямъ. Западное Закавказье считается родиною винограда, но виноградарство въ этой мѣстности претерпѣвало остановки развитія вслѣдствіе распространенія магометанства, недружелюбно относящагося къ вину; абхазцы Сухумскаго округа, впрочемъ, никогда не отказывались отъ вина и продолжали выдѣлывать его доволѣ удержавшимися примитивными приемами; въ Батумскомъ же округѣ среди аджарцевъ винодѣліе почти вполне приостановилось съ конца XVII вѣка, и продолжаютъ существовать только остатки виноградарства. За то на востокъ, въ Шемахинскомъ и Геокчайскомъ уѣздахъ, Бакинской губерніи, гдѣ христіанское населеніе занимается исключительно винодѣліемъ, даже большинство мусульманъ низменной полосы получаетъ довольно большой доходъ отъ своихъ виноградныхъ садовъ, благодаря возникновенію въ послѣднее время и постепенному развитію винокуренія изъ винограда. Въ Эриванской губерніи недавно возникло производство коньяка.

Къ вопросу о русскомъ молочномъ скотѣ. Матеріалъ сгруппированъ и обработанъ А. А. Поповымъ подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. В. Верещагина. М., 1896 г. Ц. 2 р. Новая книга, изданная почтеннымъ дѣятелемъ русскаго молочнаго хозяйства Н. В. Верещагинымъ, содержитъ изложеніе наблюденій и опытовъ надъ производительностью молочнаго стада при Едимоновской школѣ за шестилѣтіе 1889—94 гг. Въ обширномъ предисловіи издатель, когда-то, хотя и недолго, бывшій сторонникомъ иностранныхъ производителей, снова горячо высказывается за преимущества русскаго рогатаго скота. Одно изъ качествъ присущихъ русской коровѣ, обиліе жира въ молокѣ вполне доступно количественнымъ опредѣленіямъ и обратило уже на себя вниманіе заграничныхъ специалистовъ; но другое качество, за которое издатель ратуетъ Н. В. Верещагинъ—*хорошій вкусъ* молока отъ русскихъ коровъ, къ сожалѣнію, разбивается не опровергнутою поговоркою: „de gustibus non est disputandum“. Теоретически едва ли можно отрицать соображенія, приводимыя въ пользу подбора коровъ по вкусу молока въ мелкихъ, преимущественно мѣщанскихъ хозяйствахъ (стр. 21); но не стоитъ ли это въ связи съ преобладаніемъ натурального молочнаго хозяйства и удерживается ли эта „вкусность“ тамъ, гдѣ молоко производится болѣе для рынка, чѣмъ для потребностей хозяевъ? Въ оцѣнкѣ русской коровы предшественникомъ автора явился, какъ оказывается, Ченслеръ, котораго авторъ неоднократно, хотя и ошибочно, относитъ къ XVII столѣтію, вмѣсто XVI. Текстъ А. А. Попова состоитъ изъ общаго введенія, описанія отдѣльныхъ годовъ, описанія

стада по группамъ (ярославскихъ, владимірскихъ, зырянскихъ и сѣверодвинскихъ коровъ) и выводовъ. Въ таблицахъ помѣщены сравнительныя данныя о продуктивности и кормленіи стадъ и о переработкѣ молока. Для удоливости, для процентовъ сухого вещества и жира даны три діаграммы. Если не ошибаемся, въ литературѣ еще не было столь подробныхъ изслѣдованій, относящихся къ русскимъ коровамъ.

Богатство отъ земли. Сочиненіе Чарльза Барнарда. Книжка I. Вліяніе погоды и климата на растенія. 1895 г. Ц. 30 к. Книжка II. Значеніе почвы для растеній. Изд. К. И. Тихомирова. М., 1896 г. Ц. 40 к. Американская литература богата популярными агрономическими книжками, изъ которыхъ фермеры знакомятся съ нѣкоторыми научными вопросами, имѣющими отношеніе къ земледѣлю. Для русскаго мелкаго хозяина такія книжки нуждаются въ болѣе сильной переработкѣ, чѣмъ та, которой подверглось сочиненіе Барнарда со стороны г. Низовскаго (самый переводъ принадлежитъ г. Волкенштейну). Но и въ теперешнемъ видѣ книжки Барнарда принесутъ пользу лицамъ, занимающимся распространеніемъ сельско-хозяйственныхъ знаній, какъ матеріаль для бесѣдъ съ хозяевами и для преподаванія въ низшихъ школахъ.

МЕДИЦИНА.

„Терапія внутреннихъ и дѣтскихъ болѣзней“. К. О. Смита. — „Книга здоровья“. Пер. д-ра П. Н. Булатова. — „Руководство къ частной терапіи внутреннихъ болѣзней“. *Penzoldt & Stintzing.*

Терапія внутреннихъ и дѣтскихъ болѣзней. К. О. Смита. М., 1896 г. Ц. 3 р. Названная справочная книга назначается для практическихъ врачей съ цѣлью напомнить въ сжатомъ видѣ, что слѣдуетъ дѣлать, какія лѣкарства принимать въ томъ или другомъ случаѣ. Названія болѣзней и отдѣльныхъ симптомовъ расположены въ алфавитномъ порядкѣ, что облегчаетъ въ значительной степени пользованіе книгой. Предлагаемыя средства отличаются сравнительною простотой; обращено вниманіе въ достаточной мѣрѣ и на діететическую и профилактическую часть терапіи, что выдѣляетъ книгу среди другихъ ей подобныхъ. Изложеніе очень обстоятельное, толковое. Вообще эта „терапія“ можетъ быть смѣло рекомендована каждому практикующему врачу. Цѣна книги назначена, въ сожалѣнію, довольно высокая.

Книга здоровья. Общедоступное руководство здравоохраненія. Перев. съ нѣмецкаго подъ редакціей д-ра П. Н. Булатова. Изд. Риккера. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. Въ началѣ книги на 36 страницъ переданы самыя элементарныя свѣдѣнія изъ анатоміи и физиологіи человѣческаго тѣла. Слѣдующія затѣмъ главы содержатъ изложеніе частной и общественной гігіены, понятіе о воздухѣ, чистомъ и загрязненномъ, о водѣ, пищѣ, одеждѣ, жилищѣ. Очень обстоятельны по содержанию главы о пищѣ и жилищѣ. Здѣсь выясняется значеніе различныхъ пищевыхъ припасовъ: муки, овощей, мяса, молока, вкусовыхъ веществъ и проч., вкратцѣ указаны признаки хорошей и фальсифицированной или испорченной пищи. Въ главѣ о жилищѣ излагаются довольно подробно свѣдѣнія о здоровомъ грунтѣ, о надлежащемъ положеніи жилища, о строительномъ матеріалѣ, о вентиляціи, отопленіи, освѣщеніи и т. д. Въ слѣдующемъ затѣмъ отдѣлѣ содержитсяъ общественная гігіена: вліяніе населенія на здоровье, мѣры оздоровленія человѣческаго

водоснабженіе, уничтоженіе отбросовъ, полицейско-административныя мѣры. Далѣе нѣсколько страницъ посвящены физическому содержанию дѣтей дома и въ школахъ. Что касается до профессиональной гигиены, то этотъ отдѣлъ слишкомъ ужь кратокъ и слишкомъ страдаетъ общими мѣстами. Заключительная часть книги: „Вредъ наносимый здоровью виѣшними условіями“, — передаетъ свѣдѣнія, какъ предохранять себя отъ вліянія неблагоприятныхъ условій, отъ заразныхъ болѣзней, какъ помочь въ случаѣ пораненія, кровотеченія, какъ оживить утонувшаго и т. п. Въ концѣ коротенькія свѣдѣнія, касающіяся ухода за больными. Вообще книга богата содержаниемъ и очень толково изложена, хотя нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ редакціонныхъ недостатковъ: такъ, наприм., на стр. 93 говорится, что при копченіи мясо „пропитывается частью вкусовыми составными частями дыма“, на стр. 191: „къ сожалѣнію, народъ пользуется для обеззараживанія неэффективными средствами: растворомъ желѣзнаго и мѣднаго купороса или сѣрными парами (сѣрной кислотой)“, при сжиганіи сѣры, какъ это дѣлается въ цѣляхъ дезинфекціи, образуются не сѣрные пары и не сѣрная кислота. Правда, ошибки эти не существенныя, но все же лучше было бы ихъ избѣжать. Виѣшность изданія вполне приличная.

Руководство къ частной терапіи внутреннихъ болѣзней. Penzoldt и Stiptzing. Вып. X, XI, XII и XIII. Спб., 1896 г. Изд. Риккера. Настоящіе выпуски содержатъ изложеніе терапіи при заболѣваніяхъ дыхательныхъ органовъ, инфекціонныхъ, венерическихъ и нервныхъ заболѣваній. Особенной обстоятельностью отличается XIII выпускъ, гдѣ изложено лѣченіе венерическихъ болѣзней, въ частности перелоя и его осложнений; а также и выпускъ, посвященный терапіи бугорчатки легкихъ. Въ первомъ, въ началѣ, излагается профилактика венерическихъ болѣзней. Авторъ смотритъ на этотъ мудреный и всегда животрепещущій вопросъ съ истинной точки зрѣнія; распространеніе въ массѣ гигиеническихъ знаній, понятій объ опасности заразы путемъ печати, путемъ живого слова должно быть поставленно въ ряду самыхъ существенныхъ мѣропріятій. Пропагандой этихъ знаній должны заняться, во-первыхъ, врачи, затѣмъ общества распространенія народнаго образованія, учителя и сами родители. Этимъ путемъ, главнымъ образомъ, можно понизить частоту виѣсрачныхъ половыхъ сношеній. Всѣ мѣры должны быть направлены къ тому, чтобы удалить всѣ моменты, благоприятствующіе чрезмѣрному и преждевременному развитію чувственности; въ этомъ отношеніи первую роль имѣетъ устраненіе чрезмѣрнаго обремененія нашего юношества въ среднихъ школахъ умственными занятіями, — обремененія „способствующаго преждевременному развитію половыхъ инстинктовъ“. По отношенію къ общественнымъ мѣропріятіямъ авторъ не принадлежитъ къ аболиціонистамъ и предлагаетъ правительственный надзоръ за проституціей и насильственное лѣченіе заболѣвшихъ; при этомъ онъ ставитъ, между прочимъ, слѣдующія положенія: а) официальное внесеніе въ списки проститутокъ по судебному приговору на основаніи доказаннаго факта, послѣ одно- или многократнаго предупрежденія; б) зарегистрированныя проститутки обязаны являться два раза въ недѣлю для врачебнаго изслѣдованія, и въ случаѣ уклоненія предлагается насильственное приведеніе; в) заболѣвшія проститутки лѣчатся въ больницахъ бесплатно до полного излѣченія, причемъ больницы эти совсѣмъ не должны походить на мѣста заключенія; г) сосредоточеніе проститутокъ въ домахъ терпимости представляетъ много преимуществъ для надзора, и „въ интересахъ общественнаго здо-

ровья и общественной безопасности дома терпимости слѣдовало бы скорѣе поощрять, чѣмъ подавлять“, причемъ „проституткѣ должно быть предоставлено право выбора, жить ли ей одной или въ домѣ терпимости“; е) врачебное изслѣдованіе проституттокъ должно производиться два раза въ недѣлю. Дальнѣйшее изложеніе выпуска почти все посвящено терапіи перелоя.

XII выпускъ содержитъ изложеніе терапіи легочныхъ заболѣваній и бугорчатки легкихъ. И здѣсь та же полнота и обстоятельность содержания, та же безпристрастная и тонкая оцѣнка различныхъ терапевтическихъ методовъ и та же правильность взглядовъ автора. Главное достоинство книги: это—ободряющее врача направленіе, вселяющее убѣжденіе въ возможности излѣченія или облегченія страданій. Скептицизмъ въ практической медицинѣ, сослуживъ свою долю пользы, какъ неизбѣжная реакція противъ господствовавшихъ нѣкогда увлеченій, выработавшій болѣе точные методы изслѣдованія, болѣе подробный анализъ этиологии и сущности патологическихъ процессовъ,—принесъ вмѣстѣ съ тѣмъ и не малую долю вреда, отнявъ у врача всякую вѣру въ полезность и дѣйствительность его мѣропріятій, связывая его иногда по рукамъ и по ногамъ.

Въ XI выпускѣ содержится лѣченіе болѣзней нервной системы. Общій планъ изложенія нисколько не разнится отъ плана предшествовавшихъ выпусковъ. Нельзя, однако, не поставить упрекомъ и автору и редактору перевода слѣдующую тираду: говоря, что шалости дѣтей часто представляютъ не что иное, какъ результатъ болѣзненнаго тѣлеснаго состоянія, и что „снисхожденіе къ нимъ нерѣдко доводитъ раздражительность до высшей степени“, авторъ въ качествѣ наилучшаго средства предлагаетъ наказаніе (за болѣзнь?), которое „сразу можетъ положить конецъ болѣзненному раздраженію. Наказаніе рекомендуется тѣлесное, а для маленькихъ дѣтей побой лучше замѣнить „холодной водой“, что лучше „предотвращать повтореніе болѣзненныхъ шалостей, чѣмъ долгіе уговоры“. Такимъ же жалкимъ мѣстомъ является и дальнѣйшее разглагольствованіе по поводу школьнаго переутомленія, которое „въ общемъ преувеличено“. По отношенію къ другимъ отдѣламъ нельзя не согласиться съ положеніями и выводами автора.

Что касается внѣшности изданія, то оно, какъ и всѣ изданія Рикера, безупречно.

УЧЕБНИКИ, КНИГИ ДЛЯ ДѢТСКАГО ЧТЕНІЯ.

„Первое домашнее чтеніе сельскаго школьника“ В. О. Крижа. Вып. II.—„Дужика“. В. Р. III.

Первое домашнее чтеніе сельскаго школьника. Вып. II, содержащій въ себѣ 23 статьи для самостоятельнаго чтенія учениковъ (каждая статья можетъ быть дана отдѣльно отъ прочихъ. Для вкладыванія и сбереженія статей изданъ особый корешокъ, съ полезными для ученика свѣдѣніями, ц. 2 к.). В. О. Крижъ. Изд. 2-е. И. Ѡ. Жиркова съ 53-ю иллюстраціями въ текстѣ. М., 1896 г. Д. 30 к. Книжка г. Крижа представляетъ изъ себя весьма полезный вкладъ въ бібліотеку сельскаго школьника, не отличающуюся обыкновенно ни разнообразіемъ, ни обиліемъ матеріала. Содержаніе книжки, въ небольшомъ количествѣ статей, и интересно, и разнообразно. Тутъ и встрѣчаемъ такіа стихотворенія Никитина и Некрасова, какъ *Дня*

никъ и его внукъ, Дядюшка Мазай и зайцы, Дядюшка Яковъ и проч., которыя сами говорятъ за себя. Стихотворенія эти чередуются съ былинами о Садкѣ и Ильѣ Муромцѣ, а также съ двумя-тремя сказками, хотя и извѣстными, но довольно интересными. Всѣ названныя статьи, впрочемъ, относятся къ такъ называемому легкому чтенію; что же касается до серьезнаго чтенія, то ему отведено въ книжкѣ почтенное мѣсто. Такія статьи, какъ *Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ*, *Иоаннъ Гуттенбергъ*, небольшіе очерки о вредныхъ и полезныхъ для человѣка животныхъ („мышь“, „летучая мышь“), написанные довольно образно и хорошимъ языкомъ, прочтутся ученикомъ не только съ интересомъ, но и съ несомнѣнною пользой. Даже такъ называемыя бесѣды, область, требующая отъ составителя большой опытности и педагогическаго такта, вполне удалась г. Крижу. Что же касается, наконецъ, до рисунковъ, помѣщенныхъ въ П-мъ выпускѣ *Перваго домашняго чтенія*, то исполненіе многихъ изъ нихъ не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Дюжинка. XII пьесокъ для дѣтскаго театра. В. Р. Щ. Спб., 1896 г. Цѣна 1 руб. Среди родителей и педагоговъ есть, какъ извѣстно, сторонники дѣтскаго театра, какъ полезнаго способа развлечения. Мы не принадлежимъ къ числу ихъ и, напротивъ, думаемъ, что дѣтское лицедѣйство ничего, кромѣ вреда, въ воспитательномъ отношеніи принести не можетъ. Унижая незаслуженно (въ случаѣ неудачнаго исполненія роли) вполне достойныхъ и скромныхъ дѣтей, это развлеченіе можетъ породить въ другихъ, отличившихся, цѣлый рядъ нежелательныхъ явленій: излишнее самолюбіе и резонерство, фатовство и кокетство, не говоря уже о зависти и даже ненависти—обычныхъ спутниковъ сценическихъ дѣятелей. Желательно ли все это при болѣе или менѣе правильномъ ходѣ воспитанія? Если мы обратимся, далѣе, къ самой литературѣ дѣтскаго театра, то увидимъ, что ни одинъ изъ нашихъ лучшихъ писателей и драматурговъ никакихъ пьесъ для дѣтскаго театра не писалъ. Поэтому литература эта отличается крайнею скудостью и бѣдностью, причемъ ея авторами являются писатели совершенно неизвѣстные въ литературномъ мірѣ. Кто такое, на примѣръ, этотъ В. Р. Щ. (или В. Р. Щиглевъ, какъ значится въ подписи подъ предисловіемъ)? Изъ предисловія узнаемъ, что авторъ еще въ 1889 году издалъ три пьески для дѣтскаго театра, изъ которыхъ двѣ были напечатаны въ журналѣ *Дѣтское Чтеніе*. „Сколько извѣстно, эти пьески понравились и во многихъ семьяхъ разыгрывались успѣшно. Такъ какъ спросъ, — говоритъ авторъ затѣмъ, — на пьески для дѣтскаго театра увеличивается, то я рѣшилъ пополнить первое изданіе и написалъ еще *десять пьесокъ*“, изъ которыхъ одна была напечатана въ томъ же журналѣ за 1891 годъ. Итакъ, дѣятельность этого радѣтеля дѣтей поощряется и дѣтскимъ журналомъ, и самими родителями. Между тѣмъ намъ еще не приходилось читать ничего болѣе нелѣпаго и бессодержательнаго, какъ эти „пьески“. На ряду со скудостью замысла, произведенія г. Щиглева вредны еще тѣмъ, что заставляютъ маленькихъ актеровъ фальшиво наивничать, выражаться не дѣтскимъ языкомъ и безъ конца противно резонерствовать. На примѣръ, въ пьесѣ, неизвѣстно почему названной *Старый уголокъ*, мальчикъ-актеръ, прежде чѣмъ съѣсть апельсинъ, долженъ говорить такой монологъ (*подражая Гамлету*): „Что-жь, съѣсть? Не съѣсть? Вотъ въ чемъ вопросъ! Одинъ—пусть скроется въ карманѣ... А этотъ съѣмъ я. Хорошо-съ... Долой мундиръ твой! О, зарадъ я чувствую на языкѣ чудесный сокъ Мессины дальней!... Гм... Онъ пока еще въ рукѣ... Двѣ-три минуты и—печальнѣи

что можетъ быть тогда? Гдѣ онъ, природы южной порожденье? Мундиръ въ кусочки превращень, а вкусовые ощущенья чрезъ пять минутъ совсѣмъ пройдутъ... О, какъ мгновенны наслажденья!" и т. д. Въ другой пьесѣ дѣвочка, рассказывая о пріятномъ ощущеніи, которое испытала ея кузина, давши „нечаянно“ денежную бумажку одной бѣдной женщинѣ, пришедшей на кухню, дѣлаетъ такое сравненіе: „какъ будто, говорить, я была не въ кухнѣ, а гдѣ-то на балу и скушала порцію фисташковаго мороженаго!...“ Ну, а если какаѣ-нибудь изъ слушательницъ попробуетъ „отдать нечаянно бумажку“ бѣдняку, да не испытаетъ подобнаго вкусового удовольствія, тогда что? Вѣроятно, послѣшить утѣшиться на фисташковомъ мороженомъ? Въ пьесѣ *Воевода* авторъ заставляеть дѣтей 13—14 лѣтъ, и даже *моложе*, представляеть ни болѣе, ни менѣе какъ *Воеводу* Пушкина, причемъ дѣти (по мысли г. Щиглева) доискиваются до смысла этого стихотворенія и *не понимая*, зачѣмъ какой-то мужчина *цѣлуетъ колѣна* панны, жены воеводы, и почему послѣдній возмущается этимъ, объявляютъ: „*да стѣдъ нельзя же передъ юстями всякую драмъ читать!*“ Въ пьесѣ, носящей заглавіе *Тройка*, Костя (лѣтъ 12—13) декламируетъ извѣстное стихотвореніе *Кубокъ*, и пересыпаетъ свою декламацию такими замѣчаніями: „Очень картинно! Молодчина этотъ Шиллеръ!“ „Ортіме! Сочинено на пятерку, что и говорить, ну, и переводъ удовлетворителенъ: заслуживаетъ четверки. Молодецъ и Жуковский, хотя въ послѣдней строчкѣ „ужъ“ не туда попало: слѣдовало бы „ужъ не спасетъ“, а не „ужъ сила“... Ничего, впрочемъ, и такъ ладно“. Но не будемъ утомлять читателя дальнѣйшими выписками, полагая, что и приведенныхъ достаточно, чтобъ убѣдиться въ доброкачественности и пригодности для дѣтей пьесъ г. Щиглева. Содержаніе этихъ пьесъ лучше всего доказываетъ, какой опасности подвергаются дѣти, которыхъ неразумные родители поощряютъ къ театральнымъ лицедѣйствіямъ. Искренно жалѣемъ такихъ дѣтей и родителей!

ИЗДАНІЯ ДЛЯ НАРОДА.

Географія для народа.

Изданія „Посредника“: Разказы о Литвѣ и литовцахъ. Г. Р.—Разказы о Финляндіи. Очерки Ф. Девель.—Разказы о Восточной Сибири. Кавказъ. А. Ставровскаго.—Разказы объ Австраліи и австралійцахъ. М. Черняева.—Новый Свѣтъ. О томъ, какъ Колумбъ побывалъ на другой сторонѣ земли. Е. Чицова.—Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Сост. Е. Н. Водовозова. Турки. Англичане. Нѣмцы. Итальянцы. Испанцы.—Сѣверо-Американскіе Соед. Штаты. А. Быкова. Издан. книжн. склада А. Муриновой. За послѣдніе два года обращаютъ на себя вниманіе двѣ серіи географическихъ книжекъ, выходящихъ систематически одна за другой и пополняющихъ крайне серьезные пробѣлы въ народной литературѣ. Первая серія, о которой мы говоримъ, издается редакціей „Посредника“, вторая принадлежитъ Е. Н. Водовозовой. „Посредникъ“ поставилъ себѣ чрезвычайно важную и плодотворную задачу—создать рядъ книжекъ географическаго содержанія, доступныхъ самому широкому кругу читателей какъ по цѣнѣ, такъ и по языку, и знакомящихъ этихъ читателей съ различными странами и народами, ихъ нравами, обычаями, вѣрованіями и ихъ учрежденіями, и лишенныхъ подкладки того чело-

вѣконенавистничества и верховитаго отношенія къ иноплеменникамъ, какимъ, напримѣръ, отличаются многія изданія, усиленно рекомендуемая для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ. Въ основѣ знакомства русскаго народа съ другими народами, по справедливому мнѣнію редакціи „Посредника“, должна прежде всего лежать мысль о томъ, что всѣ народы, все человѣчество есть нѣчто единое, пѣльное, что оно—единая семья, и „всѣ народы—дѣти одного Отца“, „всѣ люди—братья“, и что крупныхъ улучшеній въ ихъ жизни и уменьшенія ихъ несчастій и страданій можно добыть не враждою и насиліемъ, а проповѣдью любви и братства,—словомъ, не тѣмъ, что разъединяетъ людей, а тѣмъ, что соединяетъ ихъ. По мысли редакціи, каждый народъ, гдѣ бы онъ ни жилъ, кто бы онъ ни былъ, достоинъ и любви, и уваженія; въ каждомъ народѣ есть нѣчто свѣтлое и нѣчто великое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣчто особенное, выработанное имъ въ его исторической жизни и чему могутъ и должны поучиться у него другіе народы. Такимъ образомъ, въ основу новой серіи изданій „Посредника“ положена идея глубоко-гуманная и свѣтлая, заслуживающая полнаго вниманія и искренняго сочувствія со стороны всѣхъ тѣхъ, кому дороги интересы просвѣщенія народныхъ массъ,—просвѣщенія въ лучшемъ и широкомъ смыслѣ этого слова. Въ области литературы народной, въ книжкахъ географическаго содержанія, эта идея, насчитывающая нѣсколько тысячелѣтій своего существованія, тѣмъ не менѣе является идеей новой и, можно даже сказать, для русскаго читателя изъ народа—идеей неожиданной. Этого несчастнаго читателя, обыкновенно привязаннаго, въ силу разныхъ экономическихъ и другихъ условій, къ какому-нибудь медвѣжьему углу, до котораго не только не доходятъ иныя мысли, а даже и иныя слова, въ особенности же слово „право“, до сего времени чуть ли не официально было принято считать какимъ-то кваснымъ патриотомъ-человѣкенавистникомъ, смотрящимъ на всѣ другіе народы сверху внизъ, чрезвычайно довольнаго самимъ собою и всѣмъ, что его окружаетъ и что ему даютъ, независимо или зависимо отъ его собственнаго желанія. Этотъ несчастный читатель живетъ себѣ да живетъ, не зная ровно ничего, что дѣлается въ другихъ странахъ, какъ устраиваютъ свою судьбу другіе народы, какія у нихъ стремленія и мечты, что и какъ они дѣлаютъ для ихъ осуществленія, насколько они осуществили ихъ. Все это для нашего читателя и непонятно какъ будто, и чуждо, и не можетъ онъ и въ толкъ взять, что и онъ самъ, своей собственной персоной, какова она тамъ ни на есть, тоже что-нибудь да значить и что-нибудь да можетъ, и тоже долженъ возможно больше, возможно глубже и шире и понимать, и сознавать. Казалось бы, географическая книжка должна бы учить не только географіи, но и сознанію личнаго достоинства; а у насъ до сего времени эти книжки, за очень немногими исключеніями, учили только высокомуфрью и лжи, или, въ лучшихъ случаяхъ, знакомили русскаго читателя съ какими-нибудь заморскими „монстрами“ и „раритетами“, передъ которыми этимъ читателямъ только и остается разинуть ротъ,—и больше ничего. Дошло дѣло до того, что въ одной одобренной книжкѣ предлагается читателю даже особенное толкованіе притчи о милосердномъ самарянинѣ, который, по мнѣнію составителя, долженъ быть таковымъ отнюдь не ко всѣмъ людямъ, а лишь къ своимъ иноплеменникамъ... А этотъ бѣдняга читатель никогда и не былъ и даже не могъ быть такимъ, какимъ его хотѣли видѣть: человѣкъ онъ добродушный, даже черезчуръ любвеобильный, нѣмца онъ хоть иной разъ и ругнетъ, а все же и поцѣлуется

съ нимъ, и накормить его, и ужъ, разумѣется, похвалить отъ всей души за то, что тотъ приготовляетъ дешево сельско-хозяйственные машины; даже, напротивъ, нельзя не видѣть въ этомъ читателѣ значительное отсутствіе „патріотизма“, потому что онъ искренно жалѣетъ, что на эти дешевыя машины пошла-то очень ужъ велика. Нельзя не пожалѣть, что географическія изданія „Посредника“, проникнутыя миролюбіемъ и гуманной идеей, до сего времени въ школы не допущены.

До сего времени вышло семь книжекъ. Изъ нихъ пять относятся къ Россіи (*Разказы о Западной Сибири, Разказы о Восточной Сибири, Разказы о Литвѣ и литовцахъ, Кавказъ, Разказы о Финляндіи*). О первой книжкѣ мы говорить не будемъ, такъ какъ изданіе ея разошлось. Изъ остальныхъ трехъ книжекъ заслуживаетъ особеннаго вниманія книжка Г. Р. *О Литвѣ и литовцахъ*. Въ этой книжкѣ читателю найдутъ не только массу интересныхъ данныхъ о жизни и бытѣ литовцевъ, объ ихъ обрядахъ, вѣрованіяхъ, обычаяхъ, ихъ ремеслахъ и промыслахъ, ихъ торговыхъ и семейныхъ дѣлахъ, объ ихъ семейной и общественной жизни и т. д., и т. д., но всѣ эти свѣдѣнія изложены чрезвычайно просто, толково, съ полнымъ знаніемъ литовскаго народа, а главное—изложены тепло и задушевно. Видно, что неизвѣстный авторъ книжки не только знаетъ литовскій народъ, но и любитъ его, а такое отношеніе къ народу придаетъ особый колоритъ всей книжкѣ. Что можно было сказать, въ ней все сказано и, притомъ, настолько талантливо, что ее прочтеть съ удовольствіемъ не только „читатель изъ народа“, но и всякій другой; ее можно рекомендовать и учителямъ географіи, и ученикамъ и ученицамъ среднеучебныхъ заведеній,—рекомендовать тѣмъ смѣлѣе, что, къ стыду нашему, на русскомъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ книжекъ о Литвѣ, если не считать устарѣвшей и слабой брошюры Р. Попова и громоздкаго и жидкаго изданія Вольфа *Живописная Россія*. Желательно, чтобы г. Г. Р. продолжалъ свои работы по народной литературѣ, тѣмъ болѣе, что настоящая его книжка представляетъ большій шагъ впередъ сравнительно съ первымъ его работою (*Въ подземномъ царствѣ*), о которой мы давали отзывъ въ прошломъ году. Весьма недурно составлены и написаны прекраснымъ языкомъ рассказы неизвѣстнаго автора *О Финляндіи*. Нельзя только не пожалѣть, что объ этой симпатичной странѣ авторъ сообщаетъ слишкомъ мало свѣдѣній изъ исторіи,—упрекъ, который можно сдѣлать, кстати сказать, и г. Г. Р. Слѣдовало бы побольше сказать объ общественной самодѣятельности финскаго народа, о широкомъ развитіи среди него частной инициативы, затѣмъ о такихъ интересныхъ фактахъ, какъ гошеборгская система продажи спиртныхъ напитковъ и ея вліяніе на уничтоженіе пьянства въ народѣ. На этой книжкѣ особенно сказывается извѣстный недостатокъ всѣхъ изданій „Посредника“, который, какъ мы имѣли уже случай неоднократно отмѣчать, придаетъ слишкомъ мало значенія государственнымъ учрежденіямъ и ихъ положительному или отрицательному вліянію на психическую, экономическую и всякія другія стороны народной жизни. Въ книжкѣ о Финляндіи описаніе финляндскихъ учреждений совершенно почти отсутствуетъ; пробѣлъ этотъ не можетъ не броситься въ глаза, и его нельзя не поставить въ вину редакціи. Можно какъ угодно относиться къ значенію учреждений, но нельзя, тѣмъ не менѣе, умалчивать о ихъ существованіи, нельзя не познакомить съ ними читателя, уже по тому одному, что эти учреждения—реальный, существующій фактъ, который, какъ таковой, не можетъ не быть поучительнымъ для читателя; а такъ какъ Финляндія—

страна принадлежащая къ составу Россійской имперіи, а знакомство съ Россійской имперіей вмѣняется русскому обывателю въ обязанность даже тѣми людьми, кому „заграничныя страны“ по разнымъ причинамъ не нравятся, то тѣмъ болѣе нельзя не пожалѣть, что книжка о Финляндіи, изданная „Посредникомъ“, является на книжный рынокъ въ такомъ, такъ сказать, кудомъ видѣ. Что касается до книжки Л. Ставровскаго *О Кавказѣ*, то ее нельзя назвать удовлетворительной уже по одному тому, что она черезчуръ кратка, и въ столь небольшой объемъ нѣтъ никакой возможности вмѣстить все разнообразіе мѣстъ, племенъ и обычаевъ, какимъ отличается такая страна, какъ Кавказъ. Авторъ поставилъ себѣ непосильную задачу и не смогъ ее поэтому выполнить: получилось въ концѣ-концовъ сухой перечень фактовъ и спесь, блѣдное описаніе мѣстностей, мало что говорящій уму и сердцу очеркъ племенъ и ихъ обычаевъ и правовъ. Эта книжка заслуживаетъ коренной переработки во второмъ изданіи, которое желательно бы было видѣть въ значительно расширенномъ и дополненномъ видѣ. Нельзя назвать вполне удовлетворительной и книгу Ф. Девеля *О Восточной Сибири*. Видно, что авторъ этой книги не справился съ массой разрозненнаго, сбивчиваго матеріала, который былъ у него подъ руками, не сумѣлъ разобраться въ немъ, вслѣдствіе чего его книжка не производитъ цѣльнаго впечатлѣнія, а скорѣе поражаетъ нестротой, и неподготовленному читателю довольно трудно въ ней разобраться. Эту книжку можно отмѣтить лишь какъ первую попытку собрать болѣе или менѣе новыя свѣдѣнія, относящіяся къ отдаленнѣйшимъ окраинамъ Россіи, за неимѣніемъ другихъ книгъ, болѣе удовлетворяющихъ своему назначенію. Изъ серіи книгъ, посвященной заграничнымъ странамъ, до сего времени появились лишь двѣ: во-первыхъ, книжка М. Черняевой *Объ Австраліи и австралійцахъ* и Е. Чинова *Новый Свѣтъ*. Книжка г-жи Черняевой составлена прекрасно и несомнѣнно будетъ читаться съ большимъ интересомъ въ самыхъ разнообразныхъ читательскихъ кругахъ. Составительница прекрасно сдѣлала, отступивъ отъ шаблоннаго приѣма, набившаго всѣмъ оскомину: она не только описываетъ,—она драматизируетъ свои описанія удачными выборками изъ путешествій, связывая то или другое описаніе, тотъ или иной наблюденный фактъ съ живою, мыслящею, чувствующею личностью очевидца-путешественника. Получается въ концѣ-концовъ не сухое описаніе, а разсказъ о поучительныхъ приключеніяхъ, но въ этомъ разсказѣ, въ этихъ приключеніяхъ центръ тяжести лежитъ не въ самомъ приключеніи, а въ томъ, чему оно учитъ. Г-жа Черняева сумѣла собрать массу интереснаго матеріала и перерыла очевидно много новыхъ источниковъ. Нельзя не упрекнуть ее въ двухъ вещахъ: во-первыхъ, въ томъ, что она отвела слишкомъ мало мѣста исторіи и жизни австралійскихъ колоній (извѣстная книга Паркса даетъ для этого массу интереснѣйшаго и поучительнѣйшаго матеріала, а сравненіе колонизаторовъ русскихъ съ англійскими напрашивается само собою). Во-вторыхъ, увлеченная своею идеей, г-жа Черняева совершенно отстываетъ отъ истины, объясняя, напримѣръ, существованіе у дикарей людодѣства не чѣмъ инымъ, какъ незнаніемъ истинъ христіанской религіи (стр. 88). За исключеніемъ этихъ двухъ замѣчаній, мы можемъ лишь дать о книжкѣ г-жи Черняевой самый лестный отзывъ и даже отмѣтить тотъ фактъ, что авторъ очевидно обладаетъ писательскимъ огонькомъ, умѣло подчеркиваетъ существенныя мѣста и вообще заинтересовываетъ читателя. Желательно, чтобы г-жа Черняева

продолжала свои работы по народной литературѣ. Книжка г. Чинова *Новый Свѣтъ* (исторія Хр. Колумба) составлена также недурно, и ее тоже можно рекомендовать читателямъ; напрасно только составитель слишкомъ отрицательно относится къ самой личности Колумба, основываясь на извѣстныхъ авторахъ, старающихся уменьшить заслугу великаго генуэзца, слишкомъ гонится за популярнымъ изложениемъ, жертвуя ради него научною истиной (наприм., на стр. 8 мы читаемъ, что земля *свободно* (?) держится въ небесномъ пространствѣ и т. п.).

Книжки г-жи Водозовой удачно отличаются отъ изданій „Посредника“ тѣмъ, что составительница обращаетъ вниманіе на значеніе и исторію учреждений тѣхъ странъ, которыя она описываетъ; она посвящаетъ много вниманія экономической жизни каждаго народа, общественной жизни всѣхъ сословій, а также знакомитъ „съ образомъ правленій въ тѣхъ странахъ, гдѣ оныя вполнѣ прочно установились и отражаются на всей жизни, нравахъ и привычкахъ народа“, и старается дать „вполнѣ ясное представленіе о земледѣльческой, промышленной и торговой дѣятельности каждаго народа, поскольку она имѣетъ значеніе въ его жизни“. Каждая книжка даетъ довольно полное представленіе о данномъ народѣ. Было бы ошибочно смѣшивать географическую серію книгъ г-жи Водозовой съ ея извѣстнымъ трудомъ *Жизнь европейскихъ народовъ*. Книжка эта представляетъ полную переработку этого послѣдняго труда, отчасти дополненную, а отчасти сокращенную. Особенно интересно составлена и даетъ массу новыхъ свѣдѣній книжка, посвященная англичанамъ, а также книжка о германцахъ, гдѣ читатели найдутъ, между прочимъ, интересное описаніе экономической неурядицы и сопровождающей ее классной борьбы въ этихъ странахъ. Всѣ книжки написаны болѣе или менѣе по одному плану: страна и народъ, главные города и провинціи, занятіе народа и экономическое положеніе разныхъ классовъ, религія и праздники, характеръ народный и въ *нѣкоторыхъ* книжкахъ государственныя устройства. О томъ, что описаніе этого послѣдняго встрѣчается не въ каждой книжкѣ, нельзя не пожалѣть, такъ какъ въ каждой странѣ есть свои особенности въ этомъ отношеніи, и, кромѣ того, въ разныхъ странахъ писанный законъ далеко не въ одинаковой степени отождествленъ съ закономъ, примѣняемымъ на практикѣ. Если бы въ нѣкоторыхъ книжкахъ и встрѣтились кое-какія повторенія, то жалѣть все же не пришлось бы, какъ не приходится и долго еще не придется жалѣть о распространеніи среди русскихъ читателей, въ какому бы классу оны ни принадлежали, правовыхъ понятій вообще. Между тѣмъ такого рода книжки по географіи представляютъ богатый матеріалъ и вполнѣ удобную почву для популяризаціи этихъ понятій.

Серія, издаваемая и составляемая г-жею Водозовой, охватываетъ лишь народы европейскіе. Книжка, составленная г-жею А. Быковой, дополняетъ весьма чувствительный недостатокъ подобнаго рода книгъ по отношенію къ странамъ не-европейскимъ. Эта послѣдняя книжка посвящена Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ. Читатели найдутъ въ ней главнымъ образомъ описаніе государственнаго устройства этой страны, ея экономического положенія въ связи съ исторіей ея и географическими ея условіями. Авторъ прежде всего даетъ очеркъ заселенія страны европейскими выходцами, ихъ борьбы съ туземцами, далѣе рисуетъ ихъ борьбу съ метрополіей и освобожденіе штатовъ отъ англійской зависимости, далѣе рассматриваетъ организацію союзнаго правительства и дѣлаетъ общій очеркъ территоріи Штатовъ во всемъ

разнообразіи математическихъ и географическихъ и другихъ естествен-но-историческихъ условий. Въ слѣдующей главѣ, посвященной населенію штатовъ, читатель найдетъ интересный и поучительный историческій очеркъ рабства въ Соединенныхъ Штатахъ и борьбы американскаго народа за освобожденіе негровъ. Слѣдующія главы посвящены описанію добывающей и обрабатывающей промышленности, торговлѣ, народному образованію, религіи и церкви, и, наконецъ, въ послѣдней главѣ авторъ старается дать характеристику американца, его склада ума, его семейной жизни и т. д. Книжка г-жи Быковой составлена по хорошимъ источникамъ (главнымъ образомъ по Брайсу) и богата содержаниемъ; во всемъ видна добросовѣстность автора. Изложеніе книги нѣсколько сухое, языкъ отвлеченный и нерѣдко тяжелый. Это портитъ впечатлѣніе, производимое этою прекрасною въ другихъ отношеніяхъ книжкою.

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы“, декабрь.—„Русское Богатство“, ноябрь.“—Сѣверный Вѣстникъ“, декабрь.—„Образованіе“ 1896 г.—„Дѣтское чтеніе“, февраль 1896 г.—январь 1897 г.—„Дѣтскій Отдыхъ“, май—декабрь 1896 г.

Отсутствіе общихъ, охватывающихъ всѣ явленія общественной жизни идей,—таково было печальное свойство, отличавшее нашу журналистику въ истекшемъ году. Не безъ того, чтобы среди журнальнаго мусора и дѣловыхъ докладовъ, наполнявшихъ наши журналы, не встрѣчалось и кое-что интересное и внушительное... Въ теченіе года мы, по мѣрѣ силъ, указывали на это интересное и внушительное. Но какъ его мало было! И напрасны были бы всѣ объясненія такого прискорбнаго явленія тѣмъ обстоятельствомъ, что сама жизнь блѣдна и скучна, что въ ней нѣтъ животворныхъ началъ, которыя могли бы одухотворить и дать жизненную силу журналистикѣ. Такое объясненіе слишкомъ очевидно невѣрно. Нѣтъ, въ жизни, гдѣ-то въ ея глубинахъ, совершаются неслышныя и незримыя процессы броженія, и въ самыхъ литературныхъ проявленіяхъ,— не рѣшаемся сказать,—въ литературныхъ отраженіяхъ жизни,— совершается какая-то еще не вполне опредѣлившаяся эволюція, дѣлающая нашу журналистику такой, какова она есть, т.-е. сонной, неувѣренной ни въ себѣ, ни въ обществѣ и вялой. Внѣшнимъ образомъ эта эволюція выражается, можетъ быть, нѣкоторымъ паденіемъ типа большого журнала и поворотомъ во вниманіи публики въ сторону газеты, преимущественно ежедневной и къ книгѣ, главнымъ образомъ, переводной. Какъ бы то ни было неприятно само по себѣ, оно—фактъ, который невозможно игнорировать и съ которымъ нельзя не считаться. И какъ бы парадоксально ни казалось наше утвержденіе читателю, мы рѣшаемся утверждать, что самъ по себѣ этотъ фактъ несомнѣнно прогрессивный. Дѣло въ томъ, что толпа, демократія, выступаетъ все больше и больше, хотя и далеко еще неопредѣленно, на арену общественной жизни и разрушаетъ старыя формы и въ самой жизни, и въ литературѣ. Центръ тяжести все болѣе и болѣе перемѣщается въ направленіи идей и требованій этой толпы. И вотъ, съ одной стороны, газетныя сенсационныя новости и веселенькія общественно-литературныя сплетни, а съ другой — жажда книги, поученія, котораго толпа ищетъ главнымъ образомъ въ переводной кни-

гѣ, часто хорошей, а еще чаще просто модной. Въ предыдущемъ обзорѣннн мы въ немногихъ словахъ указали или, лучше сказать, намекнули на судьбы нашего разночинца... Мы говорили тамъ, что у него не хватило самостоятельныхъ, личныхъ, такъ сказать, силъ, не хватило ни рѣшимости, ни умственной энергiи, чтобы проявить свою собственную человѣческую личность, чтобы создать свои собственные формы культурнаго развитiя. Онъ, такъ сказать, сѣлъ между двухъ стульевъ. Съ одной стороны, всѣ свои силы, главнымъ образомъ интеллектуальныя, онъ понесъ—худо ли, хорошо ли—на служенiе меньшему брату. А съ другой—эмоциональная сторона его духовной природы, его жажда къ свѣту и блеску жизни, законное стремленiе къ наслажденiямъ и къ счастью,—заставляла его примыкать къ единственной существующей въ странѣ старой культурѣ—культурѣ барско-бюрократической—и проникаться ею. Въ результатѣ такихъ двухъ по существу противоположныхъ стремленiй, разночинецъ, несмотря на свою довольно-таки влiятельную роль въ исторiи нашей общественности, взнемогъ въ борьбѣ съ самимъ собой скорѣе, чѣмъ съ внѣшними условiями, какъ-то выпѣвлъ и обезличился. Въ концѣ-концовѣ, второе изъ его стремленiй, эмоциональное, одержало побѣду надъ первымъ, интеллектуальнымъ. Онъ, разночинецъ, началъ жить какими-то порывами, минутками особаго общественнаго оживленiя, проявлявшагося преимущественно въ години бѣдствiй, и въ обычное время, послѣ различныхъ метанiй въ разныя стороны, до символизма и декадентства включительно, сдѣлался просто хмурымъ и неинтереснымъ человѣкомъ. Глѣбъ Ивановичъ Успенскiй въ одномъ разсказѣ приводитъ слова умной старушки, что плохо и скучно живется потому, что интереснаго мужчины нѣтъ. Очень мѣткое и для того времени, когда были написаны или сказаны эти слова, пророческое замѣчанiе. Дѣйствительно, нѣтъ, пожалуй, ни интереснаго мужчины, ни интересной женщины; на поверхности общественной жизни фигурируютъ неинтересные, хмурые люди, забывшіе завѣты прошлаго, лишеныя памяти и традицiй и неспособные выдумать что-либо новое и интересное. Въ сущности говоря, всѣ эти хмурые люди просто на-просто остановились въ недоумѣнiи предъ вопросомъ, до сихъ поръ еще нерѣшеннымъ: есть ли выходъ изъ старой дилеммы—служенiе или старая культура, есть ли что-либо третье, въ чемъ могла бы проявиться и вылиться всецѣло, стать во всю свою величину человѣческая личность, со всѣми своими сложными духовными запросами, со всѣми своими стремленiями и къ жизненнымъ наслажденiямъ, къ полнотѣ и блеску жизни, и къ развитiю и свободѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ неистребимыми изъ души человѣческой стремленiями альтруистическими, съ желанiемъ положить душу свою за брата своего... Вопросъ такъ сложенъ, составляющiе его элементы такъ мало выяснены, что и недоумѣнiе, и хмурость современнаго интеллекта, принадлежащаго и социальнo и, главнымъ образомъ, духовно къ типу разночинца и въ силу совершившейся экономической и общественной эволюцiи оказавшагося на поверхности, довольно понятны... Но отъ этого не легче, что они понятны. Они продолжаютъ давить и интеллекта-разночинца, и все общество, какъ кошмаръ.

Но вѣдь это на поверхности, скажете вы. А что же въ глубинахъ? Смыслный вопросъ—и съ нашей стороны было бы не только смѣлостью, а прямо-таки дерзостью даже пытаться отвѣчать на него. Намъ приходится тутъ ограничиваться догадками. Многiя соображенiя и не ма-

лое количество дѣйствительно происходящихъ явленій заставляютъ насъ догадываться, что тамъ, въ глубинахъ-то этихъ, совершается что-то не вполне ординарное и во всякомъ случаѣ достаточно интересное, что подъ замерзшей общественной поверхностной корой не только бѣжить, но и кипить, какая-то живая вода, малыми, почти незамѣтными струйками иногда прорывающаяся сквозь эту замерзшую кору, что идетъ какой-то совѣтъ новый, еще неизвѣданный нами процессъ,— и процессъ, во всякомъ случаѣ, не регрессивный... Но и только—больше мы ничего не знаемъ, даже ни о чемъ не можемъ догадаться. Это даже не догадка, не гипотеза, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, а скорѣе смутное чувство.

Что же тутъ дѣлать литературѣ, и въ особенности художественной? Литература не можетъ жить, пробавляясь только смутными чувствами. Для ея оживленія необходимы если не подлинныя факты дѣйствительности, то, по крайней мѣрѣ, чѣмъ-нибудь и сколько-нибудь обоснованныя гипотезы. Она, вѣдь, бѣдняжка, всегда и во всѣ времена бываетъ только зеркаломъ дѣйствительности. Нѣтъ, даже и не зеркаломъ, а записной книжкой, дневникомъ уже пережитого или, по крайней мѣрѣ, текущаго,—но текущаго вполне сложившагося и опредѣлившагося въ своихъ общихъ очертаніяхъ. И вотъ именно такого сложившагося и опредѣлившагося литература передъ собой и не имѣетъ. И она невольно замираетъ и уступаетъ мѣсто голому, неосмысленному факту; журналъ все болѣе и болѣе ступенчается предъ ежедневною газетой, этой выразительницей общественного мнѣнія, какъ принято говорить, а вѣрнѣе—отголоскомъ его невыяснившихся и неопредѣлившихся настроеній.

Мы намѣренно употребили выраженіе *замираетъ*, а не умираетъ. Потому что литература, въ широкомъ смыслѣ этого слова, въ различныхъ своихъ формахъ (къ которымъ, однако, по нашему мнѣнію, собственно говоря, не принадлежитъ ежедневная пресса) умереть не можетъ, какъ не можетъ умереть человѣческая мысль.

Вышеизложенный процессъ появленія хмурости и вялости, отсутствіе *волевыхъ импульсовъ* и въ жизни, и въ литературѣ, разумѣется, не такъ простъ, какъ мы начертали это въ предыдущихъ замѣчаніяхъ. Да и было бы вполне невозможнымъ дѣломъ, неисполнимою задачей пытаться изобразить его въ бѣглыхъ журнальныхъ замѣткахъ во всей сложности его развѣтлений и во всей путаницей сопутствующихъ причинъ и явленій. А кромѣ того, намъ думается, что обязанность журналиста передъ читателемъ состоитъ въ томъ, чтобы намѣтить въ общихъ чертахъ сущность совершающагося въ жизни сложнаго процесса, предоставляя кое-что и личной работѣ читателя, его проницательности и вдумчивости. Тѣмъ не менѣе, кое-какія стороны процесса могутъ быть кстати отмѣчены и на этихъ страницахъ.

Таковъ, наприм., замолкшій, къ счастью, споръ о пресловутыхъ „русскихъ ученикахъ“. Много въ этомъ спорѣ было и чернилъ пролито, и крови испорчено,—и, кажется, вполне безплодно, какъ, впрочемъ, и очень многое совершенно безплодно совершается въ нашей довольности-таки, по правдѣ сказать, нелѣпо текущей дѣйствительности.

Противники истощили силы и замолкли. И только. А любопытно бы было взглянуть на это явленіе, т.-е. на появленіе въ значительномъ количествѣ „русскихъ учениковъ“, съ вышеупомянутой точки зрѣнія, т.-е. какъ на частичное проявленіе процесса исканія интеллигентомъ-разночинцемъ новаго пути и новыхъ жизненныхъ формъ, новыхъ формъ

культуры. Несомнѣнно, что съ такой точки зрѣнія явленіе представится куда интереснѣе толстовства, о которомъ и теперь словесная борьба не совсѣмъ прекратилась. Интереснѣе потому, что толстовство, въ сущности, почти всѣми своими идейными сторонами примыкаетъ къ старымъ культурнымъ формамъ, къ старому барству, хотя и отрицая его; а теоріи „русскихъ учениковъ“ зовутъ насъ совсѣмъ къ новому, нами неизвѣданному. Тутъ, разумѣется, дѣло не въ томъ, на правильномъ ли пути стоятъ эти теоріи, имѣютъ ли онѣ какое-либо серьезное значеніе въ нашей дѣйствительности. Этотъ вопросъ въ настоящее время мы совершенно оставляемъ въ сторонѣ. Въ теченіе двухъ лѣтъ наше отношеніе къ теоріямъ достаточно выяснилось предъ читателемъ. Мы полагаемъ, что теорія и ея русскіе представители въ особенности стоять на пути не вѣрномъ, главнымъ образомъ потому, что они догматичны. Но повторяемъ: теперь насъ не эта сторона дѣла занимаетъ. Мы хотимъ только указать, что стремленіе къ изысканію новыхъ формъ быта въ средѣ новыхъ общественныхъ слоевъ столь сильно, что оно не останавливается даже предъ очевидной непригодностью догматики.

Но неудовлетворенность и недоумѣніе предъ дилеммой выражается не однимъ только исканіемъ новыхъ путей, а часто и попытками оживленія стараго, уже пережитаго и часто безвозвратно прошедшаго, нѣкоторымъ пережевываніемъ такъ называемыхъ „забытыхъ словъ“. И не подумайте, что такое пережевываніе всегда бываетъ пережевываніемъ хорошаго, добраго стараго. Къ сожалѣнію, не такъ. Разъ люди начинаютъ въ безсильной тоскѣ неудовлетворенности обращаться къ старому, они вмѣстѣ съ добрымъ пережевываютъ и не совсѣмъ доброе... И до такой степени всѣ шашки перемѣшались, что доброе въ встрѣтите тамъ, гдѣ этого всего меньше ожидать могли, и, наоборотъ, недоброе тамъ, гдѣ ему бы и быть не приличествовало.

Приведемъ примѣры:

Недавно *Гражданинъ* удивилъ читателя хвалебнымъ гимномъ въ честь освободительныхъ реформъ Императора Александра II. „Освобожденіе крестьянъ, — говоритъ онъ (цитируемъ по „общественной хроникѣ“ *Вѣстн. Евр.*), — созданіе безцензурной печати, отдѣленіе административной и судебной властей, городское и земское самоуправленіе — все это представляло одну стройную систему, одно начало, проведенное чрезъ всѣ реформы. Это — преддверіе конституціоннаго образа правленія. Въ складкахъ этихъ реформъ несомнѣнно заключалась и свобода. Она вѣяла, она чувствовалась, она носилась въ воздухѣ. И въ частной жизни, и въ общественной, и въ государственной замѣчался сильнѣйшій подъемъ духа. Воспрянуло, заговорило и поднялось все лучшее въ обществѣ, всѣ лучшія стремленія, всѣ высшія проявленія души лучшей части общества. Слово Духъ Божій носился въ атмосферѣ и воспроизводилъ тотъ удивительный подъемъ духа, который окружалъ освободительныя реформы. Теперь какъ-то странно даже вспоминать этотъ подъемъ духа. Теперь, когда мы присутствуемъ на похоронахъ всѣхъ этихъ реформъ, когда мы видимъ затоптанными въ грязь всѣ высшіе идеалы людей 60 годовъ, когда мы наблюдаемъ повсюду главенство толпы — становится жутко на душѣ, слезы душатъ горло, словно стоите вы передъ незасыпанной еще могилой, въ которой похоронено все дорогое вашему сердцу, вся ваша духовная жизнь“.

Вотъ они какія иногда, эти забытыя слова, бываютъ, и вотъ гдѣ они иногда вспоминаются!... Хроникеръ *Вѣстн. Евр.* указываетъ, что за бочкой меду слѣдуетъ и бочка дегтю... Но намъ-то это неинтерес-

но. Мало интересно и то обстоятельство, что „могила-то зарывать“ помогали *Гражданинъ* и его присные. Не въ томъ дѣло... А въ томъ только, что приведенныя слова *Гражданина* не просто „гимн“, но и вопль, плачь человѣка съ истерзанной жизнью душой, человѣка, утратившаго вѣру въ начала старой культуры, сознаващаго, что она безвозвратно отжила, и не видящаго въ жизни зачатковъ новой культуры. Пусть мы знаемъ, что плачущій человѣкъ пришелъ бы въ трепетъ и началъ бы брыкаться, еслибы былъ способенъ усмотрѣть въ жизни такіе зачатки новой создающейся культуры. Это все равно,— важенъ самый фактъ его тоски, его слезъ... Ужъ если, даже и такихъ мастодонтовъ, какъ *Гражданинъ*, жизнь прошибаетъ своими требованіями, даже до пролитія слезъ, то кто же долго можетъ сопротивляться ея требованіямъ и нуждамъ?

Это—хорошія „забытыя слова“. Но бывають и инныя, далеко не столь хорошія, и къ сожалѣнію встрѣчаемъ мы ихъ въ томъ же *Вѣст. Евр...* Попытаемся быть при изложеніи того, что мы хотимъ сказать читателю, настолько объективными, насколько это въ данномъ случаѣ возможно.

Въ послѣднихъ книгахъ *Вѣстн. Евр.* печаталась довольно большая повѣсть *Андрей Мологинъ*. Повѣсть себѣ ничего — ни лучше, ни хуже обычнаго беллетристическаго матеріала. Начало повѣсти г. Головина подавало даже нѣкоторыя надежды. Тамъ были изображены только что окончившіе университетскій курсъ молодые люди и была сдѣлана попытка дать нѣкоторую характеристику нѣкоторымъ изъ направлений, будто бы преобладающихъ среди нашей учащейся молодежи. Другое уже дѣло, дѣйствительно ли среди молодежи преобладають именно тѣ направленія, которыя изображаетъ авторъ. Но все же и то, что онъ видимо хотѣлъ дать, могло бы быть довольно интересно, хотя можеть-быть и не вполне правдиво. Могло быть—да не вышло. А не вышло потому, что послѣ первыхъ же сценъ и разговоровъ молодежи началась обыкновенная муторная любовная канитель — и притомъ эту канитель авторъ тянетъ безъ всякихъ признаковъ какого-нибудь психологическаго анализа, безъ самыхъ малѣйшихъ слѣдовъ литературнаго таланта. *Онъ*, достойный, любилъ *ее*, а *она* не любила *его*, а полюбила другого, недостойнаго; а *онъ*, недостойный-то, увлекся распутной бабенкой и измѣнилъ *ей*, т.-е. не бабенкѣ, конечно, — та, повятому, сама ему измѣнила, а первой *ей*, — и притомъ погубилъ Богомъ данные ему таланты, и хотя по настоянію своего прежняго соперника, *достойнаго*, сдѣлался земскимъ начальникомъ, но не процвѣлъ, а напротивъ оказался тѣмъ, чѣмъ ему съ самаго начала быть надлежало т.-е. попросту прохвостомъ и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, повѣсть именно такая, которую смѣло можно прочитать и немедленно же забыть, а самое лучшее—совсѣмъ не читать. А ужъ разговаривать о ней и недавно не стояло бы, еслибы... въ ней нѣ котораго, довольно-таки въ носъ бьющаго направленія не имѣлось. А направленіе, дѣйствительно, въ ней есть, и направленіе въ носъ бьющее. Это направленіе выражено въ лицѣ главнаго, въ сущности, героя повѣсти, Курцова, противопоставляемаго авторомъ талантливой русской натурѣ, Андрею Мологину. Авторъ положительно любитъ г. Курцовымъ; онъ, т.-е. не авторъ, а Курцовъ, и сѣчетъ, и рубитъ, и въ плѣнь беретъ. Даже красавица Нина только сначала предпочла ему красиваго и безпутнаго Мологина, но вскорѣ раскаялась въ своемъ прегрѣшеніи и легкомыслии и полюбила, хотя уже и безнадежно, авторскаго любимца. Чѣмъ

же, однако, очароваль автора г. Курцовъ? Да тѣмъ, что онъ прежде всего всякія безумныя мечтанія отвергаетъ, и крестьянъ къ суду земскаго начальника тянетъ за поправы — не ради низкой корысти, конечно, а ради видренія въ крестьянскую душу чувства законности и постепеннаго и закономѣрнаго прогресса. Онъ, Курцовъ этотъ, разубѣется, западникъ чистѣйшей воды и въ этомъ своемъ достоинствѣ противопоставляется не только безпутному „самобытнику“ Мологину, но и подлецу-радикалу управляющему, готовому служить и нашимъ и вашимъ,—ибо, понятное дѣло, убѣжденія, которыми зараженъ управляющій, бывший Петровецъ, есть не что иное, какъ мерзкая зависть. Вооруженный такими неодолимыми достоинствами, Курцовъ побѣдоносно „претъ въ пространство“, грудь впередъ и руки на-отмашь, и въ своемъ побѣдномъ шествіи по пути прогресса все преодолеваетъ; хозяйство у него идетъ чудесно, земство его облюбовало, еще больше облюбовало его дворянство. И вотъ онъ добился всего, чего такая самодовольная особа добиться можетъ: онъ — предводитель и видряетъ въ души подвѣдомственныхъ ему мужиковъ чувства порядка и законности... при посредствѣ, разумѣется, земскихъ начальниковъ. И вотъ такую-то противную фигуру осмѣливаются рекомендовать намъ, какъ истиннаго дѣятеля и носителя російскаго прогресса. „И нѣтъ у него сомнѣній въ вѣрности избраннаго имъ пути“, нѣсколько восторженно заключаетъ свое диковинное произведеніе г. Головинъ. Ужъ на что вѣрнѣе, и какія тутъ сомнѣнія? Знай себѣ „при въ пространство“—и шабашъ.

Но что же сей сонъ означаетъ? — съ недоумѣніемъ спросить читатель.—И при чемъ тутъ нехорошія „забытыя слова“?

Что именно обозначаетъ сей сонъ,—можетъ быть, читатель усмотритъ изъ нашего дальнѣйшаго изложенія; а причемъ тутъ нехорошее забытое, мы попытаемся объяснить сразу.

Современный читатель, такъ основательно забывшій многое изъ прошлаго, навѣрное не помнитъ и того, кого именно, какой типъ людей окрестили у насъ въ 60-е и въ 70-е годы прозвищемъ „постепеновца“... А, право, помнить бы это не мѣшало, и въ особенности не мѣшало бы помнить, какую роль люди этого типа сыграли въ исторіи нашей общественности. Постепеновецъ гончаровскій Штольцъ, постепеновецъ и тургеневскій Соломинъ (хотя только и отчасти,—слишкомъ уменъ былъ покойный Тургеневъ, чтобы „чистаго постепеновца“ признать положительнымъ типомъ). Они, постепеновцы-то эти, *первые* въ эпоху только что начавшихся реформъ, въ эпоху страстной борьбы, когда многое, правда, было добыто, но еще ничего не было *обезпечено*, провозгласили скверный „принципъ“: наше время—не время великихъ задачъ... Они первые поставили ту „точку“, которая послужила такою чудесною точкой опоры для разныхъ, съ позволенія сказать, сыновъ своего отечества... Потомъ все это измѣнилось—и „постепеновцы“, гордо ремившіеся въ пространство, топчась на одномъ мѣстѣ, сами довольно-ки неожиданно для себя, оказались не въ авантажѣ и ступевались... перъ, очевидно, г. Головинъ полагаетъ, что наступило время, когда гъ снова полагается на свѣтъ выползти... И, можетъ быть, не одинъ Головинъ это полагаетъ. Припомните, наприм., знаменитую въ нѣторомъ родѣ статью г. Словимскаго о сляніи нашей интеллигенціи бюрократіей, и вы, можетъ быть, кое-что и сообразите.

Главное свойство гг. Курцовыхъ, какъ теперешнихъ, такъ и прежнихъ, какъ нашихъ російскихъ, такъ и западно-европейскихъ, состо-

ить въ томъ, что они черезчуръ ужъ скоро, если можно такъ выразиться, насыщаются, — конечно, духовно; хотя не безъ того, чтобъ и матеріальная сторона дѣла тутъ не играла нѣкоторой роли вновь приобрѣтенными ими лично для себя благами. Этимъ свойствомъ обусловливается и ихъ отношеніе къ такъ называемымъ утопіямъ. Это—отношеніе замоскворѣцкой купчихи къ жупелу: трепеть или озлобленіе. Вѣрнѣе сказать, и трепеть, и озлобленіе. Двѣ эти эмоціи въ данномъ случаѣ синхроничны. И въ самомъ дѣлѣ, замоскворѣцкая купчиха въ первый моментъ произнесенія слова „жупель“ трепещетъ и падаетъ въ обморокъ, но въ слѣдующую минуту она непременно озлобляется... И тогда она клеветаетъ. Вотъ таково же и отношеніе гг. Курцовыхъ къ „утопіямъ“... И тутъ снова мы имѣемъ дѣло съ пережевываніемъ стараго. Въ то время, о которомъ съ такимъ упоеніемъ и гордостью вспоминаетъ *Гражданинъ*, начало происходить нѣкоторое отдѣленіе овецъ отъ козлищъ, т. е. тогдашнихъ Курцовыхъ отъ утопистовъ. Правда, разница въ томъ, что въ то время отдѣленіе сіе производилось съ другой стороны... А теперь, очевидно, гг. Курцовы возмнили, что настало ихъ время и что снова пора приступить къ раздѣленію овецъ отъ козлищъ. Ну, что же? На здоровье! Только не ошибаются ли гг. Курцовы, благоразумно ли они поступаютъ и во благовременіе ли начать ими походъ противъ утопій?

Слѣдуетъ, однако, сдѣлать одну оговорку. По нынѣшнимъ временамъ такіа оговорки совершенно необходимы. Читатель долженъ постоянно помнить, что мы просто констатируемъ фактъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ о вѣроятности или ложности самыхъ спорныхъ теорій или гипотезъ. Мы отмѣчаемъ только отношеніе къ нимъ гг. Курцовыхъ и находимъ, что это отношеніе... какъ бы это сказать?... неприличное, что ли? И въ самомъ дѣлѣ, замоскворѣцкой купчихѣ, можетъ быть, и прилично и трепетать, и злоствовать, и въ припадкѣ озлобленія даже клеветать при произнесеніи слова: жупель, но прилично ли это здравомыслящимъ и серьезнымъ людямъ?

Несомнѣнно пока одно, что открыть чуть ли не систематическій походъ противъ „утопій“, и, по нашему мнѣнію, это одинъ изъ признаковъ какъ текущей дѣйствительности, такъ и настроенія нѣкоторой части нашей журналистики. Съ такимъ фактомъ надо считаться и его необходимо объяснить. Объясненіе мы пытались дать выше и, вѣроятно, намъ не одинъ еще разъ придется вернуться къ нему и развить его подробнѣе и съ нѣкоторыми деталями. Придется потому, что это явленіе не случайное, не капризъ нѣкоторыхъ органовъ печати или нѣкоторыхъ писателей, а признакъ развитія нашей общественности, и въ качествѣ такового не можетъ безслѣдно исчезнуть и въ нашей литературѣ.

И вотъ въ теченіе прошлаго года на страницахъ одного и того же журнала въ статьяхъ гг. Герье, Слонимскаго, наконецъ, Соловьева мечутся громы въ „утопію“. Общее свойство всѣхъ этихъ воителей и рыцарей состоитъ въ томъ, что они... какъ бы это повѣжливѣе выразиться?... плохо освѣдомлены о томъ, о чемъ берутся разсуждать. Г. Соловьевъ, напримѣръ, человекъ съ безспорнымъ и очень большимъ публицистическимъ талантомъ, съ значительными знаніями въ области философіи и прикосновенныхъ къ ней научныхъ дисциплинъ, но въ знаніи экономической науки онъ, очевидно, не пошелъ дальше Жана Баттиста Сея и Бастиа, блаженной памяти, присоединивъ къ нимъ, вѣроятно, нѣкоторыя популярныя брошюры Рихтера и экономи-

ствова̄тъ этической школы. И это не помѣшало ему, однако, взяться за обсужденіе темъ экономическихъ (*Экономическій вопросъ съ нравственной точки зрѣнія*).

Мы не будемъ, разумѣется, отрицать основательности нѣкоторыхъ изъ общихъ положеній, изъ которыхъ исходитъ г. Соловьевъ въ своемъ разсужденіи, и именно тѣхъ положеній, которыя заимствованы имъ у этической школы и только изложены по-своему. Хотя, кстати сказать, и самыя-то эти положенія основаніе свое ведутъ изъ нѣкотораго методологическаго недоразумѣнія, отъ непониманія того, что при обсужденіи экономическихъ вопросовъ возможно отвлеченіе элемента чисто-экономическаго отъ всѣхъ иныхъ, ему сопутствующихъ и его корректирующихъ, и оставленіе на основаніи такого отвлеченнаго діалектическаго метода выводовъ, подлежащихъ повѣркѣ и исправленію данными, добытыми другими методами и другими научными дисциплинами... Тѣмъ не менѣе, мы готовы подписаться подъ такими положеніями г. Соловьева, какъ, наприм., слѣдующее: „никакихъ самостоятельныхъ экономическихъ законовъ, никакой особой экономической необходимости нѣтъ и быть не можетъ“, хотя слѣдующее сейчасъ за этими словами утвержденіе, будто „самостоятельный и безусловный законъ одинъ — нравственный и необходимость одна — нравственная“, заводитъ въ такіа дебри абстрактной метафизики, въ которыя мы ни сами не пойдѣмъ за г. Соловьевымъ, ни читателя не поведемъ.

Не объ этихъ вѣрныхъ или невѣрныхъ, но всегда остроумныхъ, хотя и не всегда глубокихъ замѣчаній г. Соловьева мы ведемъ теперь рѣчь съ читателемъ, а объ отношеніи автора къ „жупелу“. Въ этомъ смыслѣ статья г. Соловьева особенно любопытна. Не обладая талантомъ упомянутаго знаменитаго публициста, мы ограничимся собираніемъ разсыпанныхъ въ его статьѣ перловъ и діамантовъ, такъ какъ, по нашему мнѣнію, они сами за себя многое скажутъ уму и сердцу читателя.

Въ подчиненіи всего началу матеріальному „исчезаетъ принципиальное различіе между социализмомъ и враждебной ему буржуазной экономіей“ (ср. Малона, Бебеля и изъ статей Фурье). „Социализмъ изъ начала (?) ставитъ совершенство общества во всецѣлую зависимость отъ хозяйственнаго строя—и поэтому въ сущности стоитъ на одной почвѣ съ „мѣщанскимъ царствомъ“. („Философъ свободенъ и въ темницѣ“—съ одной стороны, „съ милымъ рай и въ шалашѣ“—съ другой!)... „Земля не есть только вещь (т.-е. не матерія, что ли, а духъ?), она есть овещественная сущность“. „На чемъ можетъ быть основано право собственности рабочаго на продуктъ труда? Развѣ только на неточности этого выраженія“. Говоря о правѣ наслѣдства и о беззаботности, г. Соловьевъ прямо уже ругается: „при недостаткѣ этого свойства (высоты птичьяго полета) беззаботность уподобляется тому животному, которое не только подкапываетъ корни дуба, но и вмѣсто жолудей пожираетъ своихъ собственныхъ порослятъ“.

Перейдемъ, однако, къ разсмотрѣнію того матеріала, который находимъ въ послѣднихъ книжкахъ журнала.

Въ *Русск. Боят.* мы находимъ два недурные очерка изъ быта ссыльныхъ въ Сибири: *Уйбанъ-Хайлахъ* г. С—каго и *Смѣшникъ* г. Гвоздева. Вообще Сибири со ссыльными въ нашей литературѣ по нѣкоторымъ случайнымъ и не совсѣмъ пріятнымъ обстоятельствамъ почти не случалось. Даже немного досадно становится, что такая масса

силъ, иногда очень недожизненныхъ, — припомнимъ хоть бы г. Мельшина — тратится именно на Сибирь. Кажется, будто окружающая насъ жизнь, ея запросы, ея интересы и порождаемая ею психологическія и инныя задачи и проблемы, создаваемые ею типы утратили для публики всякій интересъ. Или, наоборотъ, все это — и эта жизнь, эти запросы, эти проблемы и эти типы — столь запутаны и сложны (и это такъ и есть въ дѣйствительности), что беллетристы, которымъ никоимъ образомъ нельзя отказать въ талантахъ, останавливаются предъ нашей жизнью въ недоумѣніи и не знаютъ, съ какой стороны подойти къ ней, съ какой точки зрѣнія ее разсматривать, какъ ее изображать...

Очеркъ г. С — каго симпатиченъ по замыслу (изображеніе духовной жизни бродяги, разбитаго параличомъ, медленно умирающаго въ Якутской юртѣ и во время своей болѣзни задумавшагося надъ вѣковѣчными вопросами о жизни и ея значеніи), но блѣдноватъ и слабъ по исполненію. *Смѣшникъ* г. Гвоздева, напротивъ, написанъ ярко; авторъ не жалѣетъ красокъ для описанія всего ужаса положенія бѣдной, мелкой „шпанки“, котораго „партія“ преслѣдованіями всякаго рода заставляетъ сдѣлаться *Смѣшникомъ*, т.-е. пойти въ каторгу (вѣчную) за другого, стараго бродягу. Картины этапной жизни, этапныхъ нравовъ, беспощадной и свирѣпой жестокости арестантской этики и логики — выписаны съ суровымъ реализмомъ, — столь суровымъ, что морозъ подираетъ по кожѣ. Ни одной сколько-нибудь человѣчной черточки въ этихъ суровыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мелкихъ фигурахъ, ни одного проблеска человѣческаго чувства, человѣческой мысли! Впечатлѣніе получается, несомнѣнно, сильное, но впечатлѣніе отнюдь не художественное, не такое, какое мы получаемъ при чтеніи *Записокъ изъ Мертваго дома, Мира отверженныхъ*, рассказовъ г. Короленка изъ того же мірка, изъ рассказовъ г. Елпатьевского, даже изъ небеллетристическихъ очерковъ покойнаго Ядринцева и др. Отдѣлавшись отъ перваго впечатлѣнія ужаса, производимаго очеркомъ г. Гвоздева, читатель непременно думаетъ, что тутъ что-то не такъ, что не могли же такъ грубо ошибиться тонкіе и правдивые наблюдатели и часто тонкіе и сильные художники, что г. Гвоздевъ тоже, несомнѣнно, правдивъ и его описаніе вѣрно дѣйствительности, но въ немъ нѣтъ чего-то, что составляетъ душу всякаго художественнаго произведенія, — нѣтъ любви къ челевѣку, нѣтъ жалости къ описываемому имъ міру. Очеркъ г. Гвоздева ярокъ, но это — не художественное произведеніе. Онъ не вызываетъ въ душѣ читателя *вѣры* въ челевѣка, — а безъ этой вѣры жертва жизнь, жертва и художественная литература.

Изъ серьезныхъ статей разбираемой книги *Русск. Богат.* укажемъ на статьи г. Зака (*Наша податная система*) и г. Шрейдера (*Муниципальные этюды*).

„Бросивъ общій взглядъ на всю совокупность русскихъ налоговъ, — говоритъ г. Закъ, — мы видимъ, что наша система прямого обложенія принадлежитъ къ типу такъ называемаго Ertragsteuersystem, ищущей податнаго объекта не въ общей суммѣ доходовъ плательщикова, а въ выручкѣ, которую онъ можетъ получить отъ имущества и заработка. Формы обложенія крайне неподвижны, не принимаютъ во вниманіе индивидуальныхъ особенностей облагаемаго хозяйства, поражаютъ не доходъ, а ту абстрактную величину, которая *можетъ быть* получена плательщикомъ“. Вообще говоря, рациональная постановка подобной

система является въ настоящее время недостижимой утопией и потому тамъ, гдѣ она существуетъ, мѣриломъ для обложенія служатъ разные вышніе признаки, дающіе неудовлетворительный базисъ для налога. „Еслибы законодатель,—продолжаетъ г. Закъ,—и хотѣлъ вполнѣ послѣдовательно провести принципы справедливости (а этого совсѣмъ не замѣчается въ нашей системѣ обложенія), то на практикѣ эти благопожеланія не могли бы быть осуществлены... Полное проведеніе требованій справедливости возможно только въ томъ случаѣ, если окончательно порвать съ анахронической Ertragssteuersystem и вмѣсто нея ввести систему общеподатного обложенія“.

Наша податная система,—продолжаетъ авторъ,—настоятельно нуждается въ реформѣ. У насъ существуютъ даже изытія отъ налоговъ—фактъ, являющійся анахронизмомъ въ финансовой политикѣ конца XIX вѣка. У насъ нѣтъ и намека на соразмѣрность налога съ платежеспособностью: чѣмъ меньше мы имѣемъ, тѣмъ больше платимъ. Крестьянская земля обложена сильнѣе частновладѣльческой; крупные заводчики платятъ столько же, сколько мелкіе; неравномѣрность красной нитью проходитъ чрезъ всю податную систему. „Нужно ли доказывать, что наша податная система нуждается въ коренной реформѣ? Здѣсь не палліативы нужны, не починки и поправки, а замѣна всего механизма другимъ, принадлежащимъ совсѣмъ къ иному типу. Реформы податной системы должна стоять на первой очереди въ ряду финансовыхъ мѣропріятій, ибо налогъ, взимаемый безъ соблюденія требованій справедливости, врѣзывается въ самый народный капиталъ. Тяжесть налога означаетъ истощеніе народнаго хозяйства... Не установленіемъ металлической валюты должны мы теперь заниматься, а реорганизацией налоговъ на началахъ, соответствующихъ выводамъ финансовой науки“.

Сильныя и мужественныя слова. Среди нашей литературы докладовъ и всяческихъ компромиссовъ съ дѣйствительностью, мы даже какъ-то ужъ отвыкли отъ такихъ словъ, отъ такой прямой и послѣдовательно-принципіальной и истинно-научной постановки вопросовъ. Нашему уху и нашему уму привычнѣе утвержденія „исслѣдованія такого типа, какъ, напримѣръ, исслѣдованія г. Тернера (*Государство и землевладѣніе*). Мы только указываемъ на статью г. Зака, какъ на образецъ настоящей, подлинной литературы, не имѣя претензій въ бѣглыхъ журнальныхъ замѣткахъ исчерпать ея интересное содержаніе.

Очень любопытна и статья г. Шрейдера (*Муниципальные этюды*). Авторъ, сознаваясь въ недостатокъ матеріала по избранному имъ предмету, тѣмъ не менѣе даетъ очень интересную попытку сравненія стараго Городового Положенія съ новымъ. Выводы получаются довольно неожиданныя и крайне любопытныя. Въ ряду многочисленныхъ нареканій на прежнее городское самоуправленіе, наиболѣе тяжкія падали на долю „третьяго разряда“ избирателей, городской мелкоты. Теперь эта галлота совершенно устранена отъ участія въ городскихъ дѣлахъ. Что же, однако, говорятъ факты? А вотъ что: указывалось на безпорядочность избирательныхъ собраній третьяго разряда. На самомъ мѣстѣ, въ собраніи, намѣчались кандидаты, здѣсь же они подвергались публичной и беспощадной критикѣ. Конечно,—замѣчаетъ авторъ,—избирательная оппозиція у самыхъ урнъ—это нѣчто противорѣчащее теоріи принципу свободы выборовъ. Но гоните жизнь въ дверь—она влетитъ въ окно. Разъ избирателямъ не было даровано право предвыборныхъ

сходокъ и открытой агитаціи, то агитація эта неизбежно должна была перенестись къ самымъ избирательнымъ урнамъ. Избиратели третьяго разряда относились къ выборамъ горячо и не могли относиться иначе по той простой причинѣ, что этотъ разрядъ представлялъ основную массу городского населенія, ближе всего заинтересованнаго въ правильномъ ходѣ городскихъ дѣлъ и всего больше страдающаго отъ недостатковъ самоуправления. Городская мелкота проявляла особую чувствительность ко всему, что сколько-нибудь соприкасалось съ муниципальной областью. Характерно, что въ думскихъ засѣданіяхъ мѣста для зрителей переполнялись именно этою мелкотой, а не представителями интеллигенціи, бюрократіи, буржуазіи—вообще, такъ называемаго общества. Эта публика чрезвычайно дорожила гласностью думскихъ засѣданій и съ горячимъ негодованіемъ встрѣчала все, мѣшающее гласности. Конечно, не всегда избранники третьяго разряда были *лучшими* въ смыслѣ нравственныхъ качествъ, но почти всегда они были лучшими въ смыслѣ наибольшей приспособленности для борьбы за интересы разряда. Приводимыя г. Шрейдеромъ цифры указываютъ между прочимъ, на слѣдующій любопытный фактъ: представительство третьяго разряда было значительно подвижнѣе, обновлялось чаще, чѣмъ представительство двухъ первыхъ. Въ первомъ разрядѣ „новичковъ“ (новыхъ гласныхъ) было $22\frac{1}{2}\%$, а „старичковъ“ (старыхъ) 44% , а въ третьемъ первыхъ было $48\frac{1}{2}\%$ и вторыхъ только 21% . Вообще гласные третьяго разряда не засиживались на своихъ мѣстахъ, въ противоположность гласнымъ первыхъ двухъ разрядовъ. Далѣе любопытно и то, что въ третьемъ разрядѣ число гласныхъ съ среднимъ и высшимъ образованіемъ росло быстрѣе, чѣмъ въ двухъ первыхъ (въ первомъ разрядѣ приростъ $45\frac{1}{2}\%$, а въ третьемъ 73%). Болѣе быстрое обновленіе состава гласныхъ вело въ третьемъ разрядѣ къ повышенію образовательнаго ихъ уровня. Головъ, вступающихъ ихъ мѣсто, членовъ управы было, разумѣется, меньше изъ числа представителей третьяго разряда, но „судьба давала компенсацію третьему разряду въ формѣ обидной для двухъ первыхъ разрядовъ“. Лица городской іерархіи изъ представителей третьяго разряда получали оклады жалованья въ полтора раза большіе, чѣмъ представители первыхъ двухъ. Что же означаетъ этотъ фактъ? А вотъ что: управцы, вышедшіе изъ рядовъ третьяго разряда, были *въ массѣ образованнѣе* своихъ коллегъ. И потому должны были получать вышнее вознагражденіе за лучший трудъ, болѣе напряженный и болѣе продуктивный.

Общій выводъ, къ которому приходитъ г. Шрейдеръ, таковъ: третій разрядъ избирателей былъ именно тѣмъ, чрезъ который по преимуществу входили въ составъ муниципалитетовъ новыя и свѣжія силы. Онъ отдавалъ въ распоряженіе муниципальных учреждений самыя лучшіе, наиболѣе образованные, энергичныя и жизнѣдѣтельныя свои элементы. На первый взглядъ въ такомъ выводѣ есть что-то парадоксальное, но только на первый взглядъ. Дѣло въ томъ, что избиратели третьяго разряда ясно сознавали, что ихъ представители въ думѣ—меньшинство и что получить вѣсъ и значеніе они могутъ только при томъ условіи, если будутъ выдѣляться образованіемъ, если будутъ наилучшимъ образомъ вооружены для борьбы за интересы своихъ избирателей. Но откуда же брались образованные представители третьяго разряда? Они брались изъ интеллигентовъ - пролетаріевъ, совсѣмъ не причастныхъ ни къ торговлѣ, ни къ промышленности, ни къ домовла-

дѣнью. Выгнанная въ дверь жизнь проникала—и могла проникать—при прежнему городовомъ положеніи въ окно.

Г. Михайловскій (*Литература и жизнь*) даетъ начало этюда объ основныхъ мотивахъ творчества Ибсена. По началу статьи, трудно, разумѣется, судить, удастся ли автору доказать свой взглядъ о сущности творчества Ибсена. Какъ и всегда, нашъ критикъ - публицистъ по пути бросаетъ нѣкоторыя цѣнныя указанія и замѣчанія. Но, признаться, для насъ еще остается не вполне выясненнымъ вопросъ о томъ, дѣйствительно ли Ибсена слѣдуетъ считать поэтомъ долга, отвѣтственности человѣка, изобразителемъ мотивовъ совѣсти и чести. „Мнѣ кажется, говоритъ г. Михайловскій, что весь литературный багажъ или, по крайней мѣрѣ, большая его часть составляетъ въ совокупности одну большую книгу объ „отвѣтственности человѣка“. Отвѣтственность же человѣка предъ собой и предъ другими исчерпывается понятіями вины и заслуги и соответственными имъ мотивами совѣсти и чести“. „Для Ибсена, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, несчастное супружество есть не цѣль описанія, а только поводъ—и не единственный—для изображенія однихъ и тѣхъ же движеній человѣческой души въ различныхъ, но въ сущности немногихъ комбинаціяхъ. Эти движенія одни и тѣ же: чувство оскорбленной чести и угнетенной совѣсти“.

Точка зрѣнія, несомнѣнно, и очень оригинальная, и могущая повести къ весьма любопытнымъ выводамъ. Но мы не вполне увѣрены, что она вѣрна, что ее дѣйствительно можно приложить къ творчеству Ибсена. Самъ г. Михайловскій замѣчаетъ, что „критикъ можетъ не найти общую почву (общую для себя и разбираемаго писателя), а навязать ее изучаемому писателю, и тогда все его зданіе окажется построеннымъ на пескѣ“. Не на пескѣ ли построено и это зданіе г. Михайловскаго? Не вложилъ ли и онъ въ произведенія Ибсена тѣхъ дѣйствительно важныхъ мотивовъ, которые занимали давно и продолжаютъ занимать самого г. Михайловскаго? Подождемъ и увидимъ. Самъ почтенный авторъ рекомендуетъ прочитать статью до конца—и тогда судить. А пока въ статьѣ г. Михайловскаго намъ представляются особенно цѣнными его бѣглыя замѣчанія (къ сожалѣнію, немногія и недостаточно рѣзко выраженные) о „разныхъ уродствахъ символическаго, мистическаго и архаически-наивнаго характера“, которыя въ такомъ изобилии встрѣчаются въ произведеніяхъ Ибсена—и, можетъ-быть, даже составляютъ существенный характеръ его творчества.

Вопросу о символистическомъ искусствѣ посвящаетъ свои *Литературныя замѣтки* и г. Волинскій. Предметъ его статьи—разборъ произведеній г. Сологуба. Критикъ раздѣлываетъ разбираемаго автора, что называется „подъ орѣхъ“ (часто довольно остроумно и довольно основательно). Кстати слѣдуетъ припомнить, что г. Сологубъ въ нѣкоторомъ родѣ одинъ изъ духовныхъ сыновей г. Волинскаго и одинъ изъ соискателей новыхъ путей искусства и „новой“ красоты. Произведенія г. Сологуба печатались исключительно во вдохновляемомъ г. Волинскимъ журналѣ. Что же! Можетъ быть, оно такъ и слѣдуетъ, хотя, о совѣсти сказать, подобные литературные обычаи и пробы... немножко странноваты. Не въ томъ, однако, дѣло. Показавъ на примѣрѣ г. Сологуба все свое отвращеніе къ декадентству, критикъ спрашиваетъ: то такое символизмъ? И отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такимъ опредѣвленіемъ: „символизмъ есть художественное сочетаніе міра явленій съ единственнымъ міромъ божества“. Замѣтивъ далѣе, что „самое поня-

тіе явленія имѣетъ логическій смыслъ только при міросозернаніи идеалистическомъ (?), въ которомъ видимое и невидимое, реальное и мистическое слиты въ неразрывномъ единствѣ, какъ неотъемлемые признаки двухъ соприкасающихся между собой міровъ“, критикъ съ свойственнымъ ему пафосомъ провозглашаетъ, что „искусство является настоящимъ художественнымъ сочетаніемъ міра явленій съ таинственнымъ міромъ божества, творческая работа возможна только тогда, когда художникъ живо ощущаетъ Бога, непосредственно соприкасается съ нимъ, непроизвольно (непремѣнно непроизвольно? А произвольно нельзя?) соединяетъ чувственные впечатлѣнія съ внутреннимъ религиознымъ „экстазомъ“...

Все это написано, разумѣется, in gloriâ излюбленной г. Волинскимъ идеалистической философіи, т.-е., по-просту говоря, самого закорючаваго средневѣковаго мистицизма, дѣлавшаго изъ философіи апсиса теологіи. (Да не подумаетъ читатель, что это мы смѣшиваемъ идеалистическую философію съ мистицизмомъ. Нѣтъ, ихъ смѣшиваетъ проповѣдникъ идеалистики, г. Волинскій.) Разговаривать съ г. Волинскимъ по этому поводу — дѣло совершенно безплодное, хотя и любопытно было бы спросить его, куда при такомъ пониманіи искусства онъ опредѣлитъ, ну, хоть скептика Шекспира, язычника Гёте и, боимся, чуть ли не агностика нашего Тургенева? Вѣдь, въ сущности, подъ такое опредѣленіе искусства подойдутъ, пожалуй, только такія отжившія его формы, какъ средневѣковая мистерія, да древнія теологическія поэмы. Не это ли и есть новое искусство, которое ищетъ г. Волинскій съ присными? Но, повторяемъ, не затѣмъ мы привели опредѣленіе символизма г. Волинскимъ, чтобы разговаривать съ нимъ. Умыселъ у насъ иной былъ.

Въ той же книгѣ *Сверный Вѣстникъ* напечатана „сказка дѣйствительности“ г. Немировича-Данченко: „Удача“. Такъ вотъ въ этой „сказкѣ дѣйствительности“ г. Немировичъ-Данченко довольно-таки, по правдѣ сказать, грубо выражается по сему поводу (т.-е. о „новой“-то красотѣ): „какой-то дуракъ пустилъ въ ходъ мнѣніе, что старое искусство умерло—точно есть смерть для вѣчнаго“. А дальше тотъ же беллетристъ даетъ (хотя и не прямое, а косвеннымъ образомъ) опредѣленіе искусства: „Формы! Оставьте ихъ тѣмъ, кто уже выработалъ идеи и понятія. Что мы съ вами сдѣлали для этого? Бездонный океанъ непонятаго народа — ему бы служить, пока рука кисть (или перо) держитъ—а вы бурьяномъ да чертополохомъ тощую ниву глушите“.

Не худо бы было вамъ, господа, промѣжь себя разобраться. А то что же это такое выходитъ? Г. Сологубъ талантливый, пожалуй, чловѣкъ, но декадентъ, надъ коимъ надо еще побѣду одержать; г-жа Креетовская не только не талантливая, а просто-таки безграмотная писательница (зри тѣ же *Литературныя замѣтки*), а г. Немировичъ-Данченко—тотъ ужъ просто пророковъ „новаго“ искусства дураками обзываетъ. Вѣдь, адакъ, пожалуй, г. Волинскому придется остаться наединѣ съ разбитыми „зеркалами“ г-жи Гипсіусъ, сидѣть предъ ними, любоваться на отраженіе Великаго духа и ждать... пока на пустомъ полѣ нѣтвые цвѣты вырастутъ.

Образованіе, 1896 г. Подъ новой редакціей журналъ этотъ, неизмѣняясь въ своемъ прежнемъ симпатичномъ направленіи, подвергся довольно существенному измѣненію въ сторону расширенія своей программы. Помимо статей педагогическаго характера, особенно по вс

просамъ народной школы, здѣсь стали помѣщаться и статьи научно-популярнаго содержанія. А приложенія къ книжкамъ журнала посвящаются цѣльнымъ научнымъ трактатамъ какъ для учащихся, такъ и для учащихся, а также и педагогическимъ сочиненіямъ.

Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, журналъ дѣлается очень интереснымъ, разнообразнымъ и общедоступнымъ по своему содержанію. Такъ, укажемъ на выпущенныя редакціей послѣднія изданія: *Этюды по философіи наукъ* А. Лаланда, *Воображеніе и память* Ф. Кейра, *Очерки начальнаго образованія въ Скандинавскихъ странахъ* Е. Страннолюбовской, *Аффективная память* Т. Рибо, *Физическое воспитаніе юношества* проф. А. Массо, *Этика и политическая экономія* проф. Ф. Юдья, *Внушеніе и воспитаніе* Ф. Тома, *Объ утомленіи глаза* д-ра Р. Каца, *Исторія человѣческой культуры* I. Генеггера и проч.

Въ отдѣлѣ педагогическомъ, между прочимъ, помѣщена статья г-жи Рогаль-Левицкой. Авторъ знакомитъ насъ, на основаніи личныхъ наблюденій, съ жизнью виленской воскресной школы, въ судьбахъ которой она сама принимала непосредственное участіе. Въ виду того, что до сихъ поръ у насъ очень мало установилось опредѣленныхъ воззрѣній на задачи воскресныхъ школъ, всякое сообщеніе фактическаго характера о постановкѣ этого дѣла въ той или иной мѣстности приобретаетъ серьезный интересъ, какъ матеріалъ для выработки будущихъ категорическихъ положеній и принциповъ.

Прежде всего поучительно и трогательно заявленіе автора объ изумительномъ прилежаніи, съ которымъ ученицы воскресныхъ школъ относились къ своему дѣлу. Истомленные тяжкимъ трудомъ работницы, не имѣя свободныхъ часовъ среди дня, усердно готовить уроки по ночамъ, сокращая время своего, столь необходимаго для нихъ, освѣжающаго сна. Это свѣдѣніе можно смѣло обобщить: гдѣ бы вы ни читали о воскресныхъ школахъ, вы вездѣ наталкиваетесь на утвержденіе о необыкновенномъ усердіи учащихся къ работѣ.

Нельзя не обратить вниманія на тѣ данныя, по которымъ мы можемъ судить о томъ, какого рода книги должны пользоваться особенной симпатіей престолюдина. По словамъ г-жи Рогаль-Левицкой, всего болѣе читались повѣсти и рассказы романческаго содержанія, и преимущественно изъ той среды, которая совсѣмъ чужда простому народу. Историческіе романы и повѣсти Всеволода Соловьева, гр. Алексѣя Толстого, Карамзина, Пушкина, Лажечникова, Эберса, *Хижина дяди Тома* Бичеръ-Стоу, *Рижскій графъ* Засодимскаго—читались положительно нараасхватъ. Гоголевскія повѣсти не нравились. Совсѣмъ не дружелюбно относились къ книжкамъ съ содержаніемъ изъ крестьянскаго или вообще простонароднаго быта. *Записки охотника* Тургенева, *Поллиушка* А. Толстого, *Пахарь* Григоровича и т. п. брались рѣдко и неохотно.

Картины природы казались скучными и мало понятными. Г-жа Рогаль-Левицкая приводитъ свой разговоръ съ одной изъ воскресницъ, рассказъ Короленко *Лѣсъ шумитъ*. На вопросъ автора: „Понравилась ли вамъ эта книжка?“—ученица отвѣтила: „Да, очень; только отъ въ началѣ скучно...“—„А что?“—„Да, можетъ быть, у кого времени свободнаго много, оно интересно, а намъ хочется, чтобы *скорѣе во дѣйствиѣ*, а тутъ *большой придатокъ*—какъ сосны шумять, да ро дѣсь...“

Мало читались и статьи естественно-историческаго и вообще научно-

популярнаго содержанія. Исключеніе представляетъ прекрасная брошюра Рубакина *О великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы*, привлекавшая читателей живостью, простотою изложенія и своимъ содержаніемъ, захватывающимъ воображеніе читателей.

Въ отдѣлѣ статей общаго содержанія помѣщены: два очерка по литературной критикѣ (г-жи Венгеровой—объ Ибсенѣ и г. Хирьякова—о Полонскомъ); статья академика Бертело *Значеніе химіи и ея примѣненія*, Чепинскаго *Исторія древнихъ религій*, проф. Шарля Рише *Страданіе съ точки зрѣнія біологіи*, Н. Каспійскаго *Научныя бѣсѣды* и т. д.

Дѣтское чтеніе, *февраль 1896 г.—январь 1897 г.* Съ каждой книжкой журналъ болѣе и болѣе упрочиваетъ свою репутацію. Можно сказать безъ преувеличенія, что одни и тѣ же писатели, которые пользуются въ интеллигентномъ обществѣ самой широкой популярностью, сдѣлались любимцами и въ дѣтской средѣ, благодаря частому своему появленію въ журналѣ г. Тихомирова. Въ истекшемъ году особенный успѣхъ у юныхъ читателей имѣло капитальное произведеніе М. Н. Альбова *Снѣжокъ и картошка*. Оно только что вышло въ свѣтъ отдѣльною книгой. Достаточно указать на такія имена, какъ Д. Н. Маминъ, К. М. Станюковичъ, Г. А. Мачтетъ, П. В. Засодимскій, И. Н. Потапенко, чтобы составить себѣ представленіе о богатствѣ художественно-литературнаго отдѣла. Дѣти очень любятъ читать про старину, и потому понятно, съ какимъ удовольствіемъ читали они такъ живо написанный большой рассказъ, скорѣе повѣсть, Д. Л. Мордовцева *За юную Украину* и очень содержательный этюдъ И. И. Иванова, относящійся къ эпохѣ 1812 года: *Страница изъ исторіи Москвы*.

Вообще, ознакомленіе дѣтей съ исторіей въ той или иной формѣ, въ видѣ ли историческихъ повѣстей и рассказовъ, или въ видѣ популярно-научныхъ историческихъ статей,—очень желательно, въ виду того, что этотъ предметъ совсѣмъ запущенъ въ нашей средней школѣ. Хорошо бы было, еслибы редакція озаботилась и о развитіи біографическаго отдѣла. Помѣщенная въ январьской книжкѣ сего года и еще не оконченная статья И. И. Иванова служитъ образцомъ такого рода очерковъ. Авторъ началъ біографію знаменитаго творца *Жизни дяди Тома*, г-жи Бичеръ-Стоу, и съ свойственною ему умѣlostью мѣтко озаглавилъ своей очеркъ словами, характеризующими личность этой писательницы: *Учительъ взрослыхъ и другъ дѣтей*. Какъ сильно бьется сердце юнаго читателя, когда онъ читаетъ „правдивыя сказанья“ о праведной жизни семьи Бичеръ-Стоу! Вотъ чтеніе, которое должно высоко настроить душу читателя!

Свѣтлое настроеніе сообщается и *Сказаніемъ о четвертомъ волхвѣ*, этой живой, художественной проповѣди любви и милосердія. Очень интересна и содержательна историческая картинка *Фаустъ и Фаустина*, хотя она занимаетъ всего 3—4 странички. Сюжетъ взятъ изъ эпохи Нерона, и авторъ удачно вводитъ васъ сразу въ атмосферу коварства, жестокости и лицемерія, которыми характеризуется эпоха. И словно въ видѣ отгнѣненія этихъ лютыхъ пороковъ представлены, совершенно согласно съ исторіей, два дивныхъ образа, дѣти съ чистой, ангельской душой, дѣлающіе великій подвигъ спасенія Неронова любимца отъ неминуемой смерти, которою ему грозила неистовая, дикая толпа, воспаленная жаждою мести за старыя обиды, которыя она претерпѣла отъ только что умершаго тирана. Съ большимъ интересомъ читается по-

мѣщенный тоже въ январскомъ выпускѣ очеркъ *Англійскія пѣсни о Зеленомъ охотникѣ Робинѣ Гудѣ*.

Въ видѣ приложенія къ журналу издается *Педагогическій Листокъ*, выходящій 4 раза въ годъ. Здѣсь помѣщаются статьи, относящіяся по преимуществу къ вопросамъ начальнаго, какъ домашняго, такъ и школьнаго воспитанія и обученія. О направленіи *Педагогическаго Листка* какъ въ отношеніи научномъ, такъ и общественно-педагогическомъ можно составить себѣ достаточное представленіе по статьямъ хотя бы первой книжки настоящаго года. В. А. Вагнеръ даетъ прекрасный, по своей популярной формѣ изложенія, и вполне доступный для человѣка съ образованіемъ обыкновеннаго сельскаго учителя научный этюдъ: *Методы естествознанія въ наукѣ и школѣ*. И, замѣтите, ясность и простота изложенія нисколько не мѣшаютъ этюду быть строго научнымъ и чрезвычайно интереснымъ и для человѣка большого образованія. Пока помѣщена первая, историческая часть статьи. Авторъ показываетъ, что движеніе естествознанія началось на первой ступени мысли человѣческой съ метода аналогіи въ ея простѣйшемъ элементарномъ видѣ; второю ступеню является методъ индуктивный и почти одновременно съ нимъ дедукція. Наконецъ, наступаетъ періодъ положительный, въ основѣ котораго лежитъ опытное знаніе съ его индуктивнымъ методомъ, совмѣстно съ методами, которые исторически ему предшествовали. Всѣ эти методы, не всегда состоятельные порознь, даютъ при совмѣстномъ пользованіи ими ту науку, которая „постигаетъ и предвидитъ“. Въ слѣдующемъ выпускѣ авторъ разсмотритъ вопросъ непосредственно педагогическаго характера—о методахъ преподаванія естественныхъ наукъ.

Не мало интересныхъ свѣдѣній заключается и въ извлеченіи изъ *Записокъ о губернскихъ педагогическихъ курсахъ въ Твери*, Д. И. Тихомирова.

Дѣтскій отдыхъ, май—декабрь 1896 г. Съ удовольствіемъ можемъ отмѣтить то утѣшительное явленіе, что журналъ въ теченіе послѣдняго полугодія принялъ характеръ гораздо болѣе симпатичный въ педагогическомъ отношеніи, нежели раньше. Желаемъ отъ души, чтобы такой характеръ журнала удержался и на дальнѣйшее время. Не отстаетъ журналъ и отъ того теченія, иниціаторомъ котораго выступило впервые *Дѣтское чтеніе*: развивать художественный вкусъ читателей хорошими вещами настоящихъ писателей, а не такихъ, которые попадаютъ въ дѣтскую литературу только потому, что литературная немѣлость не даетъ имъ доступа къ читателямъ взрослымъ при посредствѣ нашихъ толстыхъ журналовъ. Такъ, въ теченіе прошлаго года въ немъ участвовали: Д. Н. Маминъ, И. Н. Поталенко, П. А. Сергѣенко, П. В. Засодимскій, А. В. Кругловъ. Большое вниманіе обращено здѣсь на отдѣлъ естественно-историческій. Тутъ помѣщены статьи: *Среди природы* г. Любителя природы, *Путешествіе по Туркестану*—Н. В. Богоявленскаго, *Вамбукъ*—П. Ф.—га, *Солнечное затменіе*—В. Ч. и проч. Интересны изложенія легендъ и сказаній разныхъ народовъ, которыя дѣти такъ любятъ читать. Статьи этого рода принадлежатъ такимъ специалистамъ, какъ проф. П. Г. Виноградовъ и тнографъ А. С. Хахановъ. Много и біографическаго матеріала, погѣщаемаго какъ въ видѣ отдѣльныхъ статей, такъ и въ отдѣлѣ „Отлоски“. Журналъ хорошо дѣлаетъ, что знакомитъ дѣтей съ біографіей не только иностранныхъ знаменитостей, какъ Бичеръ-Стоу, но

и такихъ русскихъ дѣятелей, какъ Екатерина Вторая, Пироговъ, Островскій, Некрасовъ и проч. Мы бы только посоветовали редакціи озаботиться о томъ, чтобъ эти біографіи излагались болѣе обстоятельно, живо и художественно, въ примѣненіи къ возрасту, развитію и умственнымъ интересамъ читателей-дѣтей. Съ этой стороны редакціи предстоитъ работа, и работа очень серьезная: найти умѣлыхъ біографовъ и историковъ для дѣтей—дѣло у насъ чрезвычайно трудное. Но такихъ работниковъ энергичная редакція можетъ „создать“: на усиленный спросъ и упорные поиски въ концѣ-концовъ всегда отыскиваются подходящіе люди.

**Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію жур-
нала „Русская Мысль“ съ 1 декабря 1896 г. по
1 января 1897 г.**

- Арбузовъ.** Сказки. Рига, 1896 г. Ц. 60 к.
- Аргаматовъ.** Мысли о современномъ и будущемъ воспитаніи и обученіи. Полоцкъ, 1897 г. Ц. 1 р.
- Багешотъ.** Научные законы. Развѣтїе народовъ. Перев. съ франц. Харьковъ, 1896 г. Ц. 75 к.
- Берліозъ, Г.** Симфоніи Бетховена, критическій очеркъ. Перев. съ франц. Слб., Ц. 60 к.
- Вертенсонъ.** О больнеологическихъ средствахъ Россіи. Слб., 1896 г. Ц. 20 к.
- Вехтеревъ, проф.** О локализациіи сознательной дѣятельности у живот-ныхъ и человѣка. Слб., 1896 г.
- „Библіотека маленькаго читателя“.— Сборникъ разсказовъ и стихотвореній. Составилъ Калымовъ. 2 выпуска. М., 1896 г. Ц. по 15 к.
- Стихи и разсказы.** Сост. Ившинъ. Москва. Ц. 15 к.
- Вобровскій.** Курсъ практической педагогикѣ, съ рисунками. М., 1896 г. Ц. 1 р.
- Вѣсѣды о главнѣйшихъ потребностяхъ тѣлесной жизни человѣка (Опытъ нар. гигіены). М., 1896 г. Ц. 35 к.
- Врандесъ, Г.** Литературные портре-ты. Перев. съ нѣм. 1896 г. Ц. 1 руб. 35 к.
- Вѣлконскій.** Народное начальное образованіе въ Курской губ. Курскъ, 1897 г.
- Влоусовъ.** Къ вопросу объ ассенизаціи русскихъ городовъ. Матеріалы по общей гигіенѣ. Слб., 1896 г. Ц. 1 р.
- Удищевъ, Ал.** Степные волки. Разсказы. Ц. 1 р.
- Юхеръ, К.** Происхожденіе газеты. Перев. съ нѣм. Слб., 1896 г. Ц. 15 к.
- Асневскій.** Гипнотизмъ у животныхъ. Опытъ лѣченія гипнот. животныхъ. Пе-рев. съ польск. Хвалыньскъ, 1896 г. Ц. 35 к.
- Введенская.** Ради дѣтей. Разсказы. Слб., 1897 г. Ц. 1 р.
- Волконскій, С.** Очерки русской исто-рии и русской литературы. Публичн. лекціи читав. въ Америкѣ. Слб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Герасименко.** Миньютюры. Набро-ски и разсказы. Харьковъ, 1896 г. Ц. 1 руб.
- Глаголевъ, проф.** Запретныя идеи. М., 1896 г. Ц. 40 к.
- Гофманъ, А.** Начальная хрестоматія нѣмец. яз. Для мужскихъ гимназій. Вып. I. Курсъ 2 кл. Слб., 1897 г. Ц. 50 к.
- Гротъ, П.** Физическая кристаллогра-фія. Перев. Нечаева. Съ 707 фиг. Слб., 1897 г.
- Г. Михаилъ,** Ученіе о костяхъ. Кон-спектъ описательной анатоміи человѣ-ка. Москва, 1897 г. Ц. 20 к.
- Догановичъ, Анна.** Фомка-дуракъ. Разсказъ. Москва, Ц. 15 к.
- Дружининъ.** И все это правда! Съ рис. Слб., 1897 г. Ц. 2 р.
- Желиховская.** Мое отрочество. Съ рис. Слб., Ц. 3 р.
- Зацѣпина.** Пріключенія маленькаго Коли. Слб. Ц. 30 к.
- Ибсенъ, Генрихъ.** Собраніе сочи-неній. Т. 4-й. Слб., 1896 г. Ц. 1 р.
- Кауфманъ.** Крестьянская община въ Сибири, по мѣстнымъ изслѣдованіямъ 1886—1892 г. Слб., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ковалевскій, М.** Происхожденіе со-временной демократіи. Т. IV. Москва, 1897 г. Ц. 2 р.
- Колеръ, проф.** Право какъ элементъ культуры. Пер. Вормса. Москва, 1896 г. Ц. 20 к.

- Коренблитель.** Нѣмецко-русскій техни-
ческий словарь. Вып. XXX. Москва,
1896 г.
- Корженевскій, В.** По Востоку. Пу-
тевые очерки и картины. Въ 3 част.,
съ 117 рис. Москва, 1897 г. Ц. 2 р.
75 к.
- Лависсъ, Эрн.** Очерки по исторіи
Пруссіи. Перев. Тимошеевой. Москва,
1897 г. Ц. 1 р.
- Лажманова, Дѣвочка.** Изд. Девриена.
Спб., Ц. 2 р. 50 к.
- Лепеллетье, Эд.** Графъ де-Ривооръ.
Истор. ром. (съ франц.). Москва, 1896 г.
- Лорана, Эмиля д-ра.** Тюремный
міръ. Юрид. библиот. Пер. съ франц.
Спб., Ц. 1 р. 60 к.
- Любимовъ.** Исторія физики. Опытъ
изученія логики открытій въ ихъ исто-
ріи. Спб., 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Лялина, Мореплаватели: Головинъ,
Коцебу, Невельской.** Спб., 1896 г. Ц.
3 р.
- Масловичъ.** Басни и были. Спб., 1897
г. Ц. 50 к.
- Менделевичъ, Р. А.** Святочные
поэмы. Спб., 1897 г. Ц. 50 к.
- Мережковскій.** Вѣчные спутники.
Спб., 1897 г. Ц. 2 р.
- Мионовъ.** Оспа. Ц. 15 к. Дифте-
ритъ. Ц. 15 к. День добраго мира. Раз-
сказъ. Ц. 5 к. Хвалыискъ, 1897 г.
- Михайловъ.** Роль и значеніе перво-
бытной женщины. Спб., 1897 г. Ц. 25 к.
- Новая книга.** Наша мать природа. Москва,
1896 г. Ц. 1 р.
- Отчетъ о дѣятельности Харьк. Общества**
распространенія въ народѣ грамотности
за 1895 г. Харьковъ, 1896 г.
- Реклю, Элизэ.** Земля и люди. Все-
общая географія. Т. XVII, XVIII, XIX.
Спб., 1896 г. Ц. по 8 р.
- Руководство къ частной терапіи внутрен-
нихъ болѣзней подъ ред. Самойлова.**
Вып. 15 и 16. Спб., 1896 г.
- Самборскій.** Корова. Анатомическое
строеніе тѣла рогатаго скота. Спб.,
1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Самойловичъ.** Волшебныя сказки.
Съ рис. Ц. 3 р.
- Сборникъ свѣдѣній по виноградарству и
винодѣлію на Кавказѣ.** Вып. VII. Тиф-
лисской губ. Тифлисъ, 1896 г.
- Сергѣевъ, С.** Вопросы русской про-
мышленности. Библиот. обществ. знаній.
Серія I, вып. 10-й. Одесса. Ц. 40 к.
- Сибирскій торгово-промышленный кален-
дарь на 1897 г.** Изд. Романова. Томскъ,
1897 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Скворцова.** Удивительныя приключе-
нія муравья. Спб. Ц. 30 к.
- Тарасовъ, И. Т.** Очеркъ науки поли-
цейскаго права. Пособіе для слушанія
лекцій. Москва, 1897 г. Ц. 4 р. 50 к.
- Тэйлоръ, Эдуардъ.** Первобытная
культура. Второе изд. Въ двухъ томахъ.
Томъ II. Спб., 1897 г. Ц. 4 р.
- Утѣхинъ.** Сельско-хозяйственное сте-
ководство. Спб., 1897 г.
- Фрейбергъ.** Растенія — друзья чело-
вѣка. I. Финиковыя и кокосовыя паль-
мы. II. Бамбукъ. Съ рисунками. Москва.
Ц. по 20 к.
- Шмелевъ, Иванъ.** На скалахъ Ва-
лаама, за гранью міра. Москва, 1897 г.
Ц. 80 к.
- Щегловъ.** Борделія. 2-е изд. Веселый
театръ. Спб. Ц. 1 р. и 2 р.

ОГЛАВЛЕНИЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I. Книжки.

Стр.

- Беллетристика:** „Полное собраніе сочиненій Н. С. Лѣскова“. Изд. второе. — „Бояре Стародубскіе“. Историческій романъ *А. В. Щепкиной*. — „Стихотворенія кн. Кугушева“ 1
- Философія, психологія, педагогика:** „Вопросы Философіи и Психологіи, ноябрь—декабрь — „Философскій Ежегодникъ“. *Я. Колубовскаго*. — „Сборникъ, изданный къ двадцатипятилѣтію коллегіи Павла Галагана“. — „Лѣтнія колоніи московскихъ городскихъ начальныхъ школъ“. Отчетъ 1895 г. 7
- Исторія, исторія литературы, автобіографіи и біографіи:** „Исслѣдованія по исторіи русскаго права“. Проф. *Д. Я. Самоквасова*. Вып. I и II. — „Исторія духовной жизни женщинъ“. *Эрнеста Ленуэ*. — „Автобіографія“ *Д. С. Милля*. — „Жизнь замѣчательныхъ людей. Шекспиръ, его жизнь и литературная дѣятельность“ 12
- Политическая экономія:** „Wages and capital“. *T. W. Taussig*. 17
- Юридическія книги:** „Новая теорія владѣнія“. *Ф. П. Будкевича*. 20
- Естествознаніе:** „Новая химія“. *Д. Бука*. — „Краткія свѣдѣнія изъ химіи для низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ“. Сост. *А. Плогинскій*. — „Дягушка. Введеніе въ анатомію, гистологію и эмбриологію“. Сост. *А. Милльс Маршалль*. 21
- Техническія книги:** „Техническій прогрессъ въ современной промышленности“. *М. Шингль*. — „Барманная книжка для установщиковъ электрическаго освѣщенія“. *С. Ф. Гайсберга*. 23
- Сельское хозяйство:** „Сборникъ свѣдѣній по виноградарству и винодѣлію на Кавказѣ“. Вып. III, IV, V и VI. — „Къ вопросу о русскомъ молочномъ скотѣ“. Матер. сгруппир. и обработ. *А. А. Поповымъ*. — „Богатство отъ земли“. *Чарльза Барнарда*. 24

Медицина: „Терапія внутрѣнныхъ и дѣтскихъ болѣзней“. К. О. Смита.— „Книга здоровья“. Перев. д-ра П. Н. Булатова.—„Руководство къ частной те- рапіи внутрѣнныхъ болѣзней“. <i>Penzoldt и Stitzing</i>	25
Учебники, книги для дѣтскаго чтенія: „Первое домашнее чтеніе сель- скаго школьника“. В. О. Крижа. Вып. II.—„Дюжинка“. В. Р. Щ.	27
Изданія для народа: Географія для народа	29

II. Периодическія изданія.

„Вѣстникъ Европы“, декабрь. — „Русское Богатство“, ноябрь. — „Сѣверный
Вѣстникъ“, декабрь. — „Образованіе“, 1896 г.—„Дѣтскій Отдыхъ“, май — де-
кабрь. — „Дѣтское Чтеніе“, февраль 1896 г.—январь 1897 г. . . . . —

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 декабря 1896 г. по 1 января 1897 г.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

книжнаго магазина журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова,
коммисіонера общества любителей россійской словесности

(Москва, уголъ Леонтьевского пер. и Большой Никитской, д. № 2—24).

Книжный магазинъ принимаетъ подписку на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги. За пересылку книгъ берется по ея дѣйствительной стоимости. Книги могутъ быть высланы и наложеннымъ платежомъ.

Книжный магазинъ принимаетъ на себя составленіе народныхъ библиотекъ на какія угодно суммы и даетъ требуемыя справки по составленію народныхъ и школьныхъ библиотекъ и складовъ для продажи книгъ. Книги по желанію могутъ быть высланы въ простыхъ дешевыхъ переплетахъ (для народныхъ книгъ переплеты отъ 4 коп.). Лица, выписывающія книги въ большомъ количествѣ, благоволятъ сообщать самый точный адресъ для высылки книгъ самымъ дешевымъ способомъ.

Главный складъ изданій Московскаго комитета грамотности.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и рассказы. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцова. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 руб. 80 коп.
— Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. (Третье изданіе). Ц. 1 р. 50 к.
— Путевые очерки. Перев. В. М. Лаврова. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.
— Потопъ. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.
— Семья Полавецкихъ. Перев. В. М. Лаврова. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.
— Камо Грядеши? Ром. изъ временъ Нерона. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.
Ожешкова, Элиза. Повѣсти и рассказы. Пер. В. М. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Надъ Нѣмакомъ. Ром. въ 8 ч. Ц. 1 р. 50 к.
Додэ, Альфонсъ. Портъ-Тарасконъ. (Послѣдній приключ. знаменитаго Гартарена). Перев. М. Н. Рemezова. Ц. 1 р.
— Маленькій приходъ. Перев. М. Н. Рemezова. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.
Юноша, Клеменсъ. Сивифъ. Картины деревенской жизни. Перев. съ пол. В. М. Лаврова. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.
Де-Мопассанъ, Гюи. Наше сердце. Романъ. Пер. М. Н. Рemezова. Цѣна 1 р.
Эртель, А. И. Гарденинъ, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ. Ц. 2 р.
Въ пользу воскресныхъ школъ. Сборникъ. Цѣна 75 к.
Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и издаваемый редакціею журнала „Русская Мысль“. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Михайловскій, Н. К. Щедрикъ. (Критическій опытъ) Цѣна 1 руб.
Короленко, Владиміръ. Очерки и рассказы. (Шестое изд.). Ц. 1 р. 50 к.
— Очерки и рассказы. Книжка вторая. (Второе изданіе). Цѣна 1 руб. 50 коп.
— Слѣпой музыкантъ. Этюдъ. (Третье изданіе). Цѣна 75 коп.
Д-ръ Алексѣевъ, П. С. О пьянствѣ. Съ предисловіемъ графа Л. Н. Толстого: „Для чего люди одурманиваются?“ Цѣна 1 руб.
Анютинъ, М. (М. Н. Рemezовъ). Нашихъ людей ягоды. Романъ. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.
Бурже, Поль. Трагическая идиллія. (Космополитическіе нравы). Пер. М. Н. Рemezова. М., 1896 г. Ц. 1 р.
Вобрищевъ - Пушкинъ, А. М. Эмпирическіе законы дѣятельности русскаго суда присяжныхъ (съ атласомъ). Ц. 4 р.
Корелингъ, М. С., проф. Иллюстрированная чтенія по культурной исторіи. Вып. I: Египетскіе боги. Ц. 50 коп. Вып. II: Средневѣковая церковная готика. Ц. 30 коп. Вып. III: Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Ц. 30 к. Вып. IV: Ассирійскій народъ и его боги покровители. Ц. 30 к. Выпуски II и III рекомендов. уч. ком. нар. проsv. для ученическихъ старш. возр. библ. средн. учеб. заведеній муж. и женск.
Мачтетъ, Григорій. Силуэты. Томъ II. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Подписчики „Русской Мысли“ на всѣ ИЗДАНИЯ РЕДАКЦИИ, кромѣ народныхъ, пользуются уступкою 10%.

Книги, вновь поступившія въ магазинъ въ теченіе послѣдняго мѣсяца, обозначены *.

Вогословскій, В. С., проф. Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.
Гольцевъ, В. А. Вопросы дня и жизни. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.
 — Объ искусствѣ. Критическія замѣтки. Цѣна 1 руб.
 — Литературные очерки. Цѣна 1 руб. Пересылка за 1 фунтъ по разстоянію.
Чеховъ, Мих. Закомъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Цѣна 1 руб.

Чеховъ, Ан. Островъ Сахалинъ. (Изъ путевыхъ записокъ). Ц. 2 р.
Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Хлѣбъ. Романъ. М., 1896 г. Ц. 2 р.
Астыревъ, Н. М. Въ волостныхъ шестарахъ. Ц. 1 р. 50 к. Пересылка по вѣсу и разстоянію.
*Козловъ, П. А. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. Т. II. Ц. 1 р. 50 к.
*Стоятовъ, Т. Г. Общедоступныя лекціи и рѣчи. Ц. 1 р. 50 к.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? (3-е изданіе). Цѣна 1 коп.
Сенкевичъ, Генрикъ. Янко мумзьянтъ. Цѣна 1 коп.

— Пойдемъ за ними! Переводъ В. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 4 коп.
 Рассказъ про смутное время на Русн. Цѣна 1 1/2 коп.
Короленко, В. Г. Убивецъ. Ц. 1 1/2 к.

Библиотена „Русской Мысли“.

Сенкевичъ, Г. Черезъ степи. Ц. 40 к.
Ремезовъ, М. Клеопатра. Ц. 40 к.
 — Иуда и Римъ. М., 1896 г. Ц. 50 к.
Альбовъ, М. Юбилей. Цѣна 1 р.
Варанцевичъ, К. Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Цѣна 1 р.
Ожешкова, Э. Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к.
Корелинъ, М. С., проф. Очерки Итальянскаго Возрожденія. Ц. 1 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Братья Гордые. Оконныя брови. Ц. 1 р.
Ладъженскій, В. Н. Стихотворенія. Ц. 40 к.
Немировичъ - Данченко, Вл. Драма за сценой. Ц. 1 р.
Немировичъ - Данченко, Вас. И. Лялька. Изъ сказокъ дѣйствительности. М., 1896 г. Ц. 60 к.

I.

Религія, философія, психологія, педагогика, логика.

Августинъ, Архимандритъ. Руководство въ основному богословію. М., 1894 г. Ц. 1 р. 30 к.
Алексакисъ. Искра любу мудрїа. М., 1892 г. Цѣна 40 к.
Блекки, Д. Самовоспитаніе умств., физ. и нрав. П., 1896 г. Ц. 50 к.
 — Самовоспитаніе. Изд. 3-е. Слб., 1891 г. Ц. 75 к.
Введенскій, Алексѣй. О характерѣ, составѣ (сжатое изложеніе) и значеніи философіи В. Д. Кудрявцева-Платонова. Серг. Пасады, 1893 г. Ц. 60 к.
 — О религіозной философіи Виктора Дмитріевича Кудрявцева. Харьковъ, 1893 г. Ц. 40 к.
 — Очеркъ современной французской философіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.
 — Рѣчь передъ защитой диссертациі: Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія. М., 1891 г. Ц. 30 к.
 — Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія. М., 1891 г. Цѣна 3 р.
 — Демоніонъ Сократа. Этюдъ по исторіи древней философіи. Серг. Пасады, 1893 г. Ц. 40 к.

— Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи. Сергіева Пасада. 1894 г. Ц. 3 р.
Викторовъ, П. Ученіе о личности, какъ нервно-психическомъ организмѣ. Вып. I. Ц. 1 р. М. 1887 г.
Водовозовъ, В. И. Предметы обученія въ народной школѣ (для учителей). Ц. 70 к.
Вундтъ, Вильгельмъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ (Пер. со 2-го нѣмецкаго изданія). Слб., 1894 г. Ц. 5 р.
 — Душа и мозгъ. Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.
 — Гипнотизмъ и внушеніе. Перевалъ с. вѣнец. Колубовскій. М., 1893 г. Ц. 75 к.
Гартманъ, Эдуардъ. Сущаость мирового процесса или философія безсознательнаго. Пер. А. А. Козлова. Вып. 2-й. Ц. 2 р. 60 к. М., 1875 г.
Герценъ, А. Общая физиологія души (2 изд.). 1894 г. Ц. 75 к.
Гильти, К. Счастье. Полуларные очерки по нравственной философіи. Изд. 2-е. Слб., 1894 г. Ц. 50 к.
Гротъ, Н. Я. Основныя моменты въ развитіи новой философіи. Москва, 1894 г. Ц. 60 коп.
 — Краткая понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности. М., 1889 г. Ц. 50 к.
 — О душѣ въ связи съ современными ученіями о снѣгъ. Одесса, 1886 г. Ц. 70 к.

- Устон нравственной жизни и дѣятельности. М., 1895 г. Ц. 30 коп., съ перес. 40 к.
- Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка. Москва, 1889 г. Ц. 40 к.
- Нравственные идеалы нашего времени. Фридрихъ Ницше и Левъ Толстой. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 30 к.
- Основанія экспериментальной психологіи. М., 1896 г. Ц. 30 к.
- Данилевскій, В. Я., проф.** Чувство и жизнь. Харьковъ, 1895 г. Ц. 50 к.
- Данилевскій, Н. Я.** Душа и природа. Харьковъ, 1896 г. Ц. 1 р.
- Дриль, Дм.** Преступность и преступники (уголовно-психологическіе этюды). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Ельницкій, К.** Характеристики дѣвочекъ. М., 1895 г. Ц. 75 к.
- Изъ дневника Амели.** Пер. съ фр. М. Л. Толстой. Спб., 1894 г. Ц. 35 к.
- Юдль, Ф.** Исторія эткии въ новой философіи. М., 1896 г. Ц. 2 р.
- Казанскій, А.** Ученіе Аристотеля о значеніи опыта при познаніи. Одесса, 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Кантъ, Иммануилъ.** Прологомени ко всякой будущей метафизикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Каринскій, М.** Критическій обзоръ послѣдняго періода германской философіи. Спб., 1873 г. Ц. 2 р.
- Каро, Э.** Пессимизмъ въ XIX в. Изд. 2-ое. М. 1893 г. Ц. 1 р.,
- Карышевъ, Ив. А.** Православно-христіанскій взглядъ на основанія, принятыя гр. Л. Н. Толстымъ для своего джеученія, изложеннаго въ его сочин. „Въ чемъ моя вѣра“. М., 1891 г. Ц. 60 к.
- Духовно-нравственный міръ въ чловѣкѣ по ученію св. православной вѣры. М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Богъ неопровержимъ наукой. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Составъ чловѣческаго существа. Жизнь и смерть. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Квикъ.** Реформаторы воспитанія. Перев. и перек. З. Пердовой. М., 1893 г. Ц. 2 р.
- Кейръ, Ф.** Воображеніе и память. Спб., 1896 г. Ц. 40 к.
- Кельнеръ, Л.** Мысли о школьномъ домашнемъ воспитаніи. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Кирхманъ, Ф.** Философія. П., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Кирхнеръ, І.** Исторія философіи. П., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Козловъ, А. А.** Очерки изъ исторіи философіи. Понятія философіи и исторія философіи. Философія восточная. Кіевъ, 1897 г. Ц. 1 р.
- Тардъ (G. Tarde) и его теорія общества. Кіевъ, 1887 г. Ц. 1 р.
- Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстого. „О жизни“. М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.
- Свое слово. Философско-литературный сборникъ, издаваемый вмѣстѣ „Философскаго трехмѣсячника“. Кіевъ, 1888 г. № 1. Ц. 2 р. съ пер.; 1889 г. № 2. Ц. 2 р. съ пер.; 1890 г. № 3. Ц. 2 р. съ пер.
- Колубовскій, Я.** Философскій ежегодиникъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Комаровъ, А.** Народная школа. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Коменскій, Я. А.** Педагогич. соч. Т. I. Великая дидактика. М. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Кудрявцевъ, В.** Введеніе въ философію. Изд. 2-е. М., 1890 г. Ц. 40 к.
- Кудрявцевъ-Платоновъ,** сочин. Вып. I, II и III. Ц. каждаго 1 р. 50 к.
- Куво-Фишеръ.** Артуръ Шопенгауэръ. Пер. Грумъ-Гржимайло. М., 1894 г. Цѣна за два вып. 2 р. 50 к., по выходѣ второго выпуска 3 р.
- Лаландъ, А.** Этюды по философіи наукъ. Спб., 1896 г. Ц. 75 к.
- Ланге, К.** проф. Художественное воспитаніе въ дѣтской. М., 95 г. Ц. 50 к.
- Эмоція. М., 1896 г. Ц. 30 к.
- Ланге, Н. Н.** Психологическія наблюденія. Законъ перцепціи. Теорія волевого вниманія. Одесса, 1893 г. Ц. 2 р.
- Ляоси.** „Тао те кннгъ“. Переводъ съ китайскаго со введеніемъ Д. П. Коныссис. М., 1894 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.
- Лебо, Эженъ.** Трактатъ о чловѣческой физиономіи. М., 1895 г. Ц. 3 р.
- Легуве, Э.** Исторія духовной жизни женщины. М., 96 г. Ц. 75 к.
- Лейбницъ, Г. В.** Избранныя философскія сочиненія. Съ портретомъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Избранныя философскія сочиненія. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Избранныя философскія сочиненія. Подъ редакціей В. П. Преображенскаго. Москва, 1890 г. Ц. 2 р.
- Лопатинъ, Л. М.** Понятіе объ индукціи. М., 1893 г. Ц. 25 к.
- Положительныя задачи философіи. М., 1886 г. Ц. 2 р.
- Лункевичъ, В.** Наука о жизни. Общедоступная физиологія чловѣка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Любимовъ, Н. А.** Философ. Декаръ; та. Спб., 1886 г. Ц. 2 р.
- Мантегацца, П.** Физиологія любви. 2-е испр. изд. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Физиологія женщины. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Физиономія и выраженіе чувствъ. Пер. съ француз. подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. Я. Грота и Е. В. Вербицкаго. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Физиологія ненависти. Одесса, 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

- Искусство быть счастливымъ. Одесса, 1890 г. Ц. 50 к.
- Мартъ, Констанъ.** Философы и поэты-моралисты во времена Римской имперіи. Переводъ М. Корсака. Ц. 2 р. М., 1879 г.
- Мaudсли, Генри.** Сонъ и сновидѣнія. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
- Навиль, Э.** Что такое философія. М., 96 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Никитскій, С.** Вѣра православной восточной греко-россійской церкви. Книга 1-я: Вѣроученія. Ц. 50 к. Книга 2-я: О нравственности. Ц. 70 к.
- О свободѣ воли. Рефераты и статьи членовъ психол. общест. М., 1889 г. Ц. 2 р.
- Оствальдъ, В.** Несостоятельность научнаго матеріализма и его устраненіе. П., 1896 г. Ц. 30 к.
- Острогорскій, Викторъ.** Письма объ эстетическомъ воспитаніи. 1894 г. Ц. 40 к.
- Паульсенъ, Фр.** Введеніе въ философію. Пер. Н. Титовскаго, подъ ред. В. Преображенскаго. М., 1894 г. Ц. 3 р.
- Песталоцци, Г.** Педагогическія сочиненія въ 2-хъ т. Цѣна каждому тому 2 р. 50 к.
- Потебни, А.** Мысль и языкъ. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.
- Радловъ, Э. Л.** „Объ истолкованіи“ Аристотеля. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.
- Рибо, Т.** Современная англійская психологія. Подъ ред. П. Д. Боборыкина. М., 1881 г. Ц. 2 р.
- Память въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
- Воля въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Перев. съ 8 дополн. франц. изд. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
- Исслѣдованіе аффективной памяти. Пер. съ французск. Максимовой. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
- Риль, А.** Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Пер. Е. Корша. Ц. 2 р. М., 1888 г.
- Розенбахъ.** Современный мистицизмъ. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.
- Серебренниковъ, В.** Ученіе Локка о природныхъ началахъ знанія и дѣятельности. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Сѣлли, Джемсъ.** Гениальность и помѣшательство. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.
- Сигеле.** Преступная толпа (опытъ коллективной психологіи). Спб., 1893 года. Ц. 30 к.
- Скорода, Г. С.** Сочиненія собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалевымъ. Харьк., 1894 г. Ц. 4 р.
- Смайльсъ, Самуэль.** Характеръ. Воспитаніе и образованіе. Изд. шестое. Спб., 1889 г. Ц. 90 к.
- Саморазвитіе, умственное, нравственное и практическое. Съ дополнительною статьей „Русскіе дѣятели“. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Умъ и энергія. Характеристики изъ жизни великихъ людей. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Долгъ (Нравственныя обязанности челоука). Изд. второе, исправлен. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Соколовъ, Н.** Науки развиваютъ ли умъ или даютъ только знанія. Москва, 1895 г. Ц. 20 к.
- Спенсеръ, Гербертъ.** Начала социологіи (образованія учрежденія). Кіевъ, 1880 г. Ц. (1 р. 50 к.
- Основныя начала. Пер. Алексѣева. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Спиноза, Этика.** М., 1892 г. Ц. 2 р.
- Трактатъ объ усовершенствованіи разума. Одесса, 1893 г. Ц. 75 к.
- Страховъ, Н.** Міръ какъ цѣлое, черты изъ науки о природѣ. Изданіе 2-е. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
- Струве, Генрихъ.** Введеніе въ философію. Варшава, 1890 г. Ц. 3 р.
- Какъ жить по слову Божию? Русскій сборникъ статей и изреченій, содержащихъ въ себѣ нравственное ученіе изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завета. М., 1892 г. Ц. 5 к.
- Струнниковъ, А.** Вѣра какъ увѣренность по ученію православія. Самара, 1887 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Начатки философіи. М., 1888 г. Ц. 1 р. 60 коп.
- Тардъ, Ж.** Законы подражанія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Токарскій, А. А.,** приватъ-доцентъ моск. унив. Психическія эпидеміи. М., 1893 г. Ц. 25 к.
- Происхожденіе и развитіе нравственныхъ чувствъ. М., 1895 г. Ц. 25 к.
- Гипнотизмъ въ педагогіи. Ц. 20 к.
- Международный конгрессъ по экспериментальному и терапевтическому гипнотизму. М., 1889 г. Ц. 10 к.
- Тренделенбургъ, Адольфъ.** Логическія изслѣдованія. Пер. Е. Корша. Ч. I, ц. 2 р.; ч. II, ц. 2 р. М., 1868 г.
- Троицкій, М.** Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. Т. I и II. М., 1883 г. Цѣна за оба тома 6 р.
- Трубецкой, Евг., кн.** Религиозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V-мъ вѣкѣ. Ч. I. Міросоверпаніе блж. Августина. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Трубецкой, С., кн.** Мнимое язычество или ложное христіанство? Отвѣтъ о. Буткевичу. М., 1891 г. Ц. 20 к.
- Тьюкъ, Хэкъ.** Духъ и тѣло, дѣйствіе психики и воображенія на физическую природу челоука. Пер. П. Викторова. М., 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Уильямсъ, Ж.** Этика лица или нравственныя основы безубойнаго питанія. Перев. съ англійск. Со статьей Л. Н. Толстого „Первая ступень“. М. 1893 г. Ц. 2 руб.

Фарраръ, Ф. В. Жизнь Иисуса Христа. Пер. съ англійскаго О. М. Матвѣева. Изд. 2-е, испр и доп. Въ 2-хъ ч. М., 1892 г. Ц. 1 р 50 к.

Фулье, Альфонсъ. Исторія философіи. Пер. П. Николаева. М., 1894 г. Ц. 3 р.

— Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ. М., 1895 г. Ц. 8 р.

Фулье Альфредъ. Декартъ. Пер. похъ редакціи профес. Грота. М., 1894 г. Ц. 80 коп.

— Страданіе и удовольствіе и о выраженіи душевныхъ волненій. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.

— Темпераментъ и характеръ. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Хитровъ, М. Евстафій Плакида. М., 1888 г. Ц. 50 к.

Христіановичъ, П. Опытъ устройства общеобразовательной школы съ цѣлю большей подготовки учащихся къ жизни. М., 1894 г. Ц. 40 к.

Целлеръ. Очеркъ исторіи греческой философіи. перев. съ нѣмец. М. Некрасова, похъ редак. М. Каринскаго. Спб., 1886 г. Ц. 2 р.

Цигенъ, Т. Физиологическая психологія. Спб., 1893 г. Ц. 75 к.

Челпановъ, Г. Проблема воспріятія пространства въ связи съ ученіемъ объ апріорности и врожденности. Ч. I. К., 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Чичеринъ, В. Н. Положительная философія и единство науки. М., 1892 г. Ц. 3 р.

— Основанія логики и метафизики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Шилтовъ, А., проф. Среди безбожниковъ. (Посмертныя записки врача-философа). Харьковъ, 1895 г. Ц. 40 к.

Шмидтъ, Карлъ. Исторія педагогик. Пер. Э. Циммермана. Т. I, ц. 5 р. М., 1890 г.; т. III, ц. 5 р. 50 к. М., 1880 г.; т. IV, двѣ ч., цѣна имъ 7 р. М., 1881 г.

Шольцъ, Фридрихъ. Ненормальности дѣтскихъ характеровъ. Пер. съ нѣмецкаго Л. Л. Стенс новича. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шопенгауэръ, Артуръ. Лучи свѣта его философіи. Извлечено изъ его соч. Юліусомъ Фраунштеттомъ. М., 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Лучи свѣта. П., 1896 г. Ц. 1 р.

Шперкъ, Э. Система Спинозы. Спб., 1898 г.

Штейнъ, Вл. Артуръ Шопенгауэръ, какъ человѣкъ и мыслитель. Спб., 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.

Юровъ, А. Систематическій курсъ логики для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.

Янжулъ, И. И., проф. Изъ психологіи народовъ. Одесса, 1893 годъ. Ц. 20 к.

Ribot, Th. О чувственной памяти. Казань, 1895 г. Ц. 40 к.

Schrader, W. Гимназіи и реальныя училища воспитаніе и обученіе. Ревель, 1892 г. Ц. 3 р.

II,

Беллетристика.

Аданъ, Юлія. Дуришка. Романъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Алябьевъ, В. Связка нитимныхъ писемъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Амфитеатровъ. Психопатъ. Правда и вымыселъ. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Ардовъ, Е. И. Эскизы. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Бальзакъ. Бѣдные родственники. Ч. I и II. Ц. 1 р.

— Горіо (романъ) и рассказы. Ц. 50 к.

— Модеста Миньонъ. Ц. 50 к.

— Беатриса. Ц. 50 к.

Баранцевичъ, К. С. Родимы картинки. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Картинки жизни. 39 рассказовъ Сармата. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Баратынский, Е. А. Полное собр. соч. Киевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

***Безобразовъ, П. В.** Женя и двухъ невестъ. Историческій романъ. М. 1894 г. Ц. 40 к.

Бёрне, Л. Сочиненія въ 2 т. въ пер. П. Вейнберга, со статьею о жизни и литературной дѣятельности автора и его портретомъ. Спб., 1896 г. Ц. 3 р., стр. LXII+261+330.

Библиотека-крешка. Миниатюрное изданіе, роскошно-отпечатанное, содержащее въ себѣ отдѣльныя произведенія лучшихъ русскихъ писателей: Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, фонъ-Визина, Кольцова, Карамзина, Богдановича и мн. др. Киевъ. Ц. 5, 10, 15 и 20 к. за книжку.

Вичеръ-Стоу. Хижина дяди Тома. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Вретъ - Гартъ. Габріель Копроя. Ц. 50 к.

— Кресси (ром.). Рассказы. Ч. I. Ц. 50 к.

— Рассказы. Ч. II. Ц. 50 к.

Бутсъ, Вильямъ. Въ трудобалъ Англій. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Бьернстjerne-Бьернсонъ. Новыя вѣянія. Въ 2-хъ ч. Киевъ, 1893 г. Ц. каждой части 35 к.

— Леонарда (драма). Новал система (драма). Киевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

— Новобрачные (комедія). 1865 г. Сигурдъ крестовосецъ (драма). 1872 г. Банкротство (драма). 1874 г. Киевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

— Повѣсти и рассказы. Киевъ, 1893 г. Ц. 35 к.

— По Божьему пути. Романъ. Киевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

— Сочиненія. Киевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

- Вальтеръ-Скоттъ.** Иллюстр. романы: 1) Замок Кенильвортъ; 2) Легенда о Монтрозѣ; 3) Абатъ; 4) Антикварій; 5) Астрологъ; 6) Пресвитеріане; 7) Монастырь; 8) Ламермурская невеста; 9) Черный карликъ; 10) Певерилъ Пикъ; 11) Ширатъ; 12) Обрученные; 13) Веверлей; 14) Карлъ Смѣлый; 15) Квентинъ Дорвардъ; 16) Перская красавица; 17) Робъ-Рой; 18) Ричардъ Львиное Сердце; 19) Вудстокъ. Спб. 1892 г. Ц. каж. кн. 40 к. — Квентинъ Дорвардъ. Романъ. М. 1886 г. Ц. 2 р.
- Варіо, Ж. Дѣтскій докторъ.** Сиб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Вейнбергъ, Павелъ.** Новые рассказы и сказы. Второе изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Верещагинъ, В. В.** Литераторъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
— Дѣтство и отрочество. Т. I. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Владиславлевъ, В.** Изъ быта крестьянъ. М., 1896 г. Ц. 50 к.
- Вовчокъ, Марко.** Полное собраніе сочиненій. Т. I. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.
- Гаринъ, Н.** Дѣтство Тѣмы. Москва, 1894 г. Ц. 60 к.
- Гейнце, Н. Э.** Коронованный рыцарь. Ист. ром. Въ 3 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
— Князь тавриды. Историческій романъ. Въ 3 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
— Аракчевъ. Историческій романъ XIX столѣтія. Въ 2 том. и 6 част. Изд. Спб., 1895 г. Ц. за оба тома 2 р.
- Гиляровский.** Забытая тетрадь. Цѣна 1 руб.
- Гоголь, Н. В.** Сочиненія въ 5-ти том. Изд. двѣнадцатое. Спб., 1894 г. Ц. 6 руб. Въ переплетѣ. Ц. 8 р. 50 к.
- Гольдсмидтъ, Оливеръ.** Векфильдскій священникъ. М., 1890 г. Ц. 1 р.
- Гомера.** Иліада. Перев. Н. М. Минскаго. М., 1896 г. Ц. 75 к.
- Гофманъ.** Фантастическіе очерки и рассказы. Ц. 50 к.
— Серапионовы братья. Ч. I, II и III. Цѣна за три части 1 р. 50 к.
- Гюго, Викторъ.** Сочиненія въ двухъ томахъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к. за оба тома.
— Отважный предводитель негровъ Бюгъ-Жаргаль. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.
— Собраніе стихотвореній въ переводахъ русскихъ писателей. Тифлисъ, 1895 г. Ц. 3 р.
- Грабинъ, А. Т.** Воздушные замки. Комическій этюдъ. 2-е изд. М., 1895 г. Ц. 40 к.
- Данте, Алигьери.** Божественная комедія. Адъ. Съ 68 рис. французскихъ художниковъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Божественная комедія. Чистлише. Съ 72 рис. франц. худож. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Божественная комедія. Рай. Съ 74 рис. франц. худож. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Джеромъ, К.** Праздники мысли глѣталъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.
- Диккенсъ, Чарльзъ.** Пол. соб. соч. 9 т. Спб., 1894 г. Ц. каж. т. 1 р. 50 к.
— Святоточные рассказы. П., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Записки Пиквикскаго клуба. Ч. I и II. Ц. 1 р.
- Доброе дѣло.** Сборникъ повѣстей и рассказовъ К. Баранцевича, А. Бариковой, Н. Гарина, П. Засодимскаго, В. Короленка, Н. Лѣскова, Д. Маммина-Сибиряка и др. М., 1894 г. Ц. 90 к.
- Добротворскій, П.** Рассказы, очерки и наброски. Спб., 1888 г. Ц. 1 р.
- Додэ, Альфонсъ.** Сцена и кулисы. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Длусскій.** Цвѣтокъ олеандра. Ц. 1 р. 25 к.
- Желанскій, А.** Скамья и кафедра. Рассказы изъ гимназической жизни семидесятихъ годовъ. М., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Басни. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Желиховская, В.** Кавказскіе рассказы. Спб., 95 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Изъ тѣмъ къ свѣту. Спб., 95 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Въ татарскомъ захолустьѣ. Спб., 95 года. Ц. 1 р. 75 к.
- Жоржъ, Зандъ.** Замокъ Вильпрэ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Жюль Вернъ.** Гекторъ Сервалакъ, путешественіе въ солнечномъ мірѣ. Пер. Самойловичъ. Москва, 1887 г. Цѣна 2 р. 50 коп.
- Засодимскій, П. В.** Задушевные рассказы въ 2-хъ томахъ (изд. 2-о). Спб., 1894 г. Ц. 1 т. 1 р. 50 к., II т. 2 р. въ роскошномъ перепл.
— Бывальщины и сказки. Спб., 95 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Златовратскій.** Новые рассказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Золя, Эмиль.** Серия романовъ Ругоны-Маккаръ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 21 р.
— Большія надежды. Ц. 50 к.
— Римъ. Ч. I и II. Ц. 1 р.
— Марсельскія тайны. Местъ. Ц. 50 к.
— Карьера Ругоновъ. Ц. 50 к.
— Добыча. Ц. 50 к.
- Зудерманъ, Г.** Честь. Комедія въ 4-хъ д. М., 1891 г. Ц. 50 к.
— Родина. Драма въ 4-хъ д. М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Свадьба Юланты и др. рассказы. М., 1895 г. Ц. 40 коп.
- Зутнеръ, Верта.** Долой оружіе. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.
- Ибсенъ, Генрикъ.** Привѣдѣнія (Драма въ 3 актахъ), переводъ Бальмонта. М., 1894 г. Ц. 50 к.
— Маленькій Эйольфъ. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. М., 1895 г. Ц. 50 к.

- Казотъ. Влюбленный дьяволъ.** М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Калымовъ, В.** Сборникъ рассказовъ и стихотвореній. М., 1896 г. Ц. 15 к.
- Каменскій, Я. А. Т. П.** Мелкія соч. Москва, 1894 г. Ц. 1 р 50 к.
- Каронинъ (Петропавловскій).** Рассказы. 8 т. М., 1890 г. Ц. каждого тома 1 р. 50 к.
- Квитка-Основьяненко.** Панъ Халавскій. Миниатюрное издание Кіевъ, 1893 г. Ч. 1-я и 2-я. Ц. 50 к.
- Драм. соч. Кіевъ, 1898 г. Ц. 85 к.
- Малороссійскія повѣсти, рассказанныя Грышкою Основьяненкомъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 75 к.
- Киляндъ, Александръ.** Яхъ. Фортуна (два романа). М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Ковалевская, Софія, и Лефлеръ, А.** Борьба за счастье. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.
- Коломбъ, Ж.** Дѣдушкина внучка. Съ французскаго. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб. въ роскош. переплетѣ.
- Коломбо, маркиза.** Красавица. Рассказъ. Перев. съ итальян. М., 1894 г. Ц. 35 коп.
- Короленко: Холодный годъ.** Изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Въ дурномъ обществѣ. Москва, 1894 г. Ц. 85 к.
- Крестовскій, В. (псевдонимъ).** Альбомъ, группы и портреты. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Криницкій, Маркъ.** Въ туманѣ. Москва, 1895 г. Ц. 40 к.
- Криста, М.** Конекъ крейцеровой снаты Льва Толстого. Спб., Ц. 30 к.
- Кругловъ, А. В.** Свои-чужіе. Романъ. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 1 р.
- Подъ колесомъ жизни. Повѣсти и рассказы. Кіевъ, 1894 г. Цѣна 1 р.
- Не герой. Очерки и рассказы (Живыя души, т. I.). Изд. 2-е, доп. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- На чужомъ погѣ. Очерки и рассказы. (Живыя души, т. II.). Изд. 2-е, дополи. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.
- Котофей Котофеевичъ. Ц. 1 р. 25 к.
- Все пріятели. М., 1896 г. Ц. 30 к.
- Изъ золотого дѣтства. М., 1889 г. Ц. 1 р.
- Крушеванъ, П.** Призраки. М. 1896 г. Ц. 2 р.
- Лажечниковъ, И.** Ледяной домъ. Съ рисун. П. Полякова. М., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Лермонтовъ, М. Ю.** Пол. собр. сочиненій. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.
- Лессингъ, Г.** Миня фонъ-Барнгеймъ. Перев. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- Эмилія Галотти. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
- Натанъ Мудрый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- Молодой ученый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- Гамбургская драматургія. Пер. И. П. Рассавина. Ц. 3 р. М., 1883 г.
- Драматич. соч.: Миня фонъ Барнгеймъ, Эмилія Галотти, Натанъ Мудрый. Спб. 1886 г. Ц. 2 р.
- Ли, Ионасъ.** Осужденный на вѣкъ. Рассказъ, съ норвежск. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Луговой, А.** Добей его! (Pollice verso). Параллели. Москва, 1893 г. Ц. 50 к.
- Сочиненія. 3 тома Спб., 1894 г. Ц. по 2 р.
- Лѣтневъ, П.** Невидимый бичъ. Ром. Въстохлаба, камень. Ром. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р. 50 к.
- Бархатные когти. Ром. въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- На волоскѣ. Ром. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- Современный недугъ. Ром. въ 3-хъ ч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Поперекъ дороги. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- На сѣнѣ вчерашаго. Ром. Безъ воли. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р.
- Вѣшная лошадь. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Волчья яма. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.
- Сочиненія. 10 томовъ. Кіевъ, 189 г. Ц. 8 р.
- Максимовъ, С. В.** Годъ на сѣверѣ. М. 1890 г. Изд. 4-е. Ц. 3 р.
- Кулъ хлѣба и его пожеданіе. Четвертое иллюстрированное издание. Спб., 1894 г. Ц. р. 50 к.
- ***Маминъ-Сибирякъ, Д.** Уральскіе рассказы. Т. II. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Горькое гнѣздо. Романъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Три конца. (Уральская лѣтопись). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Весенній громъ. Ром. въ 3-хъ част. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Масловичъ, Н.** Тягачинъ день 12 января. Харьковъ, 1895 г. Ц. 20 к.
- Житейскіе напѣвы. Спб., 92 г. Цѣна 1 р. 25 к.
- Басни и быль. Спб., 1896 г. Ц. 75 к.
- Мачетъ, Григорій.** Баба и другіе рассказы. (Слуэты. Т. I.). Изд. 2-ое. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Блудный сынъ. Повѣсть. (Слуэты. Т. I.). Изданіе 2-ое. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.
- На досугѣ. Новый сборникъ повѣстей и рассказовъ. М., 1896 г. Ц. 1 р.
- Живыя картины. Новый сборникъ повѣстей и рассказовъ. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Васька-горнистъ. М., 1896 г. Ц. 20 к.
- Между прочимъ. Сбор. рассказовъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Микуличъ, В.** Зарницы. М., 1895 г. Ц. 65 к.
- Мильтонъ.** Потерянный и возвращенный рай. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Михеевъ, В. М.** Художники. Очерки и рассказы. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Мюссе, А.** Ночи. Перев. А. Облеухова. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Мясницкій, Ив.** Замоскворѣцкія свадъ. Юмористич. рассказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.

- „На добрую память“ изъ русскихъ писателей. Книга для семейнаго чтенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к., составл. Никифоровымъ.
- Мятлевъ, И. П.** Полное собр. сочиненій. Киевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- Полное собраніе сочиненій. Изданіе иллюстрированное. М., 1894 г. Три тома. Ц. 1 р. 20 к.
- Надсонъ, С. Я.** Литературные очерки (1883—1886 гг.). Спб., 1887 г. Изд. 2-е. Ц. 1 р.
- Наединъ.** Сборникъ переводныхъ повѣстей, рассказовъ и стихотвореній Матильды Серао, Альфонса Доде, Вьери-сонъ - Бьери-стерна, Генри Лонгфелло, Гюи де-Мопассана и др. Ц. 70 к.
- Невжинъ, П. М.** Жестокая воля. М., 1896 г. Ц. 1 р.
- Никитинъ, В. Н.** Обломки разбитаго корабля. Сцены у мировъ судей шестидесятихъ годовъ. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.
- Немировичъ-Данченко, В. И.** Гроза. Ром. въ 2-хъ ч. Изд. седьмое. Киевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Вѣломорье и Соловки. Изд. 4-е. Киевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Оелька-рудоконь. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Киевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- Контрабандисты. Романъ. Киевъ, 1892 г. Ц. 2 р.
- На краю свѣта. Другъ за друга. Изъ жизни на крайнемъ сѣверѣ. Повѣсть для дѣтей. Въ трехъ частяхъ. Москва, 1898 г. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 30 к.
- Большое сердце. Повѣсть. Москва, 1894 г. Ц. 20 коп.
- Немировичъ-Данченко, Влад. Ив.** Старый домъ (Мертвая ткань). М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Нефедовъ, Ф. Д.** Сочиненія. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. М., 1894 г.
- Томъ II. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Огородниковъ, П.** Въ стражѣ свобод. Въ 2 т. Спб., 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Оже, Люсьенъ.** Семь чудесъ свѣта. Путешествіе къ семи чудесамъ свѣта съ научною цѣлью. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Оржешко, Элиза.** Диварка. Повѣсть. Переводъ съ польскаго. М., 1894 г. Ц. 75 к.
- Острогорскій, Викторъ.** Хорошіе люди. Сборникъ рассказ. съ 45 рисунк. (изд. 2-е). Спб., 1891 г. Ц. 1 р., въ роскошномъ перепл. — 1 р. 60 к.
- Изъ исторіи моего учительства. Какъ я сдѣлался учителемъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- П., Г.** Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 35 к.
- Пеллико, Сильвіо.** Мои темницы. Перев. Гаринной. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Полонскій, Я. П.** На закатѣ. Стихотворенія. М., 1881 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Порошинъ, Ив.** Рассказы. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Потапенко, И. Н.** Повѣсти. 10 т. Спб. 1893 г. Ц. каждаго т. 1 р.
- Не герой. Романъ въ 2-хъ частяхъ. М., 1896 г. Ц. 1 р.
- Одишь. Ром. М., 1896 г. Ц. 2 р.
- Голодь. М., 95 г. Ц. 40 к.
- Починъ.** Сборникъ Общества любителей россійской словесности на 1896 г. М., 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Поэ. Эдгаръ.** Баллады и фантазія. М., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Полное собраніе сочиненій. Вып. I. Кнш., 1895 г. Ц. 65 к.
- Рассказы. Т. I. Ц. 50 к.
- Повѣсти, рассказы, притчи, сказки. Ц. 50 к.
- Преву, М.** Женскіе сигурты. Москва, Ц. 75 к.
- Проблески.** Сборникъ произведеній русскихъ авторовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Пушкинъ, А. С.** Пол. собр. сочиненій. Спб., 2 изд. Ц. 1 р. 50 к.
- Раменскій, Н.** Братья-изгой. Ром. въ 3-хъ част. М., 1895 г. Ц. 2 р.
- Докторъ Сафоновъ. М., 1889 г. Ц. 1 р.
- Рише, Шарль.** Черезъ сто лѣтъ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
- Рони, Ж.** До потопа. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.
- Руссо, Жанъ-Жакъ.** Юлія или Новая Элоиза. М., 1892 г. Ц. 2 р.
- Рѣшетниковъ, Ф. М.** Собраніе сочиненій, въ 2-хъ т. Спб., 1890 г. Ц. за 2 т. 2 р. 50 к.
- Саади-Ширази.** Гулистанъ, „Пѣт-никъ розъ“. Пер. съ персидск. подлин. И. Холмогорова. Ц. 1 р. М., 1882 г.
- Саловъ, И.** Уютный уголокъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Сюета мірская. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Съ натури. Очерки и рассказы. М., Ц. 1 р.
- Салтыковъ (Щедринъ).** Полное соб. соч. 12 т. (Изд. 3-е). Ц. 18 р., а за каждый т. отдѣльно по 1 р. 75 к. Спб., 1894 г.
- Сборникъ общества любителей россійской словеси на 1891 г. М., 1891 г. Ц. 4 р.
- Селивановскій, И.** Ночь на Рождество. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Семеновъ, Д.** Рождественская сказка. М., 1887 г. Ц. 1 р.
- Семеновъ, С. Т.** Крестьянскіе рассказы, съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Серао, Матильда.** Прощай, любовь! Романъ. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Сервантесъ.** Славный рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Т. I. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Донъ-Кихотъ, томы I и II. П., 1895 г. Ц. за два т. 5 р.
- Сковронская, Марія.** Изъ жизни и фантазія. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Скоттъ, Вальтеръ.** Вѣверлей. Ц. 50 к.

- Гай Маннерингъ. Ц. 50 к.
 — Робъ-Рой. Ц. 50 к.
 — Ламермурская невѣста. Ц. 50 к.
Смирновъ, А. Живыя картинки сборникъ рассказовъ. Слб., 1885 года. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.
 — Москва—Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія. М., 1895 г. Ц. 40 к.
Сологубъ, Ѳ. Стихи. Книга 1-я. Слб., 1896 г. Цѣна 50 к.
Софоклѣ. Эдипъ въ Колонѣ. Киевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
 — Эдипъ-царь. Киевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
 — Филоктеть. Киевъ, 1888 г. Ц. 60 к.
 — Электра. Киевъ, 1888 г. Ц. 40 к.
Станюковичъ. Безшабашный. (Изъ современныхъ нравовъ). Рассказъ. М., 1894 г. Ц. 20 к.
 — Откровенные. Ром. въ двухъ част. Слб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Степановъ, Н. Стихотворенія. М., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
Стернь, А. В. Бракъ по любви. Повѣсть. Москва, 1898 г. Ц. 50 коп.
 — Очнулась. (Изъ дневника Натальи Сергѣевны). Пов. М., 1893 г. Ц. 30 к.
Суриковъ, И. Ѳ. Стихотворенія. М., 1884 г. Ц. 2
Твэнъ. Американскій претендентъ. Юмористическіе очерки и рассказы. Ц. 50 к.
 — Янки при дворѣ короля Артура. Ц. 50 к.
 — Походженіе Тома Соуэра. Ц. 50 к.
 — Жизнь на Миссисипи. Ц. 50 к.
Токвилъ, Алексисъ. Воспоминанія. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 2 руб. М., 1893 г.
Толстой, Л. Н. Плоды просвѣщенія. Комедія въ 4-хъ дѣйств. Киевъ, 1892 г. Ц. 15 к.
 — „Ходите въ свѣтъ“ и другія прозвенденія, вошедшія въ XIV томъ полнаго собранія сочиненій. Москва, 1895 г. Ц. 60 к.
 — Смерть Ивана Ильича. Киевъ, 1891 г. Ц. 10 к.
 — Хозяинъ и работникъ. М., 1895 г. Ц. 20 к.
Трефоловъ, Л. Н. Стихотворенія (64—93 г.). М., 1894 г. Ц. 2 р.
Тургеневъ. Стихотворенія. Изд. 2-е. Слб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
Фарраръ, В. Женщины у домашнего очага. П., 1896 г. Ц. 25 к.
Филипповъ, Сергѣй. Подъ лѣтнимъ небомъ. М., Ц. 1 р.
 — Около жизни и смерти. М., 1896 г. Ц. 1 р.
Фламмаріонъ, К. По волнамъ безконечности. Слб., 1893 г. Ц. 80 к.
 — Въ небесахъ. 2 изд. Слб., 1892 г. Ц. 75 к.
 — Рассказы о небѣ. Слб., 1893 г. Ц. 50 к.
 — Конецъ міра. 1895 г. Ц. 60 к.
Флоберъ. Буваръ и Пекюше. Три рассказа. Ц. 50 к.

- Фонвизинъ, С.** Конецъ дневника. Рассказъ. 1894 г. Ц. 30 к.
Цапъ, А. Какъ влюбляются молодыя дѣвушки. М., 1896 г. Ц. 75 к.
Чаевъ, Н. Стихотворенія. М., 1896 г. Ц. 1 р.
Чеховъ, Ант. П. Жена. Рассказъ. М., 1894 г. Ц. 25 к.
 — Именины. Рассказъ. М., 1893 г. Ц. 20 к.
 — Палата № 6. Рассказъ. М., 1893 г. Ц. 35 коп.
 — Въ сумеркахъ. Изд. 7-е. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.
 — Рассказы. Изд. 8-е. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.
 — Палата № 6. Изд. 3-е. Слб., 1893 г. Ц. 1 р.
 — Каштанка. Изд. 3-е. Слб., 1893 г. Ц. 50 к.
 — Дуэль. Изд. 4-е. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.
Чмыревъ, Н. Кобзарь Т. Г. Шевченка. М., 1874 г. Ц. 1 р.
Ш., Л. Невѣдѣнное зло. Рассказъ. М., 1894 г. Ц. 20 к.
Шалуны. Юмористическія сцены съ рисунками Бума, М., 1895 г. Ц. 1 р.
Шекспиръ. Драматическія сочиненія, въ пер. Кетчера, въ 9 част. Ц. первыхъ 8 част. по 1 руб.; цѣна. 9 ч. 2 руб. М., 1862 г.
 — Гамлетъ принцъ Датскій. Киевъ, 1896 г. Ц. 15 к.
Шелли. Сочиненія. Вып. I, II, III и IIII. Слб., 1894—1895 гг. Цѣна кажд. вып. 50 к.
Шиллеръ, Ф. Вильгельмъ Тель. Пер. Гомберга. Киевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
 — Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Киевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
 — Пѣсь о колоколѣ. Ц. 30 к. М., 1896 г.
Шпиельгагенъ. Сожнутыми рядами. Ч. I и II. Ц. 1 р.
 — О чемъ пѣла ласточка. Скелеть въ домѣ. Ц. 50 к.
 — Тамъ испѣляются. Прекрасная амриканка. Ц. 50 к.
 — Загадочныя натуры. Ч. I и II. Ц. 1 р.
Э—на, М. Ея Крейцера соната. К., 96 г.
Эберсъ. Дочь египетскаго царя. Ц. 50 к.
 — Сераписъ. Ц. 50 к.
 — Слово. Ц. 50 к.
Экштейнъ. Въ карцерѣ. Слб., 1895 г. Ц. 15 к.
Эртель, А. И. Двѣ пары. Повѣсть. М., 1894 г. Ц. 60 к.
 — Записки степняка. Очерки и рассказы. I и II. Слб., 1883 г. Ц. 3 руб.
Федоровъ. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 1 р.
 — Орлеанская дѣва. Пер. Шереметевскій. Киевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
 — Коварство и любовь. Пер. Гомберга. Киевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
 — Разбойники. Киевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
 — Племянникъ-лady. Пер. Гомберга. Киевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

III.

Исторія литературы, критика,
публицистика.

- Аминторъ, Г., фонъ.** За правду и за честь женщины. Противъ Крейперовой сонаты Л. Н. Толстого. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
- Безобразовъ, П. В.** О правахъ женщины. М. 1895 г. Ц. 50 к.
- Публичныя лекціи о современномъ положеніи женщины (3-е изд.). М. 1893 г. Ц. 20 к.
- О назначеніи женщины (2-е изд.). Ц. 20 к.
- Бильдерлингъ, А.** Просвѣтители Россіи. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
- Вокль, Г.** Вліяніе женщины на успѣхи в аніа. П., 1896 г. Ц. 25 к.
- *Брандесъ, Г.** Литературные портреты. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Водовозовъ, В. И.** Новая русская литература. Ц. 1 р. 25 к.
- Въ память Лавуазье.** Рѣчи проф. Н. Д. Зелинскаго, И. А. Каблукова и проф. И. М. Сяченова. М., 1894 г. Ц. 50 к., для студ. 30 к.
- Гаспари, Альфредъ.** Исторія итальянской литературы. Т. I. Итальянская литература среднихъ вѣковъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.
- Геттнеръ, Г.** Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. III кн. 1. Пер. А. Пылина и А. Плещеева. Ц. 2 р. М., 1872 г.
- Гесель, Д-ръ.** Противъ разврата. Одесса, 1896 г. Ц. 10 к.
- Гиляровъ, А. Н.** Источники о софистахъ. Платонъ какъ историческій мыслитель. Киевъ, 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Горъ, Ё, Винкель.** Исторія скандинавской литературы. Пер. К. Бальмонта. Ц. 2 р. 50 к. М., 1894 г.
- Гофштеттеръ, И.** Доктринеры капитализма (по поводу книги г. Струве: „Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи). Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
- Громека М. С.** О Л. Н. Толстомъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Гротъ, Я. К.** Переписка его съ Плетневымъ. Ц. 3 р.
- Гюббаръ, Гюставъ.** Исторія современной литературы въ Испаніи. Переводъ Ю. В. Допельмайеръ. М., 1892 г. Ц. 2 р.
- Данилевскій, Н. Я.** Дарвинизмъ. Критическое изслѣдованіе. Т. II. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
- Женъ, Рудольфъ.** Шекспиръ, его жизнь, сочиненія. Переводъ А. Н. Веселовскаго, съ примѣчан. Н. Стороженка. М. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Зелинскій, В.** Собраніе критическихъ

- материаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Изд. 2-е. М., 1895 г. Ц. 2 р.
- Критическій комментарий къ сочиненію Э. М. Достоевскаго, три части. М., 1894 г. Цѣна по 1 руб.
- Собраніе критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ, три части. М., 1887 г. Цѣна по 1 руб.
- Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина, три части. М., 1888 г. по 1 руб.
- Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого, три части. М., 1888 г. по 1 руб.
- Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя, двѣ части. М., 1889 г. Ц. по 1 руб.
- Критическіе разборы романа Тургенева „Отцы и дѣти“. М., 1894 г. Ц. 35 к.
- Критическіе разборы романа Достоевскаго „Братья Карамазовы“. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Критическіе комментаріи къ соч. А. Н. Островскаго. Ч. I, М., 1894 г., ч. II 1895 г., ч. III 1896 г. Ц. каждой части 1 руб.
- Комментаріи къ соч. Островскаго. Ч. 3-я. М., 1896 г. Ц. 1 р.
- Собраніе критическихъ материаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. М., 1896 г. Ц. 80 к.
- Критика сочиненій Л. Н. Толстого. Ч. 4-я. М. 1896 г. Ц. 1 р.
- Зетъ, Е.** Французскіе лирики. М., 1896 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Ивановъ, Ив.** Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII-го вѣка. М. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
- „Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ“. Спб., 1896 г. Цѣна 2 р.
- Каро, Э.** Современная критика и причины ея упадка. М. 1833 г. Ц. 30 к.
- Карвевъ, Н.** Старые и новые этюды объ экономическомъ материализмѣ. П., 1896 г. Ц. 75 к.
- Ковалевскій, Е.** Народное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Колеръ, І., проф.** Шекспиръ съ точки зрѣнія права. (Шейлокъ и Гамлетъ). Пер. съ нѣмецкаго. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Комаровскій, Л. А.** Восточный вопросъ. М., 1896 г. Ц. 25 к.
- Коршъ.** Всеобщая исторія литературы. Томъ III. Спб., 1888 г. Ц. 5 р.
- Томъ IV. Спб., 1888 г. Ц. 6 р. 50 к.
- Кривенко, С. Н.** На распутьи. (Культурные сны и культурныя одиночки). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Лабрюйеръ, Жанъ.** Характеры или нравы этого вѣка (съ предисловіемъ Прево-Парадоля и Сентъ-Бѣва). Спб., 1890 г. Ц. 2 р.

- Леббокъ, Дж.** Красота природы и чуда мира. Пер. подъ ред. А. М. Павлова, съ 36 полит. Ц. 1 р. 50 к. М., 1893 г.
- Радости жизни. 2-е испр. и доп. изд. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.
- Какъ надо жить. Перев. съ англійскаго. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Леббокъ, С.** Идеалы жизни. П., 1895 г. Ц. 75 к.
- Магаффи, Дж.** История классическаго періода греческой литературы. Пер. А. Веселовской. Т. I (поэзіа). Ц. 3 р. М., 1882 г. Т. II (проза). Ц. 3 р. М., 1883 г.
- Милль, Джонъ-Стюартъ.** О подчиненіи женщины. П., 1896 г. Ц. 60 к.
- Михайловскій, Н. К.** Литература и жизнь. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.
- Критическіе опыты. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- О дѣлахъ житейскихъ М.,** 1886 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Овсяннико-Куликовскій.** Этюды о творчествѣ И. С. Тургенева. Харьковъ, 1896 г. Ц. 1 р.
- Острогорскій, Викторъ.** Бесѣды о препода. словеса. М., 1896 г. Ц. 80 к.
- Этюды русскихъ писателей. М., 1888 г. Ц. 75 к.
- Этюды о русскихъ писателяхъ. М., 1891 г. Ц. 50 к.
- Русскіе писатели. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Пелинье, Ж.** Французская литература XIX вѣка. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Литературное движеніе въ XIX столѣтіи. Сочиненіе, увѣнчанное французской академіей. М., 1895 г. Ц. 2 р.
- Петрушевскій, Д. М.** Общество и государство у Гомера. М., 1896 г. Ц. 20 к.
- Писаревъ, Д. И.** Пол. собр. соч., въ 6 т. Спб., 1894 г. Ц. 6 р.
- Потемни, А.** Изъ лекцій по теоріи словесности. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Принсъ, А.** Преступность и общество. М., 1896 г. Ц. 40 к.
- Пругавинъ, А. С.** Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія. Спб., 1896 г. Ц. 2 р.
- Рено, А.** Героизмъ. П., 1896 г. Ц. 1 р.
- Рубакинъ, Н. А.** Этюды о русской читающей публикѣ. Факты, цифры и наблюденія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Русская библиотека.** № 6. Южакъ, С. Любовь и счастье въ произведеніяхъ А. С. Пушкина. Ц. 20 к. № 7. Карѣвъ, И., проф. Что такое общее образованіе? Ц. 20 к.
- Сиповскій, В. Д.** Сократъ и его время. Историческій очеркъ. П. Короленко, В. Г. Тѣнн. (Фантазія). М., 1894 г. Ц. 85 коп.
- Скабичевскій А. М.** История новѣйшей русской литературы. 1848—1892 гг. 2-е изд. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.
- Очерки истории русской цензуры (1700—1863 г.). Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
- Сочиненія: критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературныя характеристики (въ 2-хъ томахъ). Спб. 1895 г. Ц. 3 р. Изданіе 2-ое.
- Соважо, Давидъ.** Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ и искусствѣ. Пер. А. Серебряковой. М., 1891 г. Ц. 2 р.
- Степовичъ, А.** Очерки изъ истории славянскихъ литературъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.
- Стороженко, Н. И., проф.** Поэзія мировой скорби. Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.
- Стрровъ, А. Н.** Критическіе статьи. Т. I, II, III, IV. Спб., 1892—1895 гг. Ц. за всѣ 4 т. 6 р.
- Тикноръ.** История испанской литературы. Пер. Н. И. Стороженко. Т. I. Ц. 3 р. М. 83 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1886 г. Т. III. Ц. 3 р. 50 к. М., 1891 г.
- Тѣнъ.** Критическіе опыты. Спб., 1869 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Ферре.** Фотографированіе безъ фотографіи. М., 1895 г. Ц. 75 к.
- Легкое и дешевое фотографированіе. М., 1895 г. Ц. 75 к.
- Фонъ-Хейденфельдъ.** Изъ женской жизни по поводу Крейцеровой сонаты. Пер. съ нѣм. М., 1895 г. Ц. 40 к.
- Хиггинсонъ, Т.** Здравый смыслъ и женскій вопросъ. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.
- Частный починъ въ дѣлѣ народнаго образованія.** М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Чешихинъ, Всев. Жуковскій,** какъ переводч. Шиллера. Ц. 60 к.
- Стихи. Ц. 1 р.
- Шелгуновъ, Н. В.** Сочиненія въ 2-хъ томахъ. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Цѣна за оба тома 3 р.
- Очерки русской жизни. Спб., 1896 г. Ц. 2 р.
- Швейеръ-Леркенфельдъ, А. Ф.** Женщина. Ея жизнь, нравы и обществен. положеніе у всѣхъ народовъ земного шара. Переводъ съ нѣмец. Спб., 1892 г. Ц. въ роскош. переп. съ 200 рисунк. 3 р. 75 к.
- Шерръ, Юганнъ** Всеобщая история литературы. Пер. подъ ред. П. И. Вейнберга. Изд. Вайкова. Принимается подписка. Ц. 6 р. безъ дост., съ перес. и дост. 8 р. Вышли 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13 и 14 вып.
- Шиллеръ и его время. М., 1875 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Юрьевъ, Мих.** Спорные вопросы западно-европейской исторической науки. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

IV.

Исторія, археологія, біографія,
жешуары.

- Алексѣевъ, А. А.** Воспоминанія актера. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Безобразовъ, П. В.** Историческія статьи (вып. I). М., 1893 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Белохъ, Ю.** Исторія Греціи. Т. I. М., 1896 г. Ц. 2 р.
- Блокъ, Морисъ.** Матери великихъ людей. Пер. съ франц. Н. М. Дементьевой, М., 1893 г. Ц. 60 к.
- Бокль, Г.** Исторія цивилизаціи въ Англіи. Переводъ Буйницкаго (въ 2-хъ томахъ). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Исторія цивилизаціи въ Англіи въ популярномъ изложеніи Ноговича. Седьмое изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Брайсъ, Джемсъ.** Американская республика. Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 3 р. 50 к. М. 89; часть II. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.; часть III. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.
- Брикнеръ, Потемкинъ.** Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Буассе, Гастонъ.** Римская религія отъ Августа до Антониновъ. Перев. М. Корсака. Ц. 5 р. М., 1878 г.
- Цицеронъ и его друзья. Пер. М. Корсака. Ц. 2 р. М., 1880 г.
- Паденіе явнчества. Пер. подъ ред. и съ предисл. М. С. Корелина. Ц. 4 р. М., 1892 г.
- Буаольтъ, Георгъ.** Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей. Харьк., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Бэръ, Адольфъ.** Исторія всемірной торговли. Пер. Э. Циммермана. М., 1876 г., 8 части, цѣна 7 руб. 50 к.
- Введенскій, Алексѣй.** Западная дѣятельность и русскіе идеалы. (Письма изъ-за границы). Съ приложеніемъ характеристики: „Папа Левъ XIII по отзывамъ современниковъ“. Серг. Посадъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- П. Е. Астафьевъ, его философскіе и публицистическіе взгляды. Серг. Посадъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- Вегаде, Францъ.** Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія. Пер. А. Веселовскаго. Ц. 8 р. М., 1881 г.
- Вейсъ, Германъ.** Вѣдѣній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ (съ 1945-ю рис. въ текстѣ). Пер. В. Чаева и И. Васильева. Т. I, часть 1-я. Москва, 1873 г.; часть 2-я, Москва, 1874 г. Т. II, ч. 2-я. Москва, 1876 г. Т. III, ч. 1-я и ч. 2-я. Москва, 1879 г. По 4 руб. за каждую часть.
- Верещагинъ, В. В.** Автобіографія вѣсколькихъ незнакомыхъ русскихъ людей. Изд. 2-е. М., 1896 г. Ц. 1 р.

- Наполеонъ I въ Россіи. Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Водовозовъ, В. И.** Очерки изъ русскіи исторіи XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.
- Разказы изъ русской исторіи Вып. I. Ц. 40 к. Вып. II. Ц. 60 к.
- Гаймъ, Р. Гердъ,** его жизнь и сочиненія. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. Т. I. к. 5 р. и Т. II. ц. 5 р. М., 1888 г.
- Романтическая школа въ Германіи. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М., 1891 г.
- Греуаръ, Л.** Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Пер. подъ редакціей Лучицкаго. Т. I. Ц. 4 р. М., 1893 г. Т. II. Ц. 4 р. М., 1894 г. Т. III. М., 1896 г. Ц. 4 р.
- Гервъ нуосъ.** Автобіографія (съ 4 портретами) М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Германъ, Ф. Л., д-ръ.** Какъ глѣчились московскіе цари. Медицинско-историческій очеркъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 45 к.
- Суевѣрїе въ медицинѣ. Харьковъ, 1895 г. Ц. 50 к.
- Гиббинсъ, Г.** Англійскіе реформаторы. М., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Гиббонъ, Эдуардъ.** Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи (съ портретомъ автора). Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть II. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть III. Ц. 4 р. М. 84 г.; часть IV. Ц. 3 р. 50 к. М. 84 г.; часть V. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VI. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VII. Ц. 3 р. 50 к. М. 86 г.
- Гизо.** Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Пер. М. Корсака. Ц. 4 р. М., 1881 г.
- Глинскій, В.** Біографическій очеркъ о Николаѣ Мих. Ядринцевѣ. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Головачева-Панаева.** Русскіе писатели и артисты 1824—1870 гг. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Головачевъ.** Десять лѣтъ реформъ. Спб., 1872 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Григоровичъ, И. И.** Очерки новѣйшей исторіи (6-е изданіе). Спб., 1892 года. Ц. 2 р.
- Исторія желѣзно-дорожнаго дѣла. Спб., 1881 г. Ц. 1 р.
- Гринъ, Джонъ.** Исторія англійскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I. Ц. 3 р. М., 91 г. Т. II. Ц. 2 р. 50 к. М., 92 г. Т. III. Ц. 2 р. 50 к. М., 92 г. Т. IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 1892 г.
- Грэхэмъ, Ж. Ж. Руо.** Его жизнь, произведенія и окружающая среда. М. 1890 г. Ц. 1 р.
- Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи. М., 1867 г. Ц. 2 р.
- Станиславъ Зноескій и Ляв Гусъ. М., 1871 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Блаженный Меоодіи, первоучитель славянскій. Рѣчь, произнесенная въ универ. на праздествѣ тысячелѣтїа для кончавъ блажен. Меоодіа. М., 1894 г. Ц. 40 г

- Дройзентъ, И. Г.** Исторія эллинизма. Пер. М. Шелгунова. Т. I, к. 3 р. 50 коп. М., 1891 г.; т. II, к. 3 руб. М., 1893 г.; т. III, перев. Э. Циммермана. Ц. 4 р. 50 к. М., 1893 г.
- Забѣлинъ, И.** Кунцево и древній Сѣвѣрскій ставъ. М., 1873 г. Ц. 2 р.
- Иванюковъ, И.** Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Спб., 1882 г. Ц. 3 руб.
- Карѣевъ, Н., проф.** Роль идей, учрежденій и личности въ исторіи. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Историко-философскіе и социологическіе этюды. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Кобеко, Цесаревичъ Павелъ Петровичъ.** Изд. 3-е. Спб., 1887 г. Ц. 3 р.
- Корелинъ, М. С.** Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Вып. 1 и 2. М., 1892 г. Ц. за оба вып. 6 р.
- Паденіе античнаго міросозернанія. (Культурный кризисъ въ Римской имперіи). Лекціи, читанныя въ Московскомъ политехническомъ музеѣ въ 1891—1892 год. Спб., 1895 г. Ц. 75 к.
- Колѣ, Л.** Дѣтство и юность великихъ людей. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Куно - Фишеръ, Лессингъ,** какъ преобразователь нѣмецкой литературы. Пер. И. П. Равсадина. Ц. 1 руб. 25 к. М., 1882 г.
- Курбскій, А. С.** Русскій рабочий у сѣверо-американскаго плантатора. Спб., 1875 г. Ц. 2 р.
- Курціусъ, Эрнстъ.** Т. II, пер. А. Веселовскаго. Ц. 5 р. М., 1883 г. Т. III, пер. М. Корсака. Ц. 4 р. М., 1880 г.
- Лависъ, Рамбо.** Всеобщая исторія. М., 1896 г. Ц. 2 р.
- Лависъ, Э.** Общій очеркъ политической исторіи Европы. М., 1891 г. Ц. 50 к.
- Лампрехтъ, Карлъ.** Исторія германскаго народа. Переводъ П. Николаева. Т. I (части I и 2). Ц. 4 р. М., 1894 г.
- Ле-Вонъ, Густавъ.** Эволюція цивилизацій. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
- Ленотръ, Ж.** Революціонный Парижъ. М., 96 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ливій, Титъ.** Исторія Рима отъ основанія города. Книги I и II. Кіевъ, 1892 г. Цѣна по 75 к.
- Римская исторія Кн. XXI, XXII. Изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Цѣна 60 к.
- Липпертъ, Ю.** Исторія культуры. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Лучицкій, И., проф.** Проповѣдникъ религіозной терпимости въ XVI вѣкѣ. М., 1895 г. Ц. 30 к.
- Масперо, Ж.** Древняя исторія народовъ Востока. Москва, 1896 г. Ц. 3 р.
- Материалы для біографіи Добролюбова,** собран. въ 1861—1862 гг. Т. I. Ц. 2 р. М., 1890 г.
- Мауреръ, Людвигъ.** Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти. Пер. В. Корна. Ц. 2 руб. 75 к. М., 1880 г.
- Милль, Джонъ-Стюартъ.** Автобіографія. М., 1896 г. Ц. 75 к.
- Миллюковъ, П. Н.** Государственное хозяйство въ Россіи и реформа Петра Великаго. Спб., 1892 г. Ц. 8 р. 50 к.
- Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Михневичъ, В.** Русская женщина XVIII стол. К., 96 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Момсенъ, Э.** Римская исторія. Перев. Невѣдомскаго. Т. I, к. 6 р. М., 1887 г. Т. II и III, к. 7 р. М., 1887 г. Т. V, к. 3 р. 50 к. М., 1885 г.
- Морлей, Джонъ-Вольтеръ.** Пер. съ 4-го англ. изд. М., 1889 г. Ц. 2 р.
- Руссо. Перев. съ англ. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1881 г.
- Дидро и энциклопедисты. Пер. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1882 г.
- Мотлей, Д. Л.** Исторія Нидерландской революціи. 3 т. Спб., 1865 г. Ц. 7 р. 50 к.
- Николаевъ, П.** Активный прогрессъ и эконоическій матеріализмъ. Социологическіе этюды. Ц. 1 р. 50 коп. М., 1892 г.
- Новѣйшая исторія Англіи 1865—1895 гг.** Краткій очеркъ событій. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Новѣйшая исторія Германіи 1866—1895 гг.** Краткій очеркъ событій. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Ольденбергъ, Германъ.** Будда, его жизнь, ученіе и община. Перев. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1891 г.
- Острогорскій, Викторъ.** Этюды о русскихъ писателяхъ. IV. Художники русской писни А. В. Кольцовъ. Москва, 1898 г. Ц. 50 к.
- Острогорскій и Семеновъ.** Русскіе педагогическіе дѣятели. М., 1887 г. Ц. 75 к.
- Павленковъ, Ф.** „Жизнь замѣчательныхъ людей“ (Біографическая бібліотека). Ц. кажд. вып. 25 к.
- Паркъ, Генрихъ.** 50 лѣтъ общественной дѣятельности въ Австраліи, въ 2 ч., съ 2 портр. автора, пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 3 р. М., 1894 г.
- Петерсонъ, О.** Семейство Бронте (Керреръ, Элизъ и Актонъ Белль). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. Въ пользу общ. вспоможенія кончив. высшіе женск. курсы.
- Петровъ, А. Н.** Русская военная слава. Т. I и II. Изд. 2-е. М. 1892 г. Ц. за оба тома 6 р.
- Петрова, проф., съ продолженіемъ проф. Надлеръ.** Лекціи по всемірной исторіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.
- Пешель, Оскаръ.** Исторія эпохи открытій. Пер. Э. Циммермана. Ц. 3 р. М., 1886 г.

- Пло, О.** Жизнь римскихъ императрицъ. П., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Политическѣ Европейскіе монархи.** Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Реклю, Э.** Современные политическіе дѣятели. Спб., 1876 г. Ц. 2 р.
- Ренавъ, Эрнестъ.** Разореніе Іерусалима. М., 1886 г. Ц. 50 к
- Историческіе и религіозные этюды. Изд. 3. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Рохау, А. Л.** Исторія Франціи. Ч. I и II. Спб., 1866 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Сабатье, П.** Жизнь Франциска Ассизскаго. Переводъ съ французскаго. М., 1895 г. Ц. 90 к.
- Слевскій, А.** Бунтъ военныхъ поселенъ въ холеру 1881 г. Новг., 1894 г. Ц. 1 р.
- Смирнова, А. П.** Изъ жизни нашихъ предковъ. Спб., 95 г. Ц. 1 руб. 50 к.
- Снегиревъ, Л.** Маркизъ де-Нэвъ. Серг. Посадъ. Ц. 60 к.
- Соловьевъ, С.** Исторія Россіи съ древѣйшихъ временъ. 29 томовъ въ 6 книгахъ. Спб., 1895 г. Ц. 24 р.
- Стопловская, Анна.** Очеркъ исторіи культуры китайскаго народа. Ц. 3 р. М., 1891 г.
- Трачевскій.** Древняя исторія. Изд. 2-е. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
- Новая исторія. Спб., 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Русская исторія, 2-е испр. изд., съ 96 рисунками, 6 картами, 6 планами и 3 раскрашенными картинами. Въ 2 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 8 р. въ переплетѣ 9 р. 60 к.
- Ученыя записки Императорскаго Московскаго университета. Отдѣлъ историко-филологическій.** Вып. XII. М., 1891 г. Ц. 2 р.
- Файфъ, Ч. А.** Исторія Европы 19 в. Т. III, пер. подъ ред. Лучицкаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1890 г.
- Финлей, Георгъ.** Греція подъ римскимъ владѣтельствомъ. Пер. Софьи Никитенко. Ц. 4 р. М., 1877 г.
- Фиске, Джонъ.** Открытіе Америки, съ краткимъ очеркомъ древней Америки и испанскаго завоеванія. Пер. Николаева. Т. I. Ц. 2 р. М., 1892 г. Т. II. Ц. 2 р. М., 1893 г.
- Фойгтъ, Георгъ.** Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманнзма. Переводъ И. П. Расадина. Т. I. Ц. 3 р. 50 к. М., 1884 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1885 г.
- Фриманъ, Эдуардъ.** Методы изученія исторіи. Пер. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1893 г.
- Фюстель-де-Куланжъ.** Древняя гражданская община. Исслѣдованіе о культѣ, правѣ, учрежденіяхъ Греціи и Рима. М., 1895 г. Ц. 2 р.
- Чешихинъ, Евграфъ Вас.** Краткая исторія прибалтійскаго края. Изд. 2-е. Рига, 1894 г. Ц. 35 к.
- Шенрокъ, В. И.** Матеріалы для біографіи Гоголя. М., 1895 г. т. I п. 2 р., т. II п. 2 р., т. III п. 3.
- Шлоссеръ, Ф. К.** Исторія XVIII столѣтія и XIX-го до паденія Французской имперіи. 8 т. Спб., 1868 г. Ц. 10 р.
- Штейнъ, Вл. Графъ.** Джакомо Леопарди и его теорія infelicità. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Штоллъ, Г. В.** Великіе греческіе писатели. Спб. 1880 г. Ц. 2 р.
- Мнемъ классической древности. М., 1880 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ. Спб., 1879 г. Ц. 2 р.
- Великіе римскіе писатели. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
- Герои Рима въ войнѣ и мирѣ. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Юлій Цезарь.** Записки о междоусобной войнѣ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 75 к.
- Юрьевъ, Мих.** Мои письма (4 дек. 1893 г. — 15 мая 1894 г.). М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Карлъ Пятый и его время. Этюдъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Hausser.** Исторія реформациі. М., 1882 г. Ц. 5 р.
- Herodoti historiarum.** Книга первая. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.
- Книги 4, и 9. Ц. по 50 к.
- Книги 5, 6, 7 и 8. Ц. по 60 к.

V.

Юридическія книги, политическая экономія, финансы и статистика.

- Безобразовъ, П. В.** Сборникъ государственныхъ знаній, 8 томовъ. Спб., 1880 г. Ц. 24 р.
- Библіотека экономистовъ:**
1) Адамъ Смитъ. 2) Рикардо. 3) Мальтусъ. 4) Милль. 5) Юнгъ и Бенгаль. 6) Кена. 7) Ж. Б. Сэ и Бастиа. Цѣна каждая вып. 1 р.
- Блекловъ.** За фактами и цифрами. М., 1894 г. Ц.
- Блиновъ, Н.** Сельская общественная служба. М., 1894 г. Ц. 50 к.
- Земская служба. М., 1887 г. Ц. 50 к.
- В. В. Артель** въ кустарномъ промислѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Очерки теоретической экономіи. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Наши направленія. Спб., 1893 года. Ц. 1 р. 50 к.
- Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Спб., 1892 г. Цѣна 1 р. 35 к.
- Артелиныя начинанія русскаго общества. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Вердловскій, Г.** Вопросы русскаго

- гражданскаго права и процесса. Ц. 2 р. 50 к.
- Водозововы, М. и Н.** Изданія: Промышленность. Статья изъ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“. Ц. 1 р. 50 к.
- Землевлдніе и сельское хозяйство. Статьи изъ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“. Ц. 1 р. 50 к.
- Освобоженіе крестьянъ на Западѣ и исторія повемельныхъ отношеній въ Германіи. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Ц. 1 р. 50 к.
- Народонаселеніе и ученіе о народонаселеніи. Статьи изъ Handwört. der Staatswissenschaft. Ц. 1 р. 50 к.
- Гарейсъ, Карлъ.** Германское торговое право. Краткій учебникъ дѣйствующаго въ Германіи торговаго, вѣсельнаго и морскаго права. Съ четвертаго, нѣмецкаго изданія 1892 г., перев. Н. И. Ршондковскій, подъ редакціей проф. Московскаго университета Н. О. Нересова. Вып. 1. М., 1893 г. Ц. 2 р. Вып. 2. Торгова сдѣлка. Ред. прив.-доц. Моск. университета Гусакова. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Герценштейнъ, М.** Кредитъ для земствъ и городовъ. Москва, 1892 г. Ц. 75 к.
- Гиббинсъ, Г.** Промышленная исторія Англіи. Культурно-историческая бібліотека № 1. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Гнейстъ, Рудольфъ.** Исторія государства, учрежд. въ Англіи. Перев. подъ редак. С. А. Венгерова. Ц. 4 р. 50 к. М., 1885 г.
- Головачевъ.** Вопросы государственнаго хозяйства. Спб., 1873 г. Ц. 1 р.
- Гольцевъ, В.** Законодательство и нравы. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Гольцендорфъ, Ф., проф.** Общественное мнѣніе. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Гриммъ, Д.** Очерки по ученію объ обогащеніи. Спб., 1893 г.
- Гроссъ, Г.** Экономическая система Карла Маркса. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
- Гумпловичъ, Л.** Соціологія и политика. Ц. 50 к.
- Гурвичъ.** Экономическое положеніе русской деревни. М., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Гуревичъ.** Родители и дѣти. Спб. Ц. 1 р.
- Гурляндъ.** Римскій юристъ Гай и его сочиненія. Ярославль, 1894 г.
- Дерюжинскій, В. Ф.** Naves Cognis Actъ и его постановка по англійскому праву. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Джабадари, И. С.** Смертная казнь въ связи съ правомъ наказанія. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Добкевичъ, В.** Конспектъ по уголовному процессу. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Дрейфусъ, Ф.** Міровая и социальная эволюція. М., 96 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Законы о векселяхъ и упрощенный поря-**
- докъ** судопроизводства. (Изданіе неоф. фид.). М., 1894 г. Ц. 30 коп.
- Зиберъ, Н. И.** Очерки первобытно-экономической культуры. Ц. 4 р. 50 к. М., 1888 г.
- Иванюковъ, И. И.** Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Политическая экономія. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 3 р.
- Игерингъ, Рудольфъ.** Борьба за право. Пер. Волкова. М., 1874 г. Ц. 75 к.
- Іерингъ.** Борьба за право. Спб., 1895 г. Цѣна 25 к.
- Юдль, Ф.** Этика и политическая экономія. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
- Камаровскій, Л., проф.** Война или миръ? Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.
- Кампфмейеръ, П.** Изъ нѣмецкой деревни. Перев. съ нѣмец. М., 1896 г. Ц. 15 к.
- Канторовичъ, Я.** Литературная собственность. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Средневѣковые процессы о вѣдьмахъ. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.
- Кистяковский, А. Э.** Элементарный учебникъ общаго уголовного права. 3-е изданіе. Кіевъ, 1891 г. Ц. 4 р.
- Ковалевскій, М.** Очеркъ происхождения семьи и собственности. Лекція, читанная въ Стокгольмскомъ университетѣ. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
- Происхожденіе современной демократіи. Въ 2-хъ томахъ. М., 1895 г. Цѣна каждаго тома 2 р. 50 коп.
- Происхожденіе современной демократіи. Т. III. М., 1896 г. Ц. 2 р.
- Происхожденіе современной демократіи. Т. IV. Ц. 2 р.
- ***Колеръ.** Право какъ элементъ культуры. М., 1896 г. Ц. 20 к.
- Кольберинъ, Н.** Русское гражданское право. К., 96 г. Ц. 1 р.
- Крушеванъ, П.** Дѣло Арбатанова. М., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Листъ, Ф.** Наказаніе и его цѣль. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
- Магаймъ,** Профессіональные рабочіе союзы. Ц. 1 р. 25 к.
- Марковетъ, А.** Дворецъ юстиціи въ Парижѣ. М., 96 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Марксъ, К.** Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи. М., 1896 г., Ц. 1 р. 35 к.
- Молло, М.** Правила адвокатской профессіи во Франціи. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Морилло, А., и Дебенъ, Г.** Судебные ораторы въ древнемъ мірѣ. Переводъ съ французск. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Новгородцевъ, П.** Историческая школа юристовъ, ея происхожденіе и судьба. М., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Оровичъ, Я.** Женщина въ правѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.

- Птицынъ, Владиміръ.** Древніе адвокаты и наши присяжные цистероны. Спб., 1894 г. Ц. 50 к.
- Адвокатъ за адвокатуру. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
- Пересмотръ нашихъ судебныхъ законовъ. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Симсонъ, Э.** О невидатѣ собственныхъ подданнхъ. Спб., 1892 г. Ц. 4 р.
- Словарь юридической терминологіи къ источникамъ римскаго права.** Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
- Снегиревъ.** Судебныя драмы. А. Бартеповъ. Убийство Висновокой. Г. Шамблякъ. Убийство Гривъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Жизнь и смерть Сократа. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Сорокинъ, В.** О волостномъ и сельскомъ управленіи. М., 1887 г. Ц. 50 к.
- Суворовъ, Н., проф.** Гражданскій бракъ. Спб., 1896 г. Ц. 80 к.
- Уставъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ съ разъясненіемъ вопросовъ, возникшихъ на практикѣ при его примѣненіи.** Изд. 4-е. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Фаусеттъ.** Популярная политическая экономія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Ферри, Энрико.** Преступленія и преступники въ наукѣ и жизни. Одесса, 1890 г. Ц. 40 к.
- Филипповъ, Ал.** Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Фортуановъ, А.** Сельско-хозяйственная статистика Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Чижевъ, В., проф.** Криминальная антропология. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Чичеринъ, В. Н.** Курсъ государственной науки. Ч. I. Общее государственное право. Москва, 1894 г. Ц. 3 р.
- Ч. II. Соціология. М., 1896 г. Ц. 3 р.
- Собственность и государство. Т. I. М., 1882 г. Ц. 4 р. Т. II. М., 1883 г. Ц. 4 р.
- Очерки Англіи и Франціи. Москва, 1858 г. Ц. 1 р.
- Исторія политическихъ ученій. Чч. 2, 3 и 4. Ц. каждой части 3 р.
- Шенлянкъ, Бруно.** Промысловые синдикаты. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Шимко.** Патріаршіи казенный приказъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Шульцъ, Фридрихъ.** Учебникъ исторіи римскаго права. Въ 2-хъ вып. М., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Экштейнъ, І., проф.** Честь въ философіи и въ правѣ. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Элерсъ, Отто.** Популярная политическая экономія. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
- Янжуль, И. И., проф.** Вопросъ о государственномъ вѣнзательствѣ въ области промышленности. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.
- Hermann de Baets.** Искусство говорить на судѣ. Перев. съ франц. М., 1896 г. Ц. 50 к.

VI.

Географія, Этнографія, Путешествія.

- Абровъ, Н.** Отъ Марселя до Одессы черезъ Аенны и Константинополь. М., 1893 г. Ц. 1 р.
- Азбелевъ, И. П.** Японія и Korea. Замѣтки изъ кругосвѣтнаго плаванія. Съ 15-ю рис. М., 1895 г. Ц. 75 к.
- Альбомъ.** Русскіе народы, съ текотоми. 3 в. М. Ц. по 60 к.
- Альбомъ.** Русскіетипы, М. ф. ц. 50 к.; сред. ф. ц. 60 к.; больш. ф. ц. 75 к.
- Богаевскій, П.** Мултанское „моленіе“ вотяковъ. М., 96 г. Ц. 40 к.
- Верещагинъ, В. В.** На Сѣверной Двинѣ. Изд. 2-е. Москва, 1896 г. Ц. 1 р.
- Водовозова, Е. Н.** Жизнь европейскіхъ народовъ. Ч. I. Жители юга (съ 26 рисунк.). Изд. 4-е. Ц. 3 р. 75 к., въ переплетъ 4 р. 55 к. Ч. II. Жители сѣвера. (съ 24 рис.). Изд. 3-е. Ц. та же. Ч. III. Жители средней Европы. Спб. — Какъ люди на блѣдомъ свѣтѣ живутъ. Англичане. Ц. 40 к.
- Турки. Спб., Ц. 40 к.
- Вилпатовскій, С. Я.** Очерки Сибири. М., 1893 г. Ц. 1 р.
- Какъ живутъ люди въ Швейцаріи. Изд. Моск. Ком. Грам. М., 1895 г. Ц. 6 к.
- Коропчевскій, Д. А.** Люди. Этнографическіе очерки. Съ картой Африки. М., 1886 г. Ц. 65 к.
- Лавелъ, Эмиль.** Балканскій полуостровъ. Пер. Н. Е. Васильева. Ц. 6 р. М., 1889 г.
- Летуново, Ш.** Соціология основанная на этнографіи. Пер. съ послѣдняго французскаго изд. Вып. I. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
- Лялина, М.** Путешествія М. Н. Пржевальскаго. Спб., 91 г. Ц. 2 р.
- Мекензи, Уоллѣсъ.** Россія. Т. I и II. Спб., 1880. Ц. 5 р.
- Мостовскій М.** Этнографическіе очерки Россіи. М., 1874 г. Ц. 1 р.
- Пекаторсъ, Г. М.** Человѣческія расы. Народы Африки № 1. Серія II. Одесса, 1895 г. Ц. 25 к.
- Плутархъ.** Александръ Великій. М., 1893 г. Ц. 30 к.
- Юлій Цезарь. М., 1890 г. Ц. 25 к.
- Жизнь и дѣла знаменитыхъ людей древности. Въ 4-хъ т. М., 1893 г. Ц. за всѣ тома 3 р. 50 коп.
- Покорни, д-ръ.** Общее землевѣдѣніе. Ч. 3-я (послѣдняя). М., 1891 г. Ц. 2 р.
- Путешествія В. В. Юнкера** по Африкѣ. Изложены Петри, съ 114 рисунками. Спб., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Радда-Бай (В. П. Блаватская)** Изъ пещеръ и дѣбрей Индіи. Загадоч-

- ния племена на „Голубыхъ горахъ“.
Слб., 18 3 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Реклю, Э.** Земля. Въ VI выпускахъ.
Вып. I—к. 90 к. Вып. II—д. 1 р. 30 к.
Вып. III—д. 1 р. 10 к. Вып. IV—д.
1 р. 10 к. Вып. V—д. 1 р. Вып. VI—
к. 1 р. 30 к.
- Свифтъ, Джонатанъ.** Путешествія
Лемьюэла Гулливера. Ч. I и II. М., 1889 г.
Ц. за обѣ части 4 р. 40 к.
- Смайльсъ, Самуэль.** Путешествіе
мальчика вокругъ свѣта. Слб., 1893 г.
Ц. 1 р. 25 к.
- Смирновъ, В.** О внутренности земли.
М., 1895 г. Ц. 80 к.
- Соколовъ, В. Д.** Промлое и настоящее
земли. М., 1890 г. Ц. 50 к.
— Москва-Самаркандъ. (Путевныя впечатлѣнія). М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Стенинъ, П. А.** Востокъ. Историко-
географическое и этнографическое обзоріе
леватскаго міра. Слб., 1892 г.
Ц. въ перепл. 6 р.
- Страбонъ.** Географія (въ 17 кн. въ
I томѣ). Пер. съ греч. Э. Г. Мищенко.
Ц. 10 р. М., 1874 г.
- Стэнли, Г.** Калъ я отыскалъ Ливинг-
стона. Слб., 1874 г. Ц. 3 р.
- Фриманъ, Эдуардъ.** Историческая
географія Европы. Пер. подъ редакц. проф.
И. К. Лучинскаго. Т. I. (текстъ).
Т. II (карты). Цѣна 6 р. за оба тома.
М., 1892 г.
- Шрейдеръ, Д.** Японія и японцы.
Слб., 95 г. Ц. 4 р.

VII.

Естествознаніе.

- Аксеновъ, С.** Краткій курсъ химиче-
скаго анализа. Харьковъ, 1896 г. Ц. 80 к.
- Альмедингенъ.** Химія. Слб., 1885
г. Ц. 2 р.
— Домашній опредѣлитель поддѣлокъ пи-
тательныхъ и др. веществъ. Слб., 1891
г. Ц. 60 к.
— На всякій случай. Научно-популярные
советы. 2 ч. Слб., 1892 г. Ц. 50 к.
- Арендтсъ и Врандтъ.** Атласъ
естественной исторія. Слб., 1894 г.
Ц. 1 р. 50 к.
- Богдановъ, М.** Рассказы о птицахъ.
М., 1895 г. Ц. 75 к.
- Бриксъ.** Гидравлика. Слб., 1892 г. Ц. 2 р.
- Вальтеръ, проф.** Море и его жизнь.
Переводъ съ нѣм. подъ ред. проф. А. Н.
Краснова. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Ванъ-Тигемъ.** Общая ботаника (мор-
фологія, анатомія и физиологія растений).
Подъ редакцію, съ примѣчаніями и до-
полненіями Ростовцева, съ предис. Ти-
марьева. М., 1895 г. Ц. 8 р. 75 к.
- Вармингъ, д-ръ.** Систематика рас-
тений. М., 1893 г. Ц. 5 р.

- Васневскій, Г.** Гипнотизмъ у жи-
вотныхъ. Х., 1886 г. Ц. 35 к.
- Гаварре, Ж.** Теорія Гаусса, применен-
ная къ сферическимъ зеркаламъ и стек-
ламъ. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гано, А.** Полный курсъ физики (въ 2 ч.).
Слб., 1892 г. Ц. 4 р.
— Магнетизмъ и электричество. Слб.
1885 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гартвигъ.** Воздухъ и его жизнь. М.,
1875 г. 2 р. 50 к.
- Гертвигъ, Оскаръ.** Кѣтка и тка-
ни. Основы общей анатоміи и физиоло-
гіи. Слб., 1894 г. Ц. 3 р.
- Горстманъ, А.** О теоріи растворовъ.
Слб. 1893 г. Ц. 40 к.
- Гримо, Э.** Элементарный курсъ орга-
нической химіи. Харьковъ, 1894 г.
Ц. 2 р.
- Гротъ, П.** Физическая кристалло-
графія. Ч. I. Ц., 1896 г.
- Губеръ.** Механика. Изд. 2-е. Слб.
- Густавсонъ.** Двадцать лекцій агроно-
мической химіи. Курсъ читанный въ Пе-
тровской земледѣльческой академіи. Вто-
рое изд. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Грузинцевъ, А. П.** Электромагнит-
ная теорія свѣта. Харьковъ, 1893 г.
Ц. 2 р. 25 к.
- Данилевскій, Александръ.** Ос-
новное вѣщество протоплазмы и его ви-
домѣненія жизни. Слб., 1894 г.
Ц. 60 к.
- Десо, Эмиль.** Чудесное въ наукѣ.
(Популярная физика). М., 1892 г. Ц.
1 р. 50 к.
- Декандолль, Альфонсъ.** Мѣсто-
происхожденіе воздѣлываемыхъ расте-
ній. Слб., 1885 г. Ц. 3 р. 60 к.
- Евневичъ.** Гидравлика. Изд. 2-е. Слб.,
за два тома 6 р.
- Жиро, П., проф.** Общество у жи-
вотныхъ. Перев. В. Склифосовскаго.
Москва, 1896 г. Ц. 1 р.
- Кадія.** Электричество. Изд. 3-е. Слб.,
1894 г. Ц. 5 р.
- Канониковъ.** Руководство къ хими-
ческому исследованію питательныхъ и
вкусовыхъ веществъ. Слб., 1891 г. Ц. 3 р.
- Кольбе, В.** Введеніе въ ученіе объ
электричествѣ. П., 1896 г. Ц. 1 р. 40 к.
— Введеніе къ ученію объ электричествѣ
Слб., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Лидовъ, А. П., проф.** Руководство
къ химическому исследованію жировъ и
восковъ. Харьковъ, 1894 г. Ц. 3 р.
- Лотце, Германъ.** Микрокосмъ (мыс-
ли о естественной и бытовой исторіи
человѣка, опытъ антропологіи). Пер. Е.
Корша. Часть I. Ц. 2 р. М., 64 г. Часть
II. Ц. 2 р. М. 66 г. Часть III. Ц. 2 р.
50 к. М., 67 г.
- Льюисъ, Георгъ Генри.** На бе-
регу моря (зоологическіе этюды). М.
1876 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Любимовъ, Н. А.** Исторія финны.

- История Рима от основанія города. Ч. I. Періодъ греческой науки. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
- Маевскій, П.** Флора средней Россіи. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растеній. М., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к. Изд. 2-е исправлен. и дополнен.
- Майеръ, Викторъ.** Задачи химіи нашего времени. Спб., 1890 г. Ц. 50 к.
- Массе.** История кусочка хлѣба. Спб., 1877 г. Ц. 75 к.
- Мейеръ.** Основанія теоретической химіи. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
- Мензбиръ, М.** Дарвинизмъ въ биологіи и близкихъ къ ней наукахъ. М., 1886 г. Ц. 75 к.
- Мессеръ.** Звѣздный атласъ. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 5 р.
- Ньюкомбъ, С., и Энгельманъ, Р.** Астрономія въ общепонятномъ изложеніи.
— Астрономія. П., 1896 г. Ц. 6 р.
- Педаевъ, Д.** Атмосферное электричество. Харьк., 1895 г. Ц. 60 к.
- Пергаментъ, О.** Краткій историческій очеркъ развитія ученія объ электричествѣ. Кіевъ, 1890 г. Ц. 60 к.
- Петуниковъ, А.** Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растеній. М., 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Покровский, К.** Путеводитель по небу. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Регель.** Содержаніе и воспитаніе растеній въ комнатахъ. Изд. 2-е. Спб., 1890 г. Ц. 5 р. 50 к.
— Однолѣтнія и двулѣтнія цвѣтущія растенія. Изд. 8-е. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Рентгенъ, В.** Новый родъ лучей. К., 99 г. Ц. 15 к.
- Старовскій, Л.** Жизнь и солнце. Х., 1892 г. Ц. 1 р.
- Тимирязевъ, К.** Земледѣліе и физиологія растеній. Ч. I. Борьба растенія съ засухой. М., 1893 г. Ц. 50 к. Ч. II. Происхожденіе азота растеній. М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Тиндаль, Джонъ.** Теплоота, разсматриваемая какъ родъ движенія. Изд. 2-е. М., 1888 г. Ц. 3 р. 75 к.
- Траутшольдъ, Г.** Основы геологіи. Ч. II. Палеонтологія. М., 1875 г. Ц. 2 р. 75 к.
— Часть III. Стратиграфія. М., 1877 г. Т. II (часть 3 и 4). Ц. 4 р. М., 1895 г. стр. 656; Т. III (часть 5). Ц. 3 р. М., 1896 г. стр. 545.
- Тумскій, К. И.** Алюминій и сплавы съ нимъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Усовъ, С. А.** Сочиненія. Томъ I. Статьи зоологическія. М. 1888 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Успенскій, П. П.** Содержаніе растеній въ комнатахъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. (изд. 8-е).

- Ферьеръ, Э.** Дарвинизмъ (общедоступное изложеніе теоріи Дарвина), изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
- Фламмаріонъ, К.** Общедоступная астрономія. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
- Фраасъ, Э.** Геологія. М., 1896 г. Ц. 25 к.
- Фредерикъ, Л., проф.** Практическія упражненія по физиологіи. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Фэйе.** Происхожденіе міра. Критика гипотезы Ламласа и собственная теорія автора. Съ добавленіемъ: космогоническія гипотезы К. Вольфа. Пер. со 2 доп. изд. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 85 к.
- Хвольсонъ, О.** Докторъ физики. Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ (2-е изд.). Спб., 1886 г.
- Хрущовъ, П.** Введеніе къ изученію теоріи химическихъ равновѣсій. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Циммерманъ, А.** Микроскопъ. П., 1896 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Чуевскій, И. А., д-ръ.** Конспектъ физиологіи человѣка. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Энгельгардтъ, А. Н.** Фосфориты и сидериты. Спб., 1891 г. Ц. 2 р.
- Эспинасъ, А.** Соціальная жизнь животныхъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.

VIII.

Медицина, Гигіена.

- Айволи, Э., д-ръ.** Гигіена возмужалости. Одесса., 1893 г. Ц. 40 к.
- Аммонъ, д-ръ.** Обязанности матери. Гигіена беременности. Уходъ за маленькимъ ребенкомъ. Золотая книжка. Переводъ съ 32 нѣмецкаго изданія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Верже, П.** Модная болѣзнь нашего времени слабые нервы. Спб., 1896 г. Ц. 40 к.
- Вергеръ, Поль.** Спутникъ малокровныхъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
- Веръ, Альфредъ.** Гигіена сифилиса. Общедоступное изложеніе, какъ предохранять и лечить себя отъ сифилиса. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.
- Воголюбовъ.** Новыя врачебныя средства. Москва, 1895 г. Ц. 75 к.
- Враунъ, М., проф.** Какъ заражается человѣкъ паразитами. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
- Врусиловскій, Е.** Одесскіе лиманы и ихъ лечебныя средства 1895 г. Одесса, Ц. 50 к., на велемелой бум. 60 к.
- Врюкке, Эрнестъ.** Красота и недостатки человѣческихъ формъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Вагнеръ.** Какъ приобретаются болѣзни желудка. Спб., 1893 г. Ц. 40 к.
- Везенковъ.** Военная гимнастика. М., 1890 г. Ц. 60 к.

- Вирховъ.** Опитательныхъ веществъхъ. Спб., 1891 Ц. 50 к.
- Габриловичъ, И.** Чихотка и основы ея леченія. Ц., 1896 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Гвоздевъ, И.** Первичный наружный судебно-медицинский осмотръ мертвого тела. П., 1896 г. Ц. 60 к.
- О врожденныхъ и приобретенныхъ свойствахъ дѣтей. Ц., 1896 г. Ц. 50 к.
- Гегаръ-Альфредъ.** Половое влеченіе. Одесса, 1895 г. Ц. 75 к.
- Гиршъ Вильямъ, д-ръ.** Геніальность и вырожденіе. Пер. со 2 нѣм. изд. Одесса, 1895 г. Ц. 1 р.
- Глинскій, А. Г.** Руководство къ частной патологіи и терапіи внутреннихъ болѣзней. Т. I. Выш. I. Инфекціонныя болѣзни. Съ двумя таблицами рис. Харьковъ, 1896 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Говсъева, А. А.** Симуляція душевныхъ болѣзней и патологическое притворство. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Гурфинкель, М.** Дѣтя и уходъ за ними. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Дегю, К.** Проказа въ прошломъ и настоящемъ и борьба съ нею. П., 1896 г. Ц. 50 к.
- Жукъ, В.** Женщины-матери. Спб. 1896 г. Ц. 60 к.
- Зеландъ, Н.** Здоровье и счастье. М., 1895 г. Ц. 2 р.
- Земмерфельдъ, Т., д-ръ.** Какъ предохранить себя и своихъ дѣтей отъ скарлатины, дифтерита, чихотки, тифа и др. заразныхъ болѣзней. Одес., 1896 г. Ц. 30 коп.
- Золотаревъ, Л.** Родительскія заботы о борьбѣ съ онанизмомъ у дѣтей. М., 1896 г. Ц. 30 к.
- Золя, Э.** Записки желудка. Перев. съ 10-го австрійскаго изданія. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.
- Зонтагъ.** Болѣзни желудка и кишечк. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
- Ирусь, П., д-ръ.** Гигіена современнаго общества. Одесса, 1891 г. Ц. 60 к.
- Каценеленбогенъ, Г.** Краткій курсъ патологическій анатоміи. К., 96 г. Ц. 1 р.
- Каццолино, Пр.** Гигіена уха. Киевъ, 1898 г. Ц. 15 к.
- Кенигсбергъ, М. М., д-ръ мед.** Главныя основы анатоміи, физиологіи и гигиены въ научно-популярныхъ бесѣдахъ. Съ предисловіемъ профессора Эрисмана и 38 рисунками въ текстѣ. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 2 р.
- Кенигъ, Ф., д-ръ.** Руководство къ частной хирургіи для врачей и учащихся. Въ 2 томахъ изд. 3-е. Спб., 1894 г. Ц. 10 р.
- Кингсфордъ, Анна, докт. мед.** Научныя основанія вегетаріанства. Пер. съ англ. М., 1893 г. Ц. 30 коп.
- Клари, X.** Техника патолого-анатомическихъ вскрытій. П., 1896 г. Ц. 1 р.
- Клемпереръ, д-ръ.** Основы клинической діагностики. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Кнейппъ, Севастьянъ.** Мое воделеченіе. Изд. 3-е. Киевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Книга здоровья.** Ц., 1896 г. Ц. 1 р.
- Корнетъ, Г.** Какъ уберечь себя отъ чихотки. Киевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
- Корнигъ, И. Г., д-ръ.** Нервный вѣкъ и нервное поколѣніе. Одесса, 1894 г. Ц. 40 к.
- Нервный вѣкъ и нервное поколѣніе. Одесса, 1894 г. Ц. 40 к.
- Гигіена дѣломудрія. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.
- Краткій курсъ кожныхъ и venerическихъ болѣзней.** Составленный примѣнительно къ программѣ испытательной медицинско-комиссіи. Киевъ, 1895 г. Ц. 1 р.
- Крафотъ-Эбингъ.** О здоровьи и болѣзняхъ нервахъ. М., 1885 г. Ц. 75 к.
- Судебная психопатологія (Черевель Ал. Черемшанскій). Спб., 1895 г. Ц. 5 р.
- Прогрессивный общій параличъ. Пер. д-ра Вольтера. Харьковъ, 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Кюнерь, д-ръ.** Гигіена любви. Одесса, 1896 г. Ц. 50 к.
- Лейненбергъ, Н.** Берегите дѣтей отъ вина, пива и водки! Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Лѣвенфельдъ, Л.** Половая неврастения. Одесса, 1892 г. Ц. 1 р.
- Лоранъ, Э.** Медицина души. П., 1896 г. Ц. 15 к.
- Неврастения. П., 1896 г. Ц. 15 к.
- Мейеръ, Аксель, д-ръ.** Гигіена бездѣтнаго брака. Одесса, 1891 г. Ц. 60 к.
- Мёбиусъ, д-ръ.** Гигіена дѣтъ и леченіе нервныхъ людей. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
- МДС.** Врачебное искусство и медицинская наука. Одесса, 1894 г. Ц. 25 к.
- Монтегацца, П.** Гигіена красоты. Одесса, 1890 г. Ц. 50 коп.
- Лидемърный вѣкъ. Одесса, 1889 г. Ц. 50 к.
- Нервный вѣкъ. Одесса, 1889 г. Ц. 50 к.
- Мороховецъ, Левъ, проф.** Им. Моск. ун-в. Физико-химическія основы биологическихъ и врачебныхъ методовъ изслѣдованія съ физиологической техникой для естествоиспытателей, врачей и студентовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Моссо, А.** Физическое воспитаніе иностранцевъ. Спб., 1896 г. Ц. 60 к.
- Лучи Рентгена. П., 1896 г. Ц. 40 к.
- Мункъ, I., д-ръ мед.** Руководство къ кормленію больныхъ, для врачей, студентовъ и завѣдующихъ больницами, приютами и пр. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Неверъ, Эмилиа.** Искусство быть красивой. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Нимейеръ, Павелъ, д-ръ.** Геморрой. Причины болѣзни, способы леченія и предупрежденія ея. Пер. В. Боровича. Казань, 1895 г. Ц. 50 к.

- Новое manuale pharmacenticum, наданное для частей д-ра Rosetti Dieterich'омъ. Перев. съ 6-го изд. подъ ред. д-ра Н. П. Иванова. Вып. I и II. Ц. по 1 р. 80 к. Сбл., 18 6 г.
- Нотнагель, Г. д-ръ.** Руководство къ фармакологіи, въ 2 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 4 р.
- Общая патологія инфекціонныхъ болѣзней.** К., 96 г. Ц. 30 к.
- Общедоступный лечебникъ домашнихъ животныхъ при участи Э. К. Брандта составленъ Я. Н. Шмулевичемъ (Изд. 2-е).** Спб., 1891 г. Ц. 3 р.
- Объ устройствъ водяныхъ closetовъ (16 рис. въ текстѣ).** М., 1894 г. Ц. 20 к.
- Орловъ, К. В., д-ръ мед.** Основы діагностики искусственныхъ и притворныхъ болѣзней у прививаемыхъ къ военной службѣ солдатъ. Изд. 2 исправл. и доп. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб.
- Освальдъ, Фридрихъ.** Лыгавая собака. Руководство къ уходу за лыгавою собакой. Ея воспитаніе, и дрессировка. Лечебникъ собакъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Павоне, К., д-ръ.** Гигіена нервныхъ страданій у дѣтей. Одесса, 1893 г. Ц. 50 коп.
- Паульсонъ.** Руководство для лицъ, ухаживающихъ за больными. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.
- Покровский, В. А.** Дѣтскія игры и гимнастика въ отношеніи воспитанія и здоровья. Ц. 20 к.
- Площадки для дѣтскихъ игръ и физическихъ упражненій. М., 1894 г. Ц. 20 к.
- Русскія дѣтскія подвижныя игры. М., 1892 г. Ц. 75 к.
- Первоначальное физическое воспитаніе дѣтей (Популярное руководство для матерей). М., 1895 г. Ц. 1 руб. 50 коп. (изд. 2-е).
- Прейеръ, В.** О сохраненіи здоровья и продленіи жизни. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
- Прессъ.** Защита жизни и здоровья рабочихъ. Вып. I и II. Спб., 1891 г. Ц. по 2 р.
- Федюгеръ, Э. Ф. В.** Объ искусствѣ продлить человѣческую жизнь. Одесса, 1890 г. Ц. 30 к.
- Рабовъ, С., проф.** Способы прописыванія лѣкарственныхъ веществъ, для врачей и студентовъ. Харьковъ, 1894 г. 1 р. 40 к.
- Ращевскій, И., д-ръ.** Замѣтки по фармакологіи для фельдшеровъ. 2-ое изд. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Рейтцъ, В.** Лекціи по патологіи и терапіи дѣтскаго возраста. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Рейхъ.** Оптическая гигиена глазъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.
- Рекламъ, Карлъ.** Ключъ къ здоровью. Популярная гигиена. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к.
- Рембольдтъ, д-ръ.** Школьная гигиена. Пер. съ нѣм. д-ра И. М. Рахманнинова. М., 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Рецептура.** Составлена для студентовъ-медиковъ. Кіевъ. Ц. 50 к.
- Свѣтухинъ, М. И.** Къ діагностикѣ болѣзней сердца. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р.
- Святловскій, В. В.** Фабричная гигиена (163 рис.). Спб., 1891 г. Ц. 4 р. — Вракъ. Совѣты и предостереженія врача. Одесса, 1894 г. Ц. 30 к.
- Сикорскій.** Занканіе. Спб., 1889 г. Ц. 3 р.
- Скворцовъ, Ир. П., проф.** Основные вопросы лечебной гигиены. Отдѣлъ первый. Лечение климатическое. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к. — Гигіена. Спб., 1881 г.
- Стокэмъ, Алиса В., д-ръ медицины.** Токсологія или наука о дѣтороженіи. Изд. 2-е, съ предисл. гр. Л. Н. Толстого. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Таренецкій, А., проф.** Каседра и музей нормальной анатоміи при императ. военно-медицинской (бывшей медико-хирургич. академіи) въ Петербургѣ, за сто лѣтъ. Истор. оч. Спб., 1895 г. Ц. 3 р.
- Токарскій, А. А.** Къ вопросу о вредномъ вліяніи гипнотизированій. Спб., 1889 г. Ц. 50 к. — Мерченіе и болѣзнь судорожныхъ и дергиваній. М., 1893 г. Ц. 1 р. — Терапевтическое примѣненіе гипнотизма. М., 1890 г. Ц. 60 к.
- Трояновскій.** Первая помощь у себя дома и на ногѣ битвы въ отсутствіи врача. Изданіе 2-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Тумскій, К. И.** Прогнвузаразные средства и дезинфекція. М., 1893 г. Ц. 50 к. — Тайный порошокъ. Выпускъ I и II. М., 1895 г. Ц. 20 к. и 15 коп.
- Федоровъ.** Зубы и ихъ сохраненіе. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.
- Фейгинъ, Ф., д-ръ мед.** Привычные запоры и геморрой, причинны ихъ развитія и средства къ исцѣленію. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Фурнье, А.** Лечение сифилиса. Пер. Говсѣва. Изд. 2-е. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Шильдбахъ.** Дѣтская гимнастика. Изд. 2-е. Спб., 1887 г. Ц. 75 к.
- Шмитцъ, Л., д-ръ.** Половая жизнь человека. Одесса, 1892 г. Ц. 50 к.
- Шредеръ, В., д-ръ.** Половая болѣзнь. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к. — Учебникъ акушерства. Изд. 5-е. Спб., 1896 г. Ц. 5 р.
- Штаркенбургъ.** Гора отъ любви. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.
- Эйдамъ,** Сохраненіе здоровья. (Общая гигиена въ примѣненіи къ обывательской жизни). Спб., 1891 г. Ц. 40 к.

- Эндлеръ, К.** Уходъ за больными въ семьѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
- Эсмархъ.** Первая помощь. Спб., 1890 г. Ц. 80 к.
- Юстусъ, В., д-ръ.** Бохъни водосъ и ихъ лѣченіе. Одесса, 1896 г. Ц. 30 к.
- Nagera, H., д-ръ.** Руководство къ фармацевтической и медико-химической практикѣ. съ 7 по 25 вып., съ алфавитнымъ указателемъ. Спб., 1895 г. Ц. 25 р.
- Heitzmann, C., D-r.** Анатомическій атласъ съ 625 рисунками на деревѣ рисунками. Переводъ съ 7-го нѣмецкаго изданія. За всѣ пять выпусковъ 3 р. Кіевъ, 1895 г.
- Jul Fagreidt.** Зубы и уходъ за ними. Популярная гигиена зубовъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
- Legrain, D-r.** Соціальное вырожденіе и алкоголизмъ. Тверь, 1896 г. Ц. 75 к.
- Lenhartz, H., проф.** Микроскопическія и химическія изслѣдованія у постели больного. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Mörkus, Paul, Dr.** Гигиена нервныхъ людей. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
- Paul Julius Moscius.** Общая діагностика нервныхъ болѣзней. Пер. съ нѣм. подъ ред. Минора. М., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Roux, D-r** и его сотрудники. Материалы для изученія дифтеріи. Бактеріологическія и клиническія изслѣдованія. М., 1895 г. Ц. 3 р. 25 к.
- Salomonsen, C., проф., и Черевковъ, д-ръ.** Руководство къ практической (технической) бактериологіи. Общая и специальная часть для врачей, ветеринаровъ и студентовъ. Съ 81 рис. въ текстѣ. Харьк., 1894 г. Ц. 3 р.
- Schamaus, Hans.** Основы патологической анатоміи. М., 1895 г. Ц. 6 р. (199 рис. въ текстѣ).
- Tedeschi, V.** Пича маленькихъ дѣтей. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- Tillaux, P.** Руководство къ топографической анатоміи въ примѣненіи къ хирургіи. Пер. съ 7 франц. изданія, под. ред. и съ примѣчаніями д-ра С. Таубера, проф. варшавскаго университета. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. Подписная дѣла за все сочиненіе (6 выпусковъ) 9 р.
- Weil-Mantou, d-r.** Руководство для врачей по страхованію жизни. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- въ Германіи и Россіи. М., 1896 г. Ц. 2 р.
- Анне, Ж. П.** Практическое руководство къ устройству электрич. освѣщенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Анурьевъ, Іоаннъ.** Столяръ-самоучка, опытъ, наставленія грамотныхъ поселенъ въ столярномъ ремеслѣ. Ц. 15 к.
- Какъ дѣлать простую мебель. Ц. 45 к.
- Домашній переплетчикъ. Ц. 10 к.
- Всомогательная книга при возведеніи каменныхъ и деревянныхъ зданій. Вологда, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Безъ, д-ръ.** Построеніе деревянныхъ лѣстницъ. 1890 г. Ц. 1 р.
- Беккерледжъ, О.** Простой микроскопъ и его изготовленіе. М., 1896 г. Ц. 40 к.
- Бендшуль, Альбертъ.** Къ вопросу о школьныхъ скамьяхъ. Пер. А. Федорова. Москва, 1893 г. Ц. 25 к.
- Бергергофъ, Г.** Руководство для драпировщиковъ, обойщиковъ и декораторовъ. М., 1891 г. Ц. 2 р.
- Бессонъ, А. Г.** О нефтяномъ отопленіи паровыхъ котловъ. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Библиотека ремесленниковъ и кустарей.** Окрашиваніе металловъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.
- Золоченіе и серебреніе деревян. издѣлій. М., 1890 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Влекслей, Т. Т.** Перемѣнные электрическіе токи (Руководство для студентовъ и техниковъ). Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Воровичъ, Л. А.** Практическое руководство къ построенію динамо-машинъ съ постояннымъ токомъ (Изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
- Фабричные паровые котлы, устройство ихъ и уходъ за ними. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 коп.
- Воттонъ.** Электрическіе звонки. Практическое руководство для любителей. Спб., 1890 г. Ц. 1 р.
- Врассъ, Леонъ.** Гуттаперча, ея происхожденіе, добыча и обработка. Перев. съ франц. Бессонъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Буанъ, Эмиль.** Гальванопластика, никелированіе, золоченіе, серебреніе и электрометаллургія. Съ 26 рис. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.
- Вѣлецкій, И.** Почвовѣдніе. Образованіе почвы, ея составъ и свойства. М., 1895 г. Ц. 3 р.
- Бюрстенбиндеръ.** Раздѣлка и улучшеніе земель. Руководство для практическихъ хозяевъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 60 к.
- В. А.** Производство, ваксы, лаковъ, мазей, маслъ и дегрей для кожи и коровенъ. продуктвъ. М., 1896 г. Ц. 25 к.
- Вагнеръ.** Химическая технологія. Спб., 1892 г. Ц. 8 р.
- Ванклинъ, Альфредъ.** Химія каменноугольно-газоваго производства. М., 1895 г. Ц. 60 к.

IX.

Технологія и сельское хозяйство.

- Аверкіева, Е.** Яблоня и груша. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Альтгаузенъ, Л., агрономъ.** Искусственное удобреніе и сидерация

- Ванковъ.** Полный карманный техникъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Турбины. Практическое руководство для техниковъ, сельскихъ хозяевъ (съ 46 рис.). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Веберъ, К. К.** Практическое руководство по производству кирпича, черепицы и проч. лицевому товару съ атласомъ. Спб., 1893 г. Ц. 5 р.
- Двигатели и приводы. Практ. руководство къ постройкѣ вѣтр. и водян. двигателей съ атласомъ. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.
- Канатное и веревочнопроизводство (съ 58 рис. въ текстѣ). Спб., 1896 г. Ц. 75 к.
- Войновскій, П.** Устройство въ домахъ электрическаго освѣщенія, телефоновъ, электрическихъ звонковъ и другихъ примѣненій электричества въ домашнемъ быту. М., 1892 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Войславъ, С.** Развѣдки пластовыхъ мѣсторождений полезныхъ ископаемыхъ посредствомъ шурфованія. Спб., 1886 г. Ц. 2 р. 40 к.
- Расчетъ и построение частей машинъ и передаточныхъ механизмовъ. Текстъ съ атласомъ въ 76 таблицъ. Спб., 1885 г. Ц. 4 р.
- Уходъ за паровыми котлами. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.
- Гамбургцевъ, В.** Архитекторская команда. Очеркъ московскаго учрежденія по строительному дѣлу. Москва, 1894 г. Ц. 40 коп.
- Головъ, Д.** Двигатели малой силы для промышленности и сельскаго хозяйства
- Гонюндаскій, З. А.** Краткій очеркъ добычи и обработки каучука и гуттаперчи. М., 1895 г. Ц. 40 к.
- Машинъ и станки для обработки картона. М., 1894 г. Ц. 15 к.
- Госпиталье, Э.** Электричество въ домашнемъ быту (со многими рисунками). Спб. 1886 г. Ц. 2 р.
- Главнѣйшія приложенія электричества (2 изд.). Спб., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Гулишамбаровъ.** Нефтяное отопленіе пароходовъ, паровозовъ, котловъ и проч. (3-е исправлен. и дополнен. изд. Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 1891 г. Ц. 3 р.
- Даниловъ, Ф. А.** Самовозгораніе угля, хлопья, замасленнаго тряпья и проч. М., 1896 г. Ц. 20 к.
- Демишевъ, В. М.** Краткій курсъ электрической телеграфіи по программѣ техническихъ желѣзно-дорожныхъ училищъ, съ отдѣльнымъ атласомъ чертежей. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
- Дешъ, Г. Ф.** Бездымное сжиганіе топлива въ топкахъ паровыхъ котловъ. Съ прилож. 254 чертежей въ отдѣльномъ альбомѣ изъ 39 таблицъ. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Дорнблицъ, О., д-ръ.** Гигіена умственнаго труда. Одесса, 1891 г. Ц. 50 к.
- Дюмуленъ.** Цвѣтная фотографія. Воспроизведеніе красокъ фотографіей. М., 1895 г. Ц. 70 к.
- Жуковъ, Николай.** Электрометаллургія и обработка металловъ электрическимъ токомъ. Москва, 1896 г. Ц. 3 р.
- Заблудовскій и Таненбаумъ.** Другъ кочевара. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Замбранскій, Ю.** Выжиганіе по дереву, кожѣ и тканямъ. М., 1896 г. Ц. 75 коп.
- Землеръ, Генрихъ.** Чай, разведеніе его въ Китаѣ, Индіи, Японіи и на Кавказѣ. М., 1890 г. Ц. 75 к.
- Изготовленіе рисунковъ для волшебнаго фонаря.** М., 1895 г. Ц. 75 к.
- Кернъ, Э.** Ива, ея значеніе, разведеніе и употребленіе. (Второе изданіе). Тула, 1896 г.
- Кирстенъ, Г.** Пчеловодство. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.
- Кляри.** Ретушь фотографическихъ негативовъ. Перев. съ фран. М., 1896 г. Ц. 60 к.
- Костычевъ, П.** Общедоступное руководство къ земледѣлію (Изд. 2). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
- Обработка и удобреніе чернозема. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
- Ученіе объ удобреніи почвъ. (Изд. 2). Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Котельниковъ.** Начальныя свѣдѣнія по скотоводству (Изд. 3). Спб., 1893 г. Ц. 40 к.
- Бесѣды по земледѣлію. Вып. I. О почвѣ. 1893 г. Вып. II. Объ удобреніи почвъ. 1894 г. Вып. III. Травосѣяніе 1894 г. Вып. IV. О сѣменахъ пшѣбв., 1895 г. Вып. V. О воздѣлываніи клебв., 1894 г. Вып. VI. Широколиствен. мучнистыя растенія. 1892 г. Вып. VII. О воздѣл. картофеля и корнеплодовъ. 1894 г. Спб. Цѣна каж. вып. 30 к.
- Коченовскій.** Краткое руководство къ простому изслѣдованію сельско-хозяйственныхъ матеріаловъ и продуктовъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 80 к.
- Кривенко, Н.** Бесѣды о рогатомъ скотѣ. М. 1892 г. Ц. 70 к.
- Кривошеинъ, Г. Г., и Саткевичъ, А. А.** Военные инженеры. Впячатій мость со среднимъ шарниромъ статически-опредѣляемая система. Чертежи. Спб., 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Крихлеръ, Францъ.** Породы собакъ. Описаніе всѣхъ породъ собакъ. Дрессировка собакъ. Лѣчебникъ собакъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Кричагинъ, Н.** Учебникъ ботаники. Ц., 1896 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Кулагинъ Н.** Насѣкомыя, вредныя для сада и огорода въ средней и сѣверной Россіи (Изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 50 к.
- Кулешовъ, П.** Свиноводство. М. 1893 г. Ц. 1 р.

- Коневодство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Научныя и практическія основанія подбора племенныхъ животныхъ въ овцеводствѣ. М. 1890 г. Ц. 2 р.
- Ладвезъ.** Фото-семія в фото-сангвинъ. Руководство для фотографовъ-любителей. М., 1895 г. Ц. 35 к.
- Лебе, В.** Молочное хозяйство, молочный скотъ, маслодѣліе и сыровареніе. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.
- Лесгафтъ, Ф.** Хлѣбопекарное производство (по Вирбауму) и описаніе производства сухарей и проч. на русскихъ заводахъ. Спб., 1880 г. Ч. I. Ц. 3 р.
- Магнусъ Блаубергъ.** Русское виноградное вино и хересъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Мангури, И.** Практическое винодѣліе. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Металлодавильное дѣло** (выдавливаніе полныхъ металлическихъ издѣлій) съ 8 табл. М., 1893 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Миллеръ, В. П.** Акваріумъ. Краткое руководство къ уходу за акваріумомъ и его населеніемъ. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
- Нетыкса, М. А.** Краткое руководство кузнечнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Крат. руков. слесарнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Техника черченія (о томъ, какъ и чѣмъ чертить). Съ 433 подлѣтнж въ текстѣ и 4 литогр. табл. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 к.
- Способы воздухооащенія комнатныхъ акваріумовъ. М., 1895 г. Ц. 75 к.
- Руководство столярнаго ремесла. М., 1895 г. Ц. 75 к.
- Оглевскій, В.** Борьба съ вредными гнѣзными насекомыми въ Баваріи. Спб., 95 г. Ц. 20 к.
- Оглоблинъ, В.** Колористическій сборникъ. М., 1896 г. Ц. 5 р.
- Пашкевичъ, В.** Культура гварствен. растений. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
- Пель.** Фальсификаціи и мѣры борьбы съ ними. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.
- Перковскій, П.** Описаніе судовыхъ машинъ и котловъ, а также вспомогательныхъ механизмовъ. Спб., 1896 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Перси.** Краткое изложене рѣзбы по дереву. М., 1895 г. Ц. 70 к.
- Песоцкій, Н. А.** Древесная шерсть, ея употребленіе и производство (съ чертежами на отдѣльныхъ листахъ). М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Топовъ.** Курсъ общаго скотоводства. Казань, 1894 г. Ц. 2 р.
- Трессъ.** Руководство къ борьбѣ съ огнемъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Искусственное высушиваніе дерева, съ 25 рис. 2 исправл. и дополн. изд. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Приготовленіе протравъ для дерева и поддѣла простыхъ породъ дерева. 2-е изд. М., 1892 г. Ц. 40 к.
- Раевскій, М. Н.** Плодовая школа и плодовой садъ (изд. 4-е). Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Райтъ, Л.** Практическое птицеводство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Робертъ, Карлъ.** Краткое руководство живописи на тканяхъ. Москва, 1895 г. Ц. 70 к.
- Краткое руководство миниатюры. М., 1895 г. Ц. 70 коп.
- Розенбергъ-Липинскій.** Практическое земледѣліе (изд. 5). Спб., 1893 г. Ц. 3 р.
- Рудскій, Ал.** Лѣсная таксація. Пособіе для лѣсничихъ и лѣсопромышленниковъ. (Изд. 2-е). Спб., 1890 г. Ц. 3 р.
- Руководство для метеорологическихъ наблюденій. Харьков., 1894 г. Ц. 80 к.
- Рябининъ.** Элеваторы и наше увлеченіе ими. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
- Сборникъ рисунковъ товарныхъ издѣлій. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Сборникъ рисунковъ мебели и столярныхъ издѣлій. М. Ц. 2 р.
- Строковскій, В.** Токарное и слесарное ремесла. М., 1898 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Сундквистъ, Оскаръ, и Марія Лазарева.** Учебникъ новой практической и первой научной методы кройки дамскаго, дѣтскаго и верхняго платья всѣхъ фасоновъ. М., 1892 г. Ц. съ атласомъ 3 р.
- Сюзевъ, А.** Луженіе, динкованіе и освиднованіе. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Талдыкинъ, М.** Объяснительный текстъ къ атласу чертежей слесарно-токарныхъ работъ, составленному примѣнительно къ программамъ ремесленныхъ училищъ. М., 1892 г. Ц. атласа съ текстомъ 6 р.
- Торминъ.** Опытный маляръ и живописецъ. Руководство къ исполненію всякаго рода малярныхъ работъ. Составленіе различнаго рода лаковъ и красокъ. Бронзировака. Писаніе вывѣсокъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Турскій, М.** Лѣсоводство. М., 1892 г. Ц. 2 р. 80 к.
- Лѣсоводственные орудія и инструменты. М., 1893 г. Ц. 60 к.
- Сборникъ статей по лѣсооравденію. М., 1894 г. Ц. 70 к.
- Таблицы для таксаціи лѣса. М., 1896 г. Ц. 50 к.
- Турскій, М., и Яшновъ, Л.** Определеніе древесины, вѣтвей и сѣмякъ главнѣйшихъ древесныхъ и кустарныхъ породъ по таблицамъ. 2-е изд. М., 1893 г. Ц. 75 к.
- Федоровъ, П. А.,** техн. иллюстрированный, домашній ремесленникъ. Школа работъ. Столярныхъ. Окрашиваніе дерева. Выпльовочныхъ и мозаики. Токарныхъ. Рѣзныхъ. Кузнечныхъ. Слесарныхъ. Щеточныхъ. Гипсовыхъ и палье-маше. Картонажно-футлярныхъ и

- перешетныхъ. Съ 406 рисунокъ въ текстѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Федоровичъ, Флоріанъ.** Сельско-хозяйственная архитектура. Спб., 1893 г. Ц. съ атласомъ 5 р.
- Федосѣевъ, П. А.** Выборъ, установка и уходъ за фабричными паровыми котлами, машинами и приводами. Съ приложеніемъ новаго закона 30 іюля 1890 г. объ устройствѣ, установкѣ и содержаніи паровыхъ котловъ и о порядкѣ ихъ освидѣтельствованія. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Фельзбергъ, Матильда.** Химическая чистка платя и стирка бѣлья. М., 1894 г. Ц. 50 к.
- Фишеръ, Г.** Практическій мыловаръ. Практическое руководство къ фабрикаціи всѣхъ сортовъ мыла по новѣйшимъ усовершенствованнымъ приемамъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Фортунатовъ, А.** Урожай ржи въ Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Цвѣтковъ, А. А.** Электрическое освѣщеніе въ примѣненіяхъ къ жизни и военному искусству (151 рис.). Спб., 1885 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Чиколевъ, Д.** Руководство къ приготовленію и сжиганію фейерверковъ съ описаніемъ устройства электрическаго освѣщенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.
- Чукмасовъ, К. А.** Практическое руководство по мыловаренію. М. 1893 г. Ц. 40 к.
- Шамуринъ - Макарьевскій, Н. В.** Сельское хозяйство. Съ 110 рис. Четвертое дополнен. изд. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Шараповъ.** По русскимъ хозяйствамъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.
- Шаховской, Н.** Сельско-хозяйственные отхожіе промыслы. М., 1896 г. Ц. 1 р.
- Швингаммеръ и Кикъ, Вильгельмъ.** Простѣйшая школа кройки для драпировщиковъ и декораторовъ. Съ рисунками на 10-ти отдѣльныхъ листахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Шишкинъ, А. Н.** Сельско-хозяйственная экономія. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Шмейдлеръ.** Железно-дорожное дѣло. Спб., 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шредеръ, Р. И.** Русскій огородъ, питомникъ и плодовой садъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 руб. 50 к. (Изданіе 5-е). — Хмѣль и его разведеніе въ Россіи и за границей (изд. 4-е). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шумковъ, И. В.** Верблюды какъ сельско-хозяйственное животное въ Россіи. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- Эдвинсонъ, Г.** Руководство спайки и луженія. Съ 66 полигипсами въ текстѣ. М., 1894 г. Ц. 85 к.
- Эдвинсонъ, Д.** Какъ дѣлается ма-
- ленькій электродвигатель. М., 1895 г. 2 изд. Ц. 40 к.
- Какъ сдѣлать маленькую динамо-электрическую машину. М., 1895 г. Второе исправлен. изд. Ц. 50 к.
- Bow, R. H.** Графическія данныя рациональнаго расчета рѣшетчатыхъ фармъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.
- Crocker A. Wheeler.** Уходъ за динамо-машинами. М., 1896 г. Ц. 1 р. 85 к.
- Donjean, A.** Офортъ. Руководство управленія крѣпкой водкой на мѣди, цинкѣ и стали. М., 1893 г. Ц. 75 к.
- Joward, Alfred.** Домашніе фильтры для очищенія воды, ихъ приготовленіе и уходъ за ними. М., 1894 г. Ц. 75 к.
- Leland, G.** Рѣзба по дереву. М., 1896 г. Ц. 2 р.
- Lehner, S.** Клей и замазки. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Marissiaux, L., et Nomdrah, C. R.** Простое устройство электрическихъ часовъ и будильниковъ. Руководство для электротехниковъ любителей. Съ 15 рисунками на отдѣльной таблицѣ. М., 1895 г. Ц. 35 к.
- N. N.** Снабженіе горячей водой небольшихъ жилыхъ домовъ. Переводъ съ англійскаго инж. техн. Л. Л. Боровича. М., 1895 г. Ц. 40 к.
- Sell, д-ръ.** Спиртъ и его добываніе, свойства и примѣсы. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
- Unwin.** Основы построенія частей машинъ или изложеніе законовъ и условій, отъ которыхъ зависятъ размѣры и форма частей машинъ. Руководство для инженеровъ, механиковъ, строителей, фабрикантовъ для техническихъ и реальныхъ училищъ. М., 1887 г. Ц. 3 р. 50 к.

X.

Искусство.

- Альбомъ копій съ картинъ русскихъ художниковъ.** 2 вып. М., 1889 г. Ц. по 2 р.
- Благовѣщенскій.** Вивельманъ и подвѣя эпохи греческой скульптуры. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Бутовскій, В. И.** Русское искусство и мнѣнія о немъ Е. Вюле-де-Дюка и Э. И. Буслаева. М., 1879 г. Ц. 1 р.
- Веселовскій, Ал.** Этюды и характеристики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 75 коп.
- Мизантропъ. Этюды о Мольерѣ. М. 1881 г. Ц. 2 р.
- Старинный театръ въ Европѣ. Историческіе очерки. М., 1870 г. Ц. 2 р.
- Западное вліаніе въ новой русской литературѣ. Историко-сравнительные очерки. Изданіе 2-е. М., 1896 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Вивельманъ, I. I.** Исторія искусства древности. Ревель, 1890 г. Ц. 3 р.
- Додоновъ, А. М.** Руководство г-

правильной постановкѣ голоса и изученіи искусства пѣнія. М., 1891 г. Ч. I. Ц. 50 к. Ч. II, практическая, М., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.

Каррьеръ, Морицъ. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеаловъ человѣка. Пер. Е. Корша. Т. I, ц. 8 р. Москва, 1870 г. Т. II, ц. 8 р. 60 к. Москва, 1871 г. Т. III, ц. 5 р. 50 к. Москва, 1874 г. Т. IV, ц. 4 р. Москва, 1874 г.

Куглеръ, Францъ. Руководство къ исторіи искусства, обработан. Любке. Пер. Е. Корша. Ч. I, съ 320 рисунк. въ текстѣ, ц. 5 р. М. 1869 г.; т. II, ц. 5 р. съ 167 рис. М. 1870 г.

— Руководство къ исторіи живописи со времени Константина Великаго. Жерев. И. К. Васильева, съ портрет. автора. Ц. 7 р. М., 1872 г.

Любке, Вильгельмъ. Исторія пластики съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Пер. В. Чаева. М., 1870 г. Ц. 6 р.

Мартыновъ. Anciens monuments des environs de Moscou. М., 1869 г. Ц. 10 р.

Овсяннико-Куликовскій. Языкъ и искусство. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.

Прельсъ, Р. Эстетика. Подъ редакціей и съ дополнителъною статьею В. В. Чуйко. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Прудонъ, П. Искусство, его основанія и общественное назначеніе. Спб., 1866 г. Ц. 1 р. 25 к.

Тардъ, Г. Сущность искусства. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.

Трахтенбергъ, М. А. Лекціи по богъванью сердца. Ч. I и II. Харьковъ, Ц. 4 р.

Тэнъ, И. Чтеніе объ искусствѣ. Пять курсовъ лекцій. Изд. третье, исправлен. Спб., 1884 г. Ц. 1 р. 75 к.

Уайтъ, Г. Биссофанія. М., 96 г. Ц. 75 к.

Фрикентъ, А. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. I. Ц. 2 руб. М., 1891 г. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. 2-я. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Фрикентъ. Римскіе галакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. Часть I. Ц. 1 р. М. 72 г. Часть II. Ц. 1 р. 50 к. М. 77 г. Часть III. Ц. 1 р. 50 к. М. 80 г. Часть IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 85 г.

Фрэнонъ, Г. Акварель. Морскіе виды. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Акварель. Пейзажъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Цвѣты и плоды. М., 95 г. Ц. 1 руб.

— Акварель. Насѣкомыя, животныя, птицы, рыбы. М., 95 г. Ц. 1 р.

Шербюлье, Викторъ. Искусство и природа. Новая теорія изящныхъ искусствъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шервинскій, М. Образцы архитектурныхъ деталей (15 листовъ образцовъ). Спб., 1891 г. Цѣна 1 р. и атласъ 6 рублей.

Album des chefs d'oeuvre de l'art. 16 вып. Ц. 4 р. 80 к. Отдѣльно каждый выпускъ по 35 коп.

Album universel. Съ видами Италіи, Швейцаріи, Франціи, Германіи, Турціи, Греціи и другихъ странъ. 30 выпусковъ, въ каждомъ по 16 видовъ. Цѣна 39 вып. 9 р. 75 к. Каждому отдѣльно 30 коп.

Autour du monde. Альбомъ акварелей съ типами и видами всѣхъ странъ свѣта. 25 вып. Ц. 7 р. 50 к. Каждый выпускъ отдѣльно по 35 к.

La France. Альбомъ акварелей съ видами и типами Франціи. 25 вып. Ц. 7 р. 50 к. Отдѣльно каждый вып. по 35 к.

Moscou et ses environs, rués et monuments. Nouveau guide du voyageur. М., 1891 г. Ц. 40 к.

XI.

Учебники и книги для дѣтей.

Агаповъ, Д. В. Новая тригонометрія. Оренбургъ, 1894 г. Ц. 85 к.

— Подробное рѣшеніе и объясненіе типическихъ задачъ по арифметикѣ. Ц. 50 к.

— Искусственные способы рѣшенія уравненій второй степени со многими неизвестными. Ц. 60 к.

— Рѣшеніе нѣкоторыхъ геометрическихъ задачъ помощью теоремы Агапова. Ц. 35 к.

Акатовъ, Н. Какъ учить писать. М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, его жизнь и сочиненія. Чтеніе для юношества. М., 1877 г. Ц. 75 к.

Анго, А. Физика. М. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Андерсенъ, Гансъ. Повѣсти и сказки. Новый полный пер. съ датскаго подлѣянна. 7 в. М., 1894 г. Ц. по 25 к.

Андерсенъ, Г. Иллюстрированныя сказки въ 6 томахъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к. за томъ.

Андрѣ, М. Ф. Упраженія въ тригонометріи. Сборникъ задачъ съ подробными рѣшеніями. М., 1895 г. Ц. 35 к.

Арабскія сказки тысяча одна ночь. Въ 3-хъ томахъ. Новый полный перев. Дюпелляйеръ. М., 1890 г. Ц. 8 р. 65 к.

— Руфина Каздоева. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Арггеймъ. Математическая географія. Изд. 5-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

Арсеньевъ. Изъ жизни и исторіи. Сборникъ рассказовъ для дѣтей. Спб., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к. въ переплетѣ.

Асбьернсена, П. Норвержскія сказки. К., 96 г. Ц. 35 к.

Важина. Вулжающіе огоньки. Сборникъ дѣтскихъ рассказовъ, съ 44 картинками. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Верниксенъ, А. Краткій учебникъ химіи (органической). Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Вородинъ, И. Весна, русская жни

- я природа. Сборникъ для дѣтскаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Краткій учебникъ ботаники. (изд. 3-е). Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Бугаевъ, Н.** Задачникъ къ арифметикѣ дѣлѣть чиселъ. М., 1876 г. Ц. 25 к.
- Задачникъ къ арифметикѣ дробныхъ чиселъ. М., 1877 г. Ц. 30 к.
- Руководство къ арифметикѣ. Цѣлыя числа. М., 1895 г. Ц. 40 к.
- Арифметика дробныхъ чиселъ. Ц. 50 к.
- Баръ, Поль.** Первые понятія о зоологii. (3-е изданіе). Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Васильевъ, В. И.** Арифметика дѣлѣть чиселъ. М., 1886 г. Ц. 25 к.
- Арифметика дробныхъ чиселъ. М., 1896 г. Ц. 25 к.
- Арифметика: — отношенія, пропорціи, проценты, учетъ векселей. М., 1896 г. Ц. 25 к.
- Виноградовъ, Н. Федонъ.** Диалогъ объ идеѣ „бессмертія“ философа классической древности Платона. М., 1892 г. Ц. 60 к.
- Виноградовъ, Павелъ.** Учебникъ всеобщей исторiи. Часть II. Средніе вѣка. Изд. 2-ое. М., 1894 г. Ц. 90 к.
- Исторія среднихъ вѣковъ. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Виноградовъ.** Extremogalia съ рус. яз. на латинскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.
- Виргилій, Маронъ.** Энеида, книги 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Кіевъ, 1887 г. Ц. 40 к.
- Книга 3-я. Кіевъ, 1892 г. Ц. 35 к.
- Книги 10, 11 и 12. Кіевъ, 1883 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Владимірова, А. К. (А. Европеусъ).** Сказки, преданія и легенды всѣхъ временъ и народовъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Водовозовъ, В. И.** Книга для первоначальнаго чтенія. Ч. I Ц. 45 к. Ч. II. Ц. 80 к.
- Книга для учителей. Ц. 60 к.
- Русская азбука для дѣтей. Ц. 30 к.
- Руководство къ русск. азбукѣ. Ц. 20 к.
- Дѣтскіе рассказы и стихотворенія съ картинками. Ц. 75 коп.
- Словесность въ образцахъ и разборахъ. Ц. 1 р. 25 к.
- Русскія сказки въ стихахъ съ картинками въ переплетѣ. Ц. 1 р. 50 к.
- Переводы въ стихахъ и оригинальные стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.
- Водовозова, Е. Н.** На отдыхъ. Иллюстрированъ. Разсказы для мал. дѣтей. (40 рисунок.). Ц. 1 р.; въ папкѣ 1 р. 35 к. Спб.
- Изъ русской жизни и природы. Разсказы для дѣтей (изд. 6-е). Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. Спб.
- Умственное и нравственное развитіе дѣтей (Изд. 4-е Спб. Ц. 2 р.
- Одноголосныя дѣтскія пѣсни. (Музыка Рубина). Изд. 5-е. Спб., Ц. 1 р.
- Ворисгоферъ, С.** Сказочная страна. Пер. съ нѣмецк. Ц. 2 р. 75 к. въ роскош. переплетѣ.
- Образовательное путешествіе (изд. 2-е). Спб., 1892 г., съ рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р. 25 к.
- Черезъ дѣбри и пустыни. Скитанья молодого бѣглеца. Спб., 1894 г. (2-ое изд.). Ц. 1 р. 50 к.
- Приключеніе контрабандиста. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гинтервальднеръ.** Руководство къ составленію естественно-научныхъ коллекцій. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.
- Горацій Сатиры.** Переводъ съ подстрочн. словаремъ. 2-е изд. Кіевъ, 1891 г. Ц. 60 к.
- Оды. Переводъ I-й и II-й книги. Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
- III и IV книги. Изд. 2-е, сост. Сахаровъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к.
- Горкевичъ, Л.** Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій Гай Саллюстій Криспъ. Югуртинская война. Борисоглабскъ, 1893 г. Ц. 45 к.
- Гортовъ, А.** Методическое руководство. Обученіе письму. Е., 1885 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Григорова, Е. Виліамъ Шекспиръ.** М., 1896 г. Ц. 75 к.
- Рассказы для дѣтей старшаго возраста. М., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- ГРИММЪ.** Книжки I и II въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Книжки III и IV въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Книжка I млад. возр., безъ пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.
- Книжка II млад. в., б. пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.
- Книжка III, IV и V-я сред. воз. М., 1893 г. Ц. по 20 к.
- ГРИММЪ, братья.** Сказки. 13 вып. М., 1894 г. Ц. по 20 к. вып.
- ГРИМЪ.** Сказки (въ переплетѣ). К., 96 г. Ц. 1 р.
- Густафсонъ, Р.** Сказки. Переводъ съ нѣмецк. изданія. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 25 к., въ роскошномъ переплетѣ— 1 р. 75 к.
- Демосеенъ.** Оливнскія рѣчи. Первая рѣчь противъ Филиппа. Изд. 3-е. Кіевъ, 1893 г. Ц. 65 к.
- Рѣчи противъ Филиппа. (2, 3 и 4). Кіевъ, 1889 г. Цѣна 60 к.
- Дефое.** Робинзонъ Крузо, 1 и 2 ч. М., 1888 г. Ц. за обѣ ч. 4 р.
- Догановичъ, А.** Фомка-дуракъ. М., 1896 г. Ц. 15 к.
- Дѣтское Чтеніе. XXV. Юбилейный номеръ. 1869—1894. Редакторъ П. В. Голякочскій. Спб., 1894 г.
- Дюрсенъ, А., д-ръ.** Спутникъ гинеколога. Руководство для студентовъ и врачей. Пер. съ 3-го доп. и испр. изд. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
- Егоровъ, Ѳ.** Методика - арифметики. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Ечинацъ, А. Методика новыхъ звуковъ и американскій разговорный методъ для учителей, родителей и учениковъ. Спб., 1892 г. Ц. 45 к.

Жакъе, Э. Сборникъ физическихъ задачъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.

Жю. Задачи по физикѣ. М., 1892 г. Ц. 2 р.

Зелинский, В. Корнесловъ русскаго языка. М., 1891 г. Ц. 50 к.

— Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 25 к.

— Методическія указанія и образцовые уроки по преподаванію русской элементарной грамматики. М., 1891 г. Ц. 1 р.

— Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію. М., 1891 г. Ц. 1 р.

— Обученіе грамотѣ по звуковому способу. М., 1893 г. Ц. 1 р.

— Справочникъ по русскому правописанію. Вып. I, изд. 7-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Справочникъ по русскому правописанію. Вып. II. М., 1892 г. Ц. 50 к.

— Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій. Изд. 3-е. М., Ц. 25 к.

— Зрительный диктантъ. Ч. I, изд. 5-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Зрительный диктантъ. Ч. II, изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 40 к.

— Справочный словарь буквамъ Э. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 25 к.

Зимницкій, В. Условія и приемы объяснительнаго чтенія. Москва, 1895 г. Ц. 55 к.

Игра футболъ съ полтипаками въ текстѣ. М., 1895 г. Ц. 70 к.

Иллюстрированная сказочная библиотека. 80 сказокъ Андерсена, въ переводѣ Пороховой, со множествомъ рисунковъ. Цѣна каждой книжки отъ 5 до 20 коп.; 6 сказокъ Гауфа. Ц. та же. Спб., 1894^{1/2} г.

Иллюстрированная мужицкая библиотека (Изд. Павленкова), состоящая изъ 40 книжекъ со многими иллюстрац., дѣною отъ 2 в. и дорожкѣ (изд. 2). Спб., 1891 г.

Иллюстрированная Лермонтовская библиотека (изд. Павленкова), состоящая изъ 30 книжекъ, дѣною отъ 2 коп. и дорожкѣ. Спб., 1891 г.

Кандошъ, Э. Приключеніе сверчка. Спб., 1889 г. Цѣна въ роскошн. переплетѣ 2 р. 50 к.

Гарасовъ, А. Музыкальная хрестоматія. Ч. I. Дѣтскій возрастъ. М. Ц. 40 к. Тоже часть II. Ц. 60 к.

Есслеръ. Ситтакосъ латинскаго языка для гимназій. Изд. 6-е. 1888 г. Ц. 1 р. 25 к.

Клау, Э. Э. Краткій очеркъ химическихъ явленій. Составилъ по программѣ реальн. училищъ. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 70 к.

Обелль. Таблицы. Изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Козловскій, С. А. Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ арифметическихъ задачъ И. П. Верещагина. Ч. III (съ № 2466—3288 включительно). Минскъ, 1895 г. Ц. 75 к.

— Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ арифметическихъ задачъ А. Малинина и К. Буренина. Вып. II. Правило процентовъ (простыхъ и сложныхъ). Съ № 2891—3100 включительно. Борисовъ, 1894 г. Ц. 25 к.

Корфъ, Н. А. Нашъ другъ, книга для чтенія въ школѣ и дома (16 изд.). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

Коропчевскій, Д. А. Рассказы дикаго человека. М., 1895 г. Ц. 2 р. 25 к.

Кругловъ, А. Незабудки. Рассказы и стихотворенія для дѣтей. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 50 к., въ роск. перепл.—2 р.

— Вечерние досуги. Сборникъ дѣтск. рассказовъ и стихотвореній, съ 45 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Добрыя дѣланы иллюстрированные рассказы въ прозѣ и стихахъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Крыловъ, И. А. Избранныя басни для школъ и народа. М., 1895 г. Ц. 8 к.

Ксеонофонтъ. Анабазисъ. Подотрочинер. Кремера. Книга I-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.

— Книга II-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.

— Книга III-я, и IV-я, изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.

— Книга V, VI и VII. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.

Курсъ, Э. Русско-французско-нѣмецк. обществ. разг. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лабуль, Эдуардъ. Голубыя сказки. Въ роскошномъ переплетѣ съ 150 рисунк. Спб., 1894 г. Ц. 8 р.

Ливій, Титъ. Подстрочный переводъ 30-й книги събл. Рулицера и Подгурскій. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

Лодыгинъ, П. Дѣдушкины рассказы о лошади—кормилцѣ и объ уходѣ за нею въ сельскомъ быту. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.

Мазуринъ, К., и Высоцкій, В. Формулы по арифметикѣ, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, высшей алгебрѣ, дифференціальному и интегральному исчисленіямъ для рѣшенія задачъ по чистой математикѣ. М., 1887 г. Ц. 50 к.

Макарова, С. Отголоски старинн. Историческіе рассказы для дѣтей. М., 1894 г. Ц. въ папкѣ 1 р., въ перепл. 1 р. 80 к.

Малицкій, П. Руководство по исторіи русской церкви. Вып. I. М., 1891 г. Ц. 90 к., вып. II. М., 1894 г. Ц. 75 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Дѣтскія гѣни. М., 1894 г. Ц. 80 к.

— Рассказы и сказки для дѣтей младшаго возраста. М., 1895 г. Ц. 60 к., въ папкѣ 75 к.

— Аль-Бозатъ. Рассказы. М., 1895 г. Ц. 80 к.

- Маракуевъ, Н. Н.** Элементарная алгебра въ 2-хъ ч. М., 1887 г. Ц. 4 р.
- Галлей, его жизнь и ученые труды. М., 1888 г. Ц. 35 к.
- МОРЪ.** Краткая этимология греческаго языка. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Книга упражненій по греческому языку. Слб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Народныя русскія сказки и загадки.** Собрани сельскими учителями Тульск. губ. въ 1862 и 1863 годахъ. Редакція А. А. Орленвейна. Изд. 2-е. М., 1892 г. Ц. въ папкѣ 1 р.
- Народныя русскія сказки.** М., 1288 г. Ц. 1 р.
- Нелидова, Л.** Дѣвочка Лидя. Расск. для дѣтей. Изд. П. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Нурокъ.** Ключъ къ русскимъ упражн. грам. англійскаго языка. Киевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Овидій, Назонъ.** Избранная басня изъ „Метаморфозъ“. Изд. 2-е. Киевъ, 1894 г. Ц. 60 к. Пер. 8-й, 11-й, 12-й и 15-й книги „Метоморфозъ“.
- Переводъ 1-й и 2-й книги съ прилож. биографіи автора. Киевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
- Пер. 6-й, 7-й и 13-й книги. Киевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
- Переводъ 3-й, 10-й, 14-й книги. Киевъ, 1894 г. Ц. 40 к.
- Острогорскій, Викторъ.** Выразительное чтеніе. Пособіе для учащихся и учащихся. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 50 к.
- Изъ міра великихъ преданій. Рассказы для юношества. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Родные поэты. Для чтенія въ классѣ и дома. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Пальчикова.** Двѣ сказки для дѣтей. Слб., 1893 г. Ц. 50 коп.
- Паульсонъ.** Стенографія. Слб., 1892 г. Ц. за 2 части 1 р.
- Персональный.** Учебникъ зоологій. М., 1893 г. Ц. 85 к.
- Платонъ.** Апологія Сократа. Подстрочи. перев. Изд. 3-е. Киевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Критонъ. Изд. 2-е. Киевъ, 1890 г. Ц. 35 к.
- Рихтеръ, Е.** Элементарная геометрія въ объемъ курса среднихъ учебниковъ заведеній. Слб., 1895 г. Ц. 1 р. 40 к.
- Рогова, О. И.** Рѣсчеты. Слб., 95 года. Ц. 2 р.
- Ласточкино гнѣздо. Слб., 94 г. Ц. 2 р.
- Лягушкы. Слб., 95 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Сныгъ гетмана. Слб., 91 г. Цѣна 2 руб. 25 к.
- Ростовская, М. Ѳ.** Звѣздочки. Повѣсти и рассказы для дѣтей. Съ раскрашенными рисун. Изд. третье. Слб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Жучка. Рассказъ для дѣтей. Съ литографированными рисун. Изд. третье. Слб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Крестьянская школа. Ц., 1895 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Четыре времени года. Рассказы изъ деревенскаго быта. Съ рисун. Изданіе третье. Слб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Сельцо Лебяжье. Повѣсть для дѣтей. Изд. третье, испр. Сбл., 1895 г. Ц. 1 р.
- Поки. Приключенія вояскаго осла. Повѣсть для дѣтей Изд. третье. Слб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Саллюстіій Криспъ.** Пособіе къ изученію и чтенію „Заговора Катилины“. Сост. Логвиновъ. Киевъ, 1886 г. Ц. 60 к.
- Сказка про лису да про волка.** М., 1892 г. Ц. 25 к.
- Сказки русскаго народа.** 7 в. М., 1894 г. Ц. кажд. выпуска 25 к.
- Сказки русскимъ писателей для дѣтей.** Изд. 3-е. Киевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
- СЛОВЦОВЪ, И.** Обзорніе Россійской имперіи. М., 1896 г. Ц. 45 к.
- Краткая физическая географія. М., 1896 г. Ц. 80 к.
- Соболевскій, А. И.** Фонетика церковно-славянскаго языка. М., 1891 г. Ц. 1 р.
- Лекціи по исторіи русскаго языка. Слб., 1891 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р.
- Соболевскій, Н. И.** Собраніе алгебраическихъ задачъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.
- СОКОВНИНЪ, А.** Бить и казаться. Слб., 95 г. Ц. 2 р.
- СОННЪ.** Геометрія теоретическая и практическая. М., 1878 г. Ц. 4 р.
- Среди дѣтвотъ.** Рассказы стараго садовника. 2-е изд. Слб., 95 г. Ц. 2 р.
- Средина и постоянство.** (Свѣд. книга послѣдователей Конфуція). М., 96 г. Ц. 25 к.
- Страховъ, Н.** Краткая методика закона Божія. М., 1891 г. Ц. 50 коп.
- Терешкевичъ.** Дядя Чернышъ. М., 1891 г. Ц. 60 к.
- ТЖАСКА, А.** Русская азбука съ приложеніемъ черк.-слав. азбуки. М., 96 года. Ц. въ папкѣ 30 к.
- Тихомировъ, Д. И.** Опытъ плана и конспекта элементарныхъ занятій. Методическое пособие для преподавателя элементарной школы. Изд. 8-е. М., 1889 г. Ц. 55 к.
- Азбука правописанія. Ч. I. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйше случаи употребленія буквъ, съ приложеніемъ краткаго орфографическаго указателя. 17 изд. Ц. 40 к. Ч. II. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйше случаи употребленія знаковъ препинанія. 9 изд. Ц. 40 к. М., 1892 г.
- Книга для церковно-славянскаго чтенія. Руководство для преподавателей на чашечкѣхъ учащихся. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 1 р.
- Азбука церковно-славянская для первоначальныхъ упражненій въ церковно-славянскомъ чтеніи. Изд. 6-е. М., 1892 г. Ц. 6 к.
- Школа грамотности. Книга для первоначальнаго обученія русскому и цѣл

- ковно-славянскому чтенію, письму и арифметикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 30 к.
- Какъ учить читать, писать и считать на первой ступени обученія. Общедоступное руководство для учащихся по букварю. Изд. 12-е. М., 1893 г. Ц. 40 к.
- Изъ исторіи родной земли. Очерки и рассказы для школъ и народа. Ч. I Древняя Россія. Ц. 50 к. Ч. II. Новая Россія. Ц. 40 к. М., 1892 г.
- Методика обученія грамотѣ, объяснительному чтенію, толковому изложенію мыслей, грамматикѣ, правописанію и церковно-славянскому чтенію. Руководство для учителей. Изд. 3-е. М., 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Книга для церковно-славянскаго чтенія. Ч. I. Руководство для учениковъ начальныхъ училищъ. Изд. 8-е. Ц. 80 к. Ч. II. Руководство для учениковъ двухклассныхъ и городскихъ училищъ. Изд. 3-е. Ц. 20 к. М., 1894 г.
- Элементарный курсъ грамматикѣ для городскихъ и двухклассныхъ училищъ. Изд. 45-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.
- Начатки грамматикѣ. Руководство для начальныхъ сельскихъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 8-е. М., 1894 г. Ц. 15 к.
- Вѣшніе всходы. Первая послѣ азбуки книга для класснаго чтенія и бесѣды. М., 1896 г. Ц. 30 к.
- Вѣшніе всходы. Книга 2-я. М., 1896 г. Ц. 35 коп.
- Вѣшніе всходы. Руководство для учителя въ 1-й и 2-й книгѣ. М., 1896 г. Цѣна 30 коп.
- Тихомировъ, Д., и Тихомирова, Е.** Букварь для совмѣстнаго обученія письму, русскому и церковно-славянскому чтенію и счету. Для народныхъ школъ. Изданіе 60-е. Москва, 1894 г. Ц. 20 к.
- Тихомировъ, Д., и Зенгбушъ, И.** Начатки географіи. Руководство для народныхъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 30 к.
- Тодгентеръ, И.** Алгебра (съ обширными собраніемъ примѣровъ). Слб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Торговая и дѣловая корреспонденція.** П., 1896 г. Ц. 1 р.
- Тѣнь, Г.** Титъ Ливій, критическое изслѣдованіе. Пер. А. Иванова и Е. Щепкина. Ц. 1 р. 50 к. М., 1885 г.
- Указатель русскихъ книгъ и брошюръ по богословскимъ наукамъ.** М., 1891 г. Выпускъ I. Ц. 25 коп. Выпускъ II. Ц. 40 к.
- Указатель книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія.** М., 1892 г. Ц. 1 р.
- Флеровъ, А.** Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. Одесса, 1894 г. Ц. 60 к.
- Флеровъ.** Грамматика древн. церковнаго языка. Одесса 1894 г. Ц. 50 к.
- Французи и русскіе въ Крыму.** Письмо франц. офицера къ своей семьѣ во время восточной войны. Пер. съ фр. Халюткина. Минскъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Ходжетсъ, И.** Эдрикъ мореплаватель. Слб., 90 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Цвѣтковъ, А. А.** Новѣйшіе русскіе писатели (для старшихъ классовъ гимназій и домашнаго чтенія), съ 27 портретами. Слб., 1888 г. Ц. 3 р.
- Цвѣтковъ, Н.** Практическій курсъ русскаго правописанія (согласовавъ съ „Руководствомъ Я. Грота“). Ч. I и II. Ц. по 50 коп. Тула, 1895 г.
- Цицеронъ.** Рѣчь за царя Дейотара. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
- Рѣчь противъ Верреса (о казняхъ). Ц. 60 к.
- Рѣчь за Архіа. поета 1891 г. Ц. 80 к.
- Рѣчь къ судьямъ за Т. Анніа Милона. 1892 г. Ц. 60 к.
- Первая филиппика противъ Марка Антонія. Ц. 80 к.
- Вторая филиппика противъ Марка Антонія. Ц. 50 к.
- Рѣчь въ защиту Секста Росція Америкскаго. Ц. 60 к.
- Рѣчи противъ Калпурны. Ц. 50 к.
- Рѣчь за Луція Муруну. Ц. 40 к. Рѣчь за Квинта Лигарія. Ц. 80 к.
- Рѣчь о назначеніи Гнея Помпея полководцемъ. Ц. 50 к.
- Тускуланскія бесѣды. Книга I. О превращеніи къ смерти. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.
- Книги 2 и 3-я. О перенесеніи боли и объ угшеніи печали. 1889 г. Ц. 75 к.
- Книга 4-я. Объ остальныхъ душевныхъ волненіяхъ. Книга 5-я. О добродѣтели. 1889 г. Ц. за обѣ книги 75 к.
- Шелгунова, Л. П.** „Звѣздочка“. Рассказы для маленькихъ дѣтей. Съ рисун. Слб., Ц. 1 р. 25 к.
- Шмидтъ, О.** Русалочка. М., 1892 г. Ц. 50 к.
- Шутце, Фр.** Училищевѣдѣніе. Практическое ученіе о воспитаніи и обученіи для семинарій и учителей народныхъ школъ. Кіевъ, 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Щепкина, А. В.** Родныя мѣста. Чтеніе для дѣтей. Изд. 2-е. М., 1882 г. Ц. 1 р.
- Экштейнъ, Ф. А.** Преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ. Ревель, 1889 г. Ц. 3 р.
- Якимовъ, Н. М.** Вѣдній Тунгатай. Рассказъ изъ жизни киргизскихъ дѣтей, для дѣтей младшаго возраста. Тифлисъ, 1894 г. Ц. 15 к.
- Янъ.** Термохимія. Слб., 1893 г. Ц. 2 р.
- C. Julii. Caesaris commentarium de bello Gallico. Liber quintus.** Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Записки о Гальской войнѣ. Книга 1-я. Кіевъ, 1890 г. Ц. 85 к.

- Книги 2, 3, 4, 5, 6 и 7 по 50 к.
Cornelli Nepotis. Vitae excellentium imperatorum cum vita Catonis et Attici. Переводъ. Киевъ, 1889 г. Ц. 75 к.
Jordan, Dr. W. Руководство высшей геодез. М., 1881 г. Ц. 8 р.
Kercoff A. G. Cours gradué de langue française. Parties I, II. М., 1890 г. Ц. 1 р. 25 к. III и IV parties. М. 1892 г. Ц. 1 р. 25 коп.

XII.

Справочныя книги, календари, словарь и проч.

- Богдановъ, И.** Счетоводство и денежная отчетность земскихъ начальниковъ, городскихъ и мировыхъ судей. М., 1895 г. Ц. 70 к.
Богдановъ, профессоръ. Сельско-хозяйственный словарь. Киевъ, 1895 г. Ц. 8 р.
Волкенштейнъ, П. Е. Садовый словарь. Спб., 1889 г. Ц. 4 р. (съ 95 рис. въ текстъ). Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
Гавкинъ, Н. Я. Карманный словарь иностранныхъ словъ. Изд. 4-е. Киевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Гайсбергъ, С. Ф. Карманная книжка для установщиковъ электрическаго освѣщенія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
Гердеръ. Нѣмецко-русскій словарь важнѣйшихъ техническихъ терминовъ употребленныхъ при описаніи и опредѣленіи растений. Спб., 1881 г. Ц. 50 к.
Горбуновъ. Программы мужскихъ гимназій иprogимназій. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 55 к.
 — Программы городскихъ училищъ. Изд. 4-е. М., 1893 г. Ц. 35 к.
 — Программы реальныхъ училищъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 35 к.
Гравинкель. Справочная книга для электротехникъ. Спб., 1893 г. Ц. 4 р. 80 к.
*Гранатъ, А. и К^о. Настольный энциклопедическій словарь. 8 томовъ. Ц. 42 р. (въ переплетѣ).
Гурьевъ, Н. А., и В. А. Долгоруковъ. Путеводитель по всей Сибири и средне-азиатскимъ владѣніямъ Россіи. Томскъ, 1895 г. Ц. 1 р.
Дювернуа, А. Словарь болгарскаго языка въ 9 т. М., 1889 г. Ц. 18 р.
 — Материалы для словаря древне-русскаго языка. М., 1894 г. Ц. 3 р.
Ежегодникъ. Обзоръ книгъ для народнаго чтенія 1894 г. Изд. Моск. Ком. Грам. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Ежегодникъ. Обзоръ книгъ для народнаго чтенія и народныхъ картикъ 1893 г. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Ежегодникъ тобольскаго губернскаго музея за 1895 г.** Ц. 1 р.
Записная книга на 1896 г. Съ цѣлою стр. въ колѣнкор. пер. 1 р. 20 к., съ 1/2 стр. вхоль въ колѣнкор. пер. 1 р., съ 1/2 стр. поперекъ 75 к., съ 1/2 стр. 80 к. и сокращен. изд. 60 к. Кожаные переплеты 30 к.
Игнатовъ, Н. Новый путеводитель по жел. дор. и пароходн. путямъ Россіи. Спб., 1896 г. Ц. 30 к.
 — Въ Нижній на выставку! Спб. 1896 г. Ц. 60 к.
Коренблитъ, А. И. Нѣмецко-русскій техническій словарь, 29 выпускъ. Цѣна каждому выпуску 40 коп. М. 1896 г.
Котельниковъ, М. Г. Справочная книжка по винокуренію для лицъ акцизнаго надзора. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Леонтьевъ, Н. I. Указатель цѣсъ для любителейскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.
Мусселюсъ, В. Русско-латинскій словарь. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
Нивелирный планъ города Москвы, съ указаниемъ раздѣленія города на судебно-мировые участки и съ описаніемъ ихъ. М., 1894 г. Ц. 75 к.
Обзоръ дѣятельности комитета грамотности, состоящаго при Импер. Моск. общ. сельск. хоз. М., 1895 г. Ц. 15 к.
Посновъ, А. Руководство къ пивраль ной постановкѣ торговли, контроля и счетоводства обществъ потребителей. М., 1896 г. Ц. 1 р.
Программа чтенія для самообразования. Ц., 1895 г. Ц. 40 к.
Путеводитель по желѣзн. дорог. и пароходн. путямъ Россіи. Москва, 1895 г. Ц. 30 к.
Романовъ, С. И. Словарь ружейной охоты. М., 1877 г. Ц. 3 р. 50 к.
Ромашкевичъ, П. А. Полный русскій орографическій словарь. Составленъ по "русскому правописанію" академика Ян. Грота. Изд. третье исправл. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Совѣтовъ. Итальяско-русскій словарь. М., 1894 г. Ц. 2 р.
Справочная книга для ремесленниковъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Ульцманнъ, Робертъ, проф. Лекціи по болѣзнямъ мочевыхъ органовъ. Вып. IV и V послѣдній. Пер. подъ ред. док. мед. Н. П. Федченко. Хар., 1893 г. Ц. 1 р.
Цуриковъ, Н. Темы и планы ученическихъ сочиненій. М., 1895 г. Ц. 50 к.
Чудиновъ, А. Н. Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 50 к.
Юрьевъ и Владимірскій. Хозяйка дома. Ц., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Яковлевъ, Е. Французско-русскій карманный словарь. Киевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Списокъ периодическихъ изданій, на которыя принимается подписка въ книжномъ магазинѣ журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова.

Подписка принимается только годовая; въ разсрочку подписка не принимается.

- Артиллерійскій журналъ.** Изд. безцензурное, ежемѣсячное. Съ дост. и перес. 7 р. за годъ. Спб.
- Археологическія извѣстія и замѣтки.** Журналъ безцензурный, ежемѣсячный, подлин. цѣна за годъ 3 р. съ дост. и перес. Моск.
- Архивъ ветеринарн. наукъ.** Ежемѣсячное безцензурн. изданіе, 5 р. въ годъ. Спб.
- Атеист.** Журналъ подцензурный, ежемѣс. подп. цѣна за годъ 12 руб. Варшава.
- Афиши театральныя.** Ц. съ достав. 5 р., на лучшей бумагѣ 10 р.
- Библиографъ.** Журналъ историко-литературный и критико-библиографическій, подцензурный, подп. цѣна 5 р. въ годъ съ доставкой и пересылкой. Спб.
- Библиотека знаменитыхъ писателей.** Журналъ подцензурный. Ц. 12 р. въ годъ съ доставк. и перс. Спб.
- Библиотека Врача.** Журналъ подцензурный ежемѣсячный. Подп. цѣна съ доставк. и перес. 10 р. въ годъ. Москва.
- Биржевыя Вѣдомости.** Газета бирж., финансовъ, торговли, политики и обществ. жизни. Ц. съ доставк. и перес. на 1-е изд. 15 р., на 2-е изд. 4 р. въ годъ.
- Благовѣсть.** Журналъ подцензурный. Цѣна съ дост. и перес. 5 р. въ годъ. Спб.
- Будильникъ.** Журналъ сатирическій, съ карикатурами. Москва. Ежедневно Ц. съ пер. и дост. 10 р.
- Будьте здоровы!** Популярно-медич. и гигиеническій журналъ, подп. цѣна 5 р. съ дост. и перес. Спб.
- Варшавскій Дневникъ.** Ежедневная газета. Ц. съ пер. и дост. 12 р.
- Волгарь.** Ежеднев. газ. Н.-Новгородъ. Ц. 8 р.
- Волжскій Вѣстникъ.** Ежедневный журн. съ прилож. сборника научно-беллетристическаго содерж. Казань. Ц. съ пер. 7 р.
- Волынъ.** Газета: 8 раза въ недѣлю. Житомиръ. Ц. съ дост. и пер. 5 р.
- Вокругъ Свѣта.** Ежемед. иллюстр. журналъ 4 р. съ пер., съ карт. 5 р.
- Восходъ.** Ежемѣсячный журналъ съ приложеніемъ „Ежедневной хроники“. Ц. съ дост. и пер. 10 руб.
- Воскресенье.** Иллюстрированный еже-
- недѣльный журналъ для народа. Ц. съ дост. и пер. 3 р.
- Восточное Обозрѣніе.** Литературно-политическая газета. Иркутскъ. Ц. съ пер. 6 р.
- Воспитаніе и обученіе.** Ежемѣсячн. педагогич. сборникъ. Ц. съ перес. и дост. 2 р. Спб.
- Врачъ.** Газета безцензурная, ежедневная. За годъ съ перес. и дост. 9 руб. Спб.
- Всемирная Иллюстрація.** Большой иллюстрированный журналъ. Выходитъ ежедневно съ ежемѣс. л.—н. прилож. „Трудъ“. Ц. съ дост. 17 р., съ пер. 18 р.
- Всходы.** 5 р. Спб.
- Вѣдомости Спб. Градоначальства.** Ц. съ дост. 5 р., съ пер. 7 р.
- Вѣстникъ Европы.** Журналъ исторіи, политики и литературы. 12 номер. въ годъ. Ц. съ пер. 17 р.
- Вѣстникъ иностранной литературы.** Ежемѣсячный журналъ. Ц. 4 руб.
- Вѣстникъ Кавказа.** Газета ежедневная. Тифлисъ. Ц. съ пер. 10 р.
- Вѣстникъ винодѣлія.** Ц. 6 руб. Одесса.
- Вѣстникъ Воспитанія.** Журналъ иллюстрированный подцензурный безъ дост. 5 р., съ дост. и перес. 6 руб. Москва.
- Городекой и сельскій учитель.** Журналъ подцензурный съ доставк. и перес. за годъ 3 р. Симбирскъ.
- Гражданинъ.** Газета вых. 2 р. въ нед. съ ежемѣс. прилож., съ дост. и пер. 6 руб.
- Деревня.** Сельско-хоз. журналъ. Под. Ц. съ дост. и перес. 3 руб. Спб.
- Донская Пчела.** Газета; два раза въ недѣлю. Ростовъ-на-Дону. Ц. съ пер. и дост. 7 р.
- Досугъ и Дѣло.** Журналъ для солдатъ и народа. 6 выпуск. въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 4 р.
- Домашняя Библиотека.** 4 руб. Спб.
- Душеполезное Чтеніе.** Журналъ подцензурный ежедневный. Под. Ц. съ достав. и перес. 4 р. Москва.
- Дѣло.** Иллюстр., научно-практич. популярный журналъ. Изд. ежемѣсячное, подцензур. Ц. за годъ съ дост. и пересылкой 1 руб. Москва.
- Дѣтскій Отдыхъ.** Журналъ подцензурный, иллюстрированный, ежемѣ-

- сяный. Подписн. Ц. съ дост. и перес. 6 р. Москва.
- Дѣтское Чтеніе.** Иллюстр. подцензурный ежемѣсячный журналъ. Подп. Ц. съ дост. и пер. 6 р., 6 д. и пер. 5 р. Москва.
- Дѣтская Медицина.** 4 р.
- Екатеринбургская Недѣля.** Еженедѣльная газета. Екатеринбургъ. Ц. съ перес. 6 р.
- Естествознаніе и Географія.** Ежемѣсяч. научно-популярный и педагогическій журналъ б. д. 4 р., съ доставкой и перес. 4 р. 50 к. Москва.
- Желѣзнодорожное Дѣло.** Журналъ безцензурный. Съ дост. и перес. 6 р. въ годъ.
- Живописное Обзорѣніе.** Иллюстрированный беллетристическій журналъ. Еженедѣльно, съ ежемѣсяч. литер. прилож. Ц. съ дост. и пер. 8 р., на велен. бум. 15 р.
- Journal de St.-Petersbourg.** Ежедневная газета. Ц. съ дост. 18 р., съ пер. 22 р.
- Journal d'Odessa.** Ежедневная газета. Одесса. Ц. съ доставк. и пересылк. 14 руб.
- Задушевное Слово.** Ежемѣсячный журналъ, подцензурный, старшій возрастъ: съ дост. и перес. 6 р.; младш. возрастъ съ дост. и пер. 6 р. Спб.
- Звѣзда.** Литер. художеств. журналъ. Еженедѣльное подцензурное изданіе. Съ дост. и пер. 6 р. Спб.
- Земледѣльческая Газета.** Еженедѣльное безцензурное изданіе. Ц. съ перес. 4 р. 15 к. Выѣстъ съ журналомъ „Сельское хозяйство и глѣбоводство“ издающ. подъ одной редакціей. Ц. съ перес. 8 р. 30 к. Спб.
- Зодчій.** Художественно - техническій журналъ ежемѣсячный. Ц. съ дост. 12 р., съ пер. 14 р.
- Игрушечка.** Дѣтскій журналъ подцензурный, ежемѣсячный, иллюстрированный для младшаго возраста. Подп. Ц. съ перес. 3 р., съ прилож. отдѣла для малютокъ б р. Спб.
- Инженеръ.** Журналъ подцензурный, ежемѣсячный; подп. Ц. съ дост. и пер. 12 руб. Кіевъ.
- Историческій Вѣстникъ.** Ежемѣсячн. журн. Ц. съ дост. и пер. 10 руб.
- Кавказъ.** Газета политич. и литерат. Ежедневно. Тифлисъ. Ц. съ дост. и пер. 13 р.
- Кіевлянинъ.** Газета юго-западнаго края. Ежедневно, выходить въ Кіевѣ. Ц. съ достав. и пер. 12 р.
- Книжный Вѣстникъ.** Журналъ подцензурный, ежемѣсячный, съ пер. 3 р. Спб.
- Край.** („Kraj“). Ежемѣсячная политическая и общественная газета на польскомъ языкѣ. Ц. съ дост. 10 р., 5 р. съ пер. 12 р.
- Кронштадтскій Вѣстникъ.** Морская газета. Ц. съ доставк. и перес. 8 руб.
- Курьеръ Торговли и Промышленности.** Ежедневная торг.-промыш. и заводская фабричная газета, съ перес. 5 р. Москва.
- Литературное Обзорѣніе.** Съ перес. Спб.
- Лучъ.** Ежедневная газета. Ц. съ приложеніями и съ пересыл. 7 р. Спб.
- Лѣсной Журналъ.** Съ перес. 4 р. Спб.
- Малютка.** Иллюстрированный журналъ для дѣтей. Изд. подцензурное, ежемѣсячное. Ц. съ перес. 2 р. 50 к.
- Медицинское Обзорѣніе.** Журналъ безцензурный. Выходить 2 раза въ годъ. Ц. съ перес. 12 р. Москва.
- Міръ Божій.** Ежемѣсячный литературный и научно-популярный журналъ. Ежемѣсячное подцензурное изданіе. Ц. съ перес. 7 р.
- Московскія Вѣдомости.** Газета политическая и литературная. Ц. съ дост. и пер. 17 р.
- Moscauer deutsche Zeitung.** 6 разъ въ недѣлю. Ц. съ дост. и пер. 10 р.
- Московскій Листокъ.** Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 10 р.
- Наблюдатель.** Литературно-политич. журналъ. Ц. съ перес. 12 р.
- Научное Обзорѣніе.** Журналъ подцензурный еженедѣльный. Ц. съ перес. 7 р. Спб.
- Недѣля.** Еженедѣльная газета съ приложеніемъ ежемѣсячнаго „Журнала романовъ и повѣстей“. Ц. съ перес. и дост. 9 р.
- Нива.** Иллюстрир. журналъ для семейнаго чтенія. 52 №№ въ годъ, съ ежем. литер. прилож. Ц. съ перес. 7 р.
- Новое Врѣмя.** Газета политическая и литературная. Ежедневно. Ц. съ дост. 16 р., съ перес. 17 р.
- Новое Слово.** Ежемѣсячный журналъ. Подписка съ октября 1895 г. Спб. Ц. 10 р. съ дост. и перс.
- Новороссійскій Телеграфъ.** Газета политич., литер. и эконом. Ежедневно. Одесса. Ц. съ перес. и дост. 14 р.
- Новости.** Ежедневн. политич. и литературы газета. 1-е изд.: съ перес. 17 р., 2-е изд.: съ перес. 10 р.
- Новости Дня.** Ежедневная газета. М. Ц. съ перес. 8 р.
- Новъ.** Иллюстрированный двухнедѣльн. вѣстникъ. Годовая подписная цѣна 18 р.
- Новости Иностранной Литературы,** собраніе переводныхъ романовъ и повѣстей. Журналъ подцензурный, ежемѣсячный. Съ перес. 3 р. Москва.

- Новый Русскій Базаръ.** Журналъ иллюстрирован. подцензурный ежедневный. Ц. на 1-е изд. съ перес. 7 р. Ц. на 2-е изд. съ перес. 9 р. Ц. на 3-е изд. съ пер. 12 р.
- Нувеллистъ.** Музыкальный журналъ. съ музыкально-литературнымъ прибавл. 12 книгъ въ годъ. Ц. съ дост. и перес. 6 руб.
- Образование.** Ежемесячный журналъ. Слб. Ц. 5 р. съ достав. и перес.
- Осколки.** Ежегодный иллюстр. журн. Ц. съ дост. и перес. 9 р.
- Парижскія Моды.** Съ перес. 4 р.
- Петербургская Газета.** Газета обществен. жизни и литерат. Ц. съ перес. 10 р.
- Петербургская Жизнь.** Иллюстр. еженедельн. журналъ. Ц. 6 р. съ дост. и перес.
- Петербургскій Листокъ.** Газета общественной жизни и литерат.; ежедн. Ц. съ перес. 10 р.
- Природа и люди.** Журналъ путешествій. Ежегодный. Ц. 6 р.
- Правительственн. Вѣстникъ.** Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 12 р.
- Развѣдчикъ.** Журналъ библиографическій и научно-литературный, отъ 20 до 40 №№ въ годъ. Ц. съ дост. и перс. 6 руб.
- Развлечение.** Журналъ литературы и юмористич. съ политипажами. Выходятъ еженедельно. Ц. съ пер. и дост. 6 р.
- Ребусъ.** Ежегодный. Ц. съ дост. и пер. 5 р.
- Ремесленная Газета.** Газета подцензурная, еженедельная. Съ перс. 6 р. Москва.
- Родина.** Ежегодный иллюстрированный журналъ съ приложеніемъ романовъ. Ц. съ пер. 6 р.
- Родникъ.** Журналъ иллюстрированный, ежемѣсячный. Съ приложеніемъ „Воспитаніе и обученіе“ 6 р. съ перес. Отдѣльно „Воспитан. и обученіе“ 2 р. съ перес. Слб.
- Русское Богатство.** Ежемѣсячный журналъ. Ц. съ дост. и пер. 9 р.
- Русскій Вѣстникъ.** Журналъ литературный и политическій. 12 кн. въ годъ. Ц. съ дост. 16 р., съ пер. 17 р.
- Русскій Инвалидъ.** Газета военная, ежедневная. Ц. съ перес. 9 руб., вмѣстѣ съ „Военнымъ Сборн.“ 13 р.
- Русское Обозрѣніе.** Ежемѣсячный литературно-политич. журналъ. М. Ц. съ пер. 15 р.
- Русскія Вѣдомости.** Газета политическая. Ц. съ дост. и пер. 11 р.
- Русь.** Газета политич. и литерат. Ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 7 р.
- Русскій Паломникъ.** Иллюстрированный журналъ, подцензурный, еженедельный. Съ приложеніями 6 р.
- Русскій Начальный Учитель.** Журналъ подцензурный ежемѣсячный. Съ перес. 3 р. Слб.
- Русскій Архивъ.** Журналъ безцензурный ежемѣс. Съ перес. 9 р. Москва.
- Русская Старина.** Журналъ безцензурный, ежемѣсячный. Съ пер. 9 р. Слб.
- Русская Школа.** Журналъ подцензурный ежемѣсячный. Съ перес. 7 р. Слб.
- Русское Слово.** Съ перес. 5 руб. Москва.
- Сельское Хозяйство и Лѣсоводство.** Журналъ безцензурный ежемѣс. съ перес. 4 р. 40 к. Вмѣстѣ съ „Земледѣльческою Газетою“ годовая цѣна съ перес. 8 р. 25 к. Слб.
- С.-Петербургскія Вѣдомости.** Газета политическая и литературная, выходитъ ежедневно. Ц. съ съ пересылкой 17 р.
- St.-Petersb. Herald.** Ежедневно. Политическая и литературная газета. Ц. съ пер. 14 р.; за 6 м. 7 р. 50 к. съ дост. и пер.
- St.-Petersburg. Zeitung.** Газета политическая ежедневная. Ц. съ пер. 14 р.

Открыта подписка

на ежемѣсячный литературно-научный и политическій журналъ

„СЪВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“.

1-го января 1897 г. вышла I-я книжка:

I. ХИМЕРА. Повѣсть С. Смирновой.—II. ТУРГЕНЕВЪ и ТОЛСТОЙ. Проф. Д. Овсяннико-Куликовского.—III. ЮНОСТЬ И МОЛОДОСТЬ П. И. ЧАЙКОВСКАГО. М. Чайковскаго.—IV. СТИХОТВОРЕНИЕ. М. Лохвицкой.—V. АГЛАФОНА И СЕЛИЗЕТА. Мориса Метерлинка. Съ предисловіемъ Н. Минскаго.—VI. БОГАТВЕТЬ ИЛИ БѢДНѢТЬ РОССИЯ? М. М. П.—VII. ЗИМНИЕ ЦВѢТЫ. Стих. Д. Моремковскаго.—VIII. ЗАПИСКИ А. О. СМИРНОВОЙ. Свиданіе А. О. СМИРНОВОЙ съ Жуковскимъ и Гоголемъ во Франкфуртѣ.—Вопросы религіи и совѣсти.—Разсказы Жуковскаго о дуэли и смерти Пушкина.—IX. ТАРАКАНИЙ БУНТЪ. Русская повѣсть. М. Блинскаго.—X. НОВАЯ РУССКАЯ МУЗЫКА. А. Мопляева.—XI. ВЪ ОБЛАСТИ УГОЛОВНОЙ РЕПРЕССИИ (По поводу нов. уголов. уложенія). М. Стывала.—XII. КОРОТКАЯ РАДОСТЬ. Стих. Ѳ. Сологуба.—XIII. ПЛОСКОГОРЬЕ. Романъ. Ч. III. Свѣтлыя ночи. Л. Гуревичъ.—XIV. СТИХОТВОРЕНИЕ. К. Фофанова.—XV. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. Н. С. Лѣмова.—Поэтика по вопросу о пожарахъ.—Женская эмансипація, нигилисты и романъ Чернышевскаго.—Лѣсковъ какъ художникъ.—„Сборяне“. А. Вельнскаго.—XVI. Област. и земск. отдѣлы. НАШИ ЗЕМСКІЯ ДѢЛА. Ходатайства земствъ о расширеніи правъ крестьянъ.—Школьный вопросъ.—Земскія ходатайства объ отнятіи тѣлеснаго наказанія. Н. Добролюбова.—XVII. ПРОВІНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ. Недугъ современной деревни. К. В.—XVIII. ЗА ПРЕДѢЛАМИ ЕВРОП. РОССИИ. Дѣла и нужды Сибири. Васяя о сибирякѣ-американцѣ.—Выводочные итоги.—Торгово-промышленный сѣздъ и сибирскіе ротоваки.—Почтово-телеграфные порядки въ Сибири.—Вопросъ о распространіи фабричнаго законодательства на Сибирь. Н. Арсѣева.—XIX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Разногласіе въ опредѣленіи размѣровъ урожая.—Земство и земскіе начальники.—Поддаленіе уѣздныхъ земствъ губернскими.—Узаконеніе крестьянской жизни.—Комиссія по составленію положенія объ артеляхъ.—XX. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ. „Неинтересный“ годъ.—Общественно-экономическій вопросъ.—Всеобщая подача голосовъ.—Любовь и правда.—Марсъ и Минерва.—„Километритъ“ и миротворцы.—Душа микротворенія.—Женскій смотръ.—Новый Свѣтъ.—Биметаллисты и капиталисты. Проф. А. Трачевскаго.—XXI. КРИТИКА. Э. Писменова. Францискъ Ассизскій.—Г. Брандесъ. Литературные портреты.—В. Вахтеровъ. Вышшольное образованіе народа.—XXII. ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ. Юбилей Антокольскаго.—Эпизодъ изъ жизни гр. Л. П. Толстого.—Мусоргскій и его опера „Борис Годуновъ“.—Диспутъ или комедія.

При этомъ номерѣ нов. подписчикамъ „Сѣв. Вѣст.“ разсылаются прилож. „Плоскогорье“ ром. Л. Гуревичъ, ч. I и II (напеч. въ 1896 г.).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ НАСТУПАЮЩАГО ГОДА

СЪ ДОСТ.	11	Р.	ВЪ С.-ПЕТ.	12	Р.	СЪ ПЕРЕС.	12	Р.	ВЪ РОССИИ.
безъ измѣненія объема сост. книг.									
ПОНИЖЕНА									
1 м. безъ дост.—90 к., 1 м. съ дост.—1 р.									

Допускается разсрочка.

Подписка принимается въ Главн. Конторѣ, Спб., Троицкая, 9.

Въ Моск. Отдѣл.: Петровскія лин., конт. Печковской и во всѣхъ книг. магаз.

Редакторъ-издательница Л. Я. Гуревичъ.

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ФЕВРАЛЬ.

МОСКВА.

Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пименовская ул., собств. домъ.

1897.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. МИЛЛІОНЫ. Повѣсть.—П. Д. Боборынина	1
II. РЕСПУБЛИКА БАМЕНОЛОМОВЪ. (Недѣля въ Санъ-Марино). <i>Окончаніе.</i> —Вас. И. Нешировича-Данченка	59
III. АРМАТУРА. Романъ Поля Эрвье. Переводъ съ французскаго. <i>Окончаніе.</i>	86
IV. МІРСКОЕ ДИТЯ. Разсказъ Маріи Эбнеръ фонъ-Эшенбахъ. Пе- реводъ съ нѣмецкаго Н. К. <i>Продолженіе</i>	119
V. УГОЛОКЪ КОЛХИДЫ. <i>Продолженіе.</i> —В. Я. Свѣтлова	159
VI. НА ЯСНОМЪ БЕРЕГУ. Повѣсть Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. <i>Продолженіе</i>	214
VII. ЗВѢРЬ ВЪ ЧЕЛОВѢКЪ. (Дюре Рейнъ). (Изъ семейной хро- ники). Романъ Іонаса Ля. Перев. съ датск. А. и П. Ганзенъ. <i>Продолженіе</i>	218
VIII. КРЕСТОНОСЦЫ. Историческій романъ Генрика Сенкевича. Пе- реводъ съ польскаго В. М. Л.	236
IX. ВСЕОБЩЕЕ ОБУЧЕНІЕ ВЪ МАЛОНАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТНО- СТЯХЪ И ШКОЛЬНАЯ СЪТЪ. <i>Окончаніе.</i> —В. П. Вахтерова.	1
X. ПО ПОВОДУ СОЧИНЕНІЯ ПРОФ. А. Ф. КИСТЯКОВСКАГО <i>Изслѣдованіе о смертной казни.</i> Второе изд. подъ редакціей Т. С. Спб., 1896 г.—В. П. Даневскаго	22
XI. ЗЕМЛЕДѢЛІЕ И ГОРНОЗАВОДСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВЪ РОССІИ.—И. Н. Миллашевскаго.	41
XII. ГРАЖДАНСКОЕ УЛОЖЕНІЕ ДЛЯ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРІИ ВЪ СВЯЗИ СЪ НАУЧНЫМИ И ОБЩЕСТВЕННЫМИ ТЕЧЕНІЯМИ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ.—М. И. Бруна.	58

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

КНИГА II.

МОСКВА.

—
1897.

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. МИЛЛИОНЫ. Повѣсть.—П. Д. Боборыкина	1
II. РЕСПУБЛИКА КАМЕНОЛОМОВЪ. (Недѣля въ Санъ-Марино). <i>Окончаніе.</i> —Вас. И. Немировича-Данченка	59
III. АРМАТУРА. Романъ Поля Эрвѣ. Переводъ съ французскаго. <i>Окончаніе</i>	86
IV. МІРСКОЕ ДИТЯ. Разсказъ Маріи Эбнеръ фонъ-Эшенбахъ. Пе- реводъ съ нѣмецкаго Н. К. <i>Продолженіе</i>	119
V. УГОЛОКЪ КОЛХИДЫ. <i>Продолженіе.</i> —В. Я. Свѣтлова	159
VI. НА ЯСНОМЪ БЕРЕГУ. Повѣсть Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. <i>Продолженіе</i>	194
VII. ЗВѢРЬ ВЪ ЧЕЛОВѢКѢ. (Дюре Рейнъ). (Изъ семейной хро- ники). Романъ Гюстава Ля. Перев. съ датск. А. и П. Ганзенъ. <i>Продолженіе</i>	218
VIII. ВРЕСТОНОСЦЫ. Историческій романъ Генрика Сенкевича. Пе- реводъ съ польскаго В. М. Л.	236
IX. ВСЕОБЩЕЕ ОБУЧЕНІЕ ВЪ МАЛОНАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТНО- СТЯХЪ И ШКОЛЬНАЯ СЪТЪ. <i>Окончаніе.</i> —В. П. Вахтерова.	1
X. ПО ПОВОДУ СОЧИНЕНІЯ ПРОФ. А. Ф. КИСТЯКОВСКАГО <i>Изслѣдованіе о смертной казни.</i> Второе изд. подъ редакціей Т. С. Спб., 1896 г.—В. П. Даневскаго	22
XI. ЗЕМЛЕДѢЛІЕ И ГОРНОЗАВОДСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВЪ РОССІИ.—И. Н. Миклашевскаго.	41
XII. ГРАЖДАНСКОЕ УЛОЖЕНІЕ ДЛЯ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРІИ ВЪ СВЯЗИ СЪ НАУЧНЫМИ И ОБЩЕСТВЕННЫМИ ТЕЧЕНІЯМИ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ.—М. И. Бруна.	58

XIII. ШКОЛЬНЫЯ БАССЫ И ШКОЛЬНЫЯ СТОЛОВЫЯ ВО ФРАНЦІИ.—У. Манскаго	79
XIV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1897 годъ.—Податныя льготы.—Низкія хлѣбныя цѣны потрясаютъ русское народное хозяйство.—Чрезвычайные успѣхи русской промышленности.—Особенности въ экономической эволюціи Россіи и Запада.—Денежная реформа.—Русско-китайская желѣзная дорога, какъ проводникъ русской культуры.— Союзъ взаимопомощи русскихъ писателей.—† Е. И. Красноперовъ.—† В. Я. Оедоровъ	100
XV. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: «Малый театр»: <i>Подорожникъ</i> , комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, Е. Гославскаго.— <i>Кумиръ</i> , комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, Н. А. Борисова. Ан.—Музыкальная хроника.—Александра Барсова	117
XVI. ДВѢ ГРЯДУЩАЯ ГОДОВЩИНЫ.—В. А. Гольцева	132
XVII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г.	134
XVIII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Философія, психологія, педагогика.—Исторія, исторія литературы.—Путешествія, географія.—Юридическія книги.—Естествознаніе.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Учебники, дѣтскія книги. II. Периодическія изданія: «Русскій Вѣстникъ», декабрь.—«Русское Обозрѣніе», ноябрь—декабрь.—«Сѣверный Вѣстникъ», январь.—«Русское Богатство», декабрь.—«Міръ Божій», январь.—«Вѣстникъ Европы», январь.—«Всходы», №№ 1 и 2. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 января по 1 февраля 1897 г.	53
XIX. ОБЪЯВЛЕНІЯ	1

М И Л Л И О Н Ы.

Повѣсть.

I.

Сверху, съ самаго края площадки, временнаго «амфитеатра» на дворѣ Сорбонны, рядъ низкихъ скамеекъ казался пестрымъ ковромъ. Высокія шляпки съ перьями и цвѣтами заслоняли собою темныя фигуры мужчинъ; женщины захватили аудиторію и до прихода профессора гудѣли, какъ рой осъ.

Въ дверку верхней площадки вошелъ, въ шляпѣ, молодой художавый блондинъ, небольшого роста, и сталъ обводить амфитеатръ, съвозъ стекла *rinse-nez*, тревожнымъ взглядомъ карихъ глазъ съ красноватыми вѣями. Плоскіе волосы, лежащіе двумя прядями на вискахъ, дѣлали его блѣдное лицо еще уже. Рѣдкая борода торчала клинушками. На немъ ловко сидѣла темная визитка, съ длиннымъ хвостомъ, и парижская манера одѣваться совсѣмъ не подходила къ его бытовому русскому лицу приказчика или купеческаго сына.

Онъ и былъ «купеческій сынъ». Звали его Захаръ Кузьмичъ Фокинъ. Ни имя, ни отчество, ни фамилія—давно ему не нравились; но здѣсь онъ на карточкѣ ставитъ: «Z. Foquine», чтѣ, по-французски, звучитъ совершенно прилично.

Нѣсколько разъ поглядѣлъ онъ направо и налево, не рѣшаясь сразу сѣсть. На верхнихъ трехъ скамьяхъ были еще свободныя мѣста.

Онъ кого-то искалъ, и врядъ ли женщину. Эта масса расфранченныхъ парижанокъ—больше оттуда, «съ праваго берега» Сены, изъ богатыхъ кварталовъ Биржи и Мадлены—непріятно смущала его. Давно онъ не заглядывалъ въ Сорбонну; а на лекціи этого профессора не былъ еще ни разу. Его почти оскорблялъ такой непошранный наплывъ всѣхъ этихъ «перепѣлокъ»: онъ мысленно употребилъ жаргонное слово «*caillettes*».

Зачѣмъ ихъ пускаютъ сюда, точно на какой публичный балъ? Развѣ онѣ имѣютъ что-нибудь общее съ наукой? И настоящихъ-то «студентовъ» онѣ недолюбливалъ, тѣхъ, что «шатаются» на лекціи по философіи и естественнымъ наукамъ. Но такихъ тутъ дватри десятка, остальное—все «перепелки».

Ему припомнились скандалы, когда чуть ли не на самый этотъ курсъ французской литературы студенческая молодежь приходила протестовать противъ такого нашествія франтихъ, кричала по пѣтушиному, мяукала, пѣла непристойныя пѣсенки, давала имъ циническія прозвища. И по-дѣломъ! И сегодня не дурно бы затѣять такой же «буканъ», чтобы было имъ «неповадно».

Снизу все прибывали женщины. Наверху скамейки тоже наподнялись.

Фокинъ сѣлъ на самомъ краю одной изъ верхнихъ скамеекъ, по срединѣ амфитеатра.

Тотъ, кого онъ ждалъ, или не пришелъ, или тамъ внизу затерть между этими безобразными шляпами и рукавами, въ видѣ пузыря. Идти туда искать онъ не рѣшился. Въ толпѣ, даже на бульварѣ, въ кафе, а тѣмъ болѣе въ аудиторіи, онъ былъ всегда стѣсненъ, хотя и не любилъ сознаваться въ этомъ.

Ему назначилъ свиданіе одинъ «французикъ», только что пріѣхавшій изъ Россіи. Онъ пишетъ докторскую диссертацию на «франко-русскую» тему и прожилъ больше года въ Москвѣ и около нея по деревнямъ. Съ нимъ они встрѣчались въ библиотекахъ, и онъ давалъ ему письма въ Москву. Французикъ знакомъ съ тѣмъ профессоромъ, котораго ждетъ вся эта дамская толпа, и просилъ Фокина завернуть сегодня на его лекцію.

Можетъ, онъ и тутъ, да какъ его сыскать? Придется высидѣть цѣлый часъ. Становилось душно. На дворѣ—жаркій майскій день. Запахъ пыли стоялъ въ воздухѣ аудиторіи.

Онъ снялъ свой цилиндръ и бережно поставилъ его рядомъ на скамью. Разсчитанность его движеній мало подходила къ тревожной нервности выраженія лица. Онъ такъ же бережно снялъ рипсе-пез и протеръ его, потомъ вынулъ изъ наружнаго кармана жакетки цвѣтной шелковый платокъ и прошелся имъ по блѣдному лбу съ чуть замѣтными морщинками.

Ему сдѣлалось тягостно искать глазами знакомаго француза. Онъ—нечего дѣлать!—прослушаетъ лекцію. Профессоръ—одинъ изъ модныхъ «conférenciers», идолъ дамъ—такъ мало интересовалъ его, что онъ ни разу не пошелъ его послушать; а въ этомъ амфитеатрѣ бывалъ, годъ назадъ, на другомъ курсѣ.

Развѣ это наука, какъ онъ ее понимаетъ? Это — битыя сливки литературнаго пустословія. Разбирать современныхъ писателей, романистовъ, драматурговъ передъ аудиторіей изъ «перепелокъ» — чистая профанация самыхъ стѣнъ древней Сорбонны.

И онъ съ брезгливою гримасой прошелся еще разъ взглядомъ по пестрому цвѣтнику шляпокъ, внизъ по спуску амфитеатра.

Гудѣнье женскихъ разговоровъ улеглось. Изъ двери слѣва показался служитель въ цѣпи, а за нимъ профессоръ, одѣтый въ сюртукъ скромнаго вида, еще молодой брюнетъ, съ головой скорѣе журналиста, чѣмъ университетскаго преподавателя.

Его приняли рукоплесканіями. Онъ раскланялся на обѣ стороны и, низко нагибаясь надъ книгами, которыя принесъ съ собою, съ минуту разбирался въ нихъ, потомъ налилъ себѣ стаканъ воды, откинулся на спинку кресла и поправилъ рукой волосы.

Фокинъ оглядѣлъ его внимательно, и брезгливая усмѣшка снова прошлась по его безбровнымъ губамъ.

Онъ почти пожалѣлъ, что этотъ любимецъ дамъ не оказался гораздо фатоватѣе, вродѣ тѣхъ краснобаевъ, какихъ ему случилось, на первыхъ порахъ житья въ Парижѣ, слышать въ театрахъ, на утреннихъ спектакляхъ, въ тѣхъ залахъ модныхъ театриковъ, гдѣ «продюзируютъ» разныхъ кафешантаннхъ пѣвчицъ.

Но лекторъ и наружностью, и манерами, и тономъ не смахивалъ на «сноба», заговорилъ не громко, искреннимъ тономъ и почти безъ жестовъ. Въ лекціи своей онъ продолжалъ разбирать произведенія одного изъ драматурговъ второй имперіи, говорилъ умно, не скучно, бозъ вычурныхъ ораторскихъ приемовъ.

Но все это не наука, а фельетонъ, много-много статья въ литературномъ журналѣ.

Какъ далеко чувствовалъ себя московскій купеческій сынъ отъ подобныхъ лженаучныхъ сферъ, онъ, признающій только самую строгую эрудицію — кропотливое изученіе «первоисточниковъ», какъ у «бенедиктинцевъ» съ ихъ аскетическимъ служеніемъ тому, что жалгіе дилетантишки называютъ «архивною пылью».

«Архивная пыль!» — нервно повторилъ онъ про себя, уже не слушая лектора и отдаваясь настроенію, охватившему его подъ впечатлѣніемъ этой аудиторіи.

Съ какой стати тратить время не то что уже на такія общедоступныя лекціи, но и на болѣе серьезныя курсы?

Онъ заглянулъ на первыхъ порахъ въ нѣсколько аудиторій Сорбонны и Collège de France и нашель, что «шлянье» по лекціямъ — «низменное дѣло». И совсѣмъ пересталъ заглядывать туда.

А доступъ на спеціальныя «conférences», для держащихъ на высшія степени, обставлены разными формальностями. Онъ бывалъ, какъ сторонній посѣтитель, на одномъ такомъ спеціальному курсѣ по средневѣковой исторіи. Но это отзывается «школярствомъ» и хорошо для тѣхъ, кто пробивается въ доктора. Тексты разбираютъ по выбору профессора. И рефераты дѣлаются все съ тою же цѣлью «натаскать» себя поскорѣе, чтобы смотрѣть—«un jeune homme studieux», достойнымъ того, чтобы его поддержали.

Нѣтъ, ни въ чемъ такомъ онъ не нуждается! Онъ работаетъ самъ и по своему плану, не спѣша, не забѣгая ни къ кому, не выставляясь, «не подходи́мствуя», какъ тѣ монахи бенедиктинцы—безвѣстные и великіе труженики, хоронившіе себя въ кельяхъ.

Горделивыя и сладкія, для него, мысли заронились въ его головѣ. Онъ совсѣмъ пересталъ слушать лектора. Кажется, раза два-три, по аудиторіи проносились волны сдержаннаго смѣха. Что ему до этого? Важное кушанье—остроуміе! Въ кафе, любой подпившій французикъ еще не такъ можетъ потѣшать своихъ друзей за стаканомъ абсента.

Залпъ рукоплесканій заставилъ его встрепенуться.

Лекторъ раскланивался со своею аудиторіей.

II.

Толпа туго расходилась. Фокинъ, спустившись во дворъ по задней лѣсенкѣ амфитеатра, прошелъ къ воротамъ, гдѣ на старыхъ, почернѣлыхъ стѣнахъ вывѣшены разные факультетныя объявленія и программы курсовъ. Онъ вглядывался въ фигуры и лица мужчинъ, ища своего француза.

Тотъ не показывался; быть можетъ, говорилъ еще съ лекторомъ въ комнатѣ, рядомъ съ амфитеатромъ. Фокинъ могъ бы пройти туда и подождать у входа. Но ему не хотѣлось пересѣкать толпу. Ему всякая толкотня была до-нельзя противна.

Пестрые туалеты и шляпки съ перьями и цвѣтами тянулись густою полосой подъ ворота. Нѣкоторые мужчины поворачивали влѣво, вверхъ по двору, или скрывались въ одинъ изъ входовъ того корпуса, гдѣ можно было пробраться въ новое зданіе Сорбонны.

Однимъ изъ послѣднихъ потянулся онъ, лѣнливою и неровною походкой, къ воротамъ, выходящимъ на *Rue de Sorbonne*. Ему было досадно. Онъ потерялъ больше двухъ часовъ совершенно зря. Стало жарче, чѣмъ было утромъ, а въ эти часы онъ сидѣлъ бы или дома, или въ прохладныхъ залахъ библіотекъ.

Идти домой не хотѣлось, ѣхать «на ту сторону воды» — не захѣмъ. Онъ терпѣть не могъ «шлянья» по большимъ бульварамъ или обязательной прогулки «въ лѣсъ». Парижъ потому и не успѣлъ ему примелькаться до тошноты, что онъ велъ тихую, совершенно провинціальную жизнь въ предѣлахъ «Латинской страны», изрѣдка отправляясь туда, на правый берегъ, когда что-нибудь особенное — выставка, пьеса, засѣданіе или сходка — привлечетъ его.

Онъ спустился по улицѣ вправо и взялъ по фасаду новаго зданія Сорбонны.

Сильно припекало. Свѣтлая сторона *Rue des Ecoles* точно жарилась на солнцѣ. Стѣны не успѣвшаго запылиться новаго отеля противъ воротъ Collège de France отдавали нѣжною розоватою окраской.

Бронзовая, немного грузная статуя Клода Бернара, посреди скверика, выступала оливковымъ продолговатымъ пятномъ.

Ѣзда по *Rue des Ecoles* была не шумная. Съ бульвара *St.-Michel* раздавались сигналы конки, грохотъ громоздкихъ omnibusовъ и хлопанье бичей.

На тротуарѣ Фокинъ, все еще томившійся нерѣшительностью — идти ли ему домой, или присѣсть въ кафе и спросить себѣ стаканъ пива, — приостановился около главнаго входа Сорбонны.

Со стороны Collège de France показался молодой человекъ, весь въ свѣтломъ, бритый, съ хорошенькимъ женоподобнымъ лицомъ, въ соломенной шляпѣ съ трехцвѣтною лентой, довольно полный, виднаго роста.

Онъ обернулся и быстро подошелъ къ Фокину.

— Здравствуйте! — осликнулъ онъ его по-русски высокимъ голосомъ подростка, хотя ему на видъ было уже лѣтъ за двадцать.

— А, это вы?... Мое почтеніе! — отозвался Фокинъ не особенно радостно.

Они подали другъ другу руку.

Говоръ этого русскаго обличалъ коренного москвича. И весь онъ смотрѣлъ крупичатымъ молодцомъ, выхолоненнымъ въ богатой купеческой семьѣ.

— Вы опять въ Парижѣ? — спросилъ его Фокинъ.

— Только на одну недѣлю — изучить Салонъ. Не тотъ, что въ Елисейскихъ Поляхъ, а тамъ... на Champ de Mars.

— Декадентовъ? — съ усмѣшкой подсказалъ Фокинъ.

— О вличкахъ не будемъ спорить, Захаръ Кузьмичъ!

— Вы, вѣдь, изъ Лондона?

— И опять туда. Тамъ тоже выставка. Что за Бёрнъ-Джон-

сы! И сколько удивительныхъ вещей не въ одной только живописи. Привладное искусство... Уильямъ Моррисъ!... Это — цѣлый новый міръ. Черезъ двадцать лѣтъ Англія совсѣмъ преобразится въ своихъ вкусахъ. И какой интересъ къ изящному! Что за смѣлость взглядовъ!

— Особенно у того... эстета... какъ, бишь, его... который теперь поймался по скандальному дѣлу?

— Оскаръ Уайльдъ? Что-жъ изъ этого? Миѣ до его нравовъ нѣтъ никакого дѣла! Но книги его, пьесы, романы, это — новое слово!... Вы ничего не читали?

— Нѣтъ-съ, — брезгливо оттянулъ Фокинъ и даже слегка покраснѣлъ.

Онъ не сказалъ, что по-англійски не читаетъ. Это его давно уже можно, и онъ все собрался начать ходить на какіе-нибудь курсы по близости.

— Прочтите его *Intentions*.

Русскій выпалилъ англійское заглавіе, видимо щеголяя акцентомъ. А Фокинъ зналъ, что у него и французское произношеніе до сихъ поръ отзывается Москвой, хотя при немъ и живали гувернеры.

Онъ поморщился.

— Я очень радъ встрѣчѣ съ вами, Захаръ Кузьмичъ. Не хотите ли чѣмъ-нибудь прохладиться? Une consommation, — протянулъ онъ, передразнивая манеру парижанъ: растягивать «а» и дѣлать удареніе на этой гласной.

— Пожалуй, — полуухоты согласился Фокинъ.

Они сѣли подъ навѣсъ углового кафе, выходящаго на бульваръ. Всѣ столики были усеяны молодыми людьми, между ними и нѣсколько женщинъ «квартала», уже не такихъ, какъ прежде, до войны — «въ волосахъ» и даже въ пеньюарахъ — а одѣтыхъ старательно и довольно скромно, смахивающихъ на нѣкоторыхъ посѣтительницъ лекцій.

— Вамъ что угодно, Захаръ Кузьмичъ? — съ отѣянкомъ бупеческой любезности спросилъ русскій.

Фокина внутренно коробило его «имя-отчество»; но онъ не былъ бы доволенъ, еслибъ этотъ «декадентъ» сталъ товарищески звать его только по фамилии.

Самъ онъ зналъ, какъ того величать по имени и отчеству, но не хотѣлъ. Очень долго онъ его звалъ, за- глаза, «Парчевый Ванечка», потому что у его родителей парчевая и шелковая фабрики подъ Москвой и въ Ярославской губерніи.

Домами они давно знакомы. Этого Ванечку онъ помнить еще

гимназистикомъ, но компаніи съ нимъ не водилъ, — самъ онъ былъ уже студентъ и держался и съ нимъ, и съ его родными суховато.

Отецъ — заурядный мужикъ, миллионщикъ, кажется, выпивающій, малограмотный; мать и совсѣмъ простая, ходила еще не такъ давно въ платочкѣ. Оба они состоятъ по одному изъ раскольничьихъ кладбищъ, а теперь вотъ этотъ самый «эстетъ» величаетъ себя «религіознымъ диссидентомъ», хотя онъ просто-на-просто едосѣвецъ по вѣрѣ своихъ родителей.

И удивительное дѣло, какъ въ такой семьѣ, въ какихъ-нибудь восемь-десять лѣтъ, выровнялся вотъ такой ангажированный декадентъ! Кажется, «умственность» привила ему какая-то кузина, ѣздившая на Лубянскіе курсы. Потомъ стали брать къ нему гувернеровъ, какъ къ настоящему барчуку, и къ языкамъ онъ выказывалъ большія способности; по-англійски уже рѣзалъ лѣтъ пятнадцать. Учился въ частной гимназіи, сталъ немного баловаться масляными красками, водиться съ художниками, покупать картинки и цѣнныя вещи у антикварщиковъ. Учился не важно, однако въ университетъ поступилъ на филологическій факультетъ. Съ третьяго курса вышелъ. Еще гимназистомъ сталъ разъѣзжать по Европѣ, какъ любитель искусствъ, кажется, и расконки производилъ «въ самой что ни-на-есть Троѣ», какъ острилъ одинъ его пріятель, и вотъ теперь пишетъ книгу — о *Беато Анжелико да Фьезоле*, ни больше, ни меньше!...

Эта книга всего сильнѣе смущала Фокина. Онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что всю черновую работу справляли за Ванечку разные итальянскіе оборванцы въ музеяхъ, библіотекахъ, монастыряхъ, а онъ будетъ только снимать сливки и поражать публику глубиной своей эрудиціи и эстетическаго чутья. И книгу выпустить онъ на двухъ языкахъ — по-французски и по-англійски.

III.

— Что же вы подѣлываете, Захаръ Бузьмичъ? Гдѣ здѣсь бываете? Въ какихъ сферахъ?

«Парчевый Ванечка» вкусно отпилъ изъ стакана и тонкія струйки пѣны остались на его сочныхъ губахъ.

Фокинъ не любилъ такихъ вопросовъ.

— Въ какихъ сферахъ? — повторилъ онъ съ усмѣшкой и сталъ смотрѣть на золотистую жидкость въ своемъ стаканѣ. — Это очень громко, Торсуевъ!...

Онъ называлъ земляка по фамиліи не безъ ехидства. Очень

она уже была «рядская», пахла лабазомъ и бакалейной лавкой и совѣшь уже не шла къ ученой монографіи о «Беато Анджѣлико да Фьезоле».

— Почему же громко? — немного прищурившись, возразилъ Торсуевъ, снялъ шляпу и обнажилъ темно-каштановые волнистые волосы, съ моднымъ хохломъ на лбу. — Здѣсь такая вездѣ идетъ и явная, и подземная работа! Я равнодушенъ къ социальному движенію и вообще ко всему, кромѣ искусства. Но еслибъ я былъ, какъ вы, историкъ...

— Это опять громко, Торсуевъ. Я еще не мию себя историкомъ. И тревожнымъ взглядомъ своихъ нездоровыхъ глазъ Фокинъ добавилъ:

«Я, мой милый, не такой хлыщъ, какъ ты... Чужими руками жаръ не загребая!»

— Но работаете по этой специальности. Ужъ вы ко мнѣ не придирайтесь, Захаръ Бузьмичъ. Какъ будто нельзя, такъ сказать, на чужбинѣ поговорить по душамъ, а?

И онъ прикоснулся бѣлой, пухлой рукой къ волѣну своего собесѣдника.

Фокинъ отхлебнулъ изъ стаканана и не сразу отвѣтилъ.

— Шататься безъ толпу по лекціямъ и засѣданіямъ я не имѣю охоты, — заговорилъ онъ медленно и вяло, глухимъ тономъ. — Только глупая трата времени...

— Значить, дома больше сидите, Захаръ Бузьмичъ?

— Дома... и въ библиотекахъ, — какъ бы нехотя прибавилъ онъ.

— У васъ, вѣдь, своя квартирка? Я совѣшь и забылъ... Какъ же, какъ же!... Очень мило. Кажется, и брикъ-а-бракъ имѣется?... Я помню одну вещицу... Какъ будто Фрагонаръ? Или Блюдионъ? Только подлинный ли? Здѣсь, вѣдь, надувастика въ почетѣ, ха, ха! Можеть, за это время и еще что-нибудь приобрѣли? Любопытно было бы взглянуть.

Онъ навязывался пригласить его къ себѣ, а этого Фокину рѣшительно не хотѣлось. Съ какой стати будетъ онъ таскаться и надѣдать болтовней сноба-эстета? Да еще станеть все обнюхивать, съ видомъ знатока судить и рядить, и давать совѣты, и подтрунивать надъ плохимъ выборомъ или поддѣлкой его вещей.

— Я не собиратель, — также вяло выговорилъ Фокинъ.

— Все, я думаю, у васъ полно книгъ?... Вѣроятно, приобрѣли много цѣнныхъ увражей? Здѣсь и по этой части не мало соблазновъ. И я, когда попаду на набережную, нарвлю поскорѣе пройти, не подходитъ къ витринамъ антикварщиковъ.

— Чего же вамъ бояться? У папеньки денегъ много, а вы единственное чадо...

— Ну, если родителей помянуть, Захаръ Бузьмичъ, такъ капиталы моего отца не выстоятъ противъ миллионновъ Бузьмы Захарыча. И вамъ грѣшно бы было прибѣдливаться! Особенно по своей части... На это никакихъ денегъ не жалко!

Фокинъ зналъ, что его считаютъ скуповатымъ. И это его не то, что огорчало, а задѣвало. Онъ совѣмъ не скряга; а вотъ такой «Парчевый Ваничка» не можетъ понять, что въ денежныхъ отношеніяхъ и съ отцомъ должна быть извѣстная деликатность. У такого «эстета», небось, нѣтъ и тѣни горделиваго чувства. Знай себѣ зализаетъ въ мошну «тятечки», благо старики на него не надыхаются.

— Зря что же нагидываться!

Въ лицѣ его не трудно было распознать весьма малое желаніе продолжать бесѣду.

— А диссертация ваша какъ подвигается, Захаръ Бузьмичъ?

— Вамъ кто же говорилъ, что я пишу диссертацию?

— Предполагаю. Не даромъ же вы сдѣлались специалистомъ.

— Кааедры я не добиваюсь. И никакихъ обязательствъ на себя не беру.

— Однако, намѣтили же опредѣленную тему работы?

— Быть-можетъ, у меня и нѣсколько темъ.

Торсуевъ позвалъ гарсона и спросилъ его, сколько слѣдуетъ.

— Позвольте и мнѣ!—ошликнулъ его Фокинъ.

— Нѣтъ, ужъ это не по-парижски. Я васъ пригласилъ присѣсть. Это ужъ не порядокъ, Захаръ Бузьмичъ!

Когда гарсонъ ушелъ, Торсуевъ привсталъ и надѣлъ шляпу.

— Извините, что задержалъ. Вамъ въ какую сторону? Я къ Одеону, возьму омнибусъ. Ужасъ люблю ѣздить на имперіалѣ! А вы куда?

— Я въ ту сторону, вверхъ по бульвару.

И Фокинъ поднялся. Они дошли до угла и тамъ простились.

— Такъ васъ въ какіе же часы застать, Захаръ Бузьмичъ?

— По утрамъ... до десяти часовъ. А вечера у васъ самихъ, я думаю, на расхватъ?

— Въ Лондонъ не тянетъ васъ?

— Пока еще нѣтъ. Это уснѣется.

Торсуевъ приподнялъ еще разъ шляпу и пошелъ черезъ бульваръ, покачиваясь на своихъ крутыхъ бедрахъ.

Фокинъ поглядѣлъ ему вслѣдъ.

Ему стало немного совѣстно, что онъ такъ сухо—просто даже невѣжливо—обошелся съ этимъ землякомъ.

Но ему «выкормики» купческаго сословія, залетѣвшіе не въ свои хоромы «высшей умственности», были довольно-таки противны. Самъ онъ какъ бы не считалъ себя такимъ же «дворянившимся купчикомъ», продуктомъ того же быта и тѣхъ же наследственныхъ поवादокъ. На себя онъ привыкъ смотрѣть какъ на скромнаго и преданнаго служителя строгой науки.

А такіе вотъ «высочки» и «снобы», какъ этотъ «Парчевый Ванечка»,—безстыдные узурпаторы чужого труда, дурнаго тона франты, тѣшачіе свою тщеславную душонгу; въ сущности они—все тѣ же *Разлюляевы* изъ комедіи Островскаго, только пошедшіе въ «эстеты» вмѣсто того, чтобы въ лисьей шубѣ на отлетѣ, въ поддевкѣ и съ сапогами на выпускѣ, тренькать на гармоніи и приставать къ посадскимъ дѣвушкамъ съ куплетомъ:

«Какъ гусара не любить,
Эфто не годится!»

Только затѣмъ, чтобы отдѣлаться отъ Торсуева, онъ сказалъ, что ему надо вверхъ, по бульвару.

Что-нибудь выдумывать, лгать, хотя бы въ мелочахъ, было ему всегда неприятно.

И все это — и лекція, и жданье француза, и разговоръ съ Торсуевымъ — настроили его безвкусно и тошно.

Мысль о Люксанбургскомъ садѣ напомнила ему, что тамъ, по близости, то кафе съ женской прислужгой, куда онъ случайно зашелъ выпить стаканъ «мазаграна», не предполагая даже, что это—«такое» кафе, и просидѣлъ цѣлыхъ два часа съ одной изъ прислуживающихъ дѣвиць.

Онъ зашелъ и въ другой разъ. Дѣвица сидѣла на колѣняхъ у студента. Онъ повернулся и ушелъ и цѣлую недѣлю стыдилъ себя тѣмъ, что его могло потянуть въ это «caboulot».

Въ такіе часы тамъ еще не можетъ быть много народа. Ему не хотѣлось сказать себѣ, что онъ идетъ именно туда. Сначала онъ, поднявшись къ Люксанбургскому саду, вошелъ въ аллею и побродилъ около пруда.

Жаръ все такъ же беспокоилъ его. Захотѣлось опять какой-нибудь «consommation»,—вспомнилъ онъ, какъ «Парчевый Ванечка» передразниваетъ парижанъ.

IV.

Все кафе уходило въ полусвѣтъ отъ спущенныхъ маркизъ.

Снаружи, на тротуарѣ, не стояло столиковъ, чѣмъ такіе «са-boulois» отличаются отъ обыкновенныхъ кофеенъ и пивныхъ. И стекла входной двери вставляютъ цвѣтныя.

Фокину опять сдѣлалось немного стыдно, когда онъ толкнулъ подвижную половину двери и, озираясь, проникъ въ кафе.

За конторкой, между двумя неизбѣжными вазами, съ длинными ложбами, высился грузный бюстъ хозяйки. Широкое, нѣсколько заплавленное лицо, съ напудренными щеками и слоемъ пудры, спокойно улыбалось и своими толстыми губами, и сѣрыми глазами на выкатъ. Ея жирную грудь стягивало черное шелковое платье. На лбу были городки, примазанные фиксауаромъ.

По кафе шель запахъ пунша, изъ фаянсовыхъ кувшиновъ, стоявшихъ около конторки, на особаго рода грѣлкахъ.

Посѣтителей было всего двое: одинъ на диванѣ слѣва, худой, студентъ, весь бритый, въ высокой шляпѣ, лицомъ смахивающій на чиновника, а не на студента. И портфель лежалъ рядомъ съ нимъ. Его занимала одна изъ дѣвиць, рыжая, съ копной волосъ, въ бѣлой батистовой кофтѣ, съ полуобнаженными руками. Она сидѣла противъ него съ рюмкой желтаго ликера, и, въ эту минуту, что-то силилась вырвать у него изъ руки—какой-то блестящій предметъ.

Ея картавый, горловой голосъ одинъ только и раздавался по всей, довольно обширной комнатѣ, съ лѣсенкой въ глубинѣ. Тамъ, у стола, были еще двѣ женщины и играли въ карты на доскѣ, оклеенной зеленымъ сукномъ. Направо, въ углу, студентъ въ беретѣ игралъ въ домино съ четвертой дѣвицей.

Ближе къ конторкѣ, справа у окна, сидѣла еще одна женщина и читала, держа книжку къ свѣту, съ ногами, подобранными подъ себя, обловетясь одной рукой о прямую спинку дивана.

Ее-то Фокинъ и желалъ найти.

Въ свѣтѣ, смягченномъ маркизой, —лицо ея получило отблескъ прозрачной бѣлизны съ блѣдноянтарнымъ отливомъ, —продолговатое, нервное лицо прекрасной натурщицы для какого-нибудь символиста. Пепельные волосы, безъ блеска, мягкіе и не густые, падали двумя широкими прядями по сторонамъ ярко-бѣлаго пробора. И только ниже щекъ она ихъ подбирала и соединяла позади ушей, съ небольшимъ шиньономъ.

Эта прическа и привлекла его, когда онъ, въ первый разъ, зашелъ въ кафе. Гдѣ-то, кажется, подъ аркадами *Rue de Rivoli*, онъ видѣлъ фотографію одной актрисы совсѣмъ въ такомъ типѣ.

Огромные свои темносиніе глаза съ утомленными вѣками она лѣниво обратила къ входу и сейчасъ же, узнавъ входившаго русскаго, отложила книгу и спустила ноги.

Станъ у нея былъ стройный и сухощавый, драпированный платьемъ въ видѣ длинной дѣтской рубашки, со складками, изъ свѣтлаго фуляра. Она смотрѣла женщиной Возрожденія, вродѣ «*diva Vittoria Colonna*»,—и это сравненіе уже приходило Фокину, когда онъ о ней вспоминалъ.

Хозяйка улыбнулась ему и сдѣлала ей знакъ головой.

Фокинъ, все еще немного стѣсненный, прошелъ въ ея сторону.

Она не встала съ своего мѣста, а медленно, съ тихимъ жестомъ обнаженной руки, такой же прозрачной, какъ и лицо, пригласила его зайти съ другой стороны и сѣсть рядомъ съ нею.

На краю мраморной доски столика лежала ея работа—англійское шитье по куску батиста, натянутого на клеенку, и глубоко бѣлыхъ нитокъ.

Они были еще на «вы». Ему и раньше понравилось то, что она не стала нахально «тыкать» его, какъ это дѣлается въ такихъ кафе, по первому же разу.

Ее звали Иветта, какъ шансонетную знаменитость, на которую она немного была похожа станомъ и манерой поводить руками.

— Садитесь... чѣмъ васъ угощать?

Она сейчасъ же не сказала, какъ другія: «*Qu'est-ce que tu me proposes, toi?*»

— А вы что желаете?—спросилъ Фокинъ своимъ тягучимъ московскимъ произношеніемъ.

Ему хотѣлось бы говорить такъ же отрывочно, быстро и небрежно, какъ парижане, но онъ не могъ не чувствовать, что никогда такъ говорить не будетъ.

— Совсѣмъ пропали. Для русскаго это не любезно.

Она произносила замедленно-слабымъ, но чистымъ голосомъ, безъ противной горловой примѣси звуковъ, которая такъ отталкивала его въ женщинахъ Латинскаго квартала.

И синіе глаза, и ротъ ея, слегка подведенный, улыбались живописно и съ умышленной не то что рисовкой, а условностью, точно она умѣла подражать улыбка актрисъ.

— А вы какъ поживаете?

Онъ не могъ еще овладѣть собою; вопросъ показался и ему самому глуповатымъ.

Иветта пожала плечами и провела правой рукой, съ длинными пальцами.

— И что вы это читаете?—продолжалъ онъ спрашивать, зная, что такія женщины не очень любятъ вопросовъ.

— Du Bourget,—отвѣтила она кратко.

— Вы имъ очень восхищаетесь?

Она покачала отрицательно головой.

— Pas étonnement.

Лицо ея стало серьезнѣе. Приди волосъ бросали тѣнь на тонкую, но не очень свѣжую кожу. Вблизи видно было, что ей больше двадцати пяти лѣтъ.

— Ivette!—кликнула хозяйка.—Et la consommation de monsieur?

— Что же вы желали бы?—еще разъ спросилъ Фокинъ.

Она предложила ему выпить по рюмкѣ кюрасо. Онъ согласился.

Двигалась она такъ же тихо, какъ и говорила; на ходу казалась она рослой и слегка гнулась, идя немного бокомъ, и опять подражала кому-то въ походкѣ.

Рюмки ликера стояли передъ ними. Иветта отхлебнула и глядѣла на Фокина тоже нѣсколько вбокъ, показывая полоску своихъ чудесныхъ зубовъ.

— Вы много читаете?—спросилъ онъ рѣшительнѣе, но не находя того тона, какого онъ желалъ бы держаться съ нею.

— Надо же чѣмъ-нибудь убивать время!

Ему было уже извѣстно, что она: «une demoiselle diplômée», которую жизнь довела до такой профессіи. Узналъ онъ это въ первый ихъ разговоръ. И ему сдавалось, что она не лжетъ. Одна изъ ея товарокъ даже окликнула ее:

— Toi!... La diplômée!... Dis donc...

И этотъ окликъ только вызвалъ на ея лицѣ лѣтнюю усмѣшку.

Чувствовалось, что то, что вокругъ нея говорится и дѣлается, какъ будто не существуетъ для нея. Еслибъ онъ сразу сталъ обращаться съ нею, какъ водится въ caboulots, она переносила бы и это, но сама держалась тона молодой женщины, умѣющей говорить «обо всемъ», воспитанной и немного странной, и такъ мало подходящей къ тому мѣсту, гдѣ заработокъ держится за такую же почти профессію, какъ и у тротуарныхъ женщинъ.

Сегодня ему стало ее особенно жаль.

— Вы здоровы?

Вопросъ этотъ вызвалъ бы у всякой другой циническій отвѣтъ; но она поглядѣла на него своими огромными глазами, грустно и ласково, и совѣшь простымъ тономъ промолвила:

— Совершенно.

— Случаете?

— L'ennui est une rose, — немного по театральному отвѣтила она. — Trinquons!

Они чокнулись.

Еще въ первый его приходъ сюда ему захотѣлось спросить ее: не побывала ли она въ актрисахъ. Но онъ и такъ все выспрашиваетъ, рискуя, что ему отрѣжутъ:

— Que tu m'embête, avec tes questions!

У.

Оба студента давно ушли. Остальными дѣвицы стали накрывать для своего обѣда, въ глубинѣ кафе.

Фокинъ все еще сидѣлъ съ Иветтой. Она пододвинулась очень близко къ нему, въ полоборота, такъ что онъ ощущалъ ея дыханіе съ запахомъ ликера. Щеки ея получили розоватый оттѣнокъ. Глаза стали больше и темнѣе.

Никогда еще, въ своей парижской жизни, онъ не проходилъ черезъ такіе «итоги» въ какихъ-нибудь полчаса.

Вотъ передъ нимъ дѣвушка двадцати семи лѣтъ, старше его на два года, умная, даже очень умная, изъ хорошей семьи; по-нашему: гимназистка съ дипломомъ. И она прислужница въ *saboulot*, — значить, торгуетъ собою и держится за свою должность, чтобы кормиться и жить получше, чѣмъ простая фабричная поденщица.

Онъ не хотѣлъ ее «выспрашивать»; она сама ему рассказала свою исторію. Кажется, она совсѣмъ не изъ тѣхъ, кто сейчасъ желаетъ разжалобить васъ.

Ея исповѣдь полилась, вызванная его замѣчаніемъ, какъ она дѣвушка «съ дипломомъ» и очутилась здѣсь? Сказалъ онъ это искренно, безъ малѣйшаго оттѣнка ироніи.

Иветта такъ его и поняла. Она не отвѣтила ему рѣзкостью.

У ней вырвался только возгласъ:

— Dame! Que vous êtes naïf, mon petit russe!

И въ одномъ этомъ возгласѣ прозвучала такая нота безпощаднаго опыта, что ему стало стыдно за себя, за свою наивность и простоватость.

Развѣ онъ не видалъ на «Вольномъ театрѣ» Антуана пьесу «Blanchette», гдѣ съ жестокой правдой вставлена въ рамки жанровой комедіи судьба такой же гимназистки съ дипломомъ, дочери крестьянина-шинкаря? И та усиленно добивалась мѣста учительницы или гувернантки и сѣла «на шею» родителямъ, и ушла отъ

нихъ, потому что ей стало нестерпимо выносить положеніе хуже батрачки. И послѣ неизбежнаго «паденія» она возвращается богатой кокеткой и, на отказъ ея отца-банкрота принять ея денежную услугу, потому что ея деньги—грязныя, она бросаетъ въ лицо всей зрительной залѣ свой вызовъ. Да, она кокетка! Но только въ этой профессіи и нашла она не одинъ кусокъ хлѣба, а привольную жизнь, поклоненіе мужчинъ, независимость, сознаніе своей силы!

У Иветты отецъ былъ не мужикъ-кабатчикъ, а чиновникъ, сначала въ провинціи, потомъ въ Парижѣ, мелкій «*gond de cuir*», нажившій грудную жабу въ пятьдесятъ лѣтъ, умершій на окладѣ въ двѣ тысячи франковъ. И онъ лишалъ себя всего, чтобы сдѣлать изъ нея «*une demoiselle diplômée*». Мать давно умерла. Свезли на кладбище и отца. Похоронить его и то было не на что, пришлось вляничить пособія у начальства. Ей минуло уже двадцать лѣтъ. И для нея начались все тѣ же, привычныя въ романахъ и драмахъ, мытарства: исканіе мѣста, уроковъ, какихъ-нибудь занятій по письменной части. Потомъ мечта о сценѣ, посѣщеніе курса декламации, связь съ *каботникомъ*, ребенокъ, долгая болѣзнь, заброшенность, полная нищета. И тогда всталъ передъ ней «*le spectre de la prostitution*», какъ она выразилась полудурачливо, съ особеннымъ нутрянымъ смѣхомъ: или поступать въ какую-нибудь «*tolérance*», или дѣлаться, на свой страхъ, «*une fille soumise*» и начинать ночную тротуарную службу. Студентъ сжался надъ ней и привелъ ее къ хозяинѣ воть этого кафе.

Остальное—онъ самъ видитъ.

И ей здѣсь лучше, чѣмъ было бы въ мансардѣ, надъ перепиской пьесъ или дѣловыхъ бумагъ, по три су за полный листъ. Въдѣ, и тамъ она не могла бы не принимать поддержки отъ мужчинъ. Это немислимо! Изъ трехъ парижскихъ увіерокъ двѣ имѣютъ содержателей или прямо торгуютъ собою. И если онѣ привяжутся къ своему сожителю, изъ пяти этихъ «самцовъ» трое будутъ жить на ихъ счетъ, превратятъ ихъ въ свои «*magmites*», заставятъ ихъ утонуть въ такой грязи, передъ которой ея служба въ *caboulot*—чистая и почетная профессія.

Фокинъ понурилъ голову, подавленный рассказомъ Иветты. Впервые его схватило за сердце. На ней уже лежитъ клеймо, на этой красивой, интересной дѣвушкѣ, не сумѣвшей устоять. И она никогда не смоетъ его съ своего прошлаго. Разсчитывать на честный исходъ изъ теперешней жизни—безуміе. Но можно подняться по тѣмъ же ступенькамъ и попасть въ дорогія кокетки, умереть въ собственномъ отелѣ или роскошной загородной виллѣ.

— Que le ciel me préserve d'une chose!—воскликнула Иветта и сдѣлала болѣе рѣзкій жестъ правой рукой.

— De laquelle?—тихо спросилъ Фокинъ.

— D'un *emballement*!

ля нея влюбиться это значить, въ восьми случаяхъ на десять, сдѣлаться такой же «*magrite*», какъ и уличные женщины, имѣющія своихъ покровителей,—тѣхъ отвратительныхъ содержанцевъ, которымъ «полиція нравовъ» производитъ облавы на бульварахъ, въ поздніе ночные часы.

«А если это «*emballement*» произойдетъ со мной?» — вдругъ подумалъ онъ, и холодящая струя прошла по его душѣ. Но радость въ этой дѣвушкѣ не пропадала. Сегодня она ему особенно нравилась, будила въ немъ потребность: встряхнуть свою сухую филистерскую жизнь, пойти на рискъ, познать что-нибудь особенное.

Что стоить ему вырвать ее изъ такой профессіи? Быть можетъ, она еще не настолько «пала», чтобы не начать снова жизнь образованной дѣвушки, способной на умственную работу? Мало ли что можно было бы найти для нея?...

А что же именно? Мѣсто гувернантки?... Но кто возьметъ ее изъ «*saboulot*»? Даже въ конторщицы не примутъ, если пожелаютъ узнать ея прошлое. Да и почему онъ воображаетъ, что ему, иностранцу, удастся отыскать ей прочное мѣсто, когда она сама цѣлый годъ искала, будучи дѣвушкой безупречнаго поведенія?

Купить ей «*un fond de commerce*»? Но что же это значить въ переводѣ на болѣе правдивый языкъ? Взять ее на содержаніе. Сдѣлать это безъ всякихъ видовъ на нее? Но тогда надо подарить ей крупный капиталъ. Иначе на доходъ съ маленькой лавочки или бѣлошвейнаго заведенія она не проживетъ безъ мужской поддержки.

«Это все-таки лучше»,—подумалъ онъ.

Онъ обнялъ ее за талію и тихо, почти стыдливо, сказалъ:

— On rougirait changer votre situation, Ivette.

Она поглядѣла на него, своимъ лѣнивымъ взглядомъ съвязь длинныя рѣсницы, и выговорила съ боковой усмѣшкой:

— Pas de blague, mon petit moscovite!

Вѣроятно, она принимала его за русскаго студентина, какіе расплодился въ Латинскомъ кварталѣ, и кое-какъ пребавляются на двѣсти франковъ въ мѣсяць.

Это его задѣло. Онъ отдернулъ руку, и ему захотѣлось сказать ей, что она «дура», что она сама убѣгаетъ отъ своего

счастья, что онъ единственный сынъ фабриканта-милліонера, и еслибъ захотѣлъ, то отецъ еще при жизни выдѣлить его, отдастъ ему половину своего состоянія, — на французскія деньги нѣсколько милліоновъ франковъ.

Но скажи онъ ей это, она сочтетъ его за пошлаго хвастуна и подниметъ на смѣхъ, вмѣстѣ съ остальными двѣушками кафе.

Онъ отодвинулся отъ нея и взялся за шляпу.

— Et le soir... on ne vous verra pas? — спросила она съ тихой вызывающей улыбкой. — Vous savez, a une heure nous sommes libres!

Это было приглашеніе проводить ее домой въ часъ ночи.

— C'est bien, — отвѣтилъ онъ ей почти хмуро, сталъ расплачиваться и оставилъ ей pour boire въ пятьдесятъ сантимовъ.

VI.

Утро. Пробило девять часовъ. Фокинъ одинъ въ своемъ кабинетѣ, совсѣмъ уже одѣтый и собирался въ библіотеку.

Онъ нанималъ антресолю въ четыре комнаты. Къ нему ходила жена привратника; она прибирала комнаты и варила утромъ кофе въ маленькой кухнѣ. Совершенное одиночество не тяготило его. Онъ могъ цѣлыми днями сидѣть въ кабинетѣ, когда ему не совсѣмъ здоровится или онъ работаетъ дома.

Мелкими шажками переходилъ онъ изъ кабинета въ салончикъ, отдѣланный безъ оригинальнаго стиля. Всю мебель онъ купилъ въ одномъ изъ большихъ магазиновъ, не желая «разоряться». Все было прилично, модно и банально. Только двѣ-три бронзовыхъ статуэтки и нѣсколько картинокъ, купленныхъ на аукціонахъ въ *Salle Drouot* — придавали этому салончику, съ свѣтлой обивкой и портьерами, нѣкоторую фізіономію. Весь тѣсноватый кабинетъ, съ мебелью подъ черное дерево, былъ уставленъ шкапами. Болѣе цѣнные изданія, въ богатыхъ переплетахъ, занимали шкапчикъ и въ гостиной. И въ спальнѣ одна стѣна была занята большой открытой этажеркой, переполненной книгами.

Свое письменное бюро, по-парижски не особенно помѣстительное, онъ держалъ въ педантской чистотѣ. Каждую лишнюю бумажку онъ сейчасъ же видалъ въ корзину; не выносилъ и того, чтобы газеты валялись по комнатамъ.

Онъ очень рѣдко покупалъ газеты; читалъ ихъ въ кафе. Журналы — ежемѣсячные и еженедѣльные — складывалъ аккуратно на особый столъ вмѣстѣ съ брошюрами.

Пройдясь по двумъ комнатамъ, онъ присѣлъ къ столу и выдвинулъ средній ящикъ, куда клалъ всегда бумажникъ, кошелекъ и записную книжку. Взглядъ его упалъ на красный листокъ, торчавшій изъ подъ бювара.

Какъ могъ онъ туда попасть? Должно быть, вчера онъ самъ заложилъ этотъ листокъ. Да, — онъ вспомнилъ, — ему вручилъ его какой-то носящій «сэндвичъ», на бульварѣ, и онъ положилъ его въ карманъ, не прочитавъ.

Онъ хотѣлъ было бросить его въ корзину и поднесъ близко къ своимъ близорукимъ глазамъ, съ раздраженными вѣками.

Это — обращеніе ко «всему Парижу», написанное извѣстнымъ ораторомъ и вожакомъ «разрушителей». Онъ приглашаетъ на цѣлый рядъ бесѣдъ, гдѣ будетъ излагать свои идеи и готовъ выслушивать возраженія противниковъ. Внизу пропечатаны имена всѣхъ извѣстныхъ парижанъ; беллетристовъ, поэтовъ, депутатовъ, ученыхъ, журналистовъ, философскихъ мыслителей, къ которымъ онъ обратился съ особымъ приглашеніемъ.

Фобинъ просмотрѣлъ этотъ длинный списокъ — до ста именъ — и долженъ былъ сознаться, что изъ нихъ онъ видалъ или слышалъ всего какихъ-нибудь трич-четыре человѣка. И ему не стало стыдно. Изъ-за чего будетъ онъ бѣгать смотрѣть на знаменитостей? Неужели для того только, чтобы похвастаться, что онъ такого-то и такого-то знаетъ «въ лицо»?

Текстъ обращенія онъ прочелъ внимательно и нашелъ, что оно написано убѣжденнымъ тономъ, безъ выходовъ бранчиваго задора.

Онъ далекъ отъ всей такой пропаганды. Для него только и есть спасеніе въ солидной наукѣ; а какая же наука согласима съ проповѣдью разрушенія того, что всемірная культура создавала тысячелѣтіями? Безуміе — утверждать, что до тѣхъ поръ родъ людской не создастъ на землѣ рая, пока онъ не уничтожитъ до тла всякій порядокъ, всякую іерархію, все, что составляетъ законнѣйшее главенство умовъ, характеровъ и талантовъ, пока онъ не истребитъ всякое подобіе государства и общественнаго строя!...

«Для человѣка науки, — часто думалъ онъ, — не пристало заниматься всѣмъ этимъ жалкимъ вздоромъ. И то уже печально, что такіе вотъ вожаки и проповѣдники могутъ безпрепятственно громить что имъ угодно».

Разговоры на такія темы онъ избѣгалъ, когда сталкивался съ нѣкоторыми русскими — оттуда, изъ *Quartier Mouffetard* или съ высотъ *Rue St-Jacques*. Какая охота нарываться на рѣзкости

или фанатическія выходки людей, у которыхъ нѣтъ никакого грунта, нѣтъ солиднаго историческаго образованія, нѣтъ тѣхъ научныхъ «устоевъ», безъ которыхъ все превращается въ какую-то свалку звѣрскихъ инстинктовъ, ярой вражды, безмысленнаго отрицанія того, что человѣчество должно считать своей святыней?...

Красный листокъ раздражалъ его своимъ колеромъ. Онъ считалъ и такой символизмъ дѣтскимъ и ненужнымъ задоромъ.

«Непремѣнно на красной, — брезгливо подумалъ онъ, — и цвѣтъ-то точно въ бумажкахъ дешевыхъ леденцовъ».

Но онъ еще разъ прочелъ обращеніе. И ему сталъ припоминаться послѣдній его разговоръ съ Иветтой. Ея исторія развѣ не говорила о томъ, до какой бездушной розни дошло общество, именующее себя цивилизованнымъ?

Въ этомъ Парижѣ два съ половиной милліона жителей копошатся въ ежедневной дикой свалкѣ аппетитовъ и поползновеній. Благотворительность превратилась въ чиновничью рутину, въ забаву свѣтскихъ франтихъ или въ орудіе клерикальных интригъ. И вотъ молодая дѣвушка хорошей фамиліи, съ дипломомъ, умная и способная—кончаетъ службой въ «saboulot» и мирится съ такимъ заработкомъ. Она, небось, отлично знаетъ, что такое хваленая цивилизація столицы міра—высоко-культурнаго Парижа! Ей ничего новаго не скажетъ вотъ такое обращеніе поборника разрушительной доктрины, по которой все зданіе государства и общества надо разнести, до тла. Она и сама сумѣла бы проговорить рѣчь, полную безотраднѣйшихъ итоговъ и непримиримой ненависти къ духу розни и хищничества, царящихъ въ яко бы благоустроенномъ обществѣ.

Мысли его потекли въ эту сторону быстро и обильно. Онъ долженъ былъ остановить себя вопросомъ:

«Съ какой стати все это?»

Но лицо Иветты, ея волосы, выраженіе глазъ, ротъ, немного скошенный, въ тѣ минуты, когда она улыбалась, медленная рѣчь, полная колоритныхъ словъ и выраженій, тонъ серьезный, почти безстрастный, съ проблесками тонкаго сарказма—все это охватило его, съ неожиданной, почти жуткой яркостью.

Онъ отперъ снова средній ящикъ бюро и положилъ туда красный листокъ, остановившись, еще разъ, на дняхъ и числахъ «конференцій». Онъ продлятся четыре недѣли, по субботамъ, въ восемь часовъ вечера. Имя той залы, гдѣ состоятся эти сходки, было ему извѣстно; но онъ никогда не бывалъ тамъ. Это близъ *Rue Monge*, на высотахъ, ведущихъ къ холму св. Женевьевы, патро-

нессы Парижа, въ рабочемъ кварталѣ, стало быть по сю сторону рѣки и не такъ уже особенно далеко отъ центра Латинской страны.

Фокинъ и не замѣтилъ, какъ время подошло къ десяти часамъ. Пора въ библіотеку. Въ послѣдніе три - четыре дня у него множество времени уходитъ даромъ. Сегодня онъ пойдетъ въ ту библіотеку, гдѣ работаютъ и въ послѣ-обѣденные часы. Его портфель, съ тетрадами и отдѣльными листами замѣтокъ, лежалъ уже совсѣмъ готовый. Онъ осмотрѣлся, не забылъ ли чего, и аккуратно заперъ дверь снаружи американскимъ затѣйливымъ ключомъ.

VII.

Сходя съ лѣстницы зданія библіотеки, въ двѣнадцать часовъ, Фокинъ столкнулся съ тѣмъ самымъ французомъ, котораго, на дняхъ, не нашелъ на лекціи Сорбонны.

Они заговорили по-русски. Французъ, видимо, щеголялъ своей русской рѣчью, съ пріятнымъ акцентомъ, съ не очень сильной вартавостью. Онъ и наружностью смахивалъ на благообразнаго худоцаваго московскаго привать-доцента—бѣлокурый, бородатый, съ прямымъ крупнымъ носомъ и голубыми глазами, довольно хорошаго роста и одѣтый, безъ парижской франтоватости, въ легкую визитку изъ орлеанса.

Онъ сталъ усиленно извиняться, что его тогда задержали, а потомъ онъ уѣзжалъ на нѣсколько дней въ Нормандію. Сегодня привратникъ дома, гдѣ жилъ Фокинъ, сказалъ ему: всего вѣрнѣе захватить его въ библіотекѣ, до часа завтрака.

— Не хотите ли пойти вмѣстѣ позавтракать, тутъ по близости, около Одеона или на бульварѣ?—предложилъ ему Фокинъ.

Французъ согласился.—Васъ какъ по-русски звать? Извините, я забылъ.

Фокинъ зналъ, что тотъ любитъ, чтобъ его величали по имени и отчеству.

— Ха, ха! Альфонсъ Павловичъ... Это очень удачно, что моего отца звали Paul. Но ваши мужички,—выговорилъ онъ старательно,—называли меня всегда Антонъ Павлычъ. И такъ выходитъ гораздо лучше.

Видно было, что онъ сильно подвинулся въ практикѣ языка.

— Вы вѣдь и по деревнямъ поѣздили?—спрашивалъ Фокинъ, когда они спускались отъ Пантеона къ бульвару.

— И весьма! Не только ѣздилъ, но и ходилъ.

Буква «л» еще пошаливала у него, но онъ уже произноситъ ее гораздо тверже.

— Ваши товарищи шлютъ вамъ поклоны.

— Съ кѣмъ же вы больше видались?

Французъ назвалъ двухъ его товарищей—одного учителя гимназій, другого богатаго купчика, вродѣ «Парчеваго Ванечки», ще голяющаго своими коллекціями старинныхъ русскихъ книгъ и вещей.

— Я имѣлъ удовольствіе познакомиться и съ вашимъ отцомъ.

— Гдѣ же вы его встрѣчали?

Фокинъ помнилъ, что онъ ему не давалъ кѣ своимъ рекомендательнаго письма.

— Собираясь обратно, узналъ, гдѣ находится его амбаръ,— глаза француза блеснули при произнесеніи этого слова,— и представился.

— Какъ же вы его нашли?

— Какъ вамъ сказать... Мнѣ кажется... здоровье его не очень блестяще... хотя онъ не жаловался. Видно, что скучаетъ о васъ.

Они вошли въ ресторанаъ на углу бульвара и заняли одинъ изъ столиковъ въ глубинѣ обширной и темноватой залы, гдѣ было еще немного народа.

Альфонсъ Павловичъ говорилъ тихо и сдержанно, стараясь, чтобы его русская рѣчь звучала плавно. Въ его манерѣ чувствовался будущій профессоръ, «un poétalien»,—какъ, до сихъ поръ, любятъ выражаться тѣ, кто не долюбливаетъ бывшихъ воспитанниковъ высшей нормальной школы.

— У меня было еще нѣсколько свободныхъ дней до отъѣзда, и я попросилъ вашего отца позволить мнѣ посѣтить одну изъ вашихъ фабрикъ.

— И какъ вамъ показалось у насъ, Альфонсъ Павловичъ?

Фокинъ прищурился, и кислая усмѣшка повела его губы.

Въ своему будущему положенію крупнѣйшаго фабриканта онъ былъ равнодушенъ и никогда не думалъ о томъ, какъ ему придется вести дѣло по смерти отца.

Французъ аккуратно намазалъ себѣ масла на кусокъ хлѣба и посолилъ розовую, маленькую рѣдисуку. Прожевавъ, онъ, потише звукомъ, заговорилъ, какъ бы конфиденціальнымъ тономъ:

— Теперь у васъ все успокоилось; а о волненіяхъ вы, конечно, знаете.

— Нѣтъ, ничего не знаю!—откликнулся Фокинъ и покачалъ головой.

— Быть не можетъ!

— Отецъ мнѣ очень рѣдко пишетъ... мать еще рѣже.

Онъ не хотѣлъ прибавлять, что родители его вообще были плохо грамотны и писали только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ.

— Да,—протянулъ французъ,—могло кончиться серьезными беспорядками.

— Стачка?

— Именно,—выговорилъ французъ, точно выпаливъ букву «о», и провелъ въ воздухѣ ладонью правой руки.

— Вамъ рассказывали на мѣстѣ?

— О, да!... Я много говорилъ съ фабричными.

— Изъ-за чего же вышло?

— Конечно, какъ всегда... Трудъ и капиталъ... Штрафы... часы работы...

Желая поскорѣе оговориться, французъ прибавилъ:

— Они довольны хозяиномъ... и всѣ готовы служить вашему отцу... батюшкѣ Бузьмѣ Захарычу, — произнесъ онъ, подражая мѣстному выговору.— Управляющій довелъ ихъ до волненія.

— Что жъ... онъ остался?

— Да... Но контора сдѣлала уступки... Тутъ и власти довольно умно выказали себя. Удивительный народъ—ваши рабочіе... и вообще православные, — произнесъ онъ съ улыбкой въ глазахъ.— J'admire ce peuple!

Это восклицаніе по-французски вылетѣло у него горячей нотой.

Не очень нравилось Фокину заигрываніе «французиковъ» съ Россіей и русскими. На него онъ не былъ податливъ и слова «alliance franco-russe» произносилъ всегда русскими звуками и съ отѣнкомъ ироніи.

— Да, народъ вашъ—удивительный... Чѣмъ больше его узнаешь, тѣмъ онъ ближе сердцу.

И французъ началъ говорить, весело и съ юморомъ, какъ онъ ходилъ по деревнямъ, какъ его вездѣ радушно принимали и не хотѣли вѣрить, что онъ не русскій. Въ одномъ только мѣстѣ его сочли за «цыцарца». Его опять тянетъ въ Россію, и послѣ того, какъ онъ поработаетъ здѣсь надъ своей «тезой» и защититъ ее, онъ надѣется взять командировку отъ министерства просвѣщенія—года на два—для специальныхъ изысканій по народной поэзіи и мѣстнымъ нарѣчіямъ на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Европейской Россіи.

Слушая своего собесѣдника, московскій «купеческій сынъ» чувствовалъ себя странно. Онъ не имѣлъ повода возражать французу, увлекающемуся его родиной и въ особенности народомъ: «le pravoslavni», какъ начали и здѣсь, въ Парижѣ, называть нѣкоторые руссофилы. Онъ не имѣлъ повода и подозрѣвать его въ «под

халимствѣ». Если это и увлеченіе, то искреннее. И его вовсе не огорчало то, что онъ, коренной русакъ, сынъ московскаго купца-милліонера, внукъ, съ отцовской и материнской стороны, ярославскихъ мужиковъ—и не находить въ себѣ и одной сотой того интереса къ народно-бытовой жизни русскаго люда, какъ этотъ «пог-маліен».

Но все-таки его начинало что-то покалывать. Онъ могъ показаться этому ученому французу—«un sale monsieur», который не зналъ даже, что на фабрикѣ его родного отца происходили волненія, которыя могли кончиться «весьма серьезно».

Это—совсѣмъ уже не «культурно». Можно быть «буржуемъ», съ консервативными взглядами, но нельзя съ такимъ отсутствіемъ интереса относиться къ тому, съ чѣмъ онъ связанъ, какъ наследникъ своего отца.

И оправдываться онъ не хотѣлъ. Онъ сказалъ французу подъ конецъ ихъ завтрака:

— Для васъ, Альфонсъ Павловичъ, все это гораздо занятнѣе. Только ваши увіренія, хоть бы здѣсь, въ Парижѣ, знаютъ всегда чего они добиваются. А у насъ вѣдь непроходимое море всякой дремучей дичи! Какъ при Гостомыслѣ жили, такъ и теперь—тоже толокно, та же лучина, и та же рогожа!

— Это не такъ! — вскричалъ Альфонсъ Павловичъ и даже покраснѣлъ.—Вашъ народъ...

Онъ искалъ выраженія.

— Весь въ будущемъ! Мы знаемъ это. По-русски мы говоримъ: буки-умъ—бу!... Ха, ха!

— Ne dites pas ça!—откликнулся французъ и закурилъ сигару.

Имъ подали кофе.

УШ.

По короткой улицѣ, совсѣмъ безъ лавоѣ и движенія, Фогинъ шелъ вдоль тѣневого тротуара, часу во второмъ. День стоялъ яркій, но не очень душной—одинъ изъ прелестныхъ парижскихъ дней мая.

Съ особымъ чувствомъ, уже не въ первый разъ, подходилъ онъ къ старинному зданію, похожему не то на казарму, не то на монастырь. Ряды оконъ въ трехъ этажахъ смотрѣли строго, внизу—съ желѣзными рѣшотками. Массивныя ворота изъ тесанаго камня были заперты.

Но онъ зналъ, что надо позвонить къ привратнику, и калитка, въ одной изъ тяжелыхъ половинокъ воротъ, мягко пріотворится, издавъ особый звукъ, знакомый тѣмъ, кто жила въ Парижѣ.

Онъ перешелъ узкое полотно улицы, поровнялся съ воротами и позвонилъ.

Калитка тотчасъ же щелкнула. Фокинъ наклонилъ голову и юркнулъ въ нее, перешагнувъ черезъ довольно высокій порогъ.

Подъ воротами, справа, была «ложа» привратника. Онъ самъ не вышелъ на звонокъ, но его сѣдая голова въ бархатной шапочкѣ смотрѣла въ высокое оконце. Фокинъ счелъ нужнымъ ему поглотиться первымъ, и привратникъ прикоснулся рукой къ своей шапочкѣ и улыбнулся ему своимъ бритымъ, желтоватымъ лицомъ. Его острые глаза говорили: «Идите, идите, я васъ знаю».

И, дѣйствительно, онъ сейчасъ же вспомнилъ, что это «un jeune savant russe» и ходить къ отцу, занимающему келью № 37, во второмъ этажѣ, и что они подолгу бесѣдуютъ, конечно, объ ученыхъ предметахъ.

Обыкновенно очень разсѣянный по части мѣстностей, направленія улицъ и расположенія домовъ, Фокинъ отчетливо помнилъ, какъ надо идти къ «отцу Феликсу».

Тотчасъ открывался обширный дворъ, со старыми плитами, коегдѣ съ травой въ расщелинахъ. Дворъ замыкался двумя рядами каштановъ, посаженныхъ полукружіемъ. Въ эту минуту онъ былъ совсѣмъ пустъ. И тишина стояла такая, точно этотъ «боллегий» гдѣ-нибудь въ глухомъ провинціальномъ городѣ.

Влѣво, за угломъ, поднималась лѣстница, безъ всякаго архитектурнаго стиля. Она прямо вела на площадку того этажа, гдѣ была келья отца Феликса; а площадка — къ широкому коридору, полному свѣта, съ цѣлой вереницей оконъ по лѣвую руку. Стѣны выкрашены въ свѣтло-сѣрый цвѣтъ. Вдоль ихъ — и у оконъ, и по другой сторонѣ — длинныя скамьи изъ почернѣлаго дуба. На стѣнахъ — рядъ картинокъ, подъ стекломъ, въ деревянныхъ же рамахъ.

Онъ уже зналъ, что это все сцены изъ жизни основателя ордена, Игнатія Лойолы, и главныхъ подвижниковъ, прославившихъ «Общество Иисуса».

Когда онъ въ первый разъ попалъ сюда, по немъ явственно прошло чувство тревоги, унаслѣдованной отъ всего, что съ дѣтства, въ Россіи, соединено со звукомъ «іезуитъ». Онъ попадалъ въ одно изъ ихъ общежитій — и гдѣ? — въ этомъ самомъ свободомыслящемъ и антиклерикальномъ Парижѣ, гдѣ орденъ не имѣетъ легальнаго существованія. Но ихъ «домъ» процвѣтаетъ. Это тотъ

же монастырь, съ цѣлой сотней братіи и школой, гдѣ готовятъ во всѣ высшія спеціальныя заведенія Парижа, привлекающей своими научными традиціями, прекрасными преподавателями и образцовымъ порядкомъ.

Въ Россіи онъ ничего почти не читалъ о томъ, черезъ какой суровый искусь проходитъ каждый членъ ордена, прежде чѣмъ будетъ вести болѣе досужую келейную жизнь. Когда онъ со всѣмъ этимъ ознакомился, — и не отъ «черной братіи», а изъ стороннихъ источниковъ, — онъ понялъ, какой закалъ приобрѣтаютъ всѣ безъ исключенія члены ордена, черезъ какую работу, — и тяжелую матеріальную, и духовную — проходятъ они долгіе годы. Каждый начинается съ самой грязной и утомительной службы и каждый же долженъ продѣлать долголѣтній курсъ ученія — словеснаго, научнаго, философскаго и богословскаго — и непременно преподавать.

Приди онъ раньше, утромъ, онъ навѣрно бы наткнулся на послушниковъ, справляющихъ работу простой прислуги. Но теперь, послѣ завтрака, по коридорамъ только прогуливались темныя фигуры беззвучно скользящею походкой.

Бъ отцу Феликсу далъ ему рекомендацію одинъ изъ профессоровъ Сорбонны. Этотъ ученый іезуитъ считается авторитетомъ по вопросамъ, которые спеціально занимали Фокина. И въ первую же бесѣду тотъ его «очаровалъ».

Вся жизнь такого старика, ушедшаго въ изученіе средневѣковья, — въ монастырѣ, безъ утомительнаго ритуала безконечныхъ церковныхъ службъ, въ уютной, просторной кельѣ, полной рукописей и рѣдкихъ книгъ, въ воздухѣ чисто-духовныхъ, созерцательныхъ радостей, безъ суетныхъ дразгъ и себялюбивыхъ тревогъ, — явилась передъ нимъ какъ нѣчто желанное. Онъ и въ двадцать пять лѣтъ чувствовалъ себя способнымъ вести такую «блаженную» жизнь человѣка науки, не знающаго ничего выше исканія истины, никакихъ наслажденій дороже того, какое даетъ находка, открытіе, новый взглядъ, установленіе закона, развитіе цѣлаго ряда явленій въ судьбахъ человѣчества.

Но какъ этого достигъ? Очень легко для тѣхъ, у кого есть с едства, стало-быть и для него. Здѣсь ли, на лѣвомъ берегу Сены, или у себя, въ Москвѣ, гдѣ-нибудь на берегу Москвы-рѣчки или Яузы, въ одномъ изъ переулковъ, съ садомъ, въ особнячкѣ, гдѣ можно хранить десятки тысячъ томовъ и сотни драгоценныхъ фолиантовъ.

Вотъ и теперь, когда онъ, пройдя широкій свѣтлый коридоръ съ картинками, повернулъ направо, въ коридоръ поуже, ему при-

помнился особнячокъ одного московскаго «бенедиктинца», страстнаго собирателя и начетчика. И тамъ тишь и безмятежїе, и полная свобода отъ всякихъ житейскихъ дрызгъ. Но такая одиночная обитель—что-то вродѣ добровольной тюрьмы, хотя бы поэтъ и называлъ ее: «башней изъ слоновой кости». Одичаешь, сдѣлаешься маньякомъ, впадешь въ изсушающую боязнь людей.

А тутъ, у отца Феликса, келья—только одна изъ ячеекъ огромнаго тѣла, живущаго въ полномъ общеніи, съ объединяющею цѣлью, съ неустаннымъ напряженіемъ духовныхъ силъ всѣхъ членовъ общины. Это—жизнь «на міру», но не среди шумной, грубой, цинической или жестокой толпы, не среди «новыхъ варваровъ», дышущихъ ненавистью ко всякому духовному превосходству, а въ единеніи съ равными себѣ, съ братьями по объѣту, въ благодѣтельныхъ предѣлахъ, налагаемыхъ этимъ самымъ объѣтомъ, съ чувствомъ своего скромнаго достоинства, безъ гордости и безъ подчиненія чему-либо внѣ идеала, стоящаго на недосягаемой высотѣ.

Но гдѣ существуетъ такое общежитіе ученыхъ и мыслителей? Его надо создать. Его нѣтъ и на Западѣ. Дальше буржуазнаго пансіона или игорнаго клуба не пошла культурная Европа.

Надо быть членомъ «ордена». А для этого нужно призваніе. Его натура не склонна къ полетамъ въ горнія выси. И католичество не привлекаетъ его. Онъ равнодушенъ къ вопросамъ вѣроисповѣднымъ, и отецъ Феликсъ съ большимъ тактомъ избѣгаетъ этой почвы; ни разу не заговорилъ, до сихъ поръ, на тему «возсоединенія», о чемъ теперь любятъ толковать и въ Ватиканѣ.

Передъ одной изъ дверей узковатаго коридора Фокинъ остановился и постучалъ.

Слабый голосъ отвѣтилъ ему оттуда, и онъ вошелъ въ келью отца Феликса.

Его встрѣтилъ старичокъ съ сѣдой бородой, небольшого роста, въ домашней сутанѣ, съ очень кроткимъ и еще свѣжимъ лицомъ, хотя и покрытымъ на лбу и около глазъ мелкими морщинками.

Его помѣщеніе состояло изъ довольно большой комнаты, въ два окна, полной книгъ. Слѣва помѣщается письменный столъ. Въ альковѣ—кровать безъ полога и prie-Dieu, распятіе и образъ Мадонны, съ пучкомъ засохшихъ пальмовыхъ вѣтвей.

IX.

Тихая, но не вкрадчивая, а скорѣе ласкающая ухо рѣчь отца Феликса лилась точно ручей. Онъ слегка картавилъ; но выговари-

валъ медленно, съ прекрасными интонаціями, какія уже пропадаютъ у молодыхъ французъ.

Чувствовалось, что онъ проникнуть тонкимъ литературнымъ развитіемъ, много и долго работалъ надъ своимъ устнымъ и письменнымъ языкомъ. Ни аскета, ни даже высохшаго начетчика въ немъ не было. И Фокину дѣлалось минутами странно сознавать, что передъ нимъ сидитъ «іезуитъ»,—членъ того страшнаго сообщества, которое до сихъ поръ держитъ въ своихъ рукахъ и папскій Римъ, создаетъ новые догматы, руководитъ соборами, опутываетъ своей паутиной весь христіанскій міръ.

И этотъ безобидный кабинетный ученый, ушедшій въ свои изысканія, обязанъ—по уставу ордена—исполнять всѣ тайныя порученія, какія «генераль» дастъ ему, повинаясь слѣпо и безпрекословно.

Но Фокину не становилось страшно. Ему, напротивъ, хотѣлось говорить съ старичкомъ въ сутанѣ іезуита «по душѣ», спрашивать его совѣтовъ, просить о руководствѣ, признаваться во всѣхъ недочетахъ своихъ свѣдѣній, въ чемъ передъ другими онъ былъ очень замкнутъ и крайне самолюбивъ.

Сегодня разговоръ какъ-то совсѣмъ незамѣтно перешелъ отъ работы отца Феликса къ новой энцикликѣ «святѣйшаго отца», гдѣ глава католической церкви, не въ первый уже разъ, высказывалъ свой взглядъ на борьбу труда съ капиталомъ и призывалъ паству къ чувству братской связи съ міромъ обездоленныхъ, изнывающихъ въ свалкѣ за кусокъ хлѣба, гдѣ царитъ лютое себялюбіе и черствость сердца сытыхъ и высококомѣрныхъ.

Фокинъ ожидалъ скорѣе, что отецъ Феликсъ окажется весьма сдержаннымъ по такому щеботливому вопросу, хотя и не станеть, конечно, говорить противъ того, что значитъ въ пастырскихъ воззваніяхъ Льва XIII. Но голосъ старичка сразу зазвучалъ другими нотами, когда онъ сталъ говорить о парижскомъ пролетаріатѣ.

— Святой отецъ указалъ на главную язву современнаго общества. Нельзя отворачиваться отъ судебъ трудовой массы. Еще нѣсколько лѣтъ такого равнодушія, и вся она—въ рукахъ тѣхъ, кто не оставитъ камня на камнѣ во всемъ зданіи общества.

Это была одна изъ тирадъ тихаго старичка, на котораго Фокинъ смотрѣлъ какъ на подвижника науки, безусловно отрѣшеннаго отъ водоворота политической и соціальной жизни.

И іезуитъ не началъ сейчасъ же громить разрушительныя доктрины. У него вырвался возгласъ:

— Будь я на десять лѣтъ моложе, я бы бросилъ все и пошелъ къ рабочимъ, отдалъ бы имъ весь остатокъ моихъ душевныхъ силъ!

— Наука выше всего этого, — сказалъ Фокинъ, какъ бы про себя.

У него нашлось бы много доводовъ за то, что ученому слѣдуетъ стоять внѣ всей этой свалки, въ свѣтлыхъ сферахъ, куда не достигаютъ яростные крики демагоговъ-разрушителей.

Отецъ Феликсъ провелъ рукой по воздуху и на нѣсколько секундъ опустилъ свою лысую голову съ красивымъ лбомъ.

— Духовенство, — выговорилъ онъ убѣжденнымъ тономъ, — могло бы дѣйствовать, — при большей смѣлости. Не надо ничего бояться. Народъ, въ массѣ, еще не утратилъ вѣры своихъ отцовъ... особенно женщины. Надо достичь того, чтобы каждый пролетарій видѣлъ въ служителѣ церкви своего перваго защитника, стоящаго внѣ всякихъ политическихъ страстей и домогательствъ. Можно ли бездѣйствовать и сторониться, когда изъ среды духовныхъ уже выходятъ проповѣдники анархiи?...

— Кто же? — остановилъ его Фокинъ.

Тотъ назвалъ фамилію. Она была какъ разъ того вожака, отъ имени котораго разосланы были и расклеены по Парижу обращенія къ выдающимся силамъ науки, литературы, искусства, политики и журнализма.

— Развѣ онъ бывший духовный?

— Увы, да! — протянулъ съ тихою усмѣшкой отецъ Феликсъ. Онъ учился въ семинаріи и былъ посвященъ... Но его шумный успѣхъ и показываетъ, какъ не трудно было бы найти въ средѣ парижскаго духовенства людей, способныхъ отдаться борьбѣ съ такими вождями...

— Новыхъ варваровъ, — подсказалъ Фокинъ готовый терминъ.

— О! они вовсе не варвары! — откликнулся іезуитъ. — Они во всеоружіи самаго безпощаднаго анализа. Ихъ отрицательная проповѣдь обострена, какъ лезвіе бритвы. Многие изъ того, что они громятъ въ теперешней цивилизаціи, дѣйствительно гнило и бездушно, противно духу любви и челоѣчности, какимъ должно руководиться всякое христіанское общество.

Голосъ старика опять поднялся и зазвучалъ теплѣе и нервнѣе. И его глаза, обыкновенно немного затуманенные, получили замѣтный блескъ.

— Вамъ, мой другъ, — продолжалъ онъ, подавшись впередъ къ своему гостю, — вамъ, какъ русскому, должны быть особенно близки эти вопросы.

— У насъ, въ печати, называютъ ихъ «проклятыми»,—подсказалъ Фокинъ.

— Проклятые?... Слово устрашающее, но не вѣрное. Вопросы эти рѣшены были Богочеловѣкомъ. Для Него не было и нѣтъ проклятыхъ вопросовъ, а есть только дѣло любви и разума, просвѣтленное вѣрой. Я знаю, въ вашемъ отечествѣ разрушительныя ученія давно уже волнуютъ молодежь! И такіе вожди, какъ этотъ заблудшій сынъ католической церкви,—последователи доктрины, идущей и отъ васъ, русскихъ.

И, точно что вспомнивъ, отецъ Феликсъ спросилъ:

— Вы сами, если не ошибаюсь, сынъ очень крупнаго фабриканта? Скажите же мнѣ: вашъ рабочій, находитъ ли онъ въ крестьянской общинѣ гарантію, къ которымъ взываетъ нашъ пролетарій?

— Не берусь рѣшить такой вопросъ,—отвѣтилъ Фокинъ, немного сконфуженно.—Я не славянофилъ и на общину не возлагаю особенно пылкихъ надеждъ. Впрочемъ... я, до сихъ поръ, не входилъ въ это... почему и не считаю себя компетентнымъ, даже и для теоретическихъ соображеній.

— Но, вѣдь, вамъ предстоитъ, вѣроятно, сдѣлаться патрономъ?

— Предстоитъ,—глухо отвѣтилъ Фокинъ.

— А сколько у вашего отца рабочихъ?

— На двухъ фабрикахъ до десяти тысячъ человѣкъ—мужчинъ и женщинъ.

— Десять тысячъ!

— Для меня это будетъ не малымъ бременемъ,—вымолвилъ Фокинъ и задумался.—Я не человѣкъ дѣла... и боюсь жизни.

— Безъ жизни, мой другъ, нѣтъ и знанія. Никто теперь не уйдетъ отъ того, что надвигается на современное человѣчество, никто!... Завидная доля тѣхъ, кто, какъ вы, просвѣтляя свой разумъ, готовится этимъ и къ дѣлу любви и солидарности со всѣми нуждающимися и обремененными.

Фокинъ сжался. Въ него впервые закралось подозрѣніе: не желаетъ ли этотъ іезуитъ повалять на него, какъ «directeur de conscience», приобщить его—«схизматика»—къ лону римской церкви, привлекая его социальную проповѣдь? И ему стало досадно, что ихъ разговоръ принялъ такой оборотъ, точно вдругъ изъ чистыхъ сферъ безстрастной и всевидящей науки его опустили въ какую-то яму, гдѣ копошатся ядовитые гады.

X.

Въ Люксанбургскомъ саду Фокинъ присѣлъ на скамью той аллеи, что ведетъ къ воротамъ, противъ задняго фасада театра Одеонъ. Каштаны цвѣли, и ихъ запахъ чуялся въ воздухѣ. Мимо шли, взадъ и впередъ, гуляющіе или просто прохожіе. Дѣтскіе крики доносились сзади, съ лѣвой стороны, съ площадки, куда надо немного подняться въ сторону бульвара St. Michel.

Фокинъ пришелъ сюда послѣ посѣщенія отца Феликса. Разговоръ съ іезуитомъ все еще не улегся въ его головѣ. Въ первый разъ передъ нимъ всталъ вопросъ: какъ онъ будетъ чувствовать, думать и поступать, когда станетъ хозяиномъ двухъ мануфактуръ — вершителемъ судьбы нѣсколькихъ тысячъ рабочихъ? До сихъ поръ онъ не хотѣлъ останавливаться на этомъ — не то что ужъ внутреннимъ чувствомъ, а даже мыслью. Почти никогда не смотрѣлъ онъ на себя какъ на будущаго милліонера. А когда и думалъ объ этомъ, то ему наслѣдство представлялось только въ видѣ состоянія, капитала въ деньгахъ и недвижимой собственности; а не какъ «дѣло», съ которымъ связанъ «проклятый» вопросъ труда и капитала.

Развѣ онъ за тѣмъ пошелъ сегодня къ старичку, въ его келью? вмѣсто чисто-научнаго вышелъ такой неожиданный разговоръ. Точно ему подмѣнили отца Феликса. И въ другой разъ не избѣжишь, пожалуй, той же темы.

Взглядъ его ушелъ вдаль и остановился на красныхъ панталонахъ часового, на углу дворца. Маленькая фигура пѣхотинца, въ желтыхъ эполетахъ и въ бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ, заставила его улыбнуться.

«И вездѣ-то у этихъ французовъ торчатъ часовые!»...

Онъ вспомнилъ, что на-дняхъ, по разсѣянности, ступилъ на дернъ съ той стороны этого самаго дворца, гдѣ стоитъ еще солдатикъ, и тотъ съ яростью бросился къ нему, чуть не схватилъ за шиворотъ. Это было наискосоу мраморнаго памятника живописцу Делакруа.

Поглядѣлъ онъ снова вверхъ по аллеѣ, вдругъ покраснѣлъ и тотчасъ же поднялся. Къ нему шла Иветта въ соломенной шляпѣ, съ высокимъ бѣлымъ перомъ и въ черной накидкѣ. Стекларусъ блестялъ на плечахъ въ отдѣлкѣ мантильи. Она двигалась медленно подъ темно-краснымъ зонтикомъ, и въ теплой тѣни отъ шелка лицо ея, съ длинными прядями на ухахъ, отливало янтарной прозрачностью и чуть-чуть розовѣло.

Фокина поразило изящество и благородство ея поступи и всего ея облика.

Ето могъ бы подумать, что это—дѣвица изъ *saboulot*? Ему самому стало обидно за нее. Онъ не хотѣлъ какъ бы вѣрить собственнымъ глазамъ. Неужели онъ будетъ такъ бездушенъ, что не поможетъ ей выбратъся на другую дорогу, гдѣ ее непременно замѣтятъ, и, прежде всего, на сценѣ?

Онъ рѣшительнымъ шагомъ пошелъ къ ней навстрѣчу. Иветта приближалась все такъ же медленно, съ опущенною головой. Его она издали не замѣтила.

— *Mademoiselle Ivette!*—тихо окрикнулъ онъ и остановился.

Въ эту минуту никто не проходилъ тутъ ни взадъ, ни впередъ.

— *C'est vous? Bonjour!*

Она безъ жеманства и безъ всякой неловкости кивнула ему головой, но руки не подала.

Ея тактъ сказывался и въ этомъ.

Фокинъ первый взялъ ее за руку въ длинной черной перчаткѣ.

— Вы идете туда?

Онъ указалъ рукой по направленію къ кафе, гдѣ она служила.

— Нѣтъ... Сегодня я свободна. *C'est mon jour de sortie*,—выговорила она дѣловымъ тономъ.—Я свободна до девяти часовъ вечера. Я хочу взять омнибусъ... у Одеона. Миѣ надо туда.

И она провела рукой по воздуху.

Не чувствуя никакой неловкости, Фокинъ взялъ ее прямо подъ руку,—какъ дѣлають французы, не по-мужски, а по-дамски,—и повелъ ее вверхъ отъ аллеи на одну изъ площадокъ, гдѣ было больше тѣни.

Иветта ласково взглядывала на него своими темно-синими глазами, но въ нихъ не было ничего вызывающаго. Она начинала понимать, что этотъ чудаковатый русскій оцѣниваетъ ее не такъ, какъ другіе.

Они поднялись на площадку, вдоль которой, влѣво, шла узкая аллея. Ближайшая скамья была пуста.

— Вы не особенно торопитесь, Иветта?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ. У меня есть время.

— Если позволите, мы поѣдемъ вмѣстѣ, возьмемъ фіакръ, тамъ же, у Одеона.

Его тонъ вызвалъ на ея красивый ротъ усмѣшку. Онъ слишкомъ ужъ съ ней деликатенъ, даже для русскаго. Но это ей льстило. Тутъ нѣтъ никакой обидной для нея игры, никакой злобной «*blague*»; это все серьезно.

— Вы тогда... точно разсердились? Помните?... Въ послѣдній разъ?

— Нѣтъ... Съ какой же стати?

— Вы нервны... да? А, должно быть, я васъ задѣла, не желая этого...

Онъ прекрасно помнилъ, на что она намекала.

— Вы меня приняли за хвастуна?—осторожно выговорилъ онъ и заглянулъ ей въ лицо, подъ красноватую тѣнь зонтика.

— Немного,—обронила она и тихо разсмѣялась.

— Я не хвастунъ, Иветта, и готовъ повторить вамъ то, что сказалъ тогда.

Сразу она ничего не отвѣтила.

— Я вамъ... такъ нравлюсь?—спросила она, поведя по немъ боковой взглядъ изъ-подъ полуопущенныхъ рѣсницъ.

И, не дожидаясь отвѣта, она выговорила, въ первый разъ такъ дурачливо, съ испанскимъ акцентомъ изъ одной оперетки:

— *Mes intentions ne sont pas pures, mais elles sont sérieuses!...*
C'est ça, mon petit russe?

— Non, ce n'est pas ça, — отвѣтилъ Фокинъ шутливо, но внутренно смущаясь.

— Alors?

Иветта глядѣла на него во всѣ глаза. Ей пришла тутъ же мысль: не хочетъ ли этотъ русскій обращать ее въ вѣру Толстого или вербовать ее въ *армію спасенія*?

— Вы меня не знаете, — свободнѣе заговорилъ Фокинъ, не пища словъ и не стараясь о томъ, чтобы произносить не по-московски. — Вы привыкли имѣть дѣло только съ тѣми, кто приходитъ въ кафе съ извѣстною цѣлью.

— Dame! Que voulez-vous?!

— Развѣ я похожъ на нихъ? Но, впрочемъ, — оговорился онъ,—я и не требую, чтобы вы сейчасъ меня поняли. Надо познакомиться поближе... Только не такъ, какъ вы думаете...

Конецъ фразы онъ договорилъ конфузливо. Но она уже ни въ чемъ недобромъ не подозрѣвала его.

— Je ne demande pas mieux!—вырвалось у ней теплою нотой.

— Будемъ пріятелями. Зайдите какъ-нибудь ко мнѣ... вы, вѣдь, свободны и по утрамъ?

— До трехъ только.

— А я встаю всегда въ семь.

— Вы въ гарни?—спросила Иветта такимъ тономъ, точно она вдругъ на его глазахъ превратилась въ свѣтскую женщину.

— Нѣтъ, у меня квартира.

— Съ своей мебелью?

— Да... Въ двухъ шагахъ отсюда.

— Вы меня приглашаете?

Вопросъ Иветты зазвучалъ насмѣшливо.

— Какъ угодно... Вы будете надо мной смѣяться, — поспѣшилъ онъ добавить, — но я не имѣю на васъ тѣхъ намѣреній, о которыхъ говорится въ опереткѣ.

Глазами она спросила его: «Въ такомъ случаѣ, что же мы будемъ дѣлать у васъ на квартирѣ?»

— Вы очень умны... вы не сочтете меня фарсѣромъ. Я не рисуюсь... а просто вы достойны интереса.

Онъ еще разъ повторилъ:

— Digne d'intérêt.

Иветта обернулась къ нему всѣмъ станомъ и протянула руку.

— Je vous crois, jeune moscovite!

Они оба поднялись со скамьи.

— Куда идти?—спросила она тихо и весело.

— Моя квартира по ту сторону сада,—возбужденно отвѣтилъ Фокинъ.

XI.

Въ пяти шагахъ отъ своего дома Фокинъ подумалъ:

«Привратникъ или его жена, но, вѣрно, торчать у себя и все увидать».

До сихъ поръ къ нему не проникала ни одна женщина. Они сейчасъ же сообразятъ, какого рода «даму» онъ привелъ къ себѣ.

Ложа ихъ помѣщалась по лѣвой рукѣ, въ проходѣ, а лѣстница, въ глубинѣ, поднималась справа.

Онъ пропустилъ Иветту впередъ, быстро шепнувъ ей:

— L'escalier, au fond, à droite, entresol!

Привратника не было дома, а жена его сидѣла у окна, выходящаго на дворъ, и что-то штопала. Оттуда она врядъ ли могла видѣть, кто прошелъ наверхъ. Это успокоило Фокина.

Онъ догналъ Иветту на площадкѣ передъ дверью своей квартиры, завѣшанной восточною портьерой, съ двумя металлическими цѣпями.

— Très chic!—обронила Иветта и поглядѣла на него съ новымъ выраженіемъ глазъ.

Вѣроятно, она подумала: «Le jeune homme a des balles».

Онъ тихо отперъ дверь американскимъ ключомъ и выпустилъ ее. Передняя была отдѣлана такими же восточными портьерами, какъ

и наружная дверь. По стѣнамъ висѣли японскія тарелки. Въ углу для тростей и зонтиковъ стоялъ японскій же фарфоровый цилиндрическій кувшинъ.

Глаза Иветты опять выразительно обвели эту отдѣлку, не особенно оригинальную, но цѣнную.

«Le petit moscovite» живетъ, несомнѣнно, какъ молодой человекъ, «qui a des balles».

Изъ кабинета они прошли въ салончикъ. Тамъ Иветту сейчасъ же привлекла одна статуэтка, и она стала ее разбирать съ большимъ пониманіемъ.

«У насъ ни одна барыня изъ дворянскаго общества такъ не сумѣетъ», — подумалъ Фокинъ и спросилъ тутъ же, какъ ей вообще у него нравится.

— Очень мило!

И, усмѣхнувшись на особый ладъ, она прибавила вполголоса:

— Видно, что здѣсь никогда не хозяйничала женщина... Правда? Ея тихій смѣхъ сообщился и ему.

— Никогда! — отвѣтилъ онъ ей въ тонъ.

Они присѣли вмѣстѣ на диванчикѣ. Фокину хотѣлось взять ее за талію, но онъ удержался.

Зачѣмъ будетъ онъ опошлять ихъ отношенія? Въ ней то и привлекаетъ его, что она сохранила въ себѣ привлекательность интересной женщины, а не дѣвицы изъ «sabloulot».

— Послушайте, Иветта, — заговорилъ онъ. — Такъ вы больше не считаете меня благѣромъ?

И онъ взглянулъ ей въ глаза, какъ за полчаса, въ Люксенбургскомъ саду.

— Нѣтъ, не считаю, — серьезно отозвалась она, повернувшись къ нему лицомъ и сѣла въ очень ловкую, интимную позу, немного наклонивъ голову.

— Только прошу васъ, — продолжалъ Фокинъ, испытывая опять приступъ волненія, — не думайте, что я имѣю на васъ виды.

— Вы, стало быть, набабъ? — полушутливо спросила она.

— Не набабъ... вотъ видите, мнѣ неловко говорить объ этомъ. Мой отецъ богатый, даже очень богатый человекъ...

— Riche à millions? — все еще полушутливо остановила она его.

— Да... особенно на французскія деньги.

— А сколько въ рублѣ франковъ?

— Два франка шестьдесятъ пять сантимовъ, по курсу.

— И у него много рублей?

— Много.

— И вамъ онъ ни въ чемъ не отказываетъ?

— Ни въ чемъ.

Онъ понималъ, что она держится шутиливаго тона боясь «être durée» въ такомъ разговорѣ.

— Скажите, Иветта... съ тѣхъ поръ, какъ вы въ этомъ кафе,—слово «caboulot» онъ не хотѣлъ употреблять,—неужели никто изъ молодыхъ людей не говорилъ вамъ...

— Mes intentions ne sont pas pures?...

— Я васъ серьезно спрашиваю, Иветта?

— Говорили... какъ говорятъ такия вещи женщинамъ, вроде меня. Можетъ быть, я пропустила два-три хорошихъ случая... Но что мнѣ предлагали? Идти въ натурщицы или фигурантки въ театр Шатлэ, или просто раздѣлить столъ и квартиру со студентомъ. Un collage! Но никто мнѣ не нравился, да я и боюсь увлеченія... Я уже вамъ говорила, кажется. Какой же это выборъ: фигурантка, натурщица! Такой же ничтожный заработокъ... а остальное все тоже...

И она махнула рукой.

— А жить со студентомъ въ одной комнатѣ гарни и цѣлый день бродить изъ одного кафе въ другое, ссориться, выносить выходки ревности, а то такъ и побой!... И за что? За мѣсто на постели и плохой обѣдъ въ *гарготтк*! C'est idiot! —вырвалось у ней рѣзкой нотой.—Ou plutôt,—добавила она мягче,—c'est bien triste!

«Развѣ она не права?»—подумалъ Фокинъ и взялъ ее за руку.

— А чѣмъ бы вы желали быть?

Она не сразу отвѣтила.

— Вы хотите непременно, чтобъ я мечтала съ вами вслухъ?

— Да, хочу.

— Извольте. Я, вѣдь, тоже не имѣю на васъ видовъ. Вы сынъ богача—положимъ. Если я попрошу у васъ une somme ronde, вы не дадите мнѣ ее... на вздоръ. Вы захотите меня устроить, не правда ли? Я допускаю такой капризъ... Или лучше, потребность сдѣлать что-нибудь... не банальное.

И помолчавъ она добавила:

— C'est si bon de pouvoir donner!

— Будемъ мечтать вслухъ!—подсказалъ Фокинъ.—Вы—съ дипломомъ. Вы могли бы открыть школу.

— Съ моимъ прошедшимъ?—строго остановила она его.—Это невозможно.

— Но кто же узнаеть?

— Все узнается, все... Да я и не чувствую въ себѣ никакой охоты учить, по призванію. Нѣтъ, Богъ съ ней, съ школой.

— Съ вашей наружностью и пріятной дикціей... почему не начать опять готовиться къ сценѣ?

Иветта пристально поглядѣла на него.

— Non, — рѣшительно выговорила она, — je méprise le sabotinage.

И по бокамъ ея рта легли двѣ складки горечи.

— Каждая воображаетъ, что она Сара! Таланта... настоящаго таланта я въ себѣ не чувствую. Чтобы пробиться, даже въ провинціи, надо точно также торговать собою, — съ замѣтнымъ усиліемъ промолвила она и отвернула лицо.

— Что же остается... магазинъ цвѣточный или парфюмерный?

— Oh! — перебила она. — Une parfumerie!

И она какъ бы пристыдила его взглядомъ. Онъ даже покраснѣлъ, вспомнивъ, сколько въ Парижѣ есть парфюмерій, прикрывающихъ вывѣскою совсѣмъ другую профессію.

Ему случилось разъ, въ боковой улицѣ, около Итальянскаго бульвара, зайти въ такой магазинъ и купить кусокъ мыла. Двѣ продавщицы показались ему странными своимъ обращеніемъ съ покупателями, а вмѣсто мыла онъ дома нашелъ кусокъ дерева.

— Чтобы было совсѣмъ по мнѣ...

Иветта не закончила. Раздался звонокъ. Фокинъ конфузливо вскочилъ съ дивана и пошелъ открывать.

— Une dépêche, — подалъ ему телеграмму привратникъ въ дверь, приподнявъ свою бархатную скуфью.

Фокинъ въ передней же вскрылъ маленькій голубой пакетикъ. «*Votre père tombé malade... Désire vous voir*».

Подписана фамиліей управляющаго одною изъ мануфактуръ. Стало быть, отецъ заболѣлъ не въ Москвѣ, а на фабрикѣ.

Въ смущеніи онъ присѣлъ въ кабинетѣ къ письменному столу. Иветта ждала.

XII.

Фиакръ вползалъ по крутому подъему улицы, такой узкой, что было бы трудно повернуть экипажъ. Справа и слѣва мелькали огни въ лавкахъ и кабачкахъ. На тротуарахъ виднѣлся только рабочій людъ, увіеры въ фуражкахъ и блузахъ; женщины безъ шляпокъ, въ кофтахъ. Ребятишки играли тутъ же, и ихъ голоса врывались во внутренность кареты, откуда Фокинъ смотрѣлъ по сторонамъ, съ довольно тревожнымъ чувствомъ.

Навѣрно, его фіакръ возбуждаетъ «сенсацію». Сюда въ экипажахъ не ѣздятъ. Да и онъ попенялъ на себя, что не отправился въ конгѣ, до ближайшей станціи остановокъ, и не пришелъ пѣшкомъ. Но онъ считалъ себя чрезвычайно неумѣлымъ по части отыскиванья домовъ вечеромъ. Кучеръ привезетъ прямо къ тому номеру, гдѣ помѣщается зала.

Ему самому казалось страннымъ, что его тянуло на зовъ «разрывнаго» проповѣдника, который обращался къ представителямъ науки и литературы. Красный листокъ лежалъ у него въ боковомъ карманѣ.

Депеша о болѣзни отца должна была погнать его изъ Парижа. Но на слѣдующій день онъ получилъ другую, составленную по-русски французскими буквами. Кое-какъ онъ разобралъ ее. Она была подана отъ имени его отца и въ ней говорилось, что ему совсѣмъ хорошо и онъ проситъ не беспокоиться. Депеша пришла изъ Москвы, стало быть, отецъ имѣлъ силы переѣхать изъ подгородней фабрики.

Во всякомъ случаѣ онъ поѣдетъ домой въ концѣ мѣсяца, хотя ему, по его работамъ, и было бы полезно просидѣть въ Парижѣ до наступленія жаровъ. Если въ Москвѣ все будетъ идти по старому, онъ вернется сюда къ сентябрю.

Наконецъ, карета остановилась передъ входомъ въ кабачокъ. Никакъ нельзя было подумать, что позади помѣщается зала, въ два этажа, съ галереями, размѣромъ съ добрую церковь.

Фокинъ спросилъ у хозяина, стоявшаго за прилавкомъ, какъ пройти. Тотъ указалъ ему на узкій коридоръ, черезъ него проникаютъ на площадку, гдѣ между двумя дверьми приютилась будочка съ кассой.

За входъ взидали пятьдесятъ сантимовъ.

Онъ взялъ вправо и какъ только вошелъ въ залу, сейчасъ же очутился въ толпѣ. Только у самаго входа можно еще было кое-какъ двигаться.

И внизу, и по галереямъ все было усыпано темными фигурами. Въ залѣ стоялъ полусвѣтъ отъ матовыхъ колпаковъ нѣсколькихъ лампъ. Спертый воздухъ, полный человѣческихъ испареній, ударилъ Фокину въ голову. При его близорукости, онъ и въ рѣсепез не могъ разглядѣть отчетливо, изъ кого состоитъ эта публика. Около него, между колоннами и ближе къ входнымъ дверямъ, онъ не замѣчалъ настоящихъ уврѣровъ. Было не мало молодыхъ женщинъ, похожихъ не на работницъ, а скорѣе на курсистокъ. Мужчины смотрѣли тоже тѣмъ, что у насъ зовется «интеллигенціей». Студентовъ въ беретахъ почти что не было.

Что-то жуткое сейчас же заговорило въ Фокинѣ. Точно онъ очутился, сто слишкомъ лѣтъ назадъ, въ одномъ изъ клубовъ первой революціи. Эта зала, съ деревянными колоннами, похожая на огромный сарай, давала чувство эпохи террора. И головы похожи были на якобинскія, только тутъ пахло совсѣмъ не фанатизмомъ государственнаго единства, а напротивъ, — низверженіемъ всѣхъ устоевъ, изъ-за которыхъ Парижъ переживалъ дни якобинскаго террора.

Изъ глубины, съ высокаго помоста, также плохо освѣщеннаго, доходилъ до него одинъ голосъ.

Голосъ этотъ лился нескончаемой лентой, — высокій, пѣвучій, съ переливами и возгласами, какіе Фокину случалось слышать въ католическихъ церквяхъ.

Онъ сейчасъ же вспомнилъ, что ему говорилъ про этого вожака отецъ Феликсъ. Да, такое краснорѣчіе долженъ имѣть бывший семинаристъ. И Фокину издали представлялась худая фигура не въ черномъ сюртугѣ, въ какомъ ораторъ былъ на самомъ дѣлѣ, а въ ступанѣ и даже въ кисейной рубашкѣ проповѣдниковъ и въ многогранной шапкѣ.

Между низенькой каедрой и столомъ, гдѣ сидѣли трое членовъ бюро, ораторъ ходилъ взадъ и впередъ, вскидывалъ своими длинными руками или дѣлалъ ими характерные жесты книзу, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ кончалъ тираду и считалъ свои доводы неопровержимыми.

Слова и фразы текли и текли, безъ малѣйшей задержки, точно заученный урокъ; но произносилъ онъ его все съ тѣмъ же пыломъ, то поднимая тонъ, то немного опуская, безъ усталости и замѣтнаго напряженія.

Зала, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, подхватывала разныя «словечки», смѣялась и гоготала или хлопала.

И вотъ эта-то приправа его краснорѣчія и то, какъ она принималась залой, всего сильнѣе дѣйствовали на Фокина.

Онъ еще не воображалъ, чтобы въ этомъ самомъ Парижѣ, гдѣ онъ уходитъ въ безстрастную обитель науки, съ такимъ чувствомъ чего-то незыблемаго и вѣчнаго, — до такой степени распатано все, за что держится «общеміровая гражданственность». Да, не то, что ораторъ доказывалъ, смущало его — онъ предвидѣлъ какими приблизительно доводами будетъ тотъ громить современное общество, — а то, какъ спокойно-презрительныя прозвища, клички, остроты и прибаутки звучали безповоротными приговорами надо всѣмъ, что до сихъ поръ признавалось культурнымъ человѣчествомъ.

Вотъ что было дѣйствительно страшно! Впервые овладѣвало имъ чувство, похожее на то, когда взберешься на крутую гору и внезапно передъ тобой обрывъ зияеть черною дырой.

А голосъ бывшаго семинариста все звенѣлъ и пронизывалъ насквозь. Отчетливо, фразу за фразой, Фокинъ воспринималъ въ себя цѣлый потокъ его обличеній. Это — не комедія, не чтеніе роли, не рѣчь, произносимая по заказу! Слышится что-то упорное и восторженное, — такой человѣкъ пойдетъ на плаху и на костеръ за свою вѣру.

Чего-нибудь совсѣмъ новаго и разительнаго въ его обличеніяхъ Фокинъ не слышалъ, но онъ не находилъ тотчасъ же, въ своей головѣ, ничего побѣдоноснаго и въ опроверженіе этого проповѣдника всеобщей «ликвидациі». Одно онъ чувствовалъ, — разъ въ массу проникли такія идеи, и она вбираетъ ихъ всѣмъ своимъ «естествомъ», нельзя закрывать глаза и прятать голову; надо смотрѣть въ лицо надвигающейся катастрофы.

И вдругъ голосъ оборвался на высокой нотѣ — фальцетомъ. Зала захохотала, и волны криковъ и рукоплесканій прошли и внизу, и по галлерейамъ.

Онъ хотѣлъ было броситься къ двери, но вспомнилъ, что будутъ еще пренія.

ХІІІ.

Фокинъ все шелъ, захваченный своими мыслями, полный неизвѣданнаго имъ настроенія души.

Не замѣчая куда идетъ, онъ очутился на мосту и увидалъ на темномъ пологѣ неба башни Notre-Dame. Ночь была тихая и звѣздная, утромъ шелъ дождь и въ воздухѣ носился свѣжій вѣтерокъ. Изъ-за длинныхъ облаковъ выглядывала луна.

На ту сторону рѣки онъ совсѣмъ и не собирался; поворачивать назадъ ему не захотѣлось. Онъ дошелъ до площадки, передъ порталомъ собора, и присѣлъ на скамью, около фонарнаго столба.

Въ ушахъ у него еще гудѣли крики залы, откуда онъ убѣжалъ, не дождавшись конца преній.

Хороши «пренія»! Кто входилъ на эстраду и начиналъ говорить противъ того, что фанатиками считается святою истиной, тому сейчасъ же кричали, что онъ пошлякъ, шпіонъ, защитникъ гнусной тираниі государства и буржуазнаго общества. Одинъ оказался побойчѣе и началъ огрызаться. Тогда на эстраду вско-

чили нѣсколько молодцовъ и стали тащить его оттуда. Вышла драка. Въ залѣ нашлись сторонники у этого оппонента, и дѣло грозило перейти въ общую свалку.

Фокинъ ринулся въ дверь, не изъ трусости, а охваченный негодующимъ чувствомъ.

Теперь оно въ немъ улеглось. Но вся эта сходка еще владела имъ. Онъ не могъ уйти отъ дѣлой вереницы вопросовъ. Пренная почва ускользала у него изъ-подъ ногъ...

Да, надвигается на весь цивилизованный миръ орда «новыхъ варваровъ», — онъ вспомнилъ выраженіе изъ разговора съ отцомъ Феликсомъ, — и орда эта ждетъ только сигнала, чтобы ринуться. А чѣмъ съ ней бороться? Неужели мечемъ, кромѣ сабель, ружей и пушекъ?

Вотъ эти свалки и дѣлаютъ исторію, а не архивная пыль, любезная его сердцу. Развѣ когда-нибудь замирала борьба между сытыми и голодными, властью имущими и безправными?

Онъ долго смотрѣлъ на порталъ и башни средневѣковой базилики. Никогда онъ не видалъ ее въ такомъ освѣщеніи. Никогда эта церковь и не говорила такъ его чувству историка.

И въ его воображеніи всплывали лица, созданныя поэтомъ: король-централизаторъ, ханжа и палачъ, его опричники, его враги-вассалы, архидьяконъ Блодъ Фролло, Квазимодо, Эсмемальда, la cour des miracles, нищіе, висѣльщики, заманивающіе кавалеровъ и буржуа въ свои логовища, студенты, клерки и народъ съ его вѣчными аппетитами и глухимъ броженіемъ разрушительныхъ инстинктовъ...

И тогда власть прибирала къ своимъ лапамъ этотъ «дѣмосъ», безъ котораго у исторіи нѣтъ главнаго строительнаго матеріала, камней, кирпичей и цемента. Теперь враги общества: одни взываютъ къ всеильному государству, уравнителю всѣхъ земныхъ благъ; а другіе — къ полному уничтоженію всего, что — не полная свобода личности. Эти «варвары» — самые новые. Они ополчаются на всѣхъ и на все. Для нихъ нѣтъ спасенія внѣ полного пролома.

И все это исторія — настоящая, трепетная, многообразная, полная красокъ, съ предвкусіемъ зарева, грохота взрывовъ и потоковъ крови.

Онъ живетъ посреди этой исторіи, въ самомъ ея водоворотѣ и можетъ наблюдать, записывать, вникать, предвидѣть — гораздо вѣрнѣе и успѣшнѣе, чѣмъ когда онъ стряхиваетъ пыль съ феліантовъ, объясняя темныя мѣста сомнительныхъ писателей, въ-

ря всякой записи монаха или досужаго строчилы потому только, что тотъ жилъ пятьсотъ лѣтъ назадъ.

Глаза его перешли къ фасаду казеннаго зданія, гдѣ половина оконъ не были освѣщены. Онъ сообразилъ, что это—полицейская префектура.

Въ прошломъ году онъ отправлялся туда за одной справкой и былъ принятъ шефомъ муниципальной полиціи. И ждалъ онъ своей очереди въ маленькой комнатѣ съ окнами прямо противъ портала Парижской Богоматери. Оттуда вся обширная площадка съ асфальтомъ лежала передъ нимъ, точно огромный поднось, и онъ еще удивился тогда, какъ мало было тутъ уличнаго движенія.

Мысль его перешла къ «полиціи нравовъ». Шефъ, принимавшій его, былъ и начальникомъ того бюро, которое вѣдаетъ міромъ явной и тайной проституціи.

Онъ тотчасъ же подумалъ объ Иветтѣ. Очень можетъ быть, что она была извѣстна агентамъ и ее заставляли взять «билетъ», изловивъ ее въ какомъ-нибудь ночномъ гарнѣ, и возили сюда въ желтой каретѣ, въ «dérot».

Еслибъ Иветта попала съ нимъ сегодня въ ту залу съ деревянными галлерейми, она не возмутилась бы ничѣмъ изъ того, что говорилъ проповѣдникъ всеобщаго разрушенія. Она, небось, знаетъ, какъ хваленое «общество» выбрасываетъ на мостовую сотни и тысячи такихъ же неудачницъ?!

А чѣмъ она хуже тѣхъ яко бы честныхъ франтихъ, что бѣгаютъ къ моднымъ лекторамъ Сорбонны?

Его мысль попала точно въ желѣзную влѣтку и билась въ ней. Нужды нѣтъ, что онъ лично не виноватъ въ судьбѣ цѣлаго міра обездоленныхъ, ждущихъ только момента, чтобы прорвать всѣ плотины. Не виноватъ?! Но онъ сынъ миллионера-хозяина. Отецъ можетъ умереть не сегодня-завтра, и вотъ онъ самъ—во главѣ огромнаго дѣла, гдѣ тысячи живыхъ существъ—мужчинъ, женщинъ и дѣтей—день и ночь копошатся у машинъ и гдѣ человѣкъ—ничто, а все—штука миткаля!

Вернется онъ домой,—тамъ можетъ его ждать депеша о скоростижной смерти отца. Жизнь схватить его и стряхнетъ съ его лица архивную пыль. Онъ не уйдетъ отъ нея, если въ немъ епиги и рукописи не выѣли души.

И онъ самъ долженъ будетъ «дѣлать исторію», какъ дѣлаютъ ее всѣ, кому хочется дышать и наслаждаться законными дарами жизни.

Что-то забродило въ немъ новое и не оставить его въ покоѣ.

Разрушителемъ онъ не хочетъ и не можетъ быть. Онъ слишкомъ преданъ идеѣ «научнаго закона». Но отъ жизни не уйдешь!

«Не уйдешь!» — повторилъ онъ, глубоко задумавшись.

Грузные шаги заставили его поднять голову. Мимо него, шагахъ въ пяти, прошли два полицейскихъ въ короткихъ мантильяхъ, и косо поглядѣли на него.

Кругомъ было совсѣмъ безлюдно. Всего одинъ фіакръ стоялъ въ отдаленіи, и его два фонаря смотрѣли въ темнотѣ, какъ глаза филина.

Фокинъ поднялся. Онъ немного продрогъ. Поглядѣлъ онъ въ сторону набережной и почему-то ему припомнилось, что недалеко отсюда и знаменитая *Morgue*, гдѣ столько Иветтъ лежало въ мертвецкой, ожидая тѣхъ, кто захочетъ признать ихъ обезображенные трупы.

Неужели она такъ сжилась со своимъ заработкомъ, что ей уже не кинуться въ воду и не попасть въ мертвецкую?

— *Cocher!* — разбудилъ онъ гучера. — *Au Luxembourg!*

Его потянуло въ *saboulot* Иветты.

XIV.

Сквозь щели ставней врываются въ спальню веселыя полосы свѣта.

Фокинъ лежалъ въ постели подъ балдахиномъ, широкой и низкой, какія дѣлаются теперь въ Парижѣ, обитой свѣтлой матеріей съ разводами.

Онъ давно уже проснулся; но сегодня благоразумнѣе будетъ остаться въ постели. Только что онъ измѣрилъ себѣ температуру: тридцать семь двѣ десятыхъ.

Четвертый день у него — родъ инфлюэнцы съ болями въ спинѣ. Докторъ боится осложненія въ сторону почекъ. И въ легкихъ — хрипы. Ничего нѣтъ легче, какъ переходъ къ пневмоніи. Въ Парижѣ это очень часто бываетъ, и не съ одними стариками.

Не любитъ онъ валяться. И всегда допытывается у самого себя, какъ онъ могъ схватить нездоровье.

Но, на этотъ разъ, онъ зналъ, гдѣ простудился. Въ ту ночь, когда ѣздилъ туда, въ залу съ деревянными галереями. Отъ страшной духоты онъ былъ въ сильной испаринѣ и, выйдя, распахнулъ пальто и такъ шелъ, поглощенный своими мыслями, очутился на мосту, а потомъ на площадкѣ передъ *Notre-Dame*, гдѣ сидѣлъ — все также разстегнутый — на скамьѣ и, вѣроятно, больше часа.

На другой же день онъ проснулся съ тяжелою головою, жаромъ и характерною болью въ затылкѣ. Онъ сейчасъ же узналъ инфлюэнцу; черезъ нее онъ уже проходилъ въ Москвѣ.

По натурѣ онъ былъ мнителенъ. Инфлюэнца — «подлая» болѣзнь. Она можетъ «до всего довести» и не такіе жидкіе организмы, какъ у него.

Ему сейчасъ же припомнилась болѣзнь ихъ годового доктора — здоровяка. Когда онъ уѣзжалъ въ Парижъ, два года назадъ, тотъ поражалъ всѣхъ своимъ богатырскимъ складомъ, румяными щеками, зычнымъ голосомъ и заразительною веселостью. И совершенно случайно, въ разговорѣ, онъ узналъ, что докторъ умеръ еще въ маѣ. Изъ дому ему ничего не писали, — не хотѣли огорчать или пугать. Отецъ и мать боялись покойниковъ и всего, что отзывается смертью.

Впервые эта болѣзнь прошла и по немъ охлаждающею струей. И онъ, «заднимъ числомъ», испугался. У него тоже была инфлюэнца и могла унести его.

Жутко ему стало и третьяго дня ночью, когда онъ, безъ сна, лежалъ въ жару, съ ломомъ въ спинѣ и въ ногахъ.

Никогда до того не думалъ онъ, что его жизнь нужна для чего-нибудь. А тутъ первый вопросъ былъ: какъ же это онъ такъ рано умереть? Вѣдь онъ можетъ оказаться нужнымъ. Для кого и для чего?...

Для науки? Такой самолюбивой мысли ему не пришло. Онъ былъ ей преданъ, но какъ «безвѣстный бенедиктинецъ». Не для науки, а для того «дѣла», которое попадетъ въ его руки, какъ наслѣдника своего отца.

И не «дѣло» само по себѣ, не мануфактуры, не штука миткаля, не тѣ свободные капиталы, которые лежатъ у отца въ банкахъ, не нажива или хозяйское тщеславное чувство силы или почета. Дѣло, какъ нѣчто, связанное съ судьбой нѣсколькихъ тысячъ рабочихъ...

Прежде онъ никогда объ этомъ не думалъ. Заниматься «дѣломъ» онъ, конечно, не сталъ бы. Пускай идетъ, какъ шло. И еще лучше — образовать паевое товарищество и продать свои пай. А тутъ вотъ захотѣлось жить прежде всего потому, что на немъ лежить какой-то «долгъ».

Это его удивило. Вчера, когда ему стало полегче, онъ уже больше не боялся за исходъ болѣзни; но опять сталъ думать о Москвѣ, о здоровьѣ отца, о матери, вспоминать домъ въ Москвѣ и усадьбу съ сосновымъ боромъ около мануфактуры, и фабричное

зданіе, какъ оно ночью свѣтится безчисленными огнями; а машина грохочетъ, какъ морской прибой, и темныя фигуры рабочей смѣны гуськомъ и группами пробираются ко входу, послѣ гулкого, плачущаго воя, похожаго на пароходный свистокъ, какой завели теперь на Волгѣ.

Сегодня онъ встанетъ попозднѣе, если разрѣшитъ докторъ. Читать тотъ, пожалуй, не позволить. Какая тоска валяться въ постели или на кушеткѣ!...

Изъ кухни доносится звукъ посуды; это жена привратника готовитъ ему какую-то «rotion», въ большой чашкѣ, — вѣроятно, безвкуснѣйшее лѣкарственное питье. Ни чаю, ни кофе она ему не даетъ. Эта «ша-ше Thomas» — очень важная особа и надо ее слушаться. Она выражается отборнымъ языкомъ, потому что постоянно читаетъ газеты и даже литературные журналы, какіе получаютъ жильцы.

Какъ же ему скрасить одиночество? Никого у него нѣтъ по близости, въ Латинскомъ кварталѣ, да и на правомъ берегу Сены. Развѣ послать за тѣмъ французомъ, что вернулся изъ Россіи. Онъ не записалъ его адреса.

Съ Иветтой онъ не видался съ той ночи, какъ простудился и отъ Notre-Dame поѣхалъ къ ней въ кафе. Она не знаетъ, что онъ боленъ. Ему хотѣлось вчера послать ей записку; но онъ воздержался, — точно онъ желаетъ «учесть» впередъ уходомъ за собой то, что онъ можетъ для нея сдѣлать.

Но ихъ разговоръ, тогда, въ его квартирѣ, былъ прерванъ приходомъ депеши о болѣзни отца. И въ кафе, ночью, онъ просидѣлъ не долго. Она должна была «занимать» другого гостя. Это стѣсняло ее въ его присутствіи. И ему стало за нее больно. «Проводить» ее домой, послѣ часа ночи, она ему не предложила, да онъ и самъ къ этому не стремился.

Онъ и теперь готовъ устроить ее судьбу; но хочетъ сдѣлать это, какъ настоящій джентльменъ, не унижая ни ея, ни себя.

Его холостая жизнь — такъ суха и одинока, по его же винѣ. А развѣ онъ ненавистникъ женщинъ? Онъ только сторонится отъ нихъ, больше отъ крайняго самолюбія и щепетильности, а такъ же изъ страха нарушить свой режимъ «научнаго труженика», чтобы ничто не мѣшало ему жить по строгой программѣ, ничѣмъ не волноваться.

Въ коридорчикѣ раздались грузные шаги.

Дверь, задрапированная портьерой, приотворилась, и madame Thomas внесла на подносѣ чашку лѣкарственнаго питья — въ чер-

номъ чепцѣ и сѣромъ листриновомъ платьѣ, съ шелковымъ передникомъ. Жена привратника двигалась медленно и важно—высокая, плотная, съ усиками смуглаго, мужеподобнаго лица.

Фокинъ немного ее побаивался и говорилъ съ ней, точно она не прислуга, а гостья.

— Il faut prendre cela. C'est apéritif!—выговорила значительно madame Тома подходя къ ночному столику.

— Apéritif?—повторилъ Фокинъ кротоко, но съ невольной гримасой.

— Oui, m'ôssieur—произнесла привратница, совершенно такъ, какъ въ «Comédie Française» произносятъ слово «monsieur» въ комедіяхъ Мольера.

Надо было слушаться. Этой внушительной особѣ съ дикціей матроны ему совѣстно будетъ отдать записку къ Иветтѣ, чтобы она послала съ коммисіонеромъ, да и написать-то записку надо будетъ тайкомъ. Она не позволить ему «утомлять себя».

На квартирѣ Иветты онъ не былъ и адресъ забылъ; не былъ даже увѣренъ, дала ли она ему свою карточку, что другая бы сдѣлала давнымъ-давно.

Стало-быть, записка будетъ ждать ее въ кафе, куда она является послѣ завтрака. Если сегодня не ея свободный день, она должна оставаться до поздней ночи и можетъ придти только завтра.

— Il faut boire tout!

Питье казалось ему очень противнымъ; но онъ допилъ, испытывая на себѣ авторитетный взглядъ привратницы.

Въ передней позвонили. Мадамъ Тома не торопилась отворять.

— M'ôssieur ne geçoit pas?—строго спросила она.

— Oui, oui!—обрадованно приказалъ Фокинъ.

ХV.

Спина мадамъ Тома повернулась къ двери. Фокинъ облегченно вздохнулъ.

Посрединѣ спальни, лицомъ къ нему, стояла Иветта. Привратница, съ видимымъ неудовольствіемъ, выпустила ее, когда онъ приказалъ ей принять гостью.

Въ полусвѣтѣ комнаты обликъ Иветты выступалъ красивымъ оваломъ, съ пепельными прядями волосъ и огромными глазами. Она почти сконфуженно улыбалась.

— Простите,—выговорила она вполголоса,—вы нездоровы. Я думала, что вы не хотите больше меня видѣть.

Взглядомъ она намекала на ту ночь, когда онъ пріѣхалъ дня нея и нашелъ ее въ исполненіи ея «служебныхъ обязанностей» съ пьяненькимъ студентомъ.

— Я очень радъ,—заговорилъ оживленно Фокинъ и сѣлъ въ постели, закрывъ себя одѣяломъ до подъ мышекъ.—Благодарю. Я даже хотѣлъ просить васъ зайти.

— Vrai?—радостно кинула она и смѣлье стала подходить къ нему.

— Вы знаете... у меня инфлуэнца... не подходите близко. Можете заразиться.

— О! я не боюсь.

Она присѣла на табуретъ, въ проходѣ между кроватью и стѣной.

— Вамъ лучше?—спросила Иветта.

Въ тонѣ ея все еще слышалась нотка сомнѣнія насчетъ того, какъ онъ къ ней относится.

— Теперь лучше... Я боялся въ первые два дня... за легкія или почки.

— Да, это коварная болѣзнь,—выговорила Иветта, сдвинувъ слегка брови.

— Сегодня вы свободны?

— Только до трехъ... какъ всегда. Но я могу и не пойти. Если вы позволите—я останусь... буду вамъ читать. Я хорошо читаю.

Въ тонѣ ея слышались совсѣмъ новыя ноты. Голосъ сталъ звучать ласковѣе. Она не заискивала въ немъ такъ, чтобы было неприятно за нее, но давала чувствовать, что она хоть сейчасъ броситъ противное «saboulot»...

«Когда я исполню то, что обѣщала ей» — думала Фокинъ, и ему захотѣлось сейчасъ же покончить съ этимъ.

— Да, я думала попросить васъ къ себѣ,—возбужденнѣе заговорилъ онъ.—Не для того, чтобы быть моей сидѣлкой.

— Почему же нѣтъ?—подказала Иветта.

— Нѣтъ, не за этимъ. А я хочу серьезно поговорить о вашей судьбѣ. Тогда нашъ разговоръ былъ прерванъ.

— Вашему отцу лучше, не правда ли? Вы не поѣдете въ Москву?

— Онъ совсѣмъ оправился. Я поѣду, быть-можетъ, но позднеѣе. Значитъ, вы не торопитесь, Иветта? Хотите здѣсь позавтракать?

— Я еще не голодна. Только хорошо ли, что вы много говорите?

— Ничего. У меня температура почти нормальная.

Говорить съ нею ему было сегодня особенно пріятно. Она ему нравилась «за-ново». На ней было то самое платье, скроенное дѣт-

ской блузой, въ которомъ онъ увидалъ ее въ первый разъ, въ кафе. Но та Иветта точно не существовала для него. Поскорѣе надо дать ей возможность бросить «saboulot». Надо это сдѣлать на-дняхъ, какъ только онъ оправится и будетъ выходить изъ дому.

— Послушайте, Иветта, — началъ онъ уже болѣе дѣловымъ тономъ. — Вы тогда не успѣли досказать... Такъ чего же бы вы желали? Она вскинула на него глаза, и щеки ея стали розовѣть.

Сказать вамъ... о чемъ я всегда мечтала?

— Скажите, скажите!

— Кабинетъ для чтенія на хорошемъ мѣстѣ. Свѣтлая зала. Много иностранныхъ журналовъ. И русскія газеты также... Всѣ новыя книги... Можно самой читать сколько хочешь. И главное — никого не эксплуатируешь. Нѣтъ мастерицъ и ученицъ. Одну помощницу. Назначить ей порядочное жалованье.

Она опустила свои густыя рѣсницы, продолжая мечтать вслухъ.

Фокинъ слушалъ. Идея удачная, но вѣдь ея «clientèle» кабинета для чтенія составятъ исключительно мужчины. И, разумѣется, такая хозяйка будетъ служить приманкой.

Онъ вдругъ вспомнилъ, что одинъ москвичъ — большой пошлякъ, надоѣдавшій ему въ прошломъ году — рассказывалъ, какъ онъ зашелъ, гдѣ-то около Биржи, въ книжный магазинъ, и хозяйка, съ двумя ея приказчицами, оказались тайными проститутками — все равно, что въ той парфюмерии, гдѣ ему самому продали «чурку» вмѣсто куска мыла.

Это прошлось холодающей струей по его душѣ.

— И сколько же такой кабинетъ будетъ стоить?

— Если по случаю... Я не знаю, право... тысячь десять франковъ, съ разсрочкой платежа, — выговорила Иветта, замѣтно смущенная.

— Скажемъ двадцать тысячь.

— О, столько не будетъ стоить! За такія деньги можно имѣть очень большую библіотеку... Я объ этомъ не мечтаю. Даже за пять тысячь можно устроиться.

— И жить доходомъ? — спросилъ Фокинъ.

— Конечно! — вырвался возгласъ Иветты. — Я увѣрена, что у меня пойдетъ дѣло. Для него я создана. Дѣло простое и чистое.

Почему-то, тутъ только Фокинъ, впервые, вспомнилъ, какъ Иветта была брошена тѣмъ «каботиномъ» — мелкимъ актеромъ, которій увлекъ ее. Кажется, она намекала на ребенка.

— Извините, — началъ онъ другимъ тономъ. — Вы позволите одинъ нескромный вопросъ?

— Все, что хотите. Какіе же могутъ быть нескромные вопросы? Вы знаете мое прошлое. Я ничего не скрывала и не выдумывала. Хвалиться нечѣмъ, — добавила она съ усмѣшкой.

— Когда тотъ актеръ, про котораго вы мнѣ рассказывали, бросилъ васъ... развѣ вы не собирались быть матерью?

— Да, ребенокъ родился два мѣсяца спустя.

— И онъ живъ?

— Живъ.

— Живетъ съ вами?

— Нѣтъ... въ деревнѣ. Развѣ я могу держать его здѣсь, при себѣ?

— Это мальчикъ?

— Дѣвочка... Ей уже пять лѣтъ.

Она не договорила и отвернула голову. Ему стало совѣстно, точно ее допрашиваетъ.

— Ивета, — окликнулъ онъ ее, — вамъ тяжело вспоминать все это... Я вѣрю всему, что вы говорите.

— Если это и правда, — остановила она его, — почему же вы выбираете меня и хотите устроить мою судьбу? Именно мою? Вѣдь, есть въ Парижѣ сотни и тысячи дѣвушекъ совсѣмъ честныхъ. И онѣ голодаютъ — буквально голодаютъ или еле дышатъ, въ чахоткѣ, съ заработкомъ въ тридцать су? Развѣ я лучше ихъ?

Она встала и, подойдя къ борту кровати, глядѣла на него блѣдная, съ влажными глазами.

— Вы меня не хотите сдѣлать вашей... любовницей, — продолжала она сильно и задушевно. — Вы не покупаете меня. Это прекраснѣйшій поступокъ. Но почему же я, а не тысячи другихъ, лучше меня? Вы, вѣдь, читали какъ-то въ газетахъ, что одна русская студентка... отравилась?... Не выдержала голода. Вы слышите — голода?

Фокинъ сильно покраснѣлъ. Онъ былъ тогда здѣсь и читалъ въ газетахъ. А развѣ это извѣстіе настолько поразило его, чтобы вызвать желаніе что-нибудь сдѣлать для такихъ русскихъ дѣвушекъ, застигнутыхъ бѣдой, обреченныхъ на голодную смерть?...

Но онъ не разсердился на Иветту. Въ ней это искренній порывъ, а не рисовка, не расчетъ тронуть его благородствомъ своихъ чувствъ. Онъ сдѣлаетъ то, что обѣщалъ, обезпечить и ее, и участь ея ребенка. Спасибо ей и за то, что она напомнила ему о самоубійствѣ той русской студентки.

— *Monsieur le docteur!* — важно доложила превратница, растворивъ дверь.

XVI.

Фиакръ везъ Фокина къ «Площади Согласія» по *Rue Royale*.

Въ открытомъ экипажѣ онъ сидѣлъ, съжившись въ углу, съ ногами, покрытыми пледомъ. А утро было теплое и радостное. На *Rue Royale* шла уже несмолкаемая ѣзда взадъ и впередъ.

Но ему еще не совсѣмъ здоровилось. Онъ знаетъ, что къ вечеру температура поднимется.

Со дня на день откладываетъ онъ свой отъѣздъ въ Россію. И не рѣшается. А тамъ его ждуть. Теперь—онъ «хозяинъ».

Въ тотъ разъ, по уходѣ доктора, такъ черезъ полчаса, мадамъ Тома подала ему депешу. Онъ попросилъ Иветту подойти къ свѣту и прочесть.

Отецъ скончался, и его спрашивали: дожидаться ли его приѣзда или хоронить? Онъ хотѣлъ отвѣтить—«дожидаться», но ему сдѣлалось дурно. Когда онъ пришелъ въ себя, то попросилъ Иветту отвѣтить, чтобы не ждали. Онъ не могъ отвѣчать, что выѣдетъ черезъ два дня,—насколько времени затянется болѣзнь.

Вѣсть потрясла его сильнѣе, чѣмъ, быть можетъ, онъ и самъ ожидалъ. Ночью онъ бредилъ и метался. Пригласили сидѣлку. Иветта заходила каждый день и, при ней, онъ чувствовалъ себя лучше. Такъ протянулась цѣлая недѣля. Изъ Москвы было нѣсколько телеграммъ,—отца похоронили днемъ позднѣе обыкновеннаго. Пришло письмо и отъ матери—нѣсколько строгъ, видимо написанныхъ въ большомъ душевномъ разстройствѣ. Завѣдующій «амбаромъ» въ Москвѣ, главное довѣренное лицо, дѣловымъ тономъ извѣстилъ его, что завѣщаніе Кузьмы Захаровича будетъ вскрыто по его приѣздѣ въ Москву; но, насколько ему извѣстны распоряженія покойнаго—объ мануфактуры завѣщаны ему, а капиталъ раздѣленъ между имъ и матерью, причемъ онъ получаетъ двѣ трети. Этотъ капиталъ завѣдующій амбаромъ опредѣлилъ въ шесть милліоновъ

Во всему этому онъ оставался равнодушнымъ. Его сильно потянуло къ матери, и онъ каждый день сталъ слать ей депешу, увѣряя, что долженъ скоро оправиться и тогда тотчасъ же поѣдетъ въ Москву.

Сегодня первый его выѣздъ. Докторъ разрѣшилъ. Фокинъ не сказалъ, что онъ поѣдетъ служить панихиду въ *Rue Daru*, заказанную наканунѣ.

Въ церкви, во время службы, онъ тихо плакалъ. Его нервы не выдерживали минорныхъ возгласовъ дьякона и погребальныхъ

напѣвовъ. Никогда еще онъ не чувствовалъ такъ своего одиночества въ этомъ Парижѣ. И упреки себѣ зазвучали горькими нотами.

Еслибъ не его скаредное себялюбіе, онъ долженъ былъ бы тогда, получивъ депешу о томъ, что внезапно заболѣлъ отецъ, тотчасъ же сѣсть въ вагонъ. По крайней мѣрѣ, онъ засталъ бы отца въ живыхъ, и при немъ бы онъ скончался. И мать не была бы одна, въ такіе минуты. Какъ будто онъ не зналъ, что мать тоскуетъ по немъ? А онъ, цѣлыми годами, забывалъ о ней. Все изъ-за «бульта науки» — точно будто и въ самомъ дѣлѣ онъ призванъ изумить весь міръ геніальнымъ изысканіемъ!...

Вотъ и теперь, на обратномъ пути изъ русской церкви, онъ продолжаетъ испытывать душевную заброшенность среди этой шумной и нарядной уличной жизни. Въ воздухѣ пахнетъ веселымъ Парижемъ. Господскіе экипажи, ливреи кучеровъ и лакеевъ, всадники, омнибусы, туалеты женщинъ. Солнце играетъ на зелени Елисейскихъ Полей, площадь охорашивается передъ нимъ, съ своими фонтанами и обелискомъ.

А онъ весь съежился. Ему вдругъ все это стало совсѣмъ чужое.

Фиакръ миновалъ мостъ и свернулъ отъ колоннады Палаты депутатовъ налѣво, на *Boulevard St. Germain*.

«Шесть милліоновъ!» — прозвучало у него въ головѣ. Эта цифра высочила передъ нимъ, точно онъ ее видѣлъ глазами. Двѣ трети оставлены ему. И двѣ мануфактуры. И навѣрно половина домовъ въ Москвѣ. Сколько же это вмѣстѣ? Мануфактуры — онъ вспомнилъ — застрахованы каждая въ два милліона, но стоятъ вдвое.

Сколько же это? Гораздо болѣе десяти, если считать и стоимость домовъ, какіе достанутся ему.

И въ ухахъ его заиграла нѣмецкая фраза. Кажется, такъ озглавленъ одинъ вальсъ Штрауса, написанный на открытіе выставки?... Что-то въ этомъ родѣ.

— «Seid umschwungen Millionen!»

Онъ выговорилъ — вслухъ.

Фразу эту онъ и прежде повторялъ, не умѣя перевести ея смысла вполне точными русскими словами. Онъ и теперь не увѣренъ въ томъ, что собственно значить этотъ глаголъ «umschwungen».

Но не все ли равно?...

«Seid umschwungen Millionen!»

И тотчасъ же онъ побраснѣлъ. Неужели онъ — «бенедиктинецъ», не знавшій ничего выше строгаго и безстрастнаго знанія — способенъ будетъ поддаваться на приманку — чего?

Кубышки, пошлой купеческой кубышки! Развѣ не все равно: —

имѣть достатокъ въ пять тысячъ рублей, для безбѣдной и независимой жизни, — а больше ему не надо, — или власть, каждый годъ, въ несгораемый шкафъ барышей на нѣсколько сотъ тысячъ?

Вопросъ заставилъ его задуматься. Но *такія* деньги, какія онъ унаслѣдовалъ — сила, и большая сила. Вѣдь, на французскіе франки у него состояніе въ тридцать слишкомъ миллионовъ.

Въ Америкѣ этимъ не удивишь. Тамъ сотни миллионовъ ни почемъ. Но здѣсь, въ Парижѣ, вы будете считаться *набабомъ* и съ такими деньгами.

Ему вспомнился знаменитый романъ. Во что превратилъ Парижъ выскочку-афериста? Что за жалкая судьба! И ея не избѣгнуть тому, кто захочетъ, чтобъ о немъ заговорилъ «весь Парижъ». Какъ застраховать себя отъ приманокъ тщеславія? Кто знаетъ — какіе инстинкты поднимутся въ немъ, разъ онъ почуветъ силу денегъ? Вѣдь, онъ московскій купецъ, а во всякомъ купцѣ гнѣздится страсть къ почету. Развѣ его игра въ ученаго — не то же тщеславіе? И, быть можетъ, самое закоренѣлое...

Но цифра еще разъ выплыла передъ нимъ. И, на этотъ разъ, уже округленная... двѣнадцать миллионовъ. Въ дѣйствительности можетъ оказаться и больше.

Вотъ, къ завтраку придетъ, навѣрно, Иветта. Она не знаетъ какой онъ «набавъ»; но ей уже извѣстно, что отецъ его умеръ и главный наследникъ онъ.

Она ведетъ себя съ тактомъ, не притворяется влюбленной, не заносится, скорѣе выжидаетъ, не дѣлая никакихъ напоминаній. Его она должна считать чудакомъ, въ которомъ «il y a du Tolstoi». Теперь эта формула почти все объясняетъ. Она настолько умна и развита, что допускаетъ всякія фантазіи въ богатомъ русскомъ. Въ ней самой чувствуется доброта. Она уже нѣсколько разъ повторила:

— C'est si bon de pouvoir donner!

Придетъ она, не зная, что онъ ей скажетъ:

«На-дняхъ я ѣду. Надо покончить наше дѣло».

Сегодня же онъ вытребуетъ изъ Москвы, по телеграфу, десять тысячъ рублей на Лионскій Кредитъ и, черезъ два дня, поднесетъ ей чекъ въ двадцать пять тысячъ франковъ. На это она заведетъ прекрасный «cabinet de lecture» и отложитъ «un petit récule» на черный день, на воспитаніе своей дочери.

Разскажи онъ исторію знакомства съ Иветтой любому французу, тотъ навѣрно крикнулъ бы ему:

— Jobard! Mais elle va vous rouler.

Кто же ее знает! Вдруг она окажется «ше fiéee coquine», прекрасно играющая свою роль, въ погонѣ за такими «jobards», какъ онъ. У ней можетъ быть любовникъ, презрѣнный содержанецъ. И тотъ пропьетъ и проиграетъ все, что сумасшедшій русскій отвалить ей. Ребенокъ, вѣроятно, давно умеръ; а то такъ его и никогда не существовало. Это больше ничего, какъ «gasolage au bébé»: такъ называютъ полицейскіе агенты, надзирающіе за проститутками. Чего же толковѣе было бы прямо поѣхать въ префектуру и навести о ней справки, и тогда вся правда всплыветъ мгновенно.

«Съ какой стати!» — воскликнулъ про себя Фокинъ. — Не все ли равно? Онъ хочетъ вѣрить. Что ему десять тысячъ рублей? Развѣ онъ не осчастливить Иветту и если она — не окончательно «падшая», эти деньги вернуть ее къ другой жизни.

«Какая сила!» — повторилъ онъ, озираясь вокругъ. Онъ и не замѣтилъ, что фіакръ былъ уже въ ста саженьхъ отъ его дома.

XVII.

Иветта стояла у окна, направо, и свѣтъ падалъ на ея пепельные волосы. Фокинъ залюбовался на нее, когда присѣлъ къ бюро.

Какая она живописная! Неужели они не простятся такъ, какъ слѣдовало бы молодымъ людямъ? Это какъ будто начинается ее обижать. Ни одна французенка, да и ни одна женщина, не забудетъ того, что ты не пожелаешь обладать ею, когда можь. Благородствомъ чувствъ не много возьмешь у нихъ.

Эти вопросы быстро прошли въ его головѣ. Но еслибъ онъ подошелъ къ ней, взялъ ее за талью, поцѣловалъ, — развѣ онъ сталъ бы добиваться чего-нибудь больше? Добиваться тутъ нечего. Она, конечно, ни въ чемъ ему не откажетъ. Но это было бы «великой пошлостью». Да и никакихъ такихъ побужденій онъ не чувствуетъ. Эта дѣвушка сдѣлалась для него чѣмъ-то совсѣмъ особеннымъ, и онъ хотѣлъ уѣхать изъ Парижа, сохранивъ это чистое отношеніе. «Братское чувство» — заѣженное выраженіе. Оно и невѣрно: Иветта — не сестра ему, а просто существо, въ судьбѣ котораго онъ сыгралъ такую удачную роль. Не тщеславіе богача заговорило въ немъ, когда онъ въ первый разъ, тамъ, въ «caboulot», пожалѣлъ ее. И теперь не оно радуется его.

— Стало быть, рѣшительно... мы ѣдемъ завтра? — спросила Иветта.

Ея «мы» имѣло не прямой смыслъ, а было только пріятельской манерой говорить. Она оставалась вѣрна собѣ: никакой принижен-

ности въ тонѣ съ нимъ у ней не явилось, съ тѣхъ поръ, какъ она увѣрена, что онъ устроить ее.

— Да, завтра.

— Развѣ мы себя чувствуемъ совсѣмъ хорошо?

— Совсѣмъ. Тамъ, въ Москвѣ, меня ждуть.

— Ваша мать?—спросила серьезно Иветта и отошла къ другому окну.

Онъ выдвинулъ ящикъ бюро. Тамъ лежало извѣщеніе Лионскаго Бредита о переводѣ, по телеграфу, на его имя двадцати пяти тысячъ франковъ.

Ни вчера, ни сегодня, когда Иветта помогала ему, въ спальнѣ, укладывать дорожный сундукъ, она ни однимъ словомъ, ни однимъ жестомъ не выдала себя. А онъ не хотѣлъ объявлять ей раньше, чѣмъ не придутъ деньги.

— Развѣ мы все уложили? — спросила Иветта, подходя сзади къ его креслу.

Фокинъ вынулъ изъ ящика депешу и извѣщеніе банка.

— Иветта... вотъ то, что пришло изъ Москвы для васъ.

Голосъ его слегка дрогнулъ.

Она не сразу поняла: что.

Онъ повернулъ синій листокъ и поднесъ къ ея глазамъ депешу съ обозначеніемъ суммы.

— Что это?—смущенная и блѣдная, спросила она.

— Прочтите.

Иветта пробѣжала депешу, и ея щеки заалѣли, глаза блестели.

— И это?

— Все ваше—выговорилъ Фокинъ, отвернулъ голову и положилъ депешу на бюро.

Она быстро опустилась на коверъ, схватила его руку и поцѣловала прежде, чѣмъ онъ успѣлъ отдернуть.

— Что вы? Ради Бога!

Онъ вскочилъ, поднялъ ее за обѣ руки и впервые поцѣловалъ въ лобъ.

— Я не стою, я не стою!—повторяла она.

Слезинки задрожали на ея длинныхъ и густыхъ рѣсницахъ.

— Ну хорошо, ну хорошо!—остановилъ ее Фокинъ, взявъ пріятельски подъ руку и сталъ прохаживаться по кабинету и салону. Послушайте, что я вамъ скажу. Получить по переводу я долженъ самъ. Давать вамъ довѣренность—долгая исторія. Приходите сюда передъ обѣдомъ. У васъ навѣрно есть рабочий мѣшечекъ?...

— Есть.

— Захватите его... А желаете, мы сейчас зайдём къ вамъ на квартиру, и вы возьмете съ собою?...

— Нѣтъ, лучше я приду сюда.

Мгновенно онъ подумалъ; «она не хочетъ впускать меня къ себѣ въ этотъ часъ. Быть можетъ, тамъ ея «souteneur»?

Но онъ пристыдилъ себя за это подозрѣніе.

— Черезъ сколько времени я должна быть здѣсь?—кратко выговорила Иветта.

— Черезъ три часа. Я успѣю съѣздить.

Она высвободила свою руку, — они были въ салонѣ, — и, не сдерживая своего волненія, вся розовая, съ влажными глазами, положила обѣ руки на его плечи, красивымъ жестомъ.

— *C'est beau, c'est très beau!*—тихо вымолвила она, и прибавила: *il n'y a que les russes pour faire ça!*

И прикоснулась губами къ его плечу.

Фокинъ смущенно отвелъ ее рукой.

Иветта выбѣжала изъ комнаты, щелкнула внутренней задвигной и захлопнула наружную дверь, все это въ нѣсколько секундъ.

Долго простоялъ Фокинъ посрединѣ кабинета; онъ задумался, низко опустивъ голову. Въ первую минуту его наполнила тихая радость. Такой пустякъ для него—чекъ въ двадцать пять тысячъ франковъ—и какое счастье для этой дѣвушки, которая на полицейскомъ жаргонѣ называется, навѣрно, «*une fille insoumise*».

Что за дѣло! И какое имѣлъ онъ право изрекать безповоротные приговоры моралиста? Если она и причисляется полиціей къ такому «разряду»,—стыдъ и срамъ тому общественному строю, гдѣ дѣвушка съ дипломомъ попадаетъ въ «*saboulot*»!...

Онъ подошелъ къ одному изъ шкаповъ съ книгами и любовно сталъ глядѣть на рядъ большихъ томовъ въ изящныхъ переплеткахъ.

Его схватило за сердце. Неужели онъ простится со всѣмъ этимъ и изъ «бенедиктинца» попадетъ въ «его степенство», московскаго миллионщика, владѣтеля двухъ мануфактуръ?

И дилемма предстала передъ нимъ во всей своей суровости. Двумъ богамъ нельзя служить—или «дѣло», или наука.

Что спасало его, до сихъ поръ, отъ раздвоенія? Онъ былъ равнодушенъ къ тому, что дѣлается тамъ, на фабрикахъ его отца, и не стыдился своего равнодушія. Вотъ что давало ему силу и вѣру въ то, что выше знанія, отраднѣе безстрастнаго труда научнаго изслѣдователя—нѣтъ ничего въ мірѣ.

Въ тихомъ волненіи онъ присѣлъ на табуретъ, продолжая смотрѣть на свои книги. Неужели онъ промѣняетъ обитель, гдѣ онъ вкушалъ безплотныя радости, на хозяйское дѣло, даже если онъ приступить къ нему съ самыми благими начинаніями, съ душевною заботой о трудовомъ людѣ? Что онъ можетъ сдѣлать? Накинуть по тривеннику на кусокъ миткаля, прощать штрафы, положить пенсіи всѣмъ престарѣлымъ и увѣчнымъ работникамъ, выстроить имъ цѣлую сітэ оувгіеге, завести клубъ, читальню, театръ?

Все это—капля въ морѣ. Да и для всего этого нужна любовь, высшая жалость къ рабочей «гольтепѣ»; а есть ли она въ немъ?

Не лучше ли тогда отказаться отъ наслѣдства? Или взять изъ него маленькую долю, обезпечить себѣ доходъ въ три-четыре тысячи, а остальное раздать?

«Кому?» — спросилъ онъ и поднялся съ табурета.

Онъ не зналъ, кому надо раздавать. Да и кто это знаетъ? Продать мануфактуры—не значить примирить трудъ съ капиталомъ. Это—лазейка, и нехорошая лазейка. Будетъ новый хозяинъ—одинъ или паевое товарищество—и они будутъ выколачивать изъ ткачей и «присучальщиковъ» все, что только сила машины можетъ выколотить изъ нихъ, заставляя работать по двѣнадцати часовъ въ день.

Эти ряды увражей точно съ упрекомъ смотрѣли на него и говорили:

«Одумайся! На что ты хочешь промѣнять насъ? Что ты найдешь тамъ, въ твоей Московіи? Опомнись!»

Весь смущенный, онъ заходилъ по комнатѣ, блѣднѣя подъ наплывомъ этихъ мыслей.

«Пора! — вдругъ крикнулъ онъ про себя. — Надо въ Ліонскій Кредитъ! Иветта будетъ здѣсь черезъ два часа».

ХVІІІ.

Въ четырехмѣстной извозчичьей каретѣ съ «галлереей», на которой стоялъ сундукъ, сидѣли Фокинъ и тотъ французъ, что вернулся изъ Россіи.

Онъ захватилъ его дома какъ разъ въ ту минуту отъѣзда, когда фіакръ уже стоялъ у воротъ, и вызвался проводить его на «гару» сѣверной желѣзной дороги.

Французъ взялъ съ нимъ особенный минорный тонъ, какъ только узналъ, что отецъ его умеръ.

— Вы останетесь тамъ... при вашей матушкѣ? — спросилъ онъ, когда фiakръ переѣхалъ уже черезъ мостъ *St.-Michel*.

— Да,—не совсѣмъ рѣшительно отвѣтилъ Фокинъ и посмотрѣлъ въ окно.

Сумерки уже опустились надъ Парижемъ, но было еще свѣтло. Послѣобѣденная жизнь вдоль набережной кипѣла пестрою вереницей. Дышалось легко. Всѣ краски вблизи и вдали—деревья, омнибусы, коляски, платья и шляпки женщинъ — все это двигалось точно въ панорамахъ, окруженное полупрозрачною розовою дымкой.

Фокина схватило за сердце. Ему сдѣлалось почти до слезъ жаль Парижа и своей жизни въ Латинскомъ кварталѣ.

— А сюда уже не вернетесь?—продолжалъ спрашивать его французъ.

Фокинъ поглядѣлъ на него унылыми глазами.

— Вернусь... когда можно будетъ.

— Квартиру вы оставляете за собой?

— До новаго года.

— О, времени еще довольно! Но развѣ тамъ, у себя дома, васъ не захватитъ ваше дѣло?

Опять это роковое слово. Отъ него никуда не уйдешь.

— Скажите,—заговорилъ онъ и нервно взялъ Альфонса Павловича за руку пониже локтя.—Еслибъ вы были на моемъ мѣстѣ...

— И что-жь?—подтолкнулъ французъ.

— Разумѣется... я себя не сравниваю съ вами. Вы—настоящій ученый... готовите докторскую диссертацию, а я и къ магистерской не готовъ. Да и врядъ ли когда-нибудь напишу ее. Себя я не ставлю высоко, прошу васъ мнѣ вѣрить, Альфонсъ Павловичъ. Но наука, строгій методъ, возможность работать безъ помѣхи, уходить въ прошлое человѣчества—развѣ это не выше всего?

Слезы слышались въ его глухомъ голосѣ. И никогда еще онъ не говорилъ такъ складно и горячо даже и въ душевной бесѣдѣ.

— И вы боитесь потерять все это?—спросилъ французъ.

— Одно изъ двухъ — или наука, или дѣло... А что переселить: хозяйскій интересъ или жизнь идей и знаній?

— Да, вы на перепутьи, — выговорилъ вдумчиво спутникъ Фокина и поглядѣлъ въ окно.—Понимаю... понимаю... и весьма, весьма сочувствую вамъ.

— Но отвѣйте мнѣ: какъ бы вы поступили на моемъ мѣстѣ?

— Вы не можете, однако же,—живѣе отозвался французъ и обернулся лицомъ къ Фокину,—вы не можете бросить... миллионное наслѣдство и такое огромное дѣло?...

— Отчего же не могу? Фактически очень могу. Стоить только учредить паевое товарищество... Пайщики найдутся.

— И бросить такое живое дѣло? — воскликнулъ французъ. — Будь это во Франціи, я и самъ на вашемъ мѣстѣ, поступилъ бы такъ же. Здѣсь рабочій испорченъ и обозленъ. Онъ дышетъ ненавистью и завистью. Но вашъ народъ такой славный, — протянулъ онъ, — такой безобидный, — старательно и франтовато выговорилъ онъ. — Я влюбленъ въ него! Un peuple — héros! — вырвался у него возгласъ по-французски. — И получи я такое дѣло, какъ вы, — о! я бы бросилъ свою профессію, даже еслибъ у меня было и громкое имя. Можетъ быть, въ свободное время писалъ бы и читалъ книжки, — произнесъ онъ съ юморомъ, — но всю душу отдалъ бы такому народу!... Foi de poymalien! — весело крикнулъ онъ и ударилъ Фокина по козѣну.

Тотъ сидѣлъ съ поникшею головой.

— Какъ же можно бѣгать отъ такой судьбы? — продолжалъ такъ же горячо французъ и развелъ руками. — Нельзя покидать свой постъ. Вы продадите ваши мануфактуры? Кому? — Аферистамъ, какимъ-нибудь евреямъ или нѣмцамъ, или русскимъ вулакамъ?...

Фокинъ молчалъ. Французъ не рисуется, но онъ влюбленъ въ русскій простой народъ, а эту любовь не наживешь въ одинъ день. Можетъ, она и никогда не придетъ...

Ему стало дѣлаться и жутко, и стыдно. Да, постыдно быть дезертиромъ. Почему онъ знаетъ, и въ немъ, быть можетъ, зародится самоотверженное чувство, и его родина можетъ захватить, какъ громадное маховое колесо, и втянуть въ многообразную жизнь своего народа, гдѣ некогда будетъ сокрушаться о томъ, что изъ него не выйдетъ начетчика и эрудита?...

Вокзалъ сѣверной дороги, когда они вышли изъ фіакра, показался Фокину на этотъ разъ чрезвычайно грязнымъ. Толкотня у кассъ, небрежный и озорной видъ носильщиковъ, лица и походки, и голоса — все это заставило его смяться. Онъ почувствовалъ себя сильнѣе, чѣмъ когда-либо, чужимъ среди этой толпы. Какое кому здѣсь дѣло до него! Что онъ такое съ его московскими миллионными? Такъ, «un gastaquouaire», глупый иностранецъ, пріѣзжавшій сюда потранжирить и поразвратничать.

Дожидаясь въ хвостѣ пассажировъ, онъ всматривался въ лица прислуги, сновавшей мимо взадъ и впередъ.

Да, Альфонсъ Павловичъ правъ. Здѣсь тлѣетъ подъ тонкимъ слоемъ золы цѣлый очагъ ненависти. Давно ли тутъ, по близости, зорванъ былъ ресторанъ? Оплошай буржуа, еще держащіе власть

въ своихъ рукахъ, — и весь Парижъ взлетѣлъ бы на воздухъ. Много ли для этого нужно? Нѣсколько сотъ снарядовъ, — не больше.

Ну, спустить онъ свои мануфактуры и вернется на житье сюда съ своими тридцатью милліонами франковъ. И здѣсь будетъ передъ нимъ та же дилемма: или засѣсть въ «башню изъ слоновой кости» — «la tour d'ivoire» французскаго поэта — или уйти въ здѣшнюю свалку, разыгрывать роль набаба, котораго никто не проситъ соваться не въ свое дѣло.

Онъ посмотрѣлъ на Альфонса Павловича, который, съ его мѣшкомъ въ рукѣ, дожидался въ сторонкѣ.

«Развѣ онъ не правъ?» — подумалъ онъ, и его впервые сильно потянуло домой.

Черезъ четверть часа, сдавши багажъ, онъ прохаживался съ французомъ по платформѣ. Мѣсто онъ уже занялъ въ спальномъ вагонѣ. Имъ безпрестанно попадался служитель, предлагавшій корзинки съ дорожною провизіей. Онъ выкрикивалъ для англичанъ слово «basket», произнося его съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ.

«Не купить ли?» — спросилъ себя Фокинъ и раздумалъ. Въ спальномъ вагонѣ онъ можетъ закусить.

— Такъ, значить, Альфонсъ Павловичъ, вы къ намъ по осени?... Если все устроится такъ, какъ вы рассчитываете?

— Да, да! Это моя драгоценнѣйшая мечта.

— Милости прошу остановиться у насъ въ домѣ... Много обяжете.

Въ этомъ приглашеніи слышался ему самому милліонщикъ-меценатъ.

Французъ приподнял шляпу и крѣпко пожалъ ему руку.

— Vous me comblez!

— То, что вы мнѣ сказали дордогой въ фіакрѣ, насчетъ дѣла, я попомню, Альфонсъ Павловичъ...

Раздался окрикъ старшаго кондуктора:

— En voiture, messieurs! En voiture!

Фокинъ поднялся въ вагонъ.

И тутъ только вспомнилъ онъ Иветту. Онъ не хотѣлъ, чтобъ она его провожала, изъ особаго стыдливаго чувства, и — обманулъ ее, сказавъ, что ѣдетъ завтра. До него ли ей! Она въ полномъ блаженствѣ. Видовъ на нее онъ и теперь не имѣетъ. Эта дѣвушка осталась для него, во всемъ Парижѣ, милымъ и грустнымъ видѣніемъ.

— Путь добрый! — крикнулъ ему французъ, махая шляпой.

Поездъ тронулся.

П. Боборынинъ.

РЕСПУБЛИКА КАМЕНОЛОМОВЪ *)

(Недѣля въ Санъ-Марино.)

V.

Отъ Сіеравалле къ Борго путь круто, зигзагами, взбирается въ высоты. Когда снизу смотришь на С.-Марино, такъ даже страшно дѣлается. Подъ самую крышку, что называется. Какъ туда попасть съ этимъ тяжелымъ экипажемъ?

Но дороги, какъ всѣ въ Италиі, превосходятъ. Лучше и придумать нельзя. Хотѣли было с.-маринцы строить зубчатую-железную, да раздумали. Во-первыхъ, пока такой расходъ республикѣ тяжелъ; во-вторыхъ, не безъ основанія она нашего брата боится. Теперь на лошадяхъ еще кого-то когда занесетъ въ орлиное гнѣздо, и потому жизнь въ немъ остается простою, нетребовательною и сношенія несложными; братство, разумѣется, не прежнее, но равенство полное. Трудъ въ полномъ почетѣ и такъ подчасъ невыносимъ, что люди въ немъ закаляются. А тутъ сейчасъ наберутся туристы, зѣваки, лѣнивая сволочь, имѣющая возможность безъ толку разбрасывать деньги направо и налево. Явится легкій заработокъ, граничащій съ мошенничествомъ и вымогательствомъ, большіе отели съ ихъ праздною кліентелью моды, роскошь, проституція—и С.-Марино испортится въ конецъ. Нѣтъ, ужъ если, по неизбежному теченію дѣлъ человечества, все это неизбежно, такъ пусть придетъ попозже, впоследствии, а пока республика желаетъ оставаться въ сторонѣ отъ «большого свѣта». Вѣдь уже компанія игорчаго дома нацѣливалась на нее. И не только нацѣливалась, но сюда пріѣзжалъ повѣренный отъ этихъ мерзавцевъ и предлагалъ каждому члену генеральнаго совѣта взятку отъ 20,000 до 50,000 фр.,

*) *Русская Мысль*, кн. I, 97 г.

чтобы только провести разрѣшеніе открыть здѣсь второе казино, еще роскошнѣе, чѣмъ въ Монте-Карло. Къ счастью, въ совѣтъ за-сѣдаетъ народъ простой, честный и разумный. Змія-искусителя специальнымъ постановленіемъ изгнали изъ республики, съ тѣмъ, чтобы и впредь онъ сюда не заглядывалъ. Такимъ образомъ С.-Марино уцѣлѣло. На долго ли? Уже очень шибко все нивелируется въ настоящее время. Общеввропейская стрижка подъ гребенку — хочеть не хочеть, а идетъ своимъ путемъ, стирая всѣ особенности, обивая углы, сбивая верхушки... Но пока еще республика живетъ своею прежней, весьма поучительною стариною. Она вѣрна ей, какъ вдова любившая только разъ въ жизни и предпочитающая воспоминанія дѣйствительности. Если это міръ призраковъ и выходцевъ изъ могилы, какъ кто-то его называлъ, такъ вѣдь эти выходцы когда-то обладали и плотью и кровью. Надо пользоваться возможностью изучить столь наглядно, что въ нихъ было хорошаго, и нельзя ли кое-что изъ этого воскресить.

Извозчикъ, разумѣется, сошелъ съ козелъ. Лошади едва плелись. Ызда въ Италиі хороша только на ровномъ мѣстѣ. Малѣйшій наклонъ — тормазъ въ ходъ, и колесо своимъ скрипомъ рѣжетъ вамъ ухо и безцѣльно утомляетъ коней. Самый ничтожный подъемъ — царапается тише идущаго въ гору пѣшехода. При нашей русской нетерпѣливости жизнь проклянешь, пока доберешься до одного изъ этихъ орлиныхъ гнѣздъ, то показывающагося надъ самой вашей головой, — шапкой, кажется, докинешь, — то прячущагося за скалы, сообразно извивамъ дороги. Шапкой докинешь, — а между тѣмъ проходятъ часы, а гнѣздо все тамъ же, надъ вами, и также дразнить васъ обманчивою близостью. Еще недавно тутъ не было никакихъ путей. С.-маринцы спускались по козьимъ тропинкамъ. Теперь глядите на эти выбитыя въ утесахъ ступени надъ безднами, и голова кружится. А имъ было съ полгоря. Не только сами сбѣгали и вбѣгали, но ухитрялись еще громадные камни доставлять внизъ, въ Римини, въ Пизаро, въ Фаэнцу, въ Форли, въ Чезену! Какъ это они дѣлали, я рѣшительно отказываюсь понять. Знаменитыя scaletti на Капри — все-таки не такъ дѣйствуютъ на воображеніе. Тутъ въ самомъ дѣлѣ ищешь у людей, гдѣ же ихъ крылья. И теперь с.-маринецъ зачастую презрительно относится къ большой дорогѣ, а просто летитъ себѣ стремглавъ долиною, какъ камешекъ сбрасываясь съ горы. Всего тяжелѣе смотрѣть въ этомъ отношеніи на дѣтей. Отцы и матери любятъ, какъ тѣ, свѣсивъ ноги, точно съ края тарелки, висятъ надъ пропастью. Сядутъ рядомъ, какъ сойки на телеграфной проволоцѣ, и болтаютъ ногами въ воздухѣ, хоть

подъ ними нѣсколько тысячъ метровъ пустоты. И никто не останавливаетъ ихъ,— привычка! Постороннему жутко глядѣть на эти сытенкя, выхоленныя мордашки, съ живыми глазами и пухлыми, какъ у рафаэлевскихъ ангеловъ, губками.

— Неужели у васъ не падаютъ?

— Куда?

— А въ бездны!

— Зачѣмъ?

— Да развѣ падаютъ «зачѣмъ?» Сорвется—и вся недолга.

С.-маринцы только смѣялись на это.

— Его силой не сорветъ въ бездну; онъ и ходить не умѣлъ, а уже ползалъ надъ нею.

Недалеко отъ Борго по пути, скала точно ладонь впередъ выдвинула. Сначала мнѣ показалось, что она сглажена искусственно. Спросилъ у моего спутника.

— Нѣтъ. Отъ природы такъ. У насъ это называется «смерть измѣнника».

— Странное имя!

— Историческое. Въ тринадцатомъ вѣкѣ, когда епископы Монтефельтро хотѣли во чтобы то ни стало захватить С.-Марино, и между нашими гражданами нашелся предатель—Джакомо Пелиццаро. Его уличили въ томъ, что онъ вступилъ въ соглашеніе съ епископомъ Бларо-Перуцци, и «капитаны», какъ тогда называли нынѣшнихъ регентовъ, осудили измѣнника на смерть. Пелиццаро привели сюда. Всѣ скалы кругомъ были покрыты народомъ. Собственная мать прогнала Джакомо. Палача заняли у подесты Монтефельтро. Хоть онъ и задумалъ овладѣть республикой, но за хорошія деньги уступилъ его для того, чтобы обезглавить своего же соучастника. Съ тѣхъ поръ было постановлено, чтобы здѣсь никто не селился.

— Значитъ вовсе не такъ уже была спокойна исторія С.-Марино?

— Да развѣ свобода дается даромъ? Сигизмундъ Малатеста одинъ чего стоилъ! Разъ ему чуть-чуть не удалось захватить насъ врасплохъ. Ночью онъ подобрался къ главному замку и бросился о свои. Хорошо, что стража на башняхъ бодрствовала. Это онъ среди полного мира, а придворные называютъ его благороднымъ и великодушнымъ. Одному Цезаре Борджиа удалось наложить на республику оковы. Въ 1503 году! Но не надолго. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ умеръ, и С.-Марино освободилось отъ тирана, переживъ оставленные имъ въ нашихъ замкахъ гарнизоны. Въ 1542 г. юный кондотъери Фабіано да-Монте подступилъ къ той, вонъ, крѣ-

пости,—указавъ онъ на стѣны вверху. Съ нимъ было воиновъ въ пять разъ болѣе всего наличнаго населенія С.-Марино. Но республиканцы не растерялись. Это случилось 4 іюня, день, который у насъ празднуется до сихъ поръ. Съ утра до ночи на стѣнахъ и за стѣнами дрались всѣ, кто могъ держать оружіе въ рукахъ, старики, дѣти, даже женщины. Біанка ди-Борго среди воиновъ Фабіано да-Монте отыскала своего любовника и убила его, воскликнувъ: «Прежде отечество, а потомъ—ты!» Катарина Риччи во главѣ подростковъ и женщинъ дѣлала вылазку изъ тѣхъ, вонъ, воротъ. Бондотъери отступилъ, потерявъ здѣсь половину своего отряда. Черезъ семь лѣтъ другому авантюристу захотѣлось попытать счастья у нашихъ стѣнъ. Леонардо Піо, синьоръ Веруккіо, сунулся было сюда и тоже разбился о нихъ. Но всего героически защищалось С.-Марино отъ воиновъ папы. Его святѣйшеству нѣсколько разъ хотѣлось овладѣть нами. Онъ даже отлучилъ насъ отъ церкви, но наши «капитаны» дали ему гордый отвѣтъ: «Мы къ Богу ближе, чѣмъ ты. Онъ насъ видитъ и знаетъ, чтимъ ли мы Его заповѣди». Климентъ XII прислалъ сюда кардинала Альберони съ войсками. Они захватили Сіеравалле, Борго и другіе наши города внизу. Въ плѣнъ къ нимъ попали именитѣйшіе граждане С.-Марино. Сила, наконецъ, сломала и наше сопротивленіе. Впрочемъ, на помощь ей явилась измѣна. Падре Саллюстіо отворилъ ворота верхняго города кардиналу. Тотъ приказалъ взять Лодовико Белудци, Альфонсо Джіоджи, капитана-регента, доктора Джіузеппе Онофри и Джироламо Гоцци. Окруживъ ихъ солдатами и палачами, онъ вывелъ ихъ на площадь, гдѣ теперь стоитъ «памятникъ Свободы». Кардиналъ Альберони приказалъ имъ принести присягу въ вѣрности папѣ, иначе обѣщалъ замучить ихъ въ инквизиціонныхъ тюрьмахъ, но они какъ одинъ человекъ, въ виду собравшагося народа, крикнули:

— *Viva la repubblica, viva la libertà!*

Потомъ капитанъ-регентъ, точно не чувствуя сыпавшихся на него ударовъ, обратился къ народу:

— Санъ-маринцы! По домамъ, защищайте каждый домъ, какъ крѣпость. Лучше умереть свободными, чѣмъ жить рабами!

Поднялась неописуемая свалка.

Папскія войска осаждали каждый домъ, каждую хижину. С.-Марино былъ опустошенъ и разграбленъ, но не подчинился, и 5 февраля 1740 года папа нашелъ, что это «горное гнѣздо проклятыхъ каменщиковъ» слишкомъ дорого стодить. Народу было возвращены его правленіе и свобода. За то Наполеонъ Бонапарте не только не

поднялъ руки на С.-Марино, но явился сюда какъ равный къ равнымъ, подарилъ республикѣ пушки, которыя вы и теперь увидите у насъ, и предложилъ даже расширить границы республики, но получилъ на это отвѣтъ, достойный честныхъ каменоломовъ. «Намъ чужого не надо. Мы бережемъ и защищаемъ только свое!» Последняя опасность грозила республикѣ сравнительно недавно. Въ 1825 г. образовался обширный заговоръ съ цѣлью предать С.-Марино папѣ Льву XII, но Антонио Онофри, тогдашній капитанъ-регентъ, такъ энергично и смѣло повелъ защиту «отечества», что измѣнники частію бѣжали, частію были заключены въ тюрьмы; народъ еще разъ поклялся хранить свою свободу, и правителю данъ былъ титулъ *Padre della Patria*. Послѣ того С.-Марино являлся вѣрнымъ убѣжителемъ для всѣхъ патріотовъ, гонимыхъ въ разобщенной и подавленной Италіи. Чуждые властители напрасно требовали ихъ выдачи. Въ 1845 году сюда спасся риминійскій патріотъ Пьетро Ренци. Тосканскій герцогъ потребовалъ его выдачи, и на собраніи с.-маринскихъ гражданъ былъ принятъ гордый и браткій отвѣтъ: «Приди и возьми!» Причемъ республика тотчасъ же вооружилась.

— Васъ раздавятъ!—предупреждали ихъ.

— Не сила даетъ побѣду, а Богъ!

Наконецъ, въ 1849 году, когда отправившійся изъ Рима въ Венецію съ двумя тысячами добровольцевъ Гарибальди былъ отраженъ въ двадцать разъ сильнѣйшимъ австрійскимъ отрядомъ и почти охваченъ имъ отовсюду, онъ бросился въ С.-Марино. Крохотная республика не испугалась могущественной и мстительной Австріи. Она немедленно приняла славнаго вождя подъ свою защиту, оказала ему всевозможную помощь, укрыла и спасла его отрядъ. На всѣ угрозы швабскихъ генераловъ капитанъ-регентъ отвѣчалъ одно: «Республика можетъ умереть, потому что на землѣ нѣтъ ничего вѣчнаго, но поступать иначе она не должна, ибо тогда самое ея существованіе было бы и нелѣпо, и безцѣльно. Мы вѣрны своимъ принципамъ, ради которыхъ С.-Марино прожило 1400 лѣтъ. Въ 1851 году австрійцы ворвались было сюда съ громадными силами, требуя выдачи политическихъ бѣглецовъ и нашедшихъ здѣсь убѣжище итальянскихъ патріотовъ. С.-Марино опять рискнуло всѣмъ, и ни одной головы не отдало подъ обухъ австрійскимъ палачамъ. Въ 1853 году великій герцогъ Тосканскій и папа соединились общими силами, чтобы покончить съ этимъ «осинымъ гнѣздомъ». С.-Марино готовилось къ гибели. Нечего было и думать бороться съ надвигавшеюся грозой, но тутъ ему на помощь великодушно явилась Франція, и республика еще разъ была спасена. Съ тѣхъ

поръ гордые и смѣлые республиканцы С.-Марино свято и благоговѣнно блюдутъ три дара, оставленныхъ имъ основателемъ маленькаго, но счастливаго народца каменоломовъ: честь, миръ и свободу.

Борго все кипѣло народомъ, когда мы вѣзжали въ него. На главной площади играли въ мячъ и кругомъ, подъ арками, толпились с.-маринцы, любуясь ловкостью и силой своихъ юношей. Съ балконовъ свѣшивались гирлянды цвѣтовъ, слегка колеблемыхъ вѣтромъ. За желѣзною паутиной перилъ съ видимымъ любопытствомъ за нами слѣдовали красивые глаза здѣшнихъ дѣвушекъ и женщинъ. Путешественники здѣсь рѣдки, особенно осенью. Вдали звучали колокола и изъ портала церкви, за которымъ во мракѣ блестяли сотни огоньковъ, шла медленно и торжественно процессія съ крестами, хоругвями и статуей какого-то разодѣтаго въ шелкъ и бархатъ святого. Борго — средоточіе с.-маринской торговли. Это нѣкоторымъ образомъ банкъ и гостиный дворъ республики, и еслибы вы видѣли, какъ скромны и крошечны ихъ магазины! «Намъ большаго не надо, роскошь здѣсь не въ ходу, щеголять не зачѣмъ, да и не для кого. Наши женщины пока, къ счастью, украшаютъ себя цвѣтами — и только. А цвѣты на здѣшнихъ поляхъ и зимою не переводятся!» Зная, что вверху, въ столицѣ, лавокъ мало, я искалъ здѣсь какой-либо книги о республикѣ. Кромѣ многотомной ея исторіи, нѣтъ ничего.

— Чѣмъ же довольствуются с.-маринцы?

— Каждый въ дѣтствѣ выносить изъ школы полное знаніе своего прошлаго... Ну, а объ туристѣ мы пока не подумали.

И въ тонѣ отвѣта такъ и звучало: чѣмъ васъ меньше будетъ пріѣзжать, тѣмъ лучше.

Чистенькіе дома всѣ настежь. Входи куда хочешь и смотри. Крошечный отель Микетти. Стучусь — не отпираютъ. Толкаю дверь — оказалось не замкнуто. Въ столовой, въ гостиной никого... Номера откровенно показываютъ всѣмъ чистыя постели... Крикнулъ — откуда-то появилась кошка, потянулась, заласкалась у моихъ ногъ, замыкала. И только. Я невольно разсмѣялся. Вспомнилъ сосѣдніе итальянскіе города. Попробуйте-ка тамъ не запереться, — и самого съ чемоданомъ вытащутъ. Впрочемъ, это еще и прежніе путешественники свидѣтельствовали о высокой честности с.-маринцевъ. Оно не удивительно: нѣтъ капиталистовъ, нѣтъ и нищихъ. Всякій сытъ и у каждаго есть работа. Адамсъ писалъ нѣкогда: «Народъ здѣсь славится своею нравственностью и благоговѣннымъ отношеніемъ къ справедливости». Адвиль говоритъ: это крохотное государство является великимъ по духу и добродѣтелямъ

своихъ гражданъ. Ботта заносилъ въ свой дневникъ: «Тутъ достоинство обходится безъ тщеславія и показа, спокойствіе и благочиніе безъ тиранніи и притѣсненій, благополучіе безъ зависти; народъ занятъ и производителенъ, благородные скромны и непритязательны. Обычай и бѣдность с.-маринцевъ, ихъ трезвость и строгость—лучшій щитъ противъ заносимой чужестранцами порчи нравовъ. Никто не хочетъ чужого; всякій довольствуется тѣмъ, что имъ заработано. Нѣтъ соблазна видѣть лѣнивое самодовольство, праздную гордость и роскошь, достающуюся безъ труда. Потребности малы и съ избыткомъ удовлетворяются у себя дома». Эти характеристики стараго писателя можно смѣло привести и о настоящемъ С.-Марино. Оно нисколько не измѣнилось; чѣмъ было, тѣмъ и осталось до сихъ поръ, представляя слишкомъ малую приманку для охотниковъ до чужого добра. Авантюризмъ здѣсь не приживается, никакія предпріятія не находятъ себѣ подходящей почвы. Всѣ кончили школу и потому всякій знаетъ свои права и обязанности, не поступится первыми, не станетъ сбрасывать на чужія плечи вторыя. Бороче, священникъ въ Римини нисколько не преувеличивалъ, рисуя мнѣ въ концѣ суетливаго, жаднаго и добычливаго XIX вѣка эту удивительную государственную идиллію, осуществленную общиной каменоломовъ на своихъ скалистыхъ вершинахъ!...

VI.

Странный городъ, развѣ во снѣ увидишь такой... Его стѣны, башни, грозныя, защищенные контрфорсами, ворота, его высокіе дома, церкви—все это дѣйствительно почти выросло изъ утесовъ, вѣнчающихъ вершины Титана. Смотришь—и глазамъ не вѣришь, куда это тебя занесла фантазія. Узкія улицы, по сторонамъ фасады, отъ которыхъ вѣетъ средневѣковою легендой. Эти дома, похожіе на замки, точно надъ головой висятъ. А подъ ними Богъ знаетъ какъ на высотѣ возносятся другіе, и все это сбито въ кучу, скомкано, слѣплено, все это смотритъ на васъ сотнями мрачныхъ оконъ; переулки изгибаются полипами, суживаются въ щели, щели расходятся, давая мѣсто площадямъ въ ладонь. Идешь, идешь по С.-Марино и вдругъ прямо лбомъ упираешься въ сѣрыя, грозныя скалы,—онѣ опять уходятъ въ выси, и на нихъ еще грандіознѣе и смѣлѣе осѣли башни древнихъ крѣпостей... точно каменные руки, эти башни протянули внизъ зубчатая стѣны и крѣпко держатся за свои утесы. Крытые ходы къ воротамъ, защищеннымъ бой-

ницами; такъ и ждешь: тяжело откroются желѣзомъ кованныя двeри, и на плиты этого узкаго коридора выйдутъ въ стали и кольчугахъ, съ опущенными забралами черныхъ шишаковъ, воины полузабытыхъ романтическихъ сказокъ. И вдругъ чудесный небольшой соборъ, весь бѣлый, свѣтлый, радостный, съ двумя рядами коринтскихъ колоннъ, такой же бѣлый, художественно-стильный Palazzo del Principe, похожий на тотъ дворецъ, которымъ такъ гордится Флоренція на своей Piazza degli Signori... Смотришь, любуешься, невольно улыбаешься счастливо и ясно этому недавнему сооруженію и переводишь съ него глаза на памятникъ «Свободѣ»: незатѣйливый, маленькій, но какъ онъ къ лицу этой крошечной площади, этому дворцу, всей этой республикѣ каменоломовъ. У него, у этого памятника, своя исторія, и смѣшная, и трогательная, но о ней послѣ... Отсюда ступени внизъ, опять улица, такая же, какъ и вверху... добрая половина ея занята громаднымъ домомъ. Даже и не ожидаешь встрѣтить такой въ С.-Марино. Спрашиваю, что это? Оказывается, мѣстный лицей. Да неужели здѣсь столько найдется учениковъ, чтобы наполнить его обширныя аудиторіи? Нѣтъ. Сюда идутъ учиться со всѣхъ концовъ Италіи... Зачѣмъ, къ чему? Вѣдь королевство полнымъ-полно всякихъ университетовъ, школъ, коллегій, лицеевъ, институтовъ... «Да, но здѣсь молодежь растетъ въ здоровомъ горномъ воздухѣ и въ здоровыхъ человѣческихъ понятіяхъ. Отсюда она выходитъ и чище, и лучше, чѣмъ изъ чиновничьихъ центровъ».

Дѣйствительно, странный городъ. Нѣкоторые называли его орлинымъ гнѣздомъ, но оно слишкомъ разрослось для этого. Я прѣхалъ сюда, когда въ сторонѣ, надъ Тосканскими Аппенинами, гремѣла гроза и солнце заходило, а надъ С.-Марино изорванныя и испуганныя бѣжали куда-то тучи. Прощальные лучи зажигали ихъ; онѣ горѣли всѣми цвѣтами радуги на зеленоватомъ небѣ, которое такъ любили Корреджіо и Гверинно. Мирное и кроткое, оно спокойно смотрѣло на хаосъ разбушевавшейся стихіи... Вругомъ передо мною былъ такой видъ, какого я не запомню. Я любовался Босфоромъ съ горы надъ Скутари, лазурью и тишиной Средиземнаго моря и бѣшенствомъ океана со скалъ Гибралтара, безчисленными вершинами Швейцаріи съ Монте-Бисбино, долинами Кавказа съ Аварскаго Койсу, но чудная панорама, разстилающаяся въ безконечную даль съ С.-Марино, заставляетъ забывать все. У васъ точно крылья вырастаютъ за плечами. Вамъ хочется ринуться въ этотъ просторъ, блестящій тысячами красокъ, ласкающій и манящій неслетными очертаніями. Сколько тутъ долинъ, и каждая дразнитъ

васъ своимъ особымъ колоритомъ. Одрѣ, какъ подставленные пригоршни, видимы вамъ до послѣдней черточки ютящихся въ ихъ глубинѣ крестьянскихъ домовъ, до малѣйшаго извива золотыхъ дорожекъ и быстро текущихъ ручьевъ, съ ихъ садами, полями, виноградниками, съ цѣпкою ползучею зеленью, точно бархатная мантия, прикрывавшая каменные плечи утесовъ; другія курятся сѣроватымъ паромъ, и въ его таинственной дымкѣ мерещится вамъ до такой степени прекрасный, поэтической миражъ, что вы колеблетесь и перестаете вѣрить глазамъ на этомъ рубежѣ обмана волшебной свѣтотѣни и настоящей правды южной природы. Трещинами, щелями легли тѣснины и ущелья. Густо упали на нихъ лиловые тѣни, и въ нихъ почти черною синью намѣтились выступы горъ, тусклымъ золотомъ—массивы скалъ и кажими-то брезжущимися, колеблющимися пятнами (вотъ-вотъ пропадетъ изъ глазъ) — провалы безднъ. Холмы кружатся подъ вами перекрещенные, опоясанные дорогами, повитые сладкою дремой зелени, будто нарочно выросшіе для того, чтобы приподнять поближе къ небу то старую, разъ навсегда задумавшуюся башню, то гнѣздо смѣлившихся каменныхъ лачугъ, то блистающій навстрѣчу закату огненными очами своихъ оконъ крошечный городокъ... А надъ всѣмъ этимъ торжественно и царственно неисчетными грядами одна за другою въ какую-то божественную даль плывутъ Аппенины. Не отдѣльными вершинами, нѣтъ, а именно какъ спокойный вѣтеръ гонить по океану чудовищныя складки непрерывающихся во всю свою длину волнъ. Одна гряда подбѣжала къ самому морю, другая догоняетъ ее, сливаясь съ нею подножіями, заплескивая ее, точно пѣною, рощами и лѣсами, третья, могуче изогнувшись, подымается подъ ногами ногами, четвертая ужъ торопится сюда отъ заката, а тамъ пятая, шестая и Богъ знаетъ сколько ихъ, и за послѣдними, въ червонномъ золотѣ небснаго огня, за долгій день заласканное солнцемъ, утомленное и жаждущее прохлады. Земля причащается уже медленно-подступающей ночи... Чу! вотъ надъ тою грядой разорвались тучи, сверкнула молнія,—громить... сѣрою, неясною завѣсью волнуется дождь... изсохшая безъ него долина жадно пьетъ спасительную влагу... но вѣтеръ все сильнѣе и сильнѣе.

Тутъ, надъ С.-Марино, онъ подлинно точно сорвать все съ его утесовъ хотеть, — и дома, и людей, и башни, и руины. Одно за другимъ передъ нимъ уносятся надо мной облака цвѣта стынувшей мѣди и еще глубже зеленоватое благоговѣйное это небо, небо старыхъ итальянскихъ художниковъ и поэтовъ. А тамъ, вдали полувоздушная Адриатика. Она припала къ землѣ и ласкается

къ ней. Вонъ въ складкахъ прибрежныхъ рельефовъ Римини... За нимъ къ сѣверу мягко, нѣжно, чуть тронутые кистью геніальнаго художника, легли широкіе, спокойные заливы. Ихъ мысы глубоко врѣзались въ затишье морскихъ водъ, точно и земля хочетъ обнять ихъ своими могучими руками. Тамъ уже нѣтъ горъ. Тамъ зеленая, вся теперь мерцающая въ золотистой фатѣ, равнина древней и монументальной Равенны, задыхающаяся отъ изобилія плодовъ земныхъ, измученная неистовымъ творчествомъ природы. Тамъ все растеть и рвется вонъ изъ мѣры и за ней, хоть и знаешь, что это невозможно, но, все-таки, пристально и упорно отыскиваешь влюбленными глазами марева тихой Падуи и августѣйшей Венеціи, этой развѣнчанной королевы, но, все-таки, королевы Адриатическаго моря... А ближе между Равенскою гладью и Аппенинами — неужели это бѣлое пятнышко — Фаэнца, а правѣ Форли и еще Чезена. Обойдите скалы С.-Марино и съ другой стороны вы увидите родину Россини, идилически свѣтлое Пезаро, еще задыхающееся въ своихъ средневѣковыхъ стѣнахъ, какъ растолстѣвшій рыцарь въ латахъ Фано, и веселую Синигалию. Вонъ громадами своими глубоко ворвался въ море и давить его могучею пятой тяжелый массивъ. Тамъ Анкона, хотя вамъ ее не увидѣть отсюда. Зоркіе люди отыскиваютъ на горизонтѣ къ югу и Gran Sasso d'Italia, но я его не различалъ.

Вѣтеръ все сильнѣе и сильнѣе рветъ съ утеса, невольно хватаешься за его выступы, и вдругъ меня опять охватываетъ недавній ужасъ. Всюду скалы точно выпускаютъ свои каменные побѣги надъ провалами въ эту общую бездну вселенной, застывшей въ своей красотѣ подъ гордымъ С.-Марино. Онѣ висятъ надъ пропастями гранитными скрижалями, карнизами, опрокидываются внизъ тысячами расщелившихся капризныхъ отлетовъ, и на нихъ, свѣсивъ ноги, сотни все такъ же сытенныхъ, выхоленныхъ и вымытыхъ краснорожихъ дѣтишекъ. Что у нихъ здѣсь нѣтъ другого дѣла, что ли? Нѣкоторыя лежатъ себѣ на животахъ и болтаются надъ провалами ручонками и кудлатыми головенками. Встрѣчаются и такія, что беззавѣтно взапуски бѣгаютъ по этимъ головокружительнымъ рубчикамъ. Оказывается, сегодня внизу въ Кіезануово, одномъ изъ С.-Маринскихъ городковъ — республиканская «banda musicale» даетъ обязательный очередной концертъ. Звуки его хорошо слышатся съ этихъ утесовъ, и дѣти наслаждаются незатѣйливыми маршами и отрывками изъ оперъ съ столь неудобныхъ и опасныхъ позицій.

Когда я пріѣхалъ въ С.-Марино, коляска остановилась у город-

скихъ монументальныхъ воротъ. По городу ѣздить нельзя, улицы идутъ слишкомъ круто и притомъ иногда ступенями. Вышелъ спокойно носильщикъ, взялъ мои вещи, вскинулъ ихъ себѣ на плечи и пошелъ.

— Въ какой отель вы меня ведете?

— Въ лучший и... единственный: Albergo del Titano.

Всплозли изъ одной улицы въ другую, — уморительная гостиница. Чистенькая, ясная. Еще недостроенная. Ее оканчиваютъ, по мѣрѣ того, какъ собираютъ мзду съ туристовъ. Комнаты — опрятности поразительной, но точно ячейки въ толщѣ камня. Отъ одной къ другой вверхъ — смѣшная лѣсенка безъ перилъ. И всё въ разбродъ, а еще выше только что сложенные стѣны точно колодезь. Тутъ еще не приладили кѣтушекъ для нашего брата.

— Что стоить эта комната?

И хозяинъ, и носильщикъ на меня удивленно взглянули. Вотъ де невѣжа, чѣмъ интересуется. Наконецъ, первый нехотя отвѣтилъ:

— Сколько дней останетесь?

— Не знаю, какъ проживется.

— Ну, столько лиръ и заплатите.

А лира равняется по курсу нашимъ тридцати пяти копейкамъ. Согласитесь сами, что для столицы великой державы это немного!

Сложили мои вещи. Спросили, не надо ли мнѣ чего. Носильщикъ получилъ свою мелочь и вдругъ заторопился.

— Я бы васъ охотно провелъ по городу и познакомилъ съ нимъ, но... сейчасъ у насъ, несмотря на праздникъ, засѣданіе consiglio generale...

— А вамъ что до этого?

— Мнѣ?... вотъ тебѣ и на! Да я-то, вѣдь, тоже членъ государственнаго совѣта.

Оказался одинъ изъ совѣтниковъ. Спокойно пожалъ мнѣ руку и заторопился въ Palazzo del Principe.

Я упоминалъ выше, въ общемъ очеркѣ города, объ этомъ дворцѣ. Онъ очень красивъ, и С.-Марино имъ гордится по праву. Впрочемъ, чтобъ его воздвигнуть, надо было маленькой республикѣ напрячь всё свои силы и пустить въ дѣло всякіе ресурсы. Онъ покоится величественнымъ переднимъ фасадомъ на трехъ аркахъ, производящихъ довольно сильное впечатлѣніе, когда впервые попадаешь сюда на этотъ форумъ горнаго гнѣзда свободныхъ и хорошихъ людей... За арками, въ глубинѣ — входъ, сквозь который вы видите монументальную мраморную лѣстницу, ведущую въ великолѣпное зало совѣта, гдѣ теперь, между прочимъ, засѣдалъ

мой носильщикъ. Надъ дворцомъ выросла чудная башня, легкая, стройная, художественная, какъ и весь онъ... Посреди площади, на темномъ цоколя — свѣтлая статуя свободы держитъ въ рубѣ знамя республики. Памятникъ милый, изящный, какъ и весь этотъ форумъ со своимъ палаццо... Обхожу «Свободу», и вдругъ позади, въ ея пьедесталѣ вдѣланъ медальонъ съ почтеннымъ дамскимъ профилемъ, ничего не имѣющимъ общаго съ аллегорическимъ изображеніемъ «Libertà». Зачѣмъ онъ тутъ и чѣмъ эта барыня могла прославиться? Всмотриваюсь — профиль общенѣмецкій. Въ театрѣ Кролля, въ Берлинѣ, пропасть такихъ «gnaedige Frau» пьютъ пиво и вяжутъ чулки. На мое счастье, Богъ послалъ мнѣ воспитанника мѣстнаго лица, и нѣмга, во-первыхъ, оказалась американкой, а во-вторыхъ — республика ей именно обязана этимъ памятникомъ. У С.-Марино хватило денегъ на дворецъ, ну, а на монументъ — увы! Казначейство было уже пусто. Тогда нѣкоторая Оттилія Гейротъ Вагенеръ заказала знаменитому скульптору Галетти эту статую и подарила ее республикѣ. Благодарный С.-Марино вдѣлалъ медальонъ съ ея профилемъ въ цоколь памятника и выгравилъ внизу подходящую надпись. А на торжественномъ собраніи генеральнаго или государственнаго совѣта, — называйте его какъ хотите, — правители республики подъ предсѣдательствомъ своихъ капитановъ-регентовъ возвели счастливую Оттилію (Аделаида тожъ) въ высокое достоинство герцогини Аквавива и патриціанки С.-Марино.

— Намъ это, знаете, ничего не стоило, ну, а ей, все-таки, пріятно, — объяснялъ мнѣ на слѣдующій день мой носильщикъ, членъ государственнаго совѣта.

Какъ видите, на свѣтѣ существуютъ не одни абиссинскіе графы, вродѣ нашего Леонтьева, но и герцогини и патриціанки, получающія свои дипломы отъ носильщиковъ. С.-Марино, впрочемъ, имѣетъ и свои ордена и жалуется ими тѣхъ, кто ему полезенъ.

Осмотрѣвъ въ первый разъ наскоро самый городъ, я наткнулся на итальянцевъ изъ королевства. Это былъ какой-то настоящій дука, женившійся на старухѣ изъ Милана. Настоящимъ дукамъ здѣсь больше ничего не остается, ибо вѣдь изъ патентовъ и хартій, оставленныхъ знаменитыми предками, штановъ не сошьешь! Въ Италиі не мало потомковъ дожей и знаменитыхъ властителей, вписавшихъ свои имена желѣзомъ и кровью въ мрачную исторію прошлаго. Они служатъ теперь писцами у какихъ-то апокрифическихъ консуловъ Эквадора и Боливіи, чистятъ сапоги на piazza Солоппа въ Римѣ и въ счастливомъ случаѣ женятся на международныхъ уродахъ отъ сорока пяти лѣтъ и выше, являющихся сюда, на

этотъ всемірный рынокъ титулованныхъ мужей. Одна москвичка, долго жившая въ Неаполѣ, разслабленнымъ отъ удовольствія голосомъ хвасталась мнѣ: «Вы знаете, у меня служанка—графиня...»—и потомъ, дотрогиваясь до звонка, вызывала ея сіятельство. «Анжелика, покажите этому синьору свою визитную карточку». И та охотно предъявляла мнѣ ее, и на ней я видѣлъ ея аристократическое имя подъ тремя соединенными коронами. «Мои предки имѣли даже собственныхъ палачей!»—посвящала она меня въ исторію величія ея рода. А теперь всемогущая—первогильдейское чудище—Акулина Животова жалуется ей неудобопоказываемое бѣлье съ своихъ отсыхающихъ ногъ и та принимаетъ его съ благодарностью. Такъ вотъ одинъ изъ такихъ дуковъ, встрѣтившійся мнѣ на с.-маринской площади il Piaello, поразилъ меня удивительнымъ презрѣніемъ къ республикѣ «презрѣнныхъ каменщиковъ», какъ онъ называлъ С.-Марино. Все здѣсь возбуждало его смѣхъ,—и простота нравовъ, и «совѣтники» точающіе сапоги, и капитаны-регенты, и милиція, собирающаяся по торжественнымъ днямъ, и памятникъ свободы. Какъ онъ мнѣ напомнилъ нашихъ отечественныхъ маэстро по части фырканья. Мнѣ то же самое приводилось читать и въ ихъ страничкахъ, посвященныхъ этому горному уголку.

Смѣшна эта *mania grandiosa* представителя умирающаго отъ голода народа дуба, продавшаго себя миланской купеческой старухѣ, существующаго на бабьихъ хлѣбахъ и все-таки искренно считающаго этихъ гордыхъ, независимыхъ, сумѣвшихъ въ теченіе тысячи пятисотъ (почти) лѣтъ отстоять и сохранить свободу и свои прекрасныя учрежденія каменщиковъ—ниже, неизмѣримо ниже своей великолѣпной особы... знакомая картина! И я искренно радовался отвѣту, данному ему однимъ изъ гражданъ С.-Марино:

— Видите ли, можетъ быть, я и смѣшонъ. Какъ смотрѣть на это! Но на мнѣ нѣтъ нитки, которую я бы не заработалъ самъ. Здѣсь на нашемъ поднебесьи нѣтъ человѣка выше меня, нѣтъ также и ниже меня. Мнѣ не передъ кѣмъ опускать глазъ. И я знаю, что такъ было вчера, и будетъ завтра такъ же... Намъ не надо чужого ничего, и бездѣльникамъ у насъ дѣлать нечего. Имъ остается только смѣяться надъ нами. Что же! Мы имъ это охотно прощаемъ. Для нихъ это единственное утѣшеніе въ ихъ униженіи...

VII.

Небольшой, весь въ бѣлыхъ мраморахъ, изящный, свѣтлый и радостный соборъ С.-Марино отдѣланъ только недавно. Теперь онъ

является палладиумомъ республики, которая хоронитъ здѣсь всѣхъ своихъ выдающихся людей. Соборъ, какъ и дворецъ—общественное достояніе. Какъ-то черезъ нѣсколько дней зашелъ я сюда и былъ невольно пораженъ представившимся мнѣ зрѣлищемъ. На плитахъ сидѣла сотня-другая мѣстныхъ дѣвушекъ, очевидно сошедшихся снизу изъ «городовъ» республики—изъ Монджиардино, Фіорентино, Казоло, Фаэтано и Кіезануово. Мужчинъ не было. На меня удивленно взглянули—и только. Смотрю—священника нѣтъ; что бы это значило? Никто не молится,—напротивъ, идетъ общая болтовня. Потомъ вдругъ веселая и стройная поселанка встала, подошла къ одной изъ капеллъ, гдѣ похороненъ «отецъ отечества», Антонио Онофри, и, опираясь о мраморную доску, на которой начертано его имя, начала говорить съ большимъ жаромъ, убѣдительною и даже не безъ нѣкоторыхъ ораторскихъ приемовъ. Я вслушался. Мѣстное «арго» все-таки понятно знающимъ итальянскій языкъ. Оказывается, что вся эта милая и здоровая (на полевоиъ трудѣ росла) молодежь собралась подать въ Consiglio generale просьбу объ открытіи въ Борго, внизу,—вышей женской школы, которая соотвѣтствовала бы такой же имѣющейся тамъ мужской. Мѣстныя дѣвушки уже не удовлетворяются четырехклассными училищами и требуютъ болѣе широкаго образованія. Синьорина Біанка Кастручіо въ очень сильныхъ выраженіяхъ проводила ту мысль, что «между нами-де бѣлоручекъ нѣтъ. Всѣмъ извѣстно—мы работаемъ теперь какъ наши отцы, братья и женихи. Въ семью мы вносимъ не меньше ихъ. Даже на ломкахъ камня, развѣ, напри- мѣръ, Франческаина Савелли добываетъ менѣе ея Піетро? Почему же мужчины устроили для себя все, что въ средствахъ «республики», а о насъ не подумали?... Но если о насъ не заботятся они (и хорошо дѣлаютъ), то мы не должны забывать правила: самъ себѣ помогай. Нечего рассчитывать на другихъ. Мы достаточно сильны, здоровы и неутомимы, чтобы не рассчитывать на чужія плечи и руки. Возьмемъ сами за это дѣло и доведемъ его до конца. Испытаемъ сначала все, что можно, постараемся добыть себѣ права на образованіе и возможность его мирными и кроткими путями... а если это не подѣйствуетъ, если il gran consiglio и регенты не дадутъ намъ законнаго удовлетворенія, то мы объявимъ войну. Рѣшимъ, что пока не будетъ осуществлена наша мысль,—ни одна изъ насъ не выйдетъ замужъ...»

Я ожидалъ грома рукоплесканій, но вмѣсто того слышался общій ропотъ. С.-маринки возстали противъ такого крутого оборота. Онѣ всѣмъ могли рискнуть, только... не замужествомъ. И

дѣйствительно, когда всмотришься пристальнѣе въ эти пылающіе глаза, сильные бюсты, рослая фигура съ тонкими таліями и широкими бедрами, самую природой предназначенная на исполненіе великой заповѣди «раститесь и множитесь», мнѣ сдѣлалось совершенно ясно, что на сей разъ синьорина Біанка Кастручіо попала въ просагъ.

— Мы найдемъ способы заставить насъ слушать. Наши женщины не виноваты будутъ, если il gran consiglio заупрямится. Мы всё явимся въ palazzo governamentale. Посмотримъ, какъ старики устоятъ.

Они говорили еще долго. Поднялся было вопросъ, зачѣмъ тутъ посторонній, — очевидно, дѣло касалось моей нескромной особы. Но очень живая и бойкая блондинка съ черными глазами и такимъ вздернутымъ носомъ, что ей слѣдовало бы пребывать боровицкою мѣщанкой, а никакъ не гражданкою С.-Марино, — остановила протестантовъ:

— Чего вы раскудахтались. Вѣдь, это если и пѣтухъ, такъ чужой. Пусть онъ вернется и расскажетъ у себя, гдѣ-нибудь тамъ, знаете, далеко, что мы далеко не такъ глупы, какъ другія итальянки. Мы здѣсь ничего постыднаго не говоримъ и не предлагаемъ!...

Такимъ образомъ меня оставили въ покоѣ.

Въ этомъ маленькомъ соборѣ крохотнѣйшей изъ республикъ, прекрасная статуя св. Марино, которому и посвящена базилика (Divo Marino Patrono et libertatis accetori). Тутъ же Лоретская мадонна Гверчино и двѣ милыхъ картины Тоничини. Но величайшею святыней считается все-таки гробница бѣлаго мрамора, въ которой покоится Антоніо Онофри. Въ самомъ дѣлѣ онъ не только умѣлъ наносить смертельные удары врагамъ республики, но и обнаружилъ глубокую государственную мудрость, отказавшись отъ предложеннаго Наполеономъ Бонапарте округленія ея владѣній на счетъ Тосканы и Папской области. Прими онъ этотъ даръ, потомъ, когда императора заперли на св. Елену, самое С.-Марино было бы уничтожено и включено въ предѣлы той же Тосканы. Рядомъ съ соборомъ — капелла, выстроенная Антоніо Серра. Для нея — увы! — уничтожили одну изъ величайшихъ древностей, храмъ просуществовавшій тутъ тысячу двѣсти лѣтъ. Изъ капеллы лѣстница ведетъ васъ въ жилище С.-Марино, къ его каменному ложу, гдѣ отдыхалъ этотъ скромный труженикъ, положившій начало республикѣ горнорабочихъ.

Утромъ иду въ знаменитый по здѣшнимъ мѣстамъ садъ Проц-

ци. Едва ли онъ долго просуществуетъ. Содержать его на этихъ камняхъ—дорого, а мѣсто необходимо хозяину для постройки театра, такъ какъ старый малъ и неудобенъ. Сѣлъ на скамью, любуясь чудесными окрестностями. Тихо шелестятъ вверху акаціи, гдѣ-то разбивается струя фонтана о мраморъ бассейна; пахнетъ желтыми «гаццисъ» и ирисами. Вдругъ явленіе. Баба съ подоткнутымъ подоломъ,—видимое дѣло, сейчасъ отъ корыта,—сѣла рядомъ, оглянула меня и засмѣялась.

— Чему вы?

— Siete forrestiere? (вы иностранецъ?)

— Да.

— То-то я и вижу.

Видю—дама болтливая. Завелъ съ ней бесѣду о С.-Маринно. Что за чудо,—жалуется на скуку, на отсутствіе всякихъ divertimento, на суровые нравы.

— У насъ здѣсь медвѣди... только еще карабинеры есть слава Богу, а то бы хотъ умирай.

Ну, думаю, не даромъ тѣ усы крутятъ и всѣмъ корпусомъ выражаютъ готовность.

— Только ихъ у насъ не уважаютъ. Даже регентъ и тотъ ихъ не замѣчаетъ.

— Какъ регентъ? Вѣдь, у васъ ихъ двое капитановъ-регентовъ?

— Да, но я признаю одного... Бонелла... Онъ—nobile!—и она всею своею фигурой выразила видимое благородство его происхожденія.

— Ну, а другой?

— Другой?—Она презрительно скривилась, фыркнула, точно попробовала чего-то до нельзя отвратительнаго.—Другой—plebbero!

Надо было слышать, какъ она выразительно произнесла это слово. Вышло это вродѣ плеббѣро.

— Я его не считаю, его поставила партія мужиковъ. Онъ—контатино.

Я даже диву дался, что за аристократка съ подоткнутымъ подоломъ.

— Да вы сами с.-маринка?

— Я? Да избави меня Богъ! Я изъ Римини. Я тутъ шестнадцатый годъ нанимаюсь.

Восемьдесятъ четвертой пробы хамба! Оттуда сюда ее голодъ выгналъ, тамъ она росла въ невѣроятной грязи, ѣла одну «поленту», пила скверную воду, трепетала передъ polizia sicurezza

и передъ *guardia municipale*, а тутъ, скажите, какая патриціанка вышла! Отъѣлась, отдышалась отъ вѣчнаго страха, отвыкла отъ риминійской вони и вдругъ — плеббэо! Учрежденія республики, дѣйствительно, оригинальны. Первый ея статутъ утраченъ безслѣдно; существующій теперь остался почти безъ измѣненій съ тринадцатаго вѣка. Время и иныя общественныя условія внесли въ нее только нѣсколько смягченій, но не коснулись ея по существу. Со времени Констанцкаго мира, когда большинство итальянскихъ свободныхъ городовъ вырабатывали себѣ тѣ или другія демократическія учрежденія, С.-Марино оставалось вѣрно своимъ. По-прежнему и теперь исполнительная власть здѣсь ввѣрена двумъ консуламъ, называемымъ капитанами-регентами, избираемыми съ величайшею торжественностью: одинъ изъ числа «патриціевъ» (*nobile*—по опредѣленію подоткнутой бабы) и другой непременно изъ крестьянства (*plebbero*— она же) на шесть мѣсяцевъ съ 1 апрѣля по 30 сентября и съ 1 октября по 30 марта. Одно и то же лицо можетъ вновь занимать этотъ почетный постъ только черезъ три года, т.-е. по смѣнѣ шести паръ капитановъ-регентовъ. На ихъ отвѣтственности все теченіе дѣлъ. Жалованья отъ республики они не получаютъ никакого, — только въ день выборовъ имъ вручается подарокъ по сту франковъ каждому капитану, — пируй во-всю! Возрастъ не служитъ препятствіемъ. Нынѣшній, напримѣръ, *plebbero*, такъ возмущающій риминійскую аристократку, не достигъ и тридцати лѣтъ. Государственный совѣтъ состоитъ изъ двадцати нобилей, двадцати горожанъ и двадцати крестьянъ, непременно земледѣльцевъ. Эти избираются пожизненно, и каждый родъ, или большая «фамилія» не можетъ дать болѣе одного члена въ совѣтъ. Ему принадлежитъ власть законодательная. Онъ замѣнилъ собой прежній *agtingo*, составлявшійся до тринадцатаго вѣка изъ всѣхъ отцовъ семействъ. Умиращіе пополняются по указанію самого совѣта. Двѣнадцать членовъ государственнаго совѣта составляютъ постоянную управу. Она называется здѣсь «собраніе XII». Восемь членовъ XII-ти ежегодно переизбираются, такъ что составъ этой вѣчно-бодрствующей комиссіи обновляется очень часто. Они изъ своей среды избираютъ двухъ секретарей, одного по дѣламъ внутреннимъ, другого по внѣшнимъ. Сверхъ того, въ дѣлахъ правленія принимаетъ участіе «правительственный конгрессъ изъ девяти гражданъ; онъ занятъ экономическими дѣлами республики и конгресса по сношеніямъ съ (не шутите!) заграницей. Трое судей, избираемыхъ каждые три года, вѣдаютъ мѣстную юстицію. Одинъ изъ нихъ *Commissario delle legge*

судить дѣла гражданскія и производить слѣдствіе по уголовнымъ. Второй является первою инстанціей для этой уголовщины. Третій рѣшаетъ апелляціонныя жалобы на первыхъ двухъ. Совѣтъ XII-ти является послѣдней и уже верховной инстанціей. Его постановленія являются закономъ и указаніемъ. Въ то время, когда вся Европа руководствовалась еще варварскимъ и жестокимъ законодательствомъ, отразившимъ на себѣ духъ средневѣковой нетерпимости и мстительности, — уголовный кодексъ республики С.-Марино уже являлся большимъ шагомъ впередъ къ усовершенствованію юстиціи и смягченію нравовъ. Мѣстные итальянскіе авторитеты въ этомъ отношеніи отдають ему преимущество передъ своимъ законодательствомъ. Цукетта называетъ его «великою побѣдой гуманности»; Пагано «усовершенствованіемъ уголовного кодекса»; Адриэлю Саличетти отдаетъ ему справедливость, какъ труду мудрому и превосходному, и знаменитый Эллеро признаетъ его «великолѣпнымъ памятникомъ итальянской уголовной доктрины» (*splendido monumento della dottrina criminale italiana*). Въ то время, какъ всюду въ Европѣ смертная казнь существуетъ подъ тѣмъ или другимъ видомъ, 26 августа 1864 года государственный совѣтъ С.-Марино объявилъ ее уничтоженною на вѣки-вѣковъ въ республикѣ какъ остатокъ позорнѣйшаго и жесточайшаго варварства, еще посрамляющаго великія и сильныя христіанскія державы. Между прочимъ, когда король Гумбертъ подписалъ смертный приговоръ солдату-поэту Мисдеа, с.-маринцы обратились къ его величеству съ ходатайствомъ отиѣнить эту казнь, являющуюся осужденіемъ всему нашему вѣку съ его лицемѣріемъ и злобой. Король приказалъ сначала привести рѣшеніе военного суда въ исполненіе и, только по полученіи телеграммы о томъ, что бѣдняга Мисдеа разстрѣлянъ во дворѣ замка Castel del ovo въ Неаполѣ, распечаталъ просьбу С.-Маринской республики. Отвѣтилъ онъ на нее, вполне оправдывая ея слова о лицемѣриіи нашего вѣка: «Вполнѣ раздѣляя отвращеніе гражданъ С.-Марино къ смертной казни и вмѣстѣ съ ними увѣренный, что она не соответствуетъ ни христіанскому милосердію, ни высшимъ началамъ справедливости, ни научному движенію послѣднихъ лѣтъ, я крайне сожалѣю о томъ, что петиція ваша была прислана слишкомъ поздно. Молитесь о душѣ бѣднаго Мисдеа вмѣстѣ со мною, чтобы Господь простилъ ему грѣхи за его мученическую кончину».

Совершенно сцена изъ Рейнеке-Фуксъ!... Не правда ли?

VIII.

Позвольте удѣлать нѣсколько строгъ моего бѣлаго очерка воспоминаніямъ с.-маринцевъ о Гарибальди. Они еще тутъ живы и ярки и такъ какъ республика событіями бѣдна, то рассказы объ этомъ возбуждаютъ и теперь такое же впечатлѣніе, какъ и на первыхъ порахъ. Маленькая страна ими, такъ сказать, связала и самую себя съ общимъ героическимъ движеніемъ Италіи въ 1849 г. Разумѣется, для нея было бы безопаснѣе отказать великому народному вождю въ убѣжищѣ. Этимъ самымъ она угодила бы и всемогущимъ тогда австрійцамъ—«жандармамъ народовъ и палачамъ свободы», какъ называетъ ихъ здѣшній историографъ Марино Фаттори,—и сыграла бы въ руку герцогу Тосканскому. Но С.-Марино въ самые рискованные моменты своего прошлаго мало сообразовалось съ скоропреходящею выгодой. Оно дѣйствительно служило принципамъ и благодаря имъ существуетъ и до сихъ поръ, несколько не угрожаемое моремъ объединенной Италіи, волнующимся вокругъ этого маленькаго и спокойнаго островка. С.-Марино въ этомъ эпизодѣ съ Гарибальди ставило на карту все. Я не говорю уже о непосильныхъ для республики расходахъ, но австрійскій главнокомандующій уже обсуждалъ планъ занятія горы Титано съ ея «столицей» и готовилъ манифестъ объ уничтоженіи статута. Въ palazzo governamentale поселился бы швабскій губернаторъ, а въ лицѣ бы устроили жандармскую команду. Разумѣется, С.-Марино дралось бы отчаянно, но что могла сдѣлать горсть храбрыхъ и убѣжденныхъ людей противу десятковъ тысячъ кроатовъ, гонведовъ, тирольскихъ стрѣлковъ, швабской пѣхоты и вѣнской гвардіи?—Умереть только.

— И наши отцы умерли бы!—разсказывалъ мнѣ, сверкая глазами, юноша, сынъ одного изъ «совѣтниковъ» того времени.

— Титанъ бы сталъ великою могилою маленькаго народа!

Въ ночь на 23 іюля 1849 года капитанъ-регентъ Доменико-Маріа-Бельцони былъ разбуженъ неожиданнымъ посѣтителемъ. Ему доложили, что «офицеръ въ красной рубашкѣ», квартирмейстеръ генерала Гарибальди, просить его выслушать. Съ утра внизу гремѣли выстрѣлы. Тамъ въ глубокихъ долинахъ шелъ отчаянный бой и, прислушиваясь къ его отголоскамъ, с.-маринцы уже знали, что это отступающіе защитники Рима отражаютъ нападеніе превосходныхъ непріятельскихъ силъ. «Съ бьющимся сердцемъ и со слезами на глазахъ мы слѣдили за этой трагедіей внизу. Что мы могли сдѣлать на нашихъ скалахъ для этихъ героев?»—разсказывалъ

очевидецъ. Бельцони приказалъ ввести посланнаго. Тотъ войдя упалъ, какъ подкошенный, такъ онъ былъ истомленъ. Давъ ему отдышаться, регентъ спросилъ:

— Чѣмъ могу служить вашему доблестному генералу?

— Гарибальди, именемъ нашего общаго отечества, просить разрѣшенія пройти черезъ территорію республики съ остатками своего отряда. Это единственная дорога къ морю. Другого пути къ спасенію намъ не остается!

Бельцони колебался. Въ самомъ дѣлѣ, на немъ одномъ лежала теперь отвѣтственность за существованіе республики.

— Сколько вы еще можете продержаться?

— До послѣзавтра.

Регентъ написалъ генералу, что во имя принциповъ, которыми тотъ служить, онъ, Бельцони, умоляетъ его не доводить до гибели «старое убѣжище мира и свободы» (*l'antico asilio di pace e di liberta*).

Прошли еще сутки. С. - маринцы, сами изнемогая отъ жалости и тоски, слышали опять въ теченіе дня отголоски битвы въ голубыхъ долинахъ внизу. Ружейные залпы то разгорались, то разсыпались и дробились въ трескотню перестрѣлки. Грохотали австрійскія орудія. Порою вспыхивало *evviva l'Italia* и наверху знали, что это, съ остатками храбрыхъ, Гарибальди, истоющая послѣднія усилія, кидается, какъ отступающій левъ, въ атаку на швабовъ. Наконецъ, къ капитану-регенту опять явился второй посолъ отъ народнаго вождя. Это оказался знаменитый отецъ Уго-Басси. На немъ лица не было. Глаза его блуждали, ноги едва двигались; платье его въ лохмотьяхъ и залито кровью. Голосомъ, дрожавшимъ отъ глубокой печали, онъ только и могъ выговорить:

— Послѣднія силы истощены. Мы деремся голодные второй день. У насъ ничего не осталось. Наши раненые умираютъ въ мучительной агоніи—безпомощные и брошенные на произволъ судьбы. Намъ можетъ помочь только гостепріимная республика. Пошлите намъ хлѣба и воды.

Бельцони былъ тронуть до слезъ. Онъ понялъ, что есть моменты, когда личный эгоизмъ, спокойствіе цѣлой страны должны быть приносимы въ жертву величія чужого несчастья. Онъ оставилъ Уго-Басси у себя, а самъ сбѣжалъ со скалъ внизъ, будя жителей республики, и приказывалъ имъ сносить къ гарибальдійцамъ съѣстные припасы, платья, одѣяла, поднималъ мѣстныхъ аптекарей и врачей и послалъ ихъ оказать немедленную помощь раненымъ, которыми открыли дома на границѣ.

Вездѣ зажглись огни, с. - маринцы варили пищу, чтобы тотчасъ

же отправить ее дальше. Открылись погреба со старымъ виномъ. Никто и ничего не хотѣлъ жалѣть для «братій», какими они считали гарибальдійцевъ. Агентъ австрійскаго правительства, жившій здѣсь, горячо протестовалъ, но Бельцони отвѣтилъ ему, что никакая сила въ мѣрѣ не можетъ помѣшать ему накормить голодныхъ, напоить жаждущихъ и пріютить раненыхъ.

На зарѣ 30 іюля австрійцы, къ которымъ за ночь подошли еще свѣжіе полки, уже чуть не сто на одного, кинулись на гарибальдійскій отрядъ. Они сверху открыли по нимъ страшный огонь въ то время, какъ пѣхота остановила его въ долинѣ. Полковникъ Форбасъ хотѣлъ еще держаться, но его солдаты стремительнымъ натискомъ швабовъ были опрокинуты на территорію республики. Двѣ тысячи человекъ пѣшихъ и конныхъ изнемогали отъ истощенія и ранъ, изодранные, окровавленные поднялись къ Титану съ знаменами и оружіемъ. Австрійцы кинулись было за ними, но на границѣ вдругъ живою стѣной выросли с.-маринцы.

— Пропустите! — кричали имъ нѣмцы.

— Здѣсь республика С.-Марино. Тутъ нѣтъ мѣста ни бойнямъ, ни преслѣдованіямъ.

Спокойствіе и рѣшимость маленькаго народца были таковы, что швабскіе полки остановились какъ заколдованные. Никто изъ австрійскихъ солдатъ не смѣлъ войти въ Сіеравалле.

Усталый Бельцони самъ сходилъ уже внизъ, какъ передъ нимъ, окруженный своимъ штабомъ, точно изъ земли выросъ Гарибальди, верхомъ, въ красной рубашкѣ. Хотя и спокойный, онъ былъ страшно блѣденъ и измученъ; каждая черта его лица говорила о томъ, что онъ вынесъ за послѣднее время. Не сходя съ лошади, онъ обратился къ регенту.

— Гражданинъ - президентъ! Я являюсь къ вамъ какъ бѣглецъ, ищущій убѣжища, и какъ такого — примите меня. Мои солдаты умираютъ отъ усталости и изнеможенія, перешли ваши границы ради хлѣба и отдыха. Они здѣсь сложатъ оружіе и тутъ, на священной землѣ свободы и мира, я прекращаю войну за независимость моей Италіи. Вамъ предоставляю переговоры съ врагомъ о спасеніи тѣхъ, кто послѣдовалъ за мной.

— Милости просимъ «ищущихъ убѣжища», — отвѣчалъ Бельцони. — Ваши солдаты будутъ накормлены и одѣты, вашимъ раненымъ оказана всевозможная помощь. Ихъ уже переносятъ въ наскоро устроенные госпитали. Ни въ лѣкарствахъ, ни во врачебной помощи не будетъ недостатка. Я уже позаботился разослать людей въ Римини, Пезаро и Чезену, призывалъ сюда медиковъ... Отъ

всей души принимаю на себя порученіе ваше начать переговоры съ австрійцами. Вы такимъ образомъ избавляете нашу республику отъ потрясеній и гибели войны не по силамъ.

— А развѣ вы были готовы на нее?

— Неужели мы остались бы спокойными и равнодушно смотрѣли бы, какъ враги передъ нашею границей начали бы убивать лучшихъ сыновъ Италіи?

— Быть можетъ, гражданинъ - президентъ, настанетъ пора, когда эти золотыя слова будутъ лучшимъ щитомъ для доблестнаго С.-Марино отъ всякихъ покушеній на его свободу и независимость!

Гарибальди пожалъ ему руку и отправился съ своимъ штабомъ въ монастырь капуциновъ, на пути въ одинъ изъ городковъ республики—Фіорентино. Въ обители его съ распростертыми объятіями приняли отецъ Бенедетто де-Фано и отецъ Рафаэль, въ молодости самъ дравшійся за свободу Италіи. Къстати, объединенное и безопасное отъ всякихъ покушеній извнѣ «королевство» отблагодарило какъ слѣдуетъ монаховъ. Оно закрыло около Пезаро монастырь, куда впослѣдствіи перешли оба эти инока, и отецъ Бенедетто, чтобъ не умереть отъ голода, просилъ милостыню, бродя по Адриатическому побережью. Отъ Рафаэль, къ счастью, догадался умереть.

Монастырь, какъ этотъ, такъ и францисканцевъ, были широко открыты для раненыхъ. Тутъ было больше простору и сюда перенесли ихъ всѣхъ снизу. Гарибальди, хотя и самъ чуть не умиралъ отъ голода, распорядился этимъ, не отходя отъ своихъ солдатъ. Прежде всего надо было водворить порядокъ между ними. Онъ запретилъ имъ подыматься въ городъ вверхъ и объявилъ, что всякая неприятность, сдѣланная ими гостеприимнымъ хозяевамъ, повлечетъ за собою строжайшія наказанія. Уложилъ раненыхъ и только убѣдясь, что имъ доставлено все необходимое, отправился въ С.-Марино. Въ его ворота онъ въѣхалъ въ сопровожденіи своей Анниты, Уго-Басси, полковника Марокетти, майора Ченни и другихъ. Всѣ они направились къ хозяину скромной кофейной Симоннини, звавшему ихъ къ себѣ, и тутъ, наконецъ, могли хоть немного передохнуть. Я видѣлъ маленькое и простенькое кафе. Въ немъ при мнѣ крестьяне снизу вели бесѣду о цѣнахъ на вино и на поленту. Въ овна сіяло такое нѣжное, такое лазурное небо, и все кругомъ было такъ спокойно, тихо и кротко, что даже странно было вспоминать о недавней эпопеѣ героическихъ битвъ и великихъ страданій. Вонъ въ томъ углу сидѣлъ, опрокинувъ усталую голову на руки, народный вождь. Рядомъ съ нимъ едва отводила душу красавица-жена

и кругомъ въ мертвомъ молчаніи отдыхали измученные бойцы, имена которыхъ теперь съ восторгомъ повторяетъ освобожденное отечество. Знали ли они тогда, что вся Италия черезъ какихъ-нибудь сорокъ лѣтъ покроется мраморными и бронзовыми памятниками въ честь ихъ великаго подвига? Молчаніе царило здѣсь, тяжелое, зловѣщее... Всѣ знали, что посланный отъ республики ведетъ теперь переговоры съ эрцгерцогомъ Эрнестомъ, подошедшимъ къ Фіорентино. Его высочество, выслушавъ Джіамбатиста Бонелли (впоследствии тоже регентъ С.-Марино) объявило: «Передайте имъ, что я не принимаю никакихъ условій, кромѣ неограниченной покорности. Остального они могутъ ждать отъ моего милосердія, если... я увижу ихъ раскаяніе.»

Милосердіе австрійцевъ было хорошо извѣстно въ тѣ времена. Недаромъ шварценберговскія крѣпости были полнымъ-полны узниками, носившими тамъ вмѣсто именъ нумера и забытыми всѣми. Впрочемъ, это было еще счастьемъ, потому что о нихъ вспоминали только для того, чтобы разстрѣливать внизу, во рвахъ. Для этого не нужно было даже императорскихъ сентенцій. Этимъ страшнымъ правомъ жизни и смерти облечены были сами коменданты, избравшіеся между людьми, жестокими и безжалостными, но пользовавшіеся репутаціей безусловной преданности.

— Я никогда не приму такого безчестнаго предложенія!—воскликнулъ Гарибальди, когда ему передали рѣшеніе австрійскаго эрцгерцога.

Положеніе было трагическимъ. Измученные солдаты колебались. С.-маринцы знали, что завтра австрійцы наводнятъ республику... но ни одинъ изъ нихъ не предложилъ Гарибальди покориться судьбѣ. Напротивъ, старикъ Симончини, хозяинъ кафе, служившій ему въ этотъ моментъ, проговорилъ съвозъ зубовъ:

— Лучше умирать!...

Было уже два часа по полуночи на 1 августа. Регенты сидѣли въ palazzo, ожидая событій. Готовились къ защитѣ, какъ къ нимъ явился одинъ изъ высшихъ офицеровъ легіона, отъ имени Гарибальди, и передалъ отъ него конвертъ.

Бельцони распечаталъ.

«Условія, поставленныя австрійцами — невозможны, посему оставляю территорію республики. Когда вы получите это письмо, меня уже здѣсь не будетъ». Когда регентъ читалъ это, Гарибальди съ удѣлѣвшими солдатами уже спускался внизъ, чтобы пробиться съвозъ австрійскіе штыки.

Каменоломъ Дзани такъ рассказываетъ объ этомъ событіи:

Въ пять часовъ пополудни этого достопамятнаго дня я съ нѣкоторыми пріятелями сидѣлъ въ кафе Лоренцо Симончини, когда Франческо делла-Бальда, по прозвищу Попугай, вдругъ меня обликнулъ.

— Чего тебѣ?

— Послушай-ка. Ты не прочь отъ одного смѣлаго и хорошаго дѣла?

— Почему же нѣтъ!—отвѣтилъ я, уже догадываясь, въ чемъ суть.

— Такъ вотъ что. Генераль Гарибальди нуждается въ проводникѣ, который ему укажетъ путь вонъ изъ республики. Но смотри—молчокъ! Понялъ, э?...

— Хорошо, я согласенъ... Вотъ моя рука.

Попугай повелъ меня на верхъ, гдѣ сидѣли Гарибальди съ Аннитой, Марокетти, Ченни, Леджіеро и другіе.

— Генераль, вотъ надежный проводникъ.

Генераль сидѣлъ въ глубокой задумчивости. Делла-Бальда повторилъ ему свои слова. Тотъ всталъ, оглядѣвъ меня съ ногъ до головы (я до сихъ поръ не могу забыть его глазъ), спросилъ меня, знаю ли я горы и готовъ ли на всевозможныя опасности.

Всѣ взоры обратились на меня. Я смутился и ужъ не помню, что отвѣчалъ, смятенный и растерянный,—знаю только, что вызвалъ этимъ улыбку бѣдной Анниты. Гарибальди прошелся по комнатѣ, потомъ опять вернулся ко мнѣ.

— Послушай. Обдумай хорошенько свой планъ. Я хочу быть въ Чезенатико завтра утромъ. До какого мѣста ты ведешь меня?

— До Гаттео, генераль. За нимъ я плохо знаю горы, но поручу васъ моему другу, который доставитъ васъ и всѣхъ вашихъ къ отрядамъ Чезенатико.

Тутъ вошли Анджелло Брунетти, римлянинъ Чичероваккіо съ сыномъ, Лоренцо и два или три офицера еще. Они съ Гарибальди и прежде уже находившимися въ комнатѣ сѣли за столъ. Всѣ были голодны. Имъ подали ѣсть. Меня пригласили тоже. Я былъ въ крайнемъ затрудненіи, но они заставили меня чуть не силой ѣсть и пить, но такъ ласково и радушно, что смущеніе мое тотчасъ же прошло. Ужинали молча. Всѣ были задумчивы. Къ концу явился посланный съ письмомъ. Гарибальди прочелъ его, подозвалъ всѣхъ своихъ офицеровъ и сказалъ имъ:

— Кто хочетъ со мной—идемъ! Я не сдамся! Мы не капитулировали передъ французами въ Римѣ, не положимъ оружія и передъ австрійцами въ С.-Марино.

Въ 11 часовъ ночи Гарибальди, Аннита, Чичероваккю и всѣ офицеры спустились къ воротамъ С.-Франческо. Путь отсюда круто спускается внизъ. Кажется непривычному, что падаешь въ бездну. Ворота были заперты, но нашъ поручикъ Тонини тотчасъ же отворилъ ихъ генералу. Тотъ горячо пожалъ ему руку. Мы поѣхали къ Борго. Тамъ собралось двѣсти пятьдесятъ легіонеровъ, и большая часть верхами. Уго Басси съ другими отправился боговымъ путемъ съ моимъ старымъ другомъ Себастіаномъ Мацца, тоже хорошо знавшимъ наши горы.

Бѣдная Аннита! Я какъ будто сейчасъ ее вижу передъ собою. Въ лицѣ ни кровинки, только глаза горятъ. Большіе и печальные. Измученная, страдающая, въ послѣднемъ періодѣ беременности, а впереди еще такая ужасная дорога! Но я во всѣ эти дни не слышалъ отъ нея ни слова жалобы. Гарибальди былъ «затуманенъ» и нѣмъ. Онъ не говорилъ вовсе. Я ихъ провелъ козьими тропинками, въ Лонціано, почти въ виду «подлаго» врага, но такъ, что австрійцы, какъ слѣпые кроты, не замѣтили насъ. Отъ Лонціано до Гаттео путь былъ еще хуже, но, слава Богу, мы его одолѣли. Тутъ я оставилъ генерала.

— Прощай, Дзанни! — пожалъ онъ мнѣ руку. — Отъ всего сердца благодарю тебя и черезъ десять лѣтъ надѣюсь увидѣться съ тобой при болѣе счастливыхъ условіяхъ.

Я плакалъ, разставаясь съ ними. Точно у меня отъ сердца съ кровью отрывали что-то!

IX.

Я познакомился со многими въ этой крошечной республикѣ, видѣлъ членовъ знаменитаго «совѣта XII» и капитановъ-регентовъ, какъ *pobile* Бонелли, такъ и *plebбео*. Все это народъ простой, очень строгій въ своихъ обязанностяхъ и поглощенныхъ работою. Въ ней вся наша сила и защита, говорятъ они. Остальная Италия можетъ бездѣльничать: ежегодно милліоны путешественниковъ привозятъ ей деньги и средства. С.-Марино надѣется только на самого себя! Регенты только разъ въ шесть мѣсяцевъ, въ день своего избранія, являются въ нѣкоторой помпѣ. Народъ ихъ видитъ въ черномъ бархатномъ средневѣковомъ костюмѣ, въ такихъ же мантияхъ и береттахъ. Старые регенты и вновь избираемые послѣ молебствія въ соборѣ выходятъ на площадь во главѣ наличныхъ военныхъ силъ могущественной республики, состоящихъ изъ двадцати двухъ солдатъ и двухъ офицеровъ.

Пятьдесятъ человѣкъ милиціи, на шляпы которой ошпинываются всѣ пѣтухи въ С.-Марино, поражаютъ восхищенныхъ гражданъ своимъ бравымъ видомъ и тоже состоящая въ спискахъ «дѣйствующей арміи» banda musicale играетъ національный гимнъ и маршъ къ вѣщему восторгу здѣшнихъ дамъ и дѣвицъ. Регенты новые приносятъ присягу, — старые выслушиваютъ благодарность. Совѣтъ въ palazzo governamentale дѣлаетъ тѣмъ и другимъ подобающее внушеніе, и затѣмъ всѣ расходятся на шесть мѣсяцевъ. Торжество это въ послѣдній разъ стоило С.-Марино четыреста пятьдесятъ франковъ, включая и подарокъ регентамъ. По окончаніи его, мантии, бархатные беретты, кафтаны, пестрые пояса, шелковые чулки, башмаки съ пряжками складываются въ шкэфъ — и все входитъ въ обычный порядокъ. Регенты садятся на свои троны въ залѣ «большого совѣта» и контролируютъ дѣйствія старыхъ, вышедшихъ въ отставку; старые — спокойно садятся на ослось и уѣзжаютъ въ свои виноградники, сады или уходятъ въ каменоломни. Милиція расходится по мастерскимъ, магазинамъ, полямъ, и офицеръ, поражавшій васъ только что великолѣпіемъ пѣтушьяго убора, начинаетъ спокойно стругать дерево, боронить землю, отвѣшивать бакалеи... Только «banda musicale» этотъ и слѣдующій день обходить все государство, утѣшая слухъ его горожанъ и поселянъ аріями изъ «Фаворитки», «Травіаты», «Луччіи...» Простые и скромные люди начинаютъ свое простое и скромное дѣло, и когда явится неожиданно-негаданно такой туристъ, какъ я, — они съ искреннимъ удивленіемъ размышляютъ, что это ему здѣсь понадобилось, — кажется, нѣтъ у нихъ ничего особеннаго, хотя именно это отсутствіе особенностей и составляетъ ихъ истинное счастье.

Въ послѣдній день я лазилъ въ замки, видѣлъ тюрьму. Она очень внушительна. Точно гнѣздо, прилѣпилась къ верхушкѣ скалы и въ самое небо взвилась громадною башней, но у дверей ея сидѣлъ сторожъ. Лѣтъ ему семьдесятъ, и такъ какъ тутъ работа — общій законъ — и этотъ страшный церберъ вязалъ чулокъ.

— Можно посмотрѣть тюрьму?

— А смотрите, что вамъ нѣшаетъ.

— Но ваши преступники?

— Какіе? — и онъ удивленно поднялъ на меня подслѣповатыя глаза.

— Какъ какіе... обыкновенно какіе бываютъ.

— А что имъ здѣсь дѣлать! Три года тому назадъ, правда, сидѣлъ одинъ такой. А теперь все благополучно.

Тюрьма, дѣйствительно, оказалась пуста. Подъ смягчающимъ

вліяніемъ довольства и образованія въ этой идиллической республикѣ прекратились даже частыя нѣкогда «coltellata». Ссоры оканчивались ударами стилета. Но съ тѣхъ поръ, какъ всё проходятъ черезъ школу и старое невѣжество отодвинулось въ область преданій, «поножовщины» не случается больше. Броваяя мѣсть даже прекратилась, а воровать и грабить незачѣмъ,—каждому достаточно своего!... С.-Марино уже теперь проектируетъ нѣкогда страшную тюрьму обратить въ музей, благо помѣщеніе нынѣшняго очень тѣсно... Остальные замки почти пустыютъ. Со своихъ грозныхъ скалъ, такъ мрачно нависшихъ надъ мирными долинами, онѣ намъ только свидѣтельствуютъ о далекихъ тяжкихъ временахъ, которыя достались на долю этой республикѣ...

Я уѣзжалъ отсюда въ яркую лунную ночь.

Облитое серебрянымъ свѣтомъ, все это поднебесье долго еще видѣлось мнѣ торжественными башнями, стѣнами, обрывами въ глубину безднъ, откуда курились туманы, скалами, увѣчанными замками, со всѣмъ миражемъ, такъ выпукло остающимся въ памяти... Жалко было уходить въ долины, внизъ, оставлять навсегда кроткій уголокъ, гдѣ царствуетъ трудъ и достатокъ въ обрѣзъ, гдѣ нѣтъ притѣснителей и жертвъ, нѣтъ искусственныхъ потребностей и отсутствуетъ зависть. Даже не вѣрилось, что на землѣ еще сохранился такой уголокъ!... Да хранить его судьба долго еще отъ нашихъ разочарованій и несбывшихся надеждъ, отъ горделиваго величія однихъ и подлой приниженности другихъ...

Потомъ, когда я проѣзжалъ на этотъ разъ по всему адриатическому поморью и заглядывалъ въ бѣлые плоскокровельные городки Апуліи, мнѣ часто приходило въ голову С.-Марино на своихъ скалахъ. Тутъ все кругомъ кипѣло разладомъ, бѣшенствомъ, враждою. Страна, разоренная непосильными вооруженіями, негодующая на своихъ правителей, извѣрившаяся во всемъ, народъ, бѣгущій отъ нищеты и преслѣдованій въ Америку, подъ убійственное солнце, въ пустыни Амазонки и Ориноко, язва чиновничества, разъѣдающая благословенныя небомъ, плодороднѣйшія въ мірѣ земли, и всюду подпочвенная работа новыхъ силъ, подтачивающихъ старыя твердыни... Невольно рисовалась мнѣ эта тихая, серебристая ночь, спящій подъ луною городъ, это пустыющіе замки и вся трудящаяся сама на себя и ни подъ чье иго не склоняющая своей выи—эта крошечная республика каменоломовъ.

Вас. Немировичъ-Данченко.

АРМАТУРА *).

Романъ Поля Эрвьё.

VI.

Жакъ д'Эксирейль.

Послѣ обѣда Жизель, не совсѣмъ здоровая, прилегла на кушетку въ своей комнатѣ. Молодая женщина поблѣднѣла немного, но была все такъ же хороша въ голубомъ бархатномъ капотѣ, обшитомъ мѣхомъ, ласкавшимъ ея шею. Отъ времени до времени Жизель громко кашляла, но въ сущности то была легкая простуда, захваченная ею, — какъ она думала, — въ театрѣ, въ ложѣ Сафра, или на обѣдѣ у Диди де - Мюлевиль, или же въ концертѣ, куда она ѣздила съ Бреганами и опять-таки съ неизбѣжнымъ барономъ Сафромъ. Мадамъ д'Эксирейль давно уже выискивала всякіе поводы къ тому, чтобъ уменьшить число вечеровъ, проводимыхъ ею вдвоемъ съ мужемъ. Въ прежнее время, наоборотъ, она прибѣгала къ разнымъ хитростямъ, чтобъ избавиться отъ выѣздовъ и провести время въ милой бесѣдѣ съ Жакомъ. Но эта добрая привычка миновала, и даже сердце не влекло уже къ ней вернуться.

И въ этотъ вечеръ Жизель углубилась въ чтеніе, отдѣлываясь тѣмъ отъ разговоровъ, сдѣлавшихся для нея настоящей пыткой. Молодая женщина предпочитала теперь молчать, подчиняясь общему закону, въ силу котораго людямъ не о чемъ говорить, разъ они не могутъ все сказать другъ другу.

Жакъ д'Эксирейль тоже доволенъ былъ молчаніемъ и отдался думамъ объ одномъ очень важномъ обстоятельстве, сообщать о которомъ женѣ онъ пока не находилъ нужнымъ. Недавно онъ замѣтилъ, что богатству Сафра грозитъ большой погромъ. Повинуясь

*) *Русская Мысль*, кн. I, 1897 г.

кастовому чувству товарищества, Жакъ счелъ своею первою обязанностью, налагаемою свѣтскими приличіями, предупредить объ этомъ графа де-Громмелена. Сдѣлавши это, онъ принялся убѣждать самъ себя въ неосновательности пессимизма. Постоянныя сношенія съ барономъ успѣли показать ему на дѣлѣ, какъ управляется со всякими затрудненіями финансовый богатырь, съ которымъ ему приходилось теперь дѣйствовать заодно. Наслушавшись его безстыдныхъ сужденій о людяхъ и дѣлахъ, Жакъ приходилъ почти къ убѣжденію, что Сафръ прибегаетъ на всякій случай какое-нибудь совершенно неправдоподобное средство, и разсчитывалъ, какъ въ послѣднюю минуту ни передъ чѣмъ не остановится и выйдетъ побѣдителемъ тотъ, кого онъ съ фамильярностью истиннаго почитателя называлъ «своимъ старикомъ», когда только одна Жизель могла это слышать... и обязана была этому посмѣяться.

Жакъ стоялъ у камина, заложивши руки назадъ, въ спокойной позѣ человѣка, считающаго себя вправѣ не стѣсняться. Вошелъ слуга и тотчасъ же удалился, подавши г-ну д'Эксирейлю на серебряномъ подносѣ телеграмму. Тотъ съ неторопливою небрежностью оторвалъ пробитые и заклеенные края посланія.

— Что это такое?—спросила Жизель, на секунду отрываясь отъ чтенія.

Выраженіе лица Жака нисколько не измѣнилось, онъ только удивленно раскрылъ глаза.

— Пустяки,—отвѣтилъ онъ.—Безсмыслица!

— Безсмыслица спѣшная, во всякомъ случаѣ, такъ какъ вамъ ее телеграфируютъ.

Изъ голубой бумажки онъ скомкалъ шарикъ. Надо было какъ можно скорѣе уничтожить ее, чтобы предупредить даже возможность показать ее. Жакъ бросилъ денешу въ каминъ, она отскочила и покатила по ковру. Д'Эксирейль быстро подхватилъ ее щипцами и засунулъ въ огонь.

— Это забавно,—замѣтила Жизель, слѣдя за движеніями мужа.—Что значить это секретничанье?...

Она притворно размѣялась. Но все, что дѣлалось вокругъ нея сколько-нибудь необычнымъ образомъ, представлялось таинственнымъ ей чрезмѣрной подозрительности.

— Пустяки! — возразилъ Жакъ. — Тутъ была гадость, и я сжегъ ее!...

Жизель не настаивала и принялась опять за книгу, откинувшись плечами на спинку кушетки. Глаза молодой женщины были внимательно устремлены на раскрытую страницу, но строки, точ-

но въ туманѣ, сливались въ темныя линейки, лишеныя всякаго смысла.

Жакъ, раздраженный необходимостью напрягать мысль болѣе, чѣмъ обыкновенно, возбужденный бессильнымъ бѣшенствомъ, не находящимъ, на кого обрушиться, терялся въ предположеніяхъ относительно происхожденія полученнаго посланія. Никто изъ всѣхъ его знакомыхъ не казался ему способнымъ на подобную мерзость. А помимо этого круга, у него враговъ нигдѣ не было. Онъ не могъ себѣ представить даже повода къ злобѣ на него съ чьей-либо стороны. Тѣмъ не менѣе, фактъ былъ на-лицо и ясно свидѣтельствовалъ о существованіи жестокой ненависти, вооружившейся противъ Жака. И онъ чувствовалъ, какъ судорожно сжимались его пальцы, державшіе за минуту передъ тѣмъ доказательство отвратительной злобы!... Ему казалось допустимымъ одно предположеніе, что нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, самъ того не подозревая, онъ возбудилъ чью-нибудь зависть. Весьма возможно, что онъ разрушилъ чьи-нибудь расчеты, перешелъ кому-нибудь дорогу, занявши мѣсто, настолько выгодное, какъ то, которое доставило ему довѣріе барона Сафра.

Одну за другою Жакъ разбиралъ фразы, написанныя на «голубой бумажкѣ»... Изъ всѣхъ злостныхъ инсинуацій, поистинѣ, самую неудачною была фраза, въ которой говорилось о томъ, что онъ сдѣлался «посмѣшищемъ всего Парижа». Чтобы разсвѣять всякое сомнѣніе въ этомъ отношеніи, автору анонимной клеветы достаточно было бы видѣть Жака нѣсколько часовъ назадъ, въ то время, какъ онъ, передъ обѣдомъ, заходилъ въ клубъ. Всякій могъ легко убѣдиться въ томъ, какъ ухаживаютъ за нимъ, какъ спрашиваютъ его и какъ внимательно слушаютъ его отвѣты о политикѣ и о биржѣ Ринженленъ и Арколь, и маркизъ де-Фе... и цѣлая толпа... Противъ очевидности никакой споръ невозможенъ! Жакъ отлично сознавалъ, что къ его совѣтамъ обращаются, точно къ оракулу, съ тѣхъ поръ, какъ его выдающіяся способности такъ высоко цѣнятся самимъ барономъ Сафромъ!...

А затѣмъ, на какаго «искренняго друга» намекаетъ безымянный доносъ?... Кого можно было бы заподозрить? Никого изъ пріятелей, принятыхъ въ домъ, нельзя было назвать «искреннимъ другомъ»... Правда, Жакъ и Жизель были хороши со многими, но хороши почти одинаково со всѣми въ мѣру, допускаемую самыми строгими приличіями. Изъ наиболѣе близкихъ, Мюльвиль, Байстрѣнь, Бреганъ—женаты. Тарсюль, Шаласе и Реневъ, правдѣ холостые. Но никто изъ нихъ не былъ принятъ въ домъ на болѣ

короткой ногѣ, чѣмъ такой человѣкъ, котораго нельзя считать ни другомъ, ни пріятелемъ, а самое большее — полезнымъ знакомымъ, то былъ баронъ Сафръ!

Что же касается упрека въ томъ, будто онъ на содержаніи у жены, то Жакъ находилъ его еще болѣе нелѣпымъ и дикимъ, чѣмъ все остальное... Милая бѣдняжка! Жакъ первый отъ всей души жалѣлъ ее, лишенную семьи, поддержки близкихъ родныхъ, вынужденную всегда и во всемъ рассчитывать только на силы мужа... который можетъ умереть, заболѣть... О! Жакъ отлично зналъ, чуть не сантиметъ въ сантиметъ, что тратитъ Жизель, что получаетъ она отъ него одного, мужа-труженика, работа котораго сразу сдѣлалась продуктивною, хорошо оплачиваемою, благодаря барону Сафру...

Однако, постоянное повтореніе этого имени заставило, наконецъ, Жака сообразить, какое на самомъ дѣлѣ значеніе пріобрѣтаетъ баронъ въ его жизни. Фигура барона Сафра неизмѣнно оказывается въ перспективѣ, при всѣхъ разсужденіяхъ о побѣжденных затрудненіяхъ, объ удачахъ, при всѣхъ сравненіяхъ кого бы то ни было изъ знакомыхъ.

Само собою разумѣется, Жакъ не поддался искушенію проявить даже мысленно неблагодарность злобнымъ чувствомъ къ благодѣтелю... Но, все-таки, не виновать ли баронъ Сафръ въ томъ, что на него, Жака, сдѣлано это анонимное нападеніе? На самомъ дѣлѣ, не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что всѣ враждебно-гадкія предположенія вызваны поведеніемъ барона, его полнымъ презрѣніемъ къ тому, что «могутъ подумать», что «могутъ сказать», его грубою и высокомерною манерой одождать людей безъ малѣйшей осторожности. И вотъ, такимъ одолженіемъ Жакъ воспользовался, хотя былъ удивленъ, пораженъ даже, когда Сафръ устроилъ для него у себя въ правленіи нѣчто вродѣ синекуры, которую принять оказалось возможнымъ лишь потому, что это почетное и доходное мѣсто. Жакъ д'Эксирейль сознавалъ, конечно, что своими способностями и дѣловитостью онъ вполне оправдалъ довѣріе барона Сафра, сдѣлавшаго въ его лицѣ очень счастливый выборъ! Но Жакъ отлично помнилъ, какъ слегка возмущался его тактъ вначалѣ тѣмъ, что выборъ этотъ, — очень лестный для него, — состоялся по внѣшнему виду, такъ сказать.

Вдругъ мысль, простая и ясная, съ опредѣленностью инстинктивного пониманія возникла въ головѣ Жака и разсѣяла всѣ пустыя и обманчивыя думы, вертѣвшіяся въ ней.

О, до подозрѣнія въ чемъ-либо Жизели было еще далеко!... То былъ лишь проблескъ ясновидѣнія, по милости котораго онъ начи-

надъ въ смутныхъ формахъ различать правду и постепенное на-
растаніе своихъ чувствъ антипатіи, недовѣрія, глубокой неприязни
къ Сафру...

Дѣло въ томъ, — разсуждалъ онъ самъ съ собой, — что, еслибъ
жена измѣняла мнѣ, развѣ я не чувствовалъ бы себя точь-въ-точь
такъ же, какъ въ настоящую минуту?... Вздоръ это, разумѣется,
такое предположеніе нелѣпо, но, вѣдь, это же и есть только пред-
положеніе... И что же выходитъ? Я бы думалъ, что этого нѣтъ,
какъ разъ такъ, какъ думаю это теперь! Вѣрю я женѣ такъ же
точно, какъ вѣрили своимъ женамъ всѣ мужья, надъ которыми я
самъ потѣшался!... Я убѣжденъ въ томъ, что въ дѣйствительности
нѣтъ ничего подобнаго. Но гдѣ же доказательства тому? Изъ чего
это явствуетъ? Какъ узнать это доподлинно?... Сходство между
мною и наивными мужьями бросается въ глаза, а различіе, если
такое существуетъ, остается, разумѣется, невидимымъ и ничѣмъ
доказано быть не можетъ, кромѣ моего довѣрія!...

А тутъ еще меня увѣдомляютъ, предостерегаютъ меня... Прав-
да, не говорятъ ничего опредѣленнаго, но мнѣ пишутъ, однако, о
такихъ вещахъ, на которыя мнѣ слѣдовало бы, по меньшей мѣрѣ,
обратить вниманіе... А я стою тутъ цѣлые полчаса, спокойный,
какъ ни въ чемъ ни бывало, не притрогиваясь даже къ этому во-
просу!...

И Жакъ д'Эксирейль почувствовалъ настоятельнѣйшую необ-
ходимость какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ того настроенія, ко-
торому онъ поддался. Если бы ему грозили теперь всѣ грома не-
бесные, онъ не примирился бы съ мыслью о возможности быть об-
манутымъ!... — Да въ сущности, — продолжалъ онъ думать, — кто
подозрѣваетъ, тотъ уже не обмануть, а если и былъ обмануть, то
съ минуты возникновенія подозрѣнія обмана уже не существуетъ. —
И, подъ вліяніемъ такого-то горькаго утѣшенія, онъ отдался самымъ
жестокимъ подозрѣніямъ.

Онъ всматривался въ жену, лежащую въ красивой позѣ, съ не-
подвижнымъ лицомъ, ничего не выражающимъ. И въ эту минуту
Жакъ соображалъ, что она выказала очень странное безучастіе къ
тому, что только что произошло, не поинтересовалась узнать со-
держаніе полученной телеграммы. Что могло удержать отъ раз-
спросовъ его жену, всегда крайне торопливую и настойчивую съ
своимъ любопытствомъ?

Жакъ сказалъ:

— Надѣюсь, вы не въ претензіи на меня?

Жизель покачала головой отрицательно, не отрывая глазъ отъ

книги. Жакъ замѣтилъ, что, при молчаливомъ отвѣтѣ, она не высказала ни малѣйшаго удивленія... Почему она не спросила его предварительно, за что могла она быть въ претензіи? Не ясно ли, что все время ея мысль была занята этимъ, въ сущности, ничтожнымъ случаемъ?...

— Я поступилъ, быть можетъ, опрометчиво, — продолжалъ д'Эксирейль. — Вы могли, пожалуй, заключить изъ этого, что и у меня есть какая-нибудь тайна, которую я скрываю отъ васъ?

Жизель не подняла головы, отвѣтила такимъ же молчаливымъ отрицаніемъ, немного лѣниво и какъ будто разсѣянно.

Неужели она до такой степени увлечена своимъ чтеніемъ?... Жакъ вспомнилъ, что недавно еще она была совершенно другою, когда онъ, хотя бы издали, начиналъ говорить съ нею. Бывало, она тотчасъ же выпускала изъ рукъ какое бы ни было занятіе, романъ или вышиваніе, чтобы слушать мужа, не спуская глазъ съ него...

А затѣмъ ему казалось, будто Жизель такъ и застыла въ своей неподвижной позѣ. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ стало очевиднымъ, что она не позаботилась даже перевертывать страницы книги. Жакъ насторожился весь, затаилъ дыханіе и слѣдилъ за женой, увѣренный на этотъ разъ, что относительно одного пункта, по крайней мѣрѣ, онъ словить ее, выждавши торопливо возможность уличить ее.

Жакъ зналъ уже достовѣрно, что ея чтеніе было простою комедіей! Но о чемъ же задумалась Жизель?... Совершенно неправдоподобно было предполагать, что она въ какой-либо мѣрѣ зачуяла встревожившее его содержаніе телеграммы... А, впрочемъ, не могла она развѣ знать заранѣе, что нѣчто подобное угрожаетъ ей?... Если она въ самомъ дѣлѣ измѣнила, то должна же она чувствовать себя въ опасности и ждать каждую минуту, что такъ или иначе обнаружится обманъ!... О, какъ дознать, скрывается что-нибудь или ничего не таится въ этой обожаемой головкѣ, быть можетъ, ненавистной уже до отвращенія?... Да, какъ разобрать въ недоступномъ мракѣ чужихъ мыслей, притворство ли укрываетъ тайну, или набѣжали думы, чуждыя какой бы ни было жи?...

Вдругъ Жакъ обликнулъ жену такимъ голосомъ, въ которомъ она слышала огромную тревогу.

— Жизель! — крикнулъ онъ и смолкъ.

Обращая къ нему свое задумчивое лицо, она придала ему, на этотъ разъ, удивленное выраженіе, но въ то же мгновеніе растерялась, увидавши его странный взглядъ, упорно устремленный на

нее. Черты ея лица ничуть не измѣнились, не дрогнули даже, — настолько велико, почти грандіозно было ея смущеніе. Въ эту секунду, когда всѣ нравственные и чувственные связи этихъ двухъ существъ подсказывали имъ обоюдно наступленіе чего-то трагическаго, идеальнѣйшій изъ психическихъ феноменовъ совершился въ молодой женщинѣ. По всей кожѣ ея проступила краснота, — обличительная волна всколыхнувшейся совѣсти.

Краснота Жизели усиливалась, разгоралась какимъ-то адскимъ пламенемъ. Несчастливая женщина чувствовала себя беззащитною, выданною головой таинственной уликой тѣла, отказывающагося прикрывать измѣну души и возмущеннаго ея виновностью.

Въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній это молчаливое признаніе горѣло, точно свѣтъ правды, въ тишинѣ комнаты.

Жакъ, не помня себя, бросился къ женѣ.

Не зная, не соображая, что дѣлать, что говорить, Жизель чувствовала, какъ замерла ея мысль, исчезли силы, пропали всѣ уловки хитрости и лжи, почти допустимой въ той крайности, когда смертельный страхъ овладѣваетъ всѣмъ существомъ слабой женщины... Наконецъ, все въ ней трепещущее и объятое ужасомъ, все еще живое, было сдавлено сильными пальцами, сомкнувшимися на ея рукахъ, точно желѣзными тисками.

Придвинувшись близко, смотря прямо въ глаза женѣ, Жакъ выговорилъ рѣшающее слово, уничтожающее всякую надежду на сомнѣніе, всякую возможность отрицанія, подавляющее слово, неотразимое, ужасное:

— Сафръ!... — прохрипѣлъ онъ.

Этимъ сказано было все. Ему нечего было добавлять, ей отвѣчать было нечего. Этотъ короткій возгласъ все объяснялъ обоимъ. Жизель не разжала губъ и только отвернула лицо отъ страшнаго дыханія, которое жгло его.

— Стало быть, правда?...

Она опять не проговорила ни слова, только стонъ вырвался изъ ея груди. Жизель закрыла глаза и судорожно билась, пытаясь инстинктивно высвободить руки, стиснутыя до невыносимой боли.

— Да отвѣчайте же что-нибудь!... Говорите... кричите, что ли! — неистовствовалъ д'Эксирейль, встряхивая ее, чтобы поднять на ноги.

Движеніе было настолько рѣзко, что она не устояла и упала на колѣни.

— Мнѣ отвѣчать нечего...—проговорила она, рыдая.—Наконецъ, я вздохнула, такъ какъ не лгу больше!

— Вы знаете, чего заслуживаетъ такая женщина, какъ вы?

— Да, ты можешь убить меня... Теперь я освободилась отъ лжи... я счастлива... люблю тебя!

— Молчите!

— Люблю тебя!... люблю! — повторяла она восторженно.

И она припала губами къ рукамъ мужа, только-что причинявшимъ ей такую жестокую боль.

— Довольно гримасъ!... Негодница, сдѣлавшаяся любовницей стараго развратника!

— Нѣтъ, нѣтъ! Ты не долженъ говорить это!... Жакъ, ты знаешь, что это неправда, что не было этого... Еслибы ты способенъ былъ повѣрить этому, я уже не могла бы любить тебя. Ты былъ бы хуже меня!... О, этотъ отвратительный человѣкъ... я была только его жертвой въ ужасныя минуты... рабой, которую тиранятъ, которою чудовищно тѣшатся!...

— Не вздумайте увѣрять, что ваша добродѣтель подверглась насилію.

— А, ты насмѣхаешься, а въ дѣйствительности такъ это и было. Я клянусь въ томъ!...

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же вы скрывали отъ меня?... Вы обязаны были тотчасъ же сказать, чтобъ я могъ немедленно отомстить за насъ обоихъ.

Жизель ничего не отвѣтила.

— Стало-быть, — продолжалъ д'Эксирейль, — вы простили этому господину?... Не дальше, какъ вчера вечеромъ, вы, повидимому, довольно снисходительно относились къ нему...

— О, мучитель! ты отлично сознаешь, что только правду открываю я тебѣ моимъ любящимъ сердцемъ!... Выпытывай же ее всю, хотя бы цѣною моей жизни, только сразу!

— Довольно фразъ!... Послѣ того, какъ вы, по вашимъ словамъ, подверглись насилію, повторялись или нѣтъ покушенія этого разбойника?

— Я всегда ненавидѣла его, отталкивала, осыпала оскорбленіями!

— И этимъ онъ довольствовался?

— О, Боже мой!—стонала Жизель въ отчаяніи.—Выслушай меня, Жакъ! Послѣ того ужаснаго дня, я вновь испытала тотъ же позоръ... А! сжался! Не убивай меня, дай мнѣ кончить!... Да, его требованія вскорѣ повторились, принудили меня переживать

стыдь, отъ котораго я чуть не умираю. И я видѣла, что нѣтъ мнѣ отъ него спасенія, что нѣтъ конца моимъ страданіямъ!

Жакъ выпустилъ ея руки и въ припадкѣ бѣшенства сжималъ кулаки.

— Ты! — восклицалъ онъ. — Ты и этотъ человѣкъ! Онъ обнималъ тебя, какъ я обнималъ... цѣловалъ, какъ я!...

И онъ провелъ руками по глазамъ, какъ бы отгоняя отъ себя страшное видѣніе.

Сидя на колѣнахъ, Жизель закрывала лицо руками и низко опустила голову.

Жакъ подошелъ къ женѣ, грубо схватилъ ее за бѣлогурые волосы, собранные въ косу на затылкѣ, и, дикимъ движеніемъ приподнявъ, откинулъ назадъ ея голову.

— Зачѣмъ вы это дѣлали?... Какъ вы могли дѣлать это?

Едва дыша, Жизель отвѣчала слабымъ голосомъ:

— Я не заслуживаю пощады... Все, чему учили меня въ жизни, всѣ убѣжденія мои доказываютъ мнѣ, что нѣтъ мнѣ прощенія, что нѣтъ болѣе ужаснаго оскорбленія, чѣмъ то, въ которомъ ты требуешь отчета... Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, внутри меня что-то протестуетъ противъ твоего осужденія и противъ осужденія всѣхъ, что-то возмущается во мнѣ и вопіетъ въ мою защиту!

Жакъ пересталъ терзать ее физически, выпустилъ ея волосы и проговорилъ:

— Теперь, объясненія! Мнѣ нужны они... и безъ увертокъ!

Оставаясь все еще на колѣнахъ, Жизель выпрямилась.

— Позволь мнѣ, — умоляла она, — говорить долго, по крайней мѣрѣ, пять минутъ. Не сердись, если я сумѣю объяснить лишь то, что знаю... Какъ это случилось?... Да, какъ?... Но и ты тоже, и ты долженъ припомнить, что собирался уѣхать на край свѣта. Ты сказалъ мнѣ, что намъ необходимо разстаться на годъ, на два, быть можетъ, на три года. Для меня это было равносильно разлукѣ навсегда... Ты мирился съ мыслью, что можно продолжать жить, не будучи вмѣстѣ! А, вѣдь, ты очень любилъ меня, не такъ ли?

Она приостановилась, осмѣлившись, наконецъ, взглянуть на мужа. Слезы катились по ея пылающимъ щекамъ и крупными каплями падали на пушистый мѣхъ воротника.

— Такъ, вѣдь, такъ... — продолжала она, складывая руки, точно на молитву, — ты очень любилъ меня!... Развѣ и теперь не вижу я, что ты все-таки меня любишь!... О, не говори «нѣтъ»: ты любишь, любишь! И это мнѣ всего тяжелѣе!... Нѣтъ большей

пытки, какъ знать это, услышать отъ тебя, еслибы ты опять захотѣлъ повторить мнѣ это, какъ бывало!...

При этой мысли, она откинулась назадъ съ безумнымъ отъ страха взоромъ.

— Тебѣ, какъ мужчинѣ, — снова заговорила она, — казалось возможнымъ, вполнѣ естественнымъ даже, покинуть меня, оставить одну, чтобы самому бодро исполнить долгъ чести. Такъ ужъ рѣшено заранѣе, такъ установлено, что для мужчинъ честь выше всего и удовлетворена должна быть прежде всего. Противъ этого любовь не можетъ ничего подѣлать, любви вы отдаете лишь остатки своего времени и своихъ чувствъ... А я — женщина, любящая женщина, обожающая тебя... обожающая и теперь, вѣрь мнѣ, Жакъ, вѣрь мнѣ... И когда любовь къ тебѣ говорила во мнѣ со всею силой страсти, я уже не думала о моей чести. Ради любви ты могъ мнѣ все предложить: уѣхать вмѣстѣ съ тобою куда бы ни было, дѣлать что пришлось бы или умереть вмѣстѣ... Я на все была согласна, на все готова, умоляла тебя объ этомъ, лишь бы съ тобою, лишь бы не разставаться!... Нѣтъ, мнѣ легче было стать преступною женой, лгать тебѣ каждый день, опозорить себя въ своихъ собственныхъ глазахъ... Мнѣ легче было изнывать и ждать такой минуты, какъ эта, когда ты отвернешься отъ меня съ отвращеніемъ. Но выше силъ моихъ было разстаться съ тобою, не видать тебя, не быть около тебя, не слышать твоего голоса, хотя бы дрожая отъ угрызеній совѣсти, отъ сознанія своей вины!... И вотъ, видя, что удержать тебя остается только одно омерзительное средство, я слишкомъ слабо и трусливо защищалась... Но и сейчасъ развѣ не чувствуешь ты, какое счастье для меня, что ты здѣсь, со мною... презираешь меня, ненавидишь, растопчешь, если захочешь... и все же не можешь помѣшать мнѣ ползать у твоихъ ногъ, цѣловать твои слѣды?...

И Жизель ползала у его ногъ, склонялась къ нимъ головой, обнимала его колѣна, какъ бы умоляя убить ее тутъ же на мѣстѣ, если не хочетъ онъ спасти ее отъ крушенія...

Въ душѣ Жака д'Эксирейля шевельнулось чувство жалости. Онъ поднялъ несчастную женщину. И, какъ умирающій, по неуловимымъ признакамъ ощущаетъ возвратъ къ жизни, такъ Жизель почувствовала, что она спасена.

Жакъ не проговорилъ ни слова, страшная судорога сдавила ему горло, и онъ заился слезами.

— А! вотъ что я заслужила, — воскликнула Жизель. — Это казаніе мнѣ тяжелѣе всего, передъ нимъ я совсѣмъ изнемогаю.

Она почти упала на кресло, въ которомъ ее подвелъ мужъ. Новые разспросы, рѣзкіе и мучительные, вернули ее къ дѣйствительности.

Жакъ отеръ слезы и старался казаться спокойнымъ. Онъ спрашивалъ холодно, торопливо, безъ раздраженія, хотѣлъ знать все, во всѣхъ подробностяхъ... Твердо и послѣдовательно, съ безстрастіемъ судьи, ведущаго уголовный процессъ, онъ допытывался до самой сокровенной глубины дѣла. И такъ поразительно велико было воздѣйствіе раскрываемой истины, что, при каждомъ новомъ признаніи, мужу казалось, будто онъ мало-по-малу возвращаетъ себѣ свою жену.

Волненіе обоихъ, видимо, улеглось. Невыносимая жажда томила Жизель. Молодая женщина робко заявила объ этомъ, точно сомнѣваясь въ томъ, что это позволительно теперь. Мужъ приготовилъ ей питье и придерживалъ стаканъ въ ея рукѣ, дрожавшей отъ нервной тревоги и отъ холода.

Времени прошло много, и каминъ давно погасъ. Постель молодой женщины оказалась приготовленною заранѣе, въ виду нездоровья, вынудившаго ее цѣлый день провести въ своей комнатѣ. Жакъ предложилъ женѣ лечь, укрыться хорошенько, и самъ помогъ ей раздѣться.

Жизель послушно легла въ постель и почувствовала громадное облегченіе. Жакъ сѣлъ на кресло у ногъ своей жены... О, какъ сладко было ей видѣть его около себя! Онъ не покинулъ ее, не ушелъ въ свою комнату, сѣлъ безъ колебанія на мѣсто, принадлежащее ему по праву.

Ни онъ, ни Жизель не думали о снѣ. Оба они молчали, по временамъ ихъ взгляды встрѣчались и тотчасъ же уклонялись въ сторону.

Покорный своей участи и задумчивый, Жакъ сдвигалъ свои черныя брови и сознавалъ всю тяжесть собственной отвѣтственности. Онъ самъ разрушилъ ихъ семейное счастье, по его винѣ, — безсознательной, правда, — опозорена его жена, и, что всего ужаснѣе, опозорена изъ-за страстной любви къ нему... И, не имѣя силъ отдаться всецѣло своему раскаянію, онъ рѣшительно погрузился въ думы о мщеніи...

... Было семь часовъ утра, когда Жакъ вдругъ поднялся на ноги. Онъ открылъ драпировки окна и, при слабомъ свѣтѣ наступающаго дня, увидалъ въ зеркалѣ свое лицо, истомленное бессонницей, блѣдное, осунувшееся, съ выраженіемъ готовности на всякое злодѣйство.

Не медля ни секунды, онъ направился къ двери.

Жизель приподнялась на постели.

— Буда ты?—спросила молодая женщина.—О, не оставляй меня одну... побудь со мной.

И, видя, что онъ не возвращается, она встала, послѣдовала за нимъ, хотѣла удержать его, обвившись руками вокругъ его шеи.

Жакъ рѣзкимъ движеніемъ высвободился изъ ея объятій и проговорилъ злымъ, угрожающимъ голосомъ:

— Не мѣшайте въ то, что васъ не касается!

— Что ты хочешь дѣлать?—прошептала она, блѣднѣя.

— Иди къ барону Сафру.

Она заломила руки въ отчаяньи.

— Жакъ... что ты задумалъ?

Онъ отвѣтилъ просто, точно это было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, неизбѣжнымъ и вполне своевременнымъ:

— Убить его!

— О, нѣтъ! Не ходи къ нему... Это ужасный человѣкъ, съ которымъ ты ничего не можешь сдѣлать!... Онъ сумѣетъ обрушить на тебя все несчастье!

Жакъ взглянулъ на жену съ выраженіемъ непоколебимой рѣшимости и возразилъ:

— У кого на сердцѣ все то, что меня укрѣпляетъ, тотъ одолѣетъ самаго сильнаго!

Жизель опустила голову передъ пылкостью такого чисто-мужского чувства, сознавая еще разъ невозможность что-либо возражать противъ него. Въ бѣшенствѣ мужа ей слышались опять грозныя требованія чести, заглушающія боязливый голосъ любви.

— По крайней мѣрѣ, не ходи безоружнымъ!— умоляла молодая женщина.

Д'Эксирейль отвѣтилъ, задыхаясь и кусая губы:

— Я схвачу его за горло, вырву ему языкъ и глаза, ногами разможу ему голову!...

Отъ обѣщанія такой расплаты дрожь пробѣжала по тѣлу Жизели.

— А, да, Жакъ... убей его! — вырвался у нея страстный крикъ.

При уходѣ мужа, въ тревогѣ инстинктивного прощанія, ихъ уста безсознательно встрѣтились и слились въ поцѣлуй, дышащемъ одинаковою ненавистью, равною жаждой убійства, охватившею обоихъ супруговъ.

VIII.

Баронесса Сафръ.

Отсутствіе барона Сафра продлилось цѣлую недѣлю, вмѣсто двухъ дней, какъ онъ предполагалъ, уѣзжая. Прежде всего онъ потерпѣлъ полную неудачу при окончательныхъ переговорахъ съ англійскими банками. Хватаясь за послѣднее средство и пытаясь отсрочить свою собственную увѣренность въ неизбѣжности крушенію, онъ рѣшился проѣхать прямо въ Германію и обратиться къ тамошнему рынку. Но и это крайнее усиліе оказалось такимъ же бесплоднымъ, и въ чужеземномъ финансовомъ мірѣ ему удалось вызвать только удивленіе своими странными выходками.

Позднимъ вечеромъ, разстроенный и растрепанный, вернулся Сафръ въ свои роскошныя палаты. Неряшливый, совсѣмъ грязный видъ барона ясно указывалъ на то, что онъ давно уже не заботится о своей внѣшности. Этотъ контрастъ съ его обычными привычками къ щегольству бросился въ глаза слугѣ, подавшему почту, письма и карточки, накопившіяся за время отсутствія хозяина. Вмѣстѣ съ тѣмъ, слуга объяснилъ, что господинъ д'Эскирѣйль пріѣзжалъ два раза, настоятельно требовалъ, чтобъ его приняли, и не хотѣлъ вѣрить, что господинъ баронъ находится въ отъѣздѣ, не извѣстивши его о томъ предварительно.

— А, надоѣлъ онъ мнѣ! — крикнулъ Сафръ, выходя изъ себя безъ достаточнаго повода. — Чего онъ лѣзетъ?... Пусть оставитъ меня въ покоѣ и не раздражаетъ! Я не обязанъ извѣщать его о томъ, что дѣлаю и куда ѣзжу...

Потомъ, успокоившись такъ же безпричинно и съ совершенно излишнею разговорчивостью, онъ добавилъ:

— Бъ тому же, съ дороги я телеграфировалъ ему, чтобъ онъ являлся завтра. Слѣдовательно, онъ долженъ былъ знать, что меня нѣтъ дома.

Онъ прошелъ прямо въ свою комнату и, не снимая дорожнаго мѣховаго платья, бросился въ кресло передъ топящимся каминомъ, протянулъ ноги на рѣшетку, не замѣчая, что онѣ очутились совсѣмъ близко отъ огня. Голова Сафра была утомлена болѣзненно, и онъ самъ съ собой разговаривалъ громко и безпорядочно, не чувствуя, что отъ его обуви уже распространяется запахъ горящей кожи.

Въ теченіе довольно долгаго времени онъ не мѣнялъ своего положенія и не замѣчалъ, что баронесса Сафръ вошла въ комнату стоитъ около него.

Баронесса принуждена была нѣсколько разъ поздороваться съ мужемъ, чтобъ обратить на себя его вниманіе.

Сафръ повернулъ, наконецъ, голову въ томъ направленіи, откуда раздавался ея жиденскій голосокъ.

— Хорошо вы съѣздили?—спрашивала баронесса.

— Нѣтъ!

— Вы, повидимому, очень утомлены?

Онъ ничего не отвѣтилъ.

— Вотъ,—продолжала она,— вы всегда насмѣхались надъ моею маленькою маніей къ гигиенѣ. А вамъ тоже слѣдовало бы больше заботиться о своемъ здоровьѣ. За послѣдніе годы вы слишкомъ растрачивали его... на всѣ лады!... Вы страшно злоупотребляли своими силами... и поступали неблагоразумно, очень неблагоразумно!—закончила она рѣшительнымъ тономъ, до сихъ поръ никогда не слыханнымъ барономъ Сафромъ и на этотъ разъ выведшемъ его изъ оцѣпенѣнія.

Онъ выпримилъ свой внушительный станъ и провелъ обѣими руками по лицу, какъ бы желая разгладить на немъ морщины мрачныхъ думъ.

— Я чувствую себя очень хорошо, — проговорилъ онъ.— Я совершенно здоровъ, ничего у меня не болитъ.

Онъ самъ не умѣлъ объяснить себѣ, съ чего онъ встревожился замѣчаніемъ жены и зачѣмъ ему вздумалось передъ нею сдѣлать не такое лицо, какое было у него въ дѣйствительности.

А баронесса пришла къ мужу единственно потому, что ей хотѣлось какъ можно скорѣе объясниться съ нимъ.

— Съ моей стороны,—продолжала она,—было бы непростительнымъ легкомысліемъ, если бы я не волновалась тѣмъ, что могло сильно повліять на васъ... А теперь я знаю!

Она проговорила это настолько рѣзкимъ и увѣреннымъ тономъ, что ея слова, точно остріе, кольнули Сафра.

— Что же вы такое знаете?—зарычалъ онъ.

Движеніе его бровей во всякое другое время заставило бы его жену замолчать и состроить невинную фізіономію. Но времена эти прошли.

— Если позволите,—возразила она,—поговоримъ прямо и искренно... Я, впрочемъ, и пришла сюда не за тѣмъ, чтобъ предъявлять вамъ мои упреки, а чтобы предупредить ваши упреки мнѣ.

Сафръ всталъ, озадаченный необычно смѣлостью баронессы, за которую скрывалось что-то таинственное. Всѣмъ оставшимся еще въ немъ воображеніемъ онъ ухватился за одно, — за мысль,

что вмѣшательство жены является чѣмъ - то благодѣтельнымъ и должно его спасти.

— Что вы хотите сказать?—живо спросилъ онъ.

— Я говорю о вашихъ дѣлахъ. Мнѣ сообщили, что они въ крайне плохомъ положеніи...

Въ силу многолѣтней привычки, безъ малѣйшаго вмѣшательства воли и безъ усилія изнемогающаго разума, лицо барона мгновенно прояснилось.

Онъ опять очутился, съ улыбкой на устахъ, въ своей сферѣ дѣловаго вранья.

Сафръ отвѣтилъ женѣ такъ, какъ онъ сталъ бы говорить съ Гаппарсеймомъ или съ кѣмъ бы ни было въ своей конторѣ:

— Никогда мое положеніе, во всѣхъ отношеніяхъ, не было лучшимъ, чѣмъ въ эту минуту!

Баронесса покачала головой отрицательно.

— Нѣтъ,—сказала она,—ваши дѣла покончены! Какъ только меня предупредили объ этомъ, я не стала терять времени, посоветовалась съ серьезными людьми, вполне благонадежными... Быстро и ловко собраны были всѣ свѣдѣнія, и мнѣ доставлены во множествѣ самыя печальныя доказательства...

Лицо Сафра измѣнилось еще разъ. Онъ озирался страшнымъ взоромъ разъяреннаго звѣря, готоваго растерзать всякаго, кого бы назвала въ эту минуту его жена.

— Я мать семейства,—говорила она,—и при такихъ обстоятельствахъ не могла сидѣть, сложивши руки...

При всей своей растерянности, баронъ видѣлъ, что ему готовится окончательный ударъ, угадывалъ, что подавляющая опасность надвигается на него и на тѣ обломки богатства, за которыми онъ еще укрывался. Находя несвоевременнымъ прямо отрицать правду и снова прибѣгать къ безстыдной лжи, онъ обратился къ тому, что считалъ наиболѣе слѣшнымъ:

— Не вступайтесь вы во все это!... Если хотите, чтобы мы остались добрыми друзьями, сидите смирно и не рискуйте предпринимать что-либо.

Баронесса торопилась поставить между собою и мужемъ главную мысль, побудившую ее начать такой разговоръ съ Сафромъ, высказать рѣшающее слово съ тѣмъ, чтобы потомъ укрыться за него. Она быстро проговорила:

— Мнѣ нужно, однако, позаботиться о выдѣлѣ моей части состоянія...

Лицо Сафра сдѣлалось угрожающимъ.

— — О!—воскликнулъ онъ. — Вы не посмѣете сдѣлать такую подлость!

Жена не возражала, а лишь поблѣднѣла еще больше.

Баронъ былъ окончательно подавленъ. Ни о чемъ уже не думая и жестикулируя машинально, какъ бы для того, чтобы отражать наносимые ему удары, Сафръ разразился цѣлымъ потокомъ фразъ:

— Несчастная!... Выдѣлъ вашей части будетъ имѣть самыя печальныя послѣдствія! Посудите сами... Есть ли на свѣтѣ финансистъ, чье состояніе устояло бы при такомъ подрывѣ кредита, при рѣзкой остановкѣ его операций? Нѣтъ, нѣтъ! Вы не совершите надо мной такого злодѣйства, которое и для васъ самой окажется не менѣе гибельнымъ... Такъ же точно не захотите вы принять на себя отвѣтственность за это передъ вашими дѣтьми, всю будущность которыхъ вы разрушаете подъ тѣмъ предлогомъ, будто хотите ее обезпечить!

Баронесса возразила твердо:

— Что касается будущности, то мы можемъ разсчитывать лишь на то, что я успѣю лично реализовать изъ остатковъ вашего состоянія.

— А!—воскликнулъ Сафръ.— Не дамъ я вамъ зарѣзать себя такой штукой... Да и слишкомъ глупо это!... Скажите, сколько думаете вы получить отъ выдѣла?

— Три милліона пять сотъ тысячъ франковъ, которые вы получили отъ меня, при женитбѣ на мнѣ, и одиннадцать милліоновъ, доставшихся мнѣ потомъ по наслѣдству...

— И за такую-то мелочь вы хватаетесь, когда у насъ съ вами въ общемъ дѣлѣ до четырехъ сотъ милліоновъ!...

— Да все это уже погибло...

— Нѣтъ, не погибло!... Мой капиталъ пущенъ въ оборотъ съ тѣмъ, чтобы вернуться ко мнѣ удвоеннымъ!... Такъ не мѣшайте же мнѣ довести мое дѣло до конца, не мѣшайте пустить въ ходъ всѣ мои силы! Не я ли одинъ сумѣлъ пріобрѣсти девять десятыхъ этого громаднаго капитала, имѣя въ рукахъ лишь то, что вы принесли мнѣ въ приданое и что я получилъ отъ моихъ родителей?... Развѣ этимъ не доказалъ я моего умѣнья управляться съ деньгами?... Поймите, что вотъ съ этою головой можно стать первымъ человѣкомъ въ мірѣ!—уже вопилъ онъ, колотя себя кулакомъ по лбу и по головѣ.

Сафръ продолжалъ говорить со всею пылкостью отчаянія. Онъ хорошо зналъ, что дѣла его непоправимы, но сознание это стано-

вилося все болѣе и болѣе смутнымъ, и баронъ принимался безумно разсчитывать на какія-то случайности, могущія все поправить къ концу мѣсяца. Онъ толковалъ объ этомъ съ вѣрою новичка, съ наивною надеждою неопытнаго человѣка, которую онъ самъ такъ недавно поднималъ на смѣхъ, когда ею утѣшали себя разорившіеся свѣтскіе люди. Теперь онъ, старый биржевой боецъ, въ свою очередь, увлекался несбыточною фантазіей, отдаваясь шовинизму, совершенно неумѣстному въ денежныхъ дѣлахъ.

Баронесса слушала его, молча, съжившись и оставаясь непоколебимою. Она воздерживалась отъ противорѣчія мужу, почти-тельно выжидая момента, когда ей можно будетъ заявить о томъ, что въ данное время надлежало узнать Сафру. Она не говорила ни слова, желая съ меланхолическимъ достоинствомъ выдержать до конца роль приличной супруги, хотя была убѣждена въ томъ, что, по милости такихъ волненій, жертвовала своимъ здоровьемъ и, въ виду высшихъ соображеній, отступала отъ обычныхъ заботъ о своемъ долгоденствіи.

Сафръ тревожно и пространно усиливался посвятить свою жену во всѣ необъятныя прелести, въ настоящемъ и въ будущемъ, финансовыхъ операцій, при крушеніи которыхъ онъ ясно видѣлъ свою неизбѣжную гибель. Упорное молчаніе баронессы онъ истолковывалъ въ смыслѣ одобренія всѣхъ его безумствъ. Онъ сиялъ отъ торжества, путался въ безконечныхъ объясненіяхъ, сыпалъ безъ разбора навертывавшіеся на языкъ термины, кое-какъ выпутывался опять и, наконецъ, совершенно сбился съ толку, замолчалъ, озираясь безсмысленнымъ взглядомъ, не зная, что говорить дальше...

Баронесса воспользовалась такимъ перерывомъ, чтобы покончить съ дѣломъ.

— Я должна предупредить васъ, — сказала она, — что заявленіе мною уже подано.

Сафръ смотрѣлъ на нее глазами помѣшаннаго. Потомъ онъ понялъ ужасающій смыслъ ея словъ и двинулся къ баронессѣ. Она сочла за лучшее проворно удалиться на противоположную сторону длиннаго стола, занимавшаго середину комнаты.

О странномъ недугѣ, охватывавшемъ барона, его жена не имѣла ни малѣйшаго представленія, но чисто животный инстинктъ заставилъ ее вздрогнуть, подобно тому, какъ собаки безсознательно чувтъ ту, которая изъ нихъ взбѣсилась.

— Вы осмѣлились сдѣлать это? — хрипѣлъ Сафръ. — Осмѣлились безъ моего согласія!... Пишите сію же минуту вашему стрѣ-

чему не давать никакого хода взбалмошной затѣвѣ больной женщины!

Она дрожала всѣмъ тѣломъ, но голосъ ея продолжалъ звучать металлическимъ тономъ:

— Дѣло въ томъ, — возразила она, — что, по закону, такое требованіе должно быть опубликовано въ трехдневный срокъ... И я получила извѣщеніе о томъ... что сегодня утромъ... это сдѣлано!

Пораженный въ самое сердце, баронъ Сафръ ринулся впередъ, самъ не понимая зачѣмъ, самъ не зная, что онъ сдѣлаетъ своими могучими, поднятыми вверхъ руками, — раздавить ли ими свою жену, или, выбѣжавши вонъ, куда попало, задушить перваго встрѣчнаго, на комъ-нибудь сорветъ бѣшеную злобу за смерть своего кредита...

Но физическія силы измѣнили Сафру. Дыханіе оборвалось, и онъ сжатыми кулаками оперся на столъ, по другую сторону котораго стояла его жена, зорко слѣдя за нимъ.

Своими разстроенными умственными способностями Сафръ могъ сообразить только одно, — а именно, съ какою поразительною быстротой начато и будетъ окончено его полное разореніе... И на самомъ дѣлѣ, къ его положенію непримѣнима была та медленность, съ которою ведутся процессы о разлученіи супруговъ, затрагивающіе интересы сердца и совѣсти людей, касающіеся свободы ихъ существованія и права распоряжаться своею личностью. Имущественный раздѣлъ супруговъ, устанавлиющій права на капиталы, пользуется исключительными преимуществами ускоренной процедуры. Въ какой-нибудь мѣсяцъ могло быть удовлетворено требованіе, предъявленное къ Сафру.

— Вы сами не знаете, — говорилъ онъ, задыхаясь, — что вы сдѣлали!... Вы подстроили мнѣ болѣе чѣмъ разореніе... Я могъ бы еще извернуться, будь у меня хотя немного времени... А теперь — это несостоятельность... банкротство!

Баронесса не нашла нужнымъ отвѣчать. Она исполнила свою обязанность, сказала мужу всю правду и думала лишь о томъ, какъ бы поскорѣе выбраться отсюда.

Лицо Сафры багровѣло отъ усилія, съ которымъ онъ произносилъ свои фразы.

— Вы... когда я не остерегался васъ... вы довели меня!... Теперь вся шайка бросится на меня... начнетъ трепать, рвать на части!... Не слышите вы развѣ, какъ они вопятъ, что я мошенникъ?... И они останутся правы! Противъ скупщиковъ есть зако-

ны... законы есть противъ всѣхъ, кого сшибли съ ногъ!... И тогда не придется ли мнѣ отправляться въ тюрьму?...

При этомъ послѣднемъ словѣ его глаза расширились еще больше, и онъ громко захохоталъ. Судорожныя движенія мускуловъ придали на секунду его лицу необыкновенно веселое выраженіе.

— Ха, ха, ха!—вопилъ онъ.—Баронъ Сафръ въ тюрьмѣ!... Восхитительно! Славно устроили!... А вы этого и не предполагали?

Его лицо моментально сдѣлалось неподвижнымъ, и онъ продолжалъ:

— Зачѣмъ вы сдѣлали это, не посовѣтовавшись со мной?... Зачѣмъ?... Да отвѣчайте же хоть что-нибудь... моя каналья!...

И онъ, медленно, съ блуждающимъ взглядомъ, съ крѣпко сжатыми губами, приближался къ женѣ. Она прошептала, отодвигаясь все дальше и дальше:

— Я слишкомъ боялась васъ, я не посмѣла бы ничего сдѣлать, если бы увидала васъ раньше такимъ, каковъ вы теперь!

Проговоривши это, она убѣжала, заперлась въ своихъ комнатахъ всѣми замками и задвижками дверей.

... Почувствовавши себя въ полной безопасности, баронесса первымъ дѣломъ поспѣшила лечь въ постель безъ посторонней помощи. Въ то же время она позаботилась принять капли, которыя почти всегда усыпляли ее довольно быстро и нѣсколько возбуждали аппетитъ послѣ сна. Но какое же лѣкарство,—разсуждала она сама съ собой,—можетъ подѣйствовать при такихъ волненіяхъ?...

Тѣмъ не менѣе, она начала засыпать очень спокойно, когда раздался осторожный стукъ въ дверь, соединявшую ее комнату съ помѣщеніемъ служанки.

— Кто тамъ?—крикнула баронесса испуганно.

— Госпожа баронесса,—отвѣтилъ голосъ служанки,—сейчасъ приходилъ Жозефъ и говорилъ, что никогда не видалъ своего господина въ такомъ состояніи, какъ теперь... Онъ сказывалъ, что господинъ баронъ неистовствуетъ, что господинъ баронъ, того гляди, убьетъ себя!...

О, да что же еще могла жена барона Сафра предпринять послѣ всего того, что она принудила себя совершить?... Чего еще хотять отъ нея?... Что она въ силахъ сдѣлать?... Кажется, она не пощадила себя до послѣднихъ границъ. И вотъ опять начинается удручать ее сердцебиеніе!... Весьма естественно, что такой деспотъ, какъ ея мужъ, неистовствуетъ прежде, чѣмъ смириться, при такихъ обстоятельствахъ. Ему необходимо было бы остаться совсѣмъ одному, успокоиться хорошенько... А себя онъ не убьетъ! Развѣ

люди подобнаго закала способны на такое малодушіе? До этого могли бы довести его, пожалуй, скандальная отвѣтственность и безчестіе, на которыя онъ намекалъ сейчасъ. Но, вѣдь, онъ и говорить - то это лишь для того, чтобы напугать жену и повліять на нее. Можно ли видѣть въ этомъ что-либо, кромѣ пустыхъ угрозъ, придуманныхъ изобрѣтательнымъ бѣшенствомъ?... Однако, если онъ въ самомъ дѣлѣ покусится на самоубійство? Тогда уже ни малѣйшаго сомнѣнія не останется въ томъ, что она, баронесса Сафръ, нисколько не преувеличивала грозящей имъ опасности... Боже мой, Боже! — кто бы могъ подумать, что отецъ семейства доведетъ жену и дѣтей до такого позора?... Неужели имъ придется въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ переживать всѣ тревоги уголовного процесса? Да уже не мѣсяцы, а цѣлые года семейство Сафра будетъ обречено на затворничество, если барона присудятъ къ тому, о чемъ онъ говорилъ?

И баронессѣ уже представлялось, что вотъ-вотъ нагрянетъ полиція, ворвется въ ея домъ, начнетъ распоряжаться въ немъ, все описывать... точно у какихъ-то нищихъ!...

— Скажите Жозефу, — крикнула баронесса горничной, — чтобы онъ оставилъ своего господина въ покоѣ... ничѣмъ бы его не раздражалъ, ни въ чемъ бы не противорѣчилъ ему.

О снѣ она уже не думала. Ее приводило въ ужасъ все то, что рано или поздно должно было измѣнить теперешнее положеніе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, она смутно опасалась, какъ бы не затянулось это надолго, желала въ бессознательномъ нетерпѣніи, чтобы все это поскорѣе кончилось...

Нѣсколько минутъ спустя, горничная снова постучала въ дверь и стонала испуганно:

— Сударыня, сударыня, извольте прислушаться! У насъ Богъ знаетъ что дѣлается: господинъ баронъ все ломаетъ, все опустошаетъ въ домѣ!

На этотъ разъ баронесса однимъ прыжкомъ соскочила съ кровати, боязливо пріотворила дверь и начала прислушиваться. Снизу доносились крики, звонъ и трескъ разбиваемыхъ предметовъ.

Сафръ вопилъ, уничтоживши свой великолѣпный портретъ, который съ площадки лѣстницы какъ бы царилъ надъ удивительнымъ собраніемъ драгоценныхъ вещей, наполнявшихъ роскошныя палаты... Статуэтки и вазы, мраморы, бронзы и фаянсы, расшвыриваемые богатырскими руками, летѣли вдребезги о мозаичный полъ сѣней или о дорожки зимняго сада. Кидаясь бѣгомъ черезъ

обломки и осколки, Сафръ уже ревѣлъ въ галлерейхъ, гдѣ столько сокровищъ было во власти его бѣшенства.

Хозяйка дома не могла долѣе заблуждаться относительно характера несчастья, разразившагося подъ ея кровлей, и опасных его послѣдствій — для другихъ, въ особенности. Все ея тщедушное тѣло дрожало отъ ужаса и отъ энергій.

— Приказать всѣмъ слугамъ, — распорядилась она, — бѣжать скорѣе и тщательно присматривать за ихъ господиномъ. Послать за нашими докторами, какъ только освободится кто-нибудь... Нельзя же покидать человѣка въ такомъ положеніи!...

И она тотчасъ опять заперлась въ своей комнатѣ, бережно охраняя свою особу, какъ нѣчто наиболѣе хрупкое, а слѣдовательно и наиболѣе цѣнное...

Баронесса Сафръ рѣшилась обратиться къ суду, по весьма обстоятельному совѣту нотариуса, не сообщивши предварительно объ этомъ ни дочерямъ, ни сыну. Въ отсутствіе ихъ отца, она сочла не совсѣмъ пристойнымъ говорить съ ними о дѣлѣ, касающемся, главнымъ образомъ, самого барона, и отклонила такимъ образомъ ихъ вмѣшательство въ исторію, затрогивающую ихъ чувства уваженія къ родителю.

Но на слѣдующій же день послѣ сценъ, разыгравшихся въ домѣ Сафры, она вызвала дѣтей записками, составленными въ самыхъ осторожныхъ выраженіяхъ,

Артуръ Сафръ явился первымъ на призывъ матери. Онъ одаренъ былъ большею частью качествъ, необходимыхъ для того, чтобы считаться хорошимъ сыномъ, то-есть — холостымъ онъ не дѣлалъ долговъ и женился на дѣвушкѣ, которую выбрали для него родители, по своему усмотрѣнію, озабочиваясь тѣмъ, чтобы сынъ сдѣлалъ «приличную партію».

Въ короткихъ словахъ Артуру было сообщено о двойномъ несчастьи, постигшемъ его отца въ денежномъ отношеніи и въ умственномъ. Артура это очень огорчило. Онъ кинулся въ объятія матери, которую это выраженіе сыновнихъ чувствъ тронуло исключительно въ смыслѣ физическаго толчка, причиненнаго ей. Молодой человѣкъ не выразилъ ни однимъ словомъ сожалѣнія о потерѣ огромнаго состоянія. Онъ заявилъ даже, что считаетъ себя болѣе богатымъ, чѣмъ то нужно для его потребностей, и глубоко печалился о бѣдѣ, лично постигшей барона Сафры.

— Я не предлагаю тебѣ повидать его, — сказала баронесса. —

Доктора, только-что уѣхавшіе отъ насъ, объяснили мнѣ, что всякое волненіе можетъ сильно повредить ему.

Артуръ и не настаивалъ, впрочемъ. Его огорченіе, совершенно искреннее и сердечное, на этотъ разъ ослаблялось въ его умѣ исключительною заботой, захватившей уже почти всё его помыслы. Нѣсколькими часами позднѣе, ему предстояла честь читать публично въ академіи небольшое, представленное имъ изслѣдованіе, — поэтому-то онъ и поторопился болѣе, чѣмъ его сестры, пріѣхать до завтрака. О такомъ торжествѣ онъ хлопоталъ давно, облазилъ не мало лѣстницъ... Направляясь сюда, онъ только и думалъ о своемъ чтеніи и теперь, сокрушаясь о несчастной участи отца, онъ не могъ выкинуть изъ головы мысли о своей академической карьерѣ. Прискорбное извѣстіе натолкнулось на раздутое тщеславіе и, разумѣется, утратило изрядную долю своего значенія. И на самомъ дѣлѣ, чтобы вполнѣ почувствовать горе, надо имѣть на то полный досугъ, совершенно свободное время раздумывать о немъ безъ помѣхи. А въ данную минуту Артуръ Сафръ торопился, — не до того было. Прощаясь съ матерью, онъ вдругъ спросилъ:

— Вы распорядились, надѣюсь, чтобы не распространился въ публикѣ слухъ о томъ, что здѣсь произошло?

Онъ испугался новаго удара судьбы, по милости которой, въ виду его семейныхъ обстоятельствъ, — чего добраго, можетъ быть отмѣнено засѣданіе и нарушенъ порядокъ безсмертныхъ трудовъ Института.

... Во время послѣдовавшаго затѣмъ посѣщенія Брегановъ, Оливье велъ себя далеко не такъ стоически. Съ той поры, какъ случай помогъ ему жениться столь диковинно, Бреганъ относился къ будущему богатству съ настоящею страстностью изобрѣтателя къ своему изобрѣтенію. Наслѣдство Сафра представлялось ему заслуженною наградой за многіе годы, въ теченіе которыхъ всё мысли его были направлены на то, какъ наилучшимъ образомъ распорядиться «благопріобрѣтенными» капиталами... И вотъ, нежданно-негаданно, исчезаетъ передъ нимъ златоносная страна, открытая имъ во время изслѣдованій Париза, — страна, въ которой онъ, по праву завоевателя, рассчитывалъ въ самомъ близкомъ будущемъ сдѣлаться герцогомъ или маркизомъ.

Замѣтивши его удрученную фізіономію, баронесса Сафръ нашла нужнымъ утѣшить его, указала ему на мадамъ Бреганъ, залившуюся слезами, и проговорила, какъ бы намекая на своего друга зятя:

— Вы все-таки счастливы въ своей семьѣ... Повѣрьте, ми-

дый мой Оливье, вамъ выпала на долю завидная участь: съ вами остается неразлучною любящая васъ подруга жизни!

Бреганъ соображалъ въ эту минуту, что придется ему лишиться и тѣхъ ста тысячъ франковъ, которые онъ получалъ ежегодно отъ тестя сверхъ приданого, взятаго за женой. При сочувственныхъ словахъ тещи, онъ взглянулъ на заплывшую жиромъ, на всю жизнь неразлучную съ нимъ подругу, и въ первый разъ увидалъ всю чудовищность ея безобразія... Домъ и два милліона, приобретенные съ нею вмѣстѣ, показались ему такимъ ничтожнымъ вознагражденіемъ, что онъ готовъ былъ кричать во все горло о томъ, какъ его, такого красиваго малаго, безсовѣстно эксплуатировали. Всѣмъ существомъ своимъ онъ очень искренно возмущался тѣмъ, что ему навязали на шею молодую особу такого сорта и обобрали, лишивши наслѣдства!

... Баронесса Сафръ съ нетерпѣніемъ и тревогой ждала визита графа де-Громмелена. Она пригласила его очень настоятельнымъ письмомъ, отправленнымъ въ его домъ улицы Блебера, гдѣ онъ продолжалъ жить, не выдаясь съ женою.

Громмеленъ явился на приглашеніе тещи. Къ извѣстію о разореніи Сафра онъ отнесся совершенно холодно, такъ какъ нисколько не рассчитывалъ на наслѣдство. Но графа видимо тронуло жалкое положеніе больного Сафра. Онъ высказалъ свое соболѣзнованіе, какъ то и полагается человѣку твердыхъ принциповъ, который не любитъ никакихъ пертурбацій въ семейной жизни, допускаетъ только правильное и невозмутимое ея теченіе, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, и легальныя мѣропріятія въ случаяхъ исключительныхъ.

Баронесса Сафръ успѣшила воспользоваться благодушнымъ настроеніемъ собесѣдника, чтобъ уладить примиреніе супруговъ. Самымъ задушевнымъ материнскимъ желаніемъ ея было уговорить зятя сойтись съ Мари-Бланшъ, которая иначе могла, пожалуй, очень стѣснить ее, явившись къ ней на жительство.

— Теперь, — заговорила баронесса, — позвольте мнѣ, въ эти тяжелыя для насъ минуты, умолять васъ быть снисходительнымъ... отказаться, пока еще не поздно, отъ вашего намѣренія разойтись съ моею дочерью...

Громмеленъ, очень вѣжливо, попытался жестомъ остановить ее.

— Послушайте, — продолжала она, — одно важное соображеніе, о которомъ вы недостаточно подумали, должно побудить васъ исполнить мою просьбу: это — интересъ вашихъ дѣтей.

— Сударыня, дѣти мои ничего не потеряютъ отъ того, что мамаша не будетъ ихъ воспитывать.

— А состояніе, которое имъ достанется отъ нея?... Въ настоящее время все, что принадлежитъ вашей женѣ, обезпечено въ наслѣдство дѣтямъ брачнымъ контрактомъ... Что же будетъ, если вашъ бракъ окажется расторгнутымъ?

— Разлученіе супруговъ, о чемъ я хлопочу, не даетъ женѣ права распорядиться имуществомъ.

— Это такъ. Но черезъ три года что можетъ помѣшать Мари-Бланшъ требовать и получить, вѣроятно, формальный разводъ? Тогда она получитъ возможность распорядиться своимъ состояніемъ... Увѣрены ли вы въ томъ, что она воспользуется этимъ благоразумно?

Громмеленъ призадумался.

— Тогда вы позаботитесь, — возразилъ онъ, — объ учрежденіи администраціи надъ имуществомъ вашей дочери...

— А, другъ мой, можно ли предугадать моментъ, чтобы сдѣлать это во-время?... Вы сами видите, до какого ужаснаго положенія мы дошли, ничего не подозрѣвая!... Нѣтъ, нѣтъ, не предоставляйте ничего случайности, не приотворяйте той двери, которая такъ хорошо охраняетъ состояніе вашей жены... Къ тому же, я имѣю основаніе предполагать, что жить мнѣ остается не много...

И она покачала головой, какъ бы въ удостовѣреніе того, что все случившееся быстро приближаетъ ее къ могилѣ.

— Тогда, — продолжала она неустрашимо, — голова Мари-Бланшъ можетъ закружиться отъ наслѣдства, которое достанется на ея долю, и я не знаю, на какія безумства она способна... А я смѣю завѣрить васъ, что весьма значительна еще и та часть, которую она получитъ послѣ меня. Нотаріусъ, приводившій въ извѣстность одну стоимость недвижимаго имущества... къ сожалѣнію, немного его у барона Сафра... нотаріусъ, говорю я, полагаетъ, что уже въ настоящее время я вступила во владѣніе имѣніями на десять или двѣнадцать милліоновъ, по самой низкой оцѣнкѣ... Остальную часть долга я рассчитываю получить деньгами. Конечно, это очень не много въ сравненіи съ тѣмъ доходами, которые проходили черезъ этотъ домъ. Но и тѣмъ, что у меня остается, я все-таки могу кое-что сдѣлать для своихъ.

Громмеленъ, невольно и изъ уваженія къ пожилой женщинѣ, поддавался до нѣкоторой степени вліянію, которое приобрѣла баронесса, захватившая въ свои прозрачныя отъ худобы руки послѣдніе остатки богатства Сафровъ, рухнувшего такъ неожиданно.

Она рискнула сдѣлать зятю слѣдующее предложеніе:

— Почему бы вамъ не увезти вашу жену изъ Парижа, дать ей пожить нѣкоторое время спокойно, на чистомъ воздухѣ, вдали отъ всякихъ соблазновъ?

— Неужели вы думаете, — воскликнулъ онъ, — что ваша дочь согласится прожить хотя бы одинъ день въ деревнѣ при такихъ условіяхъ?

— А я знаю, напротивъ, что она очень склоняется къ такому рѣшенію. Она охотно готова ступеваться, удалиться на время отъ свѣтской жизни, вслѣдствіе всего, что постигло ее... какъ супругу... какъ дочь... Ея положеніе въ обществѣ сдѣлалось неловкимъ, въ настоящее время, по крайней мѣрѣ. Она сочтетъ очень приличнымъ удалиться такимъ образомъ, подчиниться этому, какъ сроку траура, для нея обязательному, какъ она хорошо это понимаетъ.

Громмеленъ не отвѣтилъ ни да, ни нѣтъ. Очевидно, достаточно корректнымъ выходомъ изъ конфликта было увезти жену изъ Парижа и устроить ее въ деревнѣ, въ относительномъ уединеніи. Миръ салоновъ отнесется къ такой мѣрѣ съ большимъ одобреніемъ, чѣмъ къ судебному разбирательству, уже потому, что не произойдетъ никакого скандала и не будетъ затронута публично святость брачнаго союза. И еслибы даже попуталъ чортъ я графиня де-Громмеленъ нашла возможность опять обманывать мужа въ тиши деревни, то, по мнѣнію Громмелена, это не имѣло бы такого неудобнаго значенія, какъ на виду у парижскаго общества. Тамъ онъ могъ бы распорядиться, какъ ему вздумается, и не былъ бы вынужденъ въ теченіе нѣсколькихъ годовъ сообразоваться съ тѣмъ, какъ ведутъ себя передъ обществомъ всѣ мужья, попавшіе въ одинъ цехъ съ нимъ.

Настоянія баронессы сдѣлались еще опредѣленнѣе.

— Вы могли бы поселиться съ моею дочерью въ Озерпи.

— Въ Озерпи?—проговорилъ графъ удивленнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, злобнымъ тономъ.—Но Бреганы считаютъ это помѣстье своимъ до тѣхъ поръ, пока оно не продано.

— Нѣтъ, я вступаю лично во владѣніе этимъ имѣніемъ. Оно куплено на мое имя и даже на мои деньги, доставшіяся мнѣ въ прошломъ году отъ сестры.

— Это представлялось уже совсѣмъ соблазнительнымъ старшему зятю, получавшему такимъ образомъ возможность расчитаться съ Бреганомъ за старую обиду. Громмеленъ почувствовалъ, какъ раскрылась давнишняя рана, нанесенная его дворянскому сердцу непризнаніемъ его преимущественныхъ и прирожденныхъ правъ на землевладѣніе и на охоту.

Баронесса, побуждаемая крайнимъ желаніемъ обезпечить успѣхъ своихъ предложеній, не могла, однако, не взвѣснить убыточности послѣдняго изъ нихъ.

— Я передамъ, — заговорила она нервѣнительно и запинаясь, — вамъ и вашей женѣ... право пользованія... полного владѣнія... этимъ... всѣмъ имѣніемъ!...

Громмеленъ сдѣлалъ величественный жестъ, долженствовавшій означать, что его согласіе обусловливается лишь высшими соображеніями.

— Ваше замѣчаніе, — отвѣтилъ онъ, — о моихъ дѣтяхъ заставить меня подумать очень серьезно. На самомъ дѣлѣ, я не вправѣ подвергать моихъ бѣдныхъ мальчиковъ какимъ-либо лишеніямъ... Я это обдумаю...

— А, другъ мой, разъ уже начала смягчаться ваша строгость, не откладывайте вдаль рѣшенія, будьте добрымъ до конца... Ваша жена здѣсь, въ той комнатѣ... Дозвольте мнѣ привести ее сюда, въ постигшихъ меня несчастьяхъ утѣшите, поддержите меня вашимъ примиреніемъ съ нею!

Не выжидая согласія Громмелена, она побѣжала за дочерью и, минутою спустя, заставила супруговъ коснуться концами пальцевъ другъ друга.

Этимъ прикосновеніемъ они оба какъ бы возобновляли брачный союзъ. Они соглашались снова вступить въ сожительство, очень живо помня, какія гадости дѣлали другъ другу, и сознавая, что ради обоюдной выгоды имъ ничего иного не остается, какъ продолжать вести себя попрежнему. Разочарованные и озлобленные, они теперь могли легче достигнуть соглашенія, чѣмъ въ то время, когда легкомысленно обмѣнивались клятвами передъ алтаремъ. Всего важнѣе въ супружествѣ — хорошо знать другъ друга... А ужъ они-то другъ друга знали!

Баронесса нашла, однако, неудобнымъ длить это первое свиданіе супруговъ, вторично вступившихъ въ бракъ. Она матерински выпроводила Мари-Бланшъ и удержала зятя, чтобъ обсудить съ нимъ многіе трудные вопросы, совершенно неотложные въ виду финансоваго и умственнаго краха барона Сафра.

О немъ самомъ не вспомнили ни Бреганы, ни Громмелены, какъ бы считая его совсѣмъ поконченнымъ. Никто не поинтересовался узнать, остается ли у него хотя что-нибудь, если не въ смыслѣ психическомъ, то въ матеріальномъ отношеніи. Никому, повидимому, дѣла не было до владѣльца этихъ великолѣпныхъ палатъ,

такъ недавно распоряжавшагося въ нихъ самовластно и почти грандіозно...

Не забылъ о немъ только одинъ человѣкъ, только что успѣвшій пробраться въ домъ и не имѣвшій никакого понятія о томъ, что произошло здѣсь наканунѣ. Человѣкъ этотъ былъ Жакъ д'Эксирейль.

Шесть дней и шесть ночей посѣтитель этотъ лихорадочно ждалъ своей очереди и полагалъ, что теперь она наступила.

Въ то утро, когда Эксирейль въ первый разъ явился сюда съ своею мстью, баронъ уѣхалъ часомъ раньше на два дня, какъ говорили. По прошествіи этихъ двухъ дней гостю было отказано подъ тѣмъ предлогомъ, что Сафръ еще не вернулся. Эксирейль заподозрилъ, что баронъ, съ своей стороны тоже предупрежденный, уклоняется отъ встрѣчи съ нимъ изъ осторожности. Жакъ напрасно подкарауливалъ врага повсюду, гдѣ могъ рассчитывать увидать его. И лишь получивши телеграмму, которою Сафръ съ дороги приглашалъ его къ себѣ, Эксирейль однимъ словомъ выразилъ свою затаенную мысль, сказавши женѣ: «Завтра!»...

Когда на слѣдующій день, около трехъ часовъ, онъ явился въ отель Сафра, Эксирейль былъ крайне удивленъ отвѣтомъ слуги, что господинъ баронъ вернулся, но никого не принимаетъ. Гость напрасно толковалъ о депешѣ, приглашавшей его лично, по неотложному дѣлу, — добиться свиданія оказалось невозможнымъ. Д'Эксирейль рѣшился прибѣгнуть къ хитрости и спросилъ, принимаетъ ли баронесса. Слуга, не получившій на этотъ счетъ исключительныхъ приказаній, пропустилъ его, такъ какъ зналъ, что съ нѣкоторыхъ поръ онъ считается своимъ въ домѣ барона.

Какъ разъ въ эту минуту баронесса приступила къ обсужденію съ Громмеленомъ различныхъ мѣръ, которыя предстояло ей предпринять передъ администраціей, передъ судомъ и свѣтомъ. Слуга, доложившій объ Эксирейлѣ, передалъ ему просьбу хозяйки повременить немного, дожидаться, когда она покончитъ съ занимавшимъ ее дѣломъ.

Черезъ минуту въ головѣ д'Эксирейля сложился опредѣленный планъ добраться во что бы то ни стало до своей цѣли. Надо было воспользоваться тѣмъ, что баронесса занята съ другими. Расположеніе дома было ему достаточно извѣстно, и онъ сообразилъ, что въ комнаты Сафра можно пройти, минуя сѣни и парадную лѣстницу.

Чтобы на всякій случай имѣть руки свободными, онъ надѣлъ шляпу, наперекоръ приличіямъ, и среди великолѣпія роскошныхъ

палата сразу получилъ видъ человѣка подозрительнаго, ворвавшася насильно, готоваго ломать всѣ преграды.

Черезъ рядъ богато убранныхъ комнатъ, по витой лѣстницѣ, онъ дошелъ до кабинета. Въ комнатѣ никого не было. Разложенныя на столѣ бумаги и разставленная въ порядкѣ мебель ясно свидѣтельствовали о томъ, что хозяинъ не входилъ сюда съ той поры, какъ все убрано слугами. Въ монументальномъ каминѣ не было никакого признака недавней топки, несмотря на холодъ. Эксирейль подумалъ, что его врагъ боленъ. Но въ такомъ случаѣ почему же слуги ничего не сказали о столь уважительной причинѣ отказа?... Проверить это было очень легко, такъ какъ спальня Сафра тутъ же рядомъ, и Эксирейль, не задумываясь, вошелъ въ нее.

Съ перваго взгляда онъ убѣдился въ томъ, что баронъ не въ постели... и тѣмъ лучше!... Большая комната, отдѣланная рѣзнымъ деревомъ, была перегорожена во всю ширину раздвинутыми ширмами. Изъ-за нихъ, на шумъ шаговъ, вышелъ молодой врачъ и принялъ посѣтителя за близкаго родственника, считающаго себя вправе являться безъ доклада и со шляпой на головѣ.

Молодой человѣкъ поклонился и спросилъ:

— Вы соблаговолите, быть можетъ, побыть нѣкоторое время при баронѣ?

Эксирейль былъ слишкомъ возбужденъ для того, чтобы разбирать, какое значеніе могло имѣть присутствіе тутъ неизвѣстнаго молодого человѣка, — вѣроятно, какого-нибудь недавно взятаго мелкаго секретаря.

— Да, отвѣтилъ Эксирейль, — сколько будетъ нужно... Почему вы спросили?

— Потому, что мнѣ нужно написать, и я воспользуюсь тѣмъ, что вы побудете здѣсь за меня...

— Хорошо, идите, — сказалъ д'Эксирейль, желая скорѣе остаться съ глазу-на-глазъ съ Сафромъ и раздѣлаться съ нимъ.

Неудобный свидѣтель вышелъ... Эксирейль двинулся впередъ, готовый обѣими руками вцѣпиться въ своего врага, задушить его при первой попыткѣ крикнуть. Но то, что Жакъ увидалъ, заставило его попятиться назадъ и вскрикнуть самому.

Сафръ былъ крѣпко привязанъ къ высокой спинкѣ кресла. Руки, скрученныя горячечною рубашкою, оставляли его корпусъ беззащитнымъ, какъ неподвижный пенъ. Могучая когда-то голова свѣсилась на грудь, и только всклокоченная грива напоминала прежняго льва. На багровомъ лицѣ тускло свѣтились налитые кровью глаза.

Въ вихрьъ разнородныхъ ощущеній, волновавшихъ Эксирейля, наиболѣе раздражающимъ было сознаніе, что его личная месть стала теперь невозможною...

Сафръ, послѣ двѣнадцати часовъ остраго помѣшательства и буйнаго бреда, связанный, истомленный до безсилія, въ безуміи своемъ дошелъ до полнаго безсмыслія; онъ уже не понималъ и не чувствовалъ ничего, что вокругъ него дѣлается.

Эксирейлю не оставалось ничего иного, какъ отказаться отъ задуманной расплаты съ злодѣемъ, уйти скорѣй и избавиться отъ возмутительнаго зрѣлища.

Онъ вернулся тою же дорогой и едва успѣлъ войти въ приемную баронессы, какъ появилась сама хозяйка дома. Она извинилась въ томъ, что заставила гостя слишкомъ долго ждать, и выразила свое удовольствіе по тому поводу, что онъ пожелалъ ее видѣть, вмѣсто барона, который никого принять не можетъ. Затѣмъ она рассказала всю правду о происшедшемъ съ ея мужемъ.

Заговоривши о денежныхъ дѣлахъ Сафра, баронесса поблагодарила Эксирейля очень сердечно за предупреденіе отготовившейся катастрофѣ, которымъ она ему обязана, какъ только-что сообщила ей Громмеленъ.

Эксирейль отвѣтилъ:

— Громмеленъ совершенно напрасно указалъ на меня... Я, дѣйствительно, вслѣдствіе нашихъ давнишнихъ добрыхъ отношеній, счелъ своею обязанностью дать ему важный совѣтъ. Но это сдѣлано было совершенно конфиденціально, и ему не слѣдовало бы выдавать меня.

— Не сердитесь на него... Если онъ промзнесъ ваше имя въ разговорѣ, который я только-что кончила съ нимъ, то сдѣлалъ онъ это для того, чтобъ указать на васъ, какъ на человѣка, способнаго лучше, чѣмъ кто-либо, продолжать оказывать мнѣ и моимъ очень большое одолженіе...

— Я, сударыня?—воскликнулъ Эксирейль, удивленно поднимая голову.—Какимъ образомъ?

Въ глубинѣ ихъ встрѣтившихся взглядовъ вспыхнулъ одновременно таинственный огонекъ, зажженный у нея любопытствомъ, у него — мучительнымъ подозрѣніемъ... Обои имъ отнынѣ очень мало было дѣла до личности и роли барона Сафра, превратившагося физически и нравственно въ жалкую развалину, въ полу-бездушное тѣло, привязанное къ креслу и запертое въ одной комнатѣ. Но въ недавніе сравнительно дни, этотъ дерзко-предпримчивый, ни

передъ чѣмъ не останавливавшійся человѣкъ, создалъ необычайныя отношенія между двумя собесѣдниками, полными жизни и энергій, сидѣвшими теперь лицомъ къ лицу... Черные глаза Эксирейля жадно пытались прочесть во взглядѣ баронессы, *знаетъ ли она?*... *Знаетъ ли онъ?*—доискивалась она подсмотреть въ его неопредѣленномъ взорѣ.

— Мосьё д'Эксирейль, — заговорила баронесса, — вамъ хорошо извѣстна большая часть дѣлъ моего мужа. Помощь человѣка настолько вѣрнаго и опытнаго, какъ вы, необходима намъ... Мое здоровье слишкомъ слабо для того, чтобы я могла одна вынести всю тяжесть хлопотъ, предстоящихъ мнѣ съ нынѣшняго же дня. Въ виду процессовъ, которые должны начаться, и значительности той доли въ товариществѣ, которую мнѣ удастся, быть можетъ, спасти, въ виду сложности управленія дѣлами, которыя останутся потомъ на моихъ рукахъ, мнѣ на многіе года, навсегда желательно было бы пользоваться дружескимъ содѣйствіемъ такого выдающагося человѣка, какъ вы... Я не могу ни въ чемъ положиться на сына, такъ какъ онъ ненавидитъ всякіе счета, ни на зятьевъ: одинъ изъ нихъ уѣзжаетъ въ деревню, другой не смѣетъ отлучиться отъ жены... Я нахожу лишнимъ добавлять, что предоставляю вамъ самимъ опредѣлить ваши права на нашу живѣйшую благодарность.

Первымъ движеніемъ Эксирейля было — отказать. Единственнымъ его желаніемъ было — навсегда порвать всякія денежныя связи со всѣми, кто носитъ имя Сафра.

Баронесса продолжала настаивать:

— Я не отъ своего имени только обращаюсь къ вамъ съ этою просьбой и прошу васъ также по порученію моего зятя де-Громмелена, питающаго къ вамъ самую глубокую симпатію... Надѣюсь, вы не откажете вашему другу.

На самомъ дѣлѣ, она обратилась къ Эксирейлю по рекомендаціи и совѣту графа, которому очень не хотѣлось, чтобы очутился въ нищетѣ человѣкъ, близкій ему по давнишнимъ семейнымъ отношеніямъ. Въ немъ Громмеленъ видѣлъ такого же родовитаго господина, какимъ былъ самъ, и любилъ такого же мужа, какъ онъ, — хорошо обманутаго. И, вслѣдствіе той же солидарности, которая побудила Эксирейля предупредить его о послѣднихъ неудачахъ Сафра, Громмеленъ воспользовался случаемъ расплатиться съ нравственнымъ долгомъ очень пристойно, вполне благородно, изъ кармана своей тещи.

Пока баронесса убѣждала Эксирейля, онъ соображалъ, что, кромѣ недавно полученнаго жалованья, — жить на которое было,

къ тому же, до крайности противно, — у него нѣтъ никакихъ средствъ въ перспективѣ. Разсуждалъ онъ самъ съ собою и о томъ еще, что чужое состояніе, къ участию въ которомъ его привлекали, не будетъ имѣть никакого отношенія къ колоссальному богатству, созданному его заклятымъ врагомъ, барономъ Сафромъ, подорвавшимъ и разрушившимъ сразу свое гигантское сооруженіе. Но самое элементарное уваженіе къ себѣ и невыразимое отвращеніе заставили его отогнать всякую мысль о согласіи. Онъ отклонилъ предложеніе баронессы, отговариваясь обязательными дѣлами, которымъ онъ долженъ посвятить себя, ссылаясь на необходимость скоро уѣхать изъ Парижа, быть можетъ, изъ Франціи, и надолго.

— Подумайте, я не тороплю, — говорила баронесса, прощаясь. — Вашъ отвѣтъ я не считаю окончательнымъ. Поговорите съ мадамъ д'Эксирейль и рѣшите вмѣстѣ, какъ найдете для себя наиболѣе приличнымъ...

Послѣднее слово баронессы оказало тотчасъ же свое вліяніе на Эксирейля.

Да, разумѣется, приличіями нельзя пренебрегать! Нельзя не обсудить того, что они могутъ понудить дѣлать. Во всякомъ случаѣ, это наводило на соображенія первостепенной важности для свѣтскаго человѣка, снова попавшаго въ обычную колею всякихъ условностей.

Но, прежде всего, мужъ чувствовалъ, что ему надо какъ можно скорѣе вернуться къ женѣ. Вспомнивши, въ какомъ мучительномъ состояніи, въ какой неизвѣстности и тревогѣ онъ оставилъ Жизель, Жакъ понялъ, насколько нехорошо онъ поступаетъ по отношенію къ ней. Онъ умилился отъ жалости къ ней и къ себѣ, увидавши всю несоразмѣрность того страха, который она все еще переживаетъ въ его отсутствіе, и полного ничтожества того, что онъ самъ испытываетъ теперь. По выходѣ изъ дома Сафра всѣ заботы его были направлены на то, чтобы скорѣе найти фіакръ.

Сдѣлавши нѣсколько шаговъ по улицѣ, Эксирейль столкнулся носъ къ носу съ Тарсюлемъ. Этотъ отправлялся на развѣдки, побуждаемый любопытствомъ вызнать настроеніе баронессы. О томъ, что произошло съ барономъ, Артуръ Сафръ успѣшилъ тотчасъ же сообщить всегдашнему совѣтнику ихъ семьи во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Эксирейль и Тарсюль встрѣтились съ тою сдержанностью, которая несомнѣнно обличала твердое намѣреніе обоихъ говорить обо всемъ, кромѣ того, что они могли бы сказать другъ другу.

— Ну, что? — спросилъ Тарсюль, поправляя свой монокль съ ехидною гримасой.

— А что?—отвѣтилъ Эксирейль.

Они посмотрѣли другъ на друга подозрительно... Но разстроенное лицо д'Эксирейля настолько выдавало его, что Тарсюль, сохраняя полную невозмутимость, попытался все-таки завязать разговоръ. Онъ проговорилъ:

— Вотъ какія необычныя исторіи происходятъ!

Эксирейль отвѣтилъ просто:

— Про нихъ каждый день слышишь...

Наступило опять молчаніе, которое Тарсюль прервалъ словами:

— Что меня касается, то я порѣшилъ разъ навсегда ничему не удивляться.

— Всего лучше было бы и всѣмъ поступать такъ!—замѣтилъ Эксирейль глухимъ голосомъ.

Это навело Тарсюля на догадку, что финансовый погромъ очень неблагоприятно отразился на средствахъ къ существованію угрюмаго собесѣдника, и Тарсюль, принимая благодушный видъ, сказалъ:

— Я надѣюсь, что васъ нисколько не коснулось то, что здѣсь произошло?—и онъ, небрежно, большимъ пальцемъ указалъ черезъ плечо на отель Сафра.

Подъ сочувственнымъ тономъ вопроса Эксирейлю почудилась цѣлая вереница инсинуаций и покушеній его уязвить. Его сильно покорило, и онъ возразилъ:

— Меня?... Чѣмъ же это можетъ меня касаться? Объясните!

— Я доподлинно не знаю... я думалъ... мнѣ говорили, будто Сафръ и вы... ну, словомъ, что вы принимали участіе въ его операціяхъ...

Въ намекъ, вырвавшемся у Тарсюля, Жакъ д'Эксирейль услышалъ какъ бы донесшійся до него отголосокъ свѣтскихъ толковъ, тѣхъ единодушныхъ обвиненій, которыя возникнутъ противъ него, какъ супруга, по случаю банкротства Сафра. Эксирейль вздрогнулъ и покрутилъ усы съ вызывающимъ видомъ, приглашавшимъ Тарсюля разносить повсюду объясненіе его поведенія.

— Милый мой,—заговорилъ Жакъ рѣшительно и опредѣленно,—въ дѣла барона я вмѣшивался лишь настолько, насколько это нужно было для защиты интересовъ баронессы. На это я согласился... вы слушаете меня внимательно?... я согласился по настоящей и повторенной просьбѣ баронессы и моего стараго друга де-Громмелена... Обратились они ко мнѣ слишкомъ поздно для то-

го, чтобъ я могъ предупредить катастрофу. Но теперь необходимо спасти обломки, и я продолжаю свое дѣло. Баронесса, — права она или нѣтъ, это все равно, — убѣждена въ моей компетентности и сейчасъ только опять умоляла меня не покидать ее... Никогда я ничего не дѣлалъ иначе, какъ въ качествѣ ея представителя, и моя искренняя преданность обязываетъ меня остаться ея представителемъ до конца!

Разъ навсегда, точно исправному глашатаю, былъ данъ Тарсюлю этотъ отвѣтъ, приличный, похожій на правду, очень удобный даже для опубликованія его по салонамъ, среди тѣхъ, кому желательно что-нибудь говорить въ свою очередь, и тѣхъ, кто не знаетъ, чему противорѣчить.

Затѣмъ Эксирейль направился твердымъ шагомъ на прежній ладъ продолжать свое существованіе, выбитое было изъ колеи неожиданнымъ взрывомъ.

Тарсюль, ничуть не поддаваясь обману, былъ тѣмъ не менѣе озадаченъ сообщеніемъ, что Сафры и Эксирейли продолжаютъ оставаться вмѣстѣ, все еще чѣмъ-то и какъ-то связанные другъ съ другомъ... И, оставаясь вѣрнымъ своей системѣ, онъ съ удовольствіемъ убѣждался въ прочности, въ чудодѣйственности, въ неразрушимости единственно лишь денежной связи, поддерживающей взаимныя отношенія людей въ общественной, свѣтской и семейной жизни.

Такъ вотъ, теперь катаклизмъ разрушилъ колоссальное богатство, сгубилъ могучій умъ!... И первое, что появляется изъ-подъ страшныхъ обломковъ крѣпкимъ, цѣлымъ и невредимымъ, это — маленькая «арматура», которую ради своего каприза смастерилъ баронъ Сафръ, бывший денежный воротило, кончившій помѣшательствомъ!

МІРСКОЕ ДИТЯ *).

Разсказъ Маріи Эбнеръ фонъ-Эшенбахъ.

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

ѸІІ.

Съ субботы на воскресенье Павелъ не сомкнулъ глазъ. Онъ горѣлъ какъ въ лихорадкѣ; ему все казалось, что придетъ кто-нибудь и отыметъ письмо, присланное вечеромъ отъ баронессы для пропуска въ монастырь. Она могла передумать и раскаяться въ своей добротѣ...

Павелъ вертѣлся на своемъ нищенскомъ ложѣ и измышлялъ дикія рѣшенія на случай, еслибъ его опасенія осуществились.

Между тѣмъ забрезжило утро, и кромѣ созданій горячечной фантазіи другихъ враговъ не появлялось. Однако, безпокойство не покидало Павла. Уже въ четыре часа стоялъ онъ около колодца и тщательно умывался: вымылся весь съ головы до ногъ, надѣлъ чистую рубашку, штаны и куртку, которая была подвергнута основательному обновленію; на самомъ истрепанномъ мѣстѣ, какъ разъ противъ сердца, красовалась пестрая заплатка, кусокъ матеріи въ ладонь величиною, оставшійся при кройкѣ новаго корсажа Вински. Павелъ рѣшилъ отпороть этотъ лоскутъ и подарить Миладѣ, если онъ придется ей такъ же по вкусу, какъ ему. Веселый и нарядный двинулся онъ въ путь, не встрѣтивъ въ деревнѣ ни живой души. Особенно поспѣшно проскользнулъ онъ мимо стѣны замка, а тамъ пошелъ шагать съ горки на горку, съ тайнымъ безпокойствомъ, какъ бы его не нагнали и не воротили назадъ.

Добравшись до вершины, съ которой почти два года тому назадъ онъ слѣдилъ за каретой, увозившей сестру, Павелъ вздохнулъ

*) *Русская Мысль* 1897 г., кн. I.

свободнѣе. Онъ вспомнилъ, какъ красиво блестяли тогда городскія башни. Сегодня небо было подернуто осенними облаками, скрывавшими отъ глазъ видъ на городъ. На поляхъ, блиставшихъ тогда яркою зеленью, теперь лежали большіе, твердые комья земли, поднятые плугомъ и точно сохранившіе на себѣ его металлическій блескъ. Павелъ шель далѣе, по временамъ терялъ изъ виду цѣль своего путешествія, но ему ни разу не пришло въ голову, что можно сбиться съ дороги.

Послѣ трехчасового пути, онъ отчетливо услышалъ бой часовъ на одной изъ городскихъ башенъ и подошелъ къ низенькимъ домамъ предмѣстья.

Передъ нимъ лежалъ мостъ, о которомъ онъ часто слышалъ дома; подъ мостомъ бурно клокотала вода, — въ жизнь свою не видалъ онъ ничего подобнаго. А Милада каждый день видитъ чудо, которому онъ удивляется, подумалъ Павелъ. Онъ почувствовалъ гордость и почтеніе къ сестрѣ. На мосту сидѣла старая женщина и продавала яблоки. Конечно, Милада попрежнему любить ихъ; хорошо бы снести ей парочку. Въ это время торговка отвернулась отъ него и стала рыться въ ящикѣ съ товаромъ. Стянуть пару яблоковъ — не хитрое дѣло... Взять или нѣтъ? Внутренній голосъ остановилъ его: нельзя нести Миладѣ краденое добро... Онъ колебался. Старуха обернулась, замѣтила Павла и любезно предложила чупить яблоковъ.

— У меня нѣтъ денегъ, — запинаясь сказалъ мальчикъ.

Любезность торговки какъ рукой сняло.

— Нѣтъ денегъ, такъ ступай прочь! — грубо крикнула она.

Знакомый возгласъ. Павелъ почувствовалъ себя дома и почти съ довѣріемъ спросилъ старуху, какъ ближе пройти въ женскій монастырь.

— На что тебѣ женскій монастырь? — проворчала торговка. — Приходитъ бы вчера. Тамъ подають по субботамъ.

Павелъ солгалъ, самъ не зная зачѣмъ; онъ сказалъ, что хорошо знаетъ порядки монастыря, еще разъ освѣдомился о дорогѣ и, получивъ удовлетворительный отвѣтъ, пошелъ къ большому дому, возвышавшемуся, какъ большая желтая коробка, на противоположномъ концѣ площади. Огня дома были поразительно малы. Сбоку чѣсколько ступеней спускалось къ низенькой дверкѣ.

Долго стоялъ Павелъ безпомощно противъ двери, стучалъ въ нее, дергалъ за ручку, — дверь не отворялась, стукъ оставался безъ отвѣта. Въ это время къ монастырю приблизилась толпа ребятишекъ: одинъ изъ нихъ спустился по лѣстницѣ, повисъ на ручкѣ

звонка и, быстро опустивъ ее, бросился прочь. Внутри дома раздался продолжительный звонъ; дверка открылась, Павелъ вошелъ въ нее и снова очутился передъ запертою дверью; впрочемъ, дверь была стеклянная, сквозь нее видны были сѣни съ низкими сводами, опирающимися на колонны; стѣны были покрыты разводами сырости. Наконецъ, появилась монахиня, смѣрила строгимъ взглядомъ посѣтителя и спросила:

— Зачѣмъ ты такъ громко звонилъ? Что тебѣ надо?

— Миладу,—пробормоталъ заикаясь Павелъ. Онъ сознавалъ, что находится подъ одной кровлей съ сестрой, и его охватило мучительное нетерпѣніе.—Гдѣ она?—закричалъ онъ.

— О комъ ты говоришь?—спросила монахиня.— Здѣсь нѣтъ никакой Милады; ты, вѣроятно, ошибся.

Она уже собиралась выпроводить его вонъ, какъ Павелъ вспомнилъ о талисманѣ и передалъ письмо баронессы.

Монахиня долго смотрѣла на адресъ:

— Вотъ что!—сказала она.— Дитя мое, твою сестру зовутъ у насъ Маріей. Теперь ее нельзя видѣть, она въ церкви.

Павелъ заявилъ, что желаетъ идти въ церковь; при этомъ лицо его приняло такое рѣшительное и злое выраженіе, что привратницѣ стало страшно. Она терпѣливо объяснила ему, что онъ долженъ подождать конца обѣдни, затѣмъ проводила въ сосѣднюю комнату, оставила одного и заперла дверь на замокъ.

Павелъ оказался плѣнникомъ. Изъ мрачной комнаты, гдѣ онъ находился, былъ только одинъ выходъ, за то три окна съ тяжелыми, выгнутыми рѣшетками. Они выходили на площадку, обсаженную плодовыми деревьями, посрединѣ возвышалась статуя Божьей Матери изъ сѣраго вывѣтрившагося камня, на головѣ у нея былъ пестрый вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ. «Навѣрное, его сплела Милада,—подумалъ Павелъ.— Шла бы она, шла бы скорѣе! Скорѣй бы кончилась обѣдня». Послышался благовѣстъ передъ пресуществленіемъ; Павелъ упалъ на колѣни и горячо молился: «Милосердый Боже, пошли ко мнѣ сестру!» Онъ желалъ, надѣялся и ждалъ. Колокола давно отзвонили къ послѣдному благословенію, а маляутка все еще не появлялась. Кругомъ было тихо, какъ въ пустой церкви. Въ саду ни души, въ сосѣдней комнатѣ ни звука, ни шороха. Павелъ бросился къ двери и принялся стучать въ нее руками и ногами, пока хватило силъ. Все напрасно: никто не являлся освободить заключеннаго.

Выбившись изъ силъ, онъ въ отчаяніи опустился на полъ, оболо

ножекъ большого стола, который съ нѣсколькими стульями составлялъ всю меблировку комнаты.

«Она нейдетъ, нейдетъ! Меня заперли и забыли», — повторялъ онъ сперва съ злобнымъ раздраженіемъ на чудовищный, невѣроятный поступокъ; затѣмъ тупо покорился неизбежному. Голова его отяжелѣла, вѣки сомкнулись — онъ заснулъ.

Павель спалъ крѣпкимъ, глубокимъ сномъ, даже шумъ порывисто отворенной двери не разбудилъ его; онъ пришелъ въ себя только тогда, когда его обхватили нѣжныя рученки и милый, любимый голосокъ радостно воскликнулъ:

— Павель, Павель, наконецъ-то ты пришелъ!

Онъ открылъ глаза, вскочилъ на ноги, взглянулъ, покраснѣлъ, какъ ракъ, хотѣлъ что-то сказать и не могъ, хотѣлъ прижать ее къ сердцу — и не рѣшился. Чудно красивой представлялъ онъ себѣ сестру, но такой, какъ она оказалась въ дѣйствительности — никогда!

На ней было синее платье, напоминавшее покроемъ священнической таларъ; на груди висѣлъ серебряный крестъ. Бѣлокурые волосы, заплетенные въ косу, спускались ниже талии; на лбу, на вискахъ и затылкѣ непокорно вились золотистые локончики и точно сіяніе окружали голову. Въ нѣмомъ восторгѣ глядѣлъ Павель на малютку, вдругъ взоръ его омрачился; онъ поднялъ руки и закрылъ ими лицо. Такой неожиданный пріемъ на нѣсколько минутъ обезкуражилъ дѣвочку, однако, она снова обняла брата и лаской прогнала страхи, возникшіе у него при видѣ ея красоты. Онъ сѣлъ, посадилъ ее на колѣни, цѣловалъ, прижималъ къ груди и заставилъ рассказать до мельчайшихъ подробностей, какъ она живетъ, что дѣлаетъ, чему учится, но прежде всего... чѣмъ ее кормятъ. Онъ удивился, какъ мало значенія придавала она такому существенному вопросу. Милада заботилась только о томъ, чтобы стать лучшею дѣвочкой въ монастырѣ и добиться признанія этого факта.

— Очень трудно быть лучшей, потому что здѣсь много хорошихъ дѣтей; а я, все-таки, лучшая! — сказала она, весело выпрямляясь, и добавила скорѣе утвердительною, чѣмъ вопрошающимъ тономъ: — вѣдь, ты также лучший?

— Я? — спросилъ онъ съ удивленіемъ. — Какъ мнѣ быть хорошимъ?

Не отымая скрещенныхъ пальцевъ отъ его затылка, она вытянула руки, откинулась назадъ, взглянула ему въ глаза и сказала:

— Какъ тебѣ быть хорошимъ? Да такъ, какъ вообще бываютъ хорошими... не дѣлать ничего дурного... Вѣдь, ты не дѣлаешь ничего дурного?

Онъ покачалъ головой, стараясь высвободиться изъ ея рукъ и главное избѣжать ея взора.

— Какъ же мнѣ не дѣлать дурного?—бормоталъ онъ,—безъ этого не проживешь.

— А что ты дѣлаешь дурного, напримѣръ?

— Напримѣръ?... я беру чужое...

— Что чужое?

— Странно, какъ ты спрашиваешь? Что-жъ еще брать? Что всегда бралъ: овощи, рѣпу, дрова...

Съ возрастающимъ страхомъ, но и съ надеждой малютка закричала:

— Значить ты воръ?

— Ну, да!

— Неправда! Скажи, что неправда, что ты не безчестный! Ради Бога, скажи!...

Она ласкалась, угрожала и страшно смутилась, когда онъ сказалъ въ свое оправданіе:

— Мнѣ мудрено не быть дурнымъ! У насъ были дурные родители.

— Именно поэтому ты долженъ быть хорошимъ,—вскричала она.—Какъ ты не понимаешь? Поэтому я должна быть лучшей во всемъ монастырѣ, а ты лучшимъ въ деревнѣ... чтобы милосердый Господь простилъ родителямъ, чтобы ихъ души были спасены... Подумай о душѣ нашего отца, гдѣ она теперь...

Мгновенная блѣдность покрыла ея розовыя щеки.

— Мы должны всегда молиться,—продолжала она,—молиться, молиться, дѣлать добрыя дѣла и при каждомъ добромъ дѣлѣ повторять: за несчастную душу, которая мучится въ чистилищѣ!

Павелъ подтвердилъ съ глубокимъ убѣжденіемъ:

— Ужъ, конечно, мучится!

— Царь небесный!... А знаешь ли, что я думаю?—прошептала малютка,—если мы будемъ дурными, душа отца будетъ сильнѣе мучиться; тогда Господь подумаетъ, дѣти плохи потому, что получили дурной примѣръ...

Она замолчала, нѣсколько разъ вздохнула, широко открыла глаза и съ глубокимъ состраданіемъ взглянула на брата. Потомъ порывисто схватила обѣими руками его голову, приложила свое лицо къ его лицу и спросила:

— Зачѣмъ ты воруетъ?

— Ну, что тамъ... оставь меня въ покоѣ!

Она крѣпче обняла его и еще разъ настойчиво повторила:

— Скажи мнѣ, скажи!

Но такъ какъ онъ упорно молчалъ, она стала отгадывать:

— Ты, можетъ быть, воруетъ съ голоду... Ты бываешь иногда голоденъ?

Онъ пренебрежительно усмѣхнулся:

— Я всегда голоденъ!

— Всегда!

— Но я не обращаю на это вниманія, — старался онъ успокоить сестру, замѣтивъ, какъ огорчилъ ее такой отвѣтъ. Малютка не слушала его, она выбѣжала изъ комнаты, на ходу бормоча себѣ упрёки.

Милада вскорѣ вернулась въ сопровожденіи бѣлицы, которая несла полную тарелку хлѣба съ мясомъ. Она поставила ѣду на столъ и пригласила Павла кушать.

Онъ отдалъ честь угощенію — ѣлъ жадно, но поразительно быстро насытился.

— Только и всего? — спросила монастырская служительница и привѣтливо взглянула на него молодыми, ясными глазами. — Ты не привыкъ къ ѣдѣ, сейчасъ и сытъ, знаю я это. Откуда онъ? Кто такой? — обратилась она къ Миладѣ.

— Изъ дому, — отвѣтила та, — это мой братъ.

— Ну, да, братъ во Христвѣ; каждый нищій намъ братъ во Христвѣ.

— Нѣтъ, онъ мой настоящій братъ! — настаивала Милада и разсердилась, когда бѣлица стала ее уговаривать, во-первыхъ, не раздражаться; во-вторыхъ, даже въ шутку не говорить неправды.

— Да, вѣдь, я не говорю неправды, сестра Филиппина, спросите мать настоятельницу, спросите сестру привратницу... — горячо настаивала дѣвочка.

Бѣлица возразила добродушно убѣдительнымъ тономъ:

— Успокойтесь, Марія, не капризничайте; вы давно не капризничали. Не надо повторять прежнихъ ошибокъ, иначе мнѣ придется доложить о васъ, вы отлично знаете, что я должна о всемъ докладывать.

Она поспѣшно взяла тарелку, весело поклонилась дѣтямъ и вышла.

— Монахиня не хочетъ вѣрить, что я твой братъ, — сказалъ Павелъ немного спустя.

Милада снова прижалась щекой къ его щегѣ и шепнула на ухо:

— Я думаю, что она, все-таки, повѣрила.

— Все-таки, повѣрила?... Зачѣмъ же она притворяется? И зачѣмъ ты ей хорошенько не объяснила? Почему ты сейчасъ же за

молчала?... Я молчу, когда правъ, потому что мнѣ пріятно оставлять людей въ дуракахъ. Тогда я думаю: «Что взяли, ослы?» Впрочемъ, тебѣ это не нужно.

— Мнѣ-то! Я молчу не изъ упрямства и высокомерія, какъ ты, а изъ смиренія и самоуничиженія,—она била себя въ грудь, ей личико сіяло гордостью,—чтобы ангелы на небеси радовались на меня!

Ей льстило восхищеніе, съ какимъ братъ смотрѣлъ на нее. Дѣвочка продолжала:

— Павелъ, я не смѣю писать къ матери, но ты долженъ написать ей; напиши, что я постоянно молюсь за нее и хочу непременно быть святой... Да!... и что я о ней забочусь; напиши, что я каждый день чего-нибудь себя лишаю, и каждый день дѣлаю хоть одно доброе дѣло для нея... а ты, Павелъ,—перебила она себя, взяла брата за плечи,—что ты дѣлаешь для нашей матери?

— Я,—отвѣтилъ онъ,—я ничего не дѣлаю.

— Не можетъ быть! Тебѣ надо что-нибудь дѣлать...

— А что? Я не знаю.

— Хочешь, я тебя научу? Ты долженъ подумать, что дѣлать матери, когда она вернется: куда ей дѣться? Гдѣ жить нашей бѣдной матери?

И вотъ, Милада предложила совершенно готовый планъ. Павелъ купить землю и выстроить на ней домъ для матери.

Онъ разсердился.

— Какъ строить домъ, когда у меня нѣтъ денегъ?

— За то у меня есть!—вскричала малютка.—Подожди, я ихъ сейчасъ принесу... сиди смирно и жди.

Дѣвочка поспѣшно выбѣжала вонъ; много времени прошло, прежде, чѣмъ она вернулась. За ней шла привратница и не спускала глазъ съ предмета, который Милада несла въ рукахъ.

— Послушайте,—спросила монахиня,—что вы хотите сдѣлать?

— Я подарю деньги брату; мнѣ разрѣшила мать-настоятельница.

Привратница неодобрительно посмотрѣла на дѣвочку и протяжно спросила: «Правда?»—затѣмъ медленно удалилась, не слышно ступая по полу.

Милада съ торжествомъ помахала вязаными кошелькомъ, севозъ петли котораго блестяли и сіяли серебряныя монеты. Въ немъ заключались ея сбереженія; она получала еженедѣльно отъ баронессы карманныя деньги и отложила тридцать четыре гульдена. Даже

непрактичный Павелъ понималъ, что на такую сумму нельзя купить земли и выстроить домъ. Все-таки, это было основаніе, первая собственность, начало большихъ надеждъ. Дѣти придумывали, какъ увеличить капиталъ. Милада рѣшила, что Павелъ долженъ усердно работать и что-нибудь зарабатывать.

Павелъ возражалъ:

— Какъ мнѣ что-нибудь заработать? Пока я у пастуха, мнѣ ничего не заработать... Да!—вскричалъ онъ,—да, если бы...— У него въ головѣ блеснула мысль; необычайное волненіе вызвало лихорадочное возбужденіе,—если бы мнѣ остаться здѣсь; у васъ въ монастырѣ есть мыза; если бы монахини дали мнѣ мѣстечко...

— Мѣстечко?—спросила Милада и широко открыла глаза.

— Я бы сталъ ходить за быками, лошадьми, коровами, что-нибудь работать; только бы остаться здѣсь и не возвращаться въ деревню. Онъ взялъ сестру за руки и убѣждалъ похлопотать за него у монахинь.

Стоило его неповоротливой фантазіи раскататься,—она неудержимо летѣла впередъ. Онъ будетъ такимъ превосходнымъ работникомъ, что его не замедлятъ назначить надсмотрщикомъ, а тамъ не далеко и до мызника. На заработанныя деньги онъ выстроитъ матери на родинѣ домъ. Пусть она живетъ тамъ; самъ онъ останется съ сестрой; они будутъ часто видаться и разговаривать, какъ сегодня. Если это случится, онъ будетъ счастливъ, сдѣлается честнымъ, покончитъ съ воровствомъ и безобразіемъ; покончитъ съ... Павелъ ждалъ кулаки и погрозилъ невидимому существу: съ Винской, хотѣлъ онъ сказать, но ему пришло въ голову, что этого имени не слѣдуетъ произносить въ присутствіи сестры. Малютка прильнула къ брату, не противорѣчила, слушала его мечты, какъ интересную сказку, и только по временамъ прибавляла красокъ къ картинѣ, которую онъ рисовалъ.

— Хорошо, ты будешь мызникомъ, а я—святой!—весело воскликнула она. Въ это время раздался громкій, протяжный звонъ колокола. Милада глубоко вздохнула.

— Это знакъ,—сказала она.

— Какой знакъ?

— Что тебѣ пора уходить.

— Я не уйду!... Ты же сама сказала, что я могу здѣсь остаться!—вскричалъ Павелъ.

Милада въ смущеніи возразила:

— Что ты? Развѣ я смѣю?

Звонокъ раздался у самой двери; она отворилась; вошла привратница и, не говоря ни слова, продолжала громко звонить.

Въ то же время появилась сестра Филиппина и сказала Павлу:

— Приемный часъ конченъ, давно пора прощаться; скорѣй, скорѣй!

Онъ ничего не отвѣчалъ и не повиновался. Монахиня повторила приглашеніе. Павелъ сидѣлъ на мѣстѣ, опустивъ голову и крѣпко стиснувъ руки. Привратница позвала еще бѣлицу и приказала выводить упрянца; Миладѣ она велѣла оставить комнату. Малютка колебалась. Монахиня приблизилась къ ней и взяла ее за руку.

— Вы пойдете въ классъ, — сказала она, съ трудомъ скрывая дрожаніе въ голосѣ и стараясь напускнуо кротостью побѣдить сопротивление ребенка. Ея темные глаза смотрѣли недоброжелательно, и кроткія слова, обращенныя къ воспитанницѣ, звучали неласково. Малютка прислушивалась къ нимъ съ напряженнымъ, робкимъ вниманіемъ и вдругъ воскланнула:

— Прощай, Павелъ, прощай! — и поспѣшно вышла вонъ.

Павелъ вскочилъ, оттолкнувъ въ сторону бѣлицу, которая хотѣла удержать его, и стремглавъ бросился за Миладой.

— Останься! — кричалъ онъ, — развѣ ты забыла, что мы хотѣли сдѣлать, что должно случиться? Останься и расскажи монахинямъ все. — Онъ становился все необузданнѣе и угрожалъ служительницамъ, которыя рѣшились выпроводить его силой. Мирной обители грозила опасность стать мѣстомъ дѣйствія кулачной расправы. Неожиданно отворилась дверь, ведущая въ садъ, и пропустила рядъ монахинь, во главѣ которыхъ шла настоятельница. Съ кроткой улыбкой на прекрасномъ лицѣ, съ выраженіемъ легкаго удивленія обратила она большіе, ясные глаза на возбужденную привратницу и остановилась въ дверяхъ. Привратница точно окаменѣла, бѣлицы присѣли до половины своего роста, Милада сдѣлала глубокой поклонъ, склонила головку на бокъ и то краснѣла, то блѣднѣла.

— Что такое? Что здѣсь случилось? — спросила настоятельница. Чистый, металлическій звукъ ея голоса былъ такъ же пріятенъ для уха, какъ благородныя черты для глазъ. — Привратница дала нѣсколько сбивчивое объясненіе; при этомъ она не пощадила Павла; настоятельница слушала ее съ чисто ангельскимъ терпѣніемъ; взоръ ея кротко покоился на нарушителѣ тишины.

— Ты хочешь поговорить съ монахинями? — сказала она ему; — говори, дитя мое, онѣ передъ тобой!

При звукѣ ласковыхъ словъ, Павелъ затрепеталъ отъ восторга

и воскресшей надежды, но не рѣшался приступить къ дѣлу. Робко смотрѣлъ онъ на лучезарную, величественную женщину въ темной одеждѣ и не могъ шевельнуть языкомъ. Онъ испытывалъ такое чувство, точно передъ нимъ стояла Пресвятая Дѣва... Когда взоръ его скользнулъ по рукамъ, ему показалось, что въ тонкихъ пальцахъ, скрещенныхъ на поясѣ блеснулъ ключъ отъ неба. Вдругъ, точно сильная рука схватила его и бросила на колѣни; губы тихо и пламенно прошептали:

— Избавленія, избавленія!

Минуту спустя сестра опустилаcь рядомъ съ нимъ на колѣни и стала тоже умолять только громче и смѣлѣй:

— Избавленія, избавленія!... Избавьте его, мать настоятельница.

Та, къ которой обращена была просьба, сдѣлала жестъ, точно желая оборониться, затѣмъ протянула къ Миладѣ обѣ руки, подняла ее и сказала:

— Я не знаю, чего вы хотите? Такъ не просить, и ты, молодой человѣкъ, встань и скажи яснѣе, чего тебѣ надобно?

Павелъ быстро поднялся; его щеки пылали; капли пота выступили на лицѣ; онъ хотѣлъ говорить, но изъ губъ его вылетало одно хриплое бормотанье.

— Скажи за него, чего онъ хочетъ?—обратилась настоятельница къ Миладѣ.

— Ему бы хотѣлось остаться здѣсь!—прошептала дѣвочка въ смущеніи;—онъ бы сталъ ходить за коровами или за лошадьми.

Настоятельница разсмѣялась; разсмѣялись и всѣ ея спутницы, высокія и низкія, толстыя и худыя, добродушныя и строгія.

— Какъ пришла ему такая мысль? Надоумилъ его кто-нибудь?... Сестра экономка, есть у насъ мѣсто на мызѣ?

— Нѣтъ,—отвѣтила одна изъ монахинь.

Павлу показалось, что обѣ женщины молча обмѣнялись взглядомъ.

— Можетъ быть, мызникъ думаетъ отпустить кого-нибудь изъ рабочихъ?— снова спросила настоятельница.— Мальчикъ могъ это узнать раньше насъ; не такъ ли?

— Нѣтъ, я знаю навѣрно, что мызникъ не собирается никому отказывать.

— Такъ, такъ!—протянула настоятельница.— Ты видишь, дитя мое, что дѣлать нечего; приславшіе тебя ошиблись. Иди домой, дитя мое, иди съ Богомъ; а ты, Марія, иди въ классъ!

Она повернулась и пошла дальше. Павелъ бросился къ ней;

благоговѣйный страхъ связывалъ до сихъ поръ ему языкъ; отчаяніе развязало его.

— Ради Бога, милостивая, благословенная начальница, ради Бога, оставьте меня здѣсь; не отсылайте меня въ деревню! — кричалъ онъ, хватаясь за ея платье. — Милада говоритъ, что я долженъ быть честнымъ; въ деревнѣ я не могу быть честнымъ... Здѣсь я буду честнымъ, оставьте меня!... Въ деревнѣ я — воръ и долженъ быть воромъ...

— Дитя, дитя! Что ты говоришь? — перебила настоятельница. — Никто не долженъ воровать; каждый человѣкъ можетъ заработать честный кусокъ хлѣба.

— Я не могу! — закричалъ Павелъ и обернулся къ двумъ монахинямъ, которыя по знаку настоятельницы хотѣли оттащить его. — Я не могу!... Все, что я зарабатываю, Виргилій отымаетъ и пропиваетъ; я за него работаю и ничего не получаю... Миръ долженъ давать мнѣ одежду и не даетъ... Когда Виргилиха идетъ къ нимъ и говоритъ: у парня нѣтъ рубахи, у парня нѣтъ куртки, они отвѣчаютъ: А у насъ нѣтъ денегъ!... Ходить на охоту и въ трактиръ — у нихъ всегда есть деньги...

Настоятельница неодобрительно покачивала головой и дѣлала по временамъ возраженія; Павелъ немедленно разбивалъ ихъ. Молчаливый юноша весь высказался въ правдивой, грубо-жесткой рѣчи. Его слова не были плодомъ долгаго размышленія; они явились слѣдствіемъ сознанія своего несчастія и надежды на избавленіе. Каждое новое обвиненіе противъ своей пріемной матери-общины, каждый порывъ гнѣва и отчаянія онъ заключалъ жалобной просьбой:

— Оставьте меня здѣсь, не отсылайте въ деревню.

Но каждый разъ, когда глаза его обращались со страхомъ или надеждой къ высокой женщинѣ, которой онъ приписывалъ власть измѣнить его злосчастную судьбу, — онъ встрѣчалъ одно и то же кротко-неумолимое выраженіе. Она смотрѣла безконечно-благочестиво, безконечно-безучастно и подобно ей смотрѣли всѣ спутницы.

Туго соображавшій Павелъ, наконецъ, понялъ, что всѣ просьбы напрасны.

— Иди, дитя мое, — сказала настоятельница, — иди съ Богомъ и будь увѣренъ, что гдѣ бы ты ни былъ, Богъ всегда защититъ тебя. Если Господь съ нами, что могутъ намъ сдѣлать люди? Что намъ ихъ дурной примѣръ и испытанія, которыя мы черезъ нихъ переносимъ? Иди съ миромъ, дитя мое, и да хранитъ тебя Богъ.

Она подала знакъ привратницѣ; та поспѣшно открыла двери сѣней. Молча, не прощаясь, пошелъ Павелъ къ выходу. За нимъ

раздался раздирающей душу крикъ. Милада, которая стояла все время неподвижно, съ опущенными глазами и покорно склоненною набокъ головкой, бросилась за братомъ.

— Подожди, я иду съ тобой!—вскричала она; бросилась ему на шею и, осыпая его поцѣлуями, всхлипывала:— Бѣдный Павелъ! Бѣдный Павелъ!

Внѣ себя, она била кулаками монахинь, которыя подошли къ ней и ласково уговаривали успокоиться. Она судорожно всхлипывала и взвизгивала:

— Оставьте меня, я пойду съ нимъ, потому что онъ бѣденъ, потому что онъ—воръ... Посмотрите, посмотрите на него,—онъ въ лохмотьяхъ; ему нечего ѣсть; я тоже хочу ходить въ лохмотьяхъ; я тоже хочу голодать; не хочу быть святой и идти на небо, если онъ будетъ въ аду!

Она кричала, точно хотѣла крикомъ надорвать себѣ грудь. Павелъ, смущенный порывистостью сестры, обрадованный неожиданнымъ выраженіемъ ея любви, сконфуженный и счастливый, въ оцѣпенѣніи смотрѣлъ на нее и не шевельнулся, когда монахини образовали около нихъ тѣсный кругъ, отцѣпили руки малытки отъ его шеи и крѣпко держа ее за ноги и за руки, понесли прочь. Все это дѣлалось очень бережно, безъ малѣйшаго признака нетерпѣнія; лица благочестивыхъ женщинъ выражали только глубокую грусть и искреннее сожалѣніе, когда ихъ воспитанница продолжала сопротивляться.

— Павелъ,—кричала она,—Павелъ, отыми меня!... Уйдемъ, уйдемъ прочь... Пойдемъ вмѣстѣ работать! пойдемъ на каменоломню, какъ прежде, когда мы были маленькими... Я буду о тебѣ заботиться, чтобы ты не былъ воромъ... Отыми меня!... Возьми съ собой... Не уходи одинъ... Если ты уйдешь, я тебя никогда не увижу... Онъ тебя никогда больше не пустятъ ко мнѣ. Никогда! Никогда!...

Ея крики перешли въ рыданія и окончились судорожнымъ кашлемъ. Павелъ жалобно стоналъ. Крикъ Милады о помощи надрывалъ ему сердце, но онъ сохранялъ настолько здраваго смысла, чтобы понять, что ея требованія неисполнимы, и благія намѣренія превышаютъ силы.

Наконецъ, она умолкла,—вѣроятно, отъ истощенія. Павелъ не могъ ее видѣть: ихъ раздѣляли сплошные ряды монахинь. Вмѣсто напряженного голоса сестры мальчикъ слышалъ серебристые звуки, которые успокаивали, уговаривали, убѣдительно, робко, тихо, тихо... Павелъ задержалъ дыханіе и прислушался — малытка

умохла. Только по временамъ слышалось ея всхлипыванье, вырвавшееся изъ глубины измученной груди. Ему казалось, что при этомъ она произносила его имя. Онъ не могъ долѣе выдержать, бросился впередъ, чтобы прорваться черезъ ряды монахинь, скрывавшихъ отъ него сестру. Онъ ожидалъ сопротивленія и ошибся; какъ по командѣ разступились монахини на обѣ стороны, и онъ увидалъ Миладу, которая стояла рядомъ съ настоятельницей и держала ее за руку. Блѣдная, дрожащая, съ заплаканными глазками, склонивъ набокъ головку, она молча смотрѣла въ землю. Ему непреодолимо захотѣлось схватить ее на руки и бѣжать прочь. Двери были отворены; нѣсколько шаговъ—и они на свободѣ, а тамъ пусть монахини попробуютъ догнать его!... А потомъ что? Куда поведетъ онъ сестру? Въ нищенскій уголъ! И онъ побѣдилъ горячее желаніе.

— Подойди ближе,—сказала настоятельница,—сважи сестрѣ своей: прощай!

Онъ исполнилъ приказаніе и по собственному побужденію прибавилъ:

— Въ будущее воскресенье я приду опять.

Малютка снова разразилась слезами и, не подымая глазъ, прошептала:

— Можно ему придти?

— Я не могу обѣщать этого заранѣе,—отвѣтила настоятельница,—это зависитъ не отъ меня, а отъ тебя, отъ твоего поведенія. Твой братъ можетъ приходитъ всегда, когда ты будешь умной, послушной и,—она съ особеннымъ удареніемъ произнесла:—терпѣливой.

— Хорошо!—весело вскричалъ Павелъ. Такое условіе подѣйствовало на него успокоительно. Онъ не могъ понять, почему Милада грустно и недовѣрчиво покачала головкой, когда, обнимая и цѣлуя ее, онъ обѣщалъ непременно придти черезъ недѣлю.

Когда малютку увели, а Павелъ, по приказанію привратницы, оставилъ сѣни и вышелъ на площадь, онъ почему-то размѣялся.

Мальчикъ смѣялся надъ глупою дѣвочкой, которая спокойно перенесла нѣсколько лѣтъ разлуки, а теперь убивалась изъ-за одной недѣли. Бѣдная малютка, какъ она его любитъ! Онъ этого и не воображалъ! Она всѣмъ была готова пожертвовать для него: прекраснымъ домомъ, хорошимъ платьемъ, вкусною ѣдой... и даже небесными благами... Онъ вознаградитъ ее за это; ужъ онъ знаетъ какъ; онъ станетъ достойнымъ ея любви.

Блаженная гордость, счастливая увѣренность охватили все его существо; что-то хорошее, непостижимое наполнило его сердце.

Онъ не могъ дать себѣ отчета, что это такое; онъ не могъ назвать этого чувства; оно было ему такъ ново, такъ чуждо,—онъ впервые испытывалъ счастье. Подъ вліяніемъ совершившагося внутри него чуда, юноша ожидалъ другого извѣст. Медленно шагая впередъ, онъ пришелъ понемногу къ убѣжденію, что въ близкомъ будущемъ его ожидаетъ перемѣна судьбы, что онъ на пути къ началу новой, лучшей жизни.

Павель шелъ почти часъ и едва прошелъ четверть пути; тутъ нагналъ его посланный, который также шелъ изъ города въ деревню; старый знакомецъ, ночной сторожъ Венделинъ Мухъ. Каждое воскресенье, рано утромъ, баронесса посылала его въ монастырь. Онъ приносилъ Миладѣ карманные деньги, письмо настоятелици и подарки для ея бѣдныхъ. Баронесса получала черезъ него недѣльный отчетъ о своей воспитанницѣ.

На этотъ разъ къ обычному отчету настоятелиница на-скоро прибавила слѣдующія строки: «Свиданіе дѣтей не принесло желаннаго результата. Оно пробудило каплю бродяжнической крови, къ сожалѣнію, текущей въ жилахъ нашей любимицы. Мы боимся, что потребуется много времени, прежде чѣмъ удастся изгладить вредъ, который причинило это первое и, если госпожа баронесса захочетъ послѣдовать нашему совѣту, послѣднее свиданіе дѣтей».

УШ.

Подъ вечеръ, когда Павель возвратился назадъ, онъ еще издали увидалъ на улицѣ Виргилиху, которая, казалось, кого-то поджидала. Она окликнула его, ласково поздоровалась и съ участіемъ спросила о путешествіи. Онъ отдѣлался односложными отвѣтами, подозрительно взглянулъ на нее и подумалъ: «что ты лебезишь, старая колдунья?»

Онъ не долго оставался въ неизвѣстности. Настойчивость, съ которой старуха шла за нимъ, робкое упрощиваніе, чтобъ онъ подождетъ ее и не бѣжалъ впередъ, открыли ему глаза.

«Виргилиха хочеть удержатъ меня подалше отъ дома, значить, тамъ происходитъ что-нибудь, чего мнѣ не слѣдуетъ видѣть»... Едва явилось подозрѣніе, какъ онъ бросился бѣжать, быстро достигъ лачужки пастуха, сильно толкнулъ дверь и вошелъ въ сѣни. Павель бросилъ взглядъ въ комнату: Винска, красивая и нарядная, сидѣла на постели и, закрывъ лицо руками, всхлипывала.

Передъ ней стоялъ Петръ, съ миной кающагося грѣшника, красный, какъ ракъ; его шапка, украшенная тремя павлиньими перьями, съѣхала на затылокъ.

Когда Павелъ появился на порогѣ, Винска быстро вскочила и закричала:

— Ты опять здѣсь? Что тебѣ надо? Зачѣмъ пожаловалъ?

Онъ злобно посмотрѣлъ на шляпу Петра, украшенную перьями, и мрачно спросилъ:

— Ему подарила?

На мгновеніе Винска смутилась. Сынъ старосты высокомерно сказалъ:

— Чего собака суется не въ свое дѣло? Это тебя не касается. Проваливай!

Павелъ широко разставилъ ноги, уперся ими въ полъ и грубо проворчалъ:

— Я не для тебя кралъ перья; отдай ихъ Винскѣ!

Петръ повернулъ голову, проворчалъ протяжное, угрожающее: «Ты?!» — и замахнулся на Павла кулакомъ. Въ одно мгновеніе Винска повисла у него на рукѣ всею тяжестью своего сильнаго, упругаго тѣла. Она вытерла о его плечо слезу, блестящую на щекѣ, и прошептала:

— Оставь его; онъ ничего не знаетъ; онъ непроходимо глупъ!

— Кто? — закричалъ Павелъ, и холодный потъ выступилъ у него на лбу.

— Тотъ, кто спрашиваетъ! — отвѣтила дѣвушка. — А теперь слушай и замѣть себѣ: все, что принадлежитъ мнѣ, принадлежитъ и ему, — она ткнула пальцемъ въ грудь Петра, — мнѣ нѣтъ надобности дарить ему что-нибудь, потому что я сама принадлежу ему отъ головы до пятокъ. До тѣхъ поръ, пока онъ желаетъ владѣть мной, — я его, а когда я не буду ему нужна, то утоплюсь въ рѣчкѣ.

Сынъ старосты повторилъ свое: «Ты?!» — но на этотъ разъ оно относилось къ возлюбленной и выражало нѣжный упрекъ. Толстый, самодовольный парень рядомъ съ безпомощною, преданною дѣвушкой казался ничтожествомъ.

— Не рюмь, — сказала Винска, вздыхая, — въ концѣ концовъ мнѣ не миновать рѣчки. Вѣдь, ты не можешь жениться на бѣдной дѣвушкѣ.

— Жениться? Онъ на тебѣ? — Павелъ разразился грубымъ смѣхомъ. — Жениться!... Вотъ что выдумала!

— Никогда, — грустно возразила Винска. — Я никогда ничего не воображала, кромѣ того, что онъ мой первый любовникъ; онъ меня погубить, — многія погибаютъ отъ своихъ первыхъ любовниковъ. Я не могу совладать съ собой и, если узнаю, что Петръ по-

слушался отца и женится на богачкѣ Милославѣ, не говоря ни слова, брошусь въ рѣчку.

— Дитя, дитя!—вскричалъ Петръ, топнувъ ногой, взявъ въ руки ея круглую головку и страстно поцѣловалъ ее въ лобъ.

Павелъ выбѣжалъ вонъ. Онъ отмахивался, точно на него напалъ рой пчелъ, отъ котораго онъ старается избавиться. Затѣмъ, несмотря на усталость, пошелъ безцѣльно бродить по деревнѣ.

«Какое ему дѣло до того, что Винска, несмотря на данное слово, осталась любовницей Петра?—старался онъ убѣдить себя.—А вотъ, что дочь пьяницы Виргилія и его безшабашной супруги вознамѣрилась стать снохой старосты — это непозволительно, чудовищно! Дѣло не обойдется безъ возмездія: Винскѣ не миновать рѣчки».

При одной мысли онъ почувствовалъ рѣзкую, невыносимую боль и въ то же время злобную радость, что врагу придется испытать часть его муки.

Наступили сумерки; все замолкло; тишина раздражала несчастнаго, который не могъ найти успокоенія и усмирить свою бушующую кровь.

Странствуя по деревнѣ, Павелъ приблизился къ дому старосты и остановился противъ него у забора. Въ это время дверь дома отворилась, оттуда вышли два человѣка; Павелъ узналъ ихъ по голосамъ, когда они переходили улицу: это были два старѣйшихъ члена общины.

— Дѣло плохо; онъ недолго протянетъ. Какъ по-твоему?—спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Очень недолго,—отвѣтилъ другой.

«Кто? Бога ради, кто не долго протянетъ?... Староста?» — Павелъ вдругъ припомнилъ, что недавно встрѣтилъ послѣдняго и не узналъ,—до того тотъ перемѣнился.—«Староста боленъ и умретъ, тогда Петръ будетъ самъ себѣ голова и женится на Винскѣ... если захочетъ»...

Крестьяне направились къ трактиру; Павелъ послѣдовалъ за ними, стараясь подслушать ихъ разговоръ, но не въ состояніи былъ разобрать ни одного слова: сильный стукъ и шумъ въ головѣ заглушалъ звуки, приходящіе извнѣ. Мысль, приведшая его на мгновеніе въ бѣшенство, потеряла всю силу передъ другой, не менѣе мучительной, но болѣе чудовищной; онъ въ реальныхъ образахъ видѣлъ то, что недавно считалъ невозможнымъ: ненавистная, горячо-любимая стояла передъ алтаремъ въ вѣнчалномъ головномъ уборѣ, на который не имѣла болѣе права. Онъ почувствовалъ не-

стерпимую боль, душевная борьба его разрѣшилась злобнымъ желаніемъ: «Пусть лучше бросится въ рѣчку!»

Къ шедшимъ впереди крестьянамъ присоединились другіе; гучка остановилась на нѣкоторое время передъ открытою дверью трактира, посудачили и вошли внутрь.

Павель пробрался въ сѣни, идти дальше у него не хватало смѣлости. Комната была полна народу, хотя на этотъ разъ танцевъ и музыки не было: играли въ карты, курили, пили, спорили. Нѣкоторые парни угощали дѣвушекъ мясомъ и виномъ. За однимъ столикомъ, между работникомъ и работницей почтмейстера сидѣлъ Арность; передъ ними стояла кружка пива, изъ которой всѣ трое поочередно прихлебывали. Тщедушный юноша за послѣднее время значительно выровнялся, смотрѣлъ сытымъ, былъ аккуратно одѣтъ и даже обзавелся собственной трубкой. Годъ тому назадъ онъ потерялъ своего безпутнаго отца и съ тѣхъ поръ зажилъ хорошо; онъ зарабатывалъ на содержаніе себѣ и матери, не позволяя старухѣ торговать краденымъ добромъ. Когда она попробовала ослушаться, немилосердно исколотилъ ее.

Съ товарищами дѣтства онъ почти не знался, Павла оставилъ совсѣмъ въ покоѣ, только отъ времени до времени оказывалъ ему маленькія услуги, въ воспоминаніе многихъ пробокъ, которыя тотъ перенесъ за него.

Когда Арность увидалъ подпаска, засматривающаго въ дверь, то обратилъ на него вниманіе своихъ компаніоновъ, — ему показалось, что Павель, по обыкновенію, голоденъ. Маленькое общество поднялось; Арность заплатилъ и, получивъ сдачу съ серебряной монеты, хвастливо бросилъ издали Павлу крейцеръ. Тотъ поймалъ его, съ минуту подержалъ въ поднятой рукѣ, затѣмъ, раскрылъ ее и пустилъ монету на полъ.

Арность закричалъ:

— Глупый малый, сыщи же его, сыщи крейцеръ!

Павель засунулъ руки въ карманы:

— Ищи самъ, я не нуждаюсь въ твоихъ деньгахъ, у меня есть свои! — отвѣтилъ онъ и вытащивъ кошелекъ съ торжествомъ потрясъ имъ въ воздухъ, такъ что серебряные гульденъ зазвенѣли.

— Деньги! У нищаго, оборванца — деньги!

Поднялась суматоха; многіе встали съ своихъ мѣстъ, въ дверяхъ произошла давка. Рабочій схватилъ Павла за шиворотъ, потрясъ и приговаривалъ:

— Откуда у тебя деньги? Откуда? Воръ!

На этотъ разъ юноша долженъ былъ благословлять судьбу, что

его куртка была ветха и немедленно подалась, какъ только онъ уперся ногами въ колѣни рабочаго и сильнымъ толчкомъ вырвался на свободу. Оставивъ кусокъ сѣрой матеріи въ рукахъ непріятеля, Павелъ помчался къ двери и выскочилъ на темную улицу. Несясь по улицѣ, онъ слышалъ за собой топотъ преслѣдующихъ. Въ порывѣ злости онъ обернулся и закричалъ: «Откуда у меня деньги? — укралъ!» — и съ грубымъ хохотомъ помчался впередъ. Толпа деревенскихъ парней, съ Арностомъ во главѣ, грозя и ругаясь, бросилась на голосъ.

Павелъ завернулъ въ переулокъ, который велъ къ площади, гдѣ находилась школа. Въ переулкѣ онъ наткнулся на мирно шагавшаго ночного сторожа, сбиль старика съ ногъ, такъ что тотъ свалился, какъ снопъ, споткнулся о него самъ, быстро вскочилъ и побѣжалъ дальше. Крикъ сторожа показалъ путь потерявшимъ слѣдъ парнямъ. Затравленному оставалось одно — броситься въ школу. Дверь была не заперта; онъ вошелъ, задвинулъ засовъ и вбѣжалъ по лѣстницѣ въ комнату учителя; между тѣмъ Арностъ съ товарищами уже стучали въ дверь и шумѣли на улицѣ.

Хабрехтъ сидѣлъ среди комнаты за столомъ и при яркомъ свѣтѣ небольшой лампочки читалъ. Онъ оперся локтями о столъ, подперъ кулаками щеки; его обыкновенно блѣдное лицо пылало, всегда усталые, тусклые глаза горѣли болѣзненнымъ блескомъ. Точно свалившись изъ другого, чудно-печальнаго міра на скорбную землю, учитель смотрѣлъ полуиспуганно, полусердито на бурно ворвавагося юношу и при этомъ произвольнымъ движеніемъ закрылъ книгу.

— Г-нъ учитель, — задыхаясь бормоталъ Павелъ, — г-нъ учитель, возьмите деньги.

Онъ передалъ свой кошелекъ и быстро, отрывочными фразами, рассказалъ, откуда взялось его богатство, какъ онъ ввелъ въ заблужденіе людей, которые теперь ломятся въ двери.

— Чортъ тебя надоумилъ! — привѣтствовалъ его Хабрехтъ; подошелъ къ окну, открылъ его и закричалъ изъ всѣхъ силъ, чтобы буяны убились. Онъ арестуетъ мальчика и завтра самъ сведетъ къ старостѣ. Слова не подѣйствовали, учителю пришлось спуститься для переговоровъ внизъ, чтобы помѣшать буянамъ высадить дверь. Пока старикъ велъ переговоры, Павелъ стоялъ среди комнаты, съ пылающей головой, плотно прижавъ къ груди злосчастное сокровище.

«Никогда, никогда больше не буду такъ говорить!» — думалъ онъ. Безконечно долго тянулось время, наконецъ, шумъ стихъ. Ар-

ность съ компаніей направился назадъ, и долго еще доносились ихъ возбужденные голоса. Учитель вошелъ въ комнату, онъ былъ разгоряченъ, его жидкіе, торчащіе волосы были въ страшномъ безпорядкѣ.

— Наконецъ-то, ушли, — сказалъ Павелъ.

— Только бы не вернулись! — проворчалъ Хабрехтъ.

— Пусть сунутся, — сказалъ Павелъ, выразительно глядя на кувшинъ съ водой, который стоялъ въ уголѣ, возлѣ кровати. — Пусть, вернутся, я окочу ихъ водой!

— Успокойся, ты этого не сдѣлаешь. Лучше подумаемъ, куда спрятать твои деньги. Смотри сюда!

Учитель отодвинулъ столъ къ стѣнѣ и приподнялъ часть пола, на которой онъ стоялъ. Подъ нимъ оказалось незначительное пустое пространство, куда старикъ положилъ книгу, за которой его засталъ Павелъ, и деньги. Затѣмъ тщательно закрылъ отверстие.

Мальчикъ внимательно наблюдалъ за учителемъ и, когда все было приведено въ порядокъ, столъ поставленъ на прежнее мѣсто, спросилъ:

— Что это за книга? Волшебная?

Хабрехтъ разсвирѣпѣлъ:

— Глупо и нахально! Ты не знаешь, что меня всего больше огорчаетъ! Хочешь, чтобы я также сталъ твоимъ врагомъ, мало у тебя ихъ? Я часто удивлялся, — все болѣе разгораясь продолжалъ онъ, — что всё противъ тебя; ничего нѣтъ удивительнаго, иначе быть не могло, ты самъ кругомъ виноватъ. Кого ты любишь? Кого уважаешь?... У тебя даже во мнѣ нѣтъ капли уваженія... Волшебная книга!

Онъ повторилъ это слово съ новымъ взрывомъ негодованія и укоризненно потрясъ поднятыми вверхъ руками.

Павелъ покраснѣлъ, надулся, губы задрожали, точно онъ хотѣлъ разразиться слезами. Однако, онъ овладѣлъ собой и собравшись съ силами объявилъ учителю, что съ нынѣшняго дня рѣшилъ начать новую жизнь, какъ обѣщаль утромъ сестрѣ.

Учитель вздрогнулъ и мрачно засмѣялся.

— Правильно поступлено, юноша на вѣрной дорогѣ; умно задумалъ — безумно сдѣлалъ, бѣло началъ — черно кончилъ.

Онъ схватился за голову и съ мучительной болью простоналъ:

— Глупый малый, бѣдняга! мнѣ это знакомо, я бы могъ кое-что поразсказать — не тебѣ, — прервалъ онъ себя, махая указательнымъ пальцемъ подъ носомъ Павла. — Не для тебя такіе рассказы, — сказалъ онъ, замѣтивъ съ какимъ напряженнымъ ожиданіемъ смотрѣлъ

на него мальчижь.—Еще рано, можетъ быть, позже, когда ты будешь разумнѣе, сознательнѣе. Теперь ты только получаешь раны, но мимоходомъ, поверхностныя, неглубокія; погоди, пока онѣ изъязвятъ тебя, тогда вспомнишь обо мнѣ, позже—въ старости. Тогда ты узнаешь, что всего хуже страдать подь старость отъ безумныхъ поступковъ, совершенныхъ въ юности. Не особенно крупныхъ, многіе поступаютъ гораздо хуже и живутъ себѣ преспокойно въ мирѣ съ собой и людьми. Заносчивость, дурацкое хвастовство, ничтожная ложь—и здѣсь адъ крошечный!

Онѣ билъ себя въ грудь кулакомъ, потомъ сѣлъ на стулъ, опрокинулся головой на столъ и замолчалъ. Долго лежалъ онѣ, вздрагивая, какъ въ лихорадкѣ. Павелъ съ состраданіемъ смотрѣлъ на него и не смѣлъ пошевелинуться. Что же дѣлалъ г-нъ учитель?... всхлипывалъ? Отчего вздрагивало его щедущее тѣло, точно потрясенное неудержимыми рыданіями? Боже мой, чѣмъ огорчается человекъ? Какую несправедливость испыталъ онѣ въ юности? Отчего подь старость не можетъ жить спокойно?... Вообще, Павелъ не былъ любопытенъ, однако, охотно узналъ бы тайну учителя и также охотно помогъ бы ему, а съ нимъ вмѣстѣ и себѣ. Онѣ даже придумалъ какимъ образомъ. Весь день въ головѣ его шла бурная работа.

— Г-нъ учитель,—началъ онѣ, приближаясь и тихонько ударяя его пальцемъ по плечу.—Г-нъ учитель, послушайте, я хочу вамъ кое-что сказать.

Хабрехтъ поднялъ голову, мрачно улыбнулся и сказалъ:

— Ты еще здѣсь, глупый малый, ступай домой. Ступай,—повторилъ онѣ строго, послѣ того какъ первое приказаніе осталось безъ послѣдствій.

Павелъ не шелохнулся и стоялъ, какъ воплощенная рѣшимость. Спокойно глядя учителю въ глаза, онѣ заявилъ, что не пойдетъ сегодня домой и начнетъ новое дѣло. Онѣ уже хотѣлъ начать его въ монастырѣ, но тамъ оно не выгорѣло, поэтому онѣ просилъ у г-на учителя позволенія начать дѣло здѣсь.

— Что начать?—спросилъ тотъ.

— Новую жизнь,—отвѣтилъ Павелъ и поразительно разумно объяснилъ, какъ онѣ ее себѣ представляетъ.

Въ монастырѣ онѣ усердно просилъ, чтобы его оставили; учителю же общалъ точно въ утѣшеніе, что съ этихъ поръ останется у него и будетъ заботиться, чтобы изъ ихъ совмѣстной жизни былъ прокъ для обоихъ.

Учителю часто приходилось сердиться на небрежность, съ ка-

кой община относилась къ своимъ обязанностямъ: поля, принадлежащія школѣ, стояли необработанными. Теперь онъ займется полями и также садомъ; пусть посмотрятъ, какъ они преобразятся и долго ли садъ останется пустыремъ. Медленно излагалъ Павелъ свои планы: платы за трудъ ему не нужно, — онъ выговаривалъ себѣ только кровъ и пропитаніе. Деньги можно заработать глубокой осенью и зимой на фабригѣ, гдѣ платятъ гульденъ въ день. Когда накопится тысяча гульденовъ, онъ купитъ клочокъ земли и выстроитъ на ней домъ.

Сестра, съ своей стороны, будетъ продолжать копить; онъ будетъ по возможности часто навѣщать ее, — тяжело ему было такъ долго не видаться съ ней. Подъ конецъ онъ опять заговорилъ въ успокоительномъ тонѣ и обѣщалъ, аккуратно каждый вечеръ проводить съ учителемъ, «чтобы вы не были такъ одиноки; при мнѣ вы почитаете свою, — онъ чуть не сказалъ волшебную книгу, но къ счастью проглотилъ первое слово и произнесъ только второе, — а я буду считать свои деньги».

Хабрехтъ предоставилъ ему говорить и только по временамъ со вздохомъ бормоталъ: «Глупый малый!» Однако Павелъ замѣтилъ, что учитель не совсѣмъ отрицательно относился къ его планамъ.

— Все это прекрасно, — сказалъ онъ, наконецъ, — или, по крайней мѣрѣ, не такъ глупо, какъ отъ тебя можно было ожидать; но мы ничего не смѣемъ предпринять безъ разрѣшенія общины.

— Съ ней не трудно поладить: стоитъ только г. учителю приняться за дѣло, — думалъ Павелъ. Онъ съ непоколебимою твердостью выразилъ свое мнѣніе и на всѣ возраженія съ упорнымъ терпѣніемъ повторялъ одинъ и тотъ же доводъ, до тѣхъ поръ, пока учитель не сдался.

— Ну, Богъ съ тобой, оставайся, если тебя ничѣмъ не выживешь, репейникъ!

Тогда Павелъ радостно прыгнулъ, такъ что полъ заскрипѣлъ и задрожалъ.

— Я зналъ, что г. учитель мнѣ поможетъ!

Учитель велѣлъ ему умѣрить дикіе порывы и неуклюжія движенія; самъ, ворча, но съ глубоко-искреннимъ выраженіемъ на блѣдномъ старческомъ лицѣ, занялся приготовленіемъ къ водворенію и угощенію гостя. Павелъ получилъ кусокъ хлѣба съ масломъ, такого вкуснаго, какого ни раньше, ни нозже ему не приходилось пробовать. Затѣмъ, учитель открылъ дверь въ чуланчикъ рядомъ съ комнатою, бросилъ на полъ толстый войлокъ и сказалъ:

— Растягивайся и храни!—покрылъ новаго жильца плащемъ и заперъ дверь.

Павелъ остался въ темнотѣ и охотно послѣдовалъ бы совѣту учителя, но это ему не удалось: все существо его ликовало! Итакъ, новая жизнь началась. Онъ не лежитъ дрожа и скорчившись въ сѣняхъ у пастуха, гдѣ пронизывающій, леденящій вѣтеръ дуетъ во всѣ щели. Онъ покрытъ теплымъ плащемъ; въ чуланѣ чудесно пахнеть разными вещами: старымъ платьемъ, персидской ромашкой, сапогами, кислымъ молокомъ. Какъ хорошо! Онъ заранѣе предвкушаетъ радость Милады, когда она узнаетъ о его счастьи! При мысли о сестрѣ онъ закрылъ глаза, а когда снова открылъ ихъ, серпъ молодого мѣсяца глядѣлъ въ окно. Павелъ привѣтствовалъ его словами: «Ты тоже начинаешь новую жизнь; мы начинаемъ вмѣстѣ!» И несмотря на новую обстановку, на то новое, что въ немъ начинало бродить и пускать ростки, онъ впервые послѣ долгаго, долгаго времени испыталъ чувство человѣка, вернушагося на родину. Онъ вспомнилъ, какъ въ былыя времена проводилъ ночи съ отцомъ и матерью подъ навѣсомъ каменоломни, въ чужихъ людяхъ, но все-таки дома, потому что вся домашняя нищета была съ собой. И вотъ, у него снова свой уголь, даже гораздо лучшій, чѣмъ прежде: не придется бояться отца, а мать далеко... Положимъ, мать вернется и тогда... Дрожь пробѣжала по всему тѣлу; онъ плотнѣе закутался въ плащъ и произнесъ краткую, выразительную молитву: «Милосердый Боже, ты видишь, что я вступилъ на правильный путь; теперь, милосердый Боже, позаботься, чтобы мнѣ не пришлось его покинуть».

IX.

На слѣдующій день, когда учитель пришелъ къ старостѣ, тотъ лежалъ въ постели. Собственные страданія сдѣлали его совершенно равнодушнымъ къ несчастію ближняго. Какъ только Хабрехтъ заговаривалъ о Павлѣ, староста сводилъ рѣчь на себя, на свои страданія, жаловался на врача, который радъ выманивать денежки, а помогать не помогаетъ. То ли дѣло, какъ вылѣчили его работницу! Ту самую, которая недѣли двѣ тому назадъ отъ слабости едва держалась на ногахъ. Теперь она бодрa и здорова. А почему? Потому что съ самаго начала и слышать не хотѣла о докторахъ, а прямо послала за снабдьемъ къ женѣ пастуха. Средство помогло, черезъ часъ больная стала поправляться.

— Хм, хм!—проворчалъ учитель и снова заговорилъ о Павлѣ, на что больной вторично рассказалъ исторію исцѣленія дѣвушки.

— Бакъ же вы рѣшите относительно Павла?—спросилъ учитель и получилъ, наконецъ, отвѣтъ:

— Обратитесь къ остальнымъ членамъ общины.

Хабрехтъ обошелъ всѣхъ членовъ поочередно; его выслушивали серьезно и терпѣливо, и каждый говорилъ:

— Прежде всего, вамъ надо спросить старосту.

— Староста послалъ меня къ вамъ.

— Да? Тогда надо спросить остальныхъ.

Мирныя бесѣды поодиначѣ не привели никого къ самостоятельному рѣшенію или къ выясненію мнѣній. Хабрехтъ боялся дѣйствовать слишкомъ настойчиво, чтобы не возбудить въ столпахъ деревни подозрѣнія, что онъ хлопочетъ изъ корыстныхъ цѣлей. Онъ пошелъ, наконецъ, въ замокъ, чтобы тамъ похлопотать о своемъ протезе, но попалъ не въ добрый часъ. Письмо изъ монастыря достигло цѣли. Баронесса жестоко упрекала себя въ слабости, слѣдствіемъ которой было свиданіе дѣтей. О Павлѣ она не желала слышать, была сильно раздражена противъ него и посоветовала учителю, разъ навсегда, оставить негодя на произволь судьбы.

Прошла недѣля. Виргилій ежедневно приходилъ за Павломъ въ школу; но юноша или скрывался, или оказывалъ открытое сопротивленіе. Потерявъ терпѣніе, пастухъ съ женой отправились къ старостѣ, чтобы силою его власти принудить питомца вернуться. Больной обѣщалъ исполнить все, о чемъ они просили и, послѣ cadaго, съ трудомъ произнесеннаго слова, умоляющимъ взоромъ смотрѣлъ на цѣлительницу; наконецъ, охая указалъ на правый бокъ:

— Здѣсь!... Здѣсь сидитъ дьяволъ!

— Боже мой, Боже!—заговорила женщина. — Справа? Да, справа!... Вотъ гдѣ болитъ; это—печень!

— Печень?... Ну, да—она хоть что-нибудь говорить!... Она говорить, что это печень. Докторъ не говорить, что это печень; онъ ничего не говорить.

— Ничего не говорить и ничего не понимаетъ,—сказала женщина, дѣлая презрительную гримасу. — Не умѣть даже облегчить страданій; ничего не умѣть! — Виргилиха подняла сложенные руки къ губамъ и бормотала сѣвось пальцы:—Господи, Боже мой! Когда подумаешь, что такъ легко помочь г. старостѣ!

Больной поднялся на постели:

— Ты увѣрена?... Ну, такъ помоги мнѣ!

— Кабы я смѣла, — перебила она, бросая искоса хитрый взглядъ. — Кабы я смѣла кое-что прислать!... Черезъ двѣ недѣли вы бы поправились.

— Такъ присылай лѣкарство, присылай! Только держи языкъ за зубами... понимаешь?...

Онъ остановился, боязливо прислушался къ приближающимся шагамъ и голосамъ и прибавилъ тихонько:

— Когда стемнѣетъ, я пришлю работницу!

— Я пришлю лучше малаго; вы ему встать намыльте голову и скажите: «живи тамъ, куда тебя отдали». Пусть дѣвушка покараулитъ его у сараевъ.

Староста утвердительно кивнулъ головой.

— Въ девять! Уходите! Уходите!

Виргилій съ женой быстро исполнили приказаніе, но въ дверяхъ столкнулись съ Петромъ и съ докторомъ. Нослѣдній строго спросилъ непрощеннаго коллегу, что ей здѣсь надо? Петръ подозрительно осмотрѣлъ стариковъ.

Супруги молча поплелись домой.

Придя въ хижину, старуха покопалась въ ящикъ и вынула грязную коробку, обернутую тряпичей, откуда достала два пузырька. На одномъ изъ нихъ была этикетка городской аптеки съ надписью: «Ромашковыя капли». Вторая содержала въ себѣ буровато-желтую жидкость съ густымъ бѣлымъ осадкомъ.

Женщина внимательно посмотрѣла пузырекъ на свѣтъ и затѣмъ принялась медленно взбалтывать жидкость. Виргилій сѣлъ на скамью.

— Что ты дѣлаешь?—спросилъ онъ неожиданно.—Или хочешь помочь? Оставь его.

— Кто ему поможетъ!—отвѣтила жена.—Онъ уже въ лапахъ смерти!

— Въ лапахъ смерти?... Что ты задумала?... Не мѣшайся въ это дѣло!

Она пожала плечами.

— Съ полгода или годъ онъ еще можетъ протянуть.

— Съ годъ?—смущенно произнесъ Виргилій; подумалъ и вдругъ злобно всеричалъ:—замѣтила, какъ обошелся съ нами сынокъ?

— Изъ страха передъ отцомъ,—возразила жена.—Онъ готовъ насъ исколотить изъ трусости. И на ея долю перепадетъ не мало колотушекъ—только позже!—Она съ особеннымъ удареніемъ произнесла послѣднее слово и сверкнула своими кошачьими глазами.—Позже, когда выдохнется влюбленность, а она быстро выдыхается. Знаю я этихъ мерзавцевъ! Тогда милая только и услышитъ: «Проваливай-ка, на кой ты мнѣ!» Дѣвчонка знаетъ, что этимъ кончится! Куда ей тогда сунуться—одна дорога въ рѣчку.

Виргилий испуганно вскрикнулъ и три раза перекрестился:

— Спаси, Господи, неразумную дѣвушку!

— Нашу не спасти, — возразила старуха съ глубокимъ убѣжденіемъ, — она себя погубить!

— А можетъ и не погубить?!

— Дожить бы только до этого!

— Доживемъ! Предположимъ, что плуту нечего будетъ больше бояться. Что тогда?

— Тогда онъ возьметъ ее; на свѣтѣ будетъ одной несчастной дѣвушкой меньше. Хорошо, кабы старикъ скорѣе померъ; теперь, пока еще Петръ зарится на нее... Ахъ, еслибъ это случилось! кабы только!... — старуха разразилась смѣхомъ: — тогда и онъ отвѣдаетъ колотушекъ!

Сначала Виргилий принималъ участіе въ ея шумномъ весельѣ, но скоро замолчалъ, притворно сложилъ губы и, глубоко вздыхая, произнесъ:

— Дай Богъ, чтобы милосердый Господь поскорѣе разрѣшилъ душу бѣднаго старосты!

— Можетъ быть, Господь пошлетъ, — сказала сурово старуха. — Теперь иди и приведи малаго.

— Онъ не пойдетъ.

— Скажи, что староста велѣлъ.

— Все равно, не пойдетъ.

— Ну, такъ скажи, что за нимъ прислала Винска.

Пастухъ всталъ и направился къ выходу. Тамъ онъ остановился, оглянувшись назадъ и скавалъ:

— Слушай, не помогай ему, но и вреднаго давать не смѣй!

Она сердито взглянула на старика.

— Ладно, тамъ посмотримъ!

Цѣлыхъ два часа заставилъ себя ждать Павелъ. Онъ пришелъ почти ночью, постучалъ въ дверь и спросилъ Винску. Малаго нельзя было уговорить войти въ хижину.

Провожавшій его пастухъ прислонился къ стѣнѣ и стоялъ неподвижно. У сосѣдей царилъ мертвая тишина, нарушаемая по временамъ сильнымъ храпѣніемъ Арноста, который спалъ подъ окномъ. На порогѣ показалась Виргилиха.

— Винска уже спитъ, — сказала она, — теперь ты ее не увидишь; зачѣмъ пришелъ такъ поздно? Тебѣ надо скорѣе идти къ старостѣ.

— Инѣ?

— Ты долженъ самъ попросить, чтобъ онъ позволилъ тебѣ

остаться у г-на учителя, — она понизила голосъ до едва слышнаго шепота, — и также снести ему снадобье.

— Ага!

Павель тотчасъ догадался, въ чемъ дѣло. Ему не впервой приходилось исполнять роль тайнаго посла своей принципалки; онъ раздѣлялъ вѣру всей деревни въ ея искусство и цѣлебное свойство ея медикаментовъ. Онъ протянулъ руку и сказалъ:

— Давайте!

Виргилиха вручила ему пузырекъ съ мутной жидкостью и строгойше предписала, принять всѣ мѣры предосторожности:

— Иди черезъ садъ, — заключила она, когда юноша уже потерялъ терпѣніе и слушалъ ее изъ пятаго въ десятое, — держись подальше отъ улицы, чтобы не попасться на глаза ночному сторожу. Работница знаетъ, что ты придешь; она отопретъ тебѣ.

Въ два прыжка Павель очутился въ полѣ; одну минуту на темномъ горизонтѣ мелькнулъ его силуэтъ и исчезъ.

Старуха подошла къ мужу, взяла его за руку и протащила за собой нѣсколько шаговъ.

— Бѣги за малымъ и скажи ему: «жена совсѣмъ было забыла: вотъ это надо сейчасъ выпить и пузырекъ прислать назадъ; она его истолчетъ въ ступкѣ, а порошокъ разсыплетъ на семи бротовыхъ норкахъ; безъ этого снадобье не поможетъ». Скажи все это и отдай лѣкарство.

Она всунула ему въ руку маленькій холодный предметъ, отъ прикосновенія котораго онъ содрогнулся.

— Ради Бога, тутъ что-нибудь вредное?

— Это противъ болей; онъ утихнутъ.

Онъ разсердился:

— Зачѣмъ не отдала ты всего сразу мальчишкѣ? Зачѣмъ еще мнѣ ходить?

Старуха захихикала:

— Чтобы, если стряется бѣда, ты не могъ сказать: «я ничего не зналъ». Чтобы мнѣ не попасться одной, если дѣло сорвется; вотъ почему, дармоѣдъ. Ну, проваливай...

Пастухъ отошелъ отъ жены и сказалъ:

— Я не пойду!

— Тогда пусть онъ мучится! Одному Богу извѣстно, сколько придется несчастному еще страдать. Родной сынъ не могъ бы ничего лучше сдѣлать, какъ освободить его отъ мученій. Онъ еще будетъ просить сына: «Убей меня, а то я тебя прогляну!...» Ступай, ступай же!.. Ты еще упираешься?... Ну, что же! пусть ег

мучается, какъ искусанная собака, а Винска тѣмъ временемъ бросится въ рѣчку; пусть проклинаетъ сына и самъ лишается вѣчнаго блаженства.

Она говорила медленно, съ сильнымъ и убѣдительнымъ краснорѣчіемъ. Виргилій судорожно вздрагивалъ подъ градомъ ея словъ, точно отъ укола тысячи иголокъ.

— Доброе дѣло, — заключила она, — дѣло христіанскаго чело-вѣколюбія избавить ближняго отъ мученій. Настоящій чело-вѣкъ сдѣлалъ бы это для Бога.

Старикъ тяжело дышалъ; ему страшно было глядѣть на жену, у которой въ темнотѣ глаза блестѣли фосфорическимъ свѣтомъ.

— Для Бога!... Значить, для Бога, — повторилъ онъ, повернувшись и двинулся въ путь.

Переулокъ, куда завернулъ пастухъ, состоялъ изъ нѣсколькихъ амбаровъ и изгороди старостина сада. Дойдя до угла, Виргилій остановился. У изгороди что-то зашуршало... Старикъ услышалъ шепотъ, — нѣжный шепотъ влюбленныхъ, вздохъ, ласку, поцѣлуй, прощанье на одну ночь, точно влюбленные разставались навѣки... «Наша парочка», — подумалъ Виргилій, — ишь, мерзавецъ, ласкается и цѣлуетъ, а я долженъ ради него идти на преступленіе... Долженъ ли?... Вчера я былъ на исповѣди и черезъ мѣсяцъ пойду опять... Въ этомъ нельзя будетъ покаяться... За это нѣтъ прощенія... За это — адъ!» Прошлое воскресеніе священникъ говорилъ объ адѣ и наглядно рисовалъ его муки.

Пастухъ все шелъ впередъ; зубы его стучали, въ груди громко хрипѣло. Скрежетъ зубовъ и хрипъ — это начало ада; онъ уже носить его внутри себя... Ночной мракъ, его окружающій — это внѣшній адъ... Что такое движется передъ нимъ? Какая-то широкая, черная тѣнь, чернѣе ночи. «Это Павелъ!» — блеснуло въ хаосѣ его мыслей. — Okликни его, окликни!... — убѣждаетъ себя старикъ. — Зачѣмъ? Чтобъ отдать ему ядъ... — онъ не могъ окончить мысли. Ему казалось, что голова его растетъ и принимаетъ размѣры десятиведерной бочки; ноги слабѣютъ и становятся тонкими, какъ плети; слабыя ноги должны нести неимоверно большую голову и адъ, влопочущій въ груди! Это невозможно, совершенно невозможно... Что случилось? Милосердый Боже!... Черная тѣнь мѣняетъ форму, — это не Павелъ; это воплощенный дьяволъ, по слѣдамъ котораго идетъ Виргилій; дьяволъ даже ни разу не оглянулся, — онъ такъ увѣренъ, что старикъ идетъ за нимъ. У пастуха закружилась голова и потемнѣло въ глазахъ. «Нѣтъ, — закричалъ

онъ, — нѣтъ! Я этого не сдѣлаю! Царь Небесный, пресвятая Троица, простите мои беззаконія!»

Отъ святого имени призракъ исчезаетъ. Къ старику нагибается Павелъ и спрашиваетъ:

— Что вы здѣсь дѣлаете?

— Я, я? — заикается Виргилій и плотно обхватываетъ его обѣими руками. — Я, ничего! Я долженъ былъ нести ядъ, но не понесу...

Онъ поднялся, крѣпко держа Павла за руку, раздавилъ пузырекъ и бросилъ осколки на землю.

— Смотри на меня, — закричалъ онъ, — останься здѣсь и смотри на меня!

— Пустите; вы опять пьяны, — сказалъ юноша, вырвался изъ рукъ Виргилія и перепрыгнулъ черезъ заборъ.

На слѣдующее утро Павелъ только что проснулся отъ глубокаго сна. Дверь чуланчика, который учитель отдалъ ему вмѣсто комнаты, быстро отворилась; въ полумракѣ сѣраго осенняго дня показался учитель и закричалъ:

— Встань поскорѣе, надо благоувѣстить по покойникѣ.

— По комъ? — спросилъ Павелъ, вытягивая одеревенѣвшіе члены.

— По старостѣ.

Юноша вскочилъ, какъ ужаленный.

— Онъ умеръ; я иду туда; позаботься о благоувѣствѣ, — сказалъ Хабрехтъ и быстро вышелъ.

Павелъ удивился и перепугался. Староста, которому онъ снесъ вчера лѣкарство, не поправился! умеръ... не поправился!... Средство не помогло! На то воля Божья. Милосердый Господь пожалѣлъ Павла. Можетъ быть, Онъ допустилъ старосту умереть, чтобы тотъ не принудилъ Павла жить у пастуха.

Юноша выбѣжалъ изъ дому, перебѣжалъ дворъ, влѣзъ на колокольню и заблагоувѣстилъ; онъ звонилъ съ благоувѣніемъ, ревностно, съ торжественной медлительностью и при этомъ про себя горячо молился объ успокоеніи души усопшаго. Спускаясь съ колокольни, онъ встрѣтилъ священника, который возвращался съ Дарами отъ усопшаго и направлялся въ церковь. Павелъ упалъ на колѣни; священникъ бросилъ на него взоръ, полный упрека и осужденія, такъ что юноша весь съежился отъ страха и, ударяя себя въ грудь, спрашивалъ: «Почему онъ сердится на меня? Можетъ быть, онъ также думаетъ, что староста долженъ былъ умереть изъ-за меня?»

Павель вернувся въ школу и только что вошелъ въ свою комнату, какъ къ нему шмыгнула Винска. Растерянная, вѣ себя, она едва накинута на плечи одежду; платокъ съѣхалъ съ растрепанной головы на затылокъ; лицо было смертельно блѣдно. Въ порывѣ безумнаго отчаянія она бросилась Павлу въ ноги.

— Сжался, сжался!— кричала она, — ты лучше всѣхъ насъ! Милый Павель, ты добръ, сжался надъ нами... Мы всегда плохо поступали съ тобой, но, все-таки, сжался; сжался надъ старикомъ, сжался надъ матерью, сжался надо мною!

Она прижималась лицомъ къ его колѣнямъ, обнимала ихъ и умоляющимъ взоромъ смотрѣла ему въ глаза. Онъ былъ блѣднѣе дѣвушки; злобная радость наполняла все его существо.

— Что тебѣ надо?— спросилъ онъ.

— Павель, — отвѣтила дѣвушка и плотнѣе прижалась къ нему, — пузыречекъ, который ты отнесъ вчера, нашли у мертвого въ рукахъ; всѣ говорятъ, и также Петръ, что въ пузырькѣ былъ ядъ.

— Ядъ?— ему вспомнилась ночная сцена съ Виргилиемъ. — Да, твой старикъ болталъ что-то про ядъ... Змѣиное отродье! Вы задумали отравить старосту...

— Видитъ Богъ, — увѣряла Винска, — я ничего не знала... И также, клянусь тебѣ, не случилось ничего дурного... Повѣрь мнѣ, староста умеръ отъ болѣзни, только раньше, чѣмъ рассчитывалъ докторъ; средство, которое ты отнесъ, было хорошее... На судѣ разберутъ. Петръ хочетъ довести дѣло до суда.

Въ страшномъ возбужденіи, порывисто дыша, она съ трудомъ выговаривала послѣднія слова и неподвижно уставилась въ глаза Павлу.

— Если это такъ, чего же ты боишься?— спросилъ Павель.

— Чего? Видно, не знаешь людей? Если мать попадетъ подъ судъ и будетъ оправдана, скажутъ: оправдана не значитъ невиновна... Мать не должна быть подъ судомъ... Павель, Павель!

Она жалобнымъ тономъ повторяла его имя и, извиваясь, какъ змѣйка, льнула къ нему.

Всей душой желая устоять противъ искушенія, полный ненависти и непріязни, онъ пожиралъ ее глазами.

— Я не могу помочь вамъ, — пробормоталъ онъ.

— Можешь, если захочешь, тебѣ достаточно сказать слово... скажи его, милый, дорогой Павель!

— Что сказать?

— Что тебя никто не посылалъ, — робко пробормотала она, — что ты пошелъ къ нему самъ по себѣ.

— Самъ по себѣ! — рѣзко оборвалъ онъ. — Съ какой стати пошелъ бы я къ нему? И что могъ я ему снести? Нивакихъ снадобій у меня нѣтъ!

— Ахъ, милый, безцѣнный, у пастуха всегда есть снадобья. Вѣдь, ты не разъ варишь травы для больныхъ козъ и овецъ, тебѣ могло придти въ голову, что человѣку поможетъ то, что помогало животнымъ... Скажи такъ, Павличекъ, когда тебя будутъ спрашивать. — Она поцѣловала его въ горячія губы, чему онъ болѣе не сопротивлялся. — Скажи такъ, а потомъ рассказывай, какъ было на самомъ дѣлѣ, какъ ты пробрался къ нему въ комнату, что онъ сказалъ, какъ на тебя смотрѣлъ.

— Да, онъ ничего не сказалъ.

— Ничего не сказалъ?

— Ничего, только страшно тарацилъ глаза.

— А ты?

— А я просилъ его оставить меня у г-на учителя.

— А потомъ? Дальше, Павличекъ, дальше!

— Потомъ онъ помоталъ головой, — нѣтъ, нѣтъ, вытарацилъ глаза на пузырьекъ и сдѣлалъ знакъ, чтобы дать ему лѣкарства.

— И ты далъ?

— Да.

— При этомъ никого не было?

— Никого.

— А служанка? Развѣ она осталась за дверью?

— Она осталась на дворѣ.

— А что она сказала?

— Она сказала: «Дай Богъ, чтобы лѣкарство помогло!»

— А ты?

— Я тоже сказалъ: «Дай Богъ!»

— Когда ты вернулся въ садъ, тамъ никого не было?

— Петръ, — грубо отвѣтилъ юноша. — Онъ услыхалъ меня и что-то крикнулъ въ догонку.

— Хорошо, прекрасно, ты долженъ все это объяснить, — прошептала Винска и такъ крѣпко обняла его, точно хотѣла задушить.

— Съ тобой ничего не случится, а намъ ты поможешь... я еще разъ прошу тебя: сжался, сжался надъ нами.

Она смотрѣла на него, какъ погибающій на спасителя, въ рукахъ котораго находится его судьба. Злорадное сознание сильно наполняло грудь злосчастнаго юноши.

— Что мнѣ будетъ, если исполню твою просьбу? — спросилъ

онъ заносчиво и схватилъ ее за руки. — Прогонишь тогда Петра и возьмешь меня на его мѣсто!

Неистовая злоба исказила ее черты; въ порывѣ ярости она забыла благоразуміе.

— Дуракъ, этого еще не доставало! — почти прокричала она, стараясь вырваться изъ его объятій.

Онъ глумился надъ ней.

— Не хочешь? Зачѣмъ же цѣлуешься со мной и называешь безцѣннымъ?... Тебѣ хочется, чтобъ я пошелъ за васъ въ судъ, а Петръ на тебѣ женился? Такъ что ли?

— Такъ, — отвѣтила она мрачно, — это необходимо, глупый малый!...

Она отступила нѣсколько шаговъ назадъ и заломила руки за голову.

— Мнѣ нужно или женой войти въ домъ старосты, или... въ рѣчку.

— Тебѣ нужно, нужно, нужно? — Онъ понялъ и мучительно простоналъ: — Негодница!

Глаза ее закрылись, по щекамъ потекли слезы.

— Я думала, что ты меня любишь и поможешь, — сказала она мягкимъ голосомъ, — а ты не хочешь.

Она замолчала. Отъ злобы и боли ему перехватило дыханіе. Съ минуту они молчали, стоя другъ противъ друга. Онъ — охваченный желаніемъ броситься на нее и задушить, она — готовая на все безъ сопротивленія.

— Винска, — сказалъ онъ, наконецъ, и, несмотря на грубость тона, къ ней вернулась надежда.

— Что, мой милый, дорогой Павелъ?

— Негодница! — повторилъ онъ сквозь стиснутые зубы.

Она снова хотѣла броситься передъ нимъ на колѣни; онъ схватилъ ее на руки, донесъ до двери и вытолкнулъ вонъ. Убитая, уничиженная, она еще разъ обернулась и пробормотала:

— Что ты скажешь на судѣ?

— Тамъ видно будетъ... Проваливай!

Она повиновалась.

Х.

Въ домѣ старосты царили смятеніе и ужась. Петръ въ десятый разъ рассказывалъ любопытнымъ, приходившимъ поклониться покойнику, какъ еще въ полночь онъ разговаривалъ съ отцомъ и за-

тѣмъ пошелъ спать въ сосѣднюю каморку, какъ часа два спустя его разбудило какое-то хрипѣнье... Какъ онъ вскочилъ, вбѣжалъ къ отцу, засталъ его при послѣднемъ издыханіи, послалъ работника за священникомъ, а служанку за докторомъ... И какъ оба явились слишкомъ поздно... Какъ докторъ, взявъ умершаго за руку, съ трудомъ могъ разжать стиснутый кулакъ, чтобы вынуть наполовину опорожненную стеганку, плотно сжатую заоченѣвшими пальцами.

Слушатели выражали свое сочувствіе вздохами и словами сожалѣнія. Петръ продолжалъ:

— Священникъ взглянулъ. «Что это такое?»—сказалъ онъ. Докторъ также взглянулъ, но, по своему обыкновенію, ничего не сказалъ. «Боже милостивый!—вскричалъ священникъ,—неужели онъ не могъ вынести страданій и совершилъ смертный грѣхъ?»

— Онъ умеръ отъ кровоизліянія,—перебилъ докторъ и поднесъ пузырекъ къ носу,—это ромашковыя капли!—сказалъ онъ.

— Кто бы могъ подумать!—вставила свое словечко старушка вдова. Петръ всхлипывалъ.

— Кто бы могъ подумать?—сказалъ и я.—Отцу принесли ядь, вечеромъ я видѣлъ, какъ изъ сада крался бездѣльникъ; я, кажется, узналъ его! Притаскиваю служанку и спрашиваю: «Кто былъ вчера вечеромъ въ комнатѣ отца?» «Павель,—брякнула она и повалилась въ ноги,—вашъ батюшка приказали впустить его... Убейте меня, какъ передъ истиннымъ Богомъ, вашъ батюшка сами велѣли впустить его, я говорю всю правду и больше ничего не знаю».

На этомъ пунктѣ разказа Петръ аккуратно каждый разъ разражался отчаянными рыданіями. Онъ бросался на трупъ отца, и крупный, дюжій малый ревѣлъ какъ ребенокъ:

— Давно умерла матушка, а теперь нѣтъ у меня и батюшки! На кого вы покинули круглаго сироту?

Въ публикѣ, которая съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за выраженіемъ скорби, слышались голоса противъ Павла. Дрянной мальчишка играетъ не послѣднюю роль въ несчастіи со старостой. Бездѣлнику показалось трудно работать у пастуха; онъ задумалъ уйти на свободу, но такъ какъ все зависѣло отъ старосты, который, несмотря на всѣ упрощенія, не давалъ согласія, то негодяй въ отместку и сжилъ его со свѣту.

Легенда быстро сложилась и понеслась во всѣ концы деревни, люди повѣрили и проявили необычайную энергію. Лишенная главы община отправила посла въ окружное управленіе, съ просьбой прислать, на всякій случай, жандарма; нѣкоторые изъ ревнителей на-

правились въ школу, чтобы, также на всякій случай, исколотить отравителя. Они нашли домъ запертымъ.

Какъ только до учителя дошли слухи, угрожавшіе безопасности Павла, онъ произвелъ мальчику допросъ, послѣ чего заперъ его въ классной комнатѣ, а самъ направился къ доктору. Онъ засталъ тамъ священника, Петра, кузнеца Антона и нѣсколькихъ крестьянъ.

Священникъ сидѣлъ въ большомъ черномъ креслѣ около окна, рядомъ съ нимъ, заложивъ руки за спину, стоялъ докторъ, противъ нихъ, образуя правильный полукругъ, расположились крестьяне.

— Ахъ, вотъ и г-нъ учитель!—сказалъ священникъ тихимъ, слегка хриплымъ голосомъ.

— Вы, конечно, знаете, о чемъ идетъ рѣчь,—замѣтилъ докторъ, на синеватыхъ губахъ котораго играла едва уловимая усмѣшка.

Петръ закричалъ:

— Павелъ отравилъ моего отца!

— Это еще не доказано,—пробурчалъ Антонъ.

— И будетъ отданъ подъ судъ,—продолжалъ Петръ.

— Это еще не доказано,—повторилъ Антонъ.

На что Петръ настойчиво заявилъ:

— Я не отступаю, онъ пойдетъ подъ судъ!

— Пока,—сказалъ Хабрехтъ,—я заперъ его въ школѣ.

Священникъ изумился.

— Какъ, и вы тоже вѣрите?—и съ испугомъ перервалъ рѣчь, какъ человѣкъ, который невзначай проболтался.

Хабрехтъ замѣтилъ его смущеніе и съ злорадствомъ ухватился за выразительное словечко, невзначай слетѣвшее съ языка.

— Тоже,—повторилъ онъ съ удареніемъ,—какъ ваше благословеніе!

Легкая краска покрыла впалыя щеки священника.

— Я имѣлъ въ виду vox populi,—сказалъ онъ.

— Вотъ какъ!—искаженное vox Dei.

Дверь отворилась. На порогъ показался крестьянинъ Барошъ, высокій, сторбленный отъ старости, съ желтоватыми волосами и кирпично-краснымъ лицомъ. Онъ подошелъ къ священнику, приложился къ рукамъ и объявилъ, что жандармъ скоро будетъ.

— Въ чему жандармъ?—спросилъ его Хабрехтъ.

Барошъ уставился въ него неподвижными, всегда удивленными, точно просящими прощенія глазами пропойцы и смиренно отвѣтилъ:

— Чтобъ вести малаго въ окружное управленіе.

— Что ему дѣлать въ оружномъ управленіи?

— Сознаться въ преступленіи.

— Въ какомъ?

— Въ томъ, что принесъ старостѣ какое-то зелье.

— Въ этомъ онъ и такъ сознается.

— Вотъ какъ! — сказалъ священникъ: — онъ вамъ сознался?

— Онъ сознался бы въ томъ же самомъ и передъ вами.

— Это любопытно, г-нъ учитель. Я бы попросилъ васъ... прикажите позвать его, будьте добры.

— Я иду за нимъ! — закричалъ Петръ и хотѣлъ уже бѣжать, но Антонъ крѣпко схватилъ его.

— Не ты, ты совсѣмъ одурѣлъ! Я пойду, г-нъ учитель.

Хабрехтъ отказался отъ предложенія, вышелъ изъ комнаты и, немного спустя, возвратился въ сопровожденіи своего питомца.

Съ трудомъ могли помѣшать Петру броситься на послѣдняго; онъ грозилъ ему и кричалъ, задыхаясь отъ злости:

— Смотрите на собаку! Достаточно одного взгляда, чтобъ сказать, что это сволочь!

И правда, состояніе, въ какомъ юноша предсталъ передъ высшей деревенской инстанціей, не могло произвести благоприятнаго впечатлѣнія: онъ весь пылалъ; лицо выражало робость и безпокойство; изъ-подъ опущенныхъ вѣкъ сверкали полные непримиримой ненависти взоры, направленные на главнаго обвинителя, Петра.

Хабрехтъ положилъ ему руку на плечо и продвинулъ мальчика къ окну, въ промежутокъ между священникомъ и докторомъ.

Священникъ молча разсматривалъ юношу; затѣмъ откашлялся и спокойно, дѣловымъ тономъ спросилъ:

— Правда ли, что ты вчера вечеромъ проникъ въ домъ старосты и принесъ ему что-то?

Павелъ утвердительно кивнулъ головой. Въ толпѣ крестьянъ пронесся ропотъ негодованія.

— Что такое ты ему принесъ?

— Хорошее лѣкарство.

— Откуда ты взялъ хорошее лѣкарство? — вставилъ слово Хабрехтъ.

Павелъ замолчалъ, а учитель продолжалъ допросъ:

— Можетъ быть, кто-нибудь послалъ тебя къ старостѣ съ хорошимъ лѣкарствомъ?

Юноша испугался и послѣшно возразилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, я принесъ его самъ отъ себя.

— Откуда, однако, ты знаешь о хороших лѣкарствахъ? —
вѣшался докторъ.

— Пастухъ много кой-чего знаетъ, отвѣтилъ Павелъ.

— Онъ лжетъ, сказалъ учитель; онъ не можетъ или не смѣ-
етъ сказать правду.

— А что вы считаете правдой? — спросилъ священникъ, спо-
койный тонъ котораго особенно отвѣнялъ нервное возбужденіе Хаб-
рехта.

Послѣдній отвѣтилъ:

— Я считаю правдой, что мальчика послала къ старостѣ зна-
харка, жена пастуха.

— Она меня не послала, — вскрикнулъ Павелъ, — я самъ по-
шелъ!

Петръ гнѣвно повторилъ:

— Самъ пошелъ! Онъ сознается. А г-нъ учитель хочетъ за-
путать въ дѣло невинныхъ людей... Да проститъ Богъ г-ну учи-
телю! Малый давно ушелъ отъ бѣдныхъ людей, которыхъ г-нъ учи-
тель хочетъ запутать, и давно живетъ въ школѣ у г-на учителя.

— Меня одно удивляетъ, — возразилъ ему докторъ, — какъ твой
отецъ безъ дальнихъ разсужденій выпилъ то, что ему мальчигъ
принесъ самъ отъ себя; одно развѣ: можетъ быть, онъ нарочно
заказалъ это лѣкарство, что мнѣ также не совсѣмъ понятно.

Разскажи попорядку, какъ все случилось, — обратился къ Пав-
лу священникъ.

— Вчера, значить, ты пробрался къ старостѣ въ домъ?

— Да.

— И что ты сказалъ?

— Добрый вечеръ, г-нъ староста.

— А что онъ сказалъ?

— Ничего.

— А что онъ сдѣлалъ?

— Поманилъ меня и показалъ знакомъ, чтобы дать ему лѣ-
карства.

— Онъ зналъ, значить, что ты принесъ лѣкарство?

Павелъ ничего не отвѣтилъ; онъ вытянулъ шею и прислушался;
за дверью послышались голоса и шумъ приближающихся шаговъ.

Дверь отворилась; показался жандармъ Бохаутекъ, по прозви-
щу Горячій, въ сопровожденіи деревенскихъ судей.

Нестерпимая духота въ комнатахъ разомъ такъ усилилась, точно
внесли жарко истопленную печку; казалось, жара эта исходила
отъ пылающаго служебнымъ рвеніемъ Бохаутека.

Внутренний пылъ испускали только глаза; маленькія капельки пота, блестящія на носу, выдавали также, что его обладателю жарко. Лицо было прекраснаго свѣтло-оливковаго цвѣта и никогда не краснѣло. Жандармъ немедленно приступилъ къ отправленію служебныхъ обязанностей и началъ предварительный допросъ. Обращаясь къ обвиняемому, онъ былъ весь воплощенная угроза, и тѣмъ не менѣ послѣдній чувствовалъ себя увѣреннѣе и смѣлѣе. Онъ считалъ себя подъ особымъ покровительствомъ Кохаутека съ тѣхъ поръ, какъ былъ однажды обвиненъ въ кражѣ живности и оказался невиннымъ.

Жандармъ предложилъ Павлу тѣ же самые вопросы, которые предлагались раньше, получилъ тѣ же отвѣты и дошелъ, наконецъ, до темнаго мѣста въ дѣлѣ, вопроса о происхожденіи *сoprus delicti*, пузырька. Мальчикъ долженъ былъ дать отвѣтъ, откуда взялся пузырекъ? Кохаутекъ приложилъ все старанія, чтобы добиться этого: онъ спрашивалъ, ободрялъ, предупреждалъ объ опасности, которую Павелъ навлекаетъ на себя упрямымъ молчаніемъ. Все напрасно. Мальчикъ смотрѣлъ на жандарма почти съ довѣріемъ и оставался глухъ ко всемъ увѣщаніямъ и къ мольбамъ Хабрехта; онъ точно не слышалъ ругани Петра и его единомышленниковъ.

Подъ конецъ Павелъ совсѣмъ замолчалъ, въ чемъ крестьяне увидали убѣдительное доказательство его виновности.

Петръ крикнулъ мальчику прямо въ лицо:

— Онъ пойдетъ подъ судъ! Онъ отравилъ моего отца.

— Ромашковыми каплями?— сказалъ докторъ и, вынувъ изъ кармана пузырекъ, поднесъ его къ носу кузнеца Антона, самаго хладнокровнаго изъ присутствующихъ.

Тотъ понюхалъ, пожалъ плечами и сказалъ:

— Да, да—пахнетъ ромашкой—но?...

— Ну, какое тамъ но?...

— Но неизвѣстно, какое это лѣкарство.

Учитель, у котораго внутри все дрожало, непрерывно бормоталъ себѣ подъ носъ: «благоразуміе, благоразуміе, нервы, успокойтесь»; но тутъ не выдержалъ и, обратясь къ крестьянамъ спросилъ:

— Какъ вы думаете, если бы это, правда, былъ ядъ, сталъ бы я его пить? Смотрите! я пью!—Онъ взялъ изъ рукъ доктора пузырекъ и хлебнулъ изъ него.—Смотрите же, я выпилъ и здоровъ, и завтра буду такъ же здоровъ, какъ сегодня.

Крестьяне нѣсколько смутились, искоса взглянули на учителя, тѣснѣе сдвинулись и стали шептаться.

— Какъ по-вашему? Что скажете?—спросилъ Хабрехтъ.

Барошъ вздохнулъ, покачалъ головой, улыбнулся во весь ротъ и изрекъ, наконецъ:

— Да, да, теперь не хитро выпить, когда ничего ядовитого не осталось.

— Какъ такъ? вѣдь, это тотъ же самый пузырькъ, и въ немъ тоже, что было раньше, т.-е. немного меньше количествомъ, чѣмъ прежде.

— Да, только ядовитое уже выпито; староста выпилъ его съ первымъ глоткомъ... Ядъ легче и плаваетъ наверху.

— Плаваетъ наверху!—прогремѣлъ Петръ. Учитель подскокилъ на мѣстѣ отъ раздраженія и гнѣва.

— Слышите, слышите! — вскричалъ онъ, обращаясь къ священнику. Тотъ все время сохранялъ печальную мину и на возгласъ Хабрехта отвѣтилъ только грустнымъ взглядомъ. Жандармъ стоялъ неподвижно и распространялъ во всѣ стороны тепло; докторъ, напротивъ, потерялъ терпѣніе. Про него говорили, что онъ скупъ на слова, точно цѣнить каждое не меньше гульдена; не выдержавъ, онъ разразился рѣчью:

— О, неуязвимая, вѣчно торжествующая глупость!... Ядъ легче и плаваетъ наверху! Чего-жъ намъ еще? этимъ все сказано! Никакая сила въ мірѣ не дастъ лучшаго доказательства! Если бы самъ Всевышній сошелъ съ небесъ и захотѣлъ опровергнуть ихъ доводъ и доказать противное, Онъ бы потерялъ напрасно время!

Брестяне слушали обвиненіе, не понимая хорошенько, на что оно нужно; за то Павелъ съ возрастающимъ восторгомъ ловилъ каждое слово. Докторъ удивился тому осмысленному, торжествующему выраженію, какое свѣтилось въ глядѣвшихъ на него въ упоръ глазахъ. Въ первый разъ въ жизнь мальчикъ съ гордостью поднялъ голову; онъ буквально впивалъ, какъ живительную влагу, каждое слово доктора, и, когда тотъ кончилъ, разразился дикимъ, вызывающимъ смѣхомъ.

Тогда толпа освирипѣла. Въ первую минуту Кохаутекъ не въ состояніи былъ помочь; несмотря на отчаянное сопротивленіе, Павла повалили на землю, били и топтали ногами. Жандарму пришлось призвать на помощь всю силу своего авторитета, а Антону всю силу кулаковъ, чтобъ оградить юношу отъ порыва безмысленной ярости непрошенныхъ судей. Послѣ краткаго совѣщанія со священникомъ, докторомъ и учителемъ, Кохаутекъ рѣшилъ взять Павла съ собой.

— Я дѣлаю это не потому, что считаю его виновнымъ,—за-

кричалъ онъ,—а потому, что вы скоты, отъ которыхъ его надо обезопасить. Запрягай кто-нибудь лошадей.

— Я,—закричалъ Петръ,—я повезу его!—и въ одинъ прыжокъ выбѣжалъ изъ комнаты.

Священникъ посмотрѣлъ въ окно. Около дома толпился народъ, прислушивался къ доносившемуся изъ комнаты шуму, ловилъ отдѣльные слова и съ большимъ возбужденіемъ обсуждалъ ихъ.

Возбужденіе достигло высшаго предѣла, когда подъѣхалъ въ телѣжкѣ Петръ и на порогѣ докторскаго дома показался жандармъ, въ сопровожденіи Павла и учителя, который не хотѣлъ покинуть юношу въ трудную минуту жизни. Хабрехтъ вскочилъ къ Петру на козлы, на заднемъ сидѣннѣ, рядомъ съ обвиняемымъ, помѣстился жандармъ. Проклятія, угрозы, сердитые взоры провожали экипажъ. Петръ медленно ѣхалъ деревней, такъ что вся дѣтвора успѣла сбѣжаться, чтобы конвоировать повозку. Съ крикомъ и хохотомъ неслась толпа.

— Вотъ, онъ ѣдетъ!—раздался одинъ голосъ,—вотъ, онъ ѣдетъ!—подхватили хоромъ.

— Куда ѣдешь?—закричалъ маленькій, горбатый уродецъ.

Хорошенькая, какъ картинка, голубоглазая крестьянская дѣвочка, самая веселая спутница въ компаніи, которая подъ предводительствомъ Павла отправлялась въ лѣсъ красть дрова, съ хохотомъ крикнула прямо въ лицо:

— Къ отцу ѣдешь, или къ матери?

Насмѣшку подхватили и безъ конца повторяли на всѣ лады. Наконецъ, по приказанію жандарма, Петръ кнутомъ разогналъ опьянѣвшую отъ злорадства толпу.

Всѣ бросились прочь; затѣмъ, кратчайшимъ путемъ забѣжали впередъ и стали насторожѣ у статуи св. Іоанна, скрывавшейся въ зелени на концѣ деревни. Когда экипажъ поровнялся съ засадой, его встрѣтили громкимъ крикомъ и градомъ камней и комьевъ земли. Кохаутекъ ругался; Петръ гналъ лошадей; Хабрехтъ молча натянулъ пальто на голову, только Павелъ неподвижно сидѣлъ на мѣстѣ. Когда повозка отѣхала, онъ нагнулся и сталъ спокойно выкидывать изъ нея камни. Выбросивъ всѣ, кромѣ одного, самаго маленькаго, Павелъ взялъ его въ руки и долго въ раздумьѣ внимательно разсматривалъ, потомъ спряталъ въ карманъ.

— Зачѣмъ тебѣ камень?—спросилъ жандармъ.

— Когда я буду строить себѣ домъ,—а я непременно построю домъ,—сказалъ онъ въ отвѣтъ,—то положу этотъ камень подъ по-

рогъ, чтобы каждый разъ входя и выходя вспоминать, какъ хорошо относились ко мнѣ люди.

Часъ спустя пріѣхали къ мѣсту назначенія. Судья позвалъ Павла и, повидимому, вынесъ впечатлѣніе не въ пользу обвиняемаго.

— Что касается меня, — сказалъ онъ, — я обыкновенно думаю о человѣкѣ не самое плохое, а наилучшее.

Началось судебное слѣдствіе. Произвели вскрытіе тѣла старосты. За отсутствіемъ состоящаго при судѣ химика, анализъ производилъ его замѣститель, очень самоувѣренный молодой человѣкъ.

Онъ констатировалъ присутствіе яда въ желудкѣ и кишкахъ умершаго, о чемъ написалъ обширный докладъ. Для Павла наступилъ рядъ тяжелыхъ дней; но онъ оставался твердымъ и держалъ себя передъ официальными судьями такъ же, какъ на предварительномъ допросѣ, въ деревнѣ. Пріѣздъ химика положилъ конецъ его страданіямъ; тотъ подвергъ провѣркѣ работу своего юнаго соперника, обнаружилъ ея неудовлетворительность и сообща съ обружнымъ врачомъ доказалъ, что староста умеръ не отъ яда, а отъ своей болѣзни.

Вскорѣ затѣмъ Павелъ былъ отпущенъ на свободу. Его главный обвинитель, сынъ старосты, долженъ былъ заплатить судебныя издержки.

Въ послѣднее воскресенье, которое Павелъ проводилъ въ подслѣдственномъ отдѣленіи, Хабрехтъ получилъ разрѣшеніе навѣстить его. Учитель былъ сильно взволнованъ во время свиданія.

— Два мѣсяца въ заключеніи! — вскричалъ онъ, — вотъ что ты надѣлалъ; ты самъ себя врагъ! Павелъ, Павелъ, много зла причинили тебѣ люди, но больше всѣхъ — ты самъ!

Онъ спросилъ, о чемъ Павелъ думалъ въ долгіе дни и ночи одиночнаго заключенія?

— Я не особенно много думалъ; ночью спалъ, а днемъ работалъ; мнѣ дали инструменты, — сказалъ Павелъ и вытащилъ изъ-подъ кровати модель дома. Онъ съ удивительною тщательностію сдѣлалъ въ миниатюрѣ свое будущее жилище, съ окнами, дверью и соломенной крышей. Поразительный контрастъ составляла эта тонкая работа съ грубыми руками юноши. Онъ сдѣлалъ домигъ для Милады и просилъ Хабрехта захватить его съ собой и переслать сестрѣ; онъ также просилъ учителя написать дѣвочкѣ, что братъ ея невиненъ. Хабрехтъ общалъ; онъ скрылъ отъ Павла, что отправилъ къ настоятельницѣ два обширныхъ посланія, гдѣ по совѣсти, обстоятельно изложилъ положеніе дѣла и представилъ маль-

чика бѣлѣ пасхальнаго ягненка изъ чистаго сахара. Оба посланія по формѣ и содержанію представляли изъ себя образецъ деликатности и сердечной доброты. Къ сожалѣнію, они не принесли желаннаго результата: письма остались безъ отвѣта.

Январь приближался къ концу; погода стояла мягкая; снѣгъ началъ таять; узкіе, бурные ручейки побѣжали по склонамъ. Печально свѣтило солнце сквозь бѣлесоватая облачка; голыя деревья едва бросали тѣнь на грязную дорогу, по краю которой шелъ къ деревнѣ Павелъ. Онъ часто думалъ, сидя въ заключеніи, только бы вырваться на свободу, на свѣжій воздухъ, побѣгать на просторѣ, и все пойдетъ хорошо. Вотъ онъ свободенъ, идетъ домой, а на душѣ такъ тяжело. Будущее представляется ему унылымъ, холоднымъ, безъ радостей, — точно зимній пейзажъ, лежащій передъ глазами.

Павелъ направился прямо къ избушкѣ пастуха. Печку въ сѣняхъ очистили отъ хламу. Передъ ней стояла на козляныхъ Винска и мѣшала дрова, которыя горѣли яркимъ, веселымъ огонькомъ. Молча, не глядя на дѣвушку, Павелъ прошелъ прямо въ комнату. Старики вскрикнули, когда онъ появился передъ ними; Виргилиха закрыла лицо фартукомъ, а мужъ, какъ заклинатель передъ сатаной, выставилъ навстрѣчу вошедшему четки, причемъ самъ дрожалъ съ головы до ногъ. Павелъ сбросилъ на груди руки и сказалъ:

— Негодай и ты мерзавка, я снова здѣсь; у меня въ карманѣ лежитъ бумага, гдѣ говорится, что я невиненъ. Совѣтую вамъ оставить меня въ покоѣ, а то какъ бы не вышло худо. Языкъ у меня не приросъ. Вотъ все, что я хотѣлъ вамъ сказать! — заключилъ онъ, повернулся и вышелъ.

Старикъ въ смущеніи смотрѣлъ ему во слѣдъ.

— Вотъ измѣнился-то въ два мѣсяца!... Ушелъ мальчикомъ, вернулся мужчиной; выросъ и не похудѣлъ!

Н. Н.

(Продолженіе слѣдуетъ).

УГОЛОКЪ КОЛХИДЫ *).

IV.

Прошелъ мѣсяць, и Маржецкій отлично устроился въ городѣ. Онъ какъ-то необыкновенно скоро освоился съ провинціальной жизнью; обзавелся знакомыми, съ утра до вечера находился въ салонахъ у губернаторши, которой онъ все болѣе и болѣе нравился. И по мѣрѣ того, какъ онъ осваивался съ провинціальною жизнью и сближался съ мѣстнымъ обществомъ, отчужденіе его отъ Маруси выростало все больше и больше.

— Я не думала, что ты такъ скоро войдешь во вкусъ провинціальной жизни,—говорила ему Маруся.—Помнишь, съ какою тоскою ты разставался въ Петербургѣ? Ты уѣзжалъ какъ будто въ ссылку или погребалъ себя заживо... Неужели тебѣ такъ ужъ здѣсь нравится?—ревниво спрашивала она.

Онъ сердился.

— Отстань, пожалуйста. Мнѣ уже потому здѣсь нравится, что тебѣ стало видимо лучше.

— Да, я, дѣйствительно, поправилась. Но сказать, что здѣсь слишкомъ весело—затрудняюсь. Цѣлыми днями одна,—это хоть кого приведетъ въ печаль.

— Ну, сѣла теперь на своего коньга,—ворчалъ Маржецкій и вскорѣ, подъ благовиднымъ предлогомъ, уходилъ изъ дому и возвращался только вечеромъ.

Какъ только Марусѣ становилось лучше, у него какъ будто пропадало всякое къ ней чувство. Онъ и самъ не могъ объяснить себѣ этого феномена.

Конечно, онъ ни съ кѣмъ не познакомилъ Маруси; да это было бы и невозможно. Провинціальное общество чопорно и высокомѣр-

*) *Русская Мысль*, кн. I, 97 г.

но, и чѣмъ оно провинціальнѣе, тѣмъ чопорнѣе и высокомернѣе. Въ столицѣ всякій можетъ жить самъ по себѣ, и потому рѣдко приходится считаться съ «миѣніемъ свѣта»; наконецъ, тамъ есть возможность жить въ своемъ кружкѣ, въ провинціи же жить приходится на виду у всѣхъ, и провинціальное общество, кромѣ чопорности, обладаетъ еще любопытствомъ. Оно слѣдитъ за новыми своими членами съ зоркостью опытнаго сыщика и неумолимо осуждаетъ ихъ за каждый ложный шагъ, за каждое неосторожно вырвавшееся слово. За Марусей считалось нѣсколько преступленій: «незаконность» положенія, принадлежность ея къ артистическому сословію, которое по средневѣковымъ взглядамъ, переживаемымъ нынѣ нашей провинціей, все еще считается отверженнымъ, и, наконецъ, «надменный видъ». И она была осуждена немедленно, безповоротно.

Во всякомъ случаѣ, Маржецкій былъ новинкой въ городѣ, и новинкой довольно интересной. И имъ занялись съ удвоеннымъ вниманіемъ.

Въ салонѣ губернаторши о немъ много разговаривали.

— Tu ne sais pas, — говорила княжна Варвара Старостина своей сестрѣ, — я дешифровала его тайну...

— Чью тайну? — подойдя къ нимъ, спросила Лиза Хомякова.

Княжны поморщились.

Онѣ терпѣть не могли *Lise fin de siècle* и рѣшительно не могли понять, какъ Наталья Сергѣевна рѣшается принимать эту эксцентричную и дурно воспитанную дѣвушку съ ея «вульгарной маменькой» въ своемъ домѣ. Лиза, въ свою очередь, платила имъ тою же монетой и рѣдко отказывала себѣ въ удовольствіи пошутить и проинизировать надъ ними.

— Чью тайну вы открыли? — переспросила она, въ упоръ глядя на княжну Варвару и смѣясь одними глазами.

— Маржецкаго... — недовольнымъ тономъ отвѣтила княжна.

— А, это интересно, — сказала Лиза. — И это тайна?...

— Но, *chère Lise*, если это тайна, то ее нельзя разглашать всюду и вся...

— И всякому встрѣчному? Не стѣсняйтесь. Миѣ можете говорить смѣло, — я другъ Маржецкаго.

— А, вотъ какъ! — поджавъ губы, сказала княжна Варя. — *Je vous fais mes compliments...* Я бы не считала за честь хвалиться дружбой съ человѣкомъ... съ человѣкомъ... который... *C'est dégoûtant*, что она говоритъ, — шепнула она сестрѣ.

Та пожала плечами.

— Что же «человѣкъ, который?» — пристала Лиза. — За нимъ есть какой-нибудь грѣхъ?

— Ну, если ужъ вы такъ хотите знать тайну *вашего друга*, извольте: она...

— Кто? Тайна?

— Ахъ, Боже мой, не тайна, а *она* — балетчица!

— Dieu! — вздохнула княжна Надя.

— Какой ужасъ! — съ комическимъ негодованіемъ произнесла Лиза и покачала головой. — Это, должно быть, нѣчто ужасное — «балетчица», какъ вы говорите?

— Une espèce d'écuyère...

— А вы съ ней не знакомы? — вдругъ серьезно спросила Лиза.

Объ княжны вспыхнули.

— На вашу шутку можно было бы обидѣться, если бы... не.. — начала Варя и не докончила отъ волненія фразы.

— Если бы не что? — спокойно спросила Лиза.

— Если бы мы давно не привыкли къ вашимъ шуткамъ.

— D'un très mauvais goût, — достаточно тихо, чтобы могла услышать Лиза, вздохнула княжна Надя.

Лиза не обратила ни малѣйшаго вниманія на этотъ вздохъ.

— Не сердитесь на меня, — смиренно начала она, — право, я такъ только... Меня самоё это возмущаетъ. Но что вы еще знаете объ этомъ?

Княжны внимательно посмотрѣли на нее, стараясь понять, шутить она или говорить, на этотъ разъ, серьезно.

— Нѣтъ, право, это очень, очень интересно.

— А будто вы этого сами раньше не знали?

— Увѣряю васъ нѣтъ, — успокоила ихъ Лиза.

— Такъ слушайте. У Маржецкаго есть родители — очень важные въ Петербургѣ люди, нашъ отецъ знаетъ; они не очень богаты.

«Какъ и вы», — подумала Лиза.

— Но и не бѣдны. Во всякомъ случаѣ живутъ прилично, и нашъ Маржецкій — leur fils unique. Они ему давали содержаніе, и онъ жилъ у нихъ. Онъ былъ на хорошей дорогѣ... какъ вдругъ сталъ посѣщать балетъ и сдѣлался, какъ папа называетъ, «балетоманомъ». Очень понятно, это не могло понравиться его родителямъ, и они его предупреждали. Ну, однимъ словомъ... я только не знаю, — прервала себя княжна, — сдѣлался ли онъ балетоманомъ ради нея, или сталъ ходить въ балетъ самъ и высмотрѣлъ ее. Во всякомъ случаѣ онъ укралъ ее изъ балета...

— Почему же «укралъ»? — все еще серьезно спросила Лиза.

— Боже мой, всегда изъ балета похищаютъ.

— Ахъ, я и не знала! — замѣтила Лиза.

— Да, да. Ну, само собой, онъ разошелся съ родителями, пересталъ жить у нихъ, они его хотѣли проклясть, но потомъ раздумали и перестали давать содержаніе...

— Это, пожалуй, похуже проклятiя... — встала Лиза.

— Какая вы легкомысленная! — воскликнула Варя и, увлеченная своимъ рассказомъ, продолжала: — Ну, конечно, жить въ Петербургѣ стало трудно, появились долги. Вѣдь эти женщины ужасны... Онѣ не могутъ жить безъ крющона изъ земляники и ванны изъ одеколона.

— Да неужели? — удивлялась Лиза.

— Право, я не выдумываю. Это намъ рассказывалъ нашъ cousin, драгунъ; онъ былъ въ Петербургѣ два года въ офицерской шволѣ и имѣлъ случай познакомиться съ нѣкоторыми... Да, и потомъ онѣ цѣлое утро дома танцуютъ передъ зеркаломъ въ коротенькихъ юбочкахъ и... и... въ трико. Онъ называетъ юбочки тюниками.

— Зачѣмъ же онѣ дѣлаютъ это? — спросила Лиза.

— Чтобы сохранить la souplesse des jambes...

— Mesdemoiselles! Гдѣ вы? — услышали онѣ голосъ губернаторши. — Куда вы спрятались? Васъ вездѣ ищутъ, кавалеры соскучились. Ахъ, и вы здѣсь, Lise? — прибавила она, замѣтивъ дѣвушку. — Ну, тогда я пари держу, что вы тутъ рассказываете другъ другу исторiю à dormir debout... Но у васъ, по крайней мѣрѣ, весело, а тамъ, у насъ, скучно... Вы не знаете, — обратилась она къ Лизѣ, — ш-г Маржецкiй будетъ сегодня?

— Право, не знаю, дорогая Наталья Сергѣевна, — смутилась Лиза.

— Нѣтъ, я думала, можетъ быть, вы встрѣтили его на бульварѣ или въ саду?

— Нѣтъ, не встрѣчала, — сухо отвѣтила Лиза.

— Мнѣ почему-то казалось, что у васъ одни часы прогулокъ... Я, можетъ быть, ошиблась?

— Вы, навѣрное, ошиблись, — еще суше замѣтила Лиза.

— Такъ что же, вы придете къ намъ? — спросила губернаторша.

— Сейчасъ, сейчасъ, chère Наталья Сергѣевна, — зашебетали княжны. — Мы только докончимъ одну исторiю.

— Ну, какъ хотите... Только тамъ вашъ cousin Бѣльскiй все волнуется... Въ которую изъ васъ онъ влюбленъ — я не могу разобратъ что-то?

Княжны засмѣялись.

— Ахъ, что вы! Онъ влюбленъ въ своего командира и эскадронныхъ лошадей...

Губернаторша улынулась и сказавъ еще разъ: «такъ вы придете?» — ушла изъ маленькой гостиной.

Три барышни опять комфортабельно усѣлись около рояля и продолжали прерванный разговоръ.

— Такъ кромѣ врюшона, ванны и танцевъ, что онѣ еще любить? — спросила Лиза.

Княжна Варя хотѣла уже отвѣчать, когда въ комнатѣ раздался звонъ шпоръ. Вошелъ драгунъ.

— Ah, Voldemar, vous voilà! — воскликнула княжна Надя.

— Что же, вы очень кстати... Мы были en train рассказывать chère Lise о балетныхъ нравахъ. Это ее очень интересуеть, потому что близко касается *sa друга* Маржецкаго.

— Онъ — вашъ другъ? — покрутивъ усы, звякнувъ шпорами и перегнувшись въ сторону Лизы, процѣдилъ драгунъ. — Но, въ такомъ случаѣ...

— О, пожалуйста, не стѣсняйтесь; мнѣ очень интересно послушать...

— Вы знаете, я ни въ чемъ не могу отказать вамъ... Но я не знаю, что именно вы желаете знать.

— Все то, что вы знаете, если вы... знаете что-нибудь.

Драгунъ немедленно обидѣлся.

— Какъ, я не знаю? Mais j'étais très lié... — онъ запнулся, чуть-чуть не сказавъ глупость. И тотчасъ же, воодушевившись, началъ говорить, позируя въ роли знатока балета, который для провинціальной публики всегда былъ заманчивымъ, но темнымъ царствомъ. — Я нахожу, — говорилъ онъ, — что балетъ въ Петербургѣ падаетъ. У кассы, гдѣ всегда бывало rendez-vous золотой молодежи изъ общества...

— У кассы? — переспросила Лиза.

— Ну, да, это — техническое выраженіе. «У кассы» называется такая комната — une espèce d'antichambre, которая ведетъ на сцену... — пояснила княжна Варя.

— А! Такъ у кассы?... — спросила Лиза.

— Теперь уже не видать этой блестящей молодежи. Ожидаютъ танцовщицъ студенты, статскіе, даже гимназисты старшаго класса...

— Какой ужасъ! — воскликнула Лиза.

— Да, не правда ли? — спросилъ, не понявъ, Бѣльскій. — Гдѣ

же, я васъ спрашиваю, графы, князья, гусары, кавалергарды?... Танцовщица спустилась до студента; студентъ промѣнялъ учебную дѣвицу въ очкахъ и пледъ на жирицу Терпсихоры...

— И въ этомъ вы видите «паденіе балета»? — серьезно спросила Лиза.

— Ну, да. А какъ же?

— А можетъ быть это — сближеніе искусства съ наукой? Наука внесла немного серьезности въ искусство, а искусство немного оживило науку?... — продолжала она шутить.

— Право, не знаю, — затруднился Бѣльскій. — Знаю только, что прежде похищали танцовщицъ, а теперь онѣ охотно идутъ замужъ за студентовъ, чиновниковъ и всякихъ несвѣтскихъ людей, и не только идутъ замужъ, но и съ радостью, при первой возможности, покидаютъ балетъ... Это уже дезертирство, деморализація... Я не знаю, что именно внесла сюда наука... но я знаю, что теперь балетныя живутъ по-семейному, часто бѣдно, нуждаясь въ самомъ необходимомъ. О брильянтахъ нечего и говорить. Прежде хористки — изъ оперы, когда имъ случалось участвовать вмѣстѣ въ спектакляхъ, всегда шипѣли на балетныхъ: «смотри, смотри, у этой брильянты и на лбу роковыя слова...» И балетныя за это ихъ, во время своихъ танцевъ, якобы нечаянно, толкали руками и ногами, сбивая въ кучу... Ну, теперь брильянтовъ мало на комъ видно, все больше стразы...

Драгунъ увлекся, княжны слушали его напряженно, Лиза — неопредѣленно улыбаясь.

Онъ замѣтилъ эту улыбку, немного смѣшался и перемѣнилъ тонъ.

— Нѣтъ, право, — началъ онъ, послѣ небольшой паузы, — какая была, на примѣръ, цѣль... этой Мани Кошевой тащиться сюда и за кѣмъ же? — За Маржецкимъ!

— *Voldemar, prends garde!* Не трогай господина Маржецкаго... *Il paraît que...*

— Ну да, онъ мой другъ, — просто заявила Лиза, — и вы это готовы повторять на всѣ лады. Но зачѣмъ вамъ это нужно такъ часто повторять, когда я сама объ этомъ заявляю громогласно? Простите, Владиміръ Семеновичъ, — обратилась она къ Бѣльскому, — я не понимаю, почему же ей не поѣхать было за Маржецкимъ?

— Но что же такое Маржецкій, *je vous demande un peu?* Чиновникъ особыхъ порученій?

— Развѣ ей лучше было поѣхать за драгунскимъ офицеромъ? — рѣзко спросила она.

Бѣльскій сдѣлалъ видъ, что нисколько не смутился; онъ вынулъ портсигаръ, облѣпленный весь вензелями и росчерками и, не отвѣтивъ на задорный вопросъ Лизы, почтительно склонивъ голову, спросилъ:

— Вы позволите?

Онъ ему разрѣшили.

— Я не знаю, право, что лучше, — закуривъ началъ Бѣльскій, демонстративно вертя въ рукахъ портсигаръ и усиленно вглядываясь въ его монограммы. — Я не спору, все зависитъ отъ вкуса.

— Какъ отъ вкуса? — засмѣялась Лиза. — Я думаю, что рѣшеніе женщины зависитъ прежде всего отъ любви къ тому человѣку, за которымъ она рѣшается идти?...

— Я про то и говорю. Однѣ женщины *любятъ* военныхъ, другія — статскихъ.

«*Bienheureux les pauvres d'esprit, car l'empire des cieux leur appartient*», — подумала Лиза и замолчала.

— У васъ что-нибудь новое на портсигарѣ? — спросила у Бѣльскаго Лиза, — и вы жаждете показать это? Покажите.

— Я не дѣлаю изъ этого секретовъ. Смотрите.

— Ой, сколько вензелей! — вскрикнула Лиза. — И это все воспоминанія побѣдъ?

— Подъ Шипкой и Плевной? — звонко засмѣялся Бѣльскій. — Нѣтъ, тутъ много товарищескихъ...

— Ахъ, вотъ и балетная туфелька подъ эмалью... — сказала Лиза, отыскавъ, наконецъ, тотъ предметъ, которымъ, очевидно, хотѣлъ похвастаться Бѣльскій.

Драгунъ тронулъ усы.

— Не правда ли, милая работа? — нашелся онъ. — Только въ Петербургѣ умѣютъ дѣлать такія вещицы...

— Скажите, Владиміръ Семеновичъ, — спросила Лиза, въ то время, какъ портсигаръ взяли изъ ея рукъ княжны и начали шептаться: — вы очень любили эту таяцовщицу?

— Какъ вамъ сказать? Je m'amusais...

Лиза рѣзко встала и быстро вышла изъ комнаты.

Въ большой гостиной губернаторскаго дома было много гостей. Наталья Сергѣевна сидѣла на кругломъ диванѣ, окруженная дамами мѣстнаго бомонда, которыя, почтительно наклонивъ въ ея сторону головы, внимательно слушали ея рѣчь и, изрѣдка, въ тактъ одобрительно кивали. Генеральша говорила медленно, отчеканивая каждое слово, ни на минуту не запинаясь и искусно владѣя дыха-

ніемъ. Издали ея разговоръ, дѣйствительно, походилъ на какую-нибудь академическую рѣчь, по его ровному тону и плавности.

Лизѣ была очень знакома эта картина «губернаторшина салона» и ея священнодѣйствіе высокопоставленной хозяйки, среди «вассальныхъ дамъ». Это все были любимыя словечки Лизы, которыми она смущала свою мать и даже слегка терроризировала ее, такъ какъ старуха Хомякова боялась, какъ бы Лиза—эта «необузданная дѣвчонка» ни проговорила когда-нибудь въ обществѣ.

На лицѣ губернаторши было написано величавое спокойствіе и сознаніе, что каждое ея слово цѣнно и должно не только дойти до сознанія слушателя, но и оставить въ немъ нѣкоторый слѣдъ. Однимъ словомъ, Наталья Сергѣевна «вела салонъ», а когда она вела салонъ, то дѣлалась совершенно другой женщиной, чѣмъ въ обыденной жизни.

При входѣ Лизы, Наталья Сергѣевна слегка наморщила свой красивый бѣлый лобъ. Она говорила съ Маржецкимъ.

Маржецкій сидѣлъ противъ нея и цвѣтника дамъ на низенькомъ стулѣ, слушалъ ее наружно-внимательно, какъ требовалъ того губернаторскій декорумъ и этикетъ этого оффиціального салона и поддерживалъ разговоръ, въ которомъ, въ сущности, не было настоящаго оживленія.

— Вы говорите судьба, Наталья Сергѣевна,—очевидно, возражалъ Маржецкій,—но я позволю себѣ спросить васъ: Что же такое—судьба?

— Судьба?... Но это судьба, больше ничего, *le sort*...

— Но что такое—*le sort*?

— *La destinée*...

— *Mais qu'est-ce que c'est que la destinée?*

— *Mon Dieu... c'est l'imprévue... enfin je vous repondrai toujours en termes pareils et vous me questionnez toujours par des «qu'est-ce que c'est».*

Лизѣ вдругъ захотѣлось пошутить, смутить эту натянутую академичность салона, взбѣсить эту «маркизу Рамбулье».

— Мнѣ кажется,—вступилась она безъ всякой почтительности въ голосъ,—по русски есть отличное опредѣленіе слова—«судьба».

— *Vraiment?*—протянула Наталья Сергѣевна, краснѣя пятнами и приготавливаясь къ какой-нибудь выходкѣ Лизы:—*et c'est?*...

— Судьба—индѣйка...

Маржецкій улыбнулся, дамы быстро метнули взоры въ сторону Лизы и перевели ихъ еще быстрѣе на губернаторшу; нѣкото-

рымъ понравилось это вмѣшательство бойкой дѣвушки, которое избавляло ихъ отъ напряженнаго вниманія къ скучному переливанію изъ пустого въ порожнее. Старуха Хомякова молитственно смотрѣла на Наталью Сергѣевну, какъ бы испрашивая прощенія своей взбалмошной дочкѣ. Наталья Сергѣевна успокоила ее взглядомъ, криво усмѣхнулась и кисло произнесла, не обращаясь прямо къ Лизѣ, а куда-то въ пространство:

— Я ничего лучшаго и не ожидаю отъ *cette chère Lise. C'est plus audacieux qu'ingénieux ça... Elle fait toujours l'enfant terrible. Elle fait ce qu'elle peut...*

— Конечно, Наталья Сергѣевна, какъ это говорится? Овому талантъ, овому ни одного.

Маржецкій продолжалъ улыбаться и ласково глядѣть на Лизу. Наталью Сергѣевну передернуло.

— Вы находите это смѣшнымъ?—замѣтила она ему вскользь, и, не дожидаясь отвѣта, обратилась къ женѣ прокурора съ какимъ-то вопросомъ.

Разговоръ расклеился и пересталъ быть общимъ, разбившись на кружки. Подавали чай, и это внесло болѣе свободы и непринужденности. Воспользовавшись удобнымъ моментомъ, Маржецкій покинулъ свое неудобное мѣсто «на юру» и, выбравъ маленькій угловой столикъ, поставилъ на него свой стаканъ чаю.

Онъ облегченно вздохнулъ, рассчитывая остаться одинъ, отдохнуть отъ всѣхъ этихъ, набившихъ ему уже оскомину, разговоровъ.

Но къ нему подошелъ Титовъ. Этому онъ обрадовался, какъ старому другу. Что-то влекло его къ нему. Онъ не отдавалъ себѣ еще яснаго отчета, что именно, но съ Титовымъ онъ не чувствовалъ себя стѣсненнымъ; въ немъ была какая-то особенная мягкость, почти женственность, и каждое его слово дышало искренностью.

— Ну, что, — началъ Титовъ, — подвергались экзамену? Наши дамы разспрашивали васъ о разныхъ петербургскихъ дѣлахъ?

— Какъ же! — засмѣялся Маржецкій. — Одна — кажется, жена губернскаго казначея — спрашивала, правда ли, что будетъ назначенъ новый министръ финансовъ, и если будетъ назначенъ, то когда именно. Другая просила телеграфировать въ штабъ, узнать, прошло ли назначеніе ея мужа.

— И вы отвѣтили?

— Одной назначеніемъ, другой отказомъ, за неимѣніемъ знаемыхъ въ штабѣ.

— Ну, вы — человекъ бонченный для нашихъ дамъ. Такъ нельзя отвѣчать; надо всегда говорить что-нибудь неопредѣленное. Зато наши дѣвицы заинтересованы вами.

— Да ну? — недовѣрчиво и безъ особеннаго увлеченія усомнился Маржецкій.

— Да, да... Бняжны только и говорятъ о васъ; Лиза стала вашимъ другомъ, и это очень вредитъ вамъ въ глазахъ нашей губернаторши; кажется, Настя Зуева ревнуетъ васъ къ Лизѣ, а Зорина и Рувимская усердно злословятъ по поводу...

Титовъ вдругъ оборвалъ себя и сразу смолкъ, немного смутившись.

— По поводу? — проговорилъ Маржецкій, глядя ему прямо въ глаза.

— Ну... по поводу васъ... вообще, — выпутывался Титовъ.

— И моего семейнаго положенія? — твердо выговорилъ Маржецкій.

— Да, и по поводу этого, конечно, — отвѣтилъ Титовъ и засмѣялся, — ну, вотъ я, какъ истая провинціальная бумушка, посплетничалъ съ вами.

— Да... мое семейное положеніе... — неопредѣленно проговорилъ Маржецкій и тотчасъ смолкъ. Но въ этихъ словахъ Титовъ подмѣтилъ нотку сожалѣнія къ самому себѣ, и это ему очень не понравилось въ Маржецкомъ.

Къ нимъ присоединилась Лиза.

— Я только что вынесла головомойку отъ мамы, — сказала она, — за мою выходку. На меня тамъ, въ салонѣ Рамбулье, не обращаютъ никакого вниманія; я предпочла удалиться сюда, въ мѣста не столь отдаленныя.

— Ахъ, мой милый Лизокъ, — шутливо проговорилъ Титовъ, изрѣдка позволяя себѣ эту вольность съ давно и хорошо знакомою ему дѣвушкой, — наживете вы себѣ бѣды съ вашимъ языкомъ.

— Надоѣли они мнѣ всѣ хуже горькой рѣдьки! — съ озлобленіемъ вскрикнула Лиза, пожимая плечами. — Ломаются, ломаются, какъ... свиньи на веревкѣ.

Она была видимо раздражена мамшиной головомойкой, которая, очевидно, была на этотъ разъ сильнѣе, чѣмъ обыкновенно.

— Ну, вотъ видите, какія у васъ все выраженія: головомойка, свиньи на веревкѣ, горькая рѣдька, — шутя журилъ ее Титовъ.

— Ахъ, оставьте, Алексѣй Александровичъ, хоть вы-то меня съ нотаціями. Ну, какая есть, такая и есть. Никому не навязываюсь. Хотите любите меня, кавая я есть, не хотите — не надо; не

нуждаюсь. Только и знаютъ, что злословить да языки чесать про другихъ. Это все дѣло! Ну, да Богъ съ ними,—до смерти они мнѣ надоѣли! Хотъ бы уѣхать куда, что ли, отсюда.

Она встала и ушла отъ нихъ.

— Хорошая барышня!—сказалъ про нее Титовъ, обращаясь къ Маржецкому.— Немножко злая на языкъ, но съ открытымъ сердцемъ, съ прямою душой.

«Какъ ты самъ»,—подумалъ Маржецкій.

— И вотъ такая у насъ не имѣеть успѣха,—продолжалъ Титовъ.— Она, видите ли, всѣхъ шокируетъ. А почему? — Потому, что она ведетъ себя не такъ, какъ другія. И не только ведетъ себя, а и думаетъ не такъ, и чувствуетъ не такъ. Она головой выше всѣхъ нашихъ.

— Ужъ вы не влюблены ли?—пошутилъ Маржецкій и займѣлъ складку, сложившуюся на лицѣ Титова послѣ этихъ его словъ.

— Былъ когда-то, былъ,—сознался онъ и вздохнулъ.

— Отчего же вы не женились?—съ осторожностью въ голосѣ продолжалъ Маржецкій.

— Ги... отчего?... Да оттого, что она мнѣ не отвѣчала... Я какъ-то совершенно не подхожу ни по виду, ни по манерѣ держаться къ типу влюбленнаго. Мы съ ней всегда только были друзьями,—не больше. Да и вообще какъ-то такъ сложилось, что я всегда оказываюсь только другомъ женщинъ.

— Это очень почетно, — вставилъ Маржецкій. — Женщины рѣдко дружатъ съ мужчинами, и тотъ, котораго онѣ дѣлаютъ своимъ другомъ, долженъ быть, дѣйствительно, хорошимъ человѣкомъ.

— Благодарю васъ. Все это можетъ быть, но только, воля ваша, это невесело. У меня большія семейныя наклонности, но я потерялъ уже надежду сдѣлаться когда-нибудь семьяниномъ.

— Отчего же? Вы, вѣдь, далеко еще не стары.

— Нѣтъ, конечно, но... не въ ту колею я попалъ.

Онъ замолчалъ. Маржецкому показалось, что Титовъ вздохнулъ.

«Славный человѣкъ»,—опять подумалъ онъ.

— Послушайте, Аполлонъ Викторовичъ,—началъ послѣ молчанія Титовъ и положилъ руку на колѣно Маржецкаго, — отчего вы не познакомите меня съ Марьей Егоровной?

Маржецкій вздрогнулъ. Съ нимъ въ первый разъ заговорили о ней прямо, открыто, назвавъ полнымъ именемъ ту, чье присутствіе въ городѣ всѣмъ было извѣстно, но о комъ не принято бы-

ло говорить и имя которой считалось предосудительнымъ произносить въ обществѣ.

Онъ благодарно взглянулъ на Титова и крѣпко пожалъ ему руку.

— Спасибо,—сказалъ онъ смущенно.—Вы добрый, славный человекъ.

— Добрый?—изумился тотъ.—Но за что же? Я просто хочу познакомиться съ симпатичной, хорошенькой женщиной. Увѣряю васъ, это не изъ провинціального любопытства.

Они помолчали.

— Да,—спохватился Титовъ,—губернаторъ имѣетъ на васъ виды.

Маржецкій принялъ удивленный видъ.

— Виды?—переспросилъ онъ.

— Да, я забылъ только сказать вамъ. Николай Ивановичъ рѣдко говоритъ, вѣдь, со мной о дѣловыхъ предметахъ, но тутъ счелъ почему-то долгомъ посоветоваться со мной. Получены извѣстія о появленіи холеры въ губерніи. Онъ хочетъ командировать васъ по селеніямъ... удостовѣриться въ справедливости этихъ извѣстій. И вообще какіе размѣры она приняла и способы борьбы. Съ вами командировается врачъ Миткинъ, Петръ Петровичъ.

— Это такой толстый?

— Да, онъ самый. Ну такъ вотъ. Николай Ивановичъ спрашивалъ, въ состояніи ли вы отнестись серьезно къ этой задачѣ. Я и подумалъ: Марья Егоровна останется одна чуть не на цѣлый мѣсяцъ. Она никого здѣсь не знаетъ. Понятно, ей будетъ скучно. Я хоть и не веселый собесѣдникъ, ну, а, все-таки, буду изрѣдка навѣщать ее; мало ли что можетъ понадобится?

Маржецкій еще разъ горячо поблагодарилъ Титова. Предстоящая командировка не нравилась ему. Онъ уже привыкъ къ губернаторскому дому и столу, къ городу и обществу. Онъ обидѣлся. Ему лѣнь было трогаться въ путь, лишиться обстановки, къ которой привыкъ, комфорта, безъ котораго онъ всегда чувствовалъ себя скверно. Но дѣлать было нечего; нельзя было на первыхъ же порахъ отказываться или отмынивать отъ служебнаго порученія.

Къ нимъ опять подошла Лиза.

— Послушайте,—сказала она Маржецкому:—знаете вы послѣднюю нашу новость?

— Нѣтъ,—нерѣшительно отвѣтилъ онъ и подумалъ о командировкѣ.—Ужъ не говорите ли вы о холерѣ?

— О холерѣ?—удивилась она.—Откуда вы взяли? Развѣ есть

холера?—И она посмотрѣла на Титова, который дѣлалъ глазами знаки своему собесѣднику. — Ахъ, — разсмѣялась она, — это губернская тайна! Какой вы еще неопытный чиновникъ! — укорила она Маржецкаго. — Развѣ можно разглашать такія тайны? Вотъ вамъ за-дасть за это Алексѣй Александровичъ. Ну, не бойтесь, не бойтесь, никому не скажу. А будетъ въ самомъ дѣлѣ холера — въ сестры милосердія пойду.

— А какая же ваша новость? — спросилъ Маржецкій.

— О, совсѣмъ другого сорта. Я открыла, что губернаторша влюблена въ васъ.

— Въ меня? — чуть не вскрикнулъ Маржецкій.

— Въ васъ.

И она опять быстро вышла изъ комнаты.

— Этакая болтушка, этакая болтушка! — пробормоталъ съ смущеннымъ видомъ Титовъ вслѣдъ Лизѣ.

— У васъ такой видъ, — засмѣялся Маржецкій, — какъ будто вы, дѣйствительно, вѣрите въ эту шутку.

Титовъ взглянулъ на него и ничего не отвѣтилъ.

— А что вы думаете? — началъ онъ послѣ продолжительнаго молчанія, допивъ свой стаканъ чая. — Вѣдь, она способна на это.

— Какъ, влюбиться въ меня? — удивился Маржецкій.

Титовъ не сразу понялъ его.

— Нѣтъ, я не про губернаторшу, — отвѣтилъ онъ, — я говорю, что Лиза способна была бы пойти въ сестры милосердія.

— Да что вы?

— Право. Вы не смотрите, что она кажется такой пустой болтушкой. У нея золотое сердце.

— Да вы въ нее до сихъ поръ влюблены, Алексѣй Александровичъ! — воскликнулъ Титовъ.

— Я уже вамъ сказалъ, что — нѣтъ.

— Послушайте, какое же у нея золотое сердце, если она до сихъ поръ никого не полюбила?

— Кто вамъ сказалъ? Она любила, любила сильно, готова была пожертвовать своимъ положеніемъ, своимъ добрымъ именемъ, всѣмъ...

— Вотъ какъ! — удивился Маржецкій.

— Я, можетъ быть, не долженъ былъ бы рассказывать вамъ объ этомъ. А, впрочемъ, — у насъ, вѣдь, всѣ объ этомъ знаютъ. C'est le secret de Polichinelle, какъ говоритъ Наталья Сергѣевна. Сюда пріѣзжалъ одинъ полковникъ генеральнаго штаба изъ Петербурга. Онъ началъ ухаживать за ней и вскружилъ бѣдной дѣвуш-

къ голову. Она готова была на все. Кажется, они уговорились вмѣстѣ уѣхать отсюда въ Петербургъ. Я знаю, онъ требовалъ отъ нея этой жертвы.

— Но, позвольте, отчего же онъ просто не сдѣлалъ ей предложенія?

— Потому что онъ былъ женатъ, но съ женой разошелся давно.

— И чѣмъ же все это кончилось?

— Онъ уѣхалъ въ Петербургъ одинъ. Лиза должна была пріѣхать послѣ. Ну, само собой, страстныя письма съ обѣихъ сторонъ, пылкія изліянія изъ Петербурга на Кавказъ; потомъ письма изъ Петербурга стали рѣже и холоднѣе, съ Кавказа чаще и страстнѣе. Ну, а затѣмъ письма изъ Петербурга прекратились вовсе.

— Что же оказалось?

— Молодого полковника произвели въ генералы и назначили на очень выдающійся постъ. Но ему надо было исправить свое семейное положеніе, и онъ сошелся опять съ супругой. Вотъ и все.

— Такъ вотъ откуда ненависть къ петербуржцамъ! — улыбнулся Маржецкій.

— Развѣ она ненавидитъ петербуржцевъ? — удивился Титовъ.

У.

Наталья Сергѣевна пригласила Маржецкаго на «кавказскій завтракъ». У нея былъ поваръ имеретинъ, который европейскія блюда готовилъ неважно, на кавказскій ладъ, но за то туземную кухню зналъ въ совершенствѣ. Подали чихиртму — кисленьій сунъ изъ гүрицы, потомъ чихохбили изъ утки, пловъ изъ баранины и рису и шашлыкъ; въ видѣ десерта были фрукты, кофе по-турецки, съ гущей на двѣ маленькыхъ чашечекъ; вино пили бахетинское. Маржецкій оказалъ честь кавказской кухнѣ, ѣлъ съ аппетитомъ, и все ему очень нравилось. Къ бахетинскому вину, которое ему еще такъ недавно базалось кислымъ и отвратительнымъ на вкусъ, онъ не только привыкъ, но даже и пристрастился. Тогда, на пикникъ въ «Урочищѣ», онъ съ ужасомъ думалъ, что ему предстоитъ выпить этой «бурдючной кислятины» шесть стаканчиковъ, теперь онъ свободно выпивалъ бутылку и не чувствовалъ ни малѣйшей тяжести въ головѣ; только мысли текли свободнѣе и бѣстрѣе и веселѣе становилось на душѣ.

Губернаторша на него дулась. Она была очень недовольна

своимъ послѣднимъ вечеромъ и его поведеніемъ на немъ. Онъ былъ разсѣянъ, вялъ, отвѣчалъ невпопадъ; нелѣпнымъ выходкамъ Лизы смѣялся отъ души, а къ концу вечера удалился съ «этимъ противнымъ Титовымъ» въ уголь, откуда его нельзя было добыть никакими средствами. Не только она, но и многія дамы не одобряютъ его поведенія. Онъ говоритъ съ ними въ какомъ-то странномъ тонѣ, въ которомъ столько же пренебреженія, сколько и насмѣшки; хорошо, что онъ не понимаютъ этого, но она-то отлично научилась распознавать этотъ его «невыносимый тонъ». И, потомъ, что онъ находитъ въ Лизѣ? Эта дѣвушка «распускается» все болѣе и болѣе; ее необходимо подтянуть; конечно, во многомъ виновата ея недалекая маменька. Лиза доведетъ себя до того, что ее перестанутъ принимать въ порядочномъ обществѣ. Послѣ ея скандальной исторіи съ полковникомъ генеральнаго штаба, которую она, Наталья Сергѣевна же, постаралась замѣять и потушить и взяла Лизу подъ свое покровительство, эта барышня «закусила удила» и потеряла вовсе надлежащій тонъ. Такимъ образомъ она никогда не найдетъ себѣ жениха.

— Ахъ, матушка, — прервалъ эти изліянія губернаторъ, — намъ, право, не до того; ты можешь читать эти лекціи когда-нибудь въ другой разъ, на свободѣ; теперь намъ необходимо поговорить о дѣлѣ.

— У тебя всегда дѣла и именно тогда, когда я начинаю о чемъ-нибудь говорить, — замѣтила Наталья Сергѣевна и сдвинула брови, какъ дѣлала это часто, будучи чѣмъ-нибудь обижена.

Маржецкій опять замѣтилъ, что эта складка между бровями необыкновенно старила ея молоджавое лицо.

— Ты весь поглощенъ службой и рѣшительно не хочешь замѣчать своей жены, — продолжала она, все болѣе и болѣе раздражаясь и выходя изъ обычнаго ей спокойнаго состоянія. — Au fond — мнѣ это довольно безразлично, но заботиться о нашемъ домѣ, вести его, все-таки лежитъ на моей обязанности, и я въ своемъ домѣ не допущу того тона, который вносить въ него Лиза.

— И прекрасно, и прекрасно, — небрежно проговорилъ губернаторъ. — Это твое дѣло... Ты чѣмъ-то, очевидно, раздражена противъ бѣдной дѣвочки, но это меня не касается. Дай намъ поговорить о дѣлѣ...

— Сколько угодно, — сказала Наталья Сергѣевна и нервно двинула тарелку.

— Вамъ уже говорилъ Титовъ о командировкѣ? — обратился губернаторъ къ Маржецкому.

— Какъ же, ваше превосходительство...

— Нѣтъ, пожалуйста, зовите меня Николай Ивановичъ. Что?

— Слушаю-съ, ваше... Николай Ивановичъ.

— Вы поѣдете на будущей недѣлѣ, въ понедѣльникъ; зайдите въ канцелярію получить прогоны и открытый листъ...

— Какъ, ты посылаешь м-г Маржецкаго?—не удержалась Наталья Сергѣевна.

— Ну, да! А что?—ледянымъ тономъ спросилъ губернаторъ и поднялъ одну бровь, какъ бы желая сказать: «ужь не прикажешь ли съ тобою совѣтоваться, кого мнѣ послать?»

Наталья Сергѣевна измѣнилась въ лицѣ. Сегодня она была особенно нервно настроена и ей, повидимому, нездоровилось; по лицу ей пошли пятна и брови не раздвигались.

Маржецкій съ любопытствомъ слѣдилъ за нею и за этой «губернаторской стычкой». Супруги не стѣснялись при немъ, и онъ привыкъ къ ихъ взаимнымъ отношеніямъ, которыя онъ давно уже опредѣлилъ по-своему. Она казалась ему женщиной давно оскорбленной въ своемъ женскомъ достоинствѣ, замкнувшейся въ броню равнодушія и холодности къ мужу; онъ походилъ на человѣка, поглощеннаго дѣлами и нетерпѣливо отмахивающагося отъ назойливо надоѣдавшей ему мухи.

— Нѣтъ, ничего,—отвѣтила Наталья Сергѣевна.— Я хотѣла только сказать, что ты, вѣроятно, забылъ одно обстоятельство...

— Какое?—нетерпѣливо крикнулъ губернаторъ.

— Ты отлично знаешь, что я просила м-г Маржецкаго заняться организаціей чтенія для арестантовъ. Нашъ комитетъ уже выработалъ программу, и это дѣло уже совершенно налажено.

— Да, но что же дѣлать, та снѣге, есть дѣла поважнѣе твоихъ арестантовъ. Что?

— Поважнѣе моихъ арестантовъ?—проговорила она, упирая на слово «моихъ». —Но ты—вице-президентъ тюремнаго комитета и они скорѣе твои, чѣмъ мои. О. Василій даже выбралъ чтенія: «О блудномъ сынѣ», а м-г Маржецкаго я просила прочесть что-нибудь историческое. И первое чтеніе, съ волшебнымъ фонаремъ, назначено на вторникъ.

— Такъ назначьте его на воскресенье и пусть, наконецъ, читаетъ Титовъ. Довольно, что ты и Титова отвлекла отъ его прямыхъ обязанностей, не могу же я тебѣ отдать всѣхъ чиновниковъ... для твоихъ затѣй.

— Для моихъ затѣй! Но ты самъ относился очень сочувственно къ этой моей затѣѣ. Ты самъ говорилъ и о громадномъ нрав-

ственно-воспитательномъ вліяніи этихъ чтеній, и объ уменьшеніи растлѣвающего вліянія тюрьмы... Скоро же ты остылъ.

— *Voilà, ma chèrre*, — наконецъ, строго сказалъ Николай Ивановичъ, — *cherchez moi la paix*. Здѣсь не мѣсто и не время... Дѣлай чтеніе въ воскресенье—это даже вполне подходящий къ случаю день...

Такъ какъ завтракъ кончился, то онъ, не говоря больше ни слова, всталъ и увелъ къ себѣ въ кабинетъ Маржецкаго.

Губернаторша послала за Титовымъ.

— Какъ не хорошо съ вашей стороны, что вы не предупредили меня о командировкѣ Маржецкаго!—сухо сказала она ему. — Разошлите повѣстки, что чтеніе для арестантовъ состоится въ воскресенье... И такъ какъ Маржецкій долженъ готовиться ѣхать, то не откажите прочесть что-нибудь историческое—вы.

Тонъ ея былъ отрывистъ и нервенъ. Титовъ первый разъ слышалъ въ ея устахъ этотъ тонъ, и онъ показался ему новымъ.

Онъ сдержанно поклонился и хотѣлъ выдти. Она его задержала.

— Надолго ѣдетъ Маржецкій?—уже другимъ тономъ спросила она.

— Ближе мѣсяца не будетъ.

— Вотъ какъ!—протянула она.

— Иванъ Петровичъ пріѣхалъ изъ отпуска, — сообщилъ ей Титовъ.

Лицо губернаторши измѣнилось. Она даже чуть поблѣднѣла.

— Но срокъ его отпуска, вѣдь, не кончился?—тревожно спросила она.

— Онъ вернулся раньше срока.

— Съ лицомъ все такого же сфинкса, какъ всегда?

— Какъ всегда, — улыбнулся Титовъ.

— Я увѣрена, что онъ ѣздитъ въ Петербургъ разнохивать, чѣмъ тамъ пахнетъ... И подготовить почву...

— Почву для чего?

— Вы отлично знаете... Чтобы подкопаться подъ мужа. Господину Бальцеру надоѣло быть вице-губернаторомъ и онъ ведетъ свою политику. И съ его каменнымъ лицомъ и каменною душою онъ скоро достигнетъ своего. Такіе люди опасны. Ихъ нельзя держать около себя. И когда онъ, обиженный, что не его назначили губернаторомъ, хотѣлъ перевестись отсюда, не слѣдовало его удерживать... Только Николай Ивановичъ съ своей недальнозоркостью могъ сдѣлать такой неполитическій шагъ и создать около себя какого-то постоянного цензора, критически слѣдящаго за нимъ и

вѣчно и во всемъ ему противодѣйствующаго. Но Николай Ивановичъ, какъ всѣ безхарактерные люди, упрямъ и не хочетъ слушать моихъ совѣтовъ. Я говорю съ вами какъ съ другомъ, Титовъ; у Бальцера большія связи въ Петербургѣ, а Николай Ивановичъ добился своего положенія исключительно службой... Enfin, это все не мое дѣло... какъ говоритъ тотъ же Николай Ивановичъ.

Титовъ ушелъ, Наталья Сергѣевна осталась одна и задумалась.

Она терпѣть не могла этого вице-губернатора, высокаго, сухого человѣка, въ темныхъ очкахъ, съ его загадочнымъ, вѣчно проницательно улыбающимся лицомъ и дѣловитою, уравновѣшенною душою. Она отлично замѣчала его презрительно-снисходительное отношеніе къ Николаю Ивановичу и его дѣятельности въ губерніи; она также замѣчала и его отношеніе къ ней самой и къ ея предсѣдательствованіямъ въ различныхъ комитетахъ—швейныхъ школъ, чайныхъ и ночлежныхъ домовъ, чтенія для арестантовъ и другихъ. Ко всему этому онъ относился какъ-то брезгливо и въ тѣ рѣдкія минуты, когда удостоивалъ ее разговоромъ, очень не тонко высказывалъ свои взгляды. По его мнѣнію, ночлежные дома слѣдовало бы уничтожить, каждый долженъ зарабатывать себѣ деньги на ночлегъ и на пищу. Даровой ночлегъ и даровая пища—льгота туземцамъ; кто, по физической немощи, не въ состояніи зарабатывать себѣ необходимый кровъ и пропитаніе, долженъ ложиться въ больницу или, по дряхлости лѣтъ, идти въ богадѣльню. Той же участи должны подвергнуться и чайныя,—въ нихъ скапливаются неблагонадежные элементы, разные шелопаи и бездѣльники; тамъ раздаются праздные разговоры и даже обсуждаются губернскія дѣла. Кажется, сторожа этихъ чайныхъ домовъ были его клеветами и доносили ему о «внутренней политикѣ» этихъ учреждений. Вообще «босяковъ», «золоторотцевъ» города, этотъ опасный и вредный элементъ—слѣдуетъ держать въ уѣздѣ, а вовсе не поить чаемъ; да и само чаепитіе—занятіе не важное, оно требуетъ слишкомъ много времени и располагаетъ къ болтливости. Онъ противъ этого «культа босняка» и всегда будетъ ратовать противъ него. Къ швейнымъ школамъ онъ относится тоже отрицательно; по его мнѣнію, это институтъ будущихъ проститутокъ. По этому поводу онъ много не любилъ распространяться, но, повидимому, это было его самымъ твердымъ убѣжденіемъ. Но онъ не только все отрицалъ; у него были и положительные идеалы,— правда, нѣсколько странныя для свѣжаго человѣка, но къ которымъ Наталья Сергѣевна уже прислушалась. По его мнѣнію, которое дошло до нея, впрочемъ, стороною, губернаторами слѣдовало бы назначить

людей исключительно холостыхъ; тогда не было бы губернаторшъ, а слѣдовательно и предсѣдательницъ всякихъ благотворительныхъ и иныхъ комитетовъ. Тогда не было бы и чтеній для арестантовъ, которымъ нужны не чтенія, а скорѣе ежевыя рукавицы. Тогда не было бы и самихъ комитетовъ. Единственно, что нужно городу и губерніи, это — твердую, властную правящую руку, которая бы безъ послабленія и сантиментальностей утверждала бы законъ и слѣдила за точнымъ его исполненіемъ. Отмѣна крѣпостного права, по мнѣнію Бальцера, была если и не политическою ошибкой, то, во всякомъ случаѣ, крупною несвоевременностью. Это можно было бы исправить, и онъ въ головѣ своей лелѣялъ проектъ этого исправленія. Всѣхъ незаконнорожденныхъ дѣтей можно было бы обращать въ крѣпостное состояніе; если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые наполняютъ воспитательные дома; такимъ образомъ составилъ бы незамѣтно и постепенно особый классъ крестьянъ, вродѣ класса бывшихъ когда-то государственныхъ крестьянъ. Этотъ удивительный проектъ былъ разработанъ имъ въ формѣ доклада, во всѣхъ подробностяхъ, съ историческимъ обзорѣніемъ вопроса, въ видѣ обширнаго предисловія, и статистическими данными и таблицами, въ видѣ приложений. Проектъ давно уже лежалъ у него въ столѣ и выжидалъ благопріятнаго момента для своего появленія на свѣтъ. Губернаторъ долженъ быть, по его мнѣнію, непременно родовитъ, имѣть сословныя и бюрократическія связи въ Петербургѣ, которыя бы давали ему точку опоры и вѣсь его авторитету. Онъ долженъ быть богатъ, чтобы чувствовать свою независимость и достойно представлять въ губерніи правительство. Вотъ почему Ахленинъ ни съ какой стороны не годился въ губернаторы и представлялъ, въ его глазахъ, одно лишь временное недоразумѣніе, которое давно слѣдовало бы устранить.

Наталья Сергѣевна отлично знала всѣ эти планы, проекты и мечты Бальцера. Она отлично понимала и его прямолинейный, настойчивый характеръ, и она была увѣрена, что онъ рано или поздно — и даже скорѣе рано, чѣмъ поздно — устранить «недоразумѣніе» въ лицѣ ея мужа. Бальцеръ ѣздилъ періодически въ Петербургъ, гдѣ его ближайшій родственникъ занималъ высокій постъ и гдѣ у него былъ собственный домъ; напротивъ, у Николая Ивановича не было ни родственниковъ, ни домовъ въ Петербургѣ; онъ былъ «бѣднымъ губернаторомъ», избѣгавшимъ давать обѣды и вечера, копившимъ жалованье и урѣзывавшимъ суммы, отпускавшіяся на представительство, прогоны для разъѣздовъ по губерніи и на непредвидѣнные расходы. Бальцеръ «третировалъ» Николая Ивано-

вича: рѣдко бывалъ у него въ домѣ, не встрѣчалъ его по возвращеніи губернатора изъ поѣздокъ, отговариваясь нездоровьемъ, и оспаривалъ его предписанія и распоряженія. Да, это былъ очень неудобный вице-губернаторъ для Николая Ивановича, но его нужно было терпѣть, какъ китайскіе мандарины и вице-короли терпятъ приставленныхъ къ нимъ соглядатаевъ.

Все это пронеслось вихремъ по душѣ Натальи Сергѣевны, и ей сбѣлалось горько. Она плохо понимала общее направленіе политики, но и она смутно чувствовала, что времена «послабленій» и «диктатуры сердца» прошли, повѣяло чѣмъ-то новымъ; вездѣ устанавлилась власть на твердыхъ началахъ и провозглашался принципъ твердаго правительственнаго режима. Пожалуй, дѣйствительно, Николай Ивановичъ съ его безхарактерностью и неимѣніемъ опредѣленной программы, съ его шатаніями и недоумѣніями очутится вскорѣ не ко двору и долженъ будетъ уступить мѣсто Бальцеру съ его принципами неукоснительной власти и твердой руки.

Но не одно это ее угнетало. Въ послѣднее время она рѣшительно не могла сообразить, что съ нею творится. Въ эти два мѣсяца въ ея душѣ выросло что-то новое, неизвѣданное, странное. При Маржецкомъ она еще чувствовала себя прекрасно; когда же его не было, ею овладѣвала скука, — не та скука, въ которой онъ упрекалъ ее въ первое же ихъ свиданіе и знакомство, выражавшаяся въ излюбленномъ ею словечкѣ «скушно», произносившемся ею на московскій ладъ, — нѣтъ, эта скука переходила во что-то ноющее, какъ зубная боль, во что-то тягучее и постоянное, что можно было бы назвать сердечною тоской.

Иногда ночью ей приходило на умъ, ужъ не любовь ли это? И она сама смѣялась этой «сумбурной идеѣ», пробовала себя увѣрить, что это невозможно, что это просто даже смѣшно. Въдѣ ей 38 лѣтъ! Это просто отъ жизни въ этомъ захолустьѣ. И, право, кажется, будетъ даже хорошо, если Николай Ивановичъ оставитъ мѣсто губернатора. Они куда-нибудь уѣдутъ изъ этой провинціальной дыры. Во всякомъ случаѣ, у нихъ останется то же жалованье въ видѣ пенсіи, — это можно будетъ всегда выхлопотать, — но за то расходовъ будетъ меньше, не надо будетъ содержать этого огромнаго дома и какъ-никакъ кормить столько «некчемныхъ» людей. И опять при мысли объ отъѣздѣ выплывалъ образъ Маржецкаго, и ей становилось странно - жутко. Въдѣ онъ мальчишка въ сравненіи съ нею; и онъ связанъ съ другою женщиной. Да и она занимаетъ такое положеніе и находится въ такомъ возрастѣ, когда всякое увлеченіе вызываетъ въ другихъ обидную улыбку снисхо-

дательной жалости. Да нѣтъ! Это совсѣмъ не то!—пробовала она утѣшать себя.—Но тогда зачѣмъ же бьется такъ странно ея сердце, когда она слышитъ мягкіе шаги Маржецкаго по мягкому ковру своей гостиной? Но тогда почему ей дѣлается жутко въ его отсутствіе и почему ее гложетъ мысль, что онъ въ это время находится въ присутствіи другой женщины? Какая это женщина? Что это за невидимка? Она ее еще ни разу не видала. Прячетъ ли онъ ее такъ тщательно изъ ревности, или ему совѣстно ее показывать? Вѣдь, могла бы она ее увидѣть на бульварѣ, гдѣ никому не запрещено ходить, ни даже незаконнымъ женамъ? Или въ городскомъ саду, или, наконецъ, въ театрѣ? Почему она, Наталья Сергѣевна, такъ не влюбилась эту несносную *Lise fin de siècle*? Она стала къ ней чувствовать родъ органическаго отвращенія. Эта дерзкая дѣвчонка—дѣйствительно «необузданная», какъ ее называетъ старуха Хомякова. И у ней несомнѣнно что-то есть съ Маржецкимъ. Что онъ нашелъ въ ней? Залихватскія манеры, бравированье велисипедомъ и верховою ѣздой...

И чѣмъ больше она думала о Лизѣ и о Маржецкомъ, тѣмъ болѣе росло раздраженіе противъ обоихъ. Она охотно бы уступила теперь Титова Николаю Ивановичу, съ тѣмъ, чтобы Маржецкій замѣнилъ его при ней; но, конечно, Николай Ивановичъ на это не пойдетъ. А Маржецкій? Онъ, кажется, тоже не прочь поухаживать за этой Лизой. И что они всѣ,—она припомнила увлеченіе Титова, въ ней находятъ?

Она опять стала вспоминать первое знакомство съ Маржецкимъ. Какимъ онъ ей тогда показался «петербургскимъ» молодымъ человекомъ, съ готовыми словами и банальными комплиментами на устахъ, съ цвѣтистою рѣчью и выработанными манерами! Даже добродушный Титовъ тогда тонко ухмылялся его рѣчамъ, его довольно неискреннимъ восторгамъ.

А теперь? Что же пережилось въ немъ? Онъ все такой же; только она стала другою. И вотъ онъ теперь уѣдетъ, уѣдетъ на цѣлый мѣсяць, а она останется съ Титовымъ, съ чайными, съ арестантскими чтеніями; и эти чтенія-то она затѣяла, чуть ли не съ тайною цѣлью щегольнуть передъ Маржецкимъ своимъ просвѣщеннымъ взглядомъ на вещи, своимъ гуманнымъ отношеніемъ къ людямъ. Но онъ вообще кажется «сухарь», и его ничто не интересуетъ, кромѣ его самого. Одно время онъ пробовалъ ей говорить что-то цвѣтисто-поэтическое, о правахъ женщины на любовь, о томъ, что женщины всегда столько лѣтъ, сколько ей кажется, даже очень тонко намекалъ, что не прочь увлечься ею. Но она сама его оста-

новила. Ужь очень все это было неискренне и главное обидно-снисходительно. Какъ будто она у него выпрашивала что-то или добивалась чего-то!... Нѣтъ, Богъ съ нимъ, такого, какъ онъ есть, ей не нужно!

Но, тогда, отчего же сердце ея сжимается при одной мысли объ его отъѣздѣ? Ахъ, какъ ей будетъ тогда опять «скушно»!

VI.

Небольшая и не очень свѣтлая комнатка была полна народу. Тутъ, въ особо отгороженномъ мѣстѣ, толпились арестанты; среди этой толпы было много характерныхъ, типичныхъ лицъ русскихъ и туземцевъ всевозможныхъ народностей Кавказа. Было и нѣсколько женщинъ; около двухъ-трехъ изъ нихъ, держась за ихъ юбки, стояли дѣти. Это были тѣ несчастныя дѣти преступныхъ матерей, которымъ некуда было дѣваться, за неимѣніемъ въ городѣ отдѣла общества попеченія о дѣтяхъ ссылаемыхъ по приговорамъ судовъ родителей. И они оставались при осужденныхъ матеряхъ. Тутъ же, на особой эстрадѣ, на которой былъ установленъ волшебный фонарь, сидѣли священникъ о. Василій, учитель физики изъ мѣстной классической гимназій, управляющій фонаремъ, почетный мировой судья и Титовъ.

За особою рѣшеткой, въ небольшомъ залѣ, сидѣла публика. Въ первомъ ряду на простыхъ вѣнскихъ стульяхъ расположилась губернаторша и ея штатъ: Марья Львовна Зорина, старуха Хомякова, полковникъ въ черескѣ, Петръ Петровичъ Митвинъ, губернский и домашній врачъ губернаторши, и Маржецкій.

Маржецкій, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій, суетился и бѣгалъ по порученіямъ Натальи Сергѣевны съ эстрады въ публику и обратно. Во второмъ ряду было нѣсколько приглашенныхъ: Бѣльскій, Зуева, Рувимская и обѣ княжны, которыя было сунулись въ первый рядъ, но, увидя, что тамъ все занято, сдѣлали гримасу, пожимали плечами и усѣлись рядомъ съ Бѣльскимъ. Лиза Хомякова была тоже тутъ и нашла себѣ мѣсто около княжны Вари.

Чтеніе началось съ пѣнія. О. Василій подошелъ къ арестантамъ, пошептался съ ними, пустилъ двѣ-три низковатыя ноты, откашлялся и затянулъ «Царю Небесный». Арестанты подхватили. Сначала хоръ шелъ нестройно, потомъ все наладилось и вышло недурно.

— Вы ѣздили къ вице-губернатору?—спросила вполголосау Маржецкаго Наталья Сергѣевна, во время пѣнія.

— Какже!—быстро проговорилъ Маржецкій. — Онъ меня не принялъ. Выслалъ извиниться и сказать, что онъ чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровымъ.

— Ну да, конечно!—критически проговорила Наталья Сергѣевна.

Послѣ пѣнія началось чтеніе. Титовъ, невнятно и запинаясь, хотя читалъ по книгѣ, прочелъ *Сказку о золотой рыбки* и *О томъ, какъ собиралась земля русская*, причемъ учитель физики показывалъ картинки волшебнаго фонаря, сначала очень неудачно, но потомъ все удачнѣе и удачнѣе.

— Имъ бы лучше что-нибудь о *Золотой рыбки* прочесть, чѣмъ о *Золотой рыбки*, — сострилъ Бѣльскій и самъ первый засмѣялся.

— Taisez-vous, Voldemar, — толкнула его локтемъ одна изъ княженъ.

— Почему имъ читаютъ о *Золотой рыбки*?—уже серьезно спрашивалъ полковникъ, нагнувшись къ Зориной.

— И прескверно читаютъ... нужно отдать справедливость Титову,—добавилъ кто-то.

— Да, просто, мнѣ кажется, потому, что въ фонарѣ не нашлось другихъ картинъ,—догадалась Лиза, и это ея замѣчаніе, сказанное неосторожно громко и попавшее какъ нарочно въ паузу, сдѣланную Титовымъ, услышала Наталья Сергѣевна.

Она наморщила брови и, нагнувшись къ Маржецкому, сказала ему:

— Попросите, пожалуйста, отъ моего имени, не разговаривать такъ громко приглашенныхъ.

Онъ поклонился и волей-неволей подошелъ къ Лизѣ, такъ какъ губернаторша, повернувъ въ ея сторону голову, очевидно настоятельно ждала исполненія своего приказанія.

— Не трудитесь,—сказала спокойно Лиза, когда Маржецкій очутился въ двухъ шагахъ отъ нея. — Я уже слышала.

Чтеніе тянулось долго въ залѣ, погруженномъ во тьму.

Оно, очевидно, при всѣхъ своихъ несовершенствахъ, поправилось арестантамъ, потому что изъ толпы раздавались одобрительные возгласы и сдержанный смѣхъ. Особенно радовались дѣтишки, когда на экранѣ появлялась картинка. Около арестантовъ-туземцевъ стоялъ переводчикъ и вполголоса переводилъ, насколько умѣлъ и насколько успѣвалъ, за Титовымъ сказку. Но такъ какъ онъ переводилъ на одномъ языкѣ, то для другихъ чтеніе оставалось все-таки непонятнымъ. Тѣмъ не менѣе, всѣ они слушали съ

напряженнымъ вниманіемъ, ловили каждое слово, морщили свои лбы, стараясь постичь смыслъ прочитаннаго, и находились въ какомъ-то сосредоточенно-праздничномъ настроеніи. Чувствовалось, что жажда духовной пищи, жажда человѣческаго добраго слова была велика въ этихъ людяхъ. Когда въ залѣ дѣлалось темно, они становились смѣлѣе, рѣшительнѣе смѣялись и вырывавшіяся слова становились громче и яснѣе.

Но «публикѣ» затянувшееся чтеніе стало надоѣдать, и въ рядахъ ея начались посторонніе разговоры. Полковникъ въ черкескѣ раза два зѣвнулъ и, извинившись передъ сосѣдомъ, безшумно всталъ и отправился курить; къ нему присоединилось еще двое. На свободное кресло, очутившееся около губернаторши, сѣлъ Маржецкій.

Наталья Сергѣевна очень обрадовалась этому сосѣдству. Ей самой дѣлалось скучно. Монотонный голосъ Титова усыплялъ ее и внутри ея все еще не улеглись тѣ мысли, которымъ она два дня тому назадъ такъ малодушно позволила овладѣть ею. И она сильно пониженнымъ голосомъ заговорила съ Маржецкимъ.

— Итакъ, вы уѣзжаете? — сказала она. — Это рѣшено безповоротно?

— Да, уѣзжаю, — просто отвѣтилъ Маржецкій.

— Вы это такъ сказали, какъ будто очень этому радуетесь?

Маржецкій, подумавъ съ минуту и сдѣлавъ видъ, что прислушивается къ чтенію Титова, отвѣтилъ:

— Конечно, радуюсь, Наталья Сергѣевна.

— Но почему же? — раздраженно спросила она его.

— Мнѣ очень интересно прокатиться, познакомиться немного со страной...

— Я съ самаго начала нашего знакомства опредѣлила васъ вѣрно.

— Какъ? — спросилъ онъ не безъ любопытства.

— Вы — сухарь.

— Почему же — сухарь? — удивился онъ.

— Какъ! Вы уѣзжаете съ легкимъ сердцемъ, вы покидаете здѣсь на цѣлый мѣсяць два женскихъ сердца, которыя бьются только для васъ...

Маржецкаго передернуло. Онъ сообразилъ не сразу и съ любопытствомъ поглядѣлъ на губернаторшу.

— Два женскихъ сердца? — повторилъ онъ. — Какихъ два женскихъ сердца?

— Ахъ, Боже мой! Одно то, съ которымъ вы сюда пріѣхали...

Маржецкій нахмурилъ брови. Онъ очень не любилъ, когда начинали говорить о Марусѣ.

— А другое?—сухо спросилъ онъ, и сердце его дрогнуло. Ему вдругъ пришла на умъ нелѣпная идея: «а вдругъ она назоветъ себя?»

— Какой вы дипломатъ! — прошептала она. — Какъ будто не знаете? А Лиза?

— Лиза? — повторилъ онъ и смутился. — Но вы ошибаетесь, Наталья Сергѣевна...

Онъ взглянулъ на нее сбоку и, несмотря на царившую въ залѣ тьму, ему показалось, что на ея лицѣ появилось недоброе выраженіе.

«Неужели Лиза права была?» — подумалъ онъ, вспомнивъ ея выходку на губернаторскомъ вечерѣ.

И ему вдругъ безумно захотѣлось испытать губернаторшу. Онъ не сталъ продолжать начатой фразы и вдругъ, почти неожиданно само собой вырвалось у него восклицаніе:

— Можетъ быть и третье сердце найдется?

Онъ увидѣлъ, какъ Наталья Сергѣевна вздрогнула съ ногъ до головы. Въ первомъ ряду было достаточно свѣтло, чтобъ увидѣть, какъ по лицу ея пошли пятна. Она, очевидно, испугалась такого рѣзкаго прямого намека и не знала, какъ къ нему отнестись.

— О комъ вы говорите? — тихо, дрожащимъ отъ волненія голосомъ спросила она, и онъ почувствовалъ въ этомъ вопросѣ признаніе.

Онъ уже раскаивался въ своей смѣлости.

Она смотрѣла на него пристально, въ самые его зрачки, какъ будто хотѣла проникнуть въ самую сокровенную суть, въ самую глубину его души. И въ этомъ вопросительномъ взорѣ было столько тревоги, столько тепла, столько обиды за свое нераздѣленное чувство, что ему стало жаль ее, и онъ въ это краткое мгновеніе все понялъ.

Онъ хотѣлъ отвѣтить—какъ?—онъ и самъ не зналъ. Первое, что подвернулось бы на языкъ, можетъ быть, было бы самымъ лучшимъ отвѣтомъ. Но, въ это время, раздался звонокъ. Первое отдѣленіе кончилось. Залъ ярко освѣтили, публика стала шумно вставать; задвигали стульями, громко заговорили. Губернаторшу тотчасъ окружили.

— Хорошъ!—оживленно заговорила она, обращаясь къ полковнику, — курить пошелъ!

Тотъ оправдывался, добродушно улыбаясь:

— Что дѣлать, Наталья Сергѣевна, еслибъ я былъ арестантомъ, и то я предпочелъ бы, чтобы мнѣ разрѣшили курить, вмѣсто того, чтобы слушать чтеніе нашего милѣйшаго Алексѣя Александровича.

Всѣ засмѣялись.

Титовъ вошелъ въ залъ. Онъ былъ мраченъ. Совсѣмъ это не его дѣло читать. Онъ и не любитъ этого и не умѣетъ. Онъ страшно волнуется и конфузится. Хорошъ и Маржецкій—ловко сумѣлъ отказаться подъ видомъ командировки. «Не успѣлъ бы приготовить». Губернаторша благодарила Титова и просила его не хмуриться. Зорина его хвалила и расточала похвалы губернаторшѣ за блестящую идею чтеній, которая не пришла бы въ голову даже ея мужу.

— На то, вѣдь, онъ и прокуроръ! — вполголоса раздалось около нея, и она сдѣлала видъ, что не слыхала этой фразы.

Но въ этомъ голосѣ Маржецкій узналъ тотъ ворчливый, недовольный голосъ, который обозвалъ его «петербургскимъ фазаномъ» на пикникѣ въ «Урочищѣ». Этотъ голосъ принадлежалъ Миткину, тому именно доктору, съ которымъ послѣ завтра Маржецкому предстоитъ совершить «холерное турне» по губерніи.

«Ахъ, вотъ ты каковъ!» — подумалъ Маржецкій и съ любопытствомъ оглядѣлъ доктора.

Онъ воспользовался случаемъ и ускользнулъ отъ губернаторши. Онъ упрекалъ себя за неосторожно вырвавшіеся слова. «Какъ это было пошло и глупо!—говорилъ онъ себѣ,—вѣдь, такъ не далеко было и до объясненія, до настоящаго объясненія,—думалъ онъ,—и тогда что? Или притворяйся и разыгрывай комедію все время, или хоть опять переводись куда-нибудь».

Онъ еще разъ взглянулъ въ сторону губернаторши. Она казалась ему блестящей, молодой, свѣтской дамой. У нея бывали удивительно счастливыя минуты. Морщинки между бровями и въ углахъ глазъ расправлялись, щеки розовѣли, глаза пріобрѣтали особый блескъ. И тогда вся она дышала молодостью и не нашлось бы ни одного человѣка, который далъ бы ей ея 38 лѣтъ.

— Любуетесь своей патронессой?—услыхалъ онъ около себя чей-то голосъ, который не могъ сразу узнать.

Это говорила Лиза.

Лиза была раздражена, и глаза ея горѣли лихорадочнымъ пламенемъ.

— Вы знаете, мнѣ она надоѣла, ваша начальница, съ своими преслѣдованьями,—рѣзко начала она, обрушиваясь на Маржец-

каго.—И какая безтактная! Мнѣ присылаетъ приказъ молчать, а сама пустозвонить съ вами во все время чтенія. Что она, въ любви вамъ объяснялась, что ли?

Маржецкій посмотрѣлъ на нее въ удивленіи.

— Я въ первый разъ вижу васъ въ такомъ возбужденіи,—спокойно проговорилъ онъ.

— Она мнѣ надоѣла, надоѣла, надоѣла!—упорствовала на своемъ Лиза.

— И прекрасно,—наконецъ, разсердился онъ,—но я-то тутъ при чемъ? За что вы мнѣ дѣлаете эту сцену?

— Сцену?—она вдругъ засмѣялась.—Я не имѣю права дѣлать вамъ сцены! На это имѣли право другія.

— Другія?—повторилъ онъ.—Кто же?—и посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Да хотя бы госпожа ваша начальница.

— На правахъ?...—протянулъ онъ.

— Ну, конечно, начальницы, а не любовницы!—рѣзко сказала она.—До этого-то, можетъ быть, и не дошло еще.

Онъ все больше и больше изумлялся. «Какая муха ее укусила?—думалось ему.

— И никогда не дойдетъ,—твердо выговорилъ онъ.

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю.

Она груто повернулась и хотѣла удалиться, но онъ остановилъ ее. Онъ въ этотъ вечеръ былъ какъ-то смѣло настроенъ и ему захотѣлось теперь испытать Лизу.

— А знаете, о чемъ мы говорили съ Натальей Сергѣевной?—спросилъ онъ ее.

— Очень нужно!—небрежно проговорила Лиза.

— О васъ.

— Обо мнѣ? Вотъ какъ! Это—ново...

— Да, о васъ.

— И что же?

— Представьте себѣ, Наталья Сергѣевна обвиняетъ васъ въ томъ же, въ чемъ вы ее обвинили, тогда на вечерѣ у нея.

— То-есть? Говорите яснѣе. Мало ли въ чемъ я ее обвиняла?

— Что она влюблена въ меня...

— Ахъ, вотъ что!—вскрикнула она и громко захохотала.—

И вы, конечно, этому повѣрили?

— Нѣтъ, конечно... но...

— И напрасно! Это совершенно вѣрно.

Она опять захохотала и довольно искренно, какъ показалось Маржецкому.

— Только, вѣдь, это никому не опасно,—вернувшись къ нему на минуту, сказала она, — «мою любовь, широкую какъ море, вмѣстить не могутъ жизни берега»...

— Почему?—спросилъ онъ.

— Потому, что моя любовь—бѣлая акація!...

И она быстро отъ него удалилась.

«Шутить она или не шутить?»—промелькнуло у него въ головѣ.

Онъ посмотрѣлъ ей въ слѣдъ. Ея воздушная фигурка производила на него какое-то отрадное, жизнерадостное впечатлѣніе:— «это совсѣмъ не то, что губернаторша»,—подумалось ему. Она была одѣта просто, какъ всегда, но съ большимъ вкусомъ. И всегда, при ея приближеніи, онъ чувствовалъ какое-то странное волненіе, ощущеніе чего-то такого новаго, неизвѣданнаго.

Вокругъ него о чемъ-то говорили, перешептывались, кивали головами по одному и тому же направленію; всѣ взоры женщинъ были устремлены въ отдаленный уголъ залы, и онъ, невольно заинтересовавшись, посмотрѣлъ туда же.

Онъ почувствовалъ, что блѣднѣетъ, что колѣни его начинаютъ подгибаться. Можетъ ли это быть? Кажется это ему, или онъ видитъ это на-яву? Да, это несомнѣнно она, это—Маруся. Какъ она могла сюда попасть? Чья это шутка? На что рассчитанъ этотъ скандалъ? Бѣмъ онъ подстроены? Кровь стала приливать къ его лицу. Маруся скромно стояла въ уголку, прислонившись къ стѣнѣ, на виду у всѣхъ, и въ ея большихъ мечтательныхъ и грустныхъ глазахъ стояло смущеніе, почти испугъ. Бѣгло осматривала она залу, какъ будто ища чьей-нибудь опоры, и на блѣдныхъ щекахъ ея вспыхивалъ румянецъ, тотчасъ же смѣнявшійся обычной блѣдностью. Она была въ черномъ платьѣ, которое отлично шло къ ней и представляло изъ себя чудесную рамку къ ея блѣдной, умирающей красотѣ.

— Une escuère!—услышалъ онъ около себя шипящій голосъ княжны Вари.—Этого не доставало! Кто ввелъ ее сюда?

Маржецкій повторялъ въ десятый разъ тотъ же вопросъ: «кто ввелъ ее сюда?»—но ему некогда было отвѣчать себѣ на этотъ вопросъ. Онъ озирался, какъ раненый звѣрь. Онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ. Мелькомъ взглянулъ онъ на губернаторшу. Онъ видѣлъ, какъ Рувимская, скромная и забытая провинціальная дама, жена мѣстнаго казначея, воспользовавшись столь экстраординарнымъ случаемъ, осмѣлилась прервать разговоръ Натальи Сер-

гѣвны съ Настей Зуевой и обратить вниманіе губернаторши на появленіе новой особы.

Губернаторша сначала удивилась бойкости забитой дамы и выслушивала ее, высоко поднявъ брови, что служило у нея знакомъ удивленія, перемѣшаннаго со снисхожденіемъ. Но потомъ, выслушавъ до конца, она быстро вооружилась лорнетомъ на длинной черепаховой ручкѣ и еще быстрѣе обернулась въ роковой уголокъ. Подробно осмотрѣвъ новую гостью, она встрѣтилась глазами съ Маржецкимъ и спокойно сѣла на свое мѣсто.

Взгляды публики переходили съ взволнованнаго лица Маруси на Маржецкаго. Одни снисходительно, чуть замѣтно ухмылялись, другіе смотрѣли съ ехидствомъ, которое онъ не могъ перевести себѣ иначе, какъ «что, попался, голубчикъ?» третьи съ плохо скрытымъ злорадствомъ: «ну, наконецъ - то, хоть маленькій скандалчикъ».

«Подлецы!» — подумалъ Маржецкій и стиснулъ зубы. Ему захотѣлось отомстить. Онъ чувствовалъ, что Марусѣ не по себѣ, что она готова провалиться севозъ землю отъ всѣхъ этихъ устремленныхъ на нее взоровъ, что она ищетъ его взгляда, чтобы найти въ немъ опору, помощь, сочувствіе. Тѣмъ хуже для нея! Онъ демонстративно отвернулся и опустилъ глаза. Съ презрѣннымъ малодушіемъ онъ не узналъ ее.

Нервно выхватилъ онъ часы. Какъ тянется проклятое время! Хоть бы ужъ начинали скорѣе второе отдѣленіе.

Наконецъ, всѣ сѣли.

Позади онъ слышалъ опять отрывки разговоровъ двухъ княженъ съ Бѣльскимъ; къ нимъ присоединилась и Настя Зуева — «пламенная дѣвица», какъ ее прозвала Лиза. Они, очевидно, судачили о Марусѣ. «Пошли теперь кумить», — вспомнилось ему неволью любимое выраженіе балетнаго жаргона Маруси.

— Она совсѣмъ, совсѣмъ неграціозна, — говорила княжна. — Я не знаю, что мужчины могутъ находить въ подобныхъ женщинахъ.

— И потомъ она подкрашена, — прибавила другая.

Бѣльскій протестовалъ. Онъ-то ужъ хорошо знаетъ, что значитъ быть подкрашенной. Вотъ его корифеечка, Лена Ермолаева, та дѣйствительно занимается «ричи-пучи», и онъ сдѣлалъ рукой жестъ, какъ бы нарумянивая себѣ щеки, и, по обыкновенію, первый же довольно громко расхохотался своей остротѣ.

— Вы знаете, Лена Ермолаева общала сюда заѣхать. Она теперь на водахъ.

— Какой ужас! — взвизгнула княжна.

— Я хотѣла бы быть танцовщицей! — горячо сказала Настя Зуева.

— А у васъ ноги хороши? — нагнувшись къ ней, буркнулъ Бѣльскій.

— Покажи ему, онъ знатокъ, — фыркнула княжна Надя, и всё трое зашептались.

Все это говорилось не громко, но Маржецкій напряженно слушалъ и слышалъ почти все.

— Она довольно... какъ бы сказать? — продолжала княжна, — elle est usée... въ ней нѣтъ свѣжести.

— Я думаю! — поддержала ее сестра, — у нихъ послѣ спектакля всегда оргіи.

— Да, да, — подтвердилъ драгунъ, — онѣ всегда ѣздятъ къ Бюба, Бонтану, въ Малый Ярославецъ ужинать и тамъ затѣваютъ танцы.

— Ахъ, какъ это интересно! — воскликнула Настя. — Послушай, Lise, что рассказываетъ Бѣльскій про балетъ, — обратилась она къ Лизѣ, пробиравшейся на свое мѣсто.

— Что именно? — проговорила она, оглядѣвшись. Она тоже давно уже замѣтила Марусю и мелькомъ осмотрѣла ее.

Бѣльскій повторилъ свой рассказъ объ оргіяхъ.

— Ему можно вѣрить, онъ — балетоманъ! — убѣжденно заявила Настя.

— Не знаю, балетоманъ ли онъ, — сухо промолвила Лиза, — по-моему, онъ скорѣе похожъ на Мома.

— На Мома?! — удивились княжны. — У васъ, Лиза, всегда какія-то сакраментальныя словечки... Что это такое — Момъ?

— Вы тоже не знаете, что такое Момъ? — задорно обратилась Лиза къ драгуну.

Тотъ тронулъ свои усы.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, звякнувъ шпорами.

— Развѣ васъ не учили мифологін, — спросила она, — въ кавалерійскомъ училищѣ? — и, не дожидаясь отвѣта, сказала: — Момъ — богъ злословія. Это былъ большой насмѣшникъ и... и... клеветникъ. Вы знаете, онъ лопнулъ со злости, когда не могъ найти въ Афродитѣ никакихъ недостатковъ. Но вы не Момъ, вы — Момчикъ; вы не богъ, а божокъ и вы злословите не по злости... «а по глупости», — хотѣла она сказать, но удержалась и рѣзко замолчала.

«Ахъ, какая славная эта милая Лиза», — подумалъ Маржецкій.

Въ эту минуту на эстраду взошелъ, наконецъ, о. Василій, и чтеніе началось снова.

Сильное впечатлѣніе на присутствующихъ произвела сказанная священникомъ притча «о блудномъ сынѣ». Трогательная, высокогуманная идея, которой она проникнута, потрясла арестантовъ. Священникъ, по поводу этой притчи, сказалъ слово. Онъ развивалъ эту идею всепрощенія, любви къ падшему и заблудшему, подавалъ надежду всякому раскаявшемуся и пришедшему въ домъ отца своего за прощениемъ. И всѣ слышали, какъ одинъ изъ арестантовъ заплакалъ и у него невольно вырвались слова, которые онъ, не будучи въ силахъ удержаться, повторилъ вслѣдъ за о. Васи́ліемъ: «Отче, согрѣшихъ на Небо и предъ тобою».

Посѣтителями овладѣло волненіе. Многія дамы приглядывали къ своимъ глазамъ платки. Всѣ поняли теперь, какое огромное воспитательное значеніе имѣютъ эти чтенія и какимъ они могли бы служить коррективомъ тюрьмѣ, которая, будучи предоставлена самой себѣ, можетъ дѣйствовать на нравственную сторону чело-вѣка только разрушающимъ образомъ, воспитывая въ населяющихъ ее порочныхъ людяхъ только дурные инстинкты.

Этотъ взглядъ развивалъ Николой Ивановичъ, только что прибывшій на чтеніе и выслушавшій теплую бесѣду о. Васи́лія. Онъ говорилъ объ этомъ вполголоса съ полковникомъ въ черкескѣ, во время послѣдовавшаго краткаго перерыва.

— Дурное вліяніе тюрьмы не ограничивается ея стѣнами, — говорилъ онъ. — Среда тюрьмы — тяжелая, гнетущая, деморализирующая. Слѣдуетъ внести свѣтъ въ эту мрачную атмосферу и для этого, право, не нужно много усилій: нужно только любить чело-вѣка и хотъ капельку вѣрить, что въ душѣ каждаго преступнаго чело-вѣка все же тлѣетъ еще искра Божія. Бѣ сожалѣнію, такихъ людей мало, а тѣхъ, кто добровольно пошелъ бы на помощь преступному брату, еще того меньше, не правда ли?

Полковникъ поморщился и криво усмѣхнулся.

— Вы со мной не согласны?

— Не совсѣмъ, Николай Ивановичъ, — почтительно отвѣтилъ тотъ.

— Вотъ какъ! Но почему же?

— Сантиментальничанье съ преступниками — оружіе обоюдо-острое. Я увѣренъ, всѣ они теперь, послѣ рѣчи почтеннаго батюшки, рады раскаяться, ради того, чтобы съѣсть жирнаго барана, котораго мы должны зарѣзать въ честь ихъ возвращенія въ отчій домъ. Ну, а потомъ можно опять выйти на дорогу...

— Какая жестокая шутка! — сказала Наталья Сергѣевна, слушавшая этотъ разговоръ.

— По-моему, — продолжалъ нисколько не смущаясь полковникъ, — единственно, что имъ нужно, это — твердую руку и неослабный надзоръ.

Николай Ивановичъ посмотрѣлъ на него своими добрыми глазами и подумалъ: «А, и ты перешелъ въ лагерь Бальцера!» — и грустно усмѣхнулся.

— Давно вы видѣли Ивана Петровича? — перебѣнивъ тонъ, просто спросилъ онъ его.

— Сегодня поутру. Онъ чувствуетъ себя утомленнымъ послѣ поѣздки въ Петербургъ.

— Да, я знаю объ этомъ, — сказалъ губернаторъ и отошелъ отъ полковника.

«И этотъ примкнулъ къ оппозиціи», — шутливо подумалъ онъ.

— Какъ я тебѣ благодарна, Николай Ивановичъ, за твои хорошія слова, — сказала ему Наталья Сергѣевна. — Я уже думала, ты перебѣнилъ мнѣніе объ этихъ чтеніяхъ...

— Почему же ты такъ думала?

— Ты тогда такъ грозно крикнулъ: «есть и новажнѣе дѣла твоихъ арестантовъ».

— Ахъ, матушка, конечно есть... но, извини, мнѣ некогда, — и, не обращая болѣе на нее вниманія, онъ быстро вышелъ изъ залы.

Она обиженно сѣла на свое мѣсто. Конечно, она привыкла къ тому, что мужъ не обращалъ на нее никакого вниманія и давно предпочиталъ всякій дѣловой разговоръ разговоръ съ ней. Но ей на этотъ разъ почему-то особенно хотѣлось убѣдиться, что она для него еще существуетъ, и она муссировала свое чувство къ мужу, надѣясь найти въ немъ хоть тѣнь отзвука. Въ этомъ она увидѣла бы оплотъ противъ того чего-то сложнаго, что роковымъ образомъ надвигалось на нее въ послѣднее время. Но онъ былъ все тотъ же съ нею, даже не сухъ и не холоденъ, — это было бы все-таки лучше и могло бы служить ей до нѣкоторой степени оправданіемъ, — нѣтъ, онъ просто не замѣчалъ ея, уничтожалъ ее своимъ полнымъ, безпредѣльнымъ равнодушіемъ.

Священникъ опять говорилъ слово, взявъ текстъ изъ Евангелія Іоанна: «Сія есть заповѣдь моя, да любите другъ друга, какъ и возлюбилъ васъ. Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ...»

Онъ говорилъ легко, плавно, спокойно, не обременяя своихъ импровизаціи текстами, обыкновенно плохо понимаемыми слушат

лями. Но что важнѣе всего, въ самомъ тонѣ его рѣчи звучали искреннія, согрѣтыя настоящимъ чувствомъ, ноты. И арестанты, какъ русскіе, такъ и туземцы, слушали его съ умиленіемъ, жадно впиваясь въ слова любви и прощенія, которыя онъ вѣщалъ имъ, быть можетъ, иногда даже и не понимая настоящаго значенія ихъ.

По окончаніи чтенія, Наталья Сергѣевна отправилась посмотрѣть на мастерскія при тюрьмѣ. Ихъ было нѣсколько—столярная, кожаная и башмачная; была также и школа грамотности. Наталья Сергѣевна по праву гордилась всѣмъ этимъ благоустройствомъ тюремнаго быта, такъ какъ многое было организовано и проведено при ея ближайшемъ участіи, а многому и данъ былъ ея починъ.

Маржецкій не пошелъ за губернаторшей; залъ быстро опустѣлъ, какъ будто всѣ обрадовались, что можно вырваться на свѣжій воздухъ, такъ какъ въ залѣ было дѣйствительно невыносимо душно.

Воспользовавшись этой минутой, Маржецкій быстро подошелъ къ Марусѣ, все еще стоявшей на прежнемъ мѣстѣ.

Лицо его было блѣдно и искажено отъ гнѣва. Она видѣла его часто сердитымъ, но такимъ, какимъ онъ представился ей теперь, она его видѣла въ первый разъ. И она отшатнулась.

— Благодарю васъ, благодарю! — сказалъ онъ ей дрожащимъ голосомъ.

— За что? — не поняла она.

— За скандалъ, милая, за скандалъ!

Маруся нахмурила брови.

— Нельзя ли говорить потише? — сдержанно проговорила она. —

Если кто дѣлаетъ скандалъ, такъ это ты, въ настоящую минуту.

— И кто тебя пустилъ сюда? — продолжалъ онъ, чувствуя, что въ груди у него закипаетъ и что ему страстно хочется наговорить ей чего-нибудь смертельно-обиднаго. — Я тебя спрашиваю, кто тебя сюда приглашалъ?

Онъ ее такъ подавилъ своимъ гнѣвомъ, что она, дѣйствительно, растерялась и робко отвѣтила ему:

— Алексѣй Александровичъ.

— Титовъ?

— Да, онъ самый.

«Нечего сказать, удружилъ», — подумалъ Маржецкій.

— Вотъ билетъ... — показала ему Маруся.

— Очень хорошо! — вскрикнулъ онъ. — Я увѣренъ, что ты ради перваго знакомства представилась ему жертвой; тебя держатъ заперти, я — злой волшебникъ Черноморъ, а ты — прекрасная...

Людмила. — Онъ злобно разсмѣялся. — Понятно, ему ничего другого не оставалось, какъ предложить тебѣ билетъ.

— Аполлонъ! — силилась она удержать его отъ дальнѣйшихъ оскорбленій.

— Но тебѣ слѣдовало бы отказаться. И ты пріѣхала сюда вовсе не развлекаться, а... а лѣчиться.

Наконецъ, онъ не выдержалъ и кинулъ ей въ лицо:

— Балетная Людмила!

Онъ первый разъ въ жизни упрекнулъ ее балетомъ. На ея глазахъ показались слезы, и голосъ ея дрогнулъ.

— Аполлонъ, Аполлонъ, — проговорила она, — за что это, за что?... Я вѣдь и такъ два мѣсяца сижу дома.

— Ну, да, — рѣзко остановилъ онъ ее, — не достаешь теперь упрековъ и слезъ: какъ разъ для этого мѣсто.

Но тутъ случилось нѣчто очень странное.

Къ нимъ приближался Титовъ, за нимъ шла Лиза.

Губернаторша кончила осмотръ и отправилась домой. Освободившись отъ своихъ обязанностей, Титовъ поспѣшилъ въ залу.

Онъ подошелъ прямо къ Марусѣ и, почтительно поклонившись ей, проговорилъ:

— Простите, Марья Егоровна, я не могъ подойти къ вамъ раньше... пытался нѣсколько разъ, но была такая толпа... Ну, какъ вамъ понравилось наше чтеніе?

Маруся поспѣшила «подтянуться», слезы быстро высохли на ея глазахъ.

— Благодарю васъ, — привѣтливо сказала она, протягивая ему руку. — Это было очень трогательно.

«Говорить какъ свѣтская дама», — подумалось Маржецкому, и его недоброе чувство стало понемногу утихать.

Лиза все время держалась поодаль, какъ бы выжидая, когда кончить говорить Титовъ. Ея присутствіе очень стѣсняло Марусю.

— Я забылъ васъ предупредить, — обратился Титовъ къ Маржецкому, — что просилъ Марью Егоровну посѣтить наши чтенія, ужъ извините... — прибавилъ онъ, оглядывая иронически его все еще смущенную фигуру.

— А что же вы про меня забыли, Алексѣй Александровичъ? — проговорила, наконецъ, Лиза и увидѣла, какъ Маруся вздрогнула.

— Ахъ, вотъ вѣдь я какой! — хлопнулъ себя по лбу Титовъ добродушно разсмѣявшись. — Марья Егоровна, — обратился онъ къ смущенной Марусѣ, — вотъ наша милая барышня, которую мы в

называемъ «Lise конца вѣка», очень желаетъ съ вами познакомиться.

Маруся вспыхнула до корня волосъ; Маржецкій съ изумленіемъ смотрѣлъ на Лизу, и въ глазахъ его отразилось недовѣріе.

Лиза быстро подошла къ Марусѣ, протягивая ей руку.

— Да, я очень хотѣла познакомиться съ вами, — просто и тепло сказала она.

У Маруси опять навернулись слезы на глазахъ.

— Благодарю васъ, — прошептала она, — благодарю.

Титовъ отвелъ Маржецкаго въ сторону и заговорилъ о дѣлахъ.

Маруся и Лиза остались однѣ.

— Васъ совсѣмъ не видно... нигдѣ... — проговорила Лиза. — Правда ли, что вы пріѣхали гнѣчиться сюда?

— Да, это правда. У меня слабая грудь.

— И вы отлично сдѣлали, — продолжала Лиза. — У насъ то, что нѣмцы называютъ Luftsigort. Только надо больше быть на воздухѣ, кататься, гулять... У насъ есть городской садъ на самомъ берегу рѣки и много хорошихъ окрестностей. Вы еще не были въ «Урочищѣ»?

— Нѣтъ, не пришлось.

— И у «Сторожки»?

— Тоже не была.

— Ну; вотъ, видите.

— Не пора ли домой, Маруся? — сказалъ, подойдя къ нимъ, Маржецкій, и въ тонѣ его голоса слышались мягкія ноты.

— Маша уѣхала безъ меня, потому что ш-г Титовъ обѣщаль проводить меня, — заявила Лиза. — Алексѣй Александровичъ, дайте проводить ихъ до дому, — обратилась она къ Титову. — Вы позволите? — спросила она Марусю.

— Какая вы милая!... — проговорила та.

Онѣ пошли впередъ. Маржецкій съ Титовымъ шли за ними поодаль.

— Неправда ли, какая наша Лиза славная, теплая дѣвушка?

— Ахъ, не говорите! — вздохнулъ Маржецкій.

В. Свѣтловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НА ЯСНОМЪ БЕРЕГУ).

Повѣсть Генрика Сенкевича.

Переводъ съ польскаго.

— Говорятъ, что Монте-Карло защищено лучше, чѣмъ Ментона, — сказала вдова, — но, ахъ! какъ по временамъ оно мучить меня! Этотъ вѣчный говоръ, это движеніе, эти знакомства, которыя нужно заводить, хочешь или не хочешь. По временамъ я испытываю желаніе убѣжать оттуда и остатокъ зимы провести гдѣ-нибудь, въ какомъ-нибудь тихомъ углу, гдѣ я могла бы видѣть только тѣхъ людей, кого я хочу видѣть. Какая изъ здѣшнихъ окрестностей болѣе всего нравится вамъ?

— Я очень люблю Сень-Рафаэль: тамъ пинія такъ близко подходятъ къ морю.

— Да, но это далеко отъ Ниццы, — тихимъ голосомъ проговорила пани Эльзень, — а въ Ниццѣ ваша мастерская.

Наступила минута молчанія, потомъ пани Эльзень спросила:

— А Антибы?

— Да!... Я забылъ объ Антибахъ.

— И это такъ недалеко отъ Ниццы. Оставайтесь подольше послѣ обѣда, мы поговоримъ, куда бы убѣжать отъ людей.

Онъ заглянулъ въ глубь ея глазъ и спросилъ:

— А вы всаправду хотѣли бы убѣжать отъ людей?

— Будемъ откровенны, — отвѣтила пани Эльзень, — въ вашемъ вопросѣ слышится сомнѣніе. Вы подозрѣваете, что я говорю для того, чтобы представиться вамъ лучшей, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, или, по крайней мѣрѣ, менѣе поверхностной... И вы имѣете право думать такъ, вы вѣчно видите меня въ свѣтскомъ круго-

*) Русская Мысль, кн. I, 1897 г.

воротѣ. Но я отвѣчу на это, что иногда человекъ идетъ въ силу инерціи только потому, что его разъ толкнули въ известномъ направленіи... и противъ воли несетъ послѣдствія предыдущей жизни. Что касается меня, то, можетъ быть, въ этомъ кроется слабость женщины, которая безъ чужой помощи не можетъ проявить достаточно энергіи, — я сознаюсь... но это не мѣшаетъ мнѣ совершенно искренно тосковать по какомъ-нибудь тихомъ уголкѣ и по болѣе спокойной жизни. Пусть говорятъ, что угодно, но мы — точно вьющіяся растенія, — если не можемъ взбираться кверху, то полземъ по землѣ... Поэтому люди часто и ошибаются, когда думаютъ, что мы ползаемъ по своей охотѣ. Подъ этимъ я подразумеваю жизнь безцѣльную... свѣтскую, лишенную всякой высшей мысли. Но позвольте, какъ, напримѣръ, я могу сопротивляться ей?... Кто-нибудь просить моего знакомаго представить себя мнѣ, потомъ дѣлаетъ визитъ, другой, третій, десятый... Что я могу сдѣлать? Не приглашать его? Почему? Напротивъ, я приглашаю, хотя бы потому, что чѣмъ болѣе толпится у меня народу, тѣмъ болѣе я равнодушна ко всѣмъ, тѣмъ болѣе никто не можетъ занять исключительнаго положенія.

— Вотъ это вы говорите правду, — замѣтилъ Свирскій.

— Ну, вотъ, видите! Но такимъ-то манеромъ и образуется то теченіе свѣтской жизни, изъ котораго своими силами я вырваться не могу и которое подчасъ такъ утомляетъ меня, такъ мнѣ надоѣдаетъ, что мнѣ хочется плакать отъ усталости.

— Я вѣрю вамъ.

— Вы должны мнѣ вѣрить, но вѣрьте также и тому, что я лучше, что я менѣе пуста, чѣмъ кажусь. Когда на васъ найдутъ сомнѣнія или когда люди будутъ говорить обо мнѣ дурно, подумайте про себя такъ: вѣдь, и у нея есть кое-какія хорошія стороны. А если вы не подумаете такъ, я буду очень несчастна.

— Даю вамъ слово, что я всегда желаю думать о васъ самое лучшее.

— Такъ и нужно, — отвѣтила пани Эльзенъ мягкимъ голосомъ. — Даже еслибъ все хорошее, что во мнѣ есть, заглохло еще больше, то и оно ожило бы въ вашемъ присутствіи... Все зависитъ отъ того, съ кѣмъ сближается человекъ. Я хотѣла бы сказать еще что-то, но боюсь...

— Говорите.

— Но вы не обвините меня ни въ экзальтаціи, ни въ чемъ-нибудь еще болѣе дурномъ?... Нѣтъ, нѣтъ, я не считаю себя экзальтированной, я говорю, какъ женщина трезвая, которая

подтверждаетъ только то, что дѣйствительно, и немного удивляется. Въ вашемъ присутствіи я нахожу свою прежнюю душу, такую спокойную и ясную, какая у меня была въ мои младенческіе годы. А теперь я старуха, мнѣ тридцать пять лѣтъ...

Свирскій повернулъ къ ней свое ясное, чуть не влюбленное лицо, неторопливо поднялъ въ своимъ губамъ ея руку и сказалъ:

— Да вы въ сравненіи со мной еще совсѣмъ ребенокъ: мнѣ сорокъ восемь, и вотъ моя эмблема.

Онъ указалъ рукою на заходящее солнце.

Пани Эльзенъ повернулась въ сторону свѣтила, которое отражалось въ ея разгорѣвшихся глазахъ, и тихо, какъ бы про себя, проговорила:

— Великое, чудное, дорогое солнце!

Потомъ наступило молчаніе. Солнце дѣйствительно заходило, — великое и чудное. Ниже, подъ нимъ, легкія, развѣянные тучки принимали формы лилій и свѣтились золотомъ. У берега море было погружено въ тѣнь, за то дальше, открытое пространство было залито немовѣрно-яркимъ блескомъ. Внизу неподвижные кипарисы отчетливо рисовались на лиловомъ фонѣ воздуха.

II.

Гости, приглашенные пани Эльзенъ, собрались въ Hôtel de Paris въ семь часовъ вечера. Имъ отведена была особая зала вмѣстѣ съ сосѣдней маленькой гостиной, — тамъ послѣ обѣда должны были пить кофе. Правда, хозяйка говорила объ обѣдѣ «безъ церемоній», но мужчины знали, что объ этомъ думать, и явились во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, а пани Эльзенъ выступила въ блѣднорозовомъ открытомъ платьѣ съ одной большой складкой, идущей сзади отъ ворота лифа до шлейфа. Она казалась свѣжей и молодою. Голова у нея была маленькая, лицо не крупное, — этимъ она въ началѣ знакомства и восхитила Свирскаго. Ея полныя плечи, въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тѣло выступало изъ платья, своимъ тономъ и прозрачностью походили на жемчужную раковину, за то руки отъ плечей до локтя казались слегка розовыми, словно шероховатыми. Но это только усиливало впечатлѣніе ихъ ногтей. Вообще, она сіяла радостью, хорошимъ расположеніемъ духа и тѣмъ особеннымъ блескомъ, которымъ отличаются женщины въ минуты, когда онѣ чувствуютъ себя счастливыми.

Изъ приглашенныхъ, бромѣ Свирскаго и де Синтена, явился старикъ Кладскій съ племянникомъ Зигмунтомъ, молодымъ помѣ-

пикомъ, не особенно привыкшимъ къ обществу, но очень самонадѣяннымъ, который уже черезчуръ выразительно поглядывалъ въ сторону пани Эльзенъ и не умѣлъ скрывать этого; потомъ князь Валерій Пожецкій, человѣкъ лѣтъ сорока, лысый, съ широкимъ лицомъ и остроконечнымъ черепомъ ацтека; панъ Вядровскій, богатый владѣлецъ нефтяныхъ источниковъ въ Галиціи, любитель искусствъ и артистъ-дилетантъ и, наконецъ, Кресовичъ, студентъ и временный учитель Ромула и Рема. Пани Эльзенъ пригласила его потому, что Свирскій любилъ его фанатическое лицо.

Молодой хозяйкѣ хотѣлось всегда, а тѣмъ болѣе теперь, чтобы у нея собиралось общество, какъ она выражалась, «интеллектуальное», но она не могла никакъ отвлечь разговора отъ мѣстныхъ сплетенъ и курьезовъ изъ игорнаго дома (Вядровскій называлъ его «славянщиной» и утверждалъ, что слышитъ въ немъ болѣе славянскихъ языковъ, чѣмъ какихъ-нибудь другихъ). Вообще вся жизнь Вядровскаго въ Монте-Карло слагалась изъ издѣвательства надъ своими соотечественниками и меньшими братьями славянскаго племени. Это былъ конекъ, на который онъ съ удовольствіемъ садился и галопировалъ безъ отдыха. Теперь онъ только-что началъ рассказывать, какъ, два дня назадъ, въ «Cercle de la Méditerranée» въ шесть часовъ утра осталось только семь персонъ, и всѣ славянскаго происхожденія.

— Мы съ этимъ уже родимся, — сказалъ онъ, обращаясь къ хозяйкѣ. — Видите ли, гдѣ-нибудь въ иномъ мѣстѣ люди считаютъ такъ: девять, десять, одиннадцать, двѣнадцать etc., но каждый истый славянинъ невольно скажетъ: девять, десять, ваетъ, дама, король, — да!... На Корнишъ прѣвзажаютъ сливки нашего общества, а здѣсь выжимаютъ изъ нихъ сыръ.

На это князь Валерій съ остроконечнымъ черепомъ изрекъ тономъ человѣка, который открываетъ неизвѣстныя истины, что всякая страсть, которая переходитъ предѣлы, — пагубна, но что къ «Cercle de la Méditerranée» принадлежитъ много образованныхъ иностранцевъ, съ которыми не только важно, но и выгодно свести знакомство. Вездѣ можно служить своему отечеству. Такъ, на примѣръ, три дня назадъ онъ встрѣтилъ въ кружкѣ одного англичанина, друга Чэмберлена. Англичанинъ спрашивалъ его о взаимныхъ отношеніяхъ въ нашей странѣ, и онъ, князь Валерій, на своей визитной карточкѣ изобразилъ экономическое и политическое положеніе вообще, а въ особенности общественныя стремленія страны. Карточка несомнѣнно дойдетъ если не до Чэмберлена, — его тутъ нѣтъ, — то до Сольсбери, а это будетъ еще лучше. Очень

вѣроятно, они сойдутся съ Сольсбери на балу, который даетъ французскій адмиралъ на Формидаблѣ. Весь Формидабль будетъ à gîgno освѣщенъ электричествомъ.

Бресовичъ, который былъ не только чахоточнымъ, но и человекомъ другого лагера и ненавидѣлъ общество, гдѣ долженъ былъ обращаться въ качествѣ гувернера Ромула и Рема, услыхавъ о визитной карточкѣ, началъ фыркать проницательно и вмѣстѣ съ тѣмъ ехидно, словно гiena, а пани Эльзенъ, желая отвлечь отъ него вниманіе, сказала:

— Здѣсь люди чудеса дѣлаютъ. Я слышала, что вся дорога отъ Ниццы до Марсея будетъ освѣщена электричествомъ.

— Такой планъ составлялъ инженеръ Дюкло, но онъ умеръ два мѣсяца назадъ, — замѣтилъ Свирскій. — Онъ былъ такъ приверженъ къ электричеству, что, кажется, завѣщалъ, чтобъ его могила освѣщалась электричествомъ.

— Значить, — добавилъ Вядровскій, — на могилѣ у него должна быть надпись: «Вѣчный покой подаждь ему, Господи, и свѣтъ электрическій да свѣтитъ ему во вѣки вѣковъ. Аминь!»

Старикъ Бладскій обидѣлся, — какъ можно шутить надъ вещами, которыя не поддаются никакимъ остроумамъ, — а потомъ напалъ на всю Ривьеру. Все это фальшь и ничтожество, начиная съ людей и кончая вещами. Все это какъ будто «маркизы, конты и ви-конты», а на самомъ дѣлѣ смотри, какъ бы кто-нибудь не стащилъ у тебя носового платка. Что касается удобствъ, то... Его канцелярія въ Вешковискахъ по крайней мѣрѣ въ пять разъ больше той конуры, какую ему дали въ отелѣ. Доктора послали его въ Ниццу на свѣжій воздухъ, а Promenade des Anglais воняетъ, какъ любой краковскій задворокъ. Ей-Богу, воняетъ! Племянникъ его, Зигмунтъ, можетъ засвидѣтельствовать.

Но Зигмунтъ пялилъ глаза на плечи пани Эльзенъ и не слышалъ, что говорилось.

— Тогда переѣзжайте въ Бордигьеру, — сказалъ Свирскій, — итальянская грязь, по крайней мѣрѣ, артистична, а французская — отвратительна.

— А вы, однако, живете въ Ниццѣ.

— Потому что по той сторонѣ Вентимильи я не нашелъ бы мастерской. Наконецъ, я если и переѣду, то въ противоположную сторону, — въ Антибы.

Онъ посмотрѣлъ на пани Эльзенъ. Та улыбнулась уголками губъ и опустила глаза.

Прошла минута, и хозяйка, видимо желая навести разговоръ

на артистическую дорогу, заговорила о выставкѣ у Румпельмайера и о новыхъ картинахъ, которыя она видѣла два дня назадъ. Ее сопровождалъ французскій журналистъ Краусъ и назвалъ эти картины импрессионистско-декадентскими. Вядровскій поднялъ вилу къверху и спросилъ тономъ Пиррона:

— Что такое вообще декаденты?

— Съ извѣстной точки зрѣнія, — отвѣтилъ Свирскій, — это — люди, которые предпочитаютъ искусству различные соусы, которыми обыкновенно приправляютъ искусство.

Бнязь Пожецкій, однако, чувствовалъ себя уязвленнымъ словами Кладскаго о «маркизахъ, контахъ и вионтахъ». Даже и мошенники, которые сюда пріѣзжаютъ, принадлежать къ мошенникамъ высшаго сорта и не удовлетворяются тасканіемъ карманныхъ платковъ. Здѣсь встрѣчаются корсары возвышеннаго стиля. Но вмѣстѣ съ ними пріѣзжаетъ все, что на свѣтѣ есть изящнаго и богатаго, а если крупные финансисты здѣсь стоятъ на равной ногѣ съ кровными аристократами, то тѣмъ лучше, пусть полируются. Панъ Кладскій долженъ прочитать, наприимѣръ, *Трагическую идиллію* и тогда убѣдится, что на-ряду съ подозрительными людьми здѣсь встрѣчаются и «вышія общественныя сферы», такія собственно, какія мы увидимъ на Формидаблѣ, который, ради этого случая, будетъ освѣщенъ à gіогно электричествомъ.

Пожецкій, видимо, забылъ, что онъ еще раньше сообщилъ извѣстіе объ освѣщеніи Формидабля. На его слова никто не обратилъ вниманія, и разговоръ перешелъ на *Трагическую идиллію*. Молодой Кладскій, говоря о героѣ этого романа, замѣтилъ, что «такому было хорошо», но что онъ былъ глупъ, отрекшись отъ любимой женщины для друга, и что онъ, Кладскій, не сдѣлалъ бы этого для десяти друзей, даже для родного брата, — «то одно дѣло, а это другое!» Но Вядровскій перебилъ его, — французскіе романы, которыми онъ восхищался, составляли другой его конекъ, на которомъ онъ проявлялъ фокусы высшей верховой ѣзды, гарцуя по авторамъ и ихъ произведениямъ.

— Что меня приводитъ въ окончательное бѣшенство, — сказалъ онъ, — такъ это продажа подрашенныхъ лисицъ за настоящихъ. Если эти господа — реалисты, то пусть пишутъ правду. Вы обратили вниманіе на ихъ героинь. Начинается трагедія. Хорошо. Дама борется сама съ собою, терзается страшнѣйшимъ образомъ цѣлыхъ полтома, а я, ей-Богу, съ первой страницы знаю, что будетъ и чѣмъ окончится. Какъ это скучно и сколько разъ это уже повторялось! Я согласенъ на прожигательницу жизни и на ея право въ литера-

турѣ, только не выдавайте же мнѣ «прожигательницу» за трагическую жрицу. Что это за трагедія, когда я знаю, что у этой разбитой души и до трагедіи были любовники, и послѣ трагедіи будутъ. И снова она будетъ терзаться, и снова все кончится точно такъ же. Что за фальшь, что за утрата моральнаго чутья, чутья правдивости, и что за забиваніе головы! И подумать, что у насъ это читають, что этотъ товаръ принимаютъ у насъ за настоящій, эти буржуазные фарсы — за драмы, относятся къ нимъ серьезно! Такимъ образомъ сглаживается разница между хорошею женщиной и потаскушкой и вырабатывается право существованія кукушекъ, у которыхъ нѣтъ собственныхъ гнѣздъ. Потомъ такая французская позолота переходитъ на нашихъ куколъ, и тѣ все позволяютъ себѣ подъ эгидой подобныхъ авторовъ. Ни правилъ, ни характеровъ, ни сознанія обязанностей, ни моральнаго чутья, — ничего, кромѣ фальшивыхъ вождельнѣй и фальшивой позировки на психологическую загадочность!

Вядровскій былъ настолько уменъ, чтобы понимать, что, говоря такимъ образомъ, онъ бросаетъ до нѣкоторой степени камень въ огородъ пани Эльзенъ, но онъ такъ пропитался злобой, что говорилъ умышленно. Пани Эльзенъ слушала его слова съ тѣмъ большимъ неудовольствіемъ, что въ нихъ было много правды. Свирскаго разбирала охота отвѣтить, и отвѣтить рѣзко, но онъ соображалъ, что нельзя принимать слова Вядровскаго такъ, какъ будто они имѣли отношеніе къ кому-нибудь, и рѣшилъ затронуть дѣло съ другой стороны.

— Меня во французскихъ романахъ удивляетъ совсѣмъ иное, — сказалъ онъ, — а именно, что это міръ безплодныхъ женщинъ. Гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, если люди любятъ другъ друга, — все равно, законно или незаконно, — послѣдствіемъ союза является ребенокъ, а здѣсь ни у кого нѣтъ дѣтей. Какъ это странно! Вѣроятно, господамъ, которые пишутъ романы, даже въ голову не приходитъ, что любовь можетъ не остаться безнаказанною.

— Каково общество, такова и литература, — отвѣтилъ старикъ Владскій. — Всѣмъ извѣстно, что населеніе Франціи уменьшается. Въ высшихъ сферахъ ребенокъ — это рѣдкость.

— Mais c'est plus commode et plus élégant, — вставилъ Синтенъ. Но Бресовичъ, — онъ давно уже фыркалъ, — сказалъ:

— Литература сытыхъ тунеядцевъ, которая должна погибнуть вмѣстѣ съ ними.

— Что вы изволили сказать? — переспросилъ Синтенъ. Студентъ повернулъ къ нему свое яростное лицо.

— Я сказалъ: литература сытыхъ тунеядцевъ.

А Пожецкій снова открылъ Америку:

— У всякаго класса общества свои обязанности и свои удовольствія. У меня двѣ страсти: политика и фотографія.

Обѣдъ близился къ концу и, спустя четверть часа, все общество перешло въ сосѣднюю гостиную пить кофе. Пани Эльзенъ закурила тоненькую папироску и, удобно прислонившись къ спинкѣ кресла, положила ножку на ножку. Ей казалось, что маленькая небрежность должна понравиться Свирскому, какъ артисту и немножко цыгану. Пани Эльзенъ была небольшого роста и немного широка въ бедрахъ, и ея платье при такой позѣ поднялось чересчуръ высоко. Молодой Бладскій тотчасъ же уронилъ спичку и такъ долго искалъ ее на полу, что старикъ дядя незамѣтно толкнулъ его въ бокъ и сердито прошепталъ:

— Ты забываешься! Гдѣ ты находишься?

Молодой человекъ выпрямился и тоже шепотомъ отвѣтилъ:

— То-то и дѣло, что не знаю.

Пани Эльзенъ по опыту знала, что мужчины, даже хорошо воспитанные, если только могутъ себѣ хоть немного позволить, становятся дерзкими, въ особенности въ присутствіи беззащитной женщины. Правда, она не видала движенія молодого Бладскаго, но, замѣтивъ его небрежную, чуть не циничную улыбку, съ которой онъ отвѣчалъ дядѣ, была увѣрена, что разговоръ идетъ о ней. И вдругъ въ сердцѣ она почувствовала отвращеніе ко всему этому обществу за исключеніемъ Свирскаго и Кресовича, котораго подозрѣвала, что онъ, при всей своей соціальной ненависти къ женщинамъ ея среды, влюбленъ въ нее. Вядровскій чуть не довелъ ее до нервного припадка, — ей казалось, что за все выпитое и съѣденное имъ онъ хочетъ отравить каждую ложечку ея кофе, каждую ея минуту. Вядровскій говорилъ о женщинахъ вообще, не называя никого по именамъ и не переходя предѣловъ приличія, но все-таки въ его словахъ слышался не только цинизмъ, но и намекъ на характеръ пани Эльзенъ и ея общественное положеніе, — намекъ положительно обидный для нея и крайне невыносимый, въ особенности въ присутствіи Свирскаго, который и страдалъ, и горячился въ одно и то же время.

Точно камень свалился съ ея сердца, когда гости, наконецъ, разошлись и остался одинъ художникъ.

— А-а! — глубоко вздохнула пани Эльзенъ. — У меня начинается мигрень. Я и сама не знаю, что со мною дѣлается.

— Васъ измучили гости?

— Да, да, и даже болѣе, чѣмъ измучили.

— Зачѣмъ вы ихъ приглашаете?

Она, какъ будто не владѣя своими нервами, быстро подошла къ нему.

— Сядьте и не двигайтесь съ мѣста. Не знаю... можетъ быть я потеряю себя въ вашихъ глазахъ, но мнѣ это необходимо, какъ лѣкарство... Вотъ такъ!... Хоть минуту побыть съ добрымъ человекомъ... Вотъ такъ!...

Она сѣла возлѣ него и, прислонившись лицомъ къ его плечу, закрыла глаза.

— Минуту такъ!... минуту!

Вдругъ слезы хлынули изъ-подъ ея рѣсницъ, но она приложила палецъ къ губамъ, чтобы Свирскій не говорилъ ничего и позволилъ ей остаться въ молчаніи.

Свирскій взволновался; при видѣ страданій женщины онъ смягчался какъ воскъ. Довѣріе, какое она оказывала ему, тронуло его и наполнило его сердце мягкимъ чувствомъ. Онъ понялъ, что рѣшительная минута подошла, обнялъ ее рукою и сказалъ:

— Оставайтесь такъ возлѣ меня навсегда, дайте мнѣ право...

Пани Эльзенъ не отвѣчала ничего, только изъ ея глазъ все лились тихія, крупныя слезы.

— Будь моею,—повторилъ Свирскій.

Тогда она забросила ему на плечо руку, и, перегнувшись, прильнула къ нему, какъ ребенокъ къ матери.

Свирскій, нагнувшись, поцѣловалъ ее сначала въ лобъ, потомъ сталъ отирать поцѣлуями слезы съ ея глазъ и чувствовалъ, какъ его охватываетъ огонь. Черезъ минуту онъ схватилъ ее въ свои богатырскія объятія, изо всей силы прижалъ къ груди и искалъ своими губами ея губы.

Она начала сопротивляться.

— Нѣтъ, нѣтъ!—говорила она задыхающимся голосомъ,— ты не таковъ, какъ другіе... Потомъ! Нѣтъ, нѣтъ... Сжался!

Свирскій перегнулъ ее назадъ и держалъ въ своихъ объятіяхъ. Въ эту минуту онъ именно и былъ такимъ, какъ другіе, но, на счастье пани Эльзенъ, кто-то слегка постучался въ дверь. Она и Свирскій тотчасъ же бросились въ разныя стороны.

— Кто тамъ?—спросила пани Эльзенъ съ отгнѣкомъ неудовольствія.

Въ дверяхъ показалось угрюмое лицо Бресовича.

— Извините,—сказалъ онъ прерывающимся голосомъ,— Ре-

муль кашляетъ; кажется, у него жаръ... Я думалъ, что нужно сказать вамъ.

Свирскій поднялся съ мѣста.

— Не пойти ли за докторомъ?

Но къ пани Эльзенъ возвратилось ея обычное самообладаніе.

— Благодарю васъ, — сказала она, — если нужно, мы пошлемъ изъ отеля, сначала я сама должна увидеть ребенка... Благодарю! А пока я должна уходить... Значить, до завтра.

Она протянула руку, и Свирскій поднесъ ее къ своимъ губамъ.

— До завтра, — и каждый день. До свиданія.

Пани Эльзенъ, оставшись съ Кресовичемъ, пытливо посмотрѣла на него.

— Что съ Ромуломъ?

Кресовичъ поблѣднѣлъ еще больше и отвѣтилъ почти рѣзко:

— Ничего.

Пани Эльзенъ нахмурила брови.

— Что же это значить?

— Это значить, что... лучше прогоните меня, иначе я сойду съ ума!

Онъ повернулся и ушелъ изъ комнаты. Пани Эльзенъ еще съ минуту простояла съ гнѣвно свербающими глазами и нахмуренными бровями, но мало по-малу лобъ ея начиналъ разглаживаться. Ей, дѣйствительно, было тридцать пять лѣтъ и, несмотря на то, вотъ новое доказательство, что никто не могъ до сихъ поръ устоять противъ ея обаянія... И немного погодя она подошла къ зеркалу, какъ будто ища въ немъ подтвержденія своей мысли.

Свирскій возвращался въ пустомъ вагонѣ въ Ниццу и постоянно подносилъ къ носу руку, которая пахла гелиотропомъ. Онъ былъ не покоенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ счастливъ, и кровь была ему въ голову, когда онъ втягивалъ въ себя запахъ любимыхъ духовъ пани Эльзенъ.

III.

На другой день онъ, однако, проснулся съ тяжелой головой, какъ будто послѣ сильной попойки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ большою тревогой въ сердцѣ. Когда дневной свѣтъ падеть на театральную декорацию, все, что вечеромъ казалось волшебнымъ, теперь обазывается скверною мазней. Въ жизни часто бываетъ то же самое. Свирскаго не встрѣтила никакая неожиданность. Онъ зналъ, къ чему идетъ, до чего долженъ дойти и, однако, теперь, когда ще-

когда опустилась, испытывалъ чувство непонятнаго страха. Онъ подумалъ, что вчера еще можно было отступить, — и его охватило сожалѣніе. Напрасно онъ повторялъ себѣ, что теперь нѣтъ времени на размышленія, — различные упреки, которыми онъ раньше осыпалъ себя, пани Эльзенъ, а болѣе всего мысль жениться на ней, теперь возраждались въ его головѣ съ новою силой. Голосъ, который передъ этимъ постоянно шепталъ ему: «не будь дуракомъ!» — теперь началъ кричать: «ты дуракъ!» И онъ не могъ заглушить его ни выводами противоположнаго свойства, ни частымъ повтореніемъ слова «свершилось!» — разумъ, все-таки, твердилъ, что свершилась глупость, причина которой лежитъ въ его слабости.

И при этой мысли имъ овладѣлъ стыдъ. Еслибъ онъ былъ молодъ, то, по крайней мѣрѣ, могъ бы сослаться на свою молодость. Еслибъ онъ узналъ эту барыню только на Ривьерѣ, а раньше ничего бы не слыхалъ о ней, то могъ бы оправдаться незнаніемъ ея характера и ея прошлаго, но въ томъ-то и дѣло, что онъ встрѣчался съ ней раньше. Правда, видалъ ее онъ рѣдко, за то наслушался о ней довольно, потому что въ Варшавѣ о ней говорили больше, чѣмъ о комъ-нибудь другомъ. Тамъ ее называли «отчаянною», и мѣстные остряки точили на ней свой языкъ, какъ ножъ на оселкѣ, что, впрочемъ, не мѣшало мужчинамъ толпиться въ ея салонѣ. Женщины, хотя и меньше къ ней расположенныя, также принимали ее, считаясь съ родствомъ и свойствомъ, которыя связывали ее съ мѣстнымъ обществомъ. Иныя дамы, въ особенности тѣ, которыя желали, чтобъ общественное мнѣніе вообще не было бы очень суровымъ, даже становились на защиту прекрасной вдовы. Другія, не такъ снисходительныя, тѣмъ не менѣе, не смѣли захлопнуть передъ нею дверь, потому что не хотѣли брать на себя инициативы. Одинъ драматургъ, услыжавъ, что кто-то причисляетъ пани Эльзенъ къ полусвѣту, отвѣчалъ, что это «ни весь свѣтъ, ни полусвѣтъ, а скорѣе три четверти»... А такъ какъ въ большихъ городахъ все сглаживается, то мало-по-малу сгладилось и положеніе пани Эльзенъ. Пріятельницы ея говорили: «хотя къ Еленѣ и нельзя предъявлять чрезмѣрныхъ требованій, но, право, и у нея есть свои хорошія стороны». И бессознательно всѣ признали за ней право на большую свободу, чѣмъ полагается другимъ. По временамъ кто-нибудь еще вспоминалъ, что она разошлась съ мужемъ за нѣсколько лѣтъ до его смерти, кто-нибудь ворчалъ, что она воспитываетъ Ромула и Рема паяцами или, пожалуй, даже вовсе не заботится о нихъ, но на подобныя недоброжелательные отзывы обратили бы вниманіе лишь тогда, еслибъ пани Эльзенъ была менѣе красива,

менѣе богата и не держала такого открытаго дома. За то мужчины не сдерживали себя въ разговорахъ объ «отчаянной». Даже тѣ, которые были влюблены въ нее, бранили ее изъ ревности; обыкновенно молчалъ лишь тотъ, кто былъ счастливъ въ данную минуту, или хотѣлъ казаться болѣе счастливымъ, чѣмъ другіе. Но, все-таки, злоязычіе простиралось до такой степени, что утверждалось, будто у пани Елены для зимняго пребыванія въ городѣ одинъ, а для лѣтняго сезона другой. И Свирскій зналъ обо всемъ этомъ. Зналъ даже больше другихъ, потому что нѣкая пани Броничъ, близкая пріятельница молодой вдовы, рассказывая о какомъ-то непріятномъ случаѣ съ пани Эльзень, закончившемся такою же непріятною болѣзнію, добавляла: «что выстрадала въ это время бѣдная Елена, Богу только одному извѣстно и, можетъ быть, Онъ въ своемъ милосердіи такъ повелѣлъ, что событіе совершилось раньше времени, и избавилъ ее отъ большихъ моральныхъ страданій»... Правда, Свирскій предполагалъ, что «преждевременное событіе» могло быть чистѣйшею выдумкой, но тѣмъ не менѣе не могъ заблуждаться относительно прошлаго пани Эльзень, по крайней мѣрѣ, не могъ думать, что это была женщина, которой безопасно можно вѣрить свое спокойствіе.

Какъ бы то ни было, всѣ эти слухи, возбуждавшіе его любопытство, собственно и тянули его къ ней. Услыхавъ о ея пребываніи въ Монте-Карло, онъ пожелалъ, можетъ быть, не съ особенно чистыми намѣреніями, сблизиться съ ней и узнать ее лучше. Ему, и какъ артисту, хотѣлось подробно изслѣдовать, что это за обаяніе, которое производила на мужчинъ всѣми поносимая женщина.

Сначала онъ испыталъ только одно разочарованіе. Она была красива и въ извѣстномъ смыслѣ привлекательна, но Свирскій заиѣтилъ у ней отсутствіе доброты и снисходительности къ людямъ. Человѣкъ интересовалъ ее постольку, поскольку находился съ нею въ какихъ-нибудь отношеніяхъ, былъ для нея почему-либо необходимъ, ко всему остальному она была равнодушна, какъ камень. Свирскій не замѣтилъ въ ней ни малѣйшаго уваженія ни къ духовной жизни, ни къ литературѣ, ни къ искусству. Она брала изъ нихъ то, что ей было нужно, не давая взаменъ ничего. А онъ, какъ артистъ и какъ человѣкъ мыслящій, хорошо понималъ, что подобное отношеніе, въ сущности, обнаруживаетъ натуру себялюбивую, грубую и варварскую, несмотря на изящную внѣшность. Наконецъ, подобныя женщины ему были давно знакомы. Онъ зналъ, что онѣ импонируютъ людямъ тою силой, какую даютъ рѣшительность и величіе, ни съ чѣмъ не считающійся, эгоизмъ. О существахъ такого

рода при немъ не разъ говорили: «холодная, но умная женщина», но онъ, все-таки, думалъ о нихъ съ пренебреженіемъ и презрѣніемъ. По его мнѣнію, то были существа, лишенные не только высшей духовной организаціи, но даже и ума, потому что такимъ умомъ, который захватываетъ себѣ все, не признавая ни за гѣмъ право ни на что, обладаютъ и животныя. Какъ въ пани Эльзенъ, такъ въ Ромулъ и Ремъ онъ видѣлъ типы, въ которыхъ культура начинается и кончается на кожѣ, оставляя нетронутымъ плебейское, неотесанное нутро. Кромѣ того, Свирскаго отталкивалъ и ея космополитизмъ. Дѣйствительно, она была словно монета, затертая до такой степени, что трудно было узнать, какой странѣ она принадлежитъ. Свирскому это было въ высшей степени непріятно. Онъ и самъ придерживался противныхъ мнѣній и, сталкиваясь съ людьми, дѣйствительно, высшаго общества, зналъ, что аристократія и въ Англіи, и во Франціи, и въ Италіи не только не отрещивается отъ почвы, на которой она возросла, но смотритъ прямо съ презрѣніемъ на нищія растенія безъ корня.

Вядровскій былъ правъ, когда говорилъ, что Ромула и Рема воспитывали какъ будущихъ комми-вожатеровъ или швейцаровъ большихъ гостиницъ. Всѣмъ было извѣстно, что отецъ пани Эльзенъ носилъ титулъ, но дѣдъ былъ управляющимъ, и Свирскому, который тонко умѣлъ подмѣчать комичность положенія, казалось чрезвычайно забавнымъ, что правнуки эконома не только не знаютъ по-польски, но и не выговариваютъ буквы *p*, какъ настоящіе парижане. Они были ему противны и какъ артисту. Мальчишки были хорошенькіе, даже очень хорошенькіе, но Свирскій своимъ тонкимъ артистическимъ чутьемъ понималъ, что въ этихъ, похожихъ другъ на друга, птичьихъ черепахъ и птичьихъ лицахъ красота не была чѣмъ-то унаслѣдованнымъ отъ цѣлаго ряда поколѣній, но являлась какой-то физиологическою случайностью. И напрасно онъ говорилъ себѣ, что ихъ мать была такъ же красива, у него все оставалось чувство, что и матери и сыновьямъ это не принадлежало по праву, и что съ какой точки зрѣнія на нихъ ни посмотри, все-таки, они выскочки. И лишь только дальнѣйшее общеніе съ ними ослабило это впечатлѣніе.

Пани Эльзенъ съ начала знакомства начала отличать его отъ другихъ и приманивать къ себѣ. Онъ стоилъ дороже остальныхъ ея знакомыхъ, носилъ хорошую фамилію, обладалъ большимъ состояніемъ и большою извѣстностью. Правда, ему недоставало молодости, но и пани Эльзенъ было тридцать пять лѣтъ, и притомъ его геркулесовская фигура могла замѣнять молодость. Въ концѣ-

концовъ, выйти за него замужъ женщинѣ, о которой говорили такъ легкомысленно, это то же самое, что возстановить свое доброе положеніе. Конечно, она могла подозрѣвать, что и натуры и вкусы у нихъ разные, но онъ былъ добръ и, какъ всякій артистъ, съ большимъ запасомъ наивности въ душѣ, — и пани Эльзенъ рассчитывала, что сумѣетъ подчинить его себѣ. Наконецъ, ей руководилъ не одинъ расчетъ, — по мѣрѣ того, какъ онъ давалъ увлекать себя, онъ увлекалъ и ее. Въ концѣ-концовъ она начала говорить себѣ, что любить его, и даже увѣровала въ это.

А съ нимъ случилось то, что случается со многими, даже совершенно умными людьми. Умъ его замолкъ съ той минуты, когда заговорили страсти, даже еще хуже — подчинился имъ и, вмѣсто того, чтобъ бороться съ ними, долженъ былъ доставлять имъ готовые аргументы. Такимъ образомъ тотъ Свирскій, который все понималъ и разумѣлъ, началъ все оправдывать, смягчать, объяснять. «Правда, — говорилъ онъ себѣ, — что ни ея натура, ни ея поведеніе до сихъ поръ не даютъ никакого ручательства, но кто мнѣ докажетъ, что она не утомлена этой жизнью и не стремится всею душою къ другой? Въ ея тактикѣ несомнѣнно много кокетства, но, опять-таки, кто поручится, что она не пускаетъ этого качества въ ходъ только потому, что искренно полюбила меня. Воображать себѣ, что у человѣка, хотя бы извращеннаго, полного недостатковъ, нѣтъ никакихъ хорошихъ сторонъ, — совершенное ребячество. Ахъ, что за смѣсь въ человѣческой душѣ! Нужны только соответственныя условія, чтобъ добрыя стороны могли развиваться, а все дурное заглохнуть. Пани Эльзенъ прожила уже первую молодость. Глупо было бы предполагать, что въ ней не отзывается ни одного голоса о тихой и достойной жизни, о спокойствіи и умиротвореніи. По этому поводу такая-то именно женщина больше чѣмъ другая и будетъ цѣнить добраго человѣка, который обезпечитъ ей спокойствіе». Въ особенности послѣднее замѣчаніе Свирскому казалось необыкновенно удачнымъ и глубокимъ. Прежде здравый разумъ говорилъ ему, что пани Эльзенъ хочетъ поймать его, а теперь Свирскій отвѣчалъ ему: «совершенно вѣрно! о всякой, наилучнѣйшей женщинѣ, которая жаждетъ соединиться съ любимымъ человѣкомъ, можно сказать, что она хочетъ поймать его». Что касается будущаго, то его успокаивала надежда имѣть дѣтей. Онъ думалъ, что тогда ему будетъ, что любить, а она должна будетъ порвать связь со свѣтской, суетной жизнью, потому что у нея не будетъ времени для этого. Прежде чѣмъ дѣти подрастутъ, молодость ея совсѣмъ пройдетъ, а тогда долгъ будетъ манить ее къ се-

бѣ больше, чѣмъ свѣтъ. Наконецъ, онъ говорилъ себѣ: «Все равно, жизнь какъ-нибудь устроится, а прежде, чѣмъ наступитъ старость, я проживу нѣсколько лѣтъ съ прелестной и интересной женщиной, съ которой каждый будничныи день обратится для меня въ праздникъ».

Эти «нѣсколько лѣтъ» въ сущности представляли для него главную приманку. Правда, для пани Эльзенъ было въ высшей степени оскорбительно то, что онъ не опасался никакихъ необыкновенныхъ случаевъ только потому, что ея молодость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность подобныхъ случаевъ скоро должны пройти. Но Свирскій и самому себѣ не признавался, что эта мысль слѣдуетъ основаніемъ его надеждъ, и продолжалъ обманывать себя все дальше и дальше, какъ это всегда дѣлаютъ люди, умъ которыхъ сталъ потакать страстямъ.

Однако, теперь, послѣ событій вчерашняго вечера, онъ проснулся съ сильной тревогой и въ дурномъ расположеніи духа. Онъ не могъ не думать о двухъ вещахъ: во-первыхъ, что еслибъ кто-нибудь мѣсяць назадъ сказалъ, что онъ объяснится въ любви съ пани Эльзенъ, то онъ счелъ бы своего собесѣдника дуракомъ; во-вторыхъ, что обаяніе, которое крылось въ неувѣренности, во взаимномъ отгадываніи мыслей, въ недоговоренныхъ словахъ, въ невысказанныхъ признаніяхъ и во взаимномъ привлеченіи, было больше того, которое истекало изъ теперешней перемѣны положенія. Свирскому было пріятнѣй подготовляться къ роли жениха, чѣмъ стать женихомъ, — а теперь онъ думалъ, что если положенія мужа еще хуже, чѣмъ положеніе жениха, то чортъ бы побралъ такую судьбу. Были моменты, когда онъ чувствовалъ, что онъ уже связанъ, что для него нѣтъ выхода, и что въ свою жизненную ладью, — хочеть или не хочеть, — онъ долженъ взять пани Эльзенъ, вмѣстѣ съ Ромуломъ и Ремомъ, — и это казалось ему совершенно невыносимымъ. Тогда, какъ человѣкъ приличный, не желая бранить пани Эльзенъ, онъ бранилъ Ромула и Рема, ихъ грассированье, ихъ птичьи, узкія головы и птичьи черепа.

«У меня были свои непріятности, но въ концѣ-концовъ я былъ свободенъ какъ птица и могъ всю душу вкладывать въ свои картины, — говорилъ онъ себѣ, — а теперь дьяволъ знаетъ, какъ пойдетъ дѣло!» И въ живописи бывають свои непріятности, пришло ему въ голову, и это окончательно испортило его расположеніе духа. Пани Эльзенъ и вопросъ о женитьбѣ начали отодвигаться на второй планъ, а на первый выступала его картина «Сонъ и смерть», надъ которою онъ работалъ нѣсколько мѣсяцевъ и которой прида-

валъ огромное значеніе, потому что она должна была явиться протестомъ противъ общепринятаго понятія о смерти. Не разъ, въ разговорахъ съ знакомыми художниками, Свирскій негодовалъ на христіанство, которое въ жизнь и искусство ввело скелетъ, какъ олицетвореніе смерти. Свирскому представлялось, что смерти оказали величайшую несправедливость. Греки воображали себѣ Танатоса какъ крылатаго генія, и это было справедливо. Что можетъ быть отвратительнѣй и страшнѣй скелета? Уже христіане, которые въ смерти видятъ врата въ новую жизнь, во всякомъ случаѣ не могутъ ее изображать такою. По мнѣнію Свирскаго, это понятіе порождено угрюмымъ германскимъ духомъ, — тѣмъ самымъ духомъ, который создалъ готику, — торжественную и великолѣпную, — но такую угрюмую, какъ будто храмъ былъ ступенью, ведущею не къ небесному свѣту, но въ подземную и безнадежную бездну. Свирскій всегда удивлялся, какъ Возрожденіе не реформировало символъ смерти. Еслибъ она не была вѣчнымъ молчаніемъ и хотѣла бы жаловаться, то могла бы сказать: «Зачѣмъ люди изображаютъ меня въ образѣ скелета? вѣдь, скелетъ и есть то, чего я не хочу брать и оставляю на землѣ!» И вотъ на картинѣ Свирскаго геній сна тихо и ласково отдавалъ тѣло дѣвушки генію смерти, который, наклоняясь надъ нею, виѣстъ съ тѣмъ гасилъ огонь лампы, горящей у ея изголовья. Рисуя, Свирскій повторялъ себѣ: нужно, чтобы человѣкъ, который посмотритъ на это, прежде всего сказалъ бы: «какъ это удивительно тихо!» Ему хотѣлось бы, чтобы на зрителя этимъ молчаніемъ вѣяло отъ линий, отъ фигуръ, отъ выраженія, отъ колорита. Онъ думалъ, что если ему удастся вызвать такое настроеніе и если картина будетъ говорить сама за себя, то станетъ произведеніемъ недюжиннымъ и новымъ. Виѣстъ съ тѣмъ его интересовало и нѣчто другое. Идя за общимъ теченіемъ времени, онъ соглашался съ тѣмъ, что художество должно избѣгать литературныхъ идей, но понималъ, однако, что есть огромная разница между отреченіемъ отъ этого и бессмысленнымъ отраженіемъ внѣшняго міра, какъ его отражаетъ фотографическое клише. Форма, колоритъ, пятно—и больше ничего! какъ будто художникъ обязанъ убить въ себѣ мыслящее существо. И онъ вспоминалъ, что когда ему приходилось видѣть картины, напримѣръ, англійскихъ художниковъ, его прежде всего поражалъ ихъ высокій умственный уровень. По ихъ полотнамъ было видно, что то мастера высокой духовной культуры, выработавшіеся психически, глубоко мыслящіе, часто даже ученые. За то въ полякахъ онъ постоянно видѣлъ что-то совершенно противоположное.

За исключеніемъ нѣсколькихъ, — въ самомъ лучшемъ случаѣ, нѣсколькихъ десятковъ, — все остальное состояло изъ людей способныхъ, но мало мыслящихъ, очень мало развитыхъ и лишенныхъ всякаго образованія. Жили они нѣсколько уже выдохшимися крохами доктринъ, падающихъ съ французскаго стола, не допуская ни на минуту, что можно и самостоятельно подумать объ искусствѣ, а тѣмъ паче творить самостоятельно, по-польски. Для Свирскаго было ясно, что доктрина, рекомендуемая безсмысліе, должна была прійтись имъ по сердцу. Носить званіе артиста и имѣть возможность оставаться чернорабочимъ — вещь выгодная. Читать, знать, мыслить — на кой чортъ такой трудъ?

Свирскій думалъ, что если даже и пейзажъ является отраженіемъ состоянія души, то нужно, чтобъ эта душа была впечатлительна, тонка и развита. Онъ ссорился за это съ коллегами и велъ съ ними горячія бесѣды. «Я не требую отъ васъ, — кричалъ онъ, — чтобъ вы рисовали такъ же хорошо, какъ французы, англичане или испанцы, я требую, чтобъ вы рисовали лучше, а прежде всего — рисовали бы по-своему! Кто не стремится къ этому, пусть остается котельщикомъ!» Онъ доказывалъ, — представляетъ ли картина стогъ сѣна, куръ, роющихъ на задворкѣ, картофельное поле, лошадей на пастбищѣ или уголокъ стоячаго пруда, — главнымъ образомъ во всемъ должна проявляться душа. Онъ влагалъ въ свои портреты столько души, сколько могъ, и кромѣ того «высказывался» въ другихъ картинахъ, изъ которыхъ послѣднюю должна была быть «Гипнозъ и Танатосъ».

Два генія были уже почти окончены, но съ головою дѣвушки дѣло не шло на ладъ. Свирскій понималъ, что она должна быть не только прекрасна, но и очень индивидуальна. Приходили, правда, недурныя модельки, но не достаточно оригинальныя. М-ше Лажъ, у которой Свирскій нанималъ мастерскую, и которая была его давнишнею знакомою, общалась поискать, но это шло медленно. Какая-то новая модель должна была прійти именно сегодня и не пришла, хотя было уже больше одиннадцати часовъ.

Все это, вмѣстѣ со вчерашнимъ объясненіемъ въ любви, привело къ тому, что Свирскій началъ тревожиться не только о своемъ спокойствіи, но и своей артистической будущности вообще и о своей картинѣ въ особенности. Гипнозъ въ эту минуту казался ему тяжелымъ, Танатосъ глупымъ. Наконецъ, онъ

сказалъ себѣ, что если не можетъ взяться за работу, то ему лучше выйти на берегъ, гдѣ видъ воды и солнца, можетъ быть, прояснить его мысли и душу.

Но въ ту минуту, когда онъ собирался выходить, въ прихожей послышался звонокъ, а вслѣдъ за тѣмъ въ мастерской появились два шотландскихъ тартана, двѣ чолки и двѣ птичьихъ головы — Ромула и Рема, за которыми слѣдовалъ Бресовичъ, болѣе блѣдный и угрюмый, чѣмъ когда-либо.

— Добрый день! добрый день! — кричали мальчики. — Мамап посылаетъ вамъ эти розы и проситъ завтракать.

Они вручили Свирскому пучки чайныхъ и моховыхъ розъ и начали бѣгать и разсматривать мастерскую. Въ особенности ихъ удивляли эскизы, представляющіе голыя тѣла, потому что передъ каждымъ они останавливались и толкали другъ друга локтями.

— Tiens!

— Regarde!

Но Свирскій, — это сердило его, — посмотрѣлъ на часы и сказалъ:

— Если мы хотимъ поспѣть къ завтраку, то намъ нужно ѣхать сейчасъ.

Они вышли на улицу. По близости мастерской извозчика не было, — пришлось идти пѣшкомъ. По дорогѣ Свирскій спросилъ Бресовича:

— Ну, какъ ваши ученики?

Бресовичъ повернулъ къ нему свое озлобленное, насмѣшливое лицо и отвѣтилъ:

— Мои ученики? Да ничего. Здоровы какъ нельзя лучше и отлично себя чувствуютъ въ шотландскомъ костюмѣ. Будетъ отъ нихъ утѣшеніе, только не мнѣ.

— Почему такъ?

— Потому что завтра я ухожу.

— Какъ? — съ нѣкоторымъ удивленіемъ переспросилъ Свирскій, — я ничего не зналъ, мнѣ никто не говорилъ объ этомъ. Очень жаль.

— Имъ бѣды отъ этого не будетъ, — отвѣтилъ Бресовичъ.

— Развѣ потому, что они еще не въ состояніи понять этого.

— Они никогда не будутъ въ состояніи понять это... Ни сегодня, ни когда-либо въ жизни... никогда!

— Я надѣюсь, что вы ошибаетесь, — сухо отвѣтилъ Свирскій, — и во всякомъ случаѣ мнѣ это грустно слышать.

Но студентъ продолжалъ, какъ будто разговаривалъ самъ съ собою:

— Напротивъ! Жалко, конечно, но жалко времени. Какое имъ дѣло до меня или мнѣ до нихъ? Даже лучше, если они будутъ такими, какими будутъ. Кто хочетъ сѣять рожь, тотъ долженъ запахать траву, а запахать ее тѣмъ легче, чѣмъ она хуже. Долго пришлось бы говорить объ этомъ, но не стоитъ, въ особенности для меня не стоитъ. Микробы и такъ источать меня.

— Вамъ ничто не угрожаетъ. Пани Эльзень, прежде чѣмъ пригласить васъ на урокъ, разспрашивала о вашемъ здоровьѣ у доктора, — вы не должны удивляться этому, — дѣло шло объ ея дѣтияхъ. Но докторъ завѣрилъ, что вамъ не грозитъ никакой опасности.

— Конечно, не грозитъ. Наконецъ, я самъ нашелъ неотразимое средство противъ микробовъ.

— Какое средство?

— Оно будетъ оглашено въ газетахъ. Такихъ открытій не держать въ секретѣ.

Свирскій посмотрѣлъ на Кресовича, какъ бы хотѣлъ убѣдиться, не въ горячкѣ ли онъ это говорить, но въ это время они дошли до желѣзнодорожнаго вокзала, переполненнаго народомъ.

Обитатели Ниццы, по обыкновенію, уѣзжали утромъ въ Монте-Карло. Свирскій покупалъ билетъ въ ту минуту, когда Вядровскій замѣтилъ его и приблизился къ нему.

— Добрый день! — сказалъ онъ. — Въ Монте?

— Да. У васъ есть билетъ?

— У меня мѣсячный. Тѣсно намъ будетъ въ вагонѣ.

— Мы поѣдемъ въ коридоръ вагона.

— Настоящій «Исходъ», а? и всякій везетъ свой грошъ вдовицы... Добрый день, панъ Кресовичъ! Что вы думаете о здѣшней жизни? Дайте намъ какое-нибудь опредѣленіе съ точки зрѣнія вашей партіи.

Кресовичъ заморгалъ глазами, какъ будто не понимая, чего отъ него хотятъ, потомъ сказалъ:

— Я записываюсь въ партію молчащихъ.

— Знаю, знаю!... Строгая партія: или молчать, или производить взрывъ.

И Вядровскій засмѣялся.

Дали звонокъ, нужно было спѣшить. Съ платформы слышались возгласы: *en voiture! en voiture!* Черезъ минуту Свирскій, Вядровскій, Кресовичъ и два мальчика очутились въ коридорчикѣ вагона.

— Приятная это вещь съ моею ломотой! — сказалъ Вядровскій. — Смотрите, что творится! О мѣстѣ и думать нечего. Чистое переселеніе народовъ.

Не только всѣ отдѣленія, но и коридоры были набиты народомъ разныхъ національностей. Ъхали поляки, русскіе, англичане, французы, нѣмцы, — всѣ ъхали сорвать банкъ, который каждый день отражалъ и ломалъ ряды этой толпы, какъ скала, далеко выступившая въ море, ломаетъ волну. Въ окнахъ льнули женщины, отъ которыхъ струился запахъ ириса и геліотропа. Солнце освѣщало искусственные цвѣты на шляпкахъ, бархатъ, кружева, искусственныя или настоящія драгоценныя каменья въ серьгахъ, туго стянутыя корсеты на надутыхъ, гуттаперчевыхъ грудяхъ, начерченные брови, лица, покрытыя пудрой или румянами и возбужденныя надеждой на удовольствіе и на игру. Самый опытный глазъ не могъ отличить потаскушекъ, притворяющихся женщинами большого свѣта, отъ женщинъ большого свѣта, притворяющихся потаскушками. Мужчины, съ букетами фіалокъ въ петлицахъ сюртуконъ, окидывали толпу женщинъ пытливымъ и нахальнымъ взглядомъ, осматривая платья, лица, плечи и бедра съ такою холодною пунктуальностью, съ какою, на примѣръ, осматриваютъ выставленныя на продажу вещи. Въ этой толкотнѣ была и какая-то базарная безтолочъ и какая-то торопливость. Поѣздъ то врывается въ мракъ туннелей, то снова въ окна заглядывало солнце и открывалась картина неба, моря, пальмовыхъ и оливковыхъ лѣсовъ, виллъ, миндальныхъ деревьевъ. Станція мелькала за станціей. Новыя толпы людей тѣснились въ вагоны, разряженныхъ, изящныхъ, точно стремящихся на какой-то великій и святой праздникъ.

— Какая вѣрная картина жизни... сломя голову, — сказалъ Вядровскій.

— Что вы называете вѣрною картиной?

— Этотъ поѣздъ. Я могъ бы философствовать объ этомъ вплоть до завтрака, но такъ какъ я предпочитаю философствовать послѣ завтрака, то не позавтракаете ли вы со мной?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Свирскій, — извините, меня пригласила пани Эльзень.

— Въ такомъ случаѣ я отступаю.

И Вядровскій улыбнулся. Предположеніе, чтобы Свирскій могъ жениться на пани Эльзень, ни на минуту не приходило ему въ голову. Напротивъ, онъ былъ увѣренъ, что художникъ добивался того же самаго, чего и другіе, и, какъ поклонникъ артистовъ вооб-

ще, а Свирскаго въ особенности, былъ доволенъ, что Свирскій побѣждаетъ своихъ соперниковъ.

«Я представляю состояніе, — думалъ онъ: — Пожедкій — титулъ, младшій Бладскій — молодость, а Синтенъ — представитель свѣта модныхъ дураковъ. Все это, въ особенности здѣсь, имѣетъ не малую цѣнность, и, однакоже, «отчаянная» избрала Свирскаго. Какъ бы то ни было, она женщина со вкусомъ».

И, смотря на художника, онъ забормоталъ:

— «Jo triumphe, tu moragis augeos sigtos...»

— Что вы говорите? — спросилъ Свирскій, — онъ не слышалъ отъ шума поѣзда.

— Ничего. Такъ, отрывка изъ Горация. Я говорю, что если вы отказываете мнѣ, то я устраиваю *завтракъ утѣшенія* себѣ, де-Синтену, Пожедкому и Бладскому.

— Скажите, пожалуйста, послѣ чего же это вы хотите утѣшаться? — спросилъ Свирскій, внезапно приближаясь къ Вядровскому и заглядывая ему въ глаза чуть не съ угрозой.

— Послѣ потери вашего общества, — хладнокровно отвѣтилъ Вядровский. — А вы, дорогой мой, что предположили?...

Свирскій стиснулъ зубы и ничего не отвѣтилъ. За то онъ подумалъ, что на ворѣ шапка горитъ, и что женись онъ у себя на родинѣ на какой-нибудь обыкновенной дѣвушкѣ, то ему и въ голову бы не пришло, что если кто-нибудь говорить злостно и язвительно, то непременно имѣетъ ее въ виду.

Поѣздъ остановился въ Монте-Карло. Пани Эльзенъ, свѣжая, молодая и прекрасная, ждала на станціи. Видимо, она только что пришла, — дышала она скоро, а лицо ея разгорѣлось такъ, что это можно было приписать волненію. И когда, при встрѣчѣ со Свирскимъ, она протянула ему обѣ руки, Вядровский подумалъ:

«Такъ! Онъ побилъ насъ всѣхъ на семь дистанцій. Она кажется совсѣмъ влюбленною».

И онъ посмотрѣлъ на нее почти благосклонно. Въ бѣломъ фланелевомъ платьѣ съ матросскимъ воротникомъ, съ разгорѣвшимися глазами, она, несмотря на легкій слѣдъ пудры на лицѣ, показалась ему такою молодой, какъ никогда. Спустя минуту, ему сдѣлалось жаль, что не онъ былъ счастливецемъ, котораго она пришла встрѣтить, и подумалъ, что метода, при помощи которой онъ старался добиться расположенія, то-есть постоянно говорилъ дерзости, оказалась глупою методой. Но онъ утѣшился мыслью о томъ, какъ онъ будетъ потѣшаться надъ Синтенемъ и другими, оставшимися за флагомъ.

Свирскій поблагодарилъ пани Эльзенъ за розы, а она слушала въ смущеніи, отъ времени до времени поглядывая на Вядровскаго и какъ будто стыдясь, что онъ является свидѣтелемъ этихъ изъясненій благодарности.

Вядровскій понималъ, что ему лучше уйти, но, тѣмъ не менѣе, они поднялись вмѣстѣ на подъемной машинѣ на гору, на которой находится игорный домъ. По дорогѣ пани Эльзенъ совершенно оживилась.

— Завтракать, сейчасъ же завтракать! — весело болтала она, — аппетитъ у меня, какъ у кита!

Вядровскій потихоньку проворчалъ, что желалъ быть хотя бы Юной, но громко этого не высказалъ. А ну какъ Свирскій схватитъ его за воротъ и выброситъ вонъ, — острота вполне это заслуживаетъ, — падать придется съ приличной высоты.

Въ саду онъ простился съ ними и пошелъ, но, обернувшись, увидалъ, какъ пани Эльзенъ, опершись на руку Свирскаго, что-то шептала ему на ухо.

«Условливаются насчетъ десерта послѣ завтрака!» — подумалъ онъ.

Но онъ ошибался. Пани Эльзенъ, обративъ свою хорошенькую головку къ художнику, шепотомъ спросила:

— Развѣ Вядровскій уже знаетъ?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Свирскій, — я встрѣтилъ его только въ поѣздѣ.

И онъ отчасти встревожился при мысли, что пани Эльзенъ объ обрученіи думаетъ, какъ о дѣлѣ поконченномъ, и что нужно объ этомъ извѣстить всѣхъ, но въ то же время близость молодой женщины, ея красота и обаяніе начали на него вліять такъ, что онъ прояснился и прибодрился.

За завтракомъ присутствовали Ромуль, Ремъ и Бресовичъ, который въ теченіе всего времени не обмолвился ни словомъ. Послѣ завтрака пани Эльзенъ позволила мальчикамъ, подъ надзоромъ молодого человѣка, пойти по направленію къ Россу Вгипе, а сама спросила Свирскаго:

— А вы хотите пройтись или проѣхаться?

Онъ болѣе всего хотѣлъ бы пойти къ ней въ домъ и тамъ совершить хотя «полнута до рая», испытать хотя бы «половину спасенія», но подумалъ, что если она не хочетъ, то это служить доказательствомъ, какъ серьезно и благородно она смотритъ на ихъ отношенія, и въ душѣ сказалъ самому себѣ, что долженъ быть признателемъ за это.

— Если вы не утомлены, то пойдемте куда-нибудь, — отвѣтилъ онъ вслухъ.

— Хорошо. Я вовсе не утомлена. Но куда мы пойдёмъ? Можетъ быть, вы хотите посмотрѣть, какъ стрѣляютъ по голубямъ?

— Съ охотой, только тамъ мы не будемъ одни. Синтень и младшій Бладскій, вѣроятно, упражняются до завтрака.

— Да, но они не будутъ намъ мѣшать. Когда дѣло идетъ о голубяхъ, они становятся глухи и слѣпы ко всему, что дѣлается вокругъ нихъ... Наконецъ, пускай меня всё видятъ вмѣстѣ съ нами великимъ человѣкомъ!

И, поднявъ голову, она посмотрѣла на него смѣющимися глазами.

— Можетъ быть, великій человѣкъ не хочетъ этого?

— О, напротивъ, пусть насъ всё видятъ!—отвѣтилъ Свирскій и поднесъ ей руку къ своимъ губамъ.

— Тогда мы спустимся внизъ, — я люблю смотрѣть на стрѣльбу.

— Хорошо.

Немного погодя они были на большой лѣстницѣ, ведущей къ тиру.

— Какъ здѣсь ясно, какъ хорошо, и какъ я счастлива, — сказала пани Эльзень, и, хотя по близости никого не было, — прибавила шепотомъ:

— А вы?

— Мой свѣтъ возлѣ меня!—отвѣтилъ Свирскій, прижимая къ груди ее локоть.

И они начали спускаться внизъ. День, дѣйствительно, стоялъ болѣе ясный, чѣмъ обыкновенно, воздухъ былъ насыщенъ золотомъ и лазурью, море издали казалось гранатнаго цвѣта.

— Остановимся здѣсь, — сказала пани Эльзень. — Блѣтти хорошо можно видѣть отсюда.

Подъ ихъ ногами простирался зеленый, покрытый муравой полукольцо, глубоко заходящій въ море. Въ полукольцѣ были уставлены на землѣ кѣтки съ голубями. То и дѣло какая-нибудь изъ кѣтокъ вдругъ раскрывалась, испуганная птица взлетала вверхъ, потомъ раздавался выстрѣлъ, и голубь падалъ на площадку или въ море, гдѣ на волнахъ колебались лодки, выжидая добычи.

Но иногда случалось, что выстрѣлъ не попадалъ въ цѣль, — тогда голубь летѣлъ къ морю и, описавъ кругъ, возвращался искать убѣжище въ углубленіяхъ карнизовъ игорнаго дома.

— Отсюда мы не видимъ стрѣлковъ и не знаемъ, кто стрѣля-

еть, — сказала весело пани Эльзень, — давайте гадать: если первый голубь упадетъ, то мы останемся въ Монте-Барло, если полетитъ, — поѣдемъ въ Италию.

— Хорошо, — согласился Свирскій, — слышите! вотъ!

Дѣйствительно, въ эту минуту вѣтѣа распахнулась, но голубь, какъ одурманенный, остался на мѣстѣ. Его вспугнули деревяннымъ шарикомъ, потомъ грянулъ выстрѣлъ. Но птица не упала сразу, — она сначала высоко взлетѣла, потомъ направилась прямо къ морю, постепенно спускаясь къ водѣ, какъ будто была ранена, и, наконецъ, совсѣмъ исчезла въ солнечномъ блескѣ.

— Можетъ быть упалъ, а можетъ быть и нѣтъ, — будущее не выяснилось! — смѣясь сказалъ Свирскій.

Но пани Эльзень надулась, какъ разсерженный ребенокъ.

— Это несносный Синтенъ! — сказала она. — Пари готова держать, что онъ. Сойдемъ внизъ.

Они спускались все ниже и ниже къ тирю, среди кактусовъ, мезембриантемума и каприфолій, прицѣпившихся къ каменной стѣнѣ. Пани Эльзень останавливалась при каждомъ звукѣ выстрѣла. Въ своемъ бѣломъ платьѣ, на гигантской лѣстницѣ и на фонѣ зелени она напоминала статую.

— Никакая ткань кромѣ фланели не образуетъ такихъ чудесныхъ складокъ, — замѣтилъ Свирскій.

— Ахъ! Эти артисты! — отвѣтила молодая женщина.

Въ голосѣ ея слышался отбѣнокъ ироніи. Она чувствовала себя нѣсколько затронутою тѣмъ, что Свирскій въ настоящую минуту думалъ не о ней, а о складкахъ, которыя образуютъ ткани различныхъ сортовъ.

— Пойдемъ!

В. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗВѢРЬ ВЪ ЧЕЛОВѢКѢ *).

(Дюре Рейнъ)

(Изъ семейной хроники).

Романъ Юнаса Ля. Переводъ съ датскаго.

III.

О с е н ь .

Вангенскія барышни расхаживали съ озабоченными, тревожными лицами, ожидая возвращенія отца и его конторскаго состава.

Судья съ помощникомъ и прочими служащими отбывалъ обычные осенніе сѣзды, числомъ девять, въ различныхъ мѣстахъ, причемъ каждый продолжался по нѣскольку дней.

Почти цѣлый мѣсяцъ въ домѣ управлялись однѣ женщины, но въ эту осень время не проходило, какъ обыкновенно, въ хозяйственныхъ хлопотахъ по дому... На этотъ разъ въ синей комнатѣ не происходило обычной процедуры щипанья и чистки пера, во время которой всѣ обвертывались простынями и кашляли отъ пуха, набивавшагося въ носъ и въ ротъ.

Собранные за годъ перо и пухъ для подушекъ и перинъ остались нетронутыми въ мѣшкахъ и корзинахъ.

Ткацкіе станки такъ и стояли съ недоконченнымъ холстомъ, тикомъ и шерстяною тканью. Починка и приготовленіе къ зимѣ теплой и мѣховой одежды были отложены, а всевозможныя подновленія по дому—крашенье и бѣленье дверей и потолковъ—и совсѣмъ отиѣнены на этотъ годъ. Всѣ необходимыя хозяйственныя хлопоты по двору и молочному хозяйству были всецѣло сданы на попеченіе Маріаннѣ, съ тѣмъ, чтобъ она возможно меньше беспокоила мать.

*) Русская Мысль, кн. I, 97 г.

Весь досугъ и силы послѣдней, а также всѣхъ остальныхъ дочерей поглощало другое дѣло.

Въ тотъ же самый день, какъ судья уѣхалъ, всѣ рабочія руки, и мужскія и женскія, какія только нашлись въ самой Вангенской усадьбѣ и можно было нанять на сторонѣ, были привлечены къ разбивкѣ новаго, столь долго желаннаго сада и парка. Все должно было быть окончено и готово къ возвращенію мужчинъ.

Съ ранняго утра до поздняго вечера, пока не смеркалось, хозяйка пеклась на солнцѣ, мокла подъ дождемъ съ саженью и веревкою въ рукахъ, размѣряла, отмѣчала и наблюдала. Вся земля была вскопана и удобрена навозомъ.

Скоро были разбиты просторныя лужайки съ кустами кустовъ и деревьевъ, высаженныхъ изъ питомника; тамъ и сямъ насыпаны были клумбы для цвѣтовъ. По снату спускались шпалеры изъ розъ, окаймленные скороспѣлками и перловникомъ. Отводки ягодныхъ кустовъ и плодовые деревья были также разсажены въ изобилии; питомникъ, многолѣтній запасной складъ хозяйки, былъ совсѣмъ опустошенъ.

Старый заплеснѣвшій прудъ былъ вычищенъ; фонтанчикъ исправленъ, и дорожка вокругъ него расчищена и убита щепнемъ.

Внизу у рощи и рѣчки стучали топоры, устраивался паркъ съ бесѣдками и скамеечками, раскиданными тамъ и сямъ среди зелени.

Съ перваго же дня были посажены за работу и два городскихъ плотника — обтесывать и ставить столбы для ограды; бревна возъ за возомъ доставлялись во дворъ съ лѣсопильнаго завода.

Сегодня судью ожидали домой, и то одна, то другая изъ дочерей подбѣгала къ зальнымъ окнамъ, пытливо взглядываясь въ подернутую дымкой вечерняго тумана даль.

Онѣ озабоченно посматривали другъ на друга... «Какъ-то приметь это отецъ? Онъ всегда, вѣдь, такъ рѣшительно высказывался противъ сада!»

Снизу доносились непрерывные, частые, рѣзкіе удары молотковъ. Это приколачивали перекладыны къ столбамъ длинной ограды, спускавшейся внизъ и исчезавшей подъ горою; конецъ ограды былъ еще не оконченъ; торчали одни столбы.

Вотъ пріѣхалъ старикъ Геншинъ въ одноколку, запряженной буланкой; сзади экипажа былъ привязанъ чемоданъ съ дѣлами по опеку.

Затѣмъ Августинусень, Шмидтъ и Квигстадъ въ двухмѣстной телѣжкѣ.

Они тотчасъ же скрылись съ сумками и прочимъ багажомъ въ контору.

Немного погодя, почти въ сумерки, въѣхалъ во дворъ и судья съ помощникомъ. Онъ велѣлъ выслать за собой на мѣсто послѣдняго сѣзда собственную коляску.

Вотъ онъ вылѣзъ изъ экипажа и вдругъ такъ и замеръ на мѣстѣ, съ поднятымъ до ушей воротникомъ, воззрившись на новенькую, сияющую бѣлизной ограду.

Губы его сжимались все плотнѣе и плотнѣе... Онъ сразу уразумѣлъ проявленную безъ него властную распорядительность, понялъ, что было сдѣлано въ его отсутствіе!

И, весь покраснѣвъ отъ гнѣва, онъ рѣзко повернулъ къ дому и прямо прошелъ къ себѣ.

Вышелъ онъ только къ ужину. Хозяйка угощала на этотъ разъ свѣжею рыбой. Она полагала, что послѣ всѣхъ этихъ отпоенныхъ телятъ и жареныхъ поросятъ, которыми закармливали мужчинъ на сѣздахъ цѣлый мѣсяцъ, они не прочь будутъ отвѣдать чего-нибудь полегче.

Сестры потчивали и разносили кушанья въ довольно нервномъ, напряженномъ состояніи.

— Не трогайте головы, Рейнь! — отважилась пошутить Марианна. — Оставьте папѣ на вторую порцію. Рыбы головки — его привилегія.

Судья сидѣлъ съ окаменѣвшимъ лицомъ, ковыряя рыбу вилкой.

— Ну, какъ шли дѣла на сѣздахъ? Конечно, каждый вечеръ за картами съ Фогтомъ, прокуроромъ и пасторомъ? — обратилась хозяйка черезъ столъ къ мужу, внимательно выбирая себѣ кусокъ рыбы.

— Завтра же возьмитесь за дѣло о незаконной порубкѣ въ казенномъ лѣсу, Рейнь! — перебилъ ея вопросъ судья. — Ленсманъ сдѣлалъ заявленіе еще до нашего отъѣзда.

— Да-а, — задумчиво протянулъ Геншинъ. — Въ случаѣ, если сына Гроберга присудятъ къ штрафу, надо слѣдить, чтобъ онъ не получилъ изъ опеки имущества послѣ матери, — съ него самого взять нечего.

— Да онъ-то, бѣдняга, попался! — сказалъ Бвигстадъ. — А, вѣдь, извѣстное дѣло, весь городъ рубить и тащить казенное добро.

— Возня будетъ съ допросомъ и свидѣтелями! — замѣтилъ судья.

— И мы-таки повозились это время! — вмѣшалась хозяйка, снимая нагаръ съ одной изъ двухъ красовавшихся на столѣ салъ-

ныхъ свѣчей.—Копали, сажали и разбили, наконецъ, давно задуманный садъ... Теперь вамъ не придется беспокоиться, что у васъ отнимутъ рабочихъ для этого дѣла!—пошутила она.

— И завтра же пошлите вызовъ свидѣтелямъ! Вообще примитесь за это дѣло!—нервно продолжалъ судья, пропуская мимо ушей новость насчетъ сада.

— Я разучила кое-какія сонаты Моцарта для фортепьяно и скрипки, пока тебя не было,—попробовала, немного погодя, нарушить наступившее молчаніе Алида.

Судья бросилъ мимолетный косой взглядъ на комнаты, гдѣ стояло фортепьяно.

— Нѣтъ, нѣтъ, дитя мое... Я усталъ, сейчасъ же лягу!

Да онъ всѣ стакнулись противъ него!... Проходя мимо Меретѣ, которая смотрѣла на него такимъ страдальческимъ взглядомъ, онъ слегка провелъ рукой по ея волосамъ и вышелъ, сохраняя на лицѣ замкнутое, оскорбленное выраженіе.

Побывавъ у себя наверху и закуривъ трубки, служащіе принялись бродить вокругъ и внутри высокой, бѣлѣющей въ сумеркахъ холоднаго осенняго вечера садовой ограды, чтобы насколько возможно ознакомиться съ столь неожиданною новинкой въ домѣ.

Когда вышли и дамы, закутанныя въ платки и шали, начались деликатные вопросы и осторожное вывѣдыванье.

— Да, странно-таки было бы, напримѣръ, вернуться къ себѣ и найти новый домъ вмѣсто стараго!—нѣсколько колко замѣтилъ Рейнь.

— А что же, по-вашему, это былъ бы пріятный сюрпризъ или непріятный?—добродушно откликнулась на шутку Маріанна.—Женская натура, скажу я вамъ, словно шелковая нитка. Все зависитъ отъ того, сумѣетъ ли мужчина обвить ее вокругъ пальца. Такой вотъ, какъ вы, напримѣръ, кто всегда знаетъ, чего онъ хочетъ,—продолжала она дружески, понижая голосъ и направляясь съ нимъ къ оградѣ.

Внизу стояла Барбара и съ жаромъ описывала, какъ Андерсъ и Ларсъ окапывали гряды для спаржи и какъ жирно удобряли ихъ навозомъ. Сколько будетъ спаржи—страсть! Только раньше какъ черезъ три года нечего и думать полакомиться ею!

Евфемія вздернула носъ, — «навозные» разговоры Барбары коробили ее,—и удалилась, кутаясь въ свою шаль.

— Разумѣется, все дѣло тутъ въ паркѣ! Онъ придаетъ всей картинѣ настоящій видъ!—строго уронила она съ высоты своего величія.

Геншинъ, мучимый сомнѣніями, приблизился къ кружку и тихонько дотронулся до руки Алиды.

— Надѣюсь, все это огромное дѣло затѣяно не совсѣмъ помимо судьи, іомфру?—осторожно освѣдомился онъ съ почтительной фамильярностью многолѣтняго служаки.

— «Студены бабы совѣты»! Такъ, по-вашему, Геншинъ? — вдругъ громко вмѣшался Рейнъ, прерывая свою бесѣду съ Маріанной.—Разумѣется, супругъ долженъ быть счастливъ, разгуливая въ райскомъ саду, насажденномъ для него супругой... Знай смакуй себѣ всякіе плоды, рѣпу и брюкву и прочее...

«Щечки дѣвы круглы, красны,
Голосъ ласкою звучить.
Съ вида яблочко прекрасно,
Но внутри червякъ сидитъ!»—

продекламировалъ онъ въ полоборота къ Маріаннѣ.

Дѣвушки потихоньку ретировались. Отъ такого грубіяна лучше подалше...

И онъ продолжали свою обычную вечернюю прогулку; Барбара съ Геншиномъ, показывая и объясняя ему все, что касается новаго сада, а Маріанна съ Августинусеномъ и Шмидтомъ, которые съ возрастающею ревностью слѣдили за ней во время ея дружеской бесѣды съ Рейномъ. Она привѣтливо выслушивала и того, и другого, —оба спѣшили выложить ей все, что у нихъ накопилось на сердцѣ за время поѣздки, —но глазами не переставала испытующе слѣдить за Рейномъ, прищуривая ихъ все больше и больше.

Квигстадъ былъ въ этотъ вечеръ осчастливленъ вниманіемъ Алиды и остроумно описывалъ ей этотъ четырехнедѣльный адъ на сѣздахъ — съ выпивкой, бессонными ночами и бѣшено-гипучею работой. Очутиться опять дома, въ Вангенъ, было для него снова вернуться въ рай.

— Только бы папа какъ-нибудь примирился съ этимъ садомъ, Квигстадъ! — вдругъ облегчила она передъ нимъ свое наболѣвшее сердце. —Просто больно смотрѣть, когда онъ что-нибудь приметъ такъ близко къ сердцу... Это совсѣмъ не въ его характеръ... Онъ вѣдь, всегда такъ готовъ радоваться всему!...

— О, еслибъ отъ меня зависѣло помочь вашему горю, іомфру Алида, то!...

Тутъ онъ почувствовалъ, что сбился съ тона, и быстро простился съ дѣвушкой. Этотъ порывъ дружеской откровенности съ ея стороны ошумилъ его... Іомфру Алида была для него олицетворе-

ниемъ чистоты и всѣхъ женскихъ добродѣтелей, идеаломъ — увы! — недостижимымъ для мелкаго служащаго. Тѣмъ болѣе теперь! Всѣмъ его честолюбивымъ воздушнымъ замкамъ былъ положенъ предѣлъ: тетушка Ра закрѣпила Алиду за Гротомъ, сыномъ крупнаго заводчика; онъ богатъ, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ куда ниже ея!

Меретѣ долго ходила по двору одна, сдерживая негодованіе; наконецъ, не выдержала и бросила Рейну въ лицо:

— Стыдно!... Вы злой человѣкъ!... Я не хотѣла лечь спать, не высказавъ вамъ этого!... Стыдно! — донеслось до него еще разъ, когда она исчезала за дверью въ сѣняхъ.

На другое утро судья стоялъ на крыльцѣ въ какомъ-то раздумьѣ...

— Ларсъ! Гдѣ Ларсъ? — вдругъ сердито раздался его голосъ. — Конюшня вѣчно настезь!... Выведи Фигаро!

«Хочетъ проѣхаться, какъ всегда, утромъ», — подумала Меретѣ, стоявшая тутъ же.

— Ты успѣлъ за это время справиться съ пустячной работой, которую я поручилъ тебѣ? Вывезъ удобреніе въ поле? — спросилъ судья парня, осматривая своего любимца Фигаро.

— Да-а! Только не въ поле... Барыня велѣла все въ садъ свозить.

— На парники для спаржи! — осторожно пояснила Меретѣ.

— Удобреніе?... Мое удобреніе? — разразился судья, весь побагровѣвъ отъ гнѣва.

Въ это время къ лошади подошелъ Рейнъ, наклонился и пощупалъ одну изъ заднихъ ногъ Фигаро.

— Тутъ какъ будто опухоль надъ бабкой, — сказалъ онъ. — Я замѣтилъ, что лошадь слегка поджимаетъ ногу. Мало движенія... застоялась.

Судья нагнулся и тоже пощупалъ ногу.

— Пройдетъ послѣ хорошаго моціона! — сказалъ Рейнъ. — Добрый конь... Немножко крутой брестецъ, какъ у всѣхъ этихъ горныхъ породъ...

— Да, да. Онъ какъ разъ такой породы. Вы знаете толкъ въ лошадяхъ! — замѣтилъ судья.

— Во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ въ людяхъ! — какъ-то вскользь проговорилъ Рейнъ. — Но взгляните, какъ Фигаро насто- рожилъ уши при нашемъ разговорѣ. Онъ пугливъ... Это можетъ стать дурной привычкой у лошади... Начнетъ пугаться. Слишкомъ темно въ конюшнѣ; животное стоитъ тамъ день-деньской задомъ къ свѣту, головой въ темный уголъ.

— Да, слѣдовало бы отвести ему другое мѣсто... Но скажите вы мнѣ, отчего же это такъ устроилось шиворотъ на выворотъ: хвосты къ свѣту вмѣсто головъ?... Точно и свѣтъ сначала былъ созданъ на изнанку? — сорвалъ свое сердце судья и, демонстративно отвернувшись отъ новой садовой ограды, рѣшительно зашагалъ въ контору.

— Благодарю за вчерашній урокъ, юмфру Меретэ! — сказалъ Рейнь, собираясь послѣдовать за судьей. — Вы не можете себѣ представить, какъ хорошо дѣйствуетъ на человѣка такая головомойка со стороны ближняго... Знать, что кому-нибудь есть до тебя дѣло!...

«Онъ еще благодарить! — пронеслось въ умѣ Меретэ. — Ужъ не насмѣхается ли онъ надъ ней? Но взглядъ у него былъ такой открытый, даже милый... Нѣтъ, этого человѣка не разберешь!...

— Алида! Фемія! Марианна! Барбара! — раздался вечеромъ голосъ Меретэ изъ окна семейной комнаты. — Закройте глаза и угадайте, кто спускается сейчасъ съ отвеса?

— Конечно, Гротъ! — лаконически заявила Алида.

— Нѣтъ, спасибо! Взгляни-ка!

— Санковичъ! — закричали всѣ на перебой.

— Кто бы подумалъ! Вотъ встати! Для папы-то!...

И всѣ выбѣжали на крыльцо.

Весь въ пыли, съ бородой настоящаго диваря, усталый, изнуренный предсталъ передъ ними въ лучахъ заходящаго солнца Санковичъ, еще издали начавшій махать имъ своей мягкой шляпой.

— О, да всѣ Вангенскія барышни на крыльцѣ! — съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ привѣтствовалъ онъ ихъ, сразу настраиваясь на веселый ладъ.

Онѣ всѣ обступили его.

— Откуда вы теперь, Санковичъ? — начала Марианна.

— Отъ супруги Фогта! Уфъ! — и онъ устало опустил на скамейку. — Я обошелъ пять приходоу... вездѣ настраивалъ инструменты. Ахъ, какъ она не музыкальна, эта супруга Фогта! Какъ корова!... И хочеть, чтобы дочки играли труднѣйшія вещи. Ужасная мука съ ними!... Я и ушелъ, какъ настроилъ имъ фортепьяно. — Онъ отеръ лобъ влѣтчатымъ платкомъ. — Ахъ, да! Мнѣ очень грустно, барышни! Поляки проиграли битву при Остроленкѣ... Охъ! сердце мое въ Польшѣ... Ахъ, еслибъ и тѣло мое было тамъ...

— Но откуда вы знаете все это, Санковичъ? — спросила Алида.

Онъ вытащилъ изъ кармана письмо.

— Я получилъ его по почтѣ... Отъ одного друга изъ Данцига. Тутъ все и сказано...

И онъ печально поникъ головой и задумался.

— Ну, пойдете же въ домъ, Санковичъ! — пригласила его Алида. — Вамъ нужно отдохнуть послѣ такого пути.

— Да, да... Двѣ мили! Да я не чуюлъ земли подъ ногами, какъ получилъ это письмо... Такое горе!...

Для музыкальной семьи судья бывалъ настоящій празднигъ, когда къ нимъ два раза въ годъ заходилъ погостить полу-эмигрантъ, нѣмецкій полякъ Санковичъ, кочевавшій изъ года въ годъ по округу, промышляя настройкой фортепьяно и уроками музыки и пѣнія.

Когда судья сошелъ внизъ, Санковичъ уже сидѣлъ за фортепьяно, снявъ съ него крышку.

— Брѣшная натура у этого инструмента! — привѣтствовалъ онъ судью. — Отлично держится... даромъ что, пожалуй, отдыхаетъ только по ночамъ въ этомъ домѣ!

И онъ началъ перебирать пальцами по клавишамъ съ опытностью врача; настраивая, провѣряя звуки по камертону и наигрывая, онъ засидѣлся за фортепьяно до самаго ужина.

Вечерняя трапеза прошла нѣсколько наскоро и въ подавленномъ молчаніи. За то, едва сестры, убирая со стола, вышли за дверь, началось шушуканье.

— Я въ первый разъ вижу, что мама такъ любезна съ Санковичемъ, Алида! — шептала Меретѣ. — Угощала его, потчивала и велѣла Инге приготовить ему комнату наверху вмѣсто того, чтобъ отослать его къ Августинусену и Шмидту, какъ всегда. А папа все вертѣлся, ежился да поглядывалъ въ сторону, — отлично понималъ, зачѣмъ это все дѣлается... Но когда онъ вдругъ взялъ да пригласилъ Санковича оставаться у насъ вплоть до Рождества, — завертѣлась и заежилась мама!... Вотъ была озадачена! — разсмѣялась дѣвушка. — Папа никогда, вѣдь, прежде не дѣлалъ ничего такого безъ спора у нея!

— Ахъ, одно то, что всѣ эти конторщики сидятъ тутъ за столомъ и смекаютъ, что въ домѣ что-то неладно! — вмѣшалась Евфемія. — А несносный Рейнъ еще позволяетъ себѣ колкія замѣчанія... Просто не глядѣла бы на него, не слушала бы его! — дала она исходъ накипѣвшей въ ней досадѣ.

— Да, пріятное житье-бытье поидетъ у насъ въ домѣ! — сказала Меретѣ. — Папа не хочетъ слушать мамы, мы не хотимъ слу-

шать другихъ, — всякій несетъ свое и все наобумъ... А вы помните, папа однажды шесть недѣль не бралъ въ руки скрипки? Что это былъ за ужасъ!... Точно умерло все въ домѣ.

— А мама, какъ ни въ чемъ не бывало, стоитъ себѣ и смотреть, подвинулась ли сегодня ограда! — усмѣхнулась Маріанна. — Все-таки не хочеть отступитья отъ своего...

Изъ комнаты уже слышалось бѣглое перебирание клавишъ, и затѣмъ Санковичъ началъ фантазировать.

Сестры одна за другой проскользнули въ комнату.

Судья откатилъ себѣ кресло въ самый темный уголъ; время отъ времени на полу возлѣ него вспыхивалъ огонекъ, — это онъ, приходя въ себя изъ забытья, дѣлалъ нѣсколько глубокихъ затяжекъ изъ длиннѣйшаго чубука своей пѣнковой трубки.

Съ фортепьяно лились дивныя мелодіи и фантазіи.

Санковичъ игралъ сегодня удивительно!

Онъ сидѣлъ, подпѣвалъ себѣ почти беззвучно и игралъ, игралъ такъ, что не скоро можно было забыть!...

О, эти заунывные славянскіе мотивы, полные желанія и тоски!...

Звуби росли, замирали... звучали мягкимъ ласкающимъ шепотомъ... проносились порывомъ вѣтра, стонами бури... лились дождемъ слезъ надъ безконечными равнинами...

Родные мотивы вырывались изъ самой души Санковича... фортепьяно словно говорило на чужомъ языкѣ...

Вдругъ въ комнатѣ настала мертвая тишина, Санковичъ откинулся на спинку стула и застылъ, вперивъ взглядъ въ пространство, точно продолжая всматриваться во что-то...

Маріанна подошла къ столу и сняла нагаръ со свѣчей. Затѣмъ въ комнатѣ поднялся тихій говоръ, обилнѣ впечатлѣній.

— Счастье быть такимъ артистомъ! Онъ можетъ высказать все, что у него на душѣ, вылить свои чувства передъ цѣлымъ свѣтомъ. Они не задушатъ его. Въ груди у него всегда точно въ хорошо провѣтренной комнатѣ! — вырвалось у Рейна въ полоборота къ Меретѣ.

Она сидѣла на дѣтской скамеечкѣ и завивала стружками бумажную розетку для свѣчки. «Опять онъ со своими загадками! — мелькнуло у нея. Недоумѣвающая мина дѣвушки вызвала на его лицо улыбку.

— Можете вы представить себѣ человѣка, у котораго никогда не было никого, съ кѣмъ бы отвести душу и никогда не будетъ — вдругъ спросилъ онъ иррачно и тутъ же разсмѣялся. — Вы тѣмъ

испуганно смотрите! Нѣтъ, я не воръ, не поджигатель и не убійца!... Говорять, у меня была когда-то сестренка, — произнесъ онъ задумчиво. — И я все думаю о томъ, какъ хорошо было бы, еслибъ она осталась жива... и мы могли бы бесѣдовать съ ней... Такая вотъ прямая, дѣтскія-непосредственная натура, которая сказала бы человѣку, когда надо, «стыдно!» — посмотрѣла бы на него своими правдивыми, строгими глазами... и могла бы обуздать въ немъ звѣря!... Этого не добьешься мудрыми и красивыми рѣчами, скажу я вамъ, юмфру Меретѣ!

Меретѣ сама не знала, какъ это объяснить... Но ее какъ будто бережно, нѣжно усадили бесѣдовать съ тѣмъ самымъ тихимъ, грустнымъ человѣкомъ, котораго она уже видѣла прежде на этомъ самомъ стулѣ въ тотъ вечеръ...

И, какъ тогда, онъ словно прочелъ ея мысли...

Санковичъ, несмотря даже на то, что бывалъ подчасъ несносенъ со своими вѣчными, и встать и не встать вырывавшимися у него изліяніями на счетъ Польши, былъ просто золотой человѣкъ въ домѣ въ пору семейной неурядицы.

По утрамъ, когда онъ давалъ уроки музыки барышнямъ, всѣ знали — какъ и то, что часы сейчасъ пробьютъ одиннадцать, что войдетъ судья, постоитъ сначала немного у фортепьяно, потомъ спросить, что играютъ. И затѣмъ всегда почти найдется вещьца, которую онъ вспомнилъ и которую хотѣлъ наиграть. А черезъ полчаса, какъ только часы пробьютъ половину двѣнадцатаго, онъ сразу оборветъ игру, и все — точно ножомъ отрѣжетъ! Судья направится, осторожно ступая кожаными галошами по вязкому осеннему мѣсиву, черезъ дворъ въ контору.

Погода стояла сырая, мозглая; дождь моросилъ не переставая. Бочки подъ водосточными трубами стояли переполненными, и въ канавкахъ вода поднялась до краевъ. Ручьи вздулись и бурлили, такъ что мельничныя колеса опять пошли въ ходъ и кружились въ брызгахъ бѣлой пѣны.

На дворъ въ теченіе всего короткаго темнаго дня вѣвжалъ, громыхая, возъ за возомъ съ дровами, и подъ навѣсомъ выросли все новыя и новыя полѣнницы въ запасъ на зиму. Телѣжки подвѣзжали къ конторѣ всѣ забрызганныя грязью; на конторское крыльцо тоже было натаскано ногами много грязи.

Судья продолжалъ свои утреннія прогулки верхомъ до послѣдней возможности, прибѣгая къ толстому плащу съ капюшономъ и длиннымъ сапогамъ. Садовая ограда продолжала не существовать

для него, равно какъ и всѣ замѣчанія и рѣчи жены. Если въ хозяйствѣ случалась неотложная нужда въ наличныхъ деньгахъ, за ними приходилось являться къ отцу въ контору одной изъ дочерей, дежурной въ эту недѣлю.

И въ такую-то распутицу Рейнъ то вдругъ являлся домой поздно ночью, весь промокшій до костей, съ форелью въ рукахъ, которую ему удавалось поймать гдѣ-то въ рѣчкѣ, то, вставъ до свѣта, приносилъ рано въ кухню какую-нибудь крупную дичь. «Вотъ носило его съ ружьемъ и собакой по горамъ да по доламъ! И когда только спалъ? Что за здоровякъ человѣкъ!»...

Бъ конторскимъ занятіямъ онъ, однако, относился строго педантично взапуски съ Геншиномъ. А послѣдній все-таки стоялъ на своемъ. Рейнъ — не служака; къ этому надо имѣть призваніе! Но, конечно, онъ былъ малый съ головой и могъ таки постоять за себя въ дѣлѣ, такъ что даже подзадоривалъ на чудеса Бвигстада. Да и мысли-то его были не *тутъ* а *тамъ*, въ лѣсу или у рѣки. Сидѣлъ и думалъ больше всего не о сводѣ законовъ, а о дичи да о форели, о томъ, куда бы ему направиться вечеромъ, послѣ того, какъ запасется бутербродами въ кладовой, вмѣсто того, чтобы идти ужинать за общимъ столомъ.

Бъ концу осени у самой хозяйки и у всѣхъ дочерей были полны руи дѣла, — приходилось все обдумать, устроить и наладить къ зимѣ и къ Рождеству.

За выграшенными красною краскою кухонными столами мѣстечка не оставалось свободнаго во время частыхъ дневныхъ трапезъ, — столько работало во дворѣ взрослыхъ и подростковъ.

Сушили и чесали ленъ, на гумнѣ молотили хлѣбъ. День-деньской грохотала картошка, которую сваливали съ воевъ въ подвалъ.

Одна изъ дочерей дежурила по хозяйству, двѣ попеременно сидѣли за ткацкимъ станкомъ, чтобъ изготовить красное клѣтчатое сукно на зимнія платья; на остальныхъ двухъ лежали всѣ прочія работы внѣ дома, а также сученье фителей толстыхъ и тонкихъ для фонарей и свѣчей; впереди была еще долгая процедура самаго литья свѣчей.

Въ долгія послѣобѣденныя сумерки, когда люди работали въ кухнѣ при свѣтѣ лучины, хозяйка съ дочерьми сидѣли въ семейной комнатѣ, освѣщенной одною сальной свѣчей, расчесывая, прядя и сматывая въ клубки шерсть, подъ аккомпаниментъ разговоровъ о томъ, сколько чего надо заколотъ, зажарить, напечь и наварить къ праздникамъ.

А тамъ дѣло дошло и до составленія списка рождественскихъ гостей. Какихъ друзей Иесса надо пригласить!... Можетъ быть, отпустить погостить и Христіану Гедде, если мать настоитъ, чтобы Иессъ самъ побывалъ у полковника и передалъ ей собственноручное приглашеніе... Будетъ, разумѣется, приглашенъ и Гротъ.

Въ одно холодное сырое утро Рейнъ, вернувшись изъ лѣса предсталъ передъ направлявшейся въ помѣщеніе для катка Меретѣ, размахивая кистью рябины и цѣлою связкой сѣрыхъ дроздовъ.

— Вотъ чѣмъ я занимался сегодня утромъ, передъ тѣмъ, какъ ѣхать творить зло людямъ!—громко заговорилъ онъ.—Вотъ! и онъ поднесъ ей кисть рябины:—эта кисть и еще двѣ-три такія же красныя соблазнили этихъ семерыхъ бѣдняжекъ... Я видѣлъ, какъ попалась въ силокъ послѣдняя... Сначала она подпрыгнула на вѣткѣ и стала отодвигаться все дальше и дальше, потомъ вдругъ вспорхнула, опять сѣла и начала коситься однимъ глазкомъ на соблазнительныя свѣжія красныя ягоды. Она, видимо, прямо боролась съ самой собою... подъ конецъ даже страдала: совсѣмъ сощурила глазки и разинула клювъ, точно задыхалась... И вдругъ, безъ оглядки ринулась въ петлю—точь въ точь, какъ мы люди!... Во мнѣ, какъ видите, сидитъ до нѣкоторой степени натуралистъ!

— Гадко!—вспылила Меретѣ.—Сейчасъ же унесите ихъ прочь, въ кухню! Слышите? Просто жалость взглянуть! Совсѣмъ еще теплыя, бѣдняжки!...

— О, только бы съ глазъ долой, не видѣть ихъ!—ѣдко замѣтилъ Рейнъ.—А потомъ можно, пожалуй, съ аппетитомъ и скушать ихъ—подрумяненныхъ на сковородкѣ... И лучше что ли, какъ вотъ предстоитъ теперь мнѣ, заманить въ петлю бѣднягу мужика, который ради жены и дѣтей покривилъ немножко душой, выманить у него сознаніе, которое приведетъ его на каторгу!—продолжалъ Рейнъ въ то время, какъ къ крыльцу подъѣзжала телѣжка, въ которой онъ съ Августинусеномъ долженъ былъ отправиться на допросъ одного крестьянина.—Его придется соблазнять совсѣмъ другого рода рябиной... выпрашивать, выпытывать... разставлять сѣти, куда тоньше охотничьихъ силковъ... Такъ вотъ, и представьте себѣ, Меретѣ,—сказалъ онъ вдругъ рѣзкимъ тономъ, близко подойдя къ ней:—что мнѣ тяжело идти на такое дѣло и что я въ это холодное сырое утро закалялъ себя тамъ въ лѣсу...

Телѣжка съѣхала со двора; Меретѣ стояла у катка и смотрѣла вслѣдъ Рейну.

И какъ это выходило всегда? Одну минуту она бывала такъ зла на него, готова была вспылить, а минуту спустя...

Послѣ ужина барышни и конторскіе служащіе сидѣли въ столовой, а судья съ Санковичемъ увлеклись въ семейной комнатѣ музыкой, разыгрывая на фортепьяно со скрипкой безконечныя сонаты. Въ столовой затопили печку и стало такъ славно, уютно... особенно въ сравненіи съ холодною осеннею изморозью на дворѣ.

Хозяйка велѣла сегодня подать орѣховъ и яблоковъ, на которыя въ нынѣшнемъ году былъ большой урожай. Очистивъ и попробовавъ два-три сорта, она прошла възадъ и впередъ по комнатѣ, а потомъ, утомленная дневными хлопотами, отправилась къ себѣ въ спальню.

Молодежь расположилась вокругъ большого обѣденнаго стола, и скоро закипѣла веселая игра въ «черномазы» *). Мужчины возсѣдали съ лицами, испещренными черными пятнами и полосами, тогда какъ дамы отдѣлывались, приобретаая маленькія хорошенькія мушки и родинки.

У Квигстада брови выросли въ густые усы, а маленькій краснощекій Шмидтъ былъ превращенъ въ настоящее страшилище съ огромною бородой и усищами.

Главною темой для загадочныхъ намековъ и шутокъ служило то обстоятельство, что настоящаго-то «черномазаго», Рейна, какъ разъ и не было тутъ, — онъ, по возвращеніи съ допроса, ушелъ къ себѣ.

Такъ кому же выпадеть на долю быть здѣсь его замѣстителемъ?...

— Берегитесь, юмфру Барбара! — сказалъ Геншинъ. — «Черномазый» рыщетъ — добычи ищетъ! Берегитесь! — И онъ лукаво протянулъ ей вверхъ крапомъ карты, изъ которыхъ она должна была выбрать одну.

— У! — зажмурилась Барбара и вытянула себѣ карту. — Ага! Нѣтъ, на этотъ разъ я ушла отъ него! — возликовала она.

Очередь была за Шмидтомъ. Онъ долго колебался, желая избѣгнуть несчастной карты. — Опасно таки! — Онъ потянулъ карту и какъ будто обжегъ себѣ пальцы.

— Да, берешь наобумъ и что тебѣ попадется не знаешь! — сказала, задумчиво покачивая головой, Маріанна, собираясь вытянуть карту у Шмидта.

*) Карточная игра вродѣ нашей «въ фоханы»; проигравшему мажутъ углемъ или жженою пробкой кончикъ носа, усы, бороду, брови и прочія части лица.

Примѣч. перев.

— Форель или глухарь, хотите вы сказать?—весело-лукаво подхватилъ Шмидтъ; ему сегодня выпало счастье имѣть сосѣдкой Маріанну.

— Или трубочистъ, который испачкаетъ и замажетъ тебѣ сажей весь свѣтъ!—заворчалъ Квигстадъ.

— Да, въ смыслѣ оживленія нельзя сказать, чтобъ онъ былъ бладомъ для нашего дома!—процѣдила Евфемія.

— Уфъ! Не пора ли бросить этого черномазаго!—не выдержала Меретэ.—По моему и скучно, и глупо!...

— Серьезно говоря,—вдругъ высказала свою мысль Маріанна:—онъ ничего себѣ... Хотя и нѣсколько странень... этотъ самый господинъ Дюре Окисенъ Рейнъ!...

— Есть такіе люди, которые присваиваютъ себѣ привилегію капризничать и говорить другимъ колкости!—сказала Алида.—Все и всѣ должны приравливаться къ ихъ настроенію.

— Даже Аяксъ!—подхватилъ Квигстадъ.—Онъ и то ужъ держитъ ухо остро, примѣчаетъ, когда надо быть веселымъ и лаять, и когда поджать хвостъ и смотрѣть исподлобья... Ну, Августинусенъ!—расшевелилъ онъ послѣдняго.—Вамъ сдавать!

Августинусенъ съ однимъ намазаннымъ усомъ сидѣлъ какъ-то безучастно. Онъ, видимо, думалъ о другомъ весь этотъ вечеръ.

Бородатый Шмидтъ подозрительно погосился на него, — ужъ не вышло ли у него чего-нибудь съ юмфру Маріанной?

— Да, странный случай былъ сегодня! — вдругъ заговорилъ Августинусенъ и даже бросилъ карты, точно рѣшившись, наконецъ, заговорить о томъ, что его занимало.—Происшествіе довольно-таки любопытное!

— Что, что такое?!—И всѣ уставились на него.

— Да вотъ съ Рейномъ сегодня вышло... Довольно-таки... гмъ!... странно....

— Да что же, что?—посыпались нетерпѣливые вопросы.

— Да видите... мы только-что покончили съ допросомъ, записали все, какъ вдругъ видимъ—всѣ сколько было тутъ народа, и свои, и чужіе, повалили на задворки, къ хлѣву... Я, конечно, за ними... Гляжу, коровница заливается слезами и показываетъ диковиннаго теленка... Я долженъ предупредить васъ, что сейчасъ услышите нѣчто такое, отъ чего содрогнетесь: у теленка было двѣ головы, и онъ таращился двумя парами глазъ и тянулся къ молоку, разѣвая двѣ пасти съ двумя языками!... Пренеприятное зрѣлище!... Оборачиваюсь—за мной стоитъ Рейнъ съ вытаращенными глазами, весь бѣлый; видно не можетъ сказать слова... и вдругъ

грохнулся навзничь!... Я подумалъ, что съ нимъ ударъ, подско-
чилъ, началъ разстегивать платье, ради скорости разорвалъ воротъ
рубашки и закричалъ; чтобы подали холодной воды. Только, пока
я тутъ суетился, онъ вдругъ открылъ глаза, вскочилъ, промчался,
какъ безумный съвозъ толпу и— въ домъ, въ комнату... Слышно
было, какъ замокъ щелкнулъ,—заперся! Немного погодя, вышелъ,
какъ будто ничего себѣ... Былъ уже совсѣмъ одѣтъ въ дорогу и
заторопилъ отъѣздомъ: «Поскорѣ велите запретъ лошадь, Авгу-
стинусень! Я почувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо; но это прой-
детъ на свѣжемъ воздухѣ».

Всѣ были поражены.

— Ай, какой ужасъ!— содрогнулась Меретъ.

Марианна обвила руками одно колѣно и покачивала ногою, по-
грузившись въ думы.

— Мужчинѣ не полагается падать въ обморокъ, какъ дамѣ!—
прервала молчаніе Евфемія.

— А еще охотникъ... кровь проливаетъ!

— Какъ же это?— покачала головою Геншинъ.— Не понятно!

— И чтó бы это значило, что онъ заперъ за собою дверь?—
недоумѣвалъ Августинусень.

— Не догадываетесь?— шутливо сказалъ Бвигстадъ.— Онъ
предусмотрительно заперъ себя въ конюшню, какъ конь, который
знаетъ, что вотъ-вотъ сейчасъ закусить удила и понесетъ!... Я,
впрочемъ, того мнѣнія, что такіе кони—самые лучшіе.

— Мама была права!— буркнула Барбара.— Она сразу ска-
зала, что онъ чудакъ съ претензіями... Онъ прежде всего напи-
салъ, чтобы ему отвели отдѣльную комнату. Онъ и живетъ теперь
тамъ точно самъ по себѣ. Никогда не знаешь, гдѣ онъ—ни утромъ,
ни вечеромъ!... Иной разъ не возвращается съ своихъ прогулокъ
и къ тому времени, когда Инге приносить ему на верхъ завтракъ!—
критиковала она.

— Да, ужъ претензій не оберешься!— рѣшился излить нако-
пившуюся желчь и Геншинъ.— И на съѣздахъ никакъ не могъ
обойтись безъ отдѣльной комнаты, наравнѣ съ самимъ судьей!
Какъ же! Заявилъ, что глазъ не сомкнетъ всю ночь, если будетъ
чувствовать, что тутъ же въ комнатѣ дышетъ и спитъ другой че-
ловѣкъ... И вездѣ приходилось ломать старый порядокъ, устраивать
для него все по-новому!

— Не слѣдовало ли бы вамъ, Геншинъ, посвятить папу во всѣ
эти исторіи?— предложила съ видомъ оскорбленнаго достоинства
Евфемія, когда музыканты окончили свою игру, и судья вошелъ

въ комнату въ самомъ благодушномъ настроеніи, хлопая въ ладоши и крича:

— Спать пора! Спать пора!

Прибирая съ сестрами въ комнатѣ, гдѣ играли музыканты, Марианна прошептала, видимо продолжая думать свою думу:

— Онъ, впрочемъ, больше чѣмъ просто чудакъ, по-моему...

— Да! И больше чѣмъ претенціозенъ! — подхватила Евфемія. — Онъ точно шагаетъ черезъ все въ домѣ, въ своихъ непромокаемыхъ сапожникахъ.

— Да-а... пожалуй... пожалуй... онъ тутъ не ко двору! — закончила Марианна.

— Бѣда, что нельзя теперь напустить на отца маму! — горячилась Евфемія. — Все вышло изъ колен, изъ-за этой исторіи съ садомъ!

— Да, вѣдь, я думаю, *отцу* нуженъ помощникъ-то, а не *вамъ*! — вырвалось у Меретѣ, которая бросилась на стулъ и съ вызывающимъ видомъ болтала ногами.

— Тебя тутъ не спрашиваютъ! — отрѣзала ей Евфемія.

— Еще бы!... Вы, конечно, объ отцѣ главнымъ образомъ хлопотете! — продолжала Меретѣ. — А онъ самъ говорилъ, что очень доволенъ Рейномъ.

— И ты не меньше, какъ видно! — сказала Марианна. — Онъ въ послѣднее время удостоиваетъ дѣвочку своей откровенностью, посвящаетъ въ свои глубокомысленныя соображенія.

— Да, а вы, по-моему, ужъ черезчуръ много заняты конторскими дѣлами! — послѣдовалъ негодующій отпоръ.

— Послушайте-ка ее!... Право, дѣвчонка, кажется, тоже завела амуры! — издѣвалась Евфемія.

Меретѣ вдругъ разразилась слезами, выбѣжала изъ комнаты и бросилась къ себѣ наверхъ.

— Вотъ какъ! — сказала Марианна, глядя ей въ слѣдъ. Рябоватое лицо ея слегка покрылось румянцемъ. — Такъ, пожалуй, пора спровадить отсюда этого господина! — заключила она, кивая головой, и въ глазныхъ щелочкахъ ея словно блеснулъ огонекъ. — Я думаю, надо будетъ мнѣ съѣздить завтра къ тетущкѣ Ра... Придумаю какое-нибудь дѣло, Евфемія!... И *тетушка* поговорить съ отцомъ.

Судья только что вернулся съ долгой послѣобѣденной прогулки верхомъ къ тетущкѣ Ра.

Фигаро сталъ весь сѣрый до самаго крупа отъ облѣпившей его грязи. И погода стояла сѣрая, и расположеніе духа судьи было сѣрое.

Онъ бросилъ Ларсу поводья и, сердито опустившись на стулъ въ сѣняхъ, молча предоставилъ служанкѣ помогать ему стащить высокіе сапоги, взаи́мъ которыхъ Инге принесла другіе, наваксенные и начищенные до самыхъ ушекъ.

Войдя въ семейную комнату, онъ разсѣянно уставился въ окно и задумался, не отвѣчая на вопросъ Алиды о тетускѣ Ра.

«Пренеприятное положеніе... Главное, что онъ собственно не чувствовалъ тутъ подъ ногами почвы.

«Приходилось дѣйствовать въ сферѣ, меньше всего имѣвшей отношеніе къ нему лично или къ его служебнымъ обязанностямъ... Напротивъ, совершенно частныя, семейныя обстоятельства... разныя практическія соображенія... необходимыя... цѣлесообразныя и проч., и проч... Чисто домашняго характера!»

Въ сущности онъ чувствовалъ сильнѣйшую потребность потолковать съ женой... обсудить съ ней дѣло и узнать ея мнѣніе.

«А то ни съ того, ни съ сего взять да уволить такого помощника, какъ Рейнъ... такого дѣльнаго человѣка, съ которымъ у него вдобавокъ нашлось еще столько общихъ интересовъ: и хозяйство, и природа, и лошади... Рейнъ—живой человѣкъ, не какая-нибудь деревяшка! Да и къ тому же уволить именно теперь, когда Геншинъ того и гляди получитъ мѣсто ленсмана, о которомъ хлопоталъ...

«И поводъ, поводъ?... Положимъ, дѣвочкамъ въ этой глуши нужно общество образованныхъ, воспитанныхъ людей... Вотъ оно! Въ этомъ-то, пожалуй, вся и суть...

«Да, чортъ возьми, кто поможетъ ему разобраться въ этомъ, кромѣ Боллеты!»

И онъ шагальъ назадъ и впередъ, изъ семейной комнаты въ столовую, гдѣ жена кроила что-то.

— Натяни матерію, Меретѣ! Надо, чтобы лежала ровно, тогда мы выкроимъ и другую половинку спинки по этой!—сказала мать, и ножницы быстро задвигались, рѣзко звякая объ столъ.

Судья на минуту приостановился, словно раздумывая, и поглядѣлъ на жену. Но потомъ опять возобновилъ свое шаганье черезъ дверной порогъ, все больше и больше замедляя поступь и покашливая...

— Алида!—начала госпожа Орнингъ, дѣлая попытку казаться равнодушной и продолжая кроить.—Какъ бы не забыть залитьго изъ дроздовъ, что Маріанна приготовила вчера для тетуски... Еслибъ погода была получше, вы съ Меретѣ могли бы отнести ей

его завтра. Или отвезти, если буланка и телѣжка свободны.—Эти слова сопровождались косвеннымъ взглядомъ въ сторону судьи.— Позже по осени будетъ не до визитовъ и любезностей.

Судья украдкой покосился на столъ. Его такъ и подмывало пробить брешь въ стѣнѣ долгаго молчанія.

— Гм... Гм...—откашлялся онъ и приостановился.

Ножницы продолжали свое дѣло, а губы жены, показалось ему, складывались въ ироническую усмѣшку.

Когда же онъ опять переступилъ порогъ, въ глаза ему кинулась блестящая отъ дождя новая садовая ограда. И онъ, словно принявъ рѣшеніе, крикнулъ и вышелъ изъ столовой.

— Маріанна!—заговорилъ онъ въ коридорѣ такъ громко, чтобы слышно было въ столовой.—Я по нѣкоторымъ причинамъ думаю уволить Рейна.

И направился въ контору.

— Папа, папа!—вдругъ раздалось позади него.

Это была Меретѣ, которая бѣжала за нимъ по лѣстницѣ.

— Папа, нельзя... нельзя... уволнять Рейна!—прошептала она чуть слышно.

Судья озадаченно посмотрѣлъ на нее, и на лицо его набѣжала серьезная дума.

Но онъ не сказалъ ничего.

Меретѣ же отскочила отъ него и словно внѣ себя бросилась назадъ черезъ кухню.

Судья медленно и задумчиво поднялся на крыльцо.

Тонъ ея словъ подсказалъ ему, что онъ сейчасъ слышалъ вопль сердца, невольно вырвавшійся изъ груди его любимицы.

А. и П. Ганзенъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРЕСТОНОСЦЫ.

Историческій романъ Генрика Сенкевича.

Переводъ съ польскаго.

I.

Въ Тыньцѣ, на заѣжемъ дворѣ «Подъ Лютымъ Туромъ», принадлежащемъ аббатству, сидѣли нѣсколько человѣкъ и слушали рассказы бывалаго солдата, который пришелъ изъ дальнихъ странъ и заговорилъ о приключеніяхъ, какія ему пришлось испытать на войнѣ и во время путешествія.

Солдатъ былъ человѣкъ бородатый, въ распѣтѣ силъ, плечистый, почти огромнаго роста, но худой; волосы онъ носилъ въ свѣтѣ, унизанной бисеромъ. На немъ былъ кожаный кунтушъ съ полосами, оставленными панцыремъ, и подпоясанный поясомъ изъ мѣдныхъ пластинокъ, за поясомъ ножъ, въ роговыхъ ножнахъ, а у бока короткій дорожный кортикъ.

Рядомъ съ нимъ, за столомъ, сидѣлъ мальчигъ, съ длинными волосами и веселымъ взглядомъ, видимо его спутникъ или даже, можетъ быть, пажъ, потому что одѣтъ онъ былъ также по дорожному и на его кожаномъ кунтушѣ панцырь оставилъ такія же полосы. Остальное общество состояло изъ двухъ земледѣльцевъ изъ окрестностей Кракова и трехъ горожанъ, въ красныхъ шапкахъ, которыя своими остроконечными концами низко свѣшивались на бокъ. Хозяинъ, нѣмецъ, въ желтомъ кафтанѣ съ воротникомъ, вырѣзаннымъ зубцами, наливалъ гостямъ крѣпкое пиво въ глиняные жбаны и съ любопытствомъ прислушивался къ разсказу солдата.

Но еще съ бѣльшимъ любопытствомъ слушали горожане. Въ тѣ времена ненависть, которая при Локеткѣ раздѣляла городъ съ рыцарями, владѣвшими землей, значительно уже остыла, и горожане носили голову гораздо выше, чѣмъ это было впоследствии. "ъ то

время ихъ еще называли «des allerdurchluchigsten Kuniges und Her-gen» и цѣнили ихъ готовность «ad concessiohem pecuniarum», по-этому въ тавернахъ не разъ приходилось видѣть, какъ купцы пьютъ за панибрата съ дворянами. Ихъ даже принимали болѣе охотно, какъ людей, которые свободнѣе распоряжались готовыми деньгами и обыкновенно платили за гербоносцевъ.

Такъ и теперь горожане сидѣли и разговаривали, отъ времени до времени подмигивая хозяину, чтобъ онъ вновь наполнилъ жбаны.

— Такъ вы, благородный рыцарь, порядочно походили по свѣту?—спросилъ одинъ изъ купцовъ.

— Не многіе изъ тѣхъ, которые теперь со всѣхъ сторонъ стекаются въ Браковъ, видѣли столько, — отвѣтилъ рыцарь.

— А съѣдется народу не мало, — продолжалъ горожанинъ. — Большіе торжества и большое счастье для королевства! Говорятъ, король приказалъ всю ложницу королевы обить парчею, расшитую жемчугомъ, и поставить такой же балдахинъ. Будутъ игры и состязанія, какихъ до сихъ поръ миръ не видалъ.

— Вмотръ Гамротъ *), не перебивай рыцаря! — сказалъ другой купецъ.

— Я не перебиваю, вмотръ Эйертретеръ **), я только такъ думаю, что и ему пріятно будетъ узнать, о чемъ говорятъ, потому что и самъ онъ вѣроятно ѣдетъ въ Браковъ. Сегодня мы и такъ не возвратимся въ городъ, — ворота уже запрутъ до этого, — времени у насъ достанетъ на все.

— Да вы на одно слово отвѣчаете двадцатью. Старѣетесь вы, вмотръ Гамротъ.

— Я еще могу нести подъ мышкой штуку мокраго сугна.

— Ну, да! такого, которое просвѣчиваетъ, какъ сито.

Ссору горожанъ прекратилъ захожій солдатъ. Онъ сказалъ:

— Конечно, я останусь въ Браковѣ, потому что слышалъ о кристалицахъ и не прочь испробовать своей силы на аренѣ. Да и кой племянникъ, хотя онъ молодъ и еще безусый, не одинъ уже ганцьеръ видѣлъ передъ собой на землѣ.

Гости посмотрѣли на мальчика. Тотъ весело улыбнулся, заломилъ за уши свои длинные волосы и поднесъ къ губамъ сосудъ съ иивомъ.

Старшій рыцарь добавилъ:

*) **) Современны фамиліи, вѣрнѣе—прозвища.

— Да, наконецъ, еслибъ мы и хотѣли куда возвратиться, то намъ некуда.

— Какъ же это такъ?—спросилъ одинъ изъ дворянъ.—Вы откуда и какъ ваше имя?

— Меня зовутъ Мацько изъ Богданца, а вотъ это сынъ моего родного брата и называется Збышко. Мы герба Тупой Подковы, по знаку Грады.

— Гдѣ находится вашъ Богданецъ?

— О! лучше спросите, гдѣ онъ былъ, потому что теперь его нѣтъ. Еще во время распри Гримальтовъ съ Налэнчами нашъ Богданецъ сожгли до тла, а что было—разграбили; слуги наши также разбѣжались. Осталась голая земля,—крестьяне, которые были по сосѣдству, ушли дальше, въ лѣсъ. Мы построились съ братомъ, отцомъ вотъ этого подростка, а черезъ годъ насъ разорило наводненіе. Потомъ братъ умеръ, а какъ умеръ, то я остался одинъ съ сиротою. Думаю себѣ: не усiju! А въ то время говорили о войнѣ и о томъ, что Ясько изъ Олесницы, котораго король Владиславъ выслалъ въ Вильно за Николаемъ изъ Москожова, усердно ищетъ рыцарей въ Польшѣ. Я знаю достойнаго аббата Янка изъ Тульчи,—заложилъ ему землю, на деньги купилъ вооруженіе, лошадей, снаряжился, какъ слѣдуетъ на войну, мальчика,—ему въ то время было двѣнадцать лѣтъ,—посадилъ на запасную лошадь и маршъ къ Яську изъ Олесницы.

— Съ подросткомъ?

— Тогда его еще и подросткомъ нельзя было назвать, но онъ былъ крѣпокъ съ малолѣтства. Бывало, на двѣнадцатомъ году, упрется самострѣломъ въ землю, нажметъ животомъ и такъ натянетъ тетиву, что ни одинъ изъ тѣхъ англичанъ, которыхъ мы видѣли подъ Вильномъ, лучше не сдѣлаетъ.

— Такой былъ сильный?

— Шлемъ носилъ за мною, а когда ему минуло тринадцать лѣтъ, то и щить.

— Въ войнѣ-то у васъ недостатка не было.

— По милости Витольда. Сидѣлъ князь у престолоцевѣ и, что ни годъ, набѣги на Литву, подъ Вильно дѣлалъ. Съ нимъ шелъ разный народъ: нѣмцы, французы, англичане, лучшіе въ мірѣ лучники, чехи, швейцарцы и бургундцы. Лѣса порубили, по дорогѣ поставили замковъ и въ концѣ жестоко разорили Литву огнемъ и мечомъ, такъ что весь народъ, который живетъ на этой землѣ, хотѣлъ было уже бросить ее и искать другой, хотя бы на краю свѣта, хотя бы жить среди дѣтей Велиала, только бы отъ нѣмцевъ подальше.

— И здѣсь было слышно, что всѣ литовцы хотѣли уйти съ женами и дѣтьми, но мы этому не вѣрили.

— А я смотрѣлъ на это. О, еслибъ не Николай изъ Москожова, не Ясько изъ Олесницы, и, безъ похвальбы молвить, еслибъ и не мы, то Вильно уже не было бы.

— Мы знаемъ. Вы не сдали крѣпости.

— То-то что не сдали. Слушайте внимательно, потому я человекъ служилый и войну знаю. Еще старики говорили: «неугротимая Литва», и правда! Сражаются они хорошо, но съ рыцарями не имъ въ полѣ мѣряться. Когда нѣмецкіе кони увязнутъ въ болотѣ или если густой лѣсъ, — тогда дѣло иное.

— Нѣмцы хорошіе рыцари! — воскликнули горожане.

— Стѣной стоятъ одинъ рядомъ съ другимъ въ своихъ желѣзныхъ панцыряхъ, такъ забованные, что едва у него, у собаки, глаза разглядишь. И идутъ стѣной. Ударить, бывало, на нихъ Литва, и разсыплется, какъ песокъ, а не разсыплется, то нѣмцы ее въ лоскъ уложить и растопчатъ. Да не одни тутъ нѣмцы, — что ни есть народовъ въ свѣтѣ, всѣ у крестоносцевъ служатъ. И храбрые же! Иной разъ наклонится рыцарь, выставитъ копье впередъ и одинъ, еще передъ битвой, ударитъ въ цѣлое войско, какъ ястребъ въ стаю птицъ.

— Христе! — воскликнулъ Гамротъ, — кто же изъ нихъ лучше?

— Кто къ чему. Къ арбалету больше всего способенъ англичанинъ, онъ стрѣлой панцырь пробиваетъ и на сто шаговъ въ голубя попадетъ. Чехи страшно рубятся топорами. Для двухручнаго клинка нѣтъ лучше нѣмца. Швейцарецъ ловко желѣзнымъ цѣпомъ шлемы разбиваетъ, но самые великіе рыцари тѣ, которые изъ Французской земли происходятъ. Французъ будетъ биться и съ конницей и съ пѣхотой, да притомъ наболтаетъ тебѣ кучу такихъ рыцарскихъ словъ, какихъ и не поймешь; говоръ такой, какъ будто одна оловянная миска стучается о другую, хотя народъ они благочестивый. Они обвиняли насъ, черезъ нѣмцевъ, — что мы язычниковъ и сарацинъ отъ креста защищаемъ и обѣщались подтвердить это рыцарскимъ поединкомъ. Вотъ такой-то Божій судъ произойдетъ между четырьмя ихними и четырьмя нашими рыцарями, а назначенъ при дворѣ, у Вацлава короля римскаго и чешскаго *).

Тутъ еще большее любопытство охватило дворянъ и купцовъ. Всѣ обратили головы въ сторону Мацьва изъ Богданьца и начали разспрашивать:

*) Исторически.

— А изъ нашихъ кто? Да говорите скорѣй!

Мацько поднесъ сосудъ къ губамъ, отхлебнулъ и отвѣтилъ:

— Э, не бойтесь за нихъ. Янъ изъ Влощовы, гаштелянъ Добжинскій, Николай изъ Вашмунтова, Ясько изъ Здакова и Ярошъ изъ Чехова, — всѣ рыцари на славу, богатыри. На копья ли пойдутъ, на мечи, или на топоры, — имъ не въ новинку. Будетъ глазамъ человѣческимъ на что смотрѣть, будетъ ушамъ что слушать... я вѣдь сказалъ, — французу на горло ногой наступишь, а онъ все тебѣ рыцарскія слова говоритъ. Да поможетъ мнѣ Богъ и Святой Брестъ, а я думаю, что тѣ прогадаютъ, а наши побѣютъ.

— Будетъ слава, только благословилъ бы Богъ, — сказалъ одинъ изъ дворянъ.

— И святой Станиславъ! — добавилъ другой.

Постомъ опять пошли разспросы:

— Ну, рассказывайте дальше! Вы прославляли нѣмцевъ и другихъ рыцарей, что они храбры и легко Литву побивали. А съ вами имъ не труднѣй было? Съ такой же отвагой они шли на васъ? Вамъ то какъ Богъ помогалъ? Похвалите и нашихъ.

Видимо Мацько изъ Богданца не былъ самохвалъ, потому что отвѣтилъ скромно:

— Боторые только-что явились изъ чужихъ краевъ, тѣ отважно нападали на насъ, а попробовали разъ, другой, и шли ужъ не съ такимъ легкимъ сердцемъ. Нашъ народъ закоренѣлый, и за эту закоренѣлость насъ часто бранили: «Вы, — говорятъ, — смертью пренебрегаете, а сарацинамъ помогаете, — быть вамъ за это осужденными навѣки!» А въ насъ закоренѣлость еще больше росла, потому что это неправда! Король и королева Литву окрестили, и всякій чловѣкъ тамъ признаетъ Господа Христа, хоть и не всякій умѣетъ. Извѣстно всѣмъ, что и нашъ милостивый повелитель, когда изъ плочаго собора вытащили идола и бросили на землю, приказалъ ему поставить огарокъ, и только ксендзы растолковали ему, что этого дѣлать не годится. Что-жъ тутъ толковать о простомъ чловѣкѣ! Не одинъ говоритъ самому себѣ: «приказалъ мнѣ ксендзъ окреститься, — я окрестился; приказалъ Христу бить челомъ, — я бью, а чего ради мнѣ жалѣть горсти творога для старыхъ языческихъ идоловъ, отчего мнѣ не бросить имъ печеной рѣпы или не сплеснуть имъ пѣны съ пива? Не сдѣлаю я этого, — кони мои падутъ, или коровы запаршивѣютъ, или въ молокѣ у нихъ кровь покажется, или на поляхъ какая-нибудь бѣда приключится». И многіе такъ дѣлаютъ, отчего и попадаютъ въ подозрѣніе. А они дѣлаютъ это по незнанію, идоловъ боятся. Прежде этимъ идоламъ было

лучше. И лѣса у нихъ были, и большія нумы, и кони для ѣзды, и десятину они брали. А нынѣ лѣса вырублены, ѣсть нечего, въ городахъ звонять колокола, — вотъ вся эта нечисть въ самые густые боры забралась и воетъ тамъ отъ тоски. Пойдетъ литвинъ въ лѣсъ, то одинъ дьяволъ, то другой дергаетъ его за кожу и говоритъ: «дай!» Иные даютъ, но есть и такіе смѣлые, что не только ничего не хотятъ давать имъ, а еще и самихъ ихъ хватаютъ. Одинъ крестьянинъ насыпалъ гороху въ воловій пузырь, такъ туда сразу тринадцать дьяволовъ влѣзло. Онъ заткнулъ ихъ рябиновымъ колышкомъ и принесъ продавать въ Вильно отцамъ францискінцамъ. Тѣ ему съ охотой дали двадцать скойцевъ*), чтобы враговъ имени Христова уничтожить. Я самъ видѣлъ этотъ пузырь. Сирадь отъ него шель такой, что еще издали христіанину носъ зажимать приходится, — вотъ какъ нечистые духи выказываютъ свой страхъ передъ святою водою.

— А кто считалъ, что ихъ было тринадцать? — бойко спросилъ купецъ Гамротъ.

— Литвинъ считалъ. Видѣлъ же онъ, какъ влѣзали. Видно и то, что они сидятъ въ пузырьѣ, — это можно и по сираду понять, а колышка никто вынимать не хочетъ.

— Дивное дѣло! — воскликнулъ одинъ изъ дворянъ.

— Не мало я видѣлъ тамъ великихъ чудесъ, и хоть не скажешь, что это добрый народъ, а все у нихъ по-своему. Всѣ они кудлатые и только кто-нибудь изъ князей волоса себѣ завиваетъ; живутъ печеною рѣпой и считаютъ эту ѣду за лучшую, — говорить, отъ этого храбрость у нихъ прибавляется. Въ нумахъ своихъ вмѣстѣ со скотиной и ужами живутъ, въ питьѣ и ѣдѣ удержу не знаютъ. Замужнихъ женщинъ ни во что не ставятъ, но дѣвокъ очень уважаютъ и считаютъ за ними большую силу: кому дѣвка натретъ животь сухимъ яферомъ, у того коліка проходить.

— Не жаль и коліки получить, если женщины хороши! — воскликнулъ кмотръ Эйертретеръ.

— Объ этомъ спросите у Збышка, — сказалъ Мацько изъ Богданца.

Збышко засмѣялся такъ, что подъ нимъ задрожала вся скамья.

— Бываютъ чудныя! — сказалъ онъ. — Развѣ Рингалла была не хороша?

— Что это за Рингалла, — прелестница кабая или что-нибудь другое?

*) Монета времянъ Пястовъ, 2 гроша или $\frac{1}{24}$ гривны.

— Какъ? Вы не слыхали о Рингаллѣ?—спросилъ Мацько.

— Не слыхали ни слова.

— Сестра князя Витольда, жена Генрика, князя Мазовецкаго.

— Что вы говорите? Какого князя Генрика? Одинъ князь Мазовецкій этого имени былъ епископомъ, электоромъ плецкимъ, да и тотъ умеръ.

— Онъ самый и былъ. Изъ Рима должно было прійти разрѣшеніе, но смерть дала ему разрѣшеніе раньше. потому что, видимо, онъ не очень утѣшилъ Бога своимъ поступкомъ. Ясько Олесницкій послалъ меня съ письмомъ къ князю Витольду, когда въ Ритершвердеръ пріѣхалъ князь Генрикъ, электоръ плецкій. Въ то время Витольду война надоѣла, потому собственно, что онъ не могъ взять Вильно, а нашему королю надоѣли родные братья и ихъ развратъ. Боролю видѣлъ, что у Витольда и ловкости, и ума больше, чѣмъ у его родныхъ, и послалъ къ нему епископа уговаривать, чтобъ онъ бросилъ крестноносцевъ и покорился, а за это ему будетъ отдано правленіе Литвой. Витольду всегда были пріятны переменны, и онъ благосклонно выслушалъ посольство. Были тогда и пиры, и турниры. Электоръ съ охотой садился на коня, хотя другіе епископы этого не одобряютъ, и на аренѣ показывалъ свою рыцарскую силу. А всѣ князья изъ Мазовецкаго рода—богатыри. Извѣстно, что даже дѣвчонки этой крови легко ломаютъ подковы. Такъ вотъ, князь вышибъ съ сѣдла одинъ разъ трехъ рыцарей, другой разъ пятерыхъ; изъ нашихъ свалилъ меня, а подъ Збышкомъ конь при стычкѣ сѣлъ на заднія ноги. А награды всѣ онъ принималъ изъ рукъ прекрасной Рингаллы и въ полномъ вооруженіи преклонялъ предъ ней колѣна. И такъ они пришлись по душѣ другъ другу, что на пирахъ его дергали за рукавъ *clerici*, которые съ нимъ пріѣхали, а ее удерживалъ братъ Витольдъ. Наконецъ, князь говорить: «Я самъ себѣ дамъ разрѣшеніе, а папа если не римскій, то авиньонскій подтвердитъ его, а свадьба должна быть сейчасъ, иначе я его-рю!» Великое было поношеніе Божіе, но Витольдъ не хотѣлъ противиться, чтобъ посла королевскаго не обидѣтъ,—и свадьбу отпраздновали. Потомъ они поѣхали въ Суражъ, а потомъ въ Слуцкъ, къ великому огорченію Збышка, который, по нѣмецкому обычаю, избралъ княгиню Рингаллу дамою сердца и поклялся ей въ вѣрности до гроба...

— Да!—неожиданно прервалъ Збышко,—это правда! Но потому люди говорили, что княгиня Рингалла сообразила, что ей непристойно быть женою электора (онъ, хотя и женился, отъ ду-

ховнаго своего сана не хотѣлъ отречься) и что надъ такимъ союзомъ не можетъ быть Божьяго благословенія, отравила мужа. Услыхавъ это, я просилъ одного благочестиваго пустынника подъ Люблиномъ, чтобъ онъ разрѣшилъ меня отъ этого обѣта.

— Пустынникъ - то онъ пустынникъ, — смѣясь, отвѣтилъ Мацько, — а благочестивый ли онъ, не знаю. Мы прѣехали къ нему въ лѣсъ въ пятницу, а онъ топоромъ разбиваетъ медвѣжьи кости и мозгъ высасываетъ.

— Да вѣдь онъ говорилъ, что мозгъ—это не мясо, и, кромѣ того, испросилъ себѣ на это разрѣшеніе, потому что послѣ мозга его ночью посѣщаютъ чудесныя видѣнья, и онъ можетъ пророчествовать до полудня.

— Ну, ну! — сказалъ Мацько.—А прекрасная Рингалла теперь вдова и можетъ призвать тебя на службу.

— Понапрасну бы стала звать, потому что я изберу себѣ даму сердца и буду ей служить до гроба, а потомъ и жену найду.

— Сначала найди рыцарскій поясъ.

— Вотъ еще! Развѣ не будетъ состязаній послѣ родинъ королевъ? А передъ этимъ или послѣ этого король не одного опояшетъ. Я хоть противъ кого пойду. Бнязь Мазовецкій не свалилъ бы меня, еслибъ мой конь не сѣлъ на заднія ноги.

— Будутъ и лучше тебя.

При этомъ дворянинъ изъ-подъ Бракова воскликнулъ:

— Клянусь Богомъ! передъ королевой выступать и не такіе, какъ ты, а самые славные рыцари въ свѣтѣ. Будетъ состязаться Завиша изъ Гарбова, и Фарурей, и Добко изъ Олесницы, и Поваландъ Тачева, и Пашко Злодзей изъ Бискупиць, и Ясько Нашанъ, и Абданкъ изъ Гуры, и Андрей изъ Броховиць, и Кристинь изъ Острова, и Якубъ изъ Кобылянь!... Гдѣ же тебѣ мѣряться съ ними, — съ ними ни здѣсь, ни на чешскомъ дворѣ, ни на венгерскомъ никто мѣряться не можетъ. Что ты толкуешь: ты лучше ихъ, что ли? Сколько тебѣ годковъ?

— Восемнадцать, — отвѣтилъ Збышко.

— Тогда тебя каждый раздавитъ.

— Посмотримъ.

Мацько сказалъ:

— Я слышалъ, что король щедро награждаетъ рыцарей, которые вернулись съ литовской войны. Вы — здѣшніе, скажите, правда ли это?

— Ей-Богу, правда! — отвѣтилъ одинъ изъ дворянъ. — Щедрость короля извѣстна во всемъ свѣтѣ, только теперь протол-

каться къ нему будетъ не легко, потому что Браковъ такъ и кишить гостями. Всѣ съѣзжаются на родины и на крестины, всѣмъ хочется государю нашему честь отдать или доказать свою вѣрность. Долженъ быть король венгерскій, будетъ, говорятъ, и римскій цезарь, и разные князья, а комесовъ и рыцарей какъ маку, — всякій надѣется, что съ пустыми руками не уйдетъ. Говорили даже, что самъ папа Бонифацій пріѣдетъ просить милости и потребуеть помощи нашего государя противъ своего авиньонскаго врага. Въ такой тѣснотѣ доступъ будетъ не легокъ, но если добиться и пасть къ ногамъ государя, то онъ ужъ щедро наградитъ заслуженнаго.

— Вотъ я паду, потому что я заслужилъ, а если будетъ война, то и опять потащусь. Положимъ, есть у меня кое-какая добыча, кое-что досталось въ награду отъ князя Витольда; нужда въ глаза не заглядываетъ, но все-таки вечерняя пора приближается, а подъ старость, когда сила изъ костей выйдетъ, человѣку хотѣлось бы имѣть спокойный уголь.

— Король съ радостью видитъ тѣхъ, которые служили въ Литвѣ подъ предводительствомъ Яська изъ Олесницы и возвратились изъ Литвы, и всѣ они теперь живутъ въ довольствѣ.

— Вотъ оно что! А я все воевалъ. Надо вамъ сказать, что примиреніе короля съ княземъ Витольдомъ отозвалось на нѣмцахъ. Князь хитро выманилъ заложниковъ, а потомъ какъ ударить на нѣмцевъ! Замки разрушилъ, пожегъ, рыцарей побилъ, народу погубилъ много множество. Нѣмцы хотѣли мстить вмѣстѣ съ Свидригелломъ, который убѣждалъ къ нимъ. Снова былъ большой походъ. Самъ магистръ Конрадъ пошелъ съ большою ратью. Обложили Вильно, пробовали съ метательныхъ машинъ разрушать замки, пробовали брать ихъ измѣной, — ничего не добились! А на обратномъ пути ихъ столько полегло, что и половины не осталось. Выходили мы еще противъ Ульрика Юнгингена, брата магистра, — онъ былъ правителемъ въ Самбіи. Но правитель испугался князя и съ плачемъ убѣждалъ. Отъ этого бѣгства водворилось спокойствіе, и городъ вновь отстраивается. Одинъ святой монахъ, который можетъ ходить босыми ногами по раскаленному желѣзу, пророчествовалъ, что съ той поры до конца міра Вильно не увидитъ ужъ подъ своими стѣнами вооруженнаго нѣмца. А если это сбудется, — чьи руки это сдѣлали?

И Мацько изъ Богданца вытянулъ впередъ свои ладони, широкія и могучія, а прочіе утвердительно закивали головами.

— Да, да! онъ правду говорить. Да!

Дальнѣйшую бесѣду прервалъ громкій говоръ, доходящій чрезъ окна, изъ которыхъ были вынуты рамы, затянутыя пузыряремъ, потому что ночь стояла теплая и погожая. Издали слышался стукъ оружія, людскіе голоса, фырганье коней и пѣсни. Посѣтители заѣзжаго двора удивились, — время было уже позднее, и луна высоко стояла на небѣ. Хозяинъ вышелъ наружу, но не успѣли гости выпить до дна послѣдней кружки, какъ онъ послѣшно прибѣжалъ назадъ и брякнулъ:

— Дворъ какой-то ѣдетъ.

Спустя минуту въ дверяхъ показался пажъ въ голубомъ кафтанѣ и красной шапкѣ на головѣ. Онъ остановился, посмотрѣлъ на присутствующихъ и, увидавъ хозяина, сказалъ:

— Вытереть столы и засвѣтить огонь: княгиня Анна Данута остановится здѣсь на ночлегъ.

Сказавъ это, онъ повернулся и ушелъ назадъ. Въ комнатѣ поднялось движеніе; хозяинъ началъ звать челядь, а гости съ недоумѣніемъ посматривали одинъ на другого.

— Княгиня Анна Данута, — сказалъ кмотръ Эйертретеръ, — вѣдь это жена Януша Мазовецкаго. Она уже двѣ недѣли въ Браговѣ, только выѣзжала въ Заторъ къ князю Вацлаву къ гости, а теперь, должно быть, возвращается назадъ.

— Кмотръ Гамротъ, — отвѣтилъ другой горожанинъ, — пойдемъ-ка въ сарай на сѣно, — намъ не по плечу такая компанія.

— Что они ѣдутъ ночью, меня не удивляетъ, — отозвался Мацько, — днемъ жарко; но почему они остановились на заѣзжемъ дворѣ, когда рядомъ монастырь?

Тутъ онъ обратился къ Збышкѣ:

— Родная сестра Рингаллы, — понимаешь?

А Збышко отвѣтилъ:

— И, должно быть, мазовецкихъ панекъ съ нею вуча, ай-ай!

II.

Въ это время въ двери вошла княгиня, — женщина среднихъ лѣтъ, съ улыбающимся лицомъ. На ней былъ красный плащъ и узкое зеленое платье, стянутое золотымъ поясомъ, спускающимся вдоль бедеръ и низко застегнутымъ большою пряжкой. За госпожею шли придворныя панны, и старыя и еще подростки, съ розовыми и лиловыми вѣнками на головахъ и съ лютнями въ рукахъ. Были и такія, которыя держали въ рукахъ пучки свѣжихъ цвѣтовъ, видимо только что собранныхъ по дорогѣ. Комната наполнилась, по-

тому что за паннами показалось множество дворянъ и малыхъ мальчиковъ. Всѣ вошли весело, съ веселыми лицами, съ громкими рѣчами, съ пѣснями, какъ бы упоенные погожею ночью и яркимъ свѣтомъ мѣсяца. Въ числѣ дворянъ было двое рибальтовъ*), одинъ съ лютней, другой—съ гуслими у пояса. Дѣвочка лѣтъ двѣнадцати несла за княгиней тоже лютню, но маленькую, изукрашенную мѣдными гвоздями.

— Да будетъ прославлено имя Исуса Христа! — сказала княгиня, останавливаясь посрединѣ комнаты.

— Во вѣки вѣковъ, аминь, — отвѣтили присутствующіе, отвѣсивая низкіе поклоны.

— А гдѣ хозяинъ?

Нѣмецъ, услышавъ зовъ, выступилъ впередъ и преклонилъ колѣна по нѣмецкому обычаю.

— Мы остановимся здѣсь отдохнуть и подкрѣпиться, — сказала княгиня. — Да поскорѣй, а то мы голодны.

Горожане уже ушли, теперь два мѣстныхъ дворянина, а также Мацько изъ Богданьца и молодой Збышко поклонились во второй разъ и также сбирались оставить комнату, не желая мѣшать двору княгини.

Но княгиня задержала ихъ.

— Вы тоже дворяне, — вы не мѣшаете намъ. Познакомьтесь съ нашими. Откуда Богъ несетъ?

Началось перечисленіе именъ, гербовъ, знаковъ и деревень, откуда кто происходилъ. Узнавъ отъ Мацько, откуда онъ возвращается, княгиня захопала въ ладоши и сказала:

— Какъ хорошо это случилось! Говорите мнѣ о Вильнѣ, о моемъ братѣ и сестрѣ. Пріѣдетъ сюда князь Витольдъ на родины королевны и на крестины?

— Онъ хотѣлъ бы, но не знаетъ, можно ли ему будетъ пріѣхать, поэтому послалъ впередъ съ ксендзами и боярами серебряную колыбель въ даръ королевѣ. Въ дорогѣ и мы съ племянникомъ охраняли колыбель.

— Она здѣсь? мнѣ хотѣлось бы видѣть ее. Вся серебряная?

— Вся серебряная, но ея здѣсь нѣтъ. Ее уже повезли въ Крковъ.

— А вы что дѣлаете въ Тыньцѣ?

— Мы остановились, чтобы повидаться съ нашимъ родстве-

*) Итальянское *ribaldo*, *rubaldo*, дьячокъ, псаломщикъ. Въ Польшѣ рибалки разносили по странѣ историческія и народныя пѣсни.

никомъ, монастырскимъ прокуроромъ, и отдать на сохраненіе святымъ отцамъ то, что удалось взять на войнѣ и чѣмъ насъ одарилъ князь.

— Значить, Богъ послалъ вамъ счастье. Большая добыча? Но скажите, почему братъ не увѣренъ, пріѣдетъ ли онъ?

— Онъ готовить походъ на татаръ.

— Знаю я это. Только одно меня удручаетъ, — королева не предвѣщаетъ счастливаго конца этому походу, а что она предскажетъ, то всегда сбывается.

Мацько улыбнулся.

— Королева наша благочестива, спора нѣтъ, но съ княземъ Витольдомъ пойдетъ множество нашихъ рыцарей, крѣпкихъ мужей, съ которыми не легко справиться.

— А вы не пойдете?

— Я былъ посланъ съ колыбелью, а кромѣ того пять лѣтъ не снималъ съ себя панцыря, — отвѣтилъ Мацько, указывая на полосы, образовавшіеся на его кожаномъ кунтушѣ, — но какъ отдохну, то пойду и я, а если самъ не пойду, то племянника своего, Збышка, отдамъ пану Спышку изъ Мельштына. Подъ его начальствомъ и всѣ наши рыцари пойдутъ.

Княгиня Данута посмотрѣла на статную фигуру Збышка, хотѣла было что-то сказать, но тутъ явился монахъ изъ монастыря и, послѣ привѣтствія, началъ кротко упрекать ее, что она не прислала гонца съ увѣдомленіемъ о своемъ пріѣздѣ и не остановилась въ монастырѣ, а на простомъ заѣзжемъ дворѣ, недостойномъ ея сана. Въ монастырѣ нѣтъ недостатка въ домахъ и постройкахъ, гдѣ всякій, даже самый простой человѣкъ найдетъ гостепріимство, не говоря уже о сановныхъ лицахъ, въ особенности о супругѣ князя, предки и родственники котораго всегда осыпали ихъ аббатство благодареніями.

Но княгиня весело отвѣтила:

— Мы сюда вступили только отдохнуть немного, а утромъ намъ нужно ѣхать въ Краковъ. Выспались мы днемъ и ѣдемъ ночью ради прохлады. Пѣтухи уже начали пѣть, и я не хотѣла будить благочестивую братію, въ особенности съ такою компаніей: они больше думаютъ о пѣсняхъ и пляскахъ, чѣмъ о душевномъ спокойствіи.

Монахъ все настаивалъ, и тогда княгиня прибавила:

— Нѣтъ. Мы ужъ здѣсь останемся. Время за мірскими пѣснями пройдетъ у насъ весело, а къ утрени мы поспѣемъ въ костель, чтобы начать день съ Богомъ.

— Мы отслужимъ обѣдню за здравіе милостиваго князя и ваше, милостивая княгиня, — сказалъ монахъ.

— Князь, мой супругъ, пріѣдетъ сюда только черезъ четыре или черезъ пять дней.

— Господь Богъ и издали пошлетъ ему свое благословеніе, а тѣмъ временемъ да дозволено будетъ намъ, убогимъ, прислать сюда хоть вина изъ монастырскихъ погребовъ.

— Мы съ радостью отблагодаримъ, — сказала княгиня и, когда монахъ ушелъ, крикнула:

— Дануся, Дануся! влѣзай на скамью и увесели наше сердце тою пѣсней, что, помнишь, ты напѣвала въ Заторѣ.

Дворяне быстро выдвинули скамью на середину комнаты. Рибальты сѣли по краямъ, а между ними помѣстилась дѣвочка, которая несла за княгиней лютю, изукрашенную мѣдными гвоздичками. На ней было голубое платье и красные башмаки съ длинными носками, а на головѣ красовался вѣнокъ. Стоя на скамьѣ, она казалась малымъ ребенкомъ, но прелестнымъ, — точно какая-то статуя изъ костела. Видимо, ей не въ первый разъ приходилось стоять на скамьѣ и пѣть въ присутствіи княгини, — въ ней не было видно ни малѣйшаго смущенія.

— Начинай, Дануся, начинай! — заговорили придворныя панны.

Дануся протянула впередъ лютю, подняла кверху голову, какъ птица, которая хочетъ пѣть, закрыла глаза и начала серебрястымъ голоскомъ:

«Еслибъ далъ мнѣ крылья
Богъ какъ вольной птицѣ,
Я бы полетѣла
Къ Ясю на чужбину».

Рибальты тотчасъ же подхватили ея пѣсню, одинъ на гуслихъ, другой — на лютнѣ.

Княгиня, которая больше всего любила мірскія пѣсни, начала покачивать головою, а дѣвочка пѣла дальше, тоненькимъ, дѣтскимъ голоскомъ, свѣжимъ, какимъ поютъ весною въ лѣсу птицы:

«На плетнѣ усѣвшись,
Я бы шебетала:
Посмотри, Яшенько,
На меня сиротку».

Рибальты вновь заиграли. Молодой Збышко изъ Богданьца, который съ дѣтства привыкъ къ войнѣ и ея жестокости, и ничего

подобнаго не видалъ въ жизни, толкнулъ въ плечо стоящаго рядомъ мазура и спросилъ:

— Кто это такая?

— Дѣвочка изъ свиты княгини. У насъ нѣтъ недостатка въ рибальтахъ, которые увеселяютъ дворъ, но она лучше всѣхъ, и княгиня ничьихъ пѣсень съ такою жадностью не слушаетъ.

— Меня это не удивляетъ. Мнѣ показалось, что это совсѣмъ ангель, я насмотрѣться не могу. А какъ ее зовутъ?

— Развѣ ты не слыхалъ? Дануся. Ея отецъ Юрандъ изъ Спыхова, могущественный и храбрый комесь.

— Такой и глаза человѣческіе не видали.

— Ее всѣ любятъ и за пѣніе и за красоту.

— А кто ея рыцарь?

— Да она еще ребенокъ.

Дальнѣйшій разговоръ прервало пѣніе Дануси. Збышко сбоку смотрѣлъ на ея свѣтлыя волосы, на поднятую кверху голову, на полузакрытые глаза, на фигуру, освѣщенную и блескомъ восковыхъ свѣчей, и луннымъ свѣтомъ, врывающимся въ открытое окно, и приходилъ все въ большее изумленіе. Ему казалось, что онъ уже видѣлъ ее когда-то, но забылъ гдѣ, — не то во снѣ, не то въ Краковѣ, на стеклѣ церковнаго окна.

И, снова дотронувшись до дворянина, онъ спросилъ тихимъ голосомъ:

— Она не изъ вашихъ придворныхъ?

— Ея мать пріѣхала изъ Литвы съ княгиней Анной Данутой, а та выдала ее замужъ за графа Юранда изъ Спыхова. Дѣвушка была красивая, изъ знатнаго рода; княгиня любила ее больше, чѣмъ всѣхъ другихъ панень, и она тоже любила княгиню. Поэтому ея дочери дали тоже самое имя—Анна Данута. Но пять лѣтъ тому назадъ, когда нѣмцы напали на насъ при Злоторыѣ, она умерла отъ страха. Тогда княгиня взяла къ себѣ дѣвочку и съ тѣхъ поръ воспитываетъ ее. Отецъ также часто пріѣзжаетъ ко двору и радуется, что его дочка здорова и живетъ въ милости у княгини. Одно только, какъ посмотреть на нее, такъ и зальется слезами, — покойницу свою вспомнить, — а потомъ возвращается отомщевать на нѣмцахъ свою обиду лютую. Онъ такъ любилъ свою жену, какъ до той поры никто не любилъ во всей Мазовіи, и страсть сколько нѣмцевъ положилъ за нее.

Глаза Збышка сразу вспыхнули, жилы на лбу налились кровью.

— Такъ нѣмцы ея мать убили?— спросилъ онъ.

— Убили и не убили. Она сама умерла отъ страха. Пять лѣтъ

тому назадъ миръ былъ, никто о войнѣ не думалъ и всѣ ходили безъ опаски. Поѣхалъ князь въ Злоторый одну башню строить, безъ войска, только со свитой, какъ бываетъ и въ мирное время. Тѣмъ временемъ измѣнники нѣмцы напали на насъ, безъ объявленія войны, безъ всякой причины... Самого князя, позабывъ страхъ Божій и то, что они были облагодѣтельствованы его предками, привязали къ коню и похитили, людей нашихъ перебили. Долго князь сидѣлъ у нихъ въ неволѣ и только когда король Владиславъ угрозилъ имъ войною, испугались и отпустили его. Вотъ при этомъ нападеніи и умерла мать Дануси, — сердце ея подошло къ горлу и задушило ее.

— А вы были при этомъ? Скажите, какъ ваше имя?—я позабылъ.

— Зовутъ меня Николай изъ Длуголяса, а прозвище мое—Обухъ. При нападеніи я былъ, видѣлъ, какъ мать Дануси одинъ нѣмецъ съ павлиньими перьями на шлемѣ хотѣлъ приторочить къ сѣдлу, и какъ она сразу вся побѣлѣла. Меня самого полоснули алебардой, — знакъ и до сихъ поръ остался.

Онъ указалъ на широкій шрамъ, который тянулся отъ волосъ до брови.

Наступила минута молчанія. Збышко долго смотрѣлъ на Данусю, потомъ спросилъ у своего сосѣда:

— Вы сказали, что у нея нѣтъ рыцаря?

Но отвѣта онъ не дождался, потому что въ ту же минуту пѣсня смолкла. Одинъ изъ рибальтовъ, человекъ толстый и тяжелый, приподнялся сразу, вслѣдствіе чего скамья наклонилась въ одну сторону. Дануся покачнулася, взмахнула руками, но прежде, чѣмъ могла упасть или соскочить, Збышко, какъ дикій котъ, бросился къ ней и подхватилъ ее на руки.

Княгиня въ первую минуту кривнула было со страха, но потомъ весело рассмѣялась и проговорила:

— Вотъ рыцарь Дануси! Подойди-ка сюда, молодой рыцарь и отдай намъ нашу милую пѣвунью!

Збышко пошелъ по направленію къ княгинѣ, держа на рукахъ Данусю, которая одною рукою обнимала его за шею, а другою высоко поднимала кверху лютню изъ опасенія, какъ бы не сломать ее. Лицо ея было радостное и улыбающееся, хотя тѣнь испуга еще не сошла съ него.

Збышко, дойдя до княгини, поставилъ передъ нею Данусю, а самъ сталъ на колѣна, и, поднявъ голову, проговорилъ съ неожиданной для его возраста смѣлостью:

— Да будет по вашимъ словамъ, милостивая госпожа! Пора этой прекрасной паннѣ имѣть своего рыцаря, пора и мнѣ имѣть свою даму, красоту и добродѣтели которой я буду провозглашать повсюду. И вотъ, съ вашего разрѣшенія я хочу принести ей свой обѣтъ и оставаться ей вѣрнымъ до смерти, какія бы приключенія меня ни встрѣтили.

По лицу княгини промелькнуло изумленіе, но не отъ словъ Збышка, а отъ того, что все это произошло такъ внезапно. Рыцарскій обычай давать обѣтъ дамѣ былъ не польскаго происхожденія, но Мазовія, лежащая на нѣмецкой границѣ и выдавшая рыцарей даже изъ самыхъ дальнихъ странъ, знала его хорошо и довольно часто прибѣгала къ нему. Княгиня слышала о немъ давно, еще при дворѣ своего великаго отца, гдѣ всѣ западные обычаи считались за законъ и образецъ для благородныхъ воиновъ,—поэтому въ желаніи Збышка не нашла ничего такого, что бы могло оскорбить ее или Данусю. Напротивъ, она обрадовалась, что милая ея сердцу дѣвочка начинаетъ привлекать къ себѣ очи и вниманіе рыцарей.

И, съ довольнымъ лицомъ, она обратилась къ своей любимицѣ:

— Дануся, Дануся! Хочешь ли имѣть своего рыцаря?

Дануся въ три прыжка очутилась около княгини, обхватила ее руками за шею и закричала съ такою радостью, какъ будто ей обѣщали забаву, которою могутъ пользоваться только старшіе:

— Хочу, хочу, хочу!

Княгиня хохотала до слезъ и, только освободившись изъ объятий Дануси, сказала Збышку:

— Ну, давай обѣтъ, давай! Въ чемъ-то ты ей поглянешься?

Но Збышко, который среди всеобщаго смѣха сохранилъ непоколебимую важность, также серьезно заговорилъ, не вставая съ колѣнъ:

— Блянусь, что прибывъ въ Краковъ, я повѣшу на стѣнѣ заѣзжаго дома щитъ, а на немъ вызовъ, который искусный въ письмѣ влирикъ составитъ какъ надлежитъ, что панна Данута Юрандъ самая прекрасная и самая добродѣтельная изъ дѣвицъ всего міра. А кто будетъ противорѣчить этому, съ тѣмъ я буду сражаться до тѣхъ поръ, пока не погибну, или онъ не погибнетъ.

— Хорошо! Видно, что ты знаешь рыцарскій обычай. А что еще?

— Еще,—узнавши отъ пана Николая изъ Длуголяса, что мать панны Юрандъ испустила послѣднее дыханіе по милости нѣмца съ павлиньимъ гребнемъ на шлемѣ, я обѣщаюсь по голому тѣлу опоясаться конопляною веревкой, и хотя бы она врѣзалась мнѣ до ко-

стей, до тѣхъ поръ не снимать ее, пока я не сорву трехъ такихъ гребней съ нѣмецкихъ шлемовъ, побивая передъ этимъ рыцарей, и не сложу ихъ у ногъ моей госпожи.

Княгиня сдѣлалась серьезна и спросила:

— Ты не для смѣха ли клянешься?

Збышко отвѣтилъ:

— Да поможетъ мнѣ Богъ и Святой Крестъ. Обѣтъ мой я повторю въ костелѣ передъ всендзомъ.

— Похвально бороться съ лютыми врагами нашего племени, но мнѣ тебя жаль: ты молодъ и легко можешь погибнуть.

До сихъ поръ Мацько изъ Богданьца только пожималъ плечами, но теперь нашелъ приличнымъ вмѣшаться въ бесѣду.

— Что касается этого, то не тревожьтесь, милостивая госпожа. Смерть грозитъ въ битвѣ каждому, а для воина, молодой ли онъ, или старый, это почетъ. Но война не чужда моему племяннику; хотя лѣтъ ему немного, а все-таки ему приходилось сражаться верхомъ и пѣшимъ, на копьяхъ и на топорахъ, длинными или короткими мечами, со щитомъ и безъ щита. Это новый обычай, что рыцарь даетъ обѣтъ панинѣ, которую видитъ въ первый разъ, но что Збышко обѣщаль своей панинѣ три павлиньихъ гребня, этого я ему въ вину не ставлю. Онъ уже билъ нѣмцевъ, пусть еще попробуетъ, пусть отъ этого еще пара череповъ треснетъ,—славы ему еще больше прибудеть.

— Я вижу, мы имѣемъ дѣло не съ какимъ-нибудь мальчишкой,—отвѣтила княгиня и обратилась къ Данусю:

— Садись на мое мѣсто,—ты теперь первая особа. Только не смѣяться, это негодится.

Дануся усѣлась на мѣсто княгини и хотѣла было придать себѣ важный видъ, но глаза ея такъ и смѣялись, глядя на колѣнопреклоненнаго Збышка, а ноги сами такъ и двигались отъ радости.

— Дай ему перчатки,—сказала княгиня.

Дануся протанула перчатки. Збышко почтительно взялъ ихъ и, прижимая къ своимъ губамъ, сказалъ:

— Я пришилъ ихъ къ своему шлему, а кто потянется за ними—горе тому! Потомъ онъ поцѣловалъ руку и ногу Дануси и всталъ. Но тутъ прежняя важность покинула его, а сердце наполнилось великою радостью, что отнынѣ онъ при этомъ дворѣ будетъ считаться зрѣлымъ мужемъ, и, потрясая перчатками Дануси, онъ крикнулъ полурадостно, полузапальчиво:

— Милости просимъ, собачьи сыны съ павлиньими перьями милости просимъ!

Въ это время въ комнату вошелъ тотъ самый монахъ, который былъ уже раньше, а съ нимъ еще двое братьевъ, постарше. За ними монастырскіе слуги несли ивовыя корзины съ винными баклагами и различными закусками, наскоро собранными. Старшіе монахи, послѣ привѣтствій опять начали упрекать княгиню, что она не пріѣхала въ аббатство, а княгиня опять стала объяснять, что она и ея дворъ выспались днемъ и ѣдутъ ночью ради прохлады, что отдыха ей не нужно, и что, не желая беспокоить святого аббата и достойную братію, она предпочла остановиться на заѣзжемъ дворѣ.

Послѣ множества любезныхъ словъ порѣшено было на томъ, что послѣ утрени и ранней обѣдни княгиня приметъ завтракъ и отдохнетъ въ монастырѣ. Вѣжливые монахи пригласили вмѣстѣ съ мазурами браковскихъ дворянъ и Мацька. У него и такъ было намѣреніе отправиться въ аббатство, чтобы оставить тамъ все добытое на войнѣ ими отъ щедротъ Витольда и предназначенное для выкупа Богданьца. Но молодой Збышко не слышалъ приглашенія, — онъ со всѣхъ ногъ бросился къ своимъ телѣгамъ, стоящимъ подъ надзоромъ слугъ, чтобы переодѣться и предстать передъ княгиней и Данусей въ болѣе пристойной одеждѣ. Онъ приказалъ перенести вещи изъ телѣги въ людскую избу и началъ переодѣваться. Подвивъ поспѣшно волоса, онъ прикрылъ ихъ шелковою сѣткой, унизанной сзади янтарными бусами, а спереди настоящимъ жемчугомъ, потомъ надѣлъ бѣлый шелковый кафтанъ, расшитый золотыми грифами и обрамленный внизу оторочкою, и подпоясая двойнымъ золоченымъ поясомъ, на которомъ висѣлъ кортикъ, оправленный серебромъ и слоновою костью. Все это было ново, блестяло и со всѣмъ не было забрызгано кровью, хотя составляло добычу, взятую у молодого фризскаго рыцаря, служившаго крестноносцемъ. Потомъ Збышко натянулъ чудеснѣйшіе штаны, — одна штанина состояла изъ красныхъ и зеленыхъ продольныхъ полосъ, другая — изъ фіолетовыхъ и желтыхъ, — и все это заключалось наверху широкими вѣтчатými сборками. Оставалось надѣть еще пурпуровыя башмаки съ длинными носками и Збышко, красивый, разряженный, направился въ общую комнату.

И, дѣйствительно, лишь только онъ остановился въ дверяхъ, какъ его видъ произвелъ на всѣхъ сильное впечатлѣніе. Княгиня поняла теперь, какой красивый рыцарь отдалъ себя на служеніе Дануси, и еще больше обрадовалась, а Дануса тотчасъ же, какъ серна, бросилась къ Збышку. Но красота молодого челоуѣка и удивленные голоса придворныхъ задержали ее. Она остановилась,

не дойдя до него одного шага, и опустила глаза, покраснѣвшая и смѣшавшаяся. Вслѣдъ за ней приблизились и другіе, — сама госпожа, придворные и придворныя, и рибальты и монахи, — всёмъ хотѣлось получше разсмотрѣть Збышко. Мазовецкія панны смотрѣли на него какъ на картину, и всякая жалѣла, что онъ не ее избралъ своею дамой, тѣ, которыя постарше, дивились цѣнности наряда, а Збышко стоялъ по срединѣ съ хвастливою улыбкой на своемъ молодомъ лицѣ и повертывался на мѣстѣ, чтобъ его получше разсмотрѣли.

— Кто это? — спросилъ одинъ изъ монаховъ.

— Племянникъ вонъ того рыцаря, — сказала княгиня, указывая на Мацько, — онъ только что сейчасъ произнесъ объѣтъ Данусь.

Монахи не выказали удивленія, потому что такой объѣтъ не обзывалъ ни къ чему. Объѣты часто давались женщинамъ замужнимъ, а въ знатныхъ родахъ, знакомыхъ съ западными обычаями, почти у каждой дамы былъ свой рыцарь. Если же рыцарь давалъ объѣтъ дѣвушкамъ, то вслѣдствіе этого отнюдь не становился ея женихомъ, — напротивъ, она чаще всего избирала другого мужа, а онъ, поскольку у него хватало постоянства, не переставалъ быть ей вѣрнымъ, но женился на другой.

Немного болѣе удивлялъ монаховъ юный возрастъ Дануси, да и то не особенно, потому что въ тѣ времена шестнадцатилѣтніе подростки бывали каштелянами. Сама великая королева Ядвига, въ минуту своего пріѣзда изъ Венгріи, насчитывала только пятнадцать лѣтъ, а тринадцатилѣтнія дѣвочки часто шли замужъ. Наконецъ, въ эту минуту больше смотрѣли на Збышка, чѣмъ на Данусю, и прислушивались къ словамъ Мацька, который, гордясь своимъ племянникомъ, рассказывалъ, какимъ образомъ онъ добылъ такое цѣнное платье.

— Годъ и девять недѣль тому назадъ, — говорилъ Мацько, — саксонскіе рыцари пригласили насъ въ гости. Былъ у нихъ въ гостяхъ также нѣкій рыцарь изъ далекой Фризской земли, что лежитъ тамъ, у моря, и сынъ его былъ года на три старше Збышка. Разъ на пирѣ этотъ сынъ началъ непристойно разговаривать со Збышкомъ, что у него ни усовъ нѣтъ, ни бороды. Збышко, — онъ у меня горячій, — не могъ спокойно слушать это, схватилъ его губу и всё волосы изъ нея вырвалъ, — вотъ мы потомъ и бились на смерть или на неволю.

— Какъ это — вы бились? — спросилъ рыцарь изъ Длуголяса.

— Отецъ вступился за сына, а я за Збышка. Бились мы вчетверомъ, въ присутствіи гостей, на утопанной землѣ. Договоръ мы

заклучили такой, что кто побѣдитъ, тотъ беретъ и телѣги, и коней, и слугъ побѣжденнаго. И Богъ помогъ намъ. Побили мы фризовъ, хотя и съ немалымъ трудомъ, ибо у нихъ ни въ мужествѣ, ни въ силѣ недостатка не было, а добычу мы взяли знаменитую: телѣгъ было четыре и четыре огромныхъ жеребца, и слугъ девять, и двое воинскихъ доспѣховъ, какихъ у насъ мало найдешь. Шлемы, правда, въ бою мы немного помяли, но Господь Богъ насъ въ другомъ утѣшилъ, потому что дорогихъ одеждъ былъ цѣлый кованый сундукъ, и та, въ которую теперь Збышко нарядился, была тамъ же.

Два краковскихъ дворянина и всѣ мазуры съ большимъ уваженіемъ начали смотрѣть на дядю и племянника, а панъ изъ Длуголяса, по прозвищу Обухъ, сказалъ:

— Вижу я, народъ вы крѣпкій, теперь можно повѣрить, что племянникъ вашъ добудетъ три павлиньихъ гребня!

Мацько смѣялся. Дѣйствительно, въ его наружности было что-то хищное.

Тѣмъ временемъ монастырскіе слуги достали изъ ивовыхъ корзинъ вино и закуски, а прислуга притащила миски, наполненныя дымящейся яичницей, окруженной колбасами, отъ которыхъ по комнатѣ распространился вкусный запахъ свиного сала. Всѣ двинулись къ столамъ.

Княгиня сѣла посрединѣ и приказала Збышку и Данусѣ занять мѣсто напротивъ.

— Слѣдуетъ, — сказала она, — чтобы вы съ Данусей ѣли изъ одной миски, но ты не наступай ей на ноги и не дотрогивайся колѣнами ея колѣнъ, какъ дѣлаютъ другіе рыцари, — она еще слишкомъ молода.

Збышко отвѣтилъ:

— Я не буду дѣлать этого, милостивая госпожа, развѣ черезъ два или черезъ три года, когда Богъ дозволитъ мнѣ исполнить свой обѣтъ, а наступать ей на ноги я, еслибъ и хотѣлъ, не могу, потому что они болтаются въ воздухѣ.

— Правда, — сказала княгиня, — пріятно видѣть, что ты знаешь хорошіе обычаи.

Воцарилось молчаніе, потому что всѣ принялись за ѣду. Збышко отрѣзывалъ самые жирные куски колбасы и подавалъ ихъ Данусѣ, а дѣвочка улыбалась и ему, и княгинѣ.

Монастырскіе слуги начали наливать сладкое и душистое вино, — рыцарямъ въ изобиліи, дамамъ понемногу, но любезность Збышка въ особенности проявилась тогда, когда принесли полныя чашки присланныхъ изъ монастыря орѣховъ. Были и простые, были и

рѣдгіе въ то время, потому что ихъ привозили издалека, волошскіе, на которые и набросились всѣ пирующие. Но напрасно бы кто подумалъ, что Збышко помышлялъ только о себѣ; онъ предпочиталъ скорѣе доказать княгинѣ и Данусѣ свою рыцарскую силу и воздержность, чѣмъ унижить себя въ ихъ глазахъ жадностью. Забирая полную горсть орѣховъ, онъ сжималъ ихъ въ своихъ желѣзныхъ пальцахъ, выбиралъ изъ скорлупы зерна и подавалъ ихъ Данусѣ. Онъ выдумалъ даже для нея забаву и, поднося ко рту ладонь, могучимъ дыханіемъ подбрасывалъ скорлупу до потолка. Дануся смѣялась такъ, что княгиня, боясь, какъ бы дѣвочка не задохнулась, приказала прекратить эту забаву, но, видя довольное лицо дѣвочки, спросила:

— А что, Дануся, хорошо имѣть своего рыцаря?

— О, хорошо! — отвѣтила дѣвочка.

И потомъ, протянувъ свой розовый пальчикъ, она дотронулась было до бѣлой шелковой одежды Збышка, но тотчасъ же отдернула его и спросила:

— А завтра онъ также будетъ мой?

— И завтра, и въ воскресенье, — до самой смерти, — отвѣтилъ Збышко.

Ужинъ затянулся; подали сладкіе пирожки съ начинкой изъ изюма. Инымъ дворянамъ хотѣлось танцовать, другіе желали бы слушать пѣніе рибальтовъ или Дануси, но у Дануси глаза такъ и слипались, а голова качалась то въ ту, то въ другую сторону. Она еще разъ протерла глаза и, съ великимъ довѣріемъ преклонивъ голову къ плечу своего рыцаря, уснула.

— Спать? — спросила княгиня. — Вотъ тебѣ твоя «дама».

— Она для меня милѣе, когда спитъ, чѣмъ другая, когда танцуетъ, — отвѣтилъ Збышко, сидя прямо, чтобы не разбудить дѣвочку.

Но ее не разбудила даже музыка и пѣніе рибальтовъ. Рыцари притопывали въ тактъ музыкѣ или брячали мисками, но чѣмъ шумъ былъ больше, тѣмъ дѣвочка спала крѣпче.

Проснулась она лишь тогда, когда при пѣніи пѣтуховъ и колокольномъ звонѣ всѣ поднялись со скамей.

— Мы пойдемъ пѣшкомъ, во славу Бога, — сказала княгиня и, взявъ за руку проснувшуюся Данусю, вышла первая изъ комнаты, а за нею высыпалъ весь дворъ.

Ночь уже побѣлѣла. На востокѣ видѣлась полоса, розовая внизу, зеленоватая вверху, а подъ ней какъ бы узкая золотая лента, которая постепенно все расширялась. На западѣ мѣсяцъ

точно отступалъ передъ нарождающимся свѣтомъ. Свѣтъ разливался все ярче. Мнръ просыпался влажный отъ обильной росы, радостный и подкрѣпленный сномъ.

— Богъ далъ погоду, но жара будетъ страшная, — говорили дворяне княгини.

— Это ничего, — успокоивалъ ихъ рыцарь изъ Длуголяса, — мы выспимся въ аббатствѣ, а въ Браковъ прїѣдемъ передъ вечеромъ.

— Навѣрное, опять на пирь.

— Теперь тамъ каждый день пиры, а послѣ родинъ и турнировъ будутъ еще болѣе пышные.

— Посмотримъ, какъ покажетъ себя Данусинъ рыцарь.

— Э, они народъ здоровый!... Вы слышали, что они говорили о четверномъ поединкѣ?

— Можетъ быть, присоединятся къ нашему двору, — видите, совѣщаются другъ съ другомъ.

Они, дѣйствительно, совѣщались. Старый Мацько не особенно радовался тому, что произошло, нарочно отсталъ отъ толпы и теперь говорилъ племяннику:

— Правду сказать, ничего для тебя изъ этого не выйдетъ. Я то какъ-нибудь протискаюсь къ королю, хотя бы съ этимъ дворомъ, — можетъ быть, мы что-нибудь и получимъ. Страшно мнѣ хотѣлось бы какой-нибудь замокъ или городокъ... Ну, да увидимъ. Богданецъ, само собою, выкупимъ отъ залога, — чѣмъ отцы наши владѣли, тѣмъ и намъ владѣть надлежитъ. Но откуда взять крестьянъ? Бого аббатъ поселилъ, того и назадъ возьметъ, а земля безъ крестьянъ ничего не стоитъ. Теперь сообрази-ка, что я тебѣ скажу: ты давай, не давай обѣты кому хочешь, а все-таки тебѣ съ Мельштынскимъ паномъ идти къ Витольду, а оттуда на татарь. Если протрубить на войну передъ родинами королевы, тебѣ нельзя будетъ ждать рыцарскихъ состязаній, а нужно идти, — тамъ можно найти выгоду. Князь Витольдъ, самъ знаешь, какой щедрый, а тебя, кромѣ того, онъ уже знаетъ. За всякую услугу богато одарить. А наипаче всего, пошлетъ Богъ, невольниковъ наберешь безъ числа. Татарь на бѣломъ свѣтѣ что муравьевъ. Въ случаѣ побѣды достанется штукъ по шестидесяти на брата.

И Мацько, — онъ былъ жаденъ на землю и любилъ хозяйство, — началъ мечтать:

— Боже ты мой! Пригнать полсотни человекъ и поселить въ Богданецъ! Порядочный кусокъ лѣса расчистили бы. Мы вотъ бы

какъ высоко поднялись! А ты знай, что нигдѣ столько не наберешь, сколько можно набрать тамъ.

Но Збышко отрицательно покачалъ головой.

— Ну да! Конюховъ нагнать, тѣхъ, которые живутъ конскою падазью, а съ полемъ обращаться не умѣютъ. Къ чему они пригодятся въ Богданецъ?... А притомъ я обѣщалъ три нѣмецкихъ гребня. Гдѣ же я найду ихъ между татаръ?

— Обѣщалъ потому, что ты глупъ, — таковъ и твой обѣтъ.

— А моя воинская и рыцарская честь... какъ съ нею быть?

— А какъ было съ Рингаллой?

— Рингалла отравила князя, и пустынный освободилъ меня отъ обѣта.

— Такъ тебя и теперь здѣшній аббать освободить. Аббать-то все получше пустынника, — тотъ больше на разбойника смахиваетъ, чѣмъ на аббата.

— А коли я не хочу.

Мацько остановился и спросилъ съ видимымъ гнѣвомъ:

— Ну, такъ какъ же будетъ?

— Поѣзжайте одни къ Витольду, потому что я не поѣду.

— Ахъ, ты, неучъ! А кто королю поклонится?... И не жаль тебѣ моихъ костей?

— Если на ваши кости дерево свалится, такъ и то ихъ не ломаетъ. Да хотя бы мнѣ и было васъ жаль, не хочу я ѣхать къ Витольду.

— Что же ты будешь дѣлать? Въ сокольничьи или рибальты къ мазовецкому двору поступишь?

— А развѣ сокольничьимъ быть плохо? Если вы хотите ворчать, а не слушать что я говорю, то ворчите.

— Куда же ты поѣдешь? Богданецъ-то тебѣ, видно, ничего не значить? Ногтями будешь пахать землю? Безъ крестьянъ?

— Не правда! Ловко вы придумали насчетъ татаръ! Слышали вы, что русины говорятъ? что татаръ найдешь столько, сколько ихъ на полѣ лежить, а невольника никто не поймаетъ, потому что за татаринომъ въ степи не угоняешься. Да и на чемъ я буду гоняться за ними? На нашихъ, что ли, тяжелыхъ коняхъ, которыхъ мы отбили у нѣмцевъ? Вотъ оно что! А добыча какая? Наршивъ божухи и ничего больше. Вотъ богачомъ-то я въ Богданецъ приѣду! пожалуй, комесомъ назовуть!

Мацько замолчалъ, потому что въ словахъ Збышка было много правды, и только немного погодя проговорилъ:

— А князь Витольдъ наградишь бы тебя.

— Вы сами знаете, одному онъ даетъ ужь черезчуръ много, другому ничего.

— Такъ говори, куда ты поѣдешь.

— Бъ Юранду изъ Спыхова.

Мацько отъ злости стиснулъ поясъ на своемъ кожаномъ кафтанѣ и сказалъ:

— Ты обезумѣлъ, кажется, Боже упаси!

— Послушайте,—спокойно отвѣтилъ Збышко.—Я толковалъ съ Николаемъ изъ Длуголяса, и онъ говоритъ, что Юрандъ мститъ нѣмцамъ за жену. Я пойду помогать ему. Во-первыхъ, вы сами же сказали, что мнѣ ужь не въ диковинку сходиться съ нѣмцами, потому что я ихъ знаю, и знаю, какъ обращаться съ ними. Во-вторыхъ, я возлѣ границы легче добуду павлиньи гребни, а въ-третьихъ, знайте, что павлиній гребень не вкнхты какіе нибудь носятъ на шляпахъ, и если Господь Богъ благословитъ мнѣ достать гребни, то благословитъ и добычей. Наконецъ, тамошній невольникъ не татаринъ. Такого посадить въ лѣсу—вотъ это дѣло.

— Да ты, парень, умомъ, должно быть, рехнулся: теперь и войны нѣтъ, и Богъ вѣсть, когда будетъ.

— Охъ, вы, милый мой! Заключили медвѣди миръ съ овцами и пасѣкъ не портятъ, и меду не ѣдятъ! Ха-ха-ха! А это въ новинку вамъ, что хотя большія войска не воюютъ, и хотя король съ магистромъ на пергаментѣ печати положить, на границѣ всегда страшная муть? За каждую отбитую корову и деревни сжигаютъ, и замки осаждаютъ. А мужиковъ и бабъ не похищаютъ? а купцовъ на большихъ дорогахъ не грабятъ? Вспомните, что вы мнѣ сами рассказывали о давнишнихъ временахъ. Плохо было тому Налэнчу, который сорокъ рыцарей, что ѣхали къ крестоносцамъ, схватилъ; посадилъ въ подземелье и до тѣхъ поръ не выпускалъ, пока магистръ не прислалъ цѣлый возъ гривенъ? А Юрандъ изъ Спыхова ничего другого не дѣлаетъ и на границѣ всегда готова работа.

Съ минуту они шли въ молчаніи. Теперь совсѣмъ разсвѣло, и ясные лучи солнца падали на скалы, на которыхъ было выстроено аббатство.

— Богъ вездѣ можетъ послать счастье,—наконецъ, сказалъ смягчившимся голосомъ Мацько,—проси, чтобъ Онъ благословилъ тебя.

— Это вѣрно, что повсюду Его милосердіе.

— И думай о Богданьцѣ. Ты меня не разувѣришь, что ты не ради Богданьца хочешь ѣхать къ Юранду изъ Спыхова, а ради этого дрянного утенка.

— Не говорите такъ, а то я разсержусь. Мила она мнѣ, и я въ этомъ не запираюсь, да и теперешній мой обѣтъ не таковъ, какой я далъ Рингаллѣ. А красоту-то ея вы замѣтили?

— Что мнѣ въ ея красотѣ! Лучше женись на ней, какъ она подрастетъ, — все-таки дочь сильнаго комеса.

Лицо Збышка прояснилось молодою, доброю улыбкой.

— И то можетъ быть. Ни иной госпожи, ни иной жены! Когда ваши кости устарѣють, вы еще будете нашихъ внуковъ нянчить.

Въ свою очередь улыбнулся и Мацько и сказалъ уже совсѣмъ весело:

— Грады! Грады!... пусть ихъ будетъ, какъ граду. На старость радость, а послѣ смерти спасеніе. Пошли, Господи!

В. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Всеобщее обученіе въ малонаселенныхъ мѣстностяхъ и школьная сѣть *).

VIII.

Объ отношеніи крестьянъ къ отдѣленіямъ народныхъ школъ мы имѣемъ слѣдующіе отзывы. Благочинный о. Пляшкевичъ пишетъ о Будовскомъ отдѣленіи: «Приближаясь къ образцовому состоянію народной школы, какъ по внутреннему своему виду, такъ и по внѣшнему, и общая отрадное будущее — возможность научиться дѣтямъ крестьянъ элементарнымъ свѣдѣніямъ, — эта школка пользуется поэтому и сочувствіемъ населенія, окружающаго ее и обучающаго въ ней своихъ дѣтей, что выражалось неоднократно въ благодарностяхъ этого населенія основателямъ школки». О томъ же пишетъ и руководитель школки г. Макаровъ. О томъ, что крестьяне довольны Волковскимъ отдѣленіемъ школы, сообщаетъ благочинный о. Бароновъ. То же самое пишетъ о Холмовской школкѣ благочинный о. Черскій, прибавляя, что «крестьянамъ особенно нравится возможность обучать дѣтей по близости отъ своихъ домовъ». Объ отношеніи крестьянъ дер. Кошелева къ мѣстной школкѣ священникъ о. Городскій пишетъ: «отношеніе населенія къ ней, насколько я могъ лично убѣдиться на мѣстѣ, весьма хорошо: крестьяне деревни Кошелева хотятъ въ будущей зимѣ приобрести для своей школы новое помѣщеніе и единодушно хвалятъ учительскаго помощника». По словамъ учителя-руководителя г. Соболевскаго, эти крестьяне уже сдѣлали денежный сборъ и купили новый срубъ, который въ текущемъ году и будетъ поставленъ для школы. «Крестьяне, — продолжаетъ г. Соболевскій, — очень сочувственно относятся ко мнѣ и къ о. законоучителю за устройство школки; признательность ихъ выражается въ томъ, что они не отказываютъ дѣтямъ въ выпискѣ книгъ, въ покупкѣ бумаги, перьевъ, чернилъ и проч., а также заботятся о доставленіи помощнику полностью положеннаго провіанта и объ отоплѣнн и освѣщеніи школки».

Не менѣе сочувственно относится мѣстное населеніе и къ Вититневской

школе

*) *Русская Мысль*, кн. I.

филиальной школькѣ. Священникъ о. Мурашкинъ пишетъ о Денисовской школькѣ слѣдующее: «крестьянамъ нравится усидчивость, съ какою учитель занимается съ ихъ дѣтьми. Правда, что сначала, — по словамъ о. Мурашкина, — когда дѣло обученія пошло по-новому, звуковой методъ не всѣмъ понравился, и особенно агитировалъ противъ школки одинъ изъ мѣстныхъ грамотеевъ, недовольный новшествами въ пріемахъ преподаванія.

Когда въ 1888 году, по постановленію ельнинскаго земскаго собранія объ открытіи въ видѣ опыта двухъ отдѣленій при народныхъ школахъ, учителя двухъ сельскихъ училищъ предложили мѣстнымъ крестьянамъ объ устройствѣ въ отдаленныхъ отъ центральной школы деревняхъ школьныхъ отдѣленій, то разныя селенія на перебой предлагали отъ себя помѣщеніе, отопленіе, освѣщеніе и даже парты, лишь бы выборъ палъ на ихъ деревню. Отдѣленія были открыты въ деревняхъ: Денисовкѣ, гдѣ крестьяне наняли на свой счетъ за 2¹/₄ р. въ мѣсяць 10-ти аршинную избу, свѣтлую, просторную и теплую, съ освѣщеніемъ, отопленіемъ и партами отъ хозяйна избы, и Вититновѣ, гдѣ крестьяне наняли избу также съ отопленіемъ и мебелью дороже — за 25 р. во всю зиму. Въ послѣднемъ обществѣ крестьяне единогласно постановили занятія начинать съ 1 ноября и оканчивать 1 мая; отдавать дѣтей въ школу не моложе 9-ти лѣтъ и не старѣе 15-ти, въ количествѣ 35 человекъ. Помощниками, съ согласія крестьянъ, назначены въ послѣднюю школу окончившій курсъ въ двухклассномъ министерскомъ училищѣ, а въ первую — въ одноклассномъ училищѣ, но уже приобрѣвшій нѣкоторую опытность въ преподаваніи. Оба условились получать по 25 р. въ зиму отъ земства. При этомъ крестьяне вититновскаго общества объявили учителю, что и сами не забудутъ его, «если онъ этого заслужитъ».

По заявленіямъ учителей-руководителей, каждый изъ нихъ могъ открыть въ районѣ своей школы не менѣе трехъ отдѣленій и вездѣ крестьяне охотно дали бы отъ себя помѣщеніе и отопленіе для школы.

Мы имѣемъ въ своихъ рукахъ письма народныхъ учителей, входившихъ въ переговоры съ крестьянами по устройству такихъ отдѣленій, и изъ нихъ мы видимъ, что такихъ школокъ въ каждомъ уѣздѣ можно открыть хотъ сотню, и для каждой изъ нихъ крестьяне дадутъ помѣщеніе, отопленіе и освѣщеніе.

Г-жа Штевенъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ отношенія крестьянъ къ такимъ школамъ въ Арзамасскомъ уѣздѣ: «Иногда встрѣчаются такія глухія деревни, гдѣ еще слышишь, что ученье пахарю не нужно, что ученныя дѣти не станутъ слушаться родителей и что нечего тратить денегъ на пустяки. Но надъ такими, очевидно, стоящими на шагъ позади остальныхъ, деревнями уже смѣются ихъ сосѣди, называя ихъ «деревней», и вѣрно сердитое заявленіе, что ученье — вздоръ, я знаю сотни горячихъ речей о пользѣ ученья, о томъ, что не вѣкъ дураками быть. Когда о свѣтлѣмъ желаніи завести школу я передаю крестьянамъ черезъ третьихъ лицъ, мнѣ не разъ приходится получать отказы. Но тутъ почти всегда играетъ роль какое-нибудь недоразумѣніе, чье-либо косвенное враждебное»

вліяніе или простая недобросовѣстность старосты, избѣгающаго хлопотъ. Стоить прѣхать въ село, собрать сходъ и объяснить крестьянамъ, что къ міру ни малѣйшихъ требованій не предъявляешь, что платить и учиться будетъ только тотъ, кто пожелаетъ, что платить нужно будетъ самую бездѣлицу, а учить дѣйствительно будутъ, — и тотчасъ же становится возможнымъ нанять квартиру и набрать достаточное число учениковъ. А какъ много любопытнаго и симпатичнаго случалось мнѣ видѣть въ толпѣ мужиковъ, набившихся въ тѣсную избу для обсужденія вопроса о школѣ. Какъ бы, впрочемъ, ни былъ результатъ переговоровъ и какъ бы великъ ни былъ шумъ на сходѣ, я въ немъ никогда рѣшительно не встрѣчала ничего оскорбительнаго для себя и все болѣе убѣждалась, какъ добродушна эта на видъ грубая толпа и какъ она чутко умѣетъ шадить чувства людей, не принадлежащихъ къ ней по своимъ привычкамъ. Нерѣдко, впрочемъ, мое присутствіе на сходѣ уже излишне. Узнавъ чрезъ волостного старшину или черезъ другое лицо о томъ, что я желала бы устроить у нихъ школу, крестьяне сами собираютъ сходъ, нанимаютъ помѣщеніе для училища, составляютъ списокъ желающихъ учиться и присылаютъ мнѣ бумагу, въ которой просятъ «ея высококордіе, госпожу учительшу», пожаловать къ нимъ и начать ученье. Случилось разъ, что такая бумага затерялась, и я только черезъ мѣсяць, узнавши о томъ, могла исполнить желаніе крестьянъ. Они очень недовольны были этимъ и нашли, что я плохо исполняю свои обязанности; и это ихъ неодобреніе доставило мнѣ еще больше удовольствія, чѣмъ ихъ сердечное спасибо за стараніе въ другихъ случаяхъ. Главное, для чего нужно участіе крестьянъ при открытіи школы, это выборъ подходящаго помѣщенія и опредѣленіе его стоимости. Квартиры нанимаются очень различныя. Есть хозяева, которые отдаютъ для школы особую, довольно престорную комнату и получаютъ за это, вмѣстѣ съ отопленіемъ, отъ 15 до 25 руб. въ годъ, есть такіе, которые пускаютъ учиться въ свою же избу за одни дрова или за 6, за 7, за 10 руб. въ зиму. Деньги эти раскладываются на учениковъ, причемъ въ бѣдныхъ или малолюдныхъ деревняхъ я даю отъ себя рубля 3 или 5, или же, послѣ уплаты каждымъ ученикомъ опредѣленнаго взноса въ размѣрѣ 30, 40, 50 копеекъ, доплачиваю сама остальное, съ тѣмъ, чтобъ ученики не боялись увеличенія расхода даже въ случаѣ, еслибъ уменьшилось число плательщиковъ-учениковъ. Есть села, гдѣ для школы имѣются даровыя помѣщенія въ церковныхъ сторожевахъ и въѣзжихъ избахъ, но большинство изъ нихъ темны, тѣсны или холодны; только въ двухъ школахъ изъ 31 помѣщеніе дѣйствительно удобно. Мѣстами крестьяне на общественный счетъ снабжаютъ школу партами, мѣстами же приходится довольствоваться сборными столами и скамейками; мѣстами можно требовать отъ хозяевъ соблюденія порядка и тишины, мѣстами же приходится мириться съ присутствіемъ постороннихъ лицъ, съ разговоромъ и дѣтскимъ крикомъ. Но и этими неудобствами особенно затрудняться нечего. Переговоры съ крестьянами приходится вести еще и по поводу платы учителю. При этомъ крестьяне

разсказываютъ часто о томъ, какъ дорого и плохо было единственно доступное имъ ученіе въ старыя годы, какъ драли за волосы и подолгу ничему не выучивали прежніе дьячки, оставшіе солдаты и старики, и какъ тотъ или другой остался безграмотнымъ, потому что спрятался въ коноплю, когда хотѣли отдать его въ ученіе, а теперь очень жалѣеть объ этомъ. Тутъ же приходится слышать и весьма курьезныя взгляды на ученіе вообще. Иногда родители, недовольные тѣмъ, что не всему еще ихъ ребята выучились въ первый же годъ, а иногда они находятъ, что въ первый же годъ ребята такъ хорошо всему выучились, что учить ихъ больше незначѣмъ. Но разъяснить такія недоразумѣнія не слишкомъ трудно, и большею частію крестьяне соглашаются, что дѣти ихъ должны учиться три года и доучиваться до экзамена. Передъ отъѣздомъ я спрашиваю учениковъ, а главное—ихъ родителей: довольны ли они учителемъ. Бываютъ, конечно, случаи неповиновенія со стороны учениковъ и дурнаго обращенія со стороны учителя, но большей частью мнѣ приходится слышать съ обѣихъ сторонъ хорошіе отзывы другъ о другѣ. Не знаю, что покажетъ дальнѣйшій опытъ, но думаю, что установленію добрыхъ отношеній между крестьянами и мальчикомъ-учителемъ способствуетъ, между прочимъ, и то, что онъ въ домахъ всѣхъ учениковъ по-очередно завтракаетъ, обѣдаетъ и ужинаетъ. Перспектива такого кочующаго образа жизни вначалѣ нѣсколько пугаетъ новичка-учителя, но крестьяне всегда усердно убѣждаютъ его, что стѣсняться ему нечего, что онъ скоро привыкнетъ къ нимъ, какъ къ роднымъ, что они даже рады ему будутъ, если, въ благодарность за ихъ хлѣбъ-соль, онъ вечеромъ займется съ ихъ дѣтьми, или почитаетъ, или разскажетъ имъ что-нибудь. И, дѣйствительно, эти вечернія бесѣды и чтенія въ семьѣ нравятся и приносятъ свою долю пользы, а учитель всегда остается вполне доволенъ своимъ положеніемъ. Кормятъ его какъ можно лучше, а положеніе гостя, при которомъ ему не хочется уронить своего достоинства, какъ и все вообще въ дѣятельности учителя, имѣетъ очень хорошее вліяніе на крестьянскаго юношу и нерѣдко совершенно его преобразуетъ. Ставши постарше, многіе изъ этихъ юношей, можетъ быть, уже не захотятъ довольствоваться получаемымъ ими скромнымъ вознагражденіемъ и постараются стать писарями; но такъ какъ и хорошіе волостные писаря крайне намъ нужны, то я не буду считать этого несчастіемъ и надѣюсь, что въ школахъ на смѣну однимъ учителямъ найдутся другіе».

IX.

Для учредителей чрезвычайно важенъ вопросъ, во что можетъ обойтись содержаніе такихъ школъ и обученіе одного учащагося.

Въ Шадринскомъ уѣздѣ въ 1886—87 году приходилось учащихся на одно такое параллельное отдѣленіе 24,5 человекъ. Земство израсходовало на содержаніе всѣхъ такихъ 64 школокъ 6,984 руб., что составляетъ

109 р. 47 к. на одну школу и 4 р. 45 к. на одного ученика. Прибавивъ сюда расходы по найму помѣщенія, получимъ 4 р. 82 к. на ученика, не считая стоимости отопленія, учебниковъ и проч.

Въ Смоленской губерніи въ 1888 году на содержаніе такихъ отдѣлений земствами 2 уѣздовъ было ассигновано только 225 р. (125 р. Ельнинскимъ и 100 Вяземскимъ), т.-е. по 31 руб. 50 к. на одну школу. Учащихся въ этихъ школахъ было 217, т.-е. по 36 на каждую школу среднимъ числомъ, причѣмъ цифра учащихся въ одной школѣ поднималась до 90 учениковъ, а за то въ другой опускалась до 18. Такимъ образомъ, одинъ учащійся обошелся земству въ 1 р. 4. к. Изъ суммъ, отпускаемыхъ земствами, выдается обыкновенно отъ 25 до 30 р. въ годъ жалованья учительскому помощнику, занимающемуся подъ руководствомъ учителя центральной школы, а остальная сумма идетъ на приобрѣтеніе учебниковъ и учебныхъ пособій. Опытъ показалъ, впрочемъ, что для снабженія одного параллельнаго отдѣленія книгами, учебниками и письменными принадлежностями необходимо увеличить ассигновку. Требуется также добавочная сумма и на устройство и поддержаніе дѣтскихъ и народныхъ библиотекъ въ такихъ отдѣленіяхъ.

У г-жи Штевень о содержаніи ея школъ находимъ слѣдующія свѣдѣнія:

«Въ очень бѣдныхъ или пользовавшихся вначалѣ даровымъ обученіемъ школахъ я требую съ cadaго ученика только по 40 к. въ зиму; въ другихъ мѣстахъ они платятъ по 50 коп. и въ очень многихъ, вромѣ того, родители по-очереди кормятъ учителя, что, конечно, представляетъ для него значительную выгоду. При общемъ числѣ въ 840 учениковъ, на каждую школу въ среднемъ приходится 27 человѣкъ; но въ нѣкоторыхъ учится только человѣкъ 12—15, и взносы составляютъ всего рублей 5 или 6; въ такихъ школахъ учатъ самые молоденькіе, начинающіе учителя, которые, при добавочной платѣ отъ меня, получаютъ не болѣе 2 руб. за учебный мѣсяць или 12 р. за зиму. Во второй или третій годъ учительства они получаютъ уже 2½ или 3 р. за учебный мѣсяць, и мнѣ приходится нѣсколько увеличивать доплату имъ отъ себя или же переводить ихъ въ школу съ болѣе значительнымъ сборомъ съ учениковъ».

Существенный недостатокъ только что описанныхъ нами филиальныхъ школъ разныхъ губерній заключается, при ихъ настоящей организаціи, въ томъ, что онѣ служатъ теперь только для дѣтей болѣе или менѣе состоятельныхъ крестьянъ. Правда, что въ деревняхъ, удаленныхъ отъ нормальныхъ училищъ, безъ этихъ отдѣлений даже люди среднего достатка не имѣли бы возможности дать своимъ дѣтямъ даже простой грамотности. Благодаря же филиальнымъ школкамъ, всякій крестьянинъ, имѣющій возможность заплатить рубль въ зиму за помѣщеніе и отопленіе школы, можетъ дать своему сыну грамотность. Ему не придется даже тратиться на теплое платье для сына: школка такъ близко, что ребенокъ добѣжитъ до нея и въ той одеждѣ, въ какой его обыкновенно выпускаютъ на улицу. Но кому не извѣстно, что въ нашихъ деревняхъ есть и такіа дѣти, за обу-

ченіе которыхъ некому заплатить и одного рубля въ зиму. А до тѣхъ поръ, пока хоть одинъ ребенокъ не можетъ, по бѣдности своихъ родителей, научиться читать, писать и считать, мы не можемъ признать организацію школьнаго дѣла сколько-нибудь справедливою. Если высшее и среднее образованіе еще можетъ составлять привилегію богатыхъ, то было бы безчеловѣчьемъ лишать бѣдныхъ дѣтей даже такого обученія, какое даетъ філіальная школка. Много горя и зависти перечувствуетъ оставшійся за порогомъ школы ребенокъ, много прольетъ онъ слезъ, когда увидитъ, что всѣ его сверстники учатся въ школѣ; какую отраву вольетъ въ его душу сознаніе, что для него одного только, по бѣдности его родителей, затворены двери школки, куда съ такою любовью и радостью бѣгутъ дѣти сосѣдей. Да и не въ духѣ русскаго народа не допускать бѣдноту до образованія. Некрасовскій дядюшка Яковъ даромъ даетъ азбуку деревенской сироткѣ и прибавляетъ: «коли бѣдна ты, такъ будь ты умна!» Начальное образованіе должно быть даровымъ, потому что безъ этого оно не можетъ быть всеобщимъ. Оно составляетъ право каждаго ребенка и опирается на естественное право челоуѣка. Самъ законъ нашъ требуетъ, чтобы родители давали своимъ дѣтямъ «воспитаніе» и «образованіе»; но исполненіе этого требованія станетъ для всѣхъ возможнымъ только съ тѣхъ поръ, когда начальныя школы станутъ повсемѣстными, а обученіе въ нихъ даровымъ. И если ужъ справедливо облагать кого платою, то уже никакъ не тѣхъ, кто отдаетъ дѣтей своихъ въ школу, а развѣ тѣхъ, кто не хочетъ дать своимъ дѣтямъ требуемаго нашими законами «воспитанія» и «образованія». Министерскія инструкціи о платѣ за обученіе въ нормальныхъ начальныхъ школахъ («Инструкція для сельскихъ министерскихъ училищъ», 55) требуютъ пересмотра. Деревенскій мальчикъ можетъ идти въ кабакъ и въ трактиръ, слушать тамъ пьяную брань и непристойныя пѣсни, смотрѣть драку и за это не налагаютъ на его родителей штрафа; но лишь только онъ задумаетъ поучиться закону Божьему, чтенію и письму и придетъ въ школу, съ него могутъ потребовать три рубля,—сумму, определенную инструкціею. На содержаніе школъ идутъ, между прочимъ, земскія и казенныя деньги, собираемыя *со встѣхъ*, — слѣдовательно, тоже для всѣхъ должна существовать, по крайней мѣрѣ, первоначальная школа, а это возможно только при даровомъ обученіи. Правда, бѣднѣйшія дѣти освобождаются отъ платы за ученіе.

Но слишкомъ хорошо извѣстно, что значить подобное освобожденіе. Во многихъ случаяхъ освобожденію предшествуютъ низкіе поклоны, униженныя просьбы. И безъ того у насъ много уроковъ низкопоклонства съ одной стороны и чванства съ другой. Кто сегодня оказываетъ благодаренія за низкіе поклоны, завтра, можетъ быть, будетъ гнуть спину передъ выше его поставленнымъ лицомъ. Мы не нуждаемся въ новыхъ мѣропріятіяхъ для развитія этихъ двухъ качествъ, воспитанныхъ въ насъ исторіею. Впрочемъ, недостатокъ, нами только что указанный, нельзя считать неустраивимымъ. Уже примѣръ кошелевскаго общества, сдѣлавшаго сборъ и купившаго избу

для школки, указываетъ способъ, съ помощію котораго обученіе можно сдѣлать даровымъ. Для этого стѣитъ только, чтобы всѣ расходы по школкамъ приняло на себя земство и сельскія общества, а не родители учащихся. Несомнѣнно, что такъ современемъ и будетъ. Если въ настоящее время эгоистическіе интересы мірскихъ горлановъ, не имѣющихъ дѣтей школьнаго возраста, и кулаковъ, не желающихъ принять на себя лишній расходъ за обученіе сироты, составляютъ препятствіе къ тому, чтобы расходы на школку разложить подушно, то съ ними, намъ кажется, можетъ успѣшно бороться земство, обусловивъ открытіе школки въ данной деревнѣ тѣмъ, чтобы всѣ мѣстные расходы приняло на себя общество, а не родители учениковъ. Еще проще было бы, еслибы земство приняло на себя всѣ расходы по устройству и содержанію школокъ, но, можетъ быть, не всѣ земства склонны будутъ къ такимъ пожертвованіямъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно много поучительнаго представляетъ для насъ Англія. Тамъ, какъ извѣстно, среднія и высшія учебныя заведенія есть дѣло частное и содержатся на счетъ родителей учащихся, а начальныя школы есть дѣло общественное, земское и государственное и содержатся на средства земскія и казенныя, собираемыя только съ людей состоятельныхъ. Тамъ, стало быть, бѣдныя дѣти учатся на счетъ богатыхъ. Мы уже не говоримъ, что и у насъ дѣло образованія должно быть поставлено такъ же. Но намъ кажется справедливымъ, чтобы у насъ, гдѣ высшіе и средніе классы населенія получили образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ значительною частью на крестьянскія средства, земство и казна не отказывались взять на себя участіе въ содержаніи сельскихъ школъ потому только, что тамъ большій % учащихся падаетъ на дѣтей крестьянъ, а земскія и казенныя средства поступаютъ со всѣхъ сословій.

Къ установленію платы за ученіе вынуждена была придти, какъ мы видѣли выше, и г-жа Штевенъ. Изъ ея разсказа мы видимъ, какъ отражается плата на числѣ учащихся. «Съ осени 1891 г. такихъ школъ было у меня 5, и я вынуждена была нѣсколько перемѣнить систему, т.-е. требовать съ каждаго ученика небольшую плату за ученіе, а именно по 40 к. за учебный годъ, что повело за собой нѣкоторое уменьшеніе числа учениковъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ученіе сперва было совсѣмъ даровое. Такого уменьшенія не было бы, еслибы, какъ это было въ Петлинѣ, возложить расходъ по школѣ на общество; но хотя, въ случаѣ надобности, я считаю вполне возможнымъ убѣдить его членовъ принести нѣкоторыя жертвы не личному своему, а общему благу, пользоваться этой возможностью я не стала, такъ какъ это требуетъ значительной траты времени и причиняетъ неудовольствіе тѣмъ, кого общество вынуждаетъ платить и кто притомъ школой не пользуется».

Х.

Главная заслуга въ устройствѣ отдѣленій народныхъ школъ принадлежитъ, несомнѣнно, учителямъ центральныхъ училищъ. Они были душою

отдѣленій, и если отдѣленія имѣютъ удобныя помѣщенія и хорошихъ учительскихъ помощниковъ, если тамъ введена правильная организація занятій и рациональные приемы преподаванія, если отношенія учащихся къ учащимся были добрыя, если успѣхи учащихся въ этихъ отдѣленіяхъ заслуживаютъ хорошихъ отзывовъ, приведенныхъ нами выше, если въ первую же зиму своего существованія отдѣленія эти приобрѣли довѣріе и симпатіи къ себѣ со стороны мѣстнаго населенія, то все это главнымъ образомъ благодаря энергичной и разумной дѣятельности учителей центральныхъ училищъ. Они входили въ переговоры съ сельскими обществами объ отводѣ удобныхъ помѣщеній и о снабженіи ихъ всѣмъ необходимымъ, они выбирали себѣ помощниковъ изъ своихъ же бывшихъ учениковъ, ими же подготовленныхъ къ преподаванію; они же заботились о снабженіи отдѣленій пособиями, книгами и учебниками; ходатайствовали о нуждахъ отдѣленій передъ училищнымъ совѣтомъ и инспекторомъ народныхъ училищъ. Они составляли для своихъ отдѣленій расписанія уроковъ, ѣздили руководить своими помощниками, разъясняли имъ методы преподаванія, указывали ошибки, выдавали и рекомендовали книги для чтенія, давали примѣрные уроки. Отнимите вліяніе учителей — руководителей — и останется обыкновенная школа грамотности съ однимъ механическимъ бессознательнымъ чтеніемъ, безъ всякаго развивающаго вліянія на учениковъ. Вѣроятно, что въ послѣдующіе годы учительскіе помощники, приобрѣвши уже нѣкоторую опытность, не будутъ нуждаться въ такомъ усиленномъ содѣйствіи учителя-руководителя, и послѣдній въ будущемъ можетъ ограничиться посѣщеніями школы разъ или два въ мѣсяць, но въ первую зиму всю тяжесть этого новаго дѣла выносить на себѣ учитель-руководитель, онъ одинъ можетъ дать ручательство за успѣхъ. Крестьяне съ удивительною, при ихъ почти поголовной безграмотности, прозорливостію поняли это значеніе учителя-руководителя. Имѣя въ виду, что успѣхъ дѣла будетъ, главнымъ образомъ, зависѣть отъ энергіи и способностей учителей-руководителей, я въ 1888 г. послалъ предложеніе объ открытіи отдѣленій только такимъ учителямъ центральныхъ училищъ Смоленской губерніи, на которыхъ можно было положиться. Замѣчательно, что всѣ они дѣйствовали совершенно безкорыстно, имъ не было положено никакого особаго вознагражденія за труды по устройству и руководству своими отдѣленіями; нѣкоторые изъ нихъ должны были на свои личныя средства нанимать подводу, чтобъ осматривать отдѣленія, такъ какъ при первоначальномъ открытіи нѣкоторыхъ отдѣленій забыли выговорить мірскую подводу для учителей центральной школы. И несмотря на то, когда, по нѣкоторымъ соображеніямъ, Вититневское отдѣленіе предполагалось передать въ завѣдываніе другому центральному училищу, учитель-руководитель возсталъ противъ этого и протестовалъ такъ горячо, что пришлось оставить отдѣленіе попрежнему подъ его вѣдѣніемъ. Но, тѣмъ не менѣе, основывать все дѣло развитія отдѣленій народныхъ школъ на безкорыстіи народнаго учителя, очевидно, невозможно. Безкорыстныхъ людей чрезвычайно мало. Нельзя требовать, чтобъ ихъ было особенно много и въ этой средѣ,

и это тѣмъ болѣе, что трудъ учителя и безъ того чрезвычайно скудно оплачивается. Необходимо назначить въ той или другой формѣ вознагражденіе учителямъ за руководство отдѣленіями. Въ одной изъ волостей Бурской губерніи священнику за руководство школами грамотности крестьяне платятъ по 30 рублей въ годъ за каждую школку. Тѣмъ болѣе заслуживаетъ вознагражденія трудъ сельскаго учителя-руководителя; но въ организаціи школьнаго дѣла, которую мы предлагаемъ ниже, это вознагражденіе входитъ въ общую цифру содержанія учителя.

Контроль и руководство со стороны учителя центральной школы устраиваются весьма различно, смотря по мѣстнымъ условіямъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ центральная школа находится при церкви, ученики параллельныхъ отдѣленій, если послѣднія расположены вблизи, съ помощниками во главѣ, въ каждое воскресенье отъ обѣдни будутъ заходить въ центральное училище, гдѣ учитель и произведетъ имъ нѣчто вродѣ испытанія, просмотритъ ихъ письменныя работы, займется съ ними, дастъ примѣрные уроки, а распустивъ ихъ, побесѣдуетъ съ помощниками, укажетъ имъ замѣченные недостатки, дастъ совѣты, какъ поправить сдѣланные промахи, снабдитъ ихъ книгами, руководствами, пособиями. Въ другихъ мѣстахъ такой порядокъ можетъ быть признанъ неудобнымъ. Тамъ учитель въ воскресный день, а иногда, воспользовавшись уроками законоучителя, и въ будни, посѣтитъ филиальныя школки, на мѣстѣ послушаетъ преподаваніе, увидитъ строй и организацію занятій, познакомится съ дисциплиною и мѣрами, какими она поддерживается, переговоритъ съ крестьянами-родителями дѣтей, выслушаетъ ихъ желанія, жалобы, если онѣ будутъ, и посоветуется вмѣстѣ съ помощникомъ, какъ лучше удовлетворить справедливыя требованія родителей.

По собраннмъ нами свѣдѣніямъ относительно 5-ти учителей руководителей, ими въ теченіе зимы 1887—88 года посѣщаемы были отдѣленія въ праздничное или другое свободное время 87 разъ, по 17 посѣщеній среднимъ числомъ на каждую школу, причемъ ими было дано 124 урока, по 25-ти среднимъ числомъ на каждого. Кроме того, ученики Холмовскаго и Кошелевскаго отдѣленій вмѣстѣ съ учительскимъ помощникомъ 18 разъ приходили по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ послѣ обѣдни въ центральное училище, гдѣ съ ними занимался учитель-руководитель. Нѣкоторые учителя-руководители по воскреснымъ днямъ брали къ себѣ на просмотръ письменныя работы учащихся въ отдѣленіяхъ.

Г-жа Штевенъ, руководившая такими школками въ Арзамасскомъ уѣздѣ, рассказываетъ: «Послѣ молебна при открытіи школы я обыкновенно сама даю первый урокъ, рассказываю какой-нибудь, но возможности интересный для слушателей, эпизодъ изъ священной исторіи и для начала объясненію напряженно слушающимъ ребятамъ, что ученики должны хорошо вести себя, должны быть вѣжливы, не должны пить вина и не должны браниться. А затѣмъ нерѣдко заводится у насъ не столько съ еще робѣющими и недоумѣвающими ребятами, сколько съ ихъ отцами и матерями

живой, хорошій разговоръ по поводу древней истины, что ученье—свѣтъ, а неученье—тьма, и что не хлѣбомъ однимъ живъ будетъ человекъ. А затѣмъ я прощаюсь съ ребятами и большими и уѣзжаю, выслушавъ послѣднюю просьбу молоденькаго учителя, умоляющаго какъ можно скорѣе навѣстить его въ томъ, дѣйствительно, затруднительномъ положеніи, въ которомъ его поневолѣ и всякій разъ не безъ тревоги оставляешь. И, дѣйствительно, не мало бываетъ затрудненій въ первое время то съ хозяиномъ квартиры, то съ черезчуръ требовательными родителями, то съ неумѣлымъ, а иногда и непригоднымъ къ дѣлу учителемъ. Много есть, впрочемъ, и такихъ счастливыхъ школъ, гдѣ съ перваго пріѣзда, при первомъ взглядѣ на веселыя лица учителя и учениковъ, видно, что дѣло пойдетъ».

XI.

Возможно возраженіе противъ устройства филиальныхъ отдѣленій со стороны, такъ сказать, формальной. Имѣютъ ли подобныя отдѣленія право на существованіе при училищахъ учебнаго вѣдомства, по дѣйствующимъ нынѣ законоположеніямъ?

§ 45 Высочайше утвержденной 29 октября 1871 года инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ возлагаетъ на этихъ должностныхъ лицъ обязанность заботиться объ открытіи при существующихъ училищахъ параллельныхъ отдѣленій тамъ, гдѣ, при существованіи училищъ съ значительнымъ числомъ учащихся, учрежденіе особыхъ училищъ оказывается по-чему-либо неисполнимымъ.

По смыслу § 24 Инструкціи для двухклассныхъ и одноклассныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, утвержд. 4 іюня 1875 года, въ случаѣ многочисленности желающихъ поступить въ училище могутъ быть открываемы параллельныя отдѣленія при томъ или другомъ классѣ съ особымъ для каждаго отдѣленія преподавателемъ, на счетъ мѣстныхъ средствъ.

Правила, изданныя 21 марта 1870 года о мѣрахъ къ образованію инородцевъ, допускаютъ и для дѣтей сихъ послѣднихъ устройство особыхъ отдѣленій.

Отдѣленія, о которыхъ идетъ рѣчь, какъ и всякія параллельныя отдѣленія, суть части начальныхъ училищъ; ихъ учителя суть помощники учителей начальныхъ училищъ, а посему законъ, который допускаетъ существованіе начальныхъ училищъ и учительскихъ помощниковъ, тѣмъ самымъ допускаетъ и отдѣленія народныхъ школъ. Не только министерство народнаго просвѣщенія, но и св. синодъ точно такъ же смотритъ на отдѣленія при народныхъ школахъ. Проектъ положенія о высшихъ совѣщаніяхъ по дѣламъ начального обученія въ губерніяхъ Европейской Россіи, гдѣ не введены земскія учрежденія, составленный въ святѣйшемъ синодѣ (по журналу совѣщанія при св. синодѣ отъ 4 мая 1887 года), гласитъ: «Высшее

совѣщаніе имѣеть предметами своихъ занятій: а) обсужденіе и принятіе мѣръ къ упроченію начальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія съ *изъ отдѣленіями* и церковно-приходскихъ со школами грамотности». Ясно, что и по мнѣнію высшаго совѣщанія, бывшаго при св. синодѣ, отдѣленія начальныхъ училищъ имѣють такое же право на существованіе, какъ и всякій другой типъ признанныхъ закономъ учебныхъ заведеній, и что они находятся въ такихъ же отношеніяхъ къ народнымъ школамъ учебнаго вѣдомства, въ какомъ школы грамотности къ церковно-приходскимъ.

Между тѣмъ у насъ очень распространено мнѣніе, будто подобныхъ отдѣленій нельзя устраивать, будто бы правила 1884 г. о приходскихъ школахъ положили конецъ начавшимся съ 1882 г., со времени обнародованія извѣстнаго циркуляра министра народнаго просвѣщенія бар. Николаи, и удавшимся во многихъ уѣздахъ попыткамъ устройства такихъ отдѣленій. Такое недоразумѣніе было причиною закрытія по распоряженію обер-прокурора св. синода очень многихъ отдѣленій въ Смоленской губ. и остановки въ движеніи, обѣщавшемъ прекрасные результаты. Поэтому крайне желательно, чтобы права содержателей школъ на устройство параллельныхъ отдѣленій были подтверждены правительствомъ. До тѣхъ же поръ, пока этого не будетъ сдѣлано, лучше всего руководиться разъясненіемъ г. попечителя петербургскаго учебнаго округа о параллельныхъ отдѣленіяхъ при начальныхъ училищахъ. «Одинъ изъ директоровъ народныхъ училищъ, — пишетъ г. попечитель, — обратился въ управленіе округа съ ходатайствомъ о разрѣшеніи открывать при начальныхъ народныхъ училищахъ параллельныя отдѣленія. По сему вопросу послѣдовало нижеслѣдующее разъясненіе:

Количество дѣтъ обученія въ начальныхъ народныхъ училищахъ ни Положеніемъ о сихъ училищахъ, Высочайше утвержденнымъ 25 мая 1874 года, и никакими послѣдующими узаконеніями или распоряженіями не установлено: дѣти въ начальныхъ школахъ могутъ обучаться и годъ, и два, и три, сколько угодно. Никакихъ отдѣленій по закону не существуетъ; можетъ быть одно, два, три и больше. Существующія въ дѣйствительности обычныя три отдѣленія образовались лишь фактически, установились практикою, поэтому если открывается какая-либо земская начальная школа, то не только нѣтъ надобности, но и положительно невозможно требовать, чтобы принятые въ эту школу дѣти были распределены на два или на три отдѣленія. Каждая начальная земская школа можетъ быть совершенно правильно организована и при одномъ только отдѣленіи. Необходимо только, чтобы въ ней преподавались учебные предметы, указанные въ ст. 3-й Высочайше утвержденаго положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, причеиъ объемъ преподаванія этихъ предметовъ обозначенъ въ самыхъ общихъ чертахъ и никакими строго опредѣленными программами не установленъ. Программы по С.-Петербургскому учебному округу предложены лишь для руководства, а не къ исполненію; онѣ имѣють въ виду лишь облегчить преподавателей при распределеніи учебнаго матеріала по тремъ

отдѣленіямъ, гдѣ таковыя существуютъ, и ни въ чемъ не могутъ стѣснять руководителей начальныхъ школъ и преподавателей въ оныхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ училищѣ есть не три, а два или одно отдѣленіе. Самое отсутствіе обязательныхъ къ исполненію въ начальныхъ народныхъ училищахъ программъ указываетъ на то, что законодатель имѣлъ въ виду предоставить земскимъ и городскимъ учрежденіямъ, обществамъ и частнымъ лицамъ открывать начальные народные училища съ весьма разнообразнымъ по объему проходимыхъ въ нихъ предметовъ курсомъ, нисколько не стѣсняя обучающихся въ нихъ дѣтей требованіемъ пребыванія въ школѣ того или другого количества лѣтъ. Дѣти могутъ учиться въ начальной школѣ и годъ, и два, и три и т. д. Если позволяютъ средства имѣть нѣсколькихъ учителей и учительницъ и дѣти имѣютъ охоту учиться, а родители не только тому не препятствуютъ, напротивъ желаютъ, то закономъ вовсе не возбраняется устроить въ той же школѣ и четыре отдѣленія или больше. Народное просвѣщеніе отъ такой постановки учебнаго дѣла можетъ только выиграть. Съ другой стороны, въ мѣстностяхъ съ населеніемъ рѣдкимъ и крайне бѣднымъ нечего и думать объ открытіи школъ со многими отдѣленіями; въ такихъ школахъ можетъ существовать только два или даже можетъ не быть ни одного. Къ тому же такая школа обойдется значительно дешевле и будетъ болѣе соответствовать даннымъ условіямъ. Открытіе таковыхъ упрощенныхъ и удешевленныхъ земскихъ школъ, въ виду необходимости распространенія грамотности, по возможности и въ мѣстностяхъ глухихъ, съ населеніемъ бѣднымъ, въ высшей степени желательно и своевременно.

Министерство народнаго просвѣщенія постоянно заботилось и продолжаетъ заботиться объ открытіи именно таковыхъ земскихъ начальныхъ школъ, курсъ обученія въ коихъ нисколько не превышалъ бы самыхъ элементарныхъ требованій начального обученія и указанные статьей 3-й Положенія о начальныхъ училищахъ учебные предметы преподавались въ оныхъ, по возможности, въ наименьшемъ объемѣ. Открытіе таковыхъ школъ во многихъ мѣстностяхъ вызывается настоятельною потребностью. Дѣйствительно, нельзя даже ни въ чемъ и сравнивать начальное народное училище, открытое, напримѣръ, въ столицѣ, съ таковымъ же училищемъ, существующимъ въ какой-либо глухой и бѣдной деревнѣ. Очевидно, что требованія, которыя можно предъявлять къ тому и другому, будутъ весьма различны, такъ какъ и тѣ условія, при которыхъ открыты и существуютъ эти училища, тоже весьма различны.

При этомъ, однако, всякое начальное народное училище, несмотря на разнообразіе объема преподаваемыхъ въ немъ учебныхъ предметовъ, должно во всемъ соответствовать положенію о начальныхъ народныхъ училищахъ, а посему и нѣтъ никакихъ основаній удешевленные и упрощенные земскія начальные народные училища подводить подъ какой-либо иной типъ или признавать ихъ какъ бы за параллельныя отдѣленія той или другой школы. Таковыя училища могутъ быть открываемы не въ видѣ параллель-

ныхъ отдѣленій, а какъ самостоятельныя, упрощенныя и удешевленныя земскія школы. То обстоятельство, что учителя въ этихъ школахъ будутъ получать жалованья менѣе, чѣмъ въ другихъ школахъ, ровно никакого значенія не имѣетъ, такъ какъ размѣръ жалованья для учителей вполнѣ зависитъ отъ лицъ или учреждений, содержащихъ школу. Что учителя въ эти школы будутъ назначаться не изъ лицъ, имѣющихъ дипломъ, тоже безразлично, ибо по закону отдается только предпочтеніе лицамъ, имѣющимъ право преподаванія въ начальныхъ школахъ, а это не есть безусловное требованіе. Школы эти отырываются и могутъ существовать на основаніи ст. 3469, 3478, 3484 и 3486, т. XI, ч. I. Св. зак. изд. 1893 г. Называть же такія упрощенныя и удешевленныя школы, если онѣ отырываются въ такой мѣстности, гдѣ другой начальной земской школы нѣтъ, параллельными нѣтъ достаточныхъ основаній и можетъ повести лишь къ ненужнымъ и вреднымъ для дѣла народнаго образованія пререканіямъ.

ХII.

Самый главный недостатокъ всѣхъ подсобныхъ школъ, разсмотрѣнныхъ нами выше, заключается въ томъ, что онѣ въ огромномъ большинствѣ случаевъ дадутъ народу только грамотность, только умѣнье читать, писать, считать, знаніе молитвъ и немного священной исторіи. Это лучше, чѣмъ ничего, это необходимо сдѣлать вездѣ, гдѣ будетъ признано невозможнымъ устроить нормальное начальное училище; но такія школы не много дадутъ знаній народу, не много повысятъ уровень его понятій, мало сдѣлаютъ въ смыслѣ умственнаго и нравственнаго развитія, мало будутъ содѣйствовать смягченію его нравовъ, не поколеблютъ почти его предрасудковъ. И это будетъ крайне несправедливо—лишить часть населенія самаго цѣннаго, что будетъ давать нормальная школа жителямъ всѣхъ остальныхъ селеній, стоящихъ въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ. И тѣ, кто живетъ въ малонаселенныхъ районахъ, лишенныхъ правильно организованной школы, и тѣ, кто, по счастливой случайности, пользуется ею, платятъ одни и тѣ же налоги, несутъ однѣ и тѣ же обязанности по отношенію къ правительству, обществу и земству и потому имѣютъ совершенно равное право и на обученіе своихъ дѣтей.

Пройдутъ, можетъ быть, цѣлыя десятилѣтія прежде, нежели въ такихъ мѣстахъ признано будетъ возможнымъ устроить нормальныя школы, цѣлыя поколѣнія крестьянъ будутъ поставлены въ невозможность получить даже тѣ элементарныя знанія, какія даетъ старшее отдѣленіе народной школы. Ребенокъ, какъ бы онъ даровитъ и любознателенъ ни былъ, не услышитъ отвѣтовъ на свои самые простые вопросы о природѣ, о человѣкѣ. Необходимо, стало быть, отыскать способы, по возможности сглаживающіе эту неравномѣрность распредѣленія образовательныхъ средствъ между населеніемъ, необходимо такъ поставить дѣло, чтобы и жители малонаселенныхъ районовъ имѣли возможность доставить своимъ дѣтямъ не только грамот-

ность, но и всё тѣ знанія, какія даетъ обыкновенное начальное училище. Но какъ этого достигнуть безъ обремененія населенія непосильными налогами? Мы предложили бы для разрѣшенія поставленной нами задачи слѣдующую организацію школьнаго дѣла въ уѣздѣ. Можно было бы исходить въ расчетахъ о числѣ школъ, учителей и учащихся изъ теоретическихъ соображеній. Въ этомъ случаѣ, на основаніи данныхъ, о которыхъ намъ не разъ уже приходилось высказываться въ печати, мы приняли бы за среднюю норму, что тысяча жителей мужского пола даетъ 67 учащихся мальчиковъ при трехгодичномъ курсѣ ученья. Затѣмъ по статистическимъ свѣдѣніямъ о школахъ данной мѣстности (одинъ уѣздъ можетъ дѣлиться на части, непохожія въ этомъ отношеніи одна на другую) мы нашли бы, сколько учащихся дѣвочекъ приходится на сотню учениковъ. И тогда съ цифрами о числѣ жителей, въ каждомъ населенномъ пунктѣ, мы опредѣляли бы, сколько учащихся можно ожидать въ каждомъ селеніи. Конечно, эти среднія нормы, смотря по условіямъ мѣста и времени, въ действительности то повышаются, то падаютъ. Такъ, напримѣръ, въ то время, когда Буняковскій составлялъ свои демографическія таблицы, процентное отношеніе дѣтей въ возрастѣ отъ 8 до 11 лѣтъ ко всему населенію было въ Европейской Россіи 7,2%, а теперь оно 6,7%. Предѣлы этихъ колебаній можно опредѣлить для разныхъ областей или для разныхъ лѣтъ отъ 60 до 80 на тысячу. Несомнѣнно, что въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ эти отклоненія отъ средней величины будутъ еще значительнѣе. Но школа устраняется не на одинъ годъ, а навсегда или по крайней мѣрѣ на продолжительное время, въ среднемъ же за продолжительный періодъ времени даже въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ число дѣтей даннаго возраста приближается къ тѣмъ же вышеуказаннымъ нормамъ, а потому мы не сдѣлаемъ очень большой ошибки, если при составленіи школьной сѣти именно эти нормы и примемъ въ расчетъ. Допустимъ, что намъ надо опредѣлить, сколько дѣтей будетъ посѣщать школу, напримѣръ, въ селѣ съ 1,500 жителей обоего пола. Допускаемъ, что будутъ учиться всѣ мальчики въ возрастѣ отъ 8 до 11 лѣтъ. Считая по 67 мальчиковъ на тысячу жителей мужского пола, будемъ имѣть 50 учащихся мальчиковъ. Чтобы опредѣлить вѣроятное число учащихся дѣвочекъ, беремъ по отчетамъ о школахъ общее число учащихся въ уѣздѣ мальчиковъ и опредѣляемъ, какую часть этого числа составляютъ учащіяся дѣвочки. Допустимъ—одну пятую. Это будетъ значить, что въ данной школѣ надо ожидать 60 учащихся. Но подобный расчетъ имѣетъ мѣсто только при условіи, если предполагается установить обязательное обученіе мальчиковъ. Когда же рѣчь идетъ, какъ это и бываетъ въ настоящее время на самомъ дѣлѣ, только объ общедоступности обученія, то этотъ расчетъ непрактиченъ. Легко можетъ случиться, что не всѣ мальчики школьнаго возраста будутъ учиться, или что среднее число лѣтъ обученія не будетъ равно тремъ *). Наконецъ, данныя о числѣ жителей не всегда вѣрны. Надо поэтому найти другой способъ расчета, бо-

*) Какъ составить школьную сѣть въ мѣстностяхъ, гдѣ имѣются точныя данныя

лѣе отвѣчающій нормамъ, выработаннымъ самою жизнью. Въ земскихъ губерніяхъ, гдѣ введено обязательное взаимное страхование, существуетъ точная статистика учащихся обоого пола въ сельскихъ училищахъ. Вотъ съ этими-то цифрами, всего менѣе возбуждающими сомнѣній, и долженъ оперировать тотъ, кто хочетъ составить школьную сѣть на основаніи болѣе точныхъ данныхъ какъ это практиковалось въ московскомъ губернскомъ земствѣ, при составленіи нормальной школьной сѣти въ губерніи. Составитель сѣти, соображаясь съ условіями мѣстности, устанавливаетъ сначала максимальный школьный районъ въ уѣздѣ. Допустимъ, что это будетъ 3-верстный районъ *). Затѣмъ на картѣ уѣзда онъ съ помощью циркуля обводитъ кружками въ три версты, по масштабу, всѣ существующія земскія школы. Далѣе онъ на основаніи данныхъ страхового земскаго отдѣла рассчитываетъ, сколько дворовъ находится во всѣхъ безъ исключенія селеніяхъ, заключающихся внутри школьныхъ районовъ; но онъ, конечно, не долженъ брать при этомъ селеній, не попавшихъ въ школьные районы. Положимъ, что онъ такимъ образомъ насчиталъ во всѣхъ селеніяхъ, пользующихся школою, т.-е. удаленныхъ отъ нея не далѣе трехъ верстъ, 10,000 дворовъ. Теперь онъ изъ училищныхъ отчетовъ беретъ общее число учащихся обоого пола во всѣхъ тѣхъ земскихъ школахъ, съ какими онъ имѣетъ дѣло. Если были отказы въ пріемъ учениковъ, ему придется увеличить цифру учащихся на все число отказовъ. Положимъ, что во всѣхъ этихъ школахъ обучается 2,500 дѣтей обоого пола. Посредствомъ простаго дѣленія находимъ тогда, что на каждые 100 дворовъ въ среднемъ приходится 25 учащихся обоого пола. Съ этимъ числомъ онъ и будетъ оперировать при составленіи школьной сѣти уѣзда **). Затѣмъ онъ разобьетъ на картѣ съ помощью циркуля мѣстности, лишенныя школъ, на трехверстные районы.

Всѣ существующія школы, не исключая и министерскихъ, и церковно-приходскихъ, конечно, тоже надо будетъ обвести кружками даннаго масштаба, чтобы выдѣлить всѣ селенія, уже имѣющія возможность пользоваться школами. Разбивая лишенныя школъ части уѣзда на районы, необходимо между прочимъ принимать во вниманіе слѣдующія требованія: школа, по возможности, должна помѣщаться въ болѣе многолюдномъ селеніи или вблизи отъ двухъ или нѣсколькихъ многолюдныхъ селеній, чтобы при наименьшемъ числѣ школъ послѣднія вмѣщали наибольшее число учащихся; проектируемые районы должны охватить, по возможности, и

о числѣ жителей по селеніямъ—объ этомъ мы говоримъ въ своей книгѣ *Всѣобщее обученіе* 1897 г.

*) Большинство корреспондентовъ, отвѣчавшихъ на запросы II съѣзда русскихъ дѣателей по техническому и профессиональному образованію, а также московскаго комитета грамотности признали за максимальный районъ—трехверстный.

**) Конечно, данное отношеніе будетъ приблизительно вѣрнымъ только для даннаго момента. Жизнь идетъ впередъ. Потребность населенія въ образованіи возрастаетъ съ каждымъ годомъ и то число школъ, какое сегодня считается достаточнымъ, черезъ два-три года придется увеличить.

безъ особеннаго обремененія бюджета всё селенія, остающіяся вѣ существующихъ школьныхъ районовъ, и потому каждый кружокъ долженъ обнимать, по возможности, больше селеній и большее число дворовъ. Это будетъ легче сдѣлать, если предварительно нанести на карту рядомъ съ названіемъ каждаго селенія цифру его дворовъ. Когда вся эта работа сдѣлана, не трудно будетъ опредѣлить и вѣроятное число учащихся въ каждомъ районѣ,—стоитъ только сложить число дворовъ во всѣхъ селеніяхъ, входящихъ въ районъ, и помножить на отношеніе, полученное выше путемъ дѣленія общей цифры учащихся на общую цифру дворовъ. Предположимъ, что въ какой-нибудь районъ войдутъ два или нѣсколько селеній съ 200 дворовъ въ сложности. Это будетъ значить, что здѣсь, при допущенномъ выше отношеніи (25 учащихся на 100 дворовъ), надо ожидать около 50 учащихся; районъ въ 600 дворовъ дастъ 150 учащихся и т. д. Конечно, во всё эти расчеты мѣстные условія внесутъ многообразныя поправки. Иной уѣздъ можетъ дѣлиться на такія части, изъ коихъ въ одной потребность въ образованіи сильнѣе и потому сто дворовъ дадутъ не 25, а можетъ быть 30 и болѣе учащихся, а въ другомъ эта потребность признана меньше, и сотня дворовъ дастъ, можетъ быть, только 20 учащихся.

Въ такихъ случаяхъ вѣрнѣе находить среднее число учащихся на сотню дворовъ не сразу по всему уѣзду, а раздѣливъ его предварительно на части, и для каждой части сдѣлать особыя вычисленія. Иной школьный районъ придется уменьшить, въ виду неудобныхъ путей сообщенія, и исключить изъ него селенія, отдѣленные отъ мѣста предполагаемой школы, напримеръ, болотомъ, иногда лѣсомъ и т. д. Въ виду этого, когда проектъ сѣти станетъ готовъ, будетъ чрезвычайно полезно выслушать мнѣнія о ней отъ заинтересованныхъ сельскихъ обществъ. Для этого стоитъ только сообщить каждому сельскому обществу, къ какой изъ проектируемыхъ школъ предположено, такъ сказать, причислить входящія въ его составъ деревни и просить отъ общества отзыва, насколько удобна для него предполагаемая школа. Эти отзывы дадутъ возможность внести въ сѣть поправки сообразно съ условіями каждой отдѣльной мѣстности. Совсѣмъ не лишнее будетъ ознакомиться и съ мнѣніями мѣстныхъ гласныхъ, врачей, учителей, священниковъ, разославъ всѣмъ этимъ лицамъ проектируемая сѣть.

Въ каждомъ районѣ, гдѣ, по числу дворовъ, можно рассчитывать болѣе, нежели на 25—30 учащихся, обыкновенно признается нужнымъ открывать нормальную школу. Въ районахъ, гдѣ число учениковъ будетъ превышать 60 учащихся, признается болѣе выгоднымъ расширять помещеніе и назначать второго учителя; въ селеніяхъ, гдѣ это число превышаетъ 120 учащихся, назначать третьяго учителя. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ необходимо сдѣлать оговорку. Несомнѣнно, что въ интересахъ экономіи выгоднѣе содержать одну школу съ 120 учащимися, чѣмъ двѣ съ 60. Одинъ законоучитель, одно помещеніе, одна бібліотека, одни пособія, одна прислуга — все это значительно сокращаетъ расходы. Эта система представляетъ большія преимущества и въ учебномъ отношеніи. Гораздо успѣш-

нѣе пойдетъ дѣло преподаванія тамъ, гдѣ на три отдѣленія два учителя, чѣмъ тамъ, гдѣ со всѣми отдѣленіями занимается одинъ учитель, вынужденный дѣлить учебное время между группами учащихся, различающихся и по возрасту, и по развитію, и по времени пребыванія въ школѣ, и по познаніямъ. Но, съ другой стороны, для населенія гораздо удобнѣе посылать дѣтей въ школу, отстоящую за одну версту, нежели за три, а потому въ интересахъ доступности обученія выгоднѣе устроить двѣ небольшихъ школы въ двухъ разныхъ пунктахъ, чѣмъ крупную въ одномъ. Въ виду того, что трехверстный районъ все-таки представляетъ для дѣтей значительныя затрудненія, особенно же для дѣвочекъ, мы отдали бы предпочтеніе послѣднему собиранію предъ первычъ. Тѣ самыя данныя, на основаніи которыхъ изслѣдователи установили максимальный школьный районъ въ три версты въ радіусѣ, показываютъ, что уже на разстояніи 2 версты отъ школы число учащихся въ ней значительно падаетъ. Когда всѣ предполагаемыя нормальныя школы нанесены на карту, когда затѣмъ опредѣлено будетъ, какія надо будетъ открыть дополнителныя школы или назначить новыхъ учителей въ существующихъ уже школьныхъ районахъ, если налицыныя школы не вмѣщаютъ всѣхъ желающихъ учиться, останутся районы, гдѣ, по числу учащихся, дорого будетъ устроить нормальную школу. Таковы всѣ районы, гдѣ число учащихся будетъ меньше, напримеръ, 25 человекъ. Какова же должна быть организація школьнаго дѣла въ такихъ районахъ? Мы предложили бы слѣдующую.

Въ центрѣ каждаго такого района помѣщается филиальное отдѣленіе съ двухлѣтнимъ курсомъ. Это отдѣленіе официально носить то же самое названіе «начальнаго народнаго училища», открывається на основаніи того же самаго Положенія о нач. нар. училищ. 25 мая 1874 г. и тѣмъ же самымъ порядкомъ, при той же процедурѣ утвержденія учителей, какъ и нормальная школа, но курсъ обученія здѣсь уже будетъ не трехлѣтній, а двухлѣтній, программа преподаванія будетъ меньше, учитель можетъ не имѣть учительскаго званія, стоимость содержанія будетъ въ нѣсколько разъ меньше. Что все это не можетъ встрѣтить никакихъ препятствій со стороны учебнаго вѣдомства, въ этомъ убѣждаетъ насъ вышепомѣщенный циркуляръ г. попечителя Петербургскаго учебнаго округа, отъ 18 ноября 1895 года, разрѣшающій содержателямъ устраивать упрощенныя и удешевленныя начальныя школы съ курсомъ и менѣе трехъ лѣтъ, съ сокращенною программой, съ маленькимъ бюджетомъ, съ учителями безъ дипломовъ. Въ такой школѣ учитель можетъ въ двѣ зимы научить читать и понимать читаемое, приучить къ чтенію просто изложенныхъ книгъ изъ дѣтской бібліотеки, писать красиво и правильно, считать и рѣшать задачи, по Закону Божію онъ пройдетъ не менѣе курса младшаго отдѣленія. Но ученикамъ не будетъ доставать того развитія и тѣхъ званій, какія можетъ сообщить только развитой и опытный учитель. Вотъ для пополненія этого важнаго пробѣла и нуженъ еще, такъ сказать, второй этажъ, другая организація въ этихъ малонаселенныхъ районахъ. Этою дополнительною организаціей

должно быть, по нашему мнѣнію, передвижное старшее отдѣленіе съ развитымъ и опытнымъ учителемъ во главѣ. Судя по результатамъ работъ, произведенныхъ въ уѣздахъ, гдѣ уже составлены школьныя сѣти, можно думать, что на каждое филиальное отдѣленіе въ малонаселенныхъ районахъ придется въ среднемъ около 15 учащихся. При этомъ условіи едва ли будетъ призвано непосильнымъ назначать одного старшаго учителя на три филиальныхъ школки, т.-е. на 45 учащихся. Такой учитель будетъ, во-первыхъ, руководителемъ вѣренныхъ ему школокъ, а во-вторыхъ, учителемъ старшихъ учениковъ. Обучая въ одной школкѣ учениковъ старшаго отдѣленія по программамъ нормальнаго народнаго училища и непосредственно руководя своимъ младшимъ товарищемъ въ ней, устраивая по вечерамъ вечернія народныя чтенія, двѣ другія школки онъ посѣщаетъ на обывательскихъ очередныхъ или же волостныхъ подводахъ по праздничнымъ днямъ, экзаменуетъ ихъ учениковъ, дѣлаетъ указанія ихъ учителямъ, даетъ примѣрные уроки, вступаетъ въ сношенія съ сельскими обществами и земствомъ, устраиваетъ тамъ народныя чтенія, слѣдитъ за правильной организацией школьныхъ и народныхъ библиотекъ. Затѣмъ онъ переноситъ свою резиденцію въ другую школку и, наконецъ, въ третью. Если въ школахъ больше 20 учениковъ въ среднемъ, то старшій учитель безъ особаго обремененія школьнаго бюджета можетъ быть назначенъ только на двѣ школки; еслибы, паче чаянія, случилось, что на каждую школку въ среднемъ приходилось меньше десяти учащихся, то одному старшему учителю можно было бы поручить четыре школки. Во всѣхъ этихъ случаяхъ расходы земства на одного ученика не были бы чрезмѣрными. Мы уже видѣли, что въ Ельнинскомъ и Вяземскомъ уѣздахъ Смоленской губерніи содержаніе одного параллельнаго отдѣленія въ среднемъ обошлось въ 37 р. 50 к., а въ Шадринскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, — 109 р., причемъ въ первой на одну школу приходилось среднимъ числомъ 36 учащихся, а во второй около 25. Допустимъ, что содержаніе одного параллельнаго отдѣленія въ 15 учениковъ обойдется въ 100 руб., что старшему учителю будетъ положено вознагражденіе за занятія въ одной школкѣ и за руководство одною или двумя другими въ 400 р. *), мы получимъ стоимость содержанія трехъ школокъ и одного передвижнаго старшаго отдѣленія въ 700 руб. въ годъ, что на одного ученика дастъ въ среднемъ около 15—16 руб. въ годъ, а это совсѣмъ не такая уже большая сумма, чтобъ ее нельзя было дать на осуществленіе всеобщаго начальнаго обученія въ самыхъ захолустныхъ, самыхъ глухихъ мѣстахъ уѣзда. Такіе же приблизительно расходы потребуются и въ томъ случаѣ, если въ каждомъ отдѣленіи будетъ въ среднемъ болѣе 20-ти учащихся и одинъ старшій учитель будетъ назначенъ на два отдѣленія. Немногимъ больше станеть

*) Вторымъ звѣдомъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію минимальный размѣръ учительскаго жалованья въ нормальной школѣ опредѣленъ въ 240—300 руб.

расходъ и въ тѣхъ очень рѣдкихъ, но, конечно, возможныхъ случаяхъ, когда 40 учащихся дадутъ не два, не три, а четыре малонаселенныхъ района. Въ эти расчеты наши не вошли расходы на народныя чтенія, на передвижную бібліотеку, тогда какъ безусловно необходимо, чтобъ этими двумя просвѣтительными учрежденіями пользовались и самыя глухіе уголки каждаго уѣзда. Болѣе выгодною въ матеріальномъ отношеніи системой представляется намъ слѣдующая организація бібліотеки. При каждой школѣ существуетъ постоянная школьная бібліотека изъ книгъ, рассчитанныхъ на малоразвитого читателя и потому постоянно требуемыхъ. Но сверхъ того на нѣсколько пунктовъ должна существовать еще другая передвижная бібліотека, рассчитанная на болѣе подготовленныхъ и развитыхъ читателей, состоящая изъ книгъ болѣе цѣнныхъ, но обыкновенно рѣже требуемыхъ. Эта послѣдняя дѣлится на части, по числу пунктовъ, и каждая изъ частей въ опредѣленные сроки передвигается изъ одной школы въ другую, что даетъ населенію возможность пользоваться все новыми и новыми книгами. Но книги въ наше время такъ дешевы, каждая книга живетъ такъ долго, что ежегодные расходы на содержаніе такихъ бібліотекъ не могутъ быть особенно значительны. Мы не будемъ останавливаться здѣсь на организаціи передвижной коллекціи туманныхъ картинъ и другихъ пособій для народныхъ чтеній, потому что мы пишемъ объ этомъ въ другой статьѣ своей, имѣющей появиться особымъ изданіемъ. Замѣтимъ только, что передвиженіе книгъ и туманныхъ картинъ въ школахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, гораздо удобнѣе, потому что дѣло это здѣсь будетъ въ рукахъ старшаго учителя, посѣщающаго всѣ школы своего района. Вторымъ съѣздомъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію, разработавшему, между прочимъ, вопросъ о стоимости школъ, вычислено, что при 40—60 ученикахъ въ школѣ на поддержаніе и обновленіе бібліотеки понадобится ежегодно отъ 10 до 20 рублей, а одновременно на обзаведеніе бібліотеки 25—50 руб. Принявъ для передвижной бібліотеки высшія изъ этихъ нормъ, мы увеличимъ исчисленный нами расходъ на начальное обученіе въ трехъ школьныхъ районахъ всего только на 20 рубл. ежегодно, опредѣливъ такимъ образомъ бюджетъ трехъ школокъ въ 720 рубл. Попробуемъ примѣнить эту норму къ какой-нибудь опредѣленной мѣстности въ Россіи.

Предъ нами подробно разработанная школьная сѣть въ Петровскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи. Эту сѣть составляютъ 150 нормальныхъ начальныхъ школъ, въ которыхъ могутъ и будутъ, по расчету составителей обучаться 10,735 дѣтей школьнаго возраста, что даетъ въ среднемъ болѣе 70 человекъ на одну школу. Но внѣ этихъ районовъ осталось еще 24 района, гдѣ, по малонаселенности, комиссія, работавшая надъ составленіемъ сѣти, не признала возможнымъ устроить нормальныя училища. Въ этихъ районахъ могутъ и будутъ, по мнѣнію комиссіи, при условіи существованія школъ, обучаться 382 учащагося обоего пола, т.-е. на каждый школьный районъ придется въ среднемъ всего только 16 учащихся.

Для такого числа учеников нормальная школа представляется пока неосуществимой мечтой. Самое большее, на что рѣшилась коммиссія, это на устройство во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ филиальныхъ отдѣленій, которыя дадутъ только одну грамотность. Между тѣмъ организація, предлагаемая нами, дала бы лишняго ежегоднаго расхода на всѣ эти 24 пункта 3,360 рублей, считая здѣсь траты на жалованье 8 старшимъ учителямъ и на пополненіе бібліотеки и исключая содержаніе самихъ филиальныхъ отдѣленій, такъ какъ ихъ бюджетъ уже внесепъ коммиссією, при составленіи сѣти, въ проектируемую смѣту расходовъ по осуществленію всеобщаго обученія. Такъ какъ ежегодный расходъ на содержаніе всѣхъ начальныхъ училищъ нормальной школьной сѣти исчисленъ коммиссією въ 65 тысячъ рублей, то предлагаемая нами организація увеличиваетъ школьный бюджетъ всего только на 5%. Петровский уѣздъ принадлежитъ къ среднимъ мѣстностямъ Европейской Россіи, по густотѣ населенія. Въ мѣстахъ гуще населенныхъ проектируемая организація будетъ стоить дешевле, въ мѣстахъ малонаселенныхъ дороже, но нигдѣ она не потребуетъ непосильныхъ расходовъ на то, чтобы сдѣлать начальное образованіе доступнымъ всѣмъ безъ исключенія селеніямъ, какъ бы раскинуты и малолюдны они ни были. Еще легче осуществить предлагаемую нами дополнительную организацію передвижныхъ старшихъ учителей въ Московской губерніи. Коммиссія по народному образованію, состоящая при московскомъ губернскомъ земствѣ, въ составленной ею нормальной школьной сѣти для всей губерніи предполагала сначала во всѣхъ школьныхъ районахъ, имѣющихъ менѣе 100 дворовъ, устраивать филиальныя отдѣленія. Такихъ районовъ въ губерніи нашлось 154. Полагая одного учителя — руководителя на каждые три района и прибавляя къ содержанію старшихъ учителей еще по 20 рублей на ежегодное пополненіе передвижной бібліотеки, мы нашли бы, что дополнительная организація къ параллельнымъ отдѣленіямъ обойдется въ 21,420 рублей, что по отношенію ко всѣмъ смѣтнымъ расходамъ, по осуществленію всеобщаго обученія, исчисленнымъ въ 575,865 рублей, составило бы только 3,7%. Но теперь, впрочемъ, для московскаго земства нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ какому-нибудь подобнымъ организаціямъ, потому что въ послѣднее время оно нашло возможнымъ устраивать и въ такихъ малолюдныхъ районахъ нормальныя начальныя училища, хотя и болѣе дешеваго типа.

Какой срокъ остается старшій учитель въ каждой школкѣ?—этотъ вопросъ можетъ быть рѣшаемъ различно, смотря по мѣстнымъ условіямъ. Казалось бы, наиболѣе цѣлесообразнымъ представляется слѣдующій порядокъ при трехъ школкахъ. Старшій учитель остается въ одной школкѣ круглый годъ съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій годъ переѣхать въ сосѣднюю, а затѣмъ въ третью. На четвертый годъ онъ опять вернется въ первую школку, гдѣ его будутъ ожидать два выпуска учениковъ, окончившіе двухлѣтній курсъ филиальной школы. То обстоятельство, что впоследствии онъ будетъ имѣть дѣло сразу съ тремя выпусками, тремя возрастами у

щихся,—не особенно повредить успѣхамъ обученія, потому что всѣ они получили одинаковую подготовку. Но тамъ, гдѣ существуютъ отхожіе зимніе промыслы для подростковъ, или тамъ, гдѣ подростки отъ 11 до 13 лѣтъ заняты зимою какими-нибудь работами, не позволяющими имъ посѣщать школу, придется дѣлать учебный годъ на столько періодовъ, сколько въ районѣ старшаго учителя отдѣленій, т.-е. большею частью на три. Если въ данной мѣстности учебный годъ продолжается 120 дней, то, значить, старшій учитель пробудетъ въ одной школѣ 40 дней, затѣмъ въ другой и третьей тоже по 40 дней. Эта послѣдняя система въ педагогическомъ отношеніи хуже первой. Здѣсь ученики находятся подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ учителя только $\frac{1}{3}$ учебнаго года, а тамъ цѣлый годъ. Еще болѣе мелкія дѣленія,—напримѣръ, двѣ недѣли въ одной школѣ и по двѣ недѣли въ двухъ другихъ,—еще менѣе удобны, чѣмъ второй порядокъ. Не успѣетъ учитель освоиться съ учениками, овладѣть ихъ вниманіемъ, приучить ихъ къ своимъ приемамъ, какъ ему уже надо ѣхать въ другую школу.

Что касается до формальныхъ затрудненій при введеніи проектируемой организаціи, то они легко разрѣшаются. Мы уже видѣли, какъ просто открытъ, пользуясь разъясненіемъ г. попечителя Петербургскаго учебнаго округа, филиальныя отдѣленія на основаніи положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 1874 г., назвавъ ихъ «начальными народными училищами» съ двухлѣтнимъ курсомъ. Останется только санкціонировать зависимость учителей этихъ школокъ отъ старшаго учителя. Но этого тоже легко будетъ достигнуть, если содержатели, т.-е. большею частью земства, изберутъ старшихъ учителей попечителями школокъ. Права попечителей Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ опредѣляетъ очень широко. По точному смыслу ст. 14, онъ завѣдуетъ дѣлами ввѣренныхъ ему школъ, входитъ въ сношенія съ инспекторомъ и вполне отвѣтствуетъ за порядокъ въ сихъ заведеніяхъ. По силѣ ст. 13, онъ засѣдаетъ въ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ и подаетъ голосъ по дѣламъ своихъ школъ. У насъ часто и вполне справедливо жалуются на то, что голосъ учителей отсутствуетъ въ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ. Вотъ средство, допускаемое закономъ, пополнить этотъ пробѣлъ.

В. Вахтеровъ.

По поводу сочиненія проф. А. Ф. Кистяковского

Исследование о смертной казни. Второе изд. под редакціей Т. С. Спб., 1896 г.

Еще въ 1838 г. Кашплеръ въ своемъ *Руководствѣ къ литературѣ уголовнаго права* приводилъ 232 сочиненій, статей и замѣтокъ, трактующихъ о смертной казни. А такъ какъ съ того времени, и въ особенности въ 60-хъ годахъ, появились новыя и наиболѣе выдающіяся изслѣдованія, то покойный проф. Кистяковский имѣлъ полное право начать предисловіе къ своему замѣчательному труду (появился въ Кіевѣ въ 1867 г.) заявленіемъ, вѣрнымъ для этого времени, что «ни одинъ вопросъ уголовнаго права не пользуется такою извѣстностью и такимъ свойствомъ привлекать къ себѣ духъ изслѣдованія, какъ смертная казнь». Но такое «обиліе сочиненій и общеизвѣстность предмета» не даютъ основаній къ утвержденію, что «смертная казнь—вопросъ избитый и не стоящій дальнѣйшей работы спеціалиста». «О смертной казни нельзя сказать ничего новаго лишь съ *отвлеченно-схоластической точки зрѣнія*» и было бы «безполезною и пустою работою возобновлять вѣчный и безысходный споръ о *справедливости и несправедливости* этого наказанія». Иначе обстоятъ дѣло съ *философско-исторической стороны* смертной казни, которая *мало разработана и даетъ богатѣйшій матеріалъ* для изслѣдованія. Авторъ и сосредоточилъ вниманіе на этой *исторической сторонѣ вопроса*, указавъ и прослѣдилъ связь этого наказанія съ *общественнымъ и умственнымъ развитіемъ человека*. Въ этой-то научно-вѣрной постановкѣ предмета изслѣдованія съ *историко-культурной точки зрѣнія*, которая или совершенно игнорировалась предшественниками проф. Кистяковского, или же слабо и скорѣе случайно затрогивалась ими, съ подчиненіемъ ея приемамъ и положеніямъ слишкомъ отвлеченнымъ и недостаточно обоснованнымъ, заключается первая, самая *существенная заслуга автора*. А такъ какъ этотъ приемъ выдержанъ съ большою послѣдовательностью, а анализъ отдѣльных факторовъ общественно-исторической жизни, вліявшихъ на постановку смертной казни въ законодательствѣ, практикѣ и въ доктринѣ, проведенъ чрезъ все изслѣдованіе съ большою глубиной и рѣдкимъ объекти-

визмомъ, то задуманный трудъ не остался въ области однихъ широко напечатанныхъ строго научныхъ задачъ, но и *далъ на самомъ дѣлѣ плодотворные выводы*, представляющіе цѣну не только съ исторической и чисто-научной точки зрѣнія, но и для законодателя (*ad legem ferendam*). Въ этомъ—вторая, тоже значительная заслуга автора, которая, въ соединеніи съ первой, возвышаетъ его изслѣдованіе на степень «классическаго», могущаго быть названнымъ по вѣрному замѣчанію нашей критики (проф. Сергѣевскій, Бѣлогриць-Котляревскій, издатель Т. С. и друг.)—«лучшимъ произведеніемъ во всей европейской литературѣ». Вѣрность научно-историческаго приѣма и добытыхъ изслѣдованіемъ результатовъ въ связи съ *большою фактической и идейною полнотой* разсматриваемаго труда, которая является третьимъ несомнѣннымъ его достоинствомъ, приводятъ къ тому, что появленіе всякаго новаго изслѣдованія по этому вопросу, *при современномъ положеніи знаній*, равно какъ и новыхъ законодательныхъ опредѣленій, могутъ имѣть значеніе отнюдь не принципиальное, а лишь дополнительное, ничуть не измѣняющее ни существенныхъ положеній, добытыхъ проф. Кистяковскимъ, ни того конечнаго и ничѣмъ неотвратимаго поступательнаго движенія законодательства культурныхъ народовъ по пути къ полной отбѣнѣ явно вымирающаго института смертной казни, которое можетъ быть лишь задерживаемо какъ разными болѣзненными (реакціонными), всегда временными вспышками въ общественномъ настроеніи и законодательствахъ отдѣльныхъ странъ, такъ и крайними направленіями новыхъ школъ въ наукѣ уголовного права (напримѣръ, такъ называемой антропологической). Благодаря книгѣ покойнаго Кистяковскаго, всѣ мыслящіе серьезно и «*sine ira et studio*» получаютъ возможность отнестись критически къ различнымъ теченіямъ и настроеніямъ, прорывающимся иногда въ наукѣ и въ жизни современныхъ обществъ, не страшась за окончательное торжество аболиціонистовъ. Въ справедливости этой мысли вполне убѣждаетъ насъ превосходный очеркъ (вмѣсто предисловія), который г. Т. С. предпослалъ второму изданію высокопоучительнаго труда проф. Кистяковскаго. Достоинства «вмѣсто предисловія» г. Т. С. заключаются въ томъ, что: 1) авторъ даетъ въ немъ правильную характеристику извѣстнѣйшихъ писателей о смертной казни—Гетцеля и Гауса, изслѣдовавшихъ это наказаніе тоже съ исторической точки зрѣнія, и Гольтцендорфа, поставившаго вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи смертной казни на чисто юридическую почву; г. Т. С. не только ознакомляетъ такимъ способомъ читателей съ другими виднѣйшими представителями науки, занимавшимися этимъ вопросомъ, т.-е. содѣйствуетъ пополненію свѣдѣній читателя, но и даетъ имъ возможность болѣе правильно оцѣнить значеніе и заслуги самого Кистяковскаго; 2) авторъ вводитъ здѣсь читателя, а отчасти и въ своихъ дополненіяхъ къ VI-й главѣ изслѣдованія, въ дальнѣйшую (съ конца 60-хъ годовъ) *Исторію тѣхъ законодательныхъ, а частью и научныхъ движеній*, нерѣдко реакціоннаго свойства, которыя являются, какъ замѣчено выше, временными задержками въ историческомъ ходѣ вымиранія смертной

казни, причѣмъ автору вполне удалось уяснить чисто случайный и переходящій характеръ этихъ попытокъ къ восстановленію отмѣненной уже смертной казни, къ дальнѣйшему ея распространенію или, наконецъ, къ теоретическому оправданію ея, сдѣланному, напримѣръ, антропологическою школой. Вѣрно охарактеризовавъ главную ошибку этой послѣдней, заключающуюся «въ чрезчуръ абсолютномъ примѣненіи дарвиновской теоріи», законы которой съ каждымъ шагомъ развитія человѣческаго общества «настолько модифицируются, что совершенно теряютъ свой первоначальный характеръ», издатель останавливаетъ вниманіе читателей на знаменательномъ фактѣ, что такъ-называемая «позитивная школа» уголовного права, создавшаяся подъ вліяніемъ толчка, даннаго доктринами Ломброзо и его послѣдователей, придерживаясь болѣе социологическаго, чѣмъ біологическаго направленія, «не можетъ относиться сочувственно къ смертной казни», которую, надо прибавить, отрицали, со стороны ея цѣлесообразности, даже представители самой антропологической школы (напримѣръ, Enrico Ferri, у насъ — Дм. Дряль). Издатель не отрицаетъ положительнаго результата, достигнутаго этою послѣдней школою въ вопросѣ о смертной казни: наряду съ повтореніемъ избытыхъ аргументовъ старыхъ школъ въ защиту смертной казни, она дала «болѣе правильное освѣщеніе культурно-исторической роли смертной казни». Практическое же рѣшеніе вопроса о томъ: быть или не быть этому наказанію—заключается для настоящаго времени «не въ борьбѣ принциповъ, а въ борьбѣ интересовъ». Это объясняетъ «какъ несомнѣнное ослабленіе интереса къ этому вопросу въ научныхъ кругахъ», такъ равно и малые шансы на отмѣну смертной казни «при существованіи извѣстныхъ условій» (напримѣръ, въ Германіи—въ 70-хъ годахъ). Но, во всякомъ случаѣ, «на сторонѣ смертной казни теперь—меньшинство, за отмѣну же ея стоитъ не только большая часть криминалистовъ и судей, но и всего мыслящаго народонаселенія». И «не надо быть пророкомъ, — справедливо замѣтилъ Н. С. Таганцевъ (лекція, IV, стр. 1450), — чтобы сказать, что недалеко то время, когда смертная казнь исчезнетъ изъ уголовныхъ кодексовъ, и для нашихъ потомковъ самый споръ о ея цѣлесообразности будетъ казаться столь же страннымъ, какимъ представляется теперь для насъ вопросъ о необходимости и справедливости колесованія или сожженія преступниковъ».

Выше была уже отмѣчена заслуга Кистяковского, заключающаяся въ умѣломъ и послѣдовательномъ примѣненіи историко-культурнаго приѣма въ изслѣдованіи смертной казни. Въ первой половинѣ нашего столѣтія (съ 30-хъ годовъ) вопросъ былъ поставленъ почти исключительно на теоретическую почву и рассматривался съ точки зрѣнія абстрактныхъ, метафизическихъ началъ, господствовавшихъ не только въ государственныхъ и юридическихъ наукахъ, но отражавшихся даже въ практической законодательной дѣятельности. Понятно, что всѣ соображенія, приводившіяся противниками смертной казни съ точки зрѣнія «вышей справедливости», «права государства» наказывать смертью, «ненарушимости» человѣческой жизни, противо-

рѣши этой кары христіанской религіи и проч., встрѣчали со стороны защитниковъ этого наказанія возраженія, нерѣдко не менѣе вѣскія, опиравшіяся на тѣ же принципиальныя положенія абстрактно - метафизическаго свойства. Весь споръ оказывался, такимъ образомъ, если не совсѣмъ бесплоднымъ, то, во всякомъ случаѣ, недостаточно плодотворнымъ и оставлявшимъ открытое поле для субъективизма и случайныхъ рѣшеній. И вотъ, со второй половины переживаемаго нами вѣка, вопросъ переходитъ на утилитарную почву: теоретическія сужденія о справедливости смертной казни замѣняются спорами о вредѣ или полезности ея, т.-е. системой и приемами изслѣдованія, выдвинутыми еще раньше въ Англіи. Это «утилитарно - социологическое» направленіе, распространенію котораго много содѣйствовало Миттермайеръ, значительно дискредитировало первое (строго-теоретическое), а съ конца 60-хъ годовъ, поднявшись на высоту историческаго изслѣдованія смертной казни, связаннаго съ изученіемъ вліянія на нее политическихъ и юридическихъ учреждений, это новое «историко - культурное» направленіе, окончательно восторжествовавъ въ наукѣ, подарило послѣднюю тремя капитальными сочиненіями: *Гетцеля* («Смертная казнь въ ея культурно-историческомъ развитіи», 1869 г.), *Гауса* (*Haas*—«Смертная казнь, ея прошедшее, настоящее и будущее», 1867 г.) и разсматриваемое сочиненіе Кистяковскаго, появившееся въ началѣ 1867 г., самостоятельно и внѣ всякаго вліянія первыхъ двухъ. *Пальма первенства принадлежитъ между ними сочиненію нашего соотечественника.* Дѣйствительно, книга Гетцеля, — лучшая въ нѣмецкой литературѣ, — заманчива по заглавію, грандіозна по замыслу, но далеко не удовлетворяетъ ожиданій по своему содержанію. Справедливо замѣтилъ Гейеръ, что содержаніе этой книги скорѣе исчерпывалось бы скромнымъ заглавіемъ: *Смертная казнь въ исторіи литературы и политики.* Излагая весьма обстоятельно исторію смертной казни въ законодательствахъ различныхъ странъ и временъ, а также взгляды изслѣдователей этого вопроса, *Гетцель совершенно устраняетъ* изъ своего изслѣдованія *анализъ* громаднаго вліянія общественной, политической жизни и нравственныхъ чувствъ на законодательство и литературу о смертной казни, а также всю исторію самой смертной казни. Въ этомъ сочиненіи нельзя найти, по вѣрному замѣчанію г. Т. С., ничего, относящагося до фактическаго распространенія смертныхъ казней у народовъ въ разныя эпохи и до способовъ ея совершенія, или къ вопросамъ объ отношеніи къ ней народныхъ массъ и о вліяніи ея на общество. И самая основная точка зрѣнія этого автора, весьма близкая къ первому (метафизическому) направленію нѣмецкой доктрины, все еще напираетъ на «несправедливость» наказанія смертію. Что же касается изслѣдованія Гауса, то и оно по содержанію гораздо уже заглавія, — оно изслѣдуетъ скорѣе исторію постепенной отміны этого наказанія въ законодательствахъ и вымѣрзанія его на практикѣ и не отличается, какъ замѣчаетъ г. Т. С., «широтою историческаго взгляда». *Эти-то серьезные недостатки изслѣдованій Гетцеля и Гауса чужды сочиненію Кистяковскаго, который умѣло*

положилъ «соціологическую подкладку въ основу объясненія законодательныхъ реформъ и такихъ явленій общественной жизни, какъ вымирание какого-нибудь института». Эта характерная черта изслѣдованія покойнаго кievскаго профессора даетъ намъ нѣкоторое право видѣть въ немъ (и *отчасти* въ покойномъ Н. А. Неклюдовѣ, по его магистерской диссертациі) одного изъ первыхъ серьезныхъ сторонниковъ новѣйшаго «соціологическаго направленія» въ наукѣ уголовного права. Эта характерная особенность сочиненія, въ связи съ высокимъ объективизмомъ историческаго изслѣдователя, «безпристрастно слѣдящаго за законами историческаго развитія», придаетъ ей тотъ «особенно широкій и разносторонній интересъ», который независимъ отъ специально-научнаго значенія этой книги при разрѣшеніи юридическаго вопроса о смертной казни.

Что касается общеприятныхъ и имѣющихъ высокую научную цѣнность выводовъ, къ которымъ авторъ приходитъ въ своемъ изслѣдованіи, то они сводятся къ слѣдующимъ:

Въ первой главѣ авторъ излагаетъ два направленія въ изученіи вопроса о смертной казни: философско - метафизическое и философско - позитивное; уяснивъ бесплодность перваго, онъ останавливается въ особенности на Миттермайерѣ, какъ на представителѣ второго направленія, и приходитъ къ заключенію, что разработка вопроса дала *прочные результаты* только благодаря тому, что изслѣдованіе смертной казни стало опираться на опытъ, на факты изъ жизни народовъ (стр. 23). Тѣмъ не менѣе, «осталась еще неизслѣдованною *исторія смертной казни*, сторона предмета чрезвычайно обширная и могущая доставить многочисленныя данныя *даже для практическаго рѣшенія* этого вопроса» (стр. 28). Сознавъ всю важность историческихъ изысканій, авторъ и обратилъ большую часть своего труда на эту сторону изслѣдуемаго имъ предмета, скромно называя свою историческую часть (главы III—VII) «опытомъ изслѣдованія нѣкоторыхъ только періодовъ исторіи смертной казни, — періода мести, вліянія рабства и привилегій на исторію наибольшаго развитія этого наказанія въ періодъ государственной, возникновенія сомнѣній и постепенной отмѣны смертной казни» (стр. 30). Этими-то центральнымъ вопросамъ посвящены главы III—VII, которымъ предшествуютъ изложеніе и критическая оцѣнка главнѣйшихъ теоретическихъ и утилитарныхъ доводовъ, приводимыхъ обыкновенно защитниками и противниками смертной казни. Эта глава не изъ лучшихъ въ изслѣдованіи, уступаетъ трудамъ Миттермайера и особенно Гольцендорфа и не представляетъ изъ себя ничего особенно оригинальнаго или выдающагося. Тѣмъ не менѣе для русскихъ читателей въ ней видѣются два безспорныя достоинства: 1) она отличается полностью, такъ какъ въ ней собраны воедино все про и contra, и 2) есть первая по времени и обстоятельности въ *русской литературѣ* обработка указанной стороны ученія о смертной казни. Научный и фактический интересъ изслѣдованія возрастаетъ съ III главы, выводами которой являются слѣдующія положенія автора: періодъ мести есть время наибольшаго употребленія

смертной казни, потому что первобытный человек не имѣетъ никакого понятія о виновеніи въ нынѣ господствующемъ смыслѣ; первымъ факторомъ уменьшенія смертныхъ казней является экономическій интересъ, убѣждающій человека въ томъ, что ему выгоднѣе получить за свою обиду и за свои потери матеріальное вознагражденіе; но и убійство въ отищеніе и матеріальное вознагражденіе долго служатъ наказаніемъ за всякое преступленіе—какъ намѣренное, такъ равно неосторожное и случайное. Для установленія этого различія, вліяющаго на уменьшеніе смертныхъ казней, необходима была нейтральная сила, внѣ отношеній ближняго къ обидчику стоящая—общественная (государственная) власть, которая долго сама находилась подъ вліяніемъ народныхъ воззрѣній и лишь постепенно и медленно выполняетъ указанную выше задачу.

Еще лучше IV глава, въ которой авторъ, рядомъ историческихъ изысканій съ древнѣйшихъ временъ, дѣлаетъ выводъ, что *вся исторія рабства доказываетъ, что оно имѣло громадное, если не преобладающее вліяніе на смертную казнь, на объемъ и формы ея примѣненія* (стр. 123), особенно же въ томъ тяжкомъ видѣ рабства, при которомъ господинъ является безконтрольнымъ, абсолютнымъ владыкою своего раба (здѣсь рабство—обильнѣйшій источникъ смертныхъ казней). Рабство же второго вида (крѣпостное состояніе), переноса уже на государство власть наказывать раба за тяжкія преступленія и оставляя за господиномъ лишь право дисциплинарнаго наказанія за меньшія вины, влечетъ за собою, хотя постепенно, уменьшеніе смертныхъ казней, особенно по ничтожнымъ поводамъ (стр. 123—124). Такое уменьшеніе является также продуктомъ *привилегій меньшинства*, и изученію вліянія ихъ на смертную казнь посвящается цѣлый рядъ блестящихъ страницъ IV главы. О равенствѣ наказаній не можетъ быть рѣчи даже въ догосударственный періодъ, такъ какъ «кто сильнѣе, тотъ вѣрнѣе и жесточе мститъ, а кто богаче—легче избѣгаетъ кары» (стр. 147). Съ появленіемъ государства послѣднее долго «сохраняетъ, формируетъ и являетъ это неравенство въ видѣ законовъ», почему у всѣхъ народовъ въ первый періодъ ихъ государственной жизни существуютъ—народъ (большинство) и немногочисленные дворянскіе роды и духовенство; преступленія перваго класса преслѣдуются съ изумительною жестокостію, почему смертная казнь есть господствующее для него наказаніе, расточаемое *de jure* и *de facto* щедрою рукою за пустѣйшіе проступки, тогда какъ меньшинство, владѣющее всѣми родами власти, путемъ закона или практики, создаетъ для себя привилегію полного или, для большинства случаевъ, частнаго *изъятія* отъ смертной казни (стр. 150); послѣднее нельзя разсматривать какъ признакъ уваженія къ человѣческому достоинству, а можно характеризовать какъ проявленіе *безнаказанности* этого меньшинства. Понятно, что эта привилегія суживается и постепенно исчезаетъ по мѣрѣ развитія общегосударственной власти и отождествленія этой послѣдней съ понятіемъ общаго блага всего народа (стр. 151). Въ главѣ V проф. Бистяковскій изслѣдуетъ періодъ наибольшаго примѣненія смертной

казни во время господства общегосударственной власти, которая еще очень долго, явившись непосредственной наследницей предыдущаго порядка, держалась началъ, обусловливавшихъ необходимость смертной казни за многія преступленія и по многимъ поводамъ, именно: за преступленія государственныя, религіозныя и противъ нравственности, на-ряду съ которыми даже до конца XVIII вѣка сохраняется обычай карать смертью за мало-важныя вины. Отсюда—обиліе смертныхъ казней, поддерживаемое произволомъ судей и существенными недостатками судопроизводства (наприм., системою доказательствъ—пыткою). Глава VI—*лучшая въ цѣломъ изслѣдованіи*—излагаетъ исторію постепеннаго фактическаго и законодательнаго суженія сферы примѣненія, а затѣмъ и отмѣны смертной казни— сперва за преступленія противъ религіи, нравственности и собственности, а затѣмъ и за большинство другихъ преступленій, а въ нѣкоторыхъ кодексахъ и за всѣ уголовныя правонарушенія; при этомъ даже въ государствахъ, сохранившихъ это наказаніе, практика, вопреки закону, de facto отмигаетъ смертную казнь во многихъ случаяхъ путемъ судебного смягченія наказанія или помилованія. Эта глава представляетъ особый интересъ и научную цѣнность потому, что, не ограничиваясь внѣшней исторіей предмета, изучаетъ *внутреннюю его исторію*: анализируя вліяніе на постепенную отмигну смертной казни факторовъ экономическаго, смягченія нравовъ, ученія объ умѣренности наказаній и о равенствѣ предъ закономъ, VI глава приводитъ автора къ заключенію, что отмигна смертной казни была результатомъ «причинъ и событій, стоящихъ внѣ области уголовного права»; именно—«кореннаго, реальнаго измѣненія матеріальнаго и умственно-нравственнаго строя обществъ»; отмигна, являвшаяся плодомъ «теоретическихъ соображеній—долго не держалась» (стр. 237). Само научное опроверженіе справедливости и состоятельности смертной казни было «произведеніемъ фактическаго переворота, хотя еще не закрѣпленнаго закономъ, совершавшагося внутри европейскихъ обществъ». Ходъ же отмигны совершался «приливами и отливами», причеиъ жизнь «сдерживала слишкомъ смѣлыя порывы впередъ и не позволяла возвращаться далеко назадъ, куда она сама не хотѣла и не могла возвратиться; въ концѣ же концовъ она сама медленно, но неизмѣнно «стремится достигнуть крайняго пункта», т.-е. полной отмигны наказанія смертью (стр. 238). Наконецъ, въ VII главѣ проф. Кистяковскій—первый изъ изслѣдователей этого предмета—анализируетъ не только *формы совершенія смертной казни, но и характеръ ея исполнителей*, чтобы еще болѣе подтвердить свое главное положеніе о томъ, что «существованіе и отмигна смертной казни вполнѣ зависятъ отъ степени общественнаго развитія, стоящаго внѣ власти человѣка»: въ судьбѣ этихъ двухъ вопросовъ по словамъ автора, «всего ярче отражается стихійная сила прогресса, съ ни удержимымъ могуществомъ уничтожающаго потребность въ смертной казни (стр. 239). Авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: изысканныя способы совершенія казней и главнѣйшія ея формы, предшествуя образованію государства, выработались уже въ періодъ мести (стр. 239 и 259); эи

жестокія и изысканныя казни дикаго человѣка, явившись выраженіемъ его экономическаго, общественнаго и умственно-нравственнаго состоянія, унаслѣдованы позднѣе и государствомъ, какъ непосредственнымъ преемникомъ предыдущаго порядка; перемѣна же общественныхъ отношеній, умственное и нравственное развитіе и смягченіе нравовъ сопровождалось исчезновеніемъ тѣхъ силъ, которыя творили и поддерживали изысканныя казни: отсюда — «всеобщая отиѣна квалифицированной смертной казни, уничтоженіе прежней ея публичности и все чаще проявляющееся въ обществѣ отвращеніе даже ихъ видѣть» (стр. 260). И нигдѣ коренной переворотъ въ убѣжденіяхъ народовъ не проявляется въ такомъ ясномъ свѣтѣ, какъ въ «исторіи палача». Такъ, въ древнихъ монархіяхъ Азіи исполненіе обязанностей палача верѣдко брали на себя цари, еще чаще эти обязанности исполнялись первосвященниками и жрецами, а когда власть жрецовъ ослабѣла и юстиція секуляризовалась, обязанность палача перешла къ лицамъ, участвовавшимъ въ отправленіи правосудія. И даже въ то время, когда должность исполнителя казней превратилась постепенно въ ремесло, палачъ пользовался почетомъ (стр. 261—263); процессъ же перемѣны во взглядахъ на палача, ставшаго въ глазахъ народа «существомъ гнуснымъ и безчестнымъ», начавшись очень давно, длился долго, совершался незаметно, но въ настоящее время онъ есть фактъ, котораго никто не можетъ отрицать: «палачъ внушаетъ ужасъ и отвращеніе, одно прикосновеніе къ нему считается оскверненіемъ»; и если де-Местръ рѣшается утверждать, что «все величіе, все могущество, вся субординація покоится на палачѣ, который есть и ужасъ, и связь человѣческаго общества» и безъ котораго «порядокъ уступить мѣсто хаосу, троны разрушатся и общество исчезнетъ», — то онъ «изобразилъ значеніе палача для нашего времени — по идеалу отжившей цивилизаціи» (стр. 267).

Извѣстный криминалистъ Люкасъ, всю жизнь свою ратовавшій за отиѣну смертной казни, утверждаетъ, что въ неизмѣнномъ европейскомъ движеніи въ пользу уничтоженія этого наказанія замѣчается нѣкоторая правильность, проявляющаяся въ томъ, что сначала его отиѣнили маленькія, затѣмъ среднія государства, и очередь осталась за великими державами, среди которыхъ Италия въ новомъ кодексѣ 1890 г. первая подала примѣръ полной ея отиѣны. Не наступила ли очередь и за Россіей, гдѣ проектъ новаго угол. уложенія сдѣлается, надо надѣяться, закопомятъ въ самое близкое будущее? Редакціонная коммиссія (см. «Объясненія къ проекту», т. I, стр. 14—27), изложивъ дальнѣйшіе доводы про и contra, на основаніи, главнымъ образомъ, изслѣдованій Гетцеля, Миттермейера, Гольцендорфа и *Кистяковскаго* и подкрѣпивъ свои разсужденія статистикою числа осужденій и дѣйствительно состоявшихся казней въ важнѣйшихъ государствахъ Европы съ начала настоящаго столѣтія до 80-хъ годовъ (а для Россіи даже до 1890 г.), вынуждена была лишь присоеди- ниться къ основному конечному выводу проф. Кистяковскаго, что смерт-

ная казнь «находится въ періодѣ вымиранія» и что, будучи еще въ недавнее время центромъ карательной системы, она теперь повсюду сохранила характеръ *исключительной* мѣры, примѣняемой, и то *болѣе какъ угроза закона*, къ наиболѣе тяжкимъ дѣяніямъ, направленнымъ противу основъ государственнаго строя или противъ жизни отдѣльныхъ лицъ, попытки же къ полной отмѣнѣ смертной казни повторяются все чаще и чаще, встрѣчая полную поддержку въ юридической литературѣ, гдѣ на сторонѣ отмѣны находятся почти всѣ авторитетныя имена. И комиссия даетъ этому явленію то же объясненіе, которое мы нашли уже у проф. Кистяковскаго, находя его «въ измѣненіи условій современной государственной и соціальной жизни, а еще болѣе въ постепенномъ проникновеніи въ уголовныя законодательства и въ судебную практику сознанія о *нецѣлесообразности* этого наказанія» (стр. 21). Поэтому редакціонная комиссия полагаетъ, что Россія могла бы сдѣлать «новый дальѣйшій шагъ по историческому пути, преемственно начертанному еще съ прошлаго вѣка (съ царствованія Елизаветы), и не только по *возможности ограничить число случаевъ примѣненія смертной казни, но и вычеркнуть ее вовсе изъ списка уголовныхъ наказаній, налагаемыхъ по общимъ законамъ*» (стр. 27). Впрочемъ, комиссия признала болѣе цѣлесообразнымъ внести въ лѣстницу наказаній смертную казнь *для наиболее тяжкихъ государственныхъ преступленій*, предоставивъ рѣшеніе вопроса о полной ея отмѣнѣ государственному совѣту, въ виду того, что этотъ вопросъ, кромѣ чисто-юридической стороны, заключаетъ въ себѣ и «*весьма важную политическую сторону*», долженствующую значительно вліять на признаніе своевременности или несвоевременности такой отмѣны (стр. 27). Здѣсь редакціонная комиссия стоитъ, очевидно, на той же точкѣ зрѣнія, на которую сталъ и издатель изслѣдованія Кистяковскаго.

Проф. Кистяковскій выяснилъ съ полною убѣдительностью, что полная отмѣна наказанія смертью прочна лишь въ томъ случаѣ, когда она дѣлается не порывами, а постепенно, въ соответствіи со слагающимися нормальными условіями общественной и государственной жизни. Лучше медленнѣе, но навѣрняка, лучше отмѣнять ее за отдѣльныя преступленія, суживать постепенно кругъ дѣяній и лицъ, къ которымъ она примѣняется, постепенно же приучая общество къ непользованію ею, чѣмъ, вычеркнувъ ее разомъ и цѣликомъ изъ кодекса, рисковать возможностью ея восстановленія для нѣкоторыхъ случаевъ подъ напоромъ руководящихъ сферъ, еще не окончательно подготовленныхъ къ полной отмѣнѣ. Необходимо, другими словами, въ новыхъ законодательствахъ идти такимъ путемъ: 1) *уменьшить* даже *plus ultra* кругъ дѣяній, облагаемыхъ ею; 2) *ограничить условія примѣненія* смертной казни къ указаннымъ дѣяніямъ и главнымъ образомъ *по отношенію къ лицамъ*, которыя могутъ быть подвергнуты ей, и 3) *внести, насколько это возможно, въ уголовный процессъ правила, ограничивающія возможность присужденія къ казни и гарантирующія правосудіе отъ ошибокъ, нячѣмъ непоправимыхъ ири*

исполненіи наказанія смертью (безспорно, что непоправимость и невознаградимость исполнения смертной казни надъ невинно или сверхъ вины осужденнымъ—одинъ изъ серьезныхъ практическихъ аргументовъ противъ этого наказанія). Намъ кажется, что *коммиссія въ значительной мѣрѣ удовлетворила первымъ двумъ требованіямъ*. Дѣйствительно, смертную казнь предположено сохранить (см. ст. 59, I ч. 60, 2 ч. 61, 3 ч. 63 и I ч. 77 ст. «проекта улож.» за посягательство на жизнь, здоровье, свободу или вообще на неприкосновенность Особы Царств. Императора, Императрицы или Наслѣдника, на низверженіе Императора съ престола (ст. 59), на измѣненіе въ Россіи или въ какой-либо части ея образа правленія или порядка наслѣдія престола, на воспрепятствованіе царствующему Государю самодержавно осуществлять права власти верховной, на отторженіе отъ Россіи какой-либо ея части (I ч., 60 ст.),—за приготовленіе къ мятежу, указанному въ ст. 59; за наиболѣе тяжкіе виды измѣны (3 ч. ст. 63) и, наконецъ, за посягательство на жизнь члена Императорскаго Дома (I ч. ст. 77). Въ отличіе отъ дѣйствующаго уложенія, приравнивающаго по наказуемости (смертною казнью) всѣ стадіи развитія преступной воли (даже единый «умыселъ», приготовленіе, покушеніе и оконченное преступленіе) по всѣмъ «преступленіямъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ», а также всѣ виды соучастія и прикосновенности, *проектъ приравниваетъ по наказуемости лишь совершеніе и покушеніе и то только для дѣяній, перечисленныхъ въ ст. 59 и 61, а «приготовленіе»—лишь въ случаѣ, указанномъ во 2 ч. ст. 61* (приготовленіе къ мятежу). Что же касается до соучастниковъ, то въ перечисленныхъ выше статьяхъ проекта нѣтъ указаній на примѣненіе къ нимъ общей статьи (43), опредѣляющей понятіе о соучастіи, изъ чего слѣдуетъ, что пособнику, наприм., «помощь коего была несущественна», наказаніе смягчается въ силу самаго закона, согласно правиламъ ст. 45 «проекта», а тотъ изъ соучастниковъ, который, отказавшись отъ участія въ сообществѣ, принялъ *своевременно* всѣ зависѣвшія отъ него мѣры для предотвращенія преступнаго дѣянія, будетъ совершенно освобожденъ отъ наказанія (5 ч. ст. 43). Такимъ образомъ, проектъ, уменьшая кругъ дѣяній, облагаемыхъ смертною казнью (онъ исключилъ изъ него и такъ называемыя гарантинныя преступленія) и ограничивая условія, заключающіяся въ матеріальномъ же правѣ для ея примѣненія, приближается въ этомъ отношеніи къ лучшимъ изъ новѣйшихъ уголовныхъ кодексовъ (особенно къ германскому), частью даже опередилъ ихъ, такъ какъ не знаетъ смертной казни для тяжкихъ видовъ лишенія жизни. Но онъ идетъ еще дальше ея, руководясь какъ указаніями историческаго опыта въ Россіи, такъ и соображеніями цѣлесообразности, проектируетъ постановленія, суживающія примѣненіе смертной казни другимъ путемъ, именно—*изгятіемъ отъ нея нѣкоторыхъ лишь частью по возрасту, частью по полу*, причемъ нѣкоторыя изъ этихъ постановленій, не встрѣчаясь даже въ лучшихъ изъ европейскихъ законодательствъ, являются шагомъ впередъ, оправдываемымъ исторіей

европейской и особенно русской практики. Такъ, согласно ст. 49 «Проекта», *смертная казнь для несовершеннолетнихъ отъ 17 до 21 года замѣняется во всякомъ случаѣ каторгою на 17 лѣтъ*. Постановленіе, соотвѣтствующее (въ отношеніи къ непримѣненію смертной казни) законодательствамъ Германіи, Австріи и т. п., отражающее законодательство Франціи и исправляющее нашу судебную практику, въ которой, за неполнотою и пробѣлами дѣйствующихъ законовъ, къ наказанію смертію не только *присуждались* лица, достигшія 17 лѣтъ, но иногда и подвергались ему на самомъ дѣлѣ (особенно въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ) эти предположенія проекта, какъ и вся предлагаемая имъ система «замѣны» наказаній для лицъ отъ 17 до 21 года, встрѣчена была сочувственно русскими практиками и особенно германскими учеными, отдававшими этия постановленія проекта *преимущество* предъ германскою системою (напримѣръ, Гольцендорфъ, Гейеръ, Шютце). Были, правда, и возраженія: такъ, г. фонъ-Резонъ (см. «Объясненія», т. I, стр. 532) думаетъ, что ст. 49—«ничѣмъ не оправдывается», такъ какъ «особенности возраста (отъ 17 до 21 года) лишь *могутъ* имѣть значеніе при совершеніи преступленія, а потому *могутъ* быть приняты во вниманіе при опѣнкѣ каждаго даннаго случая, но *неосновательно* утверждать, что эти особенности являются *всегда* и должны быть потому причиною смягченія наказанія ех officio: встрѣчаются «весьма часто» несовершеннолѣтніе, которые не могутъ сослаться въ свое оправданіе ни на одно изъ обязательствъ, указанныхъ комиссіею, и которые, «по степени своей испорченности, не заслуживаютъ никакого снисхожденія»; и самый возрастъ уголовного несовершеннолѣтія (21 годъ)—«слишкомъ поздній»: нерѣдко лица, не достигшія его, находятся уже на государственной службѣ, въ войсѣхъ, и если особенности ихъ возраста не мѣшаютъ имъ исполнять ихъ служебныя обязанности, «то нѣтъ основаній предполагать, что онѣ могутъ быть особымъ препятствіемъ при исполненіи другихъ общественныхъ обязанностей, а слѣдовательно и требованій закона». Но г. фонъ-Резонъ, стоящій въ сущности, на той же точкѣ зрѣнія, которую имѣло въ виду французское законодательство, не знающее возраста абсолютной невмѣняемости, а требующее всегда постановки до 16 лѣтъ особаго вопроса о «discegnement» (наше «разумѣніе»), упускаетъ изъ виду, что: 1) законодатель долженъ имѣть въ виду *среднюю* чловѣка и *обычныя* условія ея развитія, а не случаи совершенно исключительные и во всякомъ случаѣ рѣдкіе, которые имѣетъ г. фонъ-Резонъ; 2) должно поэтому считаться съ указаніями психологіи и судебной психопатологіи, которыя (см., напримѣръ, Крафт-Эбингъ: *Учебникъ судебной психопатологіи*) объясняютъ намъ, что мозгъ чловѣка достигаетъ своего *полнаго развитія* лишь съ истеченіемъ 21 года и психическая дѣятельность, а слѣдовательно и вмѣняемость зависятъ отъ степени развитія психического органа; 3) основное положеніе г. фонъ-Резона исходитъ изъ давно признаннаго несостоятельнымъ ученія римскихъ юристовъ «*malitia suplet aetatem*» (злость дополняетъ возрастъ): чрезвы-

чайныя злодѣйства и порочность юнцевъ — плодъ или ненормальнаго, или психо-физическаго состоянія, или же (чаще всего) отсутствія воспитанія, дурной обстановки и скверныхъ примѣровъ, т.-е. обстоятельствъ, побуждающихъ къ смягченію наказанія, при томъ въ возрастѣ, подающемъ особыя надежды на исправленіе; 4) примѣненіе къ нимъ высшей, притомъ жестокой, невознаградивой кары (смертной казни) не встрѣчаетъ сочувствія въ обществѣ (даже въ простонародіи), а между тѣмъ законодатель, какъ вѣрно указалъ проф. Сергѣевскій въ своемъ *Учебникѣ*, можетъ руководиться «ad legem ferendam» народными воззрѣніями, когда дѣло идетъ о тяжести наказанія, т.-е. онъ не долженъ вносить въ законъ кары, явно претящія народу, признаваемыя имъ за жестокія и чрезмѣрныя. Въ противномъ случаѣ онъ рискуетъ тѣмъ, что суды (даже коронныя) будутъ обходить законъ и, избѣгая примѣнять его, нарушать его авторитетъ. Мы лично идемъ даже дальше проекта и поддерживаемъ мысль, высказанную нами еще въ 1883 году въ нашихъ замѣчаніяхъ на *Проектъ* (см. *Сводъ замѣчаній*, т. III, стр. 458), въ которыхъ мы предлагали *узаконить для примѣненія смертной казни особый повышенный возрастъ совершеннолѣтія* (въ 25 лѣтъ), съ обязательною замѣною этого наказанія въ возрастѣ отъ 11 до 25 лѣтъ—безрочною каторгою. Единновременно и совершенно самостоительно ту же мысль высказали и чины ставропольскаго окружнаго суда (*Объяск. ред. ком.*, т. I, стр. 531), полагавшіе не примѣнять смертной казни до 30 лѣтняго возраста. Основанія къ тому выдвинуты нами слѣдующія: смертная казнь, какъ невозстановимое и непоправимое лишеніе высшаго блага (жизни), можетъ быть терпима лишь по отношенію къ лицамъ *сполнъ зрѣлымъ и установившимся, безусловно опаснымъ*; это наказаніе примѣняется у насъ къ государственнымъ преступленіямъ, т.-е. къ такимъ именно, въ которыхъ увлеченіе, дурныя вліянія, преувеличенная вѣра въ свои силы, самонадѣянность и порывистость, при недостаточно развитой критической способности, односторонности и поверхностности знаній, столь распространенныя до наступленія зрѣлаго возраста, играютъ роль факторовъ, побуждающихъ къ ихъ совершенію и указывающихъ на неподлую зрѣлость и вмѣстѣ съ тѣмъ и не безусловную опасность этихъ лицъ. Съ наименьшимъ основаніемъ *изъясняетъ Проектъ* (съ ст. 50 и 51) *отъ смертной казни лицъ обоего пола, достигшихъ 70 лѣтъ* (съ замѣною ея поселеніемъ), *а также женщинъ всякаго возраста* (за исключеніемъ преступленія, указаннаго въ ст. 59 *Проекта*). Оба постановленія (см. т. I, стр. 533—537) не встрѣчаются въ иностранныхъ законодательствахъ. «Близость естественной смерти, оканчивающей всѣ земныя разсчеты», не допускаетъ, по мнѣнію комиссіи, примѣненія къ лицамъ достигшимъ 70 лѣтъ смертной казни». Это соображеніе встрѣчаетъ рѣшительнаго противника въ лицѣ г. фонъ-Резона, находящаго, что старость, не удерживающаяся отъ совершенія тяжкаго преступленія, несмотря на близость естественной смерти и на массу жизненнаго опыта, воспользовавшаяся, быть-можетъ, вліяніемъ, которое дають ему годы и опытъ, чтобы вовлечь въ преступленіе лю-

дей молодых и пылких, что такая старость не должна считаться обстоятельством, уменьшающим вину (возражают против непримѣненія къ нимъ смертной казни и многіе другіе практики, напримѣръ, сенаторы Люде и Закревскій; см. *ibidem*, стр. 535). Напротивъ того проф. Шютце, Мейеръ, варшавскіе присяжные повѣренные, авторъ настоящей статьи (см. *ibidem*) одобряютъ предположеніе комиссіи. Но мы примаемъ къ взгляду комиссіи по инымъ соображеніямъ и полагаемъ, что если законъ снисходителемъ къ несовершеннолѣтнимъ, т.-е. къ неокрѣпшимъ умственно, физически и нравственно, то *по тѣмъ же основаніямъ* нельзя лишать снисхожденія и людей, находящихся въ томъ возрастѣ, когда всѣ психическія отправления качественно ухудшаются, когда упадаютъ воля и самообладаніе, когда человѣкъ приближается, во многихъ существенныхъ отношеніяхъ къ положенію несовершеннолѣтняго, именно благодаря количеству прожитыхъ имъ лѣтъ. Принявъ же во вниманіе наши русскія условія, вліяющія на психическую и физическую организацію людей, мы рекомендовали даже взять возрастъ въ 65 лѣтъ (см. *Сводъ замѣч.*, т. III, и *Объясн. ред. ком.*, т. I, стр. 535). Что же касается до женщинъ, то *Проектъ*, сводя для нихъ число дѣяній, облагаемыхъ смертною казнью, лишь къ случаямъ, перечисленнымъ въ ст. 59, обосновываетъ освобожденіе лицъ этого пола отъ смертной казни тѣми же соображеніями, которыми комиссія руководилась относительно несовершеннолѣтнихъ (*ibidem*, стр. 535 и 532—533), т.-е. частью отсутствіемъ жизненнаго опыта, частью же страстностью, способностью къ увлеченіямъ и т. д., которыя, исчезая или смягчаясь у мужчинъ съ достиженіемъ зрѣлаго возраста, задерживаются въ женщинахъ на всю жизнь, благодаря особенностямъ ихъ психо-физической организаціи и своеобразной постановкѣ женщины въ общественной средѣ. Не отрицая *нѣкоторой цѣны* за этой аргументаціей, мы полагаемъ (см. подробно мотивиров. мнѣніе наше—*Сводъ*, т. III, стр. 489, и *Объясн. ред. ком.*, т. I, стр. 536 и 537), что главными доказательствами въ пользу совершеннаго притомъ освобожденія женщинъ во всѣхъ случаяхъ отъ смертной казни должны служить соображенія историческія, особенно вѣскія для Россіи, этические и бытовые, коренящіеся въ воззрѣніяхъ народа на жестокость и, вообще, непримѣнимость этого наказанія къ лицамъ женскаго пола. И на западѣ, гдѣ законъ всюду распространяетъ на нихъ возможность примѣненія смертной казни, самые случаи приговора къ ней очень рѣдки. Даже въ Англіи, гдѣ всѣ законы, и особенно уголовные, соблюдаются и приводятся въ исполненіе съ беспощадною жестокостью, судьи избѣгаютъ постановлять смертные о женщинахъ приговоры, присяжные ходатайствуютъ предъ судьей объ испрошеніи предъ верховною властью смягченія приговора, самые же случаи помилованія осужденныхъ женщинъ—сопровождать почти всѣ обвинительныя о нихъ приговоры. Очень долго тамъ не былъ исполненъ ни одинъ смертный приговоръ надъ женщиной, и когда въ 1881 и въ 1894 годахъ казнь была приведена надъ женщинами, то это произвело въ обществѣ цѣлую сенсацію и возбудило даже въ прессѣ общій вопросъ о томъ,

не слѣдуетъ ли совсѣмъ отказаться отъ смертной казни, когда дѣло идетъ о женщинахъ преступницахъ. Во Франціи издавна установился въ присяжномъ судѣ обычай—давать женщинамъ «*circonstances atténuantes*», если же, подъ влияніемъ страсти или раздраженія отъ небывалости преступленія, присяжные отказывали въ признаніи «смягчающихъ обстоятельствъ», то верховная власть выступала на помощь осужденнымъ женщинамъ. Помилуваніе всегда давалось всѣми президентами, начиная съ Тьера, Наполеономъ III, и едва ли казнь Клемансъ Роберъ (въ 40 годахъ) не была послѣднею казнью лица женскаго пола по приговору ассизовъ, среди нормальнаго теченія общественной и государственной жизни. То же замѣчается въ Италіи (за послѣднія 30 лѣтъ до введенія кодекса 1890 г.), въ Пруссіи, и только въ Австріи изрѣдка приводились (въ 60 и 70 годахъ) въ исполненіе смертные приговоры надъ женщинами. Что же касается до Россіи, то вся наша исторія съ Екатерины II можетъ быть резюмирована такъ: *съ нормальномъ порядкѣ и на основаніи общихъ законовъ de jure не исключавшихъ примѣненія этого наказанія къ женщинамъ, послѣднія не подвергались ему даже за политическія преступленія.* Ихъ нерѣдко вѣшали и разстрѣливали во время пугачевщины, но эти факты были результатомъ военнаго положенія и дѣйствія чрезвычайныхъ правилъ и распоряженій среди открытаго мятежа, расправа чинилась почти всегда «*delicto flagrante*», сокращеннымъ порядкомъ, для устрашенія и «примѣра ради». Еще рѣже тоже чрезвычайнымъ порядкомъ казнили иногда женщины и при Александрѣ I, два-три случая разстрѣліянія по приговору военнаго суда можно насчитать и при Николаѣ I; при Государѣ Александрѣ II всѣ женщины, судившіяся военными судами за политическія преступленія, были помилованы, и лишь одна Перовская казнена при Императорѣ Александрѣ III. Нашъ народъ, отчасти подъ влияніемъ этихъ историческихъ антицедентовъ, давно создалъ въ себѣ убѣжденіе, что женщины изъяты у насъ по закону отъ смертной казни и что «такъ и быть должно»; вотъ почему многіе недоумѣвали, какимъ образомъ военный судъ въ Кіевѣ присудилъ (въ 1879 г.) къ казни женщину. Во всякомъ случаѣ извѣстныя физическія, психическія и нравственныя особенности лицъ женскаго пола вызываютъ и оправдываютъ допущеніе особенностей въ отношеніяхъ къ нимъ уголовнаго законодательства, которое не должно быть жестоко и излишне сурово къ мужчинамъ, а тѣмъ менѣе къ женщинамъ. Нѣкоторыя изъ соображеній о нецѣлесообразности этого наказанія вообще получаютъ еще большую силу, когда заходитъ рѣчь о примѣненіи его къ женщинамъ: историческій опытъ указываетъ, что казнь женщинъ производила эффектъ еще менѣе желательный, въ интересахъ общества и государства, чѣмъ исполненіе смертнаго приговора надъ мужчинами, и смерть женщины на эшафотѣ всегда возбуждаетъ сильнѣйшее сожалѣніе въ толпѣ и раздраженіе противъ исполнителей (напримѣръ, казнь Маріи Антуанеты). Даже англичане, далеко не слезливые и не мягкіе по отношенію къ преступникамъ, особенно возмущались казнью женщинъ, а при казняхъ, практиковавшихся во времена

революціи во Франціи и Италіи (послѣ Вѣнскаго конгресса), нерѣдки были случаи, когда толпа бросалась на палачей и пыталась отнять у нихъ жертву. Изъ уголовныхъ же лѣтописей и различныхъ мемуаровъ можно убѣдиться, что сопротивление женщинъ исполненію надъ ними смертнаго приговора или потеря ими присутствія духа на эшафотѣ вызывали въ обществѣ чувства диаметрально противоположныя тѣмъ, вызвать которыя имѣли въ виду законъ и правительство, допустившее исполненіе приговора. Непубличное выполненіе послѣдняго, конечно, *смягчаетъ* это тягостное впечатлѣніе, испытываемое здоровыми элементами общества; но все же свѣдѣнія и слухи о свершившемся, проникающіе въ публику чрезъ лицъ, официально присутствующихъ при казни, преувеличиваемые обыкновенно стоюстою молвой, производятъ весьма зловредный эффектъ. Самостоятельно пришли къ тому же заключенію противъ примѣненія смертной казни къ женщинамъ и нѣкоторыя изъ тѣхъ лицъ, которыя вообще допускаютъ смертную казнь (напримѣръ, чины нижегородскаго окружнаго суда, варшавскіе присяжные повѣренные, петерб. юрид. общество). Изъ нашихъ практиковъ высказались за безусловное примѣненіе къ женщинамъ этого наказанія г. фонъ - Резонъ и гг. сенаторы Люце, Фриде и Закревскій (*Объясн. ред. ком.*, т. I, стр. 537).

Остается еще сказать о тѣхъ процессуальныхъ условіяхъ, которыми обставляли иногда разбирательство преступныхъ дѣяній, угрожаемыхъ смертною казнью, въ видахъ опять же наиболѣе рѣдкаго, тщательно обдуманнаго примѣненія этого наказанія и въ болѣе отдаленныхъ цѣляхъ успѣшнаго приученія и подготовленія какъ общества, такъ и самой власти къ окончательной отмѣнѣ смертной казни.

Начиная съ конца 70-хъ годовъ, въ виду чрезвычайныхъ политическихъ осложненій, пережитыхъ нашимъ отечествомъ, появляются спеціальныя законы (временныя), окончательно вылившіеся въ законодательствѣ 1881 г. (Положеніе объ усиленной и чрезвычайной охранѣ), которое предоставило высшей администраціи право *изъять всякое общее преступленіе* изъ вѣдѣнія обыкновенныхъ судовъ и передать оное сужденію военнаго суда съ примѣненіемъ законовъ воинскихъ (и даже военно-полевыхъ). Благодаря этому, казни *за обыкновенныя* (общія) *преступленія*, совершенныя гражданами лицами и притомъ не въ окраинахъ, а въ центрѣ мирной и спокойной Россіи, стали практиковаться и періодами даже довольно часто. Такъ, напримѣръ, въ 1883 г. въ Харьк. губ. казненъ (въ каторжной тюрьмѣ) нѣкто Юхновъ, а въ 1884 г.—въ самомъ Харьковѣ—нѣкто Бѣлоусовъ содержавшійся въ арестантскихъ отдѣленіяхъ. Оба казнены, по приговору военнаго суда, за убійство младшихъ чиновъ тюремнаго персонала. Желательно не дѣлать впредь такихъ изыатій, которыя ничѣмъ не оправдываются въ мирное время и въ мѣстностяхъ спокойныхъ. Смертная казнь сохраняется по проекту лишь для вышеуказанныхъ государственныхъ преступленій, судиться такія дѣянія будутъ и впредь судебными палатами (съ сословными представителями), особымъ присутствіемъ сената и верховнымъ

уголовнымъ судомъ (въ 3 учрежденія сохраняются и по предположеніямъ судебной комиссіи).

Слѣдовательно, законодатель достаточно обезпечиваетъ примѣненіе смертной казни въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, для которыхъ онъ находитъ это наказаніе полезнымъ и неизбѣжнымъ. Но зачѣмъ же идти дальше и вводить смертную казнь тамъ, гдѣ законъ и жизнь признали ее, послѣ новой и тщательной повѣрки комиссіею, выработавшей «Проектъ», несправедливою и нецѣлесообразною?

Въ нѣкоторыхъ сепаратныхъ вѣмецкихъ кодексахъ первой половины нашего вѣка устанавливалось, во избѣжаніе непоправимыхъ судебныхъ ошибокъ, правило, по которому смертная казнь не могла быть примѣняема къ лицамъ *несознавшимся* въ преступленіи. Такое процессуальное правило наврядъ ли можетъ быть рекомендовано, такъ какъ оно *ухудшаетъ положеніе сознавающихся*, т.-е. лица, проявляющаго нерѣдко большую мягкость характера, меньше испорченности, а иногда и раскаяніе, сравнительно съ упорнымъ, жесткимъ и эгоистическимъ челоуѣкомъ, не ощущающимъ ни сожалѣнія, ни рѣшимости не вводить правосудіе въ заблужденіе. Къ тому же при сознаніи, значеніе котораго весьма относительное (напримѣръ, процессъ рабочаго Райта въ Англии), улики могутъ быть слабы, но ими довольствуются на судѣ именно въ виду сознанія, если только послѣднее не представляется явно неправдоподобнымъ; при отсутствіи же сознанія доказательства бываютъ нерѣдко прямыми и вполне убѣдительными. Практиковалось и другое правило, принятое немногими изъ тѣхъ же сепаратныхъ германскихъ кодексовъ, именно—присужденіе къ смертной казни возбранялось на основаніи однихъ *косвенныхъ* доказательствъ (уликъ); требовались непременно доказательства *прямыхъ* (но не одно сознаніе обвиняемаго). Такой взглядъ почерпаетъ свое происхожденіе изъ теоріи формальныхъ доказательствъ, связывавшихъ судью, при оцѣнкѣ доказательствъ, для опредѣленія законными правилами большаго или меньшаго ихъ совершенства. Съ паденіемъ въ доктринѣ этой теоріи, вытѣсненной свободною судебскою оцѣнкой всѣхъ доказательствъ (по внутреннему убѣжденію), а также въ виду указаній судебного опыта, опирающагося и на логику уголовного процесса, придающаго все большее значеніе такъ называемымъ уликамъ, вышеуказанное правило, весьма трудно примѣнимое къ суду присяжныхъ, потеряло значительную часть своего кредита, хотя нельзя совершенно отрицать возможности его примѣненія въ томъ коронномъ судѣ, который будетъ исключительно вѣдать у насъ всѣ преступленія, угрожаемая смертною казнью (особое присутствіе сената и судебная палата съ сословными представителями, верховный уголовный судъ). Такой судъ, обязанный *мотивировать* свои приговоры, можетъ раздѣлять и квалифицировать юридическія понятія о различныхъ доказательствахъ,—слѣдовательно, выдѣлять изъ нихъ улики; во избѣжаніе ошибокъ, его можно было бы, конечно, обязать не произносить смертнаго приговора при наличности однихъ уликъ. Но *противъ* принятія этого правила говорятъ другія соображенія: 1) оно введетъ полную *дисгармонію* въ

систему доказательствъ, допускаемую въ судахъ одного государства; 2) можетъ повлечь за собою вопиющія несправедливости: осужденіе однихъ, хотя и при наличности прямыхъ доказательствъ, но во всей ихъ совокупности менѣе убѣдительныхъ сравнительно съ такою полнотою уликъ въ другомъ случаѣ, которая, не оставляя никакихъ сомнѣній въ виновности, вынуждаетъ, однако, ограничиться каторгою для явно виновнаго на ряду съ присужденіемъ къ смерти въ первомъ случаѣ; 3) оно вызоветъ усиленное стремленіе слѣдователей къ полученію признанія обвиняемаго, т.-е. къ извращенію понятія о силѣ доказательствъ и даже злоупотребленія; 4) это правило разрушаетъ весь строй современнаго ученія о доказательствахъ и идетъ въ разрѣзъ съ указаніями опыта, доказывающаго, что большинство сложныхъ и важныхъ дѣлъ строится на косвенныхъ доказательствахъ. Поэтому лучше рекомендовать помилованіе, какъ коррективъ, на случай произнесенія осудительнаго смертнаго приговора всякій разъ, когда верховная власть, по представленію суда или министра юстиціи, убѣдится въ отсутствіи полной убѣдительности уликъ по дѣлу. Хорошій въ принципѣ, но еще весьма мало на опытѣ испытанный способъ къ фактическому уменьшенію казней состоитъ въ узаконеніи извѣстнаго промежутка времени между исполненіемъ приговора и исполненіемъ казни. Такъ, въ штатахъ Мэнъ (съ 1837 г.) и Массачузетсъ (съ 1872 г.) осужденный на смерть долженъ былъ содержаться въ тюрьмѣ 1 годъ, по истеченіи котораго губернаторъ штатовъ рѣшалъ, принявъ во вниманіе свѣдѣнія о поведеніи осужденнаго въ тюрьмѣ, казнить ли его, или замѣнить казнь пожизненнымъ заключеніемъ. Мѣра, принятая въ Мэнѣ, дала хорошіе результаты, и смертная казнь тамъ отиѣнена въ 1876 г., въ Массачузетсѣ же это постановленіе, не давшее особо благопріятныхъ итоговъ, отиѣнено въ томъ же году. На указанную мѣру въ литературѣ и законодательствахъ обратили слишкомъ мало вниманія, между тѣмъ какъ она заслуживаетъ, въ нашихъ глазахъ, обдумыванія. Противъ нея можно представить серьезныя замѣчанія, что она тяжела для преступника, если онъ, долго томясь въ тюрьмѣ, мучается въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія своей участи; она ослабляетъ также быстроту репрессивъ, столь необходимую для психологическаго воздѣйствія на общество, ожидаемаго отъ примѣненія смертной казни, и нѣсколько подрываетъ силу и авторитетъ уголовного закона, осуществляемаго долго спустя по совершеніи злодѣянія; если же срокъ «томленія» и ожиданія въ тюрьмѣ слишкомъ кратокъ, то самая мѣра теряетъ свой *raison d'être*. Но и въ пользу ея можно привести аргументы не менѣе вѣскіе: 1) срокъ (годовой) даетъ возможность успокоиться обществу, которое можетъ требовать казни подъ вліяніемъ страсти и возбужденія, выйти за предѣлы строго объективной оцѣнки дѣятеля и дѣянія; 2) онъ же открываетъ возможность *изученія* приговореннаго преступника и спокойнаго, болѣе правильнаго рѣшенія вопроса о степени его опасности, надежды, подаваемой имъ на исправленіе; 3) можетъ содѣйствовать открытію и выясненію *новыхъ обстоятельствъ*, доказывающихъ невинность осужденнаго

или чрезвычайную суровость приговора надъ нимъ; эта мѣра особенно важна при осужденіи на основаніи *умикъ* и могла бы съ успѣхомъ служить замѣною предыдущей, болѣе слабой мѣры, практиковавшейся, какъ выше указано, въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ; 4) указанная мѣра приобретаетъ специальную цѣну въ законодательствахъ, удерживающихъ смертную казнь за государственныя преступления, при сужденіи которыхъ, какъ убѣждаетъ въ томъ опытъ всѣхъ временъ и народовъ, судъ, общество и правительство неизбѣжно проявляютъ нѣкоторую страстность и нервность, вредящія правосудію; осужденный имѣетъ не мало шансовъ быть помилованнымъ по истеченіи нѣкотораго времени; хорошо извѣстно, что многіе осужденные на смерть, но успѣвшіе спастись бѣгствомъ или получившіе помилованіе, не только получали впоследствии полную свободу, но и достигали высшихъ должностей. *Понятіе о чисто-политическомъ преступленіи такъ измѣнчиво и условно*, что дѣяніе, сейчасъ тяжело караемое, можетъ весьма скоро обратиться въ дѣяніе средней важности, облагаемое меньшимъ наказаніемъ, а потомъ и въ совершенно безразличное съ точки зрѣнія уголовного закона.

Наконецъ, требованіе *единогласія* или *относительнаго* (условнаго) *большинства голосовъ для юридической силы приговора, осуждающаго на смертную казнь*. Это требованіе исполнимо даже въ присяжномъ судѣ, въ судѣ же коронномъ (съ присоединеніемъ къ нему народнаго элемента или безъ онаго) оно осуществимо безъ всякаго затрудненія. Это правило (о единогласіи), требуемое всегда въ Англіи для законности обвинительныхъ и оправдательныхъ вердиктовъ присяжныхъ, представляющее громадную гарантію для обвиняемаго и всего правосудія, въ *нормальномъ порядкѣ* судопроизводства *не принято* ни въ одномъ изъ континентальныхъ европейскихъ законодательствъ. Но оно введено въ качествѣ корректива къ лишенію обвиняемаго другихъ процессуальныхъ гарантій въ *чрезвычайномъ порядкѣ* судопроизводства, знакомомъ австрійскому уставу подъ именемъ «Standrechtliches Verfahren», который отправляется «Standgericht'омъ». Согласно § 442 этого устава, для присужденія кого-либо указаннымъ судомъ къ смертной казни непремѣнно требуется *единогласіе судей*. Въ томъ же и въ германскомъ уставѣ (1876 — 77 г.) и судъ присяжныхъ, которому подлежатъ въ Австріи и въ Германіи дѣла по преступленіямъ, влекущимъ за собою смертную казнь, долженъ, для дѣйствительности утвердительнаго рѣшенія *главнаго вопроса* о виновности, произносить вердикты $\frac{2}{3}$ голосовъ (8 изъ 12); но такое большинство требуется по всякимъ дѣламъ, хотя бы и не влекущимъ за собою смертную казнь.

Оставляя здѣсь въ сторонѣ споръ о достоинствахъ системъ единогласія относительнаго или абсолютнаго большинства голосовъ для законности судебныхъ приговоровъ по существу вопроса о виновности, мы полагаемъ все же, что требованіе *единогласія* можетъ быть *vera ratum* вполнѣ оправдано и рекомендуемо какъ по отношенію къ разрѣшенію вопроса о виновности, такъ и по вопросу о примѣненіи наказанія по всѣмъ дѣламъ, гро-

звучимъ присужденіемъ къ смертной казни. Требованіе единогласія: 1) не только не противорѣчить основаніямъ современнаго процесса, конечной цѣли его (*in concreto*)—найти истину въ дѣлѣ и охранить правовой порядокъ (*in abstracto*) и въ частности условіямъ для постановленія приговора, но, скорѣе вытекая изъ нихъ, даетъ лучшія гарантіи обвиняемому и твердые устои приговору справедливому и цѣлесообразному; это требованіе получаетъ наибольшій смыслъ и выдающееся значеніе, когда дѣло идетъ о признаніи виновности и о возможности присужденія къ смертной казни, которая, выражаясь въ лишеніи самаго высшаго и дорогаго блага, не даетъ возможности исправить возможные судебныя ошибки; 3) съ нимъ легко примирится совѣтъ юриста и обыкновеннаго гражданина даже въ томъ случаѣ, когда единогласія не требуется законодателемъ при осужденіи по всѣмъ другимъ преступленіямъ, не влекущимъ за собою смертной казни; и, наконецъ, единогласіе приговора по такимъ дѣламъ, успокоивая общество, уменьшаетъ необходимость для власти прибѣгать къ пользованію правомъ помилованія; невозможно отрицать справедливость и цѣлесообразность этого права вообще, но, во всякомъ случаѣ, пользованіе имъ всюду почти сопряжено съ характеромъ случайности, а въ нѣкоторыхъ государствахъ даже съ произволомъ (наприм. въ Англіи) или съ злоупотребленіями (въ Соедин. Штатахъ Сѣв. Америки).

В. П. Даневскій.

Земледѣліе и горнозаводская промышленность въ Россіи.

О кризисѣ, переживаемомъ въ настоящее время землевладѣніемъ и земледѣліемъ западной Европы и Россіи, написано уже такъ много, что я не считаю нужнымъ сколько-нибудь подробно останавливаться здѣсь на этомъ предметѣ. Этотъ кризисъ распространяется мало-по-малу и на заокеанскія страны. Еще недавно было опубликовано изслѣдованіе о стоимости производства хлѣба въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, и изъ отвѣтовъ болѣе 25 тысячъ фермеровъ выяснилось, что издержки по обработкѣ акра земли подъ пшеницу не окупаются получаемой съ него выручкой, несмотря на то, что въ этой странѣ, болѣе чѣмъ въ какой-либо иной, машины и орудія, сталь, чугунъ и желѣзо получили полное право гражданства не только въ крупныхъ пшеничныхъ хозяйствахъ фабричнаго типа, но и въ хозяйствахъ небольшихъ фермъ. Проекты вродѣ Каницевскаго, предлагавшаго правительству Германіи монополизировать торговлю хлѣбомъ, высокія пошлины на хлѣбъ почти во всѣхъ странахъ Европы, съ цѣлью поднять сколько-нибудь цѣны на мѣстныхъ рынкахъ, все возрастающая задолженность не только русскаго *), но и европейскаго землевладѣнія, характеризуютъ въ достаточной степени переживаемое нами время. Я не принадлежу къ оптимистамъ и никакъ не могу согласиться съ официальными представителями нашего земледѣлія и финансоваго вѣдомства, утверждающими, что настоящій кризисъ можно считать уже окончившимся. Само собою разумѣется, что временное повышение цѣнъ на хлѣбъ еще ровно ничего не доказываетъ, а за послѣдніе 2 — 3 года не произошло ровно никакихъ измѣненій въ условіяхъ производства хлѣбовъ, на основаніи которыхъ можно было бы дѣлать такія оптимистическія заключенія. За послѣднія 25 лѣтъ хлѣбъ сдѣлался товаромъ мирового рынка. Нѣтъ въ настоящее время ни одного мѣсяца въ году, въ продолженіе котораго не происходила бы гдѣ-нибудь на земномъ шарѣ уборка хлѣба и не грузили бы огромныхъ размѣровъ

*) задолженность русскаго землевладѣнія возрастаетъ на 60 милліоновъ рублей въ годъ.

корабли для перевозки его туда, гдѣ, по полученнымъ по телеграфу свѣдѣніямъ, благодаря мѣстному недороду или какимъ-либо инымъ мѣстнымъ условіямъ, цѣны на хлѣбъ нѣсколько повысились. Все болѣе и болѣе развивающаяся сѣть желѣзныхъ дорогъ даетъ возможность быстро снабжать хлѣбомъ внутренніе рынки, и результатомъ этого является, во-первыхъ, постепенное уравненіе цѣнъ на хлѣбъ на главныхъ хлѣбныхъ рынкахъ и, во-вторыхъ, постепенное ихъ паденіе. Если мы примемъ цѣны единицы вѣса хлѣба въ Англіи равными 100, и сравнимъ между собою цѣны на хлѣбъ, по отношенію къ англійскимъ, французскія, германскія и русскія, то получимъ слѣдующую табличку *):

Въ десятилѣтіе.	Англія.	Германія.	Франція.	Россія.
1850—59 г.	100	84	95	61 (1852—1861)
1860—69 »	100	85	96	75 (1862—1871)
1870—79 »	100	93	103	77 (1872—1881)
1880—88 »	100	111 (1881—84)	129	78 (1882—1888)

Для иллюстраціи движенія цѣнъ на хлѣбъ я приведу здѣсь лишь новѣйшія Германскія данныя **), какъ наиболѣе характерныя, ибо Германія, какъ извѣстно, систематически ограждала свое сельское хозяйство высокими ввозными пошлинами. За 1,000 кг. пшеницы платили въ Гамбургъ (безъ пошлинъ):

въ 1873—75 г.	214,20 марокъ.
» 1876—78 »	211,90 »
» 1881—85 »	189,40 »
» 1886—90 »	152,70 »
» 1891—95 »	149,80 »

За 1,000 кг. ржи, ввозимой въ Гамбургъ изъ южныхъ портовъ Россіи, платили (безъ пошлинъ):

въ 1870 г.	165 марокъ.
» 1875 »	149 »
» 1880 »	176 »
» 1885 »	118,7 »
» 1890 »	127,30 »
» 1895 »	89,50 »

Эти цифры настолько краснорѣчивы, что нѣтъ, кажется, надобности дѣлать къ нимъ какія-либо поясненія. Всемирное производство хлѣба и міровой рынокъ для него создали такія условія, при наличности которыхъ цѣны на хлѣбъ опредѣляются стоимостью производства его не при наиболѣе худшихъ, а, наоборотъ, при наилучшихъ условіяхъ. Создать

*) См. статью автора въ *Journal des Economistes*. 1891, № 4. *Du prix de revient des principales céréales en Russie et en Allemagne*.

**) Общая сводка движенія цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты въ Германіи сдѣлана проф. Конрадомъ въ первомъ дополнителномъ томѣ извѣстнаго словаря государственныхъ наукъ, издава. подъ его редакціей подъ словомъ *Agrikrisis in Deutschland*. См. мою замѣтку въ *Русск. Вид.* 1896 г., № 42.

такія «наилучшія условія производства» является вопросомъ жизни и смерти сельскаго хозяйства каждой изъ странъ, конкурирующихъ между собою на всемірномъ рынкѣ. Тѣ крупныя меліорационныя работы, которыя предпринимаются все интенсивнѣе и интенсивнѣе разными государствами, стремятся именно къ созданію такихъ условій. Всѣ онѣ имѣютъ цѣлью доставить возможность земледѣлію возможно больше и полнѣе использовать даровыя силы природы, получить возможно больше продукта при возможно меньшей затратѣ труда и капитала, или, говоря простымъ языкомъ, удешевить производство.

Приспособить производство къ условіямъ рынка—очень трудная задача вообще, а въ сельскомъ хозяйствѣ въ особенности. Дѣло въ томъ, что цѣны на хлѣбъ, устанавливающіяся на всемірномъ рынкѣ, совершенно независимо отъ воли единичнаго сельскаго хозяина, имѣютъ, тѣмъ не менѣе, громадное значеніе для всей системы единичнаго хозяйства. Чѣмъ больше онѣ падаютъ, тѣмъ меньшая возможность оказывается у единичнаго хозяина затрачивать необходимые капиталы въ свое хозяйство, а капиталы, затраченные ранѣе, тѣмъ менѣе возстановляются, и мало-по-малу страна бѣднѣетъ. Эта бѣдность выражается очень наглядно: громадныя пространства остаются невспаханными, постройки разрушаются, инвентарь—какъ живой, такъ и мертвый—становится все хуже и хуже, а это ведетъ за собою еще большій упадокъ въ технику хозяйства, на которую, въ такія времена, казалось бы, всего болѣе слѣдовало бы обращать вниманія. Вотъ, въ общихъ чертахъ, тѣ соображенія, которыя, думается мнѣ, таились въ глубинѣ души всѣхъ тѣхъ сельскихъ хозяевъ, которые, собравшись на торгово-промышленный съѣздъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, такъ единодушно ходатайствовали передъ правительствомъ *объ удешевленіи ихъ капиталовъ*, ибо чугунъ, сталь, желѣзо, сельско-хозяйственныя орудія и машины—*это капиталы* *) сельскаго хозяина и притомъ,—я не боюсь высказать эту мысль,—гораздо болѣе важныя для русскаго сельскаго хозяина, чѣмъ денежныя. Вѣдь, главный русскій сельскій хозяинъ—крестьянинъ—не столько нуж-

*) Для многихъ, а въ томъ числѣ и для меня, остались неясными слова г. министра финансовъ С. Ю. Витте, сказанныя имъ на обѣдѣ, данномъ ему всероссійскимъ купечествомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, во время съѣзда. Г. министръ сказалъ: „что еслибы по вопросу о томъ, какими путями при посредствѣ покровительства достигнуть удешевленія продуктовъ, съѣздъ разсуждалъ цѣлый годъ, то и тогда онъ не сказалъ бы ничего такого интереснаго, чтобы я (т.-е. г. министръ) не нашелъ у себя дома, въ своей библиотекѣ. Есть, однако, вопросы недавняго происхожденія, о которыхъ ничего нѣтъ въ книгахъ: такъ, наприм., когда говорятъ, что при свободномъ доступѣ иностраннаго товара продуктъ дешевѣетъ, упускаютъ изъ вида, что за этотъ дешевый продуктъ платитъ Россія, а получаетъ за граница, и что, такимъ образомъ, устанавливается постоянно дѣйствующій насосъ, откачивающій капиталы изъ Россіи за границу“ (цитирую по *Южно-русской сельско-хозяйственной газетѣ* 1896 г., № 38). Что разумѣлъ г. министръ подъ терминами „товаръ“, „продуктъ“ и „капиталъ“—ясно. Продуктъ можетъ быть, какъ извѣстно, и товаромъ, и капиталомъ, и предметомъ потребления.

дается въ деньгахъ для веденія своего хозяйства, сколько въ землѣ и орудіяхъ производства, такъ какъ онъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, не пользуется наемнымъ трудомъ.

Хозяева, собравшіеся на съѣздѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ, вычислили, сколько лишнихъ денегъ приходится переплачивать на пудъ зерна или на десятину обрабатываемой земли, благодаря пошлинамъ на желѣзо, сталь, чугуны, сельско-хозяйственные орудія и машины. Какъ ни интересны эти вычисления, но они, относясь по преимуществу къ хозяйству владѣльческому, имѣютъ, на мой взглядъ, гораздо меньшее значеніе, чѣмъ тотъ безотрадный и уже много разъ констатированный фактъ, что нашъ главный земледѣлецъ — крестьянинъ, благодаря дороговизнѣ чугуна, стали, желѣза, сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ, обусловливаемой высокою пошлиной на нихъ лежащею, очень мало покупаетъ эти необходимые для него предметы (капиталы) и, что несмотря на наши колоссальныя минеральныя богатства, несмотря на безпощадное истребленіе лѣсовъ, наша родина въ желѣзный XIX вѣкъ остается все еще деревянною и съ этимъ же названіемъ начнеть и XX столѣтіе.

Изъ европейскихъ странъ только въ одной Италіи количество потребляемаго однимъ жителемъ страны чугуна меньше, чѣмъ въ Россіи, а именно—0,8 пуда, тогда какъ въ Россіи 1,06 пуда и только въ Испаніи и Италіи количество выплавляемаго на одного жителя чугуна меньше, чѣмъ въ нашей родинѣ, а именно: въ Испаніи—0,53 пуда, въ Италіи—0,02 пуд., а въ Россіи—0,66 пуд. Эти цифры могутъ быть названы прямо ничтожными, если сравнить ихъ съ цифрами количества потребляемаго и выплавляемаго чугуна въ другихъ. Такъ, Великобританія выплавляетъ 12 пуд. чугуна на жителя, а потребляетъ 4,5 пуд., Бельгія—выплавляетъ 7,4 пуд., потребляетъ 6,6 пуд., Германія—6,9 пуд. и 5,4 пуд., Соединенные Штаты Америки—6,0 пуд. и 6,8 пуд., и только во Франціи количество выплавляемаго и потребляемаго однимъ жителемъ чугуна спускается ниже 4-хъ пудовъ (3,0 и 3,4). Если имѣть въ виду, что съ окончаніемъ постройки Сибирской желѣзной дороги Россія займетъ первое мѣсто въ мірѣ по абсолютной длинѣ желѣзнодорожнаго пути, а также принять во вниманіе, что громадная часть чугуна, выплавляемаго въ Россіи, равно какъ и привозимаго въ видѣ его производныхъ—желѣза и стали—идетъ на удовлетвореніе потребностей обрабатывающей промышленности и военнаго и морского дѣла, то станетъ очевиднымъ, что количество «сельскаго» чугуна и его производныхъ въ Россіи крайне ничтожно и, при расчетѣ на одного жителя, выразится не въ доляхъ пуда, а фунта.

Профессоръ Менделѣевъ, въ рѣчи своей, сказанной на-минувшемъ 19-го-промышленномъ съѣздѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ защиту покровительственныхъ пошлинъ на чугуны, желѣзо, сталь и сельско-хозяйственные орудія и машины, вспомнилъ, между прочимъ, старый афоризмъ, то «страна только тогда вырабатываетъ свою экономическую независимость, когда въ ней всякія отрасли промышленности развиваются». Современныя

экономистъ, знакомый съ явленіями такъ называемаго общественнаго раздѣленія труда, не согласится, пожалуй, съ этой кажущейся истиной и скажетъ, что въ наше время говорить объ «экономической независимости страны» слѣдуетъ съ очень большою осторожностью. Уже давно отошла въ область исторіи та связь, которая сближала потребителя съ производителемъ, когда, благодаря отсутствію путей сообщенія и замкнутости производства въ предѣлахъ отдѣльныхъ группъ и корпорацій, каждая страна жила своею особою, національною экономическою жизнью. Всемирный рынокъ, о которомъ мы съ полнымъ правомъ говоримъ въ концѣ XIX вѣка, гораздо болѣе вліяетъ на все большую и большую дифференціацію производства не только въ отдѣльныхъ хозяйствахъ, но и въ хозяйствахъ цѣлыхъ странъ и врядъ ли ради какой-то проблематической «независимости» можно въ самомъ дѣлѣ серьезно настаивать на необходимости развитія «всякой» отрасли промышленности въ каждой странѣ. Но несомнѣнно должно настаивать на развитіи той отрасли промышленности, которая ведетъ къ наиболѣе выгодному использованию тѣхъ даровыхъ благъ, которыя имѣются подъ руками въ каждой странѣ. Чѣмъ богаче страна такими даровыми природными благами, использование которыхъ составляетъ цѣль той или иной промышленности, тѣмъ умѣстнѣе въ ней и развитіе соответствующей промышленности, ибо при такихъ благоприятныхъ условіяхъ она можетъ производить и наиболѣе *дешево*. Не въ экономической независимости страны заключается, слѣдовательно, вопросъ, а въ дешевизнѣ ея произведеній.

Я не сомнѣваюсь въ томъ, что въ нашемъ отечествѣ даны всѣ условія для развитія желѣзной промышленности. Мы богаты и рудами превосходнаго качества, и минеральнымъ топливомъ, и даже, несмотря на хищническое пользованіе лѣсами, и древеснымъ топливомъ. По словамъ такого компетентнаго писателя, какъ г. Кулибинъ, наиболѣе крупныя и производительныя мѣсторожденія желѣза «имѣютъ выходы на поверхность земли и разрабатываются обширными открытыми работами». По словамъ этого же изслѣдователя, кромѣ богатѣйшихъ уральскихъ и криворожскихъ мѣсторожденій желѣза, руды этого рода встрѣчаются въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, но главнымъ образомъ въ видѣ озерной руды, залегающей на днѣ озеръ слоями до 1 аршина толщиною, а также желѣзнаго блеска и бураго магнитнаго желѣзняка—на сѣверѣ Россіи. «При обиліи лѣсовъ и рабочихъ рукъ,—говоритъ г. Кулибинъ,—эти условія являются весьма благоприятными для развитія здѣсь горнаго промысла, чему способствуетъ также масса озеръ и рѣчекъ, облегчающихъ доставку грузовъ и, вмѣстѣ съ водоппадами, дающихъ возможность пользоваться даровою силой для заводскихъ цѣлей» *). Но я не имѣю въ виду излагать здѣсь географію рудныхъ богатствъ Россіи. Для моихъ цѣлей важно отмѣтить лишь фактъ ихъ налич-

*) Ст. *Производительныя силы Россіи*. Изд. министерства финансовъ, подъ ред. В. И. Ковалевскаго. Отд. VII, стр. 23—27.

ности, а также фактъ наличности другихъ благоприятныхъ условий, при которыхъ эти богатства, казалось бы, могли бы быть эксплуатируемы съ полнымъ успѣхомъ на благо всего населенія.

Сельскихъ хозяевъ Россіи часто упрекаютъ въ излишней теоретичности ихъ разсужденій, и такой упрекъ можетъ быть сдѣланъ въ особенности мнѣ, не столько практическому сельскому хозяину, сколько профессиональному теоретику. Чтобы избѣжать этого упрека, я не стану задаваться вопросомъ, почему наша обрабатывающая промышленность вообще, а желѣзная въ частности, такъ запоздала въ своемъ развитіи по сравненію со своей старшей сестрой — западно-европейской обрабатывающей промышленностью. Мы можемъ себя утѣшить тѣмъ, что за послѣднее 25-лѣтіе мы шагали гигантскими шагами въ этой области. Защитники идей протекціонизма нашей промышленности утверждаютъ, что не что иное какъ охранительныя пошлины были причиной такого роста. Я не думаю, чтобы ростъ промышленности могъ быть доказанъ лишь однимъ фактомъ существованія охранительныхъ пошлинъ, но готовъ признать, что охрана отечественнаго производства умѣренными пошлинами можетъ содѣйствовать росту мѣстнаго производства, и потому пошлины играютъ свою роль въ числѣ боге глубокихъ причинъ, обуславливающихъ развитіе промышленной дѣятельности страны. Но я снова впадаю въ область общихъ вопросовъ, «а все же хорошо извѣстно, — говоритъ въ своемъ докладѣ только что окончившемуся съѣзду горнопромышленниковъ горный инженеръ Авдаковъ, — что когда противникамъ пошлинъ приходится доказывать вѣрность своихъ взглядовъ, они игнорируютъ факты и дѣйствительность, удаляясь въ область бога общихъ отвлеченныхъ разсужденій» *). Обратимся же къ «фактамъ и дѣйствительности» и посмотримъ, находится ли наше желѣзное дѣло въ такомъ положеніи, что требованіе пониженія пошлинъ на чугуны, желѣзо, сталь и сельско-хозяйственныя орудія и машины «все равно, что ломать фундаментъ дома, прочно построеннаго, но не подведеннаго подъ крышу, — какъ образно выражается г. Авдаковъ, поясняя: — ибо, очевидно, тогда весь домъ рухнетъ...» **)

Самые горячіе противники пониженія пошлинъ на интересующіе насъ матеріалы и предметы не отрицаютъ, что русская желѣзная промышленность находится въ настоящее время въ блестящемъ положеніи. «Наиболѣе вѣрнымъ показателемъ успѣховъ желѣзной промышленности въ странѣ, — говоритъ г. Булибинъ, — служить, какъ извѣстно, выплавка чугуна — этого основнаго въ желѣзномъ производствѣ продукта, изъ котораго, путемъ дальнѣйшей его металлургической переработки, выдѣлывается какъ желѣзо, такъ и сталь».

Изъ таблички, приводимой г. Булибинымъ, видно ***) , что въ 1880 году

*) Ст. *Горнозаводская промышленность и земледѣліе* — горнаго инженера Авдакова, стр. 5.

**) Ibid., стр. 9.

***) Op. cit., стр. 23.

въ Россіи было выплавлено 28.418,339 пудовъ чугуна, въ 1885 г.—32.205,504 пуд., въ 1890 г.—56.560,074 пуд. и въ 1894 г. (по свѣдѣніямъ *Вѣстника Финансовъ*)—80.144,415 пуд., или, другими словами, за истекшія 14 лѣтъ производство чугуна увеличилось въ Россіи почти въ 3 раза (2,7 раза), въ нѣкоторыхъ же районахъ производства, а въ особенности въ южномъ, оно увеличилось болѣе чѣмъ въ 15 разъ. По даннымъ того же г. Кулибина *), ростъ производства желѣза и стали виденъ изъ нижеслѣдующихъ цифръ: въ 1880 г. было приготовлено на заводахъ имперіи 17.830,521 пуд. желѣза и 18.761,098 пуд. стали, въ 1885 г.—22.117,284 п. желѣза и 11.776,277 п. стали, въ 1890 г.—26.445,545 п. желѣза и 23.102,797 п. стали и въ 1893 г.—30.384,610 п. желѣза и 38.626,551 п. стали. Такимъ образомъ за 13 лѣтъ, съ 1880 по 1893 г., производство желѣза возросло на 70%, а стали—на 106%.

Производство стали идетъ быстрѣе, чѣмъ производство желѣза. Это объясняется тѣмъ, что заводы за послѣднее время были завалены заказами по изготовленію стальныхъ рельсовъ,—съ одной стороны, а съ другой стороны замѣною стали и литымъ желѣзомъ, такъ называемаго пудлинго-сварочнаго желѣза. Насколько велика дѣятельность заводовъ по изготовленію рельсовъ, видно изъ нижеслѣдующихъ цифръ, относящихся къ 1893 году. Производство стали велось на 48 заводахъ Россіи, которые въ общей сложности дали 38.626,551 пудъ стали и литаго желѣза въ болванкахъ и отливкахъ. Изъ части полученнаго металла было прокатано 7,8 мил. такъ назыв. сортовъ и полосы; 2,8 мил. котельныхъ и другихъ листовъ и 14,0 мил. пуд. рельсовъ. Если прибавить къ послѣдней цифрѣ еще 1,9 мил. пудовъ стали, изъ которой были изготовлены колесные бандажи, такъ окажется, что заводы наши работаютъ сталь главнымъ образомъ на желѣзнодорожное хозяйство страны и, обезпечивъ себя выгодными заказами, производятъ относительно меньшую часть стали для другихъ потребностей народнаго хозяйства.

Въ особенности «неприспособленными», по выраженію автора статьи *Очерки южно-русской металлургической промышленности*, печатающейся въ *Вѣстникѣ Финансовъ*, къ удовлетворенію торговаго рынка потребными для него сортами желѣза и стали оказываются южные заводы. «Коренное назначеніе этихъ послѣднихъ,—продолжаетъ пирируемый авторъ,—удовлетворять не рынокъ съ его сложными потребностями, а желѣзнодорожное строительство». «Вслѣдъ за удовлетвореніемъ желѣзнодорожныхъ потребностей, производительность заводовъ стремится удовлетворить потребности быстро развивающейся въ настоящее время на югѣ фабрично-заводской промышленности, на долю же собственно рынка остается ничтожное количество». Сдѣлавъ весьма остроумный расчетъ количества желѣза и стали, потребляемыхъ югомъ Россіи, и сопоставивъ полученную цифру (13 милліоновъ пудовъ) съ количествомъ металла здѣсь производимаго, авторъ

*) Ibid., стр. 29.

этихъ интересныхъ очерковъ приходитъ къ выводу, что южные заводы едва ли въ состояніи удовлетворить $\frac{1}{4}$ часть потребленія, даже если не принимать въ расчетъ до $\frac{1}{2}$ милл. пудовъ мѣстнаго продукта, уходящаго за предѣлы юга *).

Нѣтъ надобности говорить о томъ, что наша желѣзно-дорожная сѣть еще далеко не закончила своего развитія и что пройдетъ еще много лѣтъ, пока полотно желѣзной дороги пройдетъ черезъ наши глухія мѣстности Европейской Россіи, не говоря уже о Сибири. Желѣзно-заводчики могутъ быть, слѣдовательно, покойны. Заказами на рельсы и другія принадлежности желѣзно-дорожнаго хозяйства они еще долго обезпечены. Но они уже беспокоятся.

Несмотря на постоянное повышеніе, съ 1884 года, пошлины на сталь, желѣзо и чугуны, достигшихъ размѣра отъ 60 к. до 1 р. 70 к. (золотомъ) для желѣза и 2 р. (золотомъ) для стали и стальной проволоки по тарифу 1891 года, ввозъ иностраннаго чугуна, стали, желѣза и машинъ (пошлина на послѣднія значительно выше указанной, см. ниже) не только не уменьшался, но постоянно увеличивался. Уменьшился, но не превратился, несмотря на пошлины, только ввозъ сырого чугуна.

Чтобы не загромождать этой статьи цифрами, ограничусь приведеніемъ лишь нижеслѣдующихъ данныхъ, заимствуя ихъ изъ *Вѣстника Финансовъ*:

Въ 1893 году выплавлено чугуна въ Россіи . . .	70 мил. пуд.
ввезено въ сыромъ видѣ	9,7 м. п.
ввезено въ видѣ издѣлій и машинъ	21,7 » »

Всего потреблено . . . . . 102,4 м. пуд.

Въ 1894 году выплавлено	80,1 мил. п.
ввезено въ сыромъ видѣ	9,4 » »
ввезено въ видѣ издѣлій и машинъ	38,0 » »

Итого потреблено . . . . . 127,6 мил. п.

Изъ этой таблички видно, что потребленіе чугуна увеличилось въ Россіи *въ одинъ годъ* болѣе чѣмъ на 25 мил. пудовъ. Сопоставленіе отдѣльныхъ цифръ таблички между собою съ ясностью обнаруживаетъ, что увеличеніе ввоза происходитъ главнымъ образомъ за счетъ русскаго производства издѣлій и машинъ. И понятно: русскіе желѣзно-заводчики производятъ главнымъ образомъ стальные рельсы и, обезпечивъ себя выгодными казенными заказами, игнорируютъ интересы сельскихъ хозяевъ. Это подтверждается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что производство желѣза въ Россіи, абсолютно возрастая, относительно падаетъ. Приведенныя данныя достаточно характеризуютъ положеніе нашей горнозаводской промышленности. Съ точки зрѣнія торговца, оно можетъ быть названо блестящимъ. Но, быть можетъ, эта промышленность требуетъ особой поддержки въ видѣ пошлины потому, что нужны еще особыя жертвы для привлеченія въ эту область капиталовъ, даже иностранныхъ, если для этой цѣли не хватаетъ

*) *Вѣстникъ Финансовъ* 1896 г., № 49.

національныхъ. На этотъ вопросъ должны были бы отвѣтить цифрами и «фактами дѣйствительности» защитники покровительственныхъ пошлинъ, заявляющіе, что представителямъ земледѣлія прежде, чѣмъ требовать снятія пошлинъ на эти металлы (т.-е. чугуны, желѣзо и сталь), по всей справедливости слѣдовало бы детально рассмотреть въ данное время развитіе и направленіе желѣзной промышленности *). О развитіи, какъ кажется, сказано достаточно, о направленіи этой промышленности мы поговоримъ ниже, а пока позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о доходности этихъ предпріятій. Какъ извѣстно, промышленныя предпріятія, обязанныя отчетностью, обложены 5% государственнымъ налогомъ и отчеты ихъ публикуются въ *Вѣстникъ Финансовъ*. Средняя цифра дивиденда, получаемого акціонерами горнозаводскихъ предпріятій, не достаточно характеризуетъ ихъ выгоды по той простой причинѣ, что она, какъ мы увидимъ сейчасъ, является цифрой довольно фиктивной. Чтобы судить о доходности этихъ предпріятій, приходится обратиться къ самимъ отчетамъ. Это очень скучное дѣло, но оно даетъ весьма любопытные и иногда неожиданные результаты. Вотъ на удачу взятыя цифры изъ отчетовъ этихъ предпріятій: Коломенскій машино-строительный заводъ выдалъ въ 1895 году 16% на акціонерный капиталъ, 30 тысячъ рублей въ видѣ вознагражденія правленію и 60 тыс. руб. въ пользу учредителей общества. Общество машино-строительнаго и чугунно-литейнаго завода Рузскій и Ко выдало 17% акціонерамъ и 24,787 р. 87 к. правленію. Общество Брянскаго рельсопрокатнаго, желѣзо-дѣлательныхъ и механическихъ заводовъ имѣетъ 70,875 акцій по 100 рублей каждая; 54,000 акцій первыхъ 6 выпусковъ получали 30 рублей на акцію, а остальные по 8 руб. Въ Волынской губерніи есть небольшой чугунно-литейный и желѣзо-дѣлательный заводъ Денешевскаго товарищества. Въ 1895 году въ немъ было выплавлено 82,554 пуд. чугуна и выдѣлано 10,910 пуд. желѣза, и 372 пуда такъ - назыв. «обрѣзковъ». Изъ отчета этого завода мы узнаемъ, что пудъ чугуна обошелся ему за всѣми расходами въ 49,58 коп., желѣзо—1 р. 35 к. и обрѣзковъ—1 р. Продавалъ же заводъ свои издѣлія по такимъ цѣнамъ: пудъ чугуна отъ 75 до 80 коп., пудъ желѣза—1 р. 66 к. и пудъ обрѣзковъ—1 р. 20 к. Но доходы заводовъ, подобныхъ послѣднему, совершенно блѣднѣютъ передъ доходами болѣе крупныхъ, хорошо организованныхъ предпріятій. Вотъ, напримѣръ, выдержки изъ протокола общаго собранія акціонеровъ Новороссійской компаніи каменноугольнаго, желѣзнаго и рельсоваго производствъ съ ограниченной отвѣтственностью. Эта компанія имѣетъ правленіе въ Лондонѣ, управленіе въ Петербургѣ и предпріятіе въ Новороссіи. Общее собраніе акціонеровъ происходило въ Лондонѣ 7 мая 1895 года. Капиталъ общества составляютъ 6,000 акцій по 50 фунтовъ стерлинговъ каждая, изъ коихъ 35 привилегированныхъ. Общество имѣетъ ссуду отъ русскаго императорскаго правительства, какъ кажется, очень льготную, выплачиваемую

*) См. *Адамовъ*; *Op. cit.*, стр. 9.

полугодовыми платежами въ продолженіе 16 лѣтъ. Привожу дословную выписку изъ названнаго выше протокола, представляющую изъ себя и довольно любопытный образчикъ стили и порядка составленія отчетовъ «русско-иностранныхъ» предпріятій. Общее собраніе акціонеровъ постановило, что «дивидендъ въ размѣрѣ 7½% за вычетомъ подоходнаго налога по привилегированнымъ акціямъ компаніи подлежитъ и назначается къ уплатѣ 13 іюня, составляя вмѣстѣ съ предварительнымъ (?) дивидендомъ, уплаченнымъ 15 ноября 1894 года, полные 15% привилегированнаго дивиденда за годъ, окончившійся 12 января 1895 года, что дивидендъ, въ размѣрѣ 17½% свободный отъ подоходнаго налога, подлежитъ и симъ назначается по обыкновеннымъ акціямъ компаніи, состоявшимъ на 12 января 1895 года, что съ предварительнымъ дивидендомъ въ размѣрѣ 7½%, уплаченнымъ по обыкновеннымъ акціямъ 15 ноября 1894 г., составляетъ дивидендъ въ 25% на обыкновенныя акціи за годъ, оканчивающійся 12 января 1895 года».

Приведенныя цифры достаточно краснорѣчивы, и тѣмъ не менѣе онѣ еще не соответствуютъ «фактамъ и дѣйствительности», въ незнаніи которыхъ г. Авдаковъ упрекаетъ сельскихъ хозяевъ. Какъ извѣстно, иностранные капиталы играютъ выдающуюся роль въ нашей горнозаводской, въ особенности южной горнозаводской промышленности. По сообщенію *Вѣстника Финансовъ*, изъ существующихъ здѣсь предпріятій чисто русскихъ можно назвать только два: Сулинскій заводъ Пастухова и Александровскій Брянскаго общества. Прочія же или принадлежатъ цѣликомъ иностранцамъ, или въ перемежку съ русскими. Такъ заводъ Новороссійскаго общества (Юза), о доходахъ котораго было только что упомянуто, принадлежитъ англичанамъ и, само собою разумѣется въ Англии, а не въ Россіи остаются дивиденды акціонеровъ этого завода. Гданцевскій заводъ принадлежитъ французамъ, Днѣпровскій южно-русскаго общества — бельгіяцамъ (главный акціонеръ Кокеркиль), дружковскій донецкаго общества — французамъ, Донецко-Юрьевскій — официальные владѣльцы гг. Алчевскій и Гербертцъ, фактически же одна — германская фирма (Гютте?). Изъ строящихся и проектированныхъ Волынцевскій заводъ — русско-бельгійскій, Мариупольскій — францужско-американскій, таганрогскій — французскій и т. д. «Обширная полоса Новороссіи вмѣстѣ съ Донецкимъ бассейномъ въ предѣлахъ развитія горной и горнозаводской промышленности буквально застраивается новыми рудниками, заводами и фабриками», пишетъ въ *Вѣстникѣ Финансовъ* горный инженеръ Авдаковъ. «Успѣхи, сдѣланные желѣзною промышленностью въ періодъ времени съ 1886 по 1896 г., вызвавшіе въ свою очередь быстрый подъемъ промышленности каменноугольной, продолжаетъ онъ далѣе, — обратили на себя вниманіе капиталистовъ, особенно иностранныхъ, которые подобно бурному потоку полились на югъ Россіи съ 1894-го и особенно съ прошлаго года».

Но... бурные потоки бываютъ разрушительны. Вмѣстѣ съ крупными камнями — въ данномъ случаѣ высокими дивидендами иностранныхъ акціонеровъ, они, эти бурные потоки, часто смываютъ и плодородныя почвы —

народнаго благосостоянія. «Бурный потокъ» иностранныхъ капиталистовъ врядь ли озабоченъ развитіемъ этого благосостоянія. Это дѣтели минуты и, читая ихъ скучные и запутанные отчеты, можно убѣдиться въ этомъ. Вотъ, напримѣръ, выдержки изъ отчета правленія южно-русскаго металлургическаго общества за 1894—5 годъ. Основной капиталъ общества равенъ 5 м. р., а облигаціонный 2.364,350 р. Имущество общества, т.-е. земля, жилые дома, заведенія, строенія, машины и «устройство», стоило 8.826,000 р. Прибыль общества за 1894—5 годъ равнялась 3.650,000 р. Изъ этой суммы отчислено «въ погашеніе» имущества 1.156,000 р. и выдано дивиденда послѣ разныхъ «отчисленій» 6% обыкновеннаго (?) и 24% дополнительнаго (?). Въ 1895—6 операционномъ году чистая прибыль этого общества равнялась уже 5.011,790 р. 22 к., дивидендъ акціонерамъ былъ выданъ въ размѣрѣ *сорока* процентовъ, 635,014 руб. было отчислено «въ погашеніе», а управляющій дѣлами общества получилъ скромную цифру вознагражденія въ размѣрѣ... 92,303 р. 27 к.

Цивиль-листъ многихъ владѣтельныхъ князей Западной Европы оказывается скромнѣе, чѣмъ годовое вознагражденіе нѣкоторыхъ управляющихъ заводами въ Россіи... А вотъ неугодно ли другой примѣръ!

Общество Островицкихъ чугуно-плавильныхъ и желѣзо-дѣлательныхъ заводовъ (предпріятіе въ Радомской губ.). Основной капиталъ одинъ милліонъ рублей. Прибыль общества за 1895—96 годъ равна 812,383 руб. 89 к., т.-е. болѣе 80% на основной капиталъ (конечно, акціонерный). Изъ этой суммы вычтено 10% на погашеніе стоимости машинъ, аппаратовъ и другого движимаго (?) имущества, 5% на погашеніе стоимости строеній и другого недвижимаго имущества, 5%—въ запасный капиталъ, 5%—государственнаго налога и передано въ распоряженіе общаго собранія акціонеровъ 621,473 р. Изъ этой суммы общее собраніе постановило: уплатить 30% на акцію въ видѣ дивиденда; выдать въ видѣ вознагражденія членовъ правленія, дирекціи и служащихъ (?) общества 132,295 р., а изъ остальныхъ 189,178 р.—35 тыс. перечислить въ спеціальныи запасный и страховой капиталы и 154,178 р. 96 к. предоставить въ распоряженіе правленія для введенія усовершенствованій.

Надъ приведенными цифрами стоить задуматься. Онѣ показываютъ, что помимо колоссальныхъ дивидендовъ и всякихъ «отчисленій», производимыхъ акціонерами, послѣдніе ведутъ дѣло такъ, чтобы *погасить* свои основные капиталы въ какія-нибудь 10—15 лѣтъ, послѣ которыхъ можно, если то окажется выгоднымъ, просто бросить предпріятіе. А они и не пахали и не сѣяли, эти акціонеры, но за то очень обильно собираютъ въ житницы.

«Въ короткое время,—читаемъ мы въ интересной статьѣ горнаго инженера Авдакова, напечатанной въ *Вѣстникѣ Финансовъ*, цѣна на угольные земли (въ южной Россіи) со 100—150 руб. за десятину дошла до 200—300 и даже 400 руб. за десятину. Есть случаи продать по 500—600 р. за десятину. Подъемъ цѣвъ на угольныхъ земляхъ поднялъ цѣнность и неугольныхъ: прежде по 75—100 р. за десятину, нынѣ стоятъ 150—

200 р., а участки удобные для постройки завода или фабрики покупаются по 300, 400, 500 р. за десятину. Промышленное настроеніе приняло во всѣ слои населенія юга Россіи, отодвинувъ на второй планъ другіе интересы», — заключаетъ свое повѣствованіе цитируемый авторъ. Онъ рукоплещетъ этому настроенію и совершенно упускаетъ изъ виду, что «промышленное настроеніе» это развилось какъ разъ въ періодъ наибольшаго угнетенія хлѣбнаго рынка, въ тѣ годы, когда Россія переживала всѣ послѣдствія неурожая 1892 года, когда, слѣдовательно, покупательными силами населенія были въ величайшей степени ослаблены и требовалось усиленное напряженіе ихъ для восполненія тѣхъ милліоновъ, которые были затрачены для спасенія населенія отъ голодной смерти. Есть два термина, получившіе полное право гражданства въ наукѣ и практической жизни. Эти термины — спекуляція и грюндерство. Справедливо утвержденіе, что когда явленія, называемыя только что приведенными терминами, появляются на спокойной нивѣ народнаго хозяйства, то кликъ: *savant consules* — болѣе чѣмъ умѣстенъ, ибо благодаря этимъ явленіямъ все народное хозяйство получаетъ нездоровое направленіе... Приливъ иностранныхъ капиталовъ въ Россію сталъ усиливаться въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ иностранцы, убѣдившись въ миролюбивой политикѣ прошлаго царствованія, получили гарантію прибыльности помѣщенія капиталовъ въ Россію, благодаря ея покровительственной политикѣ. Какъ люди образованные и умные, иностранцы обратили свое вниманіе на рудныя богатства Россіи, и нельзя было не привѣтствовать въ первое время этихъ образованныхъ техниковъ, явившихся сюда во всеоружіи знанія и показавшихъ нашимъ «литейного и желѣзнаго дѣла мастерамъ», какъ слѣдуетъ строить заводы и вести предпріятія. Еслибы не охранительная политика, то, безъ сомнѣнія, приливъ капиталовъ изъ-за границы въ Россію былъ бы гораздо болѣе умѣренъ. Но за то и разработка нашихъ рудныхъ богатствъ не имѣла бы характера хищническаго, какой она, какъ то видно изъ сказаннаго, не замедлила принять. Установился взглядъ, что руда, содержащая въ себѣ менѣе 50% желѣза — руда негодная, и ее заваливаютъ непригодными породами. Всѣ почти южныя заводы, возникшіе въ предѣлахъ Донецкаго каменно-угольнаго бассейна, питаются криворожскою рудою и въ то же время до сихъ поръ еще точно не знаютъ, надолго ли хватитъ этой руды. Основываются новыя предпріятія, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, акціонерныя, въ мѣстностяхъ, въ которыхъ по условіямъ доставки руды и топлива веденіе предпріятія успѣшнымъ образомъ прямо сомнительно *). Охранительная пошлина даетъ возможность отчислять такія суммы въ «погашеніе», при

*) Въ органѣ нашего министерства финансовъ напечатано между прочимъ слѣдующее: „Въ Польшѣ руда небогата содержаніемъ желѣза, а угля (коксованнаго) пригоднаго для доменной плавки совсѣмъ нѣтъ. Самое возникновеніе большинства польскихъ заводовъ было вызвано искусственными мѣрами нашей таможенной политики“ (*Вѣстникъ Финансовъ*, 1896 г., № 48). О двандендахъ и прибыляхъ польскихъ заводовъ этого рода было сказано выше.

которыхъ затраченные капиталы быстро возмѣщаются, и тѣмъ самымъ для легкой наживы и спекуляціи открывается обширное поле дѣятельности. Стоитъ только вспомнить биржевую вакханалію, происходившую въ продолженіе 2-хъ послѣднихъ лѣтъ, особенно въ Петербургѣ, вспомнить только, какъ искусственно вздувались акціи металлургическихъ предпріятій, чтобы не раздѣлить оптимистическаго взгляда г. Авдакова относительно «промышленнаго настроенія», охватившаго всѣ слои населенія юга. Это не «промышленное настроеніе», скажемъ мы, а биржевая спекуляція и грюндерство. Свѣдѣнія о послѣднемъ рѣдко попадаютъ въ печать. Осторожный *Вѣстникъ Финансовъ* приводитъ однако нѣсколько примѣровъ. Такъ «въ одномъ изъ южныхъ городовъ,—журналъ не сообщаетъ, къ сожалѣнію, названія города,—строится паровозный заводъ.

«Акціи этого завода, какъ это въ большинствѣ случаевъ водится, быстро начали подниматься въ цѣнѣ съ момента начала постройки, и... основатели дѣла, не достроивъ завода, распродали свои акціи по валовой цѣнѣ и вышли изъ предпріятія. Да и какой резонъ этимъ «грюндерамъ» вести предпріятіе, когда можно, вздуть цѣны акцій съ 250 руб. до 412, какъ это было съ акціями Волынцевскаго завода, продать ихъ за эту цѣну и купить ихъ снова за 310. И *Вѣстникъ Финансовъ* признаетъ, что такіе примѣры не единичны. Что же удивительнаго послѣ этого, что и земля какъ угольная, такъ и не угольная начинаютъ быть предметомъ усиленныхъ покупокъ, лишь бы онѣ находились въ районѣ, охваченномъ спекуляціей. Вѣдь одинъ только фактъ владѣнія землею—угольною или неугольною, это все равно—есть, такъ сказать, базисъ всякой спекуляціи *).

Въ изложенному приводить меня изученіе «фактовъ и дѣйствительности» нашей желѣзной промышленности. Если сказанное справедливо, то врядъ ли можно съ чистымъ сердцемъ говорить о томъ, что понизить пошлины на чугунъ, желѣзо и сталь—все равно, что ломать фундаментъ дома, прочно сооружаемаго. На мой взглядъ, понизить пошлины—значить упрочить производство тамъ, гдѣ природныя условія оказываются ему особенно благоприятными, значить прекратить спекуляцію и грюндерство и, главное, удешевить капиталы многомилліонному сельскому населенію страны. «Русскіе люди,—говорилъ проф. Менделѣевъ на сѣздѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ,—одинаково сходятся въ желаніи прогресса своему отечеству. Не только русскіе сельскіе хозяева, но и всѣ другіе сельскіе хозяева, — продолжаетъ знаменитый химикъ, — теперь страдаютъ и находятся въ угнетенномъ со-

*) «Большая доходность южно-русскихъ крупныхъ заводовъ такъ настроила заграничные рынки, что достаточно въ фирму предпріятія вставить слово „донецкое“, „дѣвпровское“, „южнорусское“, „югъ Россіи“, чтобы предпріятіе считалось влиятельнымъ и доходнымъ. Но и русскіе землевладѣльцы уже успѣли заразиться горячкой иностранныхъ предпринимателей. Стоитъ только на участкѣ появиться штейгеру для развѣдокъ, какъ земля въ глазахъ владѣльца пріобрѣтаетъ немовѣрно высокую цѣну. Вѣдь были же случаи, когда угольныя земли продавались чуть не за 1,000 руб. за десятину» (*Вѣстн. Фин.* 1896 г., № 48).

стояніи... Почему это? — Потому, что прежде они пользовались большими барышами, теперь постепенно их уменьшают». Я попросил бы проф. Менделѣева указать мнѣ періодъ, въ продолженіе котораго главная масса нашихъ сельскихъ хозяевъ—крестьяне—пользовались большими барышами? Врядъ ли онъ сумѣетъ сдѣлать это. «Развитіе желѣзной промышленности въ Россіи принимаетъ столь широкіе размѣры, — пишетъ горный инженеръ Авдаковъ, — что въ недалекомъ будущемъ русскій рынокъ будетъ переполненъ русскими металлами и конкуренція удешевитъ цѣны». Такъ ли это? 1 іюля 1884 года пошлина на чугуны равнялась 9 коп. золотомъ съ пуда, 1 марта 1885 г. она была уже равна 12 коп., а 1 марта 1886 г. уже 15 коп. 20 апрѣля 1887 года на чугуны издѣлія необдѣланные наложена была пошлина въ 70 коп., а на обдѣланные—въ 1 р. 40 коп. (золотомъ). Пошлина на чугуны въ штыкахъ, привозимый моремъ, была возвышена до 25 коп., а на привозимый по сухопутной границѣ—до 30. Въ 1891 году послѣдовало увеличеніе этой пошлины еще на 5 коп. За этими мѣрами послѣдовало значительное сокращеніе ввоза чугуна изъ-за границы и увеличеніе выработки чугуна русскими заводами, но въ стоимости чугуна, по компетентному свидѣтельству министерства финансовъ, не послѣдовало никакого уменьшенія,—напротивъ, при громадномъ спросѣ его чугунолитейными и сталелитейными заводами, все время существуетъ стремленіе къ поднятію цѣнъ. Русскимъ механическимъ заводамъ чугуны обходятся въ 2—2½ раза дороже, чѣмъ иностраннымъ, и еще болѣе дороже сельскимъ хозяевамъ. Какія же даютъ намъ гарантіи удешевленія его въ будущемъ?—Ровно никакихъ. А примѣръ другой промышленности, точно также пользовавшейся и пользующейся особымъ покровительствомъ, даетъ возможность дѣлать совсѣмъ иныя предположенія. Когда русскій рынокъ будетъ переполненъ русскими металлами,—это, впрочемъ, будетъ еще не такъ скоро,—русскіе иностранно-подданные заводчики устроятъ между собою картель или, благозвучнѣе, синдикатъ, станутъ вывозить чугуны, желѣзо и сталь за границу, а русскій обыватель будетъ утѣшать себя мыслью о необходимости развитія отечественнаго производства и съ завистью смотрѣть на иностранцевъ, обрабатывающихъ свои поля орудіями и машинами, сдѣланными изъ русскаго металла, подобно тому, какъ въ настоящее время онъ любитъ, какъ свиньи въ Англіи откармливаются дешевымъ тамъ русскимъ сахаромъ *).

Когда говорятъ о пониженіи нашихъ охранительныхъ пошлинъ, противники этой мѣры тотчасъ выставляютъ на первый планъ интересы русскаго рабочаго класса. Я не буду на сей разъ останавливаться на этихъ

*) Въ послѣднее время констатировано, — читаемъ мы въ 1 № *Харьковск. Губ. Видомостей* за 1897 годъ, — что наши крупные заводы сельско-хозяйственныхъ машинъ—Эльвортъ, Липгартъ, Гривевъ, Шварцгофъ, Классенъ, Лепшъ, Вальманъ и др. (все русскія фамиліи!)—находятся въ стачкѣ съ иностранными нѣмецкими заводчиками и, быть можетъ, составляютъ съ ними картель, подобно тому, какъ англійскіе и нѣмецкіе желѣзнодорожники составляютъ одну международную картель».

интересахъ и ограничусь замѣчаніемъ, что въ Россіи заработная плата меньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Таковы «факты и дѣйствительность» нашей горнозаводской промышленности. Вопросъ о пониженіи пошлинъ на чугунъ, желѣзо и сталь не былъ поставленъ, какъ извѣстно, на обсужденіе торгово-промышленнаго съѣзда въ Нижнемъ-Новгородѣ. Министерство финансовъ предложило обсудить вопросъ въ слѣдующей формулировкѣ. «Въ какой мѣрѣ уменьшеніе пошлинъ на сельско-хозяйственные машины и орудія можетъ служить воспособленіемъ интересамъ земледѣлія?» Сколько мнѣ извѣстно, въ представленныхъ съѣзду докладахъ вопросъ и трактовался въ поставленныхъ рамкахъ, но въ силу самыхъ вещей его пришлось расширить во время дебатовъ, и съѣздъ принялъ нижеслѣдующую резолюцію, предложенную проф. Ходскимъ: «дѣйствительность и выставка показали неравномѣрное вліяніе таможеннаго тарифа на разныя отрасли промышленности, особенно неблагоприятное для сельскаго хозяйства; высокія пошлины на чугунъ, желѣзо и сталь являются тормазами сельско-хозяйственнаго развитія; желательное пониженіе пошлинъ на сельско-хозяйственные машины и матеріалы, необходимыя для сельскаго хозяйства».

Полагаю, что харьковскому обществу сельскихъ хозяевъ *) слѣдуетъ вполне присоединиться къ резолюціи нижегородскаго съѣзда и громко заявить объ этомъ. Харьковское общество сельскихъ хозяевъ является до нѣкоторой степени представителемъ сельскихъ хозяевъ южной Россіи, въ которой усовершенствованныя орудія и машины распространены не только среди частновладѣльческаго, но и крестьянскаго хозяйства болѣе, чѣмъ въ какой-либо иной части нашей родины. Можно сказать, что изъ тѣхъ 38,7 мил. таможенной пошлины, которая вносится русскими обывателями за ввозъ въ Россію металловъ и металлическихъ издѣлій, большая уплачена именно южной Россіей. А если подсчитать, сколько лишнихъ денегъ переплачено при этомъ русскимъ производителямъ машинъ и орудій, не могущихъ производить уже потому, что они сами платятъ въ 2 — 2½ раза дороже за необходимыя матеріалы, чѣмъ иностранные производители, такъ станетъ понятнымъ, почему въ сельскомъ быту южной Россіи приходится очень часто мечтать даже о такихъ безобразныхъ въ техническомъ отношеніи орудіяхъ какъ букеръ, или машинахъ — какъ пресловутая жнея-лобогрѣйка. Необыкновенно характерна и поучительна исторія нашего сельскохозяйственнаго машиностроенія. Потребность въ орудіяхъ и машинахъ появилась въ началѣ 60-хъ годовъ въ помѣщичьихъ хозяйствахъ, лишившихся съ отмѣною крѣпостного права даровыхъ работниковъ. Крестьяне продолжали первое время послѣ реформы вести свое патріархальное хозяйство, пользуясь тѣми же орудіями, которыми они обрабатывали свои земли еще въ XVII вѣкѣ. Но съ расширеніемъ желѣзнодорожной сѣти, при необходимости имѣть довольно значительное количество денегъ для уплаты выкуп-

*) Эта статья была прочитана въ видѣ доклада названному обществу.

ныхъ и другихъ повинностей, русское сельское хозяйство быстро превращалось въ денежное. Рядомъ съ этимъ непрерывно возрасталъ ввозъ сельскохозяйственныхъ орудій и машинъ, составляя въ среднемъ за 4-лѣтіе 1869—1872 гг. 259,439 пудовъ въ годъ, за 1873—1876 гг.—566,306 пуд., за 1877—1880 гг.—629,551 пуд. и за 1881—1884 гг.—962,274 пуд. въ годъ. Въ то же время число механическихъ мастерскихъ, занимавшихся частью изготовленіемъ новыхъ орудій и частей ихъ, возросло съ 64 бывшихъ въ 1862 году до 340 въ 1885 году, съ производствомъ, оцѣнивавшимся на сумму 9 милліоновъ рублей въ годъ. Почти на такую же сумму ввозились орудія и машины изъ-за границы, и эти послѣднія служили образцами для русскихъ сельскохозяйственныхъ машино-строителей, въ особенности кустарей.

Казалось бы, что русское сельско-хозяйственное машиностроеніе развивается совершенно правильно, тѣмъ болѣе, что образованныхъ техниковъ въ этой области у насъ не было, какъ нѣтъ и до сихъ поръ; но, начиная съ 80-хъ годовъ, наиболѣе крупныя мастерскія, принадлежащія по преимуществу иностранцамъ, стали осаждать правительство ходатайствами о воспособленіи отечественнаго производства. Первое время имъ не придавали значенія, ибо правительство придерживалось справедливаго взгляда на дѣло министра финансовъ Грейга, находившаго, что наложеніе пошлинъ «смогло бы повлечь за собою возвышеніе цѣнъ на земледѣльческія орудія и машины и обременить наше сельское хозяйство, что едва ли было бы справедливымъ, въ виду увеличивающагося на западномъ рынкѣ соперничества русскимъ земледѣльческимъ продуктамъ». Ламентациі заводчиковъ однако продолжались, и въ 1885 году установлена была пошлина въ размѣръ 50 коп. на пудъ. Насколько непропорціонально пошлинѣ возрасли цѣны, видно изъ слѣдующаго примѣра. Въ 1883 году я купилъ для имѣнія матери моей въ Черниговской губерніи партію плуговъ Сакка, платя за каждый по 28 руб. съ доставкой на мѣсто. Въ 1885 году я уже платилъ за тѣ же самые плуги по 36 руб. А пошлина все возрастала: въ 1887 г. она была повышена до 70 коп., въ 1890 году до 84 коп. Лишь съ 1891 г. начинается ея пониженіе до 70 коп. и по германо-русскому договору до 50 коп. съ пуда. Весьма любопытно, что ввозъ орудій и машинъ изъ-за границы, несмотря на пошлины, не переставалъ возрастать. Такъ въ 1888 г. было ввезено 506 тыс. пуд., въ 1893 г. 791 тыс. пуд. и кромѣ того локомотивей, оплачиваемыхъ пошлиною въ 1 руб. 40 коп. съ пуда, 223 тыс. пудовъ, въ 1894 г.—991 тыс. пуд. и 298 тыс. пуд. локомотивей и въ 1895 году 939,079 пудовъ машинъ и орудій. «Ввозъ орудій и машинъ, говорятъ защитники правительственнаго тарифа—возрасталъ потому, что пошлина слишкомъ мала, собственное же машиностроеніе должно быть развито потому, что «какъ бы ни была хороша машина, но употребленіе ея совершенно невозможно безъ рабочаго, а соотвѣтственныхъ рабочихъ нельзѣ будетъ найти, пока не будетъ существовать собственнаго машиностроенія». Послѣдній аргументъ принадлежитъ покойному Вышнеградскому. О»

можетъ быть принятъ лишь съ большими оговорками: классъ рабочихъ механическихъ мастерскихъ и классъ сельскихъ рабочихъ — имѣетъ между собою мало общаго, и, надо думать, покойный министръ, приводя этотъ аргументъ, не имѣлъ въ виду громаднаго класса рабочихъ землевладельцевъ крестьянъ, все болѣе и болѣе пользующихся завоеваніями техники, въ особенности въ южной части Россіи». «Русское сельско-хозяйственное машиностроеніе, — читаемъ мы въ изданномъ министерствомъ финансовъ *Сборникъ* — «Производительныя силы Россіи», — достигло уже значительнаго развитія въ отношеніи размѣровъ производства, во многомъ уступаетъ, однако, заграничному по отношенію къ качеству своихъ издѣлій. Прежде всего, самыя сложныя по конструкціи машины, каковы: жней, сноповязалки и паровыя молотилки, въ Россіи почти не дѣлаются, а многія и несложныя орудія, каковы, напримѣръ, многолеменные плуги, несмотря на значительность производства ихъ въ Россіи, все-таки привозятся въ огромномъ количествѣ изъ-за границы, и такъ какъ заграничныя орудія продаются дороже (хотя и незначительно) русскихъ копій, то существованіе значительнаго спроса на нихъ можно объяснить разницею въ качествѣ тѣхъ и другихъ. Худшее качество нѣкоторыхъ русскихъ машинъ сравнительно съ иностранными можетъ быть просто (!) объяснено недостаткомъ у насъ хорошихъ техниковъ-машиностроителей, а во второмъ — недостаткомъ тѣхъ высоко-качественныхъ матеріаловъ, которые имѣются въ распоряженіи иностранныхъ заводчиковъ. Производство частей изъ литой стали и ковкаго чугуна, — читаемъ мы далѣе, — у насъ находится еще въ зачаточномъ состояніи. У насъ нѣтъ высоко-сортныхъ древесныхъ матеріаловъ, каковы, напримѣръ, американскій гикори, наконецъ, и общій уровень желѣза, стали и чугуна, употребляемыхъ въ нашемъ машиностроеніи, ниже заграничнаго, и этимъ объясняется тотъ фактъ, что лучшіе заводы наши работаютъ почти исключительно на заграничномъ металлѣ». Такъ написано въ официальномъ изданіи.

Горькій опытъ учить, что таможенное покровительство не создаетъ контингента образованныхъ техниковъ, ибо доставляетъ достаточную выгоду рутинѣ, и отсутствіе порядочнаго желѣза, при наличности всѣхъ условій для развитія желѣзной промышленности, можетъ служить достаточной иллюстраціей вліянія пошлинъ и на иностранныхъ техниковъ, руководящихъ его производствомъ въ Россіи. Не такъ давно въ двухъ высшихъ техническихъ школахъ Россіи открыли каедры сельскохозяйственнаго машиностроенія и насъ утѣшаютъ, что мы быстро двинемся впередъ въ этой области. Давай Богъ! Но неволью приходитъ на память малороссійская пословица, читающаяся въ русскомъ переводѣ такъ: «Пока взойдетъ солнце — роса глаза выѣстъ».

И. Миллашевскій.

Гражданское уложение для Германской империи в связи съ научными и общественными теченіями въ современной Германіи.

Книгѣ, которая издана въ іюль 1896 г. подъ заглавіемъ *Гражданское уложение для Германской имперіи*, предшествовала популярность, какая рѣдко выпадаетъ на долю уже написанныхъ произведеній. Этою популярностью она обязана знаменитой полемической брошюрѣ, съ которою Савиньи въ 1814 году выступилъ противъ Тибо, доказывая, что гражданское уложеніе для Германіи не нужно и не возможно. Время показало, что правъ былъ Тибо; однако, та книга, которая издана теперь, отнюдь не имѣетъ того культурно-историческаго значенія, какое имѣло бы осуществленіе идеи Тибо въ 1814 году. Этотъ гейдельбергскій профессоръ и членъ-корреспондентъ «с.-петербургской комиссіи для составленія уложенія» такъ изображаетъ тогдашнее состояніе Германіи. Нѣмецкіе народы переживаютъ трудное время. Они только-что съ рѣдкимъ самопожертвованіемъ помогли своимъ большимъ и маленькимъ правителямъ снова подняться на развалинахъ наполеоновской имперіи; они съ правомъ могли бы рассчитывать на благодарность своихъ правителей. Но вмѣсто того, чтобы новыми мудрыми гражданскими установленіями обезпечить счастье своихъ подданныхъ, эти правители спѣшаютъ на мѣсто французскихъ законовъ возстановить старыя злоупотребленія. Будущее, въ глазахъ Тибо, мрачно; правителей окружаютъ совѣтчики, принадлежащіе къ подонкамъ націи; вмѣсто мудрыхъ ирропріятій раздаются безтолковыя властныя рѣчи. Тибо не хочетъ политическаго объединенія въ формѣ одного большого государства,—нѣтъ, пусть Германія остается при своемъ дробленіи на маленькія государства, но пусть маленькіе государи не подражаютъ большимъ въ своемъ отчужденіи отъ народа. Единственною гарантіей отъ произвола правителей было бы единое гражданское уложеніе; при этомъ подъ «гражданскимъ» Тибо разумѣетъ также и уголовное право и оба судопроизводства. Единое гражданское уложеніе соединить всю Германію сознаніемъ братства народовъ. Но Тибо не довѣряетъ отдѣльнымъ государямъ; для того, чтобы они не

могли снова отбнить однажды изданное гражданское уложение и восстановить царство произвола, нужно поставить это уложение под торжественную международную охрану великих иностранных державъ. Тибо взываетъ къ лучшимъ изъ нѣмецкихъ государей: «зачѣмъ давать всегда своимъ подданнымъ чувствовать узду и шпоры дурного наѣздника: не лучше ли править спокойно на основаніи твердыхъ законовъ?» Итакъ, мало надѣясь на скорое введеніе обѣщанныхъ представительныхъ формъ правленія, Тибо въ единомъ гражданскомъ уложеніи видѣлъ хартію противъ деспотизма нѣмецкихъ правителей. Интересы *гражданскаго оборота* стояли для него на второмъ планѣ.

То гражданское уложение, которое должно вступить въ дѣйствіе 1 января 1900 года, преслѣдуетъ по необходимости болѣе скромныя задачи, чѣмъ идеальное уложение Тибо. Нѣмцы уже пользуются политической свободой; культурное объединеніе—фактъ совершившійся. Не народы навязываютъ теперь гражданское уложение своимъ государямъ, а, наоборотъ, имперія, спѣша вколотить послѣдніе гвозди въ зданіе германскаго политическаго единства, вводитъ новое уложение и въ такихъ частяхъ страны, какъ Западъ, гдѣ дѣйствуетъ Code civil, и гдѣ въ перемѣнѣ кодекса не нуждаются. Это уложение не является результатомъ національнаго воодушевленія, какимъ было бы уложение Тибо: оно всецѣло—плодъ политическаго расчета; и хотя многіе патріоты торопились возвести проектъ уложения на степень закона именно въ юбилейный годъ имперіи, но обнародованіе уложения такъ же мало свидѣтельствовало о народномъ воодушевленіи, какъ флаги въ дни воспоминаній о событіяхъ оффиціальной исторіи. Гражданское уложение является только послѣдовательнымъ законодательнымъ актомъ въ ряду другихъ имперскихъ законовъ, объединившихъ торговое, конкурсное, морское, авторское, патентное, уголовное и друг. права, и гражданское и уголовное судопроизводства. Задача новаго уложенія объединить основы гражданскаго порядка—вещное обладаніе, обязательства, семейный строй и наследованіе. Оно предназначено устранить тѣ неудобства, съ которыми приходится до сихъ поръ считаться гражданскому обороту въ Германіи, благодаря чрезвычайной пестротѣ юридическихъ нормъ, дѣйствующихъ на ея протяженіи. Чтобы получить хотя бы приблизительное представленіе о томъ, что такое Германія въ смыслѣ разнообразія нормъ гражданскаго права, пусть читатель вообразитъ себя на воздушномъ шарѣ и съ высоты, съ которой деталей не видно, смотрящимъ на Германію въ поискахъ только нормъ гражданскаго права; она напомнитъ ему старый коверъ, спи-тый изъ нѣсколькихъ большихъ полосъ, неровныхъ и краями своими заходящихъ одна въ другую. Въ средней, длинной и широкой, полосѣ дѣйствуетъ современное римское или пандектное право, какъ извѣстно, реципированное здѣсь съ XV вѣка; на востокъ тянется широкая полоса прусскаго ландрехта; между обѣими лежитъ клинъ саксонскаго права; а на западѣ раскинулась полоса французскаго права. Приблизившись затѣмъ настолько, чтобы видѣть и детали, зритель найдетъ западную полосу французскаго

права и саксонскій клинъ по-прежнему сплошными и однообразными, но въ двухъ большихъ полосахъ пандектнаго и прусскаго права (въ нихъ живетъ 76% населенія имперіи) его поразить обиліе доскутъевъ, изъ которыхъ эти полосы составлены. Въ полосу пандектнаго права онъ насчитываетъ 30 большихъ доскутъевъ (мелкіе можно не считать); частью это заплата, которая наложена была на коверъ; частью это—куски подкладки, которая вылезла наружу. Какъ образецъ права, которое выбилось наружу сквозь реципированное римское право, назовемъ ютландское право 1240 г.; какъ примѣръ партикулярнаго права, которое легло поверхъ реципированнаго римскаго права, назовемъ баварскій кодексъ 1756 г. На востокѣ, на прусскомъ коверѣ, можно насчитать 16 большихъ доскутъевъ; лучшимъ примѣромъ мелкаго кусочка, который мы оставили внѣ этого счета, можетъ служить Берлинъ, гдѣ наследственные отношенія между супругами определяются не прусскимъ ландрехтомъ 1794 года, а законами курфюрста Іоахима 1527 года. Въ общемъ на пространствѣ всей Германіи дѣйствуетъ болѣе 100 различныхъ правъ. Понятно, какимъ бѣдствіямъ должны подвергаться граждане въ странѣ, политически и въ особенности экономически объединенной, благодаря тому, что обыкновенно называютъ «коллизіей законовъ», а часто также благодаря полной недоступности источниковъ права для не специалистовъ, такъ какъ эти источники или написаны на латинскомъ или французскомъ языкахъ, или коренятся въ обычаяхъ и прецедентахъ, живущихъ преимущественно въ сознаніи старыхъ юристовъ-практиковъ. Теперь пестрота нормъ для основъ гражданскаго порядка прекращается. Мы говоримъ только для основъ, потому что кодификаторы оставили нерегулированными множество отношеній, также входящихъ въ сферу частнаго права; здѣсь не мѣсто разбирать, когда они руководились мудрымъ благоразуміемъ, которое препятствуетъ повальному нивелированію всѣхъ сложныхъ явленій жизни, какъ въ аракеевскихъ поселеніяхъ, и когда они только останавливались предъ внѣшними препятствіями, живымъ партикуляризмомъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ,—какъ бы то ни было, но помимо такихъ отношеній, которыя будутъ еще регулированы въ недалекомъ будущемъ (страховой и издательскій договоры), уложеніе составляетъ массу отношеній для дальнѣйшаго нормированія со стороны терригоріальныхъ законодательствъ: горное, водное право, охоту, рыбную ловлю, экспроприацію, выкупъ сервитутовъ, положеніе домашней прислуги; въ общемъ, въ законѣ «о введеніи уложенія въ дѣйствіе», который изданъ одновременно съ уложеніемъ, болѣе 100 §§ посвящено этимъ изъятіямъ.

Изъ внѣшней исторіи кодификаціи намъ необходимо отмѣтить некое число фактовъ. Уложеніе составлялось болѣе 20 лѣтъ, съ 1874 г. Первоначально надъ его составленіемъ работали одни юристы, теоретики и практики. Въ 1888 году эта первая коммиссія выпустила проектъ уложенія. Критика завладѣла проектомъ, разобрала его во всѣхъ подробностяхъ и осудила его. Тогда учреждена была вторая коммиссія уже не изъ однихъ юристовъ, но также изъ представителей всѣхъ отраслей промы-

ленности и торговли и теоретической экономии. Эта комиссия занялась пересмотром проекта; она работала уже не въ тиши кабинета, а при ближайшемъ участіи критической литературы; всё ея предположенія тотчасъ же печатались во всеобщее свѣдѣніе, подвергались немедленному обсужденію въ странѣ, а критическія замѣчанія принимались во вниманіе комиссіею при дальнѣйшихъ чтеніяхъ. Въ 1895 г. составлена была вторая редакція проекта. Она подверглась нѣкоторой передѣлкѣ въ союзномъ совѣтѣ, и въ началѣ 1896 года послѣдній внесъ въ парламентъ проектъ въ третьей редакціи. Послѣ перваго чтенія въ рейхстагѣ проектъ перешелъ въ руки парламентской комиссіи изъ депутатовъ всѣхъ политическихъ партій; послѣ четырехмѣсячной работы парламентская комиссія представила свои замѣчанія рейхстагу; въ іюнь 1896 года рейхстагъ во второмъ чтеніи обсудилъ проектъ союзнаго совѣта въ связи съ замѣчаніями своей комиссіи и предложеніями меньшинства, принялъ проектъ въ третьемъ чтеніи, и Германія получила гражданское уложение. Мы привели эти внѣшніе факты потому, что имъ соотвѣтствовалъ порядокъ наслоенія тѣхъ вліяній, которыя отразились на уложеніи. Сперва шла работа чистой юриспруденціи романистическаго направленія; затѣмъ (во 2-й комиссіи) воздѣйствіе экономическихъ интересовъ и юриспруденціи германистическаго направленія, счеты съ социальнымъ движеніемъ, вліяніе политики и общественнаго мнѣнія; далѣе, въ комиссіи при союзномъ совѣтѣ, преимущественно одностороннее вліяніе политическихъ соображеній; наконецъ, въ парламентѣ и въ его комиссіи—совокупное вліяніе разнообразныхъ силъ и компромиссы.

Точка зрѣнія, на которую мы становимся для ознакомленія читателя съ новымъ уложеніемъ, иная, чѣмъ на какой стоитъ извѣстная намъ до сихъ поръ нѣмецкая критическая литература. Мы имѣемъ въ виду не ту литературу комментаріевъ, литературу ножницъ и клея, которая заполонила прилавки книгопродавцевъ послѣ того, какъ уложеніе стало закономъ; мы имѣемъ въ виду ученую литературу, которая вся относится ко времени до обсужденія проекта въ рейхстагѣ,—литературу *de lege ferenda*. И здѣсь насъ не интересуеетъ литература практическихъ юристовъ, которые предпочитали какое-нибудь уложеніе никакому, а сочиненія юристовъ-теоретиковъ. Тонъ этой литературѣ задалъ еще въ 1888 году профессоръ Отто Гирке. Имя этого ученаго достойно перейти въ исторію въ связи съ уложеніемъ, хотя онъ не принималъ никакого участія въ работахъ комиссій,—главнымъ образомъ, какъ примѣръ смѣлаго, убѣжденнаго протеста противъ господствующаго теченія. Гирке до послѣдней минуты не переставалъ писать, что принятіе проекта, хотя бы въ исправленномъ видѣ, будетъ національнымъ несчастьемъ. Проектъ, однако, принять; но и борьба Гирке не прошла безслѣдно. Не только измѣнены отдѣльныя постановленія, но и то, что написано или сказано апологетами проекта, прямо или косвенно, удачно или неудачно, направлено противъ Гирке. Въ короткихъ словахъ, критика Гирке сводилась къ тому, что хотя проектъ представляетъ блестящее

произведение ученой юриспруденции, образец юридической техники, но, как действующий закон, он не годится, потому что, во-первых, он недоступен пониманию масс, благодаря своей отвлеченности (наприм., в первой редакции проекта «отца» и «матери» не было, а был только абстрактный «носитель родительской власти»); во-вторых, он игнорирует идеи национального германского права и насвободу пропитан римскими идеями, и, в-третьих, в нем отсутствуют социальные идеи, т.-е. отражение того, что человек и в сфере гражданского права не стоит изолировано от общества, а связан интересами отдельных сограждан и всего общества. То же в сущности Гирке говорил и о проекте в окончательном его виде. Нужно признать, что защитники проекта более удачно отпарировали только обвинение в презрении к германизму; здесь, действительно, Гирке во многом увлекался своими вкусами, как специалист в области истории германского права. Упреки в отвлеченности принять кодификаторами, по видимому, как заслуженный, но неизбежный, а на обвинение, что проект свидетельствует о манчестерском направлении его составителей, последние отвечали ссылкой на несколько постановлений, восящих «социальный» характер; при этом апологеты проекта, в свою очередь, впадали в другую крайность и преувеличивали значение этой «социальности» норм, как еслибы ими разрешался социальный вопрос. Гирке упрекал кодификаторов также в отсутствии творчества, т.-е. в неумении отыскать оригинальные формы для жизненных отношений. Свою задачу кодификаторы сводили к тому, чтобы выбрать из поля юридических развалин камни для новой постройки, констатировать народившееся путем судебной практики право и удовлетворить определенную потребность; они отрицали свою обязанность идти навстречу будущему. Требование последнего рода высказано было проф. Антоном Менгером в его книге *Об уложении и немощных классах*; он формулировал те требования, которым должен был бы удовлетворять проект, еслибы его составители приняли во внимание совершающееся в Германии перемещение общественных сил; но его критика не могла оказать влияния на работы комиссии и только в парламенте она вооружила несколькими аргументами часть борцов.

Гражданское уложение теперь—закон. Критика его de lege ferenda окончена и в Германии; общая критика de lege lata мало интересна для нас, русских, потому что нам на практик с ним не придется считаться. В предлагаемом очерке германское гражданское уложение рассматривается исключительно как научно-литературное произведение, в котором откровенно отразились важные стороны современной немецкой культуры. С помощью этого произведения будущий историк сумеет набросать яркую картину того переходного состояния, в котором находился общественный порядок Германии в конце XIX в. Мы хотим попытаться антиципировать эту работу будущего историка. С этой точки зрения характерны черты германского уложения всего лучше выступают при сопоставле-

его съ Code civil. Разница между обоими кодексами можетъ быть рельефно выражена такъ, какъ отношеніе между венеціанскими произведеніями Джіовани Беллини и римскими фресками Микель-Анжело. Джонъ Рёскинъ говоритъ по поводу двухъ Мадоннъ Беллини: «прежде всего, картины нарисованы красками безусловно прочными и не подверженными порчѣ; позолота на нихъ не настоящая, а сдѣлана красками; и, тѣмъ не менѣе, живопись настолько солидна, что 400 лѣтъ прошли надъ нею, а она не испытала никакихъ измѣненій. Но затѣмъ фигуры на этихъ картинахъ изображены въ состояніи безусловнаго покоя. Движеніе отсутствуетъ; даже маленькіе ангелы играютъ и поютъ безъ усилій и безъ перерывовъ, такъ же спокойно, какъ парки сидятъ за своею пряжей. Таковы существенныя условія величайшаго искусства—прочная и безошибочная техника и ясность въ покоѣ и дѣятельности». Если съ этимъ критеріемъ обратиться къ сикстинскимъ фрескамъ Микель-Анжело, то полное отсутствіе ясности въ покоѣ (наприм. Кумская Сивилла), страстныя движенія, искаженныя страданіями души или тѣла—лица и торсы и, прежде всего, непрочность полинявшихъ красокъ, заставятъ усомниться въ томъ, чтобы Рёскинъ своимъ опредѣленіемъ далъ канонъ для *всѣхъ* великихъ произведеній искусства. Съ той точки зрѣнія, на которую мы становимся для оцѣнки германскаго уложенія, Code civil напоминаетъ намъ картины Беллини, германское уложеніе—фрески Микель-Анжело. Прежде всего языкъ. Правило, что движимыя вещи предполагаются собственностью того, кто ими владѣетъ, Code civil выражаетъ съ гениальною лаконичностью, которая, какъ рѣзецъ на деревѣ, оставляетъ слѣдъ въ воспоминаніи: «En fait de meubles la possession vaut titre». Теперь посмотримъ то же правило въ нѣмецкомъ уложеніи: «Zu Gunsten des Besitzers einer beweglichen Sache wird vermuthet, dass er Eigenthümer der Sache sei», и тремя строками ниже опять: «Zu Gunsten eines früheren Besitzers einer beweglichen Sache wird vermuthet, dass er während der Dauer seines Besitzes Eigenthümer gewesen sei». На языкѣ красокъ—опредѣленіе блѣдное или выцвѣтшее. Но оставимъ внѣшность. У творцовъ Code civil было въ запасѣ нѣсколько идей, которыя ярко освѣщали имъ путь; на первомъ планѣ—*égalité* и *liberté*: равенство *всѣхъ* передъ закономъ, свобода собственности и договоровъ. Такихъ ясныхъ идей у новыхъ кодификаторовъ нѣтъ; ко всякому утвержденію примѣшивается доза скептицизма. Отрицать равенство и свободу столѣтіе спустя послѣ французской революціи никому не придетъ въ голову; но воодушевленіе давно исчезло и вѣра давно поколебалась. Мы увидимъ сейчасъ въ подробностяхъ, что сталося съ идеей равенства въ тѣхъ отношеніяхъ, гдѣ она однажды уже была формулирована; замѣтимъ мимоходомъ, что въ принципѣ кодификаторы и не могли дать всеобъемлющей формулы: на представителей аристократическихъ родовъ уложеніе распространяется только съ изытіями. Идея свободы въ концѣ XIX в., послѣ того, какъ темныя стороны экономической свободы дали себя знать, также не могла больше воодушевлять кодификаторовъ. Отсюда—свобода въ принципѣ, ограниченіе ея на практикѣ; огра-

ничение слѣва въ интересахъ экономически-слабыхъ, но и ограниченіе справа въ интересахъ старыхъ историческихъ образованій (въ частности въ сферѣ поземельныхъ отношеній, тогда какъ Code civil нѣзависимыхъ сословныхъ различій между имуществами не знаетъ). Откуда это различіе между Code civil и германскимъ уложеніемъ? Объясненіе подъ рукою: Code civil написанъ въ эпоху, когда обломки стараго общественнаго строя затопила могучая волна, вынесшая на поверхность третье сословіе; далеко, далеко начиналось колыханіе водъ: четвертое сословіе еще не играло политической роли. Оттого Code civil носить отпечатокъ ничѣмъ не омраченныхъ идеаловъ третьяго сословія. Теперь видъ исторической поверхности другой; надвигается новая волна: четвертое сословіе въ Германіи, благодаря всеобщему обязательному обученію, всеобщей подачѣ голосовъ и всеобщей воинской повинности выросло и составляетъ силу, которая вступила въ борьбу за преобладаніе. Приходится укрѣплять позицію. Консервативный депутатъ, одинъ изъ докладчиковъ парламентской комиссіи, Бухка, говорилъ въ рейхстагѣ: «Настало трудное время: политическая атмосфера насыщена социальнымъ порохомъ; труднѣйшія экономическія задачи не рѣшены, глубокая рознь между нѣмцами единоплеменниками съ каждымъ днемъ становится глубже, и мы, наконецъ, больше не понимаемъ другъ друга. Въ такое время, думаю я, дважды и трижды необходимо обезпечить намъ тѣ блага и пріобрѣтенія, которыя составляютъ общее и неотъемлемое достояніе всѣхъ преданныхъ національной идеѣ партій». И вотъ позиція укрѣпляется, и укрѣпляется разными мѣрами: то исканіемъ благосклонности противника (это мы увидимъ въ области договоровъ), то стягиваніемъ силъ (мы это увидимъ въ семейственномъ правѣ). Однако, при всемъ колоссальномъ значеніи социальной борьбы, жизнь большого народа ею не исчерпывается. Оттого мы увидимъ, что на уложеніи отразились самыя разнородныя вліянія: государственной власти, которая стремится держать вѣсы между двумя сословіями; католической церкви, которая перестала быть царицею міра, но сохранила обаяніе надъ умами своихъ сыновъ; образованной женщины, которая добивается для себя экономической свободы. Не исчерпывая этимъ перечисленіемъ совокупности всѣхъ вліяній, мы переходимъ къ отдѣльнымъ институтамъ и нормамъ.

Въ половинѣ XIX вѣка въ государственномъ устройствѣ Германіи получилъ признаніе принципъ свободы ассоціацій. Мысль, что человекъ живетъ въ обществѣ не случайно, а въ силу своей природы, и что ему свойственно стремиться къ союзной организаціи, проникла во всеобщее сознаніе. Нѣмецкія правительства сами ощутили потребность въ развитіи ассоціацій, потому что онѣ пробуждаютъ въ людяхъ сознаніе общественнаго блага, вырабатываютъ практическую споровку и помогаютъ государству въ рѣшеніи важныхъ задачъ, которыя безъ частной инициативы еще до насъ оставались бы неразрѣшенными. Помимо такихъ ассоціацій, которыя преслѣдуютъ эгоистическія, промышленныя или хозяйственныя цѣли и которыя сами собою группируются вокругъ опредѣленнаго имущества (объ

этих ассоціаціяхъ мы здѣсь говорить не будемъ), народилось множество ассоціацій, которыя имѣютъ свою *raison d'être* и безъ имущественнаго субстрата—ассоціаціи ученые, литературныя, религіозныя, политическія, благотворительныя и т. д., кончая клубами для спорта, развлеченій и т. д.,—ассоціаціи съ идеальными цѣлями, мыслимыя и безъ имущества, но все же нуждающіяся въ немъ для достиженія своихъ задачъ. Форма юридическаго лица представляетъ, несомнѣнно, наиболѣе удобствъ для обладанія и управленія имуществомъ, а у ассоціацій съ идеальными цѣлями въ наличности всѣ элементы для того, чтобы быть самостоятельными носительницами имущественныхъ правъ. Возьмемъ для примѣра ученое общество: его цѣль далеко за предѣлами индивидуальности учредителей; оно рассчитано на существованіе независимо отъ смѣны членовъ: одни уходятъ, другіе приходятъ, оно само остается. Члены не претендуютъ на участіе въ имуществѣ, оно принадлежитъ обществу; уплативъ членскій взносъ, членъ этимъ исчерпалъ всѣ свои имущественныя отношенія къ ассоціаціи. Итакъ, способность у идеальныхъ ассоціацій быть юридическими лицами есть, потребность въ этомъ также, потому что только въ этой формѣ возможны устойчивость, прочная организація, увѣренность въ постоянствѣ существованія,—и вотъ передъ кодификаторами первой комиссіи всталъ вопросъ: какъ наилучше регулировать приобрѣтеніе правъ юридическаго лица ассоціаціями, преслѣдующими идеальныя цѣли? Справка съ пандектной теоріей и съ дѣйствующими законодательствами привела кодификаторовъ къ выбору между тремя системами возникновенія юридическихъ лицъ. Въ то время, какъ старыя законодательства и судебная практика въ полосѣ пандектнаго права держатся концессіонной системы, т.-е. правила, что для возникновенія юридическаго лица необходимо дозволеніе со стороны государства, наука въ лицѣ германистовъ и большинства пандектистовъ выработала взглядъ, что юридическое лицо возникло, разъ члены ассоціаціи выразили въ статутахъ желаніе быть корпораціей и выбрали себѣ представителя или бюро, и что затѣмъ никакой концессіи со стороны государства не нужно. Кромя этихъ двухъ противоположныхъ системъ кодификаторы застали третью систему, которая съ 60-хъ гг. появилась въ законодательной практикѣ имперіи и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ государствъ, систему *нормативныхъ опредѣленій* или систему *регистраціи*: ассоціація вырабатываетъ себѣ уставъ, выбираетъ бюро, сообщаетъ копию устава официальному учрежденію для записи въ публичномъ реестрѣ, — и юридическое лицо возникло. Кодификаторы начали съ того, что отвергли вовсе концессіонную систему для ассоціацій съ идеальными цѣлями: при концессіонной системѣ правительственные органы заваливаются работою по разсмотрѣнію уставовъ; они подвергаютъ себя нареканіяжъ въ стремленіи все опекать и во все вмѣшиваться; всякій отказъ въ утвержденіи устава рождаетъ подозрѣніе, что они руководились произволомъ; наконецъ, въ мѣтѣ просвѣщенной части публики поддѣрживается мнѣніе, что государство отвѣтственно за солидность ассоціаціи, <для ассоціацій съ идеальными цѣлями концессіонная система рѣшительно

непригодна». Другая крайняя система также не встрѣтила сочувствія у кодификаторовъ: полная свобода возникновенія юридическихъ лицъ, думали они, опасна для гражданскаго оборота. Если это возникновеніе ничѣмъ извнѣ не констатируется, то не сразу видно, на что именно направлена воля членовъ ассоціаціи—желаютъ ли они учредить юридическое лицо, или простое товарищество, а знать это съ отчетливостью важно и для самихъ членовъ и для третьихъ лицъ. Осталась система нормативныхъ опредѣленій: «она не представляетъ неудобствъ концессионной системы, потому что возникновеніе юридическаго лица не зависитъ отъ усмотрѣнія государственной власти, а внесеніе въ официальные списки гарантируетъ гражданскій оборотъ. Итакъ, система нормативныхъ опредѣленій. Но тутъ начались оговорки. Первая коммиссія работала въ эпоху культуркампфа и исключительныхъ законовъ противъ движенія рабочихъ. Духъ, который навѣялъ эти законы, подулъ и въ коммиссіи. Если установить систему нормативныхъ опредѣленій, то, вѣдь, тогда всѣ ассоціаціи, которыя только не запрещены, потому что не преслѣдуютъ явно недозволенныхъ цѣлей, получаютъ возможность самостоятельнаго существованія въ сферѣ имущественныхъ отношеній. Но съ точки зрѣнія господствующаго публичнаго порядка многія ассоціаціи—религіозныя, политическія и социальна - политическія могутъ быть вредны, хотя и дозволены. Облегчить такимъ ассоціаціямъ способность пріобрѣтать имущества значить дать имъ въ руки такую силу, которую напередъ оцѣнить невозможно. «Названіе и цѣль, указанныя въ статутахъ, не служатъ ручательствомъ поведенія ассоціаціи въ будущемъ; закрытіе ассоціаціи за нарушеніе статутвъ не всегда можетъ поправить зло». Какъ же быть? Вернуться къ концессионной системѣ?—это неловко, потому что Баварія и Саксонія уже отъ нея отступили и, слѣдовательно, пришлось бы открыто ступить на путь реакціи. Первые кодификаторы испугались практическихъ выводовъ изъ системы нормативныхъ опредѣленій и предпочли вовсе отказаться отъ рѣшенія задачи; они написали техническія правила для дѣятельности юридическихъ лицъ, но вопросъ о способѣ возникновенія юридическаго лица они рѣшили не вводить въ кодексъ, предоставляя каждому нѣмецкому государству регулировать этотъ способъ по-своему. Легко догадаться, что критика перваго проекта отнеслась неодобрительно къ такому малодушію, и во второй коммиссіи вопросъ сталъ на очередь снова. Концессионная система была уже осуждена, борьба завязалась между системою свободы и системою регистраціи. Въ пользу системы свободы говорили, что она не представляетъ никакихъ практическихъ неудобствъ; разнимѣются писанные статуты, сочлены могутъ изъ нихъ усмотрѣть, что это не обыкновенное товарищество, а корпорація; разъ имѣется бюро, — э знаютъ и третьи лица. Только для внесенія въ ипотечныя книги есть ещ смыслъ въ требованіи регистраціи. Политическихъ неудобствъ система свободы также не представляетъ; охранять гражданское общество отъ опасности, которая связана съ такою свободой, должно публичное право, а не частное. Публичное право должно опредѣлять, какія ассоціаціи дозволены

какія нѣтъ; но разъ ассоціація дозволена, создавать еще новыя затрудненія не послѣдовательно. Однако, большинство второй комиссіи высказалось за систему регистраціи, находя въ ней больше гарантій для гражданскаго оборота. Но что же дѣлать съ тѣми ассоціаціями, регламентація которыхъ испугала первую комиссію, — съ ассоціаціями политическими, религиозными и соціально - политическими? Здѣсь комиссія придумала компромиссъ. Она предоставила администраціи налагать свое veto на внесеніе въ реестръ всѣхъ ассоціацій—религиозныхъ, политическихъ и соціально-политическихъ. Меньшинство комиссіи повело борьбу противъ этого veto: оно не имѣетъ смысла, разъ ассоціація сама по себѣ не запрещена; это «veto есть въ сущности та же концессиональная система; наконецъ, если уже создавать контроль, то пусть онъ сосредоточивается въ рукахъ того же судьи, который ведетъ реестръ, а не въ рукахъ администраціи». Борьба оказалась бесплодной, veto администраціи осталось. Въ такомъ видѣ второй проектъ поступилъ въ союзный совѣтъ, который пошелъ еще дальше по пути реакціи: veto распространено было на ассоціаціи съ цѣлями воспитанія и преподаванія. Разочарованіе въ литературѣ и парламентѣ было велико, и началась атакка противъ этого veto, въ защиту принципа нормативныхъ опредѣленій безъ изъятій. Вотъ что говорилъ профессоръ Зомъ въ своемъ рефератѣ въ берлинскомъ юридическомъ обществѣ (Зомъ самъ былъ членомъ второй комиссіи, и потомъ въ парламентѣ онъ былъ въ числѣ правительственныхъ комиссаровъ, проводившихъ проектъ): «я мирюсь еще съ тѣми доводами, которые приводятся въ пользу veto относительно религиозныхъ и политическихъ ассоціацій». Доводы заключались въ томъ, что публичное право объ ассоціаціяхъ еще не разработано и многія нѣмецкія правительства лишены законныхъ средствъ противъ вредныхъ ассоціацій. «Но,—продолжаетъ Зомъ,—сомнительно, чтобы справедливо было вводить veto относительно соціально-политическихъ ассоціацій. Страхъ передъ соціально-демократическимъ движеніемъ руководилъ здѣсь перомъ законодателя, но страхъ всегда дурной совѣтчикъ. Думаютъ, что рабочимъ ассоціаціямъ затруднять существованіе, отказывая имъ въ юридической личности. Какая ошибка!—на силу рабочаго движенія эти отказы вліять не могутъ. Въ дѣйствительности, величайшая мудрость есть справедливость, и наилучшимъ средствомъ для сохраненія существующаго порядка является законодательство, которое равномерно распредѣляетъ между общественными классами солнце и вѣтеръ. Пусть и рабочее сословіе смотритъ на законодателя какъ на своего лучшаго друга, какъ на защитника своихъ справедливыхъ требованій, а свобода рабочей организаціи и есть справедливое требованіе». Гирке писалъ: «если полицейское право объ ассоціаціяхъ держится пассивно, то не слѣдъ гражданскому праву отправлять сторожевую службу. Ассоціаціи могутъ быть опасны и безъ всякой имущественной правоспособности. Что такое соціально-политическая ассоціація? Это всякая ассоціація, желающая такъ или иначе вліять на общественную жизнь; это благотворительныя, образовательныя ассоціаціи, общества для покровительства выпущенникамъ изъ исправи-

тельныхъ заведеній, пріюты для дѣвушекъ, народныя кухни и, въ особенности, рабочіе и профессиональные союзы. Исключительный законъ противъ рабочаго класса нарушаетъ справедливость и требованія здравой соціальной политики». Въ парламентской комиссіи большинство складывалось противъ всякихъ изъятій изъ принципа нормативныхъ опредѣленій, но правительство стояло на своемъ и даже заявило, что если парламентъ будетъ настаивать, оно совсѣмъ исключитъ изъ проекта отдѣлъ о юридическихъ лицахъ и даже совсѣмъ откажется отъ мысли осуществить гражданское уложеніе. Подъ этимъ давленіемъ центръ перешелъ на сторону правительства, которое уступило только въ одномъ, — отказалось отъ изъятій во вредъ ассоціямъ съ цѣлями воспитанія и образованія и, въ концѣ-концовъ, законъ прошелъ въ томъ видѣ, какъ его проектировала вторая комиссія. Парламентъ улучшилъ проектъ въ томъ отношеніи, что у ассоціи, если она сошла съ пути, намѣченной въ ея статутахъ, можно отнять права юридического лица, но ее нельзя совсѣмъ распустить, какъ это предполагалъ второй проектъ. Такимъ образомъ въ результатѣ оказывается, что предоставленная самой себѣ чистая юриспруденція выпроводила въ одну дверь устарѣлое начало концессіи и впустила въ другую прогрессивный принципъ регистраціи; но подъ вліяніемъ мысли создать изъ кодекса оплотъ, начало концессіи, надѣвъ маску veto, вернулось, а égalité превратилась въ пустой звукъ. Но у дверей осталось третье, болѣе прогрессивное начало, которое будетъ стучаться, пока его не впустятъ.

Что идеѣ равенства нанесенъ чувствительный уронъ, это явствуетъ изъ слѣдующаго. Ассоціи — это въ сущности тѣ же физическія лица, А, В, С, которыя соединились для достиженія совмѣстными усиліями опредѣленныхъ цѣлей. Какова бы ни была вѣра отдѣльнаго физическаго лица, каковы бы ни были его политическіе или общественные взгляды, — его имущественная правоспособность неприкосновенна. Но этихъ лицъ соединилось семеро: соединеніе ихъ дозволено; публичная власть не видитъ ничего преступнаго въ томъ, что они дѣлаютъ, во что они вѣруютъ и о чемъ говорятъ. Если имъ понадобится купить домъ или принять пожертвованіе, т.-е. выступить въ гражданскомъ оборотѣ въ качествѣ носителей имущественныхъ правъ, то никто имъ не воспрепятствуетъ прибѣгнуть для этого къ формѣ товарищества, которая, однако, менѣе гарантируетъ ихъ имущественныя права, какъ ассоціи; но та форма, которая болѣе гарантируетъ эти права отъ случайностей человѣческаго существованія, отъ злоупотребленія довѣріемъ и т. д. — форма юридического лица, будетъ имъ открыта или нѣтъ, въ зависимости отъ того, что они думаютъ о разныхъ трансцендентальныхъ предметахъ или за кого они подаютъ голоса на выборахъ. Религіозная и политическая свобода обезпечена въ Германіи всѣмъ и каждому, какъ единичному лицу, такъ и ассоціямъ доколѣ онѣ не считаются преступными; но когда заходитъ рѣчь объ учрежденіи корпораціи, то оказывается, что одни вѣрованія и убѣжденія даютъ на это право, другія нѣтъ. Такъ, въ первомъ гражданскомъ кодек

съ XX столѣтія узаконяется неравенство гражданскихъ правъ въ зависимости отъ религіозныхъ, политическихъ и общественныхъ воззрѣній; въ тѣхъ частяхъ Германіи, гдѣ политическія стремленія имѣютъ національную основу (Эльзась, Познань, Шлезвигъ и Гольштинія), тамъ это неравенство должно ощущаться особенно болѣзненно.

Вопросъ объ *égalité* возникаетъ также въ связи съ важнымъ нововведеніемъ, вошедшимъ въ уложеніе. «Лица, которыя вслѣдствіе пьянства не въ состояніи заботиться о своихъ дѣлахъ или подвергаютъ себя или свою семью опасности попасть въ нужду, или же угрожаютъ безопасности другихъ лицъ, могутъ быть ограничены въ своей дѣеспособности и отданы подъ опеку»; пьяница ограничивается въ правахъ родительской власти и можетъ быть насильно помѣщенъ въ лечебницу. Эта норма явилась впервые въ проектѣ второй комиссіи, вслѣдствіе агитаціи со стороны представителей медицины, которые видятъ въ ней необходимое дополненіе къ мѣрамъ борьбы государства съ алкоголизмомъ. Однако эта, въ теоріи, повидимому, симпатичная норма натѣнулась на сильныя возраженія со стороны представителей четвертаго сословія; на практикѣ, по ихъ мнѣнію, эта норма будетъ направляться противъ низшихъ слоевъ населенія, такъ какъ тамъ фактически пьянство всего болѣе развито: «лучше бороться съ алкоголизмомъ путемъ улучшенія социальныхъ условий, вообще, создавая лучший заработокъ и лучшія условія труда». Норма, однако, осуществилась. Гарантією интересовъ пьяницы будетъ то, что инициатива въ учрежденіи надъ нимъ опеки будетъ принадлежать только его семьѣ, а никакъ не прокурорскому надзору.

Для того, чтобы видѣть отношеніе германскаго уложенія къ *идеѣ свободы* мы перейдемъ къ области договоровъ. Мы рассмотримъ договоры имущественнаго и личнаго найма, гдѣ обыкновенно дѣйствующими лицами являются представители разныхъ общественныхъ классовъ. Любопытно, что мы, русскіе, поставлены необыкновенно благопріятно, чтобы судить, что даетъ новаго въ договорѣ имущественнаго найма германское уложеніе. Читатель съ изумленіемъ узнаетъ, что нѣмецкіе юристы подчеркиваютъ какъ социальное нововведеніе и такія нормы, которыя отчасти извѣстны намъ изъ нашего X т. св. законовъ. А такъ какъ возникновеніе нашихъ гражданскихъ законовъ объ имущественномъ наймѣ относится къ тому времени, когда на Руси царило крѣпостное право, то очевидно, что представленіе, будто съ помощью такъ называемыхъ социальныхъ нормъ, въ противоположность индивидуалистическимъ, уложеніе сдѣлало шагъ впередъ для замиренія противниковъ гражданскаго порядка, есть совершенная иллюзія. Но какъ показатель того, что въ Германіи происходятъ перемѣщеніе общественныхъ силъ, внесеніе этихъ нормъ въ уложеніе имѣетъ несомнѣнное значеніе. Въ имущественномъ наймѣ мы видимъ на одной сторонѣ землевладѣльца крупнаго и средняго, на другой—арендатора, иногда также крупнаго, но чаще мелкаго; мы видимъ на одной сторонѣ домовладѣльца, на другой—квартиронанимателя. То право, которое господствовало

въ Германіи до сихъ поръ, защищало преимущественно интересы владѣльцевъ; новое право нѣсколько ослабляетъ односторонность этой защиты и создаетъ нѣсколько нормъ въ защиту арендаторовъ и нанимателей. Пренія права падаютъ на степень интересовъ, интересы получаютъ видъ приобрѣтенныхъ правъ. Но восторженное замѣчаніе проф. Зома въ цитированномъ рефератѣ, что «новое право протягиваетъ руку третьему и четвертому сословіямъ», по меньшей мѣрѣ наивно, потому что дома въ Германіи вовсе не принадлежатъ однимъ дворянамъ и духовенству, а право, которое протягиваетъ руку двумъ противникамъ, безсильно предотвратитъ столкновение. До сихъ поръ въ Германіи въ полосѣ пандектнаго права дѣйствуетъ правило, что продажа недвижимости влечетъ за собою уничтоженіе всѣхъ арендныхъ и квартирныхъ контрактовъ: Kauf bricht Miethе. Въ прусской и французской полосахъ дѣйствуетъ противоположный принципъ, но съ нѣкоторыми изъятіями. Въ Саксоніи и Баваріи дѣйствуетъ опять Kauf bricht Miethе, но арендатору дается срокъ на выселеніе. Первая коммиссія взяла принципъ, на которомъ воспитались ея члены романисты: Kauf bricht Miethе. Критика заставила вторую коммиссію перейти къ противоположному принципу Kauf bricht nicht Miethе, и, такимъ образомъ, отнынѣ въ Германіи арендные и квартирные договоры будутъ имѣть вещный характеръ, продажа земли или дома не будутъ влечь за собою прекращенія договоровъ найма, такъ что наступитъ тотъ порядокъ вещей, который извѣстенъ нашему X тому. Въ другомъ важномъ вопросѣ германское уложеніе по своей такъ называемой социальности и сейчасъ остается позади нашего X тома. Въ Германіи, по наслѣдію отъ римскаго права, у собственника недвижимости въ обезпеченіе арендныхъ денегъ всегда существовало залоговое право на вещи нанимателя; право это стоитъ въ связи съ тѣмъ, что уплата арендныхъ денегъ производится не впередъ, а послѣ проживаго срока. Это залоговое право осталось въ новомъ уложеніи, несмотря на рѣзкія возраженія со стороны социаль-демократіи. Ея депутаты требовали полного уничтоженія этого права въ интересахъ малыхъ людей, квартирнанимателей, у которыхъ, благодаря преимущественному праву домовладѣльцевъ на захватъ ихъ вещей, дѣйствительно не остается никакого имущества: «отсутствие законной гарантіи минимальнаго комфорта должно препятствовать развитію въ пролетаріатѣ привычки къ домовитости и бережливости». Съ другой стороны, въ парламентской коммиссіи поднялся голосъ въ защиту интересовъ домовладѣльцевъ: «нужно, чтобы залоговое право было распространено даже на такія вещи крайней необходимости, которыя по уставу гражданскаго судопроизводства вовсе не подлежатъ аресту»; это, говорилось, «необходимо въ интересахъ хозяевъ, принадлежащихъ къ среднему сословію, такъ какъ иначе обыкновенно съ жилья нечего взять». Уложеніе не удовлетворило эти пожеланія, залоговое право владѣльцевъ недвижимостей подвергнуто нѣкоторымъ ограниченіямъ, но въ существѣ оно остается. Главнымъ мотивомъ за его сохраненіе служило соображеніе, что иначе квартиры

премѣнно вздорожаютъ, и собственники заставляютъ платить арендные деньги впередъ. Однако, изъ законодательныхъ матеріаловъ видно, что въ Берлинѣ, наприм., и сейчасъ обыкновенно квартирные деньги взимаются впередъ. Очевидно, аргументъ не выдерживаетъ критики, а условія нашей жизни показываютъ, что домовладѣльцы отлично обходятся безъ залоговаго права. Ограниченіе свободы договора въ сферѣ имущественнаго найма сказалось на слѣдующей нормѣ уложенія: «Если квартира или другое помѣщеніе, въ которомъ должны находиться люди,—контора, мастерская, будутъ представлять значительныя опасности для здоровья, то наниматель можетъ съѣхать безъ всякаго предупрежденія и не стѣсняясь срокомъ, хотя бы при заключеніи договора онъ напередъ отказался отъ права нарушить контрактъ на этомъ основаніи». Опять и въ этой безспорно гуманной нормѣ нѣмецкіе юристы усматриваютъ показатель социальныхъ тенденцій уложенія, а въ ограниченіи свободы договора они видятъ особое побудительное средство для болѣе санитарнаго устройства квартиръ. Можно подумать, что нѣмецкіе домовладѣльцы сдѣланы изъ другого тѣста, чѣмъ наши,—потому что, хотя у насъ нѣтъ прямого закона, но право съѣхать до срока изъ антисанитарной квартиры существуетъ, благодаря судебной практикѣ, и у насъ, и по силѣ 1529 ст. I ч. X т. ни одинъ судья не постѣснится у насъ уничтожить договоръ, даже если въ немъ будетъ сказано, что наниматель отказывается отъ права нарушить контрактъ, если помѣщеніе окажется антисанитарнымъ. Кодификаторы, конечно, хорошо сдѣлали, что внесли эту норму въ уложеніе, но о томъ, сколь наивенъ расчетъ съ ея помощью разрѣшить квартирный вопросъ, какъ часть социального вопроса,—объ этомъ намъ, въ виду нашихъ условій, нечего распространяться. Въ уложеніи содержится также правило, что хозяинъ вправе отказать нанимателю и до срока, если наниматель пользуется не согласно съ договоромъ и тѣмъ нарушаетъ право хозяина. Въ парламентѣ прочитанъ былъ рядъ обычныхъ формуляровъ квартирныхъ договоровъ, гдѣ хозяева запрещаютъ жильцамъ стоять или сидѣть на лѣстницахъ, колоть дрова въ квартирѣ, стирку въ самомъ ничтожномъ размѣрѣ, и даже ходить въ деревянныхъ туфляхъ по квартирѣ и лѣстницамъ. Ознакомленіе съ этими формулярами побудило парламентъ включить въ текстъ закона, что нарушеніе правъ хозяина должно быть «существенно» или «значительно»,—только въ такомъ случаѣ онъ вправе требовать досрочнаго прекращенія договора.

Еще болѣе признаковъ происходящей въ Германіи социальной борьбы мы найдемъ въ законахъ, посвященныхъ договору личнаго найма. Кодификаторы отступили отъ римскаго права въ томъ, что уничтожили разграниченіе между черною работою, за которую нужно платить, и либеральнымъ трудомъ, за который, собственно говоря, брать деньги стыдно. Уложеніе знаетъ одинъ договоръ *Dienstvertrag*: одни служатъ, другіе платятъ за услуги. Уже названіе договора вызвало споры, показывающіе, насколько обострилась борьба. Мысль, высказанная въ работѣ Менгера, была под-

хвачена, и въ парламентѣ послышался горячій протестъ противъ термина *Dienstvertrag*, который, говорили въ парламентѣ, «унизителенъ для людей труда и свидѣтельствуетъ о стремленіи правящихъ классовъ держать рабочихъ въ зависимомъ положеніи». На рынкѣ, говорили далѣе, есть товаръ, — трудъ; одинъ его продаетъ, другой покупаетъ; потому и терминъ долженъ быть: *рабочій договоръ*. Однако, парламентское большинство стало на ту точку зрѣнія, что терминъ *Arbeitsvertrag* не обнимаетъ всѣхъ отношеній; что было бы слишкомъ непривычно подъ терминомъ *Arbeitnehmer* разумѣть учителя, адвоката или врача, а подъ терминомъ *Arbeitgeber* ученика, кліента или пациента. Затѣмъ проектъ кодификаторовъ подвергся рѣзкому осужденію за то, что отношенія горныхъ рабочихъ и особенно правила объ отношеніяхъ домашней прислуги (*Gesindeordnung*) не регулируются уложеніемъ, а предоставлены на неопредѣленное время регламентаціи со стороны партикулярныхъ законовъ. Уложеніе сдѣлало для домашней прислуги на протяженіи всей Германіи только то, что отмѣнило право господъ подвергать прислугу въ видахъ исправленія тѣлесному наказанію. Указывалось на то, что мѣстами къ домашней прислугѣ причисляются кельнеры, садовники, портѣе и даже сельскіе рабочіе. Представители четвертаго сословія настаивали, что въ интересахъ своихъ избирателей они также желаютъ единаго гражданскаго уложенія; но «съ уложеніемъ, которое не регулируетъ всего рабочаго договора въ полномъ объемѣ, они примириться не могутъ». Нужно, однако, замѣтить, что пробѣлы въ уложеніи происходятъ отчасти отъ того, что многіе виды рабочаго договора составляютъ предметъ специальныхъ законовъ. По существу нормъ, вошедшихъ въ уложеніе, нужно поставить кодификаторамъ въ заслугу подробную регламентацію договора личнаго найма; по возможности не оставлено мѣста для недоразумѣній по поводу взаимныхъ правъ и обязанностей. Такъ (хотя для Германіи это не ново) подробно перечислены сроки для взаимнаго предупрежденія нанимателя и служащаго объ отказѣ отъ мѣста или занятій. Такъ, въ законѣ указано, что «если работа не исполнена во время по винѣ нанимателя, то уплатить онъ все-таки обязанъ и не вправе требовать, чтобы работа была додѣлана»; такъ, въ законѣ указано, что «кратковременный перерывъ въ исполненіи работъ не лишаетъ права на вознагражденіе, когда дѣло идетъ о такомъ личномъ наймѣ, гдѣ служащій отдаетъ все или почти все свое время». Чувствуется, что идетъ борьба двухъ классовъ, и, какъ честные противники, ни одна сторона не хочетъ ничего оставить недосказаннымъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ два закона, дышашіе оба большою гуманностью; на нихъ отразилось вліяніе specialнаго законодательства о защитѣ рабочихъ. Кодификаторъ внесли уже во второй проектъ правило, что «помѣщенія, приспособленія, орудія должны быть такъ устроены и содержимы, отправленіе услугъ должъ быть такъ регулировано, чтобы гарантировать служащихъ отъ опасности для ихъ жизни и здоровья, насколько это возможно по характеру услугъ». Парламентъ это дополнилъ: «если служащій живетъ въ одной квартирѣ с

хозяйномъ, то помѣщенія для жилья и сна, столъ, распределение работъ и отдыха, должны быть такъ устроены, какъ это необходимо во вниманіе къ здоровью, нравственности и религіи служащаго». Наконецъ, по инициативѣ парламента же въ уложеніе вошелъ законъ, что когда служащій живетъ въ семьѣ нанимателя и отношеніе ихъ длящееся, поглощающее все время, то наниматель обязанъ въ случаѣ болѣзни дать служащему медицинскую помощь и уходъ въ теченіе 6 недѣль». И, послѣдовательно, свобода договора ограничена и здѣсь: отречься отъ своихъ правъ служащій не можетъ. Эти законы настолько гуманны, что ихъ не могутъ не отмѣтить и хулители уложенія, но опять-таки—какая близорукость, когда въ одинъ рядъ съ этими законами ставятъ, надѣвъ на нее вывѣску—«соціальная», такую норму, которая остается далеко позади нашего X тома. По уложенію, «служащій, который нанялся на всю жизнь, имѣетъ право отказаться по прошествіи 5 лѣтъ»; въ первомъ проектѣ было: «по прошествіи 10 лѣтъ»; вторая комиссія поставила вмѣсто 10 лѣтъ—5 лѣтъ, но прибавила крошечную оговорку, которая незамѣтно, въ интересахъ помѣщиковъ, вводила крѣпостную зависимость, — именно, что «отказываться нельзя, если услуги такого рода, что могутъ быть исполнены и замѣстителемъ». Разумѣется, парламентъ эту оговорку вычеркнулъ. Вспомнимъ, что у насъ по X тому не то, что чрезъ 5 лѣтъ можно вернуть себѣ свободу, а прямо-таки нельзя наниматься болѣе, чѣмъ на 5 лѣтъ, и что это запрещеніе взято изъ уложенія царя Алексѣя Михайловича.

Теперь изъ тѣсной улицы договорныхъ отношеній, гдѣ лицомъ къ лицу стояли представители двухъ общественныхъ классовъ, мы выйдемъ на широкую площадь, гдѣ сталкиваются люди, какъ люди, безъ социальныхъ ярлыковъ. Однако, и здѣсь мы услышимъ отголоски социальной и политической борьбы. Гражданское право отводитъ каждому изъ насъ его особую сферу, гдѣ онъ одинъ свободно двигается, свободно развѣртываетъ свою индивидуальность и работаетъ надъ удовлетвореніемъ своихъ интересовъ. *Nolle me tangere*. За анализъ этой юридической сферы кодификаторы выслушали обычный упрекъ въ доктринерствѣ; можетъ быть, упрекъ и заслуженъ, но юристу нельзя не испытать истиннаго эстетическаго наслажденія отъ тонкости этого анализа. Моя сфера опредѣляется, во-первыхъ, моими субъективными правами: не смѣйте трогать моихъ имущественныхъ правъ, не нарушайте моей личной свободы, не касайтесь моей чести. Моя сфера опредѣляется, во-вторыхъ, запретительными уголовными законами: не совершайте дѣйствій, запрещенныхъ подъ страхомъ наказанія. Кто ворвется въ мою сферу, кто нарушитъ мое субъективное право, кто нарушитъ уголовный запретъ, защищающій всѣхъ и меня въ томъ числѣ, тотъ совершитъ недозволенное дѣйствіе, за которое онъ отвѣтитъ въ размѣрѣ причиненнаго мнѣ вреда и убытковъ. Но этого мало: чужое дѣйствіе можетъ причинить мнѣ вредъ, хотя бы оно не нарушало ни моего субъективнаго права, ни уголовного запрета. Кто умышленно причинитъ мнѣ вредъ такимъ дѣйствіемъ, которое противно добрымъ правамъ,—такимъ дѣйствіемъ,

которое всё порядочные люди назовут нелойяльнымъ, непорядочнымъ, — тотъ отвѣтитъ за убытки. Примѣръ: держатель векселя передалъ его третьему лицу для того, чтобы лишить должника возможности сдѣлать возраженія, которыя онъ имѣетъ къ первоначальному векселедержателю. Передача векселя не нарушаетъ субъективнаго права должника; она не запрещена и законами, но она нелойяльна. Благодарственное вліяніе Гирке сказалося, между прочимъ, въ томъ, что выброшена оговорка, стоявшая въ проектѣ, о безответственности того нелойяльнаго человѣка, кто ради одной шиканы осуществляетъ свое субъективное право (напримѣръ, кто перекопалъ дорогу въ своемъ имѣніи только для того, чтобы лишить меня возможности проѣхать): шикана не должна быть поощряема.

Первые кодификаторы построили ответственность за вредъ и убытки на принципѣ *виновности*. Безусловное проведеніе этого начала навлекло на кодификаторовъ обвиненіе въ односторонне-романстическомъ направленіи. Во второй комиссіи критика заставила поднять вопросъ, не слѣдуетъ ли вовсе отступить отъ принципа виновности и перейти къ принципу *причинности*: виновать—не виновать, вмѣняемъ—не вмѣняемъ, все равно — кто причинилъ убытокъ, тотъ и плати. Принципъ не новый: чрезъ головы тысячелѣтій онъ вернулъ бы гражданскій оборотъ къ примитивному состоянію юридическаго мышленія, которое пережито было правомъ всѣхъ историческихъ народовъ,—состоянію, когда работа мысли останавливалась на чувственномъ воспріятіи явленій. Эта претензія стараго принципа занять не подобающее ему мѣсто въ современномъ оборотѣ не могла не вызвать отпора. Что такое, въ концѣ концовъ, принципъ виновности, какъ не отраженіе идеи справедливости по отношенію къ отвѣтчику: дѣйствуйте такъ, чтобы при нормальной осмотрительности не вторгнуться въ чужую юридическую сферу; но и самое тщательное обсужденіе и взвѣшиваніе поступка не можетъ отвратить его вредоносности для ближняго. Постоянное трепетаніе, какъ бы не попасть въ отвѣтъ, сковало бы всякую дѣятельность. Безъ принципа виновности для опредѣленія ответственности немислимъ гражданскій оборотъ. А все же его одного недостаточно. Уже давно специальное законодательство объ ответственности въ сферѣ промышленности выдвинуло принципъ, представляющій модификацію прямолинейнаго начала причинности. Это—*принципъ уравнительной справедливости*: кто получаетъ отъ предпріятія барыши, тотъ пускай несетъ и убытки. Въ какой мѣрѣ пора перенести этотъ принципъ изъ специальной области промышленности въ болѣе широкую сферу общегражданскихъ отношеній? Здѣсь этотъ принципъ уравнительной справедливости можетъ быть въ формѣ велѣнія выраженъ такъ: пусть терпитъ тотъ, кому матеріально легче снести послѣдствія. Вторая комиссія вспомнила о нормѣ, которую знало уже прѣдское лавдрехтъ. «Когда безумный или дитя моложе семи лѣтъ причинилъ вредъ»,—когда, слѣдовательно, принципъ виновности не допускаетъ отвѣтственности, потому что нѣтъ вмѣненія,—«и когда съ того, кто причинилъ вредъ, взятъ къ безумцу или дитяти для присмотра, взяты нечего, тогда съ ихъ стороны»

щества взыскивается вознаграждение въ пользу потерпѣвшаго, но въ зависимости отъ обстоятельствъ даннаго случая, смотря также по имущественной состоятельности обѣихъ сторонъ и такъ, чтобы взысканіе не отняло у отвѣтчика средствъ къ продолженію прежняго образа жизни». Эта норма вошла въ уложеніе, но попытка комиссіи проявить свое творчество дальше потерпѣла крушеніе въ союзномъ совѣтѣ. Вторая комиссія проектировала слѣдующую норму: «Кто хотя и нарушаетъ чужое право или поступаетъ вопреки уголовному запрету, но за вредныя послѣдствія не долженъ подлежать отвѣтственности потому, что онъ дѣйствовалъ безъ умысла и не неосмотрительно», — примѣръ: вы идете въ гололедицу по мостовой, вы поскользнулись, увлекли въ своемъ паденіи прохожаго, который тоже падаетъ, ломаетъ себѣ ногу, вслѣдствіе того лишается средствъ къ существованію, вы же благополучно встали и пошли дальше, — тотъ (т.-е. вы въ данномъ случаѣ), тѣмъ не менѣе, долженъ возмѣстить вредъ, поскольку это будетъ справедливо по обстоятельствамъ даннаго случая, въ особенности по имущественной состоятельности обѣихъ сторонъ, и такъ, чтобы, вознаграждая потерпѣвшаго, отвѣтчикъ самъ не лишился средствъ продолжать жить сообразно со своимъ общественнымъ положеніемъ и содержать тѣхъ, кого онъ по закону обязанъ содержать». Въ такомъ объемѣ, однако, принципъ распредѣленія отвѣтственности за вредъ по способности нести тягости жизни, *принципъ уплаты страхового вознагражденія*, не встрѣтилъ сочувствія ни въ союзномъ совѣтѣ, ни у большинства парламента; здѣсь нашли, что принципъ этотъ не годится для частноправовыхъ отношеній, для споровъ о моемъ и твоёмъ, и что въ концѣ концовъ норма приводитъ къ дискреціонной власти судьи, который, въ зависимости отъ своихъ взглядовъ, можетъ превратить эту норму въ орудіе для распредѣленія богатствъ, или же въ мертвую букву. Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ вопросѣ объ отвѣтственности за вредъ и убытки законодательство подошло къ необходимости внести ограниченія въ идею гражданского равенства въ интересахъ экономически слабыхъ; пока эти ограниченія отвергнуты, но вопросъ остается живымъ.

Въ ряду случаевъ отвѣтственности за вредъ и убытки особаго вниманія заслуживаетъ отвѣтственность *должностныхъ лицъ*. Кромѣ общегражданской отвѣтственности, должностное лицо несетъ также отвѣтственность за вредъ отъ нарушенія имъ своихъ служебныхъ обязанностей. Уложеніе, однако, различаетъ. Должностное лицо отвѣтствуетъ только за вредъ отъ нарушенія такой служебной обязанности, которая дѣлаетъ его слугою не только учрежденія, которому оно служить, но и частнаго лица, которое имѣетъ съ нимъ дѣло. Условіе отвѣтственности опять-таки общегражданское — виновность; кодификаторы сдѣлали шагъ впередъ въ интересахъ публики въ томъ отношеніи, что схоластическое различіе между простою небрежностью и грубою небрежностью устранено, но за то въ случаѣ вреда только отъ небрежности должностнаго лица, безъ умысла, потерпѣвшій долженъ сперва попытаться возмѣстить свой убытокъ инымъ путемъ.

Въ парламентѣ выражено было требованіе, чтобы должностное лицо привлекалось къ гражданской отвѣтственности за всякій причиненный вредъ, чтобы оно не имѣло права отговариваться отсутствіемъ умысла или небрежности; находили, что если граждане вообще не вправѣ отговариваться незнаніемъ законовъ, то тѣмъ менѣе должны призванные слуги закона рассчитывать на извиненіе въ случаѣ нарушенія закона во вредъ гражданамъ. Большинство отвергло это расширеніе отвѣтственности должностныхъ лицъ, находя, что отрѣзать имъ возможность ссылаться на обстоятельства, включающія вмѣненіе, значить создавать для нихъ *privilegium odiosum*. Въ частности парламентъ расширилъ отвѣтственность должностныхъ лицъ *судебнаго вѣдомства*. Въ принципѣ отвѣтственность судей должна быть, конечно, обставлена болѣе тѣсными условіями, такъ какъ боязнь подвергнуться отвѣтственности за всякій недосмотръ или всякое неправильное пониманіе закона должна сковывать мыслительную дѣятельность судьи. Отсюда проектъ установилъ отвѣтственность судьи лишь за такія нарушенія за которыя онъ отвѣчаетъ въ уголовномъ порядкѣ. Но парламентъ внесъ въ уложеніе важную поправку; онъ ограничилъ примѣненіе этого спеціальнаго закона одними *рѣшеніями* судей; всѣ неправильныя распорядительныя дѣйствія судьи (напримѣръ, несвоевременная посылка повѣстки), влекутъ за собою отвѣтственность при тѣхъ же условіяхъ, когда отвѣчаетъ всякое иное должностное лицо. Кромѣ того судья отвѣчаетъ за медленность и отказъ въ правосудіи.

Уложеніе не разрѣшило вопроса *объ отвѣтственности* государства, общинъ и вообще *юридическихъ лицъ публичнаго права* за вредъ, причиненный ихъ должностными лицами. Мы видимъ здѣсь одинъ изъ примѣровъ, какъ кодификаторы не всегда вѣрны своей программѣ — удовлетворить народившейся потребности. Въ парламентской комиссіи выдвинуто было требованіе, чтобы государство и общины отвѣчали за своихъ должностныхъ лицъ, когда съ послѣднихъ, что обыкновенно бываетъ, взять нечего. Потребность въ созданіи этой субсидіарной отвѣтственности настолько созрѣла, что хотя требованіе формулировано было крайнею лѣвой, но оно встрѣтило сочувствіе въ большинствѣ парламентской комиссіи, а затѣмъ и само правительство никакихъ принципиальныхъ возраженій не сдѣлало, но только указало, что вопросъ слишкомъ важенъ и сложенъ, въ виду огромнаго разнообразія категорій должностныхъ лицъ, чтобы его можно было рѣшить попутно и однимъ почеркомъ пера. Министерство держалось взгляда, что удобнѣе регулировать вопросъ для каждаго вѣдомства особо; сообщивъ, что, по проекту вотчиннаго устава, государство будетъ отвѣчать за недосмотръ чиновниковъ даже не субсидіарно, какъ этого требуетъ лѣвая, а на первомъ планѣ, министръ сказалъ: «мы въ этомъ вопросѣ пойдемъ дальше, чѣмъ даже рѣшается предложить лѣвая, и, надѣюсь, изъ этого увидите, что правительство вовсе не намѣрено отнестись къ этому великому вопросу съ какой-либо предвзятой точки зрѣнія». Парламентъ согласился оставить вопросъ пока открытымъ.

Ограничение принципа *liberté* мы найдем и в сфере *права собственности*; на первый взгляд это ограничение представится намъ результатомъ старыхъ историческихъ образований, съ которыми такъ радикально покончилъ *Code civil*, гдѣ никакихъ различій между крестьянскими и дворянскими имуществами нѣтъ. Но, взглянувъ глубже, мы и здѣсь увидимъ отраженіе новой соціальной борьбы. На этотъ разъ борьба сосредоточилась на вопросѣ о томъ, упоминать ли въ уложеніи *зайца*, или нѣтъ. Какъ это ни комично на первый взглядъ, но фактъ тотъ, что 24 оратора въ засѣданіи парламента 5 часовъ толковали о томъ, быть зайцу въ уложеніи или нѣтъ. Ни вопросъ о правахъ юридическихъ лицъ, ни рабочій договоръ, ни отношенія прислуги, ни равноправность женщины, ни судьба незаконныхъ дѣтей,—ни одинъ изъ этихъ великихъ вопросовъ гражданского порядка не волновали парламентъ такъ, если судить по количеству произнесенныхъ за и противъ рѣчей, какъ вопросъ о бѣдномъ грызунѣ. Конечно, не для зайцевъ пишутся гражданскіе законы; но за тѣнью этого не попавшаго въ уложеніе зайца стоятъ, съ одной стороны, сытый, жизнерадостный потомокъ феодала съ ружьемъ на плечѣ или верхомъ въ сопровожденіи борзыхъ, а съ другой—маленькій земледѣлецъ, огородникъ или садоводъ. Въ Германіи право охоты на собственной землѣ принадлежитъ только такому собственнику, у кого не менѣе 300 моргеновъ земли; всѣ болѣе мелкіе землевладельцы не имѣютъ права охотиться на собственныхъ земляхъ, а образуютъ принудительныя товарищества, которыя или сами осуществляютъ принадлежащее всему товариществу право охоты чрезъ наемнаго охотника, или сдаютъ это право въ аренду; мѣстами же это не аренда, а, въ силу закона, вещное право богатаго сосѣда, владѣльца окрестныхъ латифундій. Право охоты отнесено вообще, какъ уже упомянуто выше, къ числу тѣхъ институтовъ, которые должны быть регулированы мѣстными законодательствами, а въ уложеніе внесенъ только законъ объ отвѣтственности того, кому принадлежитъ право охоты, за вредъ, причиненный дикими животными, которыхъ охраняютъ для потѣхи любителей сильныхъ ощущеній. Исторія показываетъ, что раздраженіе противъ спортсменовъ, покровительствующихъ дикимъ животнымъ, играло не малую роль во время всѣхъ народныхъ возстаній: во время крестьянскихъ войнъ XVI в., во время французской революціи и даже въ 1848 г. въ Германіи. Вопросъ теперь, при составленіи уложенія, шелъ о томъ, отвѣчать ли владѣльцамъ права охоты за вредъ, причиненный полямъ, огородамъ и садамъ также и зайцами, или только за вредъ, причиненный тѣми животными, которыя названы были въ проектѣ. Говорили, что заяцъ, какъ одиноко живущій звѣрокъ, пожираетъ мало, что въ садовыхъ питомникахъ отъ него легко защититься колючею проволокою изгородью. Утверждали, что если придется платить за вредъ, причиненный зайцами, то понизится арендная плата за право охоты. На это возражали, что въ маленькихъ садахъ и огородахъ изгородь составляетъ непосильный расходъ, что если заяцъ жретъ мало, то и отвѣтственность за него ничтожна, а значить нечего и спорить о томъ, вклю-

чать ли его въ число запрещенныхъ звѣрей, или нѣтъ. Принципіально вопросъ, слѣдовательно, сводился бѣ тому, что скорѣе заслуживаетъ защиты, что выше: интересъ ли любителей охоты на чужихъ земляхъ, или интересъ мелкихъ собственниковъ. Въ концѣ концовъ побѣдили потомки феодаловъ: зайцу дали открытый листъ и пустили его гулять по чужимъ землямъ, пожирать чужіе посѣвы и молодыя деревья безъ того, чтобы собственникъ огорода или сада имѣли право его пристрѣлить. Во имя чего же велась такая ожесточенная борьба? Отнюдь не только во имя ближайшихъ матеріальныхъ интересовъ владѣльцевъ охоты, а главное— чтобы устранить законный поводъ для процессовъ объ убыткахъ за поврежденія, процессовъ мелкихъ, не въ мѣру дорогихъ, но вносящихъ вѣчное раздраженіе въ отношенія сосѣдей. Огонь медленно тлѣетъ въ отношеніяхъ между сословіями; припомнимъ тотъ социальный порошокъ, о которомъ говорилъ депутатъ Бухка; господствующіе классы стремятся въ области гражданскихъ отношеній укрѣпить свою позицію, а для этого и старыя ненавистныя привилегіи оказываются одинаково пригодными, какъ и мѣры противоположнаго свойства.

М. Брунъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ШКОЛЬНЫЯ КАССЫ И ШКОЛЬНЫЯ СТОЛОВЫЯ ВО ФРАНЦІИ.

Однимъ изъ главныхъ, если не главнѣйшимъ, теченіемъ нашей общественной жизни за послѣдніе годы должно, безъ сомнѣнія, считать стремленіе ввести всеобщее народное образованіе. Нѣкоторыя земства уже приступили къ практическому осуществленію задуманнаго дѣла—открыть широко школьныя двери всему, жаждущему свѣта, молодому поколѣнію, иначе говоря—основать необходимое для населенія данной мѣстности число школъ. Мы считаемъ не безынтереснымъ указать, какія обстоятельства мѣшали западно-европейскимъ государствамъ, уже издавна введшимъ у себя всеобщее образованіе, въ нѣкоторыхъ даже даровое и обязательное,—достигнуть вышеозначенной цѣли, какія условія народной жизни мѣшали, несмотря на многочисленныя административныя мѣры, многимъ дѣтямъ школьнаго возраста посѣщать школу. Намъ хотѣлось бы указать на предпринятую обществомъ борьбу съ этими неблагоприятными условіями и на результаты этой борьбы.

I.

Сто лѣтъ тому назадъ конституанта, законодательное собраніе и конвентъ разрушили камень за камень зданіе стараго школьнаго режима, находившагося исключительно въ рукахъ духовенства, и установили принципъ обязательнаго, дароваго, свѣтскаго народнаго образованія. Въ *Правахъ челоука и граждаина* сказано: «образованіе является всеобщее потребностью, общество обязано всѣми средствами помогать просвѣтлѣнію умовъ, давая возможность всѣмъ гражданамъ получать образованіе». Декретъ 25 декабря 1793 года объявляетъ первоначальное образованіе обязательнымъ. Декретомъ 17 ноября 1794 года, представленнымъ Лаканалемъ, обязательное обученіе объявляется бесплатнымъ, и школьныя учителя—состоящими на государственной службѣ. Принципы школьнаго законодательства, выставленные Кондорсе, Лаканалемъ, Дантономъ и другими знаменитыми людьми первой республики, только отчасти осуществились на дѣлѣ, послѣ долгой, вѣковой борьбы съ постоянно возрождавшимися реак-

пionными стремленіями. Законъ 1882 года дополняетъ мѣропріятія предыдущихъ годовъ, установивъ наказаніе для родителей, уклоняющихся посылать дѣтей въ школы, штрафомъ отъ 6 франковъ до 3-хъ мѣсяцевъ тюрьмы.

Несмотря на эти безпрестанныя усилія, въ 1882 году насчитывалось 10% дѣтей, не посѣщавшихъ школу *). По статистикѣ иммиграціоннаго бюро въ Нью-Йоркѣ констатировано за послѣдніе годы, что процентъ неграмотныхъ иммигрантовъ различныхъ націй оказался слѣдующимъ: португальцевъ — 67,35%, итальянцевъ — 52,93%, иммигрантовъ изъ русской Польши — 39,82%, изъ Россіи — 36,42%. Бельгій — 15,22%, Финляндіи — 3,58%, Франціи — 3,5%, Швеціи — 0,74%, Швейцаріи — 0,6% и Давіи — 0,49%. **). На послѣднемъ призывѣ къ отбыванію воинской повинности въ Сенскомъ департаментѣ, на 22.927 призывавшихся оказалось 247 человекъ, не умѣвшихъ ни читать, ни писать и 400 человекъ, не умѣвшихъ писать, т.-е. больше 1% первыхъ и почти 3% послѣднихъ ***).

Для надлежащей оцѣнки этой цифры не нужно забывать, что Сенскій департаментъ лучше всѣхъ другихъ обставленъ въ школьномъ отношеніи, что сюда стекаются наиболѣе предприимчивые, развитые и, слѣдовательно, грамотные молодые люди изъ другихъ департаментовъ. Не нужно забывать еще того, что къ призыву въ этомъ году явились юноши, которыхъ уже коснулся законъ 1882 года объ обязательномъ обученіи. Къ этому числу безграмотныхъ нужно прибавить еще многихъ, переступившихъ за школьный возрастъ до того момента, когда впервые былъ введенъ этотъ законъ. Какія же цифры дали бы департаменты, въ которыхъ, какъ въ старыя времена, еще господствуетъ рутинная и равнодушная къ образованію!

Почему же такъ медленно подвигалось впередъ дѣло народнаго образованія? Непосредственныхъ причинъ этому, какъ во всякомъ социальномъ явленіи, довольно много. Мы не остановимся ни на недостаткѣ въ школахъ, въ большинствѣ случаевъ самомъ незначительномъ, ни на упорномъ нежеланіи невѣжественныхъ родителей дать дѣтямъ элементарное образованіе, какъ на явленіи исключительномъ. Займемся разсмотрѣніемъ главнѣйшей, по нашему мнѣнію, причины, которую мы охарактеризуемъ именемъ «дѣтская нищета».

II.

Никто не станетъ оспаривать теперь того общепринятаго вывода науки, доказывающаго, что только организмъ, удовлетворившій своимъ матеріальнымъ потребностямъ, становится способнымъ воспринять духовную пищу. «Здоровый духъ — въ здоровомъ тѣлѣ», говоритъ старое педагогическое изреченіе; а такъ какъ лишь при достаточномъ питаніи, отдыхѣ, чистотѣ воздуха и другихъ гигиеническихъ условіяхъ можетъ выработаться здо-

*) *Beurdeley*: „École Nouvelle“.

***) *Parti Ouvrier*, № 19 іюня 1896 г.

***) *La Petite République*, le 8 août 1896.

вый организмъ, то улучшение матеріальныхъ условій дѣтскаго организма является *conditio sine qua non* его интеллектуальнаго и моральнаго воспитанія. Сколько дѣтей приходитъ утромъ въ школу, ничего не поѣвши! Голодные, индифферентные къ окружающему, проводятъ они цѣлые часы на урокахъ и уходятъ изъ школы съ тѣмъ же запасомъ свѣдѣній, съ какимъ явились туда. Какъ могутъ, въ самомъ дѣлѣ, дѣтскія головки воспринимать и усваивать преподаваемое, когда вниманіе ихъ отвлечено мученіемъ голода?! Часто не имѣя возможности, за недостаткомъ обуви, выйти на улицу погулять со сверстниками, ребенокъ принужденъ цѣлые дни проводить въ темныхъ, сырыхъ конурахъ своихъ! А сколько еще дѣтей не можетъ посѣщать школы, потому что они съ малыхъ лѣтъ отданы въ услуженіе или на фабрику, чтобы своимъ заработкомъ, хоть и ничтожнымъ, увеличить скудные средства семьи. Часто на улицахъ большихъ городовъ приходится видѣть малышей, продающихъ цвѣты, спички, газеты и др. мелочь. Нерѣдко встрѣтишь въ *Дневникѣ приключеній* любой газеты случаи безпощадной эксплуатаціи дѣтей не только своими хозяевами, но и родными. Вотъ одинъ изъ такихъ характерныхъ фактовъ: «Прохожіе по площади Vintimille 15 августа 1896 г. увидѣли горько рыдающаго мальчика лѣтъ 14—15; на разспросы о причинѣ его слезъ мальчикъ отвѣтилъ, что отецъ его выгналъ изъ дому за то, что ему отбазали отъ должности въ виду «мертваго сезона» *) (мальчикъ уже нѣсколько лѣтъ работалъ на фабрикѣ фортепіанъ). Газета, изъ которой взята эта выписка, прибавляетъ, что такіе факты происходятъ ежедневно.

Исслѣдованіе, сдѣланное въ 1882 году въ Брюсселѣ, въ кварталѣ Minimes, подняла одинъ уголь завѣсы, скрывавшей дѣтскую нищету; изъ него мы увидимъ, какъ живутъ и питаются дѣти, посѣщающія школы. На первый, предложенный имъ, вопросъ: «что вы ѣли сегодня въ полдень, возвратившись изъ школы?»—были получены слѣдующіе отвѣты:

1-й ученикъ: супъ и тартинку; 2-й—половину копченой селедки и тартинку; 3-й—ракушки,—моя мать продаетъ ихъ, а остающіися служатъ намъ пишей; 4-й—я не являюсь въ школу, такъ какъ ухаживаю за младшими братишками. Отецъ въ тюрьмѣ. Мать со вчерашняго дня не возвращалась. «Что вы ѣли сегодня?—Ничего.—Что вы будете ѣсть?—Не знаю.—Почему мать не посылаетъ васъ въ школу? — Потому, что она заставляетъ меня просить милостыню, и когда я хожу въ школу, мнѣ не даютъ ѣсть.—Есть у васъ братья и сестры?—Есть взрослая сестра.—Гдѣ она?»... Мы не сообщимъ его отвѣта, полнаго цинизма, въ которомъ мальчикъ передалъ душу возмущающую одиссею своей сестры. 5-й — большой кусокъ мяса; 6-й—картофель и американскую свинину; 7-й—каждый день я ѣмъ рыбу; отецъ продаетъ ее, а то, что не продается, съѣдается нами; 8-й—тартинку съ брюссельскимъ сыромъ; 9-й—ничего. Отецъ побылъ мать за то, что она пьяна, и мы ничего не ѣли. Вечеромъ мы съѣли на 10 сантимовъ картошки съ жиромъ, за которыми меня послалъ отецъ; 10-й—супъ и на 10 сан-

*) P. R., le 16 août 1896.

тимовъ винтчу (обрѣзки и остатки мяса, кожи и костей, которые мясники продають на горсть) и картофель съ уксуомъ.

Въ 1894 году другимъ изслѣдованіемъ, въ Брюсселѣ, въ школахъ № 7-й, было констатировано, что на 850 дѣтей, посѣщавшихъ школу, 239, почти $\frac{1}{3}$, являлись въ школу, не поѣвши ничего существеннаго. Въ этомъ же году комиссія, организованная городомъ, въ составъ которой вошли учителя, городскіе врачи и полиція съ цѣлью изслѣдованія положенія дѣтей, посѣщавшихъ городскія школы (съ трехъ точекъ зрѣнія: питанія, одежды и жилищъ) дала слѣдующіе результаты: 3,031, или 20,97% школьнаго населенія, не имѣютъ достаточной пищи. Но что же служило нормой достаточнаго питанія? Мнѣнія врачей объ этомъ были несогласны: для однихъ—пищи недостаточно, если ребенокъ не получаетъ ежедневно мяса; для другихъ—если онъ не ѣстъ его, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю. Очевидно, изслѣдованіе дало только приблизительное вѣрное понятіе объ этомъ вопросѣ.

«Еслибъ изслѣдованіе коснулось не только дѣтей городскихъ школъ, но и частныхъ,—говоритъ Лео *), у котораго мы заимствовали вышеприведенныя цифры, — нѣтъ сомнѣнія, что число «недостаточно питающихся» удвоилось бы, такъ какъ элементъ, посѣщающій частныя школы, въ общемъ, гораздо бѣднѣе элемента городскихъ школъ». Вотъ одинъ изъ отчетовъ изслѣдованія, представленный городскимъ врачомъ: «Изъ многочисленныхъ разспросовъ, сдѣланныхъ мною, выяснилось, что средній режимъ большинства дѣтей состоитъ изъ:

«Воскресенье—бульонъ и вареное мясо; понедѣльникъ—говядина; вторникъ и среда — картофель и сало; четвергъ — свинина; пятница — рыба (сельдь, треска); суббота—требуха. Молоко употребляется въ самомъ ограниченномъ количествѣ. Наиболее употребительнымъ мясомъ является конина. Масло замѣняется топленнымъ свинымъ саломъ».

Въ школахъ № 18-й на 207 и въ школахъ № 5-й на 191 плохо питающихся дѣтей приходится 118 уч. въ первой и 101—во второй, пища которыхъ абсолютно недостаточна. Въ школахъ №№ 16, 7, 5 и 18 насчитывается 51%, 48%, 37% и 34% плохо питающихся учениковъ. Директоръ школы № 16 заявляетъ, что администраціи приходится часто кормить дѣтей, являющихся въ школу безъ всякихъ припасовъ, а многія дѣти, за неимѣніемъ ихъ, совершенно не приходятъ въ школу. Въ нѣкоторыхъ школахъ констатирована, въ большинствѣ случаевъ, недоброкачественность приносимой пищи въ виду того, что дешевые продукты, которыми приходится кормиться бѣдному населенію, часто фальсифицированы. Кто жилъ въ Парижѣ, тотъ могъ ежедневно видѣть, какъ у дверей казармъ и тюремъ ютятся на ряду со взрослыми десятки дѣтей въ возрастѣ отъ 5—10 лѣтъ съ грязною посудиною всевозможной формы въ рукахъ, дожидаясь распорядленія остатковъ солдатскаго и тюремнаго обѣдовъ въ полдень и вече

*) *Les cantines scolaires et les institutions similaires.* 1896. Bruxelles.

ромъ. Еслибъ эти дѣти и посѣщали школу, то, во всякомъ случаѣ, до полдня они принуждены были бы голодать; впрочемъ, и раздаваемая похлебка врядъ ли можетъ удовлетворить даже нетребовательный дѣтскій организмъ. «Нельзя себѣ достаточно ясно представить,—говорить Luciria *), бывший президентъ монмартрсвой школьной кассы и выдающійся парижскій муниципальный совѣтникъ, — ту ужасную нищету, на которую обречены дѣти во время болѣзни или безработицы родителей. Въ грязной и почти пустой конурѣ, изъ которой вся мебель постепенно перешла къ руки старьевщиковъ, валяются полуодѣтые ребятишки, грызя кость или жуя отбросы мяса, купленные на 10 сантимовъ для всей семьи.

Въ одной изъ статистикъ о вѣнскихъ школахъ, опубликованной нѣсколько лѣтъ тому назадъ, было отмѣчено 1,500 учениковъ, страдавшихъ отъ голода. Печатавъ этотъ отчетъ, одинъ изъ вѣнскихъ журналовъ замѣтилъ, что бывають дни, когда дѣти во время уроковъ падаютъ въ обморокъ отъ голода. Въ другомъ изслѣдованіи, произведенномъ въ вѣнскихъ школахъ, констатировано, что 119 школьниковъ обоого пола не ѣдятъ въ полдень, 224—рѣдко обѣдаютъ въ полдень, 266—довольствуются сухимъ хлѣбомъ, 900—употребляютъ хлѣбъ съ кофе или съ овощами, 184—не ѣдятъ ничего горячаго. По увѣренію школьныхъ учителей, нищета сильно увеличивается къ зимѣ, во время которой въ одной изъ школъ оказалось болѣе 400 голодныхъ дѣтей. Въ 1890 году было сдѣлано изслѣдованіе относительно числа дѣтей, которымъ въ полдень не приносили пищи: 4,300 учениковъ оказалось безъ хлѣба. Докторъ Непі Eugene, на основаніи изслѣдованія сдѣланнаго въ Лондонѣ, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 30% дѣтей, *отроятно*, ѣдятъ ежедневно, 30% — *случайно*, 20% — ѣдятъ только мучное, 13% — пользовались достаточною пищей, 7% — ежедневно страдали отъ голода.

Ограничимся этими цифрами. Вездѣ, гдѣ существуютъ нужда и страданія вообще, тамъ и дѣти голодаютъ; тамъ, слѣдовательно, ни изобиліе школъ, ни прекрасный учительскій персоналъ не могутъ привлечь дѣтей въ школу. Не могутъ пользоваться школой и тѣ дѣти, которымъ приходится работать, ухаживать за младшими братьями и сестрами, — словомъ, всѣ тѣ, которые съ раннихъ лѣтъ начинаютъ уже нести ярмо безконечной трудовой жизни. Не служить ли лучшимъ доказательствомъ этого положенія тотъ фактъ, что самый бѣдный 13-й округъ въ Парижѣ далъ $\frac{1}{8}$ часть всѣхъ безграмотныхъ при вышеупомянутомъ призывѣ въ Сенскомъ департаментѣ? Нужда и нищета являются неизбѣжнымъ придаткомъ и слѣдствиемъ современнаго экономическаго развитія всѣхъ цивилизованныхъ странъ, и только съ улучшеніемъ быта недостаточныхъ классовъ могутъ исчезнуть эти печальныя явленія. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что, въ ожиданіи лучшаго будущаго, общество должно равнодушно смотрѣть на подобное положеніе вещей. Должно знать, что не въ полумѣрахъ спасеніе, но можно

*) *La caisse des écoles de Montmartre. 1889. Paris.*

и должно не забывать о настоящихъ страданіяхъ и по мѣрѣ силъ и возможности облегчить ту массу дѣтской нужды и дѣтскаго горя, которыя требуютъ помощи немедленно.

Хроническое или временное голоданіе—не единственное препятствіе для посѣщенія школы; въ нему нужно присоединить недостатокъ въ одеждѣ и обуви. Въ самомъ дѣлѣ, если голодъ чувствуется только голодающимъ, то скверная обувь и одежда бросаются въ глаза всякому, и вслѣдствіе этого ребенокъ, стыдясь насмѣшекъ товарищей, часто не является въ школу. Мать ребенка, въ свою очередь, желая скрыть свою бѣдность, предпочитаетъ оставить его въ невѣжествѣ, освободивъ ребенка отъ насмѣшекъ и себя отъ пересудовъ сосѣдей. André, инспекторъ народныхъ школъ въ Брюсселѣ, призналъ недавно въ одномъ изъ своихъ напечатанныхъ писемъ, что много дѣтей, посѣщавшихъ городскія школы, носило скверную обувь. Анкета 1894 г. дала слѣдующія цифры: 2.442 уч., или 16,89% школьнаго населенія, плохо обуты; 3.619 уч., или 25,04%, плохо одѣты. Изъ числа учениковъ, считавшихся хорошо обутыми, 2.749 дѣтей носили обыкновенныя sabots (sabots—грубые башмаки на деревянной подошвѣ), 228 дѣтей въ самые сильные морозы носятъ туфли, 1.015 — носятъ галоши и т. п. обувь; въ итогѣ получается 3.992 дѣтей, не имѣющихъ башмаковъ. Если къ послѣднему числу прибавить 2.442 уч., обозначенныхъ въ отчетѣ, какъ недостаточно обутые, то окажется, что 6.434 учащихся, или 44,52% всего населенія городскихъ школъ (въ 1894 г. числилось въ нихъ 14,450 уч.), нуждались въ обуви. Директоръ школы № 6-й приписываетъ наибольшее количество пропусковъ недостатку въ обуви и одеждѣ. А сколько еще дѣтей совершенно не посѣщаетъ школы по тѣмъ же причинамъ! Посмотримъ теперь, что было сдѣлано для облегченія тяжелой участи бѣдныхъ дѣтей.

III.

15 іюля 1793 года Робеспьеръ представилъ конвенту планъ національнаго воспитанія, редижированный Pelletier St.-Fargeau. Въ немъ значилось: «Скоро рожденіе ребенка перестанетъ быть бременемъ для родителей. Республика придетъ имъ на помощь. Отечество воспитаетъ, вскормитъ и одѣнетъ ребенка». Какъ и другіе декреты революціоннаго періода великой французской революціи, это обязательство государства воспитывать и кормить дѣтей школьнаго возраста осталось на бумагѣ. Только въ 1867 году во Франціи начинается новое движеніе въ этомъ направлевіи, по средствамъ и цѣлямъ сильно уступавшее тому, о которомъ мечтали конвенціонисты. § 15 закона 10 апрѣля 1867 года гласитъ слѣдующее: «Рѣшеніемъ муниципальнаго совѣта, подтвержденнымъ префектомъ, можетъ быть учреждена въ каждой коммунаѣ школьная касса, средства которой облегчали бы дѣтямъ посѣщеніе школы, оказывая матеріальную помощь нуждающимся и выдавая награды прилежнымъ ученикамъ». Въ слѣ-

емъ дополнителенъ циркулярѣ министр народнаго просвѣщенія пояснилъ этотъ законъ слѣдующимъ образомъ: причиною, по которой дѣти не являются въ школу, служитъ часто то обстоятельство, что родители нуждаются въ ихъ помощи. Не можетъ ли касса выдавать имъ денежную помощь съ условіемъ, взаимнѣ ея, посылать дѣтей въ школу? Нельзя ли на средства кассы выдавать дѣтямъ одежду и обувь, за неимѣніемъ которыхъ они часто не посѣщаютъ школы? Обязанностью кассы является также выдача учебныхъ принадлежностей нуждающимся дѣтямъ. Жюль Ферри подобнымъ же образомъ комментировалъ этотъ законъ, ставшій обязательнымъ въ 1882 году: «При обязательномъ обученіи наибольшую услугу фактическому осуществленію его можетъ оказать институтъ школьныхъ кассъ, задача которыхъ—помощь бѣднымъ дѣтямъ одеждою, пищею, обувью и учебными принадлежностями». Разрѣшая и даже приглашая къ устройству кассъ, центральное правленіе, однако, не назначило никакой денежной помощи для осуществленія и поддержки этого дѣла. Всю заботу о немъ должна была взять на себя частная инициатива людей, сочувствующихъ дѣлу народнаго образованія, и отчасти коммунальное управленіе. Средства кассы должны были составляться изъ членскихъ взносовъ, субсидій отъ коммунъ и департаментовъ и частныхъ пожертвованій. Къ этимъ источникамъ дохода прибавился еще одинъ, изобрѣтенный муниципальнымъ совѣтомъ въ Nablau (департаментъ Seine et Oise), который рѣшилъ, что при каждомъ вѣнчаніи въ мэріи будетъ дѣлаться добровольный сборъ въ пользу кассы. Любопытно, что первый сборъ былъ сдѣланъ при вѣнчаніи учителя и учительницы этой коммуны, давшій 46 франковъ. Практика эта съ нѣкоторыми измѣненіями была введена во всѣхъ муниципальных совѣтахъ; но, предоставленное частной инициативѣ, оставаясь, слѣдовательно, отчасти филантропическимъ предпріятіемъ, дѣло кассъ не могло разростись. Невѣжественному, эгоистичному индивидуалисту, какимъ является французскій крестьянинъ, казалось дикимъ жертвовать своими деньгами въ пользу бѣдныхъ дѣтей для того только, чтобы дать имъ возможность учиться. Незначительная распространенность кассъ зависѣла отчасти и отъ того, что ими, при господствѣ бюрократіи и духовенства до 1871 г., завѣдывали главнымъ образомъ чиновники и кюре *). Касса являлась не общественнымъ учрежденіемъ, а благотворительнымъ бюро. Подъ управленіемъ имперскихъ мэровъ, кюре и клерикальныхъ членовъ коммуны касса служила больше интересамъ духовенства и консерваторовъ, чѣмъ своей главной задачѣ. Возрожденіе дѣятельности кассъ, главнымъ образомъ въ Парижѣ, относится къ 1877 году, когда составила федерация комитетовъ различныхъ кассъ и, по докладу Lacroix, былъ выработанъ новый уставъ **). Существенными его пунктами были: 1) большинство членовъ администраціи должно непремѣнно избираться членами кассы; 2) обязательный членскій взносъ уменьшенъ до 6 франковъ

*) *Beurdeley*: loc. cit.

***) *Lucipia*, loc. cit.

въ годъ. Этими двумя мѣрами обезпечивалась отчасти демократизація кассъ и правильное употребленіе фондовъ. Къ этому времени въ Парижѣ было 20 кассъ, а во всей Франціи только 639, изъ которыхъ функціонировали 511, да и то очень слабо. А между тѣмъ потребность въ этихъ кассахъ давала себя чувствовать все сильнѣе.

Во всѣхъ департаментскихъ докладахъ, представленныхъ на педагогическомъ конгрессѣ 1881 года *), единодушно указывалось на недостаточное посѣщеніе школъ и, какъ на одно изъ важнѣйшихъ средствъ къ устраненію этого, на учрежденіе кассъ. Въ докладѣ департамента Юры сказано: «Конгрессъ долженъ высказаться за необходимость помочь нуждающимся семьямъ путемъ учрежденія школьныхъ кассъ, которыя дали бы возможность не только доставлять учебныя принадлежности (этимъ въ большинствѣ случаевъ ограничивалась дѣятельность кассъ), но давать дѣтямъ при приходѣ ихъ въ школу теплую пищу зимой и, по мѣрѣ возможности, необходимую одежду. Департаментъ Loire et Cher говоритъ о необходимости учрежденія школьныхъ кассъ съ обязательною субсидіей отъ коммунъ, департаментовъ и государства. Департаментъ Мауеппе требуетъ обязательнаго устройства въ каждой коммунѣ школьной кассы, субсидированной коммуной и благотворительнымъ бюро для раздачи одежды, пищи и учебныхъ принадлежностей нуждающимся ученикамъ. Департаментъ Оизе требуетъ, чтобы законъ 1867 г. о добровольныхъ кассахъ сталъ обязательнымъ для каждой коммуны. Подобнаго же рода требованія выставлены и всѣми остальными департаментами. Въ заключеніе конгрессъ единогласно принялъ слѣдующую резолюцію: 1) конгрессъ требуетъ, чтобы школьныя кассы являлись обязательнымъ учрежденіемъ и чтобы государство выдавало коммунамъ для ихъ функціонированія субсидію, размѣры которой соответствовали бы нуждамъ и субсидіи данной коммуны. 2) Учебныя принадлежности должны быть выдаваемы всѣмъ ученикамъ. 3) Учрежденіе бесплатной медицинской помощи во всѣхъ школахъ.

Правительство пошло за требованіями общественнаго мнѣнія, и законъ 28 марта 1882 года объявляетъ школьныя кассы обязательными для всѣхъ коммунъ. Мы видѣли выше изъ объясненія Жюля Ферри, что и по новому закону назначеніе кассъ оставалось такимъ же, какъ оно было раньше по закону 1867 года. Но въ 1882 году государство обязалось отчислять ежегодно 100,000 франкъ на субсидію коммунамъ. Величина субсидіи для каждой коммуны должна быть, по крайней мѣрѣ, равна суммѣ, жертвующей самою коммуной на это дѣло.

Каковы же были результаты этого закона? Отчетъ Cadet **), столонячальника въ министерствѣ народнаго просвѣщенія о дѣятельности этихъ кассъ за періодъ отъ 1882—1889 гг. показываетъ, что есть законы и законы, какъ есть *fagots et fagots*. Законъ о школьныхъ кассахъ приня-

*) *Compte rendu du Congrès pédagogique de 1881.*

**) *Cadet: „Rapport sur les caisses des écoles“. Paris, 1889.*

лежитъ къ числу тѣхъ, которыхъ можно не исполнять. На 36,117 коммунъ Франція всего было учреждено муниципальными совѣтами 17,774 кассы, изъ которыхъ многія въ скоромъ времени закрылись: онѣ отцвѣли не успѣвши расцвѣсть. Во всѣхъ департаментскихъ отчетахъ за періодъ отъ 1882—1889 гг. говорится объ уменьшеніи числа этихъ кассъ. Въ департаментѣ Сегъ въ 1882 году муниципальные совѣты, возбужденные министерскими циркулярами и, въ надеждѣ на обѣщанную субсидію, открыли много кассъ, но скоро пришлось ихъ закрыть за недостаткомъ средствъ. Отчетъ департамента Юнны говоритъ, что въ 1887—1888 г. закрылось 4 кассы, а доходъ всѣхъ уменьшился на 6,229 франковъ. Отчетъ департамента Нижней Сены констатируетъ съ сожалѣніемъ, что изъ 759 коммунъ—200 не имѣютъ кассъ. Въ департаментѣ Вандеѣ въ 1886 г. было 155 кассъ, а въ 1887 г.—143 кассы. Комитеты не функционируютъ и ограничиваются лишь выдачей учебныхъ принадлежностей. Въ департаментѣ Лозеръ кассы функционируютъ только въ 12 школахъ. Отчетъ департамента Канталь констатируетъ, что 60 кассъ съ доходомъ въ 4,032 франка не въ состояніи много сдѣлать. Въ департаментѣ Орнѣ число кассъ увеличилось на 11, но доходы уменьшились на 2,060 фр. Всего въ этомъ департаментѣ кассы имѣютъ 27,593 фр. дохода; изъ нихъ 9,000 фр. приходится на городъ Алансонъ; поэтому только въ послѣднемъ и раздается учащимся одежда. Въ остальныхъ мѣстностяхъ приходится ограничиться только выдачей учебныхъ принадлежностей. Результаты функционирования кассъ во всей Франціи за этотъ періодъ слѣдующіе:

Число кассъ.	Приходы.	Расходы.
Въ 1882 г.—16,207	3.061,181 фр.	1.526,663 фр.
» 1887 »—16,954	5.108,354 »	3.518,417 »

Въ среднемъ каждая касса въ 1882 г. тратила 93 фр. 80 сент., въ 1887 г.—206 фр. 30 сент. Последняя цифра находится, повидимому, въ противорѣчій съ вышесказаннымъ, но это противорѣчіе легко объясняется тѣмъ, что въ общій итогъ вошли и расходы парижскихъ кассъ, которыя, какъ мы увидимъ, развивались и разрастались и поэтому вліяли своимъ значительно повышавшимся бюджетомъ на среднюю цифру для всей Франціи.

Почему же не могъ развиваться институтъ школьныхъ кассъ? Что мѣшало ихъ учрежденію и успѣшной дѣятельности ихъ? Главная причина, какъ справедливо замѣтилъ Cadet, заключалась въ томъ, что большинство кассъ не имѣло средствъ. Но почему же Франція, государство съ такимъ огромнымъ бюджетомъ, не могла доставить средствъ кассамъ, необходимость которыхъ само государство признало? Нельзя, вѣдь, считать серьезною помощью субсидію въ 100,000 фр., назначенныхъ на 15,000 коммунъ, которыя имѣли право на субсидію. Если раздѣлить всю сумму 100,000 франк. на вышеозначенное число коммунъ, то полученная субсидія въ 7 фр. на каждую кассу можетъ показать только, какъ мало заботится государство о нуждающихся. Классовый эгоизмъ французской буржуазіи,

олицетворенный въ оппортунистическомъ правительствѣ, рѣзко проявляется въ этомъ фактѣ.

Отказавшись отъ заботъ о бѣдныхъ дѣтяхъ, государство предоставило очень широкую инициативу обществу и муниципалитетамъ въ дѣлѣ устройства кассъ, снабженія ихъ средствами и функционирования. Хотя и существуетъ рекомендуемый правительствомъ образецъ статутовъ такихъ кассъ, но законъ охотно допускаетъ частныя измѣненія его, и общество кассъ имѣетъ возможность сравнительно широко распорядиться средствами *). Тамъ, гдѣ кассы устраиваются, какъ велитъ законъ, или субсидируются муниципальными совѣтами, тамъ члены кассъ, какъ, наприм., мэръ, помощникъ его, школьный инспекторъ,—должны по праву состоять въ администраціи, не подвергаясь выборамъ. Присмотримся однако ближе къ этой допускаемой общественной инициативѣ, разберемъ, какіе элементы могутъ принимать и принимаютъ участіе въ этой области заботы о народномъ просвѣщеніи. Отвлечемся на время отъ Парижа и другихъ крупныхъ центровъ Франціи. Было бы очень странно, еслибъ кульминаціонные пункты высокоразвитой общественной жизни такъ же относились къ вопросамъ просвѣщенія, какъ мелкія коммуны. Всѣ энергичныя, дѣятельныя личности провинціи сосредоточены въ этихъ центрахъ, которымъ онѣ и посвящаютъ свои силы. Неудивительно поэтому, если дѣло школьнаго образованія вообще и въ частности дѣло кассъ развито и обставлено въ этихъ городахъ гораздо шире и полнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Но жизнь Франціи не кончается за предѣлами Парижа, Ліона, Марсеа; Франція, по большей части, страна мелкихъ коммунъ. Задача именно заключается въ томъ, чтобъ изслѣдовать причины, по которымъ эти коммуны не могли ничего сдѣлать для бѣднаго дѣтскаго населенія.

Право участвовать въ кассахъ предоставляется по статутамъ лицамъ, платящимъ не менѣе 6 франковъ ежегодно. Но каждая касса можетъ по своему усмотрѣнію увеличить обязательный минимумъ; въ среднемъ для всей Франціи членскій взносъ достигаетъ 10—12 фр. въ годъ **). Этимъ обязательствомъ довольно значительнаго взноса бѣдному населенію закрывается возможность войти въ организацію кассъ, вліять своими требованіями и знаніемъ нуждъ своей среды на наиболѣе цѣлесообразное распредѣленіе средствъ. Съ другой стороны, состоятельный крестьянинъ не хочетъ поступить въ члены кассъ. Какъ уже было сказано, жертвовать своими деньгами, отдавать свой трудъ на помощь бѣдной дѣтворѣ онъ считаетъ лишь поощреніемъ «лѣни отцовъ». Да и для чего грамота бѣдняку? И безъ нея онъ проживетъ, какъ прожили его отцы. Если и удасть иногда энергичному школьному учителю, просвѣщенному кюрэ и врачу возбудить на время жалость, а иногда и патриотизмъ богатѣевъ, и они скоро устаютъ отъ долгой безплодной борьбы и складываютъ ор-

*) Manuel pratique des lois sur l'instruction par Benoit Lévy.

***) Maurice Block: „Administration de la ville de Paris“, 1884.

жѣ. Касса прекращаетъ свою дѣятельность или функционируетъ лишь для того, чтобы давать награды дѣтямъ тѣхъ же богатѣевъ. Другимъ источникомъ доходовъ является субсидія отъ муниципальнаго совѣта, который избирается изъ тѣхъ же состоятельныхъ крестьянъ. Послѣдніе стараются распределять общественныя суммы если не исключительно на потребности своего сословія, то во всякомъ случаѣ на общія нужды всей коммуны, а не специально на бѣдныхъ членовъ ея. Вотъ каковы кажутся намъ главные причины неуспѣха школьныхъ кассъ, — причины, коренящіяся и въ непониманіи обязательства коммунальной заботы о дѣтяхъ, и въ существующемъ сознательномъ антагонизмѣ имущихъ и неимущихъ.

Чтобъ дѣло кассъ стало, дѣйствительно, серьезной коммунальной реформой, нужно извѣстное самосознаніе нуждающихся въ этой реформѣ, нужно ихъ политическое воспитаніе. Заинтересованный въ реформахъ элементъ, ставъ у кормила коммунальныхъ дѣлъ, распределялъ бы общественныя деньги на неотложныя важныя потребности большинства своихъ согражданъ. Средства, идущія на ненужныя украшенія мэрій, на разведеніе скверовъ, которыми десятки и сотни дѣтей не могутъ пользоваться по недостатку обуви, были бы распределены на нужды первой необходимости. Но одной этой реформой не ограничивается коммунальная забота о благѣ большинства, нужна цѣльная реформаторская программа, за осуществленіе которой боролось бы большинство коммуны.

IV.

Какъ уже было сказано, законъ предоставляетъ школьнымъ кассамъ большую самостоятельность въ ихъ дѣятельности. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, если эта дѣятельность существенно различается въ зависимости отъ нуждъ школьнаго населенія данной мѣстности и отъ бѣльшаго или меньшаго пониманія этихъ нуждъ членами кассъ.

Вслѣдствіе этого трудно представить среднія цифры и средній результатъ дѣятельности хотя бы только парижскихъ кассъ. Въ богатыхъ округахъ *) средства могутъ изобиловать, между тѣмъ, какъ потребности въ нихъ сравнительно мало. Въ другихъ, густо населенныхъ рабочихъ кварталахъ, много нужды, а средствъ мало. Намъ остается поэтому представить нѣсколько образцовъ кассъ, функционирующихъ въ разнородныхъ мѣстностяхъ, описавъ предварительно общія имъ всѣмъ черты.

Членами кассъ могутъ быть, помимо платящихъ извѣстный ежегодный взносъ отъ 6—10 fr., еще и тѣ, кто одновременно вносятъ 120 fr. — сумму, которая ежегодно можетъ приносить 6 fr. процентовъ. Большинство администраціи непремѣнно должно выбираться членами кассъ; меньшинство въ ней является членами по праву. Это меньшинство составляютъ: мэръ, помощникъ его, муниципальные совѣтники даннаго участка и инспекторъ на-

*) Парижъ раздѣленъ на 20 округовъ (arrondissements).

родныхъ школъ; такъ, наприм., администрація школьныхъ кассъ Монмартра (18 arrondis.), работающихъ лучше и успѣшнѣе другихъ, состоитъ изъ 31 члена, 20 изъ нихъ избираются, а 11 засѣдаютъ по праву (мэръ, помощникъ мэра, инспекторъ, 4 муниципальных совѣтника и 4 кантональных делегата). Въ число членовъ кассъ женщины стали допускаться только съ 1884 года *).

Главнѣйшими приходами кассъ являются, въ зависимости отъ состава членовъ, а также и мѣстности,—то балы и народныя гулянья, то сборы съ новобрачныхъ, то завѣщанія, а то и субсидія отъ коммунъ. Нужно отмѣтить здѣсь тотъ фактъ, что членскіе взносы составляютъ минимальный процентъ всѣхъ доходовъ; очевидно, что даже въ парижскихъ кассахъ съ трудомъ собираются членскіе взносы. Чего же можно ждать отъ остальныхъ коммунъ? Обыкновенно школьныя кассы выдаютъ нуждающимся 2 раза въ году обувь и одежду (въ началѣ зимы и лѣта). Въ нѣкоторыхъ кассахъ опредѣленнаго срока для этого нѣтъ; круглый годъ изъ специально-устроеннаго склада выдаются, по предъявленію жетона, одежда и обувь. Вторымъ не менѣе важнымъ дѣломъ является устройство кассами школьныхъ увеселеній, прогулокъ въ окрестностяхъ и школьныхъ лѣтнихъ колоній. Кассы выдаютъ награды успѣвающимъ, а богатыя кассы и учителямъ, оказываютъ денежную помощь роднымъ учениковъ. Но наиболѣе важною услугою комитета школьныхъ кассъ является управленіе и надсмотръ надъ функционированіемъ школьныхъ столовыхъ, о которыхъ мы поговоримъ въ слѣдующей главѣ. Всѣ учащіеся могутъ пользоватьсягодами, представленными школьными кассами. Одни пользуются ими безвозмездно, другіе—за извѣстную плату. Просьба о даровой помощи подается директору или директриссѣ школы, послѣ чего нѣкоторымъ членамъ комитета предписывается изслѣдовать основательность просьбъ, отношеніе къ которымъ—довольно строгое. За основу большей или меньшей нужды принимается число дѣтей данной семьи. Сироты и дѣти, отцы которыхъ исчезли безслѣдно, подходятъ подъ категорію просителей, у которыхъ трое дѣтей. Если кассы не въ состояніи удовлетворить всѣмъ требованіямъ, признаннымъ основательными, какъ это случилось, напримѣръ, въ 1888 г. съ кассой 18-го округа, то пособіе выдается прежде всего семьямъ, у которыхъ наибольшее число дѣтей. Такое строгое отношеніе къ просьбамъ о помощи исчезаетъ зимой, когда не отказываютъ даже тѣмъ, у кого одинъ ребенокъ, но глава семьи боленъ или не имѣетъ работы.

Само собой разумѣется, что помощь выдается такимъ образомъ, чтобы дѣти не знали, кто изъ нихъ пользуется вспоможеніемъ. Бѣдная дѣтвора избавляется, благодаря этому, отъ возможныхъ насмѣшекъ и оскорбленій. Администрація кассы занимается сборомъ средствъ, бухгалтеріей, надсмотромъ и организаціей всего присущаго кассѣ дѣла. Она же занимается распредѣленіемъ даровыхъ жетоновъ, основываясь на докладахъ

*) *Lucipia*: „Caisses de Montmartre“.

членовъ, назначенныхъ для изслѣдованія основательности поступающихъ просьбъ.

Посмотримъ теперь, какъ распределяются доходы и расходы въ различныхъ мѣстностяхъ. За образцы возьмемъ богатый 8-й округъ *), сравнительно бѣдные 14-й **) и 18 округи ***) и деревенскій кантонъ Revals въ департаментъ Сены и Марны ****), состоящій изъ 11 коммунъ. Къ сожалѣнiю, мы не могли достать отчеты всѣхъ этихъ кассъ за одинъ и тотъ же годъ; тѣмъ не менѣе мы считаемъ, что сравнительные результаты отъ этого существенно не измѣняются. Представимъ таблицу приходовъ и расходовъ вышеозначенныхъ кассъ (см. примѣч.).

П Р И Х О Д Ы:

СТАТЬИ:	1887—88 г. 18-й окр.		1886—87 г. 14-й окр.		1894—95 г. 8-й окр.		1884—85 г. Revals.	
		%		%		%		%
Членскіе взносы	2.864	7	1.455	7,5	6.505	16	660	32
Завѣщанія, пожертвованія и проценты съ капитал.	10.543	25	3.765	20	14.162	34	300	14
Базы и гулянья	21.574	51	10.165	52,8	—	—	990	48
Сборъ съ новобрачныхъ	1.296	3	3.827	19,7	22.355	50	—	—
Спеціальныя средства на школьныя путешествія и т. д.	5.964	14	—	—	—	—	180	—
Итого	42.241	—	19.212	—	43.022	—	2.130	—

Примѣчаніе: Очень мелкіе приходы и расходы не обозначены по сѣуду. Процентное отношеніе, поэтому, приблизительное и взято въ круглыхъ цифрахъ.

Р А С Х О Д Ы:

СТАТЬИ.	1887—88 г. 18-й окр.		1886—87 г. 14-й окр.		1894—95 г. 8-й окр.		1884—85 г. Revals.	
		%		%		%		%
Награды ученикамъ	1.797	6	671	4	3.093	8,6	423	22
„ учителямъ	—	—	—	—	2.200	6,2	—	—
Одежда и обувь	17.033	52,5	5.500	31	8.774	24,5	819	42
Школьныя колоніи	3.194	10	—	—	5.206	14,5	—	—
Эксперси и путешествія	998	3	7.789	43	722	2	—	—
Администрат. расходы	5.375	16,6	2.700	15	6.207	17,3	120	6,5
Добавочные курсы	—	—	500	3	7.958	22,1	—	—
Помощь учителямъ	—	—	—	—	1.060	3	169	7,5

*) Compte rendu de la caisse de 8-e arrond. 1894.

**) Annuaire de l'année scolaire 87—88 du XIV arrond.

***) Lucipia loc. cit.

****) Compte rendu de 1884.

Прежде всего въ представленной таблицѣ бросается въ глаза почти полное соотвѣтствіе процентныхъ отношеній доходовъ 14-го и 18-го округовъ; это и понятно, такъ какъ характеръ населенія того и другого участка—однородный; но отъ 8-го округа они рѣзко отличаются не только процентными отношеніями однихъ и тѣхъ же источниковъ доходовъ,—самые источники различнаго характера; такъ, мы видимъ, что около 50% доходовъ кассъ 14-го и 18-го округовъ составляетъ прибыль отъ устраиваемыхъ народныхъ гуляній, въ то время какъ тѣ же 50% дохода 8-го округа составляютъ сборъ съ новобранныхъ.

Наименьшую статью дохода во всѣхъ округахъ составляютъ членскіе взносы: 7% въ 18-мъ окр., 7,5% въ 14-мъ, 16%—въ 8-мъ, 32% въ кантонѣ Ребѣ. Двѣ послѣднія цифры хотя и довольно высокія въ сравненіи съ цифрами той же графы въ 14-мъ и 18-мъ округахъ, представляютъ все-таки наименьшую статью дохода въ сравненіи съ другими того же округа. Въ распредѣленія дохода остается отмѣтить еще кантонъ Ребѣ, гдѣ за исключеніемъ членскихъ взносов нѣтъ никакого другого источника дохода отъ частной инициативы. Не этимъ ли объясняется сравнительно высокій процентъ женскихъ взносов? Весь остальной доходъ этого кантона составляется изъ субсидій отъ государства и коммунъ. Какъ же распредѣляются доходы?

Сравнивая различныя группы кассъ, мы наталкиваемся на тотъ характерный фактъ, что всѣ онѣ тратятъ наибольшую сумму на одежду и обувь. Кажущееся исключеніе, представляемое 14-мъ округомъ, легко объясняется тѣмъ, что въ этомъ году учащіеся совершили далекое канникулярное путешествіе, расходы на которое и превысили сѣдующій за нимъ расходъ на обувь и одежду. Мы ясно видимъ, какъ были правы и конгрессисты 1881 года, и Жюль Ферри, указывая на первую послѣ пищи главную потребность въ одеждѣ и обуви; такъ, 18-й округъ тратитъ 17.000 франк., или 52,5% своихъ расходовъ на эту потребность; 14-й округъ—5.500 франк., или 31%; 8-й округъ—8.774 фр., или 24,5%; кантонъ Ребѣ—819 фр., или 42% своихъ расходовъ. Укажемъ также на то, что въ то время, какъ парижскія кассы тратили на награды ученикамъ отъ 4%—8%, Ребѣ тратилъ 22%, т.-е. значительный % своихъ расходовъ онѣ тратилъ на предметы второстепенной важности. Интересно также отмѣтить, что процентъ административныхъ расходовъ всѣхъ 3 округовъ совпадаетъ, колеблясь между 15—17%. Въ отчетѣ 8-го округа насъ поражаетъ графа расходовъ, которой нѣтъ ни въ одномъ другомъ округѣ: это—2.200 фр., или 6,2% всего расхода, употребляемые на награды учителямъ; если къ этой цифрѣ прибавить расходъ на вспомошествованіе учителямъ, которой также нѣтъ въ другихъ отчетахъ, то окажется, что 3.260 фр., или почти 10% всего расхода идетъ на учителей. Очевидно, что богатая касса можетъ уклониться въ своей прямой задаче—помощи дѣтямъ.

Не встрѣтимся мы въ другихъ отчетахъ и съ громаднымъ расходомъ въ 8.000 фр., т.-е. 22% всей расходуемой суммы, идущихъ на различныя

добавочные предметы и вечерние курсы языков. Очевидно, спрос на предметы первой необходимости в 8-м округе ничтожен, и касса распределяет свои средства на второстепенные, хотя и полезные дела. Главной статьей расхода почти повсюду является обувь. Из 17,000 фр., которые 18-й округ тратит на одежду и обувь, 10,500 идут на последнюю. В 14-м все 5,500 фр. пошли на покупку 2,558 пар галош. Ребе из 819 фр. тратит 549 фр., или $\frac{2}{3}$ всей суммы—на обувь. Даже 8-й округ тратит 8,774 фр. на 86 пар панталон, курток и т. п. и на 1,497 пар башмаков. Ясно, как велика нужда бедных школьников в этих принадлежностях туалета. Муниципальный совет города Руба, приступив к управлению коммунальными делами, счел первым долгом вотирировать субсидию школьным кассам. Старая администрация тратила в 1891 г. на эти потребности 3,148 франк., в 1892 г.—3,969 франк. Новый муниципалитет вотирует в декабре 1892 г.—14,484 франк., в декабре 1893 г.—18,906 франк., в ноябре 1894 г.—20,457 франк., в 1895 г.—22,780 франк., в 1896 г.—29,946 франк. Здесь, как и в Париже, как и в кантонах Ребе, расходы на обувь превышали все остальные: так в 1895 г. было роздано 5,200 пар галош, 4,600 пар чулок, 2,860 сорочек, 2,400 шерстяных фуфаяк, 800 пар панталон и т. д. Расходы касс, за некоторыми исключениями, почти всегда распределяются по отдельным графам в том же отношении, как и в приведенных отчетах; так, пред нами отчет Монмартрской кассы за период от 1874—1888 гг. Из всей суммы расходов за этот период 55% было потрачено на одежду и обувь (1887—1888 г.—52,5%). На награды ученикам, экскурсии и школьные колонии пошло 18% (1887—1888 г.—19%). Расходы на администрацию составляли 18% (1887—1888 г.—16,6%).

Школьные колонии являются необходимым дополнением всего характера деятельности касс. Пища и одежда, получаемая ребенком от касс, могут только поддерживать его существование, а не укреплять истощенный, измученный детский организм. В темных, сырых помещениях, в грязной обстановке—ребенок растет чахлым, бледным, безжизненным. А между тем его организм так нуждается в чистом воздухе, горячем солнце. Понимая эту необходимость, муниципальный совет Парижа уже около 10 лет выдает субсидию школьным кассам, благодаря которой несколько тысяч детей ежегодно летом проводят по месяцу на берегу моря или в деревне. Богатые кассы часто на свои собственные средства отправляют по 50—60 детей каждая; так, школьная касса 8-го округа получила в 1894 г. от города субсидию всего в 773 фр.; тем не менее, она истратила на летние колонии 5,206 фр., на которые 30 мальчиков и 35 девочек провели целый месяц в деревне. Всего в 1894 г. городом было отправлено в колонии 3,237 детей из 158,000 детей школьного населения, или немного больше 2%. В 1895 г. школьными колониями пользовались уже 3,268 детей; на это было затрачено 217,959

фр. Въ 1896 г. отправлено было 4,037 дѣтей и, по сдѣланнымъ вычислениямъ, расходы достигнуть 252,909 фр.

Просьбы объ участіяхъ въ лѣтнихъ колоніяхъ поступаетъ гораздо больше, чѣмъ кассы въ состояніи удовлетворить. Школьные колоніи приносятъ громадную пользу тѣмъ немногимъ дѣтямъ, которыя принимаютъ участіе въ нихъ. Надышавшись вдоволь укрѣпляющимъ воздухомъ полей и лѣсовъ, проведши беззаботно мѣсяцъ въ прогулкахъ и играхъ, полубольныя, азимичныя дѣти возвращаются поздоровѣвшими, окрѣпшими, съ румянцемъ на лицѣ. Въ лѣтнихъ колоніяхъ бѣдныя дѣти находятъ иллюзію хоть кусочка счастья, забывая на время о давящей домашней нуждѣ, о вонючихъ улицахъ и дворахъ своего, по большей части, грязнаго квартала.

Упомянемъ еще о томъ, что нѣкоторыя кассы организовали бесплатную медицинскую помощь для всѣхъ, безъ исключенія, дѣтей и снабженіе бѣдныхъ даромъ необходимыми лѣкарствами.

У.

Раздача пищи бѣднымъ школьникамъ на средства коммунъ спорадически практиковалась съ давнихъ поръ. Съ 4 октября 1845 г. бельгійское правительство ассигновало изъ суммъ, назначенныхъ на первоначальное обученіе, — 15,500 фр. для раздачи пищи бѣднымъ дѣтямъ. Въ 1847 году цифра эта была повышена до 30,000 фр. Тогда же была признана недостаточность этой суммы. Въ тотъ же годъ министръ Рожье *) обратился къ муниципальнымъ совѣтамъ и частнымъ филантропическимъ организациямъ со слѣдующимъ циркуляромъ: «необходимо ввести, какъ общее правило, существующій въ нѣкоторыхъ коммунахъ обычай раздачи пищи бѣднымъ дѣтямъ. Такимъ образомъ создается одинъ изъ могучихъ стимуловъ посылать дѣтей въ школу. Число учениковъ значительно увеличивается, здоровье улучшается, и они получаютъ возможность съ большимъ успѣхомъ воспринимать преподаваемое».

Въ 1881 г. муниципальный совѣтъ Парижа рѣшаетъ устроить при школахъ столовыя, гдѣ дѣти имѣли бы возможность за незначительную плату или даромъ получать свѣжую, горячую, сытную пищу. Завѣдываніе этими столовыми поручено администраціи школьныхъ кассъ; въ вѣдѣніи послѣдней находится все дѣло организации столовыхъ. Инспектрисса, получающая жалованье, ежедневно наблюдаетъ за правильнымъ функционированіемъ столовыхъ каждаго округа. Кромѣ этого, администрація кассы выбираетъ изъ своихъ членовъ нѣсколько дамъ, которымъ поручается, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю обходить назначенную каждой столовую, проверять счета завѣдующихъ столовыми. Послѣдніе являются или хозяевами дѣл, или служащими. Въ первое время учрежденія столовыхъ преобладала система завѣдующихъ хозяевъ. Но съ 1883 года монмартрская касса взяла на себя всю хозяйственную часть столовыхъ. Касса стала полнымъ хозяиномъ

*) Циркуляръ отъ 17 ноября 1847 г.

номъ этого дѣла. Она покупаетъ всѣ припасы, платитъ жалованье наемной прислугѣ. Экономія сравнительно съ прежнею системою получила очень большая. Въ 11½ час. дня выдается ученикамъ завтракъ по жетонамъ, принесеннымъ изъ дому. Родители, желающіе, чтобы ихъ дѣти обѣдали въ школьной столовой, обращаются въ мэрію даннаго округа за жетонами, которые продаются по 10 сант. каждый. Нуждающіеся въ даровыхъ пли за полцѣны жетонахъ обращаются со своими заявленіями къ директору школы, который передаетъ ихъ администраціи кассы. Последняя, удостоившись въ бѣдности просителя, выдаетъ ему требуемое число жетоновъ, хотя бы онъ даже не былъ пенсіонеромъ муниципальнаго благотворительнаго бюро. Жетоны платные и бесплатные ничѣмъ не разнятся другъ отъ друга, такъ что дѣти не знаютъ, кто изъ нихъ пользуется даровыми обѣдами. Средства для столовыхъ доставляются почти исключительно субсидіей отъ муниципальнаго совѣта. Въ зависимости отъ нуждъ школьнаго населенія одни округа получаютъ больше, другіе меньше. Когда въ 1881 г. было вотировано въ принципѣ учрежденіе столовыхъ, монмартрская школа получила только 6,000 фр. для опыта. Въ отчетѣ за 1881—1882 г. числится 18,000 даровыхъ обѣдовъ. Въ отчетѣ за 1884—1885 г. было выдано 805,736 порцій*), изъ которыхъ платныхъ было 682,246 и даровыхъ—123,490, или 17% даровыхъ. Въ 1885—1886 г. уже выдано 1.110,827 порцій, изъ нихъ—736,526 платныхъ и 374,304 даровыхъ, или уже около 37,6%. Въ 1889 г. изъ 1.584,143 порцій было 923,783 платныхъ и 660,360 даровыхъ, или около 42% даровыхъ обѣдовъ. Въ 1891 г. всего выдано 2.450,492 порцій, изъ которыхъ 1.658,126 даровыхъ, т.-е. 67%. Не достаточно ли краснорѣчивы сами по себѣ эти цифры? Не говорить ли о настоятельной нуждѣ этотъ процентъ даровыхъ обѣдовъ? Мы—говоритъ одинъ изслѣдователь,—посѣтили школьныя столовыя въ Рубэ и воочію могли убѣдиться въ тѣхъ огромныхъ услугахъ, какія онѣ оказываютъ трудящемуся населенію. Нельзя, пройдя по столовой во время обѣда, не быть глубоко тронутымъ представляющимъ предъ вашими глазами зрѣлищемъ! **) Дѣтскія счастливыя лица, чистые столы съ приятнымъ запахомъ пищи—все имѣетъ уютный, семейный видъ. Нѣтъ ни казарменной дисциплины, ни принудительнаго обращенія. За группой изъ 80 дѣтей присматриваетъ слуга. Столовыя являются по истинѣ матерью дѣтей. Если не во всѣхъ школахъ есть столовыя, то это происходитъ отъ недостатка мѣста, во избѣжаніе возможной негигіенической обстановки при тѣснотѣ нѣкоторыхъ школьныхъ помѣщеній. Муниципальный совѣтъ г. Рубэ вотировать на 23 устроенныхъ школьныхъ столовыхъ: въ 1892 г. 73,600 франк., на которые было выдано 161,132 обѣда; 1 обѣдъ обходился въ 17 сант.; въ 1893 г.—92,000 франк., на которые было выдано 239,691 обѣдъ; 1 обѣдъ обходился въ 18 сант.; въ

*) Изъ нихъ 1/3 часть супъ, 1/3—мясо и 1/3—овощи.

**) Loc. cit. Roubaix socialiste.

1894 г. 52,000 фр., на которые было выдано 283,041 объѣдъ; 1 объѣдъ обходился въ 19 сантим.

Всего муниципалитетъ вотировалъ за эти три года 217,000 фр., изъ которыхъ истрачено было 132,577 фр. Осталось въ кассѣ для слѣдующаго года 83,022 фр. Цѣна объѣда назначена въ 20 сантим. Число платныхъ объѣдовъ очень незначительно; такъ въ 1892 г. на 161,130 объѣдовъ—платныхъ было всего 1,451, или меньше 1%; въ 1893 г. изъ 239,691 объѣдовъ было 2,329 платныхъ, или немного болѣе 1%. Таковы результаты дѣятельности столовыхъ въ Рубѣ: всѣ нуждающіеся имѣли даровые объѣды. Характерно также постепенное увеличеніе расхода на каждый объѣдъ въ Рубѣ: оно показываетъ улучшеніе въ качествѣ пищи, тѣмъ болѣе очевидное, что комитетъ столовыхъ не экономизировалъ на массовомъ приготовленіи въ виду увеличившагося спроса на объѣды. Отчеты о столовыхъ 7 парижскаго округа за періодъ отъ 1882—1886 гг. *) ясно показываютъ, что увеличеніе числа объѣдающихъ находится въ зависимости отъ улучшенія качества блюдъ. Въ школахъ этого участка средняя стоимость сноснаго объѣда въ 1882—1883 г. равна была 17 сантим., тѣ изъ столовыхъ, которыя въ 1884—1885 г. старались по возможности уменьшить стоимость объѣда даже въ ущербъ качеству и количеству его, констатировали у себя уменьшеніе числа объѣдающихъ: такъ,

если объѣдъ стоилъ	то уменьшеніе числа объѣдающ. въ 1886 г. сравнительно съ 1883 г. было на
0,128 фр.	3,8%
0,117 »	28,7%
0,144 »	29,5%
0,108 »	37,4%

Въ дѣйствительности пропорціональное количество мяса, всякаго рода колбасы, свѣжихъ овощей—упало въ 1884—1885 г. по сравненію съ 1882—1883 г., въ то время какъ сухія овощи, различныя *râtes* значительно увеличились въ тѣ же годы 1884—1885 въ сравненіи съ 1882—1883 г.

Приведемъ для образца «шени» за недѣлю въ столовыхъ Рубѣ и Парижа. Въ Рубѣ каждый ученикъ получалъ: понедѣльн., среда и суббота: 35 сантимитровъ бульону, 45—50 граммовъ говядины, 150 грам. картофеля, 70 грам. хлѣба и 1½ дециметра пива; во вторникъ: 35 сантимитровъ супу съ овощами, 40—45 граммовъ жаренаго мяса, 70—75 грам. гороху или бобовъ въ различныхъ видахъ, хлѣбъ и пиво; въ пятницу: 35 сантимитровъ молочнаго супу, яичницу, картофель, хлѣбъ и пиво. По вечерамъ и воскресеньямъ занятій въ школахъ не бываетъ. Средняя стоимость объѣда въ Рубѣ обходится въ 18 сантим., но стараніями муниципалитета цифра эта, какъ мы видѣли, постепенно повышается. Въ Парижской монмартрская касса выдаетъ ежедневно ученикамъ объѣды изъ супу, и а

*) Rapport sur les cantines scolaires du VII arrondissement. 1886.

и овощей въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ въ Рубэ, въ виду того, что мон-мартрская касса имѣетъ опредѣленную субсидію, принуждена ограничивать величину порцій, чтобъ удовлетворить, по возможности, большому количеству просьбъ о даровыхъ обѣдахъ. Въ 1885—1886 году столовые выдали 1.110,827 порцій, стоимостью въ 59,264 фр. 95 сант., т.-е. каждая порція обходилась въ 5,3 сант. Въ 1891 г. несмотря на увеличившееся количество выдаваемыхъ порцій, на представившуюся такимъ образомъ возможность экономіи, каждая порція обходилась въ 5,8 сант. Это повышеніе объясняется значительно увеличившеюся субсидіей при незначительномъ увеличеніи числа учащихся. На 13,000 дѣтей школьнаго населенія Мон-мартра около половины пользуются столовыми. Выше мы видѣли, какъ съ каждымъ годомъ увеличивается процентъ даровыхъ обѣдовъ. Исслѣдованіе объ основательности просьбъ показало, что всѣ онѣ, за рѣдкимъ исключеніемъ, вытекають изъ настоятельной нужды и требуютъ удовлетворенія. Отмѣтимъ здѣсь также, что обѣдающіе принуждены приносить съ собою хлѣбъ. Факты показали, что много дѣтей не приносятъ его, и по исслѣдованіи этого явленія оказалось, что причиной этому служатъ крайняя нужда родителей. Поэтому въ 1882 г. было рѣшено выдавать такимъ дѣтямъ хлѣбъ. Въ 1889 г. администрація кассъ рѣшила выдавать тѣмъ же ученикамъ при приходѣ ихъ утромъ въ школу горячаго супу.

Поразительна разница въ стоимости каждаго обѣда богатаго округа и бѣднаго; такъ, богатый 8-й округъ въ 1894 г. выдалъ 9,642 обѣда на сумму 2,546 фр., т.-е. каждый обѣдъ обходился въ 26 сант.; бѣдный 14-й округъ въ 1887 г. выдалъ 409,000 порцій, изъ которыхъ было 54% даровыхъ, и каждый обѣдъ обходился въ 12 сант., т.-е. въ 2 $\frac{1}{2}$ % меньше предыдущаго; правда, обѣдъ здѣсь состоялъ только изъ чашки бульону съ кускомъ говядины или изъ баранины съ овощами.

Ограничимся отчетами по отдѣльнымъ округамъ. Вообще можно сказать, что отношеніе даровыхъ и платныхъ обѣдовъ мѣняется въ зависимости отъ нужды населенія, стоимость каждаго обѣда—отъ большихъ или меньшихъ средствъ. Повсюду замѣчается растущій съ каждымъ годомъ процентъ даровыхъ обѣдовъ; увеличивается также съ каждымъ годомъ и количество платныхъ обѣдовъ. На встрѣчу этой нуждѣ муниципальные совѣты идутъ съ постепенно возрастающею субсидіей. Субсидія, выдаваемая гор. Рубэ на столовые, настолько велика, что по удовлетвореніи всѣхъ нуждъ, какъ мы видѣли выше, оказался значительный излишекъ средствъ. Лильскій муниципальный совѣтъ, вотировалъ на устройство школьныхъ столовыхъ въ самомъ бѣдномъ юго-восточномъ кварталѣ города 48,000 фр., — сумму, которую они предполагають достаточной для удовлетворенія предстоящихъ требованій. Парижъ съ каждымъ годомъ расходуетъ на свои столовые все больше.

Въ 1892 г. субсидія достигала 688,600 фр., въ 1893 г.—764,900 фр., въ 1894 г.—800,000 фр., въ 1895 г.—около 1.000,000 фр.

За предѣлами Франціи институтъ школьныхъ столовыхъ существуетъ

почти во всѣхъ большихъ городахъ Западной Европы. Въ однихъ городахъ самъ муниципалитетъ считаетъ своею обязанностью заботиться о прокормленіи бѣдныхъ школьникова, въ другихъ—этимъ занимаются филантропическія общества, субсидируемыя по большей части городомъ. Цифры показываютъ, какъ незначительна была помощь однихъ филантропическихъ организацій безъ субсидіи муниципалитета; такъ, въ Вѣнѣ распределение пищи бѣднымъ ученикамъ находится въ вѣдѣніи центрального филантропического общества, засѣдающаго въ мѣрѣ. Администрація общества состоитъ изъ 30 членовъ, въ числѣ которыхъ находится 8 муниципальных совѣтниковъ, назначаемыхъ муниципалитетомъ. За 1893—1894 г. общество израсходовало на раздачу пищи 73,717 фр., изъ которыхъ 50,000 фр. далъ городъ. Частныя пожертвованія достигли 23,000 фр. Помимо этой организаціи существуютъ еще ясли, дневныя пріюты (*écoles gardiennes*), главный контингентъ которыхъ составляютъ дѣти рабочаго населенія. Въ нихъ всѣ воспитанники получаютъ бесплатно пищу. Въ Берлинѣ, Женевѣ, Цюрихѣ, Роттердамѣ муниципалитеты субсидируютъ частныя филантропическія общества, которыя занимаются этимъ дѣломъ.

Въ Христіаніи 4,000 учащихся пользуются зимой даровыми обѣдами. Городъ выдаетъ на это 50,000 фр. Въ Гентѣ расходуются городомъ большія суммы на раздачу пищи дѣтямъ въ дневныхъ пріютахъ. Даровой обѣдъ получаетъ всякій, кто за нимъ обращается. Въ Антверпенѣ въ дѣтскихъ садахъ дѣти получаютъ за 5 сант. чашку супу съ хлѣбомъ, что въ дѣйствительности обходится въ 8 сант.; вслѣдствіе этого получается дефицитъ въ 7,000 фр., который покрывается городомъ. Львезъ расходуетъ 20,000 фр. для пропитанія 2,000 малютокъ, посѣщающихъ дѣтскіе сады. Въ этомъ городѣ, какъ видно изъ доклада инспектора народныхъ школъ, институтъ столовыхъ въ дѣтскихъ садахъ функционируетъ уже около 40 лѣтъ.

Въ Швейцаріи въ 1893 г. было рѣшено отчислять 10% частаго дохода отъ монополіи на алкоголь, на пропитаніе нуждающихся школьникова и на лѣтнія колоніи. Частная благотворительность уже издавна заботится о пропитаніи бѣднаго школьнаго населенія, и если она не достигаетъ тѣхъ же результатовъ, что коммуны, то все же благодаря ей немного облегчается положеніе бѣдныхъ дѣтей. Объ этой области филантропіи можно сказать то же, что и вообще о филантропіи: она безсильна предъ растущею нищетою бѣднаго люда. Кромѣ того она унижаетъ человеческое достоинство не только родителей, но и дѣтей. Какъ часто учителя школъ филантропическаго общества «*Oeuvring*» въ Брюсселѣ констатировали отказъ бѣдныхъ родителей отъ полученія помощи. Нужно признать, что частная благотворительность въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ, унижаетъ нуждающихся въ ней. Не служитъ ли лучшимъ доказательствомъ этого тотъ фактъ, что наряду съ существующимъ благотворительнымъ бюро въ Брюсселѣ принуждены были основать еще ассоціацію для помощи «стыдящимся» бѣднымъ. О незначительности благотворитель-

ной дѣятельности можно судить по заявленію Непгу, президента филантропическаго «Progrès». Онъ считаетъ, что сумма въ 42,000 фр. едва достаточна, чтобы выдавать бѣднымъ школьникамъ ежедневно въ теченіе года только одинъ супъ. А для полнаго обѣда въ теченіе одной зимы тѣмъ же дѣтямъ необходимо 75,000 фр., въ то время какъ въ 1894 г. это общество издержало всего 13,566 фр. Въ Вѣнѣ частная благотворительность дала только 23,000 фр. на издержанные 73,000 фр.; въ Ліежѣ на 33,000 фр., потраченныхъ на школьныя столовыя, частная благотворительность дала только 9,000 фр. Чтобы покончить съ вопросомъ о благотворительности, приведемъ слова Вулса *) , бывшаго президента Progrès: «несмотря на всѣ наши усилія, наше общество не могло успѣшно работать за недостаткомъ средствъ. Какъ я уже говорилъ на одномъ изъ прошлыхъ засѣданій, суммы, жертвуемыя частною благотворительностью, въ большихъ городахъ, какъ и вездѣ, очень ограничены. Общество посвящаетъ ежегодно на благотворительныя дѣла извѣстную сумму, и сколько стараній мы ни прикладываемъ, сумма эта никогда не увеличивается въ значительной степени. Если создается новое благотворительное дѣло, то суммы, стекающіяся для него, уменьшаются настолько же прихоть другихъ благотворительныхъ обществъ. Я достаточно свѣдуецъ въ этихъ дѣлахъ. Будучи членомъ-основателемъ многихъ филантропическихъ обществъ, я всегда наблюдалъ вышеприведенный фактъ».

Вездѣ, гдѣ функционировали школьныя кассы и, особенно, столовыя, учительскій персоналъ съ удовольствіемъ констатировалъ прекрасные результаты этихъ учреждений: 1) они способствовали увеличенію числа учениковъ и правильному посѣщенію школъ; 2) они оказываютъ благотворное вліяніе на здоровье дѣтей; 3) они даютъ дѣтямъ возможность извлекать большую пользу изъ преподаваемаго; 4) они развиваютъ чувство солидарности и товарищества между учениками. Наконецъ, результатомъ кассъ и столовыхъ является уменьшеніе количества требованій о помощи въ благотворительныхъ бюро со стороны родителей учениковъ. Будучи освобождены отъ заботы о пропитаніи дѣтей, они стараются своимъ нуждамъ удовлетворять заработкомъ. Очевидно, что при обязательномъ обученіи школьныя кассы и школьныя столовыя являются насущною потребностью.

У. Манскій.

*) Засѣданіе 18 декабря 1893 года.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1897 годъ.—Податныя льготы.—Низкія хлѣбныя цѣны потрясаютъ русское народное хозяйство.—Чрезвычайныя успѣхи русской промышленности.—Особенности въ экономической эволюціи Россіи и Запада.—Денежная реформа.—Русско-китайская желѣзная дорога, какъ проводникъ русской культуры.—Союзъ взаимопомощи русскихъ писателей.—† Е. И. Красноперовъ. — † В. Я. Федоровъ.

Въ русской государственной росписи на 1897 годъ обыкновенные доходы опредѣлены цифрою слишкомъ 1,318½ миллионѣвъ рублей, чрезвычайные болѣе 3.808,000 р. и изъ свободной наличности государственнаго казначейства около 91.800,000 рублей. Обыкновенные расходы исчислены въ суммѣ до 1,285 миллионѣвъ, чрезвычайныя—нѣсколько болѣе 129 миллионѣвъ. Выходитъ такимъ образомъ, что роспись сведена съ превышеніемъ доходовъ надъ расходами въ размѣрѣ 33¼ миллионѣвъ рублей. Сравнительно съ росписью на 1896 годъ, ожидается доходовъ почти на 79 милл. руб. болѣе, а расходовъ—на 53¼ миллионѣвъ болѣе. Изъ суммы, отнесенной въ рубрику чрезвычайныхъ расходовъ, больше 61 милліона р. предназначено на постройку сибирской дороги, 3¼ милліона—на связанныя съ нею вспомогательныя предпріятія, до 33¼ миллионѣвъ на другія желѣзныя дороги и почти 31 милліонъ на приобрѣтеніе подвижнаго состава.

Въ общей суммѣ доходовъ первое мѣсто принадлежитъ косвеннымъ налогамъ, итогъ которыхъ превышаетъ 555 миллионѣвъ; на второмъ мѣстѣ стоятъ доходы отъ казенныхъ имуществъ и капиталовъ—до 329½ милл. Правительственныя регалии образуютъ третью статью (до 110¼ милліон.). Только на четвертомъ мѣстѣ мы находимъ прямыя налоги (около 98 миллионѣвъ). За ними слѣдуютъ выкупныя платежи, которыхъ ожидается 87½ милл. Сумма пошлинъ, которыя должны поступить, составляетъ не полныхъ 71 милліонъ. Небольшая сумма чрезвычайныхъ доходовъ слагается изъ двухъ статей: изъ 2.400,000 вкладовъ въ государственный банкъ на вѣчное время и около 1½ милліона за проданное частнымъ лицамъ имущество въ Богословскомъ горномъ округѣ.

Согласно характеру росписей расходовъ за послѣдніе годы, и въ 1897 году наибольшія затраты будутъ сдѣланы по 4 статьямъ, болѣе 200 милл.

ліоновъ рублей каждая: военное министерство израсходуетъ до 284½ миллионовъ, государственный долгъ поглотитъ болѣе 269 миллионовъ, министерство путей сообщенія—около 227 миллионовъ и министерство финансовъ слишкомъ 204 милл. Просматривая статьи чрезвычайныхъ расходовъ, читатель видитъ, что наша желѣзнодорожная сѣть получила существенное приращеніе, что не только будетъ увеличено число верстъ въ рельсовыхъ путяхъ общаго значенія, но что будетъ израсходовано больше 10½ миллионовъ на мѣстныя желѣзныя дороги удешевленнаго типа.

Сводъ доходовъ и расходовъ не вызываетъ существенныхъ замѣчаній. Характеристика русскаго государственнаго и народнаго хозяйства, которую мы находимъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ, начинается похвалами по адресу русскаго финансоваго законодательства и финансоваго управленія. Такъ какъ, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, государственныя росписи исполнялись успѣшно, то были предприняты мѣры для облегченія податнаго бремени. Эти облегченія выразились въ пониженіи за послѣдніе два года поземельнаго налога, страховыхъ пошлинъ, въ разсрочкѣ недоимокъ по выкупнымъ платежамъ, въ освобожденіи отъ налога имущества, переходящихъ безвозмездно къ ближайшимъ родственникамъ и проч. Министръ финансовъ находитъ, что освобожденіе должно было коснуться именно прямыхъ налоговъ, такъ какъ они, подлежа взысканію въ заранѣе опредѣленныхъ окладахъ, наиболѣе стѣснительны. «Косвенные налоги, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, предоставляютъ плательщикамъ довольно широкаго сообразованія платежей не только съ общимъ уровнемъ своей хозяйственной зажиточности, но и съ временными колебаніями въ прибыткахъ. Этими весьма драгоценнымъ свойствомъ не обладаютъ прямые налоги и пошлины». Споръ о сравнительныхъ достоинствахъ, о недостаткахъ прямого и косвеннаго обложенія—ведется не со вчерашняго дня. Мы не разъ имѣли случай высказываться за предпочтительность прямыхъ налоговъ. Не повторяя доводовъ, которые уже извѣстны нашимъ читателямъ, мы скажемъ только, что облегченіе податнаго бремени, на которое ссылается министръ финансовъ, не имѣетъ всеобщаго значенія, а если и имѣетъ для многочисленныхъ массъ, то выражается крайне незначительными цифрами. Отсрочка и разсрочка недоимокъ по выкупнымъ платежамъ не имѣютъ значенія для всего крестьянства, такъ какъ эти недоимки числятся не за всѣми крестьянами. Нельзя назвать эту отсрочку и разсрочку недоимокъ льготою даже по отношенію къ тѣмъ группамъ крестьянъ, которыхъ она касается: органы полиціи такъ усовершенствовались во взысканіи недоимокъ, что послѣднія накопляются только за крестьянскими дворами, стоящими на уровнѣ крайней нищеты; съ этихъ крестьянъ нельзя было взыскать недоимки, а потому и пришлось отсрочить ее. Нельзя считать льготами для массы населенія и другія льготы, которыя мы перечислили. Только пониженіе налоговъ на предметы всеобщаго потребленія: сахаръ, чай, вино, керосинъ, желѣзо и простѣйшія издѣлія изъ него (черезъ уменьшеніе таможенныхъ пошлинъ съ товаровъ этого рода)—было бы такимъ смягченіемъ податнаго бремени, кото-

рое коснулось бы всёхъ плательщиковъ и доставило бы выгоды бѣднѣйшимъ. Но это не такъ: акцизъ съ сахара, составлявшій въ началѣ 80-хъ годовъ только 65 коп. съ 1 пуда, поднялся теперь до 1 р. 75 к. Налоги на спиртные напитки и керосинъ также повысились. Наконецъ, высокій таможенный налогъ на желѣзо и издѣлія изъ него препятствуетъ удешевленію этихъ товаровъ.

Не раздѣляя мнѣніе министра финансовъ о томъ, чтобъ уменьшеніе перечисленныхъ податей было существеннымъ облегченіемъ для русскаго народнаго хозяйства, мы не можемъ согласиться и съ тѣмъ, чтобы промышленность Россіи, поощряемая высокими таможенными пошлинами, сдѣлала особенно выдающіеся успѣхи. «Въ послѣднее двадцатилѣтіе,—читаемъ мы,—правительство твердо стояло на почвѣ покровительства народной производительности, и результаты, достигнутые за это время, вполне оправдываютъ такую экономическую политику». Перечисляя отрасли промышленности, которыя подвинулись впередъ, всеподданнѣйшій докладъ отмѣчаетъ прежде всего «успѣхи металлургіи». Всѣмъ и каждому, даже при маломъ интересѣ къ вопросамъ народнаго хозяйства, извѣстно, что успѣхи промышленности опредѣляются не увеличеніемъ числа фабрикъ и заводовъ или рабочихъ (высокіе таможенные налоги могутъ искусственно увеличить число тѣхъ и другихъ), а большею доступностью товара, пониженіемъ его цѣны и возросшимъ потребленіемъ. Изъ-подъ пера нашего извѣстнаго статистика А. А. Радцига вышелъ недавно поучительный трудъ *Железодобывающая промышленность всего свѣта*. Мы находимъ въ этой книгѣ цифры, которыя не позволяютъ намъ раздѣлять оптимизмъ министра финансовъ. Въ 1830 году производство чугуна опредѣлялось для Россіи съ Финляндіей въ 7.137,000 пудовъ, для Германіи—въ 7.930,000, Франціи—6.405,000 и Соединенныхъ Штатовъ—въ 10,248. За 1894 годъ мы находимъ это производство выраженнымъ такими цифрами: 80.144,000 пудовъ въ Россіи, 328.449,000 пуд. въ Германіи, 126.840,000 п. во Франціи и 412.758,000 п. въ Соединенныхъ Штатахъ. Иначе говоря, эта отрасль промышленности увеличилась во Франціи почти въ 20 разъ, въ Германіи въ 42 раза, въ Америкѣ въ 40 разъ, а въ Россіи только въ 11 разъ. Такимъ образомъ крайнее напряженіе таможенной политики не позволило намъ достигнуть столь крупныхъ результатовъ, какъ въ трехъ названныхъ странахъ. Сторонники усиленаго протекціонизма приписываютъ успѣхи нашей промышленности высокимъ таможеннымъ налогамъ и утверждаютъ, что мы въ этомъ отношеніи дѣлаемъ только то, что доставило и продолжаетъ доставлять большія выгоды Соединеннымъ Штатамъ. Однако, наши таможенные пошлины гораздо выше американскихъ. Въ металлическихъ копейка съ 1 пуда взимается: за круглое желѣзо, полосовое и всякое сортовое, также сталь 50 у насъ и 25 въ Америкѣ, за листовое желѣзо до № 25-включительно, а также за сталь 65 у насъ и 32 до 37 въ Америкѣ, стальные и желѣзные рессы 50 и 16, 30, за чугунъ—30 и 8, 30 к. Хотя добыча у насъ чугуна увеличилась въ меньшей пропорціи, тѣмъ

названныхъ странахъ, однако, ова увеличилась. Относительно же цѣнъ мы похвалиться не можемъ. Возьмемъ цѣны важнѣйшихъ желѣзныхъ товаровъ на Нижегородской ярмаркѣ за послѣднее 50-лѣтіе, и мы найдемъ, что онѣ или повышались, или почти не измѣнялись. Въ 40-хъ годахъ полосовое желѣзо стояло отъ 95 до 160 копеекъ кредитныхъ, а въ 90-хъ—его цѣна колебалась отъ 1 р. 35 к. до 2 р. 95 к. Листовое желѣзо опускалось въ 40-хъ годахъ до 1 р. 6 коп. за пудъ и не поднималось выше 2 р. 85 к., а для 90-хъ годовъ мы имѣемъ цѣну отъ 2 до 6 руб. за пудъ.

Для перваго періода цѣна пуда стали была между 1 р. и 2 р. 20 к., а для второго—отъ 1 р. 50 к. до 4 р. 80 к. Итакъ, потребитель желѣза въ Россіи долженъ былъ расходовать все больше и больше на эту важную статью потребленія. Совѣмъ иное положеніе дѣлъ находимъ мы въ странахъ, относительно которыхъ слова «успѣхи промышленности» не являются только словами. Въ Англіи среднія годовыя цѣны клевеландскаго и бес-семеровскаго чугуна составляли въ началѣ 70-хъ годовъ 30—59 коп. и 30—56 коп., а въ 90-хъ эти цѣны упали до 17—23 коп. для перваго и 22—24 коп. для второго. Въ Англіи же 1 пудъ стальныхъ рельсовъ, стоившій въ 70-хъ годахъ 70—80 к., стоилъ въ 90-хъ только 37—40 к. Подобные же факты наблюдаемъ мы и въ Бельгіи: въ 1845 году 1 п. чугуна стоилъ 44 мет. коп., а въ 90-хъ годахъ только 20—23 к. Одно-родное движеніе цѣнъ находимъ мы и въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ 1850 году чугунъ, сортовое желѣзо и машинные гвозди стоили 43, 124 и 172 метал. коп. за 1 пудъ, а къ 1895 году эти цѣны опустились до 27, 62 и 68 копеекъ. Подобныя же цифры могутъ быть приведены относительно Германіи, Франціи и другихъ странъ. Состояніе русской металлургіи, скажемъ мы, служить убѣдительнымъ доказательствомъ того, что таможенное покровительство, осуществляемое съ тѣмъ малымъ вниманіемъ къ нуждамъ промышленности, съ какимъ оно было осуществляемо въ Россіи, приноситъ большой вредъ населенію. Въ книгѣ г. Радцига мы находимъ также интересное вычисленіе того, сколько Россія переплатила за рельсы отъ 1884 по 1895 годъ. Въ теченіе этихъ 12 лѣтъ для желѣзныхъ дорогъ было куплено около 113 милліоновъ пудовъ рельсовъ, которые были изготовлены на русскихъ заводахъ. Еслибъ эти рельсы были куплены въ Англіи, то получилось бы сбереженіе въ 92 милліона рублей. Если прибавить къ этой суммѣ хотя половину премій, которыя были даны казною заводамъ, изготовлявшимъ рельсы, то получится переплата больше 100 мил. рублей. «На переплаченные съ 1884 года за рельсы свыше 100 мил. рублей могли бы быть выстроены новыя 2,000 верстъ дорогъ (по 50,000 рублей верста), постройка которыхъ дала бы населенію мѣстностей, черезъ которыя были бы проведены дороги, заработки» (*Радцига*, 56). Жалкое положеніе русской желѣзодѣлательной промышленности выражается и въ низкихъ цифрахъ потребленія у насъ желѣза: за послѣднее время на 1 жителя приходится ежегодно: 128 фунтовъ во Фран-

цин, 220—въ Германіи, по 280—въ Англии, Бельгии и Соединенныхъ Штатахъ и 45 фунтовъ—въ Россіи.

Мы находимъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ похвальный отзывъ о Нижегородской выставкѣ, которая «дала обширнѣйшій матеріалъ для изученія современнаго состоянія и нуждъ различныхъ отраслей народнаго труда въ нашемъ отечествѣ. Въ обширныхъ трудахъ экспертныхъ комиссій... правительство получило весьма богатый матеріалъ какъ для оцѣнки нынѣшняго положенія промышленности, такъ и для работы мѣрь по ея дальнѣйшему развитію». «Выставка 1896 года,—читаемъ мы,—вполнѣ удовлетворила требованіямъ», и не сомнѣваемся, что она удовлетворила требованіямъ министерства финансовъ, но сожалѣемъ, что похвальный отзывъ о выставкѣ отличается такою краткостью. Было бы интересно встрѣтить здѣсь указанія на то, что расходы по устройству выставки были не велики, что число посѣтителей соответствовало цифрѣ, которая входила въ смѣту при устройствѣ выставки, что, наконецъ, затративъ на выставку болѣе 10 милліоновъ рублей, государство дало этой суммѣ наиболѣе производительное назначеніе, болѣе производительное, чѣмъ въ томъ случаѣ, еслибъ, напримѣръ, эти милліоны были употреблены на стальное дѣло, на облѣсеніе или оводненіе мѣстностей, которыя въ томъ особенно нуждаются.

Министръ финансовъ, характеризуя наше сельское хозяйство, опирается на мнѣнія, которыя высказаны въ новомъ изданіи министерства финансовъ (*Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства*). Статьи Анненскаго, Григорьева, Каблукова и другихъ) и резюмированы во введеніи, принадлежащемъ перьямъ гг. Чупрова и Посникова. Эта характеристика, выдающая полную гармонію министерства финансовъ и многихъ представителей русской экономической науки (проф. А. И. Чупровъ стремится усилить авторитетность своихъ мнѣній обширною выдержкою изъ всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ о государственной росписи на 1895 годъ), выдаетъ оптимистическое настроеніе. Оно выражено, однако, не такъ ярко, какъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ на 1895 и 1896 годы. «Низкая расцѣнка хлѣбовъ, господствовавшая въ послѣдніе два года, поставила въ очень затруднительное положеніе нѣкоторую часть нашего сельскаго хозяйства, преимущественно частно-владѣльческаго... тамъ, гдѣ она не покрывала даже издержекъ производства, она была несомнѣннымъ зломъ, подрывавшимъ жизнеспособность самого промысла». На-ряду съ этимъ признаніемъ невыгоды, которая слѣдовала за низкими цѣнами земледѣльческихъ продуктовъ, мы находимъ и утѣшеніе: «за послѣдніе годы, сощъ вождавшіеся благоприятными урожаями, наше народное хозяйство, въ е цѣломъ, несмотря на паденіе цѣнъ, запасалось силами и въ своей обильной жатвѣ находило опору противъ потрясеній, исходящихъ изъ международнаго хлѣбнаго рынка». А къ концу характеристики сельскаго хозяйства мы встрѣчаемъ указаніе, что «поскольку приходится дѣлать общія,

нечныя заключенія о хозяйственномъ положеніи многомилліонной массы населенія, исполненіе бюджетовъ можетъ служить вполнѣ надежнымъ показателемъ». Эта мысль доказывается такимъ образомъ: при косвенномъ обложеніи, которое преобладаетъ у насъ, усиленное поступленіе налоговъ свидѣтельствуетъ о расширеніи потребностей. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ массы народа имѣютъ значительныя сбереженія, даже и при угнетенномъ состояніи народнаго хозяйства, предметы, обложенные косвенными налогами, могли бы быть потребляемы въ неуменьшенныхъ размѣрахъ, и именно на счетъ сбереженій, а потому исполненіе бюджета могло бы быть столь благопріятно и при дурномъ положеніи народнаго хозяйства. Въ странѣ, столь бѣдной сбереженіями, какъ Россія, ухудшившееся состояніе народнаго хозяйства тотчасъ же сокращаетъ потребленіе, а потому немедленно отражается и на доходахъ государства. А еще дальше мы читаемъ: «общая сумма прибытковъ населенія ея (Россіи) возрастаетъ. Конечно, это не отвѣчаетъ еще на вопросъ, получается ли возрастающая сумма прибытковъ путемъ равномернаго подъема уровня благосостоянія всѣхъ классовъ, или же путемъ болѣе быстраго хозяйственнаго прогресса лишь нѣкоторыхъ группъ населенія. Нужно думать, что мы имѣемъ дѣло съ процессомъ второго рода, какъ это имѣло мѣсто и во всѣхъ другихъ странахъ, при переходѣ отъ чисто сельско-хозяйственнаго періода эконолической жизни и системы натурального хозяйства къ періоду промышленному и системѣ денежнаго хозяйства».

Этотъ отрывокъ показываетъ, что, оцѣнивая движеніе русскаго народнаго хозяйства, министръ финансовъ колеблется: то онъ говоритъ о подъемѣ благосостоянія всѣхъ классовъ населенія, причемъ группы, страдающія подъ давленіемъ низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ, составляютъ незначительное меньшинство, то допускаетъ, что въ крестьянствѣ, образующемъ массу народа, выдѣлились немногочисленныя группы, которыя и достигли высшей ступени благосостоянія, причемъ условія жизни большинства, однако, не переѣнились къ худшему. Подобная мысль подкупаетъ министра финансовъ, такъ какъ, думаетъ онъ, всѣ страны, опередившія насъ въ хозяйственномъ развитіи, пережили подобный переходъ.

Мы найдемъ выходъ изъ всѣхъ этихъ противорѣчій и неясностей, если намѣтимъ группы населенія, которыя не потеряли за послѣдніе годы, невзирая на пониженіе цѣнъ хлѣба. Напомнимъ при этомъ, что обильный урожай самъ по себѣ во всѣхъ случаяхъ долженъ быть признанъ отраднымъ явленіемъ, такъ какъ Россія является потребительницей исключительно собственнаго хлѣба. Рѣчь можетъ идти только о томъ, причиняютъ ли русскому народному хозяйству убытокъ низкія цѣны хлѣба, сопровождающія обильный или, по крайней мѣрѣ, средній урожай.

За послѣдніе годы и при низкихъ цѣнахъ хлѣба можно намѣтить группы населенія, которыя не потеряли или даже выиграли. Конечно, не потеряла вся масса чиновниковъ и другихъ лицъ, получающихъ опредѣленное содержаніе, не проиграли и даже выиграли группы населенія, прикосновен-

ныя въ отрасляхъ промышленности, которыя усиленно поддерживаются та-
моженными налогами; не проиграли и даже выиграли тѣ группы крестьян-
ства, которыя въ теченіе голодныхъ 1891—92 годовъ устояли и окрѣпли
на счетъ разорившихся односельчанъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ нельзя утверждать,
что низкія цѣны хлѣба поставили въ затруднительное положеніе нѣкото-
рую часть «нашего сельскаго хозяйства, преимущественно частновладель-
ческаго». Нѣтъ, онѣ приводятъ въ разстройство большую часть нашего
сельскаго хозяйства. Припомнимъ слѣдующія условія: 1) Хлѣбъ поступаетъ
на рынокъ не только изъ крупныхъ и среднихъ хозяйствъ, но и изъ мел-
кихъ, т.-е. крестьянскихъ. 2) Хлѣбъ поступаетъ на рынокъ не только изъ
крестьянскихъ хозяйствъ, которыя имѣютъ избытки его для продажи, но
и изъ тѣхъ, которыя вовсе не располагаютъ избыткомъ, но вынуждены
продавать осенью для уплаты податей, арендныхъ денегъ, чтобы затѣмъ
покупать его по веснѣ по болѣе дорогой цѣнѣ. 3) Примемъ въ расчетъ,
что цѣны, которыя положены въ основаніе вычисленій, сдѣланныхъ ста-
тистиками министерства финансовъ *), слишкомъ высоки: для 1894 года
цѣна пуда ржи опредѣлена не ниже 25 и 27 копеекъ (среднія чернозем-
ныя и нижневолжскія губерніи), цѣна 1 пуда овса для тѣхъ же губерній
не ниже 28 копеекъ, между тѣмъ какъ крестьянинъ, обремененный дол-
гами и принужденный ко взносу податей, продастъ по цѣнамъ гораздо
болѣе низкимъ. Примемъ все это въ расчетъ, и мы скажемъ, что паденіе
хлѣбныхъ цѣнъ приноситъ большія невыгоды обширнымъ слоямъ насе-
ленія, большей части хозяйствъ, производящихъ хлѣбъ. Невыгоды, причисляе-
мыя рѣзкимъ пониженіемъ цѣнъ, для тѣхъ хозяйствъ, которыя продаютъ
хлѣбъ осенью въ видахъ покрытія текущихъ потребностей, обнаружатся
съ особенною ясностью, если вспомнимъ, что оклады податей не измѣня-
ются, что сумма частныхъ долговъ и платежей по нимъ отличаются устой-
чивостью. Чѣмъ дешевле хлѣбъ, тѣмъ больше нужно продать его для этихъ
спеціальныхъ цѣлей, тѣмъ больше приходится купить его весною по болѣе
высокой цѣнѣ и тѣмъ больше нужно потерять на этомъ оборотѣ. Что на-
селеніе Россіи не поднялось за послѣдніе годы въ благосостояніи, доказы-
вается уменьшеннымъ потребленіемъ спиртныхъ напитковъ. Этотъ фактъ
тѣмъ болѣе знаменателенъ, что онъ касается всѣхъ районовъ, какъ тѣхъ,
гдѣ сельское хозяйство является наиболѣе преобладающимъ промысломъ
(губерніи юго-западнаыя, среднія и южныя черноземныя), такъ и обѣ сто-
личныя губерніи, гдѣ значеніе сельскаго хозяйства далеко оставляется въ
тѣни ролью, которую играетъ заводская, фабричная и кустарная промыш-
ленность. Въ теченіе десятилѣтія (отъ 1885 до 1894 г.), какъ мы читаемъ
въ изданіи министерства финансовъ **), потребленіе спирта уменьшилось
для всей Европейской Россіи съ 28 до 23,2 градуса на 1 душу насе-

*) См. въ названномъ изданіи министерства финансовъ статью г. Анненка о:
Стоимость производства хлѣба въ частновлад. хозяйствѣ, т. I.

**) *Кашкаровъ*: „Главнѣйшіе результаты государственнаго денежнаго хозяйства на
послѣднее десятилѣтіе“. Изданіе мин. финансовъ. 1896 г.

нія. Наблюдаемое во всѣхъ районахъ, на которые принято дѣлить Россію, оно выступаетъ съ особенною рѣзкостью тамъ, гдѣ сельское хозяйство является почти исключительнымъ занятіемъ населенія: въ 6-ти восточныхъ губерніяхъ—съ 20 на 13,4 градуса, въ 3-хъ малороссійскихъ—съ 29 на 20,3 градуса, въ 3 юго-западныхъ—съ 41 до 27,4 градуса. И если, отмѣчая увеличеніе числа безлошадныхъ хозяйствъ, можно давать этому факту искусственное толкованіе, что онъ знаменуетъ эволюцію народнаго хозяйства, выражаетъ уменьшеніе земледѣльческаго населенія и переходъ значительной его части къ обрабатывающей промышленности, въ предѣлахъ ли деревни, или съ передвиженіемъ въ городъ, то уменьшенное потребленіе вина доказываетъ только пониженное благосостояніе нашего народа. Можно было бы приписать этотъ фактъ попечительной заботливости министерства финансовъ; но, развивъ въ Россіи заводскую и фабричную промышленность, оно только за послѣдніе годы стало на путь отрезвленія народа посредствомъ винной монополіи и насажденія обществъ трезвости. А потому нельзя и этимъ фактомъ объяснить уменьшившееся потребленіе вина. Этотъ процессъ, официально удостовѣренный для 10-лѣтія, которое оканчивается 1894 годомъ, продолжался и въ 1895 году: потребленіе вина возросло за 1 годъ на $\frac{1}{240}$ (съ 24,3 милл. ведра на 24,8 милл.), тогда какъ населеніе возрастаетъ у насъ не меньше, какъ на 1%.

Усматривая въ этомъ фактѣ несомнѣнный признакъ того, что благосостояніе народа понизилось, мы не можемъ удовлетвориться утверженіемъ министра финансовъ, что всегда и вездѣ экономическое развитіе страны не охватываетъ равномерно всѣхъ группъ населенія. Мы не знаемъ примѣра, чтобы всѣ общественныя группы хозяйственно поднимались въ одной и той же пропорціи. Но Россія болѣе, чѣмъ какаа-либо другая страна, представляетъ данныхъ для неравномѣрнаго экономическаго преуспѣянія отдѣльныхъ частей населенія. На Западѣ торжество крупной промышленности надъ мелкою было результатомъ ве одного поколѣнія. Параллельно съ успѣхами, которые дѣлали разныя отрасли производства благодаря усовершенствованію техники, мы видимъ очень крупныя и важныя пріобрѣтенія и въ другихъ сферахъ жизни: въ развитіи личной свободы, расширеніи правъ населенія, въ ростѣ народнаго образованія, развитіи повременной печати и разныхъ другихъ фактахъ, которые въ своей совокупности могли препятствовать обѣднѣнію народа. Словомъ, экономическое развитіе страны, насколько его выраженіями служатъ болѣе крупныя промышленныя единицы и большее разнообразіе отраслей промышленности, шло на Западѣ параллельно съ другими прогрессивными теченіями. У насъ же оно явилось особнякомъ, плодомъ усиленнаго таможеннаго покровительства. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ, способныхъ пояснить это положеніе. Нѣкоторыя отрасли русской промышленности (наприм. хлопчатобумажная) отстали отъ западно-европейскихъ только на 25—30—35 лѣтъ. Иначе говоря, нѣкоторыя отрасли стоятъ у насъ на той ступени техническаго развитія, на какой онѣ стояли въ Англіи въ началѣ 60-хъ или въ Германіи

въ началѣ 70-хъ годовъ. Но какая разница относительно другихъ условий общественнаго быта! 25—30 лѣтъ тому назадъ Германія имѣла превосходную начальную школу и очень малый % неграмотныхъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ Англія уже широко развила и производительныя ассоціаціи, и потребительныя артели, служащія отличною школою для общественнаго воспитанія. Чѣмъ болѣе гармонично развиваются всѣ стороны общественной жизни, тѣмъ болѣе обезпечено преуспѣяніе многочисленныхъ массъ населенія, тѣмъ болѣе ручательства, что будетъ замѣтно улучшаться бытъ большей части народа. У насъ мы не видимъ этого; у насъ мы наблюдаемъ гораздо большую разницу въ распредѣленіи имущества, чѣмъ на Западѣ. Главы крупныхъ промышленныхъ предпріятій въ хлопчатобумажномъ, шерстяномъ, сахароваренномъ, горнозаводскомъ дѣлѣ, по размѣрамъ имущества и дохода, не уступаютъ или немногимъ уступаютъ крупнымъ промышленникамъ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ. А разсматривая таблицы потребленія, мы видимъ на Западѣ расширяющееся потребленіе всѣхъ товаровъ, которые вошли въ обычный обиходъ бѣднѣйшихъ классовъ, чего не замѣчается у насъ. Заканчивая все, сказанное по поводу того, поднялось ли благосостояніе русскаго народа, мы съ полнымъ убѣжденіемъ утверждаемъ, что оно не поднялось, что оно даже опустилось, но что отдѣльныя группы выиграли въ значительной, а иногда и въ очень высокой степени.

Всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ содержитъ также соображенія относительно переѣнъ въ нашей валютѣ. Министръ финансовъ напоминаетъ, что въ срединѣ 50-хъ годовъ у насъ установилось обращеніе неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ. Финансовое управленіе всегда сознавало вредъ такого порядка вещей, но политическія и экономическія обстоятельства мѣшали до сихъ поръ упредить денежное обращеніе. До восточной войны казалось предпочтительнымъ стремиться къ восстановленію металлическаго паритета бумажнаго рубля, но постепенно этотъ планъ былъ оставленъ и было рѣшено стремиться къ фиксаціи ихъ курса на золото. Эта мысль созрѣла къ 1887 году. «Въ этомъ году состоялось рѣшительное сужденіе комитета финансовъ о томъ, должно ли къ упроченію нашего курса стремиться путемъ постепеннаго восстановленія цѣнности кредитнаго рубля до нарицательной его стоимости, или же слѣдуетъ поставить себѣ задачей упроченіе цѣнности рубля посредствомъ размѣна его по курсу, близкому къ современному. Комитетъ финансовъ отдалъ рѣшительное предпочтеніе сему послѣднему способу, будучи убѣжденъ, что предметомъ всякихъ мѣропріятій въ отношеніи денежнаго обращенія можетъ быть не восстановленіе полной номинальной цѣнности кредитнаго рубля, а лишь установленіе этой цѣнности настолько прочно, чтобы былъ положенъ предѣлъ дальнѣйшимъ сколько-нибудь значительнымъ курсовымъ колебаніямъ». При этомъ комитетъ призналъ, что слѣдуетъ стремиться къ упроченію размѣна на золотую валюту «въ отношеніи близкомъ къ 1 р. 50

кред. за 1 руб. метал.». Мнѣніе комитета финансовъ было подписано Рейтерномъ, Сольскимъ, Половцевымъ, Бунге, Вышнеградскимъ, Тернеромъ и Цимсеномъ». По мнѣнію министра финансовъ, теперь есть на лицо данныя, благопріятныя для денежной реформы. 1 января 1887 года въ обращеніи было кредитныхъ билетовъ на 1.046½ милліоновъ рублей, а общая золотая наличность, при переводѣ 1 рубля золотомъ на 1 рубль кредитныхъ, составляла 441,6 милл. А 16 декабря 1896 года выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ было 1.121,3 милл., а золота на 1.206 милліоновъ. Въ теченіе 1896 года были приняты нѣкоторыя мѣры, дабы укрѣпить денежное обращеніе: былъ заключенъ 3% внѣшній заемъ на 100 милліоновъ рублей золотомъ, дабы увеличить свободную наличность государственнаго казначейства; изъ правительственныхъ и банковыхъ кассъ было выпущено 693 милліона рублей золотомъ, а принято 668. Заключеніе реформы будетъ состоять въ томъ, чтобы возложить на государственный банкъ обязанность постояннаго размѣна кредитныхъ билетовъ на золото. «Основные начала законопроекта, — заканчиваетъ министр финансовъ эту часть доклада, — исподволь вошли уже въ жизнь страны и не представляютъ собою ничего новаго для народнаго хозяйства, такъ какъ размѣнъ кредитныхъ билетовъ на золото по курсу 1 р. 50 коп. кредитныхъ за 1 р. золота фактически существуетъ... главная и уже достигнутая цѣль реформы—фиксація цѣны кредитнаго рубля на золото не можетъ быть измѣнена».

Въ этой оцѣнкѣ министра финансовъ условій, среди которыхъ должно закончиться осуществленіе денежной реформы, есть пункты, вызывающіе недоразумѣніе. Такъ, во-первыхъ, нельзя согласиться съ тѣмъ, что основные начала законопроекта уже вошли въ жизнь. Дѣлается намекъ на то, что въ оборотъ пущено довольно большое количество золотой монеты. Но цифры опровергаютъ это: оборотъ удержали только 25 милліоновъ золота и всѣ старанія привели къ тому, что получавшіе золото спѣшили обмѣнивать его въ правительственныхъ кассахъ на кредитные билеты, такъ какъ большинству представлялась цѣна, установленная за золото, слишкомъ высокою. И когда мы вдумаемся въ условія, при которыхъ явилась мысль о такой фиксаціи курса бумажныхъ денегъ, то придемъ къ заключенію, что этотъ курсъ установленъ ненормально низко. Финансовый комитетъ, на авторитетъ котораго ссылается министр финансовъ, постановилъ фиксировать курсъ по 1 р. 50 к. кредитныхъ за 1 рубль золота въ 1887 году. А именно въ этомъ году кредитъ Россіи находился въ очень благопріятномъ положеніи и бумажныя деньги были крайне обезцѣнены: 160 марокъ за 100 рублей—гораздо ниже, чѣмъ когда-либо за все существованіе кредитнаго рубля. Не мудрено, если финансовый комитетъ, обсуждая денежную реформу при столь невыгодномъ положеніи, считалъ драгоценнымъ приобрѣтеніемъ достиженіе курсомъ того уровня, когда можно было бы фиксировать его по цѣнѣ 1 р. 50 к. кредитныхъ за 1 рубль золота (216 марокъ за 100 рублей). Однако, то, что

казалось идеаломъ въ 1887 году, не представляло въ 1890 году ничего блистательнаго, такъ какъ курсъ поднялся до 258 марокъ. Очень вѣроятно, онъ держался бы на уровнѣ значительно высшемъ его фиксаціи, еслибъ не принимались искусственныя мѣры къ удержанію его на этомъ уровнѣ.

Чтобы не возвращаться болѣе къ этому пункту, замѣтимъ, что 3 января 1897 года изданъ законъ объ измѣненіи вида нашихъ золотыхъ монетъ: впредь имперіалы и полумперіалы будутъ чеканиться тѣхъ же вѣса и пробы, какъ до сихъ поръ, но будутъ имѣть надпись 15 руб. и 7 р. 50 коп., для обмѣна ихъ на кредитные билеты рубль за рубль. Тѣмъ самымъ фиксація курса бумажныхъ денегъ на золото получаетъ внѣшнее выраженіе и въ самомъ видѣ золотой монеты.

Такимъ образомъ, денежная реформа совершилась. Она можетъ быть названа девальваціей въ обратномъ порядкѣ: при замѣнѣ ассигнацій кредитными билетами цѣнность бумажныхъ денегъ была доведена до стоимости ихъ на золото. Теперь же, при сохраненіи бумажныхъ денегъ неизмѣнными, была понижена цѣнность золотой монеты до приравненія ея къ цѣнности кредитныхъ билетовъ. То неудобство, которое можетъ быть связано съ этою реформой, что оборотъ неохотно принимаетъ золото, не можетъ быть признано особенно существеннымъ: разъ русское общество освоится съ мыслью, что реформа осуществилась, то оно привыкнетъ къ золоту. Но одинъ важный вопросъ: удержится ли бумажный рубль на уровнѣ, на которомъ совершилась фиксація его курса? Если онъ удержится на этомъ уровнѣ безъ искусственныхъ усилій къ его поддержанію, то реформа будетъ усвоена русскимъ народнымъ хозяйствомъ и переработана имъ. Но это менѣе вѣроятно, чѣмъ одинъ изъ двухъ другихъ исходовъ, а именно пониженіе цѣнности кредитнаго рубля или же его повышеніе.

Есть всѣскія данныя въ пользу того, что золото уйдетъ за границу, и бумажный рубль подешевѣетъ. Такія данныя представляетъ нашъ расчетный балансъ. Г. Оль въ только что вышедшей книгѣ *Цифровой анализъ расчетнаго баланса Россіи за пятнадцатилѣтіе 1881—95 гг.*, на основаніи официальныхъ матеріаловъ, выводитъ заключеніе, что расчетный балансъ крайне неблагоприятенъ для Россіи. За 15 лѣтъ мы уплатили за границу по окончательному расчетному балансу до 1.173½ милліоновъ рублей золотомъ. Какъ эти платежи, такъ и накопленіе наличности были возможны только вслѣдствіе возрастанія нашихъ долговъ. И относительно будущаго представляются факты, которые могутъ вызывать сильное сомнѣніе въ томъ, что расчетный балансъ будетъ благоприятенъ для Россіи. Можетъ быть, внѣшняя задолженность не увеличится; можетъ быть, добыча золота въ Сибири будетъ не меньше, чѣмъ то было за послѣднее время, но внѣшняя торговля Россіи легко подвергнется серьезнымъ испытаніямъ. Сопоставляя цифры нашего отпуска въ началѣ 80-хъ годовъ, мы видимъ уменьшеніе вывоза по многимъ статьямъ, которыя занимаютъ видное мѣсто въ нашей отпускной торговлѣ—лѣса, льна, пеньки, шерсти, мѣховъ.

До послѣдняго времени уменьшеніе вывоза перечисленныхъ товаровъ парализовалось усиленіемъ хлѣбнаго отпуска; но пониженіе цѣвъ хлѣба и убыточность сельскаго хозяйства для очень многихъ производителей естественно приведуть къ уменьшенію хлѣбнаго вывоза. При обсужденіи вопросовъ этого рода обыкновенно ссылаются на то, что естественныя богатства Россіи помогутъ намъ въ завоеваніи на мировомъ рынкѣ все болѣе обширнаго мѣста *). Но факты изъ соперничества между Англійей и Германіей показываютъ, какъ много условій нужно для того, чтобъ одерживать верхъ въ заграничной торговлѣ надъ народами, которые успѣли занять преобладающее положеніе. Еще два десятилѣтія тому назадъ Англія занимала на всемірномъ рынкѣ главное положеніе, но за послѣдніе годы оно было въ значительной степени поколеблено соперничествомъ Германіи. Не говоря о многихъ независимыхъ странахъ, ввозъ въ которыя изъ Англіи уменьшился на счетъ Германіи, даже въ австралійскія колоніи Англіи Германія увеличила отпускъ разныхъ товаровъ, вывозъ же ихъ изъ Англіи уменьшился. Эти успѣхи были сдѣланы за послѣднія 20—25 лѣтъ вслѣдствіе необычайнаго рвенія, съ которымъ промышленные и торговые классы Германіи старались усовершенствовать свое производство, слѣдуя примѣру Англіи: основаніе многочисленныхъ разнообразныхъ техническихъ и промышленныхъ училищъ, посылки во множествѣ молодыхъ людей въ Англію для занятія на фабрикахъ и заводахъ, лучшее, чѣмъ англичанъ, изученіе вкуса иностранныхъ покупателей, умѣлое пользованіе своими консулами для завязыванія торговыхъ сношеній и пр. Мы видимъ, такимъ образомъ, что многія страны, цѣлою системой мѣропріятій, воспитываютъ свои силы для соперничества на мировомъ рынкѣ съ другими народами, и безошибочно заключаемъ, что Россія, которая стоитъ далеко отъ западныхъ сосѣдей во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, нельзя рассчитывать въ близкомъ будущемъ на расширеніе вывоза. А если такъ, то является весьма вѣроятнымъ отливъ отъ насъ золота, приостановка развѣна и паденіе бумажнаго рубля ниже курса, по которому состоялась его фиксація.

Менѣе вѣроятенъ, но возможенъ и другой исходъ: благопріятный для насъ расчетный балансъ въ теченіе довольно длиннаго ряда лѣтъ. Таковою можетъ быть всего скорѣе слѣдствіемъ неурожая хлѣба въ главныхъ странахъ, вывозящихъ хлѣбъ, при значительномъ урожаѣ въ Россіи, слѣдствіемъ повышенія цѣвъ земледѣльческихъ продуктовъ и сохраненія хлѣбнымъ отпускомъ тѣхъ же размѣровъ, какіе онъ имѣетъ нынѣ. При такомъ положеніи дѣлъ у насъ будетъ увеличиваться наличность золота, и бумажный рубль будетъ имѣть наклонность повыситься по сравненію съ курсомъ своей фиксаціи. Если обнаружится такой процессъ въ теченіе довольно продолжительнаго времени, то нужно будетъ уподобить денежную реформу

*) См. *Внутреннее обозрѣніе* за май 1896 г.

тѣмъ многочисленнымъ операціямъ съ монетами, которыя извѣстны намъ изъ исторіи денегъ любой страны. Какъ терялъ французъ при добромъ старомъ режимѣ, когда его увѣряли, что ливръ, уменьшенный въ вѣсѣ, стоитъ того же, чего и ливръ полный, такъ и русскіе люди будутъ чувствовать нѣкоторую неловкость, вынужденные обмѣнивать бумажный рубль на 66% коп. золотомъ, если благопріятный расчетный балансъ позволитъ ему дойти до 75 коп. Каковы бы ни были результаты, мы не нашли въ аргументаціи министра финансовъ доводовъ, способныхъ убѣдить въ необходимости такъ торопиться съ денежною реформой.

Всподданнѣйшій докладъ министра финансовъ заканчивается упоминаніемъ о концессіи, которую китайское правительство предоставило русско-китайскому банку на постройку и эксплуатацію китайской восточной желѣзной дороги, которая, пересѣкая Манджурію, должна связать по кратчайшему направленію забайкальскую дорогу съ южно-уссурійскою. Линія, проходящая по китайской территоріи, является звеномъ мирового пути, сооружаемаго черезъ материкъ Азіи. Министръ финансовъ находитъ, что «благопріятное разрѣшеніе этой задачи надлежитъ причислить къ крупнѣйшимъ успѣхамъ въ дѣлѣ мирнаго культурнаго развитія человѣчества».

Утвержденіе проекта китайской дороги было признано въ нашей печати торжествомъ русской политики, а потому и нужно рассмотреть, какихъ послѣдствій слѣдуетъ ждать отъ этого факта для русской культуры въ предѣлахъ Россіи, и для русской культуры, какъ начала, которое подчиняетъ другія страны своему доброму вліянію.

Проведеніе китайской дороги, несомнѣнно, уже доставило и впредь будетъ доставлять выгоды русско-китайскому банку, русскимъ капиталистамъ, которые прикосновенны къ нему, и тѣмъ русскимъ людямъ, которые найдутъ себѣ занятіе при постройкѣ и эксплуатаціи этой линіи. Оно явилось бы большимъ приобретеніемъ для русской промышленности лишь въ томъ случаѣ, еслибы обезпечивало болѣе широкій рынокъ для русскихъ издѣлій. Не забудемъ, однако, что на пути къ этому встрѣчаются серьезныя препятствія. Наши издѣлія гораздо дороже заграничныхъ. Какъ бы ни были низки тарифы при перевозкѣ товаровъ изъ Европейской Россіи въ Китай, передвиженіе ихъ на разстояніи 6—7,000 верстъ все же будетъ удорожать ихъ въ чрезвычайной степени. А между тѣмъ морской путь съ его дешевыми фрахтами открытъ для англійскихъ, американскихъ, а за послѣднее время и для японскихъ товаровъ. Промышленность Японіи дѣлаетъ въ разныхъ отрасляхъ очень большіе успѣхи: въ недалекомъ будущемъ эта интересная страна будетъ снабжать за границу даже своими машинами. Увеличивая вывозъ, она сдѣлается естественною поставщицею Китаю. Вообще, мы полагаемъ, промышленность Европейской Россіи имѣетъ мало данныхъ для приобретения въ Китаѣ обширнаго рынка. Иное дѣло русская промышленность въ Сибири; придвинувъ промышленность къ Китаю на нѣсколько тысячъ верстъ, можно было бы уменьшить расходы по

перевозкѣ русскихъ товаровъ и удешевить ихъ на китайскомъ рынкѣ. Но для этого нужно создать еще много условій и прежде всего довольно густое населеніе. А по этому пути дѣло не только не идетъ впередъ, но замѣчается какъ будто даже попятное движеніе. Постройка сибирской желѣзной дороги вызвала ожиданіе, что переселенческое дѣло будетъ организовано на широкихъ основаніяхъ, а между тѣмъ вышло совсѣмъ иначе. За послѣдніе годы правительство приняло нѣкоторыя мѣры для облегченія переселенцамъ пути, число ихъ возросло до 200,000 въ 1896 году. Но циркуляръ г. министра внутреннихъ дѣлъ отъ 20 января 1897 г. обнаруживаетъ намѣреніе правительства сузить этотъ потокъ и вести дѣло въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, нежели того можно было бы ожидать на основаніи числа переселенцевъ за послѣдніе годы. Мотивомъ къ этому является отмѣчаемый министерствомъ внутреннихъ дѣлъ недостатокъ въ Сибири земель, удобныхъ для водворенія выходцевъ изъ Европейской Россіи. Отлагая до другого раза обсужденіе условій, въ которыя новое распоряженіе ставитъ переселенческое дѣло, мы скажемъ только, что сдержаніе переселенческаго потока замедляетъ развитіе Сибири и ростъ въ ней тѣхъ отраслей промышленности, которыя могли бы овладѣть частью китайскаго рынка уже вслѣдствіе своей близости къ этому обширному царству. Чѣмъ болѣе же отдалается время развитія разнообразныхъ производительныхъ силъ Сибири и приведеніе ихъ въ связь съ заграничными рынками,—повторяемъ, это можетъ сдѣлать только довольно густое населеніе,—тѣмъ болѣе времени выигрываютъ наши соперники по мировой торговлѣ для дальнѣйшаго приспособленія своей промышленности къ запросу китайскаго рынка, для дальнѣйшаго удешевленія морской перевозки товаровъ и для созданія такихъ торговыхъ комбинацій, которыя сдѣлаютъ нашихъ соперниковъ еще болѣе стойкими.

Однако, можно говорить и въ иномъ смыслѣ о цивилизующемъ вліяніи Россіи на Китай посредствомъ сибирско-китайской желѣзной дороги. Допуская, что русскіе товары не будутъ имѣть на китайскомъ рынкѣ наиболѣе виднаго мѣста, можно предположить, что новая дорога будетъ передвигать въ Китай довольно многихъ русскихъ людей, которые, оставаясь только продолжительное время или навсегда, внесутъ въ это сонное царство «начатки русской культуры». Одни перенесутъ туда свои капиталы для устройства фабрикъ и заводовъ и будутъ обучать китайцевъ болѣе совершеннымъ техническимъ приѣмамъ, другіе—начнутъ обучать китайцевъ приѣмамъ управленія государствомъ, третьи (почему не помечтать и объ этомъ!) познакомятъ китайцевъ съ лучшими образцами русской словесности... Всѣ такія предположенія не приводятъ къ особенно утѣшительнымъ выводамъ: Россія такъ бѣдна капиталами, что сама успѣваетъ развивать свою промышленность только потому, что въ наше народное хозяйство вливаются капиталы англійскіе, французскіе, бельгійскіе, германскіе. Вносить въ Китай образцы русской словесности и науки (независимо отъ

трудности такого вліянія на народъ, который имѣеть богатую литературу и отличается довольно высокою грамотностью) некому, такъ какъ и для домашней-то работы на этомъ попрішѣ у насъ очень мало людей.

Въ концѣ декабря 1896 года утвержденъ *уставъ союза взаимопомощи русскихъ писателей при русскомъ литературномъ обществѣ*. Уставъ такъ перечисляетъ цѣли союза: объединеніе русскихъ писателей на почвѣ ихъ профессиональныхъ интересовъ, для установленія постоянного между ними общенія и охраненія добрыхъ нравовъ среди дѣятелей печати; посредничество между авторами, сотрудниками періодическихъ изданій и переводчиками съ одной стороны, издателями и редакторами съ другой; посредничество и разсмотрѣніе личныхъ споровъ, возникающихъ въ печати между членами союза, а также между ними и сторонними лицами; представительство на русскихъ и иностранныхъ союзахъ; ходатайство предъ правительственными и общественными учреждениями по предметамъ, касающимся литературной профессіи и ея отдѣльныхъ представителей; матеріальная помощь членамъ. Въ этихъ видахъ союзъ имѣеть право устраивать собранія для обсужденія докладовъ и соображеній по предметамъ профессиональнаго интереса, устраивать бюро справокъ по предмету спроса и предложенія литературнаго труда, устраивать кассы пенсіонныя, страхованія, взаимопомощи, санаторіи, потребительныя товарищества, принимать порученія отъ членовъ общества и органовъ печати для ходатайства въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, имѣть судъ чести, выпускать въ свѣтъ печатныя изданія, сборники и періодическія, созывать съѣзды дѣятелей печати, устраивать литературные вечера, концерты и чтенія. Завѣдываніе дѣлами союза возлагается на комитетъ изъ 12 членовъ съ 4 кандидатами къ онымъ. Судъ чести состоитъ изъ 7 лицъ съ 2 кандидатами къ нимъ. Въ составъ ревизіонной комиссіи входятъ 5 членовъ и 2 кандидата. Судъ чести разбираетъ дѣла какъ между членами союза, такъ и въ случаяхъ, касающихся профессиональной дѣятельности членовъ союза по заявленіямъ частныхъ лицъ. А комитетъ можетъ передавать на разсмотрѣніе суда чести поступки члена союза, если въ нихъ усматривается противодѣйствіе цѣлямъ союза, плагиатъ, контрафакція, клевета или, вообще, что-либо противное чести писателя.

Даже бѣглый перечень функций, въ которыя можетъ входить союзъ взаимопомощи русскихъ писателей, убѣждаетъ, что ему предоставлена широкая программа. Онъ можетъ послужить центромъ, способнымъ объединить многочисленныя и разнообразныя интересы тружениковъ печати и оказать имъ существенную поддержку. Членъ можетъ найти ее и въ тѣхъ случаяхъ, когда ему понадобится матеріальная помощь; онъ найдетъ руководство при столкновеніи съ редакторомъ или издателемъ; онъ будетъ имѣть возможность отстаивать свои интересы предъ правительственными и учреждениями. Наконецъ, могутъ быть устраиваемы съѣзды для обсу-

нія вопросовъ, которые касаются общихъ условій литературнаго труда и положенія людей, посвящающихъ этому труду свои силы. Значеніе союза, степень его вліянія на улучшеніе условій, въ которыя поставленъ русскій писатель, будутъ зависѣть отъ того, какъ поведутъ дѣло учредители, сумѣютъ ли избѣгать ненужныхъ недоразумѣній, не чувствовать мелкихъ уколовъ, которые неизбежно выпадаютъ каждому на долю въ общественной дѣятельности. Многое будетъ зависѣть отъ преданности и такта лицъ, которыя войдутъ въ составъ комитета.

Однако уставъ содержитъ положенія, которыя ставятъ права союза въ тѣсныя рамки. Союзъ имѣетъ право выпускать сборники и имѣть свой печатный органъ, однако «съ соблюденіемъ дѣйствующихъ цензурныхъ правилъ». Но, въѣдъ, съ соблюденіемъ этихъ правилъ не возбраняется и любому благополучному россіянину издавать газету или журналъ. Не отличаясь, такимъ образомъ, отъ частныхъ лицъ, союзъ поставленъ менѣе выгодно, чѣмъ нѣкоторыя ученныя общества, имѣющія свою цензуру. Союзъ имѣетъ право устроить читальню и библиотеку, но съ «соблюденіемъ правилъ, установленныхъ для библиотекъ». А эти правила, налагая запретъ на приобрѣтеніе многихъ книгъ, очень стѣснительны; они могутъ быть особенно стѣснительны для членовъ союза уже по принадлежности ихъ къ литературной профессіи. Разрѣшеніе с.-петербургскаго градоначальника необходимо даже для тѣхъ литературныхъ чтеній, которыя разрѣшены цензурой. Дабы пополнить музыкальное произведеніе, не изданное въ печати, необходимо разрѣшеніе начальства. Комитетъ союза увѣдомляетъ мѣстное полицейское начальство о всѣхъ собраніяхъ. Всякаго рода вспомогательныя кассы могутъ быть устраиваемы союзомъ только съ разрѣшенія подлежащаго начальства. Съѣзды дѣятелей печати могутъ быть созываемы союзомъ только съ надлежащаго разрѣшенія. Созваніе съѣздовъ дѣятелей печати можетъ быть признано наиболѣе существеннымъ пунктомъ устава. Но, конечно, это право получаетъ значеніе только въ томъ случаѣ, если на съѣздахъ будутъ обсуждаться дѣла, дѣйствительно, большой важности, прежде всего дѣла, касающіяся положенія печати предъ лицомъ закона и ея отношенія къ администраціи. Будущее покажетъ, будутъ ли разрѣшаемы съѣзды съ программой, которая заслуживаетъ того, чтобы писатели съ разныхъ концовъ Россіи съѣзжались для совмѣстнаго труда. Въ жизни нашихъ ученыхъ обществъ есть прецеденты, которые показываютъ, что созваніе съѣздовъ совершается въ иномъ порядкѣ, чѣмъ предположило данное общество. Высочайше утвержденное общество для содѣйствія русской промышленности и торговли хотѣло созвать торгово-промышленный съѣздъ при нижегородской выставкѣ. Министерство финансовъ не разрѣшило этого съѣзда и поручило чиновникамъ организовать таковой.

Въ уставѣ есть, однако, одно важное право, пользованіе которымъ не поставлено въ зависимость отъ разрѣшенія подлежащаго начальства: это—право союза ходатайствовать въ правительственныхъ учрежденіяхъ по дѣламъ членовъ общества и органовъ печати.

14 января скончался, не достигнув и 50 лѣтъ, извѣстный статистикъ пермскаго земства, Егоръ Ивановичъ Красноперовъ. Покойный занялъ почетное мѣсто въ лѣтописяхъ русской статистики. Съ половины 70-хъ годовъ онъ издалъ цѣлый рядъ изслѣдованій о крестьянскомъ хозяйствѣ и кустарныхъ промыслахъ Пермской губерніи. Нѣкоторыя изъ его работъ, напримѣръ—описаніе Енотаевской волости, должны быть отнесены къ лучшимъ земскимъ статистическимъ изданіямъ. Въ устройствѣ пермскаго кустарно-промышленнаго банка Красноперовъ также принималъ дѣятельное участіе. Глубоко проникнутый любовью по земскому дѣлу, Е. И. былъ рѣдкимъ, неутомимымъ труженикомъ.

3 февраля скончался Веніаминъ Яковлевичъ Федоровъ, долгое время предсѣдательствовавшій въ московскомъ цензурномъ комитетѣ. Человекъ съ обширнымъ образованіемъ, мягкій, привѣтливый, онъ съ большимъ тактомъ исполнялъ свои трудныя обязанности, принимая близко къ сердцу интересы литературы. Какъ справедливо замѣтили *Русскія Вѣдомости*, покойный относился къ печатному слову съ большимъ уваженіемъ и высоко ставилъ его значеніе. Никогда и никакая инициатива стѣсненія печати не исходила отъ Веніамина Яковлевича. Онъ возставалъ лишь противъ того, что унижало достоинство печатнаго слова. Добрая память остается за покойнымъ въ Москвѣ.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

(Малый театр: *Подорожник*, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, Е. Гославскаго. — *Бумирь*, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, Н. А. Борисова).

Г. Гославскій—писатель, по нашему мнѣнію, довольно талантливый,— во всякомъ случаѣ, болѣе талантливый, чѣмъ многіе изъ его коллегъ драматурговъ, значащихся таковыми въ спискахъ общества драматическихъ писателей, и если послѣдняя пьеса г. Гославскаго провалилась съ такимъ необычайнымъ трескомъ и шипѣніемъ, то въ этомъ не талантъ автора виновать и, конечно, не повинны артисты, а вся неприятность, очень крупная для писателя, исполнителей и публики, произошла отъ того, что авторъ недостаточно подумалъ надъ тѣмъ, что писалъ, сочинилъ и даже пересочинилъ свою пьесу и потащилъ ее на сцену съ большимъ опозданіемъ, лѣтъ, примѣрно, на тридцать. Что или кого разумѣетъ авторъ подъ названіемъ *Подорожникъ*, ясно всякому при бѣгломъ просмотрѣ афиши, и почти не остается сомнѣній и въ томъ, что авторъ намѣревается продѣлать съ своимъ «подорожникомъ». Вотъ афиша: Нудищевъ, помѣщикъ — г. Ленскій, Анна Владиміровна, его жена—г-жа Уманецъ-Райская, Борисъ, ихъ сынъ — Садовскій 2-й, Варвара Денисовна, сестра Нудищева — г-жа Яблочкина 2-я, Евдокія Степановна, его теща—г-жа Каратыгина, Гребецкій, богатый помѣщикъ — г. Горевъ, Колесовъ, офицеръ — г. Южинъ, Вероника Николаевна Съдова-Думнова, гувернантка въ домѣ Нудищева — г-жа Лешковская, Микиткинъ, сельскій учитель — г. Яковлевъ, затѣмъ слуги и гости. Читатель угадалъ, гувернантка — «подорожникъ». Зритель, входя въ театръ, догадывается: изъ-за богатаго жениха — конфликтъ между гувернанткой и сестрой хозяина дома; изъ-за офицера — конфликтъ, вѣроятно, съ хозяйкою дома; скромный «подорожникъ» топчуть, быть можетъ, закидываютъ грязью; но тутъ есть сельскій учитель, навѣрное, преисполненный благородства, онъ нѣжно расправляетъ лепестки помятаго «подорожника», чистыми слезами смываетъ съ него грязь,— и добродѣтель торжествуетъ, порочные обличены и посрамлены... и лавровый листъ на каркасѣ размѣрами въ большое каретное колесо. Это старо и просто. Г. Гославскій нашелъ нужнымъ обветшалую фабулу значительно дополнить и

хватили через край, въ первомъ же дѣйстви доказавъ зрителямъ, какъ легко попасть въ просакъ, полагаясь на афишу и на свою догадливость. Въ первомъ дѣйстви объясняются въ любви гувернанткѣ: офицеръ, богатый помѣщикъ, сельскій учитель, гимназистъ Борисъ и хозяинъ дома, старикъ Нудищевъ. Гувернантка, по мѣрѣ силъ своихъ, отмахивается отъ всѣхъ «любителей». Офицеру она говоритъ: «вы не женитесь, вамъ не то нужно...» или что-то равнозначущее. Богачу Гребецкому: «вы не женитесь, васъ женять», — намекаетъ на Варвару Нудищеву, которая за-одно съ братомъ ловить жениха-миллионера. Учителю она объясняетъ, что итъ, бѣднякамъ, нельзя жениться, не подобаеъ плодить нищихъ, и учитель соглашается съ разумностью такихъ доводовъ. Гимназисту гувернантка внушаетъ, что ему учиться слѣдуетъ, а не влюбляться. Старому сатиру Нудищеву отвѣчаетъ тоже чѣмъ-то весьма наставительнымъ... Не погѣвайте, читатель, — упомянуть всѣ эти фразы нѣтъ никакой возможности. Подъ конецъ дѣйствія гувернанткѣ подаютъ письмо отъ Гребецкаго. Влюбленный богачъ пишетъ: «Меня *женять*... Но васъ я люблю, не могу видѣть, въ какомъ вы живете положеніи... Я богатъ, скажите только одно слово, и я измѣню ваше положеніе на самое блистательное...» Молодая дѣвушка, видимо равнодушная къ Гребецкому, приходитъ въ очень понятное негодованіе отъ неправдоподобно-грубаго и дѣкаго предложенія зазнавагоса богача, воображающаго, будто ему достаточно тряпнуть своимъ кошелькомъ для того, чтобы поправившаяся ему женщина сейчасъ же кинулась ему на шею. За это во второмъ дѣйстви она осыпаетъ его насмѣшками, издѣвательствами и даже прямо бранью, вообще ведетъ себя крайне неприлично и, между прочимъ, бросается на шею офицеру Колесову, не преминувши заявить ему, что дѣлаеъ это вовсе не изъ любви, а съ досады и со злости... Въ третьемъ дѣйстви выясняется, что вся эта «канитель» есть плодъ жалкаго недоразумѣнія, происшедшаго отъ неумѣнія Гребецкаго выражаться общепонятнымъ человѣческимъ языкомъ. Онъ хотѣлъ предложить руку и сердце, хотѣлъ написать: «согласитесь быть моею женой», — а написалъ... чортъ знаетъ, что! Но какъ-ни-какъ, недоразумѣніе разъяснилось, Вероника Николаевна согласна осчастливить богатаго помѣщика; они женихъ и невѣста. А тутъ, какъ на грѣхъ, появляется офицеръ. Гувернантка вспоминаеъ вчерашніе поцѣлуй и спасается бѣгствомъ въ кусты. Гребецкой спѣшитъ сообщить пріятелю о своемъ счастьи. Колесовъ очень удивленъ, а затѣмъ повергаетъ всю публику въ неописуемое удивленіе тѣмъ, что рассказываетъ Гребецкому о томъ, какъ «вчера, на этомъ самомъ мѣстѣ», онъ цѣловался съ его невѣстой. Гувернантка выходитъ изъ кустовъ и объясняетъ, что это въ самомъ дѣлѣ было сдѣлано ею «съ досады и со зла». Офицеръ подтверждаетъ, что такъ именно она и говорила. Гребецкой и Вероника, да и самъ Колесовъ, и сознають, повидимому, всей гадости того, что сдѣлалъ этотъ послѣдній, — ни женихъ, ни невѣста не говорятъ ему, что порядочные люди такъ в поступаютъ. Гребецкой спрашиваетъ только Веронику, не цѣловалась ли

она еще съ кѣмъ-нибудь и ограничилась ли только поцѣлуями «со зла»? И, успокоенный отвѣтомъ дѣвушки, вновь сіяетъ счастьемъ и представляетъ ее въ качествѣ своей невѣсты всей семьѣ Нудищевыхъ. Старикъ Нудищевъ, разсчитывавшій бракомъ сестры съ богачомъ-сосѣдомъ поправить свои разстроенныя дѣляшки, приходитъ въ совершенное неистовство и взводитъ позорнѣйшую клевету на гувернантку, объявляя, что она «многоратно клялась ему, Нудищеву, въ вѣчной любви». Всякій мало-мальски неглупый человѣкъ махнулъ бы рукой на ошалѣвшаго старичишку, взялъ бы подъ руку дѣвушку и увелъ бы ее въ домъ мѣстнаго священника впредь до бракосочетанія. Не такъ поступаетъ Гребецкой, онъ начинаетъ допрашивать молодую дѣвушку, требовать отъ нея объясненій и оправданій, доказательствъ, что никогда не было того, въ чемъ обвиняетъ ее Нудищевъ. Тутъ уже не выдерживаетъ самъ офицеръ Колесовъ, вступается за оскорбленную Веронику и вызываетъ Гребецкого на дуэль... Въ четвертомъ дѣйствіи дуэли не произошло, все разъяснилось, всѣ покалялись, Нудищевъ признался въ томъ, что все нагаль, Гребецкой протягиваетъ руки Вероникѣ, опять называетъ ее своею невѣстой. На этотъ разъ дѣвушка рѣшительно отказывается ему и заявляетъ, что послала уже за подводой и уѣзжаетъ безотлагательно. Колесовъ задерживаетъ ее, предлагаетъ себя въ мужья. Она отказывается Колесову. Учитель Микиткинъ останавливаетъ Веронику такимъ же предложеніемъ. Она отказывается Микиткину и на прощанье говоритъ опять о «подорожничкѣ», перечисляетъ всѣ профессіи, доступныя женщинамъ,—гувернантокъ, учительницъ, фельдшерницъ, конторщицъ, продавщицъ, телеграфистокъ и т. д.,—ставящія бѣдныхъ и беззащитныхъ дѣвушекъ въ положеніе придорожной травки, которую люди топчутъ, а пыль грязнить... но травка оживетъ, ее обмоетъ «роса Божья». Эту «росой» и дѣло кончается.

Добрыя намѣренія были у г. Гославскаго, и «хорошія» слова онъ знаетъ, только,—къ большому сожалѣнію,—простой сюжетъ, старенькій, но не лишennyй жизненности, онъ усложнилъ неудачными выдумками до того, что утратился всякій смыслъ «басни сей». Вся исторія произошла изъ-за недѣлаго и въ дѣйствительности невозможнаго письма Гребецкого. Напиши онъ это посланіе по-человѣчески, и положеніе гувернантки оказалось бы блестящимъ, на зависть всѣхъ невѣстъ цѣлой губерніи и обѣихъ столицъ, пожалуй. Слѣдовательно, дальнѣйшія приключенія Вероники Николаевны не отъ того, что она гувернантка, а отъ того, что влюбленный въ нее богатый помѣщикъ не умѣетъ написать короткую записку вразумительно. Но и это еще небольшая была бы бѣда, еслибъ сама Вероника не оказалась барышней слишкомъ скоропалительнаго темперамента и потребовала бы отъ Гребецкого объясненія его грубости и глупости прежде, чѣмъ зря кидаться на шею офицеру. Хозяйка дома, Анна Владиміровна Нудищева,—какъ то изображено въ пьесѣ,—очень любитъ и цѣнитъ Веронику Николаевну, называетъ ее своею «правою рукою», «единственною помощницей», относится къ ней совершенно по-дружески. Всего проще и естественнѣе было бы мо-

лодой дѣвушкѣ обратиться къ хозяйкѣ за разъясненіемъ недоразумѣнія, за защитой отъ незаслуженныхъ оскорбленій. Въ дѣйствительной жизни это такъ и бываетъ. Но для замысла г. Гославскаго такой нормальный ходъ дѣла непригоденъ, и авторъ на протяженіи еще полутора дѣйствія (по афишѣ—двое сутокъ) оставляетъ зрителей въ недоумѣніи, подѣляніемъ придуманнаго имъ «эквивока». Такихъ шутокъ публики не любятъ и расплачивается за нихъ такъ, какъ раздѣлалась она съ г. Гославскимъ. Впечатлѣніе недовольства нарастаетъ отъ дрянной выходки офицера Колесова и отъ совершенно невозможнаго неистовства старика Нудищева. Первый своимъ рассказомъ о подѣлуяхъ, ничѣмъ не мотивированнымъ, второй—отвратительною клеветой заявляютъ себя людьми, лишенными самой элементарной порядочности, всякаго понятія о чести, — такими негодяями, какихъ не потерпятъ въ своей средѣ никакое общество. Въ результатѣ всѣхъ этихъ несообразностей и невѣроятностей получается такой выводъ, что печальное, на самомъ дѣлѣ, положеніе молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ авторъ величаетъ «подорожникомъ», обуславливается совсѣмъ не тѣмъ, что изобразилъ г. Гославскій въ крайне грубой и не совсѣмъ пристойной формѣ.

Въ пьесѣ есть всего одинъ характеръ, богача Гребенкаго, достаточно выдержанный и превосходно переданный г. Горевымъ. Это человѣкъ нерѣшительный, вѣчно сомнѣвавшійся во всемъ и во всѣхъ, и въ себѣ въ томъ числѣ,—человѣкъ обезволенный богатствомъ, обезсиленный съ дѣтства отсутствіемъ какой-либо борьбы, ненадобностью труда и напряженія энергіи, занимающійся кое-чѣмъ и кое-какъ изъ чистаго дилетантизма, отъ нечего дѣлать да отъ скуки. Въ такой личности, мастерски изображенной г. Горевымъ, чувствуется начало вырожденія, которому обречены всѣ, наследственно довольные и мягкодушные, ненаходящіе себѣ дѣла, требующаго серьезной работы. Изъ гувернантки-подорожника, при всемъ стараніи выдающейся артистки, г-жи Лешковской, ничего не вышло. Фигура эта написана настолько неопредѣленно и блѣдно, что даже очень большой талантъ не могъ оживить ее... Такъ же точно весь блескъ игры г. Лескаго привелъ лишь къ тому, что художественностью воспроизведенія прикрывается грубость карикатуры. Такую же карикатуру, не менѣе алиановатую, мы видимъ въ лицѣ тещи Нудищева, очеловѣчить которую, хотя сколько-нибудь, не удалось г-жѣ Каратыгиной, но,—спѣшимъ добавить,—отнюдь не по винѣ артистки, дѣлавшей героическія усилія для того, чтобы сгладить шаржъ, напущенный авторомъ. При несообразности словъ и, въ особенности, поступковъ Колесова, г. Южинъ сдѣлалъ изъ него типичскаго офицера, поскольку это было возможно. Къ большому удовольствію нашему, г-жа Яблочкина 2 очень хорошо исполнила роль сестры Нудищева. Г-жѣ Уманецъ-Райской выпала на долю прискорбная обязанность участвовать въ представленіи и изображать жену Нудищева, не имѣя и какой роли, настолько безцвѣтна эта Анна Владиміровна. Г. Садовскій отлично изобразилъ гимназиста, а г. Яковлевъ сдѣлалъ даже типичнаго сельскаго учителя. Къ сожалѣнію, матеріалъ, данный для этого авторомъ

весьма плохъ: учитель Мигиткинъ—это какой-то загнанный, приниженный человѣчекъ, жалкій, конечно, но и довольно противный своимъ вѣчнымъ трепетомъ передъ «господами». Какъ видитъ читатель, артисты дѣлали все, что могли,—а читатели знаютъ, что наши артисты въ силахъ сдѣлать,—и тѣмъ не менѣе пьесы г. Гославскаго они не спасли. Послѣ четвертаго акта, при появленіи на сценѣ автора, вызваннаго нѣсколькими голосами съ «верховъ», раздалось такое громкое и многоголосое шиканье, что драматургъ убѣжалъ со сцены... Отмѣчаемъ это для того, чтобы предупредить авторовъ о томъ, какъ осторожно надо относиться къ вызову немногими голосами и какъ не слѣдуетъ поддаваться соблазнительнымъ предложеніямъ идти раскланиваться съ публикой, аплодирующей исполнителямъ.

29 января, въ бенефисъ г. Рыбакова, шла новая комедія Н. А. Борисова—*Кумиръ* и потерпѣла не меньшее фіаско, чѣмъ *Подорожникъ*, только провалилась она болѣе заслуженно, чѣмъ пьеса г. Гославскаго. То была просто плохая пьеса, а такія произведенія, какъ *Кумиръ*, ставить на сцену стыдно и смотрѣть противно: рѣшительно не знаешь, въ какое общество мы попали, куда завелъ насъ драматургъ. Пусть читатель посудитъ: первое дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, въ домѣ Вѣры Павловны Ровинской (г-жа Ермолова), живущей въ рознь съ мужемъ Николаемъ Федоровичемъ Ровинскимъ (г. Горевъ), «Николинькой, человѣкомъ безъ опредѣленныхъ занятій»,—какъ значится въ афишѣ. Принимая у себя каждый день законнаго мужа, Вѣра Павловна состоитъ давно въ любовной связи съ инженеръ-механикомъ Александромъ Леонидовичемъ Кирѣвымъ (г. Южинъ). Это извѣстно всѣмъ, начиная съ мужа «Николиньки», всѣми признано за совершенно нормальное положеніе, вполнѣ одобряется старикомъ, отцомъ механика, «отставнымъ инженеромъ» Леонидомъ Егоровичемъ Кирѣвымъ (г. Рыбаковъ), который обращается съ замуженюю любовницей сына какъ съ настоящею законною и нѣжно любимою дочерью. Само собою разумѣется, что всѣмъ знакомымъ и не знакомымъ извѣстна сущность отношеній «Вѣрунчика» и «Шуры», какъ называетъ старикъ Кирѣвъ возлюбленную сына и своего *кумира* инженеръ-механика. Нѣкто Тольхъ (г. Ильинскій), общій другъ-пріятель Шуры, Николиньки и многихъ другихъ, какъ увидимъ дальше, ухаживаетъ за Вѣрой Павловной, объясняется ей въ любви и занимается сватовствомъ Александра Кирѣва съ какою-то Карскою, внучкой князя Таманова, наследницей его огромнаго состоянія. И сватовство это не секретъ, о немъ знаютъ «благородный» отецъ, «чистый душою» старикъ Кирѣвъ, и «добродѣтельная» Вѣра Павловна,—знаютъ и одобряютъ, сами принимаютъ живое участіе въ такомъ сватовствѣ изъ обожанія своего *кумира*. Вѣра Павловна самоотверженно отстраиваетъ отъ себя Александра, говоритъ ему, что любовь ея остыла, прошла, осталось только уваженіе, что имъ надо разстаться, причемъ она, Вѣра, всегда будетъ «самымъ искреннимъ, самымъ вѣрнымъ другомъ» Кирѣва. Она только спрашиваетъ у Тольха, добрая ли, хорошая ли дѣвушка та особа, съ которою усваты-

ваютъ Александра. Утвердительные отвѣты Тольха успокаиваютъ Вѣру, и она выражаетъ желаніе сама познакомиться съ Риммой Николаевной Барской. Тольхъ съ своей стороны убѣждаетъ Кирѣева не пропускать случая и дѣлать скорѣе предложеніе. Кирѣевъ не заставляетъ себя долго упрашивать, отправляется обѣдать къ князю, чтобы покончить дѣло, а про Вѣру, съ которою прожилъ 10 лѣтъ, говоритъ:—«Нажется, ей Тольхъ нравится... ну, что-жь, отлично...» Въ дверяхъ его останавливаетъ «интересный человѣкъ» Николинъка и просить взаймы три рубля... Хороша компанія! Дальше, впрочемъ, еще лучше.

Второе дѣйствіе въ «роскошной» гостиной Риммы Николаевны Барской (г-жа Яблочкина 2). Хозяйствомъ распоряжается «тетенька» (г-жа Садовская). Деньги на «роскошную» квартиру, на «роскошный» столъ, на «роскошные» наряды, на брилліанты, на содержаніе и на всякіе расходы выдаетъ безъ счета и отказа «чрезвычайно богатый человѣкъ» князь Танановъ (г. Правдинъ), очень дальній и очень старый,—до ветхости старый,—родственникъ Риммы. На обѣдѣ къ этой внучкѣ князя являются знакомиться съ невѣстой Александра Кирѣева его благодушный родитель, его самоотверженная возлюбленная подъ ручку съ своимъ мужемъ «Николинъкой». Князь присутствуетъ на правахъ почтеннаго родственника, Тольхъ—на правахъ друга дома, молодой Кирѣевъ—въ качествѣ жениха. Изъ разговоровъ между отдѣльными парами явствуетъ, что Римма—просто-на-просто на содержаніи у одряхлѣвшаго и почти выжившаго изъ ума князя, что «тетенька» прикрываетъ это своею очень сомнительною респектабельностью, что общій другъ Тольхъ хлопочетъ о сватовствѣ за чекъ на крупную сумму, который тотчасъ же вручаетъ ему старикашка князь. «Николинъка» выпрашиваетъ у едва знакомаго князя взаймы 25 рублей, подкарауливаетъ, какъ «тетенька» крадетъ со стола забытыя Риммой деньги и вымогаетъ часть ихъ на свою долю. Вѣра Павловна высказываетъ старику Кирѣеву свои опасенія за будущее счастье Александра съ слишкомъ развязною внучкою князя. Леонидъ Егоровичъ ничего не видитъ, ничего не замѣчаетъ, всѣмъ и всѣми очарованъ. Между 2-мъ и 3-мъ дѣйствіемъ проходитъ полгода, вся компанія въ сборѣ въ подмосковномъ имѣніи князя. Вѣра Павловна и ея законный супругъ «Николинъка» живутъ рядомъ на дачѣ вмѣстѣ со старикомъ Кирѣевымъ. Кумирь «Шуринька» работаетъ на заводѣ, построилъ какую-то диковинную машину собственнаго изобрѣтенія. Молодая жена Александра, Римма Николаевна, ухаживаетъ за больнымъ княземъ, растираетъ его по ночамъ цѣлебными мазями. «Тетенька», оскорбленная недостаточною благодарностью Риммы, пытается разъяснить старику Кирѣеву отношенія Риммы къ названному дѣдушкѣ. Старикъ чего не понимаетъ, а «Николинъка» все знаетъ и помалчиваетъ, занигъ у князя аккуратно по 25 рублей въ недѣлю. Римма подслушиваетъ тѣ дести, которыя говоритъ про нее «тетенька», и устраиваетъ такъ, князь выгоняетъ «тетеньку» изъ дому. За весьма прозрачными намеками «тетеньки» слѣдуетъ уже нѣчто совершенно положительное: Тольхъ проси

у Александра Кирѣва займы 50 тысячъ, тотъ не далъ, и Тольхъ въ отместку рассказываетъ все на чистоту Вѣрѣ Павловнѣ и доказываетъ справедливость своихъ словъ письмомъ князя, изъ котораго явствуетъ, что Александра женили на «завѣдомой любовницѣ» стараго богача. Вѣра въ ужасѣ сообщаетъ объ этомъ Леониду Егоровичу. Они вмѣстѣ хотятъ вырвать Александра изъ позорнаго положенія. Александръ очень спокойно заявляетъ папашѣ и бывшей возлюбленной, что всю эту исторію онъ знаетъ до свадьбы и женился изъ-за денегъ, чтобы выйти изъ положенія «пресмыкающагося и стать силой, большою величиной»... Старикъ впадаетъ въ совершенное отчаяніе. Александръ старается утѣшить родителя тѣмъ, что «все это прошлое», что «нельзя ставить всякое лыко въ строку», что «женятся же на вдовахъ» и что, наконецъ, «князь скоро умретъ и все состояніе оставляетъ по завѣщанію Римма»... Безуміемъ было бы «бросить все наканунѣ, когда дѣло идетъ о 10 милліонахъ»... Старикъ Кирѣвъ отказывается отъ сына и уходитъ съ Вѣрой Павловной. Въ этомъ дѣйствіи нѣсколько разъ говорится о томъ, что противъ дачи Кирѣва есть въ рѣкѣ «омуть и водоворотъ». Для зрителя остается на 4-е дѣйствіе открытымъ одинъ вопросъ: кого и какъ собирается авторъ отправить въ «омуть»? Но пьеса названа «комедіей» и, слѣдовательно, надо думать, что бросившагося изъ воды вытащутъ и все покончится благополучно. На дѣлѣ выходитъ, однако, не совсѣмъ такъ. На дачу къ убитому горемъ старику Кирѣву является сынъ подъ ручку съ женой ублажать отца, убѣждать его помирился съ ними, не продолжать тяжелой для всѣхъ ссоры изъ-за «пустяковъ». Александръ, а тѣмъ паче Римма не понимаютъ даже, чего ради такъ волнуются и убиваются Леонидъ Егоровичъ и Вѣра Павловна. Римма предлагаетъ «обезпечить» бывшую любовницу своего мужа и папашѣ принесла денегъ... Оба предложенія, разумѣется, отклонены, и молодые удаляются, не теряя, впрочемъ, надежды настоять на своемъ современемъ. Старикъ, оставшись одинъ послѣ сцены съ Вѣрой и съ Николинкой, оплакиваетъ погибшаго для него сына, тоскуетъ о низверженномъ *кумирѣ* и направляется къ двери, чтобы утопиться въ омутѣ... Утопится или нѣтъ? Помѣшаютъ или раздумаетъ самъ? — Это остается неизвѣстнымъ, и пьеса оказывается не конченною, а оборванною... Да и Богъ съ нею: помимо того, что она необычайно грязна, комедія эта и скучна томительно, и въ результатѣ отъ нея ничего не остается, кромѣ самыхъ неприятныхъ чувствъ досады и гадливости. Есть, конечно, нетребовательные люди, довольствующиеся избитымъ оправданіемъ подобныхъ произведеній тѣмъ, что такъ бываетъ въ дѣйствительной жизни и что случай, изображенный авторомъ, не заключаетъ въ себѣ ничего невозможнаго. На это имѣется настолько же старое и давно извѣстное выраженіе: не дозвоительно тащить въ повѣсть, а тѣмъ боѣе на сцену, всякую житейскую дрянъ,—мало ли какіе «сверные анекдоты» бывають въ дѣйствительности. А въ данномъ случаѣ всего важнѣе то, что въ дѣйствительной жизни ничего подобнаго не бываетъ и быть не можетъ. Ни для кого не новость, что находятся и будутъ нахо-

дятся молодые люди, женящиеся ради «карьер» на богатых невѣстах, не стѣняясь тѣмъ, какимъ способомъ пріобрѣтено приданое. Только совершенная несодѣянность, что нѣжный отецъ и беззавѣтно любящая женщина допускаютъ женитьбу своего кумира на неизвѣстной имъ особѣ, не осведомившись предварительно о томъ, кто предлагаемая невѣста и что она такое. Вѣра Павловна ограничивается очень неопредѣленными свѣдѣніями, сообщенными вскользь Тольхомъ, что она «добрая» и «хорошая», когда у Вѣры Павловны есть подъ руками шелопаи Николинъка, готовый всюду мчаться и развѣдать всю подноготную за пять рублей. Въ тому же и для самого Николинъки любовникъ его жены — тоже «кумиръ». Неправдоподобно и неестественно и то обстоятельство, что *ося* вѣрять въ огромное богатство Риммы на томъ основаніи, что она беретъ деньги безъ счета изъ бумажника князя и что старикашка обѣщала сдѣлать ее своею наследницей. Такой основательный выжига, какъ Александръ Кирѣевъ, не можетъ удовлетвориться какими-то неопредѣленными надеждами. Необъяснимо, а слѣдовательно и невѣроятно «самопожертвованіе» Вѣры Павловны. Мы готовы допустить, что экзальтированная женщина способна отстранить себя и восторженно уступить любимого человѣка другой женщинѣ, въ которую ея «кумиръ» страстно влюбленъ и безъ которой онъ жить не можетъ. Въ первыхъ двухъ актахъ нѣтъ и поминна о любви Александра къ Риммѣ, и впечатлѣніе получается такое, что всё его усваиваютъ невѣдомо ради какихъ причинъ. Кирѣевъ-отецъ, старый, мягкотѣлый и добродушно-глуповатый, ничего не видитъ и не понимаетъ, тогда какъ Вѣра Павловна, неглупая женщина, — какъ полагаетъ авторъ, — смекаетъ кое-что недоброе во второмъ актѣ, говоритъ объ этомъ старику и тотчасъ же успокаивается. Въ дѣйствительной жизни это немыслимо: всякая женщина въ ея положеніи, заподозривши то, что ей показалось неладнымъ, неуловительно потянула бы къ отвѣту Тольха и Николинъку, употребила бы всё средства къ тому, чтобы добраться до правды, и ни передъ чѣмъ не остановилась бы для того, чтобы разстроить свадьбу и спасти отъ позора своего божка. Такимъ образомъ вся первая половина пьесы оказывается сплошною несообразностью, до крайности плохую выдумкой автора, не имѣющею ни малѣйшаго сходства съ дѣйствительною жизнью. Между вторымъ и третьимъ дѣйствіемъ проходитъ полгода. Молодые Кирѣевы успѣли съѣздить за границу, устроить диковинный заводъ, пустить въ ходъ необычайныя изобрѣтенія. Вѣра Павловна живетъ съ Николинъкой рядомъ съ усадьбой князя, продолжаетъ непрерывно выдаться съ Тольхомъ, оба эти молодца знаютъ доподлинно, въ какую яму залѣзъ Александръ Кирѣевъ, и ни тотъ, ни другой не проговорились объ этомъ Вѣрѣ Павловнѣ до того момента, когда авторъ нашелъ нужнымъ это сдѣлать. Должно быть, за эти полгода между Вѣрой, Николинъкой и Тольхомъ ни разу не было поминна о ихъ отсутствующемъ, а потомъ вернувшись, другъ. Четвертый актъ, по существу дѣла ни на что ненужный, а нять сплошь необыкновенно скучнымъ, жеманно сдѣланнымъ пытель

старика Кирѣева... Конецъ акта просто забавенъ своею наивностью... Такому сокрушенію ослѣпленнаго любовью родителя можно, пожалуй, повѣрить съ нѣкоторою натяжкой. Но мы рѣшительно отказываемся вѣрить тому, что Вѣра Павловна, прожившая *десять* лѣтъ чуть не въ супружескомъ союзѣ съ Александромъ, не разобрала, что это за господинъ.

Отецъ могъ, какъ-никакъ, завопить: «мнѣ его подмѣнили». А для Вѣры Павловны «подмѣнилъ его» авторъ по шучьему велѣнію, по своему измышленію... Что такое дѣйствующія лица, собранныя въ букетъ г. Борисовымъ? Кирѣевъ-отецъ — простакъ въ «розовыхъ очкахъ», сохранившій до 60-лѣтняго возраста умъ 5-лѣтняго младенца. Его въ сторону, — онъ добръ, скученъ и глупъ. Дружественное тріо: «Вѣруничъ», ея любовникъ и мужъ, живущіе въ «умилительномъ» согласіи, — весьма противно, именно, такимъ сожительствомъ, не менѣе гадко, чѣмъ другое такое же тріо — Римма, ея мужъ и дряхлый любовникъ. Между ними Тольхъ и «тетенька» представляютъ собою парочку, занимающуюся такою профессіей, опредѣлить которую однимъ весьма извѣстнымъ словомъ не дозволяетъ пристойность. Очевидно, излюбленный авторомъ «Николинъка» — гаденькій прохвостъ самаго мелкаго пошиба, довольствующійся рублевыми подачками «на выпивку». Тольхъ — прохвостъ, немного покрупнѣе, требующій за свои услуги не «пятнадцати», а чеки, и протягивающій свои лапки къ 50 тысячамъ. Кумиръ-Александръ — еще болѣе крупный прохвостъ, торгующій собою и своей молодою женой за большую сумму. Князь — престарѣлый негодяй, развращающій 16-лѣтнюю дѣвочку, свою дальнюю родственницу, при содѣйствіи «тетеньки», и покупающій своей содержанкѣ браваго мужа, при помощи подкупленныхъ пріятелей этого послѣдняго... Хороша компанія! — Результатъ: князь проживетъ власть сколько ему положено, умащаемый по ночамъ цѣлебными мазями нѣжными ручками своей «внучки» и выкидывая ежедневно подачи всякимъ паразитамъ, и отойдетъ въ вѣчность, оберегаемый милою супружескою парочкой отъ покушеній измѣнить свое завѣщаніе. Геніальный механикъ Кирѣевъ будетъ продолжать свою «механику», терпѣливо ожидая того вожделѣннаго времени, когда его милая супруга освободится отъ своихъ «родственныхъ» обязанностей и передастъ ему благопріобрѣтенные милліоны. «Тетенька» будетъ получать отъ щедротъ князя пожизненную пенсію и, несомнѣнно, найдетъ молоденькую племянницу, съ которою распорядится — какъ выше писано. Тольхъ безпечально проживетъ сватовствомъ и маклерствомъ до тѣхъ поръ, пока на его долю не выпадетъ такое же счастье, какимъ ловко воспользовался его добрый другъ Шура. Николинъка будетъ еженедѣльно занимать у князя по 25 рублей, а по его кончинѣ будетъ пользоваться такимъ же благосклоннымъ кредитомъ у бывшаго любовника жены. Вѣра Павловна будетъ культивировать свою высокую добродѣтель и любоваться собою, какъ она до сихъ поръ непрестанно любовалась. Утопится или не утопится старикъ Кирѣевъ, этого мы не знаемъ и предугадать не можемъ, какъ нельзя предвидѣть, застрѣлится ли нѣтъ человекъ,

заряжающий пистолетъ. Чего же ради авторъ поднимаетъ и вытаскиваетъ на сцену всю эту грязь? Изъ его пьесы нельзя выжать ни само-малюсенькой идеи, ни даже того, что «подававшій надежды» молодой человекъ превратился въ сущаго «идола» потому, что папаша и близкіе люди сдѣлали его своимъ «кумиромъ». Превращеніе совершилось далеко до начала пьесы, въ которой не объяснено — какъ и въ силу какихъ причинъ оно произошло, если только было на самомъ дѣлѣ какое-либо превращеніе... Крайне плохая пьеса г. Борисова не даетъ рѣшительно никакого матеріала артистамъ, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что даже такіе исполнители, какъ г-жи Ермолова и Садовская и гг. Южинъ, Рыбаковъ и Горевъ, изъ ничего не смогли сдѣлать что-нибудь. Переигравъ только одинъ г. Правдинъ, изобразившій князя почти выжившимъ изъ уха старикомъ, настолько дряхлымъ, что онъ вотъ-вотъ разсыплется. Мы думаемъ, что князь Тамановъ, единственная въ пьесѣ фигура, не совсѣмъ ординарная и шаблонная, изъ которой, при иной интерпретаціи, можно было сдѣлать нѣчто похожее на типъ стараго богача, утратившаго всякое нравственное чувство по милости своихъ милліоновъ и вслѣдствіе привычки всѣхъ покупать и отъ всего откупаться деньгами, невозмутимо и презрительно говоря только одно слово: «сколько?»

Ан.

Программа шестого симфоническаго собранія главнымъ образомъ состояла изъ произведеній Вагнера. Были исполнены: увертюра къ оп. «Морьякъ-Скиталецъ», заключительная сцена изъ музык. драмы «Гибель боговъ». Кромѣ этихъ произведеній въ этотъ вечеръ исполнялись: увертюра къ оп. «Ифигенія въ Авлидѣ» — Глюка (съ окончаніемъ Вагнера); симфоническая поэма «Festklänge» — Листа и пѣсни и романсы Шуберта, Шумана, Сенъ-Санса, Масене, исполненные г. Ореліо, пѣвшаго партію Вотана въ «Валькиріи». Музыка Вагнера если и не поражаетъ оригинальностью идей и строгостью разработки, то во всякомъ случаѣ освѣщеніе ихъ настолько своеобразно, что изрѣдка слушать его произведенія даже поучительно. Для Вагнера музыкальные звуки были только матеріаломъ для выраженія его своеобразныхъ тенденцій на цѣлую область искусства — музык. драму, а не матеріаломъ для передачи душевныхъ настроеній, драматическаго или лирическаго характера. Вслѣдствіе этого, музыка Вагнера не трогаетъ слушателя, а поражаетъ своею сильною преднамѣренностью. Уже по инструментовкѣ можно судить, что музыка для Вагнера не самостоятельное искусство, а прикладное, усиливающее впечатлѣніе драмы. Какъ сколько Вагнеръ успѣлъ въ этомъ, обсуждать здѣсь не мѣсто, но во всякомъ случаѣ онъ указалъ новый путь примѣненія музыки къ сценическимъ представленіямъ. Исполненіе вышепоименованныхъ произведеній Вагнера отличалось большою старательностью. Увертюра Глюка имѣетъ тотъ же прелесть стиля старинныхъ мастеровъ и послѣ вагнеровскихъ произведеній кажется бѣдною по инструментовкѣ и однообразною по содер-

нію. Увертюра эта, отдѣленная отъ оперы для самостоятельнаго исполненія, имѣетъ окончанія Моцарта и другихъ композиторовъ. Поэма Листа нагляднымъ образомъ изображаетъ торжество звуковъ надъ талантливостью автора къ писанію оркестровыхъ произведеній. Можетъ быть, болѣе выдающееся исполненіе поэмы и помогло бы намъ уяснить художественныя достоинства ея, но теперь они для насъ пока скрыты. Пѣвецъ г. Орелію имѣетъ голосъ не важный, но поетъ музыкально и производитъ впечатлѣніе пѣвца съ опредѣленною школою.

Сто лѣтъ тому назадъ, въ 1797 году, въ Вѣнѣ родился одинъ изъ геніальныхъ представителей музыкальнаго искусства—Францъ Шубертъ. Бѣдность, малая извѣстность, разныя неудачи преслѣдовали при жизни основателя нѣмецкой художественной пѣсни. Только послѣ смерти, благодаря содѣйствію Шумана и другихъ знаменитыхъ собратовъ по искусству, — произведенія Шуберта начинаютъ приобрѣтать популярность и находятъ издателей. Въ наши дни произведенія Шуберта изучаются въ консерваторіяхъ, входятъ въ составъ классическаго репертуара выдающихся артистовъ и служатъ украшеніемъ программы солидныхъ концертовъ и симфоническихъ вечеровъ. Его геніальность оцѣнена теперь достаточно, и онъ поставленъ въ ряду великихъ музыкантовъ Бетховена, Шумана и другихъ. Въ седьмомъ симфоническомъ собраніи исполнена была его лучшая симфонія C-dur, про которую Шуманъ, говорятъ, отозвался, что это десятая муза, послѣ девяти бетховенскихъ. Дѣйствительно, это перлъ симфонической музыки, несмотря даже на свойственный Шуберту недостатокъ—растянутость содержанія. Исполнена она была настолько удачно, что мы примираемся съ недостатками исполненія, зависящими отъ личности дирижора. Въ этотъ вечеръ солистами были: волторнистъ Луи Саваръ и пианистъ г. Сапельниковъ. Г. Саваръ исполнилъ концертъ для волторны E-dur, соч. 106—Моцарта; въ исполненіи онъ выказалъ прекрасный тонъ, отличную технику (стоката) и довольно рѣдкую принадлежность виртуозной техники на волторнѣ—трель. Въ общемъ исполненіе г. Савара произвело на публику пріятное впечатлѣніе и, онъ долженъ былъ повторить послѣднюю часть концерта. Г. Сапельниковъ сыгралъ концертъ Бетховена G-dur, соч. 58 и на бисъ рапсодію Листа и berceuse—Шопена. Игра его производитъ тоже хорошее впечатлѣніе, онъ имѣетъ блестящую технику, пріятный тонъ и нужную для исполненія экспрессивность. Въ заключеніе вечера было исполнено геніальное попури «Ночь въ Мадридѣ»—Глинки; это произведеніе настолько изобилуетъ непосредственнымъ творчествомъ и чудными испанскими мелодіями, что его всегда послушать можно съ удовольствіемъ, а нетрудность исполненія даетъ возможность дирижору быть на своемъ мѣстѣ, не рискуя попасть въ просакъ.

Шестой симфоническій концертъ находился подъ управленіемъ дирижора г. Никодѣ и съ участіемъ виолончельста г. Кленгеля. Г. Никодѣ оказался прекраснымъ дирижоромъ и отлично провелъ произведеніе Берліоза—эпизодъ изъ жизни артиста. Главное достоинство его дирижированія заклю-

чается въ ясной и отчетливой распланировкѣ деталей художественнаго произведенія. Общая картина исполненія, можетъ быть, и страдаетъ нѣсколько отсутствіемъ вдохновенія, но за то бываютъ моменты дѣйствительно художественныя. Исполняя свои симфоническія варіаціи для оркестра, г. Никодѣ показалъ себя солиднымъ музыкантомъ-композиторомъ, имѣющимъ изящный вкусъ въ инструментальнѣ и хорошую техническую подготовку. Если произведеніе и не блещетъ новизною мыслей и способомъ выраженія, то слушать его все-таки очень пріятно. Юліусъ Кленгель—віолончелистъ съ громадною техникою, но его тонъ и выразительность исполненія оставляютъ желать еще многого. Эти недостатки невольно заставляютъ слушателя сосредоточивать свое вниманіе только на ловкости пальцевъ и смычка исполнителя. Исполненный имъ собственный концертъ для віолончели (D-moll, № 2), выдающагося по музыкѣ ничто не представляетъ; техническая же сторона исполненія передана была превосходно. Колыбельная пѣснь—Годара и *Regretium mobile*—Фипенгагена сыграны очень хорошо, въ особенности послѣднее произведеніе.

Поставленная въ Солодовниковскомъ театрѣ опера «Псковитянка», представляетъ изъ себя весьма оригинальное и самобытное художественное явленіе. Обособленность ея художественнаго значенія проявляется въ томъ, что по стилю она не можетъ быть причислена ни къ одному изъ существующихъ оперныхъ стилей итальянскаго, французскаго, нѣмецкаго (съ Вагнеромъ во главѣ) характеровъ, ни даже русскаго послѣ-глинковскаго періода. Стилъ оперы получается фантастичнымъ, не принадлежащимъ какой-либо опредѣленной школѣ, а можетъ быть причисленъ всѣмъ школамъ, временамъ и народамъ понемногу. Сюжетъ оперы заимствованъ изъ драмы Мея, того же названія, и вкратцѣ заключается въ слѣдующемъ: Ольга, пріемная дочь намѣстника въ Псковѣ, Токмакова, влюблена въ послѣднечьяго сына Михайла Тучу, но просватана за боярина Матугу; городъ Псковъ, взволнованный появленіемъ царя, раздѣляется на партіи, вслѣдствіе чего Туча долженъ былъ удалиться изъ города; этимъ временемъ Матуга похищаетъ Ольгу, но объ этомъ узнаетъ царь и распутываетъ дѣла по-своему; отъ Токмакова онъ узнаетъ, чья Ольга дочь, и признаетъ ее за свою; Туча, провѣдавъ, что Ольга находится въ ставкѣ царя, собирается выручить ее оттуда; попытка Тучи кончается неудачею, а Ольга погибаетъ подъ выстрѣломъ во время нападенія на ставку. Музыка оперы основана вся на мелодическомъ речитативѣ и аріозномъ пѣніи; закругленныхъ арій и законченныхъ музыкальныхъ моментовъ въ ней нѣтъ. Хоры и ансамбли, существующіе въ оперѣ, тоже являются не самостоятельными въ своемъ теченіи, а только продуктами сценическихъ положеній, но и въ этомъ видѣ мало развиты. Внутреннее богатство оперы сводится на образіи аккордовыхъ комбинацій, и уже съ первыхъ аккордовъ увертюры слышится большая изобрѣтательность автора въ гармоническихъ сочетаніяхъ.

Тѣ мелодическіе оазисы, которые попадаются въ оперѣ и которые.

жетъ быть, вслѣдствіе рѣдкости начинаютъ заинтересовывать слушателя, являются только въ качествѣ національнаго характера оперы. Написана опера въ смыслѣ историческаго рисунка и правильности голосоведенія, — превосходно и неподобно инструментована. Такое впечатлѣніе произвелъ на насъ этотъ шедевръ музыкальнаго знанія и большой композиторской опытности. Захватывающихъ моментовъ драмы и трогających душу лирическихъ изліяній, а также истиннаго музыкальнаго вдохновенія — мы въ оперѣ не нашли; но за то во всемъ видѣли ведужинный умъ автора и усидчивую, кропотливую технику. Надъ такими произведеніями нужно учиться, слушать же ихъ въ смыслѣ художественнаго удовольствія нечего. Слишкомъ много въ нихъ холоднаго ума, и непосвященной въ тонкости искусства публикѣ трудно проникнуть и оцѣнить ихъ достоинства. Клавираспугъ оперы изданъ муз. фирмой Бессель, переложень партитурнымъ способомъ, для игры неудобень и стоитъ дорого. Объ исполнителяхъ можно сказать, что они въ сущности всё плохи; нѣсколько выдѣлялся своєю дикціей г. Шаляпинъ, но по типу, изображая грознаго царя, скорѣе напоминалъ выпившаго крестьянина съ манерами итальянскаго трагика дурного пошиба.

Опера *Опричникъ*, Чайковскаго, поставленная въ томъ же театрѣ, — одно изъ первыхъ его произведеній въ этомъ жанрѣ. Опера носитъ слѣды талантливой молодости, еще не отступающей прямо отъ образцовъ другихъ оперныхъ мастеровъ. Въ ней есть арии, дуэты и всякіе ансамбли съ хорами включительно, не претендующіе на оригинальность и самобытность, хотя и имѣющіе задатки самостоятельнаго будущаго. Проредактированная въ болѣе поздній періодъ творческой дѣятельности, она является передъ нами хотя молодымъ, но законченнымъ цѣлымъ. Сюжетъ оперы заимствованъ изъ трагедіи то же имени Лажечникова. Молодой бояринъ Морозовъ, влюбленный въ дочь князя Жемчужнаго, желая приобрѣсти ее въ жены, а также достать себѣ богатство и почетъ, — дѣлается опричникомъ у Грознаго; его мать вдова, Морозова, благосклонно смотритъ на любовь сына, но, узнавъ, что онъ перешелъ въ опричину, проклинаетъ его князь Вязьминскій, пылая местию къ Морозовымъ, устраиваетъ всякія помѣхи молодому Морозову, а когда онъ, наконецъ, женится на Натальѣ, то разлучаетъ ихъ, отводя новобрачную къ Грозному, а Андрея на плаху опера оканчивается смертью матери Морозовой и торжествомъ князя Вязьминскаго. Музыка оперы по характеру мало имѣетъ русской самобытности, хотя нѣкоторые обороты мелодій и отрывки мотивовъ русскіе. Общая концепція оперы нѣсколько напоминаетъ мейерберовскій стиль. Внимательно вслушиваясь въ музыку оперы, можно сказать, что если она и не представляетъ высокаго художественнаго произведенія опредѣлившагося таланта, то во всякомъ случаѣ даетъ возможность судить о размѣрахъ его. Если бы Чайковскій писалъ всё свои оперы по образцу *Опричника*, то и тогда онъ могъ бы дописаться до полной оригинальности. Исполненіе оперы намъ совершенно не понравилось. Если оно не было сплошь плохимъ, то

и моменты хорошаго были настолько рѣдки, что составляли какое-то пріятное заблужденіе, о которомъ навѣрно не вѣдали и сами исполнители. Постановка оперы во внѣшнемъ, декоративномъ отношеніи, въ различныхъ аксессуарахъ, тоже требуетъ многихъ разъясненій. Впрочемъ, отъ частной антрепризы можно этого строго и не требовать, нужно было только повнимательнѣе отнестись къ содержанію. Хорошая частная опера въ Москвѣ необходима, нужно только, чтобы во главѣ дѣла стояли люди вполне компетентные, и тогда предпріятіе навѣрно будетъ имѣть успѣхъ.

Въ этомъ же театрѣ мы слышали оперу *Богема* въ 4 дѣйствіяхъ, музыка Д. Пуччини. Постановка этой оперы еще разъ подтверждаетъ, что администрація театра больше заботится о новостяхъ, не заботясь о хорошемъ, общемъ и детальномъ ихъ исполненіи. Ставить такія произведенія вовсе пѣтъ нужды, хотя, быть можетъ, за границею они и имѣютъ свой *raison d'être*. У насъ есть своихъ достаточно хорошихъ оперъ, стоитъ только ихъ болѣе обдуманно ставить.

Авторъ оперы если и имѣетъ нѣкоторый музыкальный талантъ, то въ дѣлѣ оперной фактуры онъ плохо еще смыслитъ. Нельзя писать оперы на сюжетъ, отчего зимою снѣгъ бываетъ, а лѣтомъ дождь идетъ; а если уже такой сюжетъ попался подъ руку, то нужно это дѣлать съ полнымъ знаніемъ опернаго искусства въ частности и музыкальной компетентности въ общемъ. Публика, слушая эту оперу, могла только удивляться долготерпѣнію гг. артистовъ, выучившихъ такую галиматью. Впрочемъ и охотниковъ для оцѣнки этого артистическаго дѣйствія находилось мало.

Эжень д'Альберъ и Юсіфъ Гофманъ, давшіе концерты въ прошломъ мѣсяцѣ, представляютъ два интересныхъ типа современной фортепیانной виртуозности. Расцвѣтающій талантъ Гофмана видимо начинаетъ концентрироваться въ направленіи глубокаго передаванія содержанія произведеній. Техника у него превосходная, тушѣ даетъ возможность легко передавать экспрессию пѣнія, вдумчивость при передачѣ произведеній, — даютъ въ общемъ очень поэтическую фигуру молодого артиста. Талантъ д'Альбера находится въ полной силѣ своего развитія. По феноменальной техникѣ и колоссальной силѣ онъ не можетъ быть и сравниваемъ съ другими виртуозами. Мы не слышали Листа, но, по преданію, игрою своею онъ изображалъ цѣлый оркестръ, невольно заставляя слушателей забывать, что онъ сидитъ за роялемъ. Вотъ и д'Альберъ, играя невѣроятныя трудности съ легкостью, доступною только развѣ собранію людей въ оркестрѣ, и тонъ и тушѣ имѣетъ совершенно оркестровыя. Его воздушное піаниссимо, гигантское форте и ласкающая нѣжность момента въ чувствительности—все имѣетъ характеръ изображенія на ф.-п. оркестровыхъ эффектовъ и впечатлѣній. Кто больше правъ въ своихъ интерпретаціяхъ, имѣя въ виду свойство инструмента? Мы стоимъ на сторонѣ д'Альбера. По нашему мнѣнію, рояль—инструментъ не для исполненія психическихъ тонкостей и глубокаго чувства,—для этого у него нѣтъ пружины звука и измѣненія его силы. Это инструментъ, могущій изобр-

жать эскизно, только общую картину музыкальных образовъ, не затрагивая сущности ихъ, глубины. Напрасно пианисты кривляньемъ пальцевъ и потряхиваніемъ головы думаютъ придать своему исполненію душу и возбудить въ слушателяхъ трогательное художественное чувство. Природу инструмента имъ побѣдить не удастся, для этого нужно изобрѣсти что-нибудь новое, а положеніемъ своимъ за роялю они возбуждаютъ только несправедливыя толкованія не понимающихъ ихъ. Публика своимъ посѣщеніемъ видимо отдавала предпочтеніе Гофману, что объясняется его молодостью и уже выдающеюся виртуозностью; къ д'Альберу же относилась въ высшей степени несправедливо, такъ какъ онъ по своей артистической зрѣлости во всякомъ случаѣ первый пианистъ въ мірѣ.

Александръ Барсовъ.

Двѣ грядущія годовщины.

Близится столѣтіе со дня рожденія двухъ величайшихъ славянскихъ поэтовъ: 24 декабря 1798 года родился Мицкевичъ, 26 мая 1799 года—Пушкинъ. Творцу *Евгенія Огюста* Россія уже воздвигла въ Москвѣ «мѣдную хвалу». Теперь настала очередь для такой же хвалы другу нашего великаго Пушкина.

Издающаяся въ Петербургѣ польская газета *Kraj* *) перепечатала изъ *Газеты Радомской* статью, въ которой возбужденъ вопросъ о чествованіи Мицкевича въ будущемъ году и о постановкѣ ему памятника въ Варшавѣ. Мы охотно присоединились бы къ мысли воздвигнуть статую Мицкевича въ Москвѣ, противъ памятника Пушкину, но, конечно, Варшава имѣетъ первенствующее право почитать великаго польскаго поэта. Постановка памятника Мицкевичу теперь, когда польское и русское общественное мнѣніе возмужало, когда великіе интересы нашего государства повелительно требуютъ справедливыхъ и доброжелательныхъ отношеній съ братскими народами, была бы актомъ и вполне заслуженной благодарности, и большого политическаго такта. До сихъ поръ раздаются, къ сожалѣнію, въ нашей печати злобные голоса, кричащіе о томъ, что «горе побѣжденнымъ». Но не въ духѣ русскаго народа эти крики, постыла русскому сердцу политика, направленная къ тому, чтобы насильственно обрусить какой бы то ни было народъ. На нашемъ *государственномъ* языкѣ писали Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ; представители этого языка, Тургеневъ, Толстой,—приобрѣли всемірную знаменитость. *Такой* языкъ не нуждается въ полицейскомъ содѣйствіи. Мы вполне признаемъ, что русскій языкъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, долженъ быть обязательенъ для всѣхъ народностей, населяющихъ имперію; но мы считаемъ безнравственнымъ и нецѣльнымъ стремленіе вытѣснить нашу рѣчью родную рѣчь этихъ народностей.

Подумали ли серьезно враги честнаго, безпристрастнаго соглашенія съ поляками, какую великую силу прибавило бы такое соглашеніе нашему государству? Неужели наши доморощенные Макиавелли и Ришельё не по-

*) *Kraj*, 31 января.

нимають, что правило: живи и другимъ давай жить,—прекрасное и благо-разумное по отношенію къ отдѣльному человѣку, имѣеть еще большее значеніе въ отношеніяхъ народа къ народу? Публицисты, неустанно увѣряющіе своихъ читателей, что они-то именно и являются истолкователями смысла русской исторіи и указателями ея дальнѣйшихъ путей, и ссылающіеся при этомъ на славянофиловъ,—не помнятъ или совсѣмъ не знаютъ развѣ отношенія къ польскому вопросу Хомякова или Аксакова? Говоря объ освобожденіи крестьянъ въ Польшѣ, Аксаковъ писалъ въ *Дни*: «Развитію польской народности положено на-дняхъ *Россіей* такое новое широкое основаніе, котораго до сихъ поръ не могла выработать вся тысячелѣтняя исторія Польши». По поводу этой и другой статьи въ *Дни*, по польскому же вопросу, покойный Страховъ, котораго такъ превозносятъ *Московскія Вѣдомости*, *Русское Обозрѣніе* и ихъ единомышленники, высказывалъ полное согласіе со взглядами Аксакова. Страховъ писалъ, что нѣтъ въ мірѣ прочной побѣды, кромѣ побѣды нравственной, что всякія соображенія государственной пользы поведутъ только ко вреду, если они основываются не на возвышеніи и укрѣпленіи нравственнаго достоинства подданныхъ, а на его извращеніи. Такъ говорили люди, которыхъ нынѣшніе «охранители» облыжно называютъ своими учителями.

Еще разъ привѣтствуемъ мысль о пользѣ, русской и вообще славянской подпискѣ на памятникъ Мицкевичу въ Варшавѣ.

В. Гольцевъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Намъ приходилось нѣсколько разъ указывать на неудовлетворительность дѣйствующей во Франціи системы налоговъ. Преобладаніе косвенныхъ налоговъ, и притомъ на предметы необходимости, ясно свидѣтельствуетъ о неравномѣрности налогового бремени. Кабинетъ Леона Буржуа приступилъ было къ серьезнымъ преобразованіямъ въ этомъ отношеніи, но встрѣтилъ упорное противодѣйствіе со стороны заинтересованныхъ классовъ и принужденъ былъ выйти въ отставку. Министерство Мелина-Ганото, напирая на иностранную политику, въ которой оно подчеркиваетъ дружественное согласіе съ нашимъ отечествомъ, старается подуступками и компромиссами достигнуть временнаго улучшенія бюджета. Уже много разъ при этомъ подымалась рѣчь о монополіи продажи спиртныхъ напитковъ. Въ январской книжкѣ *Политическаго и Парламентскаго обозрѣнія* *) напечатана интересная статья, посвященная этому вопросу. Ея авторъ, сенаторъ Эрнстъ Буланже, указываетъ, что на финансовую политику правительства сильно вліяла заинтересованная въ барышахъ сторона, т.-е. заводчики и продавцы спиртныхъ напитковъ. Теперь однако, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, выработанъ законопроектъ, который ходитъ изъ палаты депутатовъ Французской республики въ сенатъ и обратно. Этотъ законопроектъ имѣетъ въ виду уменьшить на 13 милліоновъ франковъ обложеніе пива и уничтожить акцизъ съ розничной продажи вина на 130 милліоновъ. Взамѣнъ предполагается рядъ сборовъ на разрѣшеніе винной продажи, на ликеры и т. д., примѣрно на 68 милліоновъ, и увеличеніе налога на алкоголь. Буланже считаетъ эти предположенія неточными и весьма оптимистическими. Предложеніе ввести во Франціи монопольную казенную продажу спиртными напитками встрѣчаетъ также сильныя возраженія. Противники этой монополіи доказываютъ, что государство — плохой продавецъ, что не слѣдуетъ питьемому доходу отводить сколько-нибудь зна-

*) E. Boulanger: *La réforme des Boissons, étude financière (Revue Politique et Parlementaire, 10 janvier: 1897)*. Въ этомъ журналѣ печатаются изслѣдованія о вопросу о торговлѣ спиртными напитками въ другихъ государствахъ, въ томъ числѣ и въ Россіи.

тельное мѣсто въ ряду государственныхъ доходовъ. Съ послѣднею мыслью нельзя не согласиться. Основныя финансовыя требованія должны быть согласованы съ требованіями нравственности, физическаго здоровья и экономическаго благосостоянія, и несомнѣнно потому, что государство должно стремиться къ уменьшенію потребленія спиртныхъ напитковъ, а стало быть и дохода отъ нихъ на пользу казны.

При нынѣшней палатѣ и въ министерство Меліна,—мы уже высказывали это мнѣніе,—мудрено разсчитывать на сколько-нибудь крупныя экономическія и финансовыя реформы во Франціи. Поучительно познакомиться съ мнѣніями просвѣщенныхъ представителей умѣренной республиканской партіи, которые не скрываютъ трудностей настоящаго положенія и нелегкихъ задачъ ближайшаго будущаго. Къ числу такихъ республиканцевъ принадлежатъ Марсель Фурнье, директоръ *Политическаго и Парламентскаго Обозрѣнія*. Въ концѣ прошлаго года, на банкетѣ, дачномъ этимъ журналомъ, послѣ горячаго пріѣтствія его редакціи, которое было сказано министромъ внутреннихъ дѣлъ, Барту, Фурнье произнесъ программную рѣчь.

Когда былъ основанъ названный журналъ,—а онъ, замѣтимъ мы, выходитъ только четвертый годъ,—большая правительственная республиканская партія (*grand parti républicain de gouvernement*) была почти не организована. Фурнье и его товарищи задались цѣлью создать такую организацію. Для этого они начали издавать *Revue Politique et Parlementaire*, приступили къ устройству для депутатовъ особаго бюро для справокъ и изученія законодательныхъ вопросовъ и имѣютъ въ виду заняться дѣятельною пропагандой политическихъ знаній, въ подражаніе тому, что дѣлается англичанами и американцами (*Extension University Movement*). *Обозрѣніе*, по словамъ его основателя, пользуется большимъ успѣхомъ и авторитетомъ. Бюро открыто съ января нынѣшняго года. Оно заключаетъ въ себѣ старыя и новыя законы и проекты по всѣмъ отраслямъ французской парламентской дѣятельности, отчеты, парламентскіе дебаты и т. д. Если дозволить средства, къ французскимъ документамъ этого рода будутъ присоединены иностранныя. Въ другомъ отдѣленіи бюро будутъ систематически сосредоточиваться политическія программы, рѣчи, статьи и заявленія выдающихся политическихъ дѣятелей.

Для правильной постановки пропаганды политическихъ идей,—говоритъ Фурнье,—партія, къ которой онъ принадлежитъ, ничего еще не сдѣлала, забывши великій примѣръ и завѣты Гамбетты. Ничего не можетъ сдѣлать она, по недостатку средствъ, и въ ближайшемъ будущемъ. На это можно возразить, что въ такомъ случаѣ или Фурнье съ его товарищами вовсе не выражаютъ цѣлей и стремленій своей партіи, или партія эта вовсе не великая правительственная партія. Иначе средства нашлись бы.

А пока само *Обозрѣніе* выражаетъ неудовольствіе на то, что бюджетъ не былъ во время разсмотрѣнъ и принятъ въ парламентъ, гдѣ преобладаетъ именно *великая правительственная партія*. Не совсѣмъ довольно

оно и иностранною политикою правительства. Въ иностранной политической хроникѣ журнала Ф. Прессансе, соглашаясь, что терпѣливъ есть добродѣтель сильныхъ, замѣчаетъ однако, что избытокъ этой добродѣтели выгоденъ для недобросовѣстнаго противника. Въ такихъ отношеніяхъ находятся въ настоящее время великія европейскія державы и Турція. Дипломатія старалась вразумить султана, что для его же собственного спасенія, для предотвращенія крушенія Оттоманской имперіи, необходимы реформы и для христіанскаго, и для магометанскаго населенія Турціи. Султанъ слушалъ эти совѣты, обѣщалъ исполнить желанія европейскихъ державъ и въ то же время занимался попустительствомъ и подстрекательствомъ невѣжественныхъ фанатиковъ. Военныя европейскія суда стоятъ передъ Константинополемъ, а улицы этого города обгаляются кровью... То же самое происходило и на островѣ Критѣ. Въ то время, когда пишутся эти строки, дипломатическій темпъ событій былъ внезапно ускоренъ вмѣшательствомъ Греціи, которая послала эскадру къ несчастному острову. Переписка была прервана пушечными выстрѣлами. Надо надѣяться, что теперь Европа отъ словъ перейдетъ къ дѣлу. Конечно, вмѣшательство Греціи неблагоприятно и въ интересахъ европейскаго мира необходимо не допустить войны между Турціей и Греціей; но нельзя не сочувствовать этой попыткѣ вырвать у палача его жертву. Что можемъ въ особенности мы, русскіе, возразить противъ помощи, которую православные греки королевства стремятся оказать православнымъ грекамъ, избиваемымъ въ мусульманской имперіи? Не мы ли, по тѣмъ же благороднымъ и великодушнымъ побужденіямъ, освободили и сербовъ, и румынъ, и болгаръ?

Дипломатовъ старой школы очень пугаетъ мысль о томъ, что подобнымъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Турціи колеблется консервативная начала, умалется авторитетъ государственной власти. Но развѣ теперешнее состояніе Турціи соединимо съ понятіемъ о нормальной государственной власти? При теперешнихъ порядкахъ въ ней невозможно жить не только христіанамъ, но и магометанамъ, развѣ они предъявляютъ къ общественной жизни минимальныя общеевропейскія требованія. Въ этомъ отношеніи любопытенъ меморандумъ, разосланный державамъ, подписавшимъ парижскій и берлинскій трактаты отъ разныхъ группъ, требующихъ введенія въ Турціи реформъ, торжественно обѣщанныхъ этими трактатами. Царствованіе Абдулъ-Гаида, говорится въ меморандумѣ, до сихъ поръ принесло оттоманскому народу только потерю территорій, избіенія, паденіе нравственнаго уровня, матеріальное разореніе. Меморандумъ жалуется на то, что европейскія державы ограничивались до сихъ поръ энергическими по формѣ, но совершенно безплодными протестами. «Арабы, греки, турки, армяне, всѣ оттоманскіе подданные, мусульмане и не мусульмане,—мы страдаемъ отъ тѣхъ же золъ, отъ тѣхъ же преслѣдованій и несправедливостей, и мы всѣ стремимся къ нормальному состоянию, приносящему серьезное равенство, безопасность жизни, чести и имущества, гарантіи и контроль, на которыя имѣеть право въ это.

столѣтій каждое общество» *). Меморандумъ указываетъ, что дѣло дошло теперь до остраго кризиса и дальнѣйшія дипломатическія проволочки приведутъ неизбежно къ глубокому потрясенію.

Съ понятною тревогой слѣдитъ за развитіемъ событій въ Турціи ея ближайшая сосѣдка, Австро-Венгрія. Распаденіе оттоманской имперіи застигаетъ ее врасплохъ. Дѣло «умиротворенія» Босніи и Герцеговины, ихъ австро-нѣмецкая «цивилизациія» далеко еще не закончена. Славянское населеніе этихъ областей терпитъ отъ онѣмечивающей политики правителя графа Каллая, но жалобы эти населенія не принимаются императоромъ. Въ случаѣ катастрофы, Австро-Венгрія пожелаетъ помѣшать усиленію Сербіи и Черногоріи, а для этого ей придется захватить на Балканскомъ полуостровѣ новыя территоріи. Но такой захватъ влечетъ за собою и опасности: славянское населеніе Габсбургской монархіи, и безъ того превышающее нѣмецкое и мадьярское, получить новое приращеніе; сербы, которыхъ можетъ присоединить къ себѣ Австро-Венгрія, не перестанутъ тяготѣть къ Черногоріи и сербскому королевству. Соперничество между болгарами, сербами и греками въ Македоніи еще болѣе усложняетъ положеніе. Можно надѣяться, что дѣло не дойдетъ до войны, такъ какъ наше правительство не ищетъ никакихъ приобрѣтеній на счетъ Турціи и твердо рѣшилось охранять европейскій миръ.

Внутреннее положеніе самой Австро-Венгріи если и далеко отъ кризиса, то во всякомъ случаѣ переходное, исполненное многообразныхъ затрудненій. Предстоящіе выборы въ парламентъ, по новому закону, приведутъ, по предположенію компетентныхъ людей, къ усиленію въ рейхсратѣ клерикальных и славянскихъ элементовъ. Густавъ Конъ, въ *Revue Politique et Parlementaire*, полагаетъ, что изъ 72 новыхъ депутатскихъ мѣстъ собственно рабочему классу достанется не болѣе двѣнадцати. Но и это, конечно, будетъ на первый разъ значительнымъ успѣхомъ.

Если, какъ говорятъ австрійскія газеты, состоится въ дѣйствительности соглашеніе, въ виду наступающихъ выборовъ, между младо- и старочехами, то оно явится залогомъ серьезнаго улучшенія въ положеніи Богеміи. Тогда, быть можетъ, несмотря на протесты нѣмцевъ-централистовъ, императору Францу-Иосифу придется снова признать чешское государственное право и короноваться въ Прагѣ чешскимъ королемъ. Въ такомъ случаѣ федералистическая идея приблизится къ торжеству. Естественно, что установленіе правильныхъ отношеній между національностями, живущими въ Австро-Венгріи, самымъ благоприятнымъ образомъ отразилось бы на ея экономическомъ и вообще культурномъ развитіи. Сократились бы и военныя издержки, на которыя теперь истощается государство, имѣя въ виду не одну безопасность, но и обширные наступательные планы.

Въ современной французской печати рѣдко можно встрѣтить искренній и мужественный голосъ по вопросамъ международнаго характера. Намъ

*) *Justice*, 28 Janvier.

повятець, конечно, источникъ этой сдержанности, этого отреченія отъ великодушныхъ идей, прославившихъ французское имя. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ прочли мы въ *Figaro* *) статью Е. М. де-Вогюэ объ армянскихъ дѣлахъ. Авторъ говоритъ въ началѣ статьи о публичной лекціи Альберта Вандаля объ этихъ дѣлахъ. Сорвать въ данномъ случаѣ печать молчанія, — замѣчаетъ Вогюэ, — полезно и необходимо, потому, что эта печать молчанія долго и тяжело лежала на старомъ представленіи о французскомъ великодушіи. Въ наше время ускоренныхъ сношеній желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ можно было, — продолжаетъ французскій публицистъ, — на глазахъ у представителей европейскихъ державъ, вырѣзать систематически цѣлый народъ. «Каковы бы ни были причины нашего невѣдѣнія и нашего равнодушія (т.-е. французскаго), будущіе историки не найдутъ, чтобы онѣ служили къ нашей чести». Вогюэ обвиняетъ въ убійствахъ и звѣрствахъ не весь турецкій народъ, а главнымъ образомъ самого султана. Нравственную отвѣтственность, по его мнѣнію, должно возложить на всѣ европейскіе народы, великіе и малые, потому что Европа допустила ужасающее избіеніе десятковъ и даже сотенъ тысячъ неповинныхъ людей. Только Англія выступила было въ благородной роли защитника гонимыхъ и истребляемыхъ, но она очень заинтересована на Востока, міръ привыкъ, — говоритъ Вогюэ, — что этотъ адвокатъ человечности беретъ очень большой гонораръ, и поэтому отнесся къ нему съ недовѣріемъ. «Среди насъ, Франція, каждый знаетъ, какъ донъ-Кихоть сломалъ себѣ ноги и почему онъ не можетъ сѣсть на коня при первомъ крикѣ о помощи, который его зоветъ».

На противоположномъ съ Турціей концѣ Европы другое государство переживаетъ также тяжелыя времена. Испанское владычество поколеблено на Кубѣ, возстаніе на Филиппинскихъ островахъ еще не подавлено, республиканское движеніе растетъ внутри страны. Консервативный кабинетъ Кановаса безсиленъ въ борьбѣ съ центробѣжными элементами, старый укладъ распатывается все болѣе и болѣе. Смерть вождя кубанскихъ нисургентовъ Масео, вызвавшая ликованіе въ Испаніи, на первыхъ порахъ пріостановила успѣхи возстанія, но послѣднія извѣстія говорятъ объ его оживленіи. Въ Пиноръ дель-Ріо, гдѣ теперь свирѣпствуютъ эпидемическія болѣзни, испанскіе отряды продолжаютъ гояться за отдѣльными бандами, и телеграфъ почти ежедневно приноситъ извѣстіе о новыхъ стычкахъ. Провинція, очевидно, далеко не усмирена и не успокоена. Въ провинціяхъ Ласъ-Вильясъ, Матансъ и Гаваннѣ дѣла еще хуже, и 19 января саль Вейлеръ выѣхалъ на мѣсто дѣйствій въ Ласъ-Вильясъ. Потери испанцевъ въ битвахъ, даже по официальнымъ извѣстіямъ, довольно значительны: отрядъ полковника Наріо въ 2,500 человекъ при Сабана-Бессера потерялъ убитыми 4 офицеровъ, 7 солдатъ и 76 ранеными; Сегури при Мансавильо потерялъ 20 офицеровъ и 300 солдатъ убитыми и 400 ранеными; Калистъ

*) *Figaro*, 2 février.

Гарсія (вождь одного изъ инсургентскихъ отрядовъ) при атакѣ форта около Мансанильо нанесъ испанцамъ большой уронъ: 30 убитыхъ и 300 раненыхъ. Возстаніе усилилось на востокъ Кубы, въ С.-Яго и Санта-Кларъ. Генералъ Бошъ имѣлъ тамъ двѣ значительныя битвы при Хаканбанѣ.

Кромѣ этихъ битвъ и стычекъ, происходило много другихъ, причѣмъ пострадали и нѣкоторые испанскія канонерки. Множество солдатъ больны (по официальнымъ даже свѣдѣніямъ до 25 тысячъ человекъ). «Безконечная кубанская война,—замѣчаютъ *Петербургскія Вѣдомости*,—требующая все новыхъ и новыхъ жертвъ, начинается, наконецъ, серьезно утомлять испанцевъ, несмотря на всю ихъ воинственность и національную гордость. Среди рекрутовъ, назначаемыхъ на Кубу, замѣчаются случаи протеста: 18 января произошло возмущеніе на пароходѣ «Фернандесъ Сансъ», который перевозилъ новобранцевъ изъ Пасажесъ въ Сантапуеръ для отправленія на Кубу. Возмутившіеся потребовали, чтобы пароходъ повернулъ къ берегамъ Франціи. Лишь при помощи случайно встрѣтившагося военного судна возмутившіеся были усмирены и заключены въ тюрьму ближайшаго города. Этотъ фактъ обнаруживаетъ, до нѣкоторой степени, народное настроеніе».

Печать въ Испаніи сбавила тонъ по отношенію къ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, и ходятъ упорные слухи, что кабинетъ Кановаса вступилъ въ переговоры съ правительствомъ республики о необходимыхъ для Кубы реформахъ. Многіе авторитетные испанскіе политическіе дѣятели высказываются теперь за дарованіе острову широкой автономіи. Но возникаетъ вопросъ: не опоздаетъ ли испанское правительство съ этими уступками, не будутъ ли теперь инсургенты стремиться къ полной независимости отъ метрополіи.

Правительство Салисбюри-Бальфура, которое не могло провести своего школьнаго билля въ прошлую парламентскую сессію, снова внесло его въ палату общинъ. Какъ читатели знаютъ, консервативный кабинетъ имѣетъ цѣлью улучшить финансовое положеніе школъ, находящихся подъ непосредственнымъ вліяніемъ англійскаго духовенства и содержимыхъ на добровольныя пожертвованія. По правительственному законопроекту, эти конфессіональныя школы должны получить добавочную субсидію въ 660,000 фунтовъ стерлинговъ (почти по пяти шиллинговъ на ученика). Нужно замѣтить, что большинство конфессіональныхъ школъ обставлено вполне удовлетворительно и вовсе въ средствахъ не нуждается. Естественно поэтому, что билль встрѣчаетъ сильное сопротивленіе со стороны либераловъ. Оппозиція указываетъ на то, что правительственное пособіе слѣдовало бы направить на бѣдныя школы, конфессіональныя или свѣтскія (комитетскія) Она выдвигаетъ противъ билля и такой выводъ: субсидія въ 6.600,000 руб. берется изъ общегосударственныхъ средствъ, а додавать ее правительство намѣрено только школамъ англиканской церкви, такъ что шотландское, напримѣръ, духовенство (пресвитеріанское) ничего изъ нея не получитъ.

Кромѣ того, нѣтъ никакихъ гарантій, что деньги пойдутъ на улучшеніе преподаванія.

Отмѣтимъ въ заключеніе, что британскій парламентъ принялъ во второмъ чтеніи билль, предоставляющій женщинамъ политическія права. Если этотъ билль получитъ силу закона, то онъ внесетъ переворотъ въ государственную жизнь Англіи. Либералы были въ большинствѣ случаевъ противъ предоставленія женщинамъ избирательныхъ правъ. Очевидно, они опасаются, что большинство избирательницъ усилитъ ряды консерваторовъ и клерикаловъ. Но въ такомъ случаѣ исходъ одинъ: необходимо позаботиться о всеобщемъ распространеніи и правильной постановкѣ женскаго образованія.

В. Г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Февраль.

1897 года.

Содержаніе. I. Книги: Беллетристика.—Философія, психологія, педагогика.—Исторія, исторія литературы.—Путешествія, географія.—Юридическія книги.—Естествознаніе.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Учебники, дѣтскія книги. II. Периодическія изданія: «Русскій Вѣстникъ», декабрь.—«Русское Обозрѣніе», ноябрь—декабрь. «Сѣверный Вѣстникъ», январь.—«Русское Богатство», декабрь.—«Міръ Божій», январь.—«Вѣстникъ Европы», январь.—«Всходы», №№ 1 и 2. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 января по 1 февраля 1897 года.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Волчья сыть“. Романъ Вас. Немировича-Данченко. — „Въ мірѣ отверженныхъ“. Л. Мелешина.—„Повѣсти и рассказы“ А. Н. Плещеева.

Волчья сыть. Романъ въ трехъ частяхъ. В. Немировича-Данченко. Изданіе О. Н. Поповой. Спб., 1897 г. Цѣна 1 руб. 50 коп. Большинство читателей не знаетъ, вѣроятно, что означаетъ выраженіе *волчья сыть*, какъ не зналъ этого до прочтенія романа г. Немировича-Данченко пишущій сіи строки. Да и самъ авторъ узналъ впервые это выраженіе во время одной изъ своихъ экскурсій въ захолустный уѣздный городишко отъ мѣстнаго обывателя изъ мастеровыхъ.— „Волчья сыть,—это, видите ли, объяснялъ мѣщанинъ,—когда господа на дѣто наѣдутъ въ деревню, съ ними до пропасти псовъ разныхъ. На легкомъ воздухѣ собачки еще пузе расплодятся. Къ зимѣ — господа назадъ, а потомство отъ барскихъ трезорокъ на произволъ судьбы остается, стаями округъ деревни бѣгаетъ до ноября. Въ ноябрѣ новые господа жалуютъ—волки, и въ мѣсяцъ все очистятъ, ни одной собачки отъ городского приплода не уцѣлѣетъ. Оттого и имя ему: волчья сыть. Такъ вотъ-съ и нашъ городъ для купца Безмѣнова та же самая волчья сыть. Ужъ онъ наполовину ободралъ насъ, а коли Господь Богъ купца Безмѣнова не утихоморитъ кондрашкой, онъ и другую половину съ аппетитомъ слопаеть“. Купецъ Безмѣновъ съ сыновьями занимаетъ центръ картины уѣзднаго разоренія, написанной авторомъ очень ярко, мѣстами даже слишкомъ рѣзко, настолько форсированными тонами, что изображенія переходятъ въ карикатуры, въ шаржъ, изъ-за котораго едва просвѣчиваетъ видѣнное авторомъ въ дѣйствительности. Такого рода преувеличенія отразились всего болѣе на фигурѣ отставнаго генерала Узорнаго и въ значительной мѣрѣ на личности забравшагося въ литературу „обличителя“ и „критика“ Игнатія Елисейскаго. Купецъ Безмѣновъ и его сынки такіе типичные „живоглоты“, что ихъ крайне трудно написать мягкими тонами и нѣжными

контурами. Такие „дѣтели“ наших провинцій пострашиѣ всяких волковъ: это—озвѣрѣлые отъ жадности „чумазы“, въ которыхъ погоня за наживой истребила всякое человѣческое чувство. Наглотавшись всякой „волчьей сыти“, какая попадаетъ имъ на зубы, они до того свирѣбуютъ въ своей алчности, что перестаютъ различать своихъ отъ чужихъ: сынъ деретъ шкуру съ отца, отецъ рветъ въ клочья сына, братъ скалитъ зубы на брата, выжидая удобнаго случая схватить его за горло. Это звѣрье ненасытное, и сынки оказываются много превосходяѣе родителя, положившаго большія старанія на то, чтобы воспитать усердныхъ помощниковъ и вѣрныхъ хранителей и умножателей капиталовъ, нажитыхъ ни передъ чѣмъ не останавливавшимся грабежомъ. Эта часть картины вышла необыкновенно мрачною, мѣстами потрясающею свою реальностью. На противоположной сторонѣ, въ качествѣ типа положительнаго, стоитъ Анна Степановна Козельская, вдова-помѣщица, представляющая собою въ первой половинѣ романа нѣчто напоминающее Костюшково въ юбѣ. Оставшись молодою вдовой, нищей, послѣ смерти мужа, умершаго въ страшной нуждѣ, Козельская наживаетъ какимъ-то чудомъ, необъясненнымъ авторомъ, очень большое состояніе въ фантастически короткое время. Она, носительница самыхъ свѣтлыхъ идеаловъ, „завѣтовъ молодости“, неустрашимо выступаетъ на бой съ кулачествомъ и волчьими инстинктами всѣхъ „чумазыхъ“, смиряетъ самого Безмѣнова, готоваго расправиться съ цѣлымъ краемъ, какъ съ „волчьей сытью“. Въ концѣ концовъ, однако, и эта сильная и смѣлая женщина дѣлается добычей успѣвшаго заматерѣть волка, старшаго сына Безмѣнова, уже слопавшаго своего родителя и покушающагося проглотить весь уѣздъ. Козельская сдалась подъ напоромъ страшнаго голода, нѣсколько лѣтъ назадъ разразившагося надъ нашими хлѣбородными губерніями. Все крупное состояніе свое она истратила на прокормленіе голодающаго народа, опять осталась нищею и снова принялась за трудовую жизнь изъ-за скуднаго заработка, не отступая отъ „завѣтовъ молодости“. Другая женщина, Настасья Гурьевна Буйновидова, забавная своею внѣшностью, нѣсколько карикатурная поборница женской эмансипаціи, ставовится настоящею героиней, одушевленная идеей служенія народу въ годину бѣдствій, и умираетъ, заразившись тифомъ во время борьбы съ эпидеміей, открывшейся вслѣдствіе голода. По поводу этихъ двухъ героинь авторъ пишетъ: „Передъ моими глазами прошли дивныя и смѣлыя подруги солдатъ, умиравшія въ военныхъ лазаретахъ на Шинкѣ и подъ Плевной, мірскія печальницы, слѣдовавшія за переселенцами въ пустыри Зауралья и Алтая... И мы, русскіе, кому Богъ и исторія дали такихъ матерей, сестеръ и женъ, осмѣливаемся швырять грязью въ нихъ, писать гнусныя и скверныя книжонки, издѣваться надъ сердцами, исходящими для насъ кровью. До поры, до времени, въ смрадномъ угарѣ пренебреженія и насмѣшекъ, эти мірскія печальницы покорно несутъ свою долю; но приходитъ моментъ, когда историческій катаклизмъ или народное горе вызываютъ ихъ на дѣло, на трудъ, на подвиги. И въ этихъ обогатныхъ сердцахъ вдругъ воскресаютъ такія силы, такъ щедро эти сестры и матери сѣютъ кругомъ добро, правду и красоту, что даже литературные сквернавцы притихаютъ и смущаются... куда-то прячутся...“ „Но не надолго. Все приходитъ въ порядокъ, вступаетъ въ будничную обстановку, вчерашнія героини возвращаются къ скромнымъ домашнимъ очагамъ, и опять начинается...“ издѣвательство „сквернавцевъ“,—по крѣпкому выраже-

нію г. Немировича-Данченко. Одною изъ таковыхъ онъ изображаетъ весьма безопадно въ лицѣ преуспѣвающаго литератора, облчителя и критика Игнатія Елисейскаго. Есть въ романѣ и совсѣмъ мастерски написанная фигура старика-монаха, о. Дамаскина, могучаго духомъ представителя высшихъ христіанскихъ добродѣтелей. Къ сожалѣнію, ограниченность отведеннаго намъ мѣста и нѣкоторыя иныя соображенія не позволяютъ намъ остановиться надъ болѣе подробною характеристикою этой интересной, хотя и эпизодической, личности въ романѣ, слишкомъ рѣзкій тонъ котораго обусловливается, быть-можетъ, страстнымъ призывомъ къ добру и правдѣ и покрывается истинно гуманною идеей.

Въ мірѣ отверженныхъ. Записки бывшаго каторжника. Л. Мельшина. Изданіе редакціи журнала „Русское Богатство“. Спб., 1896 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к. На первой страницѣ напечатано такое примѣчаніе къ *Введенію*: „Считаю не лишнимъ предупредить читателя, что предлагаемыя его вниманію записки отнюдь не принадлежатъ перу нижеподписавшагося, въ руки котораго онѣ попали совершенно случайно, и который является не болѣе какъ ихъ издателемъ. Л. Мельшинъ“. Со времени появленія во свѣтъ *Записокъ изъ мертваго дома*, Достоевскаго, у насъ бывали въ рукахъ описанія „острожной“ жизни, странствованій по тюрьмамъ и этапамъ, невольнаго странствованія въ кандалахъ на о. Сахалинѣ и т. под. Но намъ не доводилось читать такого обстоятельнаго, искреннаго, изложеннаго въ беллетристической формѣ разсказа о „каторгѣ“, написаннаго пережившимъ всѣ ея ужасы, какимъ оказываются *Записки*, изданныя г. Мельшинымъ. По силѣ и художественности, онѣ далеко уступаютъ, конечно, знаменитому произведенію Достоевскаго. Изъ лежащихъ передъ нами повѣствованій нельзя и той идеи вывести, которая такъ ясно вытекаетъ изъ написаннаго Достоевскимъ. Авторъ повѣствованія о „мірѣ отверженныхъ“ даетъ, несомнѣнно, правдивую и очень яркую картину быта приговоренныхъ къ тяжкимъ наказаніямъ со времени вступленія приговора о нихъ въ законную силу до ихъ окончательнаго водворенія въ одной изъ каторжныхъ тюремъ Сибири, гдѣ осужденные употребляютъ на работы въ рудникахъ. На одномъ изъ такихъ рудниковъ авторъ пробылъ два года, и на этомъ обрываются его записки. Въ нихъ сплошь проходитъ одна высоко-гуманная идея глубокаго сочувствія, возвышающагося до истинной любви, къ „несчастливымъ“, угнетеннымъ и страдающимъ, хотя и преступнымъ людямъ... Авторъ на первыхъ же страницахъ говоритъ съ весьма естественнымъ чувствомъ ужаса объ уцѣлѣвшемъ въ нашихъ законахъ постановленіи, на основаніи котораго приговоренному къ лишенію всѣхъ правъ состоянія передъ отправленіемъ въ Сибирь вырываютъ половину головы и потомъ заковываютъ ссылаемаго въ кандалы. „Давно, кажется, пора бы понять,—пишетъ авторъ,—что никогда и никому не мѣшали бѣжать и скрыться кандалы и бритая голова...“ „Кандалы и бритые головы, несомнѣнно, имѣютъ одну только цѣль—надруганія надъ достоинствомъ человѣка, лишеннаго всѣхъ правъ...“ „Бритые головы, кромѣ нравственной муки, причиняютъ обыкновенно и чисто-физическую боль...“ Вся отвратительная процедура бритья „превращала въ подлинную пытку тѣ минуты, когда приходилось ждать своей очереди, чтобы быть также ошельмованнымъ и также изувѣченнымъ!“... На что же нужно,—повторимъ мы за авторомъ,—и совмѣстно ли съ гуманнымъ направленіемъ законодательства подобное издѣвательство надъ

людьми и безъ того глубоко несчастными, обреченными на многіе годы жестокихъ страданій? Въ Москвѣ у автора „отобрали рѣшительно *ее* *ее* и отправили въ дорогу въ одноѣ казенномъ одѣяніи, снявъ даже иголку и нитку...“ и ему „пришлось страшно забнуть, простужаться и вынести много ненужныхъ ни для кого лишней и страданій. Казенныя вещи не приспособлены ни къ переѣнамъ погоды и климата, ни къ особенностямъ отдѣльныхъ индивидовъ; все подведено подъ одинъ ранжиръ—и ростъ, и здоровье, и привычки...“ Описание положенія отправляемыхъ въ ссылку женщинъ, дѣвушекъ, подростковъ и дѣтей приводитъ читателя въ такое же содроганіе, въ какое могутъ привести лишь нѣкоторыя картины Дантовскаго *Ада*!... Наставать на этомъ мы не будемъ и отсылаемъ къ самой книгѣ тѣхъ, кто этимъ интересуется, и тѣхъ, кто этимъ интересоваться долженъ, имѣя возможность облегчить страданія гибнущихъ существъ. И, наконецъ, не только въ видахъ нравственныхъ, но и въ санитарныхъ, необходимо обратитъ самое серьезное вниманіе на то, что такъ правдиво изображено въ *Запискахъ бывшаго каторжника*. Авторъ многократно и весьма доказательно настаиваетъ на томъ, что „терроризирующій режимъ каторги“ никого не исправляетъ и, наоборотъ, „испорченного человѣка только окончательно развращаетъ...“ „и арестантъ, выходя въ вольную команду или на поселеніе, начинаетъ новую жизнь по тому же шаблону, по какому и раньше жилъ, съ тою только разницею, что старается вести дѣло *чище*, осторожнѣе, не оставляя по возможности слѣдовъ и уликъ...“ чему въ тюрьмѣ его отлично обучаютъ. Въ *Запискахъ* очень подробно разсказана вся жизнь каторжниковъ, переданы всѣ порядки и безобразія этаповъ и тюремъ, принудительныхъ работъ и взаимныхъ отношеній между арестантами и ихъ начальствомъ. Прекрасно сдѣланы нѣкоторыя характеристики несчастныхъ, попавшихъ на каторгу и, по милости острожнаго сидѣнія, утратившихъ всякое „понятіе о человѣческомъ достоинствѣ, о правѣ, объ униженіи“. Таковую книгу тяжело читать, но за то—поучительно, особливо для тѣхъ, кто можетъ повліять на измѣненіе тюремъ и всякихъ уголовныхъ каръ, на приведеніе ихъ въ лучшее соотвѣтствіе съ цѣлями закона, имѣющаго въ виду исправленіе людей, впавшихъ въ преступленіе, а не окончательное заколачиваніе въ нихъ нравственнаго чувства.

Повѣсти и разсказы А. Н. Плещеева. Подъ редакціей П. В. Быкова. Томъ первый. Изд. А. А. Плещеева. Спб., 1896 г. Ц. 3 р. 50 к. Этому изданію предпосланъ *Биографическій очеркъ*, тщательно составленный г. Быковымъ и выясняющій какъ личность писателя, такъ и значеніе его произведеній. Нашей, такъ называемой, „большой публикѣ“ покойный А. Н. Плещеевъ извѣстенъ, главнымъ образомъ, какъ талантливый и симпатичный поэтъ, стихотвореній котораго, прекрасныя по формѣ, проникнуты нерѣдко искреннимъ гуманнымъ чувствомъ. Прозаическія произведенія Плещеева, вошедшія въ первый томъ, печатались въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ въ *Отечественныхъ Запискахъ*, въ *Современникѣ* и въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*. Въ 1849 г. въ Петербургѣ происходили многочисленные аресты по дѣлу Петрашевскаго,—по дѣлу, въ свое время извѣстному подъ наименованіемъ „заговора коммунистовъ“. По словамъ А. И. Пальма, кружокъ молодежи собирался у Мих. Вас. Буташевича-Петрашевскаго, гдѣ всѣ увлекались чтеніемъ произведеній Сень-Симона, Фурье, Кабе, „отца“ Анфантена, Ламне, Луи Блана и Прудона. „Мы, сами того не замѣчая,—говоритъ Пальмъ,—становились на весьма

скользкую покатость... Замѣчательнѣе всего, что юные сень-симонисты, фурьеристы и коммунисты отлично мирились со своимъ настоящимъ общественнымъ положеніемъ... Если въ частныхъ бесѣдахъ, преимущественно въ спорахъ, было много рѣзкости и юношеской запальчивости, то положительно можно сказать, что конкретныхъ, твердо намѣченныхъ пѣлей ни у кого не было..." Плещеевъ, принадлежавшій къ этому кружку, былъ арестованъ въ Москвѣ, посаженъ въ Петропавловскую крѣпость и приговоренъ военнымъ судомъ къ разстрѣлянію. „По конфирмаціи императора приговоръ былъ смягченъ, и Плещеева приговорили къ ссылкѣ рядовымъ въ оренбургскіе линейные батальоны, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія“. Плещееву было въ это время 24 года, онъ родился въ ноябрѣ 1825 г. Въ 1857 г., въ царствованіе императора Александра II, Плещееву возвращены права потомственного дворянства, а потомъ разрѣшено было жить въ столицѣ. Послѣ восьмилѣтняго перерыва снова началась литературная дѣятельность Плещеева, помѣщавшаго свои стихотворенія въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Вслѣдъ затѣмъ появились въ разныхъ журналахъ его повѣсти: *Наслѣдство*, *Отецъ и дочь*, *Буднезь*, *Ломбардный билетъ*, *Неудавшаяся афера*, и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ два разсказа: *Благодѣяніе* и *Чиновница*. Всѣ эти произведенія вошли въ лежащій передъ нами первый томъ сочиненій А. Н. Плещеева. Въ перечисленныхъ повѣстяхъ и разсказахъ авторъ изображаетъ преимущественно бытъ мелкихъ чиновниковъ петербургскихъ и провинціальныхъ, причемъ первыя его произведенія, написанныя до ссылки, очень легкія по содержанію, проникнуты безобиднымъ и живымъ юморомъ. Тотъ же характеръ имѣетъ и большая часть его послѣдующихъ повѣстей, написанныхъ по возвращеніи въ Москву. Но въ нихъ уже изъ-за шутиливой иногда формы выдвигаются тяжелыя драмы, тихо и мало замѣтно переживаемыя мелкимъ людомъ обездоленныхъ, къ которымъ авторъ неизмѣнно относится съ самымъ теплымъ сердечнымъ сочувствіемъ. Въ повѣствованіяхъ А. Н. Плещеева—все просто, заурядно, жизнь тянется самымъ обыкновеннымъ образомъ, будничная и сѣренькая, разсказъ о ней ведется спокойно и безъ претензій, безъ громкихъ словъ и безъ эффектовъ, а въ общемъ получается впечатлѣніе очень сильное, мелкія и какъ бы незначительныя фигуры дѣйствующихъ лицъ проходятъ безукоризненно реальными, по настоящему живыми и потому достаточно яркими, глубоко трогательными своею горькою участью или очень забавными своими комическими неудачами. Истинная доброта, душевная незлобивость автора сказывается даже тамъ, гдѣ идетъ дѣло о людскихъ порокахъ и о злобныхъ дѣяніяхъ. И эта мягкость, ничуть не скрашивая дурного, вызываетъ въ читателѣ благодушное настроеніе и гуманное отношеніе къ слабымъ и порочнымъ.

ФИЛОСОФІЯ, ПСИХОЛОГІЯ, ПЕДАГОГИКА.

„Очеркъ психологіи“. В. Вундта. — „Дедуктивная и индуктивная логика“. В. Митто. — „О воспитаніи дѣвѣц“. Фенелона. — „Мысли о современном и будущемъ воспитаніи и обученіи“. А. П. Арамакова. — „Вѣшніе всходы“. Кн. III и IV. Сост. Д. И. Тихомировъ. — „Волшебный фонарь въ народной школѣ“. Н. И. Борисова. — „Отчетъ Сибирской бесплатной народной библіотеки-читальни въ память И. А. Гончарова“. — „Народный театр“. Сборникъ, изд. Е. В. Лавровой и Н. А. Поповыхъ.

Очеркъ психологіи. В. Вундтъ. Пер. съ нѣм. Г. А. Паперна. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1897 г. — Очеркъ психологіи. Вильгельмъ Вундтъ. Перев. Д. В. Викторовъ подъ редакціей, съ предисл. и примѣч. проф. Н. Я. Грота. Изданіе Московскаго Психологическаго Общества. М., 1897 г. Съ именемъ Вундта связывается представленіе о психологіи, какъ о наукѣ, поставленной на твердую почву эксперимента. Нѣмецкій ученый, долго и упорно работая въ своей области, создалъ цѣлую школу послѣдователей и вмѣстѣ съ ними оригинально освѣтилъ многія стороны душевной жизни. Развѣтіе его, какъ мыслителя и психолога, проходило на глазахъ у серьезно читающей публики, и оно не закончилось до сихъ поръ. Вундтъ все еще находится, какъ говорятъ его соплеменники, im Werden, и въ каждомъ новомъ произведеніи онъ дополняетъ, перерабатываетъ, а иногда и болѣе или менѣе замаскированно измѣняетъ свои взгляды. Его послѣдній трудъ *Grundriss der Psychologie* является наиболѣе систематичнымъ и полнымъ. Въ немъ собраны и объяснены — съ точки зрѣнія волюнтаризма — тѣ данныя, которыя экспериментация добыла о человѣческой психикѣ, въ ея индивидуальныхъ и общественныхъ выраженіяхъ. Руководящая идея Вундта заключается въ томъ, что всякій опытъ есть по существу опытъ психологическій, такъ какъ онъ состоитъ изъ ряда процессовъ, въ которые въ тѣсной связи другъ съ другомъ входятъ элементы нашего субъективнаго міра и элементы объективной дѣятельности; самымъ типичнымъ процессомъ служитъ волевой, и наши стремленія и чувствованія мыслями только при наличности представленій о вѣншихъ предметахъ. Соединяя такимъ образомъ въ глубокомъ синтезѣ субъектъ познанія съ его объектами, теоретическое пониманіе міра съ дѣятельностью въ немъ, Вундтъ видитъ въ психологіи необходимое дополненіе естествознанія, основу всѣхъ наукъ о духѣ и эмпирическое введеніе въ философію. На этихъ положеніяхъ зиждется вся его книга, строго-научная, продуманная, искупающая недостатки изложенія вдумчивостью и силой анализа. Ее нельзя рекомендовать начинающимъ, но тѣ, кто умѣетъ уже ориентироваться въ задачахъ психологіи, вынесутъ изъ чтенія ея великую пользу. Она почти одновременно появилась въ двухъ русскихъ переводахъ, и оба они несомнѣнно найдутъ себѣ читателей. По устойчивости и выдержанности терминологіи и точномъ воспроизведеніи оригинала переводъ г. Викторова далеко оставляетъ за собой работу г. Паперны, который за въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ книги читается легче своего конкуррента. Г. Паперны встрѣчаются существенные промахи, пропуски и даже грубыя, непонятныя ошибки: такъ, слово *Schreibewegung* (крикъ) онъ перевелъ „такъ называемыя пишущія движенія“ (§ 20, 1). Вообще, переводъ г. Паперны, въ цѣломъ удовлетворительный и плавный, носитъ на себѣ однако слѣды какой-то торопливости и недостаточнаго вниманія къ подлиннику; многія трудныя мѣста *Grundriss*'а г. Паперна оставилъ совсѣмъ не переведенными или искаженными (наприм., § 22, 4

или § 23,4), а въ стилистическомъ отношеніи грѣшитъ такими терминами, какъ „*посредственный опытъ*“, „*чувственное чувство*“ и друг. Отъ подобнаго рода изъясновъ свободенъ трудъ г. Викторова, редактированный проф. Гротомъ. Изданіе Психологическаго Общества отърывается предисловіемъ и статьей Н. Я. Грота *Основанія экспериментальной психологіи*, гдѣ выясняется то общее, что есть между психологическимъ наблюденіемъ и самонаблюденіемъ.

Дедуктивная и индуктивная логика. В. Минто. Переводъ съ англійск. С. А. Котляревскаго. Подъ редакціей В. Н. Иванова. Второе исправл. и дополн. изд. М., 1896 г. Библиотека для самообразованія. Эта въ высшей степени полезная и содержательная книга за короткій промежутокъ времени потребовала второго изданія, и оно вѣроятно не будетъ послѣднимъ. Она представляетъ собой не учебникъ сухой дисциплины, отъ которой для многихъ вѣтъ схоластики,—она въ живомъ и увлекательномъ изложеніи анализируетъ человѣческій умъ и неизмѣнные законы его дѣятельности. Англійскій авторъ знакомитъ читателей съ логикой силлогизма и индукціи въ ея историческомъ развитіи и въ ея современномъ отношеніи къ наукамъ; онъ показываетъ, подъ влияніемъ какихъ причинъ и условій изъ умственной игры, которой наполняли свои досуги соотечественники Аристотеля, постепенно выработалась опора теоретическаго мышленія и практической жизни; онъ на множествѣ яркихъ примѣровъ изъ дѣйствительности и литературы обнаруживаетъ ту благотворную силу логики, которая вскрываетъ ошибки и противорѣчія, побуждаетъ въ насъ нашего „внутренняго софиста“ и предостерегаетъ отъ ложныхъ выводовъ и заключеній. Съ одинаковой обстоятельностью и талантомъ разобраны у Минто какъ дедуктивный, такъ и индуктивный методы, и въ результатъ получается цѣльная и полная картина той лабораторіи ума, изъ нѣдръ которой выходятъ наши разсужденія и мысли. Одного упрека, впрочемъ, заслуживаетъ авторъ: онъ нигдѣ не устанавливаетъ глубокой и внутренней связи между дедукціей и индукціей, объединяетъ ихъ только общимъ для нихъ внѣшнимъ признакомъ—ихъ стремленіемъ изгнать интеллектуальныя заблужденія, и искусственно разсѣкаетъ умъ на двѣ половины. Онъ видитъ ошибку Милля въ томъ, что знаменитый мыслитель слишкомъ тѣсно слилъ индукцію съ дедукціей и не совсѣмъ отчетливо разграничилъ ихъ сферы (стр. 336); но взамѣнъ этого самъ Минто впалъ въ противоположную крайность и дѣлитъ на части то, что по природѣ своей цѣльно и едино; онъ злоупотребляетъ своимъ спорнымъ и недостаточно мотивированнымъ тезисомъ, что наблюденіе явленій и ихъ объясненіе—два совершенно различныхъ процесса.

Отличный переводъ темы для логическихъ упражненій, систематической указатель содержанія и прекрасная внѣшность книги—все это дѣлаетъ русское изданіе труда Минто очень симпатичнымъ и заслуживающимъ вниманія образованной публики.

Педагогическая бібліотека, издаваемая К. Тихомировымъ и А. Адольфомъ. Фенелонъ. О воспитаніи дѣвицъ. Переводъ съ французскаго В. Недачина. Съ портретомъ Фенелона и краткой его біографіей. Москва, 1896 г. Цѣна 75 коп. Сочиненіе Фенелона *О воспитаніи дѣвицъ*, равно какъ и другая, еще болѣе знаменитая его книга *Телемакъ*—давно уже отжили свое время. Теперь оба эти сочиненія, насчитывающія себѣ болѣе 200 лѣтъ со времени ихъ перваго появленія въ свѣтъ, имѣютъ почти исключительно историческое значе-

ніе. Въ наши дни среди образованныхъ людей найдется не много „антиговъ“, которые станутъ подтверждать излюбленную и даже основную мысль трактата, переведеннаго г. Недачинимъ, что женщина должна знать только кухню, дѣтскую и столовую и не смѣть „умничать“, и не смѣть вообще свое сужденіе имѣть о вопросахъ, требующихъ просвѣщеннаго ума.

Въ книгѣ Фенелона всего болѣе говорится о воспитаніи религиозныхъ чувствъ и хозяйственныхъ наклонностей у женщины. Тѣ же положенія, которыя относятся къ воспитанію нравственному и умственному, выражены слишкомъ общо; въ наше время они уже всѣмъ извѣстны, и въ обширной педагогической литературѣ, появившейся послѣ трактата Фенелона въ теченіе двухъ вѣковъ, они успѣли подвергнуться болѣе подробному и обстоятельному анализу, освященному уже научными данными, и въ такомъ болѣе развитомъ видѣ сдѣлались уже всеобщимъ достояніемъ.

Несмотря на все это, книга Фенелона имѣетъ серьезный интересъ, и нельзя не сочувствовать появленію ея перевода. Какъ у всякаго крупнаго человѣка съ сильнымъ умомъ и высокимъ талантомъ, у Фенелона мы находимъ не мало блестящихъ, свѣтлыхъ мыслей, и мѣткихъ наблюденій и притомъ выраженныхъ въ формѣ необыкновенно живой и простой, въ формѣ непринужденной бесѣды.

Знакомство съ произведеніемъ Фенелона важно и по другимъ соображеніямъ. Всякій просвѣщенный человѣкъ долженъ знать, чѣмъ онъ обязанъ дѣятелямъ прошлыхъ дней. Только при этомъ условіи онъ и можетъ оцѣнить смыслъ и значеніе умственныхъ движеній своего вѣка. Главная педагогическая заслуга Фенелона заключается въ гуманномъ характерѣ его взгляда на ребенка и на задачи и приемы его воспитанія, а въ особенности его горячая борьба противъ жестокой системы телесныхъ наказаній, укоренившихся въ школахъ въ средніе вѣка и не прекращавшейся и въ новое время. Чтѣ прохдѣльвали педагоги надъ дѣтми во времена Фенелона, это видно изъ мемуаровъ той эпохи, отрывокъ изъ которыхъ приведенъ въ примѣчаніяхъ къ переводу этого трактата: „сентября 20 1661 г. (получилъ дофигъ, воспитанникъ Боссюэта, тогда 10-лѣтній мальчикъ) два раза удары по рукамъ; 21 утромъ и вечеромъ—удары; 22 утромъ тоже, 25 утромъ г. Montausier, гувернеръ принца, далъ ему столько „хорошихъ ударовъ, что у принца распухла рука, причеиъ боль и дрожаніе руки настолько ему мѣшали, что онъ не могъ продолжать и окончить своего scriptum“. Руководствомъ для педагоговъ того времени служила книга достопочтеннаго Père de la Salle *О веденіи христіанскихъ дѣтей*, которая содержала въ себѣ указанія правильныхъ и цѣлесообразныхъ способовъ физическихъ наказаній.

Локкъ и Фенелонъ первые подняли руку на эту ложную, безчеловѣчную систему воспитанія человѣка, а потому потомство не должно забывать и ихъ великой заслуги передъ человѣчествомъ, и ихъ славныхъ трудовъ. И нельзя не пожелать успѣха предпріятію гг. Тихомирова и Адольфа, издавшихъ въ переводѣ на русскій языкъ цѣлый рядъ знаменитыхъ трактатовъ о воспитаніи: Амоса Коменскаго, Локка, Песталоцци, Руссо, Канта и другихъ, и обѣщающихъ продолжать и далѣе выпускъ за выпускомъ такъ удачно начатой ими „Педагогической библіотеки“.

Мысли о современномъ и будущемъ воспитаніи и обученіи.
А. П. Аргамакова. Полоцкъ, 1896 г. Цѣна 1 руб. Читая эту книгу,

неволью вспоминаешь поговорку: „на муху съ обухомъ“. Огромный арсеналъ цитатъ изъ сочиненій Брюнетьера, пресловутаго социолога г. Щеглова, романовъ, повѣстей, рассказовъ, стихотвореній, сочиненій Ломброзо и Винз, постоянныя ссылки на Карла Шмидта, Бэкона, Локка, Дюринга, — все это безъ достаточной связи, — приводитъ на васъ хаотическое впечатлѣнiе. А для какой цѣли все это собрано? Чтобы убѣдить читателей въ такихъ спорныхъ и новыхъ истинахъ, что воспитывать дѣтей надо; что младенцевъ и кормить, и воспитывать должна сама мать; что нужно поставить въ связь воспитанiе съ обученiемъ; что постановка школьнаго дѣла у насъ неудовлетворительна. И все это слишкомъ общо, и все это слишкомъ шаблонно, а громкое заглавiе внушало намъ нѣкоторыя свѣтлыя надежды, особенно по вопросу о будущемъ воспитанiи. Но авторъ, въ сущности, не сказалъ ничего, т.-е., если хотите, онъ сказалъ и очень много, — его книга занимаетъ 218 страницъ, и о чемъ только тамъ нѣтъ?... Но, по правдѣ сказать, все это — легкiе разговоры — „о томъ, о семъ, а больше... ни о чемъ“.

Вѣшнiе входы. Третья и четвертая книга для класснаго чтенiя и бесѣдъ, устныхъ и письменныхъ упражненiй въ школѣ и семьѣ. Составилъ Д. И. Тихомировъ. Изданiе редакцiи „Дѣтское Чтенiе“. Москва, 1896 г. Цѣна 60 коп. Мы уже говорили своевременно о первыхъ двухъ книгахъ этой хрестоматiи. Лежащiй передъ нами томъ состоитъ изъ статей и беллетристическихъ вещей, написанныхъ болѣе книжнымъ языкомъ, чѣмъ материалъ предшествующихъ двухъ книгъ. Оно и понятно: здѣсь имѣются въ виду учащiеся, уже не первый годъ читающiе литературу съ толкомъ и разборомъ, а потому подготовившiеся къ болѣе сложному и трудному литературному языку и, пожалуй, къ болѣе серьезнымъ вопросамъ, поднимаемымъ помѣщенными здѣсь статьями, рассказами и стихотворенiями.

Первая статья озаглавлена *Воспитанiе*. Рассказывается о томъ, какъ отецъ выростилъ хорошее дерево, благодаря тщательному уходу за нимъ, и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать своему сыну приличное наставленiе: „Видишь ли, — сказалъ онъ, — какое хорошее дерево выросло при моемъ уходѣ! — Дай Богъ, чтобъ и ты такъ же отблагодарилъ меня за мои заботы о твоёмъ воспитанiи“. За этимъ разговоромъ слѣдуетъ задача, которую г. Тихомировъ предлагаетъ учащимся: „сказанное объ яблонѣ и садовникѣ примѣнить къ людямъ“. А потомъ задается письменная работа, заключающаяся въ короткихъ отвѣтахъ на вопросы, исчерпывающiе содержанiе рассказа.

За этимъ слѣдуетъ стихотворенiе Измайлова, которое приведемъ, чтобы показать, какими произведенiями поэзiи пользуется подчасъ составитель хрестоматiи съ цѣлю проведенiя извѣстнаго цикла идей въ дѣтскую среду: „*Пожеланiе ребенку*. Родися, плакалъ ты, малютка, въ колыбелѣ. Съ улыбкой радостной мы на тебя смотрѣли. Дай Богъ, чтобы ты жизнь съ улыбкой прекратилъ, и слезы на своей могилѣ заслужилъ“.

Далѣе слѣдуютъ стихотворенiя и прозаическiе рассказы, могущiе послужить поводомъ къ бесѣдамъ съ дѣтьми о сиротствѣ, нищетѣ, молитвѣ и о томъ, какую надежду посылаетъ Господь въ крестѣ. Последнiй вопросъ подымается по поводу четырехъ строкъ поэта Козлова, озаглавленныхъ: *Крестъ*.

Послѣ этого слѣдуютъ рассказы, вызывающiе бесѣды объ одиночествѣ и бѣдности, о жизни въ чужихъ людяхъ, о сущности счастья, о

томъ, какая разница между взглядами Господа Бога и взглядами людей на жизнь и человѣка (этотъ послѣдній вопросъ обсуждается по поводу стихотворенія Мея *Слѣдующий*), о происхожденіи бѣдности и горя, о подражаніи Богу (см. *Завѣтное кольцо*), о силѣ любви (по поводу разсказа изъ жизни апостола Іоанна), о трудѣ, о просвѣщеніи (послѣдній вопросъ по поводу басенъ Крылова), о смерти за родину (по поводу разсказа изъ событій послѣдней нашей войны) и пр.

Очень много статей помѣщено по исторіи Россіи, причемъ дается вѣрнѣе понятіе о *Наказѣ* императрицы Екатерины II, объ освобожденіи крестьянъ, гласномъ судѣ и всесословномъ земствѣ. Есть нѣсколько статей по отечественнѣйшій и по естествознанію.

Волшебный фонарь въ народной школѣ (По даннымъ Александрійскаго уѣднаго земства за 1889—1895 годы). Н. И. Борисова. Изданіе херсонской губернской земской управы. Херсонъ, 1896 г. Въ числѣ средствъ, такъ называемаго, внѣшкольнаго образованія народа, чтеніямъ съ волшебнымъ фонаремъ предстоитъ занять одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ. Могущественное образовательное значеніе фонаря заключается въ его доступности для неграмотнаго населенія, а также въ той наглядности, которая такъ особенно необходима и плодотворна при сообщеніи любыхъ свѣдѣній по всякому отдѣлу знанія толпѣ, непросвѣщенной даже и простою грамотностью. Къ счастью, употребленіе волшебнаго фонаря при народныхъ чтеніяхъ признается у насъ полезнымъ, кажется, всѣми безчисленными вѣдомствами, которымъ только поручено руководительство дѣломъ просвѣщенія народа, и если чтенія съ фонаремъ не получаютъ еще въ нашемъ отечествѣ того быстраго развитія, какого они заслуживаютъ сами по себѣ, то виною является дороговизна фонаря и картинъ, а также, частью, и чрезмѣрная скудость каталога разрѣшенныхъ чтеній. Тѣмъ не менѣе, приходится довольствоваться и малымъ, и несовершеннымъ (въ отношеніи литературныхъ качествъ разрѣшенныхъ „чтеній“). Кто слѣдитъ за провинціальными газетами, тотъ знаетъ, что въ настоящее время волшебный фонарь дѣлаетъ свое скромное дѣло во множествѣ уголковъ нашего отечества. Брошюра Н. И. Борисова, посвященная обстоятельному историческому очерку видѣнія чтеній въ Александрійскомъ уѣздѣ, является, поэтому, какъ нельзя болѣе современною. Прочтя ее, всякій земскій дѣятель воочію убѣдится въ томъ многознаменательномъ фактѣ, что деревенскій людъ, который такъ любитъ обвинять въ пьянствѣ ничего не дѣлающіе для него его „друзья“ изъ буквѣвской орды, валомъ-валить, отъ стара до-мала, на чтенія, забывая при этомъ не только кабаки, но даже такія важныя событія, какъ свадьбы („вечеринки отъ насъ не втичуть“). И слушаетъ эта тѣсная толпа незамысловатыя чтенія, затаивъ дыханіе и проставая на ногахъ по четыре часа подъ-рядъ и со слезами умиленія дивуется на „дыво“ или „волшебную штуку съ ловкими картинками изъ тумана“. Но чудодѣйственный фонарь не только просвѣщаетъ толпу, не только отвлекаетъ ее отъ кабака и вредной праздности, но и укрѣпляетъ нравственную связь этой толпы со школой, побуждаетъ родителей посылать въ нее своихъ дѣтей, старшіе представители которыхъ такъ искусно повторяютъ по картинкамъ содержаніе прочитаннаго и такъ умѣло помогаютъ учителямъ во время чтенія, ловко справляясь съ хитрой механикой фонаря. И этого мало: тѣ же чтенія служатъ, по отзывамъ учителей и учительницъ, прекраснымъ повторительнымъ курсомъ для окончившихъ уже курсъ народной школы и своего рода публичнымъ

экзаменомъ для учащихся. „Еслибы, — пишетъ одинъ учитель, — была возможность производить чтенія каждую субботу, то *все населеніе* легко и наглядно могло бы усвоить себѣ событія изъ священной исторіи...“ Вообще, помимо дѣловой и цифровой части труда г. Борисова, интереснѣйшую часть брошюры представляютъ приложенныя къ ней *Извлеченія изъ отчетовъ заведующихъ школами о чтеніяхъ съ туманными картинами въ 1889—92 гг.* (68 отчетовъ по 45-ти школамъ). Познакомившись съ этимъ драгоценнымъ матеріаломъ, а также и съ тѣмъ, что за семь лѣтъ на 854-хъ чтеніяхъ въ Александрійскомъ уѣздѣ перебывало посѣтителей 163,777 человекъ (въ среднемъ по 192 чел. на одномъ чтеніи), въ числѣ которыхъ было: 84,816 чел. взрослыхъ, 29,347 чел. неучащихся и 49,614 учащихся, всякій земскій дѣятель смѣло положить свой шаръ за широкую организацію чтеній съ волшебнымъ фонаремъ въ сельскихъ школахъ, а когда нужно, то и окажетъ этому дѣлу свое личное и непосредственное содѣйствіе.

Отчетъ Симбирской бесплатной народной библіотеки-читальни въ память И. А. Гончарова за 1895 годъ. Симбирскъ, 1896 г. 1895 годъ—третій существованія этой библіотеки, основанной на родинѣ нашего писателя. Къ концу этого года библіотека располагала 2,825 экземплярами книгъ и брошюръ, изъ которыхъ наибольшее количество падало на беллетристику (828) и книги религіозно-нравственнаго содержанія (263); книгъ научнаго содержанія имѣлось къ тому же времени 192, историческаго (и біографическаго) — 79 и учебныхъ пособій — 47. Кромѣ того періодическихъ изданій было 1,406 томовъ. Бюджетъ библіотеки составлялся въ 1895 г. изъ 300 р. пособія отъ городской думы, 155 р. 94 к. пожертвованій и 91 р. 25 к. сбора со спектакля, всего 547 р. 19 к., что вмѣстѣ съ остатками отъ предыдущаго года (220 р. 93 к.) равнялось 768 р. 12 к. Почти вся эта сумма и была израсходована, за исключеніемъ 13 р. 59 к., причемъ на покупку книгъ и выписку газетъ и журналовъ пошло 220 р. 32 к., на переплетъ книгъ—139 р. 10 к.; на жалованье служащимъ—265 руб. и т. д. Пользуются услугами этого учрежденія 1,548 подписчиковъ (1,047 мужского пола и 501 женскаго); преобладающій возрастъ читателей отъ 8 до 15 лѣтъ (943 ч.), затѣмъ отъ 15 до 20 лѣтъ (292 ч.) и отъ 20 до 25 лѣтъ (121 ч.); обращаются въ библіотеку болѣе всего мѣщане (711) и крестьяне (410) и довольно значительное число дворянъ и чиновниковъ (238), менѣе всего—военные (40). Что касается до распредѣленія клиентовъ библіотеки по занятіямъ, то крупнѣйшую цифру даютъ учащіеся, (1,004 человекъ), изъ числа которыхъ 838 чел. учатся въ начальныхъ школахъ и городскомъ училищѣ, а 166—въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вторую крупнѣйшую цифру даютъ ремесленники, рабочіе, прислуга и пр. — 345 чел. Книги выдаются или подъ залогъ, который былъ внесенъ 168 лицами въ количествѣ 107 р. 1 к., или же по поручительствамъ (1,380 человекъ). По словамъ отчета, читатели вообще относятся добросовѣстно къ библіотекѣ. По числу требованій первое мѣсто занимала беллетристика (9,293), второе—общее-литературные журналы (5,071), третье—приложенія къ журналамъ (4,126), четвертое—дѣтскіе журналы, пятое—иллюстрированныя журналы (2,520) и шестое—газеты (1,230). Книгъ религіозно-нравственнаго содержанія было выдано 700 экземпляровъ, по географіи (и путешествію)—384, для народа и солдатъ—359, историческихъ—283, по естествознанію—207 и по сельскому хозяйству всего 25. Въ частности, изъ числа писателей требовался болѣе всего Тургеневъ

(722 выдачи), Григоровичъ (509 выд.), Гончаровъ (457 выд.), Л. Толстой (369 выд.), Гоголь (356 выд.), Лажечниковъ (333 выд.), Островскій (250 выд.), Пушкинъ (194 выд.), Лермонтовъ (177 выд.) и т. д. Изъ иностранныхъ читались: Вольтеръ-Скоттъ—121 выдача, Диккенсъ—103 выд., Шекспиръ—90 выд., Байронъ—45 выд. и Гёте—26 выдате. Сочиненія Гоголя и Гончарова, по отчету, были постоянно на рукахъ и требованій на нихъ библіотека не могла удовлетворять. Нельзя не отмѣтить одного характернаго явленія изъ жизни библіотеки: она получала отъ многихъ лицъ пожертвованія книгами. Такихъ пожертвованій поступило всего въ отчетномъ году 248 на сумму 166 р. 30 к., но при этомъ оказалось, что 175 книгъ изъ общаго числа *не допущены въ библіотеку* дѣйствующими правилами. Къ числу послѣднихъ относятся, напримѣръ, такіа книги: *Бысы* Достоевскаго, 13 томъ „Сочиненій“ Л. Толстого, затѣмъ нѣкоторые журналы.

Народный театръ. Сборникъ. Изданіе К. В. Лавровой и Н. А. Попова. М., 1896 г. Ц. 2 руб. Печальная участь выпала у насъ въ Россіи на долю народнаго театра.

Кое-что дѣлается по этой части то тутъ, то тамъ; но все это совершается вразбродъ, въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, какъ-то робко и словно неувѣренно, въ видѣ слабыхъ попытокъ и далеко не всегда прочныхъ начинаній. Такъ въ Петербургѣ существуютъ уже 10 слишкомъ лѣтъ общедоступный театръ и гулянья для рабочихъ на Васильевскомъ островѣ.

Изъ другихъ скромныхъ начинаній слѣдуетъ указать на существующій тоже болѣе 10 лѣтъ театръ за Невскою заставою, въ селѣ Александровскомъ, учрежденный невскимъ обществомъ устройства народныхъ развлеченій, и театръ въ Одессѣ. Затѣмъ, начинаютъ кое-гдѣ и въ деревняхъ устраивать сцену для народа: имена г. Бунакова и г-жи Лавровой въ этомъ отношеніи достаточно извѣстны всѣмъ, кто мало-мальски интересуется этимъ вопросомъ. Новость дѣла и недостаточная опытность его устроителей служить причиною тому, что до сихъ поръ не установились какіе бы то ни было твердые и прочные принципы по вопросу о задачахъ народнаго театра и о мѣрахъ его осуществленія. Эта невыясненность дѣла отразилась и на характерѣ помѣщенныхъ въ сборникѣ статей: нельзя сказать, чтобы въ нихъ было полное единство мысли или опредѣленный взглядъ на вещи. Казалось бы, что статья предисловія, принадлежащая перу редактора сборника г. Тимковскаго, должна была бы играть роль *profession de foi* редакціи, выражать основную идею всего сборника. Однако, здѣсь же помѣщена статья г. Степанова который смотритъ на дѣло нѣсколько иначе, а подчасъ по весьма существеннымъ вопросамъ высказываетъ взгляды, прямо противоположные идеямъ какъ г. Тимковскаго, такъ и остальныхъ сотрудниковъ сборника.

Авторъ предисловія признаетъ пользу театра, какъ отвода отъ кабака, какъ мѣру борьбы противъ пьянства—во-первыхъ, и какъ союзника школы—во-вторыхъ. Той же мысли держится и г. Бунаковъ въ помѣщенной здѣсь статьѣ *Размышленія по поводу выставки народнаго театра, устроенной въ Москвѣ въ 1895 г.* Онъ даже ссылается на такихъ популярныхъ представителей духовенства, какъ о. Рождественскій и о. Янышевъ, которые видятъ въ театрѣ союзника церкви.

Г. Бунаковъ первую задачей народнаго театра ставитъ благородный отдыхъ и увеселеніе,—однимъ словомъ, удовольствіе для народа, утомленнаго денной работой, а г. Степановъ въ этомъ же самомъ сборникѣ

горячо возстаеъ противъ такого взгляда. Цѣль народной сцены сводится у него къ одному, — провести ту или иную опредѣленную и ясную мысль. Можно подуматъ, что говорится не о драматическихъ художественныхъ произведеніяхъ, а о какихъ-нибудь научныхъ или публицистическихъ трактатахъ. И знаете ли, какую пьесу всего болѣе восхваляетъ г. Степановъ? *Мельника-колдуна* — Аблесимова! А какія произведенія бракуетъ? — Ни болѣе, ни менѣе, какъ творенія Гоголя и Мольера.

Г. Степановъ не согласенъ и съ мнѣніемъ, высказаннымъ въ предисловіи — о значеніи театра въ борьбѣ противъ пьянства и кабака. Онъ объявляетъ себя вынужденнымъ „категорически отвѣтить, что театръ не можетъ бороться съ кабакомъ“ (стр. 224). Такимъ образомъ, передъ нами два категорическихъ мнѣнія: одно выражено въ руководящей статьѣ, а другое, совсѣмъ ему противоположное — въ статьѣ г. Степанова.

Г. Щегловъ настаиваетъ на односторонности того взгляда, будто народу нужно показывать на сценѣ народный бытъ; а г. Степановъ утверждаетъ какъ разъ противоположное.

Г. Степановъ замѣтилъ, что народъ относится скептически къ основной мысли пьесъ, взятыхъ изъ чуждаго крестьянину быта, а стало-быть и иностранныхъ. „Ну, это не у насъ“, — вотъ что, по его мнѣнію, замѣчаютъ зрители-простолюдины, выслушавъ пьесу изъ иностраннаго переводнаго репертуара (стр. 229). Какъ разъ обратное тому высказываетъ г. Щегловъ, возражающій противъ бытового репертуара, какъ „непрощеннаго напоминанія“ народной сѣроты и бѣдности. И приводитъ въ примѣръ успѣхъ Шекспировскаго *Отелло* у сѣрой публики Василеостровскаго театра. „Сермяжный зритель, — говоритъ онъ, — казалось, явно былъ поглощенъ тѣмъ обстоятельствомъ, что великолѣпный генералъ Отелло ревнуетъ и мучается на островѣ Кипрѣ совершенно такъ же, какъ ревнуетъ и мучается его землякъ Никита изъ Тульской губерніи Веневскаго уѣзда, и это любезное совпаденіе, помимо личнаго удовольствія, какъ бы приобщало его къ общей жизни человѣчества“ (стр. 82).

Г. Степановъ считаетъ Мольера безнравственнымъ писателемъ съ вредными идеями. Комедіей *Жоржъ-Данденъ*, которую очень не любитъ г. Степановъ, Мольеръ, по мнѣнію его, хотѣлъ провести мысль; „не въ свои сани не садись“ и еще другую, болѣе опасную, что „ловкая жена всегда заставитъ мужа плясать по своей дудкѣ“. Внутрь подобныя возмутительныя идеи народу — крайне нежелательно, проповѣдуетъ г. Степановъ, желаящій наводнить сцену одними тенденціозными пьесами, а гг. Бунаковъ и Поповъ въ этомъ же сборникѣ не находятъ словъ, чтобъ убѣдить читателей, что всякія пьесы, написанныя съ цѣлью поученія, вызываютъ въ зрителяхъ одну невыносимую скуку и отваживаютъ ихъ отъ театра.

Между тѣмъ, г-жа Лаврова помѣстила въ сборникѣ статью о постановкѣ именно только-что упомянутой пьесы Мольера на деревенской сценѣ и въ восторгѣ отъ того благотворнаго дѣйствія, которое оказывала эта комедія на зрителей, возбуживъ въ нихъ живой обмѣнъ мыслей по вопросамъ нравственной категоріи. Никто, рѣшительно ни одинъ человѣкъ, вопреки предположенію г. Степанова, не выражалъ сочувствія супругамъ Сотенвилямъ и ихъ дочери за то, что она одурачила Дандена. Что касается до его личности, то одни ему прямо сочувствовали, другіе называли дуракомъ. „Чванство и глудость родите-

лей, злая хитрость дочери были оценены по достоинству* (стр. 215). Пьеса, вообще говоря, была понята очень хорошо.

Очень жаль, что въ сборникѣ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о народномъ театрѣ на Западѣ, кромѣ крошечной статейки, скорѣе—замѣтки А. Н. Веселовскаго о чешскомъ народномъ театрѣ. Но г. Веселовскій не даетъ намъ никакого понятія ни о характерѣ репертуара этой сцены, ни объ отношеніи публики къ этому репертуару, — однимъ словомъ, ничего, чѣмъ бы можно было воспользоваться, какъ примѣромъ, на нашей русекой народной сценѣ.

Вообще, нельзя не сознаться, что мы, все-таки, еще остаемся очень бѣдными фактическимъ матеріаломъ. И намъ не пришлось бы жаловаться на эту бѣдность, еслибъ у насъ побольше было такихъ статей, какъ *Музыка въ деревнѣ* г-жи Сѣровой (стр. 86—99), воспоминанія г. Беккаревича, сообщенія г-жи Лавровой, г. Бунакова и нѣкоторыя другія. Г. Беккаревичъ даетъ чрезвычайно интересное и поучительное сообщеніе о попыткѣ устройства профессиональнаго театра въ селѣ. Это было въ 1886 году. Шесть юныхъ начинающихъ артистовъ, въ томъ числѣ и авторъ, отправились въ село Балаково (на Волгѣ), Самарской губ., и тамъ на площади выстроили досчатый балаганъ; съ самаго же начала дѣла противъ артистовъ начались гоненія. Мѣстный священникъ въ проповѣдяхъ внушаетъ толпѣ идею, что театръ—явленіе вредоносное, чуть не хуже кабака. Мало того: считая актеровъ за чертей, онъ отказывается г. Беккаревича вѣнчать, и молодой чело-вѣкъ вынужденъ былъ отложить свадьбу на неопредѣленное время, пока не попалъ въ Оренбургъ, гдѣ нашелся болѣе просвѣщенный священникъ и обвинчалъ его. Никто не хотѣлъ пускать лицедеѣвъ въ домъ въ качествѣ жильцовъ. И только тогда они были приняты, когда уплатили всѣ деньги впередъ и дали слово ни подъ какимъ видомъ не употреблять дьявольскаго зелья, т.-е. не курить. Не особенно лестно отнеслось къ актерамъ и начальство. Такъ и уѣхали актеры по окончаніи лѣтняго сезона, не въ силахъ будучи побороть равнодушія публики и враждебнаго отношенія мѣстныхъ заправилъ. Это не помѣшало г. Беккаревичу сдѣлать новую поѣздку и даже двѣ въ то же богоспасаемое село. Но тутъ ему уже посчастливилось. И самъ онъ пріѣхалъ съ болѣе обширной труппой, — уже не шестеромъ, а въ 12 чело-вѣкъ. И публика-то успѣла за первый сезонъ болѣе свыкнуться съ актерами, привѣтливо ихъ встрѣтила и охотно стала посѣщать.

Отрадные факты приводитъ намъ далѣе г. Беккаревичъ. Всего болѣе успѣха имѣла *Гроза* Островскаго. По окончаніи представленія въ публикѣ царило гробовое молчаніе, и она долго не двигалась съ мѣста, видимо глубоко потрясенная содержаніемъ драмы. Молодому артисту, понимающему высокое назначеніе сцены, доставляло великую радость и счастье убѣдиться, какъ еще не испорчены и чисты вкусы простого, сѣраго зрителя. Плѣнявшая Москву и Петербургъ извѣстная пѣвчиха „Шура-молдаванка“ не имѣла въ Балаковѣ никакого успѣха: сельская публика стыдилась ее слушать, и артистка обманулась въ своихъ надеждахъ на поддержку со стороны мѣстнаго купечества. Г. Беккаревичъ даетъ намъ и еще другое утѣшительное свѣдѣніе, что не только въ Балаковѣ, но и во всѣхъ другихъ селлахъ, гдѣ только ему приходилось бывать, публика относится съ явнымъ несочувствіемъ къ легкому репертуару въ духѣ коршевской сцены.

Въ результатъ своихъ артистическихъ поѣздокъ по селамъ г. Беккаревичъ вынесъ то убѣжденіе, что въ селѣ можно прекрасно просу-

ществовать и профессиональнымъ актерамъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ заявляетъ, что играть въ селѣ неизмѣримо интереснѣе, чѣмъ въ городѣ, потому что здѣсь сразу чувствуется тѣсная связь артиста съ зрителемъ, что далеко не часто бываетъ въ городѣ. „Кончились эти поѣздки тѣмъ,—говоритъ г. Беккаревичъ,—что и сейчасъ знаю двухъ-трехъ актеровъ, которые отказываются отъ выгодныхъ мѣстъ лѣтомъ и охотно ѣдутъ въ село“. И въ добрый часъ!

Деревня нуждается въ молодыхъ, энергичныхъ дѣятеляхъ, а потому примѣръ г. Беккаревича и труппы его сотоварищей очень симпатиченъ и долженъ вызвать подражаніе со стороны остальныхъ актеровъ обширной Россіи, которыхъ такъ много, которые такъ часто жалуются, что имъ негдѣ играть, потому что конкуренція огромна и предложеніе неизмѣримо превышаетъ спросъ, а между тѣмъ забываютъ, что ихъ съ распростертыми объятіями встрѣтила бы простая русская деревня и не допустила бы, чтобы они голодали такъ, какъ голодаютъ теперь многие и многие актеры, остающіеся безъ ангажемента.

Редакція *Сборника* очень хорошо поступила, что помѣстила для образца нѣсколько пьесъ, дающихся на народной сценѣ, причѣмъ каждая относится къ какому-нибудь особому типу пьесъ. Очень интересна комедія *Царь Максимилианъ*. Читая ее, вы легко начинаете понимать, почему она издавна пользуется такой обширною популярностью у народа: она вся полна живого юмора, юмора чисто-русскаго, народнаго, и вся пронизана народнымъ міросозерцаніемъ. И, право, автору, или вѣрнѣе—авторамъ ея должны были очень позавидовать тѣ интеллигентные составители комедій для народа, произведенія которыхъ помѣщены въ сборникъ: гг. Максимовъ и Тимковскій, юморъ которыхъ слишкомъ натянутый и искусственный и которые своими пьесами скорѣе наводятъ на васъ скуку, чѣмъ веселое настроеніе. За то комедія *Шмакинъ судъ*, взятая изъ стариннаго народнаго сказанія, читается съ большимъ интересомъ и написана г. Поповымъ достаточно живо. Но передѣлка Лермонтовской *Пѣсни о царѣ Иванѣ Васильевичѣ*, сдѣланная г. Арбатовымъ, очень неудачна. Она не годится для сцены: въ ней нѣтъ никакого движенія; нѣтъ живыхъ діалоговъ, а есть длинныя рѣчи, произносимыя поочередно: Грознымъ, Кирибѣвичемъ, Калашниковымъ и т. д. Какаая же это пьеса?

Для всѣхъ, кто интересуется вопросомъ о народномъ театрѣ, о его задачахъ, о положеніи дѣла въ настоящую минуту и о его прошломъ,—книга, изданная г-жею Лавровой и г. Поповымъ,—можетъ послужить единственной пока у насъ настольной книгой и принесть имъ несомнѣнно серьезную пользу.

ИСТОРИЯ, ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

„Geschichte Russlands bis zum Ende des 18 Jahrhunderts“ Von A. Brückner. — „Что сдѣлала Екатерина II для русскаго народнаго просвѣщенія“. Вл. Каллаша. — „Императрица Екатерина II“. Очеркъ А. Бориневича. — „Избранныя сочиненія Императрицы Екатерины II“. Подъ ред. Н. С. Кариева. — „Императрица Екатерина Вторая Великая“. П. Борзакоевско. — „Русская классная бібліотека Чудина“. Вып. XIX.—„Исторія искусствъ“. П. Гиндича. Т. I, вып. I.

Geschichte Russlands bis zum Ende des 18 Jahrhunderts. Von A. Brückner. Band I. Ueberblick der Entwicklung bis zum Tode Peters des Grossen. Gotha. Friedrich Andreas Perthes. 1896. Покойный А. Г. Брикнеръ до послѣднихъ дней своей жизни не покидалъ

сотрудничества въ нашемъ журналѣ; напечатанной въ сентябрьской и ноябрьской книжкахъ статьи *Записки графа Ланжерона о русском войскѣ* ему уже не удалось увидать. Брикнеръ принадлежалъ къ числу историковъ старой школы, онъ не гонялся за очередными вопросами современной историографіи, остановился на той точкѣ историко-филологическаго міровоззрѣнія, съ какой приступалъ къ своимъ историческимъ работамъ, и, все-таки, надо признаться, что смерть застала его некстати и не во-время, какъ разъ среди работъ, которыя не могли не интересовать русскаго читателя, привыкшаго дѣлать въ Брикнерѣ яснаго, точнаго, обстоятельнаго и живого историческаго рассказчика: его исторіи Петра Перваго, Екатерины Второй и князя Г. А. Потемкина остаются пока незамѣтными въ нашей литературѣ и можно сказать единственно доступными для средней читающей публики. Брикнеръ очень не мало сдѣлалъ у насъ для историческаго развитія послѣдней; въ этомъ заключается его большая заслуга предъ русскимъ обществомъ, тѣмъ болѣе любопытная, что его научно-популярная дѣятельность началась гораздо ранѣе, чѣмъ таковая превратилась въ моду, какъ то мы наблюдаемъ сейчасъ. Послѣдній его трудъ—*Исторія Россіи до конца XVIII столѣтія*—также принадлежитъ къ числу широко задуманныхъ научно-популярныхъ сочиненій по общей исторіи Россіи и въ то же время является итогами его плодотворной исторической работы. Едва ли кто не знаетъ, что наша историческая литература крайне нуждается въ такомъ сводномъ сочиненіи, которое охватывало бы всю исторію Россіи, не утомляло бы читателя нагроможденіемъ массы фактовъ, но, давая стройное, законченное и объединенное опредѣленною точкою зрѣнія на предметъ изложеніе, было бы вполне доступно для читателей очень невысокаго образовательнаго уровня. Книга Брикнера, несомнѣнно, принадлежитъ къ числу такихъ сочиненій, и передѣлка ея для русскаго изданія намъ представляется необходимой. Ея первый томъ охватываетъ время до смерти Петра I включительно, второй—до смерти Екатерины II. На подобіе извѣстной книги П. Н. Милокова *Очерки по исторіи русской культуры* первый томъ сочиненія Брикнера съ подзаголовкомъ—„обзоръ историческаго развитія Россіи до конца петровской реформы“—представляетъ собою нѣсколько продольныхъ разрѣзовъ по исторіи Россіи, установленныхъ сообразно вкусамъ автора. Само собою разумѣется, что мы не безъ умысла сопоставляемъ *Очерки по исторіи русской культуры*, и *Исторію Россіи до конца XVIII столѣтія* и совсѣмъ не думаемъ, что это—двѣ равныя величины; мы хотимъ только сказать, что для нашей публики было бы необходимо общее сочиненіе, которое служило бы преддверіемъ въ *Очерки*, и что такимъ превосходнымъ преддверіемъ можетъ служить именно русская переработка *Исторіи Россіи* Брикнера. Пять главъ, на которыя подраздѣляется первый томъ разбираемой *Исторіи Россіи*, составляютъ пять совершенно самостоятельныхъ очерковъ, связанныхъ между собой единствомъ мысли и логической послѣдовательностью содержанія.

Первая глава (стр. 1 — 165) — *Европа и Россія*, очеркъ постепеннаго ознакомленія иностранцевъ съ Россіей, начиная съ г. 7-й бокой древности и кончая Винценомъ и Лейбницемъ. Читатель найдетъ здѣсь, какъ „западный культурный міръ“ мало-по-малу открывалъ Россію, какою она ему представилась и въ чемъ замѣчалась была разница между этимъ западно-европейскимъ культурнымъ миромъ и азиатскимъ государствомъ на восточно-европейской равнинѣ.

Особый раздѣлъ посвященъ характеристикѣ положенія иноземныхъ пословъ въ московскомъ государствѣ, причѣмъ для большей яркости иллюстраціи авторъ касается въ свою очередь роли московскихъ пословъ за границей. Роль эта, какъ извѣстно, очень своеобразная, полная цѣлой серіей анекдотическихъ разсказовъ, изъ которой авторъ сумѣлъ одѣлать остроумный выборъ и, не стѣсняясь, отмѣтилъ въ то же время, что наблюденія иноземныхъ пословъ въ Москвитин не могли быть особенно глубокими, разъ съ ними обращались тамъ почти какъ съ плѣнниками. Русскаго читателя заинтересуетъ въ первой главѣ книги Брикнера и небольшой раздѣлъ (стр. 73—90), посвященный *восточному вопросу*, который излагается здѣсь дѣловито и просто. Вторая глава (стр. 166—280)—*Страна и народъ*—посвящена характеристикѣ русской территоріи и этнографическаго состава населенія, причѣмъ обращаютъ на себя вниманіе раздѣлы, посвященные варяжскому вопросу (стр. 226—241) и вопросу о смертности русскаго населенія. Третья (стр. 281—440) и четвертая (стр. 441—532) главы излагаютъ роль и значеніе Византии и татарщины въ русской исторіи; въ нихъ разсыпано не мало замѣчаній, очень не новыхъ для специалистовъ, но крайне любопытныхъ для русскаго читателя, привыкшаго къ традиціонному и фальшивому изложенію затронутыхъ вопросовъ въ русскихъ изданіяхъ.

Глава пятая и послѣдняя—*Россія и Европа*—составляетъ противоположеніе первой; матеріалъ трехъ предшествующихъ главъ является лишь иллюстраціей и оправданіемъ той основной мысли, которую всегда высказывалъ и высказываетъ въ данномъ случаѣ авторъ при обсужденіи русскаго историческаго прошлаго, начиная съ реформы Петра I. Послѣдняя глава—очеркъ поворота Московскаго государства къ Западу и постепеннаго проникновенія въ русскую жизнь началъ западно-европейскаго культурнаго государства. Характеристики русскихъ западниковъ XVII столѣтія сопровождаются у Брикнера тщательнымъ выясненіемъ роли иноземцевъ въ русской жизни. Брикнеръ еще разъ въ своихъ итогахъ является горячимъ апологетомъ реформы Петра, его *диктатура*, выросшей на подготовленной предшествующими поколѣніями почвѣ. Никто настойчивѣе Брикнера не изучалъ любопытнаго вопроса о постепенномъ пересозданіи нашей страны изъ азіатской въ европейскую, никто такъ обстоятельно и научно не подчеркивалъ громадной роли иноземнаго вліянія и иноземцевъ въ нашей исторіи,—и въ то же время едва ли найдется серьезное мнѣніе, которое стало бы утверждать, что бывшій дерптскій профессоръ русской исторіи былъ тенденціознымъ. Тенденціозно не изложеніе Брикнера, а выборъ основного сюжета для изученія; но, вѣдь, выборъ сюжета дѣло личнаго вкуса и ученаго направленія, вся суть въ томъ, чтобы разъ избранный сюжетъ былъ изученъ всесторонне и изложенъ объективно. Брикнера едва ли можно упрекать за рѣзкое отсутствіе объективности; мы станемъ утверждать, что онъ куда объективнѣе многихъ русскихъ историковъ, которые при первомъ несогласіи съ ихъ взглядами кричатъ о тенденціозности своего противника и стараются уколоть его очень ржавымъ и истрепаннымъ оружіемъ, говоря, что у такого то NN, взявшагося за изученіе русской исторіи, нѣтъ русскаго духа или національнаго чувства. Одинъ изъ русскихъ историковъ сурово позволялъ предѣлъ подобнаго рода разглагольствованіямъ о возможности объяснять что-либо изъ особенностей національнаго характера при нынѣшнемъ состояніи науки русской исторіи. Национальныя особенно-

сти, говорить онъ, конечно, кладутъ свою печать на исторію и видоизмѣняютъ основную тенденцію историческаго процесса, но вліяніе этого рода никакъ не можетъ играть значительной роли. Сами эти національныя отличія, національный типъ и характеръ—не есть нѣчто искони данное, а благопріобрѣтенное въ теченіе того же историческаго процесса,—не первичное, не основное, а лишь вторичное историческое явленіе. Сложившись разъ, это явленіе можетъ оказывать свою долю вліянія на историческій процессъ, вліяніе главнымъ образомъ задерживающее, какъ все унаслѣдованное отъ прошлаго; въ своей исходной точкѣ это явленіе само есть итогъ исторіи, результатъ другихъ болѣе основныхъ условій исторической жизни. Но поскольку національныя особенности сами оказываютъ вліяніе на исторію, отъбика этого вліянія сильно затрудняется какъ неуловимостью характера подобныхъ вліяній, такъ и тѣми преувеличеніями, къ которымъ склонно въ этомъ вопросѣ національное самолюбіе и противъ котораго особенно долженъ держаться на - сторожѣ историкъ. „При настоящемъ состояніи нашей науки объяснять что-либо изъ особенностей національнаго характера, значить признаться въ незнаніи и въ безсиліи дать надлежащее объясненіе“. Приведенная сейчасъ точка зрѣнія, которую мы раздѣляемъ вполне, дастъ читателю возможность отнестись критически здраво къ *последнему* труду Брикнера, усердно нами рекомендуемому и въ случаѣ перевода на русскій языкъ нуждающемуся въ сильной передѣлкѣ.

Что сдѣлала Екатерина II для русскаго народнаго просвѣщенія. Вл. Каллаша. Изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія“. М., 1896 г. На страницахъ этой брошюры въ яркомъ и образномъ изложеніи характеризуется просвѣтительная дѣятельность знаменитой государыни. Съ полной объективностью, безъ панегирическаго, юбилейнаго восторга и безъ злѣшого отрицанія указываетъ авторъ на размѣры и историческое значеніе того, чѣмъ подарила русскую культуру „Матушка Екатерина“; для того, чтобы рельефнѣе выяснить ея заслуги, онъ рисуетъ предшествовавшую ей и современную ей эпоху, на фонѣ которой такъ рѣзко выдѣлялись ея начинанія. Г. Каллашъ удѣляетъ много мѣста времени Петра, безъ котораго было бы непонятно время Екатерины, и читатель видитъ, какъ постепенно и съ колебаніями оживлялись созданныя Петромъ „тѣла“ и принимали въ себя созданныя Екатериной „души“. Въ литературу о русской императрицѣ очеркъ г. Каллаша не вноситъ крупиной и особенно важной лепты; изъ него нельзя вынести новыхъ фактовъ и взглядовъ, но все до сихъ поръ разработанное въ этой области исторической науки нашло себѣ въ трудѣ автора умѣлую группировку и правильное освѣщеніе.

Императрица Екатерина II. Новороссія и Одесса. Общедоступный очеркъ А. Бориневича. Одесса, 1896 г. Г. Бориневичъ далъ очень сжатый, скучно и сухо написанный очеркъ дѣятельности Екатерины и не особенно искусно связанныя съ нимъ краткія историческія свѣдѣнія о Новороссіи и Одессѣ. О характерѣ этого очерка можно судить на основаніи такихъ, наприм., выдержекъ: „по смерти Елены Петровны *царевичъ* Петръ Θεодоровичъ былъ на престолѣ всего, всего полгода, и *отказался отъ него въ пользу* своей супруги Екатерины Алексѣевны“ (стр. 6); „она писала и въ журналѣ *Собесѣдникъ*, который издавался *другомъ* ея, кн. Дашковой“ (стр. 8); „заботясь о здравіи населенія, она лично подавала примѣры огражденія себя о болѣзней“ (стр. 12) и пр. Книга украшена плохими портретами Екатерины, Потемкина и де-Рибаса.

Избранныя сочиненія Императрицы Екатерины II. Подъ редакціей Н. С. Карцева. Спб., 1896 г. Это — полезная, общедоступная выборка изъ сочиненій Екатерины. Объяснительныя замѣтки и примѣчанія составлены въ общемъ недурно. Пробѣловъ, впрочемъ, довольно много: объясняя, наприм., на стр. 64 „Клеветанда“, г. Карцевъ ни слова не говоритъ объ *Ежемесячныхъ Сочиненіяхъ* и даже печатаетъ ихъ съ маленькой буквы. Трудно согласиться съ нѣкоторыми замѣчаніями автора: „одно то, что существуетъ, хотя и недолго, полемика противъ журнала *Всякая Всячина*, который завѣдомо руководился самой императрицей, достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, что для мысли писателя нѣтъ уже прежнихъ стѣсненій“ (стр. 52); невѣрно освѣщено отношеніе Екатерины къ Шекспиру и ея стремленіе къ народности (стр. 143); плохо изложены комедіи противъ сектантовъ (?)—масоновъ (стр. 141—2).

Императрица Екатерина Вторая Великая (1729—1762—1796 гг.). П. Борзаковскаго. Одесса, 1896 г. „Въ декабрь 1761 года скончалась Императрица Елизавета Петровна. На престолъ вступилъ Императоръ Петръ III Ѳеодоровичъ. Царствованіе его *однако* (почему—однако?) было непродолжительно. *Черезъ полгода онъ отрекся отъ престола въ пользу своей супруги; послѣ этого скоро скончался. Тогда на престолъ вступила Императрица Вторая*“ (стр. 4). Вотъ какъ пишется исторія! Мы думаемъ, что г. Борзаковскій перехватилъ пальму первенства даже у г. Иловайскаго.

Вся небольшая брошюра г. Борзаковскаго переполнена такими историческими курьезами и сдобрена до тошноты дешевымъ патріотизмомъ. Въ концѣ приложены случайные, по большей части неудачно выбранные отрывки изъ сочиненій Екатерины. Своеобразное впечатлѣніе производитъ примѣчаніе г. Борзаковскаго: „Отрывки печатаются по изданію А. Смирдина... съ сохраненіемъ правописанія подлинника“. Неряшливость, даже безграмотность изданій Смирдина—общезвѣстный фактъ. Неужели онъ остался тайною для г. Борзаковскаго?

Русская классная бібліотека Чудинова. Вып. XIX (Древне-русскіе повѣсти и романы). Свѣтскіе элементы древне-русской литературы, очень цѣнные съ научной точки зрѣнія, до сихъ поръ еще игнорируются нашею учебною литературой: давая болѣе или менѣе подробную характеристику подражательной церковной письменности, она останавливается только на немногихъ, самыхъ крупныхъ памятникахъ свѣтской литературы. Не указывая связи литературныхъ произведеній съ современною имъ общественною жизнью, смѣны литературныхъ направленій, не разъясняя исторіи идей и литературной техники, упуская изъ виду наиболее живыя черты литературы, она вноситъ въ свое изложеніе исторіи до-петровской словесности тотъ мертвенный, томительно-скучный характеръ, который такъ тяготитъ молодое поколѣніе.

Изданіе г. Чудинова, такимъ образомъ, восполняетъ крупный пробѣлъ въ нашей учебной литературѣ. Въ немъ даны тексты слѣдующихъ повѣстей: Бова, Повѣсть о созданіи и плѣненіи Тройскомъ, Девгеніево дѣяніе, Соломонъ и Китоврасъ (повѣсть-апокрифъ), Слово о Басаргѣ купцѣ, повѣсть о Горь-Злосчастьѣ, Списокъ съ суднаго дѣла у Леща съ Ершомъ. Въ качествѣ объяснительной статьи напечатано извлеченіе изъ замѣчательнаго труда акад. Веселовскаго. Къ сожалѣнію, восточныя, фантастическія и дидактическія повѣсти совсѣмъ не представлены; нѣтъ и отрывковъ изъ *Александріи*, Саввы Грудцына, Фрола Скобѣева, Великаго Зерцала, Рижскихъ Дѣяній и Фацецій: только тогда

бы древне-русская повѣсть была представлена надлежащимъ образомъ. Статью акад. Веселовскаго слѣдовало пополнить извлеченіемъ изъ его же труда о славяно-романскихъ повѣстяхъ и прекраснаго труда акад. Буслаева *Перехожія повѣсти*. Все это—существенные пробѣлы, которые повредятъ успѣху счастливо задуманнаго изданія, по какой-то таинственной причинѣ снабженнаго портретомъ Аванасьева.

Отчетъ Императорской Публичной бібліотеки за 1893 годъ. Спб., 1896 г. Запоздавшій на 3 года отчетъ Публичной бібліотеки, кромѣ обычныхъ данныхъ о дѣятельности бібліотеки, содержитъ, въ приложеніяхъ, довольно любопытныя письма Шевырева къ Гоголю и Кюхельбекера къ кн. Одоевскому. Въ письмахъ Шевырева попадаются очень характерныя мѣста: „во время болѣзни я прочелъ и *Портреты*, тобою передѣланнныя. Ты въ немъ такъ раскрылъ связь искусства съ религіей, какъ еще нигдѣ она не была раскрыта. Ты вносишь много свѣта въ нашу науку и доказываешь собою на зло нѣмцамъ, что творчество можетъ быть соединено съ полнымъ сознаніемъ своего дѣла“ (стр. 6); „ты слишкомъ вводишь личное начало въ религію, и въ этомъ увлекаешься тѣмъ, что тебя окружаетъ. Римское католичество ведетъ къ тому, что человекъ не Бога начинаетъ любить, а себя въ Бога. Даже молитва въ немъ переходитъ въ какое-то самоуслаженіе“ (стр. 40). Письмо Кюхельбекера (1845 г.) прекрасно обрисовываетъ его грустное положеніе, настроеніе послѣ 20-лѣтней ссылки, литературныя вкусы и отношенія.

Исторія искусствъ, П. Гнѣдича. Томъ I, выпускъ 1-й. Съ 4 роскошными таблицами и 163 рисунками въ текстѣ. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. Цѣна за все изданіе въ 12 выпускахъ 12 руб., съ перес. 14 руб. Лежащій передъ нами первый выпускъ *Исторіи искусствъ* изданъ необыкновенно роскошно, на отличной бумагѣ, прекраснымъ шрифтомъ, со множествомъ художественно исполненныхъ снимковъ съ произведеній зодчества и ваянія Египта, Вавилона, Ассиріи, древней Персіи и Греціи. Такое изданіе можетъ служить украшеніемъ бібліотеки любителя и пособіемъ при урокахъ исторіи въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, гдѣ до сихъ поръ слишкомъ мало, по нашему мнѣнію, обращаютъ вниманія преподаватели на культуру народовъ, на ихъ духовное развитіе, довольствуясь тѣмъ, что юноши заучиваютъ имена царей и полководцевъ, нѣкоторые эпизоды войнъ и хронологію событій. Мы думаемъ, что для пониманія заученныхъ событій необходимо такое пособіе, какое издано въ настоящее время г. Марксомъ. Авторъ начинаетъ свою книгу разсказомъ объ искусствѣ древняго Египта и на первой страницѣ говоритъ: „Здѣсь именно, въ этой таинственной странѣ фараоновъ явились зачаточныя формы искусства, путившія постепенно ростки и вѣтви вокругъ себя — и въ Азію, и въ Европу...“ Относительно Европы и нѣкоторыхъ странъ Азіи, каковы Финикія и Палестина, это правильно, конечно. Но египетское искусство никоимъ образомъ не могло вліять на болѣе далекія страны, каковы Вавилонъ, а тѣмъ паче Индія и Китай, о которыхъ поминанъ въ книгѣ г. Гнѣдича, тогда какъ эти страны несомнѣнно оказали свое время не малое вліяніе на дальнѣйшее развитіе зодчества во всѣхъ цивилизованномъ мірѣ. Изъ дальнѣйшаго изложенія трудно уловить кую-либо связь между „зачаточными формами“ Египта и тѣми образцами зодчества и ваянія, которые дошли до насъ отъ Эллады икрыты въ раскопкахъ Трои, Вавилона и Ниневіи. Авторъ говоритъ между прочимъ: „Колоссальныя *сидячія* статуи боговъ, богинь, ц

и царикъ были самыми излюбленными египетскими изображеніями". „Излюбленными“—можетъ быть, но отнюдь не исключительно сидячія фигуры дошли до насъ. Въ пальмовой рощѣ близъ развалинъ Мемфиса лежатъ наружи двѣ колоссальныя статуи Рамзеса (какъ ихъ называютъ), изображеннаго стоящимъ. Перечисляя обелиски съ іероглифами, вывезенные въ Европу, г. Гнѣдичъ забыть упомянуть про обелискъ, стоящій на площади въ Константинополѣ. Про колоссальнаго сфинкса около ближнихъ пирамидъ авторъ говоритъ, будто видна только его голова, а все туловище занесено пескомъ. Это ошибка, сфинксъ былъ занесенъ, теперь онъ весь на виду съ пьедесталомъ. Въ главахъ о греческомъ искусствѣ пропущены надгробные памятники, представляющіе собою интереснѣйшіе образцы древне-греческихъ барельефовъ и горельефовъ... Въ книгѣ, посвященной не зодчеству и валянію только, а „искусствамъ“ вообще, слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, упомянуть о монетахъ и подробнѣе поговорить о музыкальныхъ инструментахъ. Быть-можетъ, авторъ предполагаетъ сдѣлать это впоследствии и посвятить этимъ отраслямъ искусства особыя главы. Указанные нами пропуски не умаляютъ, впрочемъ, достоинствъ книги, написанной легкимъ, живымъ языкомъ, съ указаніями литературы трактуемаго предмета, что въ высшей степени полезно и важно для всякаго, кто пожелалъ бы ближе познакомиться съ тѣмъ, что его особенно заинтересуетъ. Въ виду изящества изданія, назначенная за него цѣна можетъ почитаться весьма умѣренною.

ПУТЕШЕСТВІЯ, ГЕОГРАФІЯ.

„На скалахъ Валаама“. *Ивана Шмелева*. — „Путеводитель по Волгѣ“. Изданіе *Ив. Иванова*.

На скалахъ Валаама. Путевые очерки (съ рисунками). *Ивана Шмелева*. Москва, 1897 г. Цѣна 80 коп. Монастыри, расположенные на группѣ острововъ Ладожскаго озера, представляютъ собою монашеское царство, совершенно обособленное отъ міра и непохожее на большинство русскихъ монастырей. Г. Шмелевъ не описываетъ подробно устройства этихъ своеобразныхъ обществъ; онъ въ живыхъ очеркахъ и сценахъ передаетъ лишь тѣ впечатлѣнія, которыя производили на него встрѣчи на пароходахъ съ богомольцами, отправлявшимися на Валаамъ, бесѣды съ разными обывателями монастырей, монастырскія гостиницы, трапезы, мастерскія и т. д. При этомъ авторъ обнаруживаетъ достаточную наблюдательность, чуткость къ видному и слышанному, умѣнье обратить вниманіе на болѣе существенное и рассказать обо всемъ, имъ отмѣченномъ, въ занимательной для читателя формѣ. Молодой туристъ,—г. Шмелевъ былъ на Валаамѣ студентомъ,—вступалъ въ разговоры съ монахами-гостинниками, съ послушниками, со скитскими отшельниками, съ монахами-схимниками, съ присланнымъ за провинность „подъ началъ“ священникомъ, съ игумномъ,—всѣхъ пытался выпросить, старался все вызнать, чтобы составить себѣ опредѣленное понятіе о томъ, чѣмъ держатся подобныя общины и что составляетъ ихъ силу. До „сути“ дѣла на Валаамѣ не легко добраться, какъ, впрочемъ, и во многихъ монастыряхъ, всегда охраняющихъ тщательно свою настоящую, интимную жизнь отъ постороннихъ глазъ и ушей. „Надо замѣтить,—говоритъ авторъ,—что монахи валаамскіе люди особенно душевнаго склада: они скрытны, неразговорчивы, особенно если

начнешь спрашивать объ интимной жизни монастыря... Очевидно, что авторъ попалъ на Валаамъ новичкомъ-туристомъ, а кто постраивалъ по монастырямъ, скитамъ и пустынямъ, тотъ подивится даже разговорчивости и откровенности валаамскихъ отцовъ и братій. Г. Шмелевъ говоритъ:—„Я прожилъ на Валаамѣ недѣлю и за это короткое время успѣлъ убѣдиться въ искренности и справедливости словъ брата Василія (послушника при гостиницѣ)... Въ человѣкѣ не затирали души, хотя требовали отъ него отсѣченія воли. Человѣкъ оставался независимымъ, хотя и терялъ волю, ибо отсѣченіе воли—идея, выработанная тѣми, кто пришелъ охотой на Валаамъ. Человѣка не били по загревку, не унижали,—напротивъ, давали возможность развиваться его стремленіямъ, давали ему въ руки то дѣло, которое онъ знаетъ“... Авторъ вѣритъ искренности брата Василія, мы вѣримъ искренности автора, и сами искренно убѣждены въ томъ, что г. Шмелевъ не доглядѣлъ и ошибается, что не умаляетъ достоинствъ его очерковъ, такъ какъ изъ приводимыхъ въ нихъ примѣровъ явствуетъ совсѣмъ не то, что имъ сказано выше. Ошибка автора доказывается тѣмъ, что произошло съ талантливымъ художникомъ, превращеннымъ въ иконописца, или—съ о. Дамаскинымъ, или съ монахомъ, обреченнымъ на „молчальничество“, и тѣмъ, что происходитъ съ дѣтьми, мальчиками 10—12 лѣтъ, отдаваемыми въ монастырь. Полное незнакомство автора съ жизнью монастырей обнаруживается его вопросомъ: „подчиняются ли монахи какимъ-нибудь полицейскимъ правиламъ?“—Монахъ, разумѣется, рассердился, ткнувъ себя въ грудь, и сказалъ:—„Вотъ гдѣ у насъ полиція!... Видали въ гостиницѣ на стѣнѣ бумага подъ стекломъ висить,—уставка старца Назарія,—вотъ наша полиція“...—И это сущая правда, только не вся, такъ какъ самъ г. Шмелевъ убѣдился въ существованіи „дворщикова“, неослабно наблюдающихъ за точнымъ исполненіемъ „устава“ и неукоснительно доносящихъ о. игумну о малѣйшемъ нарушеніи его не только монастырскими людьми, но и богомольцами. И въ такихъ случаяхъ о. игуменъ пресѣкаетъ и „началитъ“ каждого, какъ то установлено.—„Работа для Бога—могучій двигатель Валаамской обители. Не будетъ ея—и всѣ мастерскія развалатся, и иноки валаамскіе исчезнутъ съ лица земли. Но пока идея валаамскаго монаха жива, онъ сохранитъ въ себѣ аскета, и валаамская духовная община едва ли выродится въ артель, едва ли явитъ когда общину съ социальнымъ устройствомъ“... Не то что „едва ли“, а никогда этого не будетъ и быть не можетъ, „пока жива идея“, да еще—пока есть кому поддерживать эту идею такъ же убѣжденно и твердо, какъ то дѣлаютъ отцы игумны Дамаскинъ, Ионафанъ и Гаврилъ. Не станеть такихъ сильныхъ духомъ, право правящихъ начальниковъ, и Валаамскую обитель постигнетъ такая же духовная немощь, какую авторъ видѣлъ въ Кюневедкомъ монастырѣ на томъ же Ладожскомъ озерѣ... Несмотря на указанные нами ошибки, *Путевые очерки* г. Шмелева прочтываются съ большимъ интересомъ и, въ общемъ, даютъ достаточно ясное представление о жизни на Валаамѣ.

Путеводитель по Волгѣ. Изданіе Ив. Иванова. Казань, 1896 Цѣна 30 коп., съ пересылкой 40 коп. Заглавіе книги не совсѣтъ точно,—это *Путеводитель* отъ Нижняго-Новгорода до Астрахани. Та называемый „Верхній плесъ“ отъ Твери до Рыбинска и отъ Рыбинска до Нижняго не вошелъ въ изданіе г. Иванова. Въ *Путеводителѣ* перечислены города, пристани и крупныя селенія, лежащія по берега рѣки, переданы сказанія и легенды объ основаніи городовъ, коро-

разсказано кое-что изъ ихъ, исторіи, перечислены замѣчательныя въ нихъ зданія, преимущественно монастыри и церкви, учебныя и общественыя учрежденія и т. под. Но въ книгѣ нѣтъ очень многого, что требуется путешественнику, отправляющемуся въ незнакомыя ему мѣста, а именно: не указано, гдѣ путнику голову преклонить, гостиницъ не указано (кромѣ Нижняго и Астрахани), гдѣ туристу покормиться, не названо ресторановъ, лучшихъ магазиновъ, не указано способовъ сообщенія пристаней съ городами, ни цѣны на извозчиковъ. Однимъ словомъ, это не „путеводитель“, а „взглядъ и нѣчто“ о поволжскихъ городахъ отъ Нижняго до Астрахани. Для всего, недостающаго въ книжкѣ и нами указаннаго, мѣста было болѣе чѣмъ достаточно на цвѣтныхъ листкахъ, отчасти занятыхъ совершенно случайными объявленіями и отчасти—заимствованными изъ юмористическихъ журналовъ „анекдотиками“, очень сомнительнаго достоинства, неумѣстными въ путеводителѣ, которымъ особенно охотно интересуются на пароходахъ подростки и дѣти. На первой страницѣ *Отъ издателя* высказываются общіяя значительно дополнить въ 1897 г. „описание городовъ“ и дать „обширныя свѣдѣнія относительно справочныхъ и торгово-промышленныхъ *адрессовъ*“... Слово адресъ г. Ивановъ пишетъ съ двумя с, а свое обѣщаніе заканчиваетъ характерною фразой: „я съ своей стороны приму всѣ мѣры къ возможно широкому *распространенію* рекламы, чтобы дѣлать ее болѣе *распространенною* (!), удешевляя цѣну *Путеводителя*“. Такую книжку какъ ни удешевляй, она все равно никому не нужна и годится только пассажирамъ третьяго класса „на цыгарки“.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Справочная книжка для кустарныхъ, ремесленныхъ и земледѣльческихъ артелей“. — „Наслѣдство и раздѣлъ“. Сост. Я. В. Абрамовъ. — „Охранительное судопроизводство“. С. Г. Громачевскаго.

Справочная книжка для кустарныхъ, ремесленныхъ и земледѣльческихъ артелей. Составлено V-мъ отдѣленіемъ общества для содѣйствія русской промышленности и торговли. Спб., 1896 г. Появленіе разсматриваемой книжки, изданной подъ редакціей проф. А. А. Исаева, надо признать весьма умѣстнымъ при все усиливающимся за послѣднее время стремленіи нашихъ крестьянъ земледѣльцевъ и кустарей соединяться въ артели для огражденія себя отъ поглощенія крупными частными предпріятіями. Составители книжки поставили себѣ задачей собрать всѣ справочныя свѣдѣнія, необходимыя для дѣйствующихъ артелей и въ особенности для артелей возникающихъ. Указавъ краткѣ тѣ условія, которыя должны быть приняты во вниманіе при образованіи артелей, а именно: осторожное привлеченіе въ артель участниковъ, столь же осторожный выборъ промысла, въ которомъ возникаетъ новый союзъ, такъ какъ устройство артелей во многихъ кустарныхъ промыслахъ, сильно стѣсненныхъ фабриками и заводами, является очень затруднительнымъ, образованіе артельныхъ капиталовъ взносами членовъ или ссудами, достаточное число членовъ артели и, наконецъ, правильное внутреннее устройство, составители привели цѣлый рядъ договоровъ и уставовъ, которые могли бы служить образцами при образованіи новыхъ артелей; при этомъ указывается, какимъ образомъ договоръ можетъ быть обращенъ въ уставъ и обратно. Далѣе

въ книжкѣ помѣщенъ списокъ какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ учреждений, общество и лицъ, которыя могутъ содѣйствовать артелямъ, указаны источники получения ссудъ, приведены законы, относящіяся къ кустарнымъ и земледѣльческимъ артелямъ. Последняя глава „Изъ жизни артелей“, по выраженію составителей, „предназначается для чтенія“; въ ней мы находимъ рядъ не лишенныхъ интереса данныхъ о существовавшихъ и существующихъ артеляхъ во Франціи, Германіи и Россіи.

Въ общемъ *Справочная книжка* можетъ быть рекомендована, какъ весьма полезное пособіе при устройствѣ артелей и дальнѣйшемъ ихъ развитіи.

Наслѣдство и раздѣлъ. Составилъ Я. В. Абрамовъ. Популярно-юридическая бібліотека. № 2. Спб., 1896 г. Въ этой небольшой брошюрѣ авторъ соединилъ всѣ важнѣйшіе законы, находящіяся въ I ч. X т. и V т. Св. Законовъ, въ Уст. Гр. Суд., а также въ Общемъ Положеніи о крестьянахъ, касающіяся наслѣдованія по закону и раздѣла наслѣдства, и пополнилъ ихъ цѣлымъ рядомъ разъясненій на основаніи кассационныхъ рѣшеній; въ приложеніи помѣщены многіе образцы различныхъ прошеній и заявленій. Составлена книга г. Абрамова очень толково и дѣльно и можетъ быть рекомендована, какъ хорошее пособіе лицамъ, желающимъ ознакомиться съ условіями наслѣдованія по закону. Низкая цѣна книги — 25 коп. — дѣлаетъ ее вполне общедоступной.

Охранительное судопроизводство. Практическое пособіе къ веденію безспорныхъ дѣлъ. С. Г. Громачевскаго. Спб., 1896 г. — **Духовное завѣщаніе С. Г. Громачевскаго.** 1896 г. „Охранительныя дѣла, — говоритъ авторъ въ предисловіи къ первой изъ рассматриваемыхъ книгъ, — по своей безспорности, столь несложны, что провести въ судѣ большинство изъ нихъ вполне возможно каждому, заинтересованному лично, безъ помощи повѣреннаго“. Между тѣмъ, въ виду почти полного отсутствія въ публикѣ самыхъ элементарныхъ свѣдѣній объ условіяхъ производства дѣлъ въ охранительномъ порядкѣ, о срокахъ, о судебныхъ формахъ и обрядахъ, большинство изъ подаваемыхъ въ судъ самими заинтересованными лицами прошеній оставляются безъ послѣдствій. Авторъ и поставилъ себѣ задачей составить такое практическое руководство, изъ котораго всякій не-юристъ могъ бы получить всѣ свѣдѣнія, необходимыя для успѣшнаго веденія дѣлъ въ охранительномъ порядкѣ. Съ этой задачей авторъ справился весьма удачно. Онъ собралъ въ своей книгѣ съ большою полнотой всѣ законы, касающіяся охранительнаго судопроизводства, сенатскія рѣшенія и циркуляры. Согласно IV книгѣ Уст. Гр. Суд., г. Громачевскій подъ охранительное производство подводитъ производство по охраненію и утвержденію наслѣдственныхъ правъ, по раздѣлу наслѣдства, по вводу во владѣніе, удостовѣренію безвѣстнаго отсутствія, узаконенію и усыновленію; къ этому авторъ присоединяетъ производства по уничтоженію довѣренности и обезпеченію доказательствъ; однако, послѣднее, являясь однимъ изъ видовъ воспріятія судомъ въ исковомъ производствѣ доказательствъ, но лишь внѣ указанныхъ закономъ условій ихъ допустимости, никакъ не можетъ быть отнесено къ охранительному производству.

Такою же, какъ и въ рассматриваемомъ сочиненіи, чисто-практическую цѣль преслѣдуетъ г. Громачевскій и въ другой своей брошюрѣ; въ ней авторъ излагаетъ порядокъ составленія духовныхъ завѣщаній

и порядокъ ихъ судебного утвержденія, присоединивъ въ началѣ брошюры общія разсужденія о значеніи духовныхъ завѣщаній, а въ концѣ—благіе совѣты о необходимости „избѣгать разныхъ проходимцевъ, въ изобиліи снующихъ по улицамъ, постояннымъ дворамъ и вблизи суда, выдающихъ себя за адвокатовъ и старающихся поймать въ свои руки простого человѣка, чтобы высосать изъ него все, что можно“. Составлена брошюра эта весьма небрежно. Авторъ отчего-то изъ особенныхъ завѣщаній говоритъ только о крестьянскихъ (стр. 31), совершенно не упоминая о всѣхъ прочихъ: больничныхъ, походныхъ и т. д.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Основные начала общей зоологіи“. В. Заленскій. — „Программы и наставленія для наблюденій и собиранія коллекцій по геологіи, почвовѣднію, зоологіи, ботаникѣ, сельскому хозяйству, метеорологіи и гидрологіи“. — „Извѣстія С.-Петербургской биологической лабораторіи“.

Основные начала общей зоологіи. Принципы строения и развитія животныхъ. Теорія эволюціи. В. Заленскій. 8°, стр. II+253. Съ 63 рис. Одесса. Ц. 1 р. 20 к. Книга эта представляетъ собою курсъ публичныхъ лекцій, которыя были читаны авторомъ въ 1895 году въ Новороссійскомъ университетѣ и составляли введеніе въ болѣе спеціальныи курсъ зоологіи. Содержаніе книги касается главнымъ образомъ эволюціонной теоріи, какъ центральной теоріи біологическихъ наукъ нашего времени. Становясь на сторону дарвинизма, авторъ въ то же время замѣчаетъ, что борьба между этимъ ученіемъ и ламаркизмомъ составляетъ характерную черту современнаго положенія научной зоологіи, что борьба эта еще далеко не окончена и что трудно предрѣшить исходъ ея при современномъ состояніи вопроса о механизмѣ эволюціи органическаго міра. Въ первой половинѣ книги авторъ излагаетъ основы ученія о клѣткѣ, тканяхъ, цеторіи развитія организмовъ и классификаціи ихъ, такъ что человѣкъ совершенно незнакомый съ біологическими науками, прочитавъ внимательно первыя шесть главъ, получитъ возможность сознательно отнестись къ изложенію различныхъ біологическихъ теорій. Это обстоятельство выгодно отличаетъ книгу проф. Заленскаго отъ тѣхъ книгъ и статей, которыя излагаютъ біологическія теоріи, не подготавливая читателя къ пониманію ихъ путемъ сообщенія главныхъ фактовъ, добытыхъ современною наукою и служащихъ основаніемъ всѣхъ теорій. Изложена книга вполне общедоступно и можно только пожелать, чтобы цѣлый рядъ вопросовъ общей зоологіи, не затронутыхъ авторомъ въ этой книгѣ, какъ, наприм., полиморфизмъ, симбіозъ, паразитизмъ, инстинктъ, былъ изложенъ въ слѣдующемъ выпускѣ.

Программы и наставленія для наблюденій и собиранія коллекцій по геологіи, почвовѣднію, зоологіи, ботаникѣ, сельскому хозяйству, метеорологіи и гидрологіи. Спб., 1896 г. 8°, стр. I—XII+1—566. Съ 18 табл. и съ 30 рис. въ текстѣ. Ц. 2 р. Настоящее четвертое изданіе *Программъ*, составленныхъ особою комиссіей по порученію Императорскаго общества естествоиспытателей при С.-Петербургскомъ университетѣ, является значительно расширеннымъ сравнительно съ предыдущими. Нѣкоторыя статьи написаны совершенно заново, другія значительно передѣланы. Планъ „программъ“ настолько широкъ, что всякій, въ какомъ бы то ни было отношеніи интересую-

щійся изученіемъ природы найдетъ въ нихъ что-либо касающееся его специальности, но далеко не всѣ отдѣлы написаны съ одинаковой подробностью и полнотою. Особую детальностью наставлений отличаются отдѣлы, касающіеся коллектирования безпозвоночныхъ, въ особенности же насѣкомыхъ, и надо сознаться, что часто самыя мелочныя указанія являются самыми полезными, и авторамъ нѣкоторыхъ черезчуръ схематично составленныхъ отдѣловъ „программъ“ слѣдовало бы имѣть это въ виду. Книга написана при участіи двадцати трехъ специалистовъ по различнымъ отдѣламъ естественныхъ наукъ, что исключаетъ возможность какихъ бы то ни было крупныхъ промаховъ, указывать же на мелочныя недосмотры мы считаемъ неудобнымъ въ неспеціальномъ изданіи. Чрезвычайно хорошо, что составители нѣкоторыхъ отдѣловъ позаботились о подробныхъ указателяхъ литературы данной области знаний. Наибольшую полнотою отличается указатель анатомической литературы. Жаль, что нѣкоторые изъ авторовъ отнеслись небрежно къ этому вопросу и дали отрывочныя и притомъ неточныя указанія, что особенно бросается въ глаза, напримѣръ, въ указаніяхъ на литературу о пресмыкающихся и земноводныхъ. Въ общемъ книга эта можетъ быть рекомендована всякому любителю природы и коллектору какъ лучшее, что имѣется въ русской литературѣ на эту тему.

Извѣстія С.-Петербургской біологической лабораторіи. Изданіе совѣта лабораторіи подъ редакц. П. Лесгафта. Т. I. Вып. I. Спб., 1896 г. Изъ перваго выпуска новаго научнаго изданія мы прежде всего узнаемъ интересную исторію того учрежденія, органомъ котораго должно служить это изданіе, и знакомимся съ уставомъ и отчасти съ программой дѣятельности этого учрежденія. Несомнѣнно, весьма интереснымъ фактомъ нашей общественной жизни, фактомъ пока еще мало извѣстнымъ, является возникновеніе спеціального научнаго учрежденія, имѣющаго цѣлью содѣйствовать распространенію свѣдѣній по естественнаго путемъ предоставленія лицамъ съ медицинскимъ или естественно-историческимъ образованіемъ возможности бесплатно пользоваться услугами научно обставленной лабораторіи и указаніями опытныхъ лицъ для производства спеціальныхъ научныхъ работъ по разнымъ отраслямъ біологіи. Возникло это учрежденіе по частному почину проф. П. П. Лесгафта и его ученика И. М. Сибирякова, который своими средствами и обезпечилъ существованіе учрежденія независимо отъ какихъ-либо субсидій со стороны казны или общества. Кромѣ устава и отчетовъ лабораторіи въ первомъ выпускѣ ея извѣстій помѣщена статья П. Лесгафта пожизненнаго директора лабораторіи, въ которой онъ пытается выяснить характеръ научной дѣятельности новаго учрежденія, но дѣлаетъ это не совсѣмъ удачно, ибо ограничивается рядомъ общихъ фразъ о цѣляхъ научныхъ работъ вообще и выписками общеизвѣстныхъ цитатъ изъ Ламарка и Дарвина, программы же будущихъ работъ мы не видимъ въ этой вступительной статьѣ редактора новаго спеціального научнаго органа. Что касаетъ помѣщенныхъ въ первомъ выпускѣ работъ, то ихъ двѣ, и обѣ носятъ характеръ, которымъ отличаются почти всѣ работы проф. Лесгафта и его учениковъ: это изслѣдованія по вопросамъ анатомической механики, составляющей спеціальность почтеннаго анатома. Одна работа принадлежитъ перу самого П. П. Лесгафта и посвящена вопросу о механизмѣ движеній языка, а другая работа написана А. Аничковымъ и касается челюстнаго сочлененія человѣка и животныхъ. С работъ носятъ совершенно спеціальныя характеръ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„О разведеніи ягодныхъ кустовъ въ крестьянскихъ огородахъ. О теплыхъ и полутеплыхъ парникахъ“. Сост. *И. Елинъ*.— „Мошногородашенское имѣніе Е. А. Балашевой“. Сост. *М. Е. Филипченко*.

О разведеніи ягодныхъ кустовъ въ крестьянскихъ огородахъ. О теплыхъ и полутеплыхъ парникахъ. Составилъ *И. Елинъ*. Изд. „Посредника“. М., 1896 г. Ц. 1¹/₂ к. Совершенно общедоступная брошюра г. Елина заключаетъ въ себѣ небезполезныя начальныя указанія о способахъ разведенія смородины, малины и крыжовника, а также о парниковомъ разведеніи огурцовъ, дынь, арбузовъ, земляники и малины. Распространеніе ягодныхъ садовъ могло бы оказать небольшое вліяніе на измѣненія страшно однообразной крестьянской діеты въ смыслѣ нѣкотораго обогащенія ея вкусовыми веществами, а тепличный промыселъ можетъ явиться подспорьемъ къ добыванію денегъ, какъ это изстари имѣетъ мѣсто въ нѣкоторыхъ крестьянскихъ хозяйствахъ Клинского уѣзда.

Мошногородашенское имѣніе Е. А. Балашевой. Составилъ *М. Е. Филипченко*. Кіевъ, 1896 г. Ц. 4 р. Описаніе Шпиковскаго имѣнія *Н. П. Балашева*. Немировъ, 1896 г. Подробныя описанія отдѣльныхъ русскихъ хозяйствъ имѣютъ серьезное значеніе для выработки основаній устройства и оцѣнки нашихъ сельско-хозяйственныхъ предприятий; въ настоящее время, какъ извѣстно, это устройство и оцѣнка опираются преимущественно на отвлеченные выводы и на нѣкоторыя данныя заграничной практики. Между тѣмъ въ сельско-хозяйственномъ производствѣ теоретическія положенія товарной экономіи должны встрѣчать множество оговорокъ, вызываемыхъ присутствіемъ непродажныхъ продуктовъ. Наша литература имѣетъ очень немного примѣровъ такого обстоятельнаго детальнаго изображенія конкретной сельско-хозяйственной единицы, какимъ является книга, написанная *М. Е. Филипченко* для Нижегородской выставки и посвященная большому Мошногородашенскому имѣнію. Это имѣніе, расположенное въ Черкасскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, болѣе 10 лѣтъ состоитъ въ управленіи автора и знакомо ему, конечно, до послѣднихъ мелочей. Многочисленнымъ посѣтителемъ имѣнія извѣстна выдающаяся энергія, съ которою ведетъ свое трудное дѣло г. Филипченко. И по литературному изложенію можно уже догадаться о внимательномъ отношеніи администратора-автора къ сельско-хозяйственному дѣлу и къ научнымъ вопросамъ, соприкасающимся съ сельско-хозяйственною промышленностью. Кромѣ обширнаго текста, въ составленіи котораго принимали участіе *И. Ф. Власовъ* и гг. Браунсдорферъ и Вишневскій, книга заключаетъ въ себѣ очень много таблицъ и отдѣльное приложеніе съ проектами построекъ и сооружений. За свою выдающуюся работу *М. Е. Филипченко* получаетъ медаль отъ перваго отдѣленія Вольнаго Экономическаго Общества.

Другое Балашевское имѣніе Шпиково, находящееся въ Брацлавскомъ и Ямпольскомъ уѣздахъ, описано, по порученію Московскаго общества сельскаго хозяйства *И. В. Лещенкомъ*, теперешнимъ секретаремъ Кіевскаго общества. Въ этомъ описаніи, помимо многихъ интересныхъ отдѣловъ, особаго вниманія заслуживаютъ тридцатилѣтнія данныя объ урожаяхъ главныхъ растений и о доходности имѣнія.

МЕДИЦИНА.

„Медики въ Московской Россіи и первый русскій докторъ“. Дм. Цвѣтаева.

Медики въ Московской Россіи и первый русскій докторъ. Дм. Цвѣтаева. Варшава, 1896 г. Очеркъ г. Цвѣтаева даетъ нѣсколько не безынтересныхъ данныхъ по исторіи русской культуры допетровскаго и петровскаго періода.

Профессиональные врачи появляются у насъ въ княженіе Іоанна III. „Рациональная медицина продолжительное время была у насъ вся цѣликомъ западно-европейскаго привоза и приготовленія и, какъ таковая, долго была недоступна и богатымъ боярскимъ домамъ. Подобную роскошь даже въ XV, XVI и началѣ XVII вѣковъ могъ позволить себѣ лишь одинъ великокняжескій—царскій домъ, имѣвшій при себѣ докторовъ, которые, съ царскаго разрѣшенія, иногда лѣчили и лицъ придворныхъ или близкихъ ко двору; кромѣ государей, къ концу XVI в. содержали иностранныхъ лѣкарей и фельдшеровъ, насколько извѣстно, только богатые купцы Строгановы на своихъ отдаленныхъ заводахъ“ (стр. 11).

„Прямую обязанностью лейбъ-медиковъ было наблюдение за здоровьемъ государя и его семьи, и они обыкновенно не были обременены занятиями, если изъ высокихъ пациентовъ никто не болѣлъ. Побывавъ утромъ въ царской аптекѣ для совѣщаній, въ остальное время, по свидѣтельству современника, они отдыхали въ своихъ жилищахъ. На вопросъ, что они дѣлаютъ дома, ихъ обычнымъ отвѣтомъ было: „постоянно изучаемъ книги, чтобы лучше охранять здоровье его царскаго величества“ (стр. 13).

Большинство изъ нихъ обживалось на Руси; нѣкоторые женились даже, хотя у нихъ дома остались жены. Одна изъ нихъ, между прочимъ, прислала въ Россію письмо съ такимъ адресомъ: „сія грамота да отдастся измѣнному доктору Григорію Карбонарію, въ его проклятыя руки, на Москвѣ“ (стр. 13).

Къ концу XVII в. число докторовъ прогрессивно увеличивается. Расширяется кругъ ихъ дѣятельности: ихъ разсылаютъ по полкамъ „для лѣченія ратныхъ раненыхъ всякихъ чиновъ людей“ (стр. 16).

Состоявшіе на русской службѣ иностранцы посылали своихъ дѣтей въ заграничныя школы для обученія медицинѣ на счетъ правительства. „Опытъ сталъ слишкомъ дорогъ, и правительство, охотно разрѣшая иноземцамъ, жившимъ въ Россіи, посылать своихъ дѣтей за границу для обученія медицинѣ, старается приготовить врачей безъ отсылки туда, и притомъ изъ природныхъ русскихъ. Къ иноземцамъ-медикамъ приставляются, кромѣ переводчиковъ, русскіе ученики, преимущественно дѣти московскихъ стрѣльцовъ. Съ новыхъ медиковъ, въ особенности съ полковыхъ, уже прямо брали обязательство къ прилежному ихъ обученію. „За то ево государено жалованье,—писалъ подписывавшій тогда на службу,—служити мнѣ вѣрно гоускую, полковую службу и гдѣ великій государь укажетъ, и ученики которые мнѣ для ученья даны будутъ, учить съ великимъ прилежьемъ“. Опредѣляемому на должность „дишлятору“ наказывалось „1 часть (учениковъ) со всякимъ тщаніемъ и ничего отъ нихъ не таи“ (стр. 16—17).

Ученики усвоивали себѣ медицинскую премудрость, зазубривая память страницы рукописныхъ переводовъ медицинскихъ сочиненій

Въ 1682 г. составляется проектъ объ устройствѣ въ Москвѣ двухъ широко организованныхъ госпиталей, гдѣ младшіе лѣкаря имѣли бы постоянную и правильную практику; въ главномъ госпиталѣ, подъ начальствомъ дворянина, должны состоять докторъ, три или четыре лѣкаря со многими учениками, аптека, штатъ служителей и пр.

Петръ Постниковъ, „первый русскій докторъ“ и „врачефилософъ“ (стр. 61), получилъ элементарныя медицинскія познанія еще въ Россіи и довершилъ свое медицинское образованіе въ Падуѣ, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ: „такъ убо, — по словамъ русскаго перевода этого диплома, — крайнею съ похвалою и честію множайшею предреченный урожденный и изыщѣйшій господинъ Петръ Постниковъ ко крайнему учительска сана верху во философіи и врачествѣ (Богу содѣйствующу) достиже“ (стр. 8).

При Петрѣ онъ былъ нашимъ дипломатическимъ агентомъ въ Парижѣ. Исторію его дипломатическихъ злключеній подробно пересказалъ года два тому назадъ проф. Шмурло и, по его книгѣ, покойный Брикнеръ въ фельетонѣ *Русскія Вѣдомостей*. Г. Цвѣтаевъ почти ничего не прибавилъ къ нарисованной имъ картинѣ.

УЧЕБНИКИ, ДѢТСКІЯ КНИГИ.

„Дополненіе къ краткому курсу алгебры“. В. Гебеля. — „Элементарная геометрія въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній“. Е. Рихтера. — „Зарницы“. Д. Н. Мамма-Сибиряка. — „Легенды о старинныхъ замкахъ Бретани“. Е. Балобановой.

Дополненіе къ краткому курсу алгебры. Геометрическая прогрессія и логарисмы съ приложеніемъ таблицъ пятизначныхъ логарисмовъ и задачъ. В. Гебеля. Ц. 30 к. Этимъ дополненіемъ въ видѣ отдѣльной книжки составитель превращаетъ свой краткій курсъ въ обыкновенный, уже не столь краткій, но все-таки значительно сокращенный. Въ общемъ отдѣлѣ приведены типическія задачи и кромѣ того нѣкоторыя изъ предлагавшихся на экзаменахъ зрѣлости. Текста въ этой книжкѣ всего 25 страницъ, отдѣльныя задачи и таблицы логарисмовъ. Замыселъ автора — дать въ трехъ тоненькихъ книжкахъ, цѣною 85 к., курсъ алгебры и алгебраической задачникъ заслуживаетъ полнаго сочувствія и можно только пожелать, чтобы гг. преподаватели и учебное начальство отнеслись къ этому почину съ благорасположеніемъ. Давно бы слѣдовало сократить курсы среднихъ учебныхъ заведеній и не затруднять бесполезно головы чрезмѣрнымъ количествомъ свѣдѣній, большая часть которыхъ, все равно, не усваивается и выбрасывается, какъ непереваренная пища. Лучше пройти поменьше, да съ толкомъ.

Элементарная геометрія въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній. Е. Рихтера. Ц. 1 р. 40 к. Въ предисловіи авторъ высказываетъ свои взгляды на преподаваніе геометріи, сущность которыхъ сводится къ тому, что первыя начала геометріи, какъ и всякой науки, слѣдуетъ пройти весьма основательно, съ соблюденіемъ строгой послѣдовательности, съ разьясненіемъ всего, что должно и можетъ быть разьяснено. Но когда учащіяся уже усвоили себѣ первыя начала науки и, до нѣкоторой степени, научились послѣдовательно, безъ перерыва, выводить одно умозаключеніе изъ другого, тогда слишкомъ подробныя разьясненія того, что легко можетъ быть усмотрѣно, будутъ не только неумѣстны, но даже вредны. Отъ этого тормазилась бы самодѣятель-

ность учащихся, и они лишились бы возможности самим доискиваться до причинъ и выводить слѣдствія. И чѣмъ болѣе скрѣпить познанія, хотя и небольшія, тѣмъ важнѣе для успѣшности дальнѣйшаго курса, чтобы они доходили до разъясненія вновь изучаемаго собственнымъ уразумѣнiемъ тамъ, гдѣ это возможно. Вотъ та исходная точка, которая принята г. Рихтеромъ при составленіи курса геометріи. Сначала онъ все разъясняетъ подробно, но уже, начиная съ построеній въ кругѣ, воздерживается отъ этого, а въ статьяхъ стереометріи всѣ лишніе разсужденія совсемъ откинуты. По мнѣнію автора, ученики сами должны все узнавать, и часто для этого достаточно одного намека. Авторъ умышленно не вполне разъясняетъ причины полученныхъ выводовъ, будучи увѣренъ, что ученики сами въ состояніи найти ихъ, безъ затрудненія. Вообще составителемъ этого учебника *руководило желаніе облегчить обучающемуся усвоеніе обязательнаго курса геометріи*. Уже изъ предисловія видно, что г. Рихтеръ человекъ опытный и въ дѣлѣ преподаванія вполне самостоятельный. Рекомендуемый имъ пріемъ, повидимому, педагогиченъ и долженъ дать на практикѣ прекрасные результаты.

Мы думаемъ, однако, что этимъ путемъ нельзя достигъ желаемыхъ успѣховъ и возбудить въ ученикахъ самодѣятельность уже по той причинѣ, что для большинства ихъ геометрія, какъ и большинство изучаемыхъ наукъ, вовсе не источникъ здоровыхъ и пріятныхъ умственныхъ упражненій, а тяжелая ноша, отъ которой они всегда съ удовольствіемъ готовы отказаться. Методъ, принятый г. Рихтеромъ, предполагаетъ, что ученикъ интересуется предметомъ, слѣдитъ за нимъ и усваиваетъ его шагъ за шагомъ, безъ пропусковъ, и притомъ усваиваетъ вполне самостоятельно. Но, скажите, когда же это бываетъ, чтобы ученики съ такимъ невѣроятнымъ прилежаніемъ занимались геометріей или какимъ-нибудь другимъ предметомъ? Если такой случай когда-нибудь, гдѣ-нибудь и встрѣтился, то это былъ рѣдкій и замѣчательный случай, все-таки, однако, малодоказательный для системы, рекомендуемой г. Рихтеромъ. Итакъ, большинство учениковъ по разнымъ причинамъ (по болѣзни, по лѣни, по усталости) сдѣлаетъ пропускъ, кто не будетъ знать одного, кто другого, кто третьяго, кто будетъ знать только что-нибудь одно, а кто не будетъ знать и совсемъ ничего. Зады обыкновенно всегда и у всѣхъ хромаютъ (они, наконецъ, вылетаютъ изъ головы со временемъ). Какъ же, спрашивается, вся эта ватага можетъ самостоятельно до всего доходить своимъ умомъ? Это было бы, пожалуй, возможно только въ томъ случаѣ, еслибъ въ гимназіи проходили только одну геометрію и только первые ученики. Обыкновенно же вотъ что выходитъ изъ предположенія, что ученикъ все предыдущее знаетъ и настоящее схватитъ поэтому на-лету: приходитъ онъ домой со списанными съ доски голыми выводами и бьется надъ ними безъ толку по цѣлымъ часамъ. Учитель ничего не объяснилъ, а ученикъ ровно ничего не понималъ. Вотъ обычный и вѣроятный результатъ подобной системы. Задаваться мыслью, что все предыдущее и рошо извѣстно, никогда не слѣдуетъ, въ особенности тѣмъ, кто и четъ облегчить работу ученикамъ. Несмотря на солидныя кушоры книга все-таки обнимаетъ 343 страницы. Это, въ сущности, довольно объемистый учебникъ. Руководство г. Рихтера отличается многими достоинствами, но для учениковъ, можетъ быть, мѣстами, особенно тамъ гдѣ рассчитывалось на ихъ самодѣятельность, онъ будетъ не совсѣ

доступенъ по изложенію. Книга издана превосходно (шрифтъ четкій, чертежи исполнены изящно) и стоитъ очень недорого.

Библиотека „Дѣтскаго Чтенія“. Д. Н. Маминъ-Сибирякъ: „Зарницы“. Второй сборникъ рассказовъ для старшаго возраста. М., 1897 г. Ц. 75 к. Въ заглавіи справедливо сказано: „для старшаго возраста“. Это надо понимать въ томъ широкомъ смыслѣ, что книга вполне подходит ко всѣмъ читателямъ, вышедшимъ изъ младшаго возраста, а стало быть, ее должны читать не только подростки отроческихъ лѣтъ, но и всякій юноша, и всякій взрослый, и интеллигентный читатель.

Когда-то было принято, да и теперь не перестали, впрочемъ, смѣяться надъ тѣми, выражаясь по-старинному, прекраснодушными романами и повѣстями, въ которыхъ добрые авторы, стараясь вліять на молодежь, давали ей образцы высокихъ добродѣтелей: мужества, энергіи, любви къ ближнему, самоотреченія и гражданскихъ подвиговъ. Право, дѣло было не такъ смѣшно, какъ думаютъ. Книги такого рода производили свое дѣйствіе на юныя воспримчивыя души и подчасъ очень серьезно вліяли на ихъ развитіе, пробуждая въ иномъ добрыя чувства, въ другомъ—работу мысли, исканіе правды, жажду полезнаго труда.

Передъ нами книжка прелестныхъ рассказовъ; всѣ они трогаютъ, а иные, напримѣръ, *Жидъ*, потрясаютъ вашу душу, заставляютъ ее ужасаться, а подчасъ и изумляться передъ примѣрами добра, любви къ людямъ, общественной дѣятельности, самоотверженной просвѣтительной работы интеллигентнаго человѣка въ средѣ простаго народа, высокихъ и свѣтлыхъ порывовъ къ идеалу, и, все-таки, въ тенденціозности упрекнуть автора нельзя никоимъ образомъ: онъ до конца остается художникомъ чистой пробы, онъ пишетъ яркія картины жизни и пишетъ ихъ такъ, какъ онѣ встрѣчаются на самомъ дѣлѣ. Вотъ почему *Зарницы* должны оказать высокое воспитательное вліаніе на молодежь, заставляя ее мыслить надъ величайшими вопросами бытія: надъ вопросами о долгѣ человѣка, о томъ, какъ жить, какъ быть полезнымъ, въ чемъ добро, въ чемъ зло. Авторъ, не давая своего рѣшенія, заставляетъ призадуматься и надъ такимъ великимъ культурнымъ вопросомъ, который представляетъ собою издавна источникъ тяжелыхъ думъ, ночей безсонныхъ и мучительныхъ сомнѣній для всѣхъ молодыхъ людей съ развитою гражданской совѣстью, ищущихъ истины и вдумывающихся въ явленія жизни: чему отдать предпочтеніе, о чемъ слѣдуетъ раньше думать, когда видишь бѣдность и невѣжество, взаимно зависящія другъ отъ друга—о помощи ли матеріальной, экономической, или о дѣятельности просвѣтительной, объ открытіи школъ, напримѣръ. Да и масса другихъ вопросовъ. Но авторъ не предлагаетъ ихъ вамъ отъ себя; нѣтъ, у него другое орудіе вліанія, болѣе сильное: онъ нарисуетъ вамъ такую картину нищеты и мора отъ голода и холода, что вопросъ встанетъ передъ вашимъ воображеніемъ самъ—со всей своей строгой неутомимостью и требованіемъ—какого бы то ни было, но яснаго и честнаго отвѣта на него.

При всей глубокой серьезности поднимаемыхъ здѣсь вопросовъ, г. Мамину-Сибиряку удастся во многихъ очеркахъ доходить до необыкновенной объективности: вы видите передъ собою живыхъ людей, самыхъ разнообразныхъ, вы на моментъ входите совершенно въ ихъ положенія и ощущаете вмѣстѣ съ ними ихъ чувства, ихъ радости и горе,—вы словно даже раздѣляете ихъ вѣру и ихъ понятія, какъ бы они ни были несхожи у различныхъ лицъ и у васъ самихъ. Вы слѣдите за страданіями башкирца Бухарбая, оплакивая его горе, уложившее его въ

могилу: потерю любимого коня (*Аж-Бозатъ*). Вы совершенно дѣлаетесь на время старосвѣтскими старичками съ ихъ примитивною наивностью и благодушiемъ (*Отъездъ*). И сквозь всѣ описанныя авторомъ жизненные передраги, драмы и трагическія коллизіи проглядываетъ мѣстами чудный юморъ, примиряющій васъ съ черными пятнами на болѣе или менѣе блѣдномъ фонѣ нашей житейской дѣйствительности. А нерѣдко выступающій въ разгарѣ бесѣды и мечтатій дѣйствующихъ лицъ высокий и свѣтлый идеализмъ міросозерцанія сообщить чистой и дѣвственной душѣ молодого читателя неудержимую и страстную жажду честнаго труда и подвига. И повторить онъ за поэтомъ-энтузіастомъ, провозгласившимъ въ годы юности своей: „я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать“.

Легенды о старинныхъ замкахъ Бретани. Е. Балобановой. Спб., 1896 г. „Старая Бретань умираетъ; бретонскіе пѣвцы исчезаютъ: одни умираютъ со своей родиной, другіе уже поютъ по-французски“, сказалъ г. Ольденбургъ по поводу „Легенды смерти въ Нижней Бретани“ ле-Браза.

„Однако, — оговаривается г-жа Балобанова, — есть уединенные уголки Бретани, гдѣ хотя и перевелся народный пѣвецъ, но не перевелся еще народный рассказчикъ, „сказатель“ (сказитель?), которымъ всегда такъ славились кельтскія страны — Бретань и Ирландія. Еще до сихъ поръ, или по крайней мѣрѣ въ недалекомъ прошломъ, можно было встрѣтить почти профессиональныхъ рассказчиковъ, которыхъ всѣ знали и къ которымъ направляли интересующихся этимъ дѣломъ“.

Отъ такихъ-то рассказчиковъ записала г-жа Балобанова рядъ поэтическихъ легендъ и напечатала ихъ „для любителей народной поэзіи, преданій, пересказанныхъ... свободно, не стѣсня себя требованіемъ точности, необходимой для научныхъ цѣлей, но часто портящей впечатлѣніе, благодаря непозитическимъ подробностямъ и частностямъ, вылетеннымъ въ дѣйствительно поэтической сюжетъ“: г-жа Балобанова не можетъ „ручаться въ научномъ отношеніи за достовѣрность“ собраннаго ею матеріала, да и не желаетъ „придавать своей работѣ никакого научнаго значенія“. Оговорка очень цѣнная, но не совсѣмъ ясная: по нашему мнѣнію, въ предисловіи нужно было точнѣе оговориться о степени переработки записаннаго матеріала.

По словамъ г. Ольденбурга, „безусловная, ни въ чемъ не сомнѣвающаяся вѣра и глубокое примиреніе съ неизбѣжнымъ — вотъ суть бретонской души, которая успѣла слиться и сжиться съ природою, ожививъ ее смертью“. Бретонскія легенды объединяются идеей уничтоженія, всемогущества смерти; передъ слушателемъ постоянно мелькаютъ „церковные своды, гдѣ въ чаду кадиль, при мерцаніи свѣчей, раздается *вѣчная память*: пришелъ конецъ, которому нѣтъ конца!“

Напечатанныя г-жей Балобановой легенды тоже главнымъ образомъ говорятъ о смерти, невозвратномъ прошломъ, въ нихъ также слышится голосъ безусловной вѣры и глубокаго примиренія съ неизбѣжнымъ, но звучитъ мѣстами и иное настроеніе: „не смерть въ нихъ царить, а кипитъ жизнь, все побѣждающая новая жизнь“; „развалины замка утопаютъ въ зелени, весной — здѣсь поетъ соловей, зимой вѣтеръ рассказываетъ свои старыя сказки; память о прошломъ встаетъ изъ могилъ“; „года быстро и незамѣтно, какъ лѣтнія тучки, проносятся надъ этими сѣрыми ландами и темными развалинами, сгладятъ они понемногу всѣ слѣды прошлаго, но новая жизнь разовьется въ этомъ царствѣ смерти, хотя намъ и не суждено уже ее видѣть“.

А все-таки старая Бретань умираетъ, и въ ея пѣснѣ и сказкѣ зву-

чить грустный похоронный мотивъ. Царство жизни отодвигается къ далекому будущему, въ памяти о прошломъ часто много горечи. Въ этомъ сказалась вся многовѣковая грустная исторія кельтовъ.

Нѣжный, задумчивый колоритъ бретонской легенды увлечетъ читателя симпатичной книжки г-жи Балобановой — и взрослога, и юнаго. Въ ней много свѣжести, непосредственности, неувловимаго, тонкаго аромата народнаго преданія, который часто недоступенъ испорченному излишествами и избалованному вкусу, къ которому, по нашему мнѣнiю, нужно приучать юныхъ читателей и привлекательностью образца, и увлекательностью комментарія.

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Русскій Вѣстникъ“, декабрь. — „Русское Обозрѣніе“, ноябрь и декабрь. — „Сѣверный Вѣстникъ“, январь. — „Русское Богатство“, декабрь. — „Миръ Божій“, январь. — „Вѣстникъ Европы“, январь. — „Восходъ“, №№ 1 и 2.

Наша журналистика переживаетъ теперь какую-то странную и тяжелую полосу, — не то разочарованія въ чемъ-то, не то какой-то протраціи. Причины такого состоянія довольно трудно опредѣлимы. Несомнѣнно одно, что эти причины не только вѣшнія, но отчасти и внутреннія. Можетъ быть, до значительной степени онѣ гаятся именно въ тѣхъ надеждахъ, за которыми послѣдовало разочарованіе. Другое дѣло, имѣлись ли какія-либо основанія для того, чтобы питать какія-то тамъ надежды, но самый фактъ существованія надеждъ едва ли можетъ быть отрицаемъ. Какъ этотъ фактъ, такъ и фактъ разочарованія констатируются и хроникеромъ *Вѣстника Европы*. „Годъ тому назадъ, — говоритъ онъ, — можно было ожидать нѣкотораго поворота въ сторону законности. Эти ожиданія не оправдались. Вѣрнымъ, хотя и пассивнымъ, показателемъ господствующихъ теченій служила, по обыкновенію, печать, пережившая въ минувшемъ году одинъ изъ тѣхъ критическихъ моментовъ, которыми такъ богата ея новѣйшая исторія. Разрѣшеніе нѣсколькихъ безцензурныхъ изданій едва ли предвѣщаетъ само по себѣ наступленіе лучшихъ временъ для печати. Важно не столько количество періодическихъ изданій, сколько юридическое и фактическое ихъ положеніе, т.-е. размѣръ предоставленныхъ имъ закономъ правъ. Двадцать ли, тридцать ли газетъ издается безъ предварительной цензуры — это вопросъ второстепенный, пока всѣ онѣ остаются въ прежнемъ положеніи, пока провинціальныя газеты издаются подъ цензурой“.

Было бы ошибочно полагать, что разочарованіе и протрація охватили только органы такъ называемые „либеральныя“ и что соотвѣтственно такому состоянію этихъ органовъ органы консервативной печати ликуютъ и преисполнены побѣднымъ настроеніемъ и побѣдными кликами. Общій тонъ консервативной печати отнюдь не таковъ. Онъ какой-то смущенный, нерѣшительный. Люди какъ будто задумались надъ чѣмъ-то, что-то хотятъ усчитать, хотятъ какъ будто разобраться въ собственномъ своемъ багажѣ и взвѣсить его. Разумѣется, мы сказали бы: въ добрый часъ, — еслибъ багажъ-то этотъ не оказывался и черезчуръ легковѣснымъ, и черезчуръ недоброкачественнымъ. Наврядъ ли изъ такой разборки багажа консервативной печати можетъ произойти что-либо, кромѣ значительнаго усиленія смрада и путаницы, которыхъ и раньше было въ нихъ предостаточно.

Русскій Вѣстникъ, напрямѣръ, перебравшись на свое старое пепе-

лице въ Москву, какъ будто утратилъ всю свою пикантность, свой прежній человѣконенавистническій характеръ. Съ исчезновеніемъ съ его страницъ разныхъ развязныхъ молодцовъ, вродѣ г. Медвѣдскаго, онъ превратился просто въ пустой и скучный сборникъ не только безталантныхъ, а даже просто-таки горемычныхъ статей о разныхъ сапогахъ въ смятку...

Гораздо, любопытнѣе эволюція, совершаемая другимъ консервативнымъ журналомъ, *Русскимъ Обозрѣніемъ*. Съ исчезновеніемъ съ его страницъ Spectator'a, журналъ началъ уподобляться нѣкоей саламандрѣ, окруженной пламенемъ, или взбѣсившемуся скорпіону, испускающему накопившейся ядъ въ свое собственное тѣло и въ тѣла своихъ собственныхъ собратій. Прелюбопытныя признанія и заявленія начали встрѣчаться на страницахъ этого журнала.

Читателю извѣстно, вѣроятно, имя г. Розанова, — того самаго г. Розанова, который обращался съ публичнымъ увѣщаніемъ возвратиться на стезю православнаго благочестія къ Л. Н. Толстому, — того самаго г. Розанова, котораго г. Соловьевъ заклеилъ прозвищемъ Іудушки Головлева. Такъ вотъ сей пустопорожній писатель дѣлаетъ такое любопытное признаніе: „Юродство и кликушество въ такой модѣ, что автору, противъ котораго направлена филиппика г. Буренина (т.-е., какъ надо думать, самому г. Розанову) было почти отказано въ сотрудничествѣ арендаторомъ журнала (т.-е. *Русск. Вѣстн.*); т.-е. отъ *лоття питающаго хлѣба* (ахъ, какъ мило! о, господа литераторы!) былъ полуотломленъ большой кусокъ, и нуженъ былъ трудъ, хлопоты, *унизительныя увѣренія на будущее*, чтобъ этотъ кусокъ не обломился больше...“ Искренно сожалѣемъ, что г. Розанова чуть было не лишили куска хлѣба, о которомъ онъ такъ заботится; но не можемъ не сказать, что въ консервативной Аркадіи творится что-то совсѣмъ неладное.

А, впрочемъ, было бы даже и не особенно удивительно, еслибъ консервативная печать лишила г. Розанова его кусочка хлѣба. Дѣло въ томъ, что онъ не только большой мастеръ въ составленіи семинарскихъ хрій, не только маленькій инвизиторъ, отвергающій всякое „самочинное мышленіе“, не только, наконецъ, юродствующій пророкъ и проповѣдникъ, натягивающій на свои тощія плечи рясу покойнаго К. Леонтьева, но и enfant terrible россійскаго консерватизма. Нѣтъ нѣтъ да иногда и выпалитъ онъ такое, отъ чего консерваторы поведолѣ должны въ смущеніе прийти. Наприм., въ своей статьѣ о *Духоборческомъ теченіи русск. раскола* г. Розановъ вдругъ проговаривается такими тирадами: „духоборчество есть симптомъ, показующій и отрицающій пассивность всѣхъ нашихъ состояній, — пассивность, достигшую великой степени уже къ концу московскаго періода и съ тѣхъ поръ все увеличивающуюся. Не выносить этого душа человѣческая — и она начинаетъ „вертѣться“. Невыносимо это для души человѣческой потому, что природа души человѣческой есть жизнь, акція, инициатива. Между тѣмъ у насъ все творчество, всякая инициатива взята оскотпшмися духоборцами. Мы не должны забывать о милліонахъ; мы жемъ фантазировать, буйствовать, „вертѣться“ съ перомъ въ рукѣ (это, положимъ, буйствовать-то цензурный уставъ не разрѣшаетъ. Тутъ даже и статья такая особая на сей счетъ имѣется). Но и остальные нужно въ чемъ-нибудь вывертѣть свой духъ. Дайте сотворить чѣвѣку, иначе онъ умретъ или завертѣтся“.

Это хоть бы и Шапову впору. Пусть г. Розановъ потомъ спотываается, надѣваетъ снова благочестивую византийскую личину и

ворить о „необходимости податься въ сторону древняго типикона праведнаго житія...“ Слово, вѣдь, что воробей: вылетѣло — не поймаешь. Оно уже смутило сообщниковъ г. Розанова и, пожалуй, снова лишитъ сего несчастнаго автора его ломтика...

Наши консерваторы, смущенные разными происходящими среди нихъ самихъ явленіями, хотѣли бы, какъ мы сказали выше, перебрать, перетрясти свой багажъ, опредѣлиться и отдѣлиться. Это довольно любопытная картина выходить. Г. Юзефовичъ въ своей статьѣ: *Наши направленія въ общество и печати*—дѣлаетъ такое заявленіе: „Политическіе идеалы обѣихъ партій далеко не такъ различны, какъ объ этомъ принято думать; и консерваторы, и либералы равно хотѣли бы видѣть свое отечество благоденствующимъ. Они расходятся не въ цѣляхъ, а въ программѣ...“ Повидимому, кроткимъ и смиреннымъ либераламъ остается только благодарить за такое великодушное признаніе и принять протянутую имъ руку... „Консерваторы, — продолжаетъ г. Юзефовичъ, — не отрицаютъ христіанскаго значенія принципа равенства и братства; но на практикѣ должны быть установлены преимущества для людей нравственныхъ предъ негодяями, для людей дѣятельныхъ предъ праздношатающимися и т. д. А такъ какъ дѣло идетъ о привилегіяхъ дворянства, о равенствѣ всѣхъ гражданъ предъ закономъ и судомъ, то изъ сего, очевидно, слѣдуетъ, что многомилліонная масса нашего народа, вся, за исключеніемъ дворянства, состоитъ изъ негодяевъ и праздношатающихся... Понятно, что либераль, несмотря на все свое смиреніе, дальше не читаетъ опредѣлений г. Юзефовича“...

Выше мы сказали, что консервативные скорпіоны испускаютъ накопленный ими ядъ челоуѣконенавистничества и доносительства въ свое собственное тѣло. Дѣлаютъ ли они это въ виду отсутствія другого объекта, или въ силу чрезмѣрнаго переполненія ядомъ ихъ организма, или по инымъ какимъ-либо причинамъ—это ужъ ихъ дѣло. Г. Владиміровъ въ своей статьѣ *Исторія распояченія западно-русскаго костела* являетъ изъ себя именно такого самоуязвляющагося скорпіона. Предметъ, о которомъ пишетъ г. Владиміровъ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ числу многихъ предметовъ, заловѣданныхъ для всякой иной печати, кромѣ чисто- и безпримѣсно-консервативной. Потому тутъ ей, этой послѣдней печати, и книги въ руки, а мы будемъ скромно поучаться. Надо отдать справедливость г. Владимірову, что основную его точку зрѣнія на вопросъ можно было бы признать вполне правильной, еслибъ онъ не былъ скорпіономъ, переполненнымъ ядомъ злодыхательства и ненависти. Подъ нижеслѣдующими положеніями съ готовностью подписался бы, вѣроятно, всякій скромный либераль, опять-таки если бы... А эти положенія такіа:

1) Планъ распояченія западно-русскаго костела стоитъ на почвѣ національной, а не религіозной; 2) правительство не имѣетъ вражды къ католицизму; 3) оно не желаетъ обратить планъ распояченія въ средство религіозной пропаганды и 4) оно не желаетъ вмѣшиваться во внутренней бытъ католицизма. И далѣе: никто не желаетъ вводить русскій языкъ въ католическое богослуженіе у поляковъ, а только у русскіхъ; положеніе, что Русь и православіе синонимы—ложно. Въ Россіи много толковъ, которые не могутъ быть названы православными, и кто же усомнится въ ихъ русской народности? Ученіе о тождественности вѣры и народности—вредное ученіе и т. д. Однимъ словомъ, г. Владиміровъ въ излагаемомъ имъ вопросѣ становится на вполне, повидимому, вѣрную точку зрѣнія желательности того, чтобы люди удовлетворяли

свои религиозныя потребности на родномъ ихъ языкѣ. Мы говоримъ „повидимому“ потому, что г. Владиміровъ вездѣ говоритъ о *русскомъ* языкѣ, какъ будто въ западномъ краѣ нѣтъ поляковъ, бѣлоруссовъ, у которыхъ свое нарѣчіе, жмуди и литовцевъ, а только одни русскіе. Впрочемъ, не это теперь занимаетъ насъ, а методъ, употребленный авторомъ при полемикѣ съ своими единомышленниками. Вотъ тутъ скъ и является самоуязвляющимся скорпіономъ. Не особенная, разумѣется, бѣда, что авторъ именуется *Новое Время* флюгеромъ, *Русск. Вѣстн.* скорпіоннымъ невѣждой... Но что сказать о такой, напримѣръ, выходѣ г. Владимірова противъ *Гражданина*: „такъ говорить можетъ только или газетный авантюристъ, продающій свое перо кому угодно, или чловѣкъ польской крамолы, яко тать прокрадывающійся въ русскую публицистику. Въ это время,—продолжаетъ самоуязвляющійся скорпіонъ,—въ редакціи *Гражданина* свила себѣ гнѣздо клика петербургскихъ поляковъ и полякующихъ; особенно замѣтнымъ въ ней былъ полякъ К...“ Что же это такое, какъ не прямое доносительство? И на сей разъ оно направлено противъ своихъ.

Всю эту журнальную грязь мы преподносимъ читателю, разумѣется, не затѣмъ только, чтобъ онъ порадовался а затѣмъ, чтобъ показать ему, что въ консервативной Аркадіи далеко не все благополучно, что аркадійцы смущены чѣмъ-то, дезорганизованы и совершенно потеряли почву изъ-подъ ногъ. Это же доказывается и разными довольно странными,—съ консервативной, конечно, точки зрѣнія,—признаніями, которыя такъ часто начали попадаться на страницахъ консервативныхъ журналовъ.

Русск. Об. напечатало, правда, съ примѣчаніемъ редакціи о ея несогласіи съ авторомъ, статью г. Дашкевича объ *Объединеніи народныхъ школъ*. Почтенный авторъ рѣшительно отказывается понимать вражду и разъединеніе двухъ типовъ школъ въ нашей бѣдной силами и образованіемъ родинѣ. Самый вопросъ о двухъ типахъ школъ, по его утвержденію, основанъ на недоразумѣніи. Воспитаніе и обученіе въ начальномъ образованіи нераздѣлимы. Наши культурные классы готовы безкорыстно, чистосердечно и горячо служить народу. Церковь не земное и не юридическое учрежденіе, она есть совокупность церковниковъ и мірянъ. Никто не лишенъ высокаго права учить своихъ братьевъ, и потому нельзя отождествлять церковную школу со школами, находящимися въ исключительномъ завѣдываніи одного духовенства. „Можетъ быть, духъ жизни, — продолжаетъ г. Дашкевичъ, — уже животворитъ тамъ, гдѣ мы думаемъ, что лежитъ мертвое тѣло. Чтобы не задержать его первыя вѣянія, надо разобрать искусственную стѣну раздѣленія. Вопросъ о церковной школѣ только частный вопросъ общаго вопроса объ органическомъ соединеніи разрозненныхъ частей церкви. Другія частности этого вопроса: воссоединеніе приходской общины и уничтоженіе бюрократизма въ церкви (господа Тихомировы, Розановы и tutti quanti, чего же вы смотрите? Вѣдь это же несомнѣнное самочинное мышленіе). Мы своей враждой къ земской школѣ, — продолжаетъ авторъ,—только сбиваемъ съ толку народъ и вѣдряемъ въ него дикія понятія. Когда во время весеннихъ экзаменовъ представители государства и церковный наблюдатель гоняются цѣлыми днями одинъ за другимъ, часто по тѣмъ же селамъ, чтобы въ каждомъ допросить 8 маѣчиковъ, не приходитъ ли имъ на умъ вся вздорность раздѣленія?“

Это просто и человѣчно... и во всякомъ случаѣ не консервативно. Г. Дашкевичъ не дѣлаетъ никакого практическаго вывода изъ своихъ

посылокъ. Но выводъ напрашивается самъ собой; онъ неизбежно такой: нѣтъ надобности создавать какой-либо иной типъ школы, когда уже въ теченіе тридцати лѣтъ созданъ типъ школы земской, сдѣлавшей такъ много добраго, несмотря на всѣ препоны. Но что скажутъ гг. консерваторы по поводу такого вывода изъ положеній ихъ же соратника?

Мы боялись бы надѣсть читателю приведеніемъ новыхъ и новыхъ доказательствъ факта растерянности и смущенія, господствующихъ въ консервативномъ лагерѣ, еслибы не считали это явленіе чрезвычайно важнымъ и даже чреватымъ крупными общественными послѣдствіями. Потому пусть читатель не стѣуетъ на насъ, что на сей разъ мы почти все свое обзорнѣе посвятимъ обсужденію этого явленія.

Любопытныя и неожиданныя признанія дѣлаетъ г. В. Р. въ своей статьѣ *Очерки Привислянъ*. Въ разбираемыхъ книгахъ *Русск. Об.* эти очерки посвящены дѣлу народнаго образованія въ Привислянѣ. Оказывается, что въ 1893 году народныхъ училищъ было только 2,569, такъ что одна школа приходилась на 2,100 жителей, а одинъ учащійся на 38 человѣкъ, причемъ по истеченіи перваго года ученья выходять изъ школы 750 учащихся. Грамотныхъ ежегодно прибываетъ по одному на 800 жителей. Эти цифры особенно печальны по сравненію съ ходомъ дѣла народнаго образованія у протестантовъ и евреевъ. У первыхъ одинъ оканчиваетъ курсъ на 750 человѣкъ, а между вторыми почти нѣтъ неграмотныхъ. Но прискорбѣе всего то, что съ годами процентное отношеніе учащихся къ населенію не увеличивается, а даже падаетъ. Въ 1882 г. одинъ учащійся приходился на 35 жителей, а въ 1893 г. одинъ на 38. Одна изъ причинъ такого печальнаго положенія сельской школы состоитъ, безъ сомнѣнія, въ томъ, что расходы на школы въ Привислянѣ несетъ почти исключительно только одно крестьянство, а не всѣ обыватели уѣзда, какъ въ земскихъ губерніяхъ. Но эта причина не единственная. Поневолѣ, — говоритъ авторъ, — приходится допустить тотъ грустный фактъ, что въ средѣ польскаго крестьянства съ начала восьмидесятыхъ годовъ выступаетъ явленіе несочувствія къ школѣ и недовѣрія къ ней. Причину этого явленія авторъ видитъ въ отношеніи къ школѣ католическаго духовенства, которое мы сами возстановили противъ сельской школы, лишивъ ее права преподаванія правилъ вѣры. Въ 1891 году изъ 2,863 начальныхъ училищъ ксендзы преподавали законъ Божій только въ 154. Мы не можемъ не указать на другую, болѣе важную и болѣе общую причину: на денационализацию школы, руссификацію ея. Такіе серьезные ученые, какъ покойный Потебня, вполне основательно доказывали всю убыточность для дѣла умственнаго развитія народа денационализациі его. Денационализациа школы, лишеніе населенія его роднаго языка, неизбежно ведетъ къ нравственному и главное—къ умственному вырожденію и отдаетъ народъ въ руки пришельцевъ, въ данномъ случаѣ нѣмцевъ и отчасти евреевъ, сохранившихъ свой языкъ. Эти народности и становятся тогда господствующими, по крайней мѣрѣ экономически. Глубоко интересны сообщаемые консервативнымъ журналомъ факты, показывающіе, къ чему мы идемъ сами и куда мы ведемъ одну изъ частей нашей родины, съ нашей системой руссифицированія и распояченія.

Не лучше обстоятъ дѣло средняго образованія. Государство не жалѣетъ средствъ на воспитаніе подъ своимъ непосредственнымъ наблюденіемъ польской интеллигенціи; но оправдалась ли надежды правительства, окупились ли матеріальныя жертвы страны? Привлекли ли мы пу-

темъ школы интеллигенцію на сторону правительства? Сумѣли ли мы привить ей чувства единства съ имперіей?—спрашиваетъ авторъ.

На всѣ эти вопросы онъ отвѣчаетъ отрицательно. Правительственная гимназія не только не имѣетъ этого вліянія на воспитывающіеся въ ней интеллигентные классы польскаго народа, но, наоборотъ, усиливаетъ ихъ ненависть къ намъ. Дѣло въ томъ, что живучесть народовъ, даже самыхъ слабыхъ, во много разъ превышаетъ живучесть отдѣльныхъ лицъ. Можно уничтожить государство, но уничтожить народъ немислимо. Народъ можетъ утратить способность къ самостоятельному политическому существованію и тѣмъ не менѣе сохранить всѣ свои отличительные расовые признаки, и духовно жить полною жизнью. Уничтожить же народъ, имѣющій свою многовѣковую исторію, свой вполне выработанный языкъ, свои достигнувшія высокаго развитія литературу и искусство—затѣя неосуществимая. Да, наконецъ, что мѣшаетъ нормальнымъ отношеніямъ поляковъ къ русскимъ? Неужели ихъ принадлежность къ польскому племени? Полякъ, оставаясь полякомъ по вѣрѣ, языку, правамъ, можетъ быть добрымъ русскимъ подданнымъ. Г. В. Р. по обычаю всѣхъ публицистовъ своего лагеря не дѣлаетъ выводовъ изъ невольнo-признаваемыхъ имъ фактовъ и изъ волей-неволей высказываемыхъ положеній. Онъ заключаетъ не къ уничтоженію ложной и вредной для обѣихъ великихъ народностей системы руссификаціи, не къ равноправію Привислянъ съ остальными частями имперіи, не къ введенію тамъ земскихъ учреждений и національной школы, низшей и средней, а къ распространенію техническаго и профессиональнаго образованія. Выводъ жалкій... Но что намъ до него за дѣло? Для насъ важны только невольныя признанія, къ которымъ, наконецъ, вынуждена консервативная журналистика.

Происходящее на нашихъ глазахъ разрушеніе консервативной Аркадіи до значительной степени объясняется внѣшними причинами. Но только до значительной степени, а не всецѣло. Имѣются причины и внутреннія. Нѣкоторый намекъ на эти внутреннія причины мы найдемъ, внимательно читая переписку пророка и вѣдуна консервативной печати, возводимаго ею въ рангъ великаго писателя, К. Леонтьева. Вообще, по нашему мнѣнію, *Русское Обозрѣніе* оказываетъ положительную услугу русскому обществу, печатая его переписку.

Въ одномъ изъ писемъ Леонтьева послѣ того, какъ онъ, по своему христіанскому смиренію, пожелалъ, чтобы *профессоровъ съѣхъ* (ибо не въ этомъ сосредоточено все достоинство человѣческое), встрѣчается такое любопытное мѣсто: „Съ Катковимъ сладить вовсе не легко, потому что онъ съ Т. И. Ф. ни по греко-болгарскому, ни по старообрядческому вопросу не согласенъ, потому что онъ, Катковъ, боится именно того, чего мы съ Ф. желаемъ—чрезмѣрнаго въ будущемъ усиленія вселенской патріархіи, въ случаѣ присоединенія Царьграда и неизбежной нужды сосредоточить церковное управленіе православія. Катковъ опасается того, чего нужно желать, т. е. *опнозъ церкви Русскому юсударству*; эта возможность опнозціи, эта сила свобода церкви и есть единственная годная для Россіи и для вс православнаго Востока конституція. Ибо только церковь можетъ въ будущемъ спасти государственную власть отъ какихъ-нибудь *анскихъ новыхъ либеральностей*“.

Мы выписали эту длинную цитату потому, что въ ней, по нашему мнѣнію, заключаются корень и основаніе того разложенія, которое перъ на нашихъ глазахъ охватило всю консервативную партію.

въ томъ, что эта партія никогда не была единой, никогда не обладала прочно-установленными общими принципами; она съ самаго начала своего существованія была искусственно слѣплена изъ двухъ, совершенно разнородныхъ и въ основахъ даже враждебныхъ другъ другу, элементовъ. Первый изъ нихъ—это наши клерикалы, византійцы, жаждавшіе порабощенія государства церковной іерархіи. Наиболѣе яркимъ представителемъ этой группы, не имѣющей рѣшительно никакихъ корней ни въ нашей исторіи, ни въ нашемъ современномъ обществѣ, и былъ К. Леонтьевъ. Рваную мантію, упавшую съ его плечъ, теперь подобрали гг. Тихомировъ и Розановъ. Плохо она пришлась къ ихъ слабымъ плечамъ.

Другой элементъ, руководимый Катковымъ и его преемниками,—это приверженцы сильной государственной власти, дающей своимъ могуществомъ все, не исключая и церкви... Нечего и говорить, что эта группа имѣла реальныя основанія для своего существованія и въ нашей исторіи, и въ нашей дѣйствительности. Насколько прочны эти основанія—это уже другой вопросъ.

Понятно, что два элемента, столь разнородные, столь даже враждебные по своимъ основнымъ принципамъ, могли сдерживаться вмѣстѣ только случайными историческими условіями, достаточно извѣстными, чтобы о нихъ стоило распространяться. Съ исчезновеніемъ этихъ условій разложеніе дѣлается неизбѣжнымъ. И чѣмъ оно скорѣе произойдетъ, тѣмъ лучше. А намъ остается только быть спокойными наблюдателями любонитнаго процесса самоистребленія ядовитыхъ скорпіоновъ россійскаго журнальнаго консерватизма и ждать, когда они преблагополучно пожрутъ сами себя.

Какъ извѣстно, *Сво. Вѣст.* придерживается совершенно особой манеры въ своихъ критическихъ и полемическихъ статьяхъ. Образчикомъ можетъ служить заявленіе обозрѣвателя журнала, будто „либеральная“ *Русская Мысль* въ своихъ взглядахъ по вопросу о регулированіи крестьянской жизни сходится съ гг. Щеглятьевыми. Чѣмъ объяснить подобный полемическій пріемъ почтеннаго журнала? Неумѣемъ ли читать, или не желаніемъ понимать читаемое? Дѣло шло о статьѣ г. Стивала объ *Узаконеніи крестьянской жизни*. Г. Стиваль, какъ противникъ всякой регламентаціи, выставялъ *любовь*, какъ единственный принципъ, долженствующій руководить нами въ нашемъ отношеніи къ крестьянской жизни. Мы замѣтили на это, что, по нашему мнѣнію, постановка моральныхъ принциповъ, даже самыхъ возвышенныхъ, въ отношеніяхъ юридическихъ, правовыхъ, на практикѣ ровно ни къ чему не приводитъ. Мы утверждали, что въ дѣлѣ деревенскихъ отношеній главное не въ моральныхъ принципахъ, а въ *учрежденіяхъ*. Это, какъ видите, тоже не старый споръ, который когда-то велся на страницахъ нашего журнала Шелгуновымъ съ *Недѣлей*,—споръ объ относительномъ значеніи личности и учреждений въ дѣлѣ общественнаго развитія. Чтобы не было никакихъ сомнѣній въ дѣлѣ общественнаго развитія, мы указывали, что дѣятели эпохи освобожденія тоже создавали *учрежденія*, не рѣшаясь довѣрять судьбу крестьянства одной только развивающейся моральной личности, что теперь эти созданныя тогда учрежденія, притомъ распатанные позднѣйшими добавленіями, не соответствуютъ болѣе дѣйствительнымъ потребностямъ населенія и потому желательно созданіе новыхъ *учрежденій*. Мы указали даже, какія именно учрежденія желательны. Это — безусловная волость безъ ценза, съ правомъ голоса всѣхъ обывателей, какъ основная ячей-

ка управления, суда и всей земской жизни. Полагать надо, что гг. Щеглятьевы отнюдь не солидарны съ такимъ пожеланіемъ *Русской Мысли*. Возражать намъ можно было, только становясь на почву текущей дѣйствительности. Можно было утверждать, что наше пожеланіе при современныхъ условіяхъ есть утопія и не имѣетъ никакихъ шансовъ на осуществленіе. Еслибъ полемика *Съвер. Вѣст.* стояла на такой почвѣ, мы, разумѣется, согласились бы съ возраженіемъ и замѣтили бы только, что мы не одинъ разъ заявляли, что, по нашему мнѣнію, обязанность публициста состоитъ не въ томъ, чтобы обращаться съ „практическими“ совѣтами и мнѣніями къ сферамъ, отъ которыхъ зависитъ осуществленіе того или другого проекта, а въ томъ, чтобы излагать и пропагандировать общіе принципы, признаваемые публицистомъ вѣрными. Вопросы объ осуществимости и неосуществимости совѣсьмъ не должны входить въ поле зрѣнія истинно-принципальной журналистики. Тѣмъ не менѣе, повторяемъ, такое возраженіе понятно и приемлемо. Надо годить,—какъ говорилъ нашъ сатирикъ,— ну, и будемъ годить. Но зачѣмъ же лгать-то и передергивать? Къ чему это нужно? Неужели и это дѣлается во славу „идеалистической“ философіи и „этическихъ“ принциповъ? Любопытно, какими именно „этическими“ принципами руководился *Съвер. Вѣст.*, печатая „русскую повѣсть“ г. М. Бѣлинскаго: *Тараканій бунтъ*. Давно уже въ нашей литературѣ, даже въ журналахъ консервативныхъ, мы не встрѣчали ничего равнаго по кавалерственно-нахальному отношенію къ народу. Бывали у насъ времена, когда мужика изображали „святой скотиной“, но до сихъ поръ даже разные литературные проходимцы не рѣшались изобразить народную массу стадомъ, состоящимъ сплошь изъ идиотовъ, олуховъ и негодяевъ. Только ловкая и искусная рука такого, съ позволенія сказать, литератора, какъ М. Бѣлинскій, могла святотатственно заклеить весь русскій народъ, всю оѣру, мужицкую Русь. Это даже не легкомысліе, это даже не „Ванькина литература“, а нѣчто худшее. Это нѣчто такое, для чего и названія не подберешь.

Вообще, наша журнальная беллетристика отличается порядочностью тона. Такія произведенія, какъ „русская повѣсть“ г. М. Бѣлинскаго, составляютъ рѣдкое исключеніе. Но въ большинствѣ случаевъ эта беллетристика отличается какой-то валостью, дряблостью; она страдаетъ старческимъ маразмомъ, то почти дѣтской неумѣлостью. Такія свойства портятъ часто вещи, сами по себѣ могши бы выйти недурными.

Это приходится сказать и о повѣсти г. Куприна *Молохъ* (*Русск. Бю.*) По замыслу повѣсть г. Куприна могла бы выйти недурной, нѣкоторыми мѣста, какъ, напримѣръ, описаніе работъ на заводѣ, выписаны тщательно и даже красиво. Но фабула испортила все впечатлѣніе. По замыслу, *Молоху*, олицетворенному личностью нѣкоего члена правленія разныхъ акціонерныхъ обществъ, массивнаго колосса Квашнина, получающаго триста тысячъ годового дохода и представляющаго собою громадное животное, пожирающее пѣлыя груди яствъ и питій и требляющее громадное количество живого женскаго мяса, — этакую чудовищу приносится въ жертву *все*. Таковъ замыселъ автора, — мысль, какъ видите, интересный. Но дѣло въ томъ, что это приносится въ жертву Молоху только въ замыслѣ автора и разсужденіяхъ благороднаго инженера съ обнаженными нервами, Брова. Всѣ эти разсужденія, разумѣется, съ большимъ успѣхомъ читель прочтетъ въ любомъ изслѣдованіи о бытѣ фабрично-заводск

рабочихъ. Въ дѣйствительности же, въ фабулѣ разсказа, въ жертву Молоху приносится только живое мясо легкомысленной кокетки, дрянной кисейной барышни Нины. Да и жертвы-то даже нѣтъ никакой—Нина сама съ огромнѣйшей охотой продаетъ себя Молоху. Не удивительно, что читатель остается въ полномъ недоумѣннн, изъ-за чего г. Купринъ весь этотъ огородь городилъ. Читателю при видѣ убивающаго инженера съ обнаженными нервами, всприскивающего себѣ морфій, невольно приходятъ въ голову такія мысли: эхъ, слизнякъ ты несчастный! ты бы лучше судьбу благодарилъ, что она отнесла отъ тебя эту кисейную барышню. Вѣдь, все равно, еслибъ ее не продали или еслибъ она не продалась Молоху, такъ она для перваго же попавшагося „калегварда“ тебя бросила, а то просто превратилась бы въ противную и кислую бабу, которая тебѣ всю жизнь отравила бы. Такого необходимое впечатлѣннн, получаемое читателемъ отъ повѣсти г. Куприна.

Въ томъ-то и дѣло, что обыкновенно нашихъ беллетристовъ хватаетъ только на замыселъ, а не на его исполненнн. Они способны найти или заимствовать изъ жизни идею произведеннн; но у нихъ не хватаетъ творческой способности, чтобы слить ее съ образомъ. Они въ большинствѣ случаевъ разсказываютъ, а не показываютъ, излагаютъ, а не изображаютъ. И, все-таки, въ способности излагать г. Куприна отказать нельзя, и при бѣдности нашей беллетристики даже такія произведеннн читаются съ нѣкоторымъ, хотя и чисто внѣшнимъ, интересомъ.

Другое подобное же, чисто внѣшнее произведеннн—это разсказъ г. Быстренина: *Намаялся (Миръ Божій)*. Разсказъ написанъ очень живо, но онъ представляетъ почти ученическое подраженнн разсказамъ Глѣба Успенскаго,—подражаннн, доходящее даже до сходства языка. У намаявшагося мужика Герасима, котораго женили на восемнадцатомъ году, баба ушла къ управляющему, а его самого начало метать въ разныя стороны. „Метветъ въ сторону, метветъ въ другую, только глаза пу-чиль, а никакого средствнн не знаешь,—говоритъ онъ, погружаясь въ мрачный фатализмъ.—Главная зацѣпка въ томъ, что ничего мы опредѣлить не можемъ, что, значить, къ какой статьѣ слѣдствуетъ“. Дѣло кончается нѣкоторымъ мужицкимъ благополучиёмъ. Намайяло мужика, а потомъ и метнуло въ такую сторону: жена, узнавъ о болѣзни сына, бросаетъ своего управляющаго и возвращается къ брошенному мужу—конечно, съ нажитымъ ей добромъ. Когда смущенный нѣсколько этимъ обстоятельствомъ Герасимъ спрашиваетъ ее, „въ какихъ, къ примѣру, смыслахъ это понимать надо“,—баба довольно-таки, по нашему мнѣнн, нагло отвѣчаетъ: „али ты вовсе одурѣлъ? Что же, по-твоему, у меня ни мужа, ни дома нѣтъ? Будетъ ужъ, поскиталась, оченно даже довольно“. И когда собесѣдникъ Герасима спрашиваетъ его: а какъ же съ управляющимъ-то, то намайвшнйся мужикъ отвѣчаетъ: „Прасковья—баба сурьезная. Ужъ коли вернулась домой, такъ будь спокоенъ: никакой глупости не будетъ. Я Прасковью уважаю, потому въ ней умственность есть; ужъ ежели она что положитъ на сердцѣ, такъ это ужъ у нея, будь спокоенъ, крѣпко“. А главное: „нонче хлѣбца всѣмъ будетъ до сына; будетъ ужъ, натерпѣлись“.

Такъ вотъ онъ фаталистъ какой—этотъ Герасимъ, и вотъ какъ г. Быстренинъ подражаетъ Глѣбу Успенскому (ср. разсказъ: *Перестала*). Только не клеветаетъ ли онъ на мужика-то? Бываетъ, разумѣется, всякое бываетъ. Только такъ ли оно бываетъ, какъ разсказываетъ

г. Быстренинъ? Правда, что мужикъ часто „ничего опредѣлить не можетъ“, но въ простыхъ нравственныхъ вопросахъ онъ, пожалуй, не хуже насъ знаетъ, что „къ какой статьѣ слѣдуетъ“. Очень ужъ вы, господа, простые психологическіе приемы къ мужику примѣняете, черезчуръ несложную психическую жизнь вы въ немъ предполагаете.

Въ *Вст. Евр.* напечатано начало новаго большого романа г. Боборыкина: *По друтому*. На сей разъ нашъ почтенный и маститый беллетристъ избралъ очень удачно свою тему: это сопоставленіе людей трехъ или даже четырехъ поколѣній и ихъ взаимныя отношенія. Трудно, разумѣется, по началу судить о томъ, насколько успѣшно выполнитъ г. Боборыкинъ свою интересную задачу. Его значительныя свѣдѣнія въ исторіи нашего недавняго прошлаго, его рѣдкая наблюдательность (въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ *дѣйствительно* наблюдаетъ, а не *схватываетъ* характерныя черты, такъ сказать, съ высоты птичьяго полета, изъ окна вагона, на основаніи случайныхъ встрѣчъ и т. д.), наконецъ, его безспорное стилистическое мастерство, мастерство старой школы — все это позволяетъ надѣяться, что авторъ дастъ намъ что-нибудь похожее на прежніе и лучшіе его романы, вродѣ, наприм., *Дмичовъ* или *Солідныхъ добродѣтелей*. Представитель перваго поколѣнія, извѣстный беллетристъ Токаревъ, человѣкъ шестидесятыхъ годовъ. По нашему мнѣнію, тутъ маленькая ошибка въ опредѣленіи эпохи. Токаревъ, судя потому, что онъ баринъ и эстетикъ, потому, что семидесятникъ Разсудинъ, тоже писатель, побывавшій на сѣверѣ и положившій тамъ свое здоровье, отзывается о немъ такъ: „онъ въ общемъ честный писатель... Да и съ годами, кажется, отъ многихъ своихъ умничаній отучился. Въ настоящее время и этакіе на рѣдкость“, — такъ судя по такому отзыву, говоримъ мы, Токаревъ скорѣе не шестидесятникъ, — о шестидесятникахъ такъ не отзываються, — а человѣкъ той переходной эпохи между людьми сороковыхъ и людьми шестидесятыхъ годовъ, которая не имѣла у насъ исторіи въ нашей художественной литературѣ. Люди этой переходной эпохи представляли изъ себя нѣчто смѣшанное, нѣчто гибридное, если можно такъ выразиться. Отъ своихъ старшихъ сверстниковъ, людей сороковыхъ годовъ, они, — въ пятидесятыхъ годахъ они были юношами, — заимствовали свою склонность къ метафизическому мышленію, къ идеалистической философіи, къ эстетикѣ... Младшими своими сверстниками, настоящими людьми шестидесятыхъ годовъ, они въ великую и горячую эпоху реформъ были увлечены на служеніе общественной идеѣ; и это увлеченіе было столь сильно — въ этомъ заслуга людей этого переходнаго типа, что общественная идея крѣпко засѣла въ нихъ, такъ сказать, приросла къ нимъ, и они повесли ее въ жизнь до сѣдой старости, вопреки своему эстетизму, вопреки своимъ несомнѣнно мѣшающимъ дѣлу метафизическимъ увлеченіямъ, вопреки даже личной и часто озлобленной борьбѣ съ новыми направленіями мышленія и дѣланія... Пронесли — и унесутъ въ могилу. И надъ ихъ могилой, какъ впо нѣ резонно надѣется Токаревъ, умолкнуть всѣ споры, прекратятся всѣ *анкроморскія* битвы; останется только несомнѣнное, истинное вѣчное — ихъ общественныя идеи и общественная борьба. Исторія воз дастъ должное этому поколѣнію, поскольку оно слилось въ одну ошую массу тружениковъ на полѣ общественнаго развитія съ подлинными шестидесятниками. Намъ кажется, что Токаревъ принадлежитъ именно къ этому поколѣнію.

Побывавшій въ Якутской области публицистъ и беллетристъ Ра:

судинъ—истый семидесятникъ, имѣвшій когда-то столкновенія съ Токаревымъ, ведшій съ нимъ анкроморскую битву,—вѣроятно, именно по тѣмъ вопросамъ, въ которыхъ Токаревъ отличался отъ шестидесятниковъ. Но теперь онъ также, какъ и Токаревъ, старикъ по отношенію къ новымъ поколѣніямъ. И онъ и Токаревъ ближе другъ къ другу, чѣмъ къ новымъ людямъ, и, несмотря на свои бывшія анкроморскія битвы, отлично сознаютъ это, хотя безъ столкновеній они, все-таки, и теперь обойтись наврядъ ли могутъ, наприм., по своимъ различнымъ отношеніямъ къ этимъ самымъ новымъ людямъ. Отношеніе Разсудина къ нимъ можетъ быть только отрицательное, а отношеніе Токарева отчасти недоумѣвающее, отчасти сочувственное (нѣкоторымъ сторонамъ направленія новыхъ людей), а отчасти просто эстетически наблюдательное. Разсудинъ все же, несмотря на свою исторію, несмотря на свою болѣзнь, борецъ—и борцомъ онъ и въ могилу ляжетъ. А Токаревъ—баринъ, и эстетикъ, такъ называемый широкій человекъ; онъ менѣе склоненъ къ борьбѣ и болѣе къ наблюденію и уясненію. Не темпераментъ только, а идея, направленіе—составляетъ такую разницу между ними. Представителями новыхъ людей въ романѣ г. Боборыкина выступаютъ: декадентъ и символистъ Анемоновъ, чистѣйшій продуктъ современной парижской литературы и современной парижской улицы, существо изнѣженное, полугермафродитное, съ мужской головой и чуть не женскимъ тѣломъ, и съ извращенною душой. Его настоящее мѣсто не среди нашего культурнаго общества, какъ оно ни искалъчено всяческими символическими теченіями, а въ Notre Dame de Lorette. Далѣе, прерафаэлистка Студенцова, „новая“ русская барыня, всего ищущая, во всему стремящаяся, жаждающая новыхъ впечатлѣній и новыхъ теченій, всѣмъ интересующаяся (въ смыслѣ и направленіи внутренней красоты всякаго явленія), и въ этомъ стремленіи къ красотѣ доходящая даже до изученія Петронія. Однимъ словомъ это—не пристроившаяся ни къ чему, вполне неуравновѣшенная натура искательницы того, чего, можетъ быть, и не существуетъ. И тутъ г. Боборыкинъ даетъ намъ одну очень тонкую и чисто-художественную черточку, снятую съ природы: Студенцова—галлюцинатка. Далѣе, кандидатъ университета и унтеръ-офицеръ Шпандинъ, велосипедистъ, атлетъ, Антиной, эфебъ, съ божественнымъ торсомъ, съ грудью Геркулеса, съ божественной тонкостью связокъ. Декадентъ Анемоновъ влюбленъ въ него почти какъ въ женщину. А на самомъ дѣлѣ это безсознательное, грубое и органически нахальное животное, нагло прущее впередъ по житейской улицѣ, расталкивая своими могучими локтями обыкновенныхъ смертныхъ, видящее въ женщинѣ просто кусокъ сочнаго и вкуснаго мяса. Бѣда тому, кто встрѣтится на его дорогѣ. Всякую подлость, всякое насиліе такіе господа, какъ Шпандинъ, совершаютъ безсознательно, ни надъ чѣмъ не задумываясь. Это вполне новый человекъ. Онъ похожъ на героевъ вѣка Екатерины II, выросавшихъ, какъ грибы, при первомъ расцвѣтѣ крѣпостной культуры. Похожъ, но не совсѣмъ. У тѣхъ все же была своя совѣсть и своя честь. У такихъ сыновъ конца вѣка, какъ Шпандинъ, ничего этого не имѣется. Они безнадежны. Это не люди и даже не звѣри, а какаля-то, выработанная въ реакціонной ретортѣ, квинтъ-эссенція звѣрства.

Наконецъ, въ романѣ г. Боборыкина есть еще одинъ представитель новыхъ людей, молодой ученый Шемадуровъ. Этотъ тоже, ничтоже сумняшеса, претъ въ пространство, не не такъ, какъ Шпандинъ, а по-своему. Это одинъ изъ такъ называемыхъ „русскихъ учениковъ“, желающихъ переварить русскаго мужика въ фабричномъ котлѣ. Фигу-

ра догматическая, довольно наглая, но чисто-книжная. Трудно сказать о немъ что-нибудь кромѣ того, что онъ дерзокъ, самонадѣянъ и страшно упоренъ. Молодежь его любитъ именно за эти свойства; но таинно людямъ, какъ Разсудинъ, онъ ненавистенъ прямо органически уже тѣмъ однимъ, что у него водилась замашка передъ человѣкомъ, не признающимъ его коньковъ, пускать „тоны“. Съ отѣвкомъ ироніи, что голосъ у него тогда фистулой, усмѣшка особенная и глаза подмигиваютъ... Впрочемъ, Шемадуровъ является въ романѣ только мелькомъ и наврядъ ли будетъ играть въ немъ какую-либо роль. Оно и лучше: мы сильно сомнѣваемся, чтобы г. Боборыкинъ детально изучилъ этотъ типъ новаго человѣка.

Изъ нашего краткаго изложенія читатель можетъ усмотрѣть, что новый романъ г. Боборыкина имѣетъ интересъ прямо-таки захватывающій. Все дѣло въ дальнѣйшемъ развитіи темы.

Рекомендуемъ читателю внимательно прочитать превосходный очеркъ г. Кони о докторѣ Гаазѣ. Чтеніе этого очерка должно быть особенно поучительнымъ для тѣхъ, которые склонны игнорировать или только умалять значеніе учреждений въ исторіи человѣческаго развитія и полагаются на возвышенныя моральныя силы личности, на ростъ чувства любви. Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ людей, достигшихъ теперь преклоннаго возраста и знакомыхъ хоть немного съ „міромъ отверженныхъ“, не знаетъ имени и подвиговъ—да, именно подвиговъ, а не дѣйствій—Федора Петровича, „святого доктора“, „Божія человѣка“? Въ мірѣ отверженныхъ даже въ концѣ шестидесятыхъ годовъ объ этомъ „Божіемъ человѣкѣ“ ходили цѣлыя легенды. И вотъ теперь, читая превосходный очеркъ г. Кони, намъ становится больно, тяжело,—тяжело и больно за человѣка. Гаазъ былъ, дѣйствительно, святой человѣкъ, праведникъ и подвижникъ, человѣкъ не только большого ума, но и великаго сердца, необычайныхъ духовныхъ силъ... И что же? Куда ушла вся эта великая душевная сила? На спасеніе несчастныхъ отъ арстантскаго прута посредствомъ закованія ихъ въ легкія „гаазовскія“ ножныя кандалы, на улучшеніе временнаго пребыванія арстантовъ въ Москвѣ, на оставленіе ихъ въ больницѣ на излѣченіе, наконецъ, на благородныя слова и дѣла утѣшенія падшимъ!... Хорошо оно, спору нѣтъ, и въ особенности красиво, но, право же, обидно за человѣка, больно за него. Развѣ только это сдѣлали бы великія силы души Гааза, еслибъ онъ не былъ окруженъ извѣстною средой, еслибъ онъ жилъ и дѣйствовалъ при другихъ учрежденіяхъ? Въдѣ, человѣкъ такого духа, такой вѣры горями двигать бы могъ, а онъ... ходилъ по своей комнатѣ закованнымъ въ свои „облегченныя“ кандалы, проходилъ въ нихъ по комнатѣ разстояніе, равное первому этапному переходу до Богородска, чтобы знать, каково имъ идти въ такихъ кандалахъ. Больно за человѣка, до нестерпимости больно... И досадно, что все еще находятся наивные люди, рѣшающіеся говорить о любви, какъ регуляторѣ человѣческихъ отношеній при какихъ бы то ни было учрежденіяхъ. Гаазъ—то былъ правъ предъ Богомъ и людьми, такъ какъ вполне искренно могъ вполнѣ этапному начальнику „о высшемъ судѣ, предъ которымъ обоимъ не минуемъ предстать вмѣстѣ съ сими людьми, кои тогда изъ тѣхъ подчиненныхъ будутъ страшными обвинителями“. Онъ былъ и только правъ, но и утѣшенъ. Ну, а нынѣшніе—то? О чемъ они, э люди любви, напомнить могутъ? Чѣмъ они могутъ быть утѣшены, когда отрицаютъ значеніе учреждений?

Г. Южаконъ въ своемъ *Дневникѣ журналиста* по поводу третьяго тома *Капитала* Маркса дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній о мет

дахъ разсужденія его русскихъ учениковъ. Онъ разбираетъ книгу г. Гурвича о русской деревнѣ. „Это пока почти единственная попытка нарисовать на основаніи фактическихъ данныхъ ходъ современнаго экономическаго развитія Россіи, какъ оно понимается представителями этой группы“, — замѣчаетъ г. Южаковъ. Въ этой „широкой картинѣ“ двѣ стороны: упадокъ народнаго хозяйства и ростъ и укрѣпленіе капиталистическаго земледѣлія. Упадокъ народнаго хозяйства и шатаніе общины—это не тотъ порохъ, который изобрѣли наши экономическіе матеріалисты. Еще сорокъ лѣтъ тому назадъ Аксаковъ въ критикѣ Положенія указывалъ на опасность для развитія общины административной опеки, а *Современникъ* видѣлъ опасность въ недостаткѣ надѣловъ. Далѣе шла научная литература 70-хъ годовъ: книга Флеровскаго, работы Елисеева, Лалоша, Чаславскаго, Васильчикова, Янсона. Общество того времени не отставало отъ литературы: въ 76-мъ году екатеринославское земство возбуждало ходатайство о дополнительномъ надѣлѣ крестьянъ землею; въ 78 году одесскій съѣздъ сельскихъ хозяевъ указывалъ на необходимость расширенія крестьянскаго земледѣлія. Работы семидесятыхъ годовъ, дѣйствительно, давали „широкую картину“ деревни, но онѣ оставляли въ сторонѣ властное вторженіе капитализма въ экономическую жизнь Россіи. Въ широкой картинѣ настоящаго и будущаго деревни, — говоритъ г. Южаковъ, — первая часть давно написана другими, и г. Гурвичемъ только переписана. Народное хозяйство приходитъ, дѣйствительно, въ упадокъ; община, артель, кустарные и домашніе промыслы, натуральное хозяйство, дѣйствительно, подвергаются ударамъ капитализма; дѣйствительно, они обречены на вымираніе, *если мы не сумѣемъ найти въ своей умственной и нравственной культурѣ, въ своихъ организованныхъ общественныхъ силахъ, въ своихъ руководящихъ классахъ достаточно разума и совѣсти, знанія и патриотизма, чтобы спасти наше отечество отъ горестныхъ путей западно-европейскаго экономическаго развитія.*

Восходы, №№ 1 и 2. Изданіе это, выпускаемое основательницей почтеннаго журнала *Миръ Божій*, г-жей Давыдовой, уже успѣло приобрести въ юной публикѣ популярность, хотя оно существуетъ всего одинъ годъ. И нельзя не отнести къ нему съ сочувствіемъ: редакція старается сдѣлать свой журналъ интереснымъ, доступнымъ для дѣтскаго возраста, содержательнымъ и вообще серьезнымъ и полезнымъ орудіемъ воздѣйствія на юные умы и сердца. А имя лица, принимающаго непосредственное участіе въ редактированіи *Восходовъ*, г-жи Анненской, известной писательницы для дѣтей, даетъ намъ право отнести къ журналу съ серьезной и строгою критикой, такъ какъ мы увѣрены, что почтенная редакція распоряжается достаточными силами для того, чтобы вести журналъ къ постоянному совершенствованію, къ необходимымъ улучшеніямъ и къ исправленію тѣхъ изъяновъ, которые она замѣтитъ сама или на которые ей укажутъ компетентные и безпристрастные судьи.

Лучшая вещь въ первомъ выпускѣ—рассказъ г. Поталенка *Местъ*. Только намъ кажется, что авторъ напрасно напустилъ красокъ въ изображеніи перваго періода жизни своего юнаго героя, періода порока и злобы, и меньше далъ мѣста психологій его нравственнаго перерожденія и исправленія. Въ педагогическихъ интересахъ слѣдовало бы мѣнѣе ярко рисовать черты отрицательнаго свойства въ человѣкѣ, но зато не жалѣть красокъ для живого, но, конечно, не преувеличеннаго изображенія положительныхъ явленій жизни. И это оттого, что дѣти очень воспріимчивы и слишкомъ переимчивы.

Въ дѣтской литературѣ почему-то вкоренился обычай—разсказывать на святкахъ непремѣнно страшные, ужасные разсказы и называть ихъ при этомъ „рождественскими“, хотя рѣшительно нельзя понять, что общаго между праздникомъ Христа, праздникомъ мира и спасенія, и содержаніемъ такихъ разсказовъ, отъ которыхъ морозъ подираетъ по кожѣ. А таковъ очеркъ *Циклонъ*, написанный въ духѣ разсказовъ, которыми переполненъ журналъ *Вокругъ Света*. Тутъ очень вяло разсказывается избитый сюжетъ—бура на морѣ и всякіе ужасы, случившіеся при этомъ съ пассажирами...

Мы не ожидали отъ такой извѣстной писательницы, какъ г-жа Чюмина, такого неотдѣланнаго, неуклюжаго стихотворенія, какъ *Джонъ—Ячменное Зерно*. На обложкѣ книги сказано, что это переводъ изъ *Р. Борнса*, а въ текстѣ, подъ заглавіемъ, заявляется, что это—баллада *Р. Бернса*. Кстати сказать, опечатокъ въ обоихъ выпускахъ журнала необыкновенно много: безъ преувеличенія можно сказать, что онѣ попадаются въ немъ на каждомъ шагу. Наприм., въ этомъ же самомъ стихотвореніи такая ореографія: „отъ всюду“. Кромѣ того, очевидно, по недосмотру корректора, пропущено наборщиками цѣлое слово, благодаря чему вышла строка безъ соответствующаго размѣра, т. е. вмѣсто четырехъ ямбическихъ стопъ вышло всего три: „И въ ровъ съ водой его“. А чтобы показать, насколько это стихотвореніе неуклюже, приведемъ, для примѣра, первую строфу: „Земель восточныхъ короли, три витязя, давно на гибель *Джона* обрekli Ячменное Зерно“. Дѣтскіе читатели могутъ прійти въ большое недоразумѣніе. „Какъ это понять?—спросятъ они:—три витязя обрekli какое-то Ячменное Зерно на гибель какого-то Джона?...“ Вообще, очень грустно, что такая чудная, знаменитая баллада, въ высокой степени благородная по мысли,—апоеозъ крестьянскаго труда,—передана дѣтямъ въ такомъ видѣ, что они вмѣсто восторга вынесутъ изъ чтенія ея одно ощущеніе скуки и тягостное предствленіе о чемъ-то неясномъ, смутномъ.

Романъ *Печать Цезаря* переведенъ г-жей Шелгуновой неправильнымъ, языкомъ. Напримѣръ: „Это былъ *сухой* человекъ“ (стр. 55). (Переводчица должна была сказать: сухощавый, худой; она забыла, что слово *сухой* въ примѣненіи къ людямъ у насъ употребляется обыкновенно для обозначенія интеллектуальнаго явленія, въ смыслѣ человека педантическаго, холоднаго, не увлекающагося ничѣмъ и т. п. Въ народѣ, впрочемъ, можетъ быть, и употребляется это слово въ томъ смыслѣ, какъ у г-жи Шелгуновой, по аналогіи съ выраженіемъ героини Островскаго: „я—женщина сырая“; но это, во всякомъ случаѣ, терминъ не-литературный.) „*Двадцать мѣтъ совѣстной жизни... кончилась открывающимся праздкомъ*“ (стр. 104).

Статья г-жи Анненской *Дѣтская благотворительность* очень хороша и поучительна. Побольше бы такихъ статей.

Въ концѣ перваго выпуска помѣщенъ для родителей критическій указатель текущей дѣтской литературы. Этотъ отдѣлъ принесетъ сомнѣнную пользу при выборѣ книгъ для дѣтскаго чтенія.

**Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію жур-
нала „Русская Мысль“ съ 1 января по 1 февраля
1897 г.**

- Алексѣевъ, д-ръ.** О пьянствѣ. Съ предислов. Л. Толстого. Изд. 2-е „Посредника“. М., 1896 г. Ц. 60 к.
- Baginskiy, проф.** Гигиеническія основныя Моисеева законодательства. Рѣчь, произнесенная въ Берлинѣ. М., Ц. 35 к.
- Бонвала, Габріэль.** Невѣдомая Азія. Путешествіе въ Тибетъ. Ташкентъ, 1897 г. Ц. 80 к.
- Баранцевичъ.** Боримъ. Романъ. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.
- Баронъ.** Учебникъ этимологій нѣмецкаго языка для среднихъ учебн. заведеній. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.
- Барыкова.** Стихотворенія и прозаическія произведенія. Изд. „Посредника“. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Вертенсонъ.** Виноградарство на песчаныхъ почвахъ. Одесса, 1897 г.
- Вертельсонъ.** Курсъ административной статистики. Ч. I. Москва, 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Влѣккъ.** Мозговая работа и переутомленіе. Перев. съ англ. Спб., 1897 г. Ц. 30 к.
- Вобынинъ.** Исслѣдованія по исторіи математики. Т. II и III. М., 1896 г. Ц. 50 к. и 1 р. 50 к.
- Математико-астрономическая и физическая секція. Ч. I. Москва, 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ворнсъ, Робертъ.** Стихотворенія. 1897 г. Ц. 40 к.
- Врандтъ.** Борьба съ пьянствомъ за границей и въ Россіи. Кіевъ, 1897 г. Ц. 60 к.
- Вуль.** Борьба за землю въ древнемъ Римѣ. Библ. обществ. знаній. Одесса, 1897 г. Ц. 20 к.
- Вунинъ, Ив.** На краю свѣта и другіе рассказы. Изд. Поповой. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.
- Вордъ (Ch. Beard).** Реформація XVI вѣка въ ея отношеніи къ новому мышленію и знанію. Культурно-истор. библ. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Вюловъ, Гансъ.** Лекціи. Съ примѣчаніями Вуховцева. М., 1896 г.
- Вагнеръ.** Мужество, какъ идеалъ дѣятельной жизни. Перев. съ франц. Спб., 1897 г. Ц. 75 к.
- Вахтеровъ.** Всеобщее обученіе. 1897 г. Ц. 1 р.
- Вельяминовъ.** Новѣйшіе способы укрѣплять память. Изд. 2-е. Спб., 1897 г. Ц. 60 к.
- Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства.** Подъ ред. Чулрова. Т. I и II. Спб., 1897 г. Ц. 5 р.
- Водовозовой.** Какъ люди на блгоумъ свѣтѣ являютъ. Чехи, поляки, русины. Спб., 1897 г. Ц. 40 к.
- Вормсъ.** Обществ. органнзмъ. Съ пред. проф. Трачевскаго. Спб., 1897 г. Ц. 75 к.
- В. Ф. Москва.** Краткіе очерки городского благоустройства. М., 1897 г. Ц. 40 к.
- Гансликъ, Эд.** О музыкально-прекрасномъ. Перев. съ нѣм. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Геникъ, Ростиславъ.** Исторія фортепіано. Ч. I. Эпоха до Бетховена. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гебель.** Начало алгебры и собраніе задачъ. М., 1897 г. Ц. 35 к.
- Гердбергъ.** Исторія Византіи. Пер. и прим. Безобразова. Москва. 1897 г. Ц. 4 р.
- Гоголь-Яновскій.** Виноградники и винодѣліе во Франціи и Германіи. Тифлисъ, 1897 г. Ц. 1 р.
- Гольмсъ.** Великіе люди и ихъ великія

- произведения. 77 иллюст. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Графъ Шуваловъ въ польской печати. Спб., 1897 г.
- Григорьевъ. Русскіе герои нашего вѣка. Стихи. Харьковъ, 1896 г. Ц. 30 к.
- Гротъ, Н. Я. Очеркъ философіи Платона. Изд. „Посредника“. М., 1897 г. Ц. 60 к.
- Гусевъ. Справочный церковно-славянскій словарь. Изд. 2-е. М., 1897 г. Ц. 5 к.
- Диккенсъ, Чарльзъ. Сочиненія. Полное собраніе въ 10 томахъ. Т. X. Спб., 1897 г. Ц. т. 1 р. 50 к.
- Для путешественниковъ по Европ. Россіи и Азіи (совѣты). Спб., 1897 г. Ц. 75 к.
- Дмитриевъ. Сборникъ образцовъ русской словесности. Казань, 1897 г. Ц. 25 к.
- Дрентельнъ. Не слишкомъ ли много мы глѣчимъ нашихъ дѣтей. Харьковъ, 1896 г. Ц. 20 к.
- Жеденовъ. Дѣти-работники. Рассказъ. Спб. Ц. 30 к.
- Забелло. Гордые люди. Повѣсть. Изд. „Посредника“. 1896 г. Ц. 10 к.
- Закъ, Л. Народныя переписки. Библ. обществ. знаній. Общедост. очеркъ. Серія 1, вып. XI. Одесса, 1897 г. Ц. 30 к.
- Зелинскій. Русская критическая литература о произведеніяхъ М. Ю. Лермонтова. Ч. I и II. М., 1897 г. Ц. по 1 р.
- Злотчанскій. Погода и предсказаніе яг. Научно-популярный очеркъ. Одесса, Ц. 30 к.
- Возвышеніе въ степеняхъ многочленовъ и чиселъ и извлеченіе корней. Одесса. Ц. 30 к.
- Золотаревъ. Что говоритъ наука о половой потребности. М., 1897 г. Ц. 30 к.
- Мимолетныя связи и бракъ. М., 1897 г. Ц. 30 к.
- Ильинскій, А. Конспектъ географіи всеобщей русской и элементарной математической. Изд. 2-е дополн. Воронежъ, 1896 г. Ц. 80 к.
- Итогъ жизни. Популяр.-биологич. очеркъ. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.
- Кантъ, И. Критика практическаго разума. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Кейръ, Фр. Воспитаніе характера. М., 1897 г. Ц. 10 к.
- Киддъ, Бенжаменъ. Соціальная эволюція. Съ предислов. Михайловскаго. Переводъ съ англійскаго. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Киплингъ. Рассказы для дѣтей. Книжка 2-я. Съ англійск. М., 1897 г. Ц. 40 к.
- Козинцовъ. Алкоголизмъ и обществен. борьба съ нимъ. Стародубъ, 1896 г. Ц. 25 к.
- Коринескій, Ап. На ранней зорькѣ. Сборн. стихотв. для дѣтей. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.
- Кругловъ. Полканъ Собакевичъ. Повѣсть. М. Ц. 1 р.
- Крушеванъ, П. Дѣло Артабанова. М., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Призраки. М., 1897 г. Ц. 2 р.
- Лейкинъ, Н. А. Среди причта. Романъ. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.
- Лоранъ, Эмиль, д-ръ. Тюремный міръ. Пер. съ франц. Спб. Ц. 1 р. 60 к.
- Маминъ-Сибирякъ. Исконный. Рассказъ. Спб., 1897 г.
- Мейснеръ. Стихотворенія. Самара, 1897 г. Ц. 50 к.
- Минскій. При свѣтѣ совѣсти. Мысли и мечты о дѣлѣ жизни. Изд. 2-е. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.
- де-Мопасанъ, Гюк. Чудный другъ и другіе рассказы. Съ предислов. Толстого. Изд. „Посредника“. М., 1897 г. Ц. 1 р.
- Навроцкій. Сказанія минувшаго. Русскія быльни и преданія въ стихахъ. Спб., 1897 г. Ц. 1 р.
- Наумовъ, проф. Иллюстрированная всеобщая исторія музыки. 20 вѣи. Спб., 1896 г. Ц. 10 р.
- Наумовъ, Н. И. Собраніе сочиненій. Въ 2-хъ томахъ. Спб., 1897 г. Цѣна за оба тома 3 р. Спб., 1897 г.
- Некрасовъ, проф. Приложение алгебры къ геометріи. Москва, 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Обычное право крестьянъ Харьковской губерніи. 1896 г.
- Павловъ-Сильванскій. Проектъ реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Платонъ, его жизнь и философская дѣятельность. Жизнь замѣчательныхъ людей. Биограф. очеркъ Орлова. Спб., 1896 г. Ц. 25 к.
- Плоссъ, д-ръ. Женщина. Антропологическое изслѣдованіе. Т. I. 20 вѣи. Спб., 1896 г. Ц. 10 р.
- Поссе. На холерѣ. Изд. „Посредника“. М., 1896 г. Ц. 40 к.
- Повѣдки къ бывшимъ волжскимъ столпамъ. Къ развалинамъ Вл. г. Царева. Изд. Суворина. Спб., Ц. 75 к.
- По замѣчательнымъ мѣстамъ Поволжья. Изд. Суворина. Ц. 1 р.
- Пржевальскій. Проектъ уголовнаго уложенія и современная наука уголовнаго права. Спб., 1897 г.
- Протопоповъ. Мысли и образы въ сочиненіяхъ И. С. Тургенева. Харьковъ, 1897 г. Ц. 50 к.
- Путеводитель по Волгѣ, Камѣ, Окѣ. Съ рисунк. Изд. Суворина. Спб. Ц. 70
- Рафаловичъ. Что говорятъ про бифметализма. Спб., 1896 г. Ц. 1
- Рахмановъ, д-ръ. Общедоступный учебникъ. Съ рисунк. Изд. „Посредника“. М. Ц. 60 к.
- Реклю, Э. Земля и люди, всео. географія. Кн. XVI. Соединенные Штатъ. Съ рисунками. Спб., 1896 г. Ц. за т. 8 р.

- Риманъ, Гуго.** Катахизисъ исторіи музыки Ч. I и II. М., Ц. 1 р.
- Рускій астрономическій календарь** на 1897 годъ. М., 1897 г. Ц. 75 к.
- Рустикъ.** Городъ Волховъ, Орловской губерніи. Орель, 1897 г. Ц. 80 к.
- Сабатье, Арманъ.** Вѣсмертіе съ точки зрѣнія эволюціоннаго натурализма. Спб., 1897 г. Ц. 60 к.
- Самойловичъ.** Трубадуръ. Изъ средне-вѣкового быта. Изданіе „Посредника“. М., 1897 г. Ц. 3 к.
- Селивановъ.** Что есть истина. Философскій очеркъ. 1896 г.
- Семеновъ.** Вѣрное средство. Изд. „Посредника“. 1896 г. Ц. 1½ к.
- Скабичевскій.** Исторія новѣйшей русской литературы 1848 — 1892 гг. Изд. 3-е.
- Соловьевъ.** Искусство выразительнаго чтенія. Ц. 15 к.
— Сборникъ образцовъ русской литературы. Казань, 1897 г. Ц. 15 к.
- Соколовъ.** Новыи способъ быстрого разведенія яблонъ. Ц. 1½ к.
— Кормовыи средства для скота. Ц. 8 к.
- Спенсеръ.** Классификація наукъ. М., 1897 г. Ц. 50 к.
- Сто рассказовъ изъ жизни животныхъ. Перев. съ англ. Журавской. Книга для дѣтей. Спб., 1897 г. Ц. 50 к.
- Сутуловъ.** Луку рѣпчатый и парей. Изд. „Посредника“. 1896 г. Ц. 3 к.
- Тарасовъ.** Очеркъ науки полицейскаго права. М., 1897 г. Ц. 4 р. 50 к.
- Телешовъ.** За Уралъ. Изъ скитаній по Западной Сибири. М., 1897 г. Ц. 75 к.
- Тобилевичъ (Карпенко).** Драмы и комедіи. Томъ I. Одесса, 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Трухачевскій.** Записки. Крейцеровая соната исполнителя. Спб., 1897 г. Ц. 50 к.
- Федотьевъ.** Добываніе поташа изъ золы. Спб., 1896 г. Ц. 20 к.
- Федонъ.** Разговоръ Платона. Перев. Лебедева. Изд. 2-е „Посредника“. М., 1896 г. Ц. 40 к.
- Фламмаріонъ.** Живописная астрономія. Съ рисунки. Спб., 1897 г. Ц. 3 р.
- Фре, Г.** Экспериментальная психологія и спорные вопросы педагогики. Перев. съ нѣм. Спб., 1897 г. Ц. 25 к.
- Фредо.** Научныи забавы. Съ рисунками. Спб. Ц. 60 к.
- Шакинъ.** Практическая русская грамматика. Вып. I. Варшава, 1897 г. Ц. 25 к.
- Шестакова.** Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности. Казань, 1897 г. Ц. 35 к.
- Шерръ.** Всеобщая исторія литературы. Перев. Вейцберга. Вып. XVII и XVIII. Москва.
- Шюкэ, Артуръ.** Ж.-Ж. Руссо. Изд. „Посредника“. М., 1897 г. Ц. 40 к.
- Юрьинъ.** Искатель новыхъ впечатлѣній. Повѣсть. Спб., 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Ярмонкинъ.** Основы неограниченной монархіи. Спб., 1897 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„БИБЛЮГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I. Книги.

	Стр.
Велетристика: „Волчья сѣть“. Романъ <i>Вас. Немировича-Данченка</i> .— „Въ мірѣ отверженных“. <i>Л. Мельнича</i> .— „Повѣсти и рассказы“ <i>А. Н. Плещеева</i> .	53
Философія, психологія, педагогика: „Очеркъ психологіи“. <i>В. Вундта</i> .— „Дедуктивная и индуктивная логика“. <i>В. Митто</i> .— „О воспитаніи дѣвниц“. <i>Фенелона</i> . — „Мысли о современномъ и будущемъ воспитаніи и обученіи“. <i>А. П. Армакова</i> .— „Вешніе всходы“. Кн. III и IV. Сост. <i>Д. И. Тихомировъ</i> .— „Волшебный фонарь въ народной школѣ“. <i>Н. И. Борисова</i> . — „Отчетъ Сибирской бесплатной народной библіотеки-читальни въ память И. А. Гончарова“. — „Народный театр“. Сборникъ, изд. <i>Е. В. Лавровой</i> и <i>Н. А. Поповымъ</i> .	58
Исторія, исторія литературы: „Geschichte Russlands bis zum Ende des 18 Jahrhunderts“. <i>Von A. Brückner</i> . — „Что сдѣлала Екатерина II для русскаго народнаго просвѣщенія“. <i>В. Калаша</i> . — „Императрица Екатерина II“. Очеркъ <i>А. Бориневича</i> . — „Избранныя сочиненія Императрицы Екатерины II“. Похъ рек. <i>Н. С. Карцева</i> . — „Императрица Екатерина Вторая Великая“. <i>П. Борзакоскаго</i> .— „Русская классная библіотека Чудянова“. Вып. XIX.— „Исторія искусствъ“. <i>П. Гнѣдича</i> . Т. I, вып. I.	67
Путешествія, географія: „На скалахъ Валаама“. <i>Ивана Шмелева</i> .— „Путеводитель по Волгѣ“. Изданіе <i>Ис. Иванова</i> .	73
Юридическія книги: „Справочная книжка для кустарныхъ, ремесленныхъ и земледѣльческихъ артелей“.— „Наслѣдство и раздѣлъ“. Сост. <i>Я. В. Абрамова</i> .— „Охранительное судопроизводство“. <i>С. Г. Громаческаго</i> .	75
Естествознаніе: „Основные начала общей зоологіи“. <i>В. Залескій</i> .— „Программы и наставленія для наблюденій и собиранія коллекцій по геологіи, почвовѣдѣнію, зоологіи, ботаникѣ, сельскому хозяйству, метеорологіи и гидроліи“. — „Извѣстія С.-Петербургской биологической лабораторіи“.	77
Сельское хозяйство: „О разведеніи ягодныхъ кустовъ въ крестьянскихъ огородахъ. О теплыхъ и полутеплыхъ парникахъ“. Сост. <i>И. Елмъ</i> .— „Можногородищенское имѣніе Е. А. Валашевой“. Сост. <i>М. Е. Филиппенко</i> .	79
Медицина: „Медики въ Московскои Россіи и первый русскій докторъ“. <i>Дм. Цытасова</i> .	80
Учебники, дѣтскія книги: „Дополненіе къ краткому курсу алгебры“. <i>В. Гебеля</i> .— „Элементарная геометрія въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній“. <i>Е. Рихтера</i> .— „Зарницы“. <i>Д. Н. Мамина-Сибиряка</i> .— „Легенды о старинныхъ замкахъ Бретани“. <i>Е. Балобановой</i> .	81

II. Периодическія изданія.

„Русскій Вѣстникъ“, декабрь. — „Русское Обзорѣніе“, ноябрь — декабрь. — Сѣверный Вѣстникъ“, январь. — „Русское Богатство“, декабрь. — „Міръ Божій“, январь. — „Вѣстникъ Европы“, январь. — „Всходы“, №№ 1 и 2.

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 января по 1 февраля 1897 г.

Книжный магазинъ принимаетъ на себя составленіе народныхъ библиотекъ на какія угодно суммы и даетъ требуемыя справки по составленію народныхъ и школьныхъ библиотекъ и складовъ для продажи книгъ, высылаетъ учебныя пособія, волшебные фонари, картины къ нимъ и проч. Книги по желанію могутъ быть высланы въ простыхъ дешевыхъ переплетахъ (для народныхъ книгъ переплеты отъ 4 коп.). Лица, выписывающія книги въ большомъ количествѣ, благоволятъ сообщать самый точный адресъ для высылки книгъ самымъ дешевымъ способомъ.

Главный складъ изданій Московскаго комитета грамотности.

Книжный магазинъ принимаетъ подписку на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги. За пересылку книгъ берется по ея дѣйствительной стоимости. Книги могутъ быть высланы и наложеннымъ платежомъ.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и рассказы. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 руб. 80 коп.
 — Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. (Третье изданіе). Ц. 1 р. 50к.
 — Путевыя очерки. Перев. В. М. Лаврова. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.
 — Потопъ. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.
 — Семья Полавецкихъ. Перев. В. М. Лаврова. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.
 — Камо Грядеши? Ром. изъ временъ Нерона. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.
 Ожешкова, Элиза. Повѣсти и рассказы. Пер. В. М. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
 — Надъ Нѣманомъ. Ром. въ 3 ч. Ц. 1 р. 50 к.
 Додэ, Альфонсъ. Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключ. знаменитаго Тартарена). Перев. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.
 — Маленькій приходъ. Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.
 Юноша, Клеменсъ. Сизифъ. Картины деревенской жизни. Перев. съ пол. В. М. Лаврова. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.
 Де-Мопассанъ, Гюи. Наше сердце. Романъ. Пер. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 р.
 Эртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ. Ц. 2 р.
 Въ пользу воскресныхъ школъ. Сборникъ. Цѣна 75 к.
 Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціею журнала „Русская Мысль“. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Михайловскій, Н. К. Щедрина. (Критическій опытъ) Цѣна 1 руб.
 Короленко, Владиміръ. Очерки и рассказы. (Шестое изд.). Ц. 1 р. 50 к.
 — Очерки и рассказы. Книга вторая. (Второе изданіе). Цѣна 1 руб. 50 коп.
 — Слѣпой музыкантъ. Этюды. (Третье изданіе). Цѣна 75 коп.
 Д-ръ Алексѣевъ, П. С. О пьянствѣ: съ предисловіемъ графа Л. Н. Толстого: „Для чего люди одурманиваются?“ Цѣна 1 руб.
 Аниутинъ, М. (М. Н. Ремезовъ). Нашихъ полей ягоды. Романъ. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.
 Бурже, Поль. Трагическая идиллія. (Космополитическіе нравы). Пер. М. Н. Ремезова. М., 1896 г. Ц. 1 р.
 Вобрищевъ - Пушкинъ, А. М. Эмпирическіе законы дѣятельности русскаго суда присяжныхъ (съ атласомъ). Ц. 4 р.
 Корелинъ, М. С., проф. Иллюстрированные чтенія по культурной исторіи. Вып. I: Египетскіе боги. Ц. 50 коп. Вып. II: Средневѣковая церковная готика. Ц. 30 коп. Вып. III: Финкійскіе мореплаватели и ихъ культура. Ц. 30 к. Вып. IV: Ассирійскій народъ и его боги покровители. Ц. 30 к. Выпуски II и III рекомендов. уч. ком. нар. просв. для ученическихъ старш. возр. Сибл. средн. учеб. заведеній муж. и женск.
 Мачтетъ, Григорій. Силуэты. Томъ I. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Подписчики „Русской Мысли“ на всѣ ИЗДАНИЯ РЕДАКЦИИ, кромѣ народныхъ, пользуются уступкой 10%.

Книги, вновь поступившія въ магазинъ въ теченіе послѣдняго мѣсяца, обозначены *.

Богословскій, В. С., проф. Патг-горскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.
Гольцевъ, В. А. Вопросы дня и жизни. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.
 — Объ искусствѣ. Критическія замѣтки. Цѣна 1 руб.
 — Литературныя очерки. Цѣна 1 руб. Пересылка за 1 фунтъ по разстоянію.
Чеховъ, Мих. Заграницѣ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Цѣна 1 руб.

Чеховъ, Ан. Островъ Сахалинъ. (Изъ путевыхъ записокъ). Ц. 2 р.
Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Хлѣбъ. Романъ. М., 1896 г. Ц. 2 р.
Астыревъ, Н. М. Въ волостныхъ писаряхъ. Ц. 1 р. 50 к. Пересылка по вѣсу и разстоянію.
 ***Козловъ, П. А.** Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ т. Ц. 5 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к.
 ***Столѣтовъ, Т. Г.** Общедоступныя лекціи и рѣчи. Ц. 1 р. 50 к.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? (3-е изданіе). Цѣна 1 коп.
Сенкевичъ, Генрикъ. Янко мутьвантъ. Цѣна 1 коп.

— Пойдемъ за нимъ! Переводъ В. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 4 коп.
 Рассказъ про смутное время на Русѣ. Цѣна 1½ коп.
Короленко, В. Г. Убивецъ. Ц. 1½ к.

Библиотека „Русской Мысли“.

Сенкевичъ, Г. Черезъ степи. Ц. 40 к.
Ремезовъ, М. Клеопатра. Ц. 40 к.
 — Иудея и Римъ. М., 1896 г. Ц. 50 к.
Альбовъ, М. Юбилей. Цѣна 1 р.
Баранцевичъ, К. Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Цѣна 1 р.
Ожешкова, Э. Мадорда. Бабушка. Ц. 50 к.
Корелинъ, М. С., проф. Очерки Итальянскаго Возрожденія. Ц. 1 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Братья Гордѣевы. Охоннымъ брови. Ц. 1 р.
Ладыженскій, В. Н. Стихотворенія. Ц. 40 к.
Немировичъ - Данченко, Вл. Драма за сценой. Ц. 1 р.
Немировичъ - Данченко, Вас. И. Лялька. Изъ сказокъ дѣйствительности. М., 1896 г. Ц. 60 к.

По непредвидѣннымъ обстоятельствамъ редакція лишена возможности приложить къ февральской книжкѣ подвижной каталогъ книжнаго магазина, какъ это всегда дѣлалось, а потому гг. подписчики получаютъ исправленный каталогъ особымъ приложеніемъ къ мартовской книжкѣ журнала.

Содержание
1-2 п.
С. Д. Н. К.
1-2 п.
В. И. К.
1-2 п.

В. И. К.
1-2 п.
С. Д. Н. К.
1-2 п.

В. И. К.
1-2 п.
С. Д. Н. К.
1-2 п.

В. И. К.
1-2 п.
С. Д. Н. К.
1-2 п.

В. И. К.
1-2 п.
С. Д. Н. К.
1-2 п.

В. И. К.

С. Д. Н. К.

В. И. К.

С. Д. Н. К.

В. И. К.

С. Д. Н. К.

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library

or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS

- 2-month loans may be renewed by calling
(510)642-6753
- 1-year loans may be recharged by bringing
books to NRLF
- Renewals and recharges may be made
4 days prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

SEP 30 2002

DD20 15M 4-02